

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

B

650496

No. 22

III. X 1.

II. X 2

M. 4 29 63.

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

N° 145

Uyugo
Le 22 Avril 1932
à La Roche
de Mookou

ПОЭЗИЯ СЛАВЯНЪ

Gербель, Nikolai Vasil'evich.

ПОЭЗИЯ СЛАВЯНЪ

СБОРНИКЪ

ЛУЧШИХЪ ПОЭТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1871

.1871 # 47

891.808
G362

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ первые вѣка нашей исторіи Русь находилась въ литературномъ общеніи съ другими славянскими землями — по-крайней-мѣрѣ съ тѣми изъ нихъ, которыя принадлежали къ православной церкви. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ литература польская не только обращала на себя вниманіе образованныхъ русскихъ людей, но въ значительной степени вліяла на тогдашнюю нашу письменность. Со времени же петровской реформы нами такъ сильно овладѣли литературы западно-европейскія, что мы, изучая ихъ и подражая имъ, совершенно забыли о литературахъ славянскихъ. Нити, связывавшія умственную жизнь Россіи съ славянскимъ міромъ, порвались; не только умственная дѣятельность, но самое почти существованіе славянскихъ народовъ сдѣлалось у насъ неизвѣстнымъ. Такъ продолжалось до недавняго времени. Еще великій нашъ Пушкинъ, одинъ изъ первыхъ, если не первый, угадавшій значеніе для насъ народной поэзіи западныхъ славянъ, знакомился съ нею не по настоящимъ текстамъ, а въ безобразныхъ передѣлкахъ француза Мериме. Обращенный къ Мериме запросъ нашего поэта на счетъ того, «на чѣмъ основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсенъ» и отвѣтное письмо Мериме о его «Guzla» останутся свидѣтельствомъ, въ какомъ невѣдѣніи мы тогда находились относительно славянскаго міра. И надобно замѣтить, что это было въ тридцатыхъ годахъ (письмо Мериме помѣчено: 18 января 1835 года), то-есть — двадцать лѣтъ спустя послѣ перваго изданія Вукомъ Караджичемъ подлинныхъ

II

сербскихъ пѣсенъ, съ которыми знаменитый Гриммъ тотчасъ же познакомилъ Германію, и десять лѣтъ послѣ того какъ Гёте, неоднократно обращавшій вниманіе своихъ соотечественниковъ на переводы произведеній народной поэзіи южныхъ славянъ, утверждалъ, что «въ довольно скоромъ времени сокровища сербской литературы сдѣлаются общимъ достояніемъ Германіи» (die Schätze der serbischen Literatur werden schnell genug deutsches Gemeingut werden).

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ сбылось предсказаніе великаго нѣмецкаго поэта; но думаемъ, что если литературныя сокровища западныхъ и южныхъ славянъ должны сдѣлаться гдѣ-либо общимъ достояніемъ, то это въ Россіи, потому-что въ нихъ отпечатлѣвается духъ народностей, которыя составляютъ съ нами одно племенное тѣло, которыя намъ ближе всѣхъ по исторіи, которыя одни намъ близки по сочувствіямъ.

Въ послѣднія десятилѣтія свѣдѣнія о славянскихъ племенахъ, наукахъ и литературахъ начали распространяться и въ Россіи. Этому, конечно, содѣйствовали учрежденныя въ 1839 году каѳедры славянскихъ языковъ въ нашихъ университетахъ; но нельзя не пожалѣть, что въ преподаваніи на этихъ каѳедрахъ было слишкомъ мало жизни, что оно имѣло въ виду специалистовъ. Насколько быстрѣ пошло бы у насъ развитіе славянской идеи, если бы хоть на одной изъ славянскихъ каѳедръ явился такой человѣкъ, какъ Грановскій! Но всё же дѣло подвигалось впередъ; политическія событія всё болѣе и болѣе уясняли славянское призваніе Россіи и значеніе для насъ славянскихъ народностей; общность ихъ и нашихъ интересовъ становилась всё болѣе ощутительною, и въ настоящее время вопросы, касающіеся славянъ, принадлежать къ тѣмъ, къ которымъ общественное мнѣніе Россіи далеко не равнодушно.

Но если политическое положеніе славянскихъ племёнъ составляетъ теперь предметъ уже довольно знакомый русской публикѣ, то этого нельзя еще сказать объ ихъ литературной дѣятельности. У насъ по этому предмету было до-сихъ-поръ одно только пособіе — изданный въ 1865 году гг. Пыпинымъ и Спасовичемъ «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ». Сочиненіе это имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства, по обилію собранныхъ въ нёмъ свѣдѣній, и польза его, какъ справочной книги, заставляетъ забыть ту странную отрицательную точку зрѣнія, которая затемняетъ безпристрастіе историческаго изложенія. Но, во всякомъ случаѣ, съ какимъ бы

совершенством ни была написана исторія той или другой литературы, она не может замѣнить собою чтенія самихъ ея произведеній. Потому мы надѣемся восполнить существенный недостатокъ, предлагая нашей публикѣ изданіе, въ которомъ она найдѣтъ, въ переводѣ на русскій языкъ, лучшія произведенія какъ народной, такъ и художественной поэзіи славянскихъ племёнъ. При этомъ мы сочли полезнымъ сообщить біографическія свѣдѣнія о самихъ поэтахъ и краткій историческій очеркъ каждой изъ славянскихъ литературъ. Какъ мы, такъ и сотрудники наши старались, чтобы переводы были по возможности вѣрны — разумѣется насколько позволяли требованія русскаго стиха. Мы старались, чтобы нашъ сборникъ служилъ картиною славянскихъ литературъ по возможности полною, то-есть, чтобы всѣ замѣчательнѣйшіе поэты славянскіе были въ нёмъ представлены хотя однимъ изъ ихъ произведеній. Наконецъ — мы обращались въ Славянскія Земли, къ извѣстнѣйшимъ литераторамъ, за указаніемъ, какія именно произведенія ихъ поэтовъ признаются у нихъ образцовыми и пользуются наибольшою популярностью, дабы, придерживаясь въ выборѣ нашемъ этихъ указаній, дать нашему сборнику характеръ, соответствующій дѣйствительному направленію каждой литературы и чуждый какого-либо произвольнаго съ нашей стороны подбора. По этому — тѣмъ осязательнѣе будутъ для читателя отличительныя черты этихъ литературъ: ихъ юношеская восторженность и страстность, ихъ простодушное общеніе съ природою, ихъ безпритязательное сочувствіе къ простому народу, ихъ національно-патріотическое чувство, согрѣтое свѣтлыми надеждами на великое будущее славянскаго племени, и утверждающееся на крѣпкомъ сознаніи славянскаго единства, ихъ любовь къ Россіи — всё это свойства, проникающія литературы южныхъ и западныхъ славянъ въ цѣломъ ихъ составѣ. Одна литература польская, какъ замѣтитъ читатель, составляетъ между ними исключеніе, соответствующее историческому характеру и постоянной политической роли польской интеллигенціи въ славянскомъ мірѣ.

Но сборникъ нашъ — мы надѣемся — не только уяснитъ читателямъ характеръ и направленіе славянскихъ литературъ — онъ, быть-можетъ, но-собоитъ разсѣять тотъ существенный предрасудокъ, съ которымъ мы привыкли взирать на умственные произведенія нашихъ соплеменниковъ. Воспитанные въ западно-европейской школѣ, мы привыкли думать, что только литературы англійская, французская, нѣмецкая, итальянская могутъ пред-

IV

ставить намъ творенія оригинальныя, что только въ нихъ мы можемъ найти великихъ поэтовъ; славянскія же литературы пробавляются лишь блѣдными копіями съ западныхъ образцовъ. Этотъ-то предрасудокъ и составляетъ, если мы не ошибаемся, главную причину того, что публика наша, уже менѣе прежняго равнодушная къ общественнымъ и политическимъ дѣламъ западныхъ и южныхъ славянъ, до-сихъ-поръ не обращаетъ вниманія на ихъ литературы. А между-тѣмъ у нихъ есть поэты оригинальные, поэты съ истиннымъ художественнымъ талантомъ и вдохновеніемъ. Станко Вразъ, Мажураничъ, Кукулевичъ-Сакцинскій, Вукотиновичъ, Прерадовичъ — у сербовъ, Славейковъ — у болгаръ, Прешернъ — у хорутанъ, Колларъ, Челяковскій, Яблонскій, Гавличекъ — у чеховъ, Халупка, Сладковичъ — у словаковъ, Зейлеръ — у лужичанъ, Мицкевичъ, Богданъ Залѣскій, Красинскій, Винцентій Поль — у поляковъ, наконецъ, Іосифъ Федьковичъ у нашихъ русскихъ галичанъ — это люди, которые заняли бы каждый въ любой западно-европейской литературѣ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. А эти имена, которыми должно гордиться славянское племя, до-сихъ-поръ — кромѣ одного или двухъ польскихъ — почти безвѣстны въ Россіи.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЯ

СЪ ДРЕВНЕ-РУССКАГО

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Слово о полку Игоря» — безъ сомнѣнія, есть самое замѣчательное и притомъ едва ли не самое поэтическое произведеніе нашей древней поэзіи. Этотъ самобытный и единственный, дошедшій до насъ, письменный памятникъ, свидѣтельствующій о существованіи и развитіи древнерусской эпической поэзіи, отличается тою смѣлостью очерковъ и яркостью красокъ, которые, съ перваго взгляда, обличаютъ въ сочинителѣ необыкновеннаго художника. Эти чудные, родные звуки, дошедшіе къ намъ изъ глубины двѣнадцатаго столѣтія, изъ темныхъ временъ княжескихъ усобицъ и половецкихъ набѣговъ, передаютъ намъ въ безискусственныхъ, поэтическихъ и часто величественныхъ образахъ одинъ печальный эпизодъ смутнаго періода, отмѣченнаго въ лѣтописяхъ только краткимъ перечнемъ нескончаемыхъ битвъ. Этотъ печальный эпизодъ — походъ сѣверскаго князя Игоря, въ 1185 году, на половцевъ, окончившійся страшнымъ погромомъ: истребленіемъ всего русскаго войска и плѣненіемъ самого князя, брата его, буй-туръ Всеволода и сына, Владиміра Игоревича.

Но кто же такой былъ этотъ таинственный пѣвецъ этого злополучнаго похода? Увы! лѣтописи молчатъ. Правда, существуетъ предположеніе, что пѣвецъ «Слова» есть *премудрый книжникъ* Тимофей, уроженецъ города Кіева, о которомъ упоминается въ «Ипатьевской лѣтописи»

подъ 1211 годомъ, но это только одно предположеніе. Вся біографія пѣвца Игоря — въ его пѣснѣ; а пѣснь свидѣлствуетъ только о томъ, что онъ былъ мирянинъ и современникъ похода Игоря. Уже одно то обстоятельство, что сочинитель «Слова» избралъ предметомъ для своей эпопеи такое неважное и даже не блестящее происшествіе, тогда-какъ походъ Святослава на половцевъ, предпринятый за годъ до Игоря и увѣнчавшійся такимъ блестящимъ успѣхомъ, былъ у него еще въ свѣжей памяти, показываетъ ясно, что «Слово о полку Игоря» написано не только современникомъ, но даже лицомъ участвовавшимъ въ походѣ. Уже по одной этой причинѣ, не говоря о филологическомъ и археологическомъ значеніи «Слова», оно, по самому содержанію своему, какъ единственная, дошедшая до насъ, картина изъ періода междуусобій, важна для историка и интересна для всякаго, кто любитъ переноситься мыслію въ первыя времена нашей исторіи. «Слово» не только рассказываетъ намъ во всей подробности одно изъ характеристическихъ и часто повторявшихся происшествій того времени, отмѣченное въ лѣтописи двумя строками, но передаетъ намъ мысли и чувства нашихъ предковъ, ихъ воззрѣнія на своихъ князей, на княжескія усобицы, ихъ глубокое сознаніе единства Русской Земли, единства русскаго племени, ихъ отвращеніе къ дикимъ порожденіямъ азіатскихъ степей, ихъ любовь къ отчизнѣ и ея защитникамъ, ихъ привязанность къ своимъ род-

нымъ полямъ и селамъ, къ тихимъ наслажденіямъ семейной жизни, ихъ уваженіе къ горести слабой женщины и восторженное удивленіе къ героямъ.

Можно сказать утвердительно, что ни одно произведеніе древней русской поэзіи, сбереженное временемъ, не возбуждало такого постоянного вниманія нашихъ ученыхъ и не подало повода къ такому множеству противорѣчивыхъ сужденій, какъ «Слово о полку Игоря». Будучи открыто въ 1795 году графомъ Мусинимъ-Пушкинымъ въ одномъ старинномъ сборникѣ (причемъ первое извѣстіе объ этомъ открытіи было сообщено свѣту Карамзинимъ въ октябрьской книжкѣ гамбургскаго журнала «Spectateur du Nord», за 1797 годъ) и издано имъ въ Москвѣ, «Слово о полку Игоря» не переставало, съ того времени, занимать умы нашихъ филологовъ и критиковъ. Плодами ихъ изысканій были, съ одной стороны, значительное число изданій, переводовъ и стихотворныхъ переложеній, съ другой — множество статей критическаго и полемическаго содержанія.

«Слово о полку Игоря» есть поэтическое произведеніе, занимающее въ порядкѣ развитія поэзіи эпической по ея видамъ мѣсто на переходѣ отъ эпоса героическаго къ эпосу позднѣйшей гражданственности — къ роману, и притомъ произведеніе, написанное стихами. Это послѣднее мнѣніе раздѣляютъ многіе изъ ученыхъ изслѣдователей этого памятника — въ томъ числѣ: Востоковъ, Дубенскій, Полевой, Максимовичъ и Туловъ — хотя они и не вполне сходятся въ опредѣленіи его стихотворнаго склада. Мнѣніе каждаго изъ нихъ имѣетъ свои основанія, свои доказательства. Все различіе происходитъ отъ образа воззрѣнія на предметъ. Такъ, напримѣръ, Востоковъ, признавая вообще складъ «Слова» прозаическимъ, говоритъ однако же, что оно дѣлится на довольно ровные и мѣрные періоды или стихи, подобные библейскимъ. Дубенскій принимаетъ это въ другомъ смыслѣ, и размѣряетъ «Слово» шестистопнымъ дактило-хоренческимъ стихомъ или гекзаметромъ. Полевой также разбиваетъ подлинникъ на стихи, причемъ говоритъ, что размѣръ въ немъ явенъ, и стоитъ только не

считать стопъ, чтобы тотчасъ понять его разнообразную, пѣвучую музыкальность. Максимовичъ же полагаетъ, что вольное движеніе рѣчи «Слова» совершается, такъ сказать, отдѣльными, разнообразными волнами или стихами, не столь опредѣленнаго склада и однообразнаго размѣра, какъ народные великороссійскіе, но столь же разнообразные и вольные, какъ стихи украинскіе, особенно въ думахъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться, ознакомившись съ подлинникомъ «Слова о полку Игоря». Наконецъ, по мнѣнію Тулова, «Слово» могло быть или стихотворнымъ произведеніемъ, написаннымъ по образцу древнихъ эпическихъ пѣсенъ и притомъ такъ, какъ пишутся поэмы въ наше время — только для чтенія, или произведеніемъ прозаическимъ, сохранившимся, вслѣдствіе вліянія пѣсенъ, краски поэзіи народной; или, наконецъ, что всего вѣроятнѣе, пѣснью, которая дѣйствительно нѣкогда распѣвалась въ честь Игоря, и потомъ положена была на бумагу, въ чемъ удостовѣряетъ насъ самъ сочинитель «Слова», который *воспѣваетъ*, а не *описываетъ* своего героя.

Не смотря на видимую чѣлость и стройность повѣствованія, въ которомъ вездѣ является Игорь или самъ, какъ дѣйствующее лицо, или какъ предметъ и причина дѣйствія, «Слово о полку Игоря» въ тоже время представляетъ нѣсколько рѣзкихъ переходовъ и отступленій, раздѣляющихъ его на нѣсколько отдѣльных частей. Отсюда рождается вопросъ: не вошли ли въ составъ «Слова» еще и другіе пѣсни и отрывки, кромѣ тѣхъ, которые самъ сочинитель приписываетъ Бояну? или даже — не составлено ли оно неизвѣстнымъ пѣвцомъ Игоря, подобно ралсодіямъ Омера, изъ нѣсколькихъ современныхъ пѣсенъ, посвященныхъ злополучному походу Игоря и счастливому его возвращенію на родину?

Издавая въ предлагаемомъ сборникѣ лучшія произведенія поэзіи всѣхъ славянскихъ народовъ, грѣшно было бы не помѣстить въ немъ «Слово о полку Игоря», этотъ единственный дошедшій до насъ перлъ древней русской поэзіи.

Н. Гервель.

ПѢСНЬ I.

З А П Ъ В Ъ.

Не начать ли намъ, ребята,
Складомъ пѣвѣстей невзгодъ,
Про походъ на супостата,
Князя Игоря походъ?
И начать намъ безъ обмана —
Эту пѣсню про князей —
По былинамъ нашихъ дней,
Не по замысламъ Бояна?
Если былъ пѣвецъ Боянъ
Вѣщимъ духомъ обоаянъ,
То носился мыслью-птицей
По дубравамъ, по лѣсамъ,
Сърымъ волкомъ по полямъ,
Или сизою орлицей
Поднимался къ облакамъ.

А когда о вражделивыхъ
Временахъ онъ вспоминалъ —
Десять соколовъ пускалъ
На лебѣдокъ говорливыхъ,
И лишь соколъ налеталъ,
Лебедь пѣсню начиналъ
То про старца Ярослава,
То про храбраго Мстислава,
Что воеговъ побѣдилъ
И Редю великана
Въ поединкѣ умертвилъ,
То про краснаго Романа.

Не на стадо лебедѣй
Нашъ Боянъ, нашъ соловей,

Десять соколовъ пускаетъ:
Онъ перстами пробѣгаетъ
По рокочущимъ струнамъ
И онъ ужъ возглашаютъ
Славу доблестнымъ князьямъ.

Такъ начну же наше слово
Отъ Владиміра Святова,
И про Игоря, друзья,
Пѣсней вамъ окончу я:
Какъ, наполнивъ духомъ ратнымъ,
Онъ свой разумъ изострилъ,
Словно панциремъ булатнымъ,
Сердце мужествомъ покрылъ
И за Русь повелъ дружину
Въ половецкую краину.

ПѢСНЬ II.

ВѢЩЕЕ ЗАТМѢНІЕ.

Князь Игорь взглянулъ на дневное свѣтило,
И вида, что вмѣсто лучей,
Полки его мглою оно осѣнило,
Промолвилъ дружинѣ своей:

«Не лучше ль погибнуть средь битвы кровавой,
Чѣмъ даться живому въ полонъ!
Итакъ — на коней и за новою славою,
Туда, гдѣ синѣется Донъ!»

Въ могучее сердце западо желанье
Напитаться изъ Дона-рѣки —
И доблестный Игорь забылъ предвѣщанье,
Подъ гнѣтомъ душевной тоски.

«Хочу я коньё мое — молвилъ — далече,
Въ Землѣ Половецкой сломить:
Хочу я сложить свою голову въ сѣчѣ,
Иль Дону шеломомъ испить!»

Тебѣ бы, Боянъ, рассказать про сраженья,
Соловушка прежнихъ вѣковъ,
Носаясь соловьёмъ по вѣтвямъ вдохновенья,
Касаясь умомъ облаковъ,

Сличая прошедшую русскую славу
Съ позднѣйшей и мчась по слѣдамъ
Героя Трояна, съвозъ боръ и дубраву,
По дебрямъ, полямъ и горамъ!

Тебѣ бы приличнѣ пѣть о героѣ —
Про дльгова внука дѣла!
Не буря изъ родины въ поле чужое
Степныхъ соколовъ занесла:

Слетаются галки густыми стадами
На Донъ изъ невѣдомыхъ странъ...
Иль, можетъ, начать мнѣ такими стихами,
Велесовъ внуку, вѣщій Боянъ:

Ржутъ борзые кони за тихой Сулдою;
Въ Новѣ-градѣ трубы трубятъ;
Гремитъ столичный Киевъ молвой боевою;
Въ Путивлѣ знамена шумятъ:

Князь Игорь ждётъ брата, буй-туръ Всеволода...
И тотъ ему молвить въ привѣтъ:
«Мы оба съ тобой святославова рода!
Ты братъ мой единый и свѣтъ!

«Вели — пусть коней твоихъ борзыхъ сѣдаютъ;
Мои же, мой первенецъ-братъ,
Давно ужъ подѣ Курскомъ тебя поджидаютъ,
Осѣдланы въ полѣ стоять.

«Куране жъ мои, удалые куране
Взлеглианы въ шлемахъ родныхъ,
Повиты подѣ трубными звуками брани
И вскормлены съ копій стальныхъ.

«Дороги знакомы, луки съ тетивами,
Извѣстенъ имъ каждый оврагъ,
Колчаны гремятъ боевыми стрѣлами,
Булатные сабли въ рукахъ;

«И знаютъ лишь рыскать по чистому полю,
Какъ волки по дебрямъ бродить,

Чтобъ только добыть себѣ чести на долю,
Чтобъ князю почету добыть.»

Князь Игорь въ чеканное стремя вступаегъ
И ѣдетъ равниной степной;
Но солнце дорогу ему застигаетъ
Полночною синею тьмой.

Ночь, воемъ грозя ему, птицъ пробуждаегъ
И ревъ плотоядныхъ звѣрей
Въ окрестныхъ степяхъ, и сова завываетъ
Подѣ сѣнью древесныхъ вѣтвей,

Чтобъ волнамъ Сурожа и вамъ, поморяне,
Дать вѣсть за далекой землѣй,
Корсуню и идолу въ Тмутараканѣ,
И Волгѣ съ Сулдою-рѣкой.

А пѣловцы подѣ полю тѣсной толпою
Къ великому Дону спѣшатъ;
Какъ рѣзкій крикъ лебеда поздней порою,
Возы ихъ дорогой скрипятъ.

Онъ къ синему Дону свой путь направляетъ
Съ дружиною храброй своей;
Но птицы погибель ему предвѣщаютъ;
Орлы плотоядныхъ звѣрей

Пронзительнымъ крикомъ своимъ вызываютъ
На трупы изъ дебрей лѣсныхъ;
И волки невзгоду на нихъ накликаютъ,
Блуждая въ оврагахъ крутыхъ.

Проснулись лисицы и лаютъ за станомъ,
На красные лаютъ щиты.
О, Русь! о, родная! ужъ ты за курганомъ!
Спускается ночь съ высоты;

Заря, чуть мерцающая, вдали догораетъ;
Поля покрываются мглой;
Въ сосѣдномъ лѣсу соловей умолкаетъ;
Крикъ галочій слышенъ порой.

А русские, тѣсно сомкнувшись щитами,
Идутъ по пустыннымъ полямъ —
Добыть себѣ чести стальными мечами
И славы отважнымъ князьямъ.

ПѢСНЬ III.

П О В Ъ Д А.

Въ пятницу утромъ разбили они половецкія рати
 И, разметавшись стрѣлами по чистому полю,
     помчали
 Красныхъ дѣвицъ половецкихъ съ собою, а съ
     ними и бархатъ
 Цѣнный, и золото въ слиткахъ, и разныя ткани.
     Плащами жъ,
 Шубами, юртами—гати гатили, мосты настилали
 Въ топкихъ мѣстахъ и по грязнымъ болотамъ.
     Червленное знамя
 Съ бѣлой хоруговью, красная чолка съ сере-
     брянымъ древкомъ —
 Храбраго Игоря доля. Дремлетъ средь чистаго
     поля,
 Дремлетъ Олега гнѣздо удалое... далече умча-
     лось...
 Не на обиду ни соколу-птицѣ, ни кречету злomu,
 Не на обиду тебѣ породилось оно, половчанинъ
     поганый,
 Воронъ зловѣщій! А Гзанъ ужъ бѣжитъ сиромачо-
     ю волкомъ;
 Хищный Кончакъ ему слѣдъ пролагаетъ къ великому
     Дону.
 Равно заутра востокъ загорѣлся кровавой зарею;
 Черныя тучи отъ моря идутъ: закрываютъ четыре
 Солнца; въ нихъ синія молніи блещутъ: быть
     сильному грому,
 Литья дождю стрѣлами съ великаго Дона. Тамъ-то
 Кошьямъ стальнымъ поломаться! тамъ-то мечамъ
     притушиться
 О половецкіе племя — на рѣчкѣ Каялѣ, у Дона!
 Русь, уже тѣмъ подъ курганомъ! Чу, вѣтры, стрибовыя
     внуки,
 Вѣютъ съ моря стрѣлами на храброе русское
     войско.
 Стонетъ земля, помутнѣли рѣки, поля покрываетъ
 Пыль и лепечуть знамена: то половцы идутъ отъ
     Дона,
 Идутъ отъ моря, отъсюду и наши полки окружаютъ.

Бѣсовы дѣти вликомъ побѣднымъ поля оградили;
 Русское жъ войско щитами червленными ихъ за-
     слонило.
 Всеволодъ буйный, ты бьешься въ переднемъ
     отрядѣ, стрѣлами
 Прищешь на хищныхъ враговъ и гремишь объ
     ихъ шлемы мечами;
 Гдѣ ни появишься ты, богатырь, золоченымъ
     шеломомъ
 Блеща, тамъ въ прахѣ лежатъ половецкія головы
     грудой;
 Тамъ, пополамъ разсѣченныя саблей булатной
     твоею,
 Всеволодъ доблестный, падаютъ въ прахъ ихъ
     аварскіе шлемы.
 Братцы, какой побойтся онъ раны, когда онъ
     для славы
 Все позабылъ — и почетъ, и веселую жизнь, и
     Черниговъ
 Городъ, и отчій престолъ золотой, и своей не-
     наглядной
 Глѣбовны, милой супруги, привѣтъ и обычныя
     ласки?

ПѢСНЬ IV.

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ УСОБИЦАХЪ.

Прошли троинновы вѣка,
 Минуло время Ярослава,
 Не стало дльгова полка —
 Олега, сына Святослава:
 Мечѣмъ крамолу онъ ковалъ,
 Стрѣлами землю засѣвалъ.
 Когда въ родномъ Тмутаракани
 Онъ въ стрѣмя бранное вступалъ,
 Тогда призывнымъ звукамъ брани
 Великій Всеволодъ внималъ,
 Межъ-тѣмъ какъ каждою зарёю
 Въ своихъ твердыняхъ, за Десною,
 Владиміръ уши затыкалъ.
 И привела на судъ свой слава
 Бориса, сына Вячеслава,
 И положила на коверъ —
 На бархатъ конскаго покрыва —
 За оскорбленье, за позоръ
 Олега, князя молодого.

И Святополкъ съ Каяла прямо
Велѣлъ отца священный прахъ
Поднять на уторскихъ коняхъ
Къ стѣнамъ Софїевского храма.

Такъ при Олегѣ молодомъ —
При Гориславичѣ — кругомъ
Междоусобья засѣвались,
Всходили, горемъ разростались;
И погибала жизнь людей,
Внучать могучаго Дажь-Бога,
И сокращалася на много
Въ междоусобїяхъ князей.
Въ то время рѣдко оглашали
Равнины пѣсни поселянъ;
Но часто вѣроны кричали,
Терзая трупы христїанъ;
А галки въ полѣ собирались,
И на пиру родныхъ полянъ
Между собой перекликались.

Не разъ гремѣлъ побѣдный громъ
И битвы лютыя бывали;
Но о сраженїи такомъ
Еще на Руси не слышали.

—
ПѢСНЬ V.

П О Р А Ж Е Н І Е .

Вплоть до вечера съ разсвѣта,
И отъ вечера до свѣта
Копья крѣпкія трещать,
Свищутъ стрѣлы казенныя,
Сабля острѣя гремѣть
О шеломи боевыя,
Средь невѣдомыхъ полей
Половецкихъ дикарей.

Подъ копытомъ — подь конями
Поле вздулось бороздами;
А была поляна та
Позасѣяна костями,
Кровью алой политъ:
И взошолъ посѣвъ тоскою
По-надъ Русскою Землею.
Чтѣ за топоть, чтѣ за звонъ
Рано утромъ, предъ зарѣю?
Это Игорь! — это онъ
Вновь полки сзываетъ къ бою:

Сердцу вѣрному его
Жалко брата своего.

Бились день — не отступали,
Храбро билися другой,
Въ третїй, въ поддепъ, подь грозой
Стяги княжескіе пали.
Туть надъ берегомъ, гдѣ бились,
Оба брата разлучились;
Гдѣ — гульлива и буйна —
Мчится быстрая Каяла,
Туть кроваваго вина
Не хватило, не достало;
Туть, у вражеской рѣкы,
Наши братья-земляки
Пиръ кровавый довершили,
Жданныхъ сватовъ напоили
И за честь своей земли
Сами трупами легли.

Вянеть на полѣ былина
Подъ кручиною-тоскою,
И къ землѣ тоска-кручина
Клонить яворъ молодой.

—
ПѢСНЬ VI.

П Л А Ч Ъ П Ѣ В Ц А .

Наступило, братцы, времечко,
Наступило не веселое:
Степь прикрыла силу ратную.
Возстаетъ обида кровная
Въ силахъ племени даждь-божьаго,
Разражается несчастьями;
И вступивши на троянову
Землю дѣвой, громко крыльями
Заплескала лебединными
На Дону, у моря синяго:
Пробудила время тяжкое!
Нѣтъ въ князьяхъ единомыслия
На поганыхъ; вмѣсто дружества,
Сталъ братъ брату поговаривать:
«То мое, мое и это все!»
Стали спорить межъ собой князья
За пустое, какъ за важное
И крамолу на себя ковать.
А поганые со всѣхъ сторонъ

Между-тѣмъ, какъ побѣдители,
 Приходили въ Землю Русскую.
 О! далеко залетѣлъ соколъ,
 Птицъ стогная къ морю синему:
 Ужь дружинѣ храброй Игоря
 Не воскреснуть. По слѣдамъ ея
 Жля и Карна громко крикнули,
 Понеслись Землею Русскою,
 И изъ рога огне-мѣтнаго
 Извергали пламя лютое.
 Зарыдали жены русскія,
 Приговаривая жалобно:
 «Видно ужъ не взмыслить мыслию,
 Видно ужъ не вздумать думою,
 Ни очами, видно, болѣе
 Не увидѣть намъ мужей своихъ.
 Серебромъ и звонкимъ золотомъ
 Не бречать намъ, не побрякивать!»

Возсталъ такъ Кіевъ скорбію,
 А Черниговъ подъ напастями;
 Разлилась тоска тяжелая
 По Руси — и горе лютое
 Затопили Землю Русскую.
 А межъ-тѣмъ какъ князья русскіе
 Межь собою только ссорились,
 Наши вороги поганые
 Приходили въ Землю Русскую
 И съ дворовъ, какъ побѣдители,
 Собирали дань постыдную —
 По одной по бѣлкѣ съ каждаго.
 Потому-что Святославичи,
 Всеволодъ и Игорь храбрые,
 Вновь вражду неукротимую
 Пробудили — ту, которую
 Усыпиль-было родители ихъ,
 Святославъ великій Кіевскій.
 Онъ заставилъ хищныхъ половцевъ
 Трепетать, какъ передъ бурей,
 Предъ своею ратью сильною,
 Передъ саблями булатными.
 Наступилъ погою твердою
 Онъ на Землю Половецкую,
 Притопталъ холмы съ оврагами,
 Возмутить озера съ рѣками,
 Изушилъ ключи съ болотами
 И исторгъ изъ лукоморія
 Кобяка ихъ нечестиваго,
 Изъ срединъ половецкаго
 Войска, сильнаго, несмѣтнаго.
 И Кобякъ безсиальнымъ плѣнникомъ

Очутился въ стольномъ Кіевѣ,
 Во дворцѣ велико-княжескомъ.
 Грѣхи и кунцы нѣмецкіе,
 И моравцы съ венцейцами
 Пѣли славу святославу
 И хулили князя Игоря,
 Потопившаго въ Кааяль-рѣкѣ
 Половецкой силу ратную,
 Вмѣстѣ съ кровнымъ русскимъ золотомъ;
 Гдѣ онъ, храбрый Игорь Сѣверскій,
 Изъ сѣдла раззолоченаго
 Пересѣлъ въ сѣдло полонника.
 Приуныли стѣны крѣпкія,
 Омрачилось веселіе.

ПѢСНЬ VII.

СОНЪ СВЯТОСЛАВА.

Худой Святославу привидѣлся сонъ:
 «Мнѣ снилось — боярамъ рассказывалъ онъ —
 Что будто бы въ полночь, на ложѣ тесовомъ,
 Въ горахъ надъ Днѣпромъ,
 Меня одѣвали въ чорнымъ покровомъ,
 И съ синимъ виномъ
 Отраву мѣшали
 И тѣмъ ядовитымъ виномъ угощали;
 И будто бы жемчугъ колчаномъ пустымъ
 Изъ раковинъ черпали въ чередою,
 И тѣмъ жемчугомъ дорогимъ
 Меня осыпали, смѣясь надо мною;
 И что въ златовѣрхихъ палатахъ моихъ
 Безъ матицы доски лежали;
 А бѣсовы вѣроны дебрей глухихъ
 Всю ночь, до разсвѣта, у Пгѣнска кричали,
 На выгонѣ зланныхъ луговъ городскихъ
 И прочь не летѣли на синее море!»

«Увы! одолѣло насъ лютое горе!»
 Бояре въ отвѣтъ:
 «Два сокола ясныхъ, какъ утренній свѣтъ,
 Слетѣли съ роднаго
 Стола золотого,
 Собрались на брань —
 Добыть изъ полона
 Наслѣдственный Тмутаракань,
 Изъ шлемомъ напиться изъ Дона.
 Но крылья соколин ихъ
 Враги обрубил мечами,
 А буйныхъ самихъ

Опугали крѣпко цѣпями.
 На третій день утро смѣнилось мглой,
 Померкли два солнца подъ ризой ночной,
 А съ ними потухли два мѣсяца ясныхъ —
 Олегъ съ Святославомъ, два князя прекрасныхъ.

Заря на Каалѣ погасла во мглѣ:

Какъ барсы степные,
 Разсыпались половцы злые
 По Русской Землѣ,

Въ пучину несчастій ее погрузили
 И хана на новую брань возбудили.

Худа помрачила хвалу,
 Предъ силою воля склонилась
 И диво-сова, сквозь полночную мглу,
 На землю спустилась...

Чу! готскія дѣвы у моря запѣли
 Про Буса, бойца своего,
 Про мечь Шароканову, время его —
 И золотомъ русскимъ звенѣли.
 А вѣрной дружинѣ твоей суждено,
 Знать, горькое-горе одно!»

А князь отвѣчалъ имъ такими рѣчами,
 Мѣшая слова золотыя съ слезами:
 «О, Игорь и Всеволодъ, дѣти мои!
 Не впору вы противъ Земли Половецкой
 Мечи обнажили свои,
 Гоняясь за славой — молвой молодецкой!
 Безславно своихъ вы сломили враговъ,
 Безславно поганую прдіали кровь!
 Изъ стали сердца ваши скованы были,
 А время и мужество ихъ закалили...
 И этого ль могъ ожидать я отъ васъ,
 На старости лѣтъ сѣдиной серебрясь?

И вотъ ужъ враги полонили
 Одну изъ сильнѣйшихъ моихъ областей!
 Гдѣ братъ мой отважный съ отрядами бмлей, *)
 Съ черниговской ратью своей?

Гдѣ наши могуты, татраны, ревуги,
 Шельбиры, топчаки, ольберы? **) гдѣ, други,
 Они — побѣждавшіе крикомъ враговъ,
 Съ одними ножами, безъ крѣпкихъ щитовъ,
 Гремѣвшіе дѣдовской славой?

Но вы говорили: «на подвигъ кровавый
 «Одни мы поидемъ, какъ въ миновшіе дни,
 «Прошедшую славу добудемъ одни,

*) Былами назывались наивныя дружины торговъ и берендѣевъ, служившія черниговскимъ и другимъ князьямъ.

** Вротно, особые отряды войскъ, названные по имени вождей, или начальствовавшихъ.

«Одни и градущей подѣлимся славой!»

Не диво бъ еще на своемъ на вѣку
 Вновь стать молодымъ старику!
 Когда ясный соколъ линяетъ,
 Онъ птиць високо загоняетъ
 И ужъ никогда

Въ обиду не дастъ дорогого гнѣзда,
 Да горе—въ князьяхъ мнѣ не помощь, а бремя.
 Такъ все измѣняетъ крылатое время!»

Подъ саблями стонетъ безпомощный Римъ, *)

А съ нимъ и Владиміръ, болѣзнью томимъ.

Нѣтъ, видно, печаль и кручина
 Удѣлъ беззащитнаго глѣбова сына!

ПѢСНЬ VIII.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ КНЯЗЬЯМЪ.

Великій князь Всеволодъ храбрый!
 Зачѣмъ ты не здѣсь? Отчего
 Не мчишься грозой на защиту
 Престола отца своего?

Ты можешь могучую Волгу
 Разбрызгать веслами ладѣй
 И вычерпать Донъ многоводный
 Шеломами рати своей.

Когда бъ ты былъ здѣсь — по ногатѣ
 Скупать бы мы плѣнныхъ могли,
 Платили бъ по мелкой резани
 За дѣвъ половецкой земли.

Ты можешь стрѣлять и на сушѣ
 Огнемъ самопаловъ живыхъ:
 Потомками Глѣба, семьею
 Его сыновей удалыхъ.

Ты, Рюрикъ отважный и буйный!
 И ты, князь Давидъ молодой!
 Не ваши ль златые шеломы
 Забрызганы кровью чужой?

Не ваши ль дружины рыкають
 Среди незнакомыхъ полей,
 Подобно израннымъ турамъ
 Концами каленныхъ мечей?

*) Ромны, вышѣ уѣздный городъ Полтавской губерніи.

Скорѣй въ стремена золотыя
Вступайте — и вихремъ за Донь —
За Русскую Землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонь!

А ты, Ярославъ именитый,
Князь Галицкій, славный умомъ!
Высоко сидишь ты на тронѣ,
На тронѣ своемъ золотомъ.

Карпатскія горы могучей
Дружиной своей оградилъ;
Метая каменя за тучи,
Ты путь королю заступилъ;

Замкнулъ, затворилъ воротами
Дуная широкую пасть,
И, права суды до Дуная,
Далеко простеръ свою власть.

Молва о дѣлахъ твоихъ славныхъ
Гремитъ по далекимъ землямъ
И къ Киеву путь пролагаетъ,
Къ его золотымъ воротамъ.

Высоко сидя на отцовскомъ
Золоченномъ-пышно столѣ,
Стрѣляешь могучихъ султановъ
За моремъ, въ далекой землѣ.

Направь свои стрѣлы въ Кончака!
Пусть мщенье извѣдаетъ онъ —
За Русскую Землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонь!

И вы, храбрецы удалые,
Романъ и Мстиславъ молодой!
Мечтая о подвигахъ ратныхъ,
Вы смѣло кидаетесь въ бой.

Однажды рѣшившись, отважно
Стремитесь вы къ цѣли своей,
Какъ соколъ, что въ небѣ ширяетъ,
Чтобъ птицу настичь вѣрнѣй;

Затѣмъ-что латинскіе племя
И латы на вашихъ плечахъ:
Ужъ многія ханскія земли
Предъ ними распались въ прахъ.

Ятвяги, Литва, Деремела
И орды степныхъ дикарей
Повергли оружье, склонились
Подъ гнѣтомъ булатныхъ мечей.

Князья, ужъ померкъ невозвратно
Для Игоря солнечный свѣтъ,
И листья опали съ деревьевъ,
Какъ-будто въ предвѣстіе бѣды:

Уже города подѣлили
По Роси-рѣкѣ и Сулѣ;
А Игоря храброй дружинѣ
Спать сномъ непробуднымъ въ землѣ.

Князья, синій Донъ на побѣду
Зоветь васъ, вздымая волну!
Отважные дѣлговы дѣти
Готовы идти на войну.

О, Ингваръ и Всеволодъ! *) Трое
Васъ братьевъ — и всѣ вы бойцы:
Родного гвѣзда шестокрыльцы,
Гвѣзда не худого птенцы!

Не жребьемъ побѣднымъ достигли
Вы власти — желанной меты:
Къ чему жъ золотые шеломы,
Къ чему вамъ стальные щиты?

Свои ворота оградите
Стрѣлами отъ вражскихъ племёнъ —
За Русскую Землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонь!

ПѢСНЬ IX.

ВОСПОМИНАНІЕ О МИНУВШЕМЪ.

Ужъ къ Перяславлю-городу рѣчка-Сулѣ сере-
бристыхъ
Струй не катитъ, а Двина болотомъ течетъ къ
полочанамъ

*) Здѣсь рѣчь идетъ о трехъ сыновьяхъ Ярослава Луцкаго: Ингварѣ, Всеволодѣ и Мстиславѣ, изъ которыхъ здѣсь только два первые названы по имени, потому что о послѣднемъ (Мстиславѣ) упоминается выше.

Грознымъ, подь клякомъ поганыхъ. Одинъ Изя-
 славъ Васильковичъ
 Въ шлеми литовскіе острымъ мечёмъ позвонилъ
 и, затмивши
 Славу дѣда Всеслава, прикрытый стальными
 щитами,
 Палъ на кровавой травѣ подь ударами сабель
 литовскихъ;
 Слѣгъ на кровать и сказалъ: «князь, дружину
 твою удаю
 Крыльми птицы одѣли, а звѣри кровь полизали!»
 Ни Брючеслава съ нимъ нѣ было, ни Всеволода:
 одинъ онъ
 Выронилъ пышно-жемчужную душу изъ храбраго
 тѣла
 Сквозь золотое свое ожерелье. Поникло веселье;
 Смолкли печальныя пѣсни; трубятъ городенскія
 трубы...
 Князь Ярославъ и вы, внуки Всеслава! склоните
 знамена
 Долу, вложите мечи притуцѣнные: вы помрачили
 Славу могучаго дѣда! Не вы ль приманили пога-
 ныхъ
 Вашей крамолой на Русскую Землю, на племя
 Всеслава,
 Чтобъ и отъ нихъ мы узнали насилье, какое
 ужъ терпять
 Русь отъ Земли Половецкой. Въ вѣкѣ седьмомъ
 отъ Трояна
 Кинулъ жребій Всеславъ о любимой имъ дѣвицѣ
 красной;
 И не клюкой поднираясь, а сѣвъ на коня боевого,
 Къ стольному Кіеву-городу онъ прискакалъ и
 дотынулся
 Древкомъ копыя своего до его золотого престола.
 Въ полночь оставилъ Бѣль-гѣродъ, а утромъ,
 подвезши стригусы,
 Сшибъ новгородскіе створы, разбилъ Ярославову
 славу...
 Бросился волкомъ къ Нѣмигѣ съ Дудутокъ... А
 на Нѣмигѣ
 Головы стелять снопами, молотять стальными
 пѣнами,
 Жизнь владуть на току и вѣють душу изъ тѣла.
 Кровью затопленный берегъ Нѣмиги не жатвой
 засѣявъ

Быль, а костями русскихъ сыновъ. Князь Все-
 славъ народу
 Судъ давалъ и радилъ князьямъ городъ; а самъ
 волкомъ
 Рыскалъ въ ночи; кидался изъ Кіева къ Тмутаракани
 И перерыскивалъ волкомъ дорогу великому Хорсу.
 Въ Полоцкѣ стольномъ ему позвонили къ за-
 утренѣ рано
 Въ колоколадѣ у Софїи святой, а онъ въ Кіевѣ
 слышалъ
 Благовѣсть тотъ. Хотя у инога и вѣщее сердце
 Въ тѣлѣ, а часто страдаетъ. Ему-то разумную
 пѣсню
 Вѣщій Боянъ нашъ сложилъ, что ни хитрый, ни
 умный, ни птица
 Быстрая въ небѣ не минуть суда правосуднаго
 Бога.
 Какъ не стонать и не плакаться Русской Землѣ,
 вспоминая
 Старое время и старыхъ князей! Нельзя жъ было
 вѣчно
 Въ Кіевѣ стольномъ Владиміру старому княжить:
 и нынѣ
 Стяги его, доставшися Рюрику съ братомъ Да-
 видомъ,
 Словно волы, запряженныя въ плугъ, подь
 ярмомъ ненавистнымъ
 Никнуть, межъ-тѣмъ какъ тяжелыя копыя сви-
 стать на Дунаѣ.

—
 ПѢСНЬ X.

ПЛАЧЪ ЯРОСЛАВНЫ.

Звучный голосъ раздается
 Ярославны молодой;
 Стономъ горлицы несется
 Онъ предъ утренней зарей:

«Я быстрѣй лѣсной голубки
 По Дунаю полечу
 И рукавъ бобровой шубки
 Я въ Каялѣ обмочу;
 Князю милому предстану
 И на тѣлѣ на больномъ
 Окровавленную рану
 Оботру тѣмъ рукавомъ.»

Такъ въ Путнвлѣ, изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:

«Вѣтеръ, что ты завываешь
И на крыльяхъ на своихъ
Стрѣлы ханскія вздымаешь,
Мечешь въ воиновъ родныхъ?
Иль тебѣ ужъ на просторѣ
Тѣсно вѣять въ облакахъ,
Корабли на синемъ морѣ
Мчатъ, лелѣять на волнахъ?
Для чего жъ однимъ размахомъ
Радость лучшую мою
Ты развѣялъ легкимъ прахомъ?
По стеному ковылю?»

Такъ въ Путнвлѣ, изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:

«Дѣвиръ мой славный! ты волнами
Горы крѣпкія пробилъ,
Половецкими землями
Путь свой дальній проложилъ;
На себѣ, сквозь всѣ преграды,
Ты лелѣяла, рѣка,
Святославовы насады
До улусовъ Кобыяка.
О, когда бъ ты вновь примчала
Друга къ этимъ берегамъ,
Что бы я къ нему не слала
Слѣзъ на морѣ по утрамъ!»

Такъ въ Путнвлѣ, изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:

«Солнце ясное трикраты!
Всѣмъ ты красно и тепло!
Для чего лучшемъ утраты
Войско милое сожгло?
Для чего въ безводномъ полѣ
Жаждой луки имъ свело
И что гнѣтъ тоски-недоли
На колчаны налегло?»

ПѢСНЬ XI.

БѢГСТВО ИГОРЯ.

Въ полночь море взволновалось;
Небо тучами покрылося:
Кажеть Богъ дорогу Игорю
Изъ неводи въ Землю Русскую,
Ко злату-столу отцовскому.

Догорѣла зорька ясная,
Зорька ясная — вечерняя.
Игорь дремлетъ — Игорь бодрствуетъ:
Игорь поле мѣрять мыслю,
Что отъ Дону отъ неливаго
До Донца-рѣки до малаго.
Конь готовъ и ждетъ съ полуночи.
Овлуръ свистнулъ за рѣкой вдали —
Подастъ вѣсть князю Игорю;
Но князь Игорь не откликнулся.
Крикнулъ — поле всколебалось,
Зашумѣлъ ковыль серебряный,
Съ ними вежи половецкія
Потраслися. Игорь доблестный
Горностаемъ проскочилъ тростникъ,
Канулъ въ воду бѣлымъ гололемъ,
На коня стрѣлою кинулся,
Босымъ волкомъ соскочилъ съ него,
Побѣжалъ къ Донцу родимому,
Къ луговому его берегу,
И взвился могучимъ соколомъ,
Убивая подъ туманами
Лебедѣй съ гусями къ завтраку,
На обѣдъ себѣ и къ ужину.
Игорь несся яснымъ соколомъ,
Влуръ бѣжалъ по полю чистому
Сѣрымъ волкомъ, отряхаючи
По пути росу холодную:
Надорвалъ коня дорогою.

Говорить ему Донецъ-рѣка:
«Много, князь, тебѣ величія,
Кончаю-врагу нелюбія,
А землѣ родной веселія!»
Игорь-князь ему отвѣтствуетъ:
«О, Донецъ! не мало доблести
И тебѣ, что князя Игоря
На волнахъ своихъ серебряныхъ
Ты лелѣялъ, устилаючи
Берега травой зеленою,
Одѣвая мглами теплыми

Подъ нависшими деревьями!
 Ты стерегь его заботливо.
 На водѣ хохлатымъ гололемъ,
 На струяхъ рѣчною чайкою,
 Уткой-чернядью въ поднёбесьѣ.
 Нѣтъ, не такъ, вздымаясь волнами,
 Мчится Стугна мелководная!
 Поглотивъ ручьи нагорные,
 Она струи о кустарники
 Раздробила, ненасытная,
 И на-вѣки заградилла путь
 Къ берегамъ днѣпровскимъ юному
 Ростиславу. И заплакала
 Мать сѣдая ростиславова
 По прекрасномъ князѣ-юношѣ:
 «На дугахъ цвѣты душистые
 Осыпаются отъ жалости,
 А деревья съ тихой грустію
 Надъ землею наклоняются.»

Не сорочье стрекотаніе
 Раздается въ отдаленіи:
 Это ѣдутъ, вслѣдъ за Игоремъ,
 Гзакъ съ Кончакомъ половецкіе.
 Стихло. Вороны не каркали,
 Галки смолкли и съ сороками
 По деревьямъ только прыгали;
 Дятель путь къ рѣкѣ указывалъ;
 Соловей веселымъ пѣніемъ
 Утро ясное привѣтствовалъ.

И съ Кончакомъ рѣчь заводитъ Гзакъ:
 «Если соколъ улетитъ въ гнѣздо,
 То стрѣлами золочеными
 Соколѣнка разстрѣляемъ ми.»
 А Кончакъ ему отвѣтствуетъ:
 «Если соколъ улетитъ въ гнѣздо,
 Такъ красавцею-дѣвицей
 Соколѣнка мы опутаемъ.»
 А Кончаку снова молвить Гзакъ:
 «Если дѣвицей-красавицей
 Соколѣнка мы опутаемъ,
 Не видать тогда намъ болѣе
 Ни соколика, ни дѣвицы,
 Нашей дѣвицы-красавицы,
 И начнутъ насъ птицы хищныя
 Бить средь поля половецкаго.»

ПѢСНЬ XII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Вѣдь сказалъ же Боянтъ,
 Какъ и вѣщій Коганъ,
 Шѣснотворецъ временъ Ярославна,
 Говорилъ въ старину,
 Прославляя войну
 И походъ старика Святослава:

«Тяжело на землѣ
 Жить безъ плечъ головѣ,
 Тяжело богатырскому тѣлу
 Безъ головушки жить!»
 Такъ безъ Игоря быть
 Землѣ Русской, родному удѣлу

Солнце-свѣтъ въ небеси,
 Игорь-князь на Руси.
 На Дунаѣ заплѣли дѣвицы —
 И летятъ голоса
 Чрезъ моря и лѣса
 Къ высямъ Кіева, пышной столицы.

Игорь ѣдетъ домой —
 Къ Пирогощѣ святой
 По Боричеву путь направляетъ.
 По дорогѣ народъ
 Веселится, поѣтъ,
 Своихъ старыхъ князей величаетъ,

А потѣмъ молодыхъ.
 Такъ прославимъ же ихъ!
 Слава Игорю, ихъ властелину!
 Храбрецу, удалцу
 Всеволоду-бойцу
 И Владимиру, Игоря сыну!

Много здравствовать вамъ,
 И князьямъ и войскамъ,
 Поборавшимъ всегда и до нынѣ
 За мирянь-христіанъ
 На полки басурманъ!
 Слава храбрымъ князьямъ и дружинѣ!

Н. Гервель.

СЛАВЯНСКІЯ НАРОДНЫЯ ПЪСНИ

О СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ.

Славянскій міръ, таящій въ себѣ задатки широкой своеобразной будущности, по степени уже достигнутаго имъ развитія, конечно, не можетъ еще сравниться со своими старшими европейскими братьями. Понятно послѣ этого, что и степень достигнутыхъ имъ литературныхъ успѣховъ не можетъ еще быть поставлена въ уровень съ богатыми и самостоятельными литературами главнѣйшихъ народовъ Европы. Изъ болѣе или менѣе значительнаго ряда писателей направленія подражательнаго у той или другой славянской народности выдается еще очень не много такихъ именъ, которыя бы составляли дѣйствительный вкладъ въ обще-европейскую литературу — какъ по своеобразію своихъ произведеній, такъ и по способности доводить такое своеобразіе до мирового значенія. Славяне и до-сихъ-поръ еще по преимуществу должны хвалиться своею народною словесностью, этимъ безыскусственнымъ, еще не знающимъ авторства и не прибѣгающимъ къ письму, первобытнымъ творчествомъ, богатымъ хранилищемъ котораго служитъ крѣпкая память народная. Сравнительно съ народною словесностью славянъ, очевиднымъ отпечаткомъ ослабленія, погнѣдливости, вымирания отличаются народныя пѣсни другихъ, болѣе образованныхъ народовъ Европы, за-то неизмѣримо богатѣйшихъ литературою, съ широкимъ развитіемъ которой всегда соединяется упадокъ народно-словесности. Дѣло въ томъ, что у народа развивающагося правильно, литература собственно

представляетъ дальнѣйшую степень развитія тѣхъ началъ, задатки которыхъ заключаются уже въ народной словесности, а потому литературою все болѣе и болѣе упраздняется, особливо по мѣрѣ ея распространенія въ цѣломъ народѣ, безыскусственная словесность народная. Правда, что подобнаго рода правильный ходъ развитія есть представленіе идеальное; въ полномъ смыслѣ его не найдемъ ни у одного изъ народовъ Европы, а поэтому-то ни у одного изъ нихъ и не является окончательно упраздненной словесность народная. Но всего менѣе поводовъ къ ея упраздненію представляетъ славянскій міръ, литературное развитіе котораго всего менѣе отличалось подобною правильностью. При той, все еще недостаточной степени народно-мирового содержанія, какую представляетъ все еще не довольно самостоятельная, болѣе или менѣе съ помощью пересадокъ, трансплантъ образомъ выращенная литература славянъ, дѣйствительно своеобразныхъ сторонъ славянскаго міросозерцанія, настоящаго отраженія славянскихъ народныхъ нравовъ и даже славянской народной исторіи приходится искать преимущественно въ славянскихъ народныхъ пѣсняхъ.

Что касается собственно историческаго значенія народнаго эпоса вообще, то оно самымъ удовлетворительнымъ образомъ выясняется въ слѣдующихъ словахъ извѣстнаго собирателя кельтскихъ народныхъ пѣсней, Вильмарке: «Отчего до-сихъ-поръ постоянно обходился истори-

ками самъ *народъ*? Откуда такое забвене о немъ? Отчего не побезпокоились собрать материалы для его исторіи? Оттого-что, по всей вѣроятности, долго и не предполагали, чтобы у него могла быть исторія. Да и она въ самомъ дѣлѣ не оказывается занесенною ни въ лѣтописи, ни въ граматы. А между тѣмъ вѣдь она существуетъ: ея хранилищемъ служатъ народныя, передаваемыя по преданію пѣсни *)).

Въ старину стародавнюю люди болѣе или менѣе книжныя, представители тогдашняго образованнаго слоя, смотрѣли на это дѣло иначе. Въ помѣщенномъ во главѣ этой книги литературномъ памятникѣ XII вѣка, пашемъ «Словѣ о полку Игоревѣ», неизвѣстный (т. е. намъ теперь неизвѣстный) сочинитель его рѣзко противопоставляетъ *былины*, т. е. были, исторію — *замысламъ Бояна*, пѣвца, т. е. поэтическимъ замысламъ, пѣснямъ, эпосу. Между-тѣмъ самъ народъ подѣ *былинами* или *старинами* и до-сихъ-поръ еще разумѣетъ пѣсни съ весьма даже яркою примѣсью самыхъ чудесныхъ вымысловъ, да и людямъ науки съ другой стороны вымыслы эти ни мало не мешаютъ видѣть въ нихъ дѣйствительную *старину* народную, т. е. придавать имъ значеніе *историческое* не въ узкомъ, буквальному, а въ широкомъ и глубокомъ значеніи этого слова.

Дѣло въ томъ, что въ народныхъ нашихъ былинахъ дѣйствительно отражается жизнь самого народа, тогда-какъ былины, приводимыя авторомъ «Слова о полку Игоревѣ», представляютъ намъ собственно лишь князей съ ихъ дружинами. «Слово о полку Игоревѣ» со своимъ, хотя и невѣдомымъ намъ теперь, сочинителемъ, является такимъ образомъ уже не чисто народнымъ произведеніемъ. При всемъ томъ оно, по многимъ своимъ поэтическимъ оборотамъ, оказывается въ самомъ близкомъ родствѣ съ народными пѣснями. «Слово о полку Игоревѣ», какъ и довольно близко подходящія къ нему по строю чешскія пѣсни такъ называемой «Краледворской рукописи», также помѣщенные въ этой книгѣ во главѣ чешскихъ пѣсенъ, служатъ прямымъ доказательствомъ, что у славянъ совершенно правильнымъ образомъ начиналось зарожденіе произведеній личнаго творчества непосредственно изъ корней народнаго эпоса. Къ сожалѣнію, доброе начало такъ и осталось *началомъ*. Дальнѣйшій историческій ходъ вещей у насъ на Руси оказался рѣ-

шительно неблагоприятнымъ вообще для успѣховъ свѣтской литературы, просто остановившейся въ своемъ развитіи; у братьевъ же нашихъ чеховъ дальнѣйшія историческія судьбы въ скоромъ времени разобщили литературу съ народной словесностью и рѣшительно подчинили первую чуждымъ влияніямъ.

Внимательный читатель замѣтитъ, что даже въ представляемыхъ здѣсь переводахъ «Слово о полку Игоревѣ» и «Краледворская рукопись», сходныя по своему историческому строю, по воспѣванію въ нихъ дружинъ съ князьями и по отсутствію въ нихъ чудесности (что объясняется единствомъ поэтическаго рода), съ другой стороны довольно сходны и по нѣкоторымъ поэтическимъ образамъ и сравненіямъ. Это послѣднее обстоятельство объясняется единствомъ ихъ народнаго источника, тѣмъ, что какъ авторъ нашего «Слова», такъ и авторы чешскихъ пѣсенъ черпали изъ издавна-наслѣдственнаго запаса устно-народныхъ приемовъ и оборотовъ, которые не только въ то отдаленное время, но и теперь представляются сходными у различныхъ славянъ.

Нашъ извѣстный изслѣдователь народной старины, Ф. И. Буслаевъ, давно уже обратилъ вниманіе на совпаденіе многихъ оборотовъ и образовъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» съ образами и оборотами теперешнихъ народныхъ пѣсенъ — по преимуществу южно-русскихъ, т. е. пѣсенъ той самой мѣстности, которой принадлежит и «Слово о полку Игоревѣ». Въ настоящемъ изданіи вслѣдъ за нимъ непосредственно и помѣщаются пѣсни южно-русскія или малороссійскія въ переводѣ (какъ и все въ этомъ изданіи) на нашъ современный литературный языкъ. Первое мѣсто по праву дано тутъ такъ называемымъ *думамъ* малороссійскимъ, подходящимъ къ «Слову о полку Игоревѣ» и по своему историческому значенію, чуждому всякой *чудесной* примѣси. Думы составляютъ однако же чисто-народный поэтический родъ — ту позднѣйшую ступень въ развитіи южно-русской народной словесности, которую упразднена была въ южной Руси ступень древнѣйшая — богатырскій владиміровъ эпосъ, перенесенный на востокъ и на сѣверо-востокъ и доживающій тамъ свой вѣкъ въ видѣ тѣхъ *былинъ*, о которыхъ упомянуто выше и которыя не вошли въ это изданіе, какъ не требующія перевода. Причина, почему старинныя пѣсни о борьбѣ богатырей столично-кѣвскаго Владимира съ различными насильниками Русской Земли совершенно

*) Villemarqué, Barzaz Breiz, предисловіе къ 1-му изданію.

были вытѣспены *думами*, повѣствующими о борьбѣ позднѣйшихъ богатырей — козаковъ съ позднѣйшими насильниками — единоплеменными намъ поляками, давно уже выяснена у Н. И. Костомарова тѣмъ, что эта послѣдняя борьба, привлекая къ себѣ участіе и вниманіе *всего* народа, наполнивъ всю его жизнь, и въ самомъ народномъ эпосѣ не оставила мѣста ни для чего другого — ни для малѣйшихъ воспоминаній о какой либо другой борьбѣ.

Вслѣдъ за думами помѣщаются здѣсь образчики мелкихъ малороссійскихъ пѣсень такъ называемаго бытового содержанія. Эти послѣднія представляютъ значительныя сходства съ пѣснями бѣлорусскими, которыя всѣ безъ исключенія принадлежать къ разряду бытовыхъ. Въ Бѣлоруссіи не имѣется ничего похожаго на малороссійскія думы; въ ней вовсе не развилась *историческая* (въ строгомъ смыслѣ слова) пѣсня, хотя въ ней, какъ и въ Малороссіи, совершенно забыта *былина*, этотъ полунсторическій эпосъ о богатыряхъ владиміровыхъ. Если же древнѣйшій эпосъ, совершенно исчезнувъ и въ Бѣлоруссіи, оставилъ тамъ по себѣ пустоту, потому что ничего не явилось ему на смѣну, то это объясняется тѣми историческими обстоятельствами, которыя совершенно пришибли народную силу въ этомъ несчастнѣйшемъ изъ краевъ Земли Русской. Тяжесть панскаго гнета была такова, что невольно замирала въ устахъ и самая жалоба, раздающаяся только по-временамъ, но за-то выразительно, въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ. Самымъ однако же яркимъ поэтическимъ выраженіемъ бѣдствій народа подъ панскимъ ярмомъ служить прекрасная пѣсня изъ угорской Руси, заимствованная въ настоящемъ изданіи изъ сборника Я. О. Головацкаго. Вообще же угорско-русскія пѣсни, тѣснѣйшимъ образомъ связанныя съ галицкими, очень близко подходятъ вмѣстѣ съ этими послѣдними по строю, оборотамъ и языку къ малороссійскимъ пѣснямъ.

Во главѣ настоящаго изданія такимъ образомъ помѣщаются, вслѣдъ за переводомъ старо-русскаго «Слова о полку Игоревѣ», переводы съ отдѣльныхъ нарѣчій теперешняго русскаго языка. За-то далѣе слѣдуютъ уже переводы пѣсень, принадлежащихъ другимъ великимъ отраслямъ славянскаго племени. Первое мѣсто отведено тутъ пѣснямъ юго-славянскимъ: сербскимъ и болгарскимъ, тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ между собою и нерѣдко даже повѣствующимъ (въ от-

дѣлѣ собственно эпическомъ) объ однѣхъ и тѣхъ же поэтическихъ личностяхъ и событіяхъ. Связанные между собою единствомъ вѣры и, во многихъ отношеніяхъ, судьбы исторической, сербы и болгары вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрою и устойчивостью въ нихъ (не смотря на турецкое иго) своеобразныхъ славянскихъ началъ ближайшимъ образомъ связаны съ нами русскими, да и самый языкъ ихъ, не смотря на извѣстную примѣсь турецкихъ словъ, ближе подходитъ къ нашему, чѣмъ языки большей части другихъ славянъ. Дѣло въ томъ, что владычество турокъ, какъ бы ни было тяжело оно со стороны внѣшней, не дѣйствовало такимъ разлагающимъ образомъ на внутреннюю жизнь народа, на самобытность и независимость его народной личности, какъ оно было у славянъ западныхъ подъ вліяніемъ итѣльцевъ и ихъ различныхъ союзниковъ. Конечно, никакія насилія турокъ не сравнятся съ тѣми, какія испытали по преимуществу многострадальныя между западными славянами чехи послѣ своей блестящей гуситской поры, когда они такъ рѣшительно опередили остальную Европу, которая именно за такую ихъ дерзость и насильничала надъ ними такъ долго и такъ неустово*). Понятно, что подъ вліяніемъ такихъ неустовствъ у народной громады въ Чехіи могла быть надолго пришиблена и самая историческая память — и въ устно-народной поэзіи чеховъ дѣйствительно замѣтенъ огромный пробѣлъ: полнѣйшее отсутствіе тѣхъ пѣсень, которыя замѣняютъ для народа исторію и соотвѣтственно этому называются у насъ *былинами* или *старинами*. Напротивъ, именно этими пѣснями неистощимо богаты сербы, прямо первенствующіе въ этомъ отношеніи передъ всѣми другими славянами. Стоитъ вспомнить при этомъ съ другой стороны про отсутствіе *былевого* отдѣла у бѣлоруссовъ, которое объяснено было выше силою испытаннаго ими гнета. А между тѣмъ вѣдъ паны, угнетавшіе бѣлорусскій народъ, не были какою-нибудь чужою, инородною или нехристіанскою силою: это были свои же братья славяне, только принадлежавшіе особой славянской отрасли. Но гнетъ поляковъ въ Бѣлоруссіи все же можетъ быть объясняемъ и тѣмъ, что

*) Что касается этого *передового* значенія чеховъ въ гуситскую пору, то я могу сослаться даже на писателя, котораго, конечно, никто не можетъ упрекнуть въ излишнемъ пристрастіи къ славянству, а именно на А. Н. Пыпина. (См. его «Обзоръ Исторіи Славянскихъ Литературъ», стр. 285.)

сами они смотрѣли на себя, какъ на людей иной, высшей вѣры, которая заставляла ихъ видѣть въ русскихъ чуть-ли не инородцевъ. А что же представляетъ намъ сама Польша, Польша въ ея природныхъ предѣлахъ, помимо всякихъ захватовъ у Руси? Развѣ не такой-же точно гнетъ, какъ и бѣлоруссы, испытывалъ *польскій* простой народъ подъ вліяніемъ *польскаго* панства? Вотъ этимъ же самымъ гнетомъ объясняется и отсутствіе въ польской народной словесности, какъ и въ бѣлорусской, пѣсень вышлага, героическаго содержанія, пѣсень такъ называемыхъ былевыхъ. И вотъ ежели съ этимъ отсутствіемъ ихъ у угнетенныхъ *своимъ* же вельможествомъ поляковъ сопоставить широкое процвѣтаніе подобныхъ пѣсень у сербовъ, не смотря на вѣковое владычество надъ ними *чужого* и *иновернаго*, притомъ даже *нехристіанскаго* народа — турокъ, то невольно придется прійти къ заключенію, что общественная порабощенность народа во сто кратъ хуже, чѣмъ его политическая подвластность. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и у насъ на Руси двухвѣковое иго татаръ породило гораздо менѣ золь, чѣмъ позднѣйшая и нѣсколько долѣе продолжавшаяся *закрѣпощенность* народа. Извѣстно, что и нашъ русскій былевой эпосъ въ наибольшей полнотѣ сохранился на той сѣверной нашей окраинѣ, куда не проникло крѣпостное право.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что судьбы народной словесности, какъ и судьбы народовъ, не вездѣ одинаковы. Съ одной стороны словесность народная, какъ и самый языкъ, составляетъ достояніе всенародное: нѣтъ народа безъ языка, и нѣтъ народа, языкъ котораго не доходилъ бы до созданія пѣсень. Но чѣмъ болѣе заключаетъ въ себѣ народъ *задатковъ* исторической жизни, тѣмъ богаче, глубже, многостороннѣ становятся его пѣсни. Появленіе въ народной словесности такъ называемыхъ у насъ *былинъ* или *старинъ* служитъ первымъ признакомъ пробужденія во всей громадѣ народной *историческаго самосознанія*. Такое самосознаніе можетъ не пробудиться — и подобныя пѣсни не появляются; или оно можетъ пробудиться, но потомъ заглухнуть подъ вліяніемъ позднѣйшихъ неблагоприятныхъ вліяній — и подобныя пѣсни исчезаютъ изъ памяти. Народная словесность такимъ образомъ представляетъ свои послѣдовательныя ступени развитія, но не всякій народъ проходитъ ихъ всѣ и не всякому удается при этомъ спастись, какъ и въ самой исторической жизни,

отъ поворотовъ вспять. Съ другой же стороны народъ, въ силу своихъ историческихъ способностей и удачности достигшій въ своей устной словесности самой высокой ступени, при дальнѣйшихъ успѣхахъ своихъ и удачахъ на историческомъ поприщѣ, долженъ неминуемо ожидать упадка и разложенія въ области устнаго творчества, которое должно все болѣе и болѣе вытѣсняться литературною дѣятельностью, и тѣмъ быстрѣе должно пойти подобное вытѣсненіе, чѣмъ непосредственнѣ будутъ участвовать въ литературной дѣятельности силы *всего народа*, или, по-крайней-мѣрѣ, чѣмъ непосредственнѣе будетъ пользоваться ею весь народъ.

Если сербскій народный эпосъ занимаетъ такое первенствующее положеніе въ народной словесности славянъ, то это служить съ одной стороны признакомъ богатыхъ задатковъ для исторической жизни въ сербскомъ народѣ, указываетъ на то, что задатки эти не были пришиблены и турецкимъ игомъ, съ другой же стороны это объясняется тѣмъ, что въ литературной дѣятельности сербской, послѣ ея старыхъ, да и то далеко не самостоятельныхъ зачатковъ, произошелъ продолжительный перерывъ и застой; позднѣйшія же попытки сербовъ на литературномъ поприщѣ еще очень далеки отъ того, чтобы повести къ ослабленію народнаго творчества. Сербскій былевой эпосъ, сохранившійся даже въ большей свѣжести и неиспорченности, чѣмъ нашъ русскій, уступаетъ этому послѣднему только въ *объединенности*: не смотря на то, что не только многія изъ дошедшихъ до насъ русскихъ былинъ неполны или значительно подновлены, но что многія изъ нихъ, очевидно, совсѣмъ позабыты, и въ нашемъ эпосѣ такимъ образомъ существуютъ большіе пробѣлы — и въ тѣхъ, такъ сказать, уже *развалинахъ*, которыя у насъ сохранились, замѣчается такая стройная замкнутость въ одинъ кругъ (я разумѣю кievскій) и сосредоточенность вокругъ одной, нравственно первенствующей личности (Ильи Муромца), каковая сербскимъ народнымъ эпосомъ не достигнута. Это вполне соответствуетъ тому, что и въ исторической жизни русскій народъ достигъ, разумѣется, большаго, чѣмъ народъ сербскій, а то уже разлагающееся состояніе, въ какомъ дошелъ до насъ русскій эпосъ, объясняется съ одной стороны вышеупомянутымъ пришибающимъ дѣйствіемъ крѣпостнаго права (въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно господствовало), съ другой же намъ стоитъ только

назвать Ломоносова, Посошкова, Слѣпушина, Кольцова, Никитина, чтобы дать почувствовать, что нѣкоторая часть общенародныхъ умственныхъ силъ уже отводится у насъ изъ области первобытнаго творчества въ область литературы. Тоже самое обстоятельство, даже еще въ сильнѣйшей степени, обнаружилось въ текущемъ столѣтїи у чеховъ и у словаковъ, и это въ свою очередь объясняетъ уже проявляющійся у нихъ упадокъ народнаго творчества, имѣющій усиливаться — тѣмъ дальше, тѣмъ болѣе.

Только что изложенныя обстоятельства достаточно, кажется, объясняютъ, почему для сербскихъ народныхъ пѣсней отведено въ настоящемъ изданїи такъ много мѣста. А соотвѣтственно этому о нихъ придется сказать всего болѣе и въ моемъ вступительномъ очеркѣ.

Сербскій народный эпосъ отличается отъ нашего русскаго тѣмъ, что, особенно живо помня о порѣ непосредственно предшествовавшей турецкому нашествію и непосредственно слѣдовавшей за нимъ, онъ сохранилъ только самыя темныя воспоминанія о древнѣйшей порѣ, тогда какъ въ нашемъ русскомъ эпосѣ какъ бы застынуто представляется именно пора древнѣйшая кievская и къ ней, съ ея стольнымъ (хотя и сильно обаснословленнымъ) княземъ Владиміромъ, приурочиваются позднѣйшія историческія событія. Напротивъ того въ сербскомъ эпосѣ даже далеко не столь старый и вполнѣ блистательный царь Душанъ († 1356 г.), этотъ главнѣйшій изъ представителей кратковременнаго могущества Сербїи, стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ господствующаго теченія событій эпическихъ. Былины о царѣ Стефанѣ и затрогиваютъ — то болѣею частью только различныя и притомъ чисто баснословныя обстоятельства изъ приписываемой ему частной жизни, и имъ остается почти совершенно чуждо историческое его значеніе. Но оно вѣдь и не могло привлечь къ себѣ сочувственнаго участія народа, потому-что весь блескъ и могущество, приданное Душаномъ Сербїи, были чисто искусственнаго, а потому и непрочнаго свойства. Душану хотѣлось построить Сербїю по плѣннвшему его властолюбивое воображеніе византійскому государственному образцу, но это было противно природнымъ условіямъ Сербїи и народъ отвесилъ къ этому безучастно. Собственно одна пѣсня сербская, помѣщенная у насъ въ самомъ началѣ, при всей легендарной своей обстановкѣ, отчасти отражаетъ въ себѣ историческое значе-

ніе царя Стефана — и отражаетъ въ несочувственномъ свѣтѣ. Происходившее при немъ столкновеніе народнаго сербскаго и византійскаго взгляда на вещи выражается тутъ въ двойномъ образѣ дѣйствій царя Стефана на заданномъ имъ именованномъ пирѣ. Въ началѣ его царь Стефанъ, по народному, для всѣхъ равно обязательному закону гостепрїимства, самъ прислуживаетъ своимъ гостямъ (какъ и нашъ Владиміръ князь стольно-кievскій). Но сидящее за столомъ у царя духовенство является представителемъ византійскаго взгляда, когда говоритъ, что смотрѣть на это зазорно, что на то у него царя есть слуги. Стефанъ немедленно *соблазняется* такимъ взглядомъ и перестаетъ прислуживать, но самъ небесный покровитель царя, Стефанъ архангелъ, становится противъ зараженнаго чужими понятіями духовенства на сторону народнаго взгляда, переставая просѣвлять царя своими крыльями — за то, что онъ не смирился духомъ.

Къ числу историческихъ лицъ, предшествовавшихъ турецкому игу и занесенныхъ въ народный эпосъ, принадлежатъ и *кралъ* Вукашинъ, вмѣстѣ съ этимъ званіемъ получившій почти неограниченную власть при молодомъ преемникѣ царя Стефана, Урошѣ, котораго онъ и убилъ потомъ какъ бы изъ благодарности. Эпосъ остается вѣрнымъ исторїи, выставляя Вукашина въ самомъ несочувственномъ свѣтѣ; но похожденія, приписываемыя ему, на половину баснословнаго свойства. Одно изъ нихъ заключается въ томъ, что онъ вѣроломнымъ образомъ губить воеводу Момчила, при помощи измѣнившей ему жены (такихъ жонъ-измѣнницъ — множество въ эпосѣ всѣхъ народовъ), но, по собственному совѣту умирающаго, не беретъ участника въ преступленїи за себя, боясь, что она и ему измѣнитъ, а женится на вѣрной сестрѣ Момчила, Евросимѣ. Другое похожденіе Вукашина помѣщено въ настоящемъ изданїи; это — «Построеніе Скадра». Въ основу легло тутъ старинное миенческое повѣріе, существующее въ эпосѣ разныхъ народовъ, что для успѣха извѣстнаго предпрїятія нужна челоувѣческая жертва. Въ сербской пѣснѣ жертвы этой требуетъ *вила*, одно изъ тѣхъ, довольно часто въ нихъ попадающихся, миенческихъ женскихъ существъ воздушнаго свойства, которыя представляются живущими на высокихъ горахъ и въ каменныхъ пещерахъ у водъ. Желая спасти отъ роковой смерти свою жену, Вукашинъ, совершенно согласно съ основными чертами своего

права, нарушаетъ данную имъ передъ братьями клятву молчать и предоставить это дѣло судьбѣ. Столько же вѣроломнымъ оказывается, впрочемъ, и второй братъ, Угльша; за-то вѣрнымъ клятвѣ остается третій — такую правдивостью напоминающій сочувственный типъ младшаго брата во всепародныхъ сказкахъ. Ужасная развязка пѣсни поэтически смягчается тѣмъ, что юная жена Гойки, закладываемая въ стѣну, и послѣ смерти сохраняетъ способность питать грудью своего младенца — черта, объясняемая всепароднымъ вѣроваемъ въ продолжающіяся сношенія между мертвыми и живыми. Нельзя не замѣтить, что самыми первобытными временами отзывается въ нашей пѣснѣ исправленіе самими жонами вельможъ служебныхъ обязанностей, напоминающее типъ Навзикаанъ въ «Одиссеѣ»; съ другой же стороны допотопная грубость понятій слышна въ просьбѣ несчастной Гойковницы — на деньги ея матери купить рабыню и заложить ее въ стѣну вмѣсто нея.

Отголосокъ той же грубой патриархальной поры слышится и въ большой пѣснѣ про бановича Страхиныю, жена котораго уведена туркомъ, родной же ея отецъ не хочетъ отпустить на выручку къ ней ея братьевъ, на томъ основаніи, что ей послѣ этого не быть ужь женою Страхиныѣ и лучше ему поискать другой. За-то въ этой же самой пѣснѣ оказывается замѣчательная смягченность — сравнительно со сходными сказаніями про расправу мужа съ женою-измѣнницей у разныхъ народовъ. Вмѣсто обычнаго въ этомъ случаѣ жестокаго самосуда, Страхиныя не только сама прощаетъ жену свою, но и не позволяетъ отцу ея и братьямъ дотронуться до нея пальцемъ. Наконецъ проявленіемъ человѣчности служить въ этой пѣснѣ и то, что Страхиныя отпустила плѣннаго дровиша на свободу, повѣривъ его честному слову. Черта эта вполне соответствуетъ свидѣтельству императора византійскаго Мавриція, что у славянъ въ обычаѣ было предлагать военно-плѣннымъ, по прожитіи у нихъ опредѣленнаго срока, выкупаться на волю, или оставаться жить вмѣстѣ съ ними въ качествѣ уже свободныхъ людей.

Мѣстомъ, гдѣ происходитъ бой Страхиныи съ обидчикомъ туркомъ, служить знаменитое въ эпосѣ и исторіи печальной памяти Косово поле. Надо замѣтить однако же, что оно является въ сербскомъ эпосѣ такимъ же обычнымъ прозвищемъ поля вообще, какъ въ нашихъ былинахъ Куликово поле, а потому и нѣтъ основанія въ

боѣ Страхиныи съ Влахъ-Аліей видѣть одинъ изъ эпизодовъ знаменитой косовской битвы, участниками въ которой являются, это правда, и Страхиныя и его тещъ съ шурьяками, но уже въ особыхъ пѣсняхъ, относящихся къ пѣскольکو позднѣйшей порѣ эпической. Предвѣстіемъ этой поры является сонъ, упоминаемый въ пѣснѣ о «Сербской церкви», какъ она называется въ переводѣ А. Н. Майкова («Зиданье Раванице» въ сборникѣ Вука Караджича). Впрочемъ, это не столько переводъ, сколько весьма даже вольное возсозданіе, и самый сонъ царицы съ его разгадкою принадлежитъ не сербскому подлиннику, а нашему поэту, хотя нельзя не сознаться, что онъ совершенно въ духѣ народнаго эпоса. Въ подлинникѣ царица просто указываетъ царю Лазарю на то, что слѣдуетъ же и ему, по примѣру предковъ, выстроить церковь на поминъ души; слѣдующія же за тѣмъ блистательныя затѣи царя и скромный совѣтъ Милоша, съ указаніемъ на предстоящее нашествіе турокъ, переданы г. Майковымъ совершенно вѣрно. Царь Лазарь, какъ извѣстно — лицо историческое. Бывъ сперва саванникомъ при царѣ Стефанѣ Душанѣ Сильномъ и потомъ намѣстникомъ двухъ отдѣльных областей въ сербскомъ царствѣ, онъ впоследствии достигъ самодержавной власти и положилъ конецъ междоусобіямъ, слѣдовавшимъ за смертью Душана. Спокойствіе, доставленное имъ Сербіи, было однако же не надолго: турки, съ которыми имѣлъ уже дѣло король Вукашинъ (убитый послѣ проигранной битвы съ ними въ 1371 г.), неминуемо угрожали самостоятельности Сербіи, какъ о томъ пророчили, по свидѣтельству Милоша, святія старинныя книги (книжки староставне). Милошъ — также лицо историческое, одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей въ роковой борьбѣ съ турками и одинъ изъ любимыхъ героевъ народнаго эпоса. Въ особомъ пересказѣ пѣсни о построеніи царемъ Лазаремъ церкви, онъ становится спасителемъ отъ лютой казни братьевъ царицы Милицы, Юговичей, и отца ея Югъ-Богдана, навлекшихъ на себя опалу царскую страшнымъ корыстолюбіемъ, выказаннымъ ими при вѣренномъ имъ наблюденіи за постройкою церкви *).

Такимъ образомъ Юговичи со своимъ старымъ отцомъ являются съ самой непривлекательной стороны не въ одной только пѣснѣ про бановича Страхиныю. Между тѣмъ тѣ же самые Юговичи

*) Вука Караджича «Сербскія Пѣсни», ч. II, № 36.

становятся безстрашными защитниками отечества въ пѣсняхъ про косовскую битву — подъ неотразимымъ влияніемъ того могучаго общенароднаго чувства, которое бываетъ въ состояніи охватывать и проводить съвозъ свое очистительное горнило и такихъ людей, которые, каждый самъ по себѣ, въ отдѣльности, отличаются совершенною дряхлостью. Юговичи, какъ и всѣ вокругъ нихъ, боятся быть прозванными окаянными трусами и измѣнниками и слагаютъ свои буйныя головы (спасается только младшій) вмѣстѣ со старикомъ Югъ-Богданомъ, въ обыкновенное время, какъ видѣли мы, стоявшимъ не выше ихъ въ нравственно-помощи отношеніи. Но не побоялся прозваться измѣнникомъ безстыдный Вукъ Бранковичъ, этотъ Ганелонъ народнаго сербскаго эпоса *), за-то и проклинаемый въ каждой изъ пѣсенъ про косовскую битву. По исторіи женатыи на одной изъ дочерей Лазаря, какъ и Милошъ, Вукъ находится съ этимъ послѣднимъ въ давнишней личной враждѣ, и самая клевета на него передъ Лазаремъ, будто бы онъ хочетъ ему измѣнить, (съ большой головы на здоровую!) существуетъ не только въ эпосѣ, но есть историческій фактъ, засвидѣтельствованный сербскими и греческими писателями, равно какъ и убіеніе Милошемъ султана Мурата**). Въ одной изъ пѣсенъ про косовскую битву участникомъ въ ней становится и крадь Вукашинъ, подобно Юговичамъ съ ихъ отцомъ заглаживающій свои преступленія славною смертью (по исторіи же, какъ видѣли мы, Вукашинъ погибъ еще въ 1371 г., тогда-какъ косовская битва была въ 1389 г.).

Прекрасныя сербскія пѣсни про косовскую битву, какъ не трудно замѣтить, отличаются, за весьма немногими исключеніями въ частности, перевѣсомъ историческаго строя. Въ нихъ даже почти незамѣтно той обычной въ эпосѣ примѣси чудеснаго, въ силу которой одиночные богатыри народныя расправляются съ цѣлыми вражьиными полчищами. Собственно только въ пѣснѣ про Юришича Янка чисто-богатырская, но и то уже значительно умѣренная, стихія сказывается въ томъ, что одинъ онъ удачно совершаетъ расправу съ цѣлыми двумя стами янчаровъ. По внутреннему своему настроенію пѣсни о косовской битвѣ

проникнуты мужественною грустью и какою-то особенною покорностью неотразимому року. Въ одной изъ нихъ роковое принимаетъ христіанскій вѣроисповѣдныи оттѣнокъ, долженствующій успокоительнымъ образомъ дѣйствовать на оскорбленное народное чувство. Царю Лазарю будто бы быть предоставленъ выборъ между земнымъ и небеснымъ царствомъ, и онъ будто бы самъ предпочелъ мученическимъ исходомъ борьбы съ невѣрными купить царство небесное, потому-что оно — на вѣки, земное же не надолго.

Въ пѣснѣ о Юришичѣ Янкѣ участникомъ косовской битвы является и знаменитый королевичъ Марко. Своего рода намекъ на это имѣется и въ пѣснѣ про Марка и сокола, гдѣ этотъ послѣдній спасается Маркомъ именно во время битвы съ турками на косовомъ полѣ. Между-тѣмъ всѣ остальные пѣсни выставляютъ Марка, согласно съ исторіей, не супротивникомъ турокъ, а вѣрнымъ, хотя и не дающимъ себя въ обиду, слугою султана. И при всемъ томъ Марко — любимый богатырь сербскій, представитель цѣлаго особаго круга эпическаго, круга, стоящаго въ сторонѣ отъ пѣсенъ про косовскую битву. Службу своего первенствующаго богатыря туркамъ народъ объясняетъ себѣ неотразимымъ предопредѣленіемъ. Сюда относится пѣсня «Судъ королевича Марка», или, какъ она озаглавлена въ сербскомъ подлинникѣ, «Урошъ и Мерлявчичи». У малолѣтнаго Уроша, сына царя Стефана Душана, оспариваютъ царскій престолъ трое сыновей Мерлявца, тѣ самые, что являются дѣйствующими лицами въ пѣснѣ о «Построеніи Склада». Но ежели тамъ, какъ видѣли мы, одинъ изъ братьевъ, младшій, отличается великодушной правдивостью, то тутъ всѣ трое въ одинаковой степени руководятся только личною своею выгодой. Съ другой стороны, въ той пѣснѣ не совсѣмъ-то честно дѣйствующею, ради спасенія своей жизни, является и жена Вукашина; здѣсь же она, напротивъ того, внушаетъ своему сыну Марку, что лучше преждевременно сложить голову, чѣмъ принять грѣхъ на душу. И въ другихъ пѣсняхъ про Марка, мать его Евросима постоянно является съ самой сочувственной стороны, возставая противъ проливанья напрасной крови и силою своей материнской власти смягчая суровость сына. Но если она такимъ образомъ выставляется въ сербскомъ эпосѣ вполнѣ заглаживающею единственную свой недобрый поступокъ, то совершенно напротивъ того Вука-

*) Ганелонъ — извѣстный предатель французовъ при Ронсеваллѣ, виновникъ гибели Роланда — въ знаменитой карловингской пѣснѣ «Chanson de Roland».

***) См. А. Соколова: «Объ историческихъ народныхъ пѣсняхъ Сербовъ», Казань, 1854, стр. 24—25.

шинъ все далѣе и далѣе затягивается въ преступленія — въ исполненномъ драматизма теченіи пѣсни про тяжбу его и братьевъ съ Урошемъ. Правдивый судъ Марка въ этомъ дѣлѣ до того озлобляетъ Вукашина, что онъ едва не становится убійцею своего сына, когда же оказывается, что вмѣсто Марка онъ поразилъ ангела, то мысль о карѣ, которая можетъ ему грозить за подобное святотатство, вмѣсто того, чтобы смирить Вукашина, только подстрекаетъ его отомстить виновнику-сыну самую ужасною местию — совершить надъ нимъ нравственное убійство, обрекая его на служеніе туркамъ. Злое зачатіе Вукашина сбывается съ тою неотразимою силою, съ какою вообще дѣйствуетъ, по первобытному народному вѣрованью, всякій заговоръ, съ какими бы злыми умыслами онъ ни соединялся и какъ бы ни былъ невиненъ тотъ, противъ кого онъ направленъ. Но злему зачатію Вукашина противопоставляются благословенія благодарнаго Марку Уроша, дѣйствующія съ тою же неотразимою силою, но, при всей богатырской славѣ и доблести, наговариваемой ими на Марка, все-таки немогущія снять съ его головы роковое служеніе султану. Такъ вотъ какимъ способомъ объясняетъ себѣ народъ то внутреннее противорѣчіе, которое такъ обидно его поражаетъ въ его любимомъ богатырѣ.

Впрочемъ изъ цѣлаго ряда пѣсенъ про Марка видно, что и служа туркамъ онъ заставляетъ ихъ уважать себя и въ своемъ лицѣ народную сербскую силу, вмѣстѣ же съ тѣмъ является, подобно нашему Ильѣ Муромцу, *стоятелемъ* за народъ, за слабыхъ и сирыхъ. Великій цѣнитель народнаго эпоса, Яковъ Гриммъ, приводятъ, въ видѣ дивовины, мнѣніе о любимомъ сербскомъ героѣ автора сербской истории, Энгеля: «судя по пѣснямъ, это былъ такой же сорви-голова на войнѣ, какъ пьяница и кутила въ другое время». — «Мнѣ бы хотѣлось знать, спрашиваетъ Гриммъ, достало ли бы у какого-нибудь испанскаго или французскаго историка смѣлости, чтобы подобнымъ образомъ предать поношенію такихъ народныхъ героевъ, какъ Сидъ и Роландъ» *). Гриммъ очень хорошо понималъ, что на какого бы героя народнаго ни посмотрѣть съ той узкой точки зрѣнія, какою, очевидно, задался Энгель, всякій бы изъ нихъ могъ представиться и сорви-головой,

и пьяницей. Но надо быть болѣе чѣмъ близорукимъ, чтобы изъ-за этихъ грубыхъ сторонъ богатырской природы (по своимъ основнымъ чертамъ единой у всѣхъ народовъ) не видѣть въ народныхъ герояхъ ничего другого, тѣхъ, нерѣдко высокихъ проявленій челоѣческаго достоинства, которыя существуютъ въ эпосѣ каждаго народа и у каждаго получаютъ свой особый народный оттѣнокъ.

Сербскій Марко-королевичъ не только грубъ, но и безчелоѣченъ въ пѣснѣ объ арапской царевнѣ, которую, изъ-за ея безобразія, онъ такъ ужасно отблагодарилъ за оказанное ему благодареніе, хотя и тутъ, какъ въ сербскомъ, такъ и въ болгарскомъ пересказѣ, лучшая сторона Марка уже заставляетъ его гнущаться этого поступка и горько каяться въ немъ передъ Богомъ. Но съ другой стороны какая мягкость — хотя бы въ заботахъ Марка о соколѣ на Косовомъ полѣ, мягкость, впрочемъ, напоминающая цѣлый рядъ общенародныхъ сказаній о молодцѣ, сострадательномъ и къ животнымъ, и о благодѣтельности этихъ послѣднихъ. За-то уже совершенно своеобразный славянскій оттѣнокъ принимаетъ мягкость Марка въ пѣснѣ о немъ и бегѣ Костадинѣ, которому онъ ставитъ на видъ его три *нечовѣства* (безчелоѣчія), изъ ряду коихъ особенно выдаются прогнанныя имъ изъ-за стола сироты, которыхъ сострадательный Марко одѣваетъ въ богатѣйшія одежды, а послѣ этого ихъ радушнѣйшимъ образомъ принимаетъ и самъ бегъ Костадинъ. Забота о сиротинѣхъ сказывается въ различныхъ походженіяхъ Марка, и именно мысль о ней, а также о *нищѣ и убогѣ*, заставляетъ его отказаться отъ званія сборщика податей въ пѣснѣ про «Мину изъ Костура». Тоже самое начало проявляется и въ нашихъ русскихъ былинахъ, когда, напримѣръ, Владиміръ-князь упрямиваетъ обиженнаго имъ Илью Муромца ополчиться противъ татаръ — не ради его, князя Владиміра, а ради вдовъ и дѣтей. Не желая разживаться на счетъ этихъ послѣднихъ, Марко не останавливается ни передъ какими опасностями для защиты слабыхъ. Это съ особенною ясностью видно въ пѣснѣ о томъ, какъ откупилъ онъ свадебный откупъ, установленный арапомъ Замораниномъ на славномъ Косовомъ полѣ, уже принадлежавшемъ царю (султану). Пролитая, по обычаю многихъ богатырей у различныхъ народовъ, обильныя слезы (даромъ что богатыри грубы), Марко горько тужитъ о томъ, чего пришлось дожидаться Косову полю: «послѣ нашего князя честнаго (Ла-

*) J. Grimm, «Kleinere Schriften», IV, 222.

заря) поганый арапинъ осмѣливается на тебѣ суды судить!» Со всею силою пробуждается тутъ въ Маркѣ народное чувство: онъ хочетъ отомстить за своихъ, или погибнуть. Самая пощада, оказываемая имъ въ концѣ четырехъ арабскимъ слугамъ, задумана имъ въ видахъ обороны народной: Марко оставляетъ ихъ въ живыхъ для того,

Чтобъ могли они повѣдать людямъ,
Что межъ Маркомъ стало и арапомъ.

Ни дать, ни взять нашъ Илья Муромецъ, щадящій трехъ вражескихъ королевичей подъ Черниговомъ, говоря имъ:

Вы чявите вездѣ такую славу,
Что святая Русь не пуста стоитъ,
На святой Руси есть сильныи, могучи богатыри!

Чисто-народное чувство сказывается въ Маркѣ королевичѣ и тогда, когда онъ даетъ почувствовать свою силу султану. Сюда относится пѣсня, въ которой узнаетъ онъ саблю своего отца и свосить голову турку — его убійцѣ, а также и та, гдѣ онъ пьетъ вино въ рамазанъ (постъ у турокъ) и такимъ образомъ гордо показываетъ султану, что турецкій законъ для него не законъ. Есть, правда, и такая пѣсня (она не вошла въ это изданіе)*), гдѣ султанъ засаживаетъ Марка въ тюрьму, но впоследствии ему за-то приходится прибѣгать за помощью противъ враговъ къ тому же Марку, какъ нашему князю Владиміру къ засаженному имъ въ погребъ Ильѣ Муромцу. И долго не подается Марко, ссылаясь на свое истощенье въ тюрьмѣ, такъ-что султану наконецъ приходится сослаться на *сиротинню*, совершенно подобно Владиміру князю, тогда-какъ, надо замѣтить, ни въ греческомъ эпосѣ Агамемновъ, ни въ иранскомъ Рустемъ, ни во франкскомъ Карлѣ Великій, точно также умоляющіе о помощи разобиженнаго богатыря, и не думаютъ умолять его *ради сироты* **).

Цѣлыхъ триста лѣтъ прожилъ Марко, совершая свои богатырские подвиги, да и послѣ такой долгой жизни онъ умеръ отъ руки Божіей, а не отъ оружія вражьяго, потому-что ему, какъ и нашему Ильѣ Муромцу, *смерть на бою была не написана*.

*) Вука Караджича «Сербскія пѣсни», ч. II, № 67 (Марко и Муса Кеседжіа)

**) Замѣчательно, что въ этомъ случаѣ предпочтеніе славянскому эпосу отдаетъ даже нѣмецкій писатель М. Карриеръ, въ своемъ сочиненіи: «Die Kunst im Zusammenhange der Culturentwicklung» (кн. III, отд. II, стр. 26).

Но кромѣ того сказанія про смерть Марка, которое передается пѣсней о ней, существуютъ другія, по которымъ Марко, подобно нашему Ильѣ Муромцу, подобно западнымъ Фридриху Барбароссѣ и Карлу Великому, подобно наконецъ эстонскому сыну Калевы, заключается въ пещеру. Но наступитъ время, и онъ снова выйдетъ оттуда, и тогда только совершитъ то, чего, въ силу заклатья отцовскаго, не могъ совершить при своей *первой* жизни — освободить свой народъ отъ турокъ.

Изъ эпическихъ пѣсней, стоящихъ въ сторонѣ отъ двухъ главныхъ круговъ сербскаго эпоса, (про Лазаря и про Марка королевича) на первомъ мѣстѣ поставлена въ этомъ изданіи прекрасная пѣсня про Симеона-найденыша, сходная по своей основѣ съ извѣстнымъ древне-греческимъ сказаніемъ объ Эдипѣ. Подобныя сказанія существуютъ въ различныхъ видахъ у многихъ народовъ; у нѣкоторыхъ, какъ у сербовъ, они досихъ-поръ сохраняются памятью, у другихъ издавна уже зашли въ рукописи и подверглись въ нихъ различнымъ искусственнымъ передѣлкамъ. Пѣсня «Сестра и Братъ» также принадлежитъ къ числу сказаній, распространенныхъ у разныхъ народовъ, какъ въ пѣсенной, такъ и въ сказочной формѣ. Собственно только пересказомъ ея служить въ отдѣлѣ болгарскихъ пѣсней носящая заглавіе: «Обитель Врачарница». Пѣсни этого рода служатъ отголоскомъ той отдаленной поры родовой розни, которая съ такою силою сказывается и во множествѣ свадебныхъ народныхъ пѣсней. Если самъ женихъ въ этихъ пѣсняхъ представляется невѣстѣ *чужимъ чужаниномъ*, то понятна и ея отчужденность отъ его родни, способная переражаться въ такую ненависть, для удовлетворенья которой женщина готова пожертвовать даже своимъ младенцемъ. Собственные дѣти, приносимыя въ жертву мести — черта, довольно распространенная и въ древне-германскомъ эпосѣ, закрѣпленномъ письменностію еще въ средніе вѣка. Существуя и въ теперешнихъ устныхъ сказаніяхъ у различныхъ народовъ, черта эта служитъ однимъ изъ доказательствъ живучести старины въ необыкновенно крѣпкой народной памяти. Такою же отдаленною стариною отзывается у различныхъ народовъ и сказаніе о злой свекрови, уже довольно смягченнымъ видомъ котораго является трогательная сербская пѣсня про Юву и Мару: въ этой пѣснѣ мать представляется только *разумницею* между сы-

номъ и его милой, тогда-какъ во многихъ сказаніяхъ она прямо оказывается *убицей* жены своего сына. Пѣсня про Ваню-Голую Котомку принадлежитъ къ разряду пѣсень про похищеніе невѣсты, также весьма распространенныхъ повсюду и во всевозможныхъ видахъ. Извѣстно, что насильственный увозъ невѣсты былъ древнѣйшею формою брака у всѣхъ народовъ. Въ нашей пѣснѣ увозъ *обманомъ*, получающій особый оттѣнокъ оттого, что тутъ ловкостью молодого серба проведены обидчики сербскаго народа — турки.

Всѣ эти пѣсни могутъ быть отнесены къ разряду сказаній изъ частной жизни, основа которыхъ — общенародная. Это совсѣмъ не то, что эпическія пѣсни первыхъ разрядовъ, отличающіяся по преимуществу своеобразіемъ. За-то опять на мѣстную сербскую почву, и притомъ на почву новѣйшую историческую, переносить пѣсни изъ войны сербско-мадарской, помѣщенная въ самомъ концѣ эпическаго отдѣла, и особенно интересная потому, что она, очевидно, сложилась по свѣжимъ слѣдамъ событія. Такія пѣсни, впрочемъ, слагаются у сербовъ чрезвычайно легко, но слагаются, какъ можно видѣть и по помѣщенному въ этомъ изданіи образцу, изъ давнишняго запаса поэтическихъ оборотовъ и образовъ, только примѣняемыхъ къ современнымъ событіямъ. Послѣдніе два тома сборника сербскихъ пѣсень Вука Стефановича Караджича именно и занимаютъ такія пѣсни, которыя служатъ, можно сказать, поэтической современною лѣтописью Сербіи.

При множествѣ пѣсень чисто эпическаго строя, сербы могутъ похвалиться и прекрасными лирическими пѣснями, образцы которыхъ составляютъ въ настоящемъ изданіи цѣлый особый отдѣлъ. Лирическими, впрочемъ, онѣ могутъ быть названы собственно потому, что въ каждой изъ нихъ выражается одно господствующее душевное настроеніе — по преимуществу настроеніе любящихъ сердце — но выражается оно въ формѣ все-же по большей части эпической, иногда же и драматической, т. е. въ видѣ обмѣна рѣчей между двумя дѣйствующими лицами, къ числу которыхъ иной разъ принадлежитъ и конь, надѣляемый тутъ, какъ и въ эпическихъ пѣсняхъ, способностью *проговаривать*.

Въ самомъ концѣ мелкихъ пѣсень помѣщена опять чисто эпическая, принадлежащая къ довольно распространенному роду сказаній про *птичью свадьбу*, сказаній, не лишонныхъ юмори-

стическаго оттѣнка *). Это небольшой обращикъ того рода народной словесности, изъ котораго выработался всѣмъ извѣстный родъ литературныхъ произведеній — басня.

За пѣснями сербскими помѣщаются находящіяся съ ними въ ближайшемъ родствѣ болгарскія. Про двѣ изъ нихъ уже сказано выше, такъ какъ онѣ, собственно говоря, только особые пересказы пѣсень, имѣющихся и въ Сербіи. («Исповѣдь Марка-королевича» и «Обитель Врачарница»). Но такова и большая часть прочихъ, вошедшихъ въ это изданіе. «Женитьба короля Шишмана» очень близко подходитъ въ сербскомъ эпосѣ къ «Женитьбѣ Душана»; но и та и другая — только особый видъ того всенароднаго сказанія про опасное сватовство, отпрыскомъ котораго является и наше русское про женитьбу Владимира князя. Что касается болгарской пѣсни про воеводу Дойчина, то она совершенно близко подходитъ къ сербской про большого Дойчина **), обѣ же вмѣстѣ являются только вариациею на всенародную тему измѣны жены. Прямо противоположнаго содержанія пѣсня про Марковичу, вѣрную жену Марка королевича, которой нѣтъ соотвѣтственной въ сербскомъ эпосѣ. Довольно своеобразна также и пѣсня о томъ, какъ Марко отыскиваетъ своего брата, хотя нѣчто подобное имѣется и въ сборникѣ сербскихъ пѣсень Юкича и Любоміра. Въ пѣснѣ болгарской особенно замѣчательны *золотые волосы* Марка королевича — черта, которой соотвѣтственныя имѣются въ сказкахъ и основа которой должна быть мифическая. Что касается «Марка и Филиппа Мадарина», то это опять только особый пересказъ пѣсни, имѣющейся и у сербовъ. Сродною по содержанію оказывается и пѣсня про Марка и Филиппа Сокола. Попадающаяся въ ней мифическая же черта — союзъ побратимства (нашего русскаго *названію* или *крестованію* братства) между Маркомъ и Самодивою (тоже, что у сербовъ *вила*) встрѣчается въ свою очередь и въ сербскихъ сказаніяхъ про Марка. Въ концѣ пѣсни болгарской замѣчательно то, что Марко требуетъ отъ Сокола девятилѣтней службы. Если сопоставить это съ девятилѣтнимъ же плѣномъ дerviша у бановича Страхиньи, то придется заключить, что, подобно Страхиньѣ, и Марко по истеченіи этого срока дол-

*) Такія пѣсни попадаютъ и въ русскихъ сборникахъ — подъ заглавіемъ: «Каково птицамъ жить на Руси».

**) Вука Караджича «Сербскія Пѣсни», II, № 78.

женъ выпустить на свободу своего плѣнника — по старославянскому вышеуказанному обычаю.

Кромѣ болгаръ и сербовъ, къ одной съ нами юговосточной отрасли славянскаго племени относятся, по извѣстному дѣленію знаменитаго Шафарика, и хорутане, живущіе въ австрійскихъ областяхъ Штирія, Каринтіи и Краинѣ. Пѣсни хорутанскія, на этомъ основаніи, и помѣщаются у насъ вслѣдъ за болгарскими. Самая большая изъ нихъ и наиболѣе проникнутая эпическимъ строемъ — про женитьбу короля Матгяса — по основѣ своей, какъ легко замѣтитъ читатель, напоминаетъ сербскую пѣсню про Марка королевича и Мишу изъ Костура. Другая эпическая же пѣсня — про молодую Бреду — есть лишь одно изъ сказаній про *злую свекровь*. Особенность хорутанской пѣсни составляетъ то, что злость свекрови тутъ объясняется ея принадлежностью чужому, турецкому племени, тогда-какъ, напримѣръ, въ нашихъ русскихъ соотвѣтственныхъ пѣсняхъ (послужившихъ основаніемъ для драмы г. Чаева «Свекровь») она такая же русская, какъ и гонимая ею невѣстка. Но съ другой стороны надо замѣтить, что въ свадебныхъ нашихъ пѣсняхъ, гдѣ столь ужасными иногда представляются и будущая свекровь и женихъ-чужанинъ, этотъ послѣдній также выставляется иногда принадлежащимъ къ чужому, напримѣръ, литовскому племени. Первоначально же чужаниномъ его дѣлала просто его принадлежность *чужому роду*, и всѣ пѣсни и сказанія этого разряда происходятъ отъ отдаленныхъ временъ *родовой разрозненности* и тѣсно съ ней связаннаго насильственнаго захвата невѣсты. Трогательная пѣсня про сиротку Ерицу сложена на любимую всенародную тему — о злой мачихѣ. Чтò же касается той внезапной смерти отъ горя, какою умираетъ Ерица, то подобная сила горя очень часто выставляется и въ сербовныхъ пѣсняхъ, и жертвою ея становятся тамъ не только нѣжныя женщины, но и твердые мужчины. Совершенно знакомо представится каждому читателю пѣсня про Ансельма: это только особый изводъ народной нѣмецкой пѣсни, послужившей основою «Ленорѣ» Бюргера, такъ прекрасно возсозданной нашимъ Жуковскимъ. Но пусть читатель не спѣшитъ заключеніемъ, что пѣсня эта непременно заимствована хорутанами у нѣмцевъ: довольно сходная существуетъ также у галичанъ; и хотя и эти послѣдніе, при своихъ сношеніяхъ съ нѣмцами, также могли бы ее заимствовать, все же надобно по-

дождать, не найдутся ли такіа пѣсни и у такихъ славянъ, которые болѣе были устранены отъ вліянія нѣмецкаго, а можетъ-быть, наконецъ, и у другихъ европейскихъ народовъ. Совершенно въ сторонѣ отъ прочихъ стоитъ чисто лирическая, по своему строю, пѣсня о *преступникѣ*, отличающаяся своего рода правоучительностью и христіанскимъ отгѣлкомъ раскаянія въ грѣхахъ. Совсѣмъ не то наша извѣстная русская разбойничья пѣсня: «Не шути мати зеленая дубровушка», поражающая такою ужающею ироніей.

Особую отрасль великаго славянскаго племени составляютъ славяне западные, къ которымъ относятся чехи съ мораванами и словаками (находящіеся между собою въ ближайшемъ родствѣ), поляки и сербы-лужичане. Эта отрасль, какъ оно отчасти уже пояснено было выше, не можетъ похвалиться такимъ богатствомъ народной поэзіи, какъ юго-восточная. Говоря это, я имѣю въ виду теперешній наличный составъ народной поэзіи, тотъ накопившійся вѣками запасъ пѣсенъ, который до-сихъ-поръ сохранился въ народной памяти. Но если эта послѣдняя у славянъ западныхъ утратила уже весьма многое, сравнительно съ юговосточной славянскою отраслью, то одинъ изъ западно-славянскихъ народовъ, чехи, можетъ за-то похвалиться такими пѣсенными произведениями, которыя, оказываясь, по-крайней-мѣрѣ, весьма близкими къ чисто-народной поэзіи, закрѣплялись письменностью еще въ средніе вѣка и дошли до насъ въ отрывкахъ двухъ старыхъ рукописей, найденныхъ въ 1817 году. Одна изъ нихъ, такъ называемая зеленогорская, относилась учеными къ порѣ не позже XI вѣка, и если въ настоящее время возникаютъ сомнѣнія въ такой ея отдаленной древности, то все же она относится — ужъ по-крайней-мѣрѣ къ исходу среднихъ вѣковъ. Рукопись эта заключаетъ въ себѣ довольно большой отрывокъ пѣсни «О судѣ Любуши», этой вѣщей старославянской вяжнѣ, о которой должно было существовать очень много пѣсенъ, такъ-какъ и тѣ свѣдѣнія о ней, которыя находятся у чешскихъ лѣтописцевъ и хронистовъ — Козьмы Пражскаго (XII), Далмилы (XIII—XIV) и Гайва (XVI) — происходятъ, очевидно, изъ эпоса. Дошедшая до насъ пѣсня начинается лирическимъ обращеніемъ къ рѣкѣ Влтавѣ, обращеніемъ, исполнѣ возможнымъ въ настоящихъ народныхъ пѣсняхъ и даже прямо напоминающимъ начало нашей былины про Сухана:

Что же ты, матушка Нѣира рѣка,
 Что ты текешь не по старому...
 А вода съ пескомъ попуталася.

Если же Влтава мутится отъ того, что враждуютъ родные братья, то и это возможно въ чисто-народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ одной галицкой отъ того что братъ пересталъ говорить съ сестрой — и хлѣбъ пересталъ родиться въ погѣ. Точно также совершенно въ духѣ народной поэзіи и являющіяся далѣе сизыя касатки вѣстницы. Вражда между братьями, которую приходится разсудить Любушѣ, оказывается такою же враждою изъ-за наслѣдства, какъ и вражда трехъ братьевъ въ сербской былинѣ про судъ Марка королевича, и Любуша, подобно Марку, навлекаетъ на себя недовольство — но собственно только старшаго брата, налегающаго на свое право первородства. Значительная разница однако же въ томъ, что Марко въ своемъ рѣшеніи руководится только волею покойнаго царя Душана, тогда-какъ Любуша ссылается на народную волю, на его вѣковѣчный обычай, по которому братья должны или владѣть наслѣдственнымъ имуществомъ нераздѣльно, или же, если дѣлиться, то по ровну. Къ тому же Любушу поддерживаетъ народъ, по рѣшенію котораго — въ данномъ случаѣ даже не долженъ быть допущенъ раздѣлъ, а братья должны владѣть вмѣстѣ. Ярость вслѣдствіе такого рѣшенія старшаго брата, Хрудоша, прямо напоминаетъ ярость также недовольнаго судомъ короля Вукашина. Хотя дѣло окончательно рѣшено народомъ, Хрудошъ вымещаетъ свою злобу на княжѣ Любушѣ. Оскорбленная имъ, она отказывается отъ власти и предоставляетъ народу выбрать на ея мѣсто мужа съ желѣзною рукою. За этимъ долженъ былъ слѣдовать, въ первоначальномъ цѣльномъ видѣ рукописи, выборъ въ князья Премысла пахаря, которому Любуша должна была отдать свою руку, какъ то видно изъ сказаній, вошедшихъ въ чешскія хроники. Впрочемъ, память объ этомъ событіи сохранилась даже и до-сихъ-поръ въ одной изъ свадебныхъ чешскихъ пѣсень, напечатанныхъ въ сборникѣ покойнаго Эрбена (стр. 312). Отрывокъ же, дошедшій до насъ въ зеленогорской рукописи, оканчивается свидѣтельствомъ одного изъ участниковъ народнаго вѣча, Ратибора, что ссылка Хрудоша на свое первородство есть ссылка на нѣмецкую правду, а что у славянъ есть свод, завѣщанная имъ отцами.

Вотъ эта-то ссылка на нѣмецкое право пер-

вородства и заставляетъ, между-прочимъ, нѣкоторыхъ ученыхъ думать, что пѣсня о судѣ Любуши никакъ не можетъ относиться къ IX вѣку, потому что право первородства установилось у нѣмцевъ гораздо позже (хотя Шафарикъ и приводитъ нѣкоторыя, правда, весьма немногія свидѣтельства о существованіи его въ Германіи и до X вѣка). Во всякомъ случаѣ, самое противопоставленіе въ нашей пѣснѣ славянскаго права нѣмецкому сохраняетъ свою силу. Какъ бы поздно ни явился въ германскомъ племени маіоратъ, онъ однако же въ немъ пустилъ корни, тогда-какъ славянамъ всегда представлялся онъ нарушающимъ *правду* по святому закону. Извѣстно, что даже желѣзной рукою Петра Великаго, подъ тяжестью которой сокрушилось столько народныхъ обычаевъ, все-таки не удалось завести у насъ этого западно-европейскаго учрежденія, служащаго одною изъ самыхъ твердыхъ основъ для аристократизма. Не даромъ въ презрительномъ отзывѣ Ратибора о непригодности для славянства нѣмецкихъ порядковъ слышно не пустое народное самонѣніе, а сознательное исповѣданіе преимуществъ славянскаго равенства.

Но мы видѣли, что народъ, собранный вокругъ Любуши, стоитъ даже не за дѣлежъ по ровну, а за владѣніе безъ раздѣла. Тутъ выражается та особенность древне-славянской семьи, въ силу которой уже въ предѣлахъ ея зараждалась своего рода *община*. Но еще съ большею ясностію на признаки общины въ самомъ семейномъ быту указывается въ другомъ отрывкѣ, сохранившемся въ той же зеленогорской рукописи и обыкновенно печатаемомъ подъ названіемъ *сейма*. Въ каждой семьѣ, какъ видно отсюда, въ случаѣ смерти ея главы, дѣти начинаютъ править съобща (съобща же пользуясь, какъ видѣли мы, родовымъ имуществомъ) и *выбираютъ* себѣ изъ семьи владыку (*władęku si z roda wyberęce*). Вотъ эти то выборные главы семьи и ходятъ за прочихъ членовъ ея на *сеймы*, т. е. такія сходбища, на которыхъ собираются для общаго совѣта представители различныхъ семей. Одинъ изъ подобныхъ сеймовъ и рисуетъ намъ пѣсня о судѣ Любуши, эта краснорѣчивая, хотя не вполне сохранившаяся картина общинной жизни славянъ, картина, прекрасное впечатлѣніе которой окончательно дополняется этой дѣвой, творящей судъ — блистательнымъ въ свою очередь проявленіемъ одной изъ сторонъ славянскаго равенства, полнѣйшаго равенства между обоими полами.

Такимъ образомъ, если пѣсни въ родѣ хорутанской «Бреды» служатъ до-сихъ-порѣ уцѣлѣвшимъ въ народной памяти отголоскомъ времени, предшествовавшихъ утверженію общины, время родовою разрозненности со свойственнымъ имъ приниженіемъ женщины, то высокое положеніе женщины въ «Судѣ Любуши» со всѣми другими чертами этой прекрасной пѣсни, несомнѣнно существовавшей уже въ средніе вѣка, говорить объ издавней смягченности нравовъ подъ влияніемъ общины, той смягченности, какою съ другой стороны отзываются, какъ видѣли мы, и многія стороны сербскаго устнаго эпоса.

Другая чешская рукопись, также сохранившая намъ древнія пѣсни, это такъ называемая краледворская, которую всегда относили однако жъ къ порѣ не ранѣе конца XIII или начала XIV в. Въ «Краледворской рукописи» сохранилось цѣлыхъ 14 пѣсенъ—восемь эпическихъ и шесть лирическихъ. Между-тѣмъ рукопись, писанная самими мелкими письменами, далеко не полна; скорѣе это только весьма незначительныя остатки рукописи. Предметомъ пяти изъ эпическихъ пѣсенъ служатъ историческія войны чеховъ, въ изложеніи которыхъ только весьма мало замѣтна стихія богатырская, а потому эти пѣсни и подходятъ гораздо больше къ «Слову о полку Игоревѣ», чѣмъ къ нашимъ или юго-славянскимъ былинамъ. Если вѣрно мнѣніе, что пѣсни слагаются по свѣжимъ слѣдамъ событій, то древнѣйшею изъ находящихся въ «Краледворской рукописи» должна быть признана пѣсня про Забоя и Славою, повѣствующая, какъ полагаютъ, про одинъ изъ тѣхъ боевъ между чехами и франками, которые происходили въ VI, VII и VIII вѣкахъ *). Къ тому же пѣсня эта еще сильно отзывается язычествомъ: въ ней говорится о жертвахъ богамъ спасителямъ, о душахъ, порхающихъ по деревьямъ и т. п. Герои пѣсни бьются за старыя языческія вѣрованія и обычаи противъ полчищъ нѣмца Людека (Людовика), служащаго представителемъ обычнаго въ западномъ мѣрѣ насильственнаго распространенія христіанства.

*) Таково мнѣніе Шафарика, усвоенное и однимъ изъ вѣднѣйшихъ историковъ чешской литературы, Шемберой. Братья же Иречки въ своемъ изслѣдованіи о краледворской рукописи видятъ въ этой пѣснѣ сказаніе объ одномъ изъ боевъ съ Карломъ Великимъ (вмѣсто *Kral* — король, они читаютъ *Karl*). Напротивъ издатели вѣднѣйшей чешской христоматіи (*Wybor z literatury ceske*) полагаютъ, что время этой пѣсни не можетъ быть точно опредѣлено, но что во всякомъ случаѣ тутъ разумѣется событіе не ранѣе начала IX вѣка.

Замѣчательно, что одинъ изъ героевъ, Забой, и самъ является браннымъ пѣвцомъ-вдохновителемъ, и вспоминаетъ про славнаго пѣвца Люмира, двигавшаго своими пѣснями Вышеградъ, подобно тому, какъ авторъ «Слова о полку Игоревѣ» вспоминаетъ про Боана. Этими указывается уже на личное авторство, на пѣвцовъ съ извѣстными именами, тогда-какъ чисто-народныя пѣсни всегда безыменны, ибо въ сложеніи каждой изъ нихъ участвуютъ многіе. И пѣсни «Краледворской рукописи», какъ наше «Слово о полку Игоревѣ», должны быть произведеніемъ уже отдѣльных пѣвцовъ, по всей вѣроятности пѣвцовъ княжескихъ, такъ-какъ предводители дружинъ и являются героями этихъ пѣсенъ. Тѣмъ не менѣе есть въ нихъ черты, отзывающіяся близкимъ знакомствомъ пѣвцовъ съ простонароднымъ эпосомъ. Сюда относится и самый *мачъ* Забоя, въ которомъ вовсе не слѣдуетъ видѣть изысканной авторской чувствительности, такъ-какъ склонными проливать слезы являются и самые суровые богатыри простонароднаго эпоса. Складомъ богатырскихъ пѣсенъ уже совершенно отзывается то, что молотъ Забоя, выпутнувъ изъ Людека душу, проносится въ войско на пять сажень, еще же болѣе то, что мечѣмъ оны пролагаютъ себѣ дорогу между врагами (какъ наши богатыри пролагаютъ улицы). За-то участіе въ битвѣ цѣлыхъ дружинъ со стороны чеховъ не согласно съ приемами богатырскихъ пѣсенъ, въ которыхъ многочисленныя дружины являются только на сторонѣ враговъ, и въ единоличной расправѣ съ ними того или другого богатыря и заключается сущность богатырской силы.

За «Забоемъ и Славоемъ» по времени дѣйствія слѣдуетъ пѣсня про «Честмира и Власлава», относимая учеными уже къ совершенно опредѣленной порѣ, а именно къ 830 г., когда воевода пражскаго князя Неклана, Честмиръ, поразилъ лужицкаго князя Властислава. Предметомъ пѣсни такимъ образомъ служатъ княжескія междоусобія, нерѣдко происходившія въ чешской землѣ, какъ и у насъ на Руси; потому-то пѣсня эта особенно живо напоминаетъ многія мѣста нашего «Слова о полку Игоревѣ». Къ тому же въ ней, какъ и въ нашемъ «Словѣ» совершенно выдержанъ строй дружиннаго эпоса, столь отличный отъ богатырскаго. Съ другой же стороны языческое мировоззрѣніе, мѣстами дающее себя чувствовать и въ нашемъ «Словѣ», не смотря на его принадлежность уже христіанской порѣ, въ

чешской пѣснѣ о Честмирѣ и Влаславѣ сказывается еще въ такой же безпримѣсной полнотѣ, какъ и въ «Забой и Славоѣ». Тутъ тѣ же жертвы богамъ, тѣ же миѣчскія существа — Морена и Трясъ (богиня смерти и миѣчское олицетвореніе страха). Пѣсня объ Ольдрихѣ и Болеславѣ, въ которой недостаетъ пачала, повѣствуетъ о событіи, относимомъ историками къ 1004 г., а именно — объ изгнаніи изъ Праги овладѣвшаго ею Болеслава Храбраго, короля польскаго (того самаго, что забралъ на время и Кіевъ, о чемъ должны были существовать и у насъ особня пѣсни, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ эпическимъ чертамъ въ передачѣ этого событія нашимъ лѣтописцемъ). Тутъ, стало быть, та же повѣсть о междоусобіяхъ, только въ болѣе широкомъ смыслѣ, о междоусобіяхъ между отдѣльными отраслями славянскаго племени, не вполне окончившихся, можно сказать, и въ наше время. За-то пѣсня о Бенешѣ Германчѣ повѣствуетъ снова о битвахъ съ иноплеменниками — злѣйшими врагами славянъ, пѣмцами. Бенешъ — лицо опять историческое, сынъ Германа изъ Ральска, молодецки расправившійся въ 1203 г. при Грубой Скалѣ съ войсками маркграфа Мейссенскаго, вторгшимся въ Чехію въ то самое время, когда король чешскій Премыслъ Оттокаръ I ѣздилъ къ германскому императору Оттону IV. Пѣсня эта въ началѣ отличается лирическимъ складомъ, какъ и многія мѣста нашего «Слова о полку Игоревѣ», о которомъ кромѣ того напоминаютъ въ ней такія сравненія, какъ «искры, летящія отъ мечей, будто молнія съ небесъ».

Позднѣйшая изъ историческихъ пѣсней «Краледворской рукописи» — это пѣсня о Ярославѣ, витязѣ оломуцкомъ, являющемся только въ концѣ ея рѣшителемъ долго сомнительнаго боя въ пользу чеховъ. Впрочемъ имена другихъ витязей, Внеслава, Вѣстопа и Вратислава, принадлежать, повидимому, боянову замыслу, т. е. фантазіи. Самый же бой при Гостинѣ и Оломуцѣ — событіе историческое, происходившее въ 1241 г., когда татары, разгромивъ Русскую Землю (о чемъ и упоминается въ чешской пѣснѣ), коснулись также и Польши, и Чехіи. Поводомъ ко вторженію ихъ въ славянскія земли выставляется въ пѣснѣ корыстолюбіе пѣмцевъ, побудившее ихъ ограбить дочь хана Кублая. Пѣсня эта отъ всѣхъ прочихъ пѣсней «Краледворской рукописи» отличается христіанскимъ оттѣнкомъ. Самая внезапно появляющаяся, спасительная для

чеховъ туча, получаетъ значеніе чуда, вызваннаго молитвою къ христіанскому Богу. Въ пѣснѣ также не разъ упомянуто объ участіи Богоматери къ христіанамъ, что замѣтно и въ пѣкоторыхъ изъ нашихъ былинъ про татарщину и въ различныхъ нашихъ сказаніяхъ полународнаго, полулѣтописнаго свойства. Но чешская пѣсня о Ярославѣ замѣчательна совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ языческихъ отголосковъ, которые такъ двоестроено сказываются въ нашемъ «Словѣ о полку Игоревѣ», не смотря на упоминаемую въ немъ Богородицу Пирогошю. Упомянувъ о татарской ворожбѣ на шестахъ, пѣвецъ «Ярослава» обращаетъ вниманіе на то, что христіане, прямо на оборотъ, ворожбы не знали. Между-тѣмъ извѣстно, какъ долго держалась, да и теперь еще держится, ворожба въ народѣ, хотя и крещеномъ, но далеко отъ настоящаго перерожденія въ христіанскомъ духѣ. Вотъ почему изъ выходки пѣвца «Ярослава» противъ ворожбы можно, кажется, заключить, что онъ рѣшительно не былъ простымъ народнымъ пѣвцомъ, а принадлежалъ къ образованному слою общества или, быть-можетъ, даже и къ духовнымъ. Тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ миѣчскихъ вѣрованій, онъ вполне пропитанъ строемъ народной поэзіи. Это видно, во-первыхъ, изъ тѣхъ поразительныхъ сходствъ въ оборотахъ съ нашимъ «Словомъ о полку Игоревѣ», которыхъ особенно много и оказывается именно у него. Сюда относится: «задождили стрѣлы, будто ливень, трескъ отъ копій, словно рокотъ грома, блескъ мечей, что молнія изъ тучи» (это послѣднее сравненіе уже встрѣчалось намъ въ пѣснѣ о Бенешѣ, чѣмъ еще болѣе подтверждается обычность этого оборота, заимствованнаго изъ народной поэзіи *); «выросло горе на долинахъ»; «тяжелая бѣда кругомъ вставала»; «тучи стрѣлъ летѣли въ басурманство, только почъ остановила битву». Сюда же относятся и сравненіе Вратислава со свирѣпымъ *туромъ*, прямо напоминающее *буй-туръ*-Всеволода въ нашемъ «Словѣ о полку Игоревѣ». Кромѣ же того у пѣвца «Ярослава» встрѣчаются и эпические приемы боя, отзвучающіеся богатырскимъ эпосомъ. Сюда относится въ самомъ концѣ ударъ меча Ярослава, разносящій Кубланча до брюха.

*) Совершенно неосновательнымъ представляется мнѣ, именно поэтому, стараніе Шемберы — тождествомъ поэтическихъ оборотовъ въ различныхъ пѣсняхъ «Краледворской рукописи» доказать принадлежность таковыхъ пѣсней одному и тому же пѣвцу.

Это, очевидно, не что иное, какъ обычное въ нашихъ былинахъ разсѣченіе на помы, существующее вмѣстѣ съ тѣмъ и въ эпосѣ всевозможныхъ народовъ.

Нельзя не обратить вниманія на тотъ свободный духъ, который съ такою силою сказывается въ слѣдующихъ словахъ пѣсни про «Ярослава», принимая, какъ и многое въ ней, христіанскій вѣроисповѣданный оттѣнокъ:

Неудова Господу неволя:
Смертный грѣхъ въ армяхъ идти охотой.

Передъ этимъ блѣднѣютъ извѣстныя слова Игоя въ нашемъ «Словѣ» о его походѣ: «луче погнати быти, неже похонену быти».

Уже чуждою историческаго значенія является пѣсня о Людшѣ и Люборѣ, относимая ко времени Вячеслава I (1230 — 1253) собственно потому, что при немъ вошли въ обычай у чеховъ турниры, одинъ изъ которыхъ и составляетъ предметъ поименованной пѣсни. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что нѣтъ особенныхъ оснований видѣть тутъ именно *турниръ*, т. е. рыцарскій бой въ западно-европейскомъ вкусѣ; воинскіе же бои съ надеждой вознагражденія прекрасною дѣвою существуютъ въ эпосѣ разныхъ народовъ — даже такихъ, которые и понятія не имѣли о рыцарствѣ. Да и изъ самой пѣсни видно, что бой не является тутъ просто воинскою игрою, но получаетъ значеніе *испытанія силы* на случай войны:

Благо ждаты войны и въ мѣрѣ,
Нашъ вѣдь вѣнцы окружаютъ.

Рѣшительно ни къ какому опредѣленному времени не можетъ быть отнесена пѣсня о «Збигонѣ». Въ лицѣ его является какой-то насильникъ дѣвичій, изъ рукъ котораго безымянный молодецъ спасаетъ свою любезную. Совершенно въ духѣ народной поэзіи сопоставленіе съ этимъ событіемъ въ человѣческомъ мѣрѣ соотвѣтственнаго событія въ мѣрѣ птицъ: тотъ же самый Збигонъ держитъ въ неволѣ голубку, которая наконецъ возвращается къ другу своему голубку, получая свободу вмѣстѣ съ дѣвицей. Уже не цѣлое сопоставленіе, а простое поэтическое сравненіе представляетъ небольшая пѣсня «Олень» *), гдѣ

*) Доказательствомъ отдаленной древности ея содержанія считаютъ упоминаемый въ ней *молотъ* — оружіе первобытное. Но надо замѣтить, что въ народной поэзіи можетъ долго удерживаться и то, что уже давно исчезло изъ народнаго быта.

дѣло идетъ о прекрасномъ молодцѣ, котораго сражаетъ молотъ злодѣя (то-же первоначальное оружіе и въ «Збигонѣ»), послѣ чего душа выходитъ у него лебединымъ горломъ черезъ уста, какъ у князя Изяслава въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Появляющіеся въ концѣ пѣсни кречеты — вѣстники его смерти — напоминаетъ цѣлый эпическій рядъ подобныхъ вѣстниковъ во всенародныхъ сказаніяхъ объ *открышемся* преступленіи (куда относятся и «Ивиковы Журавли» въ извѣстныхъ обработкахъ Шиллера и Жуковскаго). Самыя же заключительныя слова пѣсни — о дѣвицахъ, оплакивающихъ молодца — до нѣкоторой степени связываютъ ее съ остальными пятью пѣснями рукописи, которая всѣ до одной — уже чисто любовнаго содержанія. Въ нѣкоторыхъ оно, какъ и во многихъ сербскихъ пѣсняхъ, выражается въ той сжатой эпическо-драматической формѣ, о которой говорено было выше; нѣкоторыя же отличаются совершеннымъ лиризмомъ. По тону отчасти подходитъ къ пѣснямъ «Краледворской рукописи» и такъ называемая «Пѣсня на Вышеградъ», предметомъ которой, какъ замѣтитъ читатель, служитъ также любовь *).

Сходство всѣхъ мелкихъ пѣсенъ «Краледворской рукописи» съ теперешними народными пѣснями различныхъ славянъ подробно разобрано и доказано братьями Иречками, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно эти пѣсни древней рукописи — пѣсни чисто народныя. Читатель, впрочемъ, можетъ и самъ усмотрѣть это, если внимательно сличитъ ихъ со всѣми тѣми, по преимуществу любовнаго содержанія, которыя помѣщены въ настоящемъ изданіи далѣе и заимствованы изъ сборниковъ не только чешскихъ, но даже польскихъ и сербо-лужицкихъ.

Кромѣ пѣсенъ этого рода въ чешскомъ отдѣлѣ помѣщается эпическое сказаніе про Яныша королевича въ прекрасномъ переложеніи Пушкина, которому сказаніе это послужило канвою для его драмы «Русалка» **).

Совершенно въ сторонѣ отъ другихъ должны быть поставлены двѣ остальные пѣсни этого отдѣла, пѣсни, очевидно, не народнаго происхожденія, но перешедшія въ народъ и сдѣлавшіяся народными. Это, во первыхъ, пѣсня гуситская, сое-

*) Найдена въ отрывочной рукописи XIII ст. Нѣкоторыми, впрочемъ, заподозривается ея подлинность.

**) «Матеріалы для біографіи Пушкина», изд. П. В. Анненкова, стр. 363.

диненная съ молитвеннымъ обращеніемъ къ народному святому чешскому — Вячеславу; во вторыхъ — сочиненная уже въ ближайшее къ намъ время и полная патріотическаго одушевленія пѣсня «Гей Славяне», съ которою русская публика хорошо знакома по концертамъ г. Славянскаго.

Между моравскими пѣснями на первомъ мѣстѣ является пѣсня про *старою мужа*, какихъ имѣется много и въ нашихъ русскихъ сборникахъ. Что же касается слѣдующей за нею «Сестры отравительницы», то тема эта нерѣдко попадаетъ также въ галицкихъ пѣсняхъ, тема же послѣдней пѣсни въ отдѣлѣ моравскихъ — противопоставленіе матери мачихѣ — тема рѣшительно всенародная.

Нѣкоторыя изъ словацкихъ пѣсней отличаются историческими воспоминаніями, при болѣе или менѣе лирическомъ строѣ. Одна изъ нихъ — Нитра — не можетъ, однако же, считаться чисто-народною, по только перешедшею въ народъ.

Изъ сборниковъ польскихъ заимствованы въ этомъ изданіи почти исключительно пѣсни любовнаго содержанія. То же можно сказать и про пѣсни лужицкія, изъ ряда которыхъ выдается только помѣщаемая здѣсь въ самомъ концѣ *лѣнда*. Тутъ то же любовь, но любовь уже духовная, мистическая — къ небесному жениху Христу. Извѣстно, что о такой любви говорится въ житіи великомученицы Екатерины. Лужицкая легенда приписываетъ ее безыменной дочери вараднискаго князя, своимъ обѣтомъ безбрачія представляющей женскій противень къ сказаніямъ и стихамъ объ Алексѣѣ божіемъ человѣкѣ. Далѣе же тутъ примѣшивается, существующее также и по-польски, сказаніе о посѣщеніи живымъ человѣкомъ рая, причемъ цѣлыхъ сто лѣтъ представляется ему нѣсколькими часами.

Хотя выше и указано было на то, въ какой мѣрѣ народная поэзія славянъ западныхъ усту-

паетъ народной поэзіи юго-восточной отрасли славянскаго міра и этимъ достаточно объясняется, почему пѣснямъ западной отрасли отведено въ настоящемъ изданіи такъ мало мѣста, все же нельзя съ другой стороны не сознаться, что и сборники пѣсней этой отрасли представляютъ много такихъ красотъ, о которыхъ приведенные здѣсь образцы не могутъ дать полнаго понятія.

Въ заключеніе, пишушій эти строки считаетъ нелишнимъ прибавить, что онъ вполне чувствуетъ слабость своего вступительнаго очерка, зависящую какъ отъ ограниченности мѣста, ему отведеннаго, такъ и еще болѣе отъ недостаточной его подготовленности къ вполне удовлетворительной оцѣнкѣ народной поэзіи всего славянства. Предметъ этотъ чрезвычайно широкъ и до-сихъ-поръ остается почти непочатымъ. Пишущему эти строки до-сихъ-поръ удалось со сколько нибудь удовлетворительною полнотою обработать только нѣкоторые отдѣлы народной словесности русской, при чемъ пѣсни и сказанія другихъ славянъ служили ему лишь пособіемъ. Въ настоящемъ очеркѣ, совершенно наоборотъ, пришлось выдвинуть впередъ именно эти послѣднія, наши же русскія пѣсни приводить только въ видѣ сравненій. Понятно, послѣ всего этого, что настоящій очеркъ можетъ считаться только слабой попыткой, обнародованіе которой извиняется лишь желаніемъ — хотя сколько нибудь помочь читателю не безъ нѣкоторой пользы войти въ столь мало еще намъ извѣстную область славянской народной поэзіи. Хорошо будетъ уже и то, если читатель почувствуетъ, какой богатый и разнообразный запасъ представленій хранить въ себѣ крѣпкая, и по преимуществу крѣпкая у славянъ, хотя и собравшая давъ уже съ цѣлыхъ вѣковъ, непритупленно-свѣжая, чудно-юная память народная!

Орестъ Миллеръ.

ЮЖНО-РУССКІЯ ПѢСНИ.

I. МАЛУРУССКІЯ.

I.

ПОВѢГЪ ТРЕХЪ БРАТЪЕВЪ ИЗЪ АЗОВА.

Надъ городомъ тѣмъ надъ Азовомъ не снии туманы вставали,
Три брата родные изъ тяжкой неволи бѣжали.
Два ѣдутъ на коняхъ, а третій пѣшкомъ подбѣгаетъ,
О сѣрне корни, о бѣлне камни
Босадкіе ноги свои носѣкаетъ
И кровью слѣды поливаетъ,
Двухъ братьевъ своихъ догоняетъ,
Ихъ такъ умоляетъ:
«Ой, братцы, стойте! коней попасите,
Меня подождите,
Съ собою возьмите,
Къ землицѣ христіанскимъ меня подвезите!»
Заслышалъ середній; онъ старшаго брата вытаетъ,
А тотъ ему такъ отвѣчаетъ:
«Аль злая неволя еще не дала себя знати?
Какъ будемъ мы брата въ стени поджидати,
Насъ будутъ враги догоняти,
Насъ будутъ рубити, стрѣляти;
Шь въ тяжкой неволѣ мы будемъ опять пропадати.»
— «Когда меня, братцы, вы ждате не хотите,
Сталъ меньшій опять говорити,
То, братцы, прошу васъ, съ дороги сверните,
Булатныя сабли свои обнажите,
Козацкое тѣло мое изрубите,

Въ голодной стени закопайте —
И звѣрю, и птицѣ въ добычу не дайте!»
Середній словамъ тѣмъ внимаеъ
И меньшему такъ отвѣчаетъ:
«Мы отроду, братецъ, того не слыхали,
Чтобъ острыя сабли да кровью родной обмывали,
Прощаясь, булатнымъ копьемъ ублажали.»
— «Когда меня, братцы, рубить не хотите,
Прошу васъ: какъ будете къ балкамъ степнымъ
подходить,
Терновыя вѣтки срубайте,
Ихъ въ поля сбирайте,
Примѣтой мнѣ въ поле выдайте.»
Вотъ два козака къ буеракамъ степнымъ подѣзжаютъ;
Середній за саблю — душа милосердіе знаетъ —
Съ терновника верхнія вѣтки срубаетъ,
Ихъ меньшему брату примѣтой кидаетъ.
Какъ стали на шляхъ на Муравскій они выѣзжати —
Среднему нечѣмъ примѣтой кидати:
Сталъ изъ-подъ жупана китайку червонную рвати,
По шляху кидаетъ,
Примѣтой меньшому въ стени оставляетъ.
Какъ сталъ пѣшеходъ изъ терновыхъ кустовъ
выходити,
Китайку червонную сталъ находити:
Руками хватаетъ,
Слезами ее обливаетъ.
«Не даромъ китайка валяется прахомъ по шляху:

Ужь, можетъ, отъ братьевъ мопхъ не осталось и
праху!

Ой, можетъ, за ними погова бѣжала,
На роздихѣ въ тернахъ меня миновала,
А братьевъ догнала,
Рубила, стрѣляла.
Когда бы мнѣ Богъ
Милосердый помогъ

Козацкое тѣло въ степи отыскати,
Въ холодной землѣ закопати!»
Одно — то безводье, другое — безхлѣбье,
А третье — то вѣтеръ въ степи повѣваетъ,
Усталого съ ногъ козачину сшибаетъ.
«Ой, полно мнѣ иѣшему конныхъ братьевъ догоняти!
Ой, время и отдыхъ ногамъ моимъ дати!»
Такъ, Саворь-могилу завидѣвъ, козакъ говорилъ;
Подъ Саворь-могилу козакъ опочнѣлъ.
Въ то время орлы прилетали съ полночи
И жадно глядѣли въ козачія очи.
Козаченько видитъ — роняетъ слова золотыя:
«Орлы сизо-перые, гости мои дорогіе!

Прошу васъ тогда прилетати,
Изъ черепа очи мои выривати,
Какъ божьяго свѣта не буду видати.»

И только онъ это сказалъ —
Творцу милосердому душу отдалъ.

Тогда-то орлы налетали,
Изъ черепа очи рвали — вырывали;
И мелкая птица тогда жь налетала,
Кровавое мясо вокругъ желтыхъ костей обирала;
И сѣрые волки тогда жь прибѣгали,

Козацкое тѣло терзали,
Въ терновыхъ оврагахъ кровавыя кости глодали,
Ой, жалобно выли надъ нимъ, завывали,
Обрядъ похоронный справляли.

Кукушка изъ темныхъ гѣсовъ прилетала,
Садилась на дѣрево, слѣзы лила, куковала,
Что брата сестрица, что первенца мать провожала.
Какъ стали они къ христіанскимъ землямъ при-
ближаться,

То стало на сердцѣ козачкомъ великое горе ско-
пляться.

И молвить середній печальное слово:
«Не даромъ на сердцѣ у насъ столько горя ско-
пилось злого:

Ой, можетъ ужь нашего брата нѣтъ больше на
свѣтѣ живого!

Ой, какъ-то мы, братъ, къ отцу-матери въ домъ
да прибудемъ?

Какъ стануть насъ спрашивать, что отвѣчать мы
имъ будемъ?»

Братъ старшій словамъ тѣмъ внимаеть
И брату середнему такъ отвѣчаетъ:
«Да скажемъ, что горе не вмѣстѣ свое коротали,
Ночною порой изъ неволи бѣжали,
Будили его — не могли добудиться,
Одни должны были домою воротиться.»

Середній словамъ тѣмъ внимаеть
И старшему такъ отвѣчаетъ:
«Когда они правды отъ насъ не узнають,
То насъ ихъ молитвы святія за-то покарають.»
Вотъ старшіе братья къ самарскимъ полямъ под-
ѣзжаютъ,
У рѣчки Самары ложатся — въ тѣни отдыхаютъ,
Коней на траву выпускають.

Тогда басурмане безбожныя ихъ окружили,
Тѣхъ братьевъ двоихъ изрубилъ,
Козацкое тѣло въ куски искрошнлн,
По чистому полю его раскидали,
Со смѣхомъ, на сабляхъ ихъ головы къ небу
вдымали.

Н. ГЕРБЕЛЬ.

—

II.

ПОХОДЪ НА ПОЛЯКОВЪ.

Ой, пошли козакъ на четыре поля,
На четыре поля, пятое — Подолье.
Какъ одной дорогой да поможъ Мухкетъ,
По другой дорогѣ Кукуруза-свѣтъ,
А дорогой третьей Полтора-Кожуха:
Длинный оселедецъ вѣтсѣ изъ-за уха,
На конѣ гаркуеть, пѣсню распѣваетъ;
А за нимъ большое войско выступаетъ:
Все то запорожцы, козакъ лихіе;
Мѣрно ударяють въ бубны золотыя,
На коняхъ гаркують, саблями сверкають,
Теплыя молитвы къ Богу возсылають,
А Карпъ, панъ гетманъ, пѣсню разпѣваетъ:

Ой, тоска меня заѣла,
Сердце изсушила,
Молодого, удалого
Съ ногъ меня свалила.

Но тоскѣ той океанной
Я не поддаюся.

Ой, пойду, пойду въ шинкаркѣ,
Мѣду съ ней напьюся.

Ой, кто хочет выпить мѣду,
Тотъ ступай къ жидовеѣ:
У жидовки чернобровки
Свѣтлыя подковки.

Юбка пестрая, монисты...
Сама молодая...
Да хорошая кавая!
Что за удаляя!

Эй, шинкарка! дай мнѣ мѣду!
Буду веселиться...
Пусть головунка больная
Съ хмѣлю закружится!

«Если ты женатъ, аль вдовый —
Чортъ тогда съ тобою!
Если жъ холостъ — не женатый,
То почуй со мною.»

Есть и дѣтки, есть и жонка,
Жонка молодая,
Да не хочетъ приласкаться —
Гордая такая!

Н. ГВРВИЛЬ.

III.

САГАЙДАЧНЫЙ.

На горѣ ли да жнецы жнуть,
А подъ той горою,
Да подъ зеленюю
Козаки идутъ.

Впереди всѣхъ вождь похода,
Дорошенко славный,
Козаковъ державный
Воевода.

Въ серединѣ панъ курѣнный;
Конь подъ нимъ ретивый,
Съ чернобурой гривой,
Здоровенный.

А въ хвостѣ — панъ Сагайдачный,
Что отдалъ за трубку
Ясную голубку,
Всеудачный!

«Охъ, вернися, козачина!
Вороти мнѣ трубку
И возьми голубку,
Молодчина!»

«Мнѣ съ женою не возиться,
Не по мнѣ голубка;
А въ дорогѣ трубка
Пригодится.

«Гей, кто въ лѣсѣ? — отзовися!
Было бы огниво —
Трубка вспыхнетъ живо...
Веселися!»

Г. ДАНИЛЕВСКИЙ.

IV.

МОРОЗЕНКО.

Ой, Морозецъ, Морозѣнко, бравый козачина!
По тебѣ, по Морозѣнкѣ плачеть Украина.

Ой, не такъ та Украина, какъ козаки хваты...
А Морозѣнка все плачеть, сиди возлѣ хаты.

Полно, старая, о сынѣ слезы лить рѣками!
Лучше выпей-ко ты мѣду съ нами козаками.

«Что-то мнѣ, мои родные, мѣдъ-вино не пѣтся:
Гдѣ-то онъ, мой Морозѣнко, съ лютымъ тур-
комъ бѣтается?»

Изъ-за горъ изъ-за високихъ войско выступаетъ;
Впереди всѣхъ Морозѣнко; конь подъ нимъ иг-
раеть.

Бѣдетъ онъ, коню на гриву голову склоняя:
«Голова ль моя больная!... сторона чужая!...»

Тѣло бѣлое покрыто красною насѣчкой:
Гдѣ пройдетъ Морозѣнко — кровь струится рѣчкой.

Окопалися козаки въ полѣ у Лимана...
Взяли, взяли Морозѣнка въ воскресенье рано.

Посадили Морозѣнка на пескѣ, на солнцѣ:
Сняли, сняли съ Морозѣнка поясъ и червонцы.

Посадили Морозѣнка на пивную бочку:
Сняли, сняли съ Морозѣнка красную сорочку.*)

Н. ГЕРВЕЛЬ.

—

v.

СВИРГОВСКІЙ.

Какъ Свирговскаго Ивана,
Запорожскаго гетмана,
Басурмане изловили:
Буйну голову рубили,
Ой, головушку рубили,
На бунчукъ ее садили,
Въ трубы мѣдныя трубили,
Издѣвались, корили.

Туча небо застигла,
Стаей галокъ набѣгала,
На Украину налегала;
А Украина горевала,
По гетманѣ тосковала,
Слѣзы лила, проливала.

Тогда буйны вѣтры во степи завывали.
Куда вы гетмана, куда вы дѣвали?

Тогда изъ лѣсовъ соколы налетали.
Ой гдѣ по гетманѣ, вы гдѣ тосковали?

Тогда въ чистомъ поле орлы голосили.
Ой гдѣ вы гетмана, ой гдѣ схоронили?

Тогда въ поднебесѣ касатки взвивались.
Ой гдѣ вы съ гетманомъ, ой гдѣ вы прощались?

Лежить онъ, зарытый въ глубокой могилѣ,
На вражей границѣ, у города Кили.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

—

vi.

ОТКУДА ЪДЕШЬ?

— «Ты откуда?» — «Я съ Дунаю!»

— «А что слышалъ про Михайлу?»

— «Я не слышалъ — самъ я видѣлъ:
Шли поляки, шли казаки
На три страны, на четыре,
А татары поле крыли...
Въ томъ полку, въ полку козацкомъ,
Ѣхалъ возъ, покрытъ китайкой,
Да заслугою козацкой —
Возъ, китайкою покрытый;
Въ томъ возу козакъ убитый;
Онъ изрубленъ былъ, изсѣченъ,
Въ лютомъ боѣ изувѣченъ;
А во слѣдъ за тѣмъ за возомъ
Шолъ, головушку понуривъ,
Разудалый конь козацкій;
Велъ коня холопъ наѣмный,
Несъ въ рукѣ онъ востру пику,
А въ другой кривую саблю —
Съ сабли кровь текла, бѣжала...
Мать Михайлу провожала...
Онъ не больно былъ изрубленъ:
Головушка на три части,
Бѣло тѣло на четыре.
Ахъ, на что мнѣ, мати, слѣзы!
Ты сломн-ца три берѣзы,
А четвертую осину,
Да построй хоромы сыну,
Безъ дверей построй, безъ оконъ,
Чтобъ удечяся только могъ онъ!»

Н. БЕРГГ.

—

vii.

Вспахана черная пашня,
Засѣяна пулями,
Взборонена бѣлымъ тѣломъ,
Взмочена кровью.
Лежить воинъ въ чистомъ полѣ,
Ни гроба, ни ямы,
Ни отца, ни матери:
Некому позвонить,
Некому потужить.
Звонять кони копытами,
А войны шпорами.
Летитъ воронъ
Съ чужихъ сторонъ,
Садится на могилѣ,
Выпиваетъ его очи...

М. Максимовичъ.

*) То-есть — содрали съ живого кожу.

VIII.

ВО ПОЛѢ СНѢЖОКЪ.

Во чистомъ полѣ
 Порошить снѣжокъ —
 Тамъ убитъ лежитъ
 Молодой козакъ,
 Призакрылъ травой
 Очи ясныя.
 Въ головахъ его
 Воронъ каркаетъ,
 А въ ногахъ его
 Плачетъ вѣрный конь:
 «Отпусти меня,
 Аль награду дай!»

— «Изорви ты, конь,
 Поводъ шолковый,
 И бѣги — лети
 Въ поле чистое!
 По лугамъ травы
 Выѣшь двѣ косыбы!
 Выпей воду, конь,
 Ты изъ двухъ озеръ!
 Ты скачи оттоль
 Ко дворамъ моимъ.
 Ты ударь ногой
 Во тесовъ заборъ;
 Выйдетъ матушка,
 Станетъ спрашивать:
 «Ой, ты конь лихой,
 «Господинъ гдѣ твой?
 «Аль въ бою сложилъ
 «Буйну голову?
 «Али въ полѣ ты
 «Обронилъ его?»
 Ты умѣй на то
 Ей отвѣтъ держать:
 Нѣтъ, не вороги
 Извели его,
 И не я его
 Обронилъ-убилъ,
 А наполь себѣ
 Паявъ павяночку:
 Во чистомъ полѣ
 Взялъ земляночку.»

Н. Бергъ.

IX.

ДОЛЯ.

Гдѣ ты, гдѣ ты, моя доля?
 Гдѣ ты, долюшка моя?
 Исходилъ бы, распросилъ бы
 Всѣ сторонки, всѣ края!

Аль ты въ полѣ, при долигѣ,
 Двигимъ розаномъ цвѣтешь?
 Аль кукушкою кукуешь?
 Аль соловушкою поешь?

Али въ морѣ, межъ купцами,
 Ты считаешь барыши?
 Аль въ хоромахъ, гдѣ воркуешь
 Подлѣ дѣвицы-души?

Али въ небѣ ты гуляешь
 По летучимъ облакамъ,
 И расчесываешь кудри
 Красну солнцу и звѣздамъ?

Гдѣ ты, гдѣ ты, моя доля,
 Доля, долюшка моя?
 Чтò никакъ не допытаюсь,
 Не докличусь я тебя!

Н. Бергъ.

X.

ЯВОРЪ.

Никнетъ яворъ надъ водою,
 Въ воду опустился;
 Удалой козакъ слезами
 Горькими облился.

Яворъ, яворъ, ты не падай,
 Не ломись, не гнися!
 Молодой козакъ, удалый,
 Сердцемъ не крушися!

Радъ бы яворъ — не ломился:
 Рѣчка корни моетъ;
 Радъ бы, радъ козакъ — не плакалъ,
 Да сердечко ноетъ.

Онъ въ Московщину поѣхалъ,
Загрѣмѣлъ подковой:
Воронъ конь, арчакъ дубовый,
Поводокъ шелковѣй.

Онъ въ Московщину поѣхалъ,
Видно тамъ и сгинулъ,
Дорогую ли Украйну
На вѣки покинулъ.

Приказалъ — и опустили
Черный гробъ въ могилу;
Приказалъ — и посадили
Въ головахъ калину.

«Пусть вѣютъ калину пташки
Надъ моей могилой;
Пусть поютъ мнѣ и щебечуть
Объ Украйнѣ милой!»

Н. Бергъ.

—

XI.

Б Ъ Д А.

Я пойду, пойду, изъ хутора пойду:
Не покину-ли я въ хуторѣ бѣду?

Оглянулась я дорогой, а бѣда
Горемыку догоняетъ по слѣдамъ.

«Что, бѣда, ты увязалась такъ за мной?»
— «Я вѣнчалась, безталанная, съ тобой!»

«Что, бѣда, ты уцѣпилась такъ за мной?»
— «Я родилась, безталанная, съ тобой!»

Н. Бергъ.

—

XII.

П Ъ С Н Я.

Милый шолъ горой высокой,
Милая долиной;
Онъ зацвѣлъ румяной розой,
А она калиной.

Ты на горѣ, на пригорѣ,
А я подъ горою,
День и ночь съ моею тоскою
Слѣзы лью рѣкою.

Кабы жить тебѣ со мною,
Жили бъ мы съ тобою,
Жили бъ, жили бъ, мое сердце,
Какъ рыба съ водою!

Что рыбаекъ закинулъ уду,
Рыбу-рыбку ловить,
А милѣя-то по миломъ
Бѣлы руки ломить.

Что рыбаекъ закинулъ уду,
Рыбу-рыбку удить:
Долго, долго ли по миломъ
Тосковать мнѣ будетъ?

Что рыбаекъ надъ быстрой рѣчкой
Ласточкою вѣтса,
А милѣя-то по миломъ
Горлицею бѣтса.

Иль засыпался ты пылью,
Мятелицей-вьюгой,
Что не хочешь повидаться
Со своей подругой?

Что мятелица мнѣ, вьюга,
Бура-непогода:
Вѣдь любили жъ мы другъ друга
Цѣлне два года!

Да враги мои злодѣи
Все-про-все узнали,
Все-про-все они узнали,
Въ люди рассказали.

Будь здорова, чернобрава,
И прощай на вѣки!
Не теките, не бѣгите
Слѣзь горячихъ рѣки!

Н. Бергъ.

—

XIII.

ДОЛЯ.

Не калина ль въ темномъ лѣсѣ,
Я не красная ль была?
А теперь меня сломали
И въ лучки перевязали:
    Это доля моя!

Не трава ли зеленая
Въ чистомъ полѣ я была?
А теперь меня скосили
И на солнце засушили:
    Это доля моя!

Я ль не красная дѣвица
У родной моей была?
Съ нелюбимъ меня свѣнчали,
Волю дѣвичью связали:
    Это доля моя!

Е. Гревенка.

XIV.

ПОВѢЙ ВѢТЕРЬ.

Вѣтерь, вѣтерь, ты повѣй
Изъ Украйны изъ мосей!
Изъ Украйны на Литву
Я дружку поклонъ пошлю,
Я поклонъ пошлю, скажу
Что по немъ я здѣсь тужу,
Что мнѣ тяжело безъ него,
Безъ милѣва моего!
Кабы было у меня
Два могучія крыла,
Полетѣла бъ я къ нему,
Къ милу-другу моему.
Да на что мнѣ улетать
Ясна сокола искать,
Коли самъ онъ прилетитъ
И меня развеселитъ.
Такъ лети же, соколъ мой!
Жду я, жду тебя съ тоской;
Выхожу я на крыльцо,
Умываючи лицо;
Бѣло личико умою,
Попалаюся съ тобою.

Н. Бергъ.

XV.

САМА ХОЖУ ПО КАМУШКАМЪ.

Я хожу сама по камушкамъ,
А коня вожу по травушкѣ.
По дорогѣ скачетъ чижичекъ.
— «Гой ты, чижикъ-воробейшка!
Ты скажи-ка мнѣ всю правдушку:
У кого, скажи, есть волюшка,
И кому запретъ на волюшку?»
— «Краснымъ дѣвкамъ своя волюшка:
Сарафанъ взяла да вынула,
На себя платокъ накиннула,
Убралась и въ хороводъ пошла,
Въ хороводъ пошла, дружка нашла.»
— «Гой ты, чижикъ-воробейшка,
У кого еще есть волюшка,
И кому запретъ на волюшку?»
— «Добримъ парнямъ своя волюшка:
Взялъ въ охапку шапку бархатну,
Синь кафтанъ надѣлъ, пошоль-запѣлъ,
Пошоль-запѣлъ, вездѣ поспѣлъ.»
— «Гой ты, чижикъ-воробейшка,
У кого, скажи, есть волюшка,
И кому запретъ на волюшку?»
— «Положивъ запретъ на волюшку
Молодой ли что молодущкѣ:
На печи у ней ворчунъ ворчить,
А въ печи у ней горшокъ бурчить,
Подъ палатами дитя кричить,
У порога пороса нищать;
Говорить горшокъ: отставь меня!
Пороса визжить: напои меня!
А дитя кричить: качай меня!
А ворчунъ ворчить: цалуи меня!»

Н. Бергъ.

XVI.

НѢТЪ МИЛАГО.

Пшеничку я сжала, домой прибѣжала,
Домой прибѣжала, дружка не сыскала.
Гдѣ мой милый дѣлся, гдѣ запропастился?
Водки ли заѣли? въ рѣчкѣ ль утопился?
Кабы водки съѣли — дубровы бъ шумѣли;
Кабы утопился — Дунай бы разлился;
Кабы у шинкарки — гремѣли бы чарки;
Кабы на базарѣ — скрипки бы играли.

Н. Бергъ.

XVII.

БЕЗДОЛБЕ.

Пташка въ полѣ, рыбка въ тинѣ
Рѣзвятся на волѣ.
Одному мнѣ, сиротинѣ,
На бѣдомъ вѣтъ доли.

Осѣдаю я, дѣтина,
Съ ночи вороного:
«Отпускай, старуха, сына,
Снаряжай родного!»

Сына мать благословила
Въ дальній путь-дорогу,
Цаловала, миловала,
Поручала Богу.

Мчится подь небомъ туманнымъ
Соколъ. «Соколина!
Ты летѣлъ надъ полемъ браннымъ:
Не видалъ ли сына?»

— «Видѣлъ: спитъ онъ съ полуночи;
Въ головахъ ракета;
Удалому вырвалъ очи
Воронъ-пенасыта.»

Какъ всплеснетъ она руками:
«Охъ, вы, дѣти, дѣти!
Пропадать теперь мнѣ съ вами
Сиротой на свѣтѣ!»

Л. Мей.

XVIII.

ПРОКЛЯТІЕ.

Жена мужа снаряжала,
Снаряжая проклинала:
«Чтобъ те ѣхать, не доѣхать!
Чтобы конь твой спотыкнулся
И горою обернулся,
Что горою ли крутою,
Шапка — рошею густою,
Синь кафтанчикъ — полемъ чистымъ,
А самъ — яворомъ вѣтвистымъ!»

Какъ она пшеницу жала,
Чорна туча набѣжала.
Стала милая подь яворъ:
«Яворъ, яворъ ты широкой,
Ты прикрой дѣтей-сиротокъ!»
— «Ахъ, не яворъ я, не яворъ:
Я отецъ тѣмъ дѣткамъ малымъ...
Аль не помнишь, что сказала,
Какъ меня ты снаряжала,
Снаряжая проклинала!»

Н. Бергъ.

XIX.

БЫЛЪ У МАТЕРИ СЫНЪ СОКОЛЪ.

Сокола сына мать возростила,
Только взростила, въ полѣхъ отпустила;
Три его, три провожали сестрицы:
Старшая брату коня осѣдала,
Средняя стремя ему придержала,
Младшая поводъ ему подавала;
Мать же у сына только спросила:
«Скоро ли, сынъ мой, домой ты вернешься?»
— «Скоро я буду, скоро приѣду:
Павины перья въ рѣчѣхъ потонуть,
Мельничный жорновъ всплыветъ надъ водою!»
Вотъ ужъ и перья въ водѣ потонули,
Вотъ ужъ и жорновъ всплылъ надъ водою:
Жорновъ всплываетъ, сынъ не бываетъ,
Перышко тонетъ, мать его стонетъ;
На гору вышла, полки повстрѣчала,
Видитъ — вѣдутъ и коня воронова.
Стала спрашивать старшихъ по войску:
«Ахъ, не видали ль вы сокола-сына?»
— «Это не твой ли ясный былъ соколъ,
Ясный былъ соколъ, взвился высоко,
Восемь побилъ онъ полковъ басурманскихъ,
Восемь побилъ и пошелъ на девятый,
Тутъ ему ворогъ головушку сѣзаль.
Слуги въ могилу его провожали,
Возы скрипѣли, коники ржали;
Жалко кукушка надъ нимъ куковала,
Долго дружина по немъ тосковала.»

Н. Бергъ.

XX.

СУЖЕНЫЙ.

Пьётъ и пляшетъ козаць
И волыщикамъ таеъ
Говорить: «удружите —
Чернобровѣъ шепните:

«Что изъ плохенькихъ я —
Не гожуся въ мужа —
Козачина убогой,
И добра-то немного:

«На дворѣ сто воловъ,
Да безъ счота коровъ;
Кони въ холѣ, въ приборѣ;
Гарнецъ злотыхъ въ каморѣ.»

Вѣсть — что чайка — летить.
Чернобровка бѣжить,
Въ поныхахъ и въ весельѣ,
Приготовливать зелье.

Изъ подѣ бѣлыхъ камней
Накопала корней,
У рѣки ихъ расклала,
Въ молоко чаровала.

«Мой милый далеко...
Закипай молоко
Передъ свадьбой моею!»
А козаць ужъ за нею.

«Что тебя принесло —
Сивый конь, аль весло?»
— «Принесла меня доля,
Да Господняя воля:

«Вѣкъ съ тобой вѣковать,
Вѣкъ тебя миловать,
Холить, нѣжить, поконть,
Хату новую строить.»

Л. Мей.

XXI.

ТРИ СЕСТРЫ.

Въ подѣ широкомъ желѣзомъ копыть
Взрыто зеленое жито;
Тамъ, подѣ плакучей березой, лежитъ
Молодецъ, тайно убитый.

Молодецъ тайно убитый лежитъ,
Тайно въ траву схороненный:
Весь онъ, бѣдняжка, китайкой накрытъ,
Тонкой китайкой червонной.

Вотъ подѣ березу дѣвица пришла —
Розой она расцвѣтала —
Съ молодца тихо китайку сняла,
Жарко его цаловала.

Вотъ и другая дѣвица пришла —
Глазки сіяли звѣздами —
Съ молодца тихо китайку сняла,
Вся залилася слезами.

Третья пришла — и горѣлъ ея взоръ...
Молвила: «спить — не разбудишь...
Спи, мой молодчикъ: теперь трехъ сестеръ
Больше любить ты не будешь!»

Л. Мей.

II. ЧЕРВОННОРУССКІЯ.

I.

У СОСѢДКИ СЫНЪ МОЛОДЧИКЪ.

У сосѣдки сынъ молодчикъ —
Хата съ хатой рядомъ;
У сосѣда дочь красотка —
Садъ сошелся съ садомъ.

Вѣтеръ вѣтеръ съ полудни —
Старики за сказки;
Вѣтеръ вѣтеръ со полудня —
Молодежь за ласки.

Милый по саду гуляетъ,
Смотрить къ намъ въ окошки.
Я, дѣвица, вышла въ сѣни,
Стала на порожекѣ.

Съ милымъ другомъ перемолвить
Слово я хотѣла,
Да отецъ въ саду работаль:
Я и не посмѣла.

Сизый голубь по застрѣхѣ
Ходить, да воркуеть;
Сизу-голубю дѣвица,
Смѣючись, толкуеть:

«Ты, голубчикъ сизокрылый,
Ворковать умѣешь,
А небось къ намъ подь окошко
Прилетѣть не смѣешь?»

«Для тебя ли, голубочка,
Для воркуньи-птички,
На окошкѣ я разсыплю
Проса и пшенички:

«Ты не бойся, мой голубчикъ,
А — какъ садеть солнце —
Приитай ко мнѣ, дѣвицѣ,
Прямо подь оконце!»

Голубочку на застрѣхѣ
И отду сѣдому
Не въ домѣкъ дѣвичьи рѣчи,
Да въ домѣкъ милѣму:

Не слетѣлъ клевать пшеничку
Голубъ сизокрылый,
А пришло съ мной, дѣвицей,
Цаловаться милый.

Л. Мей.

—

II.

Н А Н А.

— Что-это не слышно Наны голосочка?
Затяни намъ пѣсню, маленькая дочка!

«Во саду-садочкѣ
Выросла малинка:
Солнце ее грѣеть,
Дождичекъ лелѣеть.
Въ свѣтломъ теремочкѣ
Выросла Нанинка:
Тата ее любить,
Матушка голубить.»

— У малютки Наны пѣсенки — малютки:
Малы, да пригожи, словно незабудки.

Л. Мей.

—

III.

ПОМОЛОДѢВШІЙ СТАРИКЪ.

Зимнимъ утромъ на разсвѣтѣ,
Изъ далекаго села,
На конѣ несется всадникъ,
Будто изъ лука стрѣла.

Вотъ съ горы онъ по равнинѣ
Яснымъ соколомъ летитъ;
Парь столбомъ за нимъ клубится,
Вьѣтся снѣгъ изъ-подъ копытъ.

У наѣздника лихова,
Русскихъ юношей красы,
Посѣдѣли отъ мороза
Кудри, брови и усы.

Вотъ къ воротамъ онъ примчался
И въ калитку застучалъ;
Борзый конь, почуя стойло,
Громко, весело заржалъ.

А изъ терема дѣвица
Посмотрѣла изъ окна:
Не признала въ раннемъ гостѣ
Друга милаго она.

И сказала: «кто бы это?
Что за дѣдушка сѣдой
Къ намъ стучится спозаранку
Торопливою рукой?»

Вдругъ знакомый слышитъ голосъ:
«Отопри, душа моя!
Аль меня ты не признала?
Дай взглянуть мнѣ на тебя!»

И слѣшитъ она скорѣе
Душегрѣйку надѣвать,
И бѣжитъ она къ воротамъ
Гостя милаго встрѣчать.

Къ другу кинулась на шею,
Крѣпко, крѣпко обняла
И горячимъ поцалумъ
Сѣдину съ него свела.

Вмигъ отъ жаркаго дыханья
Милой дѣвицы-красы

Почернѣли у милова
Кудри, брови и усы.

Ө. Миллеръ.

—

IV.

ПРИМИРЕНІЕ.

Ахъ, вы, нянюшки и мамушки!
Вы, красавицы-подруженьки!
Вы скажите мнѣ, повѣдайте:
Что прочтѣе, долговѣчнѣе —
На цвѣтахъ роса разсвѣтная,
Въ небѣ радуга цвѣтистая,
Али въ сердцѣ гнѣвъ на милаго?
Съ милымъ другомъ я разговилась,
Я на милаго прогнѣвалась,
И ни я къ нему, ни онъ ко мнѣ
Ни словечка не промолвили.
Въ снѣгъ зарыла я любовь свою,
Да и гнѣвъ свой затоптала въ снѣгъ
И отъ друга отреклась навѣкъ.
Улыбнулось солнце вешнее,
Снѣгъ растаялъ, гнѣвъ утѣкъ ручьемъ,
И любовь въ цвѣткахъ лазоревыхъ
На лугахъ зеленыхъ выросла.
Вотъ пришло великій, свѣтлый день;
Встала я раннимъ-ранешенько,
Вышла радостно на улицу;
Мнѣ на встрѣчу милый другъ идетъ.
Я промолвила: «Христосъ воскресъ!»
Очи ясныя потупивши.
Онъ отвѣтилъ мнѣ: «воистинну!»
И въ уста поцаловалъ меня.
Ахъ, вы, нянюшки и мамушки!
Вы, красавицы-подруженьки!
Пусть померкнетъ солнце красное,
Съ милымъ вѣкъ я не рассорюся!

Ө. Миллеръ.

—

V.

ОДИНОЧЕСТВО.

Облака надъ лѣсомъ, сны надъ головою,
Свѣтлые, несутся легкою грядкою:
Лѣсъ зашевелится, сердце встрепенется;
Пролетать — и слѣда ихъ не остается.
Сладко по долинѣ ранній вѣтеръ вѣетъ;

На той на долині яворъ зеленѣть;
 Съ шумомъ по песочку ручеекъ струится;
 Къ ручейку приходитъ красная дѣвица.
 Кованымъ ведерцемъ воду зачерпнула,
 Воду зачерпнула, тяжело вздохнула,
 Къ явору присѣла, голову склопила,
 Къ своему сердечку такъ проговорила:
 «Не одна-то въ полѣ такъ растеть былинка,
 Какъ одна живу я въ людяхъ сиротинка!
 Нѣтъ со мною брата, нѣтъ сестрицы милой;
 Взятъ мать съ родимымъ темною могилей;
 Милый другъ далеко: въ сторону чужую
 Отъ меня ушолъ онъ въ сѣчу роковую!»
 Дѣвицѣ не снятся пышныя палаты,
 Снятся ей въ долині двѣ простыя хаты:
 Въ одной проживаютъ старички родные,
 Въ другой вмѣстѣ съ милымъ они, молодые;
 Снятся ей съ цвѣтами подлѣ хатъ два сада:
 Тамъ весной отрада, въ лѣтній зной прохлада;
 И любви, и счастья въ тѣхъ привѣтныхъ хатахъ
 Больше, чѣмъ порою въ княжескихъ палатахъ.
 Но пронесся вѣтеръ бурей надъ долиной —
 Дѣвица проснулась съ прежнею кручиной.
 Гдѣ родныя хаты? гдѣ сады съ цвѣтами?
 Знать умчалъ ихъ вѣтеръ бурными крылами.

Ө. Миллеръ.

VI.

ДОБРЫЕ ПАНЫ.

Хорошо когда-то жили,
 Жили, поживали
 Наши дѣды на Украинѣ:
 Панщины не знали.

Ой, паны въ ту пору были
 Лѣгки на работу:
 Изъ недѣли работали
 Мы одну субботу.

Какъ паны да лихи стали,
 Лихи на работу:
 Стали панщину мы править
 Шесть дней и въ субботу.

А въ святое воскресенье
 Караулъ держали.
 «Эй, шинкарка, жбанъ горѣлки!
 «Холодно — устали!»

И, за столъ усѣвшись, парни
 Ту горѣлку пили...
 А въ ту пору въ церкви божьей
 Къ утрени звонили.

Въ воскресенье, въ самый полдень,
 Въ церкви божьей звонять,
 А Савуду батогами
 На работу гонять.

«Соберемся — да и въ пану!
 Трудно, братцы, стало!
 Какъ бы это воскресенье
 Насъ не покарало!»

Вотъ стоимъ мы передъ паномъ —
 Говоримъ причину...
 «Эй, козаки! взять Савуду,
 Да сто палокъ въ спину!»

Н. Гербель.

VII.

В Д О В А.

Какъ въ дворѣ у пана строили свѣтлицу,
 Гнали на работу горькую вдовицу.
 Ой, всего недѣлю мужа схоронила,
 А черезъ недѣлю дитячко родила;
 Недали съ родовъ ей опочить нimalo:
 Черезъ три дни камни тяжкіе таскала;
 Держить, плача, сына рученькой одною,
 Каменьщикамъ камни подаетъ другою:
 «Стройте, городите бѣлую свѣтлицу,
 Только пожалѣйте горькую вдовицу,
 Вы свѣтлицу строите, сирую не троньте!»
 Плачетъ, а утѣхи все-то нѣтъ сердечку...
 Видитъ подъ горою, видитъ быстру рѣчку,
 Подбѣжала къ рѣчкѣ, опустила сына:
 «Плавай ты по рѣчкѣ, дитячко-дитина!
 Не видалъ ты батьку, не увидишь матеу:
 Батьку рано скрыла черная могила,
 А родная въ рѣчкѣ сына утопила!
 Жилъ бы ты на свѣтѣ, былъ бы хлопецъ бравой,
 А теперь по рѣчкѣ день и ночь ты плавай
 Передъ панскимъ домомъ, подъ его стѣнами,
 Плавай, обливайся горькими слезами!»

Н. Бергъ.

БѢЛОРУССКІЯ ПѢСНИ.

I.

На Руси былъ чорный богъ;
Передъ нимъ былъ турій рогъ;
Онъ на Кіевъ поглядѣлъ,
Голосъ вѣдьмамъ подавалъ;
Володиміръ же святой
Чернобога сбиль долой;
Отъ святой Варвары жь въ ночь
Разбѣжались вѣдьмы прочь
Съ лѣсныхъ горъ, гдѣ пировали,
И всю ночь онѣ плясали.
Святый Юрій прискакалъ,
И въ Несвижѣ церковой сталъ.
Но отъ князя Радзивила
Понашла нечиста сила,
Нашу вѣру загубила.
Батьки въ церкви не служили;
Мшу всендзы тамъ завоплили;
Ни отъ Слуцка, ни съ Турова
Къ намъ не слышалось ни слова,
Ни одинаго словечка;
Сталъ какъ блудная овечка
Юрій, нашъ святой хранитель,
Храбрый змія побѣдитель.
Мы предъ Юріемъ падемъ,
И помолимся о томъ,
Чтобъ его святая сила
Покарала Радзивила.

А. Майковъ.

II.

ПЕТРУСЬ.

Ой, худыя вѣсти
Люди припосили!
Вѣднаго Петруся
До смерти забили.
А за что жь забили,
За вину какую?
Отъ своей-то жонки
Полюбилъ чужую!
Какъ же могъ подумать
О такой ты пани?
Пани — вся въ атласахъ,
Ты жь — въ худомъ кафтанѣ!
Пани трехъ служанокъ
За Петрусемъ слала:
Не дождалась пани,
Въ поле поскакала:
«Ой, бросай, Петрусикъ,
Соху середь поля!
Пана вѣту дома —
Полная намъ воля!»
Вѣрные холопы
Пана повѣстели;
Панскія хоромы
Крѣпко оцѣпили.
Выглянула пани,
Видитъ — хлопковъ кучи;
Панскій конь весь въ мылѣ,
Павъ — чернѣе тучи...
«Серденько-Петрусикъ,
Утекай скорѣе!

Пань прїѣхалъ: тучи
Громовой чернїе!»
Чуть Петрусь до двери —
Засвистали плети:
Бьютъ и бьютъ Петруся
Часть, другой и третій.
Парень ужъ не дышетъ;
Хлопцы бить устали;
За бока Петруся
Взяли, подымали,
Понесли къ Дунаю...
Быстръ Дунай раскрылся...
«Вотъ тебѣ, голубчикъ,
Что пригожъ родился!»

Вельможная пани
Въ сѣни выходила;
Пани рыболовамъ
По рублю дарила:
«Будетъ вамъ и больше!
Рыбачей, идите,
Моего Петруся
Тѣло изловите!»

Рыбаки искали
Въ омутѣ и тинѣ —
И нашли Петруся
Въ Жалинской долинѣ.
Некого имъ къ пани
Вѣстникомъ отправить,
Чтобы прїѣзжала
Похороны справить.

Вельможная пани
Бродить какъ шальная;
О своемъ Петрусѣ
Плачетъ мать родная;
Плачетъ мать родная
Горькими слезами;
Вельможная слышетъ
Бѣлыми рублями:
«Ой, не плачь ты, мати,
Пусть одна я плачу!
Жизнь и панство съ сыномъ
Я твоимъ утрачу!»
И ходила пани
Борами, лѣсами;
Щеки обливала
Жаркими слезами;
Всѣ обь остры камни
Ноженъки избила;

Бархатное платье
По ростѣ смочила.

Ходитъ пань по рынку,
Тяжело вздыхаетъ;
На себя самъ горько
Плачется, пѣняетъ:
«Вѣдай-ко я прежде
Про такую долю,
Не мѣшала Петрусю бѣ
Тѣшитъся я вволю!»

А. Майковъ.

III.

«Ой, сынки мои, соколы мои,
Доченьки-голубоньки!
Какъ прїидетъ мой часъ, помнрать начну,
Веругъ меня сберитесь!»

Ходятъ въ горенкѣ, сынки шепчутся,
Какъ имъ мать хоронить;
Ходятъ въ горенкѣ, зятя шепчутся,
Какъ добро раздѣлить;

Ой, а доченьки, что голубоньки,
Кругъ матушки вьются;
А невѣстунки ходятъ въ горенкѣ,
Надъ ними смѣются.

А. Майковъ.

IV.

Не ходи, конь, да въ зелѣный садъ,
Ой, не пей, конь, ключевой воды,
Ой, не ѣшь, конь, зелѣной травы!
Въ ключѣ дѣвица умывалася,
Красотѣ своей дивовалася:
«Красота ты моя красотунка!
Да кому, красота, ты достанешься:
Аль дворянну, аль мѣщанину,
Аль тому гостю прїѣзжему?»
— Ни дворянну, ни мѣщанину,
Ни тому гостю прїѣзжему:
Гробовымъ доскамъ, разсыпнымъ пескамъ.

Н. Гербель.

V.

Ой, коли бѣ, коли
 Москали пришли,
 Москали пришли,
 Наши сродные,
 Вѣры ѡдныя!
 Было бѣ добре намъ,
 Было бѣ счастно намъ
 Коли вся бы Русь
 Да держалася
 Одной силою,
 За одно была!
 Только къ намъ за грѣхи,
 Понашли ляхи,
 Край намъ заняли
 Аж до Ляшковичъ.
 И ляхи бѣ не пришли,
 Да паны привели.
 Ой, паны, чтобъ вы пропали,
 Что насъ ляхамъ запродали!
 Ой, паны, чтобъ вы пропали,
 Что вы вѣру промѣняли!

А. Майковъ.

—

VI.

Ой катилася заря
 Изъ подъ новаго двора;
 Не заря тѣ золотая,
 Ёдетъ паны молодая:
 Какъ она заговорить,
 Словно въ звонъ зазвонить.

А. Майковъ.

—

VII.

При дорогѣ при широкой
 Два дубочка стоятъ;
 При бесѣдѣ, при веселой
 Два молодчика пьютъ.
 Они пьютъ и тарабарютъ
 Про женитьбу свою.
 Удалась ли, удалась ли,
 Братъ, женитьба твоя?
 «Удалась, удалась,
 Братъ, нелюбая жена!
 Да пойду я, молодецъ,

Во новѣнькій городецъ,
 Да куплю я, молодецъ,
 Размалеваанный чюнецъ;
 Посажу я, молодецъ,
 Да нелюбую жену;
 Да спущу я, молодецъ,
 На воду, на быстрину;
 Самъ пойду я, молодецъ,
 На высокую гору;
 Погляжу я, молодецъ,
 Да на ясную зарю;
 Высокъ ли, высокъ ли
 Вышла ясная заря?
 Далекъ ли, далекъ ли,
 Братъ, нелюбая жена?
 «Ой вернися, ой вернися,
 Ты нелюбая жена!»
 — «Не вернуся, не вернуся,
 Ясець добрый молодецъ;
 Не промаешься на свѣтѣ:
 Бобылемъ ты, молодецъ,
 А другую, молодую
 Поведешь ты подъ вѣнецъ:
 Будеть лучше меня —
 Позабудешь меня;
 Будеть хуже меня —
 Такъ вспомнешь меня!»

А. Майковъ.

—

VIII.

Не сѣки ты, батюшка,
 При дорогѣ березки;
 Не коси ты, братинька,
 Травоньки шелковой;
 Не щипли ты, сестричка,
 Цвѣтниковъ въ садочкѣ;
 Не бери ты, матушка,
 Изъ ключа водницы.
 При дорогѣ березка —
 Я сама, младенька;
 Травонька шелкова —
 Мои русы косы;
 Въ садочкѣ цвѣточки —
 Мои ясны дѣчки;
 Во ключѣ водница —
 Мои горьки слѣзки.

А. Майковъ.

—

IX.

Вѣтры осенніе бѣду березу раскачиваютъ,
 Молодецъ добрый по рѣнямъ тесовымъ похаживаетъ,
 Матерь родную свою такъ упрасиваетъ:
 «Матушка, встань завтра рано-ранѣшенько,
 Вытопи хату тепло ты теплѣшенько;
 Столъ застели полотенцами бѣлыми,
 Мѣду налей ты въ стаканы хрустальные:
 Придутъ къ намъ гости не званые,
 Придутъ къ намъ гости не жданные,
 Придутъ насъ, матушка, въ рекруты брать,
 Будутъ намъ, матушка, руки вязать.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

X.

На селѣ два брата — и живутъ богато;
 Вотъ они на диво наварили пива;
 Всѣхъ кто побогаче — всю родню созвали;
 За сестрой богатой трехъ пословъ послали,
 А сходить за бѣдной людямъ наказали.
 Ой, сестру-богачку на полѣ встрѣчаютъ,
 А бѣднягу въ хатѣ сидя принимаютъ.
 Къ образамъ богачку въ уголь посадили,
 А бѣднягъ къ печкѣ мѣсто удѣлили.
 Ой, сестру-богачку мѣдомъ угощаютъ,
 А бѣднягъ водку въ чарку наливаютъ.
 Ночевать богачку братья приглашаютъ,
 А бѣднягу къ ночи за дверь провожаютъ.
 Подъ двору богачка веселится-скачетъ,
 А сестра-бѣдняга въ тѣмномъ дѣсѣ плачетъ.
 «Братцы, торопитесь, на коней садитесь,
 Ее догоняйте, къ образамъ сажайте,
 Больше чѣмъ самой мнѣ ей вы угождайте!»

Н. ГЕРВЕЛЬ.

XI.

Бузина съ малиною
 Разомъ зацвѣла;
 Мать въ ту пору равнюю
 Сына родила,
 Не спросившись разума,
 Въ службу отдала,
 Въ войско, во солдатушки,
 Въ сторону чужую.
 Сѣла, сѣла матушка
 На гору крутую,
 И оттуда крикнула
 Громнымъ голоскомъ:

«Дитятко, что маешься?
 Плачешь ты о чѣмъ?
 Ходишь такъ не весело,
 Ходишь да крушишься?»
 — «Матушка родимая,
 Какъ развеселишься!
 Чуждая сторонущка
 Сушить, сокрушаетъ,
 Наши командирушки
 Безъ вины ругаютъ».

Н. ГЕРВЕЛЬ.

XII.

Въ чистомъ полѣ снѣгъ валится,
 По сырой землѣ ложится.
 Сына мать благословляетъ.
 Въ путь-дорогу снаряжаетъ.
 Ахъ, ты мать моя родная,
 Мать моя ты дорогая!
 Я твое все горе знаю:
 Въ край далѣкій уѣзжаю,
 Мать старуху покидаю,
 И съ коня-то не слѣзаю,
 Изъ стременья не вынимаю
 Ногъ усталыхъ — уѣзжаю
 Прямо къ тихому Дунаю.
 Ой, Дунай, рѣка большая!
 Что ты мутная такая?
 Аль волна тебя разбила,
 Аль лебѣдка пошутила?
 — Нѣтъ, меня гранаты, пули
 Помутили и раздули,
 Черезъ Дунай перелеталъ,
 Въ молодцовъ да попадаю,
 Съ плечъ головушки срывалъ,
 Тѣло бѣлое валяю.
 Охъ, вы, кони вороные,
 Мои кони дорогие!
 Что не пьете изъ Дунаю —
 Я того не разгадаю.
 Ой, не пьютъ они — вздыхаютъ,
 Глазъ съ зарѣчья не спускаютъ:
 Какъ тамъ мѣлодцы гуляютъ,
 Какъ другъ друга убиваютъ;
 Какъ текутъ тамъ, протекаютъ
 Рѣчки алыми струями,
 А ручьи текутъ слезами,
 Какъ мосты тамъ настилаютъ
 Человѣчьими тѣлами.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

ПѢСНИ ЮГО-СЛАВЯНСКІЯ.

I. СЕРБСКІЯ.

1. ЭПИЧЕСКІЯ ПѢСНИ ПОРЫ, ПРЕДШЕСТВОВАВШЕЙ КОСОВСКОЙ БИТВѢ.

1.

ЦАРЬ СТЕФАНЪ ПРАЗДНУЕТЪ ДЕНЬ СВОЕГО СВАТОГО.

Царь Стефанъ великій праздникъ славить,
Празднуетъ Архангела Стефана
И гостей на праздникъ созываетъ,
Созываетъ триста іереевъ
И дванадцать владыкъ великихъ
И четыре старыхъ прогумна;
Разсадилъ ихъ по мѣстамъ, какъ надо,
Разсадилъ колѣно за колѣномъ,
Самъ пошолъ, гостямъ вино подносить,
Всякому по чину и по роду,
Какъ царю по правдѣ подобаешь.
Но бесѣда говоритъ Стефану:
«Царь ты нашъ и солнце наше красно,
Намъ глядѣть зазорно и обидно,
Что ты служишь и вино подносишь;
Сядь ты съ нами лучше за трапезу,
А вино пускай слуга подносить!»
Царь Стефанъ на рѣчь ихъ соблазнился,
Сѣлъ съ гостями рядомъ за трапезу,
Въ честь святаго не наполнивъ чаши
И о Богѣ духомъ не смиряся;
Даль слугамъ, чтобы съ виномъ ходили,
Чествуя угодица святаго,
Самого жъ себя не могъ принудить
Послужить слугою часъ единый.
Какъ стоялъ Стефанъ передъ гостями,

За плечомъ его стоялъ Архангелъ,
Крыльями его приосѣняя;
А какъ сѣлъ Стефанъ съ гостями рядомъ,
Прогнѣвился на него Архангелъ,
По лицу крыломъ его ударилъ
И съ трапезы царской удалился.
Не видалъ никто между гостями,
Какъ стоялъ Архангелъ за Стефаномъ,
Увидалъ одинъ маститый старецъ,
Увидалъ и горько онъ заплакалъ.
Какъ замѣтилъ тѣ прислужникъ царскій,
Подшолъ и тихо старцу молвилъ:
«Что, старикъ, на праздникѣ ты плачешь?
Иль тебя не вдоволь утощали?
Мало ѣлъ ты, или пилъ сегодня?
Иль боишься, что тебя обидятъ,
Милостию царскою обдѣлятъ?»
Говоритъ ему маститый старецъ:
«Богъ съ тобою, царскій ты прислужникъ,
Я не мало ѣлъ и пилъ сегодня,
Не боюсь я, что меня обидятъ,
Милостию царскою обдѣлятъ,
Но видѣнье чудное я видѣлъ:
Какъ стоялъ Стефанъ передъ гостями,
За плечомъ его стоялъ Архангелъ,
Крыльями его приосѣняя;
А какъ сѣлъ Стефанъ съ гостями рядомъ,
Прогнѣвился на него Архангелъ,
По лицу крыломъ его ударилъ
И съ трапезы царской удалился.»
Разсказалъ про тѣ царю прислужникъ;

Царь послѣшно всталъ изъ-за трапезы,
 А за нимъ и триста іереевъ
 И дванадцать владыкъ великихъ
 И четыре старыхъ проигумна:
 Взяли книги, начали молиться,
 Бдѣніе великое творили,
 Цѣлыхъ три дни и три тѣмныхъ ночи,
 Господу Всевышнему моляся
 И Его угоднику святому —
 И царя помиловалъ угодникъ,
 Отпуская грѣхъ ему великій,
 Что съ гостями сѣлъ онъ за трапезу,
 Въ честь святого не наполнивъ чаши,
 И о Богѣ духомъ не смиряся.

Н. Бергъ.

II.

ПОСТРОЕНІЕ СКАДРА.

Трое братьевъ городили городъ —
 Марлявчичи звались братья:
 Вукашинъ король былъ первый стройщикъ,
 А другой Угльша воевода,
 Третій строилъ Марлявчичъ Гойко —
 Городъ Скадаръ на рѣкѣ Боянѣ.
 Ровно три года городятъ городъ,
 Ровно три года, рабочихъ триста,
 Но не могутъ и основу вывести,
 А куда ужъ весь поставить городъ.
 Чтò работники построятъ за день,
 То повалитъ злая вила за ночь.
 Какъ четвертое настало лѣто,
 Слышутъ — вила кличетъ изъ Планины:
 «Вукашинъ, не мучься ты задаромъ,
 Не губи добра ты понапрасну:
 Не видать тебѣ и основанья,
 А куда ужъ весь поставить городъ,
 Коли сходныхъ не найдешь двухъ прозвищъ,
 Сестру съ братомъ, Стою и Стояна,
 И подъ башню ихъ ты не заложишь,
 А заложишь — будетъ основанье
 И построишь Скадаръ на Боянѣ!»
 Какъ тѣ рѣчи Вукашинъ услышалъ,
 Подзываетъ слугу Десимира:
 «Десимиръ, мое милде чадо!
 Былъ донынѣ ты моимъ слугою,
 Будь отнынѣ моимъ сыномъ милымъ!
 Запрягай ты коней въ колесницу,

Шесть кулей бери добра съ собою,
 Поѣзжай по бѣлому ты свѣту,
 Двухъ ищи ты одинакихъ прозвищъ,
 Сестру съ братомъ, Стою и Стояна,
 Добывая за деньги, или силой,
 И вези ихъ въ Скадаръ на Бояну:
 Мы заложимъ ихъ подъ башню въ камень,
 Такъ поставимъ граду основанье
 И построишь Скадаръ на Боянѣ.»
 Какъ услышалъ Десимиръ тѣ рѣчи,
 Снарядилъ коней и колесницу,
 Шесть кулей добра съ собой насыпалъ
 И поѣхалъ онъ по бѣлу свѣту;
 Ъздитъ, ищетъ одинакихъ прозвищъ,
 Ъздитъ, ищетъ Стою и Стояна.
 Ужь три года Десимиръ проѣздилъ,
 Не нашолъ онъ одинакихъ прозвищъ,
 Не нашолъ онъ Стою и Стояна,
 И назадъ пріѣхалъ къ Вукашину,
 Отдаетъ коней и колесницу,
 И кули, какъ были, вынимаетъ:
 «Вотъ тебѣ кони и колесница,
 Вотъ и все добро твое, богатство!
 Не нашолъ я одинакихъ прозвищъ,
 Не нашолъ я Стою и Стояна!»
 Какъ услышалъ Вукашинъ тѣ рѣчи,
 Призываетъ зодчаго онъ Рада,
 Зодчій кличетъ всѣхъ людей рабочихъ,
 Стали строить Скадаръ на Боянѣ,
 Зодчій строить, злая вила валить,
 Не даетъ и основанья вывести,
 А не только весь построить городъ,
 И опять съ горы заголосила:
 «Эй, король, не мучься ты задаромъ,
 Не губи добра ты понапрасну!
 Колю не можешь и основу вывести,
 Такъ куда жъ тебѣ построить городъ!
 Но послушай моего свѣту:
 Васъ три брата на рѣкѣ Боянѣ,
 И у всякаго по вѣрной любви,
 Чья придетъ сюда поутру прежде
 И рабочимъ принесетъ обѣдать,
 Заложите вы тоѣ подъ камень:
 Основанье граду будетъ крѣпко,
 Ты построишь Скадаръ на Боянѣ.»
 Какъ услышалъ Вукашинъ тѣ рѣчи,
 Призываетъ онъ родимыхъ братьевъ,
 Говоритъ имъ: «братья дорогие,
 Вонъ съ горы чтò говоритъ мнѣ вила:
 Вишь добро мы понапрасну губимъ,
 Ни за что намъ съ вилою не сладить,

Не позволить вывести и основы,
 А куда уж весь построить городъ!
 Да сказала, что вотъ насъ три брата
 И у всякаго по вѣрной любѣ:
 Чья придетъ поутру на Бояну
 И рабочимъ принесетъ обѣдать,
 Заложить тебѣ велить подъ башню:
 Такъ поставимъ граду основанье
 И построимъ Скадаръ на Боянѣ.
 Только, братья, заклинаю Богомъ,
 Чтобъ ни чья про то не знала любя;
 Мы оставимъ это имъ на счастье:
 Чья пойдетъ, та и пойдетъ съ обѣдомъ!»
 И другъ дружѣ братья клятву дали,
 Что ни кто своей не скажетъ любѣ.
 Такъ застала ихъ пора ночная,
 Ко дворама они вернулись бѣлымъ
 И за ужинъ сѣли за господскій,
 А потомъ пошли въ опочивальни.
 Но великое свершилось чудо:
 Вукашинъ не удержался первый,
 Разказалъ онъ все подругѣ-любѣ:
 «Ты послушай, любя дорогая,
 Не ходи ты завтра на Бояну
 И рабочимъ не носи обѣдать,
 А не то себя, душа, погубишь:
 Закладутъ тебя подъ башню въ камень!»
 И Угльша клятвы не исполнилъ,
 Разказалъ и онъ подругѣ-любѣ:
 «Ты послушай, любя дорогая,
 Не ходи ты завтра на Бояну
 И рабочимъ не носи обѣдать,
 А не то себя, душа, погубишь:
 Закладутъ тебя подъ башню въ камень!»
 Лишь одинъ не посрамился Гойко,
 Не сказалъ своей ни слова любѣ.
 Какъ назавтра утро засіяло,
 Встали братья и пошли на стройку.
 Часъ обѣда настаетъ рабочимъ,
 А черѣдъ за любой Вукашина.
 Вотъ идетъ она къ своей невѣсткѣ,
 Къ молодой Угльшиной хозяйкѣ,
 Говорить: «невѣстка дорогая,
 Помоги, неможется мнѣ нынче,
 Голову мнѣ съ вѣтру разломилло:
 На, снеси обѣдъ рабочимъ людямъ!»
 Но Угльшина подруга молвить:
 «Ахъ, невѣстка, радостью бы рада,
 Да рука сегодня заболѣла,
 Попроси ужъ ты сноху меньшую!»
 Та приходитъ къ Гойкиной подругѣ,

Говорить: «невѣстка дорогая,
 Помоги, неможется мнѣ нынче,
 Голову отъ вѣтра разломилло:
 На, снеси обѣдъ рабочимъ людямъ!»
 Люба Гойки ей на это молвить:
 «Матужка ты наша, королева,
 Отнесла бы я тебѣ съ охотой,
 Да еще ребенка не купала
 И полотень не стирала бѣлыхъ!»
 Вукашиниха на это молвить:
 «Ты поди, невѣстка дорогая,
 Отнеси обѣдъ рабочимъ людямъ,
 А ребенка я тебѣ помою
 И полотно выстираю бѣлы.»
 Нечего, пошла подруга Гойки,
 Повесла обѣдъ рабочимъ людямъ;
 Какъ пришла она къ рѣкѣ Боянѣ,
 Увидалъ свою подругу Гойко,
 Стало Гойкѣ раздосадно-горько,
 Стало жаль ему подруги вѣрной,
 Стало жаль и малаго ребенка,
 Чтò глядѣлъ на бѣлый свѣтъ лишь мѣсяцъ:
 Слѣзы пролилъ Марлявчевичъ Гойко;
 Издали его узнала любя,
 Тихой поступью къ нему подходитъ,
 Говорить ему такое слово:
 «Что съ тобою, господинъ мой добрый,
 Что ты ронишь нынче горьки слѣзы?»
 Отвѣчаетъ Гойко Марлявчевичъ:
 «Ахъ, душа ты, вѣрная подруга!
 Приключилось горькое мнѣ горе:
 Яблоко пропало золотое,
 Укатилось въ быструю Бояну:
 Вотъ и плачу, слѣзъ не одолѣю!»
 Но не тужить Гойкина подруга,
 Говорить она, смѣючись, мужу:
 «Лишь бы ты мнѣ былъ здоровъ и весель,
 А про яблоко чего крушиться:
 Наживемъ мы яблоко и лучше!»
 Тутъ еще ему горчѣе стало;
 Отъ своей онъ любви отвернулся
 И смотрѣть ужъ на нее не можетъ.
 Подошли тогда родные братья,
 Деверья его подруги-любви,
 За бѣлыя ея схватили руки,
 Повели закладывать подъ башню,
 Призываютъ зодчаго на стройку,
 Зодчій собралъ всѣхъ людей рабочихъ,
 Но смѣется Гойкина подруга,
 Думаетъ, что съ нею шутки шутать.
 Стали въ городъ городить бѣднугу,

Навалили триста тѣ рабочихъ,
 Навалили дерева и камню,
 Чтò коню бы стало по колѣно;
 Люба Гойки все еще смѣется,
 Думаетъ, что съ нею шутку шутять.
 Навалили триста тѣ рабочихъ,
 Навалили дерева и камню,
 Чтò коню бы пò поясъ хватило;
 Какъ осѣло дерево и камень,
 Увидала Гойкина подруга,
 Что бѣда у ней надъ головою,
 Взвизгнула змѣёю мѣдьяницей,
 Деверьямъ своимъ взмолилась жалко:
 «Ради Бога, братья, не давайте
 Загубить мнѣ молодъ вѣкъ зелёный!»
 Такъ молила да не умолила:
 Ни одинъ и поглядѣть не хочетъ.
 Тутъ зазоръ и срамъ она забыла,
 Господину своему взмолилась:
 «Не давай ты, господинъ мой добрый,
 Городить меня подъ башню въ городъ,
 Но поди ты къ матушкѣ родимой,
 У нея добра въ дому найдется,
 Пусть раба или рабыню купишь:
 Заложите ихъ подъ башню въ камень!»
 Такъ молила да не умолила —
 И когда увидѣла бѣдняга,
 Что мольба ей больше не поможетъ,
 Зодчему тогда она взмолилась:
 «Побратимъ ты, побратимъ мой зодчій,
 Проруби мнѣ грудямъ окошко,
 Бѣлые сосцы наружу выставь:
 Какъ придетъ сюда мой соколъ Ваня,
 Пососѣтъ онъ материнской груди!»
 Какъ сестру, ее послушалъ зодчій,
 Прорубилъ ея грудямъ окошко
 И сосцы ей выставилъ наружу,
 Чтобы могъ, придя, ея Ванюша
 Покормиться материнской грудью.
 Снова зодчему она взмолилась:
 «Побратимъ ты, побратимъ мой зодчій!
 Проруби мнѣ очамъ окошко,
 Чтòбъ глядѣть мнѣ на высокой теремъ,
 Коли Ваню понесутъ отсюда
 И назадъ съ нимъ къ терему вернутся.»
 И опять ее послушалъ зодчій:
 Прорубилъ ея очамъ окошко,
 Чтòбъ глядѣть на теремъ ей высокой,
 Какъ отсюда понесутъ къ ней Ваню
 И назадъ съ нимъ къ терему вернутся.
 Такъ ее загородили въ городъ;

Всякій день носили къ ней Ванюшу;
 Восемь дней она его кормила,
 На девятый потеряла голосъ,
 На кормила Ваню и опослѣ:
 Цѣлый годъ его туда носили.
 И понинѣ у людей въ поминѣ,
 Что бѣжить и будто тихо каплетъ
 Ради чуда молово оттуда,
 И приходять жены молодыя
 Грудью той лечить сосцы сухіе.

Н. Бергъ.

—
III.

БАНОВИЧЪ СТРАХИНЬЯ.

Жилъ да былъ Страхинья Бановичъ, *)
 Былъ онъ баномъ маленькаго банства,
 Маленькаго банства край Косова.
 Не бывало сокола такого!
 Подымается онъ рано утромъ,
 Созываетъ слугъ и домочадцевъ:
 «Вѣрные вы слуги-домочадцы!
 Осѣдлите мнѣ коня лихого,
 Чтò ни лучшую достаньте сбрую
 И подпруги крѣпче подтяните:
 Я собираюсь, дѣти, въ путь-дорогу,
 Не надолго повидаю банство,
 Ъду, дѣти, въ городъ бѣлъ Крушевецъ,
 Къ дорогому тестю Югъ-Богдану
 И къ его Юговичамъ любезнымъ:
 Хочется мнѣ съ ними повидаться!»
 Побѣжали слуги-домочадцы
 И коня для бана осѣдали.
 Онъ выходитъ, надѣваетъ чоку, **)
 Надѣваетъ чоку алой шерсти,
 Чтò свѣтлѣе сѣребра и злата,
 Чтò яснѣе мѣсяца и солнца,
 Надѣваетъ диву и кавиу;
 Изукраился нашъ ясный соколъ,
 На коня садится на лихого —
 Какъ махнулъ и прилетѣлъ въ Крушевецъ,
 Гдѣ недавно царство основалось.
 Югъ-Богданъ встрѣчать его выходитъ,
 Съ девятью своими сыновьями,

*) Одинъ изъ главныхъ героевъ косовской битвы, происходившей на Косовомъ полѣ 15-го іюня 1389 года, въ Видовъ день, и рѣшившей участь Сербскаго царства.

**) Родъ плаща со шкурами.

Съ девятью своими соколами,
 Обнимаютъ и целуютъ бана;
 Конюхи коня его принимаютъ;
 Самъ идетъ онъ съ Югъ-Богданомъ въ теремъ,
 Въ терему они за столъ садятся
 И господскія заводятъ рѣчи.
 Прибѣжали слуги и служанки,
 Гости подчуютъ, вино подносятъ;
 Господа усѣлись по порядку:
 Выше всѣхъ, въ челѣ, на первомъ мѣстѣ,
 Югъ-Богданъ, домовладѣка старшій,
 Страхинъ-банъ ему по праву руку,
 А потомъ Юговичи и гости;
 Кто моложе, подчивалъ старѣйшихъ;
 Больше всѣхъ Юговичи служили,
 Другъ за дружкой угощая батьку,
 Старого, сѣдого Югъ-Богдана
 И гостей хлѣбъ-солью обносили,
 Особливо зятя Страхинъ-бана;
 А слуга ходилъ съ виномъ и водкой,
 Наливалъ онъ золотую чарку,
 Въ чаркѣ было девять полныхъ литровъ;
 А потомъ, братъ, подали и сласти,
 Угощенья, сахарны варенья,
 Ну, какъ знаешь, на пирушкѣ царской!
 Загостился банъ у Югъ-Богдана,
 Загостился тамъ, запропастился,
 И не хочетъ ужъ оттуда ѣхать.
 Всѣ, что съ нимъ въ Крушевцѣ пировали,
 Надѣли старому Богдану,
 Говоря и вечеромъ и утромъ:
 «Государь нашъ, Югъ-Богданъ могучій!
 Шелкову тебѣ целуемъ полу
 И твою десную бѣду руку —
 Окажи ты милость намъ и ласку,
 Потрудися, приведи къ намъ зятя,
 Дорогого бана Страхинъ-бана,
 Приведи его подъ наши кровли,
 Чтобъ его почествовать намъ пиромъ.»
 И Богданъ водилъ къ нимъ Страхинъ-бана.
 Такъ живутъ они и поживаютъ,
 И не малое проходитъ время;
 Страхинъ-банъ у Юга загостился;
 Но страшася бѣда надъ головою:
 Разъ поутру, только встало солнце,
 Пастъ письмо къ Страхинъичу изъ Банства,
 Отъ его отъ матери любезной.
 Банъ раскрылъ его и, на колѣно
 Положивши, про себя читаетъ;
 Вотъ оно что бану говорило,
 Вотъ какъ мать вляла его, журила:

«Гдѣ ты, сынъ мой, празднуешь, пируешь?
 На бѣду вино ты пьешь въ Крушевцѣ,
 На бѣду у тестя загостился!
 Прочитай теперь — и все узнаешь:
 Изъ Едрена *) царь пришло турецкій,
 Захватилъ онъ все Косово поле,
 Визирей навелъ и сераскировъ,
 А они съ собой проклятыхъ беевъ,
 Всею турецкую собрали силу,
 Все Косово поле обступили,
 Обхватили обѣ наши рѣчки,
 Обхватили Лабу и Ситницу,
 Заперли крутомъ Косово поле.
 Говорятъ, рассказываютъ люди:
 Вишь отъ Мрамора до Явора-Сухого,
 А отъ Явора, сынъ, до Сазли,
 Отъ Сазли на Мостъ на Желѣзній
 А отъ Моста, сынъ, до Звечана,
 Отъ Звечана, сынъ, до Чечана,
 Отъ Чечана, до планинь **) высокихъ
 Разлеглося вражеское войско
 И невѣсть что окаянной силы.
 Говорятъ, у самого султана
 Двѣсти тысячъ молодцовъ отборныхъ,
 Что имѣютъ за собой имѣнья,
 Что на царскомъ проживаютъ коштѣ
 И на царскихъ вѣняхъ разѣзжаются;
 Вишь, оружія не носятъ много,
 А всего на нихъ вооруженья —
 Ятаганъ у пояса да сабля.
 У турецкаго царя-султана
 Есть другое войско — янычары,
 Что содержатъ при султанѣ стражу;
 Янычаръ тѣхъ также двѣсти тысячъ.
 Есть и третья сила у турчина,
 Третья сила — Тука и Манчука:
 Въ трубы трубить, колетъ всѣхъ и рубить.
 Всякія, сынъ, силы есть у турка;
 А еще, сынъ, у турчина сила:
 Самовольный турокъ Влахъ-Алія,
 Что не слушаетъ царя-султана,
 А не только ужъ пашой и беевъ:
 Съ ихъ войсками, съ бѣзными конями,
 Комары они ему да мухи.
 Вотъ какой, сынъ, этотъ Влахъ-Алія!
 Не хотѣлъ добромъ идти онъ прямо
 На Косово со своимъ султаномъ,
 А свернулъ дордою на лѣво,

*) Едренъ — Адрианополь, старая столица Турціи.

**) Планина — большая гора.

И ударилъ онъ на наше банство,
 Все пожогъ, расхитилъ и разграбилъ
 И на камнѣ камня не оставилъ;
 Разогналъ твоихъ онъ домочадцевъ,
 У меня жъ переломилъ онъ ногу,
 На меня своимъ конемъ наѣхалъ;
 Взялъ въ полонъ твою подругу-любу
 И увелъ съ собою на Косово:
 Подъ патромъ ее теперь палуетъ!
 Я одна тебѣ, мой сынъ, осталась,
 Горько плачу здѣсь на пепелищѣ,
 Горько плачу здѣсь, а ты пируешь,
 Пьешь вино въ Крушевцѣ съ Югъ-Богданомъ:
 Не въ утѣху бы тебѣ гулянье!»
 Взяло бана горе и досада,
 Какъ прочелъ, что мать ему писала;
 Сталъ лицомъ онъ пасмуренъ, невѣселъ,
 Черные усы свои повѣсилъ,
 Черные усы на грудь упали,
 Ясны оченьки его померкли,
 И горячія пробилась слезы.
 Югъ-Богданъ увидѣлъ Страхинъ-бана
 И какъ жаркій пламень загорѣлся —
 Говоритъ онъ зятю Страхинъ-бану:
 «Что ты это пасмуренъ, печаленъ?
 Богъ съ тобою, Страхинъ-банъ мой милый,
 На кого ты нынче разсердился?
 Не шурья ли что ли насмѣялись,
 Прогнѣвили въ разговорѣ словомъ?
 Иль золовки мало угощали?
 Иль тебѣ чего тутъ не достало?»
 Вспыхнулъ банъ и тестю отвѣчаетъ:
 «Ну те къ Богу, старій, не пугайся!
 Я въ ладу съ любезными шурьями,
 Не видалъ обидъ и отъ золовокъ,
 Хорошо поятъ меня и кормятъ,
 И всего мнѣ вдоволь здѣсь и вдostaлъ,
 Но съ того я горекъ и печаленъ,
 Что пришли ко мнѣ дурныя вѣсти
 Отъ моей отъ матери изъ банства.»
 Тутъ про все Богдану онъ повѣдалъ,
 Какъ нагрянули къ нему злодѣи,
 Какъ дворы его опустошили,
 Какъ прогнали вѣрныхъ домочадцевъ,
 Какъ родную мать его зашибли,
 Какъ въ полонъ его подругу взяли:
 «Вотъ она, моя подруга-люба!
 Вотъ она, гдѣ дочь твоя родная!
 Страмота и стыдъ для насъ обонхъ!
 Но, послушай, тесть ты мой любезный:
 Какъ помру, ты вѣрно пожалѣешь,

Пожалѣй же ты меня живого!
 Кланяюсь, молюсь тебѣ покорно,
 Бѣлую твою цалую руку,
 Отпусти Юговичей со мною:
 Я поѣду съ ними на Косово,
 Понщу тамъ моего злодѣя,
 Царскаго ослушника лихого,
 Что меня такъ тяжело разобидѣлъ.
 Ради Бога, тесть мой, не пугайся,
 И за нихъ ты ничего не бойся:
 Я у нихъ перемѣню одѣжу,
 Я одѣну ихъ какъ турки ходятъ:
 На голову — бѣлые кауки, *)
 На плечи — зеленые долманы,
 На ноги — широкіе чельчиры,
 За поясъ — отточенную саблю;
 Да велю слугамъ, чтобъ осѣдали
 Бѣдрыхъ коней, какъ сѣдаютъ турки:
 Чтобъ подпруги вѣрнѣе подтянули,
 А за мѣсто чапраковъ подъ сѣдла
 Медвѣдѣй бы положили черныхъ —
 Пусть ужъ будутъ точно янычары!
 А когда пойдутъ черезъ Косово,
 Сквозь поля турецкаго султана,
 Тамъ ребята пусть меня боятся,
 Пятятся назадъ какъ отъ старшого.
 Я впередъ поѣду делибашемъ;
 Коли кто на встрѣчу попадетъ,
 Вздумаетъ поговорить со мною
 По-турецки, или по-мановски, **)
 Я могу поговорить съ турчиномъ
 По-турецки или по-мановски;
 Вздумаетъ со мной по-арнаутски,
 Я и самъ ему по-арнаутски;
 Вздумаетъ со мною по-арабски,
 Я и самъ съ турчиномъ по-арабски.
 Такъ пройдемъ мы черезъ все Косово,
 Такъ обманемъ всѣхъ людей турецкихъ
 И отыщемъ моего злодѣя,
 Сильнаго турчина Влахъ-Алію,
 Что меня такъ тяжело разобидѣлъ.
 Мнѣ шурья противъ него помогутъ,
 А одинъ я тамъ какъ-разъ погибну,
 Одного меня какъ-разъ поранятъ!»
 Какъ услышалъ Югъ-Богданъ тѣ рѣчи,

*) Каукъ — шапка или колпакъ, который турки обвиваютъ чалмою.

**) Вѣроятно азіатско-турецкій или такъ называемый мановскій языкъ, былъ несомнѣнный признакъ турка, и имъ испытывали сербовъ и болгаръ, которые большею частью говорятъ по европейски-турецки какъ турки.

Вспыхнулъ гнѣвомъ, зятю отвѣчаетъ:
 «Страхинъ-банъ мой дорогой и милый!
 Не проспался видно ты сегодня,
 Что дѣтей моихъ съ собою просишь,
 Чтобъ вести ихъ на Косово поле,
 Чтобъ ихъ перекололи турки!
 Не могли и поминать про это!
 Не идти имъ, Страхинъ-банъ, съ тобою,
 Хоть бы дочь мнѣ вовсе не увидѣть!
 Что ты, банъ, съ чего такъ расходился?
 Знаешь ли ты, или ты не знаешь,
 Коли ночь она проночевала,
 Ночь одну проночевала съ туркомъ,
 Такъ тебѣ ужъ въ любви не годится:
 Самъ Господь убилъ ее и провлялъ!
 Брось ее, покинь на басурмана!
 Отыщу тебѣ невѣсту лучше,
 Пьянъ нальюсь у тебя на свадьбѣ,
 Буду вѣкъ пріятелемъ и другомъ,
 Но дѣтей не отпущу съ тобою!»
 Закипѣлъ Страхинъ, разгорѣлся,
 Закипѣлъ онъ съ гора и досады,
 Но ни слова не сказалъ Богдану,
 Никого не пѣзвалъ и не кликнулъ,
 Самъ пошолъ и отворилъ конюшню,
 Своего коня оттуда вывелъ,
 Ухъ, какъ осѣдлалъ его Страхинъ!
 Ухъ, какъ подтянулъ ему подпругу!
 Какъ взнуздаль его стальной уздой!
 Тутъ на улицу коня онъ вывелъ,
 Къ каменному подошолъ приступку
 И махнулъ въ сѣдло единымъ махомъ.
 На Юговичей потомъ онъ глянулъ,
 А Юговичи въ сырую землю;
 На Неманича потомъ онъ глянулъ,
 Чтѣ Страхинъ свойкомъ считался,
 И Неманичъ во сырую землю.
 А какъ пили съ нимъ вино и водку,
 Всѣ какъ путные они хвалились,
 Всѣ хвалились и божились зятю:
 Передъ Богомъ, банъ ты нашъ Страхинъ,
 Все возьми, и насъ и нашу землю!
 А теперь, какъ со двора поѣхалъ,
 Нѣтъ ему товарища и друга,
 На Косовское идти съ нимъ поле.
 Горькой банъ одинъ-однимъ остался,
 И одинъ пускается въ дорогу.
 Ыдетъ прямо Крушевецкимъ полемъ,
 И когда полъ-поля переѣхалъ,
 На городъ еще онъ оглянулся:
 Чтѣ не ѣдутъ ли шурья позадѣ?

Чтѣ не жалко ли его имъ стало?
 Но никто позадь его не ѣхалъ.
 Тутъ увидѣлъ банъ, что ни откуда
 Помощи въ бѣдѣ ему не будетъ,
 И взбрело Страхинъчю на мысли,
 Что съ собой въ дорогу пса онъ не взялъ,
 Своего лихого Карамана,
 Пса, чтѣ былъ ему коня дороже.
 Крикнулъ онъ изъ бѣлаго изъ горла:
 Караманъ его лежалъ въ конюшнѣ,
 Какъ слышалъ онъ господскій голосъ,
 Выскочилъ и по полю понесся,
 И догналъ онъ духомъ Страхинъ-бана,
 Вкругъ него и бѣгаетъ, и скачетъ,
 Брякаетъ ошейникомъ желѣзнымъ
 И въ глаза заглядываетъ бану,
 Будто слово выговорить хочеть.
 Отлегло на сердцѣ у Страхинъи,
 Веселѣй Страхинъ стало ѣхать.
 Ыдетъ онъ чрезъ горы, черезъ доли,
 Наконецъ доѣхалъ до Косова;
 Какъ взглянулъ да какъ увидѣлъ турокъ,
 Оборвалось сердце у Страхинъи,
 Но призвалъ онъ истиннаго Бога —
 И поѣхалъ смѣло черезъ поле.
 Ыдетъ банъ черезъ Косово поле,
 На четыре стороны онъ ѣдетъ,
 Ищетъ банъ турчина Влахъ-Алію,
 Но нигдѣ найти его не можетъ.
 Банъ спустился на рѣку Ситницу
 И увидѣлъ у рѣки у самой
 На пескѣ стоитъ шатеръ зеленый,
 Широко раскинулся надъ полемъ;
 На шатрѣ позолоченный яблокъ,
 Чтѣ сіяетъ и горитъ какъ солнце;
 Предъ шатромъ копьѣ воткнуто въ землю,
 Воронъ конь къ тому копьѣ привязанъ,
 У коня мѣшокъ съ овсомъ подъ мордой,
 Конь стоитъ и въ землю бѣтъ копытомъ.
 Какъ увидѣлъ Бановичъ шатеръ тотъ,
 Онъ умомъ и разумомъ раскинулъ:
 Ужь не это ли шатеръ Аліи?
 Подскакалъ, копьемъ въ него ударилъ
 И откинулъ полу, чтобы глянуть,
 Чтѣ такое подъ шатромъ творится.
 Не было тамъ сильнаго Аліи,
 А сидѣлъ какой-то пьяный дервишъ,
 Борода сѣдая по колѣни;
 Непотребствуетъ проклятый дервишъ
 И вина не въ мѣру наливаетъ —
 Въ чашу льетъ онъ, а вино-то на полъ.

Ажно очи набѣжали кровью!
 Какъ увидѣлъ дервиша Страхинычъ,
 Проворчалъ ему селямъ турецкій;
 Пьяный дервишъ глянулъ изподлобья:
 «А, здорово делибашъ Страхиныя!»
 Стало бану горько и досадно,
 По-турецки дервишу онъ молвилъ:
 «Брешишь, дервишъ, съ пьяну обознался,
 Съ пьяну лаешь глупыя ты рѣчи,
 И гауромъ турка называешь!
 Про какого говоришь тамъ бана?
 Я не банъ, а конюхъ я султанскій;
 Я пришолъ съ султанскими конями,
 Да бѣда мнѣ: кони разбѣжались
 По несмѣтной по турецкой рати;
 Мы теперь гоняемся за ними,
 Чтобъ они совсѣмъ не распропали.
 А ужъ ты старикъ молчалъ бы лучше,
 Расскажу не-то царю-султану,
 Такъ ужъ тебѣ за это будетъ!»
 Засмѣялся громко старикъ дервишъ:
 «Делибашъ ты, делибашъ Страхиныя!
 Знаешь ли, Страхиныя, Богъ съ тобою,
 Я стоялъ на Гѳлечѣ-планинѣ
 И узналъ тебя, когда ты ѣхалъ
 Сквозъ поля несмѣтные султана,
 И коня я распозналъ далѣе,
 Да и пса я твоего примѣтилъ,
 Вѣрнаго, лихого Карамана.
 Эхъ, Страхинычъ, знаешь ли, Страхинычъ,
 Я узналъ тебя, Страхинычъ, сразу
 По лицу и по глазамъ сердитымъ;
 Да и усь, какъ погляжу, такой-же!
 Помнишь ли ты, Богъ съ тобой, Страхинычъ,
 Какъ попался я къ твоимъ пандурамъ,
 На горѣ высокой на Сухарѣ:
 Ты велѣлъ меня въ темницу бросить;
 Девять лѣтъ я пролежалъ въ темницѣ
 И десятое ужъ лѣто наступало —
 Сжалился ты что-ли надо мною,
 Своего темничника ты кликнулъ
 И на свѣтъ велѣлъ меня ты вывести.
 Какъ темничникъ, сторожъ твой темничный,
 Да привелъ меня къ тебѣ предъ очи —
 Знаешь ли ты, помнишь ли, Страхинычъ,
 Какъ меня спрашивать ты началъ?
 Лютый змѣй, поганый аспидъ турка!
 Околѣешь ты въ моей темницѣ!
 Хочешь ли ты, турка, откушиться?
 Ты спросилъ и я тебѣ отвѣтилъ:
 Откуплюсь, коли на волюпустишь,

Если дашъ мнѣ отчину увидѣть;
 У меня въ дому добра найдется:
 Есть и земли, есть тебѣ и левы,
 Заплати, лишь отпусти на волю!
 А не вѣришь — Богъ тебѣ порука,
 Божья вѣра — вотъ тебѣ порука,
 Что получишь ты богатый выкупъ!
 Ты повѣрилъ, далъ ты мнѣ свободу,
 Отпустилъ меня въ родимый городъ,
 Ко дворамъ моимъ высокымъ, бѣлымъ,
 Но какъ я на родину вернулся,
 Горькое одно увидѣлъ горе:
 Безъ меня прошла у насъ зараза,
 Поморила и мужчинъ и женщинъ,
 Не осталось ни души въ деревнѣ,
 Всѣ дворы попадали и сгнили,
 Даже стѣны поросли травой,
 А что было — серебро и левы —
 Все съ собою захватили турки.
 Какъ увидѣлъ я дворы пустыя,
 Гдѣ не стало ни души единой,
 Думалъ, думалъ и одно придумалъ:
 У гонца отбилъ коня лихого
 И пустился къ городу Едрену,
 Къ самому великому султану.
 Доложилъ визирю царю-султану,
 Что каковъ я молодецъ удалый,
 И они въ кафтанъ меня одѣли,
 Дали саблю и шатеръ богатый,
 И коня мнѣ дали вороного,
 Дали мнѣ коня и наказали,
 Чтобъ служилъ по вѣкъ царю-султану.
 Ты пришолъ за выкупомъ Страхинычъ?
 Нѣтъ со мной, Страхинычъ, ни динара!
 На бѣду одну ты притащился;
 Попадешься на Косовѣ туркамъ,
 Ни за что вѣдь голову погубишь!»
 Смотритъ банъ, оглядываетъ турка,
 Узнаётъ онъ дервиша сѣдого,
 Слѣзъ съ коня и къ дервишу подходитъ
 И его рукою обнимаетъ:
 «Богомъ братъ мой, старина ты дервишъ,
 Мы про долгъ съ тобою позабудемъ!
 Кланяюсь тебѣ я этимъ долгомъ!
 Не за долгомъ я сюда прѣхалъ,
 А ищу я сильнаго Алю,
 Чтѣ дворы всѣ у меня разграбилъ,
 Чтѣ увѣз мою подругу-любю.
 Ты скажи мнѣ лучше, старикъ дервишъ,
 Какъ найти мнѣ моего злодѣя;
 Но молю тебя опять, какъ брата:

Ты, смотри, меня не выдай туркамъ,
 Чтобы въ плѣнъ меня не захватили.»
 Старый дервишъ бану отвѣчаетъ:
 «Соколы ты изъ соколовъ, Страхинычъ!
 Вотъ тебѣ, Страхинычъ, Богъ порука,
 Хоть сейчасъ возьми свою ты саблю
 И полъ-войска у султана вырѣжь —
 Не скажу я никому ни слова!
 Не забуду вѣкъ твоей хлѣбъ-соли:
 Какъ сидѣлъ я у тебя въ темницѣ,
 Ты поилъ, кормилъ меня, Страхинычъ,
 Выводилъ на свѣтъ обогрѣваться,
 И пустилъ меня на честномъ словѣ.
 Я тебя не предалъ и не выдалъ,
 И тебѣ измѣнникомъ я не былъ,
 И во-вѣкъ измѣнникомъ не буду,
 Такъ чего жъ тебѣ меня бояться!
 А что спрашиваешь ты, Страхинычъ,
 Про турчина сильного Алію:
 Онъ раскинулъ свой шатеръ широкой
 На горѣ на Гѣлечѣ-планинѣ;
 Но послушай моего совѣту:
 На коня садися ты скорѣе
 И скачи отсюда безъ-оглядки,
 А не то безъ пользы ты погибнешь.
 Не поможетъ молодая сила,
 Ни рука, ни сабля боевая,
 Ни копьё, отравленное ядомъ:
 Ты до Влаха сильного дойдешь,
 Да назадъ-то Влахъ тебя не пуститъ,
 И съ конемъ тебя захватитъ вмѣстѣ
 И со всѣмъ твоимъ вооруженьемъ;
 Руки онъ тебѣ переломастъ,
 Выколетъ глаза тебѣ живому.»
 Но смѣется дервишу Страхинычъ:
 «Полно, дервишъ, плакать спозаранку!
 Объ одномъ молю тебя какъ брата —
 Только туркамъ ты меня не выдай!»
 Старый дервишъ бану отвѣчаетъ:
 «Слышишь ли ты, делибашъ Страхиныя,
 Вотъ тебѣ всевышній Богъ порука,
 Хоть сейчасъ ты на коня садися,
 Выхвати свою лихую саблю
 И полъ-войска изруби у турокъ,
 Не скажу я никому ни слова!
 Банъ садится на коня и ѣдетъ,
 Обернулся и съ коня онъ кличетъ:
 «Эй, братъ дервишъ, послужи мнѣ службу:
 Ты пошь и вечеромъ и утромъ
 Своего коня въ рѣкѣ Ситницѣ,
 Покажи, гдѣ бродятъ черезъ рѣку,

Чтобы мнѣ съ конемъ не утопиться!»
 Старый дервишъ такъ отвѣтилъ бану:
 «Страхинычъ-банъ ты, ясный соколъ сербскій,
 Для тебя и для коня такого
 Всюду броды, всюду переходы!»
 Банъ махнулъ и перебрелъ Ситницу,
 И помчался по Косову полю
 Къ той горѣ, гдѣ былъ шатеръ широкий
 Сильнаго турчина Влаха-Алія.
 Банъ далѣко, солнышко высоко,
 Освѣтило все Косово поле
 И полки несмѣтные султана.
 Вотъ тебѣ и сильный Влахъ-Алія!
 Прдспалъ ночь онъ съ бановича любой,
 Подъ шатромъ, на Гѣлечѣ-планинѣ;
 Ужъ такой обычай у турчина —
 Поутру дремать, какъ встанетъ солнце:
 Легъ-себѣ, закрылъ глаза и дремлетъ.
 И мила ему Страхиныя любя:
 Головой въ колѣни къ ней склонился,
 А она его руками держитъ,
 И глядитъ на поле на Косово,
 Сквозъ шатеръ растворенный широко,
 И разсматриваетъ силы рати,
 И какіе тамъ шатры у турокъ
 И какіе витязи и кони.
 На бѣду вдругъ опустила очи,
 Видитъ — скачетъ молодецъ удалый,
 По Косовскому несется полю.
 И рукой она толкнула турка,
 По щекѣ его рукою треплетъ:
 «Государь мой, сильный Влахъ-Алія!
 Пробудись и подымись скорѣе:
 Неподвига, чтобъ те погъ не двигать!
 Подпоясывай свой литый поясъ,
 Уберись своимъ оружьемъ свѣтлымъ:
 Видишь, ѣдетъ къ намъ сюда Страхинычъ,
 Страхинычъ-банъ изъ маленькаго банства:
 Голову тебѣ отрубитъ саблей,
 А меня онъ увезетъ съ собою,
 Выколетъ живой мнѣ оба ока!»
 Вспыхнулъ турокъ, что огонь, что пламень,
 Вспыхнулъ турокъ, соннымъ окомъ глянулъ
 И въ глаза захохоталъ ей громко:
 «Ахъ, душа, Страхинына ты любя!
 Эхъ тебѣ онъ страшень, твой Страхинычъ!
 Днемъ и ночью только имъ и бредишь!
 Знать, душа, какъ и въ Едренѣ уѣдемъ,
 Онъ пугать тебя не перестанетъ!
 Это, видишь, любя, не Страхиныя,
 Это, любя, делибашъ султанскій:

Чай, ко мнѣ самимъ султаномъ посланъ,
 Либо царскимъ визиремъ Мехмедомъ,
 Чтобы турокъ я у нихъ не трогалъ:
 Всполюпились визири царѣвы,
 Испугались видно ятагана!
 Ты не бойся, коли я отсюда
 Покажу дорогу делибашу —
 Саблею его перепояшу,
 Чтобъ еще ко мнѣ не послали!»
 Но ему подруга-люба молвить:
 «Государь могучій Влахъ-Алія!
 Погляди ты, аль ослѣпъ — не видишь,
 Это вовсе не гонецъ султанскій,
 Это мужъ мой, Страхинъ-банъ удалый,
 Я въ лицо его отсюда вижу,
 По глазамъ его узнала съ разу,
 Да и усь, какъ погляжу, такой же;
 Вонъ и конь его, и пѣсь косматый,
 Караманъ его лихой и вѣрный;
 Не блажи, а подымайся лучше.»
 Какъ услышалъ турокъ эти рѣчи,
 Онъ трухнулъ, вскочилъ на легки ноги,
 Подпоясалъ златолитый поясъ,
 За поясъ заткнулъ кинжалъ булатный,
 У бедра повѣсилъ саблю востру,
 На коня на вороного глянулъ,
 На коня онъ глянулъ — банъ нагрянулъ.
 Не кивнулъ онъ туркѣ головою,
 Не назвалъ селамъ по-турецки,
 А сказалъ ему собакѣ прямо:
 «Вотъ ты гдѣ, проклятый басурманнъ,
 Вотъ ты гдѣ, лихой царѣвъ ослушникъ!
 Ты скажи мнѣ, чьи дворы разграбилъ?
 Чьихъ прогналъ ты вѣрныхъ домохадцевъ?
 Чью, скажи, теперь ты любу любишь?
 Выходи со мной на поединокъ.»
 Изготовился турчинъ на битву,
 Прыгнулъ разъ и до коня допрыгнулъ,
 Прыгъ еще и на коня онъ вспрыгнулъ,
 Подобралъ ременные поводья;
 Банъ не ждетъ, помчался на турчина
 И пустилъ въ него копьемъ булатнымъ.
 Тутъ бойцы удалые слетѣлись,
 Но руками размахнулъ Алія
 И поймалъ онъ бановича пиву,
 И кричитъ онъ громко Страхинъ-бану:
 «У, ты глуръ, Страхинъ-банъ проклятый!
 Вотъ ты чтѣ придумалъ и затѣялъ:
 Да не съ бабой это шумадійской, *)

*) То-есть — съ сербикой изъ Шумадіи, средней, гл-
 систой Сербіи, получившей свое названіе отъ шума — глса.

Чтѣ наскочишь — крикомъ озадачишь,
 А могучій это Влахъ-Алія,
 Чтѣ не любить и султана слушать,
 Помыкаетъ онъ и визирями,
 Словно мухамъ да комарами:
 Вотъ ты съ кѣмъ затѣялъ поединокъ.»
 Такъ сказалъ и самъ пускаетъ пиву,
 Просадить хотѣлъ Страхинью сразу,
 Но Господь помогъ тутъ Страхинъ-бану,
 Да и конь былъ у него смышленный:
 Онъ припалъ, какъ загудѣла пика,
 И она надъ баномъ просвистѣла
 И ударила въ холодный камень,
 На три иверня разбившись разомъ,
 У руки и гдѣ насаженъ яблокъ.
 Какъ не стало копьевъ, ухватили
 Пальцы они и шестоперы.
 Размахнулся турокъ Влахъ-Алія
 И ударилъ Страхинъ-бана въ темя;
 Страхинъ-банъ погнулся, покачнулся,
 Вѣрному коню упалъ на шею,
 Но Господь опять помогъ Страхинѣ,
 Да и конь былъ у него смышленный,
 Конь такой, какого не видали
 Съ той поры ни сербы и ни турки:
 Онъ взмахнулъ и передомъ, и задомъ,
 И въ сѣдлѣ Страхиньича поправилъ.
 Тутъ ужъ банъ ударилъ Влахъ-Алію,
 Изъ сѣдла не могъ турчина выбить,
 Но коня всадилъ онъ по колѣни
 Въ землю всѣми четырьмя ногами.
 Шестоперы также изломали
 И повибили изъ нихъ всѣ перья;
 Тутъ за сабли вострыя схватились,
 И давай опять рубиться-биться.
 А была у Страхинъ-бана сабля:
 Трое саблю вострую ковали,
 А другіе трое помогали
 Съ воскресенья вплоть до воскресенья;
 Выковали саблю изъ булата,
 Рукоять изъ серебра и злата,
 На великомъ брусѣ, на точилѣ,
 Страхинъ-бану саблю наточили.
 Замахнулся турокъ, но Страхиня
 Подскочилъ, на саблю саблю принялъ,
 На помы разсѣкъ у турка саблю,
 И выигралъ, возрадовался духомъ,
 Бинулся смѣлѣй на Влахъ-Алію,
 Налеталъ оттуда и отсюда,
 Чтобы съ плечъ башку снести у турка,
 Или руки у него поранить.

Лихъ боецъ съ лихимъ бойцомъ сошолся:
 Наступаетъ сильный банъ на турка,
 Только турокъ бану не дается,
 Половинкой сабли турокъ бѣтса,
 Онъ обертываетъ саблей шею,
 Заслоняетъ грудь и руки ею,
 И Страхиныи саблю отбиваетъ,
 Только иверни летать да брызги;
 Другъ у друга сабли изрубили,
 Изрубили вплоть до рукояти,
 Восторону отбросили обломки,
 Соскочили съ вѣней и схватились
 Другъ за друга сильными руками
 И, какъ два великіе дракона,
 По горѣ по Гѣлечу носились,
 Цѣлый день носились до полудня,
 Ажно пѣна-потъ прошибъ турчина,
 Бѣлая какъ свѣгъ бѣжала пѣна,
 А у бана бѣлая да съ кровью;
 Окровавилъ онъ свою рубашку —
 Окровавилъ золотыя латы;
 Тяжко-тяжко стало Страхиныи-бану,
 Онъ взглянулъ на любу и воскликнулъ:
 «Богъ убей тебя, змѣя не люба!
 И какого тамъ рожна ты смотришь!
 Подняла бы ты обломокъ сабли
 И ударила бъ меня, иль турка,
 И ударила бъ кого не жалко!»
 Но турчинъ Алія къ ней взмолился:
 «Ахъ душа, Страхиныина ты люба!
 Не моги, смотри, меня ударить,
 Не моги меня—ударъ Страхиныю!
 Ужь не быть тебѣ его женою,
 И тебя онъ больше не полюбитъ,
 А корить и днемъ и ночью станеть,
 Что спала ты подъ шатромъ со мною,
 Мнѣ же будешь ты мила во-вѣки,
 Мы уѣдемъ въ Едренеть съ тобою,
 Дамъ тебѣ я пятьдесятъ невольницъ,
 Чтобъ тебя за рукава держали
 И кормили сахаромъ да мѣдомъ;
 Золотомъ тебя всеѣ осыплю,
 Съ головы до муравы зеленой:
 Ну, ударъ, душа, Страхиныю бана!»
 Женщину легко подбить на злое:
 Подбѣжала люба Страхиныи-бана,
 Сабельный обломокъ ухватила,
 Обернула полковымъ убусомъ,
 Чтобы руку бѣлу не поранить,
 Не хотѣла турка Влахъ-Алію,
 А накинулась, змѣя, на мужа,

Господина своего Страхиныю
 И ударила его осколкомъ
 Прямо въ лобъ, по золотой челенкѣ *)
 И по бѣлому его кауку,
 И челенку свѣтлую разсѣкла,
 И каукъ ему разсѣкла бѣлый,
 Кровь пробилась алою струєю,
 Стала очи заливать Страхиныи.
 Видитъ банъ погибель неминучу,
 Но подумалъ онъ и догадался,
 Вспомнилъ онъ лихого Карамана,
 Что привыченъ былъ ко всякой травлѣ,
 Да какъ крикнетъ богатырскимъ горломъ:
 Вѣрный песь на крикъ его примчался,
 Ухватилъ измѣнницу за горло,
 А вѣдь женщины куда пугливы:
 Бросила она обломокъ сабли,
 Взвизгнула и за уши схватила,
 За уши схватила Карамана
 И скатилась кубаремъ въ долину;
 А турчину стало жалко любу.
 Онъ глядитъ во слѣдъ, что будетъ съ нею;
 Тутъ Страхиныи въ пору догадался,
 Молодецкое выиграло сердце,
 Изловчился, наскочилъ на турка
 И ударилъ басурмана объземъ.
 Страхиныи-банъ оружія не ищетъ:
 Онъ насѣлъ на турка Влахъ-Алію,
 И заѣлъ его до смерти зубомъ.
 А потомъ вскочилъ на легки ноги,
 Началъ звать и кликать Карамана,
 Чтобы любу не загрызъ до смерти.
 Но она долиною пустилась —
 Убѣжать, змѣя, хотѣла къ туркамъ;
 Только не далъ сильный банъ Страхиныи:
 Ухватилъ ее за праву руку,
 Привязалъ ее къ коню лихому
 Сѣлъ, а любу за собою бросилъ
 И помчался по Косову полю,
 Такъ и эдакъ, бокомъ-стороною,
 Чтобы туркамъ лютымъ не попасться;
 И пріѣхалъ въ бѣлый градъ Крушевецъ,
 Къ старому, сѣдому Югъ-Богдану,
 Увидалъ опять шурьѣвъ любезныхъ,
 Обнялся, распаловался съ ними
 И спросилъ, здорово-ль имъ живется?
 Какъ увидѣлъ Югъ-Богданъ могучій,
 Что у зятя лобъ разсѣченъ саблей,
 По лицу онъ пролилъ горьки слѣзы,

*) Челенка — золотой или серебряный султанъ на чалмѣ.

Горьки слѣзы пролилъ и промолвилъ:
 «Славно же мы гостя угостили!
 Весела тебѣ пирушка наша.
 Видно есть юнаки и у турокъ,
 Что такого сокола подбили,
 Сокола такого Страхинь-бана!»
 И шурья, взглянувши, всполошились.
 Но Страхинья такъ имъ отвѣчаетъ:
 «Не кори себя и не пугайся,
 Милый тесть мой, Югъ-Богданъ могучій!
 Не тревожьтесь, братья, понапрасну:
 Не случилось молодца у турокъ,
 Чтобы могъ со мною потягаться,
 Чтобы подшибъ меня, или поранилъ;
 А связать ли, кто меня поранилъ?
 Какъ сражался я съ лихимъ турчиномъ,
 Ранила меня подруга-люба,
 Дочь твоя родная; не хотѣла
 Тронуть турка, а пошла на мужа,
 Противъ своего вооружилась!»
 Вспыхнулъ Югъ и загорѣлся гнѣвомъ,
 Кликнулъ онъ своихъ дѣтей могучихъ:
 «Подавайте сабли, ятаганы!
 На куски ее изрѣжьте, суку!»
 На сестру навинулися братья,
 Только не далъ имъ ее Страхинья,
 И сказала шурьямъ такое слово:
 «Что вы, братья, на кого вы, братья,
 На кого вы, братья, зашумѣли?
 На кого кинжалы потянули?
 Коли вы ужь молодцы такіе,
 Гдѣ же были, братья, ваши сабли,
 Ваши сабли, вострые кинжалы,
 Какъ я ѣздилъ на Косово поле,
 Погибалъ у окаянныхъ турокъ?»
 Кто изъ васъ меня въ ту пору вспомнилъ?
 Не можете жь мнѣ жену обидѣть!
 Я безъ васъ справился бы съ нею,
 Да пришлось со всѣми бѣ справляться,
 Не съ кѣмъ было бѣ мнѣ и чарки выпить:
 Таеъ ужь любѣ я вину прощаю.»
 Вотъ каковъ, братъ, былъ у насъ Страхиньчъ,
 И другого не было такого!

Н. Бергъ.

IV.

СЕРБСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Имянинникъ былъ царь Лазарь;
 Собрались къ нему всѣ баны,
 И князья и воеводы,
 И въ бесѣдѣ прохладжались
 Во честномъ, почетномъ пирѣ.
 Пиръ ужь былъ во полупирѣ,
 Какъ вошла въ шатеръ царица
 Свѣтъ-душа красна Милица.
 Обложила жемчугами,
 Поясъ кованный надѣла,
 Головной покровъ кисейный,
 Златъ-вѣнецъ поверхъ покрова;
 Поклонилася супругу,
 Поклонилася, говорила:
 «Господинъ ты мой, царь Лазарь!
 Мнѣ бѣ не слѣдъ къ тебѣ входить,
 Не подобно бѣ говорить,
 Да не терпите больше сердце.
 Сонъ я видѣла, и трижды
 Тотъ же самый сонъ мнѣ снится.
 Все является мнѣ старецъ
 Въ влобукѣ и черной рясѣ;
 Осіянь небеснымъ свѣтомъ,
 Держитъ онъ большую книгу;
 И пречудныя въ той книгѣ
 Кажеть мнѣ изображенья.
 На одномъ-то словно поле;
 Только все дымится кровью;
 Словно воинство какое
 Полегло на немъ, побито;
 На другомъ изображеньи
 Церковь, словно какъ на небѣ;
 Отъ нея жь лучи исходятъ
 Внизъ на Сербскую всю Землю.
 И зачѣмъ являлся старецъ,
 И зачѣмъ казалъ мнѣ книгу,
 Что велитъ по ней исполнять —
 Не могла никакъ я сдумать.
 Только сдумала одно я —
 И пришла къ тебѣ, царь Лазарь.
 Всѣ цари, какіе были
 Надъ Землею славной Сербской,
 Собирали сребро, злато,
 Чтобы стронть Божьи церкви
 И обители святыя.
 Ты сидишь на ихъ престолѣ,
 Конишь сѣребро и злато,

Самъ по всей землѣ преславленъ,
 А для Господа, для Бога
 Ни единой не построилъ
 Ни обители, ни церкви».

Призадумался царь Лазарь
 И воскликнулъ громкимъ гласомъ:
 «Храмъ построю я, какого
 Не бывало въ сербскомъ царствѣ!
 Изъ свинцу солью основу,
 Изъ серебра поставлю стѣны,
 Краснымъ золотомъ покрою,
 А внутри весь изукрашу
 Крупнымъ жемчугомъ заморскимъ
 И каменьямъ самоцвѣтнымъ —
 Да во славу христіанамъ
 Онъ на всю сіяетъ землю!»

Повставали съ мѣсть всѣ баны,
 И князя, и воеводу,
 Поквалили мысль цареву:
 «Съ Богомъ, царь, благое дѣло!»

Только Милошъ воевода
 За столомъ одинъ остался,
 И сидитъ, потупя очи
 И глубоко воздыхая.

Запримѣтилъ свѣтъ-царь Лазарь,
 Что не всталъ съ князьями Милошъ,
 Посылалъ къ нему онъ чашу:
 «Буди здравъ, князь славный Милошъ!
 Что сидишь, потупя очи
 И глубоко воздыхая?
 Аль не по-сердцу рѣчь наша?»

И вскочилъ князь славный Милошъ,
 Принялъ чашу въ бѣлы руки,
 Поклонился, слово молвилъ:
 «Государь ты свѣтъ-царь Лазарь!
 Не вотще царицѣ снилось
 Поле, залитое кровью,
 Словно воинство какое
 Полегло на немъ, побито:
 Прочиталъ ли ты въ писаньи,
 Во святыхъ старинныхъ книгахъ,
 Чтò стоитъ про наше время?
 Наше время — на исходъ:
 «Близокъ часъ, во онъ же турокъ
 «Придѣтъ на нашу землю,
 «Царство сербское порушить,
 «Поплѣнить народъ въ работу».

Вотъ кровавое то поле!
 Если жъ тыстроишь церковь

Со свинцовою основой,
 И серебряныя стѣны,
 Красно золото на крышѣ,
 А внутри заморскій жемчугъ,
 Самоцвѣтныя каменья:
 Придѣтъ поганый турокъ,
 Разнесѣтъ онъ все и сроетъ.
 Изъ свинцу польетъ онъ ядереъ,
 Будетъ бить имъ наши грады,
 А серебряныя стѣны
 Перебѣтъ на сбрую конямъ,
 Самоцвѣтныя каменья
 Вправитъ въ сабельны эфесы,
 А все золото и жемчугъ
 Заберетъ своимъ турениямъ,
 И наложницамъ и жонамъ,
 На монпета и повязки.
 Церковь строить — такъ изъ камня,
 Камня сѣраго, такого,
 Чтобъ ни огонь не жогъ палящій,
 Чтобъ ни мечъ не сѣкъ булатный,
 Чтобъ ни червь, ни ржа не ѣли;
 Вмѣсто жъ злата и каменьявъ —
 Да сіяетъ благочестьемъ
 И небесной свѣтлой славой.

Пусть тогда приходитъ турокъ,
 Забираетъ нашу землю,
 Царство сербское порушить,
 Поплѣнить народъ въ работу:
 На сѣръ-камень не польститися.
 И пребудутъ яко звѣзды
 Надъ землей плѣненной нашей
 Наши каменные церкви:
 Будутъ иноки честные,
 Благодатью лишь богаты,
 Славить Господа въ нихъ Бога,
 Поминать царей великихъ
 И мужей, во брани падшихъ
 За отеческую землю,
 И стоять въ сердцахъ у сербовъ
 Будетъ вѣкъ нерушимо
 Царство сербское, подъ вѣрнымъ,
 Подъ невидимымъ покровомъ
 Пресвятой Христовой церкви...
 И на эту-то вотъ церковь
 И указывалъ царицѣ
 Во святомъ видѣннѣ старецъ.»

А. Майковъ.

2. ПѢСНИ О КОСОВСКОЙ БИТВѢ.

I.

ПОГИБЕЛЬ СЕРБСКАГО ЦАРСТВА.

Полетѣла птица-сокозь сизый
 Отъ Иерусалима святаго;
 Въ коготыгъ несетъ ласточку птицу.
 А то былъ не сокозь сизый —
 Самъ Илья пророкъ, святитель Божій.
 Несъ Илья пророкъ не ласточку птицу,
 А грамоту отъ пречистой Дѣвы.
 Какъ принесъ на Косово поле
 Опустилъ къ царю на когѣни.
 А грамота вымолвила слово:
 «Честное ты племя, царь Лазарь!
 Какого ты хочешь себѣ царства?
 Хочешь ли небеснаго царства,
 Или хочешь царства земного?
 Коли хочешь царства земного —
 Сѣдай коня, надѣвай доспѣхи,
 Опоаясь богатырской саблей;
 Бей враговъ турокъ безъ пощады —
 И все вражье войско погибнетъ;
 А хочешь небеснаго царства —
 На Косовомъ полѣ строй церковь,
 Выводи не мраморныя стѣны,
 А чистаго бархату и шелку,
 И дай всему войску приобщиться:
 Всѣ твой войны погибнуть,
 А съ ними и ты, царь Лазарь.»
 Выслушалъ царь Лазарь рѣчи,
 Сталъ про себя царь думать:
 «Боже ты мой, Боже милосердый!
 Какое мнѣ выбрать царство?
 Выбрать ли небесное царство,
 Или выбрать царство земное?
 Если я выберу царство,
 Временное царство земное:

То земное царство не на долго,
 А царство небесное на вѣки.»
 И выбралъ царь царство неземное,
 Вѣчное небесное царство.
 На Косовѣ полѣ создалъ церковь,
 Вывелъ не мраморныя стѣны,
 А чистаго бархату и шолку;
 Сербскаго призвалъ патриарха,
 Двѣнадцать владыхъ великихъ,
 И войску святое далъ причастье.
 Самъ князь урядилъ свое войско;
 А турокъ на Косово ударилъ.
 Войско велъ старей Богданъ-Югъ,
 А съ нимъ сыновъ Юговичей девять,
 Словно девять соколовъ сизыхъ,
 У каждаго девять тысячъ войска,
 У Юга двѣнадцать тысячъ.
 Съ турками бился, рубились,
 Семь пашей турецкихъ убили;
 А какъ стали бить осьмого,
 Палъ самъ Богданъ-Югъ старей;
 Съ нимъ погибли Юговичей девять,
 Словно девять соколовъ сизыхъ,
 И войско ихъ все погибло.
 Вышли три Марлявчича съ войскомъ,
 Банъ Углеша съ Гойкомъ воеводой,
 И самъ Вукашинъ король съ ними;
 У каждаго тридцать тысячъ войска.
 Съ турками бился, рубились,
 Восемь пашей убили,
 Только стали биться съ девятымъ,
 Двое Марлявчичей пали,
 Банъ Углеша съ Гойкомъ воеводой.
 Храбраго краля Вукашина
 Турки конями притоптали,
 Съ ними войско ихъ погибло.
 Вышелъ Стефанъ герцогъ съ войскомъ —
 Много у герцога силы:

Цѣлыхъ шестьдесятъ тысячь войска.
 Съ турками билсь, рубилсь,
 Девять нашей убили,
 Только стали биться съ десятиымъ,
 Какъ герцогъ Стефанъ былъ изрубленъ,
 И все его войско погбло.
 Вышелъ съ войскомъ Лазарь, царь Сербскій,
 Много было съ Лазаремъ сербовъ:
 Было съ нимъ семьдесятъ семь тысячь;
 Разбили, погнали по Косову турокъ,
 Туркамъ не дадутъ и оглянуться,
 Не только что туркамъ съ ними биться.
 Тутъ и одолѣлъ бы царь Лазарь,
 Да Богъ судья Бранковичу Вуку,
 Чтò выдалъ на Косовѣ тества:
 Лазаря турки одолѣли,
 И палъ тогда Сербскій царь Лазарь,
 А съ нимъ и все его войско —
 Семьдесятъ семь тысячь войска.
 Оно было честно и свято
 И къ Господу Богу прибѣжно.

II. Кирѣвской.

II.

ЦАРЬ ЛАЗАРЬ И ЦАРИЦА МИЛИЦА.

Какъ за ужиномъ сидитъ царь Лазарь, *)
 Съ нимъ сидитъ царица Милица.
 Говоритъ царица Милица:
 «Ты послушай, государь мой Лазарь,
 Золотая сербская корона!
 Ты уходишь завтра на Косово,
 Воеводъ и слугъ берешь съ собою,
 Никого ты здѣсь не оставляешь,
 Кто бы могъ къ тебѣ съ письмомъ отѣхать
 На Косово и назадъ вернуться.
 Ты уводишь моихъ девять братьевъ,
 Девять братьевъ, Юговичей храбрыхъ;
 Хоть одинаго изъ нихъ оставь мнѣ,
 Чтобъ сестрѣ онъ былъ въ бѣдѣ защитой!»
 Ей на это Лазарь отвѣчаетъ:
 «Государыня моя, Милица!
 Ты скажи, кого жь тебѣ оставить?»

*) Последний сербскій царь. Правилъ съ 1371 по 1389 годъ. Въ этомъ году, 15 июня, въ Видоухъ день, косовская битва рѣшила участь Сербскаго царства. Милица—дочь воеводы Югъ-Богдана, на которой Лазарь женился еще при жизни цара Стефана.

— «Ты оставь мнѣ Юговича Бошка!»
 Отвѣчаетъ ей на это Лазарь:
 «Государыня моя, Милица!
 Завтра утромъ, какъ взойдетъ день бѣлый,
 День взойдетъ и солнце просіяетъ
 И врата отворятся градскія,
 Ты ступай и стань подъ воротами,
 Какъ пойдетъ рядами наше войско:
 Передъ ними будетъ Юговъ Бошко,
 Понесетъ онъ знамя войсковое;
 Отъ меня скажи ему ты милость,
 Царское мое благословенье,
 Чтобъ отдалъ, кому захочетъ, знамя
 И съ тобою въ теремъ остался!»
 Какъ назавтра утро засіяло,
 Отперли ворота городскія,
 Выходила госпожа царица
 И въ воротахъ самихъ становилась.
 Вотъ идетъ дружина за дружиной,
 Борзы кони подъ оружьемъ бравнымъ;
 Передъ ними былъ Юговичъ Бошко
 На конѣ червонномъ, весь во златѣ,
 И покрытъ онъ знаменемъ Христовымъ —
 До коня покрылся до лихова;
 А на знамени насаженъ яблокъ,
 Золотымъ крестомъ пріосѣненный,
 А съ креста висятъ златыя клети —
 Падаютъ Юговичу на плечи.
 Подошла къ Юговичу царица,
 За узду коня остановила,
 Обвила руками шею брату
 И ему сказала тихо-тихо:
 «Милый братъ мой, дорогой мой Бошко,
 Царь тебѣ даетъ благословенье —
 Не ходитъ съ полками на Косово,
 А отдать, кому захочешь, знамя
 И со мною въ городѣ остаться,
 Быть сестрѣ защитой и помощью!»
 Ей на это Бошко отвѣчаетъ:
 «Воротися ты въ свой теремъ бѣлый!
 Мнѣ не слѣдъ съ тобою оставаться,
 Покидать святое наше знамя,
 Хоть дари мнѣ царь свой градъ Крушевецъ!
 Чтò тогда заговорить дружина:
 Окаянный трусь, пзмѣнникъ Бошко!
 Онъ идти боится на Косово,
 Кровь пролить за честный крестъ Господень,
 Умереть за вѣру за святую!»
 И съ конемъ промчался онъ въ ворѣта.
 Вотъ и старый Югъ-Богданъ съ дружиной!
 Семь за нимъ Юговичей позади;

Всѣхъ она просила по порядку —
 Ни одинъ и посмотрѣть не хочетъ.
 Малое за тѣмъ проходитъ время,
 Выѣзжаетъ и Юговичъ-Воинъ
 Съ царскими ретивыми конями —
 Были кони въ золотыхъ попонахъ —
 И подъ нимъ она коня схватила,
 Обвила руками шею брату
 И ему сказала тихо-тихо:
 «Милый братъ ты мой, Юговичъ-Воинъ,
 Царь тебѣ даетъ благословенье —
 Передать коней, кому желаешь,
 И со мною въ городѣ остаться —
 Быть сестрѣ защитой и помощью!»
 Отвѣчаетъ ей Юговичъ-Воинъ:
 «Воротись, сестра, въ свой теремъ бѣлый!
 Мнѣ не слѣдъ съ тобою оставаться
 И коней передавать царѣвнѣхъ,
 Хоть бы зналъ, что лягу на Косовѣ!
 Нѣтъ, я ѣду во чистое поле
 Кровь пролить за честный крестъ Господень,
 Умереть за вѣру за святую!»
 И съ конемъ промчался онъ въ ворота.
 Какъ царица это услышала,
 Она пала на холодный камень,
 Она пала, память потеряла.
 Вотъ и Лазарь славный проѣзжаетъ:
 Онъ увидѣлъ госпожу Милицу,
 Какъ увидѣлъ онъ, заплакалъ горько,
 Посмотрѣлъ направо и налево,
 Громко влечетъ слугу Голубана:
 «Голубанъ, слуга ты мой вѣрный,
 Ты покинь свою лошадь бѣлу,
 Подними на руки царицу
 И снеси ее въ высокій теремъ,
 А ужъ грѣхъ тебѣ Господь отпустить,
 Что не будешь съ нами на Косовѣ!»
 Какъ услышалъ Голубанъ тѣ рѣчи,
 Залился онъ горькими слезами,
 Лошадь бѣлу у воротъ покинулъ,
 Взялъ царицу на бѣлыя руки
 И отнесъ ее въ высокій теремъ,
 Но не могъ онъ одолѣть сердца,
 Не идти съ братьями на битву:
 Воротился, на коня прыгнулъ
 И пустился прямо на Косово.
 Какъ назавтра зарей, раннимъ-рано,
 Прилетѣли два черные врана,
 Воронья съ Косова чиста поля
 И на теремъ бѣлый опустились,
 На высокій лазаревъ ли теремъ,

Одинъ каркнулъ, а другой промолвилъ:
 «Это ль будетъ бѣлый царскій теремъ?
 Что-то въ немъ да никого невидно!»
 Знать, никто не слышалъ этой рѣчи —
 Услыхала госпожа царица,
 Передъ теремъ вышла передъ бѣлымъ,
 Тихо молвить вороньямъ тѣмъ чернымъ:
 «Богъ вамъ въ помощь, черные два врана!
 Вы откуда, два врана, такъ рано?
 Не съ Косова ль поля боевого?
 Не видали ль тамъ двухъ сильныхъ ратей?
 Не видали ль, какъ онѣ сразились,
 И какое войско побѣдило?»
 Воронья царицѣ отвѣчаютъ:
 «Госпожа царица ты, Милица,
 Мы летимъ съ Косова чиста поля,
 Видѣли двѣ рати на Косовѣ,
 Межъ собой онѣ вчера сразились,
 Два царя тамъ головы сложили,
 Малость малая осталась турка,
 А у серба, что хоть и осталось,
 Все то раны, всё-то кровью пьяны!»
 Какъ они съ царицей говорили,
 Милютинъ къ воротамъ подъѣзжаетъ,
 Держитъ руку правую да въ лѣвой;
 У него семнадцать ранъ на тѣлѣ,
 Да и конь его весь кровью облитъ.
 Говоритъ царица Милютину:
 «Что съ тобою, Милютинъ мой вѣрный?
 Что лицомъ ты пасмуренъ, не веселъ?
 Или выдалъ князя на Косовѣ?»
 Милютинъ царицѣ отвѣчаетъ:
 «Госпожа, спусти меня на земь
 И умой холодной водою,
 Да виномъ облей меня краснымъ:
 Одогнали меня тяжки раны!»
 Тутъ съ коня сняла его Милица,
 Чистою водою его умыла
 И виномъ облила его краснымъ.
 Какъ немного Милютинъ ожилъ,
 Стала спрашивать его царица:
 «Что, скажи мнѣ, было на Косовѣ?
 Какъ погибъ тамъ славный царь Лазарь?
 Какъ погибъ тамъ Югъ-Богданъ могучій?
 Какъ его Юговичи погибли?
 Какъ погибъ тамъ Милошъ воевода?
 Какъ погибъ Вукъ Бранковичъ смѣлый?
 Какъ погибъ Страхиња Бановичъ?»
 Тутъ слуга рассказывать началъ:
 «Всѣ остались на Косовомъ погѣ!
 Гдѣ погибъ нашъ славный царь Лазарь,

Много тамъ поломано копьевъ,
 И турецкихъ копьевъ, и сербскихъ,
 Только сербскихъ больше, чѣмъ турецкихъ,
 Какъ они царя обороняли,
 Именитаго Лазаря князя.
 Югъ-Богданъ погибъ еще сначала,
 Въ самой первой схваткѣ съ басурманомъ;
 Тамъ и восемь Юговичей пало,
 Ни одинъ изъ нихъ не выдалъ брата:
 Всякій бился, сколько силъ хватило.
 Уцѣлѣлъ одинъ Юговичъ-Бошко:
 По Косову знаменемъ онъ вѣялъ,
 Разогналъ и распугалъ онъ турокъ,
 Словно соколъ голубей пугливыхъ.
 Гдѣ въ крови бродили по колѣно,
 Тамъ погибъ нашъ Бановичъ Страхиња;
 Милошъ палъ по край рѣки Ситницы,
 Край Ситницы, край воды студеной;
 Онъ убилъ у нихъ царя Мурата
 И еще двѣнадцать тысячъ войска.
 Да простить тому грѣхи Всевышній,
 Кто родилъ намъ Милоша на свѣтъ!
 По себѣ оставилъ онъ память,
 Вѣкъ о немъ рассказывать будутъ,
 Пока есть жива душа на свѣтѣ
 И стоять Косово чисто поле!
 А что спрашиваешь ты про Вува:
 Будь онъ проклятъ и съ отцомъ будь прокляты!
 Проклятъ будь и родъ его и племя:
 Онъ царя выдалъ на Косовѣ
 И увелъ съ собой двѣнадцать тысячъ,
 Какъ и самъ, измѣнниковъ лютыхъ.»

Н. Бергъ.

III.

РАЗГОВОРЪ МИЛОША СЪ ИВАНОМЪ.

«Побратимъ ты мой, Иванъ Косанчичъ!
 Ты выглядывалъ у турка войско:
 Велика ль у нихъ народу-сила?
 Можно ль съ ними въ полѣ намъ схватиться?
 Можно ль будетъ одолѣть ихъ въ полѣ?»
 Говоритъ ему Иванъ Косанчичъ:
 «Побратимъ ты Милошъ мой Обилчичъ!
 Я выглядывалъ у турка войско:
 Много-много видѣлъ вражьей силы!
 Кабы солью всѣ мы обратились,
 На обѣдъ бы насъ не стало туркамъ.

Я ходилъ пятнадцать цѣлыхъ сутокъ
 По турецкой по несметной рати:
 Не нашолъ ни стоту я, ни краю:
 Какъ отъ Мрамора до Явора-Сухого,
 А отъ Явора, братъ, до Сазли́н,
 Отъ Сазли́н на Мостъ на Желѣзный,
 А отъ Моста до того Звечана,
 Отъ Звечана до того Чечана,
 Отъ Чечана до планинъ высокихъ
 Разлеглося вражеское войско.
 Витязь къ витязю, къ коню конь борзый,
 Пика съ пибой, точно холмъ великой,
 Словно тучи бунчуковъ ихъ вучи,
 А шатры матеры будто снѣжны горы!
 Кабы съ неба въ нихъ ударилъ ливень —
 Ни одна не пала бъ капля на землю:
 Все упало бъ на коней и войско!
 Сѣлъ Муратъ на полѣ на Мазгитѣ,
 Обхватилъ онъ Лабу и Ситницу.»
 Но еще спросилъ Ивана Милошъ:
 «Ты скажи мнѣ, братъ Иванъ Косанчичъ,
 Гдѣ шатеръ могучаго Мурата?
 Обѣщался нашему я князю,
 Что пойду и заколю Мурата
 И ногой ему подъ горло стану!»
 Говоритъ ему Иванъ Косанчичъ:
 «Глупъ ты, Милошъ, глупъ и неразуменъ!
 Гдѣ шатеръ могучаго Мурата?
 Посреди онъ всей турецкой рати;
 Хоть возьми у сокола ты крылья
 И ударь ты съ неба голубого:
 На тебѣ бы перьевъ не осталось!»
 Сталъ тутъ Милошъ умолять Ивана:
 «Ты послушай, братъ, Иванъ Косанчичъ,
 Не родимый, словно какъ родимый!
 Ты не сказывай про это князю,
 Чтобы не было ему заботы
 И чтобы войско наше не сробѣло;
 А скажи ты князю рѣчь такую:
 Велика у супостата сила,
 Но мы съ нею можемъ потягаться,
 А нето и одолѣть ихъ сможемъ.
 Въ рати той не молодцы на службѣ,
 А хаджи *), старики сѣдые,
 Да народъ рабочій, не охочій,
 Что ни разу бою не видали,
 А пошли затѣмъ, чтобы прокормиться;
 Да и это войско у турчина

*) Хаджи — странникъ, бывший на погребеніи гробу Мо-хаммеда.

Забогѣло разною богѣзнью,
Забогѣли у него и кони,
Забогѣли мокрецомъ и сапомъ.»

Н. Бергъ.

IV.

КОСОВСКАЯ ДѢВУШКА.

Встала рано дѣвица косовка,
Въ день великій встала, въ воскресенье,
Въ воскресенье прежде красна солнца;
Засучила рукава сорочки,
Засучила вплоть до бѣлыхъ локтей,
Положила на плечи хлѣбъ бѣлый,
Взяла въ руки два златыхъ сосуда,
Налила въ одинъ воды студеной,
А другой виномъ налила краснымъ,
И пошла она Косовскимъ полемъ;
Посреди побоища проходить,
Славнаго побоища царѣва,
Витазей оглядываетъ мертвыхъ,
А кого найдетъ еще живого —
Чистою водой его умоетъ,
Причаститъ виномъ его червоннымъ
И потомъ накормитъ хлѣбомъ бѣлымъ.
Глядь: лежитъ въ крови удалый витазъ,
Добрый витазъ молодой Орловичъ,
Молодой царѣвъ знаменосецъ.
Онъ въ живыхъ въ ту пору оставался,
Только былъ онъ безъ руки безъ правой,
Безъ ноги безъ лѣвой до колѣна;
Тонки ребра были перебиты
И видѣлась бѣлая печенка.
Подняла его красна дѣвица,
Подняла она его изъ крови,
Чистою водой его умыла
И виномъ червоннымъ причастила:
Ожилъ витазъ удалой Орловичъ,
Говоритъ онъ дѣвицѣ косовкѣ:
«Ахъ, сестра моя ты, дорогая!
Что тебѣ такая за неволя
Здѣсь въ крови людей ворочатъ мертвыхъ?
На побоищѣ кого ты ищешь:
Сына дядина, родного ль брата?
Иль отца отыскиваешь старца?»
Отвѣчаетъ дѣвица косовка:
«Милый братъ, невѣдомый мнѣ витазъ,

Не лежатъ мои родные въ полѣ,
Не ищу я дядинаго сына,
Ни отца родимаго, ни брата.
Али ты не знаешь какъ царь Лазарь
Причащалъ свое большое войско
У святой у церкви Грачаницы?
Три недѣли причащаль онъ ровно
И съ нимъ было тридцать калугеровъ.*)
Причастилось сербское все войско,
А за войскомъ наши воеводы,
Самый первый — воевода Милошъ,
А за Милошемъ Иванъ Косанчичъ,
За Косанчичемъ Миланъ Топлица.
И въ ту пору у воротъ стояла.
Какъ пошелъ нашъ Милошъ воевода,
Добрый молодецъ на бѣломъ свѣтѣ —
По камнямъ стучитъ кривая сабля,
На макушкѣ шолковая шапка,
Серебромъ на ней султанъ окованъ,
На груди кольчуга дорогая,
Шолковый платокъ надѣтъ на шеѣ.
На меня, идучи, витазъ глянулъ,
Снялъ съ себя кольчугу дорогую,
Снялъ и подаль мнѣ ее и молвилъ:
«На, возьми ты, дѣвица, кольчугу,
По кольчугѣ ты меня вспомнишь,
Какъ зовутъ меня — провѣлчаешь;
Я на смерть иду, на гибель злую,
Съ храбримъ войскомъ Лазаря-владыки;
Ты, душа моя, молися Богу,
Чтобы здравымъ вышелъ я изъ бою;
Счастье я за-то твое устрою:
Я тебя возьму Милану въ жоны,
Что мнѣ братъ по Богу, не по крови,
Что со мною Богомъ побратался,
Вышнимъ Богомъ и святымъ Иваномъ;
Я отцомъ вамъ буду посажонимъ!»
А за нимъ пошелъ Иванъ Косанчичъ,
Добрый молодецъ на бѣломъ свѣтѣ —
По камнямъ стучитъ кривая сабля,
На макушкѣ шолковая шапка,
Серебромъ на ней султанъ окованъ,
На груди кольчуга дорогая,
Шолковый платокъ надѣтъ на шеѣ,
На рукѣ горитъ богатый перстень;
Обернувшись, на меня онъ глянулъ,
Снялъ съ руки своей перстень драгоценный,
Снялъ его и подаль мнѣ съ словами:

*) Калугерь — монахъ.

«На, возьми, дѣвица, этотъ перстень!
 Этимъ перстнемъ ты меня помянешь,
 Какъ зовуть меня — провеличаешь;
 Я на смерть иду, на гибель злую,
 Съ храбрымъ войскомъ Лазаря-владыки;
 Ты, душа моя, молися Богу,
 Чтобъ оттуда я вернулся здоровымъ;
 Счастье я за-то твое устрою:
 Я тебя возьму Милану въ жоны,
 Что мнѣ братъ по Богу, не по крови,
 Чтò со мною Богомъ побратался,
 Вышнимъ Богомъ и святымъ Иваномъ;
 Я на вашей свадьбѣ дружкой буду!»
 А за нимъ пошолъ Миланъ Топлица,
 Добрый молодецъ на бѣломъ свѣтѣ —
 По камнямъ стучитъ кривая сабля,
 На макушкѣ полковая шалка,
 Серебромъ на ней султанъ окованъ,
 На груди кольчуга дорогая,
 Шолковый платокъ надѣтъ на шеѣ,
 На рукѣ убрूसъ золототканый.
 На меня, идучи, витязь глянулъ,
 Снялъ съ руки убрूसъ золототканый,
 Снялъ его и подаль со словами:
 «На, возьми убрूसъ золототканый!
 Ты меня убрусомъ тѣмъ помянешь,
 Какъ зовуть меня — провеличаешь;
 Я на смерть иду, на гибель злую,
 Съ храбрымъ войскомъ Лазаря-владыки;
 Ты, душа моя, молися Богу,
 Чтобъ оттуда я вернулся здоровымъ;
 Счастье я за-то твое устрою:
 Ты женою вѣрною мнѣ будешь!»
 Такъ прошли въ ворота воеводы;
 Ихъ-то, братъ, ищю я по Косову!»
 Говорить ей молодой Орловичъ:
 «Погляди, сестрица дорогая,
 Видишь вокругъ размѣтанныя копья:
 Гдѣ лежитъ ихъ болѣе и гуще,
 Молодецкая тамъ кровь лилася,
 До стремень она коню хватала,
 До стремень и до поводьевъ самыхъ,
 Добру молодцу по самый поясъ:
 Тутъ легли герои-воеводы.
 Ко дворамъ ты бѣлымъ воротися:
 Чтò бровавить рукава и полы!»
 Какъ услышала она тѣ рѣчи,
 Горькія изъ глазъ полились слѣзы,
 Ко дворамъ своимъ вернулась бѣлымъ,
 Зарыдавши жалостно и громко:
 «На роду написано мнѣ горе:

Подойду лишь къ зелёну я дубу —
 Глядь: зеленый выпцѣлъ весь и высохъ!»

Н. Бергъ.

v.

ЮРИШИЧЬ-ЯНКО.

Кто-то стонетъ въ городѣ Стамбулѣ:
 То ли вила *), то ли гуя **) злая?
 То не вила, то не гуя злая:
 Стонетъ молодецъ Юришичъ-Янко;
 И не даромъ день и ночь онъ стонетъ:
 Янко запертъ въ темную темницу,
 Въ ней три года молодецъ бѣдуетъ,
 У Тирьянскаго царя, у Сулеймана;
 Тамъ ему и тяжело и горько,
 Такъ и стонетъ вечеромъ и утромъ;
 Надоѣлъ ужъ и стѣнамъ холоднымъ,
 А не только злomu Сулейману.
 Вотъ приходитъ Сулейманъ Тирьянскій,
 Онъ приходитъ къ воротамъ темницы,
 Кличетъ громко Юришича-Янка:
 «Будь ты проклятъ, гяуръ океанный!
 Чтò съ тобою за бѣда такая,
 Что все воешь ты въ моей темницѣ?
 Не поятъ тебя, или не кормятъ?
 Или плачешь по какой гяуркѣ?»
 Отвѣчаетъ Янко Сулейману:
 «Говорить ты воленъ, царь, чтò хочешь;
 Но не жажду я, не голодаю,
 Только горько мнѣ и раздосадно,
 Что попался я къ тебѣ въ темницу:
 Добыла меня твоя темница!
 Ради Бога, царь-султанъ великій,
 Сколько хочешь попроси за выкупъ,
 Но пусти мои отсюда кости.»
 Сулейманъ ему на это молвить:
 «Брешишь, гяуръ, Янко океанный!
 Твоего мнѣ выкупа не надо,
 Но мнѣ надо, чтобъ сказалъ ты правду,
 Какъ зовуть тѣхъ воеводъ могучихъ,
 Чтò мое все войско всполошили,
 Какъ мы шли Косовскимъ чистымъ полемъ.»
 Отвѣчаетъ Янко Сулейману:
 «Говори ты, царь-султанъ, чтò хочешь,

*) Горная нимфа.

**) Зѣна.

Я скажу всю истинную правду:
 Самый первый сильный воевода,
 Что посѣкъ и разогналъ всѣхъ турокъ,
 Потопилъ и въ Лабѣ и въ Ситницѣ —
 Это былъ самъ Королевичъ-Марко.
 А другой великій воевода,
 Что разбилъ большую рать у турокъ —
 Это будетъ Огникъ-Недоростокъ,
 Милый сестричъ воеводы Марка.
 А послѣдній славный воевода,
 Что сломалъ свою кривую саблю
 И что турокъ навздѣвалъ на пику
 И погналъ передъ собою въ Лабу,
 Въ Лабу и студеную Ситницу —
 Этого зовутъ Юришичъ-Янко,
 Что сидитъ, султанъ, въ твоей темницѣ:
 Учини надъ нимъ теперь что хочешь!
 Говоритъ на то султанъ Тирьянскій:
 «Вотъ какой ты гяуръ океанный!
 Ну, скажи, какой ты хочешь смерти?
 Хочешь, въ морѣ мы тебя утопимъ,
 Или, хочешь, на огнѣ изжаримъ,
 Или къ репицамъ коней привяжемъ:
 Разнесутъ они тебя на части?»
 Отвѣчаетъ Янко Сулейману:
 «Говоритъ ты воленъ, царь, что хочешь;
 Но вѣдь муки никому не милы;
 А коль смерти миновать не можно,
 Такъ послушай: я тебѣ не рыба,
 Чтобы въ море ты меня закинулъ;
 Я тебѣ не дерево-колода,
 Чтобы вы огнемъ меня спалили;
 Не блудница, чтобъ меня конями
 Приказалъ ты разорвать на части;
 Но изъ добрыхъ витязей я витязь.
 Дай же ты разбитую мнѣ лошадь,
 Что стояла тридцать лѣтъ безъ дѣла,
 Никакого бою не глядѣла;
 Да еще тупую дай мнѣ саблю,
 Тридцать лѣтъ нетѣченую вовсе,
 Что и въ битвѣ съ-роду не бывала,
 А лежала ржавчиной покрыта
 И забыла изъ ножонъ ужъ лазить;
 А потомъ пусти меня ты въ поле,

И за мною двѣсти янычаровъ:
 Пусть они меня на сабли примутъ,
 Пусть погибну я, какъ добрый витязь!»
 Сулейманъ Юришича послушалъ:
 Далъ ему разбитую онъ лошадь,
 Что стояла тридцать лѣтъ безъ дѣла,
 Никакого бою не глядѣла;
 Далъ еще ему тупую саблю,
 Тридцать лѣтъ нетѣченую вовсе,
 Что и въ битвѣ съ-роду не бывала,
 А лежала ржавчиной покрыта
 И забыла изъ ножонъ ужъ лазить;
 Выпустилъ потомъ онъ Янка въ поле,
 И за нимъ двѣ сотни янычаровъ.
 Какъ схватилъ коня Юришичъ-Янко,
 Началъ бить въ бока его ногами:
 Конь понесся по чистому полю,
 Вслѣдъ за Янкой двѣсти янычаровъ;
 Впереди одинъ удалый турка:
 Онъ задумалъ снести башку у Янки,
 Чтобы взять подарокъ отъ султана,
 И совсѣмъ нагналъ-было онъ Янку;
 Только Янко скоро спохватился:
 Онъ бѣду надъ головою видитъ,
 Помянулъ онъ истиннаго Бога,
 Хватъ рукой могучею за саблю,
 Разомъ дернулъ — выскочила сабля,
 Какъ сейчасъ откованная только;
 Выждалъ Янко молодого турка
 И на саблю басурмана принялъ,
 Поперегъ его ударилъ тяжело —
 И съ коня двѣ пали половины.
 Подскочилъ Юришичъ, мигомъ бросилъ
 Онъ свою неѣженую лошадь,
 На коня турецкаго метнулся,
 Изъ ножонъ у турки вынулъ саблю
 И пошелъ косить онъ янычаровъ:
 Половину ихъ посѣкъ онъ саблей,
 А другую онъ пригналъ, какъ стадо,
 Къ самому султану Сулейману,
 А потомъ — и здоровъ, и цѣлъ, и веселъ —
 Онъ домой поѣхалъ чистымъ полемъ.

Н. Бергъ.

3. ПѢСНИ О МАРКѢ-КОРОЛЕВИЧѢ.

. 1.

СУДЪ МАРКА-КОРОЛЕВИЧА.

Какъ во чистомъ во Косовомъ полѣ,
 Что у бѣлой церкви Грачаницы,
 Собраздсь четыре ратныхъ стана:
 Первый станъ былъ Вукашина краля,
 А другой — царевича Угльши,
 Третій станъ былъ воеводы Гойки
 И четвертый — Уроша младого.
 Изъ-за царства ссорятся родные,
 Загубить другъ друга умышляютъ,
 Извести ножами золотыми:
 Не рѣшатъ, кому сидѣть на царствѣ.
 «Я наслѣдникъ!» Вукашинъ кланется;
 «Мой престолъ!» въ отвѣтъ ему Угльша;
 «Нѣтъ, онъ мой!» имъ Гойка возражаетъ.
 Лишь одинъ царевичъ недоростокъ,
 Бѣдный Урошъ, слова не промолвить:
 Онъ троихъ своихъ боится братьевъ,
 Братьевъ Марлявчѣвичей несмытыхъ.
 Вукашинъ письмо проворно пишетъ
 И съ гонцомъ письмо онъ посылаетъ
 Въ Призрень городъ, городъ бѣлостѣнный,
 Къ старику Недѣлькѣ протопопу,
 Чтобы прибылъ на Косово поле,
 Указалъ, кому сидѣть на царствѣ:
 Причащаль-де онъ царя честнаго,
 Причащаль его и исповѣдалъ;
 У него и книги староставны.
 И Угльша письмецо готовить
 И съ гонцомъ письмо то посылаетъ
 Въ Призрень городъ, городъ бѣлостѣнный,
 Къ старику Недѣлькѣ протопопу.
 Пишетъ то жъ и Гойко воевода
 И гонцу письмо свое вручаетъ;
 Пишетъ то жъ и Урошъ малолѣтній

И гонца тихонько отправляетъ.
 Таеъ-то братья письма тѣ писали,
 И гонцамъ отвезть ихъ поручали,
 Другъ отъ друга вроясь, укрываясь;
 Но сошлись всѣ четверо посланцевъ
 Въ Призрень градъ, градъ бѣлостѣнномъ,
 На дворѣ Недѣльки протопопа;
 Только дома старца не застали:
 Въ храмѣ божьемъ утреню служилъ онъ,
 Утреню-святую съ литургіей.
 Возгордились посланные силою,
 Что они сильнѣйшіе изъ сильныхъ,
 Слѣзть съ коней своихъ не захотѣли —
 Прямо въ церковь въѣхали съ конями
 И плетями ременными нещадно
 Стали бить Недѣльку протопопа.
 «Гей, проворнѣй, протопопъ Недѣлька!
 Гей, проворнѣй на Косово поле —
 Тамъ рѣшишь, кому сидѣть на царствѣ:
 Причащаль вѣдь ты царя честнаго,
 Причащаль его и исповѣдалъ;
 У тебя и книги староставны;
 А не то — прощайся съ головою.»
 Ронить слѣзы протопопъ Недѣлька,
 Ронить слѣзы, ронить, отвѣчаетъ:
 «Отважитесь, сильные изъ сильныхъ!
 Дайте справить службу по уставу —
 Все тогда по правдѣ мы разсудимъ.»
 И гонцы коней поворотили,
 А какъ служба божья совершилась,
 Стали вдругъ у наперти церковной,
 И связалъ имъ протопопъ Недѣлька:
 «Богъ на помощь, четверо посланцевъ!
 Какъ царя честнаго причащаль я,
 Причащаль его и исповѣдалъ,
 Не о царствѣ спрашивалъ его я,
 А о томъ, чѣмъ грѣшенъ передъ Богомъ.
 Вы ступайте къ городу Призбпу:

Тамъ живетъ питомецъ мой любезный,
 Мой питомецъ, Марко-Королевичъ:
 У меня письму онъ научился,
 Былъ писцомъ онъ у царя Душана;
 У него и книги староставны.
 Онъ одинъ лишь знаетъ про наслѣдство.
 Призовите Марка на Косово —
 Онъ вамъ все по чистой правдѣ скажетъ,
 Потому-что Марко, кромѣ Бога,
 Никого на свѣтѣ не боится.
 И гонцы не медля поскакали,
 Поскакали къ городу Прилѣду,
 Къ бѣлымъ сѣнямъ, къ марковымъ хоромамъ,
 И едва подѣхали къ воротамъ,
 Принялись стучать кольцомъ тяжелымъ.
 Услыхала Евросима мать,
 Стала Марка сына докликаться:
 «Сынъ мой Марко, чадо дорогое!
 Посмотри, кто тамъ стучитъ въ ворота?
 Не гонцы ль отцовскіе примчались?»
 Вышелъ Марко, отворилъ ворота,
 И сказали посланные Марку:
 «Богъ на помощь, Марко-Королевичъ!
 Отвѣчай имъ Королевичъ-Марко:
 «Въ добрый часъ, ребята удалые!
 Всѣ ль здоровы сербскіе юнаки,
 И цари и короли честные?»
 А гонцы ему съ поклономъ низкимъ:
 «Господинъ нашъ, Королевичъ-Марко!
 Всѣ во здравьи, да не въ добромъ мирѣ:
 Загорѣлась ссора межъ князьями
 Во Косовомъ во широкомъ полѣ,
 Что у бѣлой церкви Грачаницы.
 Изъ-за царства ссорятся родные,
 Загубить другъ друга умышляютъ,
 Извести ножами золотыми:
 Не рѣшатъ, кому сидѣть на царствѣ.
 Приходи къ намъ на Косово поле,
 Укажи, кому сидѣть на царствѣ.»
 Входитъ Марко во свои хоромы
 И зоветъ онъ Евросиму мать:
 «Евросима, мать моя родная!
 Загорѣлась ссора межъ князьями
 На широкомъ на Косовомъ полѣ,
 Что у бѣлой церкви Грачаницы.
 Изъ-за царства ссорятся родные,
 Загубить другъ друга умышляютъ,
 Извести ножами золотыми:
 Не рѣшатъ, кому сидѣть на царствѣ;
 И зовутъ меня къ Косову полю,
 Чтобъ рѣшить, кому сидѣть на царствѣ.»

Вѣкъ свой бился Марко изъ-за правды,
 А старуха Марка заклинаетъ:
 «Милый Марко, сынъ едиnorodный!
 Коль боишься материнской клятвы,
 То — отцу и дядевьямъ въ угоду —
 Не держи отвѣта имъ по кривдѣ,
 А по правдѣ истиннаго Бога.
 Не губи души своей безсмертной!
 Лучше лечь за правду головою,
 Чѣмъ принять злой грѣхъ такой на душу!»
 Вынулъ Марко книги староставны,
 Снарядился въ дальній путь-дорогу,
 Вывелъ Шарца, всунулъ ногу въ стремя
 И понесся на Косово поле.
 Какъ подѣхалъ къ ставкѣ королевской,
 Взговорилъ такъ Вукашинъ владыка:
 «Благодать мнѣ послана отъ Бога!
 Сына Марка вижу предъ собою —
 Онъ присудитъ царство Вукашину:
 Сынъ отцу наслѣдуетъ на царствѣ.»
 Слышитъ Марко, слова не проронитъ,
 Головы къ шатру не поворотитъ.
 Какъ Угльша Марка запримѣтилъ,
 Взговорилъ онъ таковое слово:
 «Благо мнѣ! племянникъ мой пріѣхалъ!
 Онъ присудитъ сербское мнѣ царство.
 Присуди мнѣ сербскую корону —
 Станемъ вмѣстѣ царствовать мы братски.»
 Слышитъ Марко, слова не проронитъ,
 Головы къ шатру не поворотитъ.
 Только Гойко Марка запримѣтилъ,
 Взговорилъ онъ таковое слово:
 «Благо мнѣ! племянникъ мой пріѣхалъ!
 Онъ присудитъ сербское мнѣ царство.
 Той порой, какъ Марко былъ ребенкомъ,
 Я его и нѣжилъ, и голубилъ,
 Согрѣвалъ за пазухой шелкѣвой,
 Словно персикъ, яблочко-румяно;
 На конѣ куда бы я ни ѣхалъ,
 Все, бывало, Марка призахватилъ!
 Присуди мнѣ царство, Королевичъ,
 Будешь самъ ты властвовать надъ царствомъ,
 Я же буду княземъ подневольнымъ.»
 Слышитъ Марко, слова не проронитъ,
 Головы къ шатру не поворотитъ,
 Прямо ѣдетъ къ бѣлой ставкѣ князей,
 Къ бѣлой ставкѣ Уроша младого,
 Ставить Шарца прямо противъ входа
 И у царскихъ ногъ съ него слѣзаетъ.
 Какъ его завидѣлъ юный Урошъ —
 Быстро всталъ съ шелкѣваго дивана,

Быстро всталъ и такъ ему промолвилъ:
 «Благо мнѣ! мой милый кумъ пріѣхалъ,
 Милый кумъ мой Королевичъ-Марко!
 Онъ рѣшить кому сидѣть на царствѣ.»
 И юнаки стали миловаться,
 Цаловались, нѣжно обнимались,
 О юнакомъ здравіи справлялись,
 И усѣлись радомъ на диванѣ.
 Вотъ немного времени минуло,
 День прошолъ и ночь затѣмъ настала,
 Но едва взошла заря на утро
 И къ господней службѣ зазвонили,
 Все боярство къ утренѣ сошлось,
 Отстояло въ храмѣ литургію
 И, толпою выспылавъ изъ церкви,
 Тутъ же все усѣлось за столами,
 За медъ и сахарныя яства.
 Передъ Маркомъ книги староставны;
 Онъ въ нихъ смотритъ, смотритъ и вѣщаетъ:
 «Гой, отецъ мой, Вукашинъ владыко!
 Аль тебѣ твоей всей власти мало?
 Мало, что ли? чтобъ она пропала!
 О чужомъ тягаются въ царствѣ.
 Гой, ты деспотъ, дядя мой Угльша!
 Мало что ли твоего деспотства
 И тебѣ? О, чтобъ оно пропало!
 О чужомъ тягаются въ царствѣ.
 Гой ты дядя, Гойко воевода!
 Мало что ли воеводской власти
 И тебѣ? О, чтобъ она пропала!
 О чужомъ тягаются въ царствѣ.
 Загляните — чтобъ Господь забылъ васъ —
 Въ это книгу: *Урошево царство!*
 Въ ней стоитъ; такъ, значить, царство
 Отроку завѣщано въ наслѣдство.
 Вотъ кому самъ царь его оставилъ,
 Въ смертный часъ свои смѣжая очи.
 Какъ слова тѣ Вукашинъ услышалъ,
 Мигомъ онъ вскочилъ на рѣзвы ноги
 И за ножъ схватился золоченный,
 Чтобъ убить возлюбленнаго сына.
 Отъ отца бѣгомъ пустился Марко,
 Потому-что сыну не пристойно
 Со своимъ родителемъ сражаться.
 И бѣжитъ вокругъ бѣлой церкви Марко,
 Вкругъ той бѣлой церкви Грачаницы,
 Все бѣжитъ, а краль за нимъ въ догонку.
 Ужъ они три круга обѣжали
 Вкругъ той бѣлой церкви Грачаницы;
 Догонять ужъ сталъ его родитель;
 Вдругъ слова изъ церкви раздалися:

«Въ церковь Марко, въ церковь поскорѣ,
 Или часъ твой прѣбилъ — ты погибнешь,
 Отъ руки родительской погибнешь,
 Изъ-за правды истиннаго Бога!»
 Тутъ предъ нимъ разверзлись двери храма,
 И едва успѣлъ вбѣжать онъ въ церковь,
 Какъ за нимъ онъ тотчасъ закрылись.
 Подбѣгаетъ краль къ дверямъ церковнымъ
 И ножомъ по нимъ онъ ударяетъ —
 Глянулъ — кровь закапала изъ двери.
 Сталъ тогда онъ каяться невольно
 И такое выговорилъ слово:
 «Горе мнѣ, о Боже милосердый!
 Погубилъ я сына дорогого!»
 И раздался голосъ изъ-за двери:
 «Краль могучій, Вукашинъ владыка,
 Знай, не сына поразилъ ты Марка,
 Поразилъ ты ангела Господня!»
 Сталъ тутъ краль пѣнять на сына Марка,
 Проклиная и клясть его нещадно:
 «Поразилъ тебя рука Господня!
 Будь лишонъ и гроба, и потомства!
 А душа въ тебѣ пусть заживется,
 Чтобъ султану вдосталь наслужиться!»
 Краль клянетъ, а царь благословляетъ:
 «Кумъ мой Марко, Богъ тебѣ на помощь!
 Чтобъ лицо твое сіяло въ думѣ,
 А копьѣ въ бою не уставало!
 Чтобъ сильнѣе не было юнака,
 И, пока луна и солнце свѣтять,
 О тебѣ жива была бы память!»
 И сбылося — какъ сказали оба.

О. Миллеръ.

—

II.

МАРКО-КОРОЛЕВИЧЪ И СОКОЛЬ.

Расхворался Королевичъ-Марко,
 Расхворался посреди дороги,
 Въ-головахъ копьѣ втыкаетъ въ землю,
 За копьѣ коня лихого вяжетъ
 И такія говорить онъ рѣчи:
 «Кабы кто воды мнѣ далъ напиться,
 Кабы сѣнь-прохладу мнѣ устроилъ —
 Сослужилъ бы вѣрную мнѣ службу,
 Не забылъ бы я ея до смерти!»
 Вдругъ откуда ни возмисся соколъ,
 Подаётъ воды студеной въ клювъ,

Чтобъ напился Королевичъ-Марко;
 Распростеръ свои надъ Маркомъ крылья
 И устроилъ сѣнь ему, прохладу.
 Говоритъ ему Кралевичъ-Марко:
 «Сизоврылый мой ты соколъ ясный!
 Чѣмъ тебѣ, мой соколъ, услужилъ я,
 Что меня водой теперь ты пьешь,
 Что устроилъ мнѣ ты сѣнь-прохладу?»
 Ясный соколъ Марку отвѣчаетъ:
 «Аль забылъ ты, Королевичъ-Марко,
 Какъ мы были на Косовомъ поле
 И терпѣли всякія напасти:
 Изловили меня злые турки,
 Ятаганомъ крылья мнѣ обрѣли:
 Ты схватилъ меня, Кралевичъ-Марко,
 И на ёлку посадилъ зелену,
 Чтобъ меня не растоптали кони;
 Далъ мнѣ мяса, чтобы я наѣлся,
 Далъ мнѣ крови, чтобы я напился:
 Вотъ какое ты добро мнѣ сдѣлалъ,
 Вотъ какую сослужилъ мнѣ службу!»

Н. Бергъ.

III.

МАРКО-КОРОЛЕВИЧЪ И БЕГЪ-КОСТАДИНЪ.

Два юнака въ чистомъ полѣ ѣдутъ,
 Костадинъ-бегъ и Кралевичъ-Марко.
 Какъ взмолился Костадинъ-бегъ Марку:
 «Побратимъ мой, Королевичъ-Марко,
 Приѣзжай ко мнѣ когда подь-осень,
 Около Димитрія святого,
 Ко моимъ ли краснымъ именинамъ,
 Чтобъ тебя почествовать мнѣ пиромъ,
 Чтобы видѣлъ ты мое радушье,
 Моего двора гостепрѣимство!»
 Говоритъ ему Кралевичъ-Марко:
 «Не хвались своимъ гостепрѣимствомъ!
 Знаю я твое гостепрѣимство:
 Какъ искалъ я разъ Андрея брата,
 Я забрелъ къ тебѣ во дворъ широкій,
 Около Димитрія святого,
 Насмотрѣлся тамъ я, наглядѣлся,
 Какъ гостей своихъ ты принимаешь!»
 — «Что жъ ты видѣлъ, Королевичъ-Марко?»
 Костадинъ-бегъ Марка вопрошаетъ.
 «Первое, чтò у тебя я видѣлъ —
 Отвѣчаетъ Костадину Марко —

Это были двѣ сиротки малыхъ,
 Чтò зашли поѣсть съ тобою хлѣба
 И вина червоннаго напитокя,
 А ты крикнулъ на сиротъ тѣхъ малыхъ:
 Вонъ отсюда, нечистыя твари!
 Не поганьте у меня трапѣзы!
 Жаль мнѣ стало тѣхъ сиротокъ малыхъ,
 Взялъ я ихъ, пошолъ на рынокъ съ ними,
 Накормилъ тамъ ихъ я хлѣбомъ бѣлымъ,
 Наполнилъ я ихъ виномъ червоннымъ,
 Бархатную справилъ имъ одѣжу,
 Всю какъ есть изъ бархату и шолку,
 И послалъ къ тебѣ во дворъ широкій,
 Самъ же сталъ подглядывать тихонько:
 Какъ теперь сиротокъ тѣхъ ты примешь
 Взялъ одну на лѣвую ты руку,
 Посадилъ другую на десницу
 И отнесъ къ себѣ ихъ за трапезу:
 Ышьте, пейте, княжескія дѣти!
 А въ другой разъ у тебя я видѣлъ:
 Старше пожаловали гости,
 Чтò свое имѣнье прохарчили
 И свою одѣжу истаскали.
 Посадилъ ты ихъ въ концѣ трапезы,
 Чтò на самомъ на послѣднемъ мѣстѣ.
 А пришли къ тебѣ другіе гости,
 Въ бархатныхъ и шолковыхъ одеждахъ:
 Посадилъ ты ихъ съ конца нного,
 Угощалъ ты ихъ виномъ и водкой,
 Подчивалъ ихъ всякими сластями.
 Въ третьихъ — тò, что ты отца и матеръ
 Позабылъ советѣмъ и не попросишь,
 Чтò за трапезой съ тобою сидѣли,
 Первую бы чашу подымали!»

Н. Бергъ.

IV.

МАРКО-КОРОЛЕВИЧЪ УНИЧТОЖАЕТЪ СВА- ДѢБНЫЙ ОТКУПЪ.

Раннимъ-рано всталъ Кралевичъ-Марко
 И поѣхалъ по полю Косову;
 Какъ доѣхалъ до рѣки Серваны,
 Повстрѣчалъ онъ дѣвцу косовку,
 Говоритъ ей: «Богъ тебѣ на помощь,
 Посестрима, дѣвица косовка!»
 Поклонилась дѣвица косовка,
 Поклонилась до земли до самой:

«Буди здравъ, вонтель незнакомый!»
 Говорить опять Кралевичъ-Марко:
 «Всѣмъ взяла ты, дѣвица косовка,
 Красотою, поступью и ростомъ,
 Княжескою гордою осанкой,
 Не взяла одною лишь косою:
 Сѣдина въ нее, сестра, пробилась!
 Рано горе что ли ты узнала,
 Отъ себя ль, отъ матери ль родимой,
 Отъ отца ли своего отъ старца?»
 Ронить слѣзы дѣвица косовка,
 Говорить такія рѣчи Марку:
 «Побратимъ мой, незнакомый витязь!
 Никакого горя я не знала
 Ни сама, ни отъ отца отъ старца,
 Ни отъ матери моей родимой;
 А напасть такая приключилась:
 Къ намъ изъ-за моря пришолъ арапинъ,
 Откупилъ Косово у султана,
 Дань теперь беретъ съ Косова поля,
 И поить оно его и кормить:
 Всякая косовская дѣвица,
 Чтò идетъ у насъ дѣвица замужъ,
 Тридцать платить за себя дукатовъ,
 А кто женится, тотъ платитъ больше:
 Платитъ тридцать и еще четыре.
 Такъ богатый лишь играетъ свадьбу;
 У меня же нѣтъ родни богатой,
 Нѣтъ дукатовъ заплатить арапу —
 И сижу я, горемыка, въ дѣввахъ;
 Да не въ томъ бѣда моя и горе:
 Всѣмъ нельзя жь дѣвицамъ выйти замужъ,
 Какъ и всакому изъ васъ жениться;
 Только въ томъ бѣда моя и горе:
 Наложилъ такую дань арапинъ,
 Чтобъ къ нему дѣвицъ водили на ночь;
 Чтò ни ночь, то новая дѣвица;
 Онъ ее въ шатрѣ своемъ палуесть;
 У прислуги жь чорнаго арапа —
 Чтò ни ночь — по молодицѣ новой.
 Такъ идетъ чередъ по всѣмъ по сѣмьямъ:
 Всѣ къ нему дѣвицъ своихъ приводятъ.
 Нынче мнѣ чередъ идти къ арапу,
 На ночь эту быть ему женою.
 Какъ помыслию, горькая, объ этомъ —
 Господи! и дѣлать чтò не знаю:
 Что ли броситься пойти мнѣ въ рѣку?
 Иль повѣситься пойти въ дубраву?
 Только лучше загубить мнѣ душу,
 Чѣмъ идти и ночь провести съ арапомъ,
 Со врагомъ земли моей и вѣры!»

Говорить ей Королевичъ-Марко:
 «Милая моя ты посестрима!
 Ты не вѣшайся и не топися,
 Не мочи себѣ души губить ты,
 А скажи мнѣ, гдѣ дворы арапа:
 Я пойду и поведу съ нимъ рѣчи!»
 Говорить косовская дѣвица:
 «Побратимъ мой, незнакомый витязь!
 Спрашиваешь ты про дворъ арапинъ:
 Будь ему тамъ, басурману, пусто!
 Или ты нашолъ себѣ невѣсту
 И отнестъ арапу хочешь выкупъ?
 Если, братъ, одинъ ты у родимой:
 Для чего идешь ты на погибель,
 Оставляешь мать твою крушиться,
 Цѣлый вѣкъ горючія лить слѣзы?»
 Марко лѣзетъ въ свой карманъ широкій,
 Достаетъ онъ тридцать дукатовъ:
 «На, возьми ты тридцать дукатовъ
 И ступай къ себѣ, во дворъ свой бѣлый,
 Тамъ сиди и жди своей судьбины.
 Мнѣ же дворъ ты покажи арапинъ:
 Я пойду снесу къ нему подарки,
 Я скажу, какъ бы тебя просваталъ.
 Не-за-что губить меня арапу:
 У меня добра въ дому довольно,
 Я бы могъ купить Косово поле,
 Что жь за-невидалъ мнѣ дань арапу!»
 Говорить косовская дѣвица:
 «У арапа нѣтъ дворовъ — наметы;
 Глянь ты вдоль Косова чиста поля:
 Гдѣ шолковный флагъ раскинуть-въѣтсѣ,
 Тамъ шатеръ проклятаго арапа;
 Около шатра набиты колья,
 А на колыяхъ головы юнаковъ:
 Скоро будетъ этому недѣля,
 Какъ извелъ у насъ арапъ проклятый
 Семьдесятъ и семь юнаковъ сербскихъ,
 Все-то горькихъ жениховъ косовскихъ.
 У арапа сорокъ слугъ отборныхъ,
 Чтò вокругъ шатра содержатъ стражу.»
 Какъ услышалъ Марко эти рѣчи,
 Тронулъ Шарца внизъ Косова поля;
 Бойко Шарацъ Марковъ выступаетъ,
 Изъ-подъ ногъ летять на землю искры,
 Изъ ноздрей огонь и пламя пышетъ;
 Марко самъ сердитъ сидитъ на Шарцѣ,
 По лицу онъ ронитъ горьки слѣзы,
 Слѣзы ронить, такъ рѣчи молвить:
 «Горькое Косовское ты поле!
 Вотъ чего, Косово, ты дождалось:

Послѣ князя нашего тутъ судятъ,
 Судятъ-рядятъ черные арапы.
 И снесу я срамоту такую,
 Срамоту такую и напастн,
 Чтобъ арапы дань такую брали —
 Чистыхъ дѣвъ и молодежи у сербовъ!
 Отомщу за васъ я нынче, братья,
 Отомщу, иль сгину смертью лютой!»
 На шатры онъ правитъ Шарца прямо;
 Скоро Марка усмотрѣла стража,
 Усмотрѣвши, говоритъ арапу:
 «Господинъ ты нашъ, арапъ заморскій!
 Дивный мѡлодецъ вдоль поля ѣдетъ,
 На конѣ лихомъ онъ сѣрой масти,
 Конь подъ нимъ сердито выступаетъ:
 Изъ-подъ ногъ летать на землю искры,
 Изъ ноздрей огонь и пламя пышетъ;
 Словно хочеть онъ на насъ ударить!»
 Говоритъ арапъ своей прислугѣ:
 «Дѣти вы мои, прислуга-стража,
 Не посмѣетъ онъ на насъ ударить,
 А должнѡ-быть отыскалъ невѣсту
 И везеть онъ за нее мнѣ выкупъ.
 Видно жаль ему, юнаву, злата:
 Отъ того онъ такъ и разсердился.
 Выдѣте вы за частоколь и встрѣньте
 Мѡлодца того какъ-подобаетъ,
 Низкій вы поклонъ ему отвѣсьте,
 И коня вы у него примите,
 И коня, и все вооруженье;
 Въ мой шатеръ потомъ его ведите;
 Не хочу отъ мѡлодца я злата,
 Головой онъ мнѣ своей заплатитъ:
 Пѡ сердцу мнѣ конь его ретивый!»
 Побѣжала вѣрная прислуга
 И коня подъ Маркомъ ухватила,
 Но какъ-только глянула на Марка,
 Непосмѣла съ Маркомъ оставаться,
 А назадъ въ шатеръ бѣжитъ къ арапу,
 Прячется за чернаго арапа,
 Япанчами сабли закрывая,
 Чтобы ихъ какъ Марко не увидѣлъ.
 Такъ одинъ къ шатру онъ подѣзжаетъ;
 И съ коня слѣзая передъ входомъ,
 Говоритъ Краевичъ-Марко Шарцу:
 «Ты гуляй здѣсь, конь мой, Шарацъ вѣрный!
 Я же самъ пойду въ шатеръ къ арапу;
 Коль бѣда какая приключится:
 Стань ты, Шарацъ, предъ шатромъ у входа!»
 Такъ сказалъ — въ шатеръ къ арапу входитъ,
 Видитъ Марко чернаго арапа:

Пьѣтъ арапъ вино златою чарой,
 Подаютъ вино ему дѣвницы.
 Поклонился Марко и промолвилъ:
 «Господинъ мой, Богъ тебѣ на помощь!»
 А арапъ ему еще краснѣе:
 «Будь здоровъ, вонтель незнакомый!
 Сядь сюда, вина со мной откушай
 И повѣдай мнѣ, откогда будешь,
 Для чего пожаловалъ-пріѣхалъ?»
 Марко такъ арапу отвѣчаетъ:
 «Некогда мнѣ пить вино съ тобою,
 За другимъ пришолъ къ тебѣ я дѣломъ,
 За такимъ, что лучше быть не можетъ:
 Я сосваталъ красную дѣвицу,
 Сватовъ тамъ оставилъ на дорогѣ,
 Самъ пришолъ, принѣсъ тебѣ я выкупъ,
 Заплатить что надо, взять дѣвицу,
 Чтобы ни кто со мной потомъ не спорилъ.
 Объяви, какой желаетъ выкупъ!»
 Говоритъ арапъ на это Марку:
 «Ты давно небось объ этомъ знаешь:
 Кто выходитъ на Косовѣ замужъ,
 Платить тридцать золотыхъ дукатовъ,
 А кто женится, тотъ платитъ больше,
 Платитъ больше — тридцать и четыре.
 Ты же мѡлодецъ лихой и красивый,
 Мнѣ съ тебя и сотню взять не стыдно!»
 Марко дѣзетъ въ свой карманъ широкій,
 Подаетъ арапу три дуката:
 «Вѣрь мнѣ, больше вѣту за душою!
 Погоди съ меня брать дѣлый выкупъ:
 Я приду къ тебѣ съ красой-дѣвицей;
 Обдарить меня тамъ обѣщали —
 Вѣрь мнѣ: всѣми этими дарами,
 Господинъ, тебѣ я поклонюся!»
 Какъ затопаетъ арапъ, какъ вскрикнетъ:
 «Ахъ, змѣя ты лютая, ехидна!
 Торговаться ты со мной затѣялъ,
 Надо-мной затѣялъ насмѣхаться!»
 Достаетъ онъ буздыганъ тяжелый
 И ударилъ буздыганомъ Марка,
 Три раза ударилъ и четыре.
 Усмѣхнулся Королевичъ-Марко:
 «Ахъ ты, мѡлодецъ, арапъ ты черный!
 Шутить ты, иль бѣешь меня не въ шутку?»
 — «Не шучу, арапъ ему на это:
 Не шучу, а бью тебя не въ шутку!»
 Говоритъ ему Краевичъ-Марко:
 «А я думалъ, что со мной ты шутишь;
 А когда не шутишь ты со мною —
 Буздыганишко припасъ я также:

Погоди и я тебя ударю,
 А потомъ мы выйдемъ въ поле биться,
 Съизнова начнемъ свой поединокъ!»
 Вынимаетъ буздыганъ свой Марко,
 Какъ ударилъ чорнаго арапа,
 Такъ легко арапа онъ ударилъ —
 Снесъ съ плечей онъ голову арапу.
 И промолвилъ такъ Бралевиѣ-Марко:
 «Господи! хвала тебѣ во вѣки!
 Какъ слетаетъ голова съ юнака:
 Словно вовсе не была на плечахъ!»
 Обнажилъ потомъ онъ саблю острую,
 Какъ пошлое косить онъ слугъ арапа:
 Всѣхъ поскѣбъ, лишь четырехъ оставилъ,
 Чтобъ могли они повѣдать людямъ,
 Чтò межъ Маркомъ стало и арапомъ.
 Снялъ онъ съ волевыя головы юнаковъ,
 Схоронилъ ихъ, чтобъ орлы и враны
 Тѣхъ головъ юнацкихъ не клевали,
 А на мѣсто ихъ воткнулъ на колья
 Головы нечистыя араповъ.
 Собралъ все имущество арапа,
 Четырехъ же слугъ его отправилъ,
 Чтò въ живыхъ на ту пору остались,
 Ихъ отправилъ по Косову полю,
 Чтòбы вѣсть такую разносили:
 «Колпъ есть въ какой семьѣ дѣвица,
 Пусть себѣ свободно мужа ищетъ
 И, пока млада, выходитъ замужъ.
 Гдѣ юнакъ есть — пусть невѣсту ищетъ:
 Нѣтъ ужъ больше откупа на свадьбы,
 Откупъ платитъ Королевиѣ-Марко!»
 Разошлася эта вѣсть по всюду;
 Старъ и малъ за Марка Бога молитъ:
 «Долголѣтъя, Господи, дай Марку!
 Онъ избавилъ землю отъ напасти,
 Отъ кромѣшниковъ лихихъ и лютыхъ:
 Будь спокой душѣ его и тѣлу!»

Н. Бергъ.

—

v.

САВЛЯ ЦАРЯ ВУКАШИНА.

Рано утромъ, на зарѣ румяной,
 Полоскала дѣвица-туркиня
 На рѣкѣ, на Марицѣ, полотна,
 Ихъ валькомъ проворнымъ колотила,
 На травѣ зеленой растила.

И рѣка пустынная шумѣла;
 И до солнца воды были свѣтлы;
 Но какъ стало солнце подыматься,
 Свѣтлы воды словно помутились:
 Все желтѣе пронесилась пѣна,
 Все темнѣе глубина казалась;
 А къ полудню — вся рѣка ужъ явно
 Алою окрасилася кровью.
 И пошли мелькать то фесъ, то долманъ;
 А потомъ помчало, другъ за другомъ,
 То коня съ сѣдомъ, то человѣка;
 И вертитъ на быстринѣ ихъ трупы,
 И что дальше, то плыветъ ихъ больше,
 И конца тѣламъ вверху не видно.
 Опустивъ валѣбъ, стоитъ туркиня:
 Страшно стало ей отъ тѣлъ плывущихъ;
 Только слышитъ — кличутъ къ ней оттуда...
 Кличетъ витязъ, бѣтса съ быстриною:
 Все его отъ берега относить.
 «Умоляю именемъ Господнимъ,
 Будь сестрой мнѣ милою, дѣвица!»
 Кличетъ витязъ и рукою машетъ:
 «Брось конецъ холста ко мнѣ скорѣе,
 За другой тащи меня на берегъ!»
 И туркиня бѣлый холстъ выдала,
 На одинъ конецъ ногой ступила,
 А другой взвился и шлепнулъ въ воду;
 И поймалъ его поспѣшно витязъ,
 И счастливо до берега доплылъ;
 А взобрался на берегъ — и молвилъ:
 «Охъ, совсѣмъ я изнемогъ, сестрица!
 Исхожу кругомъ я алой кровью...
 Помоги мнѣ: ранъ на мнѣ числа нѣтъ!»
 И упалъ безчувственный на землю.
 Побѣжала во свой дворъ туркиня,
 Въ попыхахъ зоветъ родного брата:
 «Мустафа, иди, голубчикъ братецъ,
 Помоги — снесемъ съ тобою вмѣстѣ —
 Тамъ лежитъ — водой его прибило —
 Весь въ крови и въ тяжкихъ ранахъ витязъ.
 Онъ Господнимъ именемъ молился,
 Чтòбъ ему мы раны загѣчили.
 Помоги, снесемъ его въ постелю.»
 Мустафа-ага приполъ и смотритъ:
 Тотчасъ видитъ — не простой то витязъ.
 Онъ въ богатомъ воинскомъ доспѣхѣ;
 У него — съ златымъ эфесомъ сабля,
 На эфесѣ — три большихъ алмаза.
 Мустафа-ага не думалъ долго,
 Отстегнулъ у витязя онъ саблю,
 Изъ ножонъ ее червленыхъ вынулъ,

Да какъ хватить витязя по горлу —
 Голова ажъ въ воду покатила.
 Дѣвица руками лишь всплеснула.
 «Звѣрь ты, звѣрь — воскликнула — косматый!
 Вѣдь молил онъ насъ во имя Божье,
 И меня сестрою милой называл!
 Ты жъ какъ разъ позарился на саблю —
 Черезъ эту жъ саблю, знать, и сгинешь!»
 Мустафа травкою вытеръ саблю
 И столкнулъ ногою тѣло въ воду,
 И пошелъ домой, ворча сквозь зубы:
 «Вотъ тебя-то, не спросилъ я, жалко!
 И немного времени минуло,
 Какъ султанъ созвалъ къ походу войско.
 Собрались его аги и беи,
 У рѣки, у Ситницы, стояли.
 Мустафу всѣ кругомъ обступаютъ,
 Всѣ его дивятся чудной саблѣ;
 Только кто ни пробуетъ — не можетъ
 Изъ ножонъ ее червленыхъ вынуть.
 Подошелъ попробовать и Марко,
 Знаменитый Марко-Королевичъ:
 Ухватилъ — да сразу такъ и вынулъ.
 А какъ вынулъ, смотритъ — а на саблѣ
 Врѣзаны три надписи по сербски:
 Ковача Новака первый вензель,
 А другое имя — Вукашина,
 Третье жъ имя — Марко-Королевичъ.
 Приступилъ къ турчину храбрый Марко:
 «Гдѣ, турчинъ, ты добылъ эту саблю?
 За женой ли взялъ ее съ приданнымъ?
 Отъ отца ль въ благословенъе привялъ?
 Аль на чисто вымѣнялъ на золото?
 Аль въ бою кровавомъ добылъ честно?»
 И пошелъ турчина похваляться,
 Рассказалъ — какъ сдѣлалось дѣло,
 Какъ сестра полотна полоскала,
 Какъ рѣкой тѣла гяуровъ плыли,
 Какъ одинъ живой былъ между ними,
 Какъ она поймать его успѣла,
 И пришелъ онъ, и увидѣлъ саблю...
 «Не дуракъ же я на свѣтъ родился —
 Говоритъ — почувялъ, что за сабля,
 Изъ ножонъ ее червленыхъ вынулъ,
 Да хватилъ какъ витязя по горлу —
 Голова ажъ въ рѣку покатила.»
 Марко даже рѣчи не далъ кончить,
 Какъ въ глазахъ у всѣхъ свергнула сабля —
 И у турка голова слетѣла —
 Три прыжка — и шлепнулась въ воду.
 Побѣжали доложить султану,

Что бѣды творить Кравевичъ-Марко;
 И султанъ по Марка посмываетъ.
 Тотъ одинъ сидитъ въ своей палаткѣ,
 Могча пѣть вино, за чарой чару,
 На султанскихъ посланныхъ не смотритъ.
 И въ другой разъ плѣтъ султанъ, и въ третій;
 Наконецъ взяла доука Марка.
 Онъ вскочилъ и, выворотивъ шубу
 Мѣхомъ кверху, на плечи накиннулъ,
 Булаву съ собою взялъ и саблю,
 И пошелъ въ султанскую палатку.
 На коврѣ султанъ сидитъ въ палаткѣ;
 И приходитъ Марко, да и прямо,
 Въ салагахъ, какъ былъ, передъ султаномъ
 На коврѣ узорчатомъ садится.
 Самъ глядитъ темнѣе черной тучи,
 Очи въ очи устремивъ султану.
 Увидалъ султанъ, каковъ есть Марко,
 Потихоньку сталъ отодвигаться,
 А за нимъ и Марко, и все смотритъ,
 Смотритъ, такъ что дрожь беретъ султана.
 Онъ еще подвинется, а Марко —
 Все за нимъ, да такъ и приперъ къ стѣнѣ
 И сидитъ султанъ, мигнуть боится.
 «Ну какъ вскочить — думаетъ — да хватить
 Булавою» — и пробуетъ, что тутъ ли
 Ятаганъ его на всякій случай.
 Ужъ на силу собрался онъ молвить:
 «Видно, Марко, кто тебя обидѣлъ?
 Обижать тебя я не позволю:
 Учиню, волю хочешь, судъ не медля.»
 Все отъ Марка нѣтъ, какъ нѣтъ отвѣта.
 Наконецъ, обѣими руками
 За концы онъ взялъ и поднялъ саблю,
 И поднесъ ее къ глазамъ султану.
 «Объ одномъ молись ты вѣчно Богу —
 Онъ сказалъ, дрожа и задыхаясь —
 Что намолъ не на тебѣ, владыко
 Всѣхъ подлунныхъ царствъ, я эту саблю:
 Погляди, какая это надпись?
 Прочитай — тутъ имя Вукашина!
 Вукашинъ — царь сербскій, мой родитель.»
 И, свазавъ, заплакалъ храбрый Марко.

А. Майковъ.

VI.

МАРКО ПЬЕТЪ ВЪ РАМАЗАНЪ ВИНО.

Царь-султанъ наказъ султанскій выдасть,
 Чтобъ вина пить въ рамазанъ не смѣли,
 Чтобъ долманъ зеленыхъ не носили,
 Кованыхъ не прицѣпляли сабель,
 Хороводовъ чтобы не водили.
 Марко знать про тотъ наказъ не хочетъ:
 Марко носить доломанъ зеленый,
 Съ дѣвками играетъ въ хороводахъ,
 Прицѣпляетъ кованую саблю,
 Въ рамазанъ вино пьетъ на базарѣ,
 Да еще хаджей къ себѣ накличетъ,
 Чтобы вмѣстѣ заодно съ нимъ пили.
 Бьютъ челомъ царю-султану турки:
 «Царь-султанъ, отецъ ты нашъ и матеръ!
 Твой наказъ султанскій мы читали,
 Чтобъ не пить вина въ часъ рамазану,
 Чтобъ зеленыхъ не носить долмановъ,
 Кованыхъ не прицѣплять чтобъ сабель,
 Не водить подь-вечеръ хороводовъ.
 Марко знать про тотъ наказъ не хочетъ:
 Марко носить доломанъ зеленый,
 Съ дѣвками играетъ въ хороводахъ,
 Прицѣпляетъ кованую саблю,
 Въ рамазанъ вино пьетъ на базарѣ,
 И хоть пилъ бы самъ ужъ въ тихомолку —
 Нѣтъ! хаджей накличетъ переходжихъ
 И съ хаджами заодно гуляетъ.»
 Какъ услышалъ царь-султанъ тѣ рѣчи,
 Призываетъ двухъ къ себѣ чаушей:
 «Вы ступайте, вѣрные чауши,
 Отыщите Кралевича-Марка,
 Позовите на диванъ къ султану!»
 Побѣжали вѣрные чауши,
 Отыскали Кралевича-Марка:
 У шатра сидѣлъ Кралевичъ-Марко,
 Передъ нимъ стоитъ золотая чара,
 Чтѣ двѣнадцать окъ вина вмѣщаетъ.
 Говорятъ Кралевичу чауши:
 «Слышишь ли ты, Королевичъ-Марко,
 Царь-султанъ тебя желаетъ видѣть,
 На диванъ тебя зоветъ султанскій.»
 Разсердился Королевичъ-Марко,
 Какъ пустилъ онъ золотую чару,
 Какъ пустилъ ее въ чаушей царскихъ:
 Разлетѣлася на части чара,
 Да и головы на части то же,
 Промылись вино и кровь на землю.

Марко всталъ, идетъ къ царю-султану,
 Съѣлъ направо у колѣнъ султанскихъ,
 На брови самуръ-вопшакъ надвинулъ,
 Буздыганъ передъ собою держитъ,
 На плечѣ отточенная сабля.
 Говоритъ ему султанъ: «послушай,
 Названный мой сынъ, Кралевичъ-Марко!
 Издасть я въ народъ наказъ султанскій,
 Чтобъ вина пить въ рамазанъ не смѣли,
 Чтобъ долманъ зеленыхъ не носили,
 Кованыхъ не прицѣпляли сабель,
 Хороводовъ чтобы не водили.
 Слухъ идетъ, рассказываютъ люди,
 Слухъ недобрый, Марко, нехорошій,
 Будто Марко водитъ хороводы,
 Будто носить доломанъ зеленый,
 Кованую саблю прицѣпляетъ,
 Въ рамазанъ вино пьетъ на базарѣ,
 Да еще хаджей подчасъ накличетъ,
 Чтобы вмѣстѣ съ нимъ они гуляли.
 Чтѣ колпакъ ты на брови надвинулъ?
 Буздыганъ передъ собою держишь,
 На плечѣ отточенную саблю?»
 Говоритъ царю Кралевичъ-Марко:
 «Царь-султанъ, отецъ ты мой названный!
 Пилъ вино въ часы я рамазана,
 Оттого-что вѣра это тернить;
 Угощалъ хаджей я переходжихъ,
 Оттого-что не могу я видѣть,
 Чтобъ я пилъ, другіе лишь смотрѣли;
 Пусть не ходятъ лучше по харчевнямъ!
 Если я ношу зеленый долманъ,
 Такъ затѣмъ, что онъ присталъ мнѣ больше;
 Прицѣпляю кованую саблю,
 Оттого-что я купилъ такую;
 Съ дѣвками играю въ хороводахъ,
 Оттого-что не женатъ, а холостъ:
 Вѣдь и ты, султанъ, какъ я же, холостъ.
 Чтѣ колпакъ я на брови надвинулъ:
 Свѣтишь ярко — отъ тебя мнѣ жарко!
 Буздыганъ держу передъ собою
 И еще отточенную саблю,
 Оттого-что не хотѣлъ бы ссоры:
 Если же она, не дай Богъ, выйдетъ —
 Плохо тѣмъ, кто будетъ ближе къ Марку!»
 Глянулъ царь направо и налѣво:
 Не было ль кого тамъ ближе къ Марку?
 Никого, а царь-султанъ всѣхъ ближе.
 Царь назадъ, а Марко наѣзжаетъ,
 Такъ султана къ самой стѣнкѣ приперъ.
 Царь въ карманы: вынулъ бучу злата,

Вынулъ сотню золотыхъ червонцевъ,
Отдаетъ Кралевичу ихъ Марку:
«На, поди вина напейся, Марко!»

Н. Бергъ.

—
VII.

МАРКО-КОРОЛЕВИЧЪ ПАШЕТЪ.

Пьётъ вино нашъ Марко-Королевичъ
Съ Евросимой, матерью старухой,
А какъ оба выкушали вдоволь,
Сыну Марку мать возговорила:
«Милый сынъ мой, Марко-Королевичъ,
Отважись, родной, отъ богатства:
Не къ добру ведутъ твои затѣи;
Надоѣло старой мнѣ что вечеръ,
Мыть-стирать кровавыя одежды.
Ты возьми-ко лучше плугъ съ волами,
Да вспаши-ко горы и долины,
Позасѣй ихъ бѣлою пшеницей —
Было бъ чѣмъ съ тобой намъ прокормиться.»
Какъ ведѣла, такъ и сдѣлалъ Марко:
Впрегъ воловъ онъ въ старый плугъ отцовскій,
Сталъ пахать — не горы и долины,
Сталъ пахать онъ царскую дорогу.
Глядь — дорогой ѣдутъ янычары,
Ѣдутъ съ грузомъ сѣребра и злата;
И сказали Марку янычары:
— «Эй, ты, Марко, не паши дорогу!»
— «Эй, вы, турки, не топчите пашню!»
— «Эй, ты, Марко, не паши дорогу!»
— «Эй, вы, турки, не топчите пашню!»
А какъ спорить Марку надоѣло,
Ухватился онъ за плугъ отцовскій
И всѣхъ турокъ положилъ на мѣстѣ.
Взялъ съ собой онъ сѣребро и злато
И отдалъ ихъ матери старухѣ:
«Вотъ что я на пашнѣ заработалъ!»

О. Миллеръ.

—
VIII.

МАРКО-КОРОЛЕВИЧЪ И МИНА ИЗЪ КОСТУРА.

Сѣлъ за ужинъ Королевичъ-Марко,
Со своею матерью родимой,

Хлѣба рушать и вина откушать.
Вдругъ приходятъ три письма къ Краль-Марку:
Что одно-то изъ Стамбула-града,
Отъ царя-султана Баязета;
А другое изъ Будима-града,
Отъ будимскаго приходитъ краля;
А и третье изъ Сибиинья-града,
Отъ того ли Сибиинянинъ-Янка.
Что письмо изъ города Стамбула:
На войну султанъ зоветъ въ немъ Марка,
Противъ лютыхъ воевать араповъ.
Что письмо изъ города Будима:
Краль зоветъ въ немъ Королевичъ-Марка
На свою на свадьбу сватомъ милымъ.
Что письмо изъ города Сибиинья:
Въ немъ зоветъ Краль-Марка на крестини
Воевода Сибиинянинъ-Янко.
Молвить Марко матери родимой:
«Ты скажи мнѣ, мать моя родная,
Ты скажи, кого теперъ мнѣ слушать:
То ли слушать мнѣ царя-султана
И идти съ нимъ воевать араповъ;
То ли слушать краля изъ Будима
И идти къ нему на свадьбу сватомъ;
То ли слушать Сибиинянинъ-Янка
И идти мнѣ къ Янку на крестини?»
Мать на это Марку отвѣчаетъ:
«Милый сынъ мой, Королевичъ-Марко!
Въ сваты идутъ, Марко, веселиться,
Въ кумовья, сынъ, идутъ по закону,
На войну же идутъ по неволѣ.
Ты иди, сынъ, на войну съ султаномъ,
Воевать иди араповъ лютыхъ:
Богъ просить, лишь только помолися,
Богъ простить, а турокъ не умолишь.»
Марко матери своей послушалъ:
Собрался онъ въ путь къ царю-султану,
Взялъ съ собой слугу онъ Голубана;
Отъѣзжая матери онъ молвить:
«Ты послушай, мать моя родная,
Запирайте съ вечера ворота,
И поутру позже отпирайте:
Не въ ладахъ я съ Миной изъ Костура,
Такъ боюсь: придетъ онъ, океанный,
И дворы мои разграбить бѣдн!»
Такъ сказавши, отъѣзжаетъ Марко
Со своимъ слугою Голубаномъ.
Какъ на роздыхъ на третьемъ были,
Вечерялъ Кралевичъ-Марко началъ,
Голубанъ вино ему подноситъ:
Только взялъ Кралевичъ-Марко чашу,

Вдругъ напала на него дремота,
 Опустилъ онъ чашу на трапезу,
 Чаша пала, не проливъ ни капли;
 Голубанъ его тихонько будить:
 «Государь ты мой, Кралевичъ-Марко!
 Не въ-первой ты на войну собрался,
 Но ни разу не было съ тобою,
 Чтобъ за трапезой тебѣ вздремнулось,
 Чтобъ дремавши выронилъ ты чашу!»
 Ото сна Кралевичъ тутъ очнулся,
 Говорить слугѣ онъ Голубану:
 «Голубанъ возлюбленный и вѣрный,
 Мало спалъ я, чуденъ сонъ я видѣлъ!
 Ахъ, не въ часъ мнѣ этотъ сонъ приснился:
 Снилось мнѣ, что поднялась туча,
 Поднялась отъ Костура-града,
 Надъ моимъ Прилѣпомъ разразилась,
 Былъ въ той тучѣ Мина изъ Костура:
 Онъ дворы мои разрушилъ бѣлы,
 Онъ конѣмъ на мать мою наѣхалъ,
 Взялъ въ полонъ мою подругу-любю,
 Изъ конюшенъ всѣхъ коней повывелъ
 И добро изъ ризницы похитилъ.»
 Голубанъ на это отвѣчаетъ:
 «Не пугайся, Королевичъ-Марко!
 Не вздремнуть чтобъ мѣлодцу такому!
 А что сонъ тебѣ теперь приснился:
 Лживъ бываетъ сонъ, Кралевичъ-Марко,
 Богъ одинъ лишь истина святая!»
 Какъ приѣхали къ царю-султану:
 Сталъ собирать великую онъ силу,
 Двинулась та сила черезъ море,
 На арапскую напала землю,
 Побрала невѣсть-что градовъ-весей,
 Сорокъ градовъ и еще четыре.
 А когда дошла до Каръ-Окана
 Била три года Оканъ проклятый,
 Но Оканъ султану не дается.
 День и ночь сѣчетъ араповъ Марко
 И султану ихъ башки приносить,
 А султанъ дарить за это Марка.
 Взяло турокъ горе и досада,
 Говорятъ они царю-султану:
 «Государь нашъ, Баязетъ могучій!
 Не великъ юнакъ Кралевичъ-Марко:
 Отсѣкаетъ онъ башки у мертвыхъ
 И къ тебѣ ихъ на бакшишъ приносить.»
 Услыхалъ про то Кралевичъ-Марко,
 Говорить султану Баязету:
 «Царь-султанъ, отецъ ты мой названный!
 Завтра день великаго святого,

Юрьевъ день, святой для насъ и красный,
 И мои опричь-того крестинны:
 Отпусти меня, отецъ названный,
 Юрію святому помолиться
 По обычаю и по закону;
 Отпусти со мною побратима,
 Побратима, царь, Агу-Алила,
 Чтобъ мнѣ было съ кѣмъ вина напиться!»
 Какъ услышалъ царь-султанъ тѣ рѣчи,
 Одолѣть не могъ для Марка сердца:
 Отпустилъ Кралевича онъ Марка
 Помолиться Юрію святому
 И крестинны справить по закону;
 Отпустилъ съ нимъ и Агу-Алила.
 Марко ѣдетъ на горы зелены,
 Далекѣ отъ царской силы-рати,
 Тамъ раскинулъ свой шатеръ широкій,
 Съѣлъ подъ нимъ онъ съ милымъ побратимомъ,
 Съ побратимомъ со своимъ Алиломъ,
 Наливаетъ чашу онъ за чашей.
 Поутру, лишь-только встало солнце —
 Что была передовая стража
 У могучей у арапской рати —
 Усмотрѣла стража, догадалась,
 Что ужъ нѣтъ въ султанскомъ войскѣ Марка,
 Кличетъ стража ко своимъ арапамъ:
 «Навалитесь вы теперь, арапы,
 На турецкую ударьте силу:
 Нѣту въ ней ужъ страшнаго юнака,
 На конѣ великомъ сѣрой масти!»
 Ринулося лютое арапство,
 Ринулося арапство и посѣло
 Тридцать тысячь войска у султана.
 Шлѣтъ письмо султанъ Кралевичъ-Марку:
 «Милый сынъ ты мой, Кралевичъ-Марко!
 Возотися поскорѣе къ войску:
 Потерялъ я войска тридцать тысячь!»
 Марко такъ султану отвѣчаетъ:
 «Царь-султанъ, отецъ ты мой названный!
 Гдѣ мнѣ, царь, къ тебѣ вернуться скоро:
 Я еще какъ-надо не напился,
 А куда ужъ было мнѣ молиться,
 Чествовать угодника святого!»
 Какъ другое проглянуло утро,
 Кличетъ снова стража у арапа:
 «Навалитесь вы теперь, арапы,
 На турецкую ударьте силу:
 Нѣту въ ней ужъ страшнаго юнака,
 На конѣ великомъ сѣрой масти!»
 Ринулося лютое арапство,
 Ринулося на турокъ и посѣло

Шестидесять ихъ тысячъ у султана.
 Царь опять Краевичь-Марку пишетъ:
 «Милый сынъ мой, Короевичь-Марко!
 Воротися поскорѣе въ войску:
 Шестидесять мы потеряли тысячъ!»
 Марко такъ султану отвѣчаетъ:
 «Царь-султанъ, отецъ ты мой названный!
 Подожди ты малую-толику:
 Я путемъ еще не нагулялся
 Съ кумовьями, съ милыми друзьями!»
 Вотъ и третье утро засіяло:
 Снова кличетъ стража у арапа:
 «Навалитесь, лютые арапы!
 Нѣтъ того ужъ страшнаго юнака,
 На конѣ великомъ сѣрой масти!»
 Ринулося лютое арапство,
 Сто посѣкло тысячъ у султана.
 Пишетъ онъ письмо Краевичь-Марку:
 «Пѣ Богу мой сынъ, Краевичь-Марко!
 Воротися ты поскорѣе къ войску:
 Мой шатеръ арапы повалили!»
 На коня тутъ сѣлъ Краевичь-Марко;
 Ёдетъ онъ къ турецкой сильной рати.
 Какъ на небѣ утро проглянуло,
 Два могучіе сразились войска;
 Увидала стража у арапа,
 Что явился вновь Краевичь-Марко,
 Кличетъ громко своему арапству:
 «Стойте, братья, лютые арапы!
 Вонъ онъ снова тотъ юнакъ могучій,
 На конѣ великомъ сѣрой масти!»
 Тутъ ударилъ Марко на араповъ,
 На три части разметалъ ихъ войско,
 Часть посѣкъ своею саблей вострой,
 А другую потопталъ онъ Шарцемъ,
 Третью часть пригналъ къ царю-султану;
 Но и самъ онъ въ боѣ притомился,
 Притомился и былъ весь израненъ:
 Семьдесятъ добылъ онъ ранъ арапскихъ!
 На плечо къ султану припадаетъ;
 Говоритъ султанъ Краевичь-Марку:
 «Милый Марко, сынъ ты мой названный!
 Тяжелы ли у тебя, сынъ, раны?
 Можешь ли ты, сынъ мой, исцѣлиться?
 Посылать ли мнѣ за лекарями?»
 Говоритъ ему Краевичь-Марко:
 «Царь-султанъ, отецъ ты мой названный!
 Я могу, отецъ мой, исцѣлиться!»
 Царь въ карманы — вынимаетъ злато,
 Вынимаетъ тысячу червонцевъ
 И даетъ ихъ Короевичь-Марку,

Чтобъ онъ шолъ себѣ за лекарями;
 Вѣрныхъ слугъ даетъ еще онъ Марку,
 Чтобъ ему служили и смотрѣли,
 Какъ бы онъ не умеръ у султана.
 Только Марко лекарей не ищетъ,
 А идетъ въ харчевню изъ харчевни,
 Чтобъ высмотрѣть, вина гдѣ больше;
 Сѣлъ, за чашей чашу наливаетъ,
 И когда вина наполнился вдоволь,
 Исцѣлился у него всѣ раны.
 Тутъ пришло къ нему письмо изъ дому,
 Что разграбленъ дворъ его широкій,
 Что потоптана конями матеръ,
 Что похищена подруга-люба.
 Взяло горе Короевичь-Марка,
 Палъ онъ на колѣно предъ султаномъ:
 «Царь-султанъ, отецъ ты мой названный!
 Дворъ широкій у меня разграбленъ,
 Мать моя потоптана конями,
 Вѣрная въ плѣну подруга-люба
 И богатства въ ризницѣ не стало:
 Причинилъ такія мнѣ напасти
 Окаянный Мина изъ Костура!»
 Утѣшаетъ царь Краевичь-Марка:
 «Милый сынъ ты мой, Краевичь-Марко!
 Коли дворъ разграбленъ твой широкій,
 Я дворы тебѣ поставлю лучше,
 Со своими рядомъ ихъ поставлю;
 Коли въ ризницѣ добра не стало:
 Будешь, Марко, сборщикомъ ясачнымъ,
 Наберешь себѣ добра ты снова;
 Коли вѣрная въ плѣну подруга,
 Я сыщу тебѣ невѣсту лучше!»
 Говоритъ ему Краевичь-Марко:
 «Государь ты мой, отецъ названный!
 Государь мой, честь тебѣ и слава!
 Какъ дворы начнешь ты Марку ставить,
 Станетъ плакаться, тужить сиротство:
 «Вотъ онъ пѣсъ какой, Краевичь-Марко!
 Коли тѣ дворы его спорѣли,
 Пусть ему на этихъ будетъ пусто!»
 Сборщикомъ твоимъ ясачнымъ стану,
 Не собрать мнѣ ясака нисколько,
 Коли все нужда кругомъ да бѣдность;
 И опять восплачется сиротство:
 «Вотъ онъ пѣсъ какой, Краевичь-Марко!
 Тамъ его расхищено богатство,
 Тамъ и здѣсь ему пусть будетъ пусто!»
 А что хочешь мнѣ сыскать невѣсту:
 Государь мой, стать-ли мнѣ жениться,
 Коли прежняя жива подруга?

А ты дай мнѣ триста янычаровъ,
 Дай ты въ руки имъ кривыя косы,
 А еще-то легкія мотыги:
 Я на градъ Костуръ ударю бѣлый,
 Можетъ тамъ сыщу свою подругу!»
 Далъ ему султанъ, чего просилъ онъ:
 Далъ ему онъ триста янычаровъ,
 Наковаль онъ косъ кривыхъ имъ триста,
 Далъ имъ въ руки легкія мотыги.
 Говоритъ Краль-Марко янычарамъ:
 «Братія мои вы янычары!
 Подъ Костуръ ступайте вы подъ бѣлый,
 Крѣпко вамъ обрадуются греки,
 Сважутъ: «вотъ намъ Богъ даетъ и руки,
 Добрыхъ намъ работниковъ даетъ онъ,
 Въ добрый часъ, для сбора винограду!»
 Только вы работать не ходите,
 А залажьте подъ Костуромъ градомъ,
 Пейте, братья, чистую ракію,
 Пейте тамъ, пока я васъ не кливну!»
 Двинулися триста янычаровъ,
 Двинулися къ бѣлому Костуру,
 Самъ же Марко на Святую гору,
 Причастился тамъ даровъ Господнихъ,
 Исповѣдался въ грѣхахъ монаху
 И покаялся въ пролитой крови;
 Какъ покаялся, надѣлъ одежду,
 Онъ надѣлъ одежду калугерску,*)
 Отпустилъ онъ бороду по поясъ,
 Надѣваетъ на голову шапку,
 Надѣваетъ шапку-камилавку,
 Съѣлъ на Шарца, ѣдетъ онъ къ Костуру;
 Какъ пріѣхалъ къ Минѣ изъ Костура,
 Видитъ: Мина пѣтъ-сидитъ ракію,
 Маркова ему подруга служить.
 Молвить Марку Мина изъ Костура:
 «Буди съ Богомъ, калугерь ты чорный!
 Гдѣ конемъ такимъ ты раздобылся?»
 Говоритъ ему Кралевичъ-Марко:
 «Буди съ Богомъ, государь мой Мина!
 На войнѣ я былъ съ царемъ-султаномъ,
 На войнѣ противъ араповъ лютыхъ;
 Былъ у насъ одинъ тамъ олухъ въ войсѣхъ,
 Назывался Королевичъ-Марко:
 Голову свою тамъ положилъ онъ,
 Схоронилъ его я по закону,
 Такъ и дали турки на поминки,
 Дали мнѣ коня его лихого!»
 Какъ услышалъ Мина эти рѣчи,

На ноги отъ радости вскочилъ онъ,
 Говоритъ Кралевичу онъ Марку:
 «Исполать тебѣ, мой гость желанный!
 Девять лѣтъ я дожидаюсь дѣлхъ,
 Дожидаюсь радостной той вѣсти!
 Марковы дворы пожогъ я бѣлы
 И увѣлъ его подругу-любю;
 Но не могъ на ней досель жениться,
 Дождался Марковой я смерти.
 Обвѣнчай теперь меня ты съ нею.»
 Марко взялъ святыя книги въ руки,
 Обвѣнчалъ онъ Мину изъ Костура —
 А и съ кѣмъ? съ подругой со своею!
 Послѣ сѣли пить вино и водку,
 Пить вино и сердцемъ веселиться.
 Молвить любѣ Мина изъ Костура:
 «Слышишь ли, душа моя и сердце!
 Ты звалась до нынѣ Марковица,
 Называйся ты, душа, отнынѣ,
 Называйся: минина подруга!
 Въ ризницу, душа, теперь спустился,
 Принеси три купы ты червонцевъ:
 Отдарить хочу я калугера.»
 Та пошла и принесла червонцевъ,
 Взявши ихъ не изъ богатства Минны,
 Взявши ихъ изъ маркова богатства;
 Принесла еще оттуда саблю,
 Старую, заржавѣлую саблю,
 Чорному вручаетъ калугеру:
 «На тебѣ все это, чорный инокъ,
 На поминки по Кралевичъ-Марку!»
 Принялъ саблю Королевичъ-Марко,
 Оглядѣлъ ее и Минѣ молвить:
 «Государь мой, Мина изъ Костура!
 Вольно ли потѣшиться мнѣ нынче,
 Поиграть по-калугерски саблей,
 На твоей на свадьбѣ на веселой?»
 Отвѣчаетъ Мина изъ Костура:
 «Поиграй! Зачѣмъ не вольно будетъ?»
 Какъ тутъ вскочить Королевичъ-Марко,
 Какъ тутъ вскочить Марко да подскочить —
 Ходенемъ хоромы заходили;
 Какъ махнетъ заржавѣлой онъ саблей —
 Отлетѣла голова у Минны;
 А Краль-Марко кличетъ къ янычарамъ:
 «Навалитесь, братья-янычары!
 Нѣтъ ужъ больше Минны изъ Костура!»
 Навалились триста янычаровъ,
 Разнесли дворы у Минны бѣлы,
 Разнесли, огнемъ ихъ по-палили;
 Марко взялъ свою подругу-любю,

*) Калугерь — монахъ.

Взялъ потомъ и миново богатство
И въ Пригѣбъ свой бѣлый воротился,
Звонкимъ горломъ пѣсни распѣвая.

Н. Бергъ.

х.

СМЕРТЬ МАРКА-КОРОЛЕВИЧА.

Раннимъ-рано всталъ Краевичъ-Марко,
Въ воскресенье, до восхода солнца,
И поѣхалъ онъ край синя моря;
Прѣзжаетъ на Урвинъ-планину;
Какъ поѣхалъ по Урвинъ-планинѣ,
Началъ конь подъ Маркомъ спотыкаться,
Спотыкаться началъ онъ и плакать.
Стало Марку горько и досадно;
Говоритъ Краевичъ-Марко Шарцу:
«Добрый конь мой, разудалый Шарацъ!
Сто шесть лѣтъ я странствую съ тобою,
А ни разу ты не спотыкнулся;
Что жъ теперь ты началъ спотыкаться,
Спотыкаться началъ ты и плакать?
Не къ добру ты, видно, Шарацъ, плачешь:
Быть бѣдѣ великой, неминучей,
Либо мнѣ, либо тебѣ погибнуть!»
Кличетъ вила изъ Урвинъ-планины:
«Побратимъ ты мой, Краевичъ-Марко!
Знаешь ли, о чемъ твой Шарацъ плачетъ?
О своемъ онъ плачетъ господинѣ:
Скоро Марку съ Шарцемъ разставаться!»
Отвѣчаетъ Марко бѣлой вилою:
«Горло бы твое на вѣкъ оснгло!
Чтобы Марко съ Шарцемъ да разстался!
Я прошолъ всю землю и всѣ грады,
Отъ восхода солнца до заката,
Не видалъ коня я лучше Шарца
И юнака удалѣе Марка!
Не разстанусь съ Шарцемъ я во-вѣки,
Не разстанусь до своей до смерти!»
Бѣла вила Марку отвѣчаетъ:
«Побратимъ ты мой, Краевичъ-Марко!
Не отнимуть у Краля-Марка Шарца,
Не умрешь ты отъ булатной сабли,
Отъ копыя, отъ палицы тяжелой;
Ни кого ты, Марко, не боишься;
А умрешь ты, Марко, отъ болѣзни,
Отъ десницы праведной Господней.
А когда словамъ моимъ не вѣришь,

Поѣзжай ты прямо по планинѣ,
Какъ доѣдешь до вершины самой,
Обернись направо и налево:
Ты увидишь тонкія двѣ ели,
Широкѣ тѣ ели разрослися
И собой покрыли всю планину;
Студена течетъ вода межъ ними.
Тамъ коня останови ты, Марко,
Привяжи поводьями за ёлку
И нагнись ты надъ водой студеной.
Какъ себя ты въ ней увидишь, Марко,
Ты узнаешь о своей о смерти.»
Вилу бѣлую послушалъ Марко.
Онъ поѣхалъ прямо на планину;
Какъ доѣхалъ до вершины самой,
Поглядѣлъ направо и налево
И увидѣлъ тонкія двѣ ели,
Что по всей планинѣ разрослися
И собой закрыли всю планину.
Тутъ коня остановилъ Краля-Марко,
Привязалъ поводьями за ёлку
И нагнулся надъ водой студеной:
Бѣлое лицо свое увидѣлъ —
И почувалъ смерть Краевичъ-Марко;
Слѣзы пролилъ, самъ съ собою молвилъ:
«Обманулъ ты свѣтъ меня широкій!
Свѣтъ досадный, цвѣтъ мой ненаглядный,
Красень ты, да погулялъ я мало:
Триста лѣтъ всего мнѣ погулялось!
А теперь пришлось съ тобою разстаться!»
Говоритъ, а саблю вынимаетъ:
Какъ махнетъ Краевичъ-Марко саблей,
Снесъ онъ Шарцу голову по плечи,
Чтобы туркамъ Шарацъ не достался,
Чтобъ не зналъ онъ никакой работы
И чтобъ воду не возилъ въ колоду.
Какъ постѣлъ Краевичъ-Марко Шарца,
Закопалъ его глубоко въ землю,
Почитая Шарца пуще брата *).
Перебилъ потомъ свою онъ саблю,
Перебилъ онъ на четыре части,
Чтобъ и сабля туркамъ не досталась,
Чтобъ никто у нихъ не похвалялся,
Что себѣ отъ Марка саблю добылъ,
Чтобъ свои не проклинали Марка.
А когда разбилъ онъ саблю востру,
Перебилъ онъ и копые на части,
И закинулъ на вершину ели.

*) Пуще брата Андрея, котораго убилъ Кеседжия при Маркѣ, и Марко уѣхалъ, не похоронивъ брата.

Ухватилъ свой буздыганъ тяжолый,
 Ухватилъ онъ правою рукою
 И пустилъ его съ Урвинъ-платины,
 Опустилъ его на сине море,
 И сказалъ тутъ Марко буздыгану:
 «Какъ ты выйдешь, буздыганъ, изъ моря,
 Народится молодецъ удалый,
 Молодецъ такой же, какъ и Марко!»
 Погубивши все свое оружье,
 Марко вынулъ чистую бумагу —
 Пишетъ Марко, пишетъ завѣщанье:
 «Какъ придетъ кто на Урвинъ-платину,
 Между елей, край воды студѣной,
 И увидитъ тамъ Кралевичъ-Марка:
 Знай, что мертвъ лежитъ Кралевичъ-Марко,
 Подлѣ Марка все его богатство,
 Все богатство: три мѣшка червонцевъ;
 На одинъ пускай меня скоронять,
 А другой возмуть на храмы Божьи,
 Третій даръ мой старцамъ переходимъ,
 Нищимъ старцамъ, слѣпническимъ калекамъ:
 Пусть поютъ и поминуютъ Марка!»
 Написавши Марко завѣщанье,
 Положилъ его на вѣтку ели,
 Чтобъ съ пути увидѣть было можно,
 А перо съ чернильницей забросилъ,
 Бросилъ онъ на дно воды студѣной;
 Снялъ потомъ съ себя зеленый долманъ,
 Разостлалъ по муравѣ зеленой,
 Разостлалъ, перекрестился трижды,
 На брови самуръ-копчакъ надвинулъ,
 Легъ-себѣ — и не вставалъ ужъ Марко.
 Такъ лежалъ онъ край воды студѣной,
 День за днемъ онъ пѣлюю недѣлю.
 Кто пройдетъ широкою дорогою
 И подъ елкою увидитъ Марка:
 Думаетъ, что спитъ Кралевичъ-Марко,
 И далѣко въ сторону отходить,
 Чтобы Марко вдругъ не пробудился.

Гдѣ удача, тамъ и неудача,
 Гдѣ несчастье, тамъ, гляди, и счастье:
 Привелось, по-счастью, той дорогою
 Проѣзжать изъ церкви Вилиндаръ
 Проигумну святогорцу Васу,
 Со своимъ прислужникомъ Исаемъ.
 Какъ увидѣлъ проигумень Марка,
 Онъ махнулъ рукою слугѣ Исаю:
 «Тихе, сынъ, не разбуди ты Марка!
 Послѣ сна сердитъ бываетъ Марко:
 Намъ обнимъ головы по-сниметь!»
 Такъ сказалъ и сталъ глядѣть на Марка
 И увидѣлъ на вѣтвяхъ, на ѣлкѣ,
 Марково писанье, завѣщанье.
 Прочиталъ онъ Марково писанье:
 Говоритъ оно, что Марко умеръ.
 Тутъ съ коня слѣзаетъ проигумень,
 Слѣзъ съ коня, рукою тронулъ Марка:
 Вѣчными слезамъ почилъ Кралевичъ-Марко!
 Горьки слезы пролилъ проигумень:
 Было жаль ему юнца Марка;
 Взялъ съ него червонцы, отпоясалъ
 И себя онъ ими опоясалъ;
 Сталъ онъ думать, гдѣ скоронить Марка,
 Думалъ, думалъ и одно придумалъ:
 На коня къ себѣ кладетъ онъ Марка,
 Съ мертвымъ Маркомъ ѣдетъ къ синю морю,
 На ладью у берега садится,
 ѣдетъ съ Маркомъ на Святую гору,
 Къ Вилиндарѣ церкви подѣзжаетъ,
 Вноситъ тѣло во святую церковь,
 Панихиду служить по усопшемъ
 И хоронитъ Марка середь церкви,
 Безо-всякой надписи и камня,
 Чтобы мѣсто, гдѣ скороненъ Марко,
 Недруги его не распознали
 И надъ нимъ по смерти не глумились.

Н. Бергъ.

4. ЭПИЧЕСКІЯ ПЬСНИ РАЗЛИЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

I.

КАКЪ ОТДАРИЛЪ ТУРЕЦКІЙ СУЛТАНЪ
МОСКОВСКАГО ЦАРЯ.

Идутъ письма изъ Земли Московской
Черезъ грады многіе и земли,
Идутъ, идутъ — и въ Стамбуль прихоятъ:
И везутъ ихъ въ золотыхъ каретахъ
Къ самому турецкому султану;
А при письмахъ царскіе подарки —
Для султана: золотое блюдо,
А на немъ стоитъ мечеть златая,
А вокругъ мечети змѣй обвился,
Въ головѣ жъ у змѣя вставленъ камень,
Самоцвѣтный камень, при которомъ
Можно ночью и ходить и видѣть,
Словно днемъ, когда сіяетъ солнце.
Ибрагиму султанскому сыну:
Дорогія острыя двѣ сабли,
Золотая рукоять на каждой,
А на нихъ по дорогомому камню;
А султаншѣ — колибель златую;
Въ головахъ — удалий соколъ-птица.
Получивъ подарки дорогіе,
Сталъ султанъ кручиниться и думать,
Что бы царю Московскому отправить,
Честь за честь, за дорогой подарокъ?
Думалъ, думалъ, ничего не вздумалъ.
Кто прійдетъ къ нему, передо всѣми
Начинаетъ хвастаться, какіе
Шлѣтъ ему подарки царь Московскій.
И никто сказать ему не можетъ,
Чѣмъ царя бы одарить за милость.
Вотъ паша приходитъ Соколовичъ,
Хвалится султанъ ему дарами;
За пашой пришли ходжа и кадій,

Поклонились низко, цаловали
У султана руку и колѣно;
Имъ султанъ дарами началъ хвастать,
И потомъ сталъ спрашивать обоихъ:
«Слуги вы мои, ходжа и кадій,
Вы вдвоемъ меня не вразумите ль
Что послать въ Московскую мнѣ Землю,
Изъ моей земли царю въ подарокъ?»
Отвѣчали и ходжа и кадій:
«Царь-султанъ! твоя надъ нами воля,
А мы вздумать ничего не можемъ.
Ты позважь бы старца-патріарха:
Онъ скорѣй научитъ и уважетъ
Что послать и чѣмъ доволенъ будетъ
Государь, великій царь Московскій.»
Услыхалъ султанъ такія рѣчи,
Своего послалъ тотчасъ каваса,
Чтобы позважь старца-патріарха.
И когда пришолъ къ султану старецъ,
Показалъ султанъ ему какіе
Получилъ подарки и промовилъ:
«О, слуга мой, старче патріарше!
Ты меня не вразумишь ли, старче,
Что послать въ Московскую мнѣ Землю,
Чтобы былъ подарками доволенъ
Государь, великій царь Московскій.»
Тихо старецъ отвѣчалъ султану:
«Царь-султанъ, пресвѣтлое ты солнце!
Мнѣ ль учить твою велику мудрость!
Въ простотѣ дозволь мнѣ слово молвить,
Какъ Господь мнѣ на сердце положить.
Есть въ твоемъ великомъ государствѣ
Что царю Московскому отправить,
Что тебѣ совсѣмъ не на потребу,
А ему весьма угодно будетъ.
Посохъ есть отъ Нѣманича Саввы,
Златъ вѣнецъ царя есть Константина,

Иоанна Златоуста ризы,
 Да съ святымъ крестомъ на древкѣ знамя,
 Чтò держаль въ бою царь Сербскій Лазарь.
 Никакой тебѣ въ нихъ нѣтъ потребности,
 А царю угодны будутъ, знаю.»
 Полюбилась эта рѣчь султану
 И велѣлъ онъ старцу-патріарху,
 Чтобъ справиль для царя подарен
 И вручилъ ихъ посланцамъ московскимъ.
 Патріархъ, какъ слѣдуетъ, все справиль,
 И, вручая посланцамъ, сказалъ имъ:
 «Поѣзжайте, милые, вы съ Богомъ;
 Но большой не ѣздите дорогой,
 А идите лѣсомъ и горою;
 Будетъ вамъ во слѣдъ погоня злая,
 Чтобъ отнять у васъ сіи святини,
 Выше коихъ нѣтъ для христіанства.
 Я сложу главу свою за это,
 Грѣшное мое погибнетъ тѣло,
 Но душа моя чрезъ то спасется.»
 И затѣмъ простился съ посланцами.
 И султанъ доволенъ былъ, что кончилъ
 Наконецъ съ такимъ мудрѣннымъ дѣломъ,
 И что все такъ дешево устроилъ,
 Передъ всѣми началъ похваляться.
 Вотъ паша приходитъ Соколовичъ,
 И ему султанъ сказалъ, похвасталъ:
 «Угадай, паша, слуга мой вѣрный,
 Чтò къ царю Московскому послалъ я?
 Далъ я посохъ Нѣманича Саввы,
 Златъ вѣнецъ царя далъ Константина,
 Иоанна Златоуста ризы,
 Да съ святымъ крестомъ на древкѣ знамя,
 Чтò держаль въ бою царь Сербскій Лазарь.
 Въ нихъ мнѣ вовсе не было потребности,
 А царю они угодны будутъ.»
 И спросилъ султана Соколовичъ:
 «По чьему жъ ты сдѣлалъ такъ совѣту?»
 И султанъ ему отвѣтилъ прямо:
 «По совѣту старца-патріарха.»
 И сказалъ на это Соколовичъ:
 «Царь-султанъ, пресвѣтлое ты солнце!
 Если ты Царю послалъ святини,
 Выше коихъ нѣтъ для христіанства,
 Приложилъ бы къ нимъ ужъ также встатн
 И ключи отъ своего Стамбула!
 Все равно — отдать прійдется послѣ
 И съ великимъ для тебя позоромъ!
 Вѣдь на тѣхъ святиняхъ и держалось
 Все твое владичество и царство.»
 Услыхалъ султанъ такіа рѣчи,

Спыхватился и всплеснулъ руками,
 И пашѣ приказывалъ послѣшно:
 «Гой еси, паша, слуга мой вѣрный!
 Собери ты турковъ-янычаровъ,
 Догони ты посланцевъ московскихъ,
 Отбери у нихъ мои подарки,
 Отбери святини, на которыхъ
 Все мое и утверждалось царство!»
 Собралъ войско храбрый Соколовичъ
 И поѣхалъ по большой дорогѣ;
 Ищетъ, ищетъ посланцевъ московскихъ —
 Не нашолъ нигдѣ, домой вернулся,
 Говорить султану, что не видѣлъ,
 Какъ ни бился, посланцевъ московскихъ.
 И султанъ пришолъ въ велику ярость,
 Закричалъ пашѣ онъ зычнымъ гласомъ:
 «Такъ иди жъ, паша, слуга мой вѣрный,
 И убей ты старца-патріарха.»
 Побѣждалъ паша приказъ исполнить —
 И схватилъ онъ старца-патріарха,
 И взмахнулъ надъ нимъ ужъ острой саблей.
 Патріархъ же старецъ молвилъ тихо:
 «Господинъ паша, остановися —
 Погоди, не обагрый, пожалуй,
 Землю кровью праведной моею,
 А не то три года быть засухѣ:
 Ничего земля родить не станетъ.»
 Услыхалъ паша, что молвилъ старецъ,
 И повелъ его на синее море,
 И занесъ надъ нимъ ужъ острую саблю;
 Говорить опять великій старецъ:
 «Господинъ паша, остановися,
 Не губи меня на синемъ море:
 Встанетъ буря, море возмутится,
 Корабли потопитъ и галеры,
 Города залѣтъ, размоетъ землю.»
 Напугать пашу такъ думалъ старецъ,
 Да паша не сталъ ужъ старца слушать,
 И отсѣкъ главу его святую.
 Далъ Господь въ своемъ раю небесномъ
 Прославленье праведному мужу,
 Намъ же, братья, радость и веселье.

А. Майковъ.

II.

СИМЕОНЪ-НАЙДЕНЬШЪ.

Ранымъ-рано всталъ отецъ-игумень
 И пошолъ онъ къ тихому Дунаю
 Зачерпнуть въ рѣкѣ воды студеной,
 Чтобъ умыться и творить молитву.
 Вдругъ увидѣлъ онъ сундукъ свинцовый:
 Къ берегу волной его прибило.
 Думалъ старецъ: владѣ ему достался,
 И понесъ сундукъ съ собою въ келью.
 Отпираетъ онъ сундукъ свинцовый:
 Ничагого не было тамъ влада,
 Въ сундукѣ лежалъ ребенокъ малый,
 Семидневный, мужское чадо.
 Вынимаетъ мальчика игумень,
 Обрестилъ и далъ ему онъ имя,
 Нарекъ имя: Симеонъ-Найденьшъ;
 Грудь женской не далъ онъ малютѣ,
 А кормить его сталъ самъ онъ въ кельѣ,
 Сахаромъ кормить его да мѣдомъ.
 Ровно годъ исполнился ребенку,
 А на взглядъ какъ-будто и три года;
 А какъ минуло ему три года,
 Былъ онъ точно отрокъ семилѣтній,
 А какъ семь ему годовъ сравнялось,
 Былъ онъ съ виду, какъ другой въ двѣнадцать,
 А когда двѣнадцать наступило,
 Всѣ считали, что ему ужъ двадцать.
 Скоро понялъ Симеонъ ученье,
 Загонялъ всѣхъ парней монастырскихъ
 И отца-игумена святого.
 Разъ поутру, въ свѣтлый день воскресный,
 Вздумали ребята монастырски
 Всякою потѣшиться игрою,
 Стали прыгать и метать камня —
 Всѣхъ ребятъ Найденьшъ перепрыгалъ,
 Стали въ камни — обкидалъ и въ камни.
 На него ребята обозлились
 И давай смѣяться Симеону:
 «Симеонъ ты, Симеонъ-Найденьшъ!
 Безъ отца ты на свѣтѣ уродился,
 Нѣтъ тебѣ ни племени, ни роду,
 А нашолъ тебя отецъ-игумень
 Въ сундукѣ подъ берегомъ Дуная.»
 Горько-горько стало Симеону,
 Онъ пошолъ къ отцу-игумну въ келью,
 Сѣлъ, читать Евангеліе началъ,
 Самъ читаетъ, горестно рыдаетъ.
 Такъ нашолъ его отецъ-игумень;

Говоритъ игумень Симеону:
 «Что съ тобою, сынъ ты мой любезный,
 Что ты плачешь, горестно рыдаешь?
 Иль тебѣ чего на свѣтѣ мало?»
 Отвѣчаетъ Симеонъ-Найденьшъ:
 «Господинъ ты мой, отецъ-игумень!
 Мнѣ смѣются здѣшніе ребята,
 Что не знаю племени я роду,
 А что ты нашолъ меня въ Дунаѣ.
 Ты послушай, мой отецъ-игумень!
 Заклинаю Господомъ и Богомъ:
 Дай, отецъ, ты мнѣ коня лихого,
 Сѣмъ я сяду, подъ свѣту поѣзжу,
 Поищу я своего родъ-племя:
 То ли я отъ низкаго отродья,
 То ли кость господскаго колѣна?»
 Стало жалъ его отцу-игумну:
 Воскормилъ онъ Сима будто сына.
 Снарядилъ его отецъ-игумень,
 Далъ ему онъ тысячу дукатовъ
 И коня далъ изъ своей конюшни;
 Сѣлъ, поѣхалъ Симеонъ-Найденьшъ.
 Девять лѣтъ по бѣду свѣту ѣздить,
 Своего родъ-племени онъ ищетъ,
 Да найти-то какъ ему родъ-племя,
 Коль спроситъ о томъ кого не знаетъ.
 Вотъ десятое подходитъ лѣто,
 Въ монастырь назадъ онъ хотеть ѣхать
 И коня поворотилъ лихого.
 Проѣзжаетъ край Будима-града;
 А и выросъ онъ обзъ эту пору,
 Выросъ Сима, что твоя невѣста,
 И коня онъ выхолилъ на диво,
 Гарцовалъ Будимскимъ чистымъ полемъ,
 Звонкимъ горломъ распѣвая пѣсни.
 Увидала Сима королева
 Изъ окошка, изъ Будима-града,
 Увидала и зоветъ служанку:
 «Ты ступай, проворная служанка,
 Ухвати подъ нимъ коня лихого,
 Позови его ко мнѣ ты въ теремъ:
 Звать, скажи, велѣла королева
 На честную трапезу-бесѣду!»
 Побѣжала за городъ служанка
 И коня подъ молодцомъ схватила,
 Говоритъ: «пожалуй, витязь, въ теремъ!
 Звать тебя велѣла королева
 На честную трапезу-бесѣду.»
 Симеонъ вернулъ коня лихого,
 Подъѣзжаетъ подъ высокій теремъ,
 Отдаетъ коня держать служанкѣ,

Самъ идетъ онъ въ теремъ къ королевѣ;
 Какъ вошелъ онъ въ теремъ, скинулъ шапку
 Королевѣ низко поклонился
 И сказалъ: «Богъ помочь, королева!»
 Королева Симеону рада,
 За готовый столъ его сажаетъ
 И виномъ его, и водкой просить,
 Сахарныхъ сластей ему подносить.
 Расходилась кровь у Симеона,
 Наливаетъ онъ за чаркой чарку,
 Лишь не пьетъ, не кушаетъ хозяйка,
 Все-то глазъ не сводить съ Симеона.
 А какъ ночь-полуночь наступила,
 Симеону королева молвить:
 «Милый гость, невѣдомый мнѣ витязь!
 Ты скидай съ себя свою одѣжу
 И ложись опочивать со мною,
 Полюби меня ты, королеву!»
 Хмѣль игралъ въ ту пору въ Симеонѣ:
 Снялъ онъ платье, легъ онъ съ королевой,
 Въ бѣлое лицо ее целуетъ.
 Какъ на завтра утро засіяло,
 Соскочилъ хмѣлина съ Симеона,
 Видитъ онъ, какой бѣды надѣлалъ;
 Горько-горько стало Симеону,
 На проворныя вскочилъ онъ ноги
 И пошелъ искать коня лихого.
 Оставляетъ Симу королева,
 Оставляетъ на вино и кофій,
 Но не хочетъ Симеонъ остаться:
 Онъ садится на коня и ѣдетъ,
 Ѣдетъ онъ Будимскимъ чистымъ полемъ;
 Только тутъ на умъ ему припало,
 Что съ собою онъ изъ Будима-града
 Своего Евангелія нѣ взялъ,
 А забылъ его у королевы,
 На окошкѣ, въ теремѣ высокомъ.
 Повернулъ назадъ коня лихого,
 На дворѣ коня онъ оставляетъ,
 Самъ идетъ онъ въ теремъ королевинъ;
 Подъ окномъ увидѣлъ королеву:
 Подъ окномъ сидитъ она и плачетъ,
 А сама Евангеліе держать.
 Говоритъ ей Симеонъ-Найденышъ:
 «Дай мою ты книгу, королева!»
 Королева Симеону молвить:
 «Симеонъ ты, горькій горемыка!
 Въ часъ недобрый ты нашолъ родъ-племя,
 Въ часъ недобрый въ градъ Будимъ пріѣхалъ,
 Ночевалъ съ будимской королевой,
 Цаловалъ ее въ лицо ты бѣло:

Цаловалъ ты мать свою родную!» *)
 Какъ услышалъ Симеонъ про это,
 По лицу онъ пролилъ горьки слезы,
 Взялъ свою у королевы книгу,
 Бѣлую у ней целуетъ руку,
 На коня на своего садится
 И домой къ отцу-игумну ѣдетъ.
 Увидаль его отецъ-игумень,
 Своего коня узналъ далѣко,
 Вышелъ онъ на встрѣчу къ Симеону;
 Симеонъ съ коня слѣзаетъ на землю,
 До земли отцу онъ поклонился;
 Говоритъ игумень Симеону:
 «Гдѣ ты, сынъ мой, столько загостился?
 Гдѣ такъ долго прогулялъ, проѣздилъ?»
 Отвѣчаетъ Симеонъ-Найденышъ:
 «Ты не спрашивай про это, отче!
 Въ часъ недобрый я нашолъ родъ-племя,
 Въ часъ недобрый былъ въ Будимъ-градѣ.
 Тутъ онъ горе старцу исповѣдалъ.
 Какъ узналъ о томъ отецъ-игумень,
 Взялъ за бѣлы руки Симеона,
 Отворилъ смердящую темницу,
 Гдѣ вода стояла по колѣно
 И въ водѣ кишмя кишѣли гады,
 Въ ту темницу Симеона заперъ,
 А ключи въ Дунай-рѣку забросилъ,
 Самъ съ собою тихо разсуждая:
 «Коли выйдутъ тѣ ключи оттуда —
 И грѣхи простятся Симеону!»
 Девять лѣтъ прошло и миновало
 И десятый годъ ужъ наступаетъ;
 Рыбаки въ рѣкѣ поймали рыбу
 И ключи нашли у ней во чревѣ,
 Ихъ къ отцу-игумну приносятъ:
 Заключенниѣ палъ ему на мысли;
 Взялъ ключи у рыбаковъ игумень,
 Отворилъ смердящую темницу:
 Въ ней воды какъ-будто не бывало
 И невѣсть куда пропали гады.
 Видитъ старецъ: тамъ сіяетъ солнце,
 Золотой въ срединѣ столъ поставленъ,
 За столомъ сидитъ его Найденышъ
 И въ рукахъ Евангеліе держать.

Н. Бергъ.

*) Известный издатель сербскихъ пѣсней, Караджичъ, замѣчаетъ, что вѣроятно въ Евангеліи, на поляхъ или вначалѣ, было написано, кому принадлежитъ книга и затѣмъ онъ ѣздитъ по свѣту.

III.

СЕСТРА И БРАТЯ.

Два дубочка выросли рядомъ,
 Между ними тонковерхая ёлка;
 Не два дуба рядомъ выросали,
 Жили вмѣстѣ два брата родные:
 Одинъ Павелъ, а другой Радула,
 А межъ ними сестра ихъ Елица.
 Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
 Всякую ей оказывали милость;
 На послѣдокъ ей ножъ подарили
 Золоченный, въ серебряной оправѣ.
 Огорчилась молодая Павлиха
 На золовку, стало ей завидно;
 Говоритъ она Радуловой любѣ:
 «Невѣстуха, по Богу сестрица!
 Не знаешь ли ты зеля такого,
 Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
 Отвѣчаетъ Радулова любя:
 «По Богу сестра моя, невѣстка,
 Я не знаю зеля такого;
 Хоть бы знала, тебѣ бъ не сказала;
 И меня братья мои любили,
 И мнѣ всякую оказывали милость.»
 Вотъ пошла Павлиха къ водопою,
 Да зарѣзала коня вороного,
 И сказала своему господину:
 «Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
 На бѣду даришь ей подарки:
 Извела она коня вороного.»
 Сталь Елицу допытывать Павелъ:
 «За что это? скажи Бога ради.»
 Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
 «Не я, братецъ — клянусь тебѣ жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моею!»
 Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
 Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый,
 Сиваго сокола тамъ заколола,
 И сказала своему господину:
 «Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
 На бѣду даришь ты ей подарки:
 Вѣдь она сокола заколола.»
 Сталь Елицу допытывать Павелъ:
 «За что это? скажи Бога ради.»
 Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ.
 «Не я, братецъ — клянусь тебѣ жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моею!»
 И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
 Вотъ Павлиха по вечеру поздно

Ножъ украла у своей золовки
 И ребенка своего заколола
 Въ колыбелькѣ его золоченой;
 Рано утромъ къ мужу прибѣжала,
 Громко воя и лицо терзая:
 «Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
 На бѣду даришь ты ей подарки:
 Заколола у насъ она ребенка;
 А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
 Осмотри ты ножъ ея злаченный.»
 Вскочилъ Павелъ какъ услышалъ это,
 Побѣжалъ къ Елицѣ во свѣтлицу:
 На перинѣ Елица почивала,
 Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченный,
 Изъ ножонъ вынуть его Павелъ —
 Ножъ злаченный весь былъ окровавленъ.
 Дернулъ онъ сестру за бѣду руку:
 «Ой, сестра, убей тебя Боже!
 Извела ты коня вороного,
 И въ саду сокола заколола;
 Да за что ты зарѣзала ребенка?»
 Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
 «Не я, братецъ — клянусь тебѣ жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моею!
 Коли жъ ты не вѣришь моей клятвѣ,
 Выведи меня въ чистое поле,
 Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
 Пусть они мое бѣлое тѣло
 Разорвутъ на четыре части.»
 Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ;
 Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
 Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
 И погналъ ихъ по чистому полю.
 Гдѣ попала капля ея крови,
 Выросли тамъ алые цвѣточки;
 Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
 Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
 Прошло малое послѣ того время,
 Захворала молодая Павлиха;
 Девять лѣтъ Павлиха все хвораетъ —
 Выросла трава сквозь ея кости,
 Въ той травѣ лютый змѣй гнѣздится,
 Пьѣтъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
 Люто страждетъ молода Павлиха;
 Говоритъ она своему господину:
 «Слышишь ли, господинъ ты мой, Павелъ,
 Сведи меня къ золовкиной церкви,
 У той церкви авось испѣлюся.»
 Онъ повелъ ее къ сестриной церкви,
 И какъ были они уже близко,
 Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:

«Не входи молодая Павлиха,
Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.»
Какъ услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
«Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
Не веди меня къ бѣлому дому,
А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней,
И пусти ихъ по чистому полю.»
Своей любви послушался Павелъ,
Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ тернье да крапива;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
На томъ мѣстѣ озеро провалило.
Воронъ конь по озеру выплываетъ,
За конемъ золоченая люлька,
На той люлкѣ сидитъ соколъ-птица,
Лежитъ въ люлкѣ маленькій мальчикъ:
Рука матери у него подъ горломъ,
Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.

А. Пушкинъ.

—

IV.

ЙОВО И МАРА.

Двое милыхъ, любясь, выросли,
Юный Йово да дѣвушка Мара,
Съ малолѣтства, отъ третьяго года.
Ихъ увидишь — такъ радостно станеть,
Скажешь: это фіалка и ландышъ!
Умывались одною водою,
Утирались однимъ полотенцемъ,
Любо въ очи другъ-другу глядѣли,
Будто солнце въ глубокое море;
Пѣли пѣсню одну вечерами,
Темной ночью одинъ сонъ видали.
Вспоры Йовѣ ужъ было жениться,
Можно бѣ было отдать Мару замужъ.
Выросъ Йово удалъ изъ удалыхъ,
Красотою красивѣй дѣвицы;
Мара... слова для Мары не сыщешь:
И на свѣтѣ такой не бывало!
Не увидишь очей ея лучше,
Тоньше стана ея не найдется;
Милovidна, что горная вила,
А гибка-то, что ель молодая.
Годъ на Мару гляди — и все мало;

Мало бѣ въку любить эту Мару;
Какъ увидишь ее — заболѣешь,
А посмотреть — такъ выльчить разомъ.
Но сироткой была наша Мара,
Йово жъ былъ изъ богатаго рода,
Не простого — господскаго рода.
Разъ онъ Марѣ, вздохнувши, промолвилъ:
«Такъ ли любишь меня, моя Мара,
Какъ люблю я тебя, мое сердце?»
Тихо Мара ему отвѣчала:
«Милый Йово, ты глазъ мнѣ дороже,
Завсегда ты на мысляхъ у Мары;
Какъ мать сына, ношу тебя въ сердцѣ.»
Ихъ подслушалъ невидимый сторожъ:
Мать Йована тѣ слышала рѣчи;
Злая на Мару, сказала Йовану:
«Милый Йово, перо дорогое,
Позабудь ты объ этой дѣвчонкѣ.
Есть невѣста и лучше, и краше;
То Фатима, Атрагица злато...
Фата съ дѣтства взлелѣяна въ клѣткѣ
И не знаетъ, чтѣ солнце, чтѣ мѣсяцъ;
Не видала, какъ хлѣбъ зеленѣеть,
Не видала муравки на полѣ,
Не видала ни разу мужчины;
А къ тому жъ и богатаго рода,
И въ подмогу богатствомъ сгодится.»
Отвѣчаетъ такъ матери Йово:
«Моя милая мать, дорогая!
Закинаю тебя я и небомъ,
Закинаю тебя и землю:
Не разрозни ты милаго съ милой!
Не богатство серебро да злато,
А богатство, чтѣ дорого сердцу!»
Но не хочеть и слушать старуха.
Рада бѣ слышать слова эти Мара,
Но далеко отъ ней ея милый.
Мара плачетъ, а вѣтеръ разноситъ:
«Много тьмы есть у пасмурной ночи,
Больше горя у Марицы въ сердцѣ.
Ужъ извѣстно, какъ молодцы любятъ:
Какъ ласкають — въ любви увѣряють,
Перестали — смѣются съ друзьями.
Не таковъ онъ, возлюбленный Йово,
Да ужъ, видно, такая мнѣ доля!
Чуть запахъ мнѣ цвѣтокъ мой душистый —
И достался другой соколѣцъ.
Свѣтъ мой, Йово, свѣтъ, жаркое солнце!
Ты лучисто меня освѣтило,
Да и скоро запахло за гору.»
Мара плачетъ, а вѣтеръ разноситъ.

Одного все нашъ держится Йово:
 «Нѣтъ, ей-Богу, родимая, лучше,
 Лучше смерть чѣмъ жениться на Фатѣ:
 Сердце просить одну только Мару.»
 Но не хочеть и слушать старуха,
 И не хочеть высватывать Мары;
 Поспѣшаетъ къ Атлагича злату;
 Но Фатима, Атлагича злато,
 Заклинаетъ старуху святыми,
 Чтобъ не сватать ее за Йована:
 «Неразумно, грѣшно и жестоко
 Разлучать двѣ души неразлучныхъ,
 Двухъ немилыхъ заставить любиться.»
 Но не хочеть и слушать старуха:
 Заручила, кольцомъ обручила,
 Малый срокъ имъ назначила къ свадьбѣ,
 Небольшой срокъ — одну лишь недѣлю,
 И сзываетъ сватовъ къ тому сроку.
 Созвала ихъ, пошла по невѣсту.
 «Сынъ-кормилецъ, пойдемъ по невѣсту!
 Мать Фатиму тебѣ заручила,
 Заручила, кольцомъ обручила.»
 Но не хочеть послушаться Йово,
 Остается въ дому своемъ бѣломъ.
 Мать безъ сына пошла со сватами,
 Къ ней выходитъ Атлагича злато
 И цагуеть ей правую руку:
 «Мать-старушка пригожаго Йовы!
 Чтѣ за утро, какъ солнце не грѣеть,
 Чтѣ за ночь та, какъ мѣсяцъ не свѣтитъ,
 Чтѣ за сваты, когда жениха нѣтъ!»
 Отвѣчаетъ на это старуха:
 «Заклинаю, Атлагича злато!
 Не заботься о суженомъ Йовѣ —
 Онъ женихъ твой, а мой однобровный.
 Здѣсь гора есть, въ ней водятся вилы;
 Между ними есть горная вила,
 Та, что злато съ коней выбиваетъ;
 А за сына, какъ мать, я боюся,
 Чтобы вила его не убила,
 Молодого, единого сына.»
 Какъ въѣзжали на дворъ они къ Йовѣ,
 Разомъ сваты съ коней посходили,
 Но не сходитъ Атлагича злато;
 И сказала Фатимѣ старуха:
 «Слѣзь, невѣстка моя дорогая!»
 — «Нѣтъ, не слѣзу, ей-Богу, не слѣзу,
 Если лошадь мою онъ не приметъ
 И не сниметъ съ нея меня Йово.»
 И пошла мать къ Йовану на вышку,
 И такъ сыну она говорила:

«Сынъ-кормилецъ, сойди ты отсюда!
 Тамъ ты примешь Атлагича злато.»
 Поднялся онъ, упалъ на колѣни,
 Ублажаетъ свою мать родную,
 Точить слѣзы, какъ-будто дѣвица,
 Точить слѣзы, рыдаючи, молвить:
 «Не пойду я, ей-Богу, родная!
 Въ чемъ клялся — тверже камня въ томъ буду!»
 Но и слушать не хочеть старуха:
 «Прогляню я и грудь, чтѣ вскормила
 Мнѣ такого негодного сына,
 Если злато съ коня ты не ссадишь!»
 Чтѣ жъ тутъ дѣлать, скажите, Йовану?
 Всталъ онъ быстро на легкія ноги,
 Отираетъ горячія слѣзы
 И выходитъ поспѣшно къ дѣвицѣ.
 Онъ снимаетъ съ коня свое злато,
 Онъ снимаетъ, и на землю ставитъ.
 Не слыхали, сказалъ ли чтѣ Йово,
 Не слыхали, сказала ль чтѣ Фата,
 Только сталъ онъ полотень бѣгѣ,
 Только Фата бѣлѣй стала снѣга.
 Былъ отправленъ обрядъ по закону;
 Вотъ и время садиться за ужинъ;
 Чинно сваты за столъ по-садились;
 Повели ужъ на верхъ новобрачныхъ.
 Сѣла злато на мягки подушки,
 Йово сѣлъ на узорную лавку,
 Самъ раздѣлся, снялъ поясъ широкій,
 Самъ повѣсилъ оружье и платье,
 Говоритъ самъ и самъ отвѣчаетъ.
 «Вѣрно, скажетъ теперь мое злато:
 Йово Фату-невѣсту цагуеть!
 Обо мнѣ же теперь и не вспомнить.
 Нѣтъ, не будетъ измѣнникомъ Йово:
 Легче съ жизнью разстаться для Йовы!»
 Это Фата и слышитъ-не-слышитъ;
 Точить слѣзы по щѣкѣ румяной:
 «Накази Боже правый, старуху,
 Что двухъ милыхъ на-вѣбъ разлучила,
 Двумъ немилымъ велѣла любиться.»
 Это Йово и слышитъ-не-слышитъ.
 Завернувся плащомъ онъ широкимъ,
 Взявъ подъ плащъ онъ тамбуру съ собою
 И пошолъ подъ окно своей Мары.
 Онъ ударилъ въ пѣвучія струны,
 Заигралъ и запѣлъ подъ тамбуру:
 «Вѣрно, скажетъ теперь моя Мара,
 Что съ невѣсты бафтавъ я снимаю...
 Не снималъ я, влянусь моей жизнью,
 Клянусь жизнью моей и твоею!

Вѣрно, скажетъ теперь моя Мара,
 Что съ невѣсты покровъ я снимаю...
 Не снималъ я, клянусь моею жизнью,
 Клянусь жизнью моею и твоею!
 Вѣрно, скажетъ теперь моя Мара,
 Что цалую невѣсту я въ щоку...
 Не цалую, клянусь моею жизнью,
 Клянусь жизнью моею и твоею!
 Нашей первой любовью клянусь я!
 Можно солнцу упасть бы на землю,
 Но не Йовѣ сломить свою клятву!
 И подъ пѣсню проснулась Мара:
 «Роза пахнетъ — то, вѣрно, мой милый...
 Роза пахнетъ, тамбура играетъ...»
 Но къ Фатимѣ пошелъ уже Йово.
 Пала Мара въ пуховы подушки:
 «Сонъ, жестоко меня обманулъ ты!
 Сиротинку и сонъ обижаетъ.»
 Йово къ Фатѣ своей воротился;
 Онъ ей подыалъ съ лица покрывало:
 Яркимъ солнцемъ лицо заблестало,
 Черны очи — горячимъ алмазомъ,
 Черны очи, слѣзъ полныя очи.
 Тихо молвить Фатима-невѣста:
 «Покарай ты свекровь мою, Боже,
 Что двухъ милыхъ на-вѣкъ разлучила!»
 Смотритъ Йово на Фату-невѣсту,
 Между глазъ онъ невѣсту цалуеъ,
 Говоритъ ей: «душа моя, Фата!
 Принеси мнѣ чернилъ и бумаги:
 Два-три слова хочу написать я,
 Чтобъ тебя не обидѣла свекровь.»
 Написалъ онъ письмо свое мелко,
 И промолвилъ Фатимѣ-невѣстѣ:
 «Слушай, слушай, Аглагича злато!
 Ни полслова до бѣлаго утра:
 Пусть напьются вина твои братья,
 Сестры въ волю напляшутся въ коло
 И родная споетъ свои пѣсни.
 Съ Богомъ, злато! Будь на вѣкъ счастлива!»
 И, цалая межъ глазъ свою Фату,
 Къ ней безъ жизни упалъ на колѣни.
 Смотритъ Фата — жертвецъ передъ нею;
 Горько плачеть, но слова не молвить —
 Промолчала до бѣлаго утра;
 И тогда, какъ заря показалась,
 День зажогся и солнышко встало,
 Разбудить ихъ хотѣла старуха,
 И на вышю взошла къ новобрачнымъ,
 И *пошмагомъ* ударила въ двери.
 «Встань же, Йово, дитя дорогое!

Вѣдь, ужъ солнце высоко на небѣ.»
 Отворила ей двери Фатима,
 Со слезами на личикѣ бѣломъ.
 Мать Йована сказала невѣстѣ:
 «Пусть я плачу по немъ безъ умолку!»
 Отвѣчаетъ свекрови невѣстка:
 «Не брани ты его, дорогая!
 Ужъ вчера онъ оплаканъ тобою,
 Какъ ты силой его обвѣнчала.
 Вонъ онъ, Йово, лежитъ уже мертвый!»
 И старуха навзрыдъ зарыдала,
 Зарыдала и прокляла Фату:
 «Чтѣ, скажи мнѣ, ты сдѣлала сыну?
 Говори же... Будь проклята Богомъ!
 Удушила за чтѣ ты Йована?»
 И Фатима въ отвѣтъ ей сказала:
 «Не кляни меня мать — не стубила
 Твоего я любимаго сына —
 Я себя бы скорѣе стубила...
 Вотъ Йована письмо небольшое:
 Для тебя мнѣ его онъ оставилъ.»
 Мать Йована письмо то читаетъ,
 И слезу за слезою роняетъ.
 А въ письмѣ томъ написано было:
 «Созови мнѣ, моя дорогая,
 Созови мнѣ носильщиковъ юныхъ,
 Не-женатыхъ носильщиковъ, юныхъ,
 Провожатыхъ дѣвицъ, не-замужнихъ,
 И надѣнь на меня ты рубаху,
 Ту, чтѣ Мара, любя меня, сшила,
 Пояжи меня питой марамой,
 Чтѣ мнѣ Мара, любя, вышивала,
 Положи мнѣ цвѣточки гвоздики —
 Ими Мара меня убирала.
 Подлѣ Мары меня пронесите...
 Какъ дойдете до Марина дома,
 Положите меня вы на землю:
 Пусть увидитъ меня моя Мара,
 Пусть хоть мертвымъ меня поцалуеъ,
 Вѣдь живаго меня цаловать ей
 Не пришлось ни единого разу.»
 Такъ письмо мать Йована читала,
 Такъ читала и слѣзы роняла;
 Пала камнемъ на мертваго сына,
 Пала камнемъ, вопила, рыдала,
 Куковала глѣсною кукушкой
 И вдовицею сирой стенала.
 По наказу умершаго Йовы,
 Чтѣ сказалъ онъ, то сдѣлано было:
 И созвали носильщиковъ юныхъ,
 Не-женатыхъ носильщиковъ, юныхъ,

Провожатыхъ дѣвицъ, не-замужнихъ,
 И надѣли на Йову рубаху,
 Ту, что Мара, любя, ему шила,
 Повязали расшитой марамой,
 Той, что Мара, любя, вышивала,
 И убрали цвѣтами гвоздики —
 Тѣмъ, чѣмъ Мара его убирала.
 Подгѣ Мары несли его тѣло;
 И сидѣла она подъ окошкомъ:
 На головѣ алѣли двѣ розы,
 И упали гѣ розы на пальцы.
 Мара шила и плакала горько,
 И такъ матери тихо сказала:
 «О, родная! что это такое?
 Обѣ розы на пальцы упали...
 Спаси Богъ! не случилось чего бы!
 Что-то сильно гвоздикомъ пахнетъ
 А косою еще больше пахнетъ,
 И какъ будто косою Йована...
 Пахнетъ розою, мать дорогая,
 Пахнетъ розой у нашего дома...
 Не душа ли то носится Йовы?
 Пахнетъ розой: идетъ ко мнѣ милый!»
 Тихо мать ей на это сказала:
 «Не блажи, дорогая ты дочка!
 Вѣрь мнѣ, Йово падуешь другую —
 О тебѣ же теперь и не вспомнить.»
 И вскочила несчастная Мара:
 «Не добро ты вѣщуешь, родная!
 Роза пахнетъ — онъ здѣсь, мое сердце!
 Кто двухъ милыхъ въ любви разлучаетъ?
 Мигомъ съ вышины спустилася Мара,
 За ворота на улицу вышла,
 Увидала жемчужную вѣтку —
 Заклинаетъ носильщиковъ Богомъ:
 «Чья тѣ, братья, жемчужная вѣтка?»
 Отвѣчаютъ ей два побратима:
 «Это вѣтка умершаго Йовы.»
 Мара проситъ носильщиковъ юныхъ:
 «Ради Бога, носильщики-братья,
 Опустите на землю Йована —
 Пусть хоть мертвымъ его поцелую,
 Вѣдь живого я не целовала!»
 Ради Бога услышана просьба:
 Тѣло Йовы на землю сложили,
 И припала къ трупу живая,
 И, склонившись къ трупу живая,
 Бездыханной осталась у гроба.
 Плачетъ Фата у матери Йовы,
 Плачетъ мать неутѣшная Мары,
 Горько плачетъ, коритъ, проклинаетъ:

«Богъ накажетъ тебя, мать Йована:
 Не ведѣла живымъ ты любиться,
 Такъ ты мертвыхъ теперь не разлучишь.»
 Стали Марѣ тесать гробъ мечами,
 И когда пронесли Йована,
 Клали въ гробъ и красавицу Мару;
 Какъ его подносили къ могилѣ,
 Со двора выносили и Мару;
 Какъ Йована спускали въ могилу,
 И еѣ доносили къ могилѣ.
 Ихъ въ могилѣ одной схоронили,
 И руками ихъ соединили;
 Положили имъ яблоко въ руки:
 Да узнаютъ любовь ихъ святую!
 Ихъ одною землею покрыли,
 Зеленѣла на нихъ одна травка.
 Шли одною дорогой старухи,
 Съ ними шла и Фатима-невѣстка...
 Идутъ вмѣстѣ кладбищемъ въ деревню,
 Проклинаютъ и старыхъ и малыхъ.
 Мало время съ-тѣхъ-поръ пролетѣло:
 Выросъ боръ изъ Йована зеленый,
 А изъ Мары борика гѣсная —
 И по бору вилася борика,
 Словно вьются шелковья нити
 По пучку изъ душистаго смѣля,
 Чемерица жъ — вокругъ ихъ обихъ...
 Боже правый! за все Тебѣ слава!...
 Накажи Ты и старыхъ и малыхъ,
 Кто двухъ милыхъ въ любви разлучаетъ.

Н. ЩЕРВИНА.

—
 V.

ВАНЯ ГОЛАЯ-КОТОМКА.

Какъ пируетъ самъ король Янѣка
 Во Янѣкѣ, градѣ бѣлостѣнномъ;
 Съ нимъ пируетъ тридцать капитановъ
 И гуляетъ тридцать генераловъ.
 Вдругъ подходитъ молодецъ удачный;
 Чудная на молодцѣ одѣжа:
 У чакчиръ прорѣхи на колѣняхъ,
 У долмана провалились локти,
 Сапоги — заплатка на заплатѣ,
 А рубашки не было и вовсе;
 По чакчирамъ златошитый поясъ,
 А за нимъ турецкіе кинжалы,
 Рукояти въ сѣребрѣ и златѣ,

У бедра привѣшенъ палашина,
 Палашина мѣрой въ три аршина.
 Кабы знали, какъ юнака звали!
 Звали: Ваня Голая-Котомка.
 Подошолъ онъ прямо къ капитанамъ,
 Подошолъ онъ, Божью помочь назвавъ;
 Капитаны Ванѣ поклонились,
 Съ королемъ его сажаютъ рядомъ,
 Тридцать чашъ ему вина подносятъ:
 Выпилъ разомъ, не моргнувши глазомъ.
 Стали пить опослѣ капитаны,
 Говорятъ они юнаку Ванѣ:
 «Эхъ ты Ваня, голытѣба Янецкій!
 Для чего не хочешь ты жениться?
 Насъ пируетъ тридцать капитановъ
 И гуляетъ тридцать генераловъ,
 Всякій Ванѣ приберегъ невѣсту,
 Кто сестру, а кто и дочь родную;
 Попроси, какую пожелаешь
 И отказа молодцу не будетъ!»
 Говорить имъ изъ Янѣка Ваня:
 «Честь и слава всѣмъ вамъ, капитаны,
 И спасибо вамъ на добромъ словѣ,
 Но зарокъ я положилъ предъ Богомъ,
 Положилъ зарокъ я не жениться
 Ни на сербкѣ, ни на той латинкѣ,
 А на дочери Аги-Османа
 Изъ турецкаго Удбина-града.»
 Капитаны всѣ переглянулись,
 Межъ собой смѣются втихомолку.
 Стало Ванѣ горько и досадно,
 Что надъ нимъ смѣются капитаны,
 Бросилъ пить онъ, всталъ на легки ноги,
 Никому гостямъ не поклонился,
 Внизъ идетъ по лѣстницѣ высокой,
 Палашомъ пересчиталъ ступени;
 Онъ идетъ къ себѣ въ свой теремъ свѣтлый,
 Сундуки большіе отпираетъ,
 Достаетъ богатую одежду:
 Достаетъ онъ тонкую сорочку,
 По поясъ изъ серебра и злата,
 Съ пояса же бѣлую шолкову;
 Ту сорочку Ваня надѣваетъ,
 Сверхъ сорочки надѣваетъ куртку,
 А на куртку золотканый долманъ,
 По долману кованья латы:
 Были латы шолкомъ подосланы;
 Надѣваетъ на голову шапку,
 А на шапкѣ было девять перьевъ,
 Да еще десятая челенка,
 Изъ челенки три висѣло кисти,

По плечамъ мотаются и бьются;
 Да крыло изъ камней самопѣвтныхъ,
 Чтò лицо ему оборонило
 Отъ погоды и отъ стужи лютой;
 Надѣваетъ на ноги чакчиры,
 Жолтые чакчиры до колѣна,
 Словно птица желтопогий соколъ;
 Надѣваетъ золотитый поясъ,
 Затякаетъ за поясъ кинжалы
 И четыре гданскихъ пистолета;
 Прицѣпляетъ свой палашъ булатный
 И коня выводитъ изъ конюшни,
 Добраго коня себѣ выводитъ,
 Достаетъ богатое сѣдельце
 И чапракъ зеленый пограничный,
 Чтò живеть у пограничныхъ турокъ;
 На коня садится онъ и ѣдетъ,
 Ѣдетъ Ваня, держитъ темнымъ лѣсомъ;
 Въ Огорѣльцы въ ночи приѣзжаетъ,
 Въ Огорѣльцахъ ночь его застала,
 А на зорькѣ былъ онъ подъ Удбиномъ;
 Ѣдетъ прямо къ терему Османа;
 Какъ подъѣхалъ, кашлянулъ и смотреть:
 Кто-то свѣсилъ изъ окошка руку;
 Шопотомъ опрашиваетъ Ваня:
 «Чья рука въ окошкѣ показалась?
 То ль вдовицы, то ль красы-дѣвицы?»
 Отвѣчаетъ голосъ изъ окошка:
 «Не вдовицы, а красы-дѣвицы,
 Милой дочери Аги-Османа!»
 Говорить ей Ваня изъ Янѣка:
 «О, Фатима, красная дѣвица!
 Поважися, выглянь изъ окошка,
 Чтòбы могъ я вдосталь наглядѣться.
 Приходилъ я, кланялся три раза
 Твоему отцу Агѣ-Осману
 И просилъ тебя себѣ въ замужство,
 Да не хочеть, знать, тебя онъ выдать;
 Вотъ и ѣду въ городъ я Кладушу,
 Чтòбы посватать Муну Хайкуну.»
 Какъ услышала про то Фатима,
 Говорить Ивану изъ Янѣка:
 «Кто жъ ты будешь, молодецъ удалый,
 И откуда племенемъ и родомъ?»
 Отвѣчаетъ Ваня изъ Янѣка:
 «О, Фатима, красная дѣвица!
 Я изъ града бѣлаго Баграда,
 А зовутъ меня Баградскій Муѣо.»
 Говорить ему краса-дѣвица:
 «Загни скорѣй коня въ конюшню;
 Какъ Османъ вернется изъ планины,

Мы уже его попросимъ вмѣстѣ!»
 Говоритъ ей Ваня изъ Янѣка:
 «О, Фатима, ясное ты солнце!
 Передъ Богомъ далъ себѣ я клятву,
 Чтобъ къ Осману больше мнѣ не ѣздить;
 Коли хочешь вѣковать со мною,
 Соберись ты, приберись въ дорогу,
 Подожду я полчаса, недолго —
 Выходи, садися и поѣдемъ!»
 Повернулъ коня онъ вороного,
 А Фатима изъ окошка кличетъ:
 «Подожди ты полчаса, недолго:
 Соберусь я, приберусь въ дорогу
 И съ тобою вмѣстѣ мы поѣдемъ!»
 Слѣзъ съ коня онъ, на траву садится
 И свою Фатиму поджидаетъ.
 Шумъ и звонъ пошолъ изъ бѣлой башни:
 Зазвенѣли кольца, ожерелья,
 Зашумѣла шелковая ферязь,
 Застучали туфли и папучи —
 И выходятъ ясная Фатима,
 Подъ полой несетъ мѣшокъ червонецъ,
 А въ рукѣ тяжеловѣсный кубокъ,
 Чтобъ вина у ней напился Муѳо;
 Передъ нимъ она вино ставитъ
 И цалуетъ Муѳо въ праву руку,
 Тотъ ее межъ черными очами;
 Выпилъ кубокъ, взялъ себѣ червонцы,
 Привязалъ ихъ у луки сѣдельной,
 На коня садится вороного,
 Подаетъ Фатимѣ бѣду руку
 И сажаетъ на сѣдло позади,
 Вернутъ ее обматываетъ поясъ,
 Ѣдетъ прямо на гору-планину.
 Какъ доѣхалъ до горы-планины,
 Три увидѣлъ онъ пути широкихъ:
 Въ городъ Нишу, въ городъ Шибенику,
 А и третій въ градъ Баградъ турецкій.
 Говоритъ ему Фатима сзади:
 «Ты послушай изъ Баграда Муѳо!
 Я слыхала отъ отца Османа
 Про пути-дороги по планинѣ:
 Ты не ѣдешь въ градъ Баградъ турецкій,
 Ѣдешь Муѳо ты въ Янѣкъ гаурскій.»
 Отвѣчаетъ изъ Янѣка Ваня:
 «О, Фатима, красная-дѣвица!
 Я не Муѳо изъ Баграда града,
 А я... чай, слыхала ты про Ваню,
 По прозванью Голая-Котомка:
 Такъ я буду этотъ самый Ваня!»
 Тутъ спустились подъ гору-планину,

Видятъ: скачетъ молодецъ удалый,
 Конь въ крови по самыя колѣни,
 А ѣздовъ по самыя по локти;
 Повстрѣчался и съ коня онъ кличетъ:
 «А, здорово, изъ Янѣка Ваня!»
 — «Богъ на помощь, изъ Баграда Муѳо!
 Гдѣ гулялъ ты и откуда ѣдешь?
 Не отъ насъ ли изъ Янѣка града?
 Гдѣ жъ твоя дружина удалая?»
 Отвѣчаетъ изъ Баграда Муѳо:
 «Точно, былъ я у тебя въ Янѣкѣ,
 Взялъ съ собою тридцать провожатыхъ,
 Да напали на меня пандуры,
 Изрубили всю мою дружину,
 Я поѣлъ ихъ пятьдесятъ-четыре
 И уѣхалъ на конѣ ретивомъ.
 Ты откуда, изъ Янѣка Ваня?
 Не отъ насъ ли изъ Баграда града?
 Гдѣ жъ твоя дружина удалая?»
 Отвѣчаетъ Ваня изъ Янѣка:
 «Нѣтъ со мною никакой дружины;
 Силы-рати не хочу я брати,
 Съ вѣрой въ Бога мнѣ вездѣ дорога!
 Ѣду я изъ города Удбина,
 Изъ Удбина, отъ Аги-Османа:
 Я похитилъ дочь его Фатиму —
 Посмотри: сидитъ за мною сзади!»
 Говоритъ красавица-дѣвица:
 «Будь ты проклятъ, изъ Баграда Муѳо!
 Прогулялъ съ побойщемъ певѣсту!
 Онъ сманилъ меня твоимъ прозваньемъ:
 Не назвался Ваней изъ Янѣка,
 А назвался изъ Баграда Муѳо.»
 Какъ услышалъ Муѳо эти рѣчи,
 Говоритъ онъ Ванѣ изъ Янѣка:
 «Ой ты, Ваня Голая-Котомка!
 Вотъ какой ты гауръ окаанный:
 На чужія прозвища воруетъ!»
 Вынулъ Муѳо пистолетъ турецкій
 И стрѣляетъ онъ изъ пистолета
 Не по Ванѣ, по коню лихому,
 Чтобъ Фатиму сзади не поранить.
 Ткнулся конь, подъ Ваню спотыкнулся,
 Придавилъ онъ Ванѣ праву ногу,
 А турчинъ коня лихого гонитъ,
 Чтобъ башку скорѣй Ивану срѣзать;
 Только ногу высвободилъ Ваня,
 Достаетъ онъ пистолетъ свой гданскій,
 Выстрѣлилъ изъ пистолета въ Муѳо:
 Знать, была судьба такая Муѳо —
 Угодилъ ему онъ прямо въ сердце.

Взялъ коня лихого изъ-подъ турки,
 Съѣлъ, Фатиму за собою бросилъ,
 И помчался къ городу Янѣку;
 Онъ помчался, а турчинъ кончался.
 Подъѣзжаетъ Ваня изъ Янѣка,
 Подъѣзжаетъ къ городскимъ воротамъ;
 Какъ увидѣла Ивана стража,
 Побѣжала къ королю съ докладомъ:
 «Воротился нашъ удалый Ваня,
 Съ нимъ туркиня да и вонь турецкій!»
 Но король, покуда не увидѣлъ,
 Ни чьему докладу не повѣрилъ;
 А увидѣлъ — подозвалъ онъ Ваню,
 Три раза въ чело его цапуетъ
 И такое задалъ пированье,
 Словно землю захватилъ большую:
 Цѣлый день велѣлъ палить изъ пушекъ.
 Окрестилъ свою Фатиму Ваня,
 Зажилъ съ нею, какъ съ женою своею:
 Только встануть, цаповаться стануть.

Н. Бергъ.

VI.

ПѢСНЯ ИЗЪ ВОЙНЫ СЕРБСКО-МАДЯРСКОЙ.

Вотъ письмо мадяринъ Перцель пишетъ
 Во селѣ проклятомъ Сентъ-Иванѣ,
 Шлеть письмо Кничанину Степану:
 «Гей, Кничанинъ, гей — поутру завтра
 На тебя съ полками я ударю,
 Я ударю въ день святого Спаса,
 Въ часъ, когда идетъ у васъ обѣдня;
 На глазахъ твоихъ село разграблю,
 Чтобъ по немъ тебѣ ужъ не шататься,
 Въ прахъ развѣю твою силу-войско,
 Разорю я церковь на Марошѣ,
 Изъ той церкви сдѣлаю конюшню,
 Своего коня туда поставлю,
 Подъ полю бачвановъ *) стану вѣшать,
 Капитановъ ихнихъ похватаю,
 Въ страшныхъ мукахъ ихъ я стану мучить,
 Поведу ихъ по Землѣ Мадярской —
 Пусть надъ ними старъ и малъ смѣется,

*) То-есть сербовъ изъ области Бачки, гдѣ происходили военные дѣйствія 1848 и 49 годовъ между сербами и мадярами. Сентъ-Иванъ, мѣстопребываніе Перцеля, и Вилово, главная квартира Кничанина, находятся въ этой области.

Пусть смѣется и въ глаза имъ плюетъ;
 Оврешу потомъ ихъ въ нашу вѣру,
 Оврешу и посажу ихъ на колъ.»
 Какъ прочёлъ Степанъ, что Перцель пишетъ,
 Онъ схватилъ чернила и бумагу
 И въ отвѣтъ онъ Перцелю отвѣтилъ:
 «Если точно, генералъ ты Перцель,
 На меня собираешься ударить,
 Нашу церковь разорить грозиться,
 Хочешь биться въ день святого Спаса,
 Въ часъ, когда идетъ у насъ обѣдня —
 Такъ послушай: будь мнѣ Богъ свидѣтель
 И святая истинная вѣра —
 Я всякъ часъ готовъ съ тобой сразиться!
 Изъ шатра я погляжу отсюда,
 Какъ изъ рукъ моихъ ты увернешься,
 Какъ-то поле наше будешь мѣрить,
 И твои проклятые гоневды
 И Бочкай-Рагонскіе гусары;
 Буду гнать я ихъ до ихъ палатокъ,
 До проклятаго села Ивана.
 Ждутъ тебя бачваны не дождутся,
 Вострые свои ханджары точать,
 Громко пѣсни ходять-распѣвають,
 Съ дѣвками играють въ хоровахъ;
 Капитаны ихъ сражаютъ кѣней
 И готовятся къ кровавой битвѣ:
 Разобьютъ они твое все войско,
 Причинять тебѣ печаль-досаду!
 Хочется съ тобою имъ побиться,
 Славнымъ боемъ освятить тотъ праздникъ.»
 Какъ письмо то получилъ мадяринъ
 И прочёлъ, что писано въ немъ было,
 Написалъ тотчасъ письмо другое
 И послалъ его въ Варадинъ городъ,
 На колѣно генералу Кишу:
 «Слушай, Кишъ, ты побратимъ мой вѣрный!
 Разверни ты полковое знамя,
 Насади ты яблоко на древко,
 Собери подъ знамя силу-войско,
 И кому солдатскій плащъ, что кровля,
 Пистолеты, что друзья и братья,
 А винтовка — матушка родная:
 Тотъ идетъ пускай къ селу Ивану,
 Гдѣ стоятъ моп мадяры станомъ.»
 Перцелевъ наказъ дошолъ до Киша,
 Кишъ прочёлъ, что писано въ немъ было,
 Все какъ надо по наказу сдѣлалъ,
 И пришолъ онъ къ Перцелю на помощь;
 Оба вмѣстѣ тронулись къ Вилову,
 И когда попали на дорогу,

Стали пушки наводить на нашихъ;
 Но лихіе мѡлодцы бачваны
 Услыхали звонъ и громъ оружья,
 Услыхали топотъ по дорогѣ,
 Выстрѣлили одинъ — и сто винтовокъ
 Отвѣчали вдругъ ему на выстрѣлъ,
 Тысячи тотъ выстрѣлъ услышали;
 Тутъ все поле дрогнуло подъ нами,
 Затряслась какъ бы струна на гусляхъ,
 Загудѣлъ отъ пуль и ядеръ воздухъ.
 Тотъ кричить: «пропастъ мнѣ и погибнуть!»
 А другой бѣгомъ уходитъ съ поля.
 Это было около полудня;
 Сербы знали только что стрѣляли.
 Видитъ Перцель, что не можетъ биться,
 Что чѣмъ дольше бѣется онъ, тѣмъ хуже —
 И бѣгомъ онъ по полю пустился.
 Сербы кинулись за нимъ въ погоню,
 И кричали: «гой еси ты, Перцель!
 Чтѡ Вилово рано ты оставилъ?
 Чтѡ бѣжать ты по полю пустился?
 Еще пушекъ мы не разогрѣли,
 Еще сердце въ насъ не разыгралось,

Маку-пороху еще довольно
 И свинцоваго гороху много!
 Воротись и бой давай докончимъ,
 И сегодняшній прославимъ праздникъ.»
 Но не слышитъ Перцель и уходитъ,
 Изъ очей онъ горьки слѣзы ронить:
 «Богъ убей проклятое Вилово!
 Погубилъ я много силы-войска,
 Вѣрныхъ подданныхъ отца-Кошута,
 Слугъ покорныхъ Перцеца Морица;
 Но клянуся вѣрой и закономъ,
 И святымъ мадарскимъ нашимъ Богомъ:
 Ужь добуду это я Вилово,
 Или въ немъ свои оставлю кости!»
 Онъ отеръ свои полою слѣзы,
 И еще скорѣй бѣжать пустился:
 Видно пули мимо засвистѣли!
 Сербы славятъ день святого Спаса,
 Пьютъ вино во здравье генерала,
 Храбраго Кничанина Степана:
 Будь ему отъ насъ во-вѣки слава!

Н. Бергъ.

5. ЛИРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

I.

СОЛОВЕЙ.

Соловей мой, соловейко,
 Птица малая лѣсная!
 У тебя ль у малой птицы
 Незамѣнныя три пѣсни;
 У меня ли у молодца
 Три великія заботы!
 Какъ ужъ первая забота —
 Рано мѡлодца женили;
 А вторая-то забота —
 Вѡронъ конь мой притомился;
 Какъ ужъ третья-то забота —
 Красну дѣвицу со мною
 Разлучили злые люди.
 Выкопайте мнѣ могилу
 Во полѣ, полѣ широкомъ,
 Въ головахъ мнѣ посадите

Али цвѣтныи-цвѣточки,
 А въ ногахъ мнѣ проведите
 Чисту воду ключевую.
 Пройдутъ мимо красны дѣвки,
 Такъ сплетутъ себѣ вѣночки,
 Пойдутъ мимо стары люди,
 Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

А. Пушкинъ.

II.

К О Н Ъ.

Свѣтлолица, черноброва,
 Веселѣ бѣла дня,
 Водитъ дѣвица лихова
 Огненнаго коня;

Гладить гриву вороного
И въ глаза ему глядитъ:
«Я коня еще такого
Не видала» — говорить.

«Чай, коня и всадникъ стоитъ...
Только онъ тебя наврядъ
Вдоволь холить и повоить...
Что онъ — холость аль женать?»

Конь мотаетъ головою,
Бьетъ ногою, говорить:
«Холость — только за душою
Думу крѣпкую танть.

«Онъ со мною, стороною,
Заговаривалъ не разъ —
Не послать ли за тобою
Добрыхъ сватовъ въ добрый часъ.»

А она въ отвѣтъ, краснѣя:
«Я для добраго коня
Стала бѣ сыпать, не жалѣя,
Полны ясли ячменя;

«Стала бѣ розовыя ленты
Въ гриву черную влетать,
На попону позументы
Съ бахромою нашивать;

«Въ вѣчной холѣ, безъ печали
Мы бы зажили съ тобой...
Только бѣ сватовъ высылаи
Поскорѣ вы за мной.»

А. Майковъ.

—

III.

СОЛОВЕЙ.

Распѣвала пташка мала,
Пташка мала соловейка,
Въ темной рошѣ распѣвала,
Что на вѣтѣхъ на зелѣной.
Три охотника проходятъ,
Увидали соловейку;
Говоритъ имъ соловейка:
«Не стрѣляйте, не губите!
Я спю за-то вамъ пѣсню,

Во дубравѣ, въ темной рошѣ,
На шиповникѣ, на розѣ!»
Но охотники поймали
Малу пташку соловейку
И съ собою пташку взяли,
Чтобы въ клѣтѣхъ распѣвала,
Красныхъ дѣвокъ забавляла.
Да не сталъ имъ соловейка
Пѣть свои дѣсныя пѣсни:
Онъ не пѣтъ, не ѣстъ въ неволѣ.
Отпустили соловейку
Въ темну рошу, въ лугъ зеленый,
И запѣлъ онъ на свободѣ:
«Тяжко другу жить безъ друга,
Тяжко другу жить безъ друга,
А соловушкѣ безъ луга!»

Н. Бергъ.

—

IV.

МОЛОДЕЦЪ ВЪ ХОРОВОДѢ.

Хороводъ ходилъ подъ Видинюмъ,
Да такой, что и не видано!
Подъѣзжаетъ добрый молодецъ,
Весъ онъ залитъ златомъ-сѣребромъ,
Да и конь его разубранъ весь,
Конь разубранъ, разукрашенъ былъ.
На плечахъ у добра молодца
Долманъ былъ зеленый бархатный,
На долманѣ тридцать пуговиць,
Сверхъ долмана куртка шелкова
И богаты латы мѣдныя,
На ногахъ чакчиры шитыя,
На макушѣ шапка алая,
Въ шапку воткнуть золотой салтанъ,
У бедра дамасска сабелька,
Золотая рукоятъ у ней
Крупнымъ жемчугомъ осыпана.
Всѣ глядятъ на добра молодца;
Говоритъ имъ добрый молодецъ:
«Не глядите, красны дѣвицы,
На убранство на богатое!
Не гляжу и я на золото,
А выглядываю дѣвицу,
Изо всѣхъ ли раскрасавицу,
Что вести бы можно къ матушкѣ,
Похвалиться ей, похвастаться!»
Тутъ одна сказала дѣвица:

7

«Холостой ты добрый молодецъ!
Ты назадъ возьми такую рѣчь!
На богатство что ли смотримъ мы,
На убранство коня вѣрона?
Смотримъ мы на добра молодца,
Чтобъ не даромъ кинуть матушку,
Да еще ли царство красное,
Царство красное — дѣвичество!»

Н. Бергъ.

—

v.

МАТЬ И ДОЧЬ.

— «Пробѣжалъ молодецъ,
Пробѣжалъ по селу;
Я въ потьмахъ, молада,
Проглядѣла его,
Стало мнѣ на душѣ
Тяжело таково!
Ахъ, родная моя,
Вороти молодца!»
— «Что тебѣ въ молодцѣ?
Видишь, онъ не простой,
Не простой, городской:
Надо пива ему,
Надо ужинъ собрать
И постелю потомъ
Городскую постлатъ!»
— «Ахъ, родная моя,
Вороти молодца!
Вмѣсто пива ему —
Черны очи мои;
Вмѣсто хлѣба ему —
Бѣлы щоки мои;
А закускою будь
Лебединая грудь!
А постель молодцу —
Мурава на лугу;
А покровъ — небеса;
Въ головѣ же ему
Дамъ я бѣло плечо,
Я плечо горячо!
Ахъ, родная моя,
Вороти молодца!»

Н. Бергъ.

—

vi.

ЮНОША И ДѢВА.

— «Ахъ, душа ты, красная дѣвица,
Ты на что глядѣла, выростая?
На зеленый, что ли, дубъ глядѣла,
Иль на ѣлку тонку и високу,
Иль на брата моего меньшого?»
— «Ахъ ты, молодецъ, мой соколъ ясный!
Не на зеленъ дубъ глядѣ росла я,
Ни на ѣлку тонку и високу,
Ни на брата твоего меньшого,
Но глядѣла, другъ мой, выростая —
На тебя я все, млада, глядѣла!»

Н. Бергъ.

—

vii.

НЕ БЕРИ ПОДРУГИ.

Побратимъ ты мой,
Побратимъ Иванъ,
Какъ не грѣхъ тебѣ:
Досадила ты мнѣ!
Красна дѣвица
За тебя идетъ!
Такъ и просится
Сабля вострая
Зарубить тебя,
Брата-недруга!
Не бери моей,
Братъ, подруженьки!
Нашимъ всѣмъ она
Полюбилася:
Моему отцу —
Златомъ-серебромъ;
Моей матери —
Родомъ-племенемъ,
А сестрамъ моимъ —
Долгимъ волосомъ;
Мнѣ же, молодцу,
Чернотой очей,
Что черны у ней,
Какъ осення ночь.
Не бери жъ моей,
Братъ, подруженьки!

Н. Бергъ.

—

VIII.

БРАТЬ, СЕСТРА И МИЛАЯ.

Темный боръ въ листу зеленомъ;
 Братъ съ сестрою тамъ гуляетъ,
 Говоритъ сестрица брату:
 «Что ко мнѣ ты, братъ, не ходишь?»
 — «Я бы радъ ходить, сестрица,
 Да изъ дому не пускаетъ
 Молода краса-дѣвица,
 Ненаглядная подруга:
 Я коня лишь осѣдаю,
 А подруга разсѣдаетъ;
 Саблю вострую надѣву,
 А подруга саблю скинетъ:
 «Не ходи, мой другъ, далѣко:
 «Мутна рѣчка вѣдь глубокъ,
 «Широкъ вѣдь чисто поле —
 «Что, мой милый, за неволя!»

Н. Бергъ.

—

IX.

МОРЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦИИ.

Когда мнѣ подруга
 Моя измѣнила
 И храброе сердце
 Во мнѣ приуныло:
 Однажды, я помню,
 Той смутной порою
 Далматъ повстрѣчался
 Коварный со мною.

«Возьми-ка, онъ молвить,
 Винтовку лихую,
 Пойдемъ-ка съ тобою
 Въ столицу морскую!
 Житьё, Алексѣичъ,
 Тамъ нашему брату:
 Душою тамъ рады
 Лихому солдату.

«Тамъ денегъ, что камню:
 Богаты мы будемъ!
 Какія долманы
 Себѣ мы добудемъ!
 Намъ грудь золотыми
 Унижутъ енистами

И алую шапку
 Дадутъ съ галунами!

«А красныя дѣвки!...
 Какъ станемъ порою
 По селамъ веселымъ
 Бродить мы съ тобою:
 Споютъ, Алексѣичъ,
 Намъ пѣсню такую...
 Пойдемъ, братъ, скорѣе
 Въ столицу морскую!»

Поддѣлся я, глупый,
 На хитрыя рѣчи,
 Не думая, вскинулъ
 Винтовку на плечи —
 И вотъ очутился
 Отъ милаго края
 Далѣко, далѣко...
 Но счастья не знаю!

Какъ пѣсь, я прикованъ,
 И рвусь и тоскую,
 И въ хлѣбѣ насущномъ
 Отраву я чую;
 И дѣвичья пѣсня
 Души не забавитъ,
 И воздухъ заморскій
 Все душитъ, и давитъ!

Не ищутъ со мною
 Красавицы встрѣчи:
 Пугаютъ ихъ, что ли,
 Имъ чуждыя рѣчи.
 Соотчицей старыхъ
 Не могъ разпознать я:
 По праву, по рѣчи,
 Мнѣ братья — не братья!

Отъ нихъ не услышишь
 Родимаго слова,
 Не скажешь имъ: братцы,
 Здорово, здорово!
 Покинулъ давно бы
 Я сторону эту:
 Есть сила, есть крылья,
 Да — волюшки нѣту!

Н. Бергъ.

—

7-

X.

СОКОЛИНЫЯ ОЧИ.

Ахъ, вы очи соколины!
 Соколиными очами
 Я роднѣ приплась по нраву
 И Османъ-Агѣ по сердцу.
 Разъ мнѣ мать его сказала:
 «Ты послушай, дьяволь-дѣвка,
 Не бѣлись ты, не румянься,
 Моего не тронь ты сына!
 А не то уйдемъ мы въ горы,
 Въ нихъ сгородимъ дворъ тесовый
 И затворимся тамъ крѣпко!»
 — «Что жъ, подите, затворитесь!
 У меня, вѣдь, черти-очи:
 Захочу я, проверчу я
 Дворъ тесовый, дворъ дубовый,
 Все увижу съвозъ ограду —
 И Османа я уграду!»

Н. Бергъ.

—

XI.

ЖЕНИТЬВА ВОРОВЬЯ.

Какъ задумалъ воробей жениться,
 Сталъ онъ сватать дѣвцу-синицу:
 Три раза онъ по полю пропрыгалъ,
 И четыре по горѣ высокой —
 Сваталъ, сваталъ, наконецъ сосваталъ.
 Взялъ въ дружки онъ пѣгую сороку,
 Въ деверья хохлатую чекушу,
 Въ посаженые отцы витютня,
 Въ кумовья болотную чапуру,
 А въ прикумки птицу шевермогу.
 Собирались сваты по невѣсту,
 И дошли до ней благополучно,
 Но какъ стали возвращаться въ дому
 И пошли черезъ Косово поле,
 Говорить имъ такъ синица-птица:
 «Не шумите, господа вы сваты,
 Вы не спорьте, громко не гуторьте,
 А не то ударить съ неба кобчикъ
 И отыметъ онъ у васъ невѣсту.»
 Только что она проговорила,
 Какъ откуда ни возьмися кобчикъ,

Ухватилъ дѣвицу онъ синицу;
 Кто куда, всѣ сваты разбѣжались:
 Самъ женихъ въ овсяную солому,
 А дружка-сорока на березу.

Н. Бергъ.

—

XII.

ДѢВУШКА И РЫБКА.

Дѣвушка у моря сидѣла,
 Говорила она, вопрошала:
 «Господи сильный и правый!
 Чтѣ шире сняго моря?
 Чтѣ просторнѣе чистаго поля?
 Чтѣ коня лихова быстрѣе?
 Чтѣ мѣду сотоваго слаще?
 Чтѣ милѣе брата роднаго?»
 Молвила ей рыбка морская:
 «Дѣвушка, зелень твой разумъ!
 Шире сняго моря — небо,
 А просторнѣй чиста поля — море,
 Взоръ быстрѣе коня лихова,
 Слаще мѣду сотоваго — сахаръ,
 Милый другъ милѣе брата роднаго.»

М. Михайловъ.

—

XIII.

Будь у меня, Лазо,
 Царская казна,
 Знала бы я, Лазо,
 Что себѣ купить:
 Я купила бѣ, Лазо,
 Садикъ надъ рѣкой.
 Знала бы я, Лазо,
 Что въ немъ посадить:
 Посадила бѣ много
 Розановъ, гвоздикъ.
 Будь у меня, Лазо,
 Царская казна,
 Знала бы я, Лазо,
 Что себѣ купить:
 Я бѣ себѣ купила
 Лазо-молодца:
 Будь садовникъ, Лазо,
 У меня въ саду.

М. Михайловъ.

II. БОЛГАРСКІЯ.

I.

ЖЕНИТЬБА КОРОЛЯ ШИШМАНА.

Сговорилъ себѣ невѣсту Шишманъ,
Сговорилъ у короля Латина,
Да бѣда имѣтъ съ Латиномъ дѣло:
Отдавалъ онъ дочь свою съ условьемъ;
Говорилъ онъ Шишману: «послушай,
Не бери внучатъ съ собой на свадьбу;
Всѣ они безпутные ребята:
Съ ними ты вернешься безъ невѣсты;
Вѣдь они до ссоры больно падки
И въ вину охочи черезъ мѣру,
Да притомъ рубаки удалые!»
— «Не возьму съ собой внучатъ на свадьбу,
Только мнѣ красавицу отдай ты.»
По рукамъ ударили. Приходить
Время звать уже гостей на свадьбу —
И со всей земли съѣзжались гости.
Всѣхъ сзывалъ къ себѣ на свадьбу Шишманъ,
Лишь внучатъ своихъ не пригласилъ онъ.
Взяло зло ихъ. Матери старушкѣ
Говорятъ обиженные внуки:
«Почему насъ дѣдъ на свадьбу не звалъ?
Мы ему подарки поднесли бы:
Я ему на свадьбу подарилъ бы
Триста мѣръ пшеницы; винограду
Средній братъ привезъ бы триста вьюковъ;
Младшій братъ овецъ три сотни далъ бы.»
— «Ахъ мои любезные вы дѣти!
Дамъ я вамъ такой совѣтъ: ступайте
Вы на свадьбу дѣда и безъ зова:
Если васъ на свадьбу не позвали —
Виновать Латинъ въ томъ, а не Шишманъ.
Вѣдь Латинъ на шишманову свадьбу
Только съ тѣмъ условьемъ согласился,

Чтобы васъ на свадьбу Шишманъ не бралъ,
Чтобы могъ онъ дѣда опозорить!»
— «Ты скажи, родимая, намъ прямо,
Кто изъ насъ троихъ всѣхъ удалѣе,
Тотъ идетъ пускай на свадьбу дѣда.»
И въ отвѣтъ старушка имъ сказала:
«Ахъ, мои любезные вы дѣти!
Изъ троихъ всѣхъ удалѣе Мирчо.
Разъ къ нему пошла я въ лѣсъ зеленый —
Я ему объѣдъ туда носила —
И застала, что онъ спалъ подъ елью,
И когда въ себя вдыхалъ онъ воздухъ,
Всѣ къ нему склонялися деревья,
А какъ только воздухъ выдыхалъ онъ,
Снова лѣсъ зеленый выпрямлялся.
Знать, изъ всѣхъ васъ удалѣе Мирчо.»
— «Такъ теперь, родная, посоветуй:
Какъ бы намъ сейчасъ же вызвать Мирчо?»
— «Ахъ, мои любезные вы дѣти!
Вы сейчасъ письмо ему пишете,
Съ соколомъ письмо ему пошлите,
А въ письмѣ пишете: «милый Мирчо,
Приходи домой скорѣе: Мирчо,
Наша мать больнѣхонька и Богъ-вѣсть,
Возвратясь, въ живыхъ ее найдешь ли!»
Братья Мирчѣ тотчасъ отписали:
«Милый братъ, скорѣе возвращайся:
Наша мать больнѣхонька и Богъ-вѣсть,
Возвратясь, въ живыхъ ее найдешь ли!»
Вотъ письмо написано — и къ Мирчѣ
Полетѣлъ съ нимъ быстрокрылый соколъ,
Полетѣлъ онъ въ лѣсъ зеленый къ Мирчѣ
И принесъ ему письмо отъ братьевъ.
Прочиталъ письмо отъ братьевъ Мирчо,
Прочиталъ и залился слезами,
И погналъ домой своихъ овецекъ,
Девять стадъ овецекъ мягкорунныхъ.

Не успѣлъ домой вернуться соколъ,
 Мирчо былъ ужъ со стадами дома.
 Входитъ онъ въ родимую свѣтѣлку,
 Входитъ онъ и видитъ мать старушку.
 «Богъ судья тебѣ, моя родная!
 Для чего, скажи, дурныя вѣсти
 Въ глѣсъ ко мнѣ прислала ты? Вѣдь стадо
 Я погналъ домой не сосчитавши!»
 — «Ахъ сынокъ, сыночекъ милый Мирчо!
 Я пошлю тебя на свадьбу къ дѣду;
 Но чтобъ онъ не зналъ, что ты на свадьбѣ!
 И вскочилъ меньшей изъ братьевъ, Мирчо,
 Чтобъ приваза родительскій исполнить:
 Осѣдлалъ тотчасъ коня лихого,
 Взялъ съ собою свою пастушью гуню,
 Поскакалъ на дѣдушенну свадьбу,
 Хоть его на свадьбу и не звали.
 Онъ засталъ во всемъ убранствѣ сватовъ,
 И гостей, и шумный пиръ на славу:
 Ышь и пей, чего душа желаетъ.
 И никто не встрѣтилъ даже Мирчу.
 Мирчо сѣлъ съ дѣтми, подальше въ уголъ.
 А король, женихъ печальный, бродитъ,
 Бродитъ по покоямъ и горюетъ,
 Что не смѣлъ позвать внучатъ на свадьбу.
 Всѣ пошли потомъ на пиръ къ Латину;
 Пьютъ, ѣдятъ тамъ три дни и три ночи.
 Наконецъ король Латинъ сказалъ имъ:
 «Нѣтъ еще большого чуда, гости,
 Въ томъ что вы не прочь поѣсть и выпить!
 Кто изъ васъ поудалѣе будетъ,
 Тотъ сейчасъ сумѣетъ сдѣлать чудо:
 Кто изъ васъ юнакъ и сынъ юнака,
 Тотъ пускай стрѣлой прострѣлитъ перстень,
 И тому достанется невѣста.»
 Гости всѣ сначала подивились,
 А потомъ смутились, замолчали.
 Шишманъ самъ ломаетъ руки въ горѣ,
 По щекамъ его струятся слѣзы.
 И сказалъ ему пастухъ какой-то:
 «Что съ тобой? что ты горюешь, Шишманъ?»
 — «Какъ же мнѣ не горевать, любезный?
 Какъ же мнѣ не горевать, не плакать?
 Отъ меня Латинъ желаетъ чуда;
 Безъ того не отдаетъ невѣсты.
 Если бъ я позвалъ внучатъ на свадьбу,
 То меня Латинъ не осрамилъ бы!»
 И сказалъ ему пастухъ съ усмѣшкой:
 «Полно! ты объ этомъ не заботься:
 Отъ такой бѣды уйти не трудно!»
 Вотъ кольцо поставили для цѣли

И пастухъ попалъ въ него стрѣлою.
 Какъ тогда обрадовался Шишманъ!
 Но затѣмъ сказалъ Латинъ: «кто можетъ
 Распознать изъ трехъ созрѣвшихъ яблокъ
 Сколько глѣтъ которому? кто можетъ?»
 Гости снова крѣпко подивились,
 А потомъ смутились, замолчали.
 А пастухъ сказалъ на то Латину:
 «Ну такъ что жъ? вели подать намъ яблокъ,
 Да вели подать съ водою чашу.»
 Принесли и яблоки и воду;
 Взялъ пастухъ тѣ яблоки и въ воду
 Ихъ пустилъ, и первое изъ яблокъ
 На водѣ держалось, не тонуло.
 «Третій годъ какъ снято!» онъ промовилъ.
 О другомъ изъ яблокъ, затонувшемъ,
 Но до дна сосуда не дошедшемъ,
 Онъ сказалъ: «оно изъ прошлогоднихъ!»
 А о томъ, которое упало
 Прямо внизъ, на донышко сосуда,
 Онъ сказалъ: «вотъ — нынѣшняго сбору!»
 И затѣмъ Латинъ сказалъ: «велю я
 Трехъ дѣвицъ — и въ одинакихъ платьяхъ —
 Привести: узнай изъ нихъ невѣсту.»
 Вотъ пришли три дѣвушки-красотки,
 И лицомъ и всѣмъ другъ съ другомъ схожи —
 И совсѣмъ смутился старый Шишманъ.
 Но пастухъ приблизился къ дѣвицамъ,
 Бросилъ горсть червонцевъ и подумалъ:
 «Не возьметъ себѣ невѣста денегъ,
 Ихъ возьмутъ другія двѣ дѣвицы!»
 Двѣ изъ трехъ червонцы собирали,
 А одна не тронулася съ мѣста —
 И пастухъ сказалъ при этомъ: «Шишманъ!
 Вотъ бери теперь свою невѣсту,
 Поѣзжай теперь домой съ гостями!»
 И себѣ схватилъ пастухъ дѣвицу
 И, позвавъ гостей къ себѣ на свадьбу,
 Поскакалъ онъ къ Шишману. Съ почетомъ
 Принять былъ пастухъ въ палатахъ царскихъ.
 «Не пастухъ я — я твой внучекъ, Шишманъ!
 Всѣхъ зову теперь къ себѣ на свадьбу:
 И себѣ я раздобылъ невѣсту.»
 И домой къ себѣ пріѣхалъ Мирчо.
 Повстрѣчала мать его старушка,
 И всплеснула бѣдная руками,
 Увидавъ съ невѣстой сына Мирчо,
 И съ укоромъ такъ ему сказала:
 «Богъ судья тебѣ, несчастный Мирчо!
 Для чего ты опозорилъ дѣда,
 Для чего ты взялъ его невѣсту?»

— «Ахъ, моя родимая — и дѣду
И себѣ привезъ я по невѣстѣ!»
И тотчасъ веселье началось;
Брачный пиръ три мѣсяца тянулся.

М. Петровскій.

II.

ВОЕВОДА ДОЙЧИНЪ.

Болезнь Дойчинъ воевода;
Цѣлыхъ девять лѣтъ лежить онъ
На постели на высокой.
Вотъ жена къ нему подходитъ,
Говорить ему: «хозяинъ!
Ты все боленъ, все въ постели,
А къ тебѣ арапъ шлѣтъ съ вѣстью:
Почему къ нему не ѣдешь?»
— «Что жъ, красавица-хозяйка,
Пусть такая вѣсть приходитъ,
Только ходишь ли ты вѣрно
За конемъ моимъ ретивымъ —
Въ той ли холѣ онъ какъ прежде,
Пьѣтъ ли свѣтлое вино онъ,
Ѣсть ли бѣлую пшеницу
И играетъ ли на волѣ,
Какъ бывало подо мною,
Какъ съ арапами я бился?
Выводи ко ты скорѣе
Къ воротамъ коня лихого:
Дай взглянуть на вороного.»
Вотъ коня она выводитъ
Къ воротамъ — и вспрыгнулъ Дойчинъ,
Вспрыгнулъ онъ съ одра болѣзни.
И заржалъ тутъ конь ретивый,
И, заржавши громко, молвилъ:
«Эй! вставай скорѣе Дойчинъ,
Дойчинъ, мой больной хозяинъ!
Я услышалъ прошлой ночью,
Что арапъ къ тебѣ шлѣтъ съ вѣстью —
Почему къ нему не ѣдешь?»
И связалъ хозяйка Дойчинъ:
«Ты, красавица-хозяйка,
Отведи коня лихого
Къ кузнецу и побратиму:
Пусть коня мнѣ подбуетъ онъ,
Пусть поставитъ онъ подковы
Вѣсомъ въ девять окъ — не меньше;
Пусть прибѣтъ онъ ихъ гвоздями —

Девять-сотъ гвоздей поставитъ,
Все — за триста карагрошей,
Въ долгъ, на слово лишь юнака.»
Вотъ коня беретъ хозяйка
И дорогой мимо лавокъ
Прямо въ кузницу проводить.
Конь лихой бѣжитъ, играетъ,
Словно юрьевскій ягпѣпокъ;
А народъ въ толпу собрался,
Собрался — переглянулся
И гадаеть: «не погибъ ли,
Ужъ не умеръ ли нашъ Дойчинъ,
Что жена коня проводить?
Ужъ его не продаеть ли?
Кто коня лихого купитъ
И жену возьметъ въ придачу?»
А она коня приводитъ
Прямо въ кузницу съ словами:
«Много лѣтъ тебѣ здоровья
Ненавистный мужъ желаетъ!
Подковать коня онъ проситъ,
Въ девять окъ пригнать подковы
И прибить ихъ всѣ гвоздями —
Девять-сотъ гвоздей поставитъ,
Все — за триста карагрошей,
Въ долгъ, на слово лишь юнака.»
Посмотрѣлъ кузнецъ ей въ очи,
Посмотрѣлъ и такъ промолвилъ:
«Что мнѣ триста карагрошей!
Подбую коня, пожалуй,
За твою красу, что девять
Лѣтъ нетронутой осталась,
На которую ни вѣтеръ
Вѣкъ не вѣялъ и ни солнце
Не смотрѣло, не сжигало.»
И назадъ она вернулась,
Заливаясь слезами,
Словно травка подъ росой.
И спросилъ хозяйку Дойчинъ:
«Что красавица-хозяйка,
Ненаглядная малютка,
Что ты ронишь часты слѣзы
Изъ очей своихъ, изъ черныхъ
На свои на бѣлы щѣки,
Словно росу на цвѣточки?
Что же конь мой не подкованъ?»
А хозяйка отвѣчаетъ:
«Твой кузнецъ коня беретъ
Подковать; за это проситъ
Онъ красу мою, что девять
Лѣтъ нетронутой осталась,

На которую ни вѣтеръ
 Вѣкъ не вѣялъ и ни солнце
 Не смотрѣло, не сжигало.»
 Заскрипѣлъ зубами Дойчинъ,
 Заметался на постели
 И женѣ своей промолвилъ:
 «Что жь, красавица-хозяйка,
 Пусть коня онъ не куеть мнѣ!
 Ты введи коня сейчасъ же
 Въ стойло, въ темную конюшню;
 Осѣдай сѣдломъ стариннымъ:
 Не забудь — подпругъ всѣхъ девять;
 Булаву мою достань ты,
 Небольшую — въ девять окъ лишь,
 Вынь и саблю небольшую,
 Небольшую — въ девять пидей,
 Что была зарыта въ землю,
 Не заржавѣла лежавши;
 Позади сѣдла привѣсь ихъ,
 И потомъ коня подай мнѣ.
 Вотъ коня она сѣдлаетъ
 И привѣшиваетъ саблю,
 Саблю, вмѣстѣ съ булавою,
 И къ хозяину выводитъ.
 На коня садится Дойчинъ,
 А хозяйка держитъ стремя,
 Держитъ стремя — заклинаетъ,
 Говоря коню лихому:
 «Дай-то Богъ, чтобъ конь ретивый
 Далекъ занесъ Дойчина
 И принесъ ко мнѣ арапа.»
 Вотъ вступилъ могучій Дойчинъ
 Въ позолоченное стремя
 И сказалъ своей хозяйкѣ:
 «Ну, красавица-хозяйка,
 Полотно дай мнѣ льняное,
 То, что девять лѣтъ бѣлилось,
 То, что выткано на станѣ
 Изъ чемшира, и хранилось
 Въ сундукѣ, что изъ чемшира.
 Полотномъ тѣмъ бѣлымъ нужно
 Обязать мнѣ всѣ суставы,
 Всѣ суставы — что болѣли
 Девять лѣтъ, что пролежали
 На постелѣ на высокой,
 Пролежали — онѣмѣли:
 Чтобъ отъ вѣтра не озябли,
 Чтобъ на солнце не сгорѣли.»
 Полотно несетъ хозяйка;
 Дойчинъ имъ обвилъ суставы
 И сказалъ женѣ любимой:

«Съ Богомъ, любя, оставайся!»
 — «Съ Богомъ, милый мой хозяинъ!
 А тебѣ, мой конь, скажу я:
 Не играй подъ господиномъ:
 Пусть убьютъ его на свалкѣ,
 А ко мнѣ арапъ пріѣдетъ!»
 Вотъ и въ путь поѣхалъ Дойчинъ.
 Отправляясь въ путь-дорогу,
 Булаву свою металъ онъ,
 Булаву металъ — и видитъ —
 Не играетъ ковь ретивый.
 И спросилъ его хозяинъ:
 «Добрый братъ мой и товарищъ!
 Что ты, конь мой, не играешь,
 Какъ игралъ ты подо-мною,
 Какъ съ арапами я бился?
 Ужь моя жена ходила ль
 За тобой, давала ль корму,
 И виномъ поила ль свѣтлымъ?»
 — «Дойчинъ, мой большой хозяинъ!
 Каждый день меня хозяйка
 Щеткой чистила въ конюшнѣ
 И виномъ поила свѣтлымъ
 Вволю, сколько мнѣ пилося,
 И пшеницею кормила,
 А сама тебя бранила,
 Проклинала — говорила:
 «Дай-то Богъ, чтобъ конь ретивый
 Далекъ занесъ Дойчина
 И принесъ ко мнѣ арапа.»
 И сказалъ на это Дойчинъ:
 «Вѣрный конь мой, братъ мой милый!
 Не отецъ она, не мать мнѣ,
 И не ею былъ я вскормленъ:
 Не боюсь ея проклятій.
 Разыграйся, конь мой вѣрный,
 Разыграйся подо-мною,
 Какъ игралъ въ былую пору,
 Какъ съ арапами я бился!»
 Громко конь заржалъ на это,
 И скакнулъ на девять ростовъ
 Человѣческихъ. А Дойчинъ,
 Изловчившись, распрямившись
 На золоченныхъ стременахъ,
 Молодецки громко гикнулъ,
 Булаву метать опъ началъ,
 И, взметнувши, отбѣзжалъ онъ
 На девять часовъ дороги
 И, вернувшись на мѣсто,
 Булаву ловилъ рукою.
 И арапъ, увидѣвъ это,

На коня на вороного
 Съль, на Дойчина понесся.
 Дойчинъ — въ тылъ; арапъ помчался
 Догонять его; настигнуль,
 Булавою размахнулся,
 Размахнулся, чтобъ ударить;
 Но конь Дойчина нагнулся —
 И надъ Дойчиномъ стрѣлою
 Булава промчалась мимо.
 Тутъ, коня оборотивши,
 Дойчинъ бросился къ арапу
 И, наѣхавъ, громко гикнулъ,
 Булавою его ударилъ,
 И съ коня свалилъ ударомъ;
 Вынулъ саблю небольшую,
 Небольшую — въ девять падей,
 Снесъ онъ голову арапу
 И къ сѣдлу ее привѣсилъ.
 Не держалась голова та
 Безъ другого перевѣса —
 И назадъ вернулся Дойчинъ,
 И, пріѣхавъ къ побратиму
 Кузнецу, промолвилъ грозно:
 «Не тебѣ ли поручилъ я
 Подковать коня, поставить
 Вѣсомъ въ девять окъ подковы,
 Девять сотъ гвоздей потратить,
 Все — за триста карагрошей,
 Въ долгъ, на слово лишь юнака?
 Ты же брался сдѣлать это
 За красу моей хозяйки!»
 Тутъ съ коня онъ потянулся,
 Сорвалъ голову рукою
 Съ плечъ злодѣя-побратима
 И къ сѣдлу, съ другого бока,
 Прикрѣпилъ для перевѣса.
 Послѣ этого вернулся
 Онъ домой къ своей хозяйкѣ,
 И, казнивъ ее, поѣхалъ
 Въ земли чуждыя валаховъ.

М. Петровскій.

III.

МАРКОВИЦА.

Возсѣдаетъ Марко во свѣтлѣхъ,
 Смотритъ вдаль на пыльную дорогу,
 Говоритъ женѣ своей любимой:

«Слушай, глянъ-ка, милая, въ окошко:
 Что за пылъ такая поднялася,
 Понеслася, летитъ большой дорогой?»
 — «Ничего, любезный мой хозяинъ!
 Можетъ-быть, тебѣ таеъ показалось?»
 Чуть они словами обмѣнялись,
 У воротъ ужъ кто-то постучался.
 И сказалъ ей Марко-Королевичъ:
 «Посмотри, кто просится въ ворота.»
 Вотъ жена отправилась къ воротамъ;
 У воротъ увидѣла арапа.
 «Здѣсь, сважи, красавица-молодка,
 Проживаетъ Марко-Королевичъ?
 Слышала я, что молодецъ онъ выпить,
 Что въ питьѣ идти на споръ готовъ онъ;
 А въ питьѣ я съ нимъ готовъ поспорить.
 Я хочу съ нимъ объ закладъ побиться:
 Я въ закладъ дамъ коня лихого,
 А въ придачу тѣченую саблю.
 Саблей той убить меня онъ вправѣ,
 Если онъ въ питьѣ меня осилитъ.
 Если жъ я въ питьѣ его осилю,
 То возьму жену его молодку.»
 Побѣжала къ Марку Марковица,
 Прибѣжала въ мужнину свѣтлеку,
 Говоритъ ему: «Ступай, хозяинъ,
 Самъ взгляни, кто въ ворота стучится.
 Къ намъ арапъ пріѣхалъ черномазый;
 Объ закладъ съ тобою онъ хочетъ биться:
 Если ты въ питьѣ его осилишь,
 Онъ отдастъ тебѣ коня лихого
 И въ придачу тѣченую саблю:
 Ты воленъ тогда убить арапа;
 Перепѣеть тебя арапъ проклятый —
 Ты ему жену свою уступишь!»
 — «Отвори ему, жена, ворота,
 Пусть войдетъ сюда арапъ проклятый.»
 И жена ворота отворила,
 И, коня поставивши въ конюшню,
 Прибѣжала въ мужнину свѣтлеку.
 Стали пить вино арапъ и Марко;
 Пьютъ три дня, три ночи безъ просыпу;
 Оба пьютъ и оба не напьются.
 Наконецъ ужъ Марку надоѣло
 Все сидѣть да пить вино съ арапомъ,
 И сказалъ тогда арапу Марко:
 «Слушай ты, пріятель черномазый,
 Я пойду немножко прогуляться!»
 Только разъ дворомъ прошолся Марко,
 Ужъ бѣжитъ опять въ свою свѣтлицу
 И къ вину огнистому садится.

Въ разъ ушатъ вина онъ выпиваетъ —
 Семьдесятъ въ немъ окъ вина вмѣщалось.
 Богъ судья проклятому арапу!
 Подмѣшалъ въ вино онъ чемерицы;
 Отъ нея ко сну тянуло Марка;
 Марко лѣгъ, чтобъ отдохнуть немножко
 И не могъ ужъ скоро пробудиться.
 Богъ судья проклятому арапу!
 Говоритъ онъ Марковицъ: «Слушай,
 Скинь свое, надѣнь чужое платье.
 Если ты желашь быть моею,
 То тебѣ со мной не худо будетъ,
 А ужъ мнѣ съ тобой—не надо лучше!»
 Говоритъ арапу Марковица:
 «Въ добрый часъ, согласна. Слава Богу,
 Ты меня отъ пьяницы избавишь.
 Подожди немного, соберу я
 Все бѣлье, да мужнино оружье.»
 Богъ судья проклятому арапу!
 Онъ не ждетъ молодку Марковицу —
 Молодцомъ вскочилъ и побѣжалъ онъ,
 Побѣжалъ онъ въ маркову конюшню,
 Своего коня изъ стойла вывелъ,
 И коня у Марка то-же взялъ онъ;
 На него онъ взбросилъ Марковицу —
 И какъ вѣтеръ повеселился полемъ.
 Вотъ они приблизились къ Солунѣ,
 И сказала тихо Марковица:
 «Ахъ, арапъ мой милый, золотой мой!
 Здѣсь вѣдь есть у Марка побратими:
 Вѣдь онъ меня сейчасъ узнаютъ
 И убьютъ тебя въ одну минуту.
 Скинь сейчасъ ты шелковое платье,
 Скинешь ты, а я его надѣну,
 Поважусь имъ страшнымъ делибашей,
 А тебя я выдамъ за злодѣя,
 Много душъ сгубившаго безвинно,
 Много зла надѣлавшаго людямъ,
 И что я веду тебя къ Царьграду.»
 Вотъ вошли они въ корчму въ Солунѣ
 И, войдя, вскричала Марковица:
 «Гей, сюда, солунскіе граждане!
 Здѣсь со мной разбойникъ, душегубецъ;
 Онъ успѣлъ пролить не мало крови,
 Причинилъ не мало горя людямъ.
 Я теперь веду его къ султану.
 Если вы дотронетесь хоть пальцемъ
 До него — не будетъ вамъ пощады!»
 Только ночь нависла надъ Солунемъ,
 Поднялась тихонько Марковица,
 Поднялась и голову арапу

Съ плечъ снесла его же острой саблей;
 А едва забрезжило утро,
 Закричалъ ужасный делибаша:
 «Гей, сюда, солунскіе граждане!
 Подавай разбойника арапа!
 Кто изъ васъ злодѣя обезглавилъ?
 Разъзнатъ сейчасъ же это дѣло;
 А не то въ живыхъ вамъ не остаться.»
 И въ отвѣтъ солунскіе граждане
 Говорятъ: «Не можемъ мы дознаться,
 Кто убилъ разбойника арапа.
 Требуй все, чего ни пожелаешь —
 Все дадимъ, чтобъ только откупиться.»
 — «Если таеъ, то всякаго добра мнѣ
 Дать сейчасъ двѣнадцать полныхъ вьюковъ
 Съ мулами и ихъ проводниками.
 Таеъ и быть, тогда я васъ прощаю!»
 Дали ей солунскіе граждане,
 Дали все чего она желала.
 Повернувъ домой съ своей добычей,
 До луговъ добравшись подъ Солунемъ,
 Вдругъ она встрѣчаетъ мужа Марка.
 Говоритъ ей Марко-Королевичъ:
 «Гей, постой, могучій делибаша!
 Если ты прошолъ моря и земли,
 То скажи — о чемъ тебя спрошу я!»
 И въ отвѣтъ промолвилъ делибаша:
 «Ты скажи мнѣ, Марко-Королевичъ,
 Что съ тобой таево приключилось?»
 — «Не встрѣчалъ ты гдѣ-нибудь арапа
 На пути съ красавицей-молодкой?»
 — «Много я земель проѣхалъ, Марко;
 На пути-дорогѣ отъ Стамбула,
 Заходя въ корчму на ночевку —
 То была тридцатая ночевка —
 Встрѣтилъ я какого-то арапа;
 Везъ съ собой онъ сербскую красотку,
 И на взглядъ, какъ-будто, Марковицу.
 Да за чѣмъ ты ищешь Марковицу?
 Развѣ ты въ землѣ своей не властенъ?
 Развѣ ты другой жены не сыщешь?
 Вѣдь жена твоя давно искала
 И нашла себѣ другого мужа.
 Знаешь что: вернись со мною, Марко,
 Присмотри за вьюками моими,
 Помоги погонщикамъ при мулахъ,
 Помоги развьючить и навьючить!»
 Повернувъ, путь-дорогой ѣдутъ
 И подъ часъ она торонитъ Марка,
 Бьетъ его порой тройчаткой плетью,
 Бьетъ она, торонитъ, наступаетъ

Иногда на пятахъ мужу Марку,
 Такъ что кровь изъ пята его сочилась.
 Вотъ они добрались до Пирока,
 Подошли уже къ селу Плетвару
 И спросилъ тутъ грозный делибаша:
 «Знаешь, что тебя спрошу я, Марко!
 Еслибъ ты увидѣлъ Марковицу,
 Могъ ли бѣ ты узнать ее?» И Марко
 Отвѣчалъ на это делибашѣ:
 «Знаешь что, могучій делибаша,
 Не сердись ты на отвѣтъ правдивый:
 Только ты къ землѣ опустишь очи,
 То какъ разъ похожъ на Марковицу,
 Если жъ ты на небо смотришь, вѣрь мнѣ —
 Никого страшнѣй тебя не зналъ я.»
 Лишь они подѣхали къ Плетвару,
 Какъ съ коня спрыгнула Марковица
 И, спрыгнувъ, сказала мужу Марку:
 «Что, узналъ ты, Марко, Марковицу?»
 — «Богъ проститъ тебя за всѣ побои
 И за плеть проклятую — тройчатку!»
 Вотъ пошли они въ свою свѣтлицу,
 Все добро изъ выюковъ выбирали,
 Все добро, добытое въ Солунѣ.

М. Петровскій.

—

IV.

ИСПОВѢДЬ МАРКА-КРАЛЕВИЧА.

Занемогъ — и не на шутку — Марко;
 Пролежалъ онъ на одрѣ три года
 И ничто ему не помогало.
 И ему старушка мать сказала:
 «Милый сынъ, мой ненаглядный Марко!
 Не Господь послалъ тебѣ страданье —
 Воленъ ты, мой сынъ, отъ прегрѣшеній.
 Позову поповъ я, милый Марко:
 Имъ въ грѣхахъ покайся, сынъ мой милый,
 Не тая предъ ними прегрѣшеній.»
 Позвала она поповъ къ больному,
 И пришло ихъ девятеро къ Марку,
 И входя они ему сказали:
 «Во грѣхахъ своихъ покайся, Марко!»
 И сказалъ имъ Марко-Королевичъ:
 «Ахъ, отци духовные, не мало
 На душѣ моей грѣховъ тяжелыхъ!
 Погубилъ я много душъ невинныхъ;
 Но еще есть грѣхъ, и самый тяжкій:

Какъ я былъ еще въ Землѣ Арапской,
 Бились мы съ арапами удачно;
 Да случись какая-то старуха:
 Подала она лихой совѣтъ мнѣ.
 По ея проклятому совѣту
 Изъ ножонъ они достали сабли
 И по всей землѣ ихъ раскидали —
 И тогда мы безъ коней остались:
 Всѣ они порѣзали копыта;
 И живьемъ насъ побрали арапы,
 А побравъ, въ темницы побросали,
 Изъ темницъ на казнь лишь выводили.
 Девять лѣтъ я просидѣлъ въ темницѣ;
 Взаперти не зналъ бы я, не вѣдалъ,
 Какъ живутъ на вольномъ свѣтѣ люди,
 Ни зимы, ни лѣта я не зналъ бы...
 У царя арапскаго въ то время
 Дочь была любимая, дѣвица.
 И всегда, какъ наступало лѣто,
 Приносила мнѣ цвѣтовъ царевна,
 Говоря: «возьми себѣ ихъ, Марко,
 Въ знакъ того, что лѣто наступило.»
 А когда зима смѣняла осень,
 Приносила снѣгу мнѣ царевна,
 Говоря: «возьми комочекъ снѣгу
 Въ знакъ того, что ужъ зима настала.»
 Думалъ я: что сдѣлать, чтобы выйдти
 Изъ моей темницы ненавистой?
 Обманулъ я дѣвушку арапку.
 «Если бѣ ты — я говорю арапѣ —
 Если бѣ ты меня освободила,
 На тебѣ бы я тогда женился.»
 Поддалась словамъ моимъ арапка:
 Изъ тюрьмы пустила на свободу.
 Дождалась она поры удобной,
 Какъ отецъ ея былъ на охотѣ;
 Трехъ лихихъ коней взяла арапка,
 Трехъ коней навьючила казною.
 На коня къ себѣ я взялъ арапку;
 Понеслись мы съ ней Пригѣвскимъ полемъ.
 Встали мы у чистаго колодца,
 Чтобы тамъ хлебнуть воды студеной.
 Я взглянулъ въ то время на арапку,
 А у ней лицо черно какъ уголь,
 Зубы лишь бѣлыи при улыбкѣ.
 Стало мнѣ и тяжело и противно...
 Саблей снесъ я голову арапкѣ.
 Кажусь я въ великомъ прегрѣшеннѣ.
 И зачѣмъ я погубилъ арапку,
 Для чего ее домой я не взялъ,
 Не привезъ ее къ своей старушкѣ?

Какъ сестра, она со мной жила бы,
 И грѣха я на душу бы не взяла!
 Взаперти въ своей сырой темницѣ
 Я не зналъ что день, что ночь, не зналъ бы
 Ни зимы, ни лѣта безъ аранки;
 И она меня освободила;
 А за-то я смертью отплатилъ ей.
 Вотъ грѣхи мои, отцы святые!»
 Поднялись священники соборнѣ
 И читать Евангеліе стали,
 Стали пѣть молитвы покаянья
 И три дня, три ночи цѣлыхъ пѣли.
 И сошолъ — спустился сонъ на Марка;
 А когда отъ сна онъ пробудился,
 Могъ присѣсть ужъ на одрѣ болѣзни.
 Съ той поры все оправлялся Марко
 Съ каждымъ днемъ до дня выздоровленья.

М. Петровскій.

—

v.

МАРКО-КРАЛЕВИЧЪ И МАДЯРИНЪ ФИЛИППЪ.

Сѣлъ Краль-Марко, сѣлъ за ужинъ,
 Вмѣстѣ съ матерью своею,
 И подъ усь себѣ смѣтается.
 Мать сказала Крало-Марку:
 «Что ты, Марко, все смѣнешь?
 На смѣхъ старость поднимаешь?
 Аль смѣшонъ тебѣ мой ужинъ?
 Иль вино мое не сладко?»
 Отвѣчаетъ ей Краль-Марко:
 «Я смѣюся не на ужинъ,
 А смѣюся на мадара,
 На мадарина Филиппа:
 Часто, мелко мнѣ онъ пишетъ,
 Мелко пишетъ, въ гости проситъ —
 Погулять, повеселиться
 И борьбою побороться.»
 Отвѣчаетъ мать Краль-Марку:
 «Охъ, не ѣди, сынъ мой милый,
 Охъ, не ѣди къ злымъ мадрамъ!
 Погубилъ Филиппъ мадаринъ
 Сорокъ молодцовъ болгарскихъ
 И увелъ ихъ жонъ съ собою.»
 Только Марко не послушалъ,
 Не послушалъ этой рѣчи,
 Всталъ, собрался и поѣхалъ.
 Какъ приѣхалъ онъ къ мадрамъ,

Видитъ: рѣчка протекаетъ
 Передъ избами мадаровъ,
 Подлѣ рѣчки сорокъ пѣвнищъ
 Полотно стирають бѣло,
 А съ высокаго забора
 Смотрятъ, вотнуты на копыя,
 Удали башен болгаровъ,
 Что мужей тѣхъ горькихъ пѣвнищъ.
 Опросилъ тѣхъ пѣвнищъ Марко:
 «Гдѣ у васъ Филиппъ мадаринъ?»
 А онѣ ему сказали:
 «Что тебѣ Филиппъ мадаринъ?
 Проѣзжай ты лучше мимо.
 Погубилъ Филиппъ мадаринъ
 Сорокъ молодцовъ болгарскихъ.
 Видишь головы на копьяхъ:
 Это головы болгаровъ,
 Что мужей ли нашихъ милыхъ.
 Видишь этотъ бѣлый камень:
 Онъ его одной рукою
 Поднимаетъ и бросаетъ.»
 Марко тронулъ тихо лошадей,
 Поднялъ съ земли бѣлый камень
 И его далеко бросилъ.
 Ѣдетъ Марко, Ѣдетъ Марко
 Прямо къ терему Филиппа,
 Видитъ: заперты ворота;
 Марко толкъ ногой въ ворота —
 И ворота отворились.
 Онъ во дворъ широкой Ѣдетъ,
 И мадарина онъ кличетъ,
 Но выходитъ не мадаринъ,
 А пригожая мадарка.
 «Гдѣ Филиппъ?» спросилъ Краль-Марко;
 А мадарка отвѣчаетъ:
 «Пьетъ вино въ сухихъ подвалахъ.»
 Марко слѣзъ съ коня лихого
 И съ руки у той мадарки
 Снялъ запястья золотныя
 И за пазуху засунулъ.
 На коня садится Марко
 И поѣхалъ и поѣхалъ
 Онъ къ мадарину Филиппу.
 Какъ Филиппъ увидѣлъ Марка,
 Налилъ чарку, подалъ Марку;
 Марко выпилъ чарку разомъ,
 И мигнулъ, чтобы онъ налилъ,
 Да не въ ту бы налилъ чарку,
 А ужъ въ маркову ендовку:
 Девять мѣръ брала ендовка.
 Налилъ тотъ ендовку Марку;

Марко възлѣе ея и подаде
 Самому тому Филиппу,
 Но не могъ Филиппъ мадаринъ
 Одолѣти и половини.
 Наливаетъ Марко снова
 И мадаренни запястья
 Изъ-за пазухи вынаетъ
 И кладетъ передъ Филиппомъ.
 Какъ увидѣлъ ихъ мадаринъ,
 Какъ сказалъ ему Краль-Марко,
 Чтобы выкупилъ запястья —
 Булаву мадаринъ вынулъ
 И на бой зоветъ Краль-Марка;
 А Краль-Марко отвѣчаетъ:
 «Погоди, Филиппъ мадаринъ;
 Дай допнть: не жалъ ендовки,
 Жалъ вина недопитого.»
 Какъ махнетъ ендовкой Марко,
 Да какъ хлопнетъ онъ Филиппа,
 Ажно вбилъ въ сирую землю.
 Самъ давай хватать мадарокъ:
 Накваталъ ихъ цѣлхъ сорокъ,
 И въ Болгарію поѣхалъ.
 Подѣзжаетъ Марко къ дому;
 Пыль клубится по дорогѣ.
 Мать его дворомъ проходитъ,
 Мать проходитъ, слези ронитъ,
 Говоритъ своей невѣсткѣ:
 «Полонилъ Филиппъ мадаринъ,
 Полонилъ онъ Краля-Марка;
 Посмотри, сюда онъ ѣдетъ,
 Полонитъ и насъ съ тобою.»
 Не былъ то Филиппъ мадаринъ
 А удалий былъ Краль-Марко,
 Велъ мадарокъ полоненныхъ,
 Велъ мадарокъ цѣлхъ сорокъ.

Н. Бергъ.

VI.

МАРКО-КРАЛЕВИЧЪ И ФИЛИППЪ СОКОЛЬ.

Похвалялся Филиппъ Соколь,
 Какъ вечеръ за столъ садился,
 Похвалялся предъ женою,
 Предъ своею Соколихой,
 Что убѣтъ онъ Краля-Марка —
 Не убѣтъ онъ Краля-Марка,
 А возьметъ къ себѣ въ холопы,

Дворъ мести ему широкій
 И ребяты мальчишевъ нянчить.
 Услыхала эти рѣчи,
 Услыхала Самодива,
 Самодива горна дива,
 И взвилась и полетѣла
 Ко дворамъ широкимъ Марка,
 На его хоромы сѣла,
 Да какъ взвизгнетъ Самодива,
 Самодива горна дива:
 «Гой ты, гой еси, Краль-Марко,
 Побратимъ ты мой любезный!»
 Говорила Самодива:
 «Побратимъ ты мой любезный!
 Похвалялся Филиппъ Соколь,
 Какъ вечеръ за столъ садился,
 Похвалялся предъ женою,
 Предъ своею Соколихой,
 Что убѣтъ онъ Краля-Марка,
 Не убѣтъ — возьметъ въ холопы,
 Дворъ мести ему широкій
 И ребяты мальчишевъ нянчить.»
 Разсердился крѣвко Марко,
 Разсердился, прогнѣвился,
 Возлѣе пошолъ онъ лошаденку
 Неучоную, плохую,
 Чтò узды совсѣмъ не знала,
 Въ чистомъ полѣ не бывала.
 Марко сѣлъ на лошаденку,
 Въ поле чистое пустился;
 Какъ заскачетъ, какъ запляшетъ
 Лошаденка та подъ Маркомъ,
 Ажно пыль взвилась клубами.
 Тутъ поѣхалъ въ путь Краль-Марко,
 Въ путь-дорогу чистымъ полемъ,
 Въ путь поѣхалъ и приѣхалъ
 Къ дому Сокола Филиппа.
 «Выходи, Филиппъ ты Соколь,
 Выходи со мной бороться.»
 Какъ услышалъ Филиппъ Соколь
 Зычный голосъ Краля-Марка,
 Вышелъ къ Марку Филиппъ Соколь,
 Ворона коня выводитъ,
 Выѣзжаетъ съ Маркомъ въ поле,
 Чтòбъ по-биться, по-боротся
 И въ борьбѣ другъ друга ранить.
 Долго бились и боролись,
 Одолѣлъ Филиппа Марко,
 Говоритъ Филиппу Марко:
 «Гой еси ты, Филиппъ Соколь,
 Я возьму тебя въ холопы,

А жену твою въ холопки,
А ребятъ твоихъ въ холопство.»
Отвѣчаетъ Филиппъ Соколъ:
«Гой ты, гой еси, Краль-Марко,
Не бери меня въ холопы,
Лучше голову съѣи мнѣ,
Погуби мнѣ Соколиху
И дѣтей моихъ парнишекъ.»
Говорить Филиппу Марко:
«Гой еси ты, Филиппъ Соколъ!
Не хвалился бы ты лучше,
Не хвалился бѣ, не грозился,
Что убьешь ты Краля-Марка.
Мнѣ не надо Соколихи
И дѣтей твоихъ парнишекъ,
Только ты одинъ мнѣ нуженъ:
Девять лѣтъ служи мнѣ вѣрно,
И мети мнѣ дворъ широкій.»
Ухватилъ его Краль-Марко
И отвелъ его Краль-Марко
Ко дворамъ своимъ широкимъ.
Гой еси ты, Филиппъ Соколъ,
Филиппъ Соколъ, злой мадаринъ!

Н. Бергъ.

VII.

МАРКО - КРАЛЕВИЧЪ ОТЫСКИВАЕТЪ СВОЕГО
БРАТА.

Какъ собралъ къ себѣ Краль-Марко,
Какъ собралъ къ себѣ всѣхъ бановъ
Ѣсть и пить и веселиться —
Всякій началъ похваляться
Добримъ братомъ или сестрою,
А Краль-Марко похвалялся
Все конемъ своимъ удалымъ.
Осердились гости Марка:
«Похвалялись мы — кто братомъ,
Кто сестрою, а Краль-Марко,
А Краль-Марко конскимъ мясомъ.»
Осерчалъ на то Краль-Марко,
Опросилъ онъ мать родную:
«Родила ль еще ты на свѣтъ
Добра молодца такого,
Какъ меня ли Краля-Марка?»
Мать кралева отвѣчаетъ:
«Былъ другой такой, какъ Марко,
Назывался онъ Андреемъ,

Да прошли тутъ зме турки,
Зме турки, анатольцы,
Взяли силою Андрея
И ушли съ нимъ во-свои.»
Отвѣчаетъ ей Краль-Марко:
«Гой еси ты, мать родная,
Ты наполни, ты наполни
Вьюки золотомъ червоннымъ,
Чтобы стало мнѣ въ дорогу:
Я пойду искать Андрея.»
Всталъ Краль-Марко и поѣхалъ
Прямо внизъ къ Сулину-граду.
Сталъ онъ сумраченъ и грозенъ,
Грозенъ-сумраченъ какъ турка.
Шолъ народъ градской въ мечети
И Краль-Марко за народомъ.
Турки кланялись въ мечетяхъ,
Съ ними кланялся и Марко,
А молился по болгарски.
Вышли турки изъ мечети
И Краль-Марко съ ними вышелъ,
И пошолъ въ корчму къ корчмарѣ
И сказалъ ей: «дай вина мнѣ,
Дай вина мнѣ на червонецъ.»
А корчмарка отвѣчаетъ:
«Есть вино, да не на деньги,
А на споръ, кто больше выпьетъ.»
Говорить опять Краль-Марко:
«Съ кѣмъ же будетъ мнѣ поспорить?»
Повела его корчмарка
Къ мужу, именемъ Андрею;
Заложили тутъ за Марка
Шарца кралева лихого,
За Андрея заложили
Молоду его корчмарку:
Кто напьѣтся пьянымъ прежде,
Тотъ закладъ свой проиграетъ.
Три дни ѣли, три дни пили —
Марко перепилъ Андрея;
Говорить корчмаркѣ Марко:
«Гой ты, гой еси, корчмарка!
Собирайся въ путь дорогу —
И въ Болгарію поѣдемъ!»
А корчмарка отвѣчаетъ:
«Манафинъ *) ты некрещенный!
У меня въ Землѣ Болгарской
Есть Краль-Марко, милый деверъ:
Онъ убьетъ тебя гаура.»
Говорить корчмаркѣ Марко:

*) Азіатскій турокъ.

«Гой ты, гой еси, корчмарка!
 Вотъ онъ деверь твой Краль-Марко!»
 А корчмарка отвѣчаетъ:
 Лжонь, гаурь ты некрещенный!
 Я узнала бѣ Крала-Марка!»
 Говорить опять Краль-Марко:
 «А почему бы ты узнала?»
 А корчмарка отвѣчаетъ:
 «Я слыхала отъ Андрея,
 Что Краль-Марко уродился
 Съ золотыми волосами.»
 Тутъ Краль-Марко шапку скинулъ
 И какъ солнце заблестали
 Кудри Марка золотыя.
 Побѣжала прочь корчмарка
 И давай будить Андрея.
 А тѣмъ временемъ Краль-Марко
 Приумылся, нарядился:
 Узнавались оба брата
 И за трапезу сѣдлись.
 Ъли, ѡли, сколько съѣли,
 Пили, пили, что есть силы,
 А напившись встали оба
 И въ Болгарію собрались.
 Ъдутъ, ѡдутъ, много ль, долго ль,
 Говорить Андрей дордогъ:
 «Гой еси ты, братъ мой милый,
 Гдѣ бы мнѣ воды напиться?»
 Говорить Краль-Марко брату:
 «Здѣсь воды тебѣ не держать,
 Есть корчма по-край дороги,
 У лихого Кеседжія:
 Попытай, шумни корчмаркѣ —
 Пусть отпуститъ на червонецъ;
 Но съ коня, смотри, не слазій.»
 Тотъ поѣхалъ, громко крикнулъ:
 «Гой ты, гой еси, корчмарка!
 Дай вина мнѣ на червонецъ.»
 Говорить ему корчмарка:
 «Слѣзь съ коня, напейся даромъ.»
 Какъ ту рѣчь Андрей услышалъ,
 Дался дву, слѣзь и началъ
 Пить вино, а Кеседжія
 Подскочилъ къ Андрею сзади
 И подсѣкъ его булатомъ.
 Долго ждалъ Андрея Марко,
 Ждалъ, пождалъ, вздремнулось Марку;
 Какъ очнулся, молвить тихо,
 Молвить онъ своей золовкѣ:
 «Гой ты, гой еси, золовка,
 Ты золовка дорогая!

Стибъ Андрей нашъ, не вернется:
 Сонъ дурной сейчасъ я видѣлъ,
 Что свалился на-земь волосъ
 Съ головы моей удалой.»
 Тутъ къ корчмѣ подъѣхалъ Марко
 И кричить корчмаркѣ Марко:
 «Дай вина мнѣ на червонецъ.»
 Говорить ему корчмарка:
 «Слѣзь съ коня, напейся даромъ.»
 Марко слѣзь и вынулъ саблю,
 Изрубилъ все Кеседжіство,
 А корчмарку сжогъ живую,
 И вернулся, и отвелъ онъ,
 И отвелъ вдову Андрея,
 Андриху молодую,
 Къ старой магушкѣ родимой.

Н. Бергъ.

—

VIII.

ОБИТЕЛЬ ВРАЧАРНИЦА.

Жили были двое добрыхъ братьевъ,
 Жили дружно, истинно по-братски;
 Сговорились вмѣстѣ пожениться,
 Сговорились — оба пожениться.
 А при нихъ жила сестра родная.
 Какъ сестру свою они любили!
 Ей они построили свѣтлицу;
 Въ той свѣтлицѣ нѣжили сестрицу.
 Чтобъ съ сестрой не разставаться, братья
 Не хотятъ ее и замужъ выдать.
 Думали-гадали злыя снохи,
 Какъ бы имъ управиться съ золовкой,
 Какъ бы братьевъ развести съ сестрою.
 У одной снохи былъ сынъ — ребенокъ.
 Вотъ и сговорились тайно снохи:
 «Только братья выйдутъ на охоту,
 Мы отворимъ сестрину свѣтлицу,
 Мы найдемъ у ней въ карманѣ ножикъ,
 Имъ зарѣжемъ своего младенца:
 Разведемъ мужой съ золовкой нашей.»
 И на чемъ сошлись и порѣшили
 Злыя снохи, то и совершили.
 Вышли братья какъ-то на охоту;
 Жоны ихъ тотчасъ пошли въ свѣтлицу,
 Взяли у золовки фряжскій ножикъ,
 Имъ дитя зарѣзали въ свѣтлицѣ;
 Обагривши дѣтской кровью ножикъ,

Положили ножъ въ карманъ золовеѣ
 И свѣтлицу снова затворили;
 А золовеа такъ и не проснулась.
 Занялась заря, настало утро —
 И съ охоты братья воротились,
 А ихъ жоны причитають, воють.
 Услыхали братья эти вопли,
 Обратились къ жонамъ: «Ахъ, молодежи!
 Что такое съ вами приключилось?
 Отчего вы распустили косы?
 Али нѣтъ въ живыхъ золовки вашей?»
 — «Ахъ, мужья, одинъ Господь судья вамъ,
 Вамъ судья, да и сестрицѣ вашей!
 За любовь къ сестрѣ Онъ васъ накажетъ.»
 — «Что у васъ надѣлала сестрица?»
 Испугались, онѣмѣли братья,
 Какъ сказали имъ молодки-жоны,
 Что сестра убила ихъ малютку.
 И сказали братья: «быть не можетъ,
 Чтобъ сестра такъ поступила съ нами,
 Чтобъ убила нашего малютку.»
 А собаки-жоны говорятъ имъ:
 «Ахъ, мужья, не вѣрите вы? взгляньте,
 Отворите сестрину свѣтлицу,
 Посмотрите на свою сестрицу!»
 Идутъ братья въ сестрину свѣтлицу,
 Потихоньку отворяють двери
 И къ сестрѣ своей любимой входятъ,
 Но ее не будятъ сразу: тихо,
 Кротко будятъ милую сестрицу.
 Вотъ она проснулась, испугалась,
 Говоритъ своимъ любимымъ братьямъ:
 «Ахъ, мои любезные, скажите,
 Что за плачь такой у васъ, родные?»
 — «Ахъ, сестра, что сдѣлала ты съ нами!
 За любовь за родственную нашу,
 Ты убила нашего малютку.»
 Испугалась ихъ сестра, смутилась,
 Съ перепугу заклиналась Богомъ,
 Заклиналась, говорила братьямъ:
 «Ахъ, мои родимые, что съ вами?
 Что такое вы мнѣ говорите?»
 — «Ну, сестра, ужъ если ты невинна,
 Такъ достань ты намъ свой фряжскій ножикъ,
 Фряжскій ножикъ кровью омоченный...
 Такъ умри жъ и ты насильной смертью!»
 Вотъ они сестру на дворъ выводятъ;
 Тамъ она взмолилась милымъ братьямъ:
 «Ахъ, мои родные, погодите,
 Во дворѣ не проливайте крови;
 Со двора меня вы уведите,

Отведите дальше, въ лѣсъ зеленый,
 На поляну, гдѣ растетъ дятловникъ,
 Тамъ, гдѣ видно дерево сухое,
 Тамъ, гдѣ видѣнъ высохшій источникъ.»
 Все о чемъ сестра просила братьевъ,
 Все они исполнили: въ зеленый
 Лѣсъ свели ее, нашли поляну,
 На которой всюду росъ дятловникъ,
 Отыскали высохшій источникъ,
 Отыскали дерево сухое.
 Тамъ сестра сказала братьямъ: «братья!
 Если я у васъ дитя убила —
 Никогда источникъ не пробьется,
 Дерево сухое не прозябнетъ
 И дятловникъ на всегда заглохнетъ;
 Если жъ я невинна передъ Богомъ,
 То сейчасъ источникъ оживится,
 Дерево сухое отродится,
 Гдѣ дятловникъ — тамъ обитель будетъ.»
 Не успѣла все она промолвить,
 Какъ предъ ними дерево прозябло,
 Закипѣлъ источникъ вновь водою,
 На полянѣ вознеслась обитель.
 Тутъ сестра сказала братьямъ: «братья!
 Всѣ, кто чѣмъ теперь ни заболѣетъ,
 Пусть идутъ сюда за исцѣленьемъ;
 Если жъ ваши жоны заболѣютъ,
 Девять лѣтъ имъ пролежать въ постеляхъ,
 Протереть имъ столько же постелей,
 Не найти имъ больше исцѣленья;
 А придутъ сюда къ моимъ останкамъ —
 Передъ ними храмъ святой замкнется
 И вода въ источникѣ изсякнетъ,
 И домой вы повернете съ ними,
 Понесете ихъ въ болѣзни пушей,
 Бросите ихъ на пути-дорогѣ;
 Воронья новыклюютъ имъ очи,
 Разнесутъ ихъ тѣло змѣе водки
 И костямъ ихъ больше не собратся.
 А младенецъ вашъ со мною будетъ.
 Ну, теперь меня убейте, братья:
 За любовь за родственную вашу
 Смерть моя отпустится вамъ, братья.»
 И сестру свою убили братья.
 Тамъ, гдѣ кровь страдальцы точилась —
 Очутилась церковь; тамъ, гдѣ пала
 Голова ея — алтарь явился;
 Тамъ, гдѣ пали слѣзы невинной —
 Вдругъ пробился ключъ воды цѣлебной.
 Появился тамъ младенецъ мальчикъ —
 Въ ангела младенецъ превратился —

Каждый день служилъ онъ литургію;
 Немоцные притекали къ храму,
 Притекали къ храму — исцѣлялись.
 Воротась домой, застали братья
 Злобныхъ жонъ своихъ уже больными;
 Девять лѣтъ болѣли злая жоны,
 Пролежали столько же постелей —
 И ничто болѣзнь не облегчало.
 Услыхавши какъ-то стороною,
 Будто гдѣ-то проявилась церковь
 Съ чудною врачующею силой,
 Исцѣлявшей тяжкіе недуги —
 Говорятъ болѣющія жоны,
 Говорятъ мужьямъ своимъ: «пронесся
 Служь, что будто проявилась церковь
 Съ чудною врачующею силой
 И съ ключемъ воды живой, цѣлебной;
 Будто въ церкви той младенецъ-мальчишъ
 Ежедневно служить литургію;
 Будто въ церковь всѣ идутъ больными,
 А домой здоровыми приходятъ.
 Если бъ насъ снесли вы къ этой церкви?»
 Взяли братья жонъ своихъ болящихъ,
 Понесли ихъ къ церкви въ лѣсъ зеленый:
 Тамъ наши Врачарницу обитель,
 Отыскали ключъ воды цѣлебной,
 Услыхали пѣніе младенца;
 Но едва приблизилися къ церкви,

Какъ предъ ними затворилась церковь,
 Тотчасъ смогло пѣніе младенца
 И изсякъ потокъ воды цѣлебной.
 Только тутъ и вспомнилось братьямъ,
 Что сестра предъ смертью имъ сказала.
 И домой поворотили братья;
 Шли они неровною дорогою,
 Бросили лукавыхъ жонъ дорогою
 И сказали: «вотъ вамъ наказанье!
 Вы у насъ сестру сгубили — пусть же
 Упадетъ на васъ ея проклятье!»
 И у жонъ ихъ вѣроны и галки
 У живыхъ выклеивали очи;
 Ихъ тѣла растаскивали волки,
 А душа въ тѣлахъ еще держалась.
 Снова братья на коней вскочили,
 Снова къ церкви въ лѣсъ поворотили;
 Передъ прахомъ сестринимъ склонившись,
 Говорили ей: «прости сестрица!»
 И сестра простила грѣшныхъ братьевъ:
 Отворилась передъ ними церковь;
 Снова въ церкви пѣлась литургія.
 Оба брата иноками стали
 И остались навсегда при церкви.
 И стоитъ та церковь и понинѣ
 Въ радость всѣмъ радѣющимъ святинѣ.

М. Петровскій.

III. ХОРУТАНСКІЯ.

I.

ЖЕНИТЬБА КОРОЛЯ МАТІАСА.

Матьясъ удалый женится
На молодой Аленчицѣ,
Красавицѣ невиданной,
На королевнѣ угорской.
Не долго съ ней онъ тѣшится,
Не долго — три денька всего:
Ужь въ первый день спускается
Къ Матьясу птица вѣщая,
Щебечеть вѣсть печальную:
«Сбери войска поспѣшиѣ,
Иди къ границамъ Угорскимъ.»
Въ отвѣтъ Матьясъ промолвилъ ей:
«Нельзя въ походъ мнѣ двинуться:
Не отдохнули воины,
И лошади не кованы,
И сабли не наточены
И ружья не заряжены.»
Насталъ второй по свадьбѣ день —
И снова птица вѣщая
Въ походъ зоветъ по прежнему;
Матьясъ отвѣтилъ то же ей.
Когда спустилась въ третій разъ
Къ Матьясу птица вѣщая —
Матьясъ готовъ въ походъ идти.
Зоветъ король Аленцицу,
Свою супругу милую,
И говоритъ Аленчицѣ:
«Въ походъ я долженъ двинуться,
Въ походъ къ границамъ Угріи.
Тебѣ придется, милая,
Немного покручиниться!
Считай почаще золото,
Посматривай на крѣпости;

Но не гулай ты по саду,
Чтобъ не попасться турчину!»
Матьясъ коня любимого
Береть, летитъ изъ города,
Летитъ къ границамъ Угорскимъ.
Матьяса ждали воины,
Шатерь ему устроили:
Онъ прибылъ — и раздѣлился
Далеко крики радости,
И турки ихъ услышали.
Матьясъ въ турецкомъ лагерѣ
Съ булатной саблей носится:
Махнетъ булатной саблею —
И девяти головушекъ
Враги недосчитаются.
И снова по поднебесью
Летаетъ птица вѣщая:
Вокругъ шатра проносится
Три раза — и на яблоко,
На золотое яблоко
Шатра она спускается,
Щебечеть вѣсть печальную:
«Сѣдай коня удалого!
Ты о другихъ заботишься;
Чужіе страны жѣрая,
Забывъ свою сторонушку;
А тамъ твоя Аленчица
Въ турецкій плѣнъ попалася:
Разъ турки къ вамъ пріѣхали,
Аленцицу похитили.»
Матьясъ отвѣтилъ вѣстницѣ:
«Чѣмъ вѣсть свою докажешь ты?
Нельзя меня испытывать,
Шута: винтовкой мѣткою
Я правды допытаясь!»
— «Зачѣмъ тебя испытывать!
Возьми меня въ заложницы.»

Легко, какъ птичка вольная
 Съ земли на вѣтку прыгаетъ,
 Матьясъ взлетѣлъ на борзаго —
 И вотъ понесся по полю,
 Быстрѣе, легче облачка,
 Въ свой замокъ крѣпкій, каменный,
 Въ свои палаты свѣтлые.
 А всѣ его домашніе
 Спѣшатъ на встрѣчу съ воплями,
 Со вздохами, съ рыданіемъ.
 Матьясъ сказалъ горюющимъ:
 «Не бойтесь: воротится
 Къ вамъ королева въ скорости.»
 Онъ туркомъ одѣвается:
 Беретъ онъ саблю свѣтлую,
 На саблѣ лента алая,
 Подъ платьемъ крестъ онъ вѣшаетъ,
 Беретъ коня удалаго.
 Несется конь, подковами
 Взбиваетъ пыль песчаную
 И сыплетъ искры яркія;
 Черезъ границы Угріи
 Летитъ далеко въ Турцію.
 Среди далекой Турціи
 Растутъ три липы старня:
 Подъ первой кони ставятся
 И къ пляскѣ турки радятся;
 А подъ второю липою
 Торгуютъ бѣдной раею;
 Подъ третьей — пляшутъ весело.
 Матьясъ, сидѣвшій съ турками,
 Спросилъ нашу турецкаго:
 «Почемъ вы раю цѣните?»
 Паша турецкій весело
 Отвѣтилъ: «цѣны разныя:
 Есть рая по червонному,
 Есть рая и по талеру;
 А для того и задаромъ,
 Кто можетъ съ нами мѣриться
 Съ успѣхомъ въ молодечествіи!»
 Подѣлъ въ карманъ за золотомъ
 Король Матьясъ, и, вынувши
 Червонецъ, по столу пустилъ;
 Червонецъ цѣлыхъ три раза
 Обходитъ столъ и падаетъ
 Передъ пашой. Увидѣвши
 Червонецъ этотъ, съ радостью
 Паша замѣтилъ: «золото
 Чекана всѣмъ извѣстнаго
 Матьяса, краля Угріи.»
 Матьясъ на это холодно

Пашѣ отвѣтилъ: «истина!
 Я самъ его, голубчика,
 Убилъ и добылъ золото!»
 И, знавъ подавши музыкѣ,
 Идетъ онъ выбрать дѣвушку.
 И выбралъ онъ Аленчицу,
 Аленчицу любимую;
 Другъ другу руки подали
 И въ пляску вмигъ пустилися.
 И кажетъ онъ ей перстень свой;
 Она въ отвѣтъ: «желанный мой!
 Давно я дождалася
 Тебя, ждала — боялася.
 Мнѣ льстили всѣ невѣрные...
 Теперь пусть гладятъ бороды.»
 Матьясъ отвѣтилъ: «нѣ о чемъ
 Теперь, мой другъ, вручинься!
 Когда еще мы сдѣлаемъ
 Кружокъ и поравняемся
 Съ конемъ моимъ, въ мгновеніе
 Я взброшу на сѣдло тебя;
 Поскачемъ мы, но помни же:
 Какъ только вправо буду я
 Брошить невѣрныхъ саблю,
 Такъ ты на лѣво склонись.»
 Опять плясать пускаются,
 И только поровнялися
 Съ конемъ своимъ, въ мгновеніе
 Къ коню они бросаются
 И къ Савѣ мчатся молніей.
 И турки, осмотрѣвшись,
 Толпой за ними гонятся;
 Паша турецкій бороду
 Поглаживаетъ съ шутками:
 «Мнѣ то-же доводилося
 Въ плѣну у нихъ посиживать!
 За это снимемъ голову
 Матьясу, а Аленчица
 На долю мнѣ достанется.»
 Матьясъ на обѣ стороны
 Сбѣчетъ невѣрныхъ саблю,
 И также въ обѣ стороны
 Супруга уклоняется.
 Мелькаетъ сабля молніей —
 И какъ снопы за жницею
 Ложатся слѣдомъ по полю,
 Рядами разстилаются
 Трава, косцомъ скопѣнная —
 Такъ за Матьясомъ падаютъ
 Рядами турки мертвые.
 И, доскакавъ до кузницы,

Онъ кузнецу приказывалъ:
 «Послушай! ты вѣдъ слависья
 Турецкой ковкой лошади:
 Раскуй коня немедленно,
 И перекуй на изворотъ —
 Передній шипъ назадъ поставь!»
 Кузнецъ коня матыасова
 Перековалъ наизворотъ.
 Матыасъ рукою лѣвою
 За ковку платить, правою
 Онъ носить турку голову
 И гонить въ Саву быстрюю
 Коня лихого, вѣрнаго.
 Пригнувши въ Саву быстрюю,
 Заржалъ ретивый, знаючи —
 Что онъ несеть въ отечество
 Матыаса и Аленцицу;
 И ихъ чрезъ Саву быстрюю
 Онъ вынесъ прямо въ Угрюю.

М. Петровскій.

—

II.

АНСЕЛЬМЪ.

Въ свой садъ пошла она гулять —
 Душистыхъ, алыхъ розъ нарвать,
 Букетъ для милаго связать.

И сорвала она: цвѣтокъ
 Душистой розы, ноготовокъ
 И розмариновый листокъ.

Букетъ въ рукахъ ея дрожить:
 Слезами скорби онъ омыть
 И черной лентой перевить.

«Ансельмъ! въ живыхъ ты, или нѣтъ,
 Услышь далекій мой привѣтъ!
 Спиши: готовъ тебѣ букетъ!»

Часы одиннадцать ужъ бьютъ —
 И другъ желанный тутъ, какъ тутъ,
 Стучится въ прежній свой пріютъ.

«Въ живыхъ ли, другъ мой, или нѣтъ,
 Спишу къ тебѣ на твой привѣтъ —
 Принять обѣщанный букетъ!»

Она въ свой домъ его ввела,
 Руками крѣпко обвила
 И въ поцалуѣ замерла.

Спѣша собраться какъ-нибудь,
 Она спѣшить въ далекій путь,
 Чтобъ послѣ съ милымъ отдохнуть.

И конь съ влюбленною четой
 Летитъ пернатою стрѣлой,
 Взмѣтая къ небу прахъ густой.

И вотъ съ возлюбленной своей
 Ансельмъ несется среди полей —
 И говорить тихонько ей:

«Послушай, мой бѣзцѣнный другъ!
 Тебѣ въ пути грозитъ испугъ:
 Сейчасъ на мысль мнѣ вспало вдругъ —

«Что часто въ здѣшной сторонѣ,
 При свѣтѣ звѣздъ и при лунѣ,
 Мертвецъ блуждаетъ на конѣ!»

— «Чего бояться, милый мой?
 Я ѣду смѣло — я съ тобой...
 Да снидетъ къ мертвому покой!»

«При свѣтѣ мѣсяца и звѣздъ
 Короче дальній переѣздъ,
 Среди пустынныхъ этихъ мѣстъ.»

Конь мчится — пламя и краса...
 Мелькаютъ доли и лѣса;
 Въ звѣздахъ сіяютъ небеса.

И снова молвить онъ: «мой другъ!
 Тебѣ въ пути грозитъ испугъ:
 Сейчасъ на мысль мнѣ вспало вдругъ —

«Что часто въ здѣшной сторонѣ,
 При свѣтѣ звѣздъ и при лунѣ,
 Мертвецъ блуждаетъ на конѣ!»

— «Чего бояться, милый мой?
 Я ѣду смѣло — я съ тобой...
 Да снидетъ къ мертвому покой!»

«При свѣтѣ мѣсяца и звѣздъ
 Короче дальній переѣздъ,
 Среди пустынныхъ этихъ мѣстъ.»

Конь мчится — пламя и краса...
Мелькают доли и лѣса;
Въ звѣздахъ сіяютъ небеса.

И въ третій разъ онъ молвить: «друзь!
Тебѣ въ пути грозитъ испугъ:
Сейчасъ на мысль мнѣ вспало вдругъ —

«Что часто въ здѣшной сторонѣ,
При свѣтѣ звѣздъ и при лунѣ,
Мертвецъ блуждаетъ на конѣ!»

— «Чего бояться, милый мой?
Я ѣду смѣло — я съ тобой...
Да сидеть къ мертвому покой!»

«При свѣтѣ мѣсяца и звѣздъ
Бороче дальній переѣздъ,
Среди пустынныхъ этихъ мѣстъ.»

Конь мчится — пламя и краса...
Мелькаютъ доли и лѣса,
Въ звѣздахъ сіяютъ небеса.

Къ подножью чорнаго креста
Примчалась юная чета...
Кругомъ кладбище — пустота...

Могилъ вскрывалась подъ холмомъ:
Ансельмъ вошелъ въ свой тѣсный домъ
И вновь улѣгся въ домѣ томъ.

Она къ могилѣ подползла,
Ее слезами полила,
Припала къ ней — и умерла.

М. Петровскій.

III.

ПРЕСТУПНИКЪ.

Въ ночь осеннюю, глубокую
Взяли бѣднаго меня,
И, связавши крѣпко на крѣпко,
Посадили на коня.

До тюрьмы по полю чистому
Мчался конь какъ только могъ;

Тамъ былъ сброшенъ я пандурами
И посаженъ подъ замокъ.

Въ подземельѣ томъ губительномъ
Было царство вѣчной тьмы:
Да избавить Богъ преступника
Отъ неволи и тюрьмы?

Солнце, мѣсяцъ, звѣзды яркія,
Хоть бы разъ на васъ взглянуть?
И на Божій свѣтъ я выглянулъ,
Отправляясь въ дальній путь:

Снова по полю далекому
Волокли меня — везли,
Съ колесницы сняли траурной,
На подмостки привели.

Тамъ толпы народа празднаго
Собралися посмотрѣть
На преступника несчастнаго,
На позоръ его и смерть.

Вотъ примѣръ вамъ, други, нѣдрузи!
Не живите, братцы, такъ:
Не живите въ спорѣ съ совѣстью,
Такъ-какъ прожилъ я бѣднякъ!

Вотъ священникъ кончилъ исповѣдь
И палачь передо мной...
Хочешь, вѣтъ ли — а приходится
Познакомиться съ петлѣй...

Лишь сороки бѣлобокія
Станутъ вокругъ меня летать,
Кудри длинныя, измятыя
Будутъ холить и чесать.

Пусть слетятся злыя вѣроны,
А не ангелы съ небесъ,
И растащатъ тѣло грѣшное,
Унесутъ въ дремучій лѣсъ!

Пусть растащатъ тѣло грѣшное,
Только, Господи, подай
Миръ душѣ безсмертной въ вѣчности
И прими въ свой свѣтлый рай!

М. Петровскій.

IV.

СИРОТКА ЕРИЦА.

«Встань, вставай же, Ерица!
 Что волось не гонишь ты
 Со двора на пастбище!»
 — «Подожди ты, матушка,
 Нѣтъ еще заутрени,
 Не пропѣлъ пѣтухъ еще!»
 — «Встань, вставай же Ерица!
 Что волось не гонишь ты
 Со двора на пастбище!»
 Тотчасъ встала Ерица —
 И волось гнала она
 Со двора на пастбище.
 «Здѣсь, волю, паситесь!
 Забѣгу я къ матери
 На кладбище тихое...
 Отворись, сыра земля
 На могилѣ матери:
 Все тебѣ я выскажу,
 Свое горе выплачу!»
 И могила вскрылася;
 Ерица заплакала,
 Говорила матери:
 «Матушка родимая!
 Мнѣ досталась мачиха
 Злая, нелюбимая:
 Не звонять къ заутрени,
 Не поѣтъ пѣтухъ еще,
 Будить меня мачиха
 Гнать волось на пастбище;
 При тебѣ лежала я
 На постелѣ прибраной
 До восхода солнышка.
 Матушка родимая!
 Мнѣ досталась мачиха
 Злая, нелюбимая:
 Хлѣбъ печеть — зола одна,
 Посолить — пескомъ однимъ,
 Рѣжетъ хлѣбъ жалѣючи
 Ломотками тонкими —
 Все сквозь нихъ виднѣется —
 Да и то съ упреками.
 Ты кормила хлѣбушкомъ
 Бѣлымъ, не жалѣючи,
 Хлѣбъ тотъ масломъ мазала,
 Подавала съ радостью.
 Матушка родимая!
 Мнѣ досталась мачиха

Злая, нелюбимая:
 Станеть ли расчесывать
 Косу мою длинную —
 Растерѣбитъ до крови;
 Ты любила, матушка,
 Косу мнѣ расчесывать
 Тихо, гладко, съ ласкою.
 Матушка родимая!
 Мнѣ досталась мачиха
 Злая, нелюбимая:
 И постель не стелеть мнѣ,
 Не взобѣтъ, какъ слѣдуетъ;
 Не подушку мягкую —
 Тѣрнъ владеть мнѣ въ головы,
 Одѣяло жесткое
 Все пескомъ посыпано;
 Ты взбивала, матушка,
 Каждый день постель мою.
 Матушка родимая,
 Я ужь не вернусь домой!»
 Говорить покойница
 Изъ могилы Ерицѣ:
 «Перебейся, Ерица!
 Уповай на Господа!»
 — «Матушка родимая!
 Не пойду я къ мачихѣ:
 Я съ тобой остануся,
 лягу въ землю черную!»
 Опускалась Ерица
 На могилу матери,
 Опускаясь, молвила:
 «Лучше мать покойница,
 Чѣмъ живая мачиха!»
 Только это молвила
 И съ душой разсталася.

М. Петровскій.

V.

МОЛОДАЯ ВРЕДА.

Вреда встала, чуть день загорѣлся;
 Она ходитъ по двору, бродитъ;
 Отперла высокое окошко,
 На равнину внизъ поглядѣла.
 Какъ взглянула на ровное поле,
 Видитъ мгла собирается надъ полемъ.
 «Встань-ка, встань, моя мать дорогая!
 Расскажи скорѣе, растолкуй мнѣ:

Отъ воды ли та мгла поднялася?
 Отъ горы ли она отъ высокой?
 Али тучу, полную градомъ,
 Изъ подъ неба къ намъ буря пригнала?»
 Мать печально съ постели вставала,
 Милой дочери своей говорила:
 «Не съ воды та мгла поднялася,
 Не съ горы она, не съ высокой,
 И не тучу, полную градомъ,
 Изъ подъ неба къ намъ буря пригнала:
 Это — коней турецкихъ дыханье;
 По землѣ идетъ оно мглою.
 Ихъ полна зеленая равнина.
 По тебя пріѣхали турки.
 Отчего же ты такъ поблѣднѣла?»
 Отъ испугу Бреда поблѣднѣла,
 А отъ горя чувства потеряла.
 «Что скажу я тебѣ, моя мати:
 Не давай меня за-мужъ за чужого!
 Турокъ золь, а свекровь еще злѣе:
 Слухъ идетъ по цѣлому краю,
 Что на свѣтѣ нѣтъ ея хуже.
 Восемь жонъ у сына уморила,
 И меня уморить захочеть:
 Опонть въ винѣ какимъ зельемъ,
 Изведеть, отравить меня хлѣбомъ.»
 — «Ты послушай, дитя дорогое,
 Чтò скажу я тебѣ на это:
 Какъ захочеть свекровь опонть-то,
 На зеленую траву вино вылей,
 Опрокинь на камень на сѣрый,
 Изъ котораго дѣлають известь;
 Поднесеть она хлѣба да съ ядомъ,
 Ты отдай его щенку молодому.»
 Какъ застонеть Бреда, заплачетъ,
 Своей матери такъ отвѣчаетъ:
 «Когда станешь приданое готовить,
 Станешь власть въ сундукъ мой дубовый,
 Ты возьми мой бѣлый платочекъ,
 Положи въ сундукъ его сверху:
 Прежде всѣхъ мнѣ его будетъ нужно,
 Завязать чтобы на сердцѣ рану.»
 А еще Бреда говорила:
 «Что скажу тебѣ, милая мати!
 Какъ пріѣдутъ сюда эти турки
 И на землю съ коней соскочать,
 Посади ты ихъ за столъ пообѣдать;
 Ты напой, накорми ихъ досыта.
 Какъ зачнутъ они напиваться,
 Станутъ спрашивать молодую Бреду,
 Тогда ты пошли за мной, мати,

И отдай меня злomu турку!»
 Стала мать приданое готовить,
 Стала власть въ сундукъ свой дубовый,
 Какъ наѣхали турецкіе сваты
 И на землю съ коней соскочили;
 Мать за столъ посадила ихъ обѣдать,
 Накормила ихъ, наполнила.
 А какъ зачали сваты напиваться,
 Еще стали просить они Бреду.
 Скоро мать по нее послала,
 Отдавала ее злomu турку;
 За обѣдъ они ее посадили,
 Дорогое вино съ нею пили.
 Привели тутъ коня молодого;
 На коня того Бреда садится.
 Они скачутъ по ровному полю,
 Только вѣется вслѣдъ мгла густая
 Отъ дыханья коней турецкихъ.
 На бѣгу брединъ конь спотыкнулся,
 Спотыкнулся, сѣдло покачнулось;
 А въ сѣдлѣ былъ князь запрятанъ —
 Бредѣ въ сердце онъ вонзился.
 Молодой женихъ съ коня сходитъ,
 Съ коня сходитъ, самъ говоритъ сватамъ:
 «Это мать моя сдѣлала злодѣйку!»
 Восемь жонъ у меня уморила,
 И теперь уморить хочеть эту;
 Безъ нея я живъ не останусь!»
 Молодой женихъ продолжаетъ,
 Слугѣ малому приказъ отдаеть онъ:
 «Чтò скажу тебѣ, слуга мой проворный:
 Ты поправь сѣдло милой Бредѣ.»
 А слуга на отвѣтъ ему молвить,
 Говорить, жениху поперечить:
 «Кто недавно цаловалъ Бреду,
 Тотъ пускай и сѣдло поправляетъ.»
 Жениха къ себѣ Бреда подымаетъ:
 «Женихъ милый, чтò тебѣ скажу я!
 Ты поди отопри сундукъ мой,
 Ты достань мнѣ тамъ бѣлый платочекъ:
 Завяжу я платкомъ этимъ рану.»
 А еще Бреда говорила:
 «Ты скажи мнѣ, женихъ ты мой милый,
 Далеко ль до города осталось?»
 — «Не горюй, дорогая Бреда!
 Скоро кончатся наши невзгоды:
 Вотъ ужъ видна золотая стрѣлка,
 И серебряны видны ворота.»
 И спѣшать они по ровному полю,
 Будто птица въ воздухъ несется,
 Только вѣется вслѣдъ мгла густая

Отъ дыханья коней турецкихъ.
 Какъ прїѣхали они въ бѣлый городъ,
 То на землю съ коней соскочили;
 Ихъ свекровь во дворѣ дожидалась;
 Молодой она Бредѣ говорила:
 «Далеко по нашему краю
 О твоей красотѣ слухъ несется;
 Но лицо твое не столько румяно
 Какъ молва о немъ ходитъ по свѣту.»
 Вотъ понявъ она молодую Бреду,
 Пирогомъ ее угощаетъ:
 «Станешь пить ты красныя вина,
 Развѣтеть лицо твое румянцемъ;
 Станешь ѣсть пироговъ моихъ бѣлыхъ,
 Снова будешь ты бѣлѣе снѣгу.»
 Бреда пить вино не стала,
 На зеленую траву проливая,
 Опрокинула на камень на сѣрый,
 Изъ котораго дѣлаютъ известь —
 И въ минуту трава погорѣла,
 И въ минуту камень распался;
 А пирогъ отдала собакѣ —
 И собака околѣла на мѣстѣ.
 Говорила Бреда свекрови:
 «Что скажу тебѣ, немилая свекровка!
 Далеко по нашему краю
 О твоей слухъ несется о злости;
 Только злость твоя хуже гораздо,

Чѣмъ молва о ней ходитъ по свѣту.
 Восемь жонъ ты у сына уморила,
 И меня опонть захотѣла,
 Въ пирогѣ подала мнѣ отраву.»
 Жениху Бреда говорила:
 «Ты послушай, что скажу тебѣ, милый!
 Гдѣ прїютъ для меня въ твоемъ домѣ?
 Гдѣ покой мой писанный — спальня?
 Гдѣ постель у тебя послана мнѣ?»
 А свекровь говорить ей на это:
 «Никогда мнѣ на мысль не впадало,
 Чтобы гдѣ-нибудь былъ такой обычай,
 Чтобы гдѣ молодая невѣста
 Для себя бы покой попросила
 И постель бы свою посмотрѣла.
 Только есть у насъ такой обычай,
 Что невѣста за печками смотритъ.»
 Какъ повелъ женихъ ее въ спальню,
 Показалъ онъ ей двѣ постели.
 Бреда въ бѣлую постелью ложилась,
 Развязала на сердцѣ рану
 И въ послѣдній разъ говорила:
 «Лейся, лейся, кровь, ты изъ сердца!
 Я пошлю тебя къ матери милой,
 Ей на память по мнѣ отошлю я.
 Про меня ужъ она не услышитъ
 И меня самоѣ не увидитъ.»

В. В.

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

I. ЧЕШСКІЯ.

I.

ЛЮБУШИНЪ СУДЪ.

Гой, Влетава! что ты волны мутить,
Среброфинны что мутить волны?
Подняла ль тебя, Влетава, буря,
Разогнавъ съ небесъ широкихъ тучу,
Оросивши главы горъ зеленыхъ,
Размѣтавши глину золотую?
Какъ Влетавѣ не мутиться нинѣ:
Разлучились два родные брата,
Разлучились и враждуютъ крѣпко
Межъ собой за отчее наслѣдье:
Лютый Хрудошъ отъ кривой Отавы,
Отъ кривой Отавы златоносной,
И Стяглавъ съ рѣки Радбузы хладной,
Оба братья, Кленовичи оба,
Оба Тетвы славнаго потомки,
Попелова сына, иже прибылъ
Въ этотъ край богатый и обильный
Черезъ три рѣки съ полками Чеха.
Прилетѣла сизая касатка,
Отъ кривой Отавы прилетѣла,
На окошкѣ сѣла на широкомъ,
Въ золотомъ Любуши стольномъ градѣ,
Стольномъ градѣ, свѣтломъ Вышеградѣ,
Зароптала, зарыдала горько.
Какъ сестра касатки той родная
Эти рѣчи въ домѣ услышала —
Позвала княжну Любушу въ городъ

Учинить великую расправу,
Звать на судъ ея обоихъ братьевъ
И рѣшить ихъ дѣло по закону.
Шлетъ пословъ княжна изъ Вышеграда
Святослава кликать изъ Любицы,
Отъ Любицы бѣлой и дубравной;
Лютобора витязя, что правилъ
На холмѣ широкомъ Доброславскомъ,
Гдѣ Орлицу пьетъ синяя Лаба;
Ратибора съ Керконошъ високихъ,
Гдѣ дракона ярый Трутъ осплилъ;
Радована съ Каменнаго Моста,
Ярожира отъ вершинъ ручьистыхъ,
Стрезибора отъ Сазавы злачной,
Саморода съ Мжи среброносной,
Кметовъ, леховъ и владыгъ великихъ, *)
И Стяглава и Хрудоша братьевъ,
Что за отчину враждуютъ крѣпко.
Какъ собрались лехи и владыки
Въ Вышеградѣ у княжны Любуши,
Всякой сталъ по сану и по роду.
Къ нимъ тогда княжна въ одеждѣ бѣлой
Вышла, сѣла на престолѣ отчемъ,
На престолѣ отчемъ, въ славномъ сеймѣ.
Вышли двѣ разумныя дѣвицы,

*) Кметъ — близкій человекъ къ князю, его совѣтникъ.
Лехъ — богатый владѣтель, правитель; отъ нихъ впоследствии
произошли магнаты. Владыка — владѣтель небольшого
участка, мелкій дворянинъ. Изъ нихъ образовалось рыцар-
ство и среднее дворянство. Лехи и владыки могли быть кме-
тами, не переставая носить прежнее названіе.

Съ мудрыми судейскими рѣчами;
 У одной въ рукахъ сжижали правды,
 У другой же мечъ, каратель кривды;
 Передъ ними пламень правдоуѣстникъ,
 А за ними воды очищенья.
 Начала княжна такое слово
 Съ золотого отчаго престола:
 «Гой вы, кметы, лехи и владыки!
 Разсудите братьевъ по закону,
 Разсудите братьевъ, что враждуютъ
 Межъ собою за отчее наслѣдье.
 Вы скажите намъ святую правду
 Отъ боговъ всевѣдцевъ присносущихъ:
 Вмѣстѣ ль стануть безъ раздѣла править,
 Иль на части равныя раскинуть.
 Гой вы, кметы, лехи и владыки!
 Приговоръ мой разрѣшите нынѣ,
 Коли вамъ по разуму придется;
 А не то — законъ поставьте новый:
 Да разсудитъ разлученныхъ братьевъ.»
 Поклонились лехи и владыки,
 И пошли про это разговоры,
 Разговоры тихіе межъ ними,
 Въ похваду рѣчей княжны Любуши.
 Лютоборъ, что проживалъ далече,
 На холмѣ широкомъ Доброславскомъ,
 Всталъ и началъ къ ней такое слово:
 «О, княжна ты наша въ Вышеградѣ,
 На златомъ отеческомъ престолѣ!
 Мы твое рѣшенье разсудили;
 Прикажи узнать народный голось.»
 И тогда собрали по закону
 Дѣвы-судьи голоса народа,
 И въ сосудъ священный положивши,
 Лехамъ дали прокричать на вѣчѣ.
 Радованъ отъ Каменнаго Моста
 Голоса народа перечислилъ
 И ко всѣмъ сказалъ рѣшенье сейма:
 «Сыновья враждующіе Клена,
 Оба Тетвы славнаго потомни,
 Попелова сына, иже прибылъ
 Въ этотъ край богатый и обильный
 Черезъ три рѣки съ полками Чеха!
 Ваше дѣло такъ рѣшилось нынѣ:
 Управляйте вмѣстѣ безъ раздѣла!»
 Всталъ тутъ Хрудошъ отъ кривой Отавы,
 Закипѣла жолчь въ его утробѣ,
 Весь во гнѣвѣ лютомъ онъ затрясся
 И, махнувъ могучею рукою,
 Заревѣлъ къ народу ярмъ туромъ:
 «Горе, горе молодымъ птенятамъ,

Коль ехидна въ ихъ гнѣздо вотрется!
 Горе мужу, если онъ попуститъ
 Управлять собою женѣ строптивой!
 Мужу должно обладать мужами,
 Первородному итеть наслѣдье!»
 Поднялась Любуша на престолѣ,
 Молвя: «кметы, лехи и владыки!
 Мой позоръ свершился передъ вами —
 Такъ творите жъ нынѣ судъ и правду
 Межъ собою сами по закону:
 Править вами не хочу я болѣ!
 Изберите мужа, да прійметъ
 Власть надъ вами онъ рукою желѣзной,
 А рукѣ моею, рукѣ дѣвичьей,
 Управлять мужами не подь-силу!»
 Ратиборъ, что съ Керконошъ високихъ,
 Всталъ и къ сейму рѣчь такую началъ:
 «Намъ не слѣдъ исеать у нѣмцевъ правды,
 По святымъ у насъ законамъ правда:
 Принесли ту правду наши предки
 Черезъ три рѣки на эту землю.»

Н. Бергъ.

II.

С Е Й М Ѣ .

.....
 .....
 Всякъ отецъ надъ челядью владыка:
 Мужи пахутъ, жоны шьютъ одѣжу;
 А умереть глава, начальникъ дома —
 Дѣти вмѣстѣ начинаютъ править
 И становятъ надъ собою владыку,
 Что за нихъ всегда на сеймы ходитъ;
 Вмѣстѣ съ нимъ для пользы братій ходятъ,
 Ходятъ кметы, лехи и владыки.
 Встали кметы, лехи и владыки;
 Похвалили правду по закону.

Н. Бергъ.

III.

ПѢСНЯ ПОДЪ ВЫШЕГРАДОМЪ.

Гой ты, солнце ясно,
 Вышеградъ нашъ крѣпкій!
 Что стоишь высоко
 Твердою твердыней,

Твердою твердней,
 Страхомъ супостату!
 Подъ тобою рѣчка
 Быстры волны катить,
 Подъ тобою рѣчка,
 Ярая Влетава.
 Близко той Влетавы,
 Той Влетавы чистой,
 Выросла дубрава —
 Лѣтняя прохлада.
 Весело тамъ пѣсни
 Соловей заводитъ,
 Весело и смутно:
 Какъ его сердечко
 Скажетъ и прикажетъ.
 Ахъ! зачѣмъ не пташка
 Я, не соловейка!
 Полетѣлъ бы въ поле:
 Тамъ, въ широкое поле,
 Вечерами поздно
 Милая гуляетъ.
 Всѣхъ объ эту пору,
 Всѣхъ любовь тревожитъ;
 Всякое созданье
 Въ часъ вечерній просить
 У любви отрады.
 Такъ и я, бѣдняга,
 Все тужу по милой.
 Сжался, дорогая,
 Ты надъ горемыкой!

Н. Бергъ.

IV.

КРАЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ. *)

1.

ОЛЬДРИХЪ И БОЛЕСЛАВЪ.

..... въ лѣсъ дремучій,
 Гдѣ владыки собирались вмѣстѣ,
 Семь владыкъ съ дружинами своими.

*) Честъ открытія «Краледворской рукописи» принадлежитъ извѣстному чешскому поэту Вячеславу Вячеславовичу Ганкѣ. Осенью 1847 года онъ отправился въ городъ Кралеве-Дворъ, съ цѣлю изслѣдованія древнихъ памятниковъ чешскаго языка. Здѣсь онъ познакомился съ капланомъ Борчемъ, который рассказывалъ Ганкѣ, что въ склепѣ тамошней городской церкви находится много разныхъ древнихъ рукописей. Ганка немедленно пошелъ туда и, среди всякаго

Выгонъ-Дубъ въ ночную темноту прибылъ,
 Со своими прибылъ молодцами:
 Было съ нимъ сто воиновъ отважныхъ
 И у всѣхъ въ ножнахъ мечи гремѣли;
 Сто мечей наточено булатныхъ,
 Сто десницъ могучихъ жа-готовѣ;
 Удалцы владыкъ вѣрно служатъ.
 Вотъ пришли они въ средину лѣса,
 Стали въ кругъ; другъ-другѣ руки дали,
 Разговоры тихіе заводятъ.
 Было время за-полночь гораздо,
 Утро сѣрое ужъ было близко.
 Выгонъ молвилъ тихо князю Ольдрѣ:
 «Гой еси ты князь и воинъ славный!
 Богъ вложилъ въ тебя и мощь и крѣпость,
 Въ буйну голову далъ разумъ свѣтлый:
 Такъ веди жъ насъ на полянѣ свирѣпныхъ!
 За тобой послѣдуемъ мы всюду:
 Взадъ, впередъ, направо и налѣво,
 Гдѣ ты будешь въ ярой битвѣ биться.
 Ну зажги жъ ты въ сердцѣ нашемъ храбрость!»
 Князь беретъ могучею рукою
 Длинный прапоръ: «Такъ за мною, братья,
 На полянѣ, враговъ родного края!»
 Вслѣдъ за княземъ двинулись владыки,
 Восемь всѣхъ, и было съ ними войска
 Триста парней добрыхъ, да полсотни.
 Всѣ они собрались, гдѣ поляне
 Сонные, раскинувшись, лежали;
 Становились у опушки лѣса.
 Прага все еще во снѣ молчала;
 Царь влюбился надъ рѣкой Влетавой;
 А за Прагой ужъ синѣли горы
 И востокъ за ними загорался.
 «Въ долъ за мною, только тихо, тихо!»
 Вся дружина скрылась въ Прагѣ сонной,
 Спрятавши оружье подъ одѣжу.
 На зарѣ пастухъ подходитъ къ замку
 И кричить, чтобъ отперли ворота.
 Услыхавъ его изъ замка, сторожъ
 Отворилъ ворота черезъ Влетаву.
 Пастырь всходитъ на мостъ, громко трубить;
 Ольдрихъ выскочилъ и съ нимъ владыки,
 Семь владыкъ и всякъ съ народомъ ратнымъ.

хлама и бумагъ время Жижки, открылъ рукопись, которая впоследствии сдѣлалась извѣстна подъ именемъ «Краледворской». Эта рукопись представляетъ часть цѣлаго значительнаго собранія древне-чешскихъ стихотвореній. Она сохранилась очень хорошо и читается безъ особеннаго труда. Добровскій полагаютъ время явленія рукописи между 1290 и 1310 годами. Другіе говорятъ, что она явилась раньше.

Бубны-трубы загремѣли разомъ;
 На мосту завѣяли хоругви;
 Мостъ затрясся, какъ пошла дружина.
 Обуялъ полянѣ внезапный ужасъ.
 Вотъ они оружіе схватили;
 Вотъ владыки стади съ ними биться;
 Но поляне скоро заматались
 И толпами бросились въ воротамъ,
 Убѣгая отъ рѣзни жестокой.
 Самъ Господь намъ даровалъ побѣду!
 И одно встаетъ на небѣ солнце —
 Яроміръ опять встаетъ надъ нами!*
 Разнеслась по цѣлой Прагѣ радость,
 И крутомъ-то Праги разнеслася,
 По всему-то полетѣла краю,
 По всему ли краю отъ той Праги.

2.

БЕНЕШЪ ГЕРМАНЫЧЪ.

Гой ты, солнце наше красно!
 Что съ лазоревыхъ высотъ
 Нынче такъ печально свѣтишь
 Ты на бѣдный нашъ народъ?

Гдѣ нашъ князь? гдѣ людъ военный?
 Къ Отту, въ Отту всѣ ушли...
 Кто жь прогонитъ вражью силу
 Изъ отеческой земли?

Идутъ нѣмцы длиннымъ строемъ —
 То саксоновъ злая рать;
 Отъ вершинъ Згорѣльскихъ древнихъ
 Идутъ край нашъ воевать.

Злато-сѣребро собирайте,
 Будьте щедры и добры:
 Скоро жечь придутъ злодѣи
 Наши хаты и дворы.

Все пожгли враги, побрали
 Злато-сѣребро изъ хатъ
 И стада угнали наши;
 Къ Троскамъ далѣе спѣшать.

Не тужите, добры люди:
 Встанетъ травушка въ поляхъ,
 Чтò саксоны притоптали,
 Проскакавши на коняхъ.

Убирайте же вѣнками
 Избавителю чело!
 Зелень выросла на нивахъ,
 Все по-старому пошло.

Скоро минетъ наше горе:
 Бенешъ Германчъ идетъ,
 Биться на-смерть съ супостатомъ
 Призываетъ свой народъ.

Вотъ собрались наши люди
 Подъ Скалой въ лѣсу густомъ,
 И пошли на бой кровавый
 Кто съ будатомъ, кто съ цѣпомъ.

Бенешъ, Бенешъ передъ нами!
 Всѣ бѣгутъ во слѣдъ ему.
 «Горе нѣмцамъ!» Бенешъ крикнулъ:
 «Нѣтъ пощады никому!»

Закипѣли тѣловомъ лютымъ
 Въ битвѣ обѣ стороны;
 Взволновались утробы;
 Очи злобой зажжены.

Набѣжали другъ на друга
 И давай колотъ и сѣчь:
 Коломъ коль тяжелый встрѣченъ,
 Зацѣпился мечъ за мечъ.

Страшно рать на рать валяла,
 Словно лѣсъ пошолъ на лѣсъ;
 Отъ мечей летѣли искры,
 Будто молнія съ небесъ.

Нивы стономъ застонали;
 Всполошило всѣхъ звѣрей,
 Всполошило вольныхъ пташекъ
 Средь лѣсовъ и средь полей.

До вершины ажно третьей
 Слышно было жаркій споръ,
 Копья съ саблями трещали,
 Словно падалъ ветхій боръ.

Такъ стояли оба войска,
 Сѣвши крѣпко на пятау —
 И пришло отъ лютой битвы
 Тѣмъ и тѣмъ не въ-моготу.

Въ гору Германчъ ударилъ;
 Чтò махнетъ мечомъ своимъ —
 Цѣлой улицей ложится
 Вражья сила передъ нимъ.

И направо, и налѣво
 Такъ и стелеть онъ народъ;
 Поднялся — и супостата
 Сверху камнями онъ бѣтъ.

На широкій долъ сбѣжали
 Мы опять съ холмовъ крутыхъ;
 Завоили нѣмцы, дрогнувъ:
 Мы пошли — и смали ихъ!

3.

ПРОСЛАВЪ.

Разскажу я славную вамъ повѣсть
 О бояхъ великихъ, лютыхъ браняхъ;
 Собирайте вы свой умъ да разумъ:
 Нынѣ будетъ вамъ чего послушать!
 Тамъ, гдѣ править Оломуцъ землями,
 Невысокая гора поднялась;
 Называютъ гору ту Гостайномъ;
 На ея вершинѣ христіанамъ
 Чудеса творила Божья Матерь.
 Долго, долго жили мы въ покоѣ;
 Было все кругомъ благополучно;
 Да поднялась отъ востока буря,
 А поднялась ради дщери ханской,
 Чтò за злато нѣмцы погубили,
 За жемчугъ, за дѣроги каменья.
 Дочь Кублая, красотой чтò мѣсяць,
 О земляхъ на западѣ узнала,
 И узнала, что въ нихъ много люду:
 Собиралась въ дальнюю дорогу
 Поглядѣть житье-бытье чужое.
 Съ нею десять юношей срядилось,
 Да еще двѣ дѣвы молодыя.
 Было все потребное готово.
 Тутъ они на быстрыхъ сѣли коней
 И свой путь по солннышку держали.
 Какъ заря передъ восходомъ блещеть
 Надъ густыми темными лѣсами,
 Такъ блестя дочь Кублая хана,
 Красотой блестя и нарядомъ:
 Золотой она парчей покрылась,
 Лебедину шею обнажила,

Дорогимъ увѣшалась каменьемъ.
 Ханской дочери дивились нѣмцы,
 На ея сокровища польстились;
 Выжидать засѣли на дорогѣ —
 И въ лѣсу Кублаевну убили,
 Все богатство ханское побрали.
 Какъ про то услышалъ ханъ татарскій,
 Чтò съ его Кублаевной случилось,
 Собираетъ несметныя онъ рати,
 И пошолъ, куда уходитъ солнце.
 Короли на западѣ узнали,
 Чтò Кублай готовится ударить,
 Перемолвились, набрали войско
 И поѣхали на встрѣчу къ хану;
 Становили станъ среди равнины,
 Становили, поджидали хана.
 Вотъ Кублай собираетъ чародѣевъ,
 Звѣздочетовъ, знахарей, шамановъ,
 Чтòбъ они рѣшили ворожбою,
 Будеть ли, не будетъ ли побѣда.
 Притекли толпами чародѣи,
 Звѣздочеты, знахаря, шаманы;
 Разступившись, кругомъ становились,
 Положили чорный шестъ на землю,
 Разломил на-двое, назвали
 Половину именемъ Кублая,
 А другую назвали врагами;
 Стародавнія заплѣли пѣсни.
 Тутъ шесты затѣяли сраженье:
 Шестъ Кублая выпелъ цѣлъ изъ бою.
 Зашумѣли въ радости татары,
 На коней садилса ретивыхъ —
 И рядами становилось войско.
 Христіане ворожбы не знали,
 А пошли на басурмановъ просто:
 Сколько силы, столько и отваги!
 Загремѣла первая тутъ битва:
 Задождили стрѣлы, будто ливень,
 Трескъ отъ копій, словно рокотъ грома,
 Блескъ мечей, чтò молнія изъ тучи.
 Обѣ стороны рубились крѣпо
 И одна другой не уступала.
 Вдругъ татаръ шатнули христіане
 И совсѣмъ бы смали супостатовъ,
 Да пришли къ нимъ чародѣи снова
 И шесты народу показали.
 Тутъ опять татары разъярились,
 Въ христіанъ ударили свирѣпо
 И погнали ихъ передъ собою,
 Словно псы испуганнаго звѣря.
 Здѣсь шеломи, тамъ щить желѣзный брошень!

Тамъ несется конь съ вождемъ убитымъ,
 Что ногою въ стремени повиснулъ;
 Здѣсь одинъ вотще съ врагами бѣтса,
 Тамъ другой помилованья просить.
 Такъ татары были крѣпки въ битвѣ,
 Что налоги съ христіанъ собрали
 И два царства отняли большія:
 Старый Кіевъ да Новгородъ людной.
 Выросло горе на долинахъ;
 Весь народъ сходилса христіанскій,
 Собиралось ихъ четыре войска;
 Звали снова басурмановъ къ бою.
 Въ этотъ разъ татары взяли вправо,
 Словно туча съ градомъ надъ полями,
 Что грозить богатымъ урожаемъ:
 Издалеча рати такъ шумѣли.
 Вотъ и угры сдвинули дружины
 И грозой пошли на супостата,
 Да напрасны мужество и храбрость,
 Молодецкая напрасна доблесть:
 Одогѣли дикіе татары,
 Разметали угорское войско,
 Цѣлый край мечомъ опустошили.
 Христіанъ поквнула надежда!
 Было горе, всѣхъ горчѣе горе.
 Милосердому взмолились Богу,
 Чтобы спасъ ихъ отъ татаръ свирѣпныхъ:
 «Господи! возстань въ своемъ Ты гнѣвѣ,
 Отъ враговъ Ты намъ защитой буди,
 Что совсѣмъ сгубили наши души:
 Рѣжутъ насъ, какъ ярый волкъ овечекъ!»
 Бой потерявъ и другой потерявъ.
 Въ Землю Польскую пришли татары,
 Полонили все, что было близко,
 Додрались до града Оломуца.
 Тяжкая бѣда крутомъ вставала:
 Брали верхъ поганне татары.
 Бьются день, другой дерутся крѣпко;
 Никуда не клонится побѣда.
 Вотъ невѣрныхъ рати разрослися,
 Будто тьма вечерняя подъ осень.
 Посрединѣ ихъ рядовъ нечистыхъ
 Колебались христіанъ дружины,
 Продираясь ко святой часовнѣ,
 Гдѣ свѣтился чудотворный образъ.
 «Ну, за мною, братья!» такъ воскликнулъ,
 Въ щитъ мечомъ гремя, Внеславъ могучій,
 И хоругвь надъ головами поднялъ.
 Всѣ метнулись, какъ едино тѣло,
 На татаръ ударили жестоко,
 И, какъ пламень изъ земли, пробилсь

Вонъ изъ полчищъ нехристей поганыхъ.
 На пятахъ они подвѣлись въ гору,
 У подошвы развернули рати,
 А въ долину стали вострымъ клиномъ.
 Тутъ покрылись тяжелыми щитами,
 Справа, слѣва, и большія пики
 Взбросили на мѣгучныя плечи
 Другъ ко другу: задніе переднимъ.
 Тучи стрѣлъ летѣли въ басурманство.
 Только ночь остановила битву,
 Разостлавшись по землѣ и небу;
 Тѣмъ и тѣмъ она закрыла очи,
 Что, враждой раскалены, горѣли.
 Той порой, во мракѣ, христіане
 Навалили подъ горою насыпь.
 Какъ заря блеснула на востокъ,
 Зашумѣли ѳрды супостатовъ
 И кругомъ ту гору обступили:
 Не видать конца полхамъ несметнымъ!
 На коняхъ ине тамъ кружили
 И на длинныя втыкали пѣки
 Головы отъ труповъ христіанскихъ
 И носили предъ наметомъ ханскимъ.
 Собралися въ кучу всѣ ихъ силы,
 Къ одному они шатнулись боку
 И полѣзли по горѣ на нашихъ,
 Оглашая крикомъ всю окрестность,
 Ажно долъ и горы загудѣли.
 Христіане поднялись на насыпь;
 Вожья Матерь силу въ нихъ вложила:
 Натянулись ихъ тугіе луки,
 Ихъ мечи булатные сверкнули —
 Отступили отъ холма татары.
 Разъярился людъ ихъ некрещенный;
 Закипѣло сердце хана гнѣвомъ.
 На три полчища разбился таборъ,
 Съ трехъ сторонъ обложили ту гору;
 Тутъ скатили христіане бревна,
 Двадцать бревенъ, сколько тамъ ихъ было,
 И за валомъ ихъ сложили въ кучу.
 Подбѣжали къ насыпи татары,
 Въ облака ударились ихъ вопли
 И хотѣли вражьи дѣти насыпь
 Раскидать, но бревна покатались:
 Какъ червей приплюснуло тутъ нехристь
 И еще давило ихъ въ долину.
 Тѣ и тѣ потѣмъ рубились долго,
 Только ночь остановила битву.
 Господи! Внеславъ сражонъ могучій
 И на землю съ насыпи свалился.
 Одогѣло горе наши души,

Изсушила жажда всё утробы,
 Языки съ травы лизали рёсу.
 Вечеръ тихъ былъ передъ ночью холодной,
 Послѣ ночь смѣнилась утромъ сѣрымъ.
 Смирно было въ станѣ супостата.
 Разгорѣлся день передъ полуднемъ:
 Христіане падали отъ жажды,
 Рты свои сухіе отворяли,
 Криплымъ голосомъ молились Дѣвѣ,
 Истомленныя поднявши очи,
 Заломивши руки въ лютой скорби;
 Жалостно съ земли смотрѣли въ небо.
 «Намъ не въ мочь терпѣть такую жажду,
 Отъ нея не въ силахъ мы рубиться!
 Кто не смерти, живота желаетъ:
 Дождись милости татарской!»
 Такъ одни сказали, а другіе:
 «Лучше сгинуть отъ меча намъ, братья,
 Чѣмъ отъ жажды на холмѣ издохнуть!
 Хоть въ плѣну бы намъ воды напиться!»
 «Такъ за мною жь! къ нимъ Вестонъ воскликнуть:
 Коли такъ вы, братья, говорите,
 Коль измучились отъ жажды лютой!»
 Тутъ свирѣпымъ туромъ на Вестона
 Вратиславъ ударилъ и за плечи
 Онъ потрясъ его рукою мощной:
 «Ахъ ты змѣй, предатель океанный!
 Погубить людей ты хочешь добрыхъ!
 Чѣмъ бы милости просить у Бога,
 Ты зовешь ихъ въ мерзкую неволю.
 Не ходите, братья, на погибель!
 Вѣдь ужъ зной мы тяжкій пережили:
 Въ ярнй полдень Богъ намъ силы подалъ;
 Онъ еще подастъ, коль вѣрить будемъ.
 А такія рѣчи непотребны
 Тѣмъ, кого зовутъ богатырями!
 Пусть мы сгинемъ здѣсь отъ жажды лютой:
 Эта смерть отъ Бога будетъ, братья!
 А мечамъ невѣрнымъ отдадимся:
 Руки сами на себя наложимъ.
 Неудобна Господу неволя:
 Смертнй грѣхъ въ яремъ идти охотой.
 Кто такъ мыслить — тотъ за мною, мужи,
 Тотъ за мною ко святой иконѣ!»
 Двинулись къ часовнѣ христіане:
 «Господи! возстань въ Своемъ Ты гнѣвѣ!
 Дай смирить намъ силы супостата,
 Выслушай моленіе Ты наше!
 Мы отвсюду стиснуты врагами:
 Изъ оковъ нечистыхъ насъ Ты вырви
 И увлажъ росю намъ гортани!»

И Тебя мы славословить станемъ!
 Сокруши Ты нашихъ супостатовъ,
 Да не придутъ нехристи во-вѣкъ!»
 Глядь — ужъ тучка въ раскаленномъ небѣ!
 Дуютъ вѣтры, слышенъ рокотъ грома;
 Разостлались облака по небу,
 Мечутъ молніи на станѣ татарскій,
 Страшный ливень рвы холма наполнилъ.
 Миновала буря. Идутъ рати
 Изъ всѣхъ земель и странъ далекихъ,
 Къ Оломуцу вѣютъ ихъ хоругви;
 Тяжкіе мечи гремятъ у бѣдеръ;
 На плечахъ колчаны со стрѣлами,
 А на буйныхъ головахъ шеломи;
 Скачутъ-пляшутъ ретивые вои.
 Зазвенѣли вдругъ рога гѣсные,
 Бубны-трубы раздалися въ полѣ:
 Закипѣла яростная битва.
 Стало темно межъ землею и небомъ —
 И была послѣдняя то схватка!
 Звонъ и стужъ пошелъ отъ сабель вострыхъ,
 Засвистѣли стрѣлы вальенныя;
 Ломъ отъ копій, трескъ отъ никъ тяжелыхъ,
 И молитвы посреднѣ битвы,
 Плачь, тревога — и веселья много!
 Бровь лилась ручьями дождевыми;
 Чтò въ гѣсу деревьевъ, было труповъ.
 У того мечомъ разрубленъ черепъ,
 У того не стало рукъ по плечи,
 Тотъ съ коня валится черезъ брата,
 Тотъ врага, остервенясь, ломаетъ,
 Словно буря на скалахъ дерева;
 У иного мечъ торчитъ изъ реберъ,
 А тому отнесъ татаринъ ухо.
 Ухъ! кругомъ слышались вопли:
 Христіане сбиты, побѣжали;
 Гонять ихъ поганые татары.
 Но смотрите: Ярославъ несется,
 Чтò орелъ летить, могучій витязъ;
 На груди его желѣзныи панцирь,
 А подъ нимъ отвага и удача;
 Подъ шеломомъ крѣпкимъ разумъ быстрый,
 А въ очахъ играетъ гнѣвъ и ярость;
 Расходился, будто левъ косматый,
 Чтò, почувавъ запахъ теплой крови,
 Раненый, бѣжитъ за человѣкомъ.
 Такъ онъ мчался, лютой, на татарство.
 Чехи съ нимъ, что градъ изъ темной тучи.
 Онъ на сына ханскаго нагрнулъ —
 И борьба межъ ними закипѣла:
 Никами тяжелыми сразились —

Да сломились пики у обоихъ.
Ярославъ съ конемъ обрѣваннымъ
Ринулся, махнулъ мечомъ широкимъ
И разнесъ Кубланча до брюха.
Паль Кубланчъ бездыханнымъ трупомъ,
Глухо звякнувъ на плечахъ колчаномъ.
Басурмане всѣ оторопѣли,
Пометали саженныя копыя —
И кто могъ пуститься по долину
Въ тѣ края, отколь приходитъ солнце.
И враговъ татаръ не стало въ Ганѣ.

4.

ЧЕСТИРЬ И ВЛАСЛАВЪ.

Князь Некланъ велитъ сразаться
Словомъ княжескимъ къ походу
Противу Власлава.
Собрались, встали рати,
Собрались по слову князя,
Противу Власлава.

Чванился Влаславъ побѣдой
Надъ Некланомъ, славнымъ княземъ,
И вносилъ огонь и мечъ
Онъ въ Неклановы предѣлы;
И своимъ удалымъ людемъ
Онъ приказывалъ надъ княземъ
Непотребно издѣваться.
«Чмиръ, веди мои дружины!
Все ругается надъ нами
Князь Влаславъ, нашъ врагъ надменный!»
Чмиръ встаетъ, веселый духомъ,
И снимаетъ щитъ свой черный,
Что съ двумя зубами *) сдѣланъ,
Да беретъ тяжелый молотъ
И шеломи несокрушимый;
А потомъ богамъ приносятъ
Подо всѣ деревья жертвы. **)
Громкимъ голосомъ онъ крикнулъ:
Рати строятся рядами.
Вотъ пошли передъ зарею;
Цѣлый день въ походѣ были;
Шли, когда и солнце сѣло.

*) Думаютъ, что это былъ щитъ на двухъ ножкахъ съ железными остріями, которые втыкались въ землю, когда воякъ готовился отразить врага.

**) Таковъ былъ обрядъ жертвоприношенія у древнихъ чеховъ.

Шли они на холмъ высокій.
Дымъ отъ селъ валитъ клубами;
Въ селахъ жалобныя вопли.

«Кто спалилъ тѣ села?
Кто принесъ вамъ слезы?
Не Влаславъ ли гордый?
Больше онъ не будетъ
Храбровать надъ вами:
Я иду злодѣю
Отомстить за братьевъ!»
Тутъ сказали Чмиру:
«Окаянный Крувой
Завладѣлъ въ долинахъ
Нашими стадами;
Въ села ввесь онъ горе
Смертью и пожаромъ;
Все сгубилъ, что было
Въ жизни намъ потребой;
Взялъ и воеводу!»

На Крувой Чмиръ озлился,
И въ груди его широкой
Злоба закипѣла,
Потрясла всѣ члены.
«Братья!» крикнулъ, «нынче утромъ
Будетъ крѣпкая работа;
А теперь даю вамъ отдыхъ!»
Горы влѣво, горы вправо;
На хребтѣ у нихъ высокомъ
Красно солнышко играетъ.
И отсюда черезъ горы,
И оттуда черезъ горы
Идутъ чмировы дружины
И несутъ съ собою битву
Прямо къ городу, что выросъ
На скалѣ, скалѣ высокой.
Крувой заперъ тамъ Воймира,
Съ нимъ и дочь его младую,
Что въ лѣсу густомъ похитилъ,
Тамъ, подъ сѣрою скалою,
Гдѣ ругался надъ Некланомъ.
Крувой вкляту далъ Неклану
Быть ему слугою вѣрнымъ
И десницу князю подаль;
Только тѣми же рѣчами,
Той же самою рукою
Онъ бѣду принесъ народу.
«Ну, за мной къ стѣнамъ высокимъ,
Добры молодцы, за мною!»
И отважная дружина

Быстро двинулася къ замку,
 Слова чмірова послушавъ —
 Тучей двинулася съ градомъ.
 Тяжкіе щиты сомкнувши плотно,
 Рядъ передній весь покрылся ими;
 Тѣ, что сзади, оперлись на копыя
 И, всадивъ ихъ поперегъ въ деревья,
 Всею тяжестью на нихъ повисли.
 Ихъ мечи тутъ загремѣли
 Надъ вершинами глѣсными,
 На мечи кидаясь вражьи,
 Что изъ замка поднимались.
 На стѣнѣ, какъ быкъ, метался Крувой,
 Въ осажденныхъ разжигая храбрость.
 Мечъ его на прагъ падалъ,
 Словно дубъ съ горы высокой,
 Что, валясь, деревья ломить;
 Столько было подъ стѣнами
 Воиновъ Некмана-князя.
 Чміръ велѣлъ идти на городъ сзади;
 Спереди жь, черезъ ограду,
 Онъ скакать велѣлъ дружинѣ.
 Тамъ два дерева стояло:
 Прислонилися деревья
 Подъ скалой къ оградѣ самой —
 Пусть на нихъ летятъ колоды,
 А головъ не тронуть буйныхъ!
 Тутъ-то, спереди, поставилъ кучу
 Молодцовъ онъ дюжихъ и широкыхъ,
 Таки-что все они срослися
 Богатырскими плечами.
 Поперегъ они на плечи
 Жерди длинныя взмахнули,
 Ихъ веревкой вдоль связали
 И на древки оперлися.
 Тутъ на жерди къ нимъ другіе
 Мужики крѣпкіе вскочили;
 Копья вскинули на плечи
 И веревкою связали.
 Третій рядъ вскочилъ на этихъ,
 Тамъ четвертый рядъ на третій;
 А ужъ пятые достали
 До вершины самой замка.
 Тутъ мечи блеснули сверху,
 Сверху стрѣлы засвистѣли,
 Сверху бревна повалились.
 Черезъ стѣны прагъ, какъ волны,
 Хлынули и замкомъ завладѣли.
 «Выйди, выйди, Войміръ, ты на волю,
 Выйди съ дочерью милою своею!»

Утро ясное въ небѣ играетъ!
 Посмотри, какъ злодѣю Крувою
 Буйну голову нынче отрубятъ!»
 На зарѣ вышелъ витязь могучій,
 Дочь-красавицу вывелъ съ собою,
 И увидѣлъ, какъ злого Крувою
 Казнью лютой, безчестной казнили.
 Отослалъ Чміръ добычу къ народу,
 А съ добычей вернулась и дѣва.

Тутъ Войміръ хотѣлъ готовить жертву
 Въ томъ же мѣстѣ, въ ту же солнца пору.
 «Нѣтъ, въ походѣ къ нему Честміръ воскликнулъ:
 Чѣмъ скорѣе, тѣмъ къ побѣдѣ ближе!
 Погонимъ богамъ сжигать мы жертву;
 Намъ карать велятъ Власлава боги.
 А какъ станетъ солнышко на полдень —
 Соберемся мы, гдѣ надо будетъ,
 И войска намъ прокричатъ побѣду.
 Вотъ тебѣ оружіе Крувою,
 Нѣдруга лихого — и поѣдемъ!»
 Закипѣлъ Войміръ весельемъ буйнымъ;
 Громкимъ голосомъ съ горы онъ крикнулъ
 Изъ гортани сильной, ажно дрогнувъ
 Темный глѣсъ: «Не гнѣвайтесь вы, боги,
 За мое предъ вами прегрѣшенъе,
 Что сегодня я не жгу вамъ жертвы!»
 А Честміръ: «За нами эта жертва!
 Но пора и въ битву съ супостатомъ.
 На коня садись-ка ты лихого,
 Да лети ты черезъ боръ оленемъ.
 На дорогѣ, близъ дубравы темной,
 Повстрѣчаешь небольшую гору:
 Эту гору полюбили боги!
 Тамъ сожги ты имъ святую жертву
 За свое чудесное спасенъе,
 За побѣду, что была за нами,
 За побѣду, что еще предъ нами!
 Ты придешь на это мѣсто прежде,
 Чѣмъ подвинется на тверди солнце;
 А когда ужъ двѣ и три ступени
 Пробѣжитъ оно и надъ глѣсами
 Станетъ тамъ — придутъ и рати наши
 Въ тѣ мѣста, гдѣ дымъ столбомъ взовѣется
 Къ небесамъ отъ жертвы приносимой;
 Тамъ дружины голову преклонятъ.»
 На коня тогда Войміръ садился,
 Полетѣлъ онъ черезъ боръ оленемъ
 Къ той горѣ, что близъ дубравы темной;
 Тамъ сжигалъ богамъ святую жертву
 За свое чудесное спасенъе,

За побѣду, что была за ними,
 За побѣду, что еще предъ ними,
 Сожигалъ онъ добрую телицу;
 Шерсть на ней червоная блестѣла.
 Ту телицу онъ купилъ въ долинѣ,
 Что густою поросла травою;
 За телицу пастухамъ оставилъ
 Онъ коня и съ нимъ его уздечку.
 Какъ святая запылала жертва —
 Подходили воины къ долинѣ
 И въ дубраву другъ за другомъ шумно
 Поднимались, брякая мечами.
 Каждый воинъ обходилъ вершину
 И богамъ провозглашалъ онъ славу;
 Проходя, мечомъ не медилъ браннуть.
 А когда осталось ихъ немного,
 На коня Воймиръ лихо прыгнулъ
 И велѣлъ поднять остатки жертвмъ
 Шестерымъ онъ всадникамъ послѣднимъ:
 Два плеча и жирныя лопатки.
 Вотъ пошли дружины вмѣстѣ съ солнцемъ.
 На полуднѣ солнышко стояло,
 А въ долинѣ князь Влаславъ надменный
 Поджидалъ ихъ съ силами своими,
 Что отъ лѣса протянулись къ лѣсу.
 Впятеро ихъ было больше пражанъ.
 Словно въ тучѣ, тамъ гремѣли громы
 И собаекъ тамъ заливались стаи.
 «Трудно будетъ биться намъ съ врагами:
 Палицы не переломишь коломъ!»
 Такъ Воймиръ, а Чмиръ ему на это:
 «Хорошо лишь про-себя то вѣдать!
 Лучше быть всегда на все готову!
 Развѣ лбомъ ты гору поворотншь?
 А лиса проводитъ вѣдь и тура.
 Съ высоты Влаславу нашихъ видно:
 Такъ придется обойти намъ гору,
 Чтобы тѣ, что впереди-то идутъ,
 Позади за нами очутились;
 Тамъ и ну ходить вокругъ вершины!»
 И Воймиръ устроилъ дѣло съ Чмиромъ:
 Девять разъ, по ихъ наказу, войско
 Девять разъ ту гору обходило.
 Такъ ихъ силы выросли съ виду,
 Такъ враги все болѣе пугались.
 Вдругъ вся рать въ кустахъ остановилась
 И мечи врагу блеснули въ очи:
 Вся вершина будто жаръ горѣла.
 Тутъ выходитъ смѣлый Чмиръ съ отрядомъ,
 А въ отрядѣ томъ четыре части;
 Въ ту же пору Трясъ на супостата

Налетѣлъ изъ-за деревьевъ частыхъ
 И враговъ перепугалъ онъ сзади:
 Ихъ ряды, смѣшавшись, побѣжали;
 Но Воймиръ своей рукою храброй
 Заградилъ имъ ночью выходъ въ поле
 И ударилъ съ боку на Власлава.
 Ухъ! какъ лѣсъ-то затрепещалъ широкий:
 Словно горы тамъ съ горами бились
 И деревья на себѣ ломали!
 Тутъ Влаславъ понесся противъ Чмира;
 Встрѣтилъ Чмиръ его ударомъ тяжкимъ;
 Закипѣла битва между ними —
 И Влаславъ на землю повалился.
 По землѣ катается онъ страшно,
 Въ бокъ и въ задъ, а справиться не можетъ:
 На покой зоветъ его Морена;
 Кровь изъ тѣла крѣпика струится,
 По травѣ бѣжитъ въ сырую землю
 И душа изъ телыхъ устъ порхнула;
 Тамъ и сямъ она летала долго,
 Съ дерева на дерево, покуда
 Не сожжонъ былъ на кострѣ убитый. *)
 Побѣжали воины Власлава
 И ударились, въ испугѣ, въ гору,
 Тренеща передъ очами Чмира,
 Что въ бою сразилъ Власлава-князя.
 Загремѣли вѣсти о побѣдѣ;
 Ихъ Негланъ веселымъ ухомъ слышитъ,
 И свою военную добычу
 Радостнымъ оглядываетъ окомъ.

5.

ЛЮДИША И ЛЮБОРЪ.

Старъ и младъ, внимай разсказу
 О бояхъ и ратоборствахъ!
 Жилъ когда-то князь за Лабой;
 Князь богатый, славный, добрый;
 Дочь-краса была у князя,
 И ему и всѣмъ по сердцу;
 Красотою свѣтъ дивила:
 У нея былъ станъ высокий,
 Бѣлый ликъ, а на ланитахъ
 Расцвѣталъ живой румянецъ;
 Очи были — словно небо;
 По плечамъ же бѣлоснѣжнымъ

*) Чехи-язычники полагали, что душа мертвого не успокоится до-тѣхъ-поръ, пока не сожгутъ тѣла.

Разсыпались золотыя
 Кудри, въ кольца завиваясь.
 Князь посламя велить сражаться —
 Звать къ нему бояръ окольныхъ
 На великій праздникъ въ городъ.
 День уставленный приходитъ:
 Все боярство собралоса
 Изъ земель и странъ далекихъ
 На великій пиръ, на праздниѣ.
 Бубны-трубы загремѣли.
 Подошли бояре къ князю,
 Подошли и поклонились
 Низко князю и княгинѣ,
 И княжнѣ, дѣвицѣ красной;
 За столы потомъ усѣлись
 Всѣ по сану и по роду.
 Тутъ прислуга подносила
 Яства дивныя боярамъ,
 Подносила медъ шиучій.
 То-то былъ веселый праздниѣ!
 То-то было пированье!
 Въ члены сила набиралась,
 Душу бодрость напояла.
 Князь сказалъ тогда боярамъ:
 «Мужи, тайну я отворю,
 Для чего собралъ васъ нынѣ:
 Мужы славные! хочу я
 Испытать теперь, пзвѣдать,
 Кто изъ васъ мнѣ всѣхъ нужнѣе.
 Благо ждаты войны и въ мирѣ:
 Насъ вѣдъ нѣмцы окружаютъ!»
 Князь сказалъ — и всѣ бояре
 Изъ-за трапезы поднялись
 И, поднявшись, поклонились
 Низко князю и княгинѣ
 И княжнѣ, дѣвицѣ красной.
 Бубны-трубы загремѣли.
 Изготовились бояре.
 Посреди равнины свѣтлой,
 На разубранномъ балконѣ
 Князь сидѣлъ передъ народомъ
 Со своими старшинами;
 Близъ него была княгиня,
 Съ именитыми женами
 И съ подругами Людиша.
 И воскликнулъ князь къ боярамъ:
 «Кто пойдетъ на битву первый,
 Самъ я, князь, того назначу!»
 Указалъ онъ на Стребора;
 Вызвалъ Стреборъ Людислава.
 На коней садятся оба;

Всякъ беретъ по вострой пицѣ;
 Другъ на друга поскакали,
 Долго бились и боролись,
 Оба древка изломали
 И, отъ боя истомасы,
 Вышли вонъ изъ-за ограды.
 Бубны-трубы загремѣли —
 И воскликнулъ князь къ боярамъ:
 «Кто пойдетъ вторымъ на битву,
 Пусть княгиня намъ укажетъ!»
 И княгиня указала
 На Серпоша. Онъ выходитъ,
 Вызываетъ Спитибора.
 На коней садятся оба;
 Всякъ беретъ по вострой пицѣ
 И помчались другъ на друга.
 Выбилъ Серпошъ Спитибора,
 Самъ съ коня спрыгнувъ онъ на землю;
 За мечи схватились оба —
 И запрыгали удары
 По щитамъ ихъ по тяжелымъ
 И посыпались искры.
 Спитиборъ Серпоша ранилъ,
 Тотъ на землю палъ срую.
 Истомасы отъ боя, оба
 Вышли вонъ изъ-за ограды.
 Бубны-трубы загремѣли —
 И воскликнулъ князь къ боярамъ:
 «Кто пойдетъ на битву третьимъ,
 Пусть Людиша намъ укажетъ!»
 И Людиша указала
 На Любора. Онъ выходитъ,
 Вызываетъ Болемира.
 На коней садятся оба;
 Всякій взялъ по вострой пицѣ —
 И вскакали внутрь ограды.
 Другъ на друга понеслися,
 Пицы вострыя скрестились —
 Люборъ выбилъ Болемира;
 Щитъ его далеко прянулъ;
 Самого жъ его прислуга
 Понесла изъ-за ограды.
 Бубны-трубы загремѣли.
 Люборъ въ бой идетъ съ Рубошемъ.
 На коня садится Рубошъ,
 Быстро скачетъ на Любора;
 Люборъ вмигъ копые Рубоша
 Пересѣкъ мечомъ тяжелымъ
 И врага въ шоломъ ударилъ.
 Рубошъ палъ съ коня на землю
 И взяла его прислуга.

Бубны-трубы загремѣли.
 Люборъ кликнулъ за оградой:
 «Кто теперь со мною хочетъ,
 Выходи плечо помѣрять!»
 И пошолъ въ народѣ говоръ.
 Люборъ ждетъ-стоитъ въ оградѣ.
 Вотъ Здеславъ качаетъ пикой,
 А на пикѣ турій черешъ;
 На коня Здеславъ садится,
 Горделиво похваляясь:
 «Прадѣдъ мой осинилъ тура,
 Разогналъ отецъ мой вѣмцевъ,
 А меня спознаетъ Люборъ!»
 Другъ на друга поскакали,
 Лбами крѣпкими сразились —
 И слетѣли оба съ сѣделъ.
 За мечи схватились быстро
 И рубиться ими стали;
 Гулъ стоялъ отъ ихъ ударовъ;
 Люборъ съ боку вдругъ награнуль
 И въ шоломъ врага ударилъ
 И разбилъ шоломъ на части.
 Ихъ мечи потѣмъ скрестились:
 Выбить мечъ изъ рувъ Здеслава,
 Полетѣлъ онъ за ограду,
 А Здеславъ на землю рухнулъ.
 Бубны-трубы загремѣли.
 Обступили всѣ Любора,
 Повели предъ очи князя,
 И княгиня и Людиши;
 И княжна вѣнокъ дубовый
 Возложила на Любора.
 Бубны-трубы загремѣли.

6.

ЗАБОЙ И СЛОВОЙ.

Поднимается скала надъ лѣсомъ;
 На скалѣ стоитъ Забой могучій
 И во всѣ концы кидаетъ взгляды.
 Возмутился духъ его печалью —
 И Забой заплакалъ, что твой голубь.
 Тамъ сидѣлъ онъ долго, смутенъ сердцемъ,
 Вдругъ вскочилъ и побѣжалъ оленемъ
 Черезъ боръ широкій и пустынный;
 Побывалъ у каждаго онъ мужа,
 Къ сильному отъ сильнаго онъ мчался,
 Рѣчь держалъ короткую со всякимъ,

Преклонялъ чело передъ богами
 И къ другимъ оттуда онъ пускался.
 Минуль день; за нимъ другой проходить;
 Въ третій день блеснулъ на небѣ мѣсяцъ.
 Собралися мужи въ лѣсъ дремучій;
 Тѣхъ мужей ведетъ Забой въ долину,
 Что лежала межъ лѣсовъ глубоко.
 Самъ онъ сталъ среди ложбины низкой;
 Въ варито *) рукою ударяетъ.
 «Мужи, съ вѣрнымъ братскимъ сердцемъ,
 Мужы искренніе взоромъ!
 Вамъ пою въ глубокой я долині, **)
 Отъ глубокаго пою вамъ сердца,
 Что печалью возмутилось!
 Нашъ отецъ ушолъ къ отцамъ
 И дѣтей покинулъ малыхъ,
 И подругъ своихъ покинулъ,
 Не сказавши никому:
 Братъ! поди, поговори ты съ ними,
 Какъ отецъ съ родимою семьею!
 И пришолъ чужой въ предѣлы наши;
 Зашумѣлъ на насъ чужою рѣчью;
 И, какъ тамъ живутъ съ утра до ночи,
 Такъ и нашимъ жонамъ и ребятамъ
 Жить велѣлъ, и каждому онъ мужу
 По одной велѣлъ держать подругѣ
 На пути съ Весны и до Мораны; ***)
 Ясныхъ кречетовъ изъ бору выгналъ
 И боговъ, что боги на чужбинѣ,
 Приказалъ любить онъ нашимъ людямъ
 И святныя сожигать имъ жертвы;
 А своимъ никто не смѣй молиться
 И въ потемкахъ приносить имъ пищу.
 Гдѣ отецъ кормилъ боговъ родимыхъ,
 Гдѣ молился, гдѣ пѣвалъ имъ славу —
 Онъ посѣлъ священныя деревья
 И боговъ кумиры испровергнулъ.»
 — «Ты, Забой, поешь отъ сердца сердцу
 Пѣсню горя, какъ Люмиръ ****), что двигалъ
 Вышеградъ и всѣ его предѣлы
 Пѣснями да крѣпкими словами:
 Такъ и ты меня и братьевъ тронулъ;
 Добраго пѣвца и боги любятъ!

*) Музыкальный инструментъ со струнами, въ родѣ козбы.

**) Пѣвцы того времени становились или садились во время пѣвня обыкновенно ниже тѣхъ, кому пѣли.

***) Весною называлась у чеховъ богиня весны и молодости, а потомъ и самая весна и молодость. Морана была, напротивъ, богиня зимы, смерти, а также и самая зима и смерть.

****) Древній пророкъ-пѣвецъ.

Пой! отъ нихъ поешь ты пѣсни,
 Чтò мутать все наше сердце
 Противъ недруга лихого!»
 Посмотрѣлъ Забой, какъ у Славоя
 Разгорѣлись, раскалились очи —
 И запѣлъ онъ пѣсню снова,
 Чтòбъ сердца расшевелились:
 «Жило-было двое братьевъ;
 Какъ ужъ стали голосами
 На мужей они похожи,
 Всякій день ходили въ рошу
 И въ мечу, копью и млату
 Приучали тамъ десницу;
 Прятали въ густомъ лѣсу оружье
 И съ веселымъ сердцемъ возвращались.
 А какъ стали руки братьевъ крѣпки,
 Выходили братья въ бой кровавый.
 А межъ тѣмъ братишки ихъ другіе
 Подростали и во слѣдъ за тѣми
 На враговъ летѣли, словно буря;
 И отчизна ихъ цвѣла въ покоѣ!»
 Всѣ къ Забою, къ молодцу прыгнули
 И пѣвца въ объятяхъ сжали крѣпкихъ,
 Клади руки сильныя на перся
 И умно-разумно говорили.
 До разсвѣту было ужъ недолго.
 Выходили изъ долины мужи
 Выходили розно, темнымъ лѣсомъ
 И по всѣмъ дорогамъ разбрелися.
 День проходить, и другой проходить,
 А на третій день, какъ ночь настала,
 Въ темный лѣсъ пошолъ Забой
 И за нимъ пошли дружины;
 Въ темный лѣсъ пошолъ Славой
 И за нимъ пошли дружины.
 Всякъ покоренъ воеводѣ;
 Королю же всякъ тамъ недругъ,
 Всякъ его сгубить замыслилъ.
 «Гой еси ты, братъ Славой!
 Къ голубой ступай вершинѣ,
 Чтò надъ всѣмъ поднялась краемъ:
 Тамъ собираться надо будетъ.
 На востокъ отъ той вершины,
 Видишь, лѣсъ идетъ дремучій:
 Тамъ рукой ударимъ въ руку.
 Пробирайся жъ ты лисицей,
 Я туда жъ приду съ полками.»
 — «Гой еси ты, братъ Забой!
 Для чего оружье наше
 Оставлять въ покоѣ долго?
 Чтòбъ грануть намъ отсюда!»

— «Ты послушай, братъ Славой!
 Коль извѣсть ты хочешь змѣя,
 Наступи ему на горло:
 Горло вражье на вершинѣ!
 Пò лѣсу разбились мужи,
 И направо и налево.
 Эти идутъ, слушая Забоя,
 Тѣ — по слову храбраго Славоя,
 Темнымъ лѣсомъ, къ синей той вершинѣ.
 Въ пятый разъ восходитъ солнце красно.
 Тутъ вожди другъ другу руку
 Подаютъ и лисямъ окомъ
 Съ той вершины озираютъ
 Королевскія дружины.
 «Насъ однимъ разбить ударомъ
 Хочетъ Людекъ: вишь, полки собираетъ!
 Эй ты, Людекъ! ты теперь холопомъ
 Надъ холопами у нихъ поставленъ!
 Палачу ты своему скажи-ка,
 Чтò его приказы — дымъ для нашихъ!»
 Разъярился буйный Людекъ;
 Войско быстро онъ сзываетъ.
 Много свѣту было въ небѣ:
 Красно солнце тамъ играло,
 И играло красно солнце
 На дружинахъ королевскихъ.
 Всѣ они въ походъ готовы
 И поднять готовы руку,
 Коли вождь прикажетъ Людекъ.
 «Гой ты, гой ты, братъ Славой!
 Ты зайди лисицей сзади,
 Я жъ ударю имъ на встрѣчу!»
 И пошолъ Забой, какъ туча съ градомъ,
 И Славой пошолъ, какъ туча съ градомъ:
 Этотъ съ боку, тотъ ударилъ прямо.
 «Братъ! вонъ эти лиходѣи,
 Чтò боговъ у насъ низвергли,
 Порубили рощи наши,
 Ясныхъ кречетовъ прогнали!
 Намъ пошлютъ побѣду боги!»
 Разозлился Людекъ, заметался;
 Онъ изъ полчищъ на Забоя вышелъ;
 И Забой, свервая взоромъ, встрѣтилъ
 Людека. Чтò дубъ схватился съ дубомъ
 Средь лѣсовъ: такъ Людекъ на Забоя
 Налетѣлъ среди обѣихъ ратей.
 Людекъ поднялъ тяжкій мечъ
 И пробилъ въ щигѣ три кожи;
 Тутъ Забой пускаетъ молотъ —
 Людекъ въ сторону отпрянулъ;
 Угодилъ тяжелый молотъ,

Угодилъ онъ въ дубъ высокій —
 Дубъ на воиновъ свалился,
 И къ отцамъ пошло ихъ тридцать.
 Разъярился Людекъ: «Звѣрь ты дикій,
 Злющая ты гадина, ехидна!
 Ну-ка выйди на мечакъ со мною!»
 И махнулъ Забой мечомъ:
 Отлетѣлъ у супостата
 Отъ щита большой осколокъ.
 Людекъ самъ ударъ заноситъ —
 Да скользнулъ булатъ по кожѣ,
 Чтò была по сверху щита Забоя.
 Распалились оба воеводы,
 Сыпали тяжелые удары
 И забрызгали другъ друга кровью;
 Всѣ въ крови и вошны ихъ были,
 Чтò вокругъ вождей рубились крѣпко.
 На полуднѣ стало солнце
 И пошло ужъ къ вечеру съ полудня;
 Но вожди безъ умолку все бились.
 Здѣсь выпѣла яростная сѣча,
 Да и тамъ Славой сражался ладно.
 «Ахъ ты, врагъ безъ угомону!
 Чтòбы взялъ тебя нечистый!
 Чтò ты кровь-то нашу точишь!»
 И Забой свой молотъ поднялъ,
 Да отпрыгнулъ буйный Людекъ;
 Поднялъ тотъ свой молотъ снова
 И пустилъ имъ въ супостата;
 Молотъ свиснулъ — вражій щитъ разбился
 И разбились Людековы перси,
 А душа изъ тѣла полетѣла;
 Молотъ выпутнулъ оттуда душу
 И пронесся въ войско на пять сажень.
 Страхъ напалъ на вражьи рати,
 Вырывая вошь изъ ихъ гортани.
 У Забоя жъ люди веселились
 И въ очахъ у нихъ играла радость.
 «Братья! боги дали намъ побѣду!
 Раздѣлитесь, братья, на двѣ части —
 И въ походъ направо и налѣво!
 Изъ всѣхъ долинъ коней споняйте:
 Пусть заржутъ они въ дубравахъ этихъ!»
 — «Братъ Забой! удалый левъ!
 Бей враговъ ты безъ пощады!»
 Щитъ Забой на землю бросилъ,
 Въ руку взялъ тяжелый молотъ,
 А въ другую мечъ булатный —
 И дорогу межъ врагами
 Проложилъ себѣ онъ разомъ.
 Зашумѣли, дрогнули дружины!

Тутъ погналъ ихъ съ тылу Трясъ могучій,
 И они со страху завопили.
 Кони ржутъ въ густомъ лѣсу.
 «На коней и за врагами!
 Черезъ весь ихъ край гоните!
 Быстры кони, мчитесь, мчитесь
 По пятамъ злодѣевъ нашихъ!»
 И отряды на коней вскочили
 Скокъ-по-скокъ погнали за врагами,
 Сыпя за ударами удары.
 Проскакали горы, лѣсъ, равнины —
 Справа, слѣва все назадъ бѣжало.
 Вдругъ рѣка шумитъ предъ ними,
 За волнами волны катить.
 Воины спрыгнули въ рѣку
 И враговъ передъ собой погнали.
 Тутъ чужихъ топили наши волны,
 А своихъ на берегъ выносили.
 Все леталъ надъ тѣми надъ полями
 На широкихъ крыльяхъ лютый коршунъ,
 И гонялъ онъ малыхъ птишекъ;
 А дружины смѣлыя Забоя
 По полямъ, разсыпавшись, бѣжали
 За врагами, ихъ разили всюду
 И топтали ярмы конями.
 Ночью гнали, какъ свѣтилъ имъ мѣсяцъ;
 Гнали днемъ, когда свѣтило солнце.
 Тамъ опять скакали ночью,
 Тамъ зарей на утрѣ сѣромъ.
 Вдругъ рѣка шумитъ предъ ними,
 За волнами волны катить.
 Воины спрыгнули въ рѣку
 И враговъ передъ собой погнали.
 Тутъ чужихъ топили наши волны,
 А своихъ на берегъ выносили.
 «Ну, къ сѣдмъ туда вершинамъ,
 Тамъ конецъ кровавой мести!»
 — «Ты послушай, братъ Забой:
 До горы ужъ недалеко,
 И враговъ немного стало;
 Да и тѣ о жизни молятъ.»
 — «Такъ назадъ веди дружины!
 Я жъ пойду и доконаю
 Всѣхъ послѣднихъ королевцевъ!»
 Въ томъ краю прошли мятели;
 Въ томъ краю прошли дружины,
 Въ томъ краю, направо и налѣво;
 Тамъ и сямъ дружины видны,
 Крики радостные слышны.
 «Братъ, ужъ вотъ она, вершина,
 Гдѣ намъ боги шлютъ побѣду!

Тамъ изъ тѣлъ выходятъ души
И порхають по деревьямъ;
Звѣрь и птицы ихъ боятся,
Не боятся только совы.
Погребать пойдемъ убитыхъ,
Да боговъ своихъ покормимъ,
Принесемъ большія жертвы
Имъ, спасителямъ народа;
Возгласимъ и честь и славу,
И положимъ все предъ ними,
Что у недруговъ отбили!»

7.

ЗБИГОНЬ.

Сизъ леталъ голубчикъ
По кустамъ зеленымъ;
Высказывалъ горе
Онъ темному лѣсу:
«Ахъ ты, лѣсъ широкій!
Здѣсь леталъ я прежде
Съ дорогой подружкой,
Съ голубицей милой;
Да подружку-душку
Збигонь-недругъ отнялъ
И въ каменный городъ
Онъ бѣдняжку заперъ!»
Подъ стѣнами замка
Молодецъ гуляетъ,
О красѣ-дѣвицѣ
Воздыхаетъ, плачетъ.
Отъ того ли замка
Уходилъ онъ въ горы;
На горѣ садился,
И молчалъ онъ долго
Вмѣстѣ съ лѣсомъ темнымъ.
Вотъ летитъ голубчикъ,
Жалобно воркуетъ.
Молодецъ удалый
Голубочку молвилъ:
«Что ты, сизъ-голубчикъ,
Стопешъ такъ и плачешъ?
Али одинокимъ
Ты живешъ на свѣтѣ?
Али соколъ быстрый
Заклевалъ подружку?
У меня вотъ Збигонь
Милую похитилъ
И въ каменномъ замкѣ

Дорогую заперъ.
Ты бы, сизъ-голубчикъ,
Съ соколомъ подрася,
Кабы сердце было
У голубя храбро.
Ты бы вѣдь подружку
У злодѣя отнялъ,
Кабы остры когти
У тебя случились.
Ты задралъ бы, сизый,
Вора-лиходѣя,
Лишь родись ты съ клѣвомъ,
Съ вѣршиемъ, плотояднымъ!»
— «Молодецъ удалый!
Ну-ка поднимайся
И ударь ты смѣло
Въ Збигоня-злодѣя!
У тебя, вѣдь, сердце
Нетрусливо, храбро;
У тебя, вѣдь, латы,
Ратные доспѣхи,
У тебя, вѣдь, молотъ,
Молотомъ желѣзный!»
И пошелъ онъ доломъ
И дремучимъ лѣсомъ;
Взялъ броню съ собою
И желѣзный молотъ.
Вотъ подъ стѣны замка
Молодецъ приходитъ.
Былъ онъ подъ стѣнами —
Ночь, ни зги не видно.
Онъ рукою сильною
Постучалъ въ ворота.
— «Кто за воротами?»
Изъ замка спросили.
— «Молодой охотникъ
Ночью заблудился!»
Отперли ворота.
Онъ еще ударилъ:
Отперли другія.
— «Гдѣ владыка Збигонь?»
— «Въ терему высокомъ!
Тамъ онъ затворился;
Тамъ краса-дѣвица
Молодая плачетъ.»
— «Отворяй-ка двери!»
Збигонь не послушалъ.
Молодецъ ударилъ
Молотомъ желѣзнымъ —
Распахнулись двери;
Въ голову онъ послѣ

Збигоня ударилъ —
 Збигонь повалился.
 Юноша по замку
 Побѣждалъ и въ замкѣ
 Все побилъ живое;
 А потомъ съ подружкой,
 Съ дорогою, съ милой,
 Спалъ онъ до разсвѣту.
 Разъигралось солнце,
 Сквозь деревья свѣтитъ
 На каменный городъ.
 Разъигралась радость
 У мѣлодца въ сердцѣ,
 Что красу-дѣвицу
 Обнималъ онъ снова
 Сильною рукою.
 — «Это чья голубка?»
 — «Збигонь ту голубку
 Изловилъ въ дубравѣ
 Да и заперъ пташку,
 Какъ меня, бѣдняжку!»
 — «Такъ лети жь, голубка,
 Ты теперь изъ замка!»
 Вотъ и полетѣла
 Въ лѣсъ она широкій;
 Тамъ и сямъ порхала
 Съ кустика на кустикъ;
 Со своимъ ли другомъ,
 Съ голубочкомъ сизымъ,
 На одной на вѣткѣ
 Ночку почевала.
 Веселилась дѣва
 Съ мѣлодцомъ удалымъ;
 Тамъ и сямъ гуляла,
 Гдѣ млада хотѣла,
 И спала съ любезнымъ
 На одной кровати.

8.

ОЛЕНЬ.

Скачетъ олень по долинамъ,
 Пригаетъ онъ по горамъ,
 Носить по цѣлому краю,
 Носить крутые рога.
 Рѣжетъ крутыми рогами
 Сучья въ дремучемъ лѣсу;
 По лѣсу летмя летаетъ,
 Скачетъ на быстрыхъ ногахъ.

Хаживалъ мѣлодецъ въ горы
 Доломъ широкимъ на брань,
 Тяжеля нашивалъ стрѣлы,
 Вражю мощь поражалъ.
 Добраго мѣлодца нѣту!
 Лютый награнулъ злодѣй,
 Злобой глаза распалились,
 Молотъ желѣзный сверкнулъ
 Юношу въ перси ударилъ:
 Всплакались темны лѣса!
 Вышла изъ мѣлодца, вышла,
 Душенька вышла душа,
 Горломъ пошла лебединымъ,
 Въ алы порхнула уста.
 Вотъ онъ лежитъ; за душою
 Точится теплая кровь;
 Кровь мѣлодецкую тихо
 Пьетъ мать сырая земля.
 Сердце у дѣвицы каждой
 Стонеть и больно болить.
 Юноша въ хладную землю,
 Въ хладную землю зарытъ;
 Дубъ на немъ выросъ, дубочекъ,
 Вѣтви пустилъ широкѣ.
 Ходить олень круторогой,
 Скачетъ на прыткихъ ногахъ,
 Щиплетъ зеленые листья
 Онъ на дубу мѣлодомъ.
 Быстрые кречеты вьются,
 Изъ лѣсу къ дубу летять,
 Голосомъ жалкимъ выводятъ:
 «Мѣлодца врагъ погубилъ!»
 Горькими плачуть слезами
 Красныя дѣвы по немъ.

9.

ВѢНОКЪ.

Какъ подулъ, повѣялъ вѣтеръ
 Изъ дубравы княженецкой —
 Прибѣжала красна дѣвка
 Зачерпнуть воды на рѣчку.
 Глядь, а къ ней вѣнокъ зеленой
 По волнѣ плыветъ студеной;
 Перевить вѣнокъ цвѣтами,
 Алой розой, васильками.
 Вотъ она ведро ставитъ
 И вѣнокъ зеленый ловить,
 Да ловивши, оступилась,

Въ воду съ берега скатилась.
 «Кабы вѣдала я, знала,
 Чья рука тебя сажала,
 Мой вѣнокъ, вѣнокъ зелѣный,
 Я тому позолочѣнный
 Подарила бы въ гостинецъ
 Дорогъ-перстень на мизинецъ.
 Кабы вѣдала я, знала,
 Чья рука тебя срывала,
 Чья рука тебя срывала,
 Тонкимъ шёлкомъ увивала,
 Я тому бы втихомолку
 Изъ косы дала иголку.
 Кабы вѣдала я, знала,
 Чья рука тебя видала,
 Мой вѣнокъ, вѣнокъ зелѣной,
 На просторъ волны студѣной,
 Я дала бъ тому вѣночекъ —
 Пусть надѣнетъ милъ-дружочекъ!»

10.

ЯГОДЫ.

Разъ моя краса-подруга
 Въ лѣсъ по ягоду пошла;
 Уколола бѣлу ножку
 Ей терновая игла,
 И ступить ужъ на дорожку
 Красна дѣва не могла.

«Ахъ ты тѣрнъ, ты тѣрнъ колючій,
 Что со мною сдѣлалъ ты?
 Изведу тебя за это,
 Вражьи вымету кусты!»

Подожди въ дубравѣ темной
 Ты, красавица, меня:
 Дай пригнать мнѣ изъ долины
 Бѣлогриваго коня.

Борзый конь въ долинѣ ходить,
 Травку-травушку жуеть;
 А въ дубравѣ-то въ зеленой
 Молодца подруга ждетъ;

Про себя все тужить, тужить,
 Тихо молвить иногда:
 «Что-то скажетъ мнѣ родная?
 Знать, пришла моя бѣда!»

«Мать говаривала: сердце
 Ты отъ молодцевъ храни!
 Да чего жъ мнѣ ихъ бояться,
 Коль со мной добры они?»

На конѣ на бѣлогривомъ
 Прискакалъ въ подругѣ я
 И серебряной уздечкой
 Привязалъ въ лѣсу коня.

Обнялъ крѣпко дорогую,
 Цаловалъ ее въ уста —
 И про тѣрнъ, про тѣрнъ колючій
 Позабыла красота.

Мы ласкались, миловались;
 Солнце къ вечеру пошло.
 «Ахъ пора, пора, мой милый!
 Намъ домой пора, въ село!»

На коня вскочилъ я быстро
 И проворною рукою
 Обхватилъ красу-дѣвицу
 И поѣхалъ съ ней домой.

11.

РОЗА.

Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ ты, роза,
 Распустилася такъ рано?
 Распустившись, ты замерзла,
 Ты замерзла и увяла
 И, увянувши, упала!
 Долго я вечеръ сидѣла,
 Пѣтухи ужъ прокричали —
 Я млада еще сидѣла;
 Ничего я не дождалась,
 Вся лучина догорѣла.
 Я заснула — мнѣ приснилось,
 Что съ руки-то у бѣдняжки
 Перстенечекъ спалъ завѣтный,
 Выпалъ камень самоцвѣтный.
 Не нашла я камня снова,
 Не дождалась я милѣва!

12.

КУКУШКА.

Въ чистомъ полѣ росъ дубочекъ,
Тамъ кукушка куковала,
Куковала, тосковала,
Что весна не вѣчно въ полѣ.

Кабы все весна-то въ полѣ,
Какъ бы жито вызрѣвало?
Кабы лѣто вѣчно было,
Какъ бы яблоко доспѣло?

Какъ бы могъ прѣзѣбнуть колосъ,
Кабы осень все стояла?
Было бъ горько, было бъ тяжело
Красной дѣвицѣ безъ друга!

13.

СИРОТА.

Ахъ, лѣса, лѣса вы темные,
Вы лѣса ли Милетинскіе!
Что, лѣса, вы зеленѣете
Въ лѣто, въ зиму одинаково?
Рада, рада бъ я не плакала,
Не мутила бы сердечушка,
Да скажите, люди добрые,
Кто, скажите, не заплачетъ здѣсь?
Гдѣ мой батюшка, родимый мой?
Въ мать-землѣ сырой зарытъ лежитъ!
Гдѣ моя родная матушка?
И надъ нею травка выросла!
Нѣтъ ни брата, ни сестрицы нѣтъ!
Мила-друга люди отняли!

14.

ЖАВОРОНОКЪ.

Коноплю красна дѣвица
Въ огородѣ барскомъ полетѣ.
«Что смутна ты, что печальна!»
Дѣвѣ жаворонокъ молвилъ.

«Какъ могу я жить весельемъ,
Птица-жаворонокъ малый?

Моего милова друга
Посадили въ крѣпкій замокъ!

«Кабы мнѣ перо, бумаги:
Написала бы я къ другу
И съ тобой бы въ ту сторону
Я письмо свое послала.

«Нѣтъ пера и нѣтъ бумаги!
Такъ лети жь одинъ отсюда:
Спой ты пѣсню дорогомю
Про мою тоску-кручину!»

Н. Бергъ.

V.

ЯНЫШЪ-КОРОЛЕВИЧЪ.

Полюбилъ королевичъ Янышъ •
Молодую красавицу Елицу;
Любить онъ ее два красныя лѣта,
Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
На Любушѣ, Чешской королевнѣ.
Съ прежней любой идетъ онъ проститься;
Ей приносить съ червонцами чересь,
Да гремучія серьги золотыя,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Самъ ей вдѣлъ онъ серьги золотыя,
Навязалъ на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами чересь,
Въ обѣ щѣви поцаловалъ молча
И поѣхалъ своею дорогомю.
Какъ одна осталась Елица,
Деньги на земь она пометала,
Изъ ушей выдернула серьги,
Ожерелье на двое разорвала,
А сама кинулась въ Мораву.
Тамъ на днѣ молодая Елица
Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочку
И ее нарекла Водяницей.
Вотъ проходятъ три года и болѣ.
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
ѣздитъ онъ по берегу Моравы.
Захотѣлъ онъ коня вороного
Напоятъ студеною водою.
Но лишь только запѣвленную морду
Сунулъ конь въ студеную воду,
Изъ воды вдругъ высунулась ручья:
Хватъ коня за узду золотую!

Конь отдернулъ голову въ испугѣ:
 На удѣ виситъ Водяница,
 Какъ на удѣ пойманная рыба.
 Конь кружится по чистому лугу,
 Потрясая уздой золотою,
 Но страхнуть Водяницы не можетъ.
 Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
 Чуть сдержалъ коня вороного,
 Осадивъ могучею рукою.
 На траву Водяница прыгнула.
 Говоритъ ей Янышъ-королевичъ:
 «Разскажи, какое ты творенье:
 Женщина ль тебя породила,
 Иль Богомъ проклятая вила?»
 Отвѣчаетъ ему Водяница:
 «Родила меня молодая Елица,
 Мой отецъ Янышъ-королевичъ,
 А зовутъ меня Водяницей.»
 Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
 Соскочилъ съ коня вороного,
 Обнявъ дочь свою Водяницу
 И, слезами заливаясь, молвилъ:
 «Гдѣ, скажи, твоя мать — Елица?
 Я слыхалъ, что она потонула.»
 Отвѣчаетъ ему Водяница:
 «Мать моя царица водяная;
 Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
 Надъ рѣками и надъ озерами;
 Лишь не властвуетъ она синнимъ моремъ:
 Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба.»
 Водяницѣ молвилъ королевичъ:
 «Такъ иди же къ водяной царицѣ
 И скажи ей: Янышъ-королевичъ
 Ей поклонъ усердный посылаетъ,
 И у ней свиданія проситъ
 На зеленомъ берегу Моравы.
 Завтра я заѣду за отвѣтомъ.»
 Они послѣ того разстались.
 Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,
 Королевичъ надъ рѣкою ходитъ;
 Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлымъ груди,
 Поднялась царица водяная,
 И сказала: «Янышъ-королевичъ!
 У меня свиданія просилъ ты:
 Говори, чего еще ты хочешь?»
 Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
 Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
 Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
 «Люба ты моя, млада Елица,
 Выйди ко мнѣ на зеленый берегъ,
 Поцалуй меня попрежнему сладко,

Попрежнему полюблю тебя крѣпко.»
 Королевичу Елица не внимаеть,
 Не внимаеть, головою киваетъ:
 «Нѣтъ, не выйду, Янышъ-королевичъ,
 Я къ тебѣ на зеленый берегъ;
 Сладче прежняго намъ не цаловаться,
 Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
 Разскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
 Каково, счастливо ль поживаешь
 Съ новой любовью, съ молодой женою?»
 Отвѣчаетъ Янышъ-королевичъ:
 «Противъ солнышка луна не пригрѣеть,
 Противъ милой жена не утѣшитъ.»

А. Пушкинъ.

VI.

ГУСИТСКАЯ ПѢСНЯ.

Близокъ, братья, день желанный!
 Засіяло наше солнце!
 Огласились старымъ кликомъ
 Наши доли, наши горы!
 Возродился чехъ старинный,
 А съ нимъ духъ и всякій свичай,
 Всякій свичай и обычай
 Старочешскій!

О, старый чехъ всегда готовъ
 На зовъ друзей, на зовъ враговъ —
 На свѣтлый пиръ, на страшный бой,
 На смертный бой!

Аминь! услыши Господи!
 Потрудишься за насъ, святой Вячеславъ,
 Нашъ заступникъ во скорбяхъ!

О, когда завѣтъ отцовскій
 Сохранимъ мы нерушимо —
 Слава Чехии не сгинетъ
 И возстанетъ левъ нашъ бѣлый;
 Чуть враги его слышатъ,
 Какъ медвѣди встрепенутся
 И подъ нашу пѣсню залапаютъ,
 Какъ слышатъ:

О, старый чехъ всегда готовъ
 На зовъ друзей, на зовъ враговъ —
 На свѣтлый пиръ, на страшный бой,
 На смертный бой!

Аминь! услыши Господи!
Потруди́сь за насъ святой Вячеславъ,
Нашъ заступникъ во скорбяхъ!

А. Майковъ.

—

VII.

ГѢЙ СЛАВЯНЕ!

Гей славяне, гей славяне!
Будеть вамъ свобода,
Если только ваше сердце
Бьётся для народа.

Громъ и адъ! что ваша злоба,
Что всё ваши ковы,
Коли живъ нашъ духъ славянскій!
Коль мы въ бой готовы!

Даль намъ Богъ языкъ особый —
Врагъ то разумѣть:
Языкъ у насъ во-вѣки
Вырвать не посмѣть.

Пусть нечистой силы будетъ
Богъе сторицей:
Богъ за насъ и насъ покроетъ
Мощною десницей.

Пусть играетъ вѣтеръ, буря,
Съ неба грозы сводить,
Треснетъ дубъ, земля подъ нами
Ходенемъ заходить:

Устоимъ одни мы крѣпко,
Что градскія стѣны.
Преклять будь, кто въ это время
Мыслить про измѣны!

Н. Бергъ.

—

VIII.

САДОВНИКЪ.

У садовника въ садочкѣ
Выростаетъ деревцо:
Черны очи, бѣлы плечи
И румяное лицо.

— «Гдѣ ты, гдѣ ты, нашъ садовникъ,
Розанъ эдакій досталъ?
У тебя еще алге
И еще онъ краше сталъ.

«Съ той поры, какъ появился
У тебя онъ на лугу,
Съ той поры на твой я розанъ
Наглядѣться не могу.»

— «Не чужой мнѣ этотъ розанъ,
Не чужой онъ мнѣ цвѣтокъ:
Самъ его я возлелъ,
Сохранилъ и уберѣгъ.

«Въ злую стужу-непогоду
Я присматривалъ за нимъ,
За цвѣткомъ моимъ прекраснымъ,
Ненагляднымъ, дорогимъ.»

Нынче матери собирайте
Дочерей — своихъ красотъ,
И садовнику отдайте
Подъ присмотръ и подъ уходъ.

На лугу, между кустами,
У него житье цвѣтамъ;
Не одно за-то спасибо
Всякій паренъ свазетъ вамъ.

Н. Бергъ.

—

IX.

ДАРЪ НА ПРОЩАНЬЕ.

Жилъ со мной голубчикъ,
Жилъ въ счастливой долѣ,
Да порхнулъ голубчикъ
Во чистое поле —

Во чистое поле,
На зеленый дубчикъ:
Тамъ теперь воркуетъ
Милый мой голубчикъ.

Не воркуй, голубчикъ,
Съ дубу зеленого,
Не муди голубжѣ
Сердца ретивого!

«Поздно ты, голубка,
Поздно спохватилась!
Что жь, какъ не былъ дома,
Ты съ другимъ слюбилась!

«Подарилъ я милой,
Милой ленту алу,
Чтобы ленту эту
Въ косы заплетала;

«Подарилъ другую,
Ленту голубую,
Чтобы не забыла
Ту пору быдую.»

Н. Бергъ.

х.

ЛОВКІЙ ОТВѢТЪ.

Говорить мнѣ снова
Нынче мать милова,
Чтобы я забыла
Про ея про сына.

На такія рѣчи
Я ей отвѣчала,
Чтобъ она покрѣпче
Сына привязала;

Привязала бь сына:
Не ходи, можь, мимо!
Къ дѣвкѣину порогу
Не топчи дорогу!

Н. Бергъ.

xi.

ВѢДНОСТЬ И ЛЮБОВЬ.

Подъ окошкомъ нашимъ
Протекаетъ рѣчка.
Кабы ты мнѣ, мила,
Коня напоила!
«Я съ конемъ не слажу:
Я коней нпразу,
Милый, не поила!»

Подъ окошкомъ нашимъ
Выросла олива.

Кто, скажи мнѣ, мила,
Кто тутъ ходитъ мимо?
«Къ намъ никто не ходитъ,
Рѣчи не заводитъ
Обо мнѣ съ родимой.»

Подъ окошкомъ нашимъ
Расцвѣтають розы.
Отъ чего же, мила,
Проливаешь слѣзы?
«Бѣдность одогѣла:
Съ ней я то-и-дѣло
Проливаю слѣзы.»

Н. Бергъ.

xii.

РАЗСВѢТЪ.

Люди мнѣ сказали:
«Будто время къ ночи!»
А то зачернѣли
Моей милой очи.

Люди мнѣ сказали:
«Зорька на востокѣ!»
А то разгорѣлись
Моей милой щѣки.

Люди мнѣ сказали:
«Проглянуло солнце!»
А то поглядѣла
Милая въ оконце.

Н. Бергъ.

xiii.

РАЗЛУКА.

Въ чистомъ полѣ, подъ развитой,
Борзый конь играетъ,
А подъ ней моя милая
Слѣзы проливаетъ:

— Ты куда, мой милый, ѣдешь?
Нѣтъ туда и слѣду...
Но куда бь ты не пустился —
Я съ тобой поѣду.

«Я туда, далеко ѣду —
Въ горы голубыя,
Чтобъ забыть мнѣ на чужбинѣ
Раны сердца злыя.

«Я туда, далеко ѣду —
Вдоль рѣки широкой,
Чтобы больше не видаться
Съ дѣвой черноокой.

«Далеко по бѣду свѣту
Я скитаться стану,
Чтобъ въ любви не вѣдать больше
Горькаго обману.»

М. Петровскій.

—

XIV.

ЛЮБОВЬ.

Что поётъ тамъ эта пташка,
Что въ кустахъ сидитъ одна:
Будто дѣвушка, влюбившись,
Вдругъ становится блѣдна.
Ну, вѣдь, право, эта пташка
Все неправду говорить:
Посмотрите, какъ румянецъ
На щекахъ моихъ горитъ!

М. Петровскій.

—

XV.

НЕСЧАСТНЫЙ МИЛЫЙ.

Мнѣ сегодня сонъ приснился,
Что мой милый воротился;
А какъ утромъ я проснулась —
Нѣтъ милѡва: мнѣ взгрустнулось.

Кабы я посла достала,
Я бы къ милому послала.

Ты лети, лети, посоль,
Мой посоль, ясенъ соколъ!

Къ замку соколъ подлетѣлъ,
Другъ изъ замка поглядѣлъ:

«Воротись ты, соколъ мой,
Воротись ты домой —

«И скажи, что буду скоро
Къ ней до зорьки, до восхода!»

Солнце красное восходитъ,
Милый другъ мой не приходитъ.

Конь подъ нимъ играетъ, пляшетъ;
Милый другъ рукой мнѣ машетъ.

Повихнуть конь борзый ногу:
Паль мой милый на дорогу —

Паль мой милый, встать не можетъ:
Кто подыметъ? кто поможетъ?

«Что мнѣ, мила, что мнѣ помощь,
Что мнѣ помощь, коли поздно!

«Лучше въ колоколъ звоните
И меня похороните.»

Ахъ, увялъ мой красный цвѣтъ,
Что милѣй мнѣ былъ, чѣмъ свѣтъ!

И того, по комъ вздыхала,
Я на-вѣки потеряла!

Н. Бергъ.

—

XVI.

НА ПУТИ КЪ МИЛОЙ.

Солнце за горами,
Сумрачно въ долину...
Ахъ, зачѣмъ ты, батюшка родимый,
Спишь теперь въ могилѣ?

Спать ложусь, встаю ли,
Все я помышляю
О тебѣ, мой батюшка родимый,
О тебѣ вздыхаю!

Лишь одна кручина
Мое сердце гложетъ,
Что на наше счастье золотое
Онъ смотрѣть не можетъ.

Гдѣ овесъ ты сѣялъ,
Тамъ взростилъ я жито,
И кругомъ у насъ густой пшеницей
Поле все покрыто.

Тамъ, гдѣ въ землю пролилъ
Ты хоть каплю поту —
Тамъ мнѣ нынче золото-богатство
Сыплется безъ счёту.

Житницы, амбары
Полны и богаты...
Скоро-скоро будетъ къ вамъ хозяйка,
Дворики и хаты!

Ахъ, когда бъ ты видѣлъ
Мою дорогую,
Словно яблонь, ты развеселилъ бы
Голову сѣдую.

Конь мой, конь! какъ былъ ты
Жеребенокъ квилый,
Ты не зналъ, что на тебѣ поѣду
За своей я милой!

Солнце за горами,
Темень доль туманный...
Ты лети, лети, мой конь ретивый,
Къ милой и желанной!

Н. Бергъ.

—
XVII.

Ч А Р О Д Ъ Й К А.

Вы сожгите её,
Утопите её:
Загубила она
Душу-сердце мое!

Чародѣйка она,
И хитра и умна,
Много чаръ у нея,
Всѣхъ чаруетъ она.

Чары — очи у ней,
Чары — бѣлая грудь;
Какъ увидишь ты ихъ —
Свой покой позабудь!

Пятерыхъ извела
Блескомъ черныхъ очей,
Красотою лица,
Близною плечей...

Пятерыхъ извела,
И шестому не въ мочь:
Самъ не свой, какъ шальной,
Бродитъ онъ день и ночь.

Ахъ, сожгите её,
Утопите её:
Загубила она
Душу-сердце мое!

Н. Бергъ.

—
XVIII.

П О Д Ъ О К О Ш К О М Ъ.

Ночь придетъ — знакомой мнѣ
Обойдя дорожкой,
Запою я, въ тишинѣ,
Подъ твоимъ окошкомъ:
«Спи, мой ангелъ! Добрый сонъ!
Пусть тебя лелѣетъ онъ!»

«Будь онъ сладокъ, какъ твоя
Золотая младость!
Кто жъ приснится? Если я —
Улыбнись, какъ радость!
Спи, мой ангелъ! Добрый сонъ!
Пусть тебя лелѣетъ онъ!»

—
XIX.
Ф. Глинка.

Р А Д О С Т Ъ И Г О Р Е.

Ахъ ты, радость, ты, радость!
Деревцомъ вырастаешь,
Только жаль, что ворней ты
Никуда не пускаешь.

И подуетъ ли вѣтеръ,
Аль вода разольется:
Дерево молодое
Упадетъ и согниется.

Можеть, можеть и встанеть,
 Да къ иному ужъ гѣту...
 Жаль мнѣ, жаль, что корней-то
 У тебя, радость, нѣту!

Ахъ ты, горе-кручина!
 У тебя, у кручины,
 Лишь одинъ горькій корень;
 Безъ вѣтвей, безъ былинны.

Много надобно вздоховъ,
 Слѣзъ широкое море,
 Чтобъ развѣять кручину,
 Чтобы выплакать горе!

Горькій корень далѣко,
 Горькій корень глубдко,
 Безъ вѣтвей, безъ былинны —
 Горькій корень кручины!

Н. Бургъ.

XX.

О Ч И.

— У тебя, краса-дѣвица,
 Очи такъ полны огня,
 Что невольно я страшуся —
 Не обманешь ли меня?

«Если бъ даже въ сто разъ ярче
 Эти искрились глаза,
 Не пугайся: не обманеть,
 Милый другъ, твоя краса.

«Ты не бойся понапрасно
 Черныхъ, огненныхъ очей,
 А скорѣ берегися
 Тихихъ, вкрадчивыхъ рѣчей.»

М. Петровскій.

II. МОРАВСКІЯ.

I.

СТАРЫЙ МУЖЬ.

У молодки Наны
 Мужъ, какъ лунь, сѣдой...
 Старый мужъ не вѣрить
 Жонкѣ молодой:

Разомъ дожекнулся,
 Что не будетъ прокъ —
 Глазъ съ нея не спустить;
 Двери на замокъ.

«Отвори каморку —
 Я чуть-чуть жива:
 Что-то разболѣлась
 Сильно голова —

«Сильно разболѣлась,
 Словно жаръ, горить...»

На дворѣ погодно:
 Можеть, освѣжить?»

— Что жь, отерой окошко,
 Прохладись, мой свѣтъ!
 Хороша прохлада,
 Коли друга нѣтъ!

Нана замолчала,
 А въ глухой ночи
 Унесла у мужа
 Старого ключи.

«Спи, голубчикъ, съ Богомъ,
 Спи, да почивай!»
 И ушла тихонько
 Въ дровяной сарай.

— Ты куда ходила,
 Нана, со двора?

Волосы — хотѣ выжми;
Шуба вся мокра...

«А телата наши
Со двора ушли,
Да куда жь? — къ сосѣдѣ
Въ просо забрели.

«Загнала на силу —
Разбѣжались всѣ...
Я и перемокла,
Ходя по росѣ.»

Видно, лучше съ милымъ
Хотѣ дрова щепать,
Чѣмъ со старымъ мужемъ
Золото считать.

Видно, лучше съ милымъ,
Голая доска,
Чѣмъ со старымъ мужемъ
Два пуховика.

Л. Мвѣ.

—

II.

СЕСТРА ОТРАВИТЕЛЬНИЦА.

Побѣжала ранымъ-рано
На Дунай-рѣку Ульяна.

Проѣзжали тамъ гусарни:
«Эй, поѣдемъ, дѣвка, съ нами!»

— Я бы рада, я бы рада,
Да боюсь родного брата.

«Отрави ты брата ядомъ
И поѣдемъ съ нами рядомъ.»

— Я бы рада, я бы рада,
Да откуда взять мнѣ яду?

«Въ темномъ лѣсѣ подѣ ракетой
Змѣй гнѣздится ядовитый:

«Принеси его ты въ хату
И изжарь на завтракъ брату.»

Ѣдетъ, Ѣдетъ братъ изъ бору,
Тащитъ дерево-колоду.

Встрѣчу брату выбѣгала
И ворота отворяла;

Отвела коней на мѣсто.
«Это что, сестра, за вѣсти?»

— На-ка рыбки, братъ Ванюша:
Пополудновой, покушай! —

«Гдѣ взяла ты рыбу эту:
Ни головъ, ни перьевъ нѣту?»

— Я головки отрубила,
Подѣ окошкомъ ихъ зарыла.

Какъ отвѣдалъ онъ жаркое,
Поблѣднѣлъ одной щекою;

Какъ еще кусокъ откушалъ,
Поблѣднѣлъ и весь Ванюша;

А какъ третій съѣлъ кусочекъ,
Поблѣднѣлъ, что бѣлъ платочекъ.

«Принеси, сестра, напитокъ:
Хочетъ сердце прохладиться.»

Принесла воды изъ лужи —
Стало Ванѣ еще хуже.

«Постели, сестра, постелю:
Блонить сонъ меня что съ хмѣлю.»

— Лягъ на камень головою
И усни ужь, Богъ съ тобою!

Въ Бояновѣ звѣны звѣнять:
Палачи Ульяну гонять;

Въ Мутеницахъ зазвонили:
Съ ней они въ дорогѣ были;

А звонить въ Годонѣ стали —
Палачи ее пригнали.

Какъ тесали гробъ Ивану,
На возу везли Ульяну.

— Вы живѣмъ меня заройте,
Только пѣсенки не пойте!

Какъ Уляну зарывали,
Дѣвки пѣсенку слагали;

Какъ совсѣмъ ее зарыли,
Дѣвки пѣсенку сложили.

Н. Бергъ.

—

III.

ЛУЧШЕ.

Лучше куколя пшеница —
Лучше вдовушки дѣвица;
Лучше золото свинца —
Лучше молодецъ вдовца!

Л. Мей.

—

IV.

СМЕРТЬ МАТЕРИ.

«Татенька-голубчикъ, гдѣ моя родная?»
— Померла, мой свѣтикъ, дочка дорогая!

Дочка побѣжала прямо на могилу,
Рухнулась на-земь, молвить черезъ силу:

«Матушка родная, вымолви словечко!»
— Не могу: землею давить мнѣ сердечко.

«Я разрою землю, отвалоу каменя:
Вымолви словечко, дай благословенье!»

— У тебя есть дома матушка другая.
«Охъ, она не мать мнѣ — матица лихая!»

«Только зубы точить на чужую дочку:
Щиплетъ, коли станеть надѣвать сорочку;

«Чешеть, такъ подыгребнемъ геровъ ручьѣмъ сочнтся;
Рѣжетъ лопоть хлѣба — ножикомъ грозится!»

Л. Мей.

—

V.

ПЕЧАЛЬ.

Ужъ не быть тому во-вѣки, что прошло, что было;
Не свѣтитъ знать красну солнцу, какъ оно свѣтило!

Не знавать мнѣ прежней доли съ прежней мощью-
силой;

На конѣ своемъ удѣломъ знать не ѣздить къ милой!

Мнѣ свѣтило красно солнце въ малое оконце,
А теперъ свѣтитъ не хочется, частый дождикъ мочить,

Частый дождикъ, непогода бѣтъ, стучить въ окошко:
Заросла къ моей любезной торная дорожка —

Заросла она кустами, заросла травой,
Съ-той-поры какъ я спознался съ милою другою.

Н. Бергъ.

III. СЛОВАЦІЯ.

I.

ИЗГНАНІЕ.

Свѣтлая ты рѣчка,
Рѣчка ты Влтава!
Наше ты веселье,
Красота и слава!

Красное ты мѣсто,
Прага дорогая,
Нашъ престольный городъ,
Родина святая!

Да что намъ Влтава,
Что намъ наша Прага,
Коли въ насъ утасла
Сила и отвага!

Изъ дому насъ гонять,
Все у насъ побрали,
Только лишь съ собою
Библию не взяли. *)

Татры, горы-скалы!
Къ вамъ идемъ мы въ гости:
Здѣсь намъ жить въ ущельяхъ,
Здѣсь мы сложимъ кости!

Н. Бургъ.

II.

СОБЕССКІЙ И ТУРКИ.

Погодите, братья:
Перейдетъ Собесскій,
Перейдетъ Собесскій
Черезъ холмъ Силезскій —

Черезъ холмъ Силезскій,
Черезъ Бѣлу гору,
Черезъ Бѣлу гору,
На червонномъ конѣ —

На червонномъ конѣ,
Съ золотымъ кантаромъ, *)
Съ золотымъ кантаромъ,
На помощь гусарамъ —

На помощь гусарамъ,
На защиту Вѣны;
Тогда только суньтесъ,
Турки-бусурмены!

Н. Бургъ.

—

III.

БѢЛГРАДЪ.

Конь подъ Бѣлградомъ стоитъ вороной;
На немъ сидитъ,
Кровью покрытъ,
Миленскій мой.

*) Такъ называемую *кравлицкую* библию, переведенную прямо съ еврейскаго текста учеными чехами на чешскій языкъ, въ XVI вѣкѣ, въ городѣ Кралицѣ, на рѣкѣ Моравѣ.

*) Родъ узды.

Знаеш ли, мила, какъ битва живетъ?

Видишь: съ меня,
Видишь: съ коня
Кровь такъ и льётъ!

Знаеш ли, мила, какой нашъ обѣдъ?

Наша ѣда —
Хлѣбъ да вода:
Вотъ нашъ обѣдъ!

Знаеш ли, мила, гдѣ буду я спать?

Тамъ, гдѣ убьютъ,
Тамъ погребутъ,
Тамъ мнѣ лежать!

Знаеш ли, кто у меня звонаремъ?

Раненыхъ стонъ,
Сабельный звонъ,
Пушечный громъ!

Н. Бергъ.

—

IV.

НИТРА. *)

Нитра, мила Нитра, ты веселье наше!
Гдѣ же, гдѣ то время, какъ была ты краше?
Нитра, мила Нитра, матушка родная,
На тебя мы смотримъ плача и стеноя:
Ты была когда-то всѣхъ околѣцъ слава,
Гдѣ Дунай струится, Висла и Морава,
Гдѣ святой Мееодій паству пасъ Христову
И училъ народы божіему слову;
Ты была наслѣдьемъ князя Святополка...
Нинѣ жъ твоя слава стихла и замогла;
Нинѣ здѣсь владѣеть чуждое намъ племя:
Такъ-то свѣтъ измѣняивъ, такъ проходитъ время!

Н. Бергъ.

—

*) Когда-то столичный городъ Нитранскаго княжества, въ Землѣ Словацкой; нынѣ главный городъ Нитранской области, на рѣкѣ того же имени.

V.

ГРУСТЬ ПО МИЛОМЪ.

Не разсѣлася ты, скала моя,
Когда съ миленькимъ разставалась я.

Если нѣтъ ужъ мнѣ больше радости,
Брошу вольный свѣтъ я безъ жалости.

И за что, судьба, такъ караешь ты,
Все, что дорого, отнимаешь ты?

Хоть бы смерклося, хоть свѣтало бы —
Только дней моихъ убывало бы!

Соловей ты мой, пой въ частомъ гѣсу!
Разгони тоску, что въ душѣ несусу.

Камнемъ на сердцѣ всѣ лишениа;
Нѣтъ ужъ въ мирѣ мнѣ утѣшениа.

И немнаго жарко встрѣчу я —
Отцу, матери не перечу я.

И съ немилымъ я, видно, стану жить,
А по миленькомъ горевать-тужить.

М. Петровскій.

—

VI.

МИЛЫЙ ВЪ ПОЛѢ.

Люди мнѣ сказали, будто въ полѣ тучи,
А то зачернили миленькаго очи.

Люди мнѣ сказали — поле загорѣлось,
А то у милѣва личико зардѣлось.

Люди мнѣ сказали, что гогочуть гуси,
А то заиграли миленькаго гусли.

Люди мнѣ сказали — пролетѣла пташка,
А то забѣгла милога рубашка.

Люди мнѣ сказали — поле гулко стало,
Поле гулко стало — милый гонить стадо.

Н. Бергъ.

IV. ПОЛЬСКІЯ.

I.

ОЖИДАНИЕ.

Мѣсяца не видно
Середь темной ночи:
Жду я, жду милого —
Проглядѣла очи.

Жду я, не дождуся:
Не приходитъ Яся,
Хоть и общалъ онъ,
Общала вчерася.

Вѣ погѣ садочекъ,
Вѣ погѣ прохладный;
Кто жь его украсилъ?
Яся ненаглядный.

Посажу цвѣточекъ
Рано до разсвѣту...
Ахъ, да не до цвѣту,
Коли друга нѣту!

Приунилъ безъ друга
Зеленъ лѣсъ-лѣсочикъ:
Соловей не свищетъ,
Опустя носочикъ...

Н. Бергъ.

II.

КРАКОВЪ.

«Будь здорова, Соня!»
Молвилъ Сонѣ Яковъ:
«Вороного кѣня
Погоню я въ Краковъ.

«Всѣмъ-то, всѣмъ украсенъ
Краковъ, городъ важный;
Что домовъ и башенъ
На улицѣ каждой!

«Вѣдятъ тамъ гусары,
Съ пиками уланы;
А гдѣ замокъ старій,
Тамъ король и панн.

«Дѣвки-бѣсенаты
Тамъ и льнуть повсюду...
Не забудь меня ты,
И я не забуду.»

Н. Бергъ.

III.

ВЫПЬЕМЪ.

Наши дни коротки —
Выпьемъ что-ли водки!
Что тутъ долго спорить —
Выпьемъ и вдругорядъ!
Пусть жена и дѣти —
Выпьемъ-ка по третей!
Всѣ печали къ чорту —
Наливай четверту!
Пьемъ мы зачастую
Пяту, шесту,
А седьму подносятъ —
Почивать васъ просятъ;
А восьмую выпьемъ —
Ляжемъ и не пикнемъ!

Н. Бергъ.

IV.

ИЗМѢННИКЪ.

«Дождиѣ, дождиѣ моросить,
Взмокла вся поляна.
Ахъ, люби меня, Ванюша,
Вѣрно, безъ обмана!

— Я люблю тебя, люблю,
Много, какъ умѣю!
Коли стану измѣнять,
Чтобъ сломать мнѣ шею!

Только сталъ онъ выѣзжать
На большу дорогу —
Онъ головушку сломилъ,
А конь борзый ногу.

«Знать, тебѣ невѣренъ былъ
Милый твой Ванюша:
Ужъ вдругорядъ никого,
Дочва, ты не слушай!»

Н. Бергъ.

V.

СМЕРТЬ МИЛАГО.

Распѣвають пташки, громко распѣвають,
Моего Ванюшу кличуть, выкликають —
Кличуть, выкликають, стонуть за дубровой;
Конь гремитъ подковой, на войну готовый.

«Не горюй, подруга: все въ Господней волѣ!
Можетъ, годъ, не болѣ, буду въ ратномъ полѣ.»
Молвилъ и помчался. Годъ и два проходитъ,
А съ войны Ванюша къ милой не приходитъ.

Ждетъ его подруга, ждетъ и дни, и ночи,
Плачетъ и врывается — выплакала очи;
Вышла на дорогу: ѣдутъ тамъ уланы —
ѣдутъ тамъ уланы, кони ихъ буланы.

Подъ попоной черной конь одинъ позади.
— Гдѣ же мой Ванюша? гдѣ коню хозяинъ?
«Охъ, убить твой Ваня, въ правый бокъ подъ душу,
Въ правый бокъ подъ душу ранили Ванюшу!»

Ранили Ванюшу въ правый бокъ подъ сердце:
Плакаться я стану по чужимъ по сѣнцамъ.
«Ой, не плачь, красотка! не жалѣй Ивана:
Изъ полку любого выбери улана!»

Выбрать мнѣ не долго изъ полку любого,
Да не будетъ Вани у меня другого!
Хоть бы я глядѣла, всѣхъ переглядѣла,
А такого друга все бы я не встрѣла!

Н. Бергъ.

VI.

ПОЦАЛУЙ.

Руза, что жъ прошу я
Долго поцалуя!
Мы еще попросимъ,
Да какъ-разъ и бросимъ!

Не гляди такъ строго:
Красныхъ дѣвокъ много
За быстрой рѣкою,
Лишь махни рукою.

Въ молодья лѣта
Нѣтъ любви запрета:
Идутъ дни за днями,
Волны за волнами...

Хоть морозъ и грянетъ,
Цвѣтъ весною встанетъ;
Старость кровь остудитъ —
Ничего не будетъ!

Н. Бергъ.

V. ЛУЖИЦІЯ.

I.

ВѢРНОСТЬ ДО ГРОБА.

«Мнѣ приснилось въ эту ноченьку,
Что подруженька въ гробу лежитъ.»

«Ты сѣдай коня, мой милый братъ,
Ты сѣдай коней обнимъ намъ!»

«Мы съ тобой поѣдемъ въ Жулицы,
Повидаемся съ Шултицами:

«Мы узнаемъ, мы развѣдаемъ,
Какъ живется имъ, какъ можется.»

Мать-Шултиха ходитъ по двору;
На Шултихъ платье черное.

«Здравствуй, здравствуй, моя матушка!
Гдѣ же дочь твоя красавица?»

— «Нынче годъ ровнымъ-равненько,
Какъ свезли мы на погостъ ее —

«Что на парѣ ль воронихъ коней,
Да на парѣ бѣлыхъ кониковъ.»

Повернулъ коня онъ борзаго
И поѣхалъ прямо въ Кростицы —

Онъ поѣхалъ прямо въ Кростицы,
На кладбище, на церковный дворъ.

Онъ вокругъ объѣхалъ три раза,
Стагъ надъ гробомъ красной дѣвнцы:

«Пробудись, проснись, подруженька!
Возврати мои подарочки!

— «Ахъ, не встать и не проснуться мнѣ,
Не вернуть твоихъ подарочковъ:

«На груди плита тяжелая,
Очи перстѣю засыпаны.

«Поѣзжай къ моей ты матушкѣ,
Пусть отдастъ твои подарочки:

«Черевички съ бантомъ, съ лентами,
И платокъ богатый, шелковый.»

«Перстенецъ твой на рукѣ моей:
Ужь его мнѣ не отдать тебѣ!

«Подожди еще годокъ-другой:
Ляжешь, милый, ты рядкомъ со мной!»

Повернулъ коня онъ борзаго
И поѣхалъ прямо къ матери:

«Слышишь, старая ты матушка,
Вороти мои подарочки:

«Черевички съ бантомъ, съ лентами,
И платокъ богатый, шелковый.»

«Перстенецъ мой на рукѣ у ней:
Перстенецъ мой не воротится!»

Отдавала мать подарочки,
Горько плакалъ добрый молодецъ.

— «Что ты плачешь, добрый молодецъ?
Много въ свѣтѣ красныхъ дѣвушекъ,

«Что богаче и пригожѣ,
Что богаче и красивѣ.»

— «Коль съ твоей не почастливилось,
Мнѣ другихъ подругъ не надобно!»

Повернулъ коня онъ бѣззаго,
Ѣдетъ къ мастеру гробовому —

Ѣдетъ къ мастеру гробовому,
Новый гробъ ему заказывать.

«Какъ тамъ лягу, гдѣ она лежитъ,
Перестану я грустить-тужить!»

Н. Бергъ.

II.

ИЗМѢНА МИЛАГО.

— «Пой, красна дѣвица, пѣсни!
Голосъ твой слышно далѣко —

«Голосъ твой слышно далѣко,
Вплоть до полей до Ясенскихъ:

«Вплоть до чужой до границы
Слышно тотъ голосъ дѣвицы!»

— «Пѣсни мнѣ пѣть, веселиться
Нынѣче совсѣмъ не годится.

«Пусть всѣ въ харчевнѣ гуляютъ,
Горя-печали не знаютъ;

«Мнѣ жъ тамъ весѣлости мало:
Я опушу покрывало,

«Прямо ни разу не гляну,
За двери прятаться стану.»

Милый по комнатѣ ходить,
Видитъ ее — не подходитъ —

Видитъ ее — не подходитъ,
Съ нею рѣчей не заводитъ;

Подлѣ не становеть, не глянетъ,
Бѣлой руки не протянетъ.

— «Ахъ, ты мой милый, сердечный!
Что погордѣлъ, поважнѣлъ ты?

«Что ни словечка не скажешь,
Ласки своей не покажешь?»

— «Какъ же мнѣ знаться съ тобою,
Съ дѣвкой, съ мужичкой простою!»

— «Словно не зналъ ты, не вѣдалъ
Нашего племени-роду

«Прежде, чѣмъ знался со мною,
Съ дѣвкой, съ мужичкой простою!

«Лучше бъ со мной ты не знался,
Къ намъ по ночамъ не шатался,

«Спалъ бы одинъ себѣ дома,
Дома, въ богатыхъ хоромахъ —

«Ногъ на ходьбѣ не томилъ бы,
Въ избу къ намъ бѣдъ не носилъ бы:

«Батюшки съ матушкой горя,
Слѣзь разливанное море,

«Братьямъ и сестрамъ обиды,
Милымъ подружкамъ печали!»

Счастливъ, кто сердце хоронить,
Слѣзь на постелю не ронить,

Парнямъ въ обманъ не дается,
Парню въ глаза насмѣется!

Съ виду всѣ ласковы парни,
Въ сердца жъ — хитры и коварны;

Красную дѣвку заводятъ,
Дружбу не долго съ ней водятъ:

Чась и другой поиграють
И, поигравши, бросаютъ...

Н. Бергъ.

III.

ПОКОРНАЯ ДОЧЬ.

Я на гору вверху поднялась
И въ даль я съ горы поглядѣла,
И вижу я: лодочка ѣдетъ,
А въ лодкѣ три молодца добрыхъ.

Что былъ всѣхъ пригожѣй, молодежъ,
Что въ лодкѣ сидѣлъ по-серѣдкѣ —
На мнѣ общалъ онъ жениться,
Хоша молоденежъ годами.

Онъ далъ мнѣ, дѣвицѣ, колечко,
Колечко, серебряный перстень:
«Возьми ты, дѣвица, колечко,
Возьми ты серебряный перстень!

«Коль матушка спрашивать будетъ,
Откуда серебряный перстень —
Скажи, отвѣчай ты родимой,
Что перстень наша, на дорогѣ?»

— Предъ матушкой лгать я не стану,
Не стану кривить я душою:
А прямо скажу безъ утайки,
Что хочешь на мнѣ ты жениться.

Н. Бергъ.

IV.

ЛЕГЕНДА.

Пускай узнаетъ цѣлый свѣтъ,
Что было въ Уграхъ за сто лѣтъ.
Жилъ въ Варадинѣ славный князь —
И дочь у князя родилась;
Лицомъ пригожа и свѣтла
Новорожденная была.
Когда же стала подростать,
Не шла съ подругами играть;
Но въ божьихъ храмахъ день и ночь
Молилась княжеская дочь.
Минуло ей шестнадцать лѣтъ —
Она даетъ святой обѣтъ:
Оставить міра суету
И посвятить себя Христу.
Но слышать вѣсти отъ родныхъ,

Что къ ней присватался женихъ,
Что красотой ея плѣнѣнъ
Одинъ владѣтельный баронъ.
И соглашаются отдать
Ему ее отецъ и мать;
Но дочь одно твердитъ въ отвѣтъ:
«Дала я Господу обѣтъ
Весь вѣкъ не вѣдать брачныхъ узъ;
Одинъ женихъ мой — Исусъ!»
Но ей отецъ, возвысивъ гласъ:
«Ты наша дочь — и слушай насъ!»
И дочь, покорствуя отцу,
Пошла готовиться къ вѣнцу,
Кротка, спокойна и тиха,
Но не глядитъ на жениха.
Когда жъ оконченъ былъ обрядъ,
Она ушла тихонько въ садъ
Къ своимъ возлюбленнымъ цвѣтамъ,
И на колѣни пала тамъ,
И говорила такъ, молясь:
«Услыши, Господи, мой гласъ,
И укрѣпи во мнѣ, Господь,
Изнемогающую плоть!»
И передъ нею Онъ предсталъ,
И страхъ невѣсту обуялъ;
Но подавъ Онъ десницу ей —
И стала вдругъ она смѣлѣй,
И новыхъ силъ живой родникъ
Ей въ душу слабую проникъ.
И кротко въ очи ей смотря,
Господь вѣщалъ ей, говоря:
«Возьми сей перстень золотой,
Залогъ любви Моей святой!»
Невѣста розу сорвала
И жениху ее дала,
Предъ нимъ колѣни преклоня:
«Прими залогъ и отъ меня!»
И обрученные пошли,
Срывая розаны съ земли;
А онъ, на ней покоя взглядъ,
Сказалъ: «пойдемъ въ Мой вертоградъ!»
И, взявъ, повелъ ее съ собой.
И шли они рука съ рукой,
И въ вертоградъ къ Нему пришли,
Гдѣ розы пышныя цвѣли,
Алоэ, нардъ и киннамонъ,
И раздавался нѣкій звонъ
Золотострунныхъ райскихъ лиръ,
И пѣлъ святыхъ избранный клиръ.
И доведя ее до вратъ,
Онъ рекъ: «ты зрѣла вертоградъ!

Иди — пора тебѣ домой —
 И миръ да-будетъ надъ тобой!»
 И опечалилась княжна:
 Глядитъ — опять стоитъ она
 Предъ Варадиномъ у воротъ,
 И стража кличетъ: «кто идетъ?»
 Она, сробѣвъ и устыдась,
 Даетъ отвѣтъ: «Отецъ мой князь;
 Объ немъ извѣстенъ городъ весь:
 Онъ воеводой главнымъ здѣсь!»
 Но возражаетъ стража ей:
 «У воеводы нѣтъ дѣтей!»
 Она же имъ твердитъ одно:
 «Онъ воеводой здѣсь давно!»
 И взявъ, привратники ведутъ
 Ее къ судьямъ своимъ на судъ;
 Тѣ стали спрашивать ее,
 Она же имъ опять свое:
 «Отецъ мой князь!» она твердитъ:
 «Онъ воеводой здѣсь сидитъ.»

И диву судьи всѣ дались,
 И рыться въ книгахъ принялись,
 И тамъ прочли они въ отвѣтъ,
 Что въ Варадинѣ за сто лѣтъ,
 На праздникъ, въ свадебную ночь,
 Пропала княжеская дочь.
 И судьи всѣ рѣшили такъ,
 Что это вышней води знакъ.
 И, внявъ княжнѣ, онѣ пошли
 И ей пастора привели:
 И, осѣняя его крестомъ,
 Она почла вѣчнымъ сномъ,
 Тиха, спокойна и ясна,
 И благолѣпія полна.
 Тому внимая, всякій чти
 Святыя Господа пути,
 Зане Живый на небесахъ
 И многоименствъ, и благъ.

Н. Бергъ.

СЛАВЯНСКІЕ ПОЭТЫ

МАЛУРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Малорусская литература — явление недавнее, именно потому что она имѣетъ исключительно народный характеръ. И у насъ, какъ и вездѣ, прежде считалось непреложнымъ, что языкъ книжный долженъ быть особымъ языкомъ отъ разговорнаго, и писатель, берясь за перо, настраивалъ себя на такую рѣчь, какой самъ не употреблялъ въ простомъ разговорѣ. У насъ съиздавна былъ книжнымъ языкомъ славяно-церковный; писать казалось возможнымъ только на немъ; языкъ живой врывался въ него невольно, но всегда писатель старался держаться, по возможности, книжнаго склада рѣчи. Можно сказать, что литературный языкъ на Руси измѣнялся по мѣрѣ бѣдшаго невѣжества въ славяно-церковномъ языкѣ; писатели сбивались на просторѣчье противъ собственнаго желанія. Въ южной и западной Руси, политически отдѣленной отъ сѣверной и восточной, славяно-церковный языкъ сталъ уступать другому языку литературному, но также не народному, хотя и состоявшему въ бѣдшей близости къ послѣднему, чѣмъ древній славяно-церковный. Это была учоная смѣсь славяно-церковнаго, польскаго и живого русскаго, подъ работою туземныхъ грамматиковъ и риториковъ получившая своеобразную форму. Языкъ этотъ назывался русскимъ и послужилъ для значительнаго количества богословско-полемическихъ сочиненій, актовъ, писемъ и историческихъ повѣствованій. Учонные составляли для него словари и грамматики. При бѣдшей тѣснотѣ

сближеніи Малороссіи съ Великороссіею, этотъ книжный языкъ уступилъ мѣсто другому, созданному Ломоносовымъ и развивавшемуся послѣдовательною работою и дарованіями русскихъ писателей. Онъ былъ ближе къ народному великорусскому по выговору, по строенію, но отличался отъ него множествомъ словъ и оборотовъ, взятыхъ изъ славяно-церковнаго и выкованныхъ писателями, усвоившими формы и способъ выраженія изъ иностранныхъ языковъ, древнихъ и новыхъ, такъ-что литературное развитіе удаляло его отъ народнаго, а не приближало; для Малороссіи онъ былъ бѣдшей искусственъ, чѣмъ для великоруссовъ и бѣдшей далеко отъ тамошней народной рѣчи. Высшій классъ малорусскаго народа, который былъ сравнительно образованнѣе прочей массы, усвоивалъ этотъ языкъ сначала на письмѣ, потомъ и въ живой рѣчи, хотя долго не оставлялъ въ домашнемъ быту своего прадѣдовскаго, народнаго. Малорусскій простолюдинъ почти не понималъ его. Говоря съ послѣднимъ, малоруссъ высшаго класса и образованія поневолѣ спускался до языка простолюдина, потому-что иначе они бы не могли объясниться другъ съ другомъ; но писать на языкѣ простаго народа долго казалось большинству рѣшительно невозможнымъ.

Но въ образованномъ мѣрѣ начался переворотъ. Съ распространеніемъ просвѣщенія почувствовались недостатки исключительной книжности; стали приближаться къ живой рѣчи, стара-

лись излагать на письмѣ мысли приблизительно тому, какъ онѣ излагались въ разговорѣ; то былъ покамѣстъ далекій идеаль; дѣло шло медленно, также медленно, какъ образование массъ народа и слияніе его сословій, и до-сихъ-поръ это литературное дѣло далеко не доведено до конца: мы все-таки пишемъ и даже говоримъ между собою не такъ, какъ остальная масса народа. Замѣтивъ здѣсь это обстоятельство, мы, однако, понимаемъ, что при маломъ количествѣ образованныхъ людей въ сравненіи со всѣмъ народонаселеніемъ, лишоннымъ всякихъ средствъ къ образованію, разница въ языкѣ образованнаго класса отъ языка народной массы неизбежна, когда простолюдину незнакомы понятія и предметы, требующіе незнакомыхъ для него словъ и оборотовъ; но, кромѣ того, разница эта зависитъ еще и оттого, что мы пишемъ и говоримъ отлично отъ народа даже и тогда, когда о томъ же самомъ у народа есть готовый складъ рѣчи. Тѣмъ не менѣе XIX вѣкъ все-таки отличается тѣмъ, что языкъ книжный стремится слиться съ разговорнымъ, является потребность, чтобы складъ рѣчи образованнаго чловѣка и простолюдина былъ въ сущности одинаковъ. Если мы многое можемъ дать простолюдину, знакома его съ предметами, понятіями и образомъ жизни высшаго чловѣческаго развитія, то съ своей стороны и отъ него можемъ заимствовать немалое: именно, живость, простоту и правильность рѣчи, что, безъ сомнѣнія, и есть правильная, истинная грамматика языка, которая указываетъ формы, созданныя безискусственною природою, свободнымъ теченіемъ народной жизни, а не вымысломъ кабинетнаго учонаго. Вѣроятно, съ развитіемъ просвѣщенія въ массахъ, произойдетъ этотъ желанный обмѣнъ. Народъ расширитъ свой кругозоръ свѣдѣніями, добытыми наукою, а сама наука можетъ заимствовать отъ народа болѣе простой и живой способъ выраженія.

Упрощеніе языка будетъ послѣдствіемъ широкой образованности. По нашему мнѣнію, первымъ шагомъ къ этому великому послѣдствію было то, что простолюдинъ въ литературѣ пересталъ подвергаться полному невниманію; его бытъ, нравы, понятія, вѣрованія, его пѣсни и сказки, его языкъ стали предметомъ изслѣдованія и изображенія. Идея народности вступила въ литературу.

Съ появленіемъ этой идеи, на Руси стали изучать русскаго простолюдина, дорожить его рѣчью;

знать ее и владѣть ею уже стало достоинствомъ. По-этому и въ Малороссіи обратились къ тому же. Но тутъ-то оказалось, что въ этомъ русскомъ крайѣ господствуетъ въ народѣ совсѣмъ иная рѣчь, отличная отъ той, которая слышится въ другихъ краяхъ, рѣчь, отпечатлѣвшая на себѣ иначе прожитую жизнь въ теченіи протекшихъ вѣковъ. Простолюдинъ-малоруссъ оказался очень непохожимъ на простолюдина-великорусса, хотя по главнымъ основнымъ чертамъ и тотъ и другой принадлежать къ одному народному дереву. По-этому, вступая своею особою въ число предметовъ, изображаемыхъ литературою, простолюдинъ-малоруссъ естественно долженъ былъ принести съ собою особую вѣтвь литературы съ своеобразною рѣчью. Когда одни писатели довольствовались тѣмъ, что старались изобразить его на общерусскомъ языкѣ, другіе находили такой способъ недостаточнымъ, видѣли въ русскихъ сочиненіяхъ, изображавшихъ малорусскую жизнь, какъ бы переводы съ какаго-то другого языка и притомъ переводы рѣдко удачныя, и обратились къ живой рѣчи народной малорусской, стали вводить ее въ литературу, и такимъ-то путемъ возникла малорусская литература въ наше время.

Начало ея положено Котляревскимъ въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія. По господствовавшему тогда образу возрѣній, рѣчь мужика непремѣнно должна была смѣшнить, и, сообразно съ такимъ взглядомъ, Котляревскій выступилъ съ пародіею на «Энеиду» Виргилія, составленною по малорусски, гдѣ античные боги и герои изображены дѣйствующими въ кругу жизни малорусскаго простолюдина, въ обстановкѣ его быта, и самъ поэтъ представляетъ изъ себя также малорусскаго простолюдина, рассказывающаго эти событія. Но эта пародія возымѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ можно было ожидать отъ такого рода литературныхъ произведеній. На счастье Котляревскому, въ малорусской натурѣ слишкомъ много особеннаго, ей только свойственнаго юмора, и его-то вывелъ Котляревскій на свѣтъ, желая позабавить публику; но этотъ народный своеобразный юморъ оказался, независимо отъ пародіи, слишкомъ свѣжимъ и освѣжающимъ элементомъ на литературномъ полѣ. Самъ авторъ былъ чловѣкъ въ высокой степени талантливый. Не смотря на то, что онъ для своего произведенія избралъ почти несвойственный малорусской поэтической рѣчи четырехстопный ямбъ, какимъ въ

облиі писали тогда русскіе поэты, «Энеида» имѣла громадный успѣхъ и Котляревскій откормилъ собою цѣлый рядъ многихъ талантливыхъ писателей. Не ограничиваясь «Энеидой», Котляревскій написалъ еще двѣ драматическія пьесы: «Наталку Полтаву» и «Москала - чаривница». Обѣ эти пьесы долго игрались на сценѣ въ Малороссіи, а послѣдняя и въ столицахъ, гдѣ она и до-сихъ-поръ остается единственнымъ малорусскимъ драматическимъ произведеніемъ, не сходящимъ со сцены. И правду сказать: эта небольшая пьеса, сюжетъ которой заимствованъ изъ народной сказки, не встрѣтила у насъ до-сихъ-поръ еще ничего такого, чтобы стало выше ея по достоинству, въ качествѣ простонародной комедіи. «Наталка» очень любима въ Малороссіи; пѣсни изъ нея распространились до того, что сдѣлались почти народными.

За Котляревскимъ явился другой талантливый писатель: Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ. Отъ него осталось только нѣсколько стихотвореній, но за-то они приобрѣли чрезвычайную популярность, и можно встрѣтить много малорусовъ, знающихъ большую часть изъ нихъ наизусть. Подобно Котляревскому, и Артемовскій-Гулакъ сперва имѣлъ намѣреніе посмѣшить, позабавить — и началъ пародіями на оды Горація, приспособляя воззрѣнія римскаго поэта къ понятіямъ малорусскихъ поселянъ. Изъ написанныхъ имъ, кромѣ того, стихотвореній, видное мѣсто занимаетъ «Пань Твардовскій», баллада. Сюжетъ ея тотъ же, что и въ балладѣ съ такимъ же названіемъ, написанной по-польски Мицкевичемъ, но малорусскій вариантъ отличается большею образностью и народнымъ колоритомъ, чѣмъ польскій. Изъ нѣсколькихъ басенъ, написанныхъ имъ, «Пань та собака», по художественности, по глубинѣ мысли и народному колориту, занимаетъ высокое мѣсто, тѣмъ болѣе, что она выражаетъ болѣзненное, но сдержанное чувство народа, безвыходно терпѣвшаго произволъ крѣпостничества. Артемовскій-Гулакъ былъ рѣдкій знатокъ самыхъ мельчайшихъ подробностей народнаго быта и нравовъ, и владѣлъ народною рѣчью въ такомъ совершенствѣ, выше котораго не доходилъ ни одинъ изъ малорусскихъ писателей. Нельзя не пожалѣть, что этотъ истинно-талантливый писатель рано покинулъ свое поприще. Въ старости онъ снова было обратился къ нему, но послѣднія его произведенія далеко уступаютъ первымъ.

Время тридцатыхъ и начала сороковыхъ го-

довъ настоящаго столѣтія ознаменовалось появленіемъ произведеній Григорія Федоровича Квитки, писавшаго подъ именемъ Основьяненка. Квитка началъ свою литературную дѣятельность на малорусскомъ языкѣ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, постоянно проживая на хуторѣ близъ Харькова, въ общеніи съ народомъ. Кромѣ повѣстей, писанныхъ по-русски и помѣщенныхъ въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ», Квитка по-малорусски написалъ двѣнадцать повѣстей (Салдацький патреть, Маруся, Мертвецъкий велькъ-день, Добре роби — добре й буде, Конопоська видьма, Отъ тоби й сварбъ, Козырь-дивка, Перекоти-поле, Сердешна Оксана, Пархимове сніданне, Божи дити, Щира любовь *) и пять драматическихъ произведеній (Шельменко-писарь, Шельменко-деньщикъ, Сватанье на Гончаривци, Щира любовь, Бой-жинка, послѣдняя не была напечатана, но игралась на харьковской сценѣ). Трудно опредѣлить превосходство одной его повѣсти предъ другою, потому-что каждая имѣетъ свои достоинства и представляетъ то ту, то другую сторону народнаго быта, нравовъ и взглядовъ. Если въ «Солдатскомъ портретѣ» Квитка, описывая сельскую ярмарку, рисуетъ простодушіе поселянна до того комически, что возбуждаетъ смѣхъ въ самомъ серьезномъ читателѣ, то въ «Маруся», «Сердечной Оксанѣ» и «Божьихъ дѣтахъ», при разнообразіи отношеній и положеній, выражаетъ такую полноту, глубину и нѣжность народнаго чувства, что выжимаетъ слезу у самого веселаго и безпечнаго. Въ повѣстяхъ «Конопоська видьма», «Отъ тоби сварбъ», «Мертвецъкий велькъ-день» онъ выставляетъ самыя затѣйливыя фантастическія представленія; въ повѣстяхъ «Добре роби — добре й буде», «Перекоти-поле» — изображаетъ народныя нравственныя понятія; въ «Козырь-дивкѣ» выводитъ отношенія, въ которыхъ народная сельская жизнь сталкивается съ властью и администраціею; и вездѣ является онъ вѣрнымъ живописцемъ народнои жизни. Едва ли кто превзошелъ его въ качествѣ повѣствователя-этнографа, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше своего современника Гоголя, хотя много уступаетъ ему въ художественномъ построеніи. Изъ его драматическихъ произведеній, комическая оперетка

*) Послѣдніе двѣ почему-то не вошли въ послѣднее изданіе его литературныхъ сочиненій, но мы когда-то читали ихъ, получивъ отъ самого автора въ рукописи; изъ повѣсти «Щира-любовь» Квитка потомъ составилъ драму, которая, по достоинству, много уступаетъ повѣсти того же содержанія.

«Сватанье на Гончаровѣ» отличается вѣрнымъ и талантливымъ изображеніемъ домашнихъ нравовъ подгороднаго народа; пьеса эта имѣла большой успѣхъ на харьковской сценѣ и въ другихъ мѣстахъ, а также во Львовѣ. Черезъ-чуръ мѣстный интересъ этой пьесы не далъ ей мѣста на столичной сценѣ; но, кажется, недостатокъ артистовъ, знающихъ малорусскій языкъ и малорусскую жизнь на столько, чтобы исполнить эту пьесу, былъ главною причиною неоявленія ея на столичной сценѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ «Сватанье» было исполнено любителями въ Пассажѣ и было встрѣчено съ большимъ восторгомъ. Квитка имѣла громадное вліяніе на всю читающую публику въ Малороссіи; равнымъ образомъ и простой, безграмотный народъ, когда читали ему произведенія Квитки, приходилъ отъ нихъ въ восторгъ. Не помѣшали успѣху творений талантливаго писателя ни литературные приемы, черезъ-чуръ старѣлые, ни то, что у него господствуетъ слободское нарѣчіе, отличное отъ нарѣчія другихъ краевъ Малороссіи. Не только въ русскихъ юго-западныхъ губерніяхъ, но и въ Галиціи, гдѣ нарѣчіе уже значительно разнится въ мелочахъ отъ харьковскаго, сочиненія его читались съ наслажденіемъ, какъ свое родное. Великорусскіе критики упрекали его въ искусственной сантиментальности, которую онъ будто навязываетъ изображаемому народу; но именно у Квитки какъ этого, такъ и ничего навязываемаго народу—нѣтъ; незаслуженный упрекъ происходитъ оттого, что критики не знали народа, который изображалъ малорусскій писатель.

Одновременно съ Квиткою писали стихотворенія по малорусски: Гребенка, Боровиковскій, Аванасевъ-Чужбинскій, Метлинскій (Амвровій Могила), Писаревскій, Петренко, Корсунъ, Щоголевъ и др. Всѣ они были болѣе или менѣе люди не бездарные, но нѣкто изъ нихъ не обладалъ талантомъ на столько, чтобы составить эпоху въ молодой литературѣ. Это суждено было Тарасу Григорьевичу Шевченѣ.

До Шевченки малорусская литература ограничивалась изображеніемъ народнаго быта въ формѣ повѣстей и разсказовъ, отчасти въ формѣ драмы, или стихотвореніями въ народномъ тонѣ. Самъ Квитка, съ его умѣніемъ воспроизводить народную жизнь, не шолъ далѣе простаго изображенія. Выраженныя имъ чувства и воззрѣнія народа ограничиваются тѣмъ, что дѣйствительно можно было талантливому наблюдателю

подмѣтить во вѣшнемъ проявленіи у народа — и только. Народъ у Квитки не смѣетъ подняться выше обычныхъ условий; если, иногда, онъ и заговариваетъ о своей боли, то очень не смѣло, и не дерзаетъ помышлять ни о чемъ лучшемъ. Народность Квитки, какъ и вообще тогдашнихъ народо-изобразителей — это зеркало навешенное на народный бытъ; по мѣрѣ того, какво это зеркало — въ немъ, съ болѣею или меньшею вѣрностью и полнотою, отражается то, что есть въ данный моментъ. Но Шевченко былъ самъ простолюдинъ, тогда-какъ другіе болѣе или менѣе были паны и паничи, любовавшіеся народомъ, иногда и дѣйствительно любившіе его, но въ сущности, по рожденію, воспитанію и стремленіямъ житейскимъ, не составлявшіе съ народомъ одного дѣлага. Шевченко въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ выводитъ на свѣтъ то, что лежало глубоко на днѣ души у народа, не смѣя, подъ тягостю вѣшнихъ условий, показаться — то, что народъ только смутно чувствовалъ, но не умѣлъ еще облечь въ ясное сознаніе. Поэзія Шевченки — поэзія дѣлага народа, но не только та, которую самъ народъ уже пропѣлъ въ своихъ безыменныхъ твореніяхъ, называемыхъ пѣснями и думами: это такая поэзія, которую народъ самъ бы долженъ былъ запѣть, если бы съ самобытнымъ творчествомъ продолжалъ далѣе пѣть непрерывно послѣ своихъ первыхъ пѣсенъ; или, лучше сказать, это была та поэзія, которую народъ дѣйствительно запѣлъ устами своего избранника, своего истинно-передоваго челоуѣка. Такой поэтъ какъ Шевченко есть не только живописецъ народнаго быта, не только воспѣватель народнаго чувства, народныхъ дѣяній — онъ народный вождь, возбудитель къ новой жизни, пророкъ. Стихотворенія Шевченки не отступаютъ отъ формы и приемовъ малорусской народной поэзіи: онъ глубоко малорусскій; но въ то же время ихъ значеніе никакъ не мѣстное: онъ постоянно носитъ въ себѣ интересъ общечеловѣческіе. Шевченко не только малорусскій простонародный поэтъ, но вообще поэтъ простаго народа, людской громады, подавленной издавна условіями общественной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствующей потребность иныхъ условій и уже начинающей къ нимъ стремиться, хотя еще и не видящей вѣрнаго исхода, а потому нерѣдко впадающей въ отчаяніе, грустной даже и тогда, когда ей въ душу заглядываетъ упованіе далекаго будущаго. «Мы вѣруемъ

твоему слову, о Госноди!» восклицаетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній малорусскій пѣвецъ: «возстанетъ правда, возстанетъ свобода, и Тебѣ Единому поклонятся всѣ народы во-вѣки, но пока еще текутъ рѣки, кровавыя рѣки!» Понятно, что крѣпостное иго, тяготѣвшее надъ народомъ, встрѣчало въ Шевченкѣ ожесточенное негодованіе. «Видишь ли—говорить онъ въ другомъ своемъ произведеніи—въ этомъ раѣ снимаютъ съ калѣки заплатанную свитку для того, чтобы одѣть недорослыхъ княжичей; тамъ распинаютъ вдову за подати, берутъ въ войско единого сына, единую подпору; тамъ подъ плетнемъ умираетъ съ голода опухшій ребенокъ, тогда-какъ мать жнетъ на барщинѣ пшеницу, а тамъ опозоренная дѣвушка, шатаясь, идетъ съ незаконнымъ ребенкомъ: отецъ и мать отреклись отъ нея, чужіе не принимаютъ ее, нищѣ даже отвращиваются отъ нея... а барчукъ... онъ не знаетъ ничего: онъ съ двадцатю по сѣту (любовницею) пропиваетъ души. Видитъ ли Богъ изъ-за тучъ наши слѣзы, горе? Видитъ и помогаетъ намъ столько же, сколько эти вѣковѣчные горы, покрытыя человѣческою кровію!» Не удивительно, что, живя и дѣйствуя въ періодъ строжайшаго сохраненія существующаго порядка, малорусскій поэтъ, дерзнувшій открыть завѣсу тайника народныхъ чувствъ и желаній и показать другимъ тѣ, что гнѣтъ и страхъ приучили каждаго закрывать и боязливо заглушать въ себѣ, осужденъ былъ судьбою на тяжолія страданія, которыхъ отголоски рѣзко отозвались въ его произведеніяхъ. Быть-можетъ, съ-тѣхъ-поръ какъ народъ освободился отъ одного изъ бременъ, лежавшихъ на немъ—крѣпостного рабства, съ-тѣхъ-поръ какъ Россія вообще уже вступила на путь преобразованій, такой поэтъ, какъ Шевченко, не можетъ повториться; дальнѣйшія улучшенія въ жизни народа, дальнѣйшее его развитіе должны происходить посредствомъ умственного труда и гражданской доблести, а не поэтическихъ возбужденій; иные предметы, иные приемы будутъ вдохновлять грядущихъ поэтовъ, но для Шевченки навсегда останется мѣсто въ плеядѣ великихъ пѣвцовъ славянскаго міра. Въ художественныхъ приемахъ онъ уступаетъ такимъ поэтамъ нашего племени, какъ Пушкинъ и Мицкевичъ, какъ уступалъ имъ вообще по воспитанію, хотя этотъ недостатокъ и значительно восполнялся силой его творческаго гения; но по животворности его

идей, по благородству и всеобъемлемости чувства, по естественности и простотѣ—Шевченко превосходить ихъ. Его значеніе въ исторіи—не литературы, не общества, а всей массы народа. Если новыя условія жизни, великіе перевероты и цѣлый рядъ иного рода событій унесутъ съ лица земли малорусскую народность, исторія обратится къ Шевченкѣ всегда, когда заговоритъ не только объ угаснувшей малорусской народности, но и вообще о прошлыхъ судьбахъ русскаго народа. Если когда-либо потомки долго страдавшаго, униженнаго, умышенно содержимаго въ невѣжествѣ мужика, будутъ пользоваться полною человѣческою свободою и плодами человѣческаго развитія, судьбы прожитыя ихъ прародителями не угаснутъ въ ихъ воспоминаніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ они съ уваженіемъ будутъ вспоминать и о Шевченкѣ, пѣвцѣ страданій ихъ предковъ, искавшемъ для нихъ свободы—семейной, общественной, духовной, вмѣстѣ съ ними и за нихъ терпѣвшемъ душою и тѣломъ, мыслию и дѣломъ.

Одновременно съ Шевченкомъ писалъ по малорусски Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ, столько же талантливый повѣствователь, сколько и превосходный этнографъ. Его «Записки о Южной Руси» могутъ служить лучшимъ образчикомъ этнографическихъ трудовъ. Изъ числа писанныхъ имъ повѣстей, по нашему мнѣнію, первое мѣсто занимаетъ историческій романъ «Чорна рада». По художественности и вѣрности картинъ, это одно изъ лучшихъ произведеній въ своемъ родѣ вообще въ русской литературѣ и единственное въ малорусской. Языкъ Кулиша отличается благородствомъ и старательною отдѣлкою: вообще видно чистое стремленіе поднять его уровень и сдѣлать доступнымъ для предметовъ и понятій, стоящихъ выше быта поселянна. Кромѣ прозы, Кулишъ пробовалъ писать и стихи, которые плавны и звучны, но по силѣ вдохновенія далеко уступаютъ Шевченковымъ.

Въ 1857 году выступила на литературное поприще женщина-писательница, подъ псевдонимомъ Марка-Вовчка. Ея небольшіе рассказы изъ народной жизни, изданныя въ свѣтъ подъ общимъ названіемъ «Оповіданья», отличаются высокою художественностью построенія, глубиною мысли и чувства и вѣрностію красокъ. Малорусская читающая публика отнеслась къ этимъ произведеніямъ съ большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ.

Въ 1861—62 годахъ въ Петербургѣ издавался

Василієм Михайловичем Бѣлозерскимъ журналъ «Основа», посвященный Малороссіи. Кромѣ разныхъ статей, относящихся къ малороссійскому краю въ историческомъ, этнографическомъ, экономическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, журналъ этотъ наполнялся многими повѣстями, рассказами, стихами и замѣтками, писанными по малорусски и вызвалъ къ литературной дѣятельности нѣсколько даровитыхъ писателей, какъ напримѣръ: Глѣбова, Чайку, Нечуй-Вітра, Олексу Стороженка, Руданскаго, Кулика, Кухаренка, Мордовцева, Номиса, Носа, Омельковича и другихъ. Рассказы Олексы Стороженка, изданные впоследствии особо въ двухъ томахъ, очень замѣчательны по талантливому изображенію малорусскаго быта, превосходному языку и народному юмору.

Но журналъ «Основа», давшій безспорно большой толчокъ литературной малорусской дѣятельности, не могъ долго существовать по малости подписчиковъ, что, во всякомъ случаѣ, указывало на недостатокъ сочувствія въ высшемъ классѣ Малороссіи. Это одно уже, кромѣ другихъ соображеній, указывало, что для малорусской письменности нуженъ иной путь. Изобразительно-этнографическое направленіе исчерпывалось; въ эпоху, когда все мыслящее думало о прогрессѣ, о движеніи впередъ, о расширеніи просвѣщенія, свободы и благосостоянія, оно оказывалось слишкомъ узкимъ, простонародная жизнь, представлявшаяся прежде обладающею несмѣтнымъ богатствомъ для литературы, съ этой точки зрѣнія, являлась, напротивъ, очень скудною: въ ней не видно было движенія, а если оно въ самомъ дѣлѣ и существовало, то до такой степени медленное и трудно уловимое, что не могло удовлетворять требованіямъ скорыхъ, плодотворныхъ и знаменательныхъ улучшеній, какими занята была мыслящая сила общества. Стихотворство еще меньше возбуждало интереса. Буйные витры, степовыя могилы, козаки, чумаки, черноривы дивчата, зозули, соловейки, барвинковые виночки и прочія принадлежности малорусской поэзіи становились избитыми, типическими, опшлелыми призраками, подобными античнымъ богамъ и пастушкамъ псевдоклассической литературы, или сантиментальнымъ романамъ двадцатыхъ годовъ, наполняющихъ старыя наши «Новѣйшіе пѣсенники». Поднимать малорусскій языкъ до уровня образованнаго, литературнаго въ высшемъ смыслѣ, пригоднаго для всѣхъ отраслей знанія и для

описанія человѣческихъ обществъ къ высшему развитію—была мысль соблазнительная, но ея несостоятельность высказалась съ перваго взгляда. Языкъ можетъ развиваться съ развитіемъ самаго того общества, которое на немъ говоритъ; но развивающагося общества, говорящаго малорусскімъ языкомъ, не существовало; тѣ немногіе, въ сравненіи со всею массою образованнаго класса, которые, ставши на степень высшую по развитію отъ простаго народа, любили малорусскій языкъ и употребляли его изъ любви—тѣ уже усвоили себѣ общій русскій языкъ: онъ для нихъ былъ родной; они привыкли къ нему болѣе чѣмъ къ малорусскому, и какъ по причинѣ бѣльшаго своего знакомства съ нимъ, такъ и по причинѣ бѣльшей развитости русскаго языка предъ малорусскимъ, удобнѣе обращались съ первымъ, чѣмъ съ послѣднимъ. Такимъ образомъ въ желаніи поднять малорусскій языкъ къ уровню образованныхъ литературныхъ языковъ было много искусственнаго. Кромѣ того, сознавалось, что общерусскій языкъ никакъ не исключительно великорусскій, а въ равной степени и малорусскій. И въ самомъ дѣлѣ, если онъ, по формамъ своимъ, удалялся отъ народнаго малорусскаго, то въ то же время удалялся, хоть и въ меньшей степени, отъ народнаго великорусскаго; то былъ общій недостатокъ его постройки, но въ этой постройкѣ участвовали также малоруссы. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ — языкъ этотъ былъ не чуждъ уже малоруссамъ, получившимъ образованіе, въ равной степени какъ и великоруссамъ, и какъ для тѣхъ такъ и для другихъ представлялъ одинако готовое средство къ дѣятельности на поприщѣ наукъ, искусствъ, литературы. При такомъ готовомъ языкѣ, творя для себя же другой, пришлось бы создать языкъ непремѣнно искусственный, потому-что, за неимѣніемъ словъ и оборотовъ въ области знаній и житейскомъ быту, пришлось бы ихъ выдумывать и вводить предъумышленно. Какъ бы ни любили образованные малоруссы языкъ своего простаго народа, какъ бы ни рвались составить съ нимъ единое тѣло, все-таки, положиа руку на сердце, пришлось бы имъ сознаться, что протонародный языкъ Малороссіи — уже не ихъ языкъ; что у нихъ уже есть другой, и собственно для нихъ самихъ не нужно двухъ разомъ.

Приходя къ такимъ выводамъ, малоруссы, соображаясь съ господствовавшимъ въ тѣ годы общимъ стремленіемъ распространять всѣми воз-

можными средствами просвѣщеніе, находили, что выработанный до извѣстной степени народный малорусскій языкъ можетъ послужить превосходнымъ двигателемъ общенароднаго образованія и принялись писать по-малорусски элементарныя научныя книги, съ цѣлю ознакомленія народа съ плодами образованности. Такимъ образомъ написана была книга, гдѣ давались элементарныя понятія о природѣ, подъ названіемъ: «Де що про свить Божій», изданъ былъ первый выпускъ священной исторіи и арифметика. Изготовлено было въ разныхъ мѣстахъ два перевода святого Евангелія. Были и другія работы. Мысль эта нашла великое сочувствіе во всѣхъ концахъ малорусскаго міра. Выпускъ священной исторіи, менѣе чѣмъ въ продолженіи полугодія, разошелся въ количествѣ болѣе шести тысячъ экземпляровъ. Но тутъ поднялись подозрѣнія, обличенія и обвиненія. Московская газета, поддерживаемая нѣкоторыми корреспондентами изъ Малороссіи, находила въ этомъ предпріятіи умыслы на отторженіе Малороссіи отъ русской имперіи, сродство съ польскими интригами, однимъ словомъ преступныя намѣренія. И вотъ — найдено было умѣстнымъ преградить всякій дальнѣйшій ходъ этому дѣлу. То было въ 1863 году; съ-тѣхъ-поръ малорусская литература перестала существовать въ Россіи*). Въ глазахъ ревнителей государственной цѣлости и народнаго единства Россіи, все писанное по-малорусски стало представляться признакомъ измѣны, мятежа, попытокъ къ разложенію отечества. Въ сущности же на дѣлѣ не было и тѣни ничего подобнаго. Малоруссы, желавшіе ввести малорусскій языкъ въ первоначальное образованіе народа, не руководились никакими другими видами, кромѣ убѣжденія, что языкъ природный, какъ говорится, всосанный съ материнскимъ молокомъ, былъ болѣе легчайшимъ средствомъ для передачи начатковъ образованія, чѣмъ тотъ, который былъ чуждъ народному уху,

*) Кое-какія произведенія, появившіяся съ этихъ поръ до настоящаго времени, проходили безгдѣно. Только опера «Запорожець за Дунаемъ» хотя небогатая по содержанію, но сценичная, правилась нѣсколько времени столичной публикѣ, а потомъ была оставлена.

какъ по словамъ и оборотамъ, такъ и по выговору. Если было сочтено умѣстнымъ переводить священное писаніе съ церковно-славянскаго на русскій, то тѣмъ же самымъ казалось вполне умѣстнымъ перевести его по-малорусски, потому что на русскомъ языкѣ для малорусса оно менѣе понятно, чѣмъ на славяно-церковномъ. Никто не думалъ, чтобы первоначальное образованіе, полученное малоруссами на своемъ природномъ языкѣ, могло изгнать и устранивъ изъ Малороссіи языкъ общерусскій; напротивъ, существовала увѣренность, что, получивъ нѣкоторыя свѣдѣнія на своемъ нарѣчій, малоруссъ съ большею охотою пожелаетъ читать по-русски и скорѣе научится русскому языку, приобрѣвши уже до этого нѣкоторую подготовку и развитіе. Таковы были виды тѣхъ, которые проводили мысль о примѣненіи малорусскаго языка къ дѣлу народнаго образованія, а не какіе-либо иные. Конечно, для тѣхъ, которые не считаютъ народнаго образованія первою насущною потребностію, которые не видятъ особенной бѣды въ томъ, если народъ долгое время, можетъ-быть столѣтіе и долѣе, будетъ коснѣть въ невѣжествѣ, важность народнаго нарѣчія въ дѣлѣ первоначальнаго развитія не можетъ быть вопросомъ; но тѣ, которые, не менѣе малоруссовъ, любителей своего народнаго слова, искренно, горячо желаютъ просвѣщенія, и расходятся съ послѣдними только въ томъ, что считаютъ возможнымъ дѣломъ для малорусскаго простолюдина легко и скоро получить первоначальное образованіе на литературномъ русскомъ языкѣ, должны не ограничиваться одними теоретическими предположеніями, а познакомиться съ этимъ вопросомъ въ области опыта. Въ Малороссіи есть школы, и малоруссы учатся по русски; надлежитъ безпристрастно и точно разрѣшить вопросъ: какъ широко подвинулось просвѣщеніе въ народной массѣ и легко ли оно достается? Разрѣшеніе этого вопроса будетъ отвѣтомъ и на то: справедливы ли были малоруссы, хотѣвшіе употребить народное нарѣчье орудіемъ легчайшаго распространенія просвѣщенія въ массѣ народа, или же они ошибались?

Н. Костомаровъ.

МАЛУРУССКІЕ ПОЭТЫ.

И. П. КОТЛЯРЕВСКІЙ.

Предки Котляревскаго были природные малороссы. Отец его служилъ въ полтавскомъ городскомъ магистратѣ, а дѣдъ былъ діакономъ успешной соборной церкви въ Полтавѣ. Еще до-сейпоры на высокой горѣ въ Полтавѣ, около крѣпостныхъ окоповъ, стоитъ полуразрушенный дубовый домикъ, съ надписью надъ входомъ: «Создася домъ сей, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, 1705 року 30 августа.» Въ этомъ домикѣ жилъ отецъ Котляревскаго, а 29 августа 1769 года родился и самъ Иванъ Петровичъ, известный малороссійскій поэтъ. Родители Котляревскаго были весьма не богаты. Съ дѣтскихъ лѣтъ проявилась въ немъ охота къ чтенію и усидчивость въ занятіяхъ, такъ что его очень рано отдали въ семинарію, гдѣ онъ окончилъ ученіе съ успѣхомъ. По выходѣ изъ семинаріи, Котляревскому предлагали вступить въ духовное званіе, но онъ избралъ поприще свѣтское. Первое время онъ занимался обученіемъ дѣтей въ помѣщичьихъ домахъ, и, какъ страстный любитель родного языка, народныхъ обычаевъ и преданій, собиралъ этнографическія свѣдѣнія и писалъ стихи на малороссійскомъ языкѣ. Въ 1779 году онъ поступилъ въ штатъ бывшей новороссійской канцеляріи и черезъ четыре года былъ произведенъ въ первый классный чинъ, имѣя 14 лѣтъ отроду. Въ 1796 году Иванъ Петровичъ оставилъ гражданскую службу и поступилъ кадетомъ въ Сѣверскій карабинерный полкъ. Прослуживъ 12 лѣтъ въ военной службѣ и получивъ чинъ штабсъ-капитана за храбрость, оказанную при взятіи крѣпостей Бранлова и Измаила, въ 1806

году, онъ вышелъ въ 1808 году въ отставку съ чиномъ капитана и снова поселился въ своемъ отцовскомъ домикѣ въ Полтавѣ. Въ началѣ 1812 года ему было поручено сформированіе 5-го малороссійскаго козачьяго полка, что было исполнено имъ ровно въ двѣ недѣли. Черезъ два года по выходѣ своемъ въ отставку, Котляревскій получилъ мѣсто надзирателя полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ. За улучшенія, произведенныя имъ по этому заведенію, онъ былъ награжденъ, въ 1817 году, чиномъ майора и пенсіею въ 500 руб. асиг., а въ 1827 году назначенъ попечителемъ полтавскаго богоугоднаго заведенія. Эту послѣднюю должность Иванъ Петровичъ занималъ до самой смерти, т. е. до 1838 года. Общій голосъ Полтавы признаетъ за Котляревскимъ щедрость, благотворительность и готовность принять участіе въ каждомъ гонимомъ и убогомъ человѣкѣ.

Воспитаніе Котляревскаго совпало съ эпохой протеста противъ классицизма — протеста, выразившагося въ европейской литературѣ осмѣяніемъ олимпійскихъ боговъ и героевъ сѣдой древности. По преданію, Иванъ Петровичъ еще въ семинаріи началъ *перелицовывать* «Энеиду» Виргилія на малороссійскій языкъ. Кому онъ подражалъ и былъ ли ему извѣстенъ тогда Скарронъ или Баумгартенъ — этого мы не знаемъ. Извѣстно только, что поступа въ военную службу, Котляревскій скоро прославился своею пародіей. Троянскій герой, въ видѣ украинскаго бродяги, смѣшилъ товарищей Ивана Петровича до слѣзъ, и рукопись его начала ходить по рукамъ. Затѣмъ, поселившись въ Полтавѣ и сдѣлавшись частымъ гостемъ у малороссійскаго воен-

наго губернатора, князя Репнина, онъ написалъ для его домашняго театра двѣ пьесы: «Наташку-Полтавку» и «Москаля-чаривника.» Первая изъ этихъ пьесъ появилась въ 1819 году, и была принята публикой съ громкимъ одобреніемъ. Появленіе «Москаля-чаривника» было также признано общими похвалами. Съ этого времени имя сочинителя стало повторяться съ любовью не только во всей Малороссіи, но и въ Великороссіи и въ обѣихъ столицахъ. Обѣ эти пьесы говорятъ много въ пользу природнаго таланта Котляревскаго. Природное чутье спеническихъ условій въ авторѣ и нѣсколько удачныхъ чертъ изъ простонародныхъ нравовъ съ комической стороны, поставили «Наташку-Полтавку» и «Москаля-чаривника» выше многихъ, если не всѣхъ, пьесъ тогдашняго репертуара. Что же касается пьесенъ, которыми начинается первая изъ этихъ пьесъ (*Віють вѣтры* и *У сосѣда хата была*), то они приобрѣли такую популярность, что и въ настоящее время въ Малороссіи нѣтъ человѣка, который бы не зналъ ихъ назусть. Сочиненія Котляревскаго имѣли въ свое время сильное вліяніе на всѣхъ, кому доступенъ былъ языкъ украинскій. Онъ былъ единственный писатель, воспроизведшій всѣми забытую жизнь украинскаго простонародья.

I.

В Ъ Ю Т Ъ В Ъ Т Р Ы.

Вѣютъ вѣтры, вѣютъ буйны —
И деревья гнутся.
Охъ, болитъ мое сердечко,
Слѣзы такъ и льются.

Въ лютомъ горѣ, безъ милѣго,
Я веселье трачу;
Только станеть легче сердцу,
Какъ пойду поплачу.

Не помогутъ слѣзы счастью,
Легче мнѣ не будетъ...
Кто счастливъ былъ хоть часочекъ,
По-вѣкъ не забудеть.

Есть же люди — и сиротской
Завидуютъ долѣ;
Но счастлива ль та былинка,
Что хирѣеть въ полѣ?

Въ чистомъ полѣ, на прилѣбѣ,
Безъ росы, безъ крова?
Тяжко, тяжко на чужбинѣ
Безъ дружка милѣва!

Безъ милѣва, дорогова,
Сталъ мнѣ свѣтъ тюрьмою;
Безъ милѣва нѣтъ мнѣ счастья,
Нѣтъ мнѣ и покою.

Погляди поди мой милый,
Какъ я здѣсь горюю,
Какъ слезами поливаю
Мою долю злую!

Кто жъ меня здѣсь приласкаетъ,
Кто здѣсь приголубитъ,
Если нѣтъ того со мною,
Кого сердце любить?

Полетѣла бъ я къ милѣму,
Да куда — не знаю.
Безъ него я сохну, вяну,
Всякъ часъ умираю.

Н. Бергъ.

II.

П Ъ С Н Я.

У сосѣда есть избушка,
У сосѣда жонка-душка;
У меня же — ни избѣнки,
Нѣту счастья, нѣту жонки.

За сосѣдомъ всѣ красоти,
За сосѣдомъ и молодки,
Красны дѣвицы косятся —
На сосѣда всѣ зарятся.

Ой, сосѣдъ мой раньше сѣеть,
У сосѣда зеленѣеть;
У меня же, сиротинки,
Нѣту въ полѣ ни былинки.

Всѣ сосѣда выхваляютъ,
Всѣ сосѣда уважаютъ;
Я жъ напрасно время трачу —
Одинокій горько плачу.

Н. Гьрвель.

III.

В О З Н Ы Й.

Городъ, село ли — имѣютъ права;
 Тоже имѣетъ свой умъ голова.
 Каждый, какъ кубаремъ, прихоть вертеть;
 Каждого гвѣшій къ поживѣ манить.
 Волка медвѣдь разрываетъ въ куски,
 Волкъ — тотъ козла теребить за виски,
 Ну, а козёлъ огородъ теребить:
 Каждый съ другого сорвать наровить.
 Каждый, кто выше, тотъ низшаго гнѣтъ;
 Сильный безсильнаго давить и жмѣтъ.
 Бѣдный — богатому вѣчный слуга:
 Корчится, гнѣтся предъ нимъ, какъ дуга.
 Кто не имѣетъ, тотъ вѣкъ свой скрипять;
 Кто не лувавить, тотъ сзади сидить.
 Ложка сухая вѣдь горло дерѣтъ,
 Какъ тутъ прожить безъ грѣха и хлопотъ?

Н. Гервель.

IV.

ИЗЪ «ЭНЕИДЫ».

Эней былъ молодець удалый,
 Парнюга — чудо не козакъ,
 На всѣ дѣла проворный малый,
 Какъ есть — намѣтанный бурлакъ.
 Какъ только греки взяли Трою
 И пышный городъ сталъ золою,
 Онъ поскорѣ тягу далъ,
 Взялъ кой-какихъ съ собой троянцевъ,
 Въ огнѣ копченыхъ оборванцевъ,
 И Троѣ пятки показалъ.

Онъ понастроилъ кучу лодокъ,
 Своихъ троянцевъ рассадилъ,
 Стѣснивъ несчастныхъ, какъ селѣдокъ,
 И въ море синее спустилъ.
 Какъ вдругъ опять напасть дикая:
 Собачья дочь, Юнона злая,
 Вдругъ напустилася на него,
 И въ заключеніе пожелала,
 Чтобъ въ адъ душа его попала
 И духу не было его.

Парнюга былъ ей не по сердцу,
 Да и гнѣвилъ ее притомъ,
 И наконецъ сталъ горше перцу,

Противнѣй каши съ ревенѣмъ.
 Да что же сдѣлалъ онъ такое?
 А то — зачѣмъ родился въ Троѣ;
 И тѣмъ еще былъ ей не милъ,
 Что слылъ за сына Афродиты
 И что Парисъ не ей — пади ты —
 Венерѣ аблочко всучилъ.

Глядитъ Юнона — видитъ съ неба,
 Что въ лодкахъ ѣдетъ нашъ Эней.
 «Ахъ, ты пострѣль!» шепнула Геба,
 И жутко, жутко стало ей.
 Она впрягла въ тележку птичку,
 Собрала волосы подъ кичку,
 Чтобъ не трепалася коса,
 Надѣла пеструю юбчѣнку,
 Взяла ковригу, да солонку
 И — шмыгъ къ Эолу, какъ оса.

Вошла въ хоромы и сказала:
 «Здорово, сватъ! гостей встрѣчай!
 Давно тебя я не видала.»
 И положила коровай,
 Шума распущеннымъ подоломъ,
 На столъ предъ дѣдушкой Эоломъ.
 Потомъ присѣла на скамьѣ
 И моливтъ: «съ просьбицей къ тебѣ я,
 Дружокъ Эоль! тряхни Энея:
 Теперь онъ въ морѣ на ладѣ.

«Ты знаешь, что онъ за ярыга:
 Весь свѣтъ обнюхаетъ, какъ пѣсь,
 Еще успѣетъ, забулдыга,
 Изъ разныхъ глазъ повыжать слѣзь.
 Пошли ему лихое горе:
 Пусть тѣ, кто съ нимъ, потонуть въ морѣ,
 А прежде всѣхъ потонетъ самъ.
 За это ряжю красотку,
 Не просто бабу, а находку,
 Тебѣ сегодня же я дамъ.»

«Вишь съ чѣмъ подѣхала ты къ свату!
 Эоль, осклабась, завонилъ:
 «Все бъ сдѣлалъ я за эту плату,
 Да вѣтры, жалко, распустилъ:
 Борей больной лежитъ съ похмѣля,
 А Ноть на свадьбѣ — всѣмъ веселье,
 Зефиръ, давнишній негодай,
 Къ дѣвчонкамъ въ дружбу затесался,
 А Эвръ въ поденщики нанялся...
 Какъ хочешь, такъ и поступай!

«Но успокойся: для тебя я
Нарву молодчику вихры
И, дѣло долго не тагая,
Ушлю его въ тартарары.
И такъ — прощай и убирайся!
На счётъ молодежи постарайся,
А на попятную — шалишь:
Надучешъ — кончены всѣ пѣсни:
Ласкайся, вѣжничай — хоть тресни,
А отъ меня получишь шишь.»

Эоль, не медя ни мгновенья,
Собралъ всѣ вѣтры подь рукой,
И вздуться подалъ повелѣнье
Онъ морю синему горой.
И вотъ оно запузырилось,
Ключомъ вскипѣло, расходилось...
Энею нашему не въ мочь:
Онъ даже хнычетъ, плачетъ, бѣдный,
И, весь испачканный и блѣдный,
Ерошитъ чубъ свой день и ночь.

Гуляютъ вѣтры надъ волнами;
Пучина черная реветъ.
Троянцы моются слезами;
Эней схватился за животь.
Ладьи, какъ щепы, разметало;
Троянцы тонуть — ихъ ужъ мало;
Сто бѣдъ нагрянуло на нихъ;
Эней кричитъ: «да я Нептуну
Пяталтынный въ руку суву —
Пусть только вѣтеръ бы затихъ!»

Нептунъ былъ взяточникъ давнишній.
Заслышавъ голосъ, онъ сказалъ:
«Пяталтынный мнѣ не лишній!»
И тотчасъ рака осѣдлалъ;
На немъ, какъ окунь, бурлачина
(Нептунъ проворный былъ дѣтина)
Нырнулъ и вынырнулъ со дна
И крикнулъ вѣтренной артели:
«Чего не ладно загудѣли?
Какого надо вамъ рожна?»

Вмигъ вѣтры уши наострили
И — драла въ норочки свои:
Какъ лякъ до ясу припустили,
Какъ отъ вороны воробьи.
Тогда Нептунъ схватилъ метѣлку,
Все море вымелъ, какъ свѣтѣлку —
И солнце глянуло на свѣтъ.

Эней, почувствовавъ отраду,
Перекрестился пять разъ къ ряду
И приказалъ варить обѣдъ.

Въ красивыхъ мисочкахъ сосновыхъ
Явились кушанья тотчасъ,
Въ приправахъ жирныхъ и здоровыхъ;
Рѣкою брага полилась:
Ее кувшинами хлестали;
Галушки, жаренныя въ салѣ,
Глотали съ жадностью молчкомъ,
И водки выпили не мало;
Когда жъ наѣлись до отвала,
Они уснули брѣшпемъ сномъ.

Венера, не пустая шляха,
Какъ увидала, что Эоль
Сынка промучилъ голодухой
И на бѣднягу страхъ навѣлъ,
Взялась тотчасъ поправить дѣло:
Нарядъ свой праздничный надѣла —
Такой нарядъ, что хоть бы въ плясъ:
На головѣ чепецъ парчѣвый,
Да въ галунахъ капотикъ новый —
И такъ къ Зевесу понеслась.

Зевесъ въ то время пилъ свуху,
Соленой рыбой заѣдалъ.
Онъ выпилъ цѣлую осьмуху
И ужъ вторую начиналъ,
Когда вошла къ нему Венера,
Кривясь — ну точно съ ней холера —
И стала хныкать передъ нимъ:
«Спросить васъ, тятенька, пришла я,
За что сынку напасть такая?
Какъ куклой всѣ играютъ имъ.

«Куда ему добратся къ Риму!
Скорѣй въ канавѣ свистнетъ ракъ,
Скорѣе ханъ вернется въ Крымъ,
Иль станетъ умникомъ дуракъ.
Чтобы Юнона да не знала
Въ кого впустить свое ей жало
И какъ людей честныхъ пугать!
Смирить ее потребна сила,
Чтобъ тамъ и сямъ не лебезила...
Одинъ ты можешь приказать.»

Юпитеръ допилъ жбанъ горѣлки,
Утеръ усы, погладилъ чубъ
И молвилъ: «охъ, вы скороспѣлки!

Я въ словѣ твердъ, какъ старый дубъ:
Эней покончить всѣ мытарства,
Приобрѣтеть большое царство,
И станеть бариномъ большимъ:
Оброкъ на цѣлый свѣтъ наложить,
Народъ свой сильно преумножить
И будетъ царствовать надъ нимъ.

«Такъ вотъ что я сую Энею:
Къ Дидонѣ въ гости онъ зайдетъ,
Точить баласы будетъ съ нею,
Подѣдетъ къ ней, какъ въ мышѣ воть
И влюбитъ бабу не на шутку.
Не плачь, молись, постись, малютка!
Все будетъ такъ, какъ я сказалъ.»
Венера съ татинькой простилась;
Но прежде въ поясъ поклонилась,
А онъ ее поцаловалъ.

Едва Эней съ своей аравой
Успѣлъ немножко отдохнуть,
Какъ ужъ собралъ свой скарбъ дыравый
И снова ѣдетъ въ дальній путь.
Пливеть... Ему противно море:
Тошнить его... Такое горе,
Что не глядѣлъ бы и на свѣтъ!
И онъ сказалъ: «умри я въ Троѣ,
Тогда бъ мнѣ легче было втрое;
А тутъ ни въ чемъ утѣхи нѣтъ.»

О. Лепко.

П. П. АРТЕМОВСКИЙ-ГУЛАКЪ.

Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ, извѣстный малорусскій поэтъ и учоный, родился въ 1791 году въ мѣстечкѣ Смѣломъ, Кіевской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Н. И. Костомаровъ, жившій у Петра Петровича, во время своего студенчества въ Харьковѣ, въ тридцатыхъ годахъ, слышалъ отъ него не разъ, что отецъ его всегда, и даже въ то время, когда Смѣла еще принадлежала Польшѣ, отличался горячею привязанностію къ Россіи, за что, въ 1789 году, во время смуты, бывшихъ въ томъ краѣ, онъ подвергся жестокому истязанію со стороны поляковъ. Въ память этого событія, старіе до смерти хранили тотъ пукъ розогъ, которыми его истязали, въ кіотѣ, какъ святыню,

вмѣстѣ съ образами. Артемовскій, унаслѣдовавъ, послѣ смерти отца, этотъ пукъ розогъ, вмѣстѣ съ кіотомъ, свято хранилъ его и любилъ показывать своимъ гостямъ, причеиъ входилъ во всѣ подробности приключенія. Получивъ первоначальное образование въ домѣ родительскомъ, молодой Артемовскій былъ отданъ въ Кіевскую семинарію, гдѣ натерпѣлся всего, и даже однажды, послѣ большого пожара, который истребилъ чуть не половину Кіева, дошелъ до того, что принужденъ былъ питаться арбузными корками, которыя собиралъ на базарной площади. По окончаніи полнаго семинарскаго курса, онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ, откуда вышелъ кандидатомъ. Затѣмъ, выдержавъ магистерскій экзаменъ въ томъ же университетѣ и успѣшно защитивъ свою диссертацию, Артемовскій былъ удостоенъ степени магистра словесныхъ наукъ, а годъ спустя занялъ предложенную ему соувѣтомъ Харьковскаго университета кафедру русской исторіи, которую и занималъ въ теченіи многихъ лѣтъ, сначала въ званіи экстраординарнаго, а потомъ ординарнаго профессора, и оставилъ только вслѣдствіе избранія его, въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ должность ректора университета, которую онъ занималъ въ теченіи десяти лѣтъ.

Независимо отъ своей учоной дѣятельности, Артемовскій извѣстенъ также своими поэтическими произведеніями на малороссійскомъ языкѣ, которыя носятъ на себѣ печать несомнѣннаго таланта. Къ сожалѣнію, онъ писалъ мало и притомъ въ молодости, когда талантъ его еще далеко не окрѣпъ. Во всѣхъ его произведеніяхъ преобладающая черта — юморъ. Какъ на лучшія произведенія Артемовскаго, въ этомъ родѣ, можно указать на слѣдующія стихотворенія: «Солопій и Хиврия», «До Пархима», подражаніе Горацию, «Панъ Твердовскій», баллада и, въ особенности, рассказъ «Панъ и собака». Не смотря на то, что стихотворенія Артемовскаго никогда не были изданы отдѣльною книжкой, оставаясь затерянными въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» и другихъ малоизвѣстныхъ малорусскихъ журналахъ и альманахахъ, они ходятъ въ Малороссіи по рукамъ во множествѣ списковъ, а побасенку о «Панѣ и собакѣ» каждый грамотный малороссъ знаетъ наизусть. И дѣйствительно, произведенія Артемовскаго, какъ по своему направленію, такъ и по языку, стоятъ несравненно выше того довольно-низкаго уровня, на которомъ стояла

современная ему малорусская поэзія. Своимъ разсказомъ «Панъ и собака» онъ далъ новое направление малорусской поэзіи, послѣднимъ словомъ которой сдѣлался Шевченко. Въ исторіи малорусской словесности «Панъ и собака» составляетъ явленіе, мимо котораго ни одинъ критикъ не пройдетъ, не остановившись. Языкъ его чистъ, силенъ и разнообразенъ. Смѣшное является у него не въ каррикатурѣ дѣйствительности, а въ самомъ положеніи вещей. Простодушное, но не цѣнимое ни во что усердіе героя разсказа Рябка, панской собаки, смѣшить насъ, не оскорбляя нашего уваженія къ личности, заключенной въ его собачей шкурѣ. Каждая черта въ юмористической его живописи имѣетъ внутренней смыслъ, который придаетъ его смѣху достоинство благородной сатиры.

Артемовскій скончался въ Харьковѣ въ глубокой старости лѣтъ шесть тому назадъ.

ПАНЪ И СОБАКА.

Сопла на землю ночь. Ничто не шелокнется,
Лишь птица сонная вспорхнетъ и встрепенется:
Безмолвіе царить. Не видно зги — темно:
На небѣ зорьки нѣтъ и мѣсяцъ спитъ давно;
Лишь звѣздочка порой за тучею дождливой
Мелькнетъ, какъ изъ норы мышонокъ боязливый.
И небо, и земля — все спитъ въ тиши ночной;
Поконится весь свѣтъ подъ черной пеленой.
Одинъ, какъ перстъ, Рябко о снѣ не помышляетъ:
Онъ барское добро, какъ другъ, оберегаетъ.
Бѣсть даромъ барскій хлѣбъ Рябко нашъ не любилъ:
Онъ ѣлъ за пятерыхъ, за-то ужъ и служилъ.

Бѣднягѣ не легко —

Всю ночь не спитъ Рябко.

И что за темнота! хотя бѣ въ хоромахъ свѣчка
Зажглася на огнѣ! хотя бы изъ-запечка

Мелькнулъ гдѣ огонѣкъ!

Ужъ батюшка, нашъ попъ, лѣниво, какъ мѣшокъ,
Откуда-то съ крестинъ къ заутренѣ плетется,
А пѣсь-Рябко не спитъ, всю ночь ему неймется:
То въ уголъ онъ одинъ заглянетъ, то въ другой —

Въ курятникъ къ курамъ, въ хлѣвъ свиной;

Провѣдаетъ — спокойны ль поросята?

Что гуси? цѣлы ли утята?

Что овцы? побѣжитъ къ стогамъ,

Къ гумну, къ конюшнѣ, къ воротамъ;

Всѣмъ пѣсь усердно озабоченъ —

И исполнительнъ, и точенъ.

Онъ сторожить, чтобы москали

На барскій дворъ не забрели:

Ихъ тьма была въ селѣ; изъ дальнихъ мѣстъ пришли.
И лаеетъ вѣрный пѣсь, и воетъ что есть духу,
Да такъ, собачій сынъ, что просто больно уху.
Всю ночь пролаявъ, онъ умолкнулъ на зарѣ;
И вотъ, едва прилежъ, раздался храпъ въ норѣ.
Пусть спитъ себѣ Рябко — вѣдь нѣтъ бѣды покуда.
И такъ онъ крѣпко спитъ, сномъ праведнаго люда,
Что честно бережотъ добро своихъ господъ;
Какъ вдругъ подняся гамъ; бѣжитъ, кричитъ народъ:
«Цю-цю, Рябко! на-на! Сюда его зовите!»
— «Я здѣсь, отцы мои! чего вы тамъ, скажите?»
Отъ радости Рябко и скачетъ, и хвостомъ
Вертитъ, какъ помеломъ,
Оскаливаетъ зубы

И, мысля о жаркомъ, облизываетъ губы.

«Не даромъ, мыслить онъ, не даромъ на дворѣ

Всѣ всполошились на зарѣ —

Есть вѣрно что-нибудь такое...

Должно-быть мнѣ несутъ жаркое,

А можетъ, что-нибудь другое

За-то, что я всю ночь не спалъ

И лаею отъ воровъ усадьбу охранялъ.»

«Цю-цю!» кричитъ Явтухъ, держа въ рукѣ дубину,
Хватъ за ухо, да въ спину.

«Держите подлеца... Попомнишь, вражій сынъ!»

И вотъ Ряба дерутъ, рвутъ шерсть на немъ до корня.

Завылъ отъ боли пѣсь; на вой сбѣжалась дворня.

Что? какъ? за что? про что? — не знаетъ ни одинъ.

«За что, спросилъ Рябко, меня вы отодрали?

За что велѣлъ избить меня мой господинъ?»

— «За-то, сказала Явтухъ, что господа не спали.»

— «Въ умѣ ли ты, Явтухъ? я ль въ этомъ виноватъ?»

— «Да ты, какъ вижу я, ужъ больно простоватъ!

Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что лаея надсаждался.

Вотъ видишь ли — вчера панъ въ карты проигрался

(Въ игрѣ, на этотъ разъ, удачи не далъ Богъ),

А пани не могла всю ночь заснуть отъ блохъ.

Пойми: кто проигралъ, порядкомъ прокутился,

Въ томъ, Господи прости, нечистый поселился:

Тотъ проиграть готовъ родимаго отца.

Зачѣмъ ты вылъ, рычалъ и лаея безъ конца?

Пускай бы лаея самъ, а ты бѣ ушолъ украдкой,

Залежъ въ своей норѣ, да выпался бы сладко.»

— «Такъ этимъ, молвилъ пѣсь, я только виноватъ?

Нѣтъ, баста! съ-этихъ-поръ беру свое назадъ!

Прочь бабу съ воза — нѣтъ бѣды въ томъ, такъ и надо:

Лошадкѣ легче везть, она тому и рада.»

Такъ разсудивъ, Рябко пошолъ уныло прочь,

Въ свою конуру влѣзъ — и тамъ проспалъ всю ночь.

Проспалъ — и въ крѣпкомъ снѣ, увы, ему не снилось,
 Что шайка москалей въ господскій дворъ ввалилась;
 Что можно взять беретъ, шнырять вверхъ и внизъ;
 Ну точно волки въ хлѣбъ, въ овчарню забрались...

Онъ — глядь, а на дворѣ совѣмъ уже свѣтло.
 «Рябко! цю-цю!» кричатъ, и все вверхъ дномъ пошло;
 Поднялся весь народъ, бѣгутъ, кричатъ нестройно;
 А онъ и не моргнетъ — лежитъ себѣ спокойно
 И думаетъ: «теперь навѣрно угодилъ
 Я тѣмъ, что ночью спалъ и пана не будилъ.

Пускай меня зовутъ — я не пойду отсюда,
 Пока не принесутъ ко мнѣ въ конуру блюда,
 Да и тогда еще напляшутся со мной,
 Пока взгляну на нихъ, да съѣмъ кусокъ, другой.»
 «Цю-цю!» «Вотъ панъ и самъ! Рѣшителенъ я буду.»
 «Берите, бейте пса!» кричитъ онъ, какъ шальной.
 Рябка и хвостъ поджалъ, отъ страха чуть живой.
 Навинулись на пса: разъ восемь отливали

И снова били и хлестали,
 А наконецъ и перестали.

Пытался пѣсъ спросить о чемъ-то, но измѣлъ
 Запутался — ни тпру, ни ну, какъ между льгъ;
 И звука нѣтъ — хрипѣтъ, какъ пьяный съ перепою.
 «Да мы, сказала Явтухъ, не кончили съ тобою:

Въ тебѣ еще есть грѣхъ...»
 — «Чтобъ чортъ побралъ васъ всѣхъ:
 Тебя, пановъ съ ихъ батькой
 И съ дѣдомъ, да и съ дядькой!»

И слѣзы у Рябка струились, какъ рѣка,
 И думалъ бѣдный пѣсъ, держась за бока:
 «Дуракъ, ктоу такыхъ дрянныхъ господъ на службѣ,
 Имъ бьется угодить, что силы есть, по дружбѣ.

Я угождалъ имъ какъ никто —
 И вотъ награда мнѣ за-то:

За службу, за свой трудъ, доказанный годами,
 Я здѣсь лежу въ крови, избитый батогами.

Такъ ляжешь — тутъ горить,
 А эдакъ — тамъ болить.

Такимъ панамъ подъ носъ, съ своею головою,
 Хоть тѣсто выложи съ квашнѣю —
 Имъ все равно: хотъ крутъ, хотъ вертъ —
 Все въ черепочкѣ смерть.»

О. Лепко.

Е. П. ГРЕБЕНКА.

Евгеній Павловичъ Гребенка родился 21-го
 января 1812 года въ отцовскомъ помѣстьѣ —
 Убѣжище, въ 16 верстахъ отъ города Прилукъ,

Полтавской губерніи. Раннее дѣтство Евгенія
 Павловича прошло подъ домашнимъ кровомъ.
 Впечатлѣніе дѣтскихъ годовъ, проведенныхъ по-
 среди патриархальнаго сельскаго быта, посреди
 прекрасной природы, въ сближеніи съ народомъ,
 богатымъ самородною поэзіей, отразилось на
 многихъ произведеніяхъ Гребенки. Вѣроятно,
 не одна изъ народныхъ былинъ, не одно изъ пре-
 даній, пересказанныхъ имъ впоследствии, были
 слышаны имъ дома и заставляли сильнѣе биться
 его дѣтское сердце. Въ 1825 году Гребенка
 былъ отвезенъ отцомъ въ Нѣжинъ и помѣщенъ
 въ Гимназіи Высшихъ Наукъ князя Безбородко,
 нынѣ Лицей. Здѣсь онъ окончилъ полный курсъ
 наукъ, съ правомъ на чинъ 14-го класса, и тот-
 часъ-же (въ 1831 году) поступилъ на службу въ
 резервы 8-го Малороссійскаго казачьяго полка;
 затѣмъ вышелъ въ отставку и около 1834 года
 переѣхалъ въ Петербургъ.

Гребенка началъ заниматься литературой еще
 въ Лицеѣ. Большою частью первые опыты его
 были на малорусскомъ нарѣчій. Малорусскій
 переводъ «Полтавы» Пушкина также относится
 ко времени его студенчества, какъ равно и
 «Малороссійскія Приказки», выпущенныя имъ
 въ свѣтъ въ 1834 году въ Петербургѣ. По при-
 ѣздѣ въ Петербургъ Гребенка началъ еще усерд-
 нѣе заниматься литературой. Его «Приказки»
 имѣли успѣхъ и были изданы въ другой разъ, въ
 1836 году. Въ этомъ же году издалъ онъ и свой
 малорусскій переводъ «Полтавы», съ посвяще-
 ніемъ Пушкину. Посвященіе это познакомило
 его съ нашимъ славнымъ поэтомъ. Пушкинъ, съ
 извѣстною добротой своей, принялъ теплое уча-
 стіе въ начинающемъ литераторѣ. Вѣроятно, съ
 его одобренія были напечатаны въ «Современ-
 никѣ» на 1837 годъ два стихотворенія Гребенки.
 Есть даже свѣдѣнія, что малороссійскія басни
 молодого писателя такъ понравились Пушкину,
 что одну изъ нихъ, именно «Волкъ и огонь»,
 онъ перевелъ на русскій языкъ.

Извѣстный уже въ литературныхъ кружкахъ,
 Гребенка все еще не былъ знакомъ публикѣ.
 Первые труды его на малороссійскомъ языкѣ
 имѣли кругъ читателей слишкомъ ограниченный;
 русскими же стихотвореніями, къ которымъ пере-
 шолъ Гребенка, было трудно обратить на себя
 вниманіе въ то время, какъ еще дѣйствовали
 Пушкинъ и вся окружающая его плеяда дарови-
 тыхъ поэтовъ. Гребенка ноялъ это — и рѣшился
 посвятить всю свою дѣятельность повѣстествова-

тельной прозѣ. Первымъ опытомъ его въ этомъ родѣ были «Разказы Пирятинца», принятые публикою довольно радушно. Со времени изданія этихъ «Разказовъ» имя Гребенки начинается все чаще и чаще появляться подъ повѣстями, разказами и очерками въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, такъ что вскорѣ ни одинъ почти журналъ, ни одинъ альманахъ или сборникъ не обходится безъ какого-нибудь произведенія Гребенки. Лучшими произведеніями его въ этомъ родѣ — повѣсти: «Вѣрное лекарство», «Записки студента», «Иванъ Ивановичъ» и «Приключенія синей ассигнаціи», и особенно романъ «Чайковский», о которомъ Бѣлинскій отозвался съ большою похвалою.

По приѣздѣ своемъ въ Петербургъ, Гребенка поступилъ на службу въ Комиссію духовныхъ училищъ; затѣмъ, въ 1838 году, онъ былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ русскаго языка и словесности въ Дворянскій Полкъ, а въ 1841—переведенъ учителемъ словесности во Второй Кадетскій Корпусъ. Въ послѣдніе годы жизни преподавалъ онъ тотъ же предметъ въ Институтѣ Корпуса Горныхъ Инженеровъ и въ офицерскихъ классахъ Морского Корпуса.

Натура Евгенія Павловича была одна изъ самыхъ симпатическихъ; благодушнее его располагало къ нему съ первой встрѣчи. Узнавъ ближе, нельзя было не полюбить его отъ всей души. Всѣ сходившіеся съ Гребенкой, вспоминаютъ о немъ съ особенной теплою. Разговоръ его былъ приятенъ и дышалъ веселостью, съ тѣмъ легкимъ оттенкомъ юмора, какой замѣчаемъ мы въ его сочиненіяхъ. Вообще, Евгенийъ Павловичъ былъ самый милый собесѣдникъ и всегда гость ко времени. Гребенка умеръ въ декабрѣ 1848 года; тѣло его перевезено въ Малороссію, которая была ему всегда такъ мила и дорога.

I.

УКРАИНСКАЯ МЕЛОДІЯ.

— «Немилаго, мама, нельзя полюбить!
Охъ, тяжело съ постылымъ томиться и жить,
Бесѣду вести съ нимъ, при людяхъ встрѣчаться!
Ужъ лучше, родимая, въ дѣвкахъ остаться!»

— «Взгляни на меня: я больна, я стара;
Взгляни — мнѣ въ могилу ложиться пора.

Какъ очи закрою, что будетъ съ тобою?
Останешся въ людяхъ одна, сиротою.

«Не радостна, дочка, судьба сироты!
И горя, и нужды натерпишься ты.
Оставивъ тебя на землѣ сиротою,
Я горлицей буду стонать подъ землѣю.»

— «Ну, полно, родная! не плачь, не рыдай!
Готовь полотенцы, платки вышивай.
Пускай съ нелюбимымъ я счастье утрачу;
Ты будешь смѣяться, одна я заплачу.»

На свѣжей могилѣ крестъ божій стоитъ,
Надъ нею старуха рыдаетъ, груститъ:
«О, Боже, мой Боже!... Раскройся могила!...
Дитя неагаданное я загубила!»

Н. Гервель.

II.

СОЛНЦЕ И ТУЧИ.

Вотъ солнышко взошло, пригрѣло насъ лучами—
И міръ повеселѣлъ, расцвѣлъ какъ маковъ цвѣтъ;
Лишь тучка вдалькѣ, за синими горами,
Ворчитъ себѣ подъ носъ и хмурится на свѣтъ:
«Охъ, это солнце мнѣ! ужъ вотъ какъ надоѣло!
Чего всѣхъ радуешь оно?
Надюжсь, нѣтъ ли — все равно
Блестить. Постой, дружокъ, возьмусь-ка я за дѣло:
Пора закрыть тебя давно.»
Гляжу я — тучами полъ-неба обложило,
Все словно въ трауръ облеклось;
Но солнце выше поднялось
И тучи тѣ позолотило.

О. Лѣнко.

III.

КОНОПЛЯ И РЕПЕЙНИКЪ.

«Чего ты, вражій сынъ, все въ бокъ меня тол-
каешь?»
Репейникъ коноплѣ сердито говорилъ.
«Да какъ же мнѣ рости, коль самъ тишкомъ, какъ
знаешь,
Ты землю у меня подъ бокомъ захватилъ.»

Какъ много есть людей репейнику подѣ пару:
Ихъ всѣ должны любить, они же — ни кого.
Я указаль бы вамъ на пана одного,
Да ну его! боюсь: обижу комиссара!

О. Лепко.

IV.

ЧЕЛНОКЪ.

Запѣнилось море, завылло, взыграю
И вѣтеръ пронесся грозой,
И волны, вздымаясь какъ грозныя скалы,
Стремятся одна за другой.
Надъ моремъ нависли тяжолыя тучи;
Въ тѣхъ тучахъ, какъ голосъ зловѣщій, могучій,
Таится раскатъ громовой.

Играетъ и пѣнится синее море.
Челнокъ межъ волнами плыветъ;
Нырятся и борется онъ на просторѣ,
И мчится все дальше, впередъ.
Безъ весель качается въ морѣ бездольный!
Охъ, жаль мнѣ бѣдняжку! и сердцу такъ больно...
Куда его въ бурю нестеть?

Вотъ море затихло и волны опали;
Пестрѣютъ подѣ пѣной кружки;
Опять замелькали, опять засновали
По морю кругомъ байдаки.
Но гдѣ же челнокъ мой, гдѣ бѣется мой милый?
Быть-можетъ, погибъ онъ — гроза изщенила:
Вонъ на воду всплыли куски.

Какъ чолнъ въ синемъ морѣ, такъ я среди свѣта:
Просторно и жутко мнѣ въ немъ...
Укрыться? — да что безъ людского привѣта!
Какъ вѣкъ свой прожить бобылемъ?
Прощай мой покой! — я пускаюся въ море:
Пусть злая неволя и лютое горе
Натѣшатся мной, какъ челномъ!

О. Лепко.

Н. И. КОСТОМАРОВЪ.

Николай Ивановичъ Костомаровъ, извѣстный
русскій исторіографъ, родился 4-го мая 1817 года
въ Острогжскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи.
Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ

одномъ изъ частныхъ московскихъ пансіоновъ, а
потомъ въ Воронежской гимназіи. Затѣмъ онъ
поступилъ въ Харьковскій университетъ, въ ко-
торомъ, въ 1836 году, окончилъ полный курсъ
по словесному факультету, со степенью канди-
дата. По выходѣ изъ университета, Костомаровъ
провелъ нѣсколько лѣтъ безъ службы, живя боль-
шею частью въ Харьковѣ и его окрестностяхъ,
и посвящая все свое время изученію малорус-
ской народности. Тогда же началъ онъ писать
на малорусскомъ языкѣ, подѣ псевдонимомъ
Іереміи Галки. Первымъ поэтическимъ произве-
деніемъ Костомарова на малорусскомъ языкѣ
была драма «Савва Чалый», изданная имъ въ
1838 году. Затѣмъ, въ 1839 году, онъ напеча-
талъ свои «Украинскія баллады», а въ 1840 —
сборникъ своихъ стихотвореній, подѣ названіемъ
«Вѣтка». Кромѣ того въ томъ же году помѣстилъ
онъ, въ сборникѣ «Снипь», свою трагедію «Пе-
реяславська ничъ» и малороссійскій переводъ
«Еврейскихъ мелодій» Байрона. Въ 1840 году
Костомаровъ выдержалъ экзаменъ на степень
магистра историческихъ наукъ, а въ слѣдующемъ
году представилъ диссертацию, подѣ заглавіемъ:
«Объ историческомъ значеніи русской народной
поэзіи», въ которой доказывалъ важность изу-
ченія народныхъ памятниковъ для исторіи, съ
цѣлью уразумѣть взглядъ народа на себя и на
все его окружающее. Получивъ степень маги-
стра, Костомаровъ навсегда оставилъ Харьковъ
и поселился на Волини, гдѣ принялся за изуче-
ніе тамошней народности, причемъ осмотрѣлъ
всѣ мѣстности, ознаменованныя событіями изъ
эпохи гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго,
исторію котораго онъ началъ писать съ 1844
года. Въ 1845 году онъ поселился въ Кіевѣ и
вскорѣ избранъ былъ единогласно тамошнимъ
университетомъ на кафедру русской исторіи. Съ
1848 по 1856 годъ онъ прожилъ безвыездно въ
Саратовѣ, гдѣ продолжалъ заниматься русскою
исторіею, а также мѣстною этнографіею. Въ
1856 году Костомаровъ переѣхалъ въ Петер-
бургъ, и въ томъ же году напечаталъ въ «Оте-
чественныхъ Запискахъ» свою монографію:
«Борьба украинскихъ козаковъ съ Польшею до
Богдана Хмельницкаго». Въ слѣдующемъ году
въ томъ же журналѣ было напечатано его боль-
шее историческое сочиненіе «Богданъ Хмельни-
цкій», пріобрѣвшее всеобщую извѣстность и по-
ставившее имя Костомарова на ряду съ именами
первыхъ русскихъ историковъ. Затѣмъ, въ 1858

году, Костомаровъ помѣстилъ въ тѣхъ же «Отечественныхъ Запискахъ» новое свое историческое сочиненіе «Бунтъ Стеньки Разина», а въ слѣдующемъ году, въ «Современникѣ», монографіи: «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ», «Легенду о кровосмѣсителѣ» и «Начало Руси». Последняя статья, гдѣ, въ противность общему мнѣнію о норманскомъ происхожденіи варяго-русовъ, доказывается, что они пришли изъ прусской Жмуди, возбудила оппозицію со стороны М. П. Погодина, который вызвалъ Николая Ивановича на публичный учонный поединокъ, состоявшійся 19-го марта 1860 года, въ залѣ Петербургскаго университета. Въ 1861 году, въ журналѣ «Основа», было напечатано «Гетманство Витовскаго»; въ 1863—вышли отдѣльными изданіями два замѣчательныя его сочиненія: «Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчскаго уклада» и «Историческія монографіи и изслѣдованія»; затѣмъ появились: въ 1864 — «Ливонская война», въ 1865 — историческія изслѣдованія: «Южная Русь въ концѣ XVI вѣка» и «Повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ въ 1612 году и избраніе царя Михаила», въ 1866 — въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» — обширная историческая монографія «Смутное время Московскаго государства» и, наконецъ, въ 1869 и 1870 годахъ, въ «Вѣстникѣ же Европы», два превосходныхъ историческихъ сочиненія: «Паденіе Рѣчи-Посполитой» и «Костюшка и революція 1794 года», которыя окончательно утвердили за Николаемъ Ивановичемъ имя славнаго русскаго историка. Въ настоящее время Костомаровъ проживаетъ въ Петербургѣ, весь погруженный въ свои историческія изысканія, долженствующія увѣковѣчить его славу, какъ исторіографа.

МѢСЯЦЪ.

Съ той поры, какъ первый грѣшникъ
Каня Авеля убилъ,
И впервые землю кровью
Человѣческой облилъ —

Только вѣтеръ стоны слышалъ,
Воя въ дебряхъ и лѣсахъ;
Только мѣсяцъ грѣхъ тотъ видѣлъ,
Мирно блеца въ небесахъ.

Богъ принялъ святую душу,
Проклялъ злобу — и велѣлъ,
Чтобы мѣсяцъ то убійство
На себѣ запечатлѣлъ.

«Пусть — сказали — сей образъ будетъ
Вѣчно видимъ въ мірѣ сѣмъ,
Правый гнѣвъ и милость Божья
Рядомъ видятся на немъ!»

«Чтобъ, взглянувши, злой убійца
Передъ Богомъ трепеталъ,
А несчастный утѣшался,
Божью правду вспоминалъ.»

И, гроза, на родъ нашъ бѣдный
Божій гнѣвъ излился зломъ;
Грѣхъ на мѣсяцѣ остался
Неизгладимымъ пятномъ.

Съ той поры, взглянувъ на мѣсяцъ,
Злой нѣмѣетъ и дрожитъ,
А безвинный, чистый сердцемъ
Въ даль съ надеждою глядитъ.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, сынъ крѣпостнаго крестьянина Григорія Шевченко, родился 25-го февраля 1814 года въ селѣ Кирилковѣ, Звенигородскаго уѣзда, Киевской губерніи, въ имѣніи помѣщика Энгельгарда. Лишившись отца и матери на восьмомъ году жизни, онъ былъ отданъ въ школу къ приходскому дьячку, на правахъ школяра-*потихача*. Эти школяры, въ отношеніи къ дьячкамъ, то же самое, что мальчики, отдаваемые родителями, или иною властью, на выучку къ ремесленникамъ. Всѣ домашнія работы и выполненіе всевозможныхъ прихотей самого хозяина и его домашнихъ лежать на нихъ безусловно. Какъ бы то ни было, только въ теченіе двухлѣтней тяжкой жизни въ этой такъ называемой школѣ прошолъ Шевченко «Грамматку», «Часловець» и, наконецъ, «Псалтырь». Подъ конецъ школьнаго курса дьячекъ посылалъ его читать, вмѣсто себя, «Псалтырь» по усопшимъ крестьянамъ и, въ видѣ поощренія, платилъ ему за-

то десятую копейку. Къ концу второго года своего пребыванія у дьячка, Шевченко, не будучи въ силахъ выпосить болѣе всякаго рода притѣсненій и побоевъ, которыя сыпались на него градомъ, вышелъ ночью изъ школы и бѣжалъ въ мѣстечко Лисянку. Тамъ нашолъ онъ себѣ новаго учителя въ особѣ маляра-діакона, который, впрочемъ, какъ оказалось впоследствии, весьма мало отличался своими правилами и обычаями отъ перваго его наставника. Проживъ у него всего три дня, Шевченко убѣжалъ въ село Тарасовку, къ дьячку-маляру, славившемуся въ околѣдѣ изображеніемъ великомученика Никиты и Ивана Воина. Мальчикъ обратился къ дьячку съ твердою рѣшимостью перенести всѣ испытанія, лишь бы усвоить его великое искусство хоть въ самой малой степени; но Апеллесъ, посмотрѣвъ внимательно на его лѣвую руку, объявилъ ему, къ крайнему его огорченію, что въ немъ нѣтъ способности ни къ чему, ни даже къ *шевству* или *бондарству*.

Потерявъ всякую надежду сдѣлаться когда-нибудь хотя посредственнымъ маляромъ, Шевченко съ грустью возвратился въ родное село, въ надеждѣ получить мѣсто подпаска при деревенскомъ стадѣ. Но и это не удалось ему. Помѣщику, только-что наслѣдовавшему достояніе отца своего, понадобился расторопный мальчикъ, и оборванный школяръ-бродяга попалъ прямо въ тиковую куртку, въ такія же шаровары и, наконецъ, въ комнатные вощаки.

Въ 1832 году Шевченкѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ, и такъ-какъ надежды помѣщика на его лакейскую расторопность не оправдались, то онъ, внявъ неотступной просьбѣ несчастнаго Тараса, за контрактровалъ его на четыре года разныхъ живописныхъ дѣлъ цеховому мастеру, нѣкоему Ширяеву, въ Петербургѣ. Ширяевъ соединялъ въ себѣ всѣ качества дьячка-спартанца, дьякона-маляра и другаго дьячка-хиромантика; но, не смотря на весь гнѣтъ тройственнаго его генія, Шевченко находилъ время бывать иногда въ Лѣтнемъ саду и рисовать со статуй. Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ онъ познакомился тамъ съ художникомъ И. М. Сошенко, занявшемъ впоследствии мѣсто учителя рисованья при Лицеѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. По совѣту Сошенка, онъ принялся за акварельные портреты съ натуры — и въ короткое время сдѣлалъ значительные успѣхи по этой части живописи. Затѣмъ, въ 1837 году, Сошенко представилъ его

конференцъ-секретарю Академіи Художествъ Григоровичу, съ просьбой — освободить бѣдняка отъ жалкой его участи. Григоровичъ передалъ его просьбу В. А. Жуковскому. Тотъ, уговорившись предварительно съ Энгельгартомъ, просилъ К. П. Брюлова написать съ него, Жуковского, портретъ, съ цѣлью разыграть его въ частной лотерей. Брюловъ тотчасъ согласился и вскорѣ портретъ Жуковского былъ у него готовъ. Жуковскій устроилъ лотерею въ 2500 рублей ассигнаціями, и этою цѣною, 22-го апрѣля 1838 года, куплена была свобода Шевченки, который съ того же дня началъ посѣщать классы Академіи Художествъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ Брюлова.

Все что извѣстно намъ о первыхъ поэтическихъ опытахъ Шевченки, это то, что они, по большей части, были задуманы и приведены въ исполненіе въ томъ же Лѣтнемъ саду, въ свѣтлыя, безлунныя ночи. Сначала строгая украинская муза долго чуждалась его вкуса, извращеннаго жизнью въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоялыхъ дворахъ и въ городскихъ квартирахъ; но когда дыханіе свободы возвратило его чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, она простерла къ нему свои руки и приласкала его на чужбинѣ. Изъ этихъ первыхъ опытовъ, написанныхъ въ Лѣтнемъ саду, одна только баллада «Порченая» вошла въ первое собраніе стихотвореній Шевченки, изданныхъ имъ въ 1840 году въ Петербургѣ. Появленіе въ свѣтъ «Кобзаря» было встрѣчено радушно всѣми столичными критиками; что же касается Малороссіи, то она была въ восторгѣ отъ своего новаго поэта, который пришлось какъ нельзя болѣе по сердцу каждому украинцу, чуткому ко всему, касающемуся его народности и поэтическихъ его преданій. Съ выходомъ въ свѣтъ «Кобзаря», имя Шевченки мгновенно заняло первое мѣсто въ ряду украинскихъ поэтовъ, и съ-тѣхъ-поръ неотъемлемо занимаетъ его по настоящее время. Всего болѣе понравился всѣмъ прелестный рассказъ «Катерина», исполненный чисто-народной поэзіи. Не считая печатныхъ экземпляровъ, онъ разошелся по Малороссіи въ тысячахъ спискахъ и былъ выученъ каждымъ на память. Въ 1841 году были напечатаны «Гайдамаки», которые, впрочемъ, не имѣли большого успѣха, какъ равно и другіе произведенія, появившіяся въ томъ же году и въ два слѣдующія въ «Ластовкѣ», «Маякѣ» и «Молодикѣ».

Въ 1844 году Шевченко получилъ званіе сво-

боднаго художника и затѣмъ отправился въ Малороссію, чтобы запасть сюжетами для новыхъ картинъ и стихотвореній. Въ 1847 году надъ Шевченкомъ стряслась бѣда: компрометированный по одному дѣлу, онъ былъ лишенъ званія свободнаго художника, выписанъ въ рядовые и посланъ на службу въ Оренбургскій край, гдѣ его сначала держали въ самомъ Оренбургѣ, потомъ перевели въ Орскую крѣпость, откуда назначили въ дальнюю и трудную экспедицію къ Аральскому морю, а въ 1850 году поселили въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Въ 1857 году, Шевченко, благодаря хлопотамъ своихъ петербургскихъ друзей и особенно графини А. И. Толстой, получилъ увольненіе отъ военной службы — и въ слѣдующемъ году уже былъ въ Петербургѣ, гдѣ и поселился окончательно, въ зданіи императорской Академіи Художествъ. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Петербургѣ, ему захотѣлось побывать на родинѣ и у родныхъ, что онъ и исполнилъ лѣтомъ, въ 1859 году. Возвратившись въ Петербургъ, онъ приступилъ къ новому изданію «Кобзаря», который и вышелъ въ 1860 году. Сюда, кромѣ стихотвореній, составлявшихъ первое изданіе, вошло нѣсколько новыхъ и, между прочимъ, «Гайдамаки»; но лучшимъ украшеніемъ сборника была повѣсть «Работница», написанная въ Оренбургскомъ краѣ. Эта прелестная повѣсть можетъ быть поставлена рядомъ съ «Катериной». Сколько чувства! сколько истинной поэзіи!

Тарасъ Григорьевичъ умеръ, почти внезапно, 25-го февраля 1861 года, въ самую сорокъ седьмую годовщину своего рожденія. Тѣло Шевченки было первоначально погребено на Смоленскомъ кладбищѣ, потомъ отвезено въ Кіевскую губернію и тамъ, согласно желанію покойнаго, похоронено между городомъ Коневымъ и селомъ Печарьями, въ очаровательной мѣстности, на берегу Днѣпра.

I.

ТОПОЛЬ.

По дубровѣ вѣтеръ вѣстъ,
 Подъ полю гуляетъ,
 У дороги стройный тополь
 Долоу нагибаеть.
 Стань высокій, листь широкій —
 Что онъ зеленѣеть?

Какъ широкое то море,
 Поле вокругъ синѣеть.
 Чумаки ль проѣдутъ мимо —
 Смотришь — приуныли;
 На зарѣ ль чабанъ съ свирѣлюю
 Сядетъ на моголѣ,
 Поглядитъ — заносетъ сердце:
 Возлѣ ни былинны!
 Одиноко, сиротою,
 Вянетъ на чубинѣ.
 Кто жъ растилъ его, да холмигъ
 На погибель злую?
 Красны дѣвицы, стойте —
 Все вамъ расскажу я!

Молодой козакъ дѣвицѣ
 Крѣпко полюбился,
 Полюбился онъ — уѣхалъ
 И не воротился.
 Если бъ знала, что покинетъ —
 Лучше бъ не любила;
 Если бъ знала, что онъ сгинетъ —
 Лучше бъ не пустила;
 Если бъ знала — не ходила бъ
 Поздно за водою,
 Не стояла бъ вплоть до ночи
 Съ милымъ надъ рѣкою;
 Если бъ знала!... И то горе —
 Знать, что повстрѣчаешь,
 Знать впередъ, что съ нами будетъ...
 Лучше, какъ не знаешь!
 Не пытайте доли: сердце
 Суженаго знаетъ...
 Пусть болитъ, пока на-вѣѣн
 Въ землю закопаютъ:
 Вѣдъ не долго вы румяны,
 Пышины, бѣлолицы;
 Брови — черны, очи — кари
 Не на-вѣѣ, дѣвицы!
 До полудня — и завянутъ,
 Брови полиняють...
 Красны дѣвицы, любите,
 Какъ сердечко знаетъ!

Соловей зальѣтся звонко
 На лугу въ калинѣ —
 И козакъ затянетъ пѣсню,
 Ходя по долинѣ.
 И поѣтъ, пока не выйдетъ —
 Не увидитъ милой,

Не увидитъ и не спроситъ:
 «Мать тебя не была ль?»
 Убаюканные пѣсней,
 Станутъ, обоймутся,
 И — довольны и счастливы —
 Слова разойдутся.
 И ни кто у ней не спроситъ —
 Сердца не пытается:
 «Гдѣ была ты, гдѣ гуляла?»
 Дѣлаетъ, какъ знаетъ.
 Красна дѣвица любила,
 А сердечко мѣло:
 Сердце чуло невзгоду,
 А сказать не смѣло.
 Не сказало — и осталась,
 День и ночь воркуетъ,
 Какъ безъ голубя голубка,
 А ни кто не чуетъ.
 Соловей ужъ не щебечетъ
 Въ полѣ надъ водою;
 Не поѣтъ моя козачка,
 Стоя надъ рѣкою;
 Свѣтъ посылъ: ей не поѣтся;
 Бродитъ сиротинной.
 Безъ милѣго — какъ чужіе
 Мать съ отцомъ родимымъ;
 Безъ милѣго солнце ль свѣтитъ —
 Ворогомъ смѣтается;
 Безъ милѣго свѣтъ — могла...
 А сердечко бѣтается!

 Годъ прошолъ, другой проходить —
 Друга не приноситъ;
 Вянетъ красная, какъ цвѣтикъ...
 Мать ее не спроситъ:
 «Что ты, дочка, что ты сохнешь?»
 Смотрить — и ни слова,
 А тайкомъ въ мужья ей прочитъ
 Богача сѣдого.
 — «Выходи же!» говорить ей:
 «Вѣкъ не быть дѣвицей!
 Онъ богатый, одинокій:
 Будешь жить парицей.»
 — «Не хочу я жить парицей!
 Ты меня въ могилу
 Опустя тѣмъ подотенцемъ,
 Что я въ свадьбѣ шила.
 Пусть поны поють, а друзьи
 Плачутъ надо мною:
 Легче въ гробъ, чѣмъ повѣнчаться —
 Быть его женою!»

Но не слухала старуха:
 Дѣлала, что знала;
 Дочка видѣла и сохла,
 Сохла и молчала.
 И пошла она къ волдунѣ —
 Допытаться слова:
 Долго ли на этомъ свѣтѣ
 Жить ей безъ милѣго?
 Молвить: «Бабушка, голубка,
 Цвѣтикъ мой махровый!
 Ты скажи, скажи всю правду:
 Гдѣ мой чернобровый?
 Живъ ли онъ, здоровъ и любить,
 Аль забылъ, покинулъ?
 Я пойду за нимъ повсюду...
 Живъ онъ, али стинулъ?
 Молви бабушка, голубка,
 Молви, если знаешь!
 Выдаетъ меня родная
 За сѣдого замужь.
 Полюбить его, голубка,
 Сердца не научишь.
 Я бѣ пошла да утопилась —
 Душу, жаль, погубишь.
 Если умеръ чернобровый,
 Сдѣлай такъ мнѣ, пташка,
 Чтобъ домой я не вернулась...
 Тяжко сердцу, тяжело!
 Тамъ со сватами ждетъ старый...
 Уважи жь мнѣ долю!»
 — «Ладно; только будь послушна
 И забудь про волю.
 Эхъ! сама была я дѣвкой,
 Это горе знаю;
 Миновало — научилась:
 Людямъ помогаю.
 Про твою я долю, дочка,
 Прошлымъ лѣтомъ знала;
 Прошлымъ лѣтомъ я, про случай,
 Зелье припасала.»

 Встала старая и съ полени
 Скляницу достала.
 «Вотъ и зелье! Выдь на рѣчку
 До зарн», сказала:
 «Пѣтухи пока не пѣли,
 Поспѣши умыться,
 Выпей зелья — и все горе
 Прахомъ разлетится.
 Выпей — и бѣги скорѣе;
 Чтѣ бѣ тамъ ни казалось,

Все бѣги, пока не станешь
 Тамъ, гдѣ съ нимъ прощалась.
 Отдохнешь... а какъ проглянетъ
 Мѣсяцъ изъ-за сада,
 Выпей снова; не прійдетъ онъ —
 Въ третій выпить надо.
 Съ разу — какъ за-прошлымъ лѣтомъ —
 Будешь ты такою;
 Отъ другого — середь степи
 Топнетъ конь ногою...
 Если живъ козаць, то митомъ
 Онъ къ тебѣ прібудетъ...
 А отъ третьяго... ахъ, дочка,
 Не пытай, что будетъ!
 Только помни, не крестися —
 Все снесетъ водою...
 Ну, иди же — полюбуйся
 Прженей красотою!»

Взявши зелье, поклонилась:
 «Ну, прощай, бабуся!»
 Вышла вонъ: «Идти ли, нѣтъ ли?
 Нѣтъ, не ворочуся!
 Вмигъ умылась, напилась —
 И повеселѣла,
 Вотъ еще, еще — и, словно
 Сонная, зашѣла:
 «Ты плыви, плыви же, лебедь,
 «Пѣ морю синѣму!
 «Ты расти, расти же, тополь,
 «Къ небу голубому!
 «Дорости, высокъ и тононь,
 «Вплоть до самой тучи,
 «Свѣдай тамъ — дождусь ли друга,
 «Аль загину, ждучи?
 «Посмотри, какъ доростешь ты,
 «За синѣе море:
 «Тамъ за моремъ моя доля,
 «Здѣсь надъ моремъ — горе.
 «Тамъ мой милый, чернбровый
 «Пѣ полю гуляеть;
 «А я плачу, годы трачу,
 «Друга поджидаю.
 «Разскажи ему ты, сердце,
 «Что смѣются люди;
 «Ты скажи ему, что сгину,
 «Если позабудеть.
 «Мать сама меня хоронитъ —
 «Въ землю зарываеть...
 «Безъ меня ее, родную,
 «Кто-то приласкаеть?»

«Кто присмотритъ, кто разспроситъ,
 «Въ старости поможетъ?
 «Мать моя! моя ты доля!
 «Боже Ты мой, Боже!
 «Посмотри за море, тополь,
 «Если нѣтъ — не будетъ —
 «Ты заплачь передъ зарею —
 «Не выдали бѣ люди!
 «Ты расти, расти же, тополь,
 «Къ небу голубому!
 «Ты плыви, плыви же, лебедь,
 «Пѣ морю синѣму!»

И едва замолела гѣсня —
 Чудо совершилось:
 Чернбровая козачка
 Въ тополь превратилась.
 Не вернулась къ родимой,
 Въ полѣ друга ждучи;
 Доросла — тонка, висока —
 Вплоть до самой тучи.
 По дубровѣ вѣтеръ вѣеть,
 Пѣ полю гуляеть,
 У дороги стройный тополь
 Долу нагибаеть.

Н. ГЕРВИЛЬ.

II.

ДУМА.

Проходить дни, проходятъ ночи;
 Прошло и лѣто; шелеститъ
 Листъ пожелтѣвшій; гаснутъ очи;
 Заснули думы; сердце спитъ.
 Заснуло все... Не знаю я —
 Живешь ли ты, душа моя?
 Безстрастно я гляжу на свѣтъ,
 И нѣту слѣзъ, и смѣха нѣтъ!

И доля гдѣ моя? Судьбою
 Знать не дано мнѣ никакой;
 Но если я благой не стою,
 Зачѣмъ не выпало хоть злой?
 Не дай, о Боже, какъ во снѣ
 Блуждать, остынуть сердцемъ мнѣ!
 Гнилой колодой на пути
 Лежать меня не попусти!

Но жить мнѣ дай, Творецъ небесный,
 О, дай мнѣ сердцемъ, сердцемъ жить,

Чтобъ я хвалилъ твой міръ чудесный,
 Чтобъ могъ я ближняго любить!
 Страшна неволя — тяжко въ ней;
 На волгѣ жить — и спать — страшнѣй.
 Прожить ужасно безъ слѣда:
 И смерть и жизнь — одно тогда.

А. ПЛЕЩЕВЪ.

III.

ДУМА.

Льётся рѣчка въ сине-море,
 Да не вытекаетъ;
 Ищетъ доли козачина —
 Долюшки не знаетъ.

И пошолъ козакъ по свѣту...
 Бѣтса сине-море,
 Бѣтса сердце въ немъ, а дума
 Говорить про горе:

«Ты куда идешь — не спросишь?
 На кого покинулъ
 Мать, отца, красу-дѣвицу?
 Бросилъ все — и сгинулъ?»

«Тамъ не тѣ — иные люди;
 Тяжко жить межъ ними:
 Нѣ съ кѣмъ будетъ подѣлиться
 Думами своими.»

И сидитъ козакъ надъ моремъ:
 Бѣтса сине-море;
 Думалъ, доля повстрѣчаетъ —
 Повстрѣчало горе.

Журавли домой несутся
 Цѣлыми стадами.
 Зарыдалъ козакъ: дороги
 Поросли тернами.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

IV.

ДУМА.

Для чего мнѣ черны-брови,
 Молодые годы?
 Для чего мнѣ кары-очи,
 Дѣвичья свобода?

Даромъ годы молодыю
 Блѣкнуть, увядаютъ,
 Очи плачутъ, черны-брови
 Съ вѣтромъ выпадаютъ.

Сердце пташкою въ неволѣ
 Ванетъ безъ участя.
 Чтò мнѣ въ томъ, что я пригожа,
 Если нѣту счастья?

Тяжело на бѣломъ свѣтѣ
 Жить мнѣ сиротою;
 Межъ своими, межъ родными
 Стала я чужою.

И никто меня не спроситъ,
 Чтò такъ плачутъ очи,
 Чтò такъ сердце молодое
 Ноетъ дни и ночи —

Чтò такъ сердце, какъ голубка,
 День и ночь воркуетъ...
 Ой, никто его не спроситъ,
 Сердцемъ не почуветъ?

Не поймутъ чужіе люди...
 И къ чему тревожить?...
 Развѣ сважутъ: пусть поплачетъ,
 Если плакать можетъ!

Плачь же, сердце, плачьте, очи,
 Если плакать въ силѣ,
 Громче, жалобнѣй, чтобъ слышалъ
 Вѣтеръ на могилѣ;

Чтобы снесъ тѣ слезы буйный
 За синее море,
 Чернобровому злодѣю
 На лихое горе!

Н. ГЕРВЕЛЬ.

V.

КЪ ОСНОВЬЯНЕНКЪ.

Бьютъ пороги; мѣсяцъ всходитъ,
 Выходитъ, какъ бывало...
 Нѣту Сѣчи, нѣтъ гетмановъ —
 Всѣ на-вѣкъ пропало!
 Нѣту Сѣчи! Днѣпръ широкій
 Камыши пытаютъ:

«Гдѣ-то, гдѣ-то наши дѣти?
Гдѣ они гуляютъ?»
Стонетъ чайка, словно дѣтокъ
Ищетъ, призываетъ;
Солнце свѣтитъ; вольной степью
Вѣтеръ пробѣгаетъ.
А въ той степи длиннымъ рядомъ
Высятся могилы,
И пытаются буйный вѣтеръ,
Тихи и унылы:
«Гдѣ-то наши, гдѣ гуляютъ?
Время воротиться!
Воротитесь! поглядите —
Жито колосится,
Гдѣ паслися ваши вѣны,
Гдѣ трава шумѣла
И гдѣ моремъ разливанымъ
Вражья кровь агѣла...
Воротитесь!...» Врагъ смѣется:
Лишь ему забава...
Смѣйся! пусть погибла воля —
Не погибнетъ слава!
Не погибнетъ, а расскажем,
Что творилось въ свѣтѣ,
Чья тутъ правда, чья неправда,
Скажетъ, чьи мы дѣти.
Наша дума, наша пѣсня
Не умрутъ случайно...
Вотъ гдѣ, люди, наша слава,
Слава всей Украйны!
Нѣтъ въ ней золота, каменьевъ —
Ничего такого,
А громка, свята, правдива,
Какъ господне слово.

Такъ ли, другъ ты мой желанный?
Правду ль говорю я?
Эхъ, когда бѣ!... да голосъ рвется...
Да и что скажу я?...
Все кругомъ чужіе люди —
Не спѣшатъ съ привѣтомъ...
«Не кручинься!» можетъ, скажешь;
Да что проку въ этомъ?
Осмѣютъ псаломъ тотъ люди,
Вылитый слезами —
Осмѣютъ... Орелъ мой сизый,
Тяжко жить съ врагами!
Поборолся бы я съ ними,
Лишь была бы сила,
И запѣлъ бы — былъ и голосъ —
Да судьба сломила.

Вотъ въ чемъ горе, другъ мой милый!
И бреду я снова
По сугробамъ, да муранчу:
«Не шуми дуброва!»
Вотъ и все тутъ. У тебя же
Голосъ полонъ силы;
Всѣ тебя и чтутъ и любятъ:
Пой имъ про могилы,
Про козацкія могилы:
Какъ ихъ насыпали,
И давно ли, и кого въ нихъ
Хоронили — вѣли.
Пой про старь, про тѣ, что было —
Было миновало...
Пой, орелъ мой, чтобъ на свѣтѣ
Все живое знало,
Цѣлый свѣтъ, за что Украйна
Много такъ терпѣла;
Отчего козацья слава
Свѣтъ весь облетѣла.
Пой, орелъ мой! пусть заплачу —
Не скоронишь тайну!
Пусть хоть разъ еще увижу
Я свою Украйну,
Пусть хоть разъ еще услышу,
Какъ играетъ море,
Какъ поѣтъ душа-дѣвица
Про свое про горе;
Пусть хоть разъ еще забѣется —
Сердце сердцу скажетъ,
И тогда въ чужую землю
Пусть на-вѣки ляжетъ.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

VI.

ИВАНЪ ПОДКОВА.

Было время — по Украйнѣ
Пушки грохотали;
Было время — запорожцы
Жили-пировали:
Пировали, добывали
Славы, вольной воли.
Все то минуло — остались
Лишь могилы въ погѣ,
Тѣ высокія могилы,
Гдѣ лежитъ зарыто
Тѣло бѣлое козацье,
Саваномъ повито.
И чернѣютъ тѣ могилы,
Словно горы, въ погѣ,

И лишь съ вѣтромъ перелѣтнымъ
 Шепчутся про волну.
 Славу дѣдовскую вѣтеръ
 По полю разноситъ...
 Внуку услышать — пѣсню сложить,
 И съ той пѣсней косить.
 Было время — на Украинѣ
 Въ пляску шло и горе:
 Какъ вина да меду вдоволь —
 По волѣна море!
 Да, жилось когда-то славно!
 И теперь вспомняешь,
 Какъ-то легче станеть сердцу,
 Веселѣе взглянешь.

Встала туча надъ Лиманомъ,
 Солнце заслоняетъ;
 Лютымъ звѣремъ сине-море
 Стонетъ, завывааетъ.
 Дѣвпръ надулся. «Что жъ, ребята,
 Время мы теряемъ?
 Въ лодки! — море расходилосьъ:
 То-то погуляемъ!»
 Высыпаютъ запорожцы;
 Вотъ Лиманъ покрыли
 Ихъ ладьи. «Играй же, море!»
 Волны заходили...
 За волнами, за горами
 Берега пропали.
 Сердце ноетъ; козаки же
 Веселѣе стали.
 Плещутъ веслы; пѣсня льется;
 Чайка вокругъ порхаетъ...
 Атаманъ въ передней лодкѣ —
 Путь-дорогу знаетъ.
 Самъ все ходитъ вдоль по лодкѣ;
 Трубку сжалъ зубами;
 Взглянетъ вправо, взглянетъ влѣво —
 Гдѣ бь сойтись съ врагами?
 Закрутилъ онъ усъ свой чорный,
 Вскинулъ чубъ косматный,
 Поднялъ шапку — лодки стали.
 «Сгинь ты, врагъ проклятый!
 Поплывемте не къ Синопу,
 Братцы атаманъ,
 А въ Царьградъ поѣдемъ — въ гости
 Къ самому султану.»
 — «Ладно, батька!» загремѣло.
 — «Ну, спасибо, братцы!»
 И наврылся. Вновь горамъ
 Волны громоздятся...

И опять онъ вдоль по лодкѣ
 Ходитъ, не садится;
 Только молча, исподлобья
 На волну косится.

М. Михайловъ.

VII.

Не вернулся изъ походу
 Молодой гусаръ въ село:
 Чтò же я по немъ горюю,
 Чтò же мнѣ такъ жаль его?
 За кафтанъ короткій что ли,
 Иль за чорный усъ такъ жаль,
 Иль за-то, что не Марусей —
 Машей звалъ меня москаль?
 Нѣтъ, мнѣ жаль, что пропадаетъ
 Даромъ молодость моя;
 Не хотятъ меня и замужъ
 Брать ужъ люди за себя.
 Да къ тому еще и дѣвки
 Мнѣ проходу не даютъ:
 Не даютъ онѣ проходу —
 Все гусарихой зовутъ.

А. Плещевъ.

VIII.

ПѢСНЯ.

Проторила я тропинку
 Черезъ яръ,
 Черезъ гору, мой сердечный,
 На базаръ.

Парнямъ бублики носила
 Вечеркомъ;
 Продала — и воротилась
 Съ пятакомъ.

Я два грòша, охъ, два грòша
 Пропила,
 На конейку музыканта
 Наняла.

Ты сыграй-ка мнѣ на дудкѣ
 На своей...
 Чтòбъ забыла я кручину,
 Горе съ ней.

Вотъ какая, мой сердечный,
Дѣвка я.
Сватай — выйду я пожалуй
За тебя!

А. ПЛЕЩЕВЪ.

IX.

ЗАВѢЩАНЬЕ.

Какъ умру — пусть степь родная
Будетъ мнѣ могилой:
Вы меня похороните
На Украинѣ милой;
Чтобъ поля, и Днѣпръ и берегъ,
Дальній и зыбучій,
Были видны, было слышно,
Какъ реветъ могучій...

Н. ГЕРВЕЛЬ.

X.

КАНУНЪ РОЖДЕСТВА.

Не домой иду въ полуночь
Изъ знакомой хаты
И не спать ложась, мой милый,
Вспомани меня ты:
А когда придетъ невзгода
Просидить до свѣта...
Вотъ тогда меня ты вспомни,
Попроси совѣта!
Вотъ тогда про друга вспомни —
Далеко, надъ моремъ,
Какъ онъ мается въ неволю,
Какъ онъ бѣтается съ горемъ,
Какъ свои онъ злыя думы
И души тревогу
Схоронивъ, въ пустынь бродить,
Молится все Богу,
Объ Украинѣ воспоминаетъ,
О тебѣ, сердечный,
И грустить порой... не сильно
И безъ слѣзъ, конечно,
А такъ только... На дворѣ вѣдь
Праздникъ наступаетъ...
Тяжело тому, кто праздникъ
Безъ друзей встрѣчаетъ
На чужбинѣ! Завтра рано
Благовѣсть раздѣстаетъ

По Украинѣ... Завтра рано
Станутъ собираться
Люди въ церковь... Завтра рано
Зареветь голодный
Звѣрь въ пустынь, да подуетъ
Ураганъ холодный
И завѣтъ бѣлымъ снѣгомъ
Мой курень печальной...
Вотъ какъ встрѣчу я нашъ праздникъ
На чужбинѣ дальней!

Н. ГЕРВЕЛЬ.

XI.

ИЗЪ ПОВѢСТИ «КАТЕРИНА».

Чернобровья, любитеесь,
Но не съ москалями: *)
Москалі — чужіе люди,
Помыкають вами.
Вѣдь москаль шута полюбить,
И шута покинетъ:
Онъ уйдетъ въ свою сторону,
А бѣдняжка сгинетъ...
Пусть одна бѣ... еще не горе!
Пусть... а то могла
Съ нею ждетъ и мать-старуху,
Что на свѣтъ родила.
Сердце вянетъ, распѣвая,
Какъ причину знаетъ;
Люди сердца не разспросятъ —
Прямо осуждаютъ.
Чернобровья, любитеесь,
Но не съ москалями:
Москалі — чужіе люди,
Помыкають вами.
Не послушалась родимыхъ
Сердце-Катерина:
Полюбила, какъ умѣла,
Москаля дѣвчѣна;
Полюбила молодого,
Въ садѣ къ нему ходила —
Въ садѣ, пока себя и долю
Тамъ не загубила.
Влечетъ ужинать старуха —
Не довлечетъ дочку;

*) Въ Украинѣ москалемъ называютъ каждаго великорос-
сіянина (московца) и, въ особенности, военнаго, солдата, въ
отличіе отъ казака.

Гдѣ съ москаликѡмъ гуляетъ,
 Тамъ проспигъ и почку.
 Не двѣ ночи кари очи
 Жарко цаловала...
 А межъ-тѣмъ дурная слава
 По селу бѣжала.
 Пусть позорятъ злые люди —
 Чтѡ ей въ томъ позорѣ?
 Полюбила — не слыхала,
 Какъ подералось горе.
 Пронесли дурныя вѣсти
 Въ трубы затрубили.
 На войну москаль поѣхалъ;
 Дѣвицу *покрыли*.*)
 Не печалитъ Катерину,
 Что коса покрыта:
 Любы слѣзы, словно пѣсни,
 Если не забыта.
 Обѣщался чернобровый,
 Если цѣль вернется,
 Обѣщался къ ней прѣхать.
 То-то заживется;
 Будетъ дѣвица московкой,
 Горе позабудетъ;
 А пока — пусть осуждаютъ,
 Пусть смѣются люди.
 Не тоскуетъ Катерина —
 Слезы утираетъ,
 Что ее съ собой подружки
 Пѣть не заываютъ.
 Не тоскуетъ Катерина,
 Хоть и плачутъ очи...
 Съ коромысломъ за водою
 Выйдетъ о-поль-ночи,
 Чтѡбъ враги не увидали;
 Станетъ подъ калиной
 У колодца и про «Гриця»
 Запоетъ съ вручиной.
 И калина плачетъ — столько
 Въ пѣсни той печали.
 Воротилася — и рада,
 Чтѡ не повстрѣчали.
 Не тоскуетъ Катерина,
 Тяжкихъ думъ не знаетъ —
 У окна, въ цвѣтномъ платочкѣ,
 Друга поджидаетъ.

*) Въ Украинѣ дѣвушка, уличенная въ преступной связи, не смѣетъ являться въ люди съ непокрытой головою; ее *покрываютъ* насильно, то-есть повязываютъ голову, какъ замужней.

Поджидала Катерина
 Цѣлме полгода:
 Защемило возлѣ сердца —
 Подошла невзгода.
 Расхворалась Катерина,
 Еле-еле дышетъ...
 Чуть оправилась — за печку
 И дитя колишетъ.
 А сосѣдки-щебетухи
 Матери толкують,
 Чтѡ у дочки, по дорогѣ,
 Москали почують.
 «У тебя красотея дочка,
 И не одиночка:
 Няньчить, холить у запечка
 Москаля-сыночка.
 Чернобровымъ завелася...
 Вмѣстѣ, знать, грѣшили...»
 Чтѡбъ васъ, вѣдьмы, щебетухи,
 Злыдни задавили!

Катерина, разразилось
 Горе надъ тобою!
 Гдѣ ты въ свѣтѣ пріютишься
 Съ малымъ сиротою?
 Кто разспроситъ, приголубитъ
 Въ свѣтѣ безъ милѡва?
 Мать, отецъ — чужіе люди:
 Тяжко это слово!
 Вотъ оправилась бѣдняжка —
 Подойдетъ къ окошку,
 И все няньчится съ ребенкомъ,
 Смотритъ на дорожку.
 Смотритъ — нѣтъ да нѣтъ милѡго...
 Можетъ, и не будетъ?
 Въ садъ поплакать бы сходила,
 Да увидать люди.
 Ночь настанетъ — Катерина
 Подъ саду гуляетъ,
 На рукахъ качаетъ сына,
 Горе повѣряетъ:
 «Здѣсь его я поджидала
 Вечеромъ, бывало,
 Тутъ влялись... а тамъ... сыночекъ!»
 И не досказала.
 Зацвѣли въ саду черешни,
 Зацвѣла калина;
 Какъ бывало, въ садъ зелѣный
 Вышла Катерина.
 Вышла, только не поѣтся
 Бѣдной, какъ бывало,

Какъ въ саду вишневомъ ночью
 Друга поджидала.
 Не поётся чернобровой —
 Проклинаетъ долю.
 А межъ-тѣмъ враги смѣются,
 Потѣшаясь вволю,
 Распускають злыя рѣчи —
 Бѣдной не оставить...
 Если бѣ милій — онъ сумѣлъ бы
 Ихъ молчать заставить...
 Но далеко чернобровый —
 Сердцемъ не почуветь,
 Какъ враги надъ ней смѣются,
 Какъ она горюетъ.
 Можетъ-быть, онъ за Дунаемъ,
 Подъ сырой землею;
 А въ Москѣвщинѣ слюбился
 Съ дѣвицей иною.
 Нѣтъ, онъ живъ, здоровъ и веселъ —
 Онъ не пролилъ крови...
 Гдѣ жъ найдетъ такія очи
 И такія брови?
 Нѣтъ въ Москѣвщинѣ — пройди хоть
 Всю ее до моря —
 Нѣтъ такой, какъ Катерина;
 А живетъ на горе...
 Мать сумѣла дать ей брови
 И глаза на диво,
 Не сумѣла только сдѣлать
 Дѣвицу счастливой.
 А краса безъ доли, счастья,
 Что цвѣточекъ въ полѣ:
 Сушить солнце, треплетъ вѣтеръ,
 Каждый рветъ по волѣ.
 Лей же слѣзы, Катерина,
 Въ хижинѣ убогой:
 Москаля уже вернулись,
 Да не той дорогой.

 За столомъ сидитъ родимый —
 На руки склонился;
 Не глядитъ на свѣтъ онъ Божій:
 Сердцемъ истомился.
 Рядомъ съ нимъ сидятъ на лавкѣ
 Мать, въ тоскѣ-вручинѣ,
 За слезами еле-слышно
 Молвить Катеринѣ:
 «Что же свадьба, Катерина?
 Гдѣ женихъ твой — пара?
 Гдѣ же сваты, гдѣ же дружки,
 Старосты, бояра?»

Знать, въ Москѣвщинѣ!... Иди же
 Къ нимъ, когда посмѣешь,
 Да не сказывай дорогой,
 Что ты мать имѣешь.
 Видно, въ день и часъ проклятый
 Я тебя родила!
 Если бѣ знала, до восхода
 Солнца утопила:
 Пусть бы гадина слодала —
 Не москаль поганій...
 Охъ! дитя мое родное,
 Цвѣтикъ мой румяній!
 Точно ягодку, какъ птишку
 Нѣжила, растила —
 На бѣду, знать... Такъ-то, дочка,
 Мнѣ ты отплатила!
 Ну, иди же! на чужбинѣ
 Пойщи свекрухи,
 Если слушать не хотѣла
 Матери-старухи.
 Пойщи ее — отыщешь —
 Крѣпко приласкайся;
 Будь счастлива межъ чужими,
 Къ намъ не возвращайся!
 Никогда не возвращайся
 Изъ чужого края...
 Кто-то мнѣ глаза закроетъ,
 Безъ тебя, родная?
 Кто заплачетъ надо мною,
 Бѣдной сиротиной?
 Кто посадитъ на могилѣ
 Красную калину?
 Кто помянетъ? кто молиться
 Будетъ надо мною?
 Дочка, дочка дорогая,
 Дитято родное!
 Ну, иди жъ!...» Благословля:
 «Богъ съ тобой, родная!»
 И на лавку повалилась,
 Будто неживая.

 И сказалъ отецъ родимый:
 «Что жъ нейдешь, дѣвчина?»
 Зарыдала и упала
 Въ ноги Катерина:
 «Ты прости меня, родимый,
 Въ чемъ я согрѣшила!
 Ты прости меня, голубчикъ,
 Мой соволикъ милій!»
 — «Пусть Господь тебя и люди
 Добрые прощаютъ!»

Помолись — и въ путь-дорогу...
Сердце зла не знаетъ...»

Еле встала, поклонилась,
Вышла со слезами;
А старикъ съ своей старухой
Стали сиротами.
Вышла въ садикъ, помолилась,
Горсть земли набрала,
И на крестъ ее въ мѣшочекъ
Крѣпко навязала.
«Не вернусь!» проговорила:
Далеко умру я,
И чужіе закопають
Въ землю мнѣ чужую;
А своя — шепотка эта —
Надо мною ляжетъ,
Да про долю, да про горе
Добримъ людямъ скажетъ...
Не рассказывай, голубка,
Гдѣ бъ ни скоронили,
Чтобы грѣшницу по смерти
Люди не бранили!
Ты не скажешь... вотъ кто скажетъ,
Кто его родная!
Боже мой, куда я дѣнусь,
Убѣгу куда я?
Я сама, дитя родное,
Спрячусь подъ водою,
Ты же грѣхъ мой отстрадаешь
Въ людяхъ сиротою,
Безъ отца!...» Пошла деревней,
Плачетъ Катерина;
Повязалася платочкомъ
И глядитъ на сына.
За деревней оглянулась —
Сердце въ ней зангло —
Покачала головою
И заголосила.
Стала въ полѣ при дорогѣ,
Словно тѣ берѣзы;
Какъ роса передъ зарёю,
Полился слѣзы.
Изъ-за слѣзъ изъ-за горячихъ
Бѣла-дня не чуетъ,
Только сына обнимаетъ,
Плачетъ да цалуетъ.
А ребенокъ, точно ангелъ,
Ничего не знаетъ,
Къ груди вкротной ручонкой
Тянется, хватается.

Солнце сѣло; за дубровою
Зорька догораетъ...
Отвернулась — и въ дорогу...
Вотъ ужъ чуть мелькаетъ...
На селѣ еще сосѣдки
Долго толковали,
Но ни мать, ни старій батько
Ихъ ужъ не слышали.

Такъ-то съ ближними на свѣтѣ
Люди поступаютъ!
Рѣжутъ, тѣшатся... иной же
Самъ себя терзаетъ.
А за что? Господь ихъ знаетъ.
Свѣтѣ, кажись, широкой,
А въ немъ мѣста не отыщешь
Странникъ одинокой.
Одному отмѣрять доля
Съ краю и до краю,
А другому лишь оставить
Тѣ, гдѣ закопають.
Гдѣ жъ тѣ люди, гдѣ жъ тѣ братья,
Съ кѣмъ мы такъ желали
Жить, кого любить собирались?
Сгинули, пропали.

Есть на свѣтѣ доля —
Съ кѣмъ она спозналась?
Есть на свѣтѣ воля —
Да кому досталась?
Есть на свѣтѣ люди —
Золотомъ сіяютъ,
Кажется, чего бы —
Должники не знаютъ.

Ни доли, ни воли!
Кафтанъ надѣваютъ
Съ кручиной, а плакать —
Такъ стыдъ запрещаетъ.

Золото возьмите,
Будьте имъ богаты,
Мнѣ же — дайте слѣзы
Выплакать утраты.
Затоплю недолю
Частыми слезами,
Затопчу неволю
Босыми ногами!

Тогда я богатый,
Тогда я довольный —
Какъ сердце въиграетъ
Касаткою вольной.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

XII.

ИЗЪ ПОВѢСТИ «РАБОТНИЦА».

Каравай мѣситъ, на хуторъ,
Молодицъ гурьба сошлась.
Старый дѣдъ развеселился
И пустился съ ними въ плясъ;
Такъ и топаютъ и скачутъ,
И ногами дворъ метутъ;
И прохожихъ, и проѣзжихъ
Всѣхъ во дворъ къ себѣ зовутъ,
Варенухой угощаютъ
И на свадьбу просятъ всѣхъ.
На дворѣ и въ хатѣ слышны
Пѣсни, говоръ, шумъ и смѣхъ.
Старый мечется, хотъ ноги
Измѣняютъ ужъ совсѣмъ;
А изъ погреба за бочкой
Бочку катятъ между-тѣмъ.
Напекли и наварили
Много всякаго добра;
И скребутъ и выметають
Всюду съ самаго утра.
Только все чужіе люди!
Что жъ работница не тамъ?
Въ Кіевъ Ганна поклониться
Побрела къ святымъ мощамъ.
Не пускалъ старикъ, и плакалъ
Маркъ, прося, чтобы за мать
У него она на свадьбѣ
Оставалась. Удержать
Не могли однако жъ Ганны.
«Нѣтъ ужъ, Маркъ!... Пусти меня.
Мнѣ за мать сидѣть не ладно:
Богачи твоя родня,
Я работница — пожалуй,
Осмѣютъ тебя, какъ разъ.
Помоги вамъ Богъ! Молитесь
Лучше я пойду за васъ.
Если примете, отсюда
Къ вамъ опять я ворочусь —
И, покуда силы хватить,
Въ вашей хатѣ потружусь».

И ему благословенье
Съ сердцемъ искреннимъ дала —
И заплакала — и тихо
Изъ воротъ она пошла.

Пиръ на хуторѣ въ разгарѣ:
Не смолкаетъ шумъ и гамъ,
Достается музыкантамъ,
Достается каблукамъ.
Варенухой лавки моютъ.
А межъ-тѣмъ свой дальній путь
Ужъ работница кончаетъ.
Не успѣла отдохнуть —
Ужъ къ хозяйкѣ, гдѣ пристала,
Нанялася поскорѣй:
Ей въ хозяйствѣ помогаетъ
И таскаетъ воду ей.
На пути деньжонки вышны:
Надо что-нибудь скопить,
Чтобъ Варварѣ преподобной
Хотъ молебень отслужить.
Работаетъ, воду носить —
Накопила семь рублей.
Марку шапочку купила
У святыхъ она мошей,
Голова чтобъ не болѣла;
Для жены его потомъ
Отъ Варвары преподобной
Запаслася перстенькомъ;
И, святымъ всѣмъ поклонившись,
Побрела опять домой.
Воротилась. Маркъ встрѣчаетъ
У воротъ еѣ, съ женой;
Входятъ въ хату и сажаютъ
Нашу странницу за столъ.
Накормили — и про Кіевъ
Разговоръ у нихъ пошелъ.
Отдохнуть ей Катерина
Постлала сама постель.
«Что они меня такъ любятъ!
О, мой Боже! Неуже ль
Обо всемъ они узнали,
Догадалися кто я?
Нѣтъ, а добрыми родились!»
И изъ глазъ у ней катились
Слѣзы, слѣзы въ три ручья...

Послѣ Троицы однажды,
Въ воскресенье, дѣдъ Трофимъ
На дворѣ сидѣлъ, у хатъ;
И съ собакой передъ нимъ

Внучъ игралъ, а внучка юбку
 Катеринину нашла,
 И, въ нее одѣвшись, важно,
 Тихо въ гости къ дѣду шла.
 Засмѣялся старій, внучку
 Рядомъ сѣсть онъ пригласилъ,
 Будто вправду молодицу,
 И потомъ ее спросилъ:
 «А куда ты хлѣбъ дѣвала?
 Можетъ, огня кто въ лѣсу?
 Иль испечь его забыла?
 Такъ вотъ я тебя, лису!»

А работница въ ворота
 Входитъ въ этотъ самый мигъ.
 Ей съ внучатами навстрѣчу
 Живо бросился старикъ.
 «Гдѣ же Маркъ?» спросила Ганна.
 «Видно все въ дорогѣ?» — «Да!»
 — «Охъ! наслу я, наслу
 Дотащилась къ вамъ сюда.
 Умирать-то не хотѣлось
 Мнѣ въ далекой сторонѣ.
 Хотъ бы Маркъ скорѣй вернулся!
 Что-то больно, тяжело мнѣ.»
 И гостиницы изъ лушохва
 Вынимаетъ для ребятъ:
 Внучкѣ старшенькой, Оришѣ,
 Крестикъ, бусы и дукать;
 Въ золотой, изъ фольги, ризѣ,
 Образочекъ тоже ей;
 И для Карпа есть игрушки:
 Два коня и соловей.
 Катеринѣ съ богомолья
 Ужъ четвертый разъ съ собой
 Перстенецъ она приноситъ
 Отъ Варвары, отъ святой.
 Вотъ три свѣчки изъ святого
 Воску дѣду отдала;
 А себѣ и Марку нынче
 Ничего не принесла:
 Денегъ больше не хватило,
 А работать нѣту силы.
 «Дѣтки, бубличка кусочекъ
 У меня есть гдѣ-то тамъ...»
 Отыскала и внучатамъ
 Раздѣлила пополамъ.

Въ хатѣ тотчасъ ей умыла
 Ноги Маркова жена;
 Принесла потомъ ей полдникъ.

Но не ѣсть, не пьётъ она.
 «Катерина, послѣ завтра
 Воскресенью надо быть.
 Хотъ бы вынуть часть за здравье,
 Да молебень отслужить
 Чудотворцу Николаю.
 Что-то Маркъ у насъ пропалъ:
 Какъ бы гдѣ-нибудь въ дорогѣ,
 Бѣдный, онъ не захворалъ.»
 И катились тихо слѣзы
 Изъ потухшихъ старыхъ глазъ.
 Изнуренная, насили
 Съ мѣста Ганна поднялась.
 «Охъ, не та ужъ, Катерина,
 Стала я. Хила, стара,
 На ногахъ едва держусь:
 На повои мнѣ, знать, пора.
 Хотъ въ теплѣ, а тяжело, Катря,
 Умирать въ дому чужомъ.»
 Захворала крѣпко Ганна.
 Посылали за попомъ
 И соборовали масломъ,
 Но не стало легче ей.
 Катерина не спускала
 Съ умирающей очей:
 День и ночь надъ ней сидѣла,
 Грустно голову склонивъ.
 Дѣдъ бродилъ все по подворью,
 И унылъ и молчаливъ.
 По ночамъ надъ хатой слышенъ
 Былъ зловѣщій крикъ совы.
 Съ каждымъ часомъ становилось
 Ганнѣ хуже. Головы
 Ужъ она не подымала,
 И не ѣла ничего;
 Только Марка вспоминала.
 «Катря! охъ, когда бъ я знала,
 Что увижу я его —
 Я еще бы подождала?»

Беззаботно съ чумаками
 Степью Маркъ себѣ идетъ.
 Не спѣшитъ онъ — распѣваетъ
 И воловъ въ степи пасетъ.
 Онъ суена везетъ въ гостинецъ
 Дорогого два куска
 Для жены; и полсъ алыи
 Для Трофима старика;
 Парчевой очиповъ Ганнѣ,
 Да еще купилъ онъ ей
 Съ росписной каймой платочекъ;

А для маленькихъ дѣтей
Черевички, винограду;
Всѣмъ же вмѣстѣ — изъ Царьграду
Въ бочкѣ красное вино;
И икры не мало съ Дону
У него запасено.
Онъ идетъ да распѣваетъ,
А что дома ждетъ — не знаетъ.

Дотащился понемногу —
Вотъ и дома онъ опять.
Помолившись прежде Богу,
Сталъ ворота отворять.
«Катря, Катря! Иль не слышишь?
Воротился Маркъ. Иди
Поскорѣй ему на встрѣчу,
Да сюда его веди.
Слава Господу! Дождатся
Грѣшной мнѣ сподобилъ Онъ».
И читала Ганна тихо
Отче нашъ, какъ бы сквозь сонъ.

На дворѣ ярмо снимаетъ
Росписное дѣдъ съ воловъ.
Вышла къ мужу Катерина,
На него гладитъ безъ словъ.
«Катря, гдѣ же наша Ганна?
Что нейдетъ ко мнѣ сюда?
Ужь, помилуй Богъ, жива ли?
Не случилась ли бѣда?»
— «Нѣтъ! А крѣпко захворала.
Ужь давно она лежитъ,
Все тебя зоветъ: «когда же
Маркъ вернется?» говоритъ.
Поскорѣй поидемъ, а батько
За волами приглядитъ.»

Входятъ въ хату. Маркъ не смѣетъ
Перейти черезъ порогъ.
«Слава Богу!» шепчетъ Ганна.
«Не пугайся, Маркъ, дружокъ;
Подойди; а ты, Катруся,
Выйди изъ хаты и вдвоѣмъ
Съ нимъ оставь насъ: нужно Марка
Распросить мнѣ кой-о-чѣмъ».
Вонъ выходитъ Катерина.
Маркъ стоитъ передъ больной.
«Маркъ, голубчикъ, подивися,
Посмотри ты, что со мной!
Видишь, я какая стала?
Вся измучилась, больна...

Не работница, не Ганна
Я...» И стихла вдругъ она.
Маркъ и плакалъ, и дивился,
И стоялъ не шевелясь.
Вдругъ глаза она открыла,
И слезами залилась.
«Не вини меня! взыплась
Я весь вѣкъ въ чужой избѣ.
Не вини меня, синочекъ
А прости: я мать тебѣ!»

А. Плищевъ.

XIII.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ГАЙДАМАКИ».

1.

ПРОЛОГЪ.

Было время — въ Польшѣ шляхта
Гордо выступала;
Билась съ нѣмцами, съ султаномъ,
Съ Крымомъ воевала,
Съ москалями... было — слымо...
Такъ-то все минуетъ!
Ляхъ, бывало, знай, вичится,
День и ночь пируетъ,
Королями помнѣаетъ...
Не скажу — Стефаномъ —
Съ этимъ трудно было сладить —
Иль Собѣскимъ Яномъ,
А другими. Несчастливцы
Молча пановали.
Сеймы спорили; сосѣди
Видѣли — молчали,
Лишь слѣдили, какъ изъ Польши
Короли бѣжали,
Да прислушивались молча,
Какъ паны орали.
«Niemozwalam! niemozwalam!»
Шляхта восклицаетъ,
А магнаты жгутъ деревни,
Сабли отпускаютъ.
Долго такъ дѣла велся...
Но вотъ надъ Варшавой
И надъ Польшей сталъ владыкой
Понятовскій бравий.
Владыкой сталъ, и думалъ шляхту
Прибрать къ рукамъ — и не сдумѣлъ!
Добра хотѣлъ онъ всѣмъ... быть-можетъ,
Еще чего-нибудь хотѣлъ...

Одно лишь слово *nielowalant*
Хотѣтъ у шляхты отобрать —
И вмигъ вся Польша запылала,
Взбѣсилась шляхта, ну кричать:
«Слово гондру, дарма праца!
«Наѣмникъ подлый москаля!»
На зовъ Пулавскаго и Паца
Встають шляхетская земля,
И — разомъ сто конфедерацій.

Разбрелись конфедераты
По Литвѣ, Волыни,
По Молдавіи, по Польшѣ
И по Украинѣ;
Разбрелись, да и забыли
Защищать свободу —
И пошло по всей Украинѣ
Все въ огонь, да въ воду.
Церкви жгли, народъ терзали,
Рѣзали, топили —
Кровь лилась; но гайдамаки
Ужъ ножи святили.

Н. Гервиль.

2.

СВИДАНІЕ.

«Вѣтеръ по роцѣ
Ждетъ — не гуляетъ;
Мѣсяцъ высоко,
Звѣзды сіяютъ.
Выйди, голубка,
Хоть на часочекъ:
Мы повороуемъ,
Мой голубочекъ.
Нынче далеко
Я уѣзжаю.
Скоро ль съ тобою
Свижусь — не знаю.
Выглянь же, выйди
Сизая пташка!
Горько на сердце,
Горько и тяжело.»

Такъ Ярема распѣваетъ
И по роцѣ бродить,
Поджидаетъ; но Оксана
Что-то не выходитъ.
Звѣзды блещутъ; середь неба
Мѣсяцъ серебрится;

Очарованная пѣсней,
Ива въ прудъ глядится.
Соловей въ кустѣ калины
Громко распѣваетъ,
Словно знаетъ, что дѣвицу
Парень поджидаетъ...
Вдругъ пронесся шелестъ; парень
Глянулъ: средь тумана,
Словно ласочка, опушкой
Крадется Оксана.
Онъ на встрѣчу... обнялся...
«Сердце!» — и замгѣли...
И опять: «Оксана!» «сердце!»
И опять нѣмѣли
— «Полно!» — «Нѣтъ, еще разочекъ,
Голубъ сизокрылый!
Выпей душу!... Какъ, однако,
Я устала, милый.»
— «Отдохни, моя ты зорька!
Ты съ небесъ слетѣла...
Сядь на свитеу.» Усмѣхнулась
Дѣвушка — и сѣла.
— «Такъ садись и ты со мною.»
Сѣлъ, принагъ. — «Оксана,
Зорька ясная, голубка,
Что пришла не рано?»
— «Я замѣшталась сегодня;
Что мнѣ дѣлать было?
Батько что-то расхворался.»
— «А меня забыла...»
— «Ахъ, какой же ты, ей-богу!»
И слеза блеснула.
— «Я шучу; утри же слѣзы.»
— «Шутишь?» Усмѣхнулась,
И, склонивъ къ нему голову,
Словно какъ уснула.
— «Я шучу, моя Оксана,
Или ты не видишь?
Ну, не плачь же, глянь мнѣ въ очи:
Завтра не увидишь.
Завтра буду далеко я,
Далеко, Оксана...
Завтра ночью въ Чигиринѣ
Ножъ святой достану.
Онъ мнѣ дастъ, моя голубка,
Золото и славу;
Наражу тебя, обую,
Посажу, какъ паву —
Словно гетманшу какою
И глядѣть все стану,
Все глядѣть, до самой смерти.»

— «Вспомнишь ли Оксану,
 Какъ по Кіеву съ панами
 Паномъ ѣздить будешь!...
 Тамъ найдешь себѣ полячку —
 И меня забудешь.»
 — «Развѣ есть на свѣтѣ лучше?...»
 — «Можеть-быть — не знаю.»
 — «Не гнѣви напрасно Бога:
 Лучше нѣтъ, родная,
 Ни на небѣ, ни за небомъ;
 Ни за синимъ моремъ
 Нѣтъ такой, какъ ты, Оксана!»
 — «Э, о чемъ мы споримъ!
 Что ты мелешь?» — «Правду, рибка!»
 Долго говорили
 Такъ они, и тѣмъ свиданье
 Радостное длинн...

Н. Гервиль.

3.

ПЕРЬ ВЪ ЛИСЯНКѢ.

Вечерѣло. Надъ Лисянкой
 Искры закружили:
 Это Гонта съ побратимомъ
 Трубки закурили.
 Страшно, страшно закурили!
 Въ адѣ не умѣютъ
 Такъ курить! Болотный Тигачъ
 Бровию алгеть
 И шляхетской, и жидовской;
 А надъ нимъ пылаютъ
 И избушка и палаты:
 Видно, Богъ караетъ
 И большого, и меньшого.
 Среди базара
 Желѣзнякъ и Гонта только
 Крикнуть: «ляхамъ кара!
 Кара ляхамъ!» — даже дѣти
 На ножи гвзть рады.
 Плачутъ, стонутъ ляхи, просятъ —
 Нѣту имъ пощады!...
 Кто съ молитвой, кто съ проклятьемъ,
 Кто надъ трупомъ брата —
 Исповѣдуются ляхи:
 Времени потраѣта.
 Нѣтъ, не милуютъ *миѣ*
 Ни годвь, ни роду,
 Ни полячки, ни жидовки...
 Кровь сочтется въ воду.

Старца-старого, калѣби,
 Малаго ребѣнка
 Не осталось: всѣхъ повѣла
 Красная пелѣнка.
 Всѣ легло на зѣмлю лоскомъ,
 Всѣ, что живо было
 Между шляхтой и жидами...
 А межъ-тѣмъ все пыло
 Выше къ тучамъ и пылало
 Зарево пожара...
 Галайда — тотъ знай рыкаеть:
 «Кара ляхамъ, кара!»
 Какъ безумный, мертвыхъ рѣжетъ,
 Жжотъ, что ни попало.
 «Дайте ляха, аль іуду!
 Всѣ мнѣ мало, мало!
 Дайте ляха, дайте крови
 Наточить съ поганыхъ!
 Море крови... мало моря...
 Охъ, моя Оксана!
 Гдѣ ты?» Крикнетъ и потонетъ
 Въ пламени пожара.

А тѣмъ часомъ гайдамаки
 Ставятъ вдоль базара
 Столъ да столъ; несутъ припасы,
 Что добыть успѣли,
 Чтобъ отъужинать засвѣтло.
 «Тѣшься!» заревѣли...
 Сѣли ужинать; кругомъ ихъ
 Адъ горитъ и рдѣетъ.
 На рожнахъ то тамъ, то индѣ
 Панскій трупъ черѣветъ.
 Вотъ рожны и загорѣлись —
 Группы вмѣстѣ съ ними
 На зѣмь гранулися. — «Пейте,
 Дѣти, съ проклятыми!
 Можеть-быть, еще придется
 Повстрѣчаться съ ними.
 Пью за группы, пью за души
 Ваши!» восклицаетъ
 Желѣзнякъ, и жбанъ горѣлки
 Разомъ осушаетъ.
 «Пейте, дѣти! пейте, лейте!
 Выпьемъ, Гонта, что-ли?
 Выпьемъ, братъ ты мой названый!
 Погуляемъ въ волю!
 Гдѣ же волюхъ? пусть сыграеть —
 Мы его уважимъ:
 Что не скажетъ онъ про ляховъ,
 Мы ему досажемъ.

Не про горе, потому-что
Горя не уважимъ —
Веселюю дѣрни, старче,
Чтобъ земля лопилась,
Какъ вдовица-молодица
Попусту томилась!»

КОВЗАРЬ (*играетъ, приплясая*):

«Отъ села и до села
Музыка и пляска:
За насѣдку черевички —
Будеть же имъ таска!
Отъ села и до села
Я бы расплясалась:
Ни коровы, ни вола —
Хата мнѣ осталась!
Да и ту продамъ кумѣ
Я со всѣмъ приборомъ
И куплю себѣ шалашъ
Прямо подъ заборомъ;
Торговать и шинковать
Буду я крочками,
И тогда-то ужъ гулять
Буду съ молодцами.
Охъ, вы дѣточки мои,
Охъ, вы годубятки!
Не стыдитесь, подивитесь,
Какъ танцуетъ матка!
Я въ наѣмъ пойду; дѣтей
Въ школу... да и въ пляску —
И червоннымъ черевичкамъ
Я задамъ же таску!»
Галайда среди базара
Съ Гонтою танцуетъ.
Желѣзнякъ хватаетъ кобзу,
Съ кобзаремъ толкуетъ:
«Попляши, а я сыграю —
Поддавай лишь пару!»
И пошолъ слѣпой въ присядку
По всему базару,
Отдираетъ постодами,
Поддаётъ словами:

«Въ огородѣ пустарнакъ, пустарнакъ!
Аль тебѣ я не козакъ, не козакъ?
Аль тебя я не люблю, не люблю?
Аль тебѣ я черевичковъ не куплю?
Я куплю тебѣ обновку,
Распотѣшу чернобровку!
Буду, сердце, ходить,
Буду, сердце, любить!»

«Ой, гонь-гопакъ!
Полюбила козакъ,
Только старый, да недожий,
Только рыжий, неуклюжий —
Вотъ и доля вся пока!
Доля слѣдомъ за тоскою,
А ты, старый, за водою,
А сама-то я въ шинюкъ,
Да хвачу себѣ крочекъ,
А потомъ — все чокъ да чокъ:
Чарка первая колѣмъ,
А вторая соколѣмъ...
Баба въ плясъ пошла — конецъ,
А за нею молодець...
Старый-рыжий бабу кличетъ,
Только баба куеишь тычетъ:
«Коль женился, сатана,
«Добывай же мнѣ пшена:
«Надо дѣтокъ пожалѣть —
«Накормить и приодѣть.
«Добывай, не то — быть худу,
«А ужъ я сама добуду...
«А ты, старый, не грѣши —
«Колнбелки колыши,
«Да молчи и не грѣши.»

«Какъ была я молодою, да угодинцею,
Я повѣсила передникъ надъ оконницею;
Кто бъ ни шолъ — ни минѣтъ,
И кивнѣтъ и моргнѣтъ.
А я шолкомъ вышиваю,
Имъ въ окошечко биваю;
Ой, Семёны — вы — Иваны,
Надѣвайте-ка жупаны,
Да со мной гулять поидемъ,
Да присядемъ — запоёмъ...»

Л. Мей.

4.

ГОНТА ВЪ УМАНИ.

Проходятъ дни, минуло лѣто,
А степь горитъ, да и горитъ;
По сѣламъ плачутъ дѣти: гдѣ-то
Отцы ихъ? Богъ вѣсть! Шелеститъ
Поблѣклой лѣтвюю дуброва;
Гуляютъ тучи; солнце спитъ —
И не слышать людского слова;
Лишь воетъ звѣрь, идя въ село,
Гдѣ чуетъ группъ: не хоронили,

Волковъ поляками кормили,
Пока ихъ снѣгомъ занесло.

Да бѣлы-снѣги и вьюга —
Только въ помочь варѣ:
Ляхи мѣрзали, а козаки
Грѣлись на пожарѣ.
И весна пришла — и раской
Воду принакрыла,
Поднесла землѣ барвинокъ,
Да и разбудила —
Пусть сыра-земля проснѣтся.
Жаворонокъ въ полѣ,
Соловей въ кустахъ — и льётся
Пѣсня ихъ о волѣ...
Сущій рай! А для кого же?
Для людей? Не будетъ
Человѣкъ глядѣть, а взглянуть —
Божій рай осудить.
Надо кровію подкрасить,
Освѣтить пожаромъ;
Солнца мало, расокъ мало;
Тучи ходять даромъ;
Аду мало!... Люди, люди!
Да когда жь довольно
Будетъ вамъ добра Господня?
И чудно, и больно!
И весна не смыла крови:
Злоба братьевъ вдвое —
Не глядѣлъ бы; а припомнишь —
Было такъ и въ Троѣ;
Будетъ вѣчно. Гайдамаки
Рѣжутъ да гуляютъ;
Гдѣ пройдутъ — земля пылаетъ,
Кровью намокаетъ.
Подобралъ Максимъ сночка —
Вспомнить Украина!
Хоть не сынъ родной Ярема,
А не хуже сына.
Батько рѣжетъ, а Ярема
Рѣжетъ — и лютуетъ —
Со священнымъ на пожарахъ
Днюетъ и ночуетъ.
Не помнуетъ, не минетъ
Ляха проклятого:
Онъ за ктитора имъ платитъ,
За отца святого,
За Оксану... И шатнѣтся,
Вспомнивъ про Оксану.
А Максимъ: «Гулай, сночекъ!
Если не устану,

Погуляемъ!» Погуляли:
Купа подлѣ купы,
Вплоть отъ Кіева на Умань
Протянулись трупы...

Кто тамъ бродитъ въ черной свитѣ?
Посреди базара?
Кто тамъ сталъ надъ грудой труповъ,
Въ заревѣ пожара?
Долго ищеть онъ кого-то,
Проклятую купу
Мертвыхъ ляховъ разгребаетъ...
Отыскалъ... Два трупа —
Двухъ подростковъ взялъ на плечи,
И позадь базара
Черезъ мѣртвыхъ онъ шагаетъ,
Середы пожара,
За костѣломъ. Кто же это?
Гонта, горемъ битый:
Хоронитъ дѣтей несетъ онъ,
Чтобъ землею крыты
Были, чтобъ козачья тѣла
Стая псовъ не ѣла.
И по улицамъ, по темнымъ,
Гдѣ не такъ горѣло,
Гонта вѣсь дѣтей на плечахъ,
И отъ люду врылся —
Не видали бы, какъ старый
Гонта прослезился,
Хороня дѣтей. Онъ вынесъ
Дѣтокъ въ поле прямо,
Прочь съ дороги, и священнѣй —
Въ землю: будетъ яма...
Онъ копаеть и копаеть...
Умань всё пылаетъ,
Свѣтитъ Гонтѣ на работу...
Отчего же въ свѣтѣ,
Въ этомъ заревѣ кровавомъ,
Гонтѣ страшны дѣти?
Отчего жь онъ, словно крадетъ,
Или владъ хоронитъ,
Даже струситъ, если вѣтеръ
До него догонитъ
Крикъ и пѣсни гайдамаковъ?...
Онъ дѣтей хоронитъ —
Онъ глубокую имъ хату
Роетъ; въ темной хатѣ,
Не глядя, владѣтъ — звать, слышитъ:
«Мы не ляхи, татя!»
Уложилъ; досталъ китайку
Изъ кисы; лобзаетъ

Мёртвыхъ въ очи, и китайкой
 Алой накрываетъ,
 Крестить. — «Дѣти! поглядите
 Вы на Украйну:
 За неѣ вы сгибли, дѣти!
 За неѣ я сгину!
 Да меня-то кто скоронить
 На чужомъ на полѣ,
 Какъ я васъ, и кто заплачетъ
 По моей по долѣ?
 Спите, дѣти, почивайте!
 Вамъ постель — могила!
 Сука-мать другой постели
 Вамъ не обрядила.
 Безъ вѣнчочковъ — василѣчковъ,
 Безъ калины, дѣти,
 Спите здѣсь, моля у Бога,
 Чтобъ на этомъ свѣтѣ
 Поваралъ меня жестоко
 За грѣхи за эти...
 Чтѣ католики вы были —
 Вамъ прощаю, дѣти!»
 И заравниваетъ землю,
 Чтобъ враги не знали,
 Гдѣ зарыты дѣти Гонты,
 Гдѣ ихъ погребали.
 «Спите, дѣти! бабку ждите:
 Скоро будетъ!... чтѣ же?
 Скороталъ вашъ вѣкъ я, дѣти —
 И меня ждѣтъ то же.
 И меня убьютъ — скоронять...
 Кто? — и самъ не знаю...
 Гайдамаки!... Охъ, еще разъ
 Съ ними погуляю!»
 И пошолъ убитый Гонта.
 Шагъ — и спотыкнѣтся.
 Свѣтитъ зарево — онъ глянетъ,
 Глянетъ — усмѣхнѣтся.
 Страшно, страшно усмѣхался...
 На степь оглянулся,
 Слѣзы вытеръ — и въ пожарномъ
 Дымѣ окунулся.

Л. Мвѣ.

5.

ЭПИЛОГЪ.

Минуло то время, давно миновало,
 Когда я ребенкомъ, голодный, блуждалъ
 По той по Украйнѣ, гдѣ Гонта, бывало,
 Съ ножомъ освященнымъ, какъ вѣтеръ, гулялъ.

Минуло то время, какъ тѣми путями,
 Гдѣ шли гайдамаки, босыми ногами
 Ходилъ я, стараясь найти гдѣ-нибудь
 Людей, чтобъ къ добру указали мнѣ путь.
 Припомнилъ — и плачу, что горе минуло.
 О, еслибъ ты снова ко мнѣ завернуло,
 Я отдалъ бы съ радостью счастье мое
 За прежнія слѣзы, за горе-житье.
 Припомнилъ — и снова поляны родныя,
 И дѣдъ, и отецъ, и невзгоды былия
 Предъ взоромъ проносятся. Живъ еще дѣдъ,
 Отецъ же въ могилѣ — родимаго нѣтъ.
 Бывало, въ субботу, закрывши «Минею»
 И выпивъ по чарѣ родной романей,
 Отецъ просить дѣда, чтобъ тотъ рассказалъ,
 Какъ въ Умани встарь гайдамаки гуляли,
 Какъ Гонта проклятыхъ поляковъ караля.
 Столѣтнія очи, какъ звѣзды, сіяли
 И лился, смѣялся ужасный рассказъ:
 Какъ гибли поляки, какъ села горѣли.
 Сосѣди, бывало, отъ страха нѣмѣли,
 И мнѣ, бѣдняку, доводилось не разъ
 Оплакивать ктиторю злую судьбину.
 И, слушая дѣда, ни кто не видалъ,
 Какъ малый ребенокъ за печкой рыдалъ.
 Спасибо, родимый, что ты про кручину,
 Про славу козацкую мнѣ рассказалъ:
 Рассказъ твой я внукамъ теперь передаю.

Люди добрые, простите:
 Каюсь, крѣпко каюсь,
 Что рассказъ свой велъ я просто,
 Въ книгахъ не справляясь.
 Все, что здѣсь прочтется вами,
 Слышалъ я отъ дѣда;
 А старикъ не зналъ, не вѣдалъ,
 Что его бесѣда
 Попадетъ грамотѣямъ.
 Дѣдушка, винюся!
 Пусть бранятъ; а той порою
 Я къ своимъ вернуся
 И окончу, какъ умѣю,
 Горькую былинку,
 Какъ сѣвось сонъ, окину взглядомъ
 Нашу Украйну,
 Гдѣ ходили гайдамаки
 Съ острыми ножами,
 Тѣ дороги, что я мѣрилъ
 Дѣтскими ногами.

Н. Гвѣрвиль.

А. Л. МЕТЛИНСКІЙ.

Амвросій Лукьянович Метлинскій, извѣстный собиратель малорусскихъ народныхъ пѣсень, родился въ 1814 году въ Гадячскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ гадячскомъ уѣздномъ училищѣ, откуда перешолъ въ харьковскую гимназію, а потомъ въ Харьковскій университетъ, въ которомъ окончилъ полный курсъ наукъ. Затѣмъ, онъ занималъ нѣкоторое время мѣсто бібліотекаря университета, посвящая свободное отъ служебныхъ занятій время на приготовленіе къ магистерскому экзамену и сочиненію магистерской диссертациі. Наконецъ экзаменъ былъ сданъ, диссертациа защищена — и новый магистръ вошелъ въ среду профессоровъ Харьковскаго университета и занялъ въ немъ кафедру русской словесности. Въ 1849 году Метлинскій былъ переведенъ на ту же кафедру въ университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ, но оставался тамъ не долго. По возвращеніи въ Харьковъ, онъ занялъ прежнюю свою кафедру, и не оставлялъ ее до выхода въ отставку. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ на берегахъ Женеваго озера и на южномъ берегу Крыма, въ Ялтѣ, гдѣ и умеръ въ концѣ іюня мѣсяца 1870 года отъ раны, нанесенной собственной рукой въ припадкѣ меланхоліи.

Метлинскій выступилъ на литературное поприще въ 1839 году, подъ псевдонимомъ *Амросій Мошпа*, съ небольшою книжкой своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Думки та Пѣсни та ще де що», куда, кромѣ оригинальныхъ произведеній, вошло собраніе его переводовъ изъ славянскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ. Затѣмъ, въ 1848 году, издалъ онъ въ Харьковѣ «Южно-русскій Сборникъ», въ пяти частяхъ, въ которомъ, кромѣ его собственныхъ думокъ, нашли мѣсто произведенія мѣстныхъ малорусскихъ писателей, въ томъ числѣ и Квитки. Но важѣйшимъ трудомъ Метлинскаго по части малорусской литературы, которому онъ отдавался весь, въ теченіе всей своей жизни, начиная съ 1836 года, было — собраніе малорусскихъ народныхъ пѣсень, которыхъ онъ собралъ до восьмисотъ и издалъ въ 1854 году въ Кіевѣ, подъ заглавіемъ: «Народніа Южно-русскіа пѣсни». Кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько статей о малорусскомъ языкѣ, о правописаніи, о народной поэзіи и т. п. Статьи эти помѣщены были, въ видѣ предисловія, къ раз-

ннмъ изданнымъ имъ книгамъ на малорусскомъ языкѣ. Какъ поэтъ, Метлинскій пользуется нѣкоторою извѣстностью, благодаря удачному воспроизведенію народнаго быта, нравовъ и поэзіи; что же касается малорусскихъ критиковъ, то они видятъ во всемъ имъ написанномъ большую глубину чувства, прекрасное пониманіе козацкой старины и художественное выполненіе.

ЯВОРЪ.

Что съ тебя такъ рано, яворъ,
Листья опадаютъ,
И, захваченныя вѣтромъ,
По волю летаютъ?

Или ночь тебя, мой яворъ,
Не понтъ росомъ,
Или въ полдень не проходить
Солнце надъ тобою?

Есть и старыя деревья —
Смотришь — зеленѣютъ,
И ихъ листья непогоди
По полю не сѣютъ.

Иль роса однихъ ихъ холить,
Холить, умываетъ,
Солнце свѣтитъ, буйный вѣтеръ
Пѣсни напѣваетъ?

«Нѣтъ, роса меня питаетъ,
Солнце согрѣваетъ —
Только сердце по отчизнѣ
Плачетъ и страдаетъ.

«Оттого съ меня такъ рано
Листья опадаютъ,
Хоть меня и буйный вѣтеръ
Въ бурю не качаетъ.»

Н. Гербель.

А. С. АОНАСЬЕВЪ-ЧУЖВИНСКІЙ.

Александръ Степановичъ Аонасьевъ родился 28-го февраля 1816 года въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, гдѣ отецъ его владѣлъ небольшоимъ населеннымъ имѣніемъ. Въ 1829 году онъ былъ отвезенъ въ Нѣжинъ и отданъ въ Гим-

назівъ Высшихъ Наукъ князя Безбородко. Здѣсь онъ квартировалъ у профессора Соловьева, человека весьма замѣчательнаго, вмѣстѣ съ Е. П. Гребенкою, впоследствии пріобрѣтшимъ извѣстность какъ повѣствователь. Вскорѣ по вступленіи Аванасьева въ число воспитанниковъ гимназіи, это заведеніе было преобразовано въ лицей, и онъ окончилъ курсъ наукъ уже съ званіемъ студента лицея и правомъ на чинъ 14-го класса. Отдохнувъ около года въ деревнѣ, Аванасьевъ, по приглашенію одного изъ бывшихъ своихъ товарищей, описавшаго ему свой бытъ самыми поэтическими красками, поступилъ юнкеромъ въ Бѣгородскій улавскій полкъ, но на первыхъ же порахъ встрѣтилъ самое горькое разочарованіе, и въ 1843 году вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика. Въ 1847 году онъ снова поступилъ на службу въ канцелярію воронежскаго губернатора и въ томъ же году назначенъ редакторомъ неофициальной части «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; но и здѣсь онъ прослужилъ всего два года, послѣ чего снова вышелъ въ отставку. Аванасьевъ началъ писать очень рано, еще въ лицей, гдѣ въ то время вѣялъ литературный духъ. Первымъ напечатаннымъ его произведеніемъ было стихотвореніе «Кольцо», помѣщенное въ «Современникѣ» (1838, т. XI), съ подписью: *Чужбинскій*. Подъ этимъ псевдонимомъ онъ продолжалъ писать до 1851 года, т. е. до появленія въ свѣтъ двухъ первыхъ его изданій: «Галерея Польскихъ Писателей» и «Русскій Солдатъ», подписанныхъ уже его настоящимъ именемъ. Съ-тѣхъ-поръ Аванасьевъ началъ вставлять подъ своими статьями и стихотвореніями попеременно то фамилію, то псевдонимъ, а съ 1853 года сталъ соединять фамилію съ псевдонимомъ, т. е. подписывался: Аванасьевъ-Чужбинскій. Изъ многочисленныхъ его статей, которыя онъ печаталъ почти во всѣхъ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, можно указать на слѣдующія: «Словарь малорускаго нарѣчія» («Изв. Имп. Акад. Наукъ», 1855, т. IV), «Безыменные тишы» («Русскій Вѣстникъ», 1856, № 23), «Замѣтки о Малороссіи» («Экономическій Указатель» 1857, № 13) и, въ особенности, на собраніе мелкихъ его стихотвореній на малороссійскомъ языкѣ, изданныхъ имъ въ 1855 году, подъ заглавіемъ: «Що было на сердцѣ». Многія изъ нихъ отличаются неподдѣльнымъ чувствомъ, безъ чего не мыслимы малороссійскія пѣсни и думы. Въ 1856 году Аванасьевъ, вмѣстѣ съ другими на-

шими писателями — Островскимъ, Писемскимъ, Максимовымъ и Михайловымъ — былъ приглашенъ в. к. Константиномъ Николаевичемъ составить описаніе нравовъ, обычаевъ и занятій приморскихъ и пріорѣчныхъ жителей Россіи. Аванасьевъ избралъ низовья Днѣпра, какъ предѣлы болѣе ему извѣстныя. Плодомъ его дѣятельности во время этой поѣздки былъ цѣлый рядъ статей, помѣщавшихся въ «Морскомъ Сборникѣ» въ теченіе 1856—1860 годовъ и вышедшихъ потомъ отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: «Поѣздка въ южную Россію» (СПб. 1861).

Е. П. ГРЕБЕНКЪ.

Скажи мнѣ всю правду, мой добрый, мой милый,
Что съ сердцемъ мнѣ дѣлать, когда заболитъ,
Застонетъ, забьется съ удвоенной силой
И станетъ безъ усталы плакать и ныть?

Когда несконное горе по волѣ,
Какъ тернъ, тебѣ сердце въ куски изорветъ,
И ты, какъ сухое перекаты-поле,
Не знаешь куда тебя вѣтеръ несетъ?

Увы! ты отвѣтнись: скосивши былинку —
Хотя бь ее сто разъ ты полилъ водой —
Не цвѣсть ей ужъ болѣ: любя сиротинку,
А ей не видать ни отца, ни родной.

Вотъ такъ и на свѣтѣ! кто рано почуветъ,
Какъ сердце рыдаетъ, какъ сердце болитъ,
Тотъ рано заплачетъ... А доля плутуетъ —
Поманить, поманить и прочь улетитъ.

Ужели утерпишь — какъ ясное солнце
Взойдетъ и заблещетъ для міра всего
И въ очи заглянетъ къ тебѣ съвозъ оконце?
Ослѣпишь, а будешь глядѣть на него.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

П. А. КУЛИШЪ.

Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ родился въ 1819 году, въ мѣстечкѣ Воронежѣ, Черниговской губерніи, Глуховскаго уѣзда. По окончаніи курса въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, онъ намѣревался поступить въ только-что открытый тогда университетъ Св. Владиміра, для

чего и прибылъ въ Кіевъ, но скудость средствъ побудила его отказаться отъ этой мысли и принять должность учителя уѣзднаго училища, сначала въ Лудцѣ, а потомъ въ Ровнѣ. Здѣсь Кулишъ задумалъ и написалъ свой первый романъ «Михайло Чернышненко», который и былъ отпечатанъ въ Кіевѣ въ 1843 году. Въ 1845 году онъ поѣхалъ — было за границу, но въ Варшавѣ былъ арестованъ, за статью «Повѣсть объ украинскомъ народѣ», напечатанную въ дѣтскомъ журналѣ «Звѣздочка», и отправленъ въ Тулу на службу, гдѣ пробылъ три года. Затѣмъ, по переселеніи въ Петербургъ въ 1855 году, онъ напечаталъ въ «Современникѣ» «Записки о жизни Гоголя» и нѣсколько повѣстей и издалъ «Записки о Южной Руси», въ двухъ частяхъ, романъ «Черная Рада», «Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Дмитріи Самозванцѣ», альманахъ «Хата», четыре тома своихъ «Повѣстей» и нѣсколько книжекъ на малорусскомъ языкѣ, по части народнаго образованія. Кромѣ того, онъ издалъ «Сочиненія и письма Н. В. Гоголя» (6 томовъ), «Повѣсти Григорія Квитки» (2 тома) и «Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ Василя Гречулевича». Съ появленіемъ, въ началѣ 1861 года, въ Петербургѣ первыхъ номеровъ малороссійскаго журнала «Основа», Кулишъ посвятилъ ей всю свою дѣятельность, наполняя чуть не на половину каждую изъ ея книжекъ своими историческими, этнографическими и критическими статьями, повѣстями, всякаго рода замѣтками, поэмами и мелкими стихотвореніями. Последнимъ изданіемъ Кулиша — было собраніе его малороссійскихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Досвитки». Въ настоящее время Кулишъ живетъ въ Малороссіи, въ Борзенскомъ уѣздѣ.

ЗЕМЛЯЧКЪ.

Ты не пой мнѣ на чужбинѣ
Объ Украинѣ милой!
Не буди воспоминаній
Ты съ такою силой!

Пѣснь твоя мой духъ уноситъ
Въ край тотъ — въ той святинѣ,
Гдѣ любилъ я чудо-очи
И люблю по-нынѣ.

До суда живыхъ и мертвыхъ
Ихъ я не забуду!

Той любовью передъ Богомъ
Похвалится буду!

Любятъ люди пышный цвѣтникъ,
Любятъ — и срываютъ,
И, сорвавъ, красой, какъ дѣти
Мотылькомъ, играютъ.

Какъ ребенка мать родная,
Такъ люблю тебя я...
За любовь мою отплати
Я не вымогаю...

За любовь мою старицей
Сердце заплатило:
Путь мой темный и печальный
Свѣтомъ озарило.

Озарило — тайну слова
Жгучаго открыло...
О, не даромъ это сердце
Былось и любило!

Н. ГЕРВЕЛЬ.

Л. И. ГЛѢБОВЪ.

Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ родился въ 1832 году. Онъ началъ свое воспитаніе въ Полтавской гимназіи, а окончилъ въ Лицеѣ князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, оттуда выпущенъ въ 1855 году, съ чиномъ 14 класса. Первое время, по выходѣ изъ Лицея, Глѣбовъ занималъ мѣсто учителя исторіи и географіи въ Черноостровскомъ (Каменецъ-Подольской губерніи) дворянскомъ училищѣ, но вскорѣ оставилъ это мѣсто и переѣхалъ на жительство въ Черниговъ. Здѣсь, въ теченіи двухъ лѣтъ, онъ издавалъ газету, собравшую около него кружокъ людей, горячо сочувствовавшихъ новымъ реформамъ. Литературныя свои занятія Глѣбовъ началъ очень рано; именно, еще будучи воспитанникомъ Полтавской гимназіи, онъ издалъ въ 1847 году небольшой томикъ своихъ стихотвореній. Затѣмъ, въ «Черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» 1853 — 1856 годовъ было напечатано 27 его басенъ на малороссійскомъ языкѣ, а въ «Основѣ» цѣлый рядъ малороссійскихъ стихотвореній въ разныхъ родахъ.

П Ъ С Н Я.

Мчатся голубь въ поднебесьи,
Отдыху не знаетъ;
Доли, горы и дубравы
На вѣтъ покидаетъ.

Ни сады въ цвѣту весеннемъ,
Ни лѣса густые
Не влекутъ на мирный отдыхъ
Силы молодыя.

Отдыхаетъ козачина;
Конь пасется рядомъ...
И сказала онъ, голубочка
Провожая взглядомъ:

«Ой, куда ты, сизокрылый,
Очи устремляешь?
Ой, зачѣмъ лѣса и доли
На вѣтъ покидаешь?»

«Аль тебѣ, мой голубь сизый,
Нѣкого голубить?
Аль ни кто на цѣломъ свѣтѣ
И тебя не любитъ?»

«Если тавъ — спустился на землю,
Отдохни со мною,
И потомъ въ иное полѣ
Полетимъ съ тобою.

«За горами, за лѣсами,
На иномъ на полѣ
Попытаемъ — не найдемъ ли
Мы счастливой доли.

«Мы найдемъ, мой голубочекъ,
Темныя дубровы,
И луга въ цвѣтахъ душистыхъ
И соболю брови.

«Мы найдемъ тамъ — мы увидимъ
Ясную зорницу:
Мы найдемъ тамъ и голубку,
И красу-дѣвицу.

«Сизокрылая голубка
Друга приглубить,
А красавица-дѣвица
Козака полюбить!»

Н. Гервиль.

ЩОГОЛЕВЪ.

Подъ этимъ именемъ было напечатано нѣ-
сколько стихотвореній, въ 1859—1861 годахъ,
въ журналахъ «Народное Чтеніе» и «Основа».

П Ъ С Н Я.

Охъ, былъ конь и у меня —
Весь изъ подлѣмья-огня,
Были сабля и винтовка
И колдунья-чернобровка.

Турокъ бѣрзаго словилъ,
Ляхъ мнѣ саблю иззубрилъ,
И винтовка изломалась,
И колдунья отчуралась.

По буджацкимъ по степямъ
Путь козацкимъ бунчукамъ,
А мнѣ путь одинъ — съ сохою
По-надъ нивою сухою.

Гей, гей, гей, вошь черный мой!
Долго намъ пахать съ тобой...
Вѣтеръ вѣтъ-повѣваетъ;
Котелочекъ закипаетъ...

Кто бъ меня повеселилъ —
Хлѣбъ-соль вмѣстѣ раздѣлилъ?
Ой, кто въ полѣ — поважися!
Кто въ дубровѣ — отзовися!

Никого! Въ дубровѣ гуль;
Мѣсяцъ въ облачко нырнулъ;
Вѣтеръ вѣтъ-повѣваетъ;
Котелочекъ простываетъ...

Л. Мвй.

ЧЕРВОННОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Въ общемъ стремленіи славянскихъ народностей къ развитію и Галицко-Угорская Русь заявила въ новѣйшее время свою духовную жизнь литературными произведеніями на родномъ языкѣ, а съ 1848 года и русскіе Галичины и Угрии (Венгрии) получили официальное признаніе среди австрійскихъ славянъ и право на равноправность съ другими народностями многоплеменной Австріи. Съ той-пору придаетъ и русскимъ кой-какое значеніе въ политико-административномъ устройствѣ области, а мѣстные политики владуть и русскій народъ въ Галичинѣ на вѣсы своихъ политическихъ комбинацій и грѣзъ. Не такъ было нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. До 1848 года никто не заботился о Галичинѣ; страна, обитаемая русскими, считалась, на равнѣ съ другими, австрійской провинціей — королевствомъ Галиціей и Ладомеріей — съ главнымъ городомъ Лембергомъ, и даже спеціалисты такъ мало знали о народѣ, его судьбахъ и жизни, что покойный Шафарикъ не обинуясь могъ сказать въ 1826 году, что русскій элементъ въ восточной Галичинѣ, Буковинѣ и сѣверной Угрии остается еще въ лингвистическомъ и историческомъ отношеніи — неизвѣстной страной *).

Между-тѣмъ, земли населенныя русскими въ Галичинѣ, сѣверовосточной Угрии и Буковинѣ

занимають по обѣимъ покатостямъ Карпатскаго погорья и прилежащимъ равнинамъ пространство безъ малаго въ 1500 квадратныхъ миль, то-есть почти восьмую часть Австро-Угорской имперіи; народонаселенія же русскаго въ этихъ земляхъ, живущаго сплошной массой, считается слишкомъ 3,600,000 душъ, такъ-что русскіе занимають своею численностію послѣ чеховъ второе мѣсто между славянскими племенами Австріи. Въ отношеніи географическаго положенія, водной системы и климатическихъ свойствъ, Галичина и Буковина лежать на границѣ горныхъ земель или погорья, занимающаго всю область средней Европы. Сюда примыкають съ сѣвера холодныя, топкія равнины, съ покатостью къ Балтійскому морю, имѣющія характеръ сходный съ низменностію сѣверо-востока Европы, а съ востока и юга прикасаются степи съ покатостью къ Черному морю, составляющія переходъ отъ европейскихъ равнинъ къ азіатскимъ степямъ. Слѣдовательно здѣсь соприкасаются между собою страны: горная, низменная и степная. Конечно это положеніе имѣло вліяніе на этнографическія свойства и на самый ходъ исторіи страны. При этомъ надо прибавить, что климатъ Галичины, относительно, суровый, но здоровый, почва плодородная, способная къ произрастанію всякаго зерноваго хлѣба и фруктовыхъ деревъ, земля богата лѣсами и пастбищами и изобильна необходимѣйшими минералами, преимущественно солью. Народъ обладаетъ вѣрнымъ тѣлосложеніемъ, бодръ и способенъ къ раз-

*) Die Russen in Galizien, Bukovina und Nord Ungarn ist in sprachlicher und historischer Hinsicht noch eine — *terra incognita*. (J. P. Schafarik, «Geschichte der slavische Sprache und Literatur», Ofen, 1826, стр. 141.)

виту и образованію; притомъ онъ права тихаго, добродушенья и исполненъ глубоко-поэтическаго настроенія духа, что свидѣтельствуется множествомъ народныхъ пѣсень всякаго рода и преданіями старины. Жители этой страны носятъ названіе *рускихъ* (русиновъ или русняковъ) и хранятъ въ цѣломъ своемъ житѣ-бытѣ печать родового и племенного единства. Они издревле исповѣдывали православіе и только въ половинѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій совращены были въ униатство, за исключеніемъ 180,000 душъ въ Буковинѣ, которые, подъ защитой Молдавіи, остались вѣрны православію.

Русская народность вмѣстѣ съ русскимъ православіемъ привилась и образовалась въ Галичинѣ еще въ древнія времена равноапостольнаго князя Владимира и окрѣпла подъ правленіемъ собственныхъ князей своихъ, сперва — Ростиславичей, а затѣмъ Ярослава Осмомысла, Романа, Данила и Льва, когда, по словамъ пѣвца «Слова о полку Игоря», Угорскія горы подпирались желѣзными полками доблестныхъ князей русскихъ. Исторія Червонной Руси исполнена многихъ свѣтлыхъ страницъ, дополняющихъ дѣянія древней Руси. Ея князья доблестно отстаивали этотъ норубежный уголъ Русской Земли отъ посягательства сосѣднихъ поляковъ и мадьяръ. Впрочемъ, какова бы ни была судьба Галицкой Руси во время ея самостоятельности, во всякомъ случаѣ страна жила своей собственной жизнью, безъ чуждаго наноса, имѣла своихъ русскихъ князей и владыкъ и исповѣдывала свободно православную вѣру своихъ отцовъ. Этотъ періодъ народнаго быта, продолжавшійся около четырехъ столѣтій, живетъ до-сихъ-поръ въ памяти народа и составляетъ главную канву его пѣсень и преданій. Первоначальное устройство Галицкой Руси въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ представляло столько общихъ чертъ національности Русской Земли, что въ этотъ періодъ не можетъ быть и рѣчи объ особой галицко-русской народности или галицкой письменности. Ни самостоятельное, независимое положеніе Галицкаго княжества, ни географическое обособленіе на рубежѣ Русской Земли, ни постороннія вліянія сосѣдей не могли разъединить ее съ остальной Русью. Червонная Русь соединена была съ ней общимъ ходомъ правленія, общей іерархіей духовной, общою славяно-русскою письменностію, общимъ русскимъ языкомъ и общими національными преданіями.

Съ половины XIV вѣка все измѣнилось. Разслабленное внутренними смутами и татарскимъ нашествіемъ, Галицкое княжество не могло долге оставаться независимымъ. Польскій король Казиміръ, воспользовавшись престѣченіемъ князей Рюрикова дома, завладѣлъ древне-русскими городами Перемишлемъ, Львовомъ, Галичемъ и другими и утвердилъ власть Польши во всей Землѣ Галицкой. Поляки отменили прежніе законы и прежнее устройство княжества. Подавляемая польскимъ вліяніемъ, Галицкая Русь навсегда потеряла свою автономію въ управленіи и въ общественной жизни; польскій языкъ, польскіе обычаи, польская образованность смѣнили русскую жизнь — сперва между боярами, совращенными въ католичество, а затѣмъ и въ среднемъ сословіи. Начался второй періодъ въ исторіи Галицкой Руси — періодъ польскаго владѣнства и католическо-шляхетскаго гнѣта. И этотъ гнѣтъ былъ въ Галичинѣ гораздо тяжелее, чѣмъ въ другихъ областяхъ южной и югозападной Руси, которая, подчинившись литовско-русскимъ князьямъ, уже затѣмъ присоединилась къ Польшѣ на извѣстныхъ условіяхъ и взаимныхъ соглашеніяхъ. Напротивъ того, перемишльская и галицкая земли считались завоеваннымъ краемъ, и польскій король, именуя себя *haeres et dominus Russiae*, распоряжался въ ней какъ самодержавный властитель. На томъ же основаніи, при самомъ началѣ утвержденія поляковъ въ Галичинѣ, введены были польскіе законы и латинскій и Польскій языки въ администрацію и судопроизводство, между-тѣмъ какъ литовско-русскія области управлялись своимъ статутомъ и русскій языкъ признавался правительственнымъ языкомъ. Русская львовская епархія была оставлена вакантною и подчинена особымъ намѣстникамъ (перѣдко мірскимъ людямъ или римско-католическимъ архіепископамъ); города и мѣстечки были отданы на жертву евреямъ. Политическое положеніе и общественныя отношенія повліяли на русскую народность и письменность: русскій языкъ сталъ языкомъ подчиненнымъ и, мало-по-малу, былъ вытѣсненъ изъ боярскихъ дворовъ въ сельскія хаты, такъ-что первоначальныя черты русскаго характера, обычаевъ, языка, поэзій и преданій сохранились только въ простомъ народѣ, то-есть въ низшемъ классѣ, который не имѣлъ голоса ни въ политической, ни въ общественной жизни.

Не смотря на все это, сельское населеніе осталось вѣрнымъ русской народности. На всемъ

пространствѣ своей земли оно называетъ свою страну Русью, себя — народомъ русскимъ, свою вѣру — русскою. Имя Руси до того неотъемлемо отъ Галицкой Земли, что даже польская администрація называла ее не иначе, какъ Червонною Русью или просто Русью. Галичане никогда не прерывали своихъ сношеній со смежными русскими областями и участвовали во всей духовной и литературной дѣятельности южной и югозападной Руси; они участвовали въ составленіи тѣхъ схоластическихъ сочиненій, въ стихахъ и въ прозѣ, которыя заключали въ себѣ литературу другихъ странъ Малой и Бѣлой Руси. Львовское Ставропигиальное братство сдѣлалось, съ конца XVI столѣтія, такимъ же центромъ православно-русскаго образованія и литературной дѣятельности, какими были Острожская и затѣмъ Киевская академіи. Памва Беринда, Лаврентій Зизаній, Іовъ Борецкій и другіе равно дѣйствовали въ пользу русскаго православія какъ въ Кіевѣ и въ Вильнѣ, такъ и во Львовѣ.

Въ теченіе этого періода (1350—1772) Галицкая Русь не въ силахъ была произвести ни одного сочиненія, которое было бы истиннымъ выраженіемъ самостоятельной мысли и народной жизни. Самъ языкъ, потерявъ свою первоначальную чистоту въ книжномъ употребленіи, подвергся вліянію церковнаго и польскаго языковъ, въ слѣдствіе чего потерялъ самую возможность проявлять настоящія народныя формы въ изящномъ видѣ. Единственнымъ выраженіемъ народной жизни и народнаго духа оставались народныя пѣсни и преданія, нигдѣмъ не замѣчательныя, нигдѣмъ не собираемыя, какъ и самъ народъ среди схоластической уюности остался единственнымъ хранителемъ и блюстителемъ роднаго языка. Но, несмотря на всю свою твердость, подавляемій тройнымъ гнѣтомъ — польщины, католичества и иудовства — галицкій народъ не могъ добиться не только правъ народныхъ, но и чело-вѣческихъ.

Въ такомъ состояніи перешла Галицкая или Червонная Русь подъ владѣтельство Австріи. Рухнуло дряхлое зданіе шляхетско-польской республики, терзаемой домашней неурядицей и католическимъ фанатизмомъ. Развалины Польши подѣлены были новыми границами и вмѣсто привилегированной шляхетско-польской націи явились народы, исконные обитатели земли. И Галицкая Русь появилась изъ-подъ этихъ развалинъ. Австрія приобрѣла Галицію на основаніи какихъ-то мни-

мыхъ правъ угорской короны на бывшія Галицкое и Владимірское княжества; но она приняла галицко-перемышльскую землю не въ качествѣ русской области съ живучею и развитою народностью, а въ видѣ полупольской провинціи, въ которой русскій народъ былъ поработченъ, униженъ, задавленъ и едва подавалъ признаки жизни. По тогдашнему понятію, русскіе, не имѣя дворянства — не имѣли представителей и защитниковъ народныхъ правъ и интересовъ. Актъ раздѣла Польши и подданства австрійскому государю подписали одни поляки, такъ-какъ о русскихъ вельможахъ и боярахъ въ Галичинѣ уже и помину не было. Въ ту пору не было ни богатыхъ горожанъ, ни промышленниковъ; промыслы и ремесла стояли на низкой степени, а вся торговля находилась въ рукахъ евреевъ. Что же касается крестьянъ, то они по большей части находились въ крѣпостной зависимости — бѣдные, загнанные, неразвитые.

Не смотря на то, нѣмцы замѣтили русскую народность въ новоприобрѣтенномъ краѣ и умѣли воспользоваться ею для обезпеченія своей власти. Австрійское правительство оказало покровительство пограничному русскому народу, особенно духовному сословію, имѣвшему большое вліяніе на народъ. Австрійскіе законы и административные порядки оказались многимъ лучше прежняго польскаго хозяйства: за крестьянствомъ признана была личная свобода и право владѣнія; дѣтямъ крестьянскаго сословія открытъ доступъ въ общественныя школы, даже въ университетъ. Въ австрійскихъ школахъ сынъ крестьянина (хлопа) или священника (поповичъ) пользовался такими же правами и преимуществами какъ и шляхтичъ. Въ гражданскую службу принимались люди изъ всякаго сословія, коль скоро они окончили съ хорошимъ успѣхомъ установленный курсъ наукъ. Образованные дѣти русскаго духовенства, а также молодые люди изъ мѣщанъ и крестьянъ оказались для правительства болѣе пригодными для службы, чѣмъ польскіе шляхтичи, вѣчно мечтавшіе объ *отбудованніи ойчизны* и возвращеніи прежней воли. Значеніе русскаго духовенства возвысилось тѣмъ, что его въ гражданскихъ дѣлахъ признали подсуднымъ дворянской палатѣ наравнѣ съ римско-католическимъ. Съ 1783 года была учреждена первая духовная семинарія и введено преподаваніе философскихъ и богословскихъ наукъ на русскомъ языкѣ, а черезъ нѣсколько лѣтъ чтеніе этихъ двухъ предме-

товъ, раздѣленныхъ на два курса, было перенесено во Львовскій университетъ. Русская интеллигенція сильно развилась. Русскіе галичане образовали столько докторовъ богословія, что были въ состояніи замѣстить ими кѣедры въ богословскомъ факультетѣ Львовскаго университета, на которыхъ преподаваніе велось не только на русскомъ, но и на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Съ 1787 года философскіе и физико-математическіе предметы въ Львовскомъ университетѣ также стали преподаваться двумя профессорами изъ Угорской Руси на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Юридическій факультетъ тоже имѣлъ одного преподавателя, читавшаго на русскомъ языкѣ.

Впрочемъ, это успѣшное развитіе книжнаго образованія продолжалось не долго и не принесло русской народности ожидаемыхъ плодовъ, такъ-какъ австрійскія власти, повидимому, поддерживали русскую народность въ Галиціи для того только, чтобы противодѣйствовать стремленію польскаго элемента къ Варшавѣ. Какъ скоро, послѣ второго раздѣла Польши, этотъ центръ очутился въ рукахъ Пруссіи и имя Польши вычеркнуто было изъ карты Европы, австрійцы отвернулись отъ русскихъ, и затѣмъ, вмѣстѣ съ поляками, стали подавлять русскую народность. Русскія кѣедры были упразднены и замѣнены латинскими и польскими; профессора вышли въ отставку. Заслуженный профессоръ Петръ Дмитріевичъ Лодій эмигрировалъ въ Россію и съ 1805 года принялъ должность профессора въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Вся надежда на возрожденіе русской народности исчезла.

Впрочемъ, были и другія причины малаго успѣха русской письменности подъ австрійскимъ владычествомъ. Во-первыхъ, Галицкая Русь, очутившись подъ австрійскимъ правительствомъ, была оторвана отъ общей русской жизни. Послѣ присоединенія смежныхъ областей—Волини, Подолья и Украйны—къ Россіи и православію, униатская Галичина осталась одинокою, какъ вѣтвь отторгнутая отъ своего родного корня и насильно посаженная въ чужую почву. По этой причинѣ, очевидно, и науки, преподаваемые въ школахъ, не были плодотворны для русской литературы и народнаго образованія. Да и молодежь не получала надлежащей подготовки на родномъ языкѣ въ низшихъ училищахъ, такъ-какъ тогдашнія училища служили только къ распространенію нѣмецкаго языка. Наконецъ, польское общество, особенно духовенство, съ завистію смотрѣло на рус-

скія школы и всякими средствами старалось чернить и унижать какъ преподавателей, такъ и слушателей предъ лицомъ общественнаго мнѣнія. Послѣ политическаго поворота австрійскаго правительства, эта завистливость превратилась въ полную ненависть и явное гоненіе всего, что называлось русскимъ. Самыя слова: *Русь, русскій языкъ* сдѣлались предосудительными, и нѣмцы замѣнили ихъ словами: *Рутенія, рутенскій (русинскій) языкъ*. При всѣхъ усиліяхъ патриотовъ, просвѣщеніе русскаго народа не подвинулось ни на шагъ впередъ. Ихъ старанія принесли ту единственно пользу, что подготовили новое поколѣніе поборниковъ и защитниковъ русскаго народа и русской вѣры *).

Русскіе передовые люди пытались нѣсколько разъ водворить русскій языкъ въ народныхъ школахъ, чтобы вывести народъ изъ его нравственной апатіи, развить и скрѣпить русскую народность и спасти ее отъ посягательствъ колонизма и католичества, но они встрѣчали непреодолимыя препятствія въ польскомъ обществѣ, католическомъ духовенствѣ и нѣмецкой бюрократіи. Митрополитъ Михаилъ Левицкій сдѣлалъ представленіе о необходимости введенія русскаго языка въ сельскія школы, но получилъ рѣшительный отказъ со стороны львовскаго губернскаго управленія, а въ отвѣтъ на горячій протестъ противъ сказаннаго рѣшенія, написанный каноникомъ Иваномъ Могильницкимъ, послѣдовала резолюція правительства (1816), въ которой было сказано, что, по политическимъ причинамъ, не слѣдуетъ поддерживать галицко-русскій языкъ, такъ-какъ онъ ничто иное какъ говоръ русскаго языка.

Такимъ образомъ, галичане, лишонные школъ и всякихъ средствъ къ обработкѣ родного языка, обречены были на пассивное созерцаніе окружающихъ ихъ событій, переворотовъ въ мнѣніяхъ и вкусахъ, споровъ такъ-называемыхъ классиковъ съ романтиками и разныхъ толковъ о народности и народной литературѣ. Законы, литература, обычаи, вкусъ — все окружающее образованнаго русскаго галичанина было чуждо его народности: все было иностранное. Но среди того омута чужеземщины самая живучесть народности, оригинальныя особенности, богатство преданій и поэтическое творчество народа не допустили подавить и стереть народныхъ особенностей, а побуждали

*) «Науковий Сборникъ», изд. Обществомъ Галицко-Русской Матицы. Львовъ, 1865, стр. 4—103.

къ возрожденію и вызывали къ обновленію народной письменности. Наконецъ, хотя съ трудомъ, удалось добиться согласія правительства на введеніе русской грамоты въ наши народныя училища, причемъ было издано нѣсколько книжекъ на народномъ языкѣ, для обученія крестьянскихъ дѣтей.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ польскіе учоные, разсуждая о народной поэзіи, обратили вниманіе на русскія пѣсни въ Галичинѣ, а Ходаковский, Вацлавъ Загѣскій и другіе стали явно предпочитать русскія народныя пѣсни своимъ собственнымъ, которыя и по содержанію и по формѣ стоятъ далеко ниже галицкихъ. Это обстоятельство еще болѣе ободрило и поощрило молодыхъ людей и дало имъ новыя силы къ самостоятельной обработкѣ народнаго нарѣчія. Народныя пѣсни и «Эпенда» Котляревскаго представили примѣръ и готовыя формы поэзіи. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ русскіе въ Галичинѣ владѣли польскимъ языкомъ гораздо свободнѣе, чѣмъ своимъ собственнымъ и потому успѣхи ихъ на литературномъ поприщѣ могли быть и лучше и обширнѣе, если бы они стали писать по-польски; но писать на этомъ языкѣ значило бы вступить въ ряды польской литературы, польской духовной жизни, отказаться отъ права на самостоятельность и сдѣлать свой народъ составною частью польской народности. Одна мысль о томъ уже казалась обидною и даже преступною для молодыхъ дѣятелей: это значило бы отказаться на всегда отъ развитія родной рѣчи. Къ тому же, польская революція 1830 года показала всю противоположность стремленій и интересовъ Польши и Руси и вмѣстѣ съ тѣмъ показала всю необходимость противопоставить русскій языкъ и русскую литературу польскому языку и польской литературѣ.

При такихъ обстоятельствахъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ составилса между русскими студентами Львовскаго университета небольшой кружокъ, съ цѣлью возрожденія галицко-русской литературы. Къ этому кружку примкнули и пишущій эти строки — и вскорѣ сдѣлалса однимъ изъ его руководителей. Пятнадцати-милліонный малорусскій народъ — разсуждали мы — достаточно отдѣляется отъ другихъ славянскихъ племенъ — не исключая и великорусскаго — языкомъ, нравами и другими особенностями и потому малорусское племя имѣетъ право на полное выраженіе своихъ народныхъ особенностей, то-есть на созданіе особой литературы. Примѣръ другихъ славянъ

подкрѣплялъ насъ въ томъ мнѣніи, которое поддерживалъ такой авторитетъ, какъ Копитаръ, заявившій, что у славянъ каждое нарѣчіе должно образовывать свою литературу, какъ у древнихъ грековъ, и съ бѣльшимъ правомъ чѣмъ у грековъ, которые, недостигая числа населенія одного изъ нинѣшнихъ славянскихъ нарѣчій, образовали четыре эллинскихъ діалекта. Не смотря на наши скудныя знанія по части народнаго языка, мы начали писать на немъ стихи и статьи, съ твердою рѣшимостью создать галицко-русскую народную литературу. Затѣмъ, чтобы освятить задуманное дѣло чѣмъ-нибудь торжественнымъ, мы приняли славянскія имена, давъ себѣ честное слово подъ принятымъ именемъ писать и дѣйствовать на пользу народа и во имя возрожденія народной словесности. Явились: *Русланъ* (Маркіанъ) Шашкевичъ, *Дамборъ* (Иванъ) Вагилевичъ, *Ярославъ* (Яковъ) Головацкій, впослѣдствіи къ нимъ присоединились: *Велимиръ* Лопатынскій, *Мирославъ* Илькевичъ, *Богданъ* (Иванъ) Головацкій и другіе. Собравъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ и написавъ нѣсколько статей въ стихахъ и прозѣ, вздумали мы, въ 1834 году, издать книжку, въ видѣ альманаха, подъ заглавіемъ «Заря», съ знаменательнымъ девизомъ: «Свѣти зоре на все поле, заколь мѣсяць зойде», а чтобы тѣмъ рѣзче отличить свое нарѣчіе отъ другихъ славянскихъ, по предложенію Шашкевича, принято было особое фонетическое правописаніе. Альманахъ предполагалось украсить изображеніемъ Богдана Хмельницкаго, на что получено было разрѣшеніе львовской цензуры. Съ рукописью было труднѣе. Такъ-какъ въ Галичинѣ не существовало въ то время цензора для русскихъ книгъ, то завязалса переписка съ полиціей, губернскимъ правленіемъ и центральнымъ вѣновскимъ правительствомъ. Толковали, разсуждали, разбирали, суетились и кончили, наконецъ, тѣмъ, что запретили печатаніе совершенно невинной книжонки строжайшимъ цензурнымъ приговоромъ. Этими рововымъ приговоромъ австрійское правительство не только запретило печатаніе безобидной книжки, но и осудило самое ее направленіе, въ слѣдствіе чего всѣ сочинители статей были поставлены подъ строгій полицейскій надзоръ. Мы увидѣли свое безвыходное положеніе, и, не желая оставаться подъ отеческимъ надзоромъ львовскаго правительства, разѣхались въ разныя стороны. Вагилевичъ уѣхалъ къ своему отцу въ деревню, Шашкевичъ вступилъ въ духовную ака-

деию, а я, третій сотрудникъ, стораю жаждою познакомиться съ славянами и славянскими литературами, отправился въ Кошицкую академію, а оттуда перешолъ въ Пештскій университетъ. Здѣсь я близко сошелся съ многими учеными словаками, сербами и хорватами, причѣмъ мы обмѣнялись нашими мнѣніями, желаніями и сѣтованіями о нашихъ общихъ нуждахъ. Мы, наконецъ, нашли тутъ, въ Венгріи, возможность напечатать (въ Будинѣ), въ 1837 году, сборникъ нашихъ сочиненій, подъ заглавіемъ «Русалка Днѣстровая», куда вошли почти всѣ статьи, находившіяся въ запрещенной «Зарѣ». Книжка была напечатана съ разрѣшенія угорской цензуры, но такъ-какъ въ тогдашнее время, касательно цензурныхъ постановленій, Угорщина считалась заграничною страной, то всѣ экземпляры «Русалки» должны были быть сданы въ львовскую цензуру. Тутъ повторилась прежняя исторія: начались придирки, слѣдствія, объясненія. По взаимному нашему соглашенію, Шашкевичъ и Вагилевичъ объявили, что они не принимали личнаго участія въ изданіи «Русалки»; я же принялъ всю вину на себя, причѣмъ объявилъ, что будучи въ Пештѣ въ университетѣ, я поручилъ рукопись моимъ друзьямъ-сербамъ передать ее въ тамошнюю цензуру и затѣмъ напечатать. Насъ, преступниковъ — хотя и не очень-то крупныхъ — помиловали; но надъ «Русалкою» былъ произнесенъ вторичный смертный приговоръ.

Между-тѣмъ мы, молодые друзья-товарищи, продолжали упражняться въ родномъ языкѣ, собирая народныя пѣсни и другія преданія. Мой сборникъ народныхъ пѣсенъ, съ помощью друзей, умножился до того количества, которое онъ теперь занимаетъ въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ».

Запрещеніемъ «Русалки» австрійское правительство въ третій разъ уничтожало усилія галичанъ возсоздать русскую словесность. Тѣмъ не менѣе народная жизнь проявлялась, но лишь одиночными литературными произведеніями. Иосифъ Левицкій переводилъ разныя баллады Гёте и Шиллера и печаталъ ихъ въ Перемишлѣ (1838—1844); Ильковичъ издавалъ свои «Галицкія народныя пословицы и загадки» (Вѣна, 1841); появилось нѣсколько грамматикъ: Левицкаго (Перемишль, 1836 — на нѣмецкомъ и 1845 — на русскомъ языкѣ), Вагилевича (Львовъ, 1845) и Иосифа Лозинскаго (Перемишль, 1841); издано было нѣсколько сборниковъ народныхъ пѣсенъ:

Вацлава Загѣскаго (1833), Жеготы Паули (1839—1840) и Лозинскаго (1835). Лозинскій предложилъ было замѣну русскаго алфавита латинскимъ, но эта мысль, поддерживаемая поляками, была побѣдоносно опровергнута статьями Левицкаго и Шашкевича, что побудило самого Лозинскаго отказать отъ своего проекта въ пользу кириллицы. Но этимъ исчерпывается литературная дѣятельность русскихъ галичанъ до 1848 года.

Насталъ 1848 годъ: 7 (19) марта провозглашена была во всей Австріи конституція, а 3 (15) мая послѣдовало освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и провозглашена равноправность и полная свобода для всѣхъ народностей, населяющихъ имперію. Русскіе, почувствовавъ себя освобожденными отъ долготѣлаго рабства, стали сбираться съ силами и напрягать ихъ, чтобы не остаться позади другихъ народностей и занять свое мѣсто.

Съ 1848 года стала выходить въ Львовѣ первая червонно-русская политическая газета «Зоря Галицка», взявшая на себя защиту правъ русскаго народа. Тогда же были устроены въ Львовѣ: политическій клубъ (Русская Рада), для посредничества между народомъ и правительствомъ, и литературное общество (Галицко-Русская Матица), а также учреждены: каеэдра русскаго языка и литературы въ Львовскомъ университетѣ и введено преподаваніе русскаго языка во всѣхъ гимназіяхъ восточной Галичины. Закипѣла небывалая дѣятельность, возникли новыя надежны. Каждый годъ стало выходить больше сочиненій, чѣмъ до того времени было издано въ продолженіе пѣлаго вѣка. До 1848 года русскіе довольствовались введеніемъ русскаго языка въ народныя школы и употребленіемъ его въ популярныя сочиненія и беллетристикѣ, такъ-какъ сами даже русскіе патриоты считали родное нарѣчіе пригоднымъ только какъ средство для преподаванія простому народу первоначальныхъ свѣдѣній; но послѣ провозглашенія равноправности стали для него требовать всѣхъ правъ развитога языка — введенія его въ школы, въ судопроизводствѣ и въ общественной жизни. Конечно, русскіе не чувствовали въ себѣ достаточныхъ для этого силъ; но они рассчитывали на поддержку правительства, рассуждая такъ: если поляки и мадьяры соединятся въ рыаной оппозиціи противъ правительства, то немногочисленные нѣмцы въ Галичинѣ и Угріи, не будучи въ силахъ одолѣть ихъ, будутъ всегда нуждаться въ пособіи предан-

шей правительству национальности; слѣдовательно, они должны поддерживать русскихъ, если только русскіе съ своей стороны будутъ держать сторону правительства. И точно, до подавленія угорской революціи *русской арміей*, правительство поддерживало русскихъ галичанъ. Когда въ 1849 году поляки потребовали немедленнаго введенія польскаго языка въ школахъ, вмѣсто русскаго, и въ администраціи, вмѣсто нѣмецкаго, то нѣмцы не преминули признать, что русскій языкъ долженъ получить тѣ же самыя права, какъ польскій; но въ Вѣнѣ министры рѣшили иначе: «такъ-какъ русскій языкъ еще не вполне развитъ (?) и русскіе не имѣютъ возможности занять всѣ должности, то пусть останется нѣмецкій языкъ, пока русскіе не составятъ учебниковъ и не подготовятъ людей способныхъ занять мѣста учителей и чиновниковъ.» Такимъ образомъ нѣмцы застраховали себѣ свои мѣста и заградили къ нимъ дорогу русскимъ. Между-тѣмъ русскіе галичане, достигнутые 1848 годомъ безъ подготовки въ своемъ языкѣ, полуграмотные, начали писать по-русски какъ попало, питааясь надеждой, что современемъ естественнымъ ходомъ выработается правильный письменный языкъ.

Передовые люди видѣли, что галицко-русская письменность должна слиться съ русскою, но немногіе дерзали выступить явно съ этимъ мнѣніемъ, боясь потерять довѣріе и поддержку правительства. Графъ Стадіонъ еще въ 1848 году сказалъ: «если галицко-русскій языкъ и *россійскій* одинъ и тотъ же, то мнѣ лучше поддерживать поляковъ.» Со времени назначенія графа Голуховскаго намѣстникомъ во Львовѣ, поляки тѣмъ усерднѣе начали противудѣйствовать русскому дѣлу. Уже въ 1849 году правительство противопоставило народному органу «Зарѣ» свою газету, которая сначала издавалась во Львовѣ, а съ 1850 года стала печататься въ Вѣнѣ кирилловскимъ шрифтомъ. Стѣснительныя мѣры правительства принудили русскихъ въ 1854 году закрыть русскій клубъ въ Львовѣ и превратить «Галицкую Зарю» изъ политической газеты въ литературный журналъ. Расчоты галичанъ, что поляки никогда не перестанутъ волновать Австрію, которая, не будучи въ состояніи одна поддѣлать ихъ революціонныя вспышки, всегда будетъ нуждаться въ русскихъ галичаныхъ, оказались неосновательными. Когда князь Шварценбергъ *удивилъ міръ австрійской неблагодарностью* и поляки стали на сторону Австріи противъ

Россіи, то австрійскій патриотизмъ русскихъ галичанъ не могъ подавить внутренняго чувства и племенного сродства — и австрійцы убѣдились, что, въ случаѣ столкновенія съ Россіей, нельзя будетъ сдѣлать изъ русскихъ галичанъ покорное орудіе австрійской политики. Съ-тѣхъ-поръ правительство начало еще сильнѣе угнетать и оскорблять русскихъ — и безпрестанными обидами довело ихъ до полнаго отреченія отъ солидарности съ Австріей. Это выразилъ одинъ изъ передовыхъ галичанъ въ 1866 году (послѣ сраженія подъ Садовой), выступивъ въ «Словѣ» съ положеніемъ, что русскіе галичане и малоруссы одинъ и тотъ же народъ съ великороссіянами, что они составляютъ одну національность по происхожденію, по исторіи, по вѣрѣ, по языку и литературѣ; и никто не превословилъ и не возражалъ ему, кромѣ заклятыхъ украинофиловъ и поляковъ.

Впрочемъ, начало двухъ русскихъ народностей еще до-сихъ-поръ смущаетъ умы галицкихъ украинофиловъ, которые, поддерживаемые поляками, сдѣлались политической партіей, враждебной Россіи. Еще въ 1848 году польская партія пыталась создать особый польско-русскій органъ и начала издавать «*Ruskij Dziennik*», но, потерпѣвъ полное фіаско, разсѣялась, а прельщонный ею редакторъ, И. Вагилевичъ, предавшійся полякамъ, перешолъ въ протестанство, въ которомъ и умеръ. Послѣ того украинофилы заявляли свою жизнь отъ времени до времени, среди игры политическихъ партій, изданіями, каковы: «Вечерницы» (1862 — 1863), «Мета» (1864 — 1865), «Нива» (1865), «Русь» (1866) и, наконецъ, «Основа» (1871). Нѣмцы и поляки на перерывъ стараются разными подложными теоріями затемнить здравый смыслъ народа въ его понятіяхъ объ единствѣ его съ Великою Русью въ исторіи, языкѣ и литературѣ, заманивая неопытныхъ въ сѣти малорусскаго, украинскаго и польско-русскаго партикуляризма. Еще въ недавнее время въ воображеніи издателей «*Метъ*» мерещилась утопія самостоятельной *Холландіи* и малорусской литературы. Есть, впрочемъ, люди, которые служатъ и нашимъ и вашимъ. Ксенюфонъ Климковичъ, бывший издатель «*Метъ*» и сотрудникъ органа Голуховскаго «*Русь*», отрекся-было въ 1867 году отъ украинофильства и въ «*Славянской Зарѣ*» ревностно защищалъ русскіе принципы, а теперь опять предался извѣстному въ Галиціи дѣтелю Лавровскому и издаетъ полонофильскую «*Основу*». Люди предавшіеся врагамъ Руси, морочимые нѣмцами и поляками,

морочать самих себя и других, а народу и наукѣ не въ состояніи, разумѣется, принести никакой пользы.

Разсудительные люди изъ галичанъ признають одну русскую народность и одну русскую литературу. Изъ этой среды вышли лучшія сочиненія и изданія галицко-русской письменности, какъ-то: А. Петрушевича: «Историческія изслѣдованія», напечатанныя въ «Галицкомъ Историческомъ Сборникѣ» (1854—1860) и въ «Науковомъ Сборникѣ» (1865—1869); Д. Зубрицкаго: «Исторія Галицко-Русскаго Княжества» (1852—1854) и его же «Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ» (1855); В. Дѣдицкаго: статьи и стихи въ «Галицкой Зарѣ» (1852—1855) и въ «Отечественномъ Сборникѣ» (1856—1857); его же «Конюшій», повѣсть въ стихахъ (1853) и «Буй-Туръ Всеволодь», поэма, (1860); «Семейная Библиотека», журналъ, изд. Шеховичемъ (1855—1856); «Русская Анеологія или выборъ лучшихъ поэзій» (1854); «Поэзіи Николая Устіановича» (1860); «Поэзіи Іоанна Гушалевича» (1861); его же «Цвѣты наддѣстриянской Левады» (1853) и мелодрамы: «Погоряне» и «Сельскіе пленнопотенты» (1870); «Поэзіи Іосифа Федьковича» (1862); «Повѣсти и пѣсни Івана Наумовича» (1861); «Гостина на Украинѣ», поэма Николая Лесѣбѣвича (1862) и его же «Спѣвакъ изъ Полѣсья» (1861) и прочее. По части исторіи слѣдуетъ указать на «Исторію Галицко-Владимірской Руси по 1453 годъ» (Львовъ, 1863) и «Изслѣдованія на полѣ отечественной исторіи и географіи» (1869) Исидора Шараневича. Въ новѣйшее время защиту единства русскаго языка вела газета «Слово», но всего успѣшнѣе ратоборствовалъ въ этомъ направленіи Осипъ Николаевичъ Ливчакъ въ своемъ юмористическомъ изданіи «Страхопудъ», съ прибавленіемъ «Золотой Грамоты», и въ своемъ журналѣ «Славянская Заря», издававшемся въ Вѣнѣ въ 1867 и 1868 годахъ. Сюда принадлежатъ также изданія дѣятелей Угорской Руси: Александра Духновича, Іоанна Раковскаго и другихъ. Угорская Русь не соблазнялась ни партикуляризмомъ мѣстнаго нарѣчія, ни украинофильствомъ, ни кулишовкой, а старалась употреблять чистый русскій языкъ. Назовемъ важнѣйшія изданія угорскихъ русскихъ; это: «Поздравленіе Русиновъ», альманахъ на годы 1851 и 1852; «Церковная Газета», изд. І. Раковскимъ (1856—1857); «Учитель» (1867); «Свѣтъ»,

литературная газета (1867—1871); русскія грамматики А. Духновича (1852), Кирилла Сабова (1865) и другихъ.

Наконецъ, есть въ Галичинѣ партія строго правительственная, партія лицъ по служебной зависимости или по убѣжденію — пытавшаяся образовать что-то среднее между простонароднымъ галицко-русскимъ нарѣчьемъ и письменнымъ русскимъ языкомъ. Это направленіе поддерживали австрійскіе чиновники Григорій Пашкевичъ и Юлій Быслободскій. Эти господа, повинуенію правительства, приняли письменный языкъ галицкій, такъ сказать, подъ свой контроль, наблюдал, чтобы формы языка не выступали изъ круга провинціального говора и чтобы по возможности различались даже правописаніемъ отъ общерусскаго языка. Они слѣдили за Зубрицкимъ, Духновичемъ, Дѣдицкимъ, Раковскимъ и другими и простерли свое усердіе до того, что въ 1859 году графъ Голуховскій, съ докторами Евсевиємъ Черкасскимъ и Іосифомъ Иречкомъ, покусились было уничтожить кирилловскія буквы и замѣнить ихъ латинскими. Правда, намѣреніе это не устояло противъ единогласнаго протеста всего русскаго народа, но, тѣмъ не менѣе, оно произвело большое смущеніе въ обществѣ и опять затормозило правильный ходъ развитія литературы. Послѣ тяжелыхъ ударовъ и разочарованій, русскіе убѣдились, что имъ нельзя полагаться ни на Австрію, ни на поляковъ, что для нихъ нѣтъ спасенія ни въ австрійской федераціи, ни въ польской униі. Только немногіе честолюбцы, какъ Лавровскій, применили къ украинофиламъ; всѣ прочіе стоятъ за единство русскаго языка и русской литературы.

При такомъ хаотическомъ волненіи всякихъ элементовъ не удивительно, что плоды этой молодой литературы недоспѣваютъ, что въ пѣсняхъ галицкихъ поэтовъ часто слышатся фальшивые тоны, что вообще галицкіе писатели мало производительны, и направленіе ихъ нерѣдко сбивчивое, колеблющееся, зависящее отъ политическаго настроенія и разныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Но во всякомъ случаѣ должно сказать, что въ настоящее время русская народность въ Галичинѣ проявляетъ нѣкоторую умственную и литературную жизнь; а не такъ давно и этого не было.

Я. Головацкій.

ЧЕРВОННОРУССКІЕ ПОЭТЫ.

М. ШАШКЕВИЧЪ.

Маркіанъ Шашкевичъ родился въ 1811 году въ селѣ Княжемъ, около Золочева, въ Галиціи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. По окончаніи гимназическаго курса, онъ вступилъ въ число студентовъ Львовскаго университета, въ которомъ въ короткое время хорошо ознакомился съ литературами латинской, нѣмецкой, польской и древне-славянской. Но все это не могло удовлетворить пытливаго духа Шашкевича, пока не попались ему въ руки «Энеида» Ботляревскаго, «Украинскія пѣсни» Максимовича и «Малороссійская Грамматика» Павловскаго. Эта находка разомъ перевернула всѣ идеи Шашкевича и какъ бы открыла передъ нимъ новый міръ и указала ему новый путь. Онъ задумалъ создать галицкую словесность, для чего ревностно принялся за изученіе своего языка и исторіи русскаго народа; затѣмъ, сталъ собирать народныя пѣсни, изучать обычаи и обряды народа, разбирать старыя рукописи и другія памятники старины. Кромѣ того Шашкевичъ съумѣлъ повліять и на другихъ, вразумить и научить ихъ, такъ-что скоро вокругъ него образовался цѣлый кружокъ молодежи, горячо сочувствовавшей его идеи. Окончивъ курсъ философіи, Шашкевичъ вступилъ на богословскій факультетъ. Около этого времени появился въ печати его первый литературный трудъ: «Диѣстровая Русалка», отпечатанная на 1837 году въ Будинѣ. Затѣмъ, онъ издалъ «Читанку» для русскихъ народныхъ школъ. Но главнѣйшимъ призваніемъ Шашкевича была—поэзія, и потому два собранія его стихотвореній, изданныхъ имъ подъ названіемъ

«Думи» и «Псалмы Руслановы», ставятся галичанами выше всего, написаннаго имъ въ теченіе своего литературнаго поприща. И дѣйствительно думы Шашкевича отличаются неподдѣльнымъ чувствомъ и глубокою грустью—этой отличительной чертой народной галицкой поэзіи. Многія изъ его пѣсенъ перешли въ народъ. Кромѣ того, онъ перевелъ на галицкій языкъ «Краледворскую рукопись», нѣсколько сербскихъ пѣсенъ и отрывки изъ польской поэмы Гоцинскаго «Коневскій Замокъ». Шашкевичъ умеръ въ 1843 году.

ТОСКА ПО МИЛОЙ.

Вѣть вѣтеръ изъ-за лѣсу,
Вѣть легкокрылый;
Ты скажи мнѣ, тихій вѣтеръ,
Чтѣ съ моею милой?

Весела ль она, здорова ль,
Все ли розой рдѣеть?
Или плачетъ и тоскуеть,
Личико блѣднѣеть?

Охъ, я сохну и тоскую,
Слѣзы проливаю;
Схоронивъ свои надежды,
Радостей не знаю.

О, когда бы могъ я взвиться
Пташкой легкокрылой
И тоску мою развѣять
На груди у милой!

Я летать бы, я летать бы
Днемъ и середь ночи,
Чтобы вдоволь насмотрѣться
Въ дорогія очи.

Я летать бы, я летать бы
По утрамъ туманнымъ,
Чтобъ натѣшиться, любуясь
Личикомъ румянымъ.

Я летать бы, я летать бы
Темными ночами,
Чтобъ натѣшиться, унитись
Сладкими рѣчами.

Но Господь мнѣ не далъ крыльевъ —
Горе только знаю —
И я чахну на чужбинѣ,
Чахну, умираю.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

Н. УСТИАНОВИЧЪ.

Николай Устиановичъ родился въ 1811 году въ мѣстечкѣ Николаевѣ, Стрийскаго округа, въ Галиціи. Образование свое онъ началъ въ гимназій и окончилъ въ Львовскомъ университетѣ, гдѣ прослушалъ полный курсъ философскихъ и богословскихъ наукъ. Въ 1835 году онъ написалъ первое свое стихотвореніе: «Слеза на гробѣ Михаила барона Герасевича», извѣстнаго всѣмъ въ Галиціи русскаго патріота, претерпѣвшаго величайшія гоненія со стороны поляковъ. Въ 1849 году онъ издавалъ въ Львовѣ единственный въ то время во всей Галицкой Руси политическій журналъ «Вѣстникъ», по запрещеніи котораго онъ оставилъ Львовъ и поселился снова въ своемъ приходѣ, селѣ Славскѣ, откуда сталъ высылать свои статьи и стихотворенія въ разныя повременныя изданія Галицкой Руси. I-я часть его поэтическихъ произведеній вышла въ Львовѣ, въ 1860 году, подъ заглавіемъ: «Поэзіи Николая Устиановича»; остальные его стихотворенія остаются разбросанными по разнымъ сборникамъ и періодическимъ изданіямъ, хотя они, быть-можетъ, болѣе чѣмъ всѣ остальные произведенія галицкой поэзіи, заслуживаютъ полного изданія. Многія изъ пѣсенъ Устиановича вошли въ народъ, въ томъ числѣ и тѣ двѣ, которыя помѣщены въ нашемъ изданіи.

I.

Д У М А.

Младенецъ спитъ, какъ божій день прекрасенъ,
Какъ лебедь чистъ, какъ зорька свѣжъ и ясенъ;
Въ его глазахъ — родныя небеса,
Въ щекахъ — садовъ полуденныхъ краса,
На гладкомъ лбѣ — печать ума и силы,
А въ сердцѣ — все, что только сердцу мило.

Склоняясь надъ нимъ, сидитъ руснячка-мать:
По злой тоскѣ легко ее узнать;
Склоняясь надъ нимъ, какъ бѣлый стволъ берѣзы,
Она роиаетъ пламенныя слѣзы
И нашу пѣсню русскую въ тиши —
Знакомый воли тоскующей души —
Надъ дремящимъ младенцемъ напѣваетъ
И словно тѣмъ отраду напѣваетъ.

Несчастливая, тоскующая мать!
Зачѣмъ такія пѣсни распѣвать:
Вѣдь наша пѣснь есть гробъ и запустѣнье,
А наша рѣчь — и срамъ и поношенье,
Родное сердце — вѣчная борьба,
А скорбь нѣмая — русская судьба.

Кто знаетъ, можетъ чистый твой птенецъ
Когда-нибудь проснется наконецъ,
Вздохнеть, залѣется горькими слезами
И душою подѣлится съ вѣтрами:
«Ахъ, лучше бъ русской пѣсни мнѣ не знать,
Не вѣдать сердца, доли не пытаться!»

Н. ГЕРВЕЛЬ.

II.

О С Е Н Ъ.

Пусто, глухо въ чистомъ полѣ,
Листья пожелтѣли,
Пышный цвѣтъ обили вѣтры,
Птицы улетѣли.

Тучи черныя на землю
Налегли тѣнами;
Непроглядные туманы
Говорятъ съ вѣтрами.

На горѣ калина долу
Вѣтви нагибаютъ;

Надъ Днѣстромъ душа-дѣвица
Слѣзы проливаетъ.

Ты чего, калина, тужинь,
Вѣтви нагибаешь?

Ты чего, душа-дѣвица,
Слѣзы проливаешь?

Аль краса твоя пропала?
Доля позабыла?

Нѣтъ родимой? аль кодуныя
Такъ приворожила?

«Нѣтъ, краса моя со мною;
Доля не забыла;

Есть родная, и кодуныя
Мнѣ не ворожила.

«Жаль весны мнѣ, что такъ скоро
Отцвѣла — пропала:

Нѣтъ того, кого любила,
Жарко цаловала!»

Н. Гервель.

А. МОГИЛЬНИЦКІЙ.

Антонъ Могильницкій родился въ 1811 году въ Подгорицахъ, Стрыйскаго округа, въ Галиціи. По окончаніи гимназическаго курса у базилианъ въ Бучачѣ, онъ прослушалъ курсъ философіи и богословія въ Кошицахъ и Львовѣ, послѣ чего былъ рукоположенъ въ священники. Онъ написалъ нѣсколько думъ, эпическую поэму «Скитъ Маливскій», «Повѣсть стараго Савы изъ Подгорья» и сатирическую поэму «Пѣснь пѣста». Въ настоящее время Могильницкій — членъ львовскаго Сейма и вѣнскаго Рейхсрата, гдѣ онъ горячо и рѣзко защищаетъ права русскаго народа въ Галичинѣ.

Д У М А.

Прежде такъ русинъ карпатскій
Безотрадно не вздыхалъ,
Потому-что жилъ счастливо
И печалей не знавалъ.

Но мать стастья той години
Въ темномъ гробѣ мирно спить:
Вспоминать о немъ не стану —
Жалею сердце вередить.

Солнце скрылось, что когда-то
Грѣло галицкій нашъ рай,
А невзгоды, словно тучи,
Обложили русскій край.

Какъ скопившіяся тучи
Шлютъ на землю градъ и громъ,
Такъ невѣрные вносили
Въ Землю Русскую погромъ.

Тамъ, гдѣ зорька утромъ рано
Занимается, оттолъ
Къ намъ вносила мечъ и пламень
Крыма алчущая голъ.

Русскій видѣлъ, какъ селенья
Лютый пламень пепелилъ,
Какъ татаринъ русской кровью
Землю Русскую поилъ.

Видѣлъ онъ, какъ божьи храмы
Хищный ворогъ разрушалъ,
Какъ дѣтей изъ отчей хаты
Онъ въ неволю угонялъ.

И старикъ-отецъ до смерти
Съ-той-поры все горевалъ:
Все дѣтей своихъ возврата
Изъ неволи поджидалъ.

Дни и ночи мать-старуха
Слѣзы горькія лила:
Погасить по милымъ дѣтямъ
Злой печали не могла.

Ой, жена лишилась друга,
Мужъ подругу потерялъ;
Дѣти плачутъ: лютый ворогъ
Въ плѣнъ родителей угналъ.

Заковавши плѣнныхъ въ цѣпи,
Врагъ скрывался безъ слѣда.
«Край родной, тебя мы снова
Не увидимъ никогда!»

Тщетно русскій на чужбинѣ
По отечеству вздыхаѣ,
Тщетно съ вѣтроми въ край родимый
Вопли сердца посылаѣ.

Всюду смерть и заустѣнье;
Люди прячутся въ лѣсахъ;
Звѣри трупы разрываютъ;
Всюду горе, плачь и страхъ.

Въ храмахъ божьихъ нѣту службы,
Не гудятъ колоколѣ,
И земля плода отъ семя —
Заустѣвши — не дала.

Лишь высокія могилы
Всюду висятъ, стоятъ,
И судьбу — по-хуже нашей —
Вспомнають и корятъ.

Н. Гервель.

Я. Ө. ГОЛОВАЦКІЙ.

Яковъ Өеодоровичъ Головацкій, одинъ изъ главныхъ представителей русской народности въ Галицкомъ краѣ, родился 29-го октября 1814 года въ селѣ Чепеляхъ, Злочевского округа, въ Галиціи. Первоначальное образование получилъ онъ въ Львовской гимназіи, гдѣ ознакомился съ языками польскимъ, нѣмецкимъ, русскимъ и чешскимъ; затѣмъ, слушалъ лекціи философій въ Кошицахъ и Пештѣ; здѣсь же изучилъ онъ основательно сербскій языкъ и ознакомился со всѣми остальными славянскими нарѣчьями. Образование свое закончилъ онъ, въ 1839 году, въ Львовскомъ университетѣ, гдѣ прослушалъ съ полнымъ успѣхомъ курсъ богословскихъ наукъ. Свободное отъ занятій время Головацкій посвящалъ литературѣ. Первымъ поэтическимъ произведеніемъ, съ которымъ онъ вышелъ на судъ публики, было стихотвореніе «Два вѣнка», напечатанное въ 1837 году въ альманахѣ «Русалка Днѣстровая», вскорѣ послѣ того запрещенномъ австрійскимъ правительствомъ за впервые употребленную въ немъ гражданскую печать, вмѣсто церковно-славянской, предписанной къ употребленію министер-

ствомъ, и вообще за русско-народное направленіе всѣхъ статей альманаха. Въ 1843 году Головацкій былъ рукоположенъ въ священники и получилъ мѣсто въ селѣ Хмѣлево, Чертовского округа, а въ 1848 году получилъ приглашеніе Львовскаго университета занять въ немъ кафедру русскаго языка и словесности. Головацкій еще въ 1833 году вступилъ въ тѣсный кружокъ молодыхъ русскихъ, старавшихся воскресить свою національную литературу, и съ того времени былъ душою этого благороднаго движенія, причемъ, по славянскому обычаю, принялъ имя Ярослава. Переселившись въ Львовъ, онъ дѣятельно принялся за пропаганду. Въ первый же годъ своего профессорства онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ всѣхъ русскихъ газетъ и журналовъ, выходившихъ въ то время въ Австріи, и началъ во-всеуслышанье проповѣдывать возрожденіе русской литературы и горячо отстаивать русскую народность противъ враждебныхъ происковъ поляковъ и нѣмцевъ. Скоро австрійское правительство стало восо смотрѣть на благородную дѣятельность почтеннаго учонаго, а польская партія, ненавидившая его уже за одно тѣ, что онъ занималъ кафедру русскаго языка, пустила въ ходъ всевозможныя средства, чтобы заставить его отказаться отъ занимаемой имъ кафедры. Но Головацкій, понимая всю важность занимаемаго имъ мѣста, оставался твердымъ. Съ назначеніемъ намѣстникомъ Галиціи Голуховскаго, одного изъ предводителей польской партіи, нападки эти усилились. Голуховскій объявилъ о существованіи панславистскаго заговора и хотѣлъ арестовать Головацкаго. Профессоръ подалъ жалобу въ министерство, а самъ отправился на московскую этнографическую выставку, что окончательно озлобило противъ него поляковъ и нѣмцевъ. Тогда Головацкій, не дожидаясь министерскаго рѣшенія, поѣхалъ въ Петербургъ — и 22-го декабря 1867 года былъ назначенъ председателемъ Коммисіи для разбора и изданія древнихъ актовъ въ Вильнѣ, съ переименованіемъ въ статскіе совѣтники. Вотъ болѣе-замѣчательныя сочиненія Головацкаго: «Думки», помѣщенные въ «Русалкѣ Днѣстровой» (1837) и «Вѣнкѣ» (1846 — 47); «Грамматика русскаго языка въ Галиціи» (1849); «Хрнстоматія церковно-славянская и древне-русская» (1854); «Очеркъ старо-славянскаго баснословія» (1860); «Львовская русская епархія сто лѣтъ тому назадъ» (1861); «Собраніе пѣсенъ народныхъ» (1868).

I.

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

Я блуждаю на чужбинѣ,
Стражду, погибаю;
По отчизнѣ ненаглядной
Сердцемъ изнываю.

Здѣсь сторонуща чужая,
Здѣсь чужіе люди:
И не злы, а еъ постороннимъ
Холодны ихъ груди.

Впрочемъ, будь они и добры —
Все же не родные;
Все мнѣ чуждо между ними,
Потому — чужіе.

Между гроздій виноградныхъ
Грустный я блуждаю,
Изъ чужбины въ край родимый
Думы посылаю.

Вспоминаешь ли меня ты,
Родина святая?
Какъ-то время коротаешь
Ты, моя родная?

Какъ бы рѣчь мою родную
Я хотѣлъ услышать,
Пѣсню спѣть — добыть изъ сердца,
Что любовью дышетъ!

Я спою вамъ наши пѣсни —
Всѣ, какія знаю —
Только голосъ мнѣ подайте
Изъ родного края.

Голосъ, точно колокольчикъ,
Въ сердце проникаетъ:
«Кто тебя уразумѣетъ,
Сердцемъ разгадаетъ?»

Вкругъ сады горять цвѣтами,
Ваещутъ виноградомъ,
А мнѣ сердце грусть по дому
Обливаетъ ядомъ.

Мнѣ милѣй дѣса родные
И цвѣты каминны,

Чѣмъ сады съ плодами юга
Чуждой намъ краины.

Люди братаются, я же
Одинокій плачу;
Всюду люди веселятся,
А я слѣзы трачу.

Веселятся! я не стану
Веселиться съ ними:
Мнѣ не знать уже веселья,
Развѣ межъ своимъ.

Веселитесь, наслаждайтесь
Кто и какъ умѣетъ!
Кто узнаетъ, разгадаетъ,
Что такъ сердце мѣветъ!

Слѣзы лью я надъ Дунаемъ
И въ Дунай ронаю:
Какъ припомню нашу рѣчку,
Сердцемъ изнываю.

Грусть-тоска меня снѣдаетъ,
Смерть передо мною...
Не съ кѣмъ слова переомовить,
Полюбить душою.

Не съ кѣмъ мнѣ поплакать, не съ кѣмъ
Горемъ подѣлиться...
Разступись Дунай угрюмый!
Лучше утопиться.

Грусть меня вчера терзала
И терзаетъ нынѣ.
Не страдалъ тотъ, кто не бился
Съ горемъ на чужбинѣ!

Н. ГЕРВІЛЬ.

II.

Р Ѣ Ч Б А.

Что течешь такъ тихо, рѣчка,
Въ этомъ ложѣ тѣсномъ?
Отчего не разольбьшся
По полямъ окрестнымъ?

Полно течь такъ одиноко!
Время горе сбросить:

Подымись — и буйный вѣтеръ
Пусть твой стонъ разноситъ.

«Какъ же мнѣ не течь тихонько,
Сынъ мой, мой желанный:
Берега мои высоки,
А поля безграничны.

«Завиѣла бѣ, да воды-то
Мало — не хватаетъ...
Что жъ, за-то моя поверхностьъ
Зеркаломъ сіяетъ.

«Были тучи, громъ и ливень —
Волны заходили...
Что жъ? — разлили только берегъ,
Воду помутили...

«Лучше течь безъ шуму, тихо
И достигнуть цѣли,
Огибая пни и камни,
Острова и мели.

«Такъ я буду течь спокойно,
И, забывъ про горе,
Можетъ-быть съ лицомъ открытымъ
Дотеку до моря.»

Н. ГЕРВІЛЬ.

И. Ѡ. ГОЛОВАЦКІЙ.

Иванъ Ѡеодоровичъ Головацкій, родной братъ Якова Ѡеодоровича, родился въ 1816 году также въ Ченеляхъ, Злочевского округа. Онъ воспитывался въ Львовской гимназіи, а потомъ въ Львовскомъ университетѣ, гдѣ пошелъ сначала по богословскому факультету, но вскорѣ оставилъ его и перешелъ на медицинскій. По окончаніи полного медицинскаго курса въ Вѣнѣ, съ званіемъ магистра хирургіи, онъ прослужилъ нѣсколько лѣтъ военнымъ врачомъ въ Италіи, послѣ чего оставилъ медицину и принялся за редактированье «Галицко-Русскаго Вѣстника». Въ 1849 году вступилъ охотникомъ въ дружину галицко-русскихъ стрѣлковъ, но вскорѣ долженъ былъ оставить службу, такъ-какъ редація «Вѣстника» перенесена была въ Вѣну. Головацкій издалъ: «Вѣнокъ русинамъ на обжинки» (Вѣна, 1846 и 1847, двѣ части), куда, между-прочимъ, вошли

его мелкія лирическія стихотворенія, приобрѣвшія ему извѣстность въ Галичинѣ, «Пѣніе радостнаго голоса государю Николаю Павловичу, императору *всемъ Руси*» (написана въ 1845, а напечатана въ 1848 году) и «Russisches Lesebuch», руководство для изучающихъ русскій языкъ, преимущественно для нѣмцевъ. Въ этой книгѣ помѣщены стихотворенія Державина, Пушкина, Лермонтова и другихъ, съ хорошимъ переводомъ на нѣмецкій языкъ. Въ настоящее время онъ состоитъ редакторомъ «Вѣстника Законовъ Державныхъ» въ русскомъ переводѣ и русскимъ переводчикомъ городского суда въ Вѣнѣ.

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ.

Гляжу на тебя и глаза опускаю —
Не въ землю, а въ сердце я ихъ устремляю.
Какъ много тамъ чувствъ, но одно только въ немъ
Къ тебѣ разгорается страстнымъ огнемъ.
Закрадется ль въ душу мнѣ радость или горе,
Твой образъ, какъ солнышко въ зеркалѣ моря,
Блеститъ, отражаясь на сердцѣ моемъ.

Никто не проникнетъ въ загадку простую:
Зачѣмъ въ это сердце такъ часто гляжу я;
Но разъ ты взглянула — я понялъ твой взглядъ,
Я понялъ, что такъ только въ сердце глядятъ.
Съ-тѣхъ-поръ какъ въ него ты проникла случайно,
Тебѣ уяснилась завѣтная тайна
И въ чувствахъ душевныхъ борьба и разладъ.

Ты все разгадала! смотри же — ни слова
О томъ, что берѣгъ я отъ взгляда людскаго.
Шути надо мной, издѣвайся, брани —
Но пусть мою тайну мы знаемъ одни...
Снесу отъ тебя я всю горечь укора,
Лишь страстному сердцу дай больше простора
И рай мой душевный въ душѣ скорони!

О. ЛЕПКО.

И. ГУШАЛЕВИЧЪ.

Иванъ Николаевичъ Гушалевицъ родился 10-го декабря 1823 года въ Паушовцѣ, небольшомъ селѣ Чортковскаго округа, въ Галиціи. По окончаніи гимназическаго курса у базилианъ въ Бучачѣ, онъ поступилъ въ Львовскій университетъ, на богословскій факультетъ, который окончилъ съ пол-

нимъ успѣхомъ. Затѣмъ, въ 1849 году, былъ рукоположенъ въ священника и занялъ предложенную ему катедру русскаго языка въ академической гимназій въ Львовѣ. Литературное свое поприще Гупалевичъ началъ очень рано: еще будучи студентомъ въ Львовскомъ университетѣ, издавъ онъ, въ 1847 году, томъ своихъ мелодическихкихъ пѣсень, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія», которыя съ перваго же разу обратили на него общее вниманіе галичанъ. Затѣмъ, стихотворенія его стали появляться въ разныхъ временныхъ изданіяхъ, преобрѣтая ему новыхъ поклонниковъ. Главное достоинство стиховъ Гупалевича заключается въ необикновенной ихъ благозвучности, чѣмъ не могутъ похвалиться современные ему галицкіе поэты. Въ 1849 году онъ редактировалъ политическую газету «Новины», потомъ — учено-литературный журналъ «Пчела», а съ 1851 по 1853 годъ — политико-литературное изданіе «Заря Галицкая». Кроме того онъ издалъ въ 1852 году свои «Цвѣты изъ надъ-Днѣстрянской Ливады» и переводъ «Слова о полку Игоря» на галицкое нарѣчіе, съ своимъ предисловіемъ и примѣчаніями.

Изъ всѣхъ произведеній Гупалевича особенно нравятся галичанамъ его пѣсни и басни, написанныя весьма гладко и звучно. Особенною славою пользуются: пѣсни — «Миръ вамъ, братья!» и басня «Волкъ, баранъ и лисица». Оба эти произведенія вошли въ народъ. «Ни кому изъ насъ, русскихъ поэтовъ», говоритъ поэтъ Дѣдицкій, «не выпало на долю столько славы, столько высокихъ похвалъ за многія пѣсни, сколько одному Гупалевичу за эти два поэтическія произведенія. И если наши соотечественники читаютъ иногда насъ съ удовольствіемъ, то одного Гупалевича часто выучиваютъ на память даже тѣ, которые и читать не умѣютъ». Въ настоящее время Гупалевичъ — членъ Львовскаго Сейма и Вѣнскаго Рейхсрата, гдѣ является поборникомъ народнаго дѣла Галицкой Руси.

I.

МИХАИЛЬ ЧЕРНИГОВСКІЙ.

Города долѣвають подъ пеломъ,
Не осталосъ избы въ деревняхъ;
Не гремитъ богатырская слава
И соколики наши въ гробахъ.

Налетѣла изъ дальней стороны
Стая птицъ поклевать мертвецовъ,
А лебѣдки за Днѣпръ улетѣли,
Улетѣли — и нѣту слѣдовъ.

Вотъ орлы, обагреныя кровью,
Шумной стаей на сѣверъ летять,
На Путивль и на Курскъ многолюдный
Съ затаенной кручиной глядять.

Что печалитъ васъ, гордыя птицы?
Что за вѣсти несете съ собой?
Отчего вы обрызганы кровью,
Незастывшею кровью людскою?

«Богатырская кровь пролилася
И бѣжить по полямъ, по лугамъ.
Веселятся, пируютъ татары —
И конца нѣтъ кровавымъ пирамъ.»

«Тамъ мы крылья свои обагрили,
Гдѣ струилася кровь, какъ ручей,
Гдѣ изрублены злыми врагами
Трупы нашихъ отцовъ и дѣтей.»

«Стольный Кіевъ въ рукахъ Ченгисхана —
За ударомъ наноситъ ударъ...
Знать, сокровища Галича-града
Не насытили лютыхъ татаръ.»

«Города Переяславль, Черниговъ
Глухо стонуть въ татарскихъ цѣняхъ;
Дѣти мрутъ безъ святаго крещенья
У своихъ матерей на рукахъ.»

Скачетъ конь изъ орды басурманской:
Что-то скажешь ты намъ, вороной?
«Князь Черниговскій» — молвить онъ тихо —
«Не воротится больше домой!»

«Грозный ханъ приказалъ христіанамъ
Поклониться монгольскимъ богамъ —
Михаилъ же Черниговскій молвилъ:
«Лучше голову хану отдамъ!»

«И погибъ онъ за вѣру святую:
Отлетѣла его голова;
Но отъ брызнувшей крови страдалца
Встрепенулась сама татарва.»

Прилетаютъ сѣдны кукушки—
Три сестрицы — садятся подъ радъ,
Громко плачутъ, какъ малыя дѣти,
И, рыдая, орламъ говорятъ:

«На Русь на святой погибаетъ
Ни за что ея вѣрный народъ —
Отъ болѣзней, отъ тяжкихъ мученій,
Отъ чумы и отъ голода мрѣть.

«Мы приносимъ печальныя вѣсти:
Не воротимъ счастливыхъ годовъ!
О, прощай наша Русь дорогая!
Не видать намъ родимыхъ холмовъ!»

Поднялися орлы, полетѣли
И пропали въ густыхъ облакахъ...
Зашумѣлъ имъ во слѣдъ буйный вѣтеръ
И затихъ въ неприступныхъ горахъ.

О. Левко.

II.

З А Р Ъ.

Зорька ясная, спустился,
Въ очи радостно взгляни,
Ниже, ближе наклонися,
Грусть отъ сердца отгони!

Загорись, какъ загоралась:
Я тогда такъ счастливъ былъ;
Ты сіянемъ разливалась,
Но туманъ тебя затмилъ.

Зорька ясная, ты знала
Какъ мирился я съ трудомъ,
И надеждой обольщала,
Какъ младенца сладкимъ сномъ.

Чуть весна — ужъ я у цѣли:
Пѣстрый лутъ благоухалъ;
Но цвѣты мои желтѣли —
И я жить переставалъ.

Бѣлый свѣтъ не милъ мнѣ богъ,
Нѣтъ надежды золотой:
Не видать счастливой доли
Мнѣ въ странѣ моей родной!

Н. Гервель.

И. НАУМОВИЧЪ.

Иванъ Наумовичъ родился въ 1826 году въ мѣстечкѣ Стрѣльчѣ, Коломыйскаго округа, въ Галиціи. Наумовичъ извѣстенъ болѣе какъ политическій дѣятель, патриотъ и ораторъ, чѣмъ поэтъ, хотя онъ написалъ нѣсколько очень хорошихъ пѣсень, извѣстныхъ каждому галичанину. Выбранный въ депутаты Львовскаго Сейма, онъ явился неустрашимымъ поборникомъ русской народности, и превосходныя его рѣчи, заставившія умолкнуть самыхъ упорныхъ и опасныхъ враговъ его и его народа, останутся навсегда краснорѣчивымъ памятникомъ тяжелой и печальной борьбы русскаго народа въ Галиціи за свое существованіе, борьбы на жизнь и смерть, показавъ въ настоящемъ свѣтѣ всю чистоту стремленій русскихъ, поднавшихъ знамя во имя славянства, и всю злобу ихъ враговъ, ставшихъ на самыхъ узкихъ и эгонистическихъ началахъ. Въ настоящее время Наумовичъ много содѣйствуетъ — и словомъ и дѣломъ — улучшенію матеріальной стороны быта народа и распространенію просвѣщенія въ низшихъ его слояхъ. Онъ редактировалъ прежде журналъ «Недѣля», а въ настоящее время сотрудничаетъ въ журналѣ «Учитель». Кромѣ того, онъ много писалъ и пишетъ о сельскомъ хозяйствѣ, пчеловодствѣ и проч.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

Слава Богу, я въ телегѣ,
На востокъ лицомъ,
Возвращаюсь въ край родимый,
Къ милымъ въ отчій домъ.

Кони добрые все шибче,
Шибче все бѣгутъ:
Пусть бѣгутъ — домой скорѣе
Къ милымъ привезутъ.

Возвращаясь изъ чужбины,
Я повеселѣлъ,
И въ привѣтъ странѣ родимой
Пѣсенку зашѣлъ:

«Русь святая, будь во-вѣки,
Какъ и въ оный часъ,
Ты для всѣхъ гостепріимна
И мила для насъ!»

Н. Гервель.

Б. ДѢДИЦКІЙ.

Богданъ Дѣдицкій родился въ 1827 году въ Угновѣ, Жолковскаго округа, въ Галиціи. Воспитывался онъ въ Львовскомъ и Вѣнскомъ университетахъ, гдѣ прослушалъ полный курсъ филологическихъ наукъ. На литературное поприще выступилъ онъ въ 1849 году съ стихотвореніемъ «Къ Богу», напечатаннымъ въ «Новинахъ». Съ этого времени статьи его и мелкія стихотворенія стали появляться почти во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ Галицкой Руси. Въ 1854 году онъ сдѣлался редакторомъ журнала «Заря»; въ 1856 году — получилъ мѣсто учителя русскаго и польскаго языковъ и словесности при гимназій въ Перемишлѣ; въ 1860 году онъ издалъ въ честь митрополита Григорія барона Яхимовича великолѣпный альбомъ, подъ названіемъ «Галицкая Заря», а съ 1861 года состоитъ отвѣтственнымъ редакторомъ политической газеты «Слово». Кроме лирическихъ стихотвореній, разсѣянныхъ по разнымъ изданіямъ, Дѣдицкій издалъ поэмы: «Конюшій» и «Буй-туръ Всеволодъ» и критическое сочиненіе: «О неудобности латинской азбуки въ русской бесѣдѣ» (Вѣна, 1860).

I.

РУССКОМУ ПѢВЦУ.

Не слава въ дальнихъ сторонахъ,
Не доля гордыхъ тѣхъ поэтовъ,
Что отдыхаютъ на вѣнкахъ,
Добытыхъ звучностью сонетовъ,
А слѣзы въ жизненной борьбѣ
Лишь предназначены тебѣ.

Народа русскаго пѣвецъ
Стоитъ въ забытомъ всѣми хорѣ
Передней стражи, какъ боецъ
Въ международномъ, долгомъ спорѣ:
Еще не слышно о войнѣ,
А онъ стоитъ уже въ огнѣ.

Пѣвецъ ты Руси — той земли,
Чье имя — цѣлое полъ-свѣта,
Съ которой бури не могли
Сорвать ей родственнаго цвѣта:
И сладко пѣть ее тебѣ
Непобѣжденную въ борьбѣ!

О, пой её, какъ соловей,
Что и въ грозу не умолкаетъ,
И унывающихъ людей
Могучей пѣснью ободряетъ!
Какъ птица вешняя въ ночи,
Надъ нею тихо щебечетъ!

Повѣдуи міру въ добрый часъ,
Что сносимъ гордо мы невзгоду,
Что были люди и у насъ —
Бойцы за вѣру и свободу,
Что память ихъ, врагамъ на страхъ,
Живетъ въ признательныхъ сердцахъ.

Ты пой на зло тѣмъ мудрецамъ,
Что насъ хотятъ унижить втунѣ,
И доказать стремятся намъ,
Что мы родились наванунѣ;
Пой имъ: «при княжескомъ дворѣ
Крестились русскіе въ Днѣпрѣ!»

Пускай за гимнъ священный твой
Ты не найдешь счастливой доли,
И, какъ боецъ передовой,
Погибнешъ первый въ чистомъ погѣ,
За-то другимъ проложишь путь —
Дашь имъ подняться и вздохнуть...

Н. Гервель.

II.

УТРО.

Вставъ съ постели утромъ рано,
На востокъ впередю взоръ:
Величаво и румяно
Всходитъ солнце изъ-за горъ,
Всходитъ солнце и лучами
Взяетъ землю съ небесами.

Хоръ пернатыхъ пробудился,
Пѣснь звучитъ среди лѣсовъ:
Міръ господень оживился
Звукомъ птичьихъ голосовъ:
Это тверди безконечной
Шлетъ земля привѣтъ сердечный.

Люди набожные съ ложа
Съ крестнымъ знаменьемъ встаютъ,
И убогій и вельможа
Славу божию поютъ;

Гимнъ хвалы земли прекрасной —
Лучшій даръ для тверди ясной.

Кто мольбою начинается
Дѣло всякое съ утра,
Богъ тому низпосылаетъ
Помощь съ неба для добра —
И благому предпріятію
Путь указанъ благодатью.

Такъ молись, молись съ восходомъ,
Съ птицей утренней молись,
Въ храмъ божіемъ съ народомъ
Сердцемъ къ Господу несись —
И душа твоя мольбами
Свяжетъ землю съ небесами.

Н. Гервель.

III.

НА СТРАЖЪ.

Возлѣ ставки, возлѣ князей,
На дунайскихъ берегахъ,
Часовой стоитъ на стражѣ,
Съ карабиномъ на печахъ.

Вечеръ; солнце потухаетъ;
Тишина кругомъ легла;
Тихій звонъ лишь долетаетъ
Изъ сосѣдняго села.

Часовой перекрестился,
Преклоняясь челомъ.
Это русскій: онъ по русски
Осѣнилъ себя крестомъ.

Это русскій: съ грустной думой
Все на Сѣверъ смотритъ онъ,
Словно ждетъ — боецъ угрюмый —
Не отвѣтять ли на звонъ.

Словно мыслить: въ миломъ краѣ
Можетъ кто-нибудь грустить
И о немъ, что на Дунаѣ
Жизнь собратій сторожить.

Н. Гервель.

Н. ЛЬСЬКЕВИЧЪ.

Николай Ѳомищъ Лѣськевичъ родился въ 1835 году въ селѣ Улазовѣ, Жолковскаго уѣзда, въ Галиціи. Окончивъ гимназическій курсъ въ Перемышлѣ, онъ поступилъ въ Львовскій университетъ, въ которомъ прослушалъ богословіе и курсъ филологическо-историческихъ наукъ. Затѣмъ, съ 1865 по 1868 годъ, Лѣськевичъ былъ сотрудникомъ политической газеты «Слово», въ которой выказалъ много энергіи для поддержанія русскаго дѣла въ Галицкомъ краѣ. Это послѣднее обстоятельство до того озлобило польско-нѣмецкую партію противъ Лѣськевича, что она отказала ему въ мѣстѣ учителя въ восточной (русской) половинѣ Галичинъ. Это побудило его принять должность учителя въ Виленской гимназіи. Какъ поэтъ, Лѣськевичъ славится замѣчательною звучностью стиха и чистотою языка, чѣмъ могутъ похвалиться только немногіе изъ галицкихъ поэтовъ. Изъ отдѣльно-напечатанныхъ его сочиненій можно указать на двѣ поэмы: «Пѣвецъ изъ Полѣсья» и «На Украйнѣ». Изъ послѣдней заимствована нами пѣсня, помѣщенная здѣсь въ русскомъ переводѣ.

ПѢСНЯ.

Какъ луна на это поле
Свѣтитъ средь ночи,
Такъ она и на Украйну
Льетъ свои лучи.

Но ужъ скоро вспыхнетъ солнце,
Смѣнитъ ночи тѣнь —
И опять надъ нашимъ краемъ
Загорится день.

А когда блеснетъ намъ съ солнцемъ
И свободы свѣтъ —
Раздадутся наши пѣсни
Солнышку въ привѣтъ.

Пѣсни тѣ еще мы сложимъ,
Сложимъ въ наши дни,
И когда умремъ мы сами —
Не умрутъ они.

Для пѣвца же болѣе славн
Небыло и нѣтъ,

Какъ дожить, чтобъ эти пѣсни
Пѣлъ весь русскій свѣтъ.

Пусть погибнемъ, пусть придется
Всѣмъ намъ опочить —
Не погибнетъ наша пѣсня,
Духъ нашъ будетъ жить.

Мы поѣмъ и воспѣваемъ
Край своихъ отцовъ
И въ сердцахъ воспламеняемъ
Къ родиѣ любовь.

Не войной мы Русь подыmemъ
Изъ земли сырой,
А могучимъ, вѣщимъ словомъ
Пѣсни золотой.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

І. ФЕДЬКОВИЧЪ.

Іосифъ Федьковичъ родился въ 1834 году въ селѣ Сторонцѣ, въ Буковинѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ домѣ родительскомъ, причѣмъ старшая сестра своими разсказами незамѣтно возбудила въ немъ любовь къ народнымъ русскимъ пѣснямъ и сказкамъ. Затѣмъ, онъ познакомился съ однимъ нѣмецкимъ живописцемъ, который такъ полюбилъ Федьковича, что взялся ознакомить его съ нѣмецкимъ языкомъ и поэзіей, въ чемъ и успѣлъ, благодаря понятливости и прилежанію своего ученика. Но эти мирныя занятія продолжались не долго. Насталъ 1852 годъ, а съ нимъ и очередь идти въ солдаты. Послѣ трудной семилѣтней службы, въ теченіе которой онъ побывалъ въ Венгріи, Валахіи и Италіи, онъ былъ произведенъ въ 1859 году въ офицеры. Но ни служба, ни походы, ни битвы съ неприятелемъ не заглушили въ немъ поэтическаго настроенія: и въ казармахъ, и на бивакахъ продолжалъ онъ сочинять свои пѣсни и думы. По возвращеніи изъ Италіи въ Черновецъ, онъ познакомился тамъ съ нѣмецкимъ поэтомъ Нейбауеромъ, которому прочиталъ нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній на нѣмецкомъ языкѣ. Нейбауеръ отнесся весьма сочувственно къ молодому поэту: онъ наполнилъ его стихотворенія прекрасными и пророчилъ ему блестящую будущность. Затѣмъ, онъ познакомился съ Кобылянскимъ, мѣстнымъ журналистомъ и го-

рячимъ поклонникомъ русской народной поэзіи. Прослушавъ нѣмецкія произведенія Федьковича, Кобылянский спросилъ у поэта, почему онъ, будучи русскимъ, не пишетъ по-русски? «Хотя я не пишу по-русски», отвѣчалъ Федьковичъ, «тѣмъ не менѣе я очень люблю славянскую и, особенно, русскую народную поэзію, и даже однажды, въ лагерѣ подъ Касано, отважился сочинить небольшую пьесу на русскомъ языкѣ». И онъ прочелъ ему думу «Ночлегъ». Кобылянский пришелъ въ восторгъ и умолялъ его продолжать писать по-русски. Федьковичъ внялъ доброму совѣту своего соотечественника — и вскорѣ цѣлый томикъ его стихотвореній былъ отпечатанъ и выпущенъ въ свѣтъ.

У К Р А Й Н А.

Что за чудная сторонка
Вольная Украйна!
Что живется въ ней счастливо —
Это вѣдь не тайна.

Степь привольная лоснится
Шолковой травой;
На цвѣты зоря низходитъ
Студеной росой.

Косыки пасутся въ полѣ;
Соколы шныряютъ;
Съ буйнымъ вѣтромъ въ перегонку
Козаки летаютъ.

Кто забудетъ тѣ могилы,
Тѣ холмы, курганы,
Подъ которыми почіютъ
Славные гетманы.

Ихъ лучи протекшей славы
Въ мракѣ согрѣваютъ,
Между-тѣмъ какъ «Думы» громко
Славятъ, величаютъ.

И тѣ звуки проникаютъ
Въ сердце не случайно...
Какъ же намъ тебя не помнить,
Милая Украйна?

Тамъ на тѣрбанѣ молодой
Весело играетъ;
Красна-дѣвица надъ рѣчкой
Пѣсни распѣваетъ.

Тамъ софлака замираетъ
Трелью соловьиной;
Птицы радостно щебечуть
Въ рошѣ подь калиной.

Тамъ, свои малютки-ножки
Мѣдомъ отягчая,
Межъ цвѣтовъ жужжить привѣтно
Пчѣлка золотая.

Тихій вечеръ дышетъ нѣгой
Надъ Днѣпромъ-рѣкою.
Чолнъ плыветъ надъ темной бездной,
Зыблемый волною.

Въ немъ сидитъ краса-дѣвица,
Что цвѣтовъ махровый;
Передъ ней, склоняся къ колѣнямъ,
Парень чернобровый...

Дальше видны бѣлый хуторъ,
Рядомъ — гѣсъ сосновый,
Прудъ съ навѣшеною раkitой,
Пчельникъ, садъ фруктовый.

Въ томъ саду стоитъ избѣнка,
А передъ избѣнкой
Раскрасавица-дѣвица
Съ маленькой ручѣнкой —

И той маленькой ручѣнкой
Что-то вышиваетъ...
«Гдѣ-то онъ, мой соколъ сизый?
Гдѣ-то онъ гуляетъ?»

Раскрасавица, взгляни-ка —
Сokolъ рѣветъ въ полѣ!
Красна-дѣвица взглянула —
Не тоскуетъ болѣ:

«То не соколъ — то мой милый
Вѣрономъ летаетъ!»
И тесовую валитку
Тихо отворяетъ.

Входитъ соколъ... Какъ голубка,
Дѣвица воркуетъ:
Ей бы надо посердиться,
Да нельзя — целуетъ...

То не соколами несутся,
Радуюсь приволью:
Чумаки изъ Крыма ѣдутъ
Съ рыбою, да съ солью.

Вотъ они остановились,
Въ степь воловъ пустили,
Кучу хворосту набрали
И въ костеръ свалили.

Тотъ готовить кашу съ саломъ,
Тѣ о чемъ-то спорятъ;
Молодые ладятъ пѣсни,
Старики гуторятъ.

А въ дали, гдѣ такъ румяно
Зорька догораетъ,
Слышенъ звонъ: онъ тихо льѣтся,
Льѣтся, замираетъ.

Это благовѣсть къ вѣчерни
Въ томъ высокомъ храмѣ,
Что сіяетъ тамъ, за гѣсомъ,
Свѣтлыми крестами.

А во храмѣ томъ священникъ,
Въ полномъ облаченъи,
Шлетъ мольбы за Русь святую,
Молитъ о спасеньи...

Н. Гервель.

СЛАВИЧЪ.

Подъ этимъ именемъ встрѣчаются въ галицкихъ журналахъ и сборникахъ стихотворенія съ патристическимъ оттѣнкомъ, заслуживающія полнаго вниманія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дающія нѣкоторое понятіе о томъ возбужденномъ настроеніи галицкаго народа, о которомъ такъ много говорить и пишутъ въ настоящее время.

1.

МЫ РУССКІЕ!

Мы русскіе! Наша завѣтная вѣра —
Что всѣ мы славяне — одно,
Одно неразрывное, цѣльное племя,
Скрѣпленное миромъ давно.

И боремся мы неустанно съ врагами,
И ставимъ преграды врагамъ
Съ той мыслью святою, что Богъ нашей Руси
Единъ и единъ Его храмъ.

Мы русскіе! Намъ оживляетъ надежда,
Что духъ нашъ славянскій не сонъ,
Что всюду незримо онъ вѣетъ надъ нами,
Что всюду гдѣ Русь тамъ и онъ.
Злой ворогъ къ стѣнѣ намъ *прижатъ* замышляетъ;
Но рухнетъ она надъ врагомъ — *)
И мы панихиду споемъ по усопшемъ,
А Русь будетъ нашимъ щитомъ.

Мы русскіе! Пусть же злодѣямъ пощаду
Даруетъ святая любовь!
Не надо намъ мести, не надо намъ крови,
Не надо намъ крови враговъ!
Но вѣту пощады измѣнникамъ края,
Продавшимъ отчизну врагамъ:
Ихъ всюду настигнетъ анагема Руси,
Проклятыя невѣрнымъ синамъ!

О. Лепко.

II.

Братья! пѣснь моя разлита
Въ вешнемъ воздухѣ, вокругъ васъ...
Нѣтъ поэзіи — разбита:
Я остатки только спасъ;
Тѣ остатки холмъ-могила
Въ темныхъ нѣдрахъ сохранила,
Гдѣ точилъ ихъ лютой гадъ...
Не клините — я вашъ братъ!

Братья, гдѣ святая вѣра
И надежда и любовь?
Есть ли скорби лютой мѣра?
Сколько разъ хотѣлъ я вновь
Къ кубку счастья привоснутья,
Вновь ожить и встрепенуться,
Но суровый демонъ мой
Мнѣ наошпывалъ: «постой!»

Братья! дней моихъ весною
Сердце вѣдало любовь:
Рай являлся предо мною,

Веселѣй кипѣла кровь...
О, души моей парница,
Зорька ясная, денница,
Не люби: любимецъ твой
Сталъ статуей ледяной!

Братья, я кручину злую
Пѣлъ — тревожилъ земляковъ...
Лучше брошусь на родную
Землю, гробъ моихъ отцовъ:
Можетъ-быть, земля родная
Не отвергнетъ — и святая
Пѣсня встрѣтитъ свѣтлый май...
Ахъ, вернется ль прежній рай?

Н. Гервель.

МАРІЯ СІОНСКАЯ.

Кто скрывается подъ этимъ псевдонимомъ — этого мы не знаемъ. Намъ извѣстно только то, что стихотворенія, подписанныя выше-приведеннымъ псевдонимомъ и отличающіяся горячею любовью къ родинѣ и широкой фантазіей, стали появляться нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ Галицкой Руси и вскорѣ обратили на себя вниманіе всѣхъ образованныхъ галичанъ.

ПРОЛОГЪ КЪ ПОЭМѢ «ПРОРОКЪ НАРОДА».

Я подъ пальмою густою,
Надъ Дунаемъ надъ рѣкою,
Взоръ то въ небо погружаю,
То брожу имъ по Дунаю.

Ой, подъ пальмою густою
Я стою — и подо мною
Спитъ Дунай. Проснись! Тоскуя,
Пѣснь о будущемъ пою я.

Пѣснь великую, какъ слово
Пробудившее народы,
Пѣсню юную, какъ восходы
Подъ лучами Всеблагого.

Пѣсня та — огонь и сила,
Гласъ пророка въ часъ гоненья...
Развѣ мать ея могла?
Нѣтъ, то чадо воскресенья!

*) Прижать къ стѣнѣ — подлинныя слова министра графа Бейста.

Вот пронесся звукъ напѣва ...
Разлилась рѣка сѣдая —
И изъ синихъ волнъ Дуная
Появилась прелесть-дѣва.

Дѣва плещетъ шаловливо,
Грудью волны разсѣкаетъ
И на пѣснь мою — о, диво! —
Пѣсню смерти отвѣчаетъ:

«Мой желанный, черноокий,
Не гоняйся за цвѣтами:
Въ полѣ выпалъ снѣгъ глубокий,
Вѣтеръ свищетъ межъ горами...

«Не томись мольбой бесплодной:
Всюду мракъ и заустѣнье ...
Кто уснулъ въ землѣ холодной,
Для того нѣтъ пробужденья.

«Вѣрь, напрасно сердце бьется!
Ты не пой про воскресенье!
Прежде велятъ Дунай польется,
Чѣмъ наступитъ часъ спасенья!»

Смогла дѣва молодая,
И, мелькнувъ косой волнистой,
Скрылась въ безднѣ серебристой
Горделиваго Дуная.

Я былъ полонъ чувства злова;
Взоръ тонулъ въ лазурномъ сводѣ ...
«Свѣта! свѣта!... О, Іегова!...
Да пройдетъ пророкъ въ народѣ!»

О, Дунай! свидѣтель мирный
Роковыхъ переворотовъ,
Что волной своей сапфирной
Бьешься въ скалы патриотовъ?

«Отъ слезы твоей горячей,
Что на грудь мою скатилась,
Я всплеснулъ волной могучей —
И пучина заглубилась.»

И реветъ онъ, и влопочетъ,
Бъ сѣрымъ скаламъ подступаетъ,
Словно ихъ разрушить хочетъ
И вновь съ пѣной отбѣгаетъ.

Слышалъ пѣсню дѣвы водной?
Прочь со смертью! — вѣчность знаю...
Прочь, колдунья! я, свободный —
Пѣню свободную славаю!

Я подъ пальмою густою,
Надъ Дунаемъ, надъ рѣкою,
Взоръ то въ небо погружаю,
То брожу имъ по Дунаю ...

Н. ГЕРВЕЛЬ.

УГРОРУССКІЕ ПОЭТЫ.

А. ДУХНОВИЧЪ.

Александръ Духновичъ родился 24 апрѣля 1803 года, въ селѣ Топола, въ Венгріи. По окончаніи курса философіи въ Кошицахъ и богословія въ Ужгородѣ, онъ былъ рукоположенъ въ священники въ 1827 году; затѣмъ, въ 1838 году, назначенъ былъ членомъ консисторіи Мункачевской епархіи, а въ 1843 году — благочиннымъ въ Пряшево. Большая часть его произведеній была напечатана въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, сборникахъ и мѣсяцесловахъ. Первымъ плодомъ его литературныхъ трудовъ былъ «Букварь»; за нимъ слѣдовали: молитвенникъ «Хлѣбъ души», «Короткая земленица», «Литургическій катехизисъ», «Поздравленіе русиновъ», альманахъ, «Добродѣтель превышаетъ богатство», драма, «Народная педагогія» и «Сокращенная грамматика великорусскаго языка». Что же касается стихотвореній Духновича, то они никогда не были собраны и изданы отдѣльною книжкой. Тѣмъ не менѣе многія изъ его думъ перешли въ народъ. Духновичъ умеръ въ 1867 году. Это былъ передовой человекъ Угорской Руси и пользовался полнымъ довѣріемъ и любовью своего народа.

I.

ПѢСНЬ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА.

Вейся жаворонокъ звонкій,
Вейся и кружись!
Надъ моею родимой нивой
Пой и веселись!

Вознесися надо мною
Къ солнечнымъ лучамъ,
Чтобъ я тоже могъ умчаться
Сердцемъ къ небесамъ.

Пой хвалу, малютка-птичка,
Богу въ вышинѣ,
Что далъ жизнь и безмятежность
И тебѣ и мнѣ.

Славь Его за всѣ щедроты,
Что Онъ низпослалъ,
За тотъ дождь, изъ теплой тучи,
Что съ зарей уналъ.

Умоляй Его смиренно,
Чтобы благодать
Озаряла ежедневно
Нашу землю-мать.

Пусть хранитъ Онъ нашу ниву
Отъ вѣтровъ и тучъ,
Пусть росу низпосылаетъ
И горячій лучъ.

Пой, молись! а я посею
Спѣлое зерно,
Завалю его землѣю —
И взойдетъ оно.

А когда настанетъ жатва,
Жаворонокъ мой,
Я обильнымъ урожаемъ
Подѣлюсь съ тобой.

Веселись же, пой въ пространствѣ,
Вейся и летай!
Веселись, пока такъ чудно
Блещетъ жизни май!

Можеть-быть и насъ зарюютъ
Скоро, птенчикъ мой,
Какъ тѣ зёрна и покроютъ
Черною землёй!

Но не будетъ наша доля
Равною тогда:
Я умчусь, чтобъ возродиться,
Ты же — безъ слѣда...

Н. Гервель.

II.

ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЬ.

Соколята, дайте волю
Молодымъ своимъ крыламъ!
Я ужъ старъ — не въ силахъ болѣ
Подниматься къ облакамъ.

Я вскормилъ васъ, дѣтокъ милыхъ...
По горамъ и по доламъ
Я леталъ, пока былъ въ силахъ —
Отдохнуть пора востямъ.

Ахъ, и я въ былые годы
Къ солнцу взоръ свой обращалъ;
Безъ руля морскія воды
Въ челнокѣ переплывалъ.

На борьбу съ бѣдой, въ началѣ,
Много силъ потратилъ я.
Стрѣлы въ грудь мою вонзали
И чужіе, и друзья!

Всюду гибельные ковы,
Всюду зло: въ сѣтяхъ своихъ
Наровять опутать совы
Робкихъ птенчиковъ моихъ;

А кукушка-лиходѣйка
Гонить бѣдныхъ изъ гнѣзда,
И яйцо свое, злодѣйка,
Вмѣсто ихъ, кладетъ туда.

Съ хитрой злобой и страстями
Трудно биться было намъ...
И леталъ я надъ лѣсами,
Поднимался къ облакамъ...

Я былъ прямъ и твердъ душою,
Не боялся силы зла,
И — лицомъ къ лицу съ грозюю —
Въ той борьбѣ душа росла.

Брань враговъ моихъ терзала
Сердце бѣдное и слухъ...
Какъ судьба меня не гнала,
Живъ во мнѣ соколий духъ.

Въ честь отчизны — соколъ ясный —
Пѣсни я любилъ слагать;
Научилъ васъ пѣть согласно,
По сокольному летать.

Дайте волю, соколята,
Молодымъ своимъ крыламъ!
Крылья сокола поматы —
Не служить имъ больше вамъ.

Нѣтъ побѣды безъ усилий —
Безъ порывовъ молодыхъ!
Не берите вражьи крыліи —
Поднимайтесь на своихъ...

Совершилъ я, что былъ въ силахъ —
И вотъ нынѣ пѣснь мою,
Пѣснь послѣднюю, для милыхъ
Я соколиковъ пою.

Тамъ, межъ горъ, въ родимомъ краѣ,
Гдѣ родился я и жить
Порывалъ — тамъ желаю
Вѣчнымъ сномъ я опочить.

Вы меня похороните
У скалы, въ травѣ густой,
И, засыпавъ, помяните
Русской пѣснью и слезой.

О. Ленко.

А. ПАВЛОВИЧЪ.

Александръ Павловичъ, уроженецъ Бѣлой Вѣжи, Пряшевской епархіи, въ Венгріи, пользуется большимъ уваженіемъ и извѣстностью во всей Угорской Руси, а также и въ Галичинѣ, какъ народный поэтъ и русскій патриотъ. Почти всѣ его стихотворенія запечатлены страстною любовью ко всему русскому, что отчасти можно видѣть изъ переведеннаго нами и помѣщеннаго въ слѣдъ за симъ стихотворенія его «Дума на могилѣхъ подъ Бардіовымъ».

ДУМА НА МОГИЛѢХЪ ПОДЪ БАРДІОВЫМЪ.

1.

Изъ-за Дона козачина
Въ полѣ въѣзжаетъ,
Свой родимый край козацкій
Думой поминаетъ:

«Синій Донъ, земля родная,
Тихая станца —
Все прощай! со всемъ что мило
Долженъ я проститься.»

«Царь велѣлъ — и Донъ поднялся,
Въ битву такъ и рвѣтся...
Гдѣ-то, Донъ, мнѣ вороного
Напонтъ придется?»

Распростившись, козачина
Шевельнулъ уздою,
Конь заржалъ — и вдоль по степи
Полетѣлъ стрѣлою.

2.

Какъ понесся козачина,
Поле взговорило:
«Ой, вернись, козакъ, вернись —
Тамъ твоя могила!»

— «Не страшитъ меня могила:
Что мнѣ, спротивъ?
Умереть хотѣлъ бы только
Съ славой на чужбинѣ.»

3.

Миновалъ козакъ границу,
Конь подъ нимъ споткнулся...
О, козакъ! куда ты мчишься?
Что ты не вернулся?

Вотъ козакъ въ чужія горы,
Въ край чужой въѣзжаетъ;
Конь заржалъ: козакъ, онъ то же
Степи вспоминаетъ!

4.

Надъ Карпатскими горами
Тучи собирались;
Нѣтъ, не тучи — это птицы
Хищныя слетались.

Надъ Карпатскими горами
Громы раздаются;
Нѣтъ, не громы — это рати
Вражескія бьются.

5.

Вкругъ донца кипитъ сраженье,
Градъ свинцовый свистеть,
Но онъ съ пикой межъ врагами
Невредимо рыцетъ.

Много тысячъ пулъ мадьярскихъ
Мимо просвистало,
Но одна попала въ сердцѣ —
И донца не стало.

6.

Конь заржалъ и палъ съ нимъ рядомъ,
На погѣ багровомъ...
Ой, наполю ты, козачина,
Смерть подъ Бардіовымъ!

Козаки его отпѣли
И похоронили,
Крестъ поставили и рядомъ
Яворъ посадили.

7.

Козаки надъ тихимъ Дономъ
Весело шируютъ;
Изъ-за дальнихъ горъ Карпатскихъ
Тихій вѣтеръ дуетъ.

То не вѣтеръ тихо дуетъ,
То не рѣчка льётся:
Это тѣнь въ страну родную
Отъ Карпатъ несётся.

«Не пугайтесь! я былъ страшенъ
Лишь для супостатовъ:
Я козакъ, я вашъ товарищъ,
Павшій у Карпатовъ!»

«Тяжело душѣ козачей
Спать въ чужой краинѣ,
И вотъ съ вѣтромъ въ край родимый
Я примчался нынѣ.

«Вы жъ завѣтъ мой замогильный
Свято соблюдайте:
Въ вашихъ пѣсняхъ сослуживца
Чаще вспоминайте.

«Чуть слышу пѣснь родную,
Я сюда примчуся,
Полуюсь тихимъ Дономъ
И развеселюся!»

8.

Неутѣшные родные
Плачутъ по-надъ Дономъ,
А я имъ, русинъ карпатскій,
Вторю тихимъ стономъ.

Не сердись, о, мать-козачка,
Что одинъ я нынѣ
Горько плачу на могилѣ
О твоёмъ о сынѣ!

Знай, что только мать родная,
Полная кручины,
Вправѣ лить святая слѣзы
На могилѣ сына.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

СЕРБО-ХОРВАТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Площадь сербо-хорватской народности простирается от рѣки Дравы на сѣверѣ до рѣки Бояны на югѣ, и отъ Адриатики на западѣ до рѣкъ Моравы и Тимока на востокѣ. Въ этихъ границахъ заключаются юго-западные земли Австро-Угорской имперіи (Банатъ, Бачка, Славонія, Хорватія, Далмація, Приморье и Адриатическіе острова, часть Истріи и Крайны и Военная Граница), сѣверо-западные владѣнія Турціи (Боснія и Герцеговина, часть Старой Сербіи и Албаніи) и два независимыя княжества: Сербія и Черногорія. Вся площадь занимаетъ до 3,500 квадратныхъ миль. Но отдѣльныя колоніи этого племени лежатъ далеко за предѣлами означенной географической площади въ Угріи и Моравіи, Турціи и Россіи. Численность сербо-хорватской народности можетъ быть опредѣлена приблизительно въ 5,700,000. По отношенію къ вѣроисповѣданіямъ эта народность распадается въ настоящее время на три части: православныхъ до 3,200,000, католиковъ до 2,200,000 и мусульманъ до 400,000. Вторые живутъ почти исключительно въ Австро-Угорской имперіи, а третьи — въ Турецкой. Въ настоящее время на всей площади сербо-хорватскаго племени господствуетъ одинъ литературный языкъ; но въ народныхъ говорахъ разныхъ мѣстностей нѣтъ подобнаго однообразія и единства. Обыкновенно отличаютъ три главные говора: штокавскій, чакавскій и кайкавскій, названные такъ по различному выговору мѣстоименія *кто*. Первый изъ

этихъ говоровъ господствуетъ въ восточной и южной части племени; второй въ мѣстностяхъ, омываемыхъ сѣверо-восточной частью Адриатическаго моря, отъ рѣки Петны до Истріи; а третій въ нѣсколькихъ хорватскихъ стѣлицахъ, расположенныхъ вокругъ Загреба. Кайкавщина стоитъ уже на переходѣ отъ нарѣчія сербо-хорватскаго къ словенскому; а нѣкоторыми считается даже говоромъ послѣдняго. Отношеніе же чакавскаго (икающаго) говора къ штокавскому (ѣкающему) можетъ быть сравнено съ отношеніемъ малорусскаго къ великорусскому.

Названія сербъ и хорватъ быть можетъ отличали нѣкогда двѣ особыя народности, но теперь онѣ отличаютъ двѣ культуры, то-есть имѣютъ смыслъ болѣе историческій, чѣмъ этнографическій. Это различіе началось очень давно и прошло глубоко, отразившись въ политической, литературной, общественной и особенно въ религиозной жизни двухъ вѣтвей одного и того же племени. Изъ разсказа Константина Багрянороднаго видно, что и пришлозъ этотъ народъ (въ началѣ VII вѣка) изъ своей закарпатской родины двумя военными товариществами, и, лишь благодаря счастливой случайности, сербы снова поселились въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ хорватами въ этомъ новомъ задунайскомъ своемъ отечествѣ. Впечатлѣнія и вліянія географическія и историческія, которымъ должны были подвергаться тѣ и другіе здѣсь, въ Иллиріи, были весьма различны и это обстоятельство имѣло важное

вліяніе на всю ихъ будущность. Илирія была именно тотъ край, гдѣ ранѣе всего началась борьба двухъ, сначала политическихъ, а потомъ и религіозныхъ, центровъ тогдашней Европы: Рима и Византіи. Юго-восточная, сербская часть этого племени, подобно Болгаріи и Руса, прилегла къ центру культуры восточной, греческой, а сѣверо-западная, хорватская часть попала въ кругъ притяженія къ центру образованности западной, латинской. Просвѣтительное вліяніе Рима на хорватовъ дѣйствовало непосредственно и прамѣе, чѣмъ вліяніе Византіи на Сербію, которая была заслонена съ этой стороны государствомъ Болгарскимъ. Съ другой стороны, приморское положеніе Далмаціи, ея давнія и тѣсныя связи съ Италіей, присутствіе римской стихіи въ населеніи, по-крайней-мѣрѣ городовъ— все это содѣйствовало раннему выступленію на историческую сцену западной, хорватской части племени, между-тѣмъ какъ сербское населеніе восточныхъ горъ и плоскогорій еще долго прозябало въ неподвижной тишинѣ патриархальнаго быта, прерываемой лишь междоусобіями отдѣльных общинъ и жупаній, на которыя еще долго распадалась эта земля.

Въ началѣ IX вѣка хорваты должны были защищать свою независимость отъ завоевательныхъ стремленій франковъ Карла Великаго. Отчаянные подвиги Людевита были однако напрасны, потому что въ средѣ самихъ хорватовъ нашлись пособники франковъ. Хотя на этотъ разъ иго не было продолжительно; но оно было печальнымъ предвѣстникомъ многихъ бѣдъ и опасностей, которыя съ-тѣхъ-поръ не переставали тяготѣть надъ страной и разрушать всѣ попытки политическаго объединенія и независимаго существованія хорватовъ. Съ такимъ же недружелюбіемъ относился въ славянской народности и духовный представитель и глава запада. Не удивительно, что сѣмяна христіанства, приносимыя въ Хорватію западными миссіонерами, падали на почву не воспримчивую и не пускали корней въ народномъ духѣ до-тѣхъ-поръ, пока эти зародыши христіанства не были освѣщены и согрѣты взошедшимъ изъ сосѣдней Болгаріи и Панноніи солнцемъ христіанской проповѣди на славянскомъ языкѣ.

При той тѣсной связи церкви съ государствомъ, которая составляла преобладающій характеръ средневѣковаго періода европейской образованности, неудивительно, что въ славян-

скихъ странахъ судьба славянскихъ народностей самымъ тѣснымъ образомъ была связана съ судьбами славянскихъ церквей. Въ этомъ отношеніи замѣчательны два факта: во-1-хъ, успѣшное распространеніе славянской проповѣди во всѣхъ сербо-хорватскихъ странахъ; даже грозные пираты неретчане охотно приняли христіанство въ той славянской формѣ, какъ оно было предложено имъ солунскими братьями; во-2-хъ, это чистое христіанство встрѣтилось на сербо-хорватской почвѣ съ двумя врагами: народными предрасудками съ одной стороны и римскимъ властолюбіемъ съ другой. Предрасудки новопросвѣщеннаго народа ловко были эксплуатированы разными сектаторами, особенно же миссіонерами навликіанскихъ дуалистическихъ сектъ, которыя на славянской (болгарской и сербской) почвѣ переработались въ ересь богомильскую, дѣйствуя на народное воображеніе причудливой фантастичностію своихъ догматическихъ ученій о началѣ въ мірѣ добра и зла, а съ другой стороны снисходительно относились къ живымъ еще въ народной памяти остаткамъ языческихъ вѣрованій.

Другимъ болѣе опаснымъ и непримиримымъ врагомъ славянскаго православія была римская курія и ея пособники. Извѣстны стѣсненія и придирки, которыми удалось ей затормозить дѣятельность солунскихъ братьевъ и ихъ учениковъ въ Моравіи и Панноніи. Съ такимъ же недоброжелательствомъ приняла курія и фактъ усвоенія славянскаго богослуженія сербо-хорватскимъ народомъ. Послѣдній противопоставилъ однако свою хотя нѣмую и пассивную, но непреклонную оппозицію попыткамъ замѣны въ богослуженіи славянскаго языка латинскимъ. Вопреки соборнымъ опредѣленіямъ 925 и 1059 годовъ, славянская литургія вѣроятно удерживалась въ странѣ, и въ 1248 году папа Иннокентій IV принужденъ былъ признать существовавшій фактъ. Римъ довольствовался тѣмъ, что узаконилъ если не внутреннее, то хоть внѣшнее отличіе богослуженныхъ книгъ хорватовъ отъ книгъ другихъ православныхъ славянъ: оно состояло въ особой азбукѣ, которою писались, а впоследствии и печатались эти книги, въ такъ-называемой *маголицѣ*. Вопросъ о времени, мѣстѣ и обстоятельствахъ ея происхожденія до-сихъ-поръ еще не достаточно выясненъ. Несомнѣнна однако ея отдаленная древность, лишь немногимъ уступающая древности азбуки кирилловской, а по мнѣнію нѣкоторыхъ даже превосходящая ее въ этомъ. Изъ своей

болгарской по видимому родины она, быть-можетъ, вмѣстѣ съ павликианствомъ или богомилствомъ, распространилась въ земли сербо-хорватскія, особенно же въ адриатическое приморье, гдѣ она скоро утвердилась и, какъ внѣшній признакъ внутренняго раскола славянъ, была заботливо поддерживаема и даже распространяема римской куріей, преслѣдовавшей въ кириллицѣ злой признакъ греческой схизмы и органъ духовной самобитности славянъ. Тѣ же цѣли и тѣми же способами преслѣдовались сначала сектаторами, а потомъ католиками и въ Босніи. Чтобы отрѣшить ее отъ вліянія общей церковно-славянской письменности, кириллица была преобразована здѣсь въ *буквицу*, съ усвоеніемъ скорописнаго кирилловскаго почерка, исключеніемъ нѣкоторыхъ буквъ и введеніемъ правописанія чисто-фонетическаго, не связаннаго никакими литературными преданіями.

Всѣ эти обстоятельства—отдѣленіе отъ востока и подчиненіе западу въ отношеніи политическомъ и религіозномъ — рано задержали духовное развитіе хорватской народности. Босна то же томилась въ продолжительной борьбѣ внутренней—разныхъ сектъ, сословій и родовъ, и внѣшней—съ Угріей и Сербіей. Когда, такимъ образомъ, въ XI—XII вѣкахъ значительно изсякла духовная сила и историческая дѣятельность въ сѣверо-западной части племени, начинается политическое и духовное объединеніе и развитіе въ юго-восточной его половинѣ: она просматривается отъ пятнистой дремоты и выступаетъ на сцену исторіи. Первымъ дѣятелемъ государственнаго и религіознаго устройства Сербіи былъ великій жупанъ Раса святой Стефанъ Нѣмана (умеръ въ 1200 году) и два его сына: св. Савва (1169—1237) и Стефанъ Первовѣнчанный (умеръ въ 1224 году). То обстоятельство, что основатель сербской династіи, родившись въ католичество, перешолъ въ православіе, показываетъ направленіе духовнаго развитія новоустроенной державы. Избравъ своей столицей городъ Расу, въ глубинѣ Балканскаго полуострова, почти на рубежѣ сербской народности съ болгарскою, Нѣмана и его преемники обнаружили желаніе унаслѣдовать религіозныя и политическія преданія болгарскаго Симеона и Самуила. Подобно болгарамъ, сербы охотно подчинились греческому вліянію въ области духовной, но сопротивлялись всякому политическому преобладанію императора на полуостровѣ. Съ другой стороны, подобно Симео-

ну и Самуилу, нѣманичи не ограничились собраніемъ земель сербскихъ, но стремились подчинить себѣ и болгаръ. Такъ древняя борьба этихъ двухъ народностей за преобладаніе на Балканскомъ полуостровѣ! Но это политическое соперничество не мѣшало сербамъ усвоить себѣ литературный языкъ и всю письменность старой Болгаріи: подобно древней Руси, старая Сербія сочла это дорогое наслѣдіе св. Кирилла достояніемъ общеславянскимъ. Вотъ почему большая часть остатковъ письменности старосербской представляетъ лишь скудные матеріалы для исторіи какъ сербскаго языка, такъ и народа: это сербскіе изводы, списки съ оригиналовъ староболгарскихъ. Даже въ томъ немногомъ, что старая Сербія произвела самостоятельнаго въ области письменности, господствуетъ тотъ же языкъ, духъ и направленіе. Подобно староболгарской, письменность старосербская вращается въ кругу понятій и интересовъ почти исключительно церковныхъ; ея міросозерцаніе можно назвать монашескимъ. Да это и не удивительно: припомнимъ, что главнымъ центромъ старосербской письменности была знаменитая Хиландарская лавра, основанная на Аѳонѣ св. Саввою. Не переходя почти за ограды монастырей, сербская письменность оставалась далекою и чуждою народной жизни. Житія святыхъ и службы имъ, монастырскіе уставы, скудная панегирическая монашеская глгопись — вотъ содержаніе всей почти старосербской письменности, если исключить изъ нея грамоты и душановъ «Закоуники», которые представляютъ много данныхъ для исторіи языка и права, но не могутъ быть названы произведеніями въ собственномъ смыслѣ литературными. Что касается внутренняго значенія и достоинства этой церковно-богословской письменности, то надобно признать, что поднявшись на нѣкоторую и довольно значительную высоту въ произведеніяхъ св. Саввы, Стефана Первовѣнчаннаго и Доментіана, въ первой половинѣ XIII вѣка, она быстро начала затѣмъ клониться къ упадку и совершенно измелъчала. Лучшими ея образцами остались три житія Стефана Нѣмани, писанные тремя названными лицами, и одно житіе св. Саввы, писанное Доментіаномъ. Нѣкоторое литературное значеніе имѣетъ еще «Родословъ» или «Цареставникъ» архіепископа Давида, заключающій въ себѣ жизнеописаніе шести сербскихъ королей, десяти архіепископовъ и трехъ патріарховъ (1224—1375). Впрочемъ послѣдніе отдѣлы этого

труда принадлежать перу уже продолжателей Данила. «Родославъ» не может идти въ сравненіе съ первой лѣтописью русской: его напыщенное и широковыщательное, но малосодержательное изложеніе, монашеская точка зрѣнія, съ которой оцѣниваются всѣ личности и событія, панегирической и подобострастный тонъ, съ восхваленіемъ даже преступленій людей высокопоставленныхъ, все это такъ отлично отъ благочестиваго, но разумнаго, простаго и фактическаго способа изложенія лѣтописца русскаго. То же должно сказать и о большей части позднѣйшихъ сербскихъ лѣтописцевъ, которые черпали свои матеріалы либо изъ греческихъ хронографовъ, либо изъ сербскихъ житій и «Родослова», наполняя свои страницы не фактами изъ народной жизни, а своими благочестивыми размышленіями о созданіи церкви, монастырей и т. п.

Позднѣйшіе сербы старались окружить ореоломъ личность и престолъ старыхъ своихъ царей, особенно же Душана Сильнаго; но это не вполне оправдывается историческими фактами. Внутренняя слава страны и народное развитіе не соответствовали вышней обширности государственныхъ владѣній и политическихъ задачъ, которыя думали преслѣдовать сербскіе государи. Быть-можетъ Даничичь былъ правъ, утверждая, что время вѣманино выше душанова: объединеніе народа важнѣе походовъ на Царьградъ. Изъ Нѣманина жупанства выросло Сербское королевство, а за Душановымъ царствомъ вдругъ открылась пропасть. Видно, искусственно было это государство и непомерно раздуты его мнимыя силы, если одинъ несчастный день, одна проигранная битва навсегда рѣшили судьбу этого, казалось, сильнаго и обширнаго государства! День святого Вида (15 іюня 1389 г.) останется навсегда траурнымъ днемъ сербовъ не потому, чтобы онъ сломилъ на-всегда народную силу, а потому, что разрушилъ величавую, хотя и легкомысленную иллюзію. Первое время турецкаго пораженія не во многомъ измѣнило внутреннія отношенія страны: остались по прежнему свои правители, свои князья и патріархи. Терпимость и даже уваженіе къ сербской народности турецкаго правительства (въ XV и XVI вѣкахъ) видно, напримѣръ, изъ того, что сербскій языкъ нѣкоторое время былъ даже дипломатическимъ въ сношеніяхъ съ Угріей, Румніей, Дубровникомъ и Албаніей султановъ Мурада II, Магомета II, Баязета II, Селима I, Солимана II (отъ нихъ

остались подлинныя сербскія письма). Положеніе стало ухудшаться лишь тогда, когда сама Турція стала разлагаться и ея крѣпкая правительственная организациія разстроилась.

Если и прежде народъ неохотно сносилъ надъ собой господство людей чужой вѣры, которую онъ презиралъ, и въ лицѣ ускоковъ искалъ свободы въ глуши горъ и лѣсовъ, а отчасти и въ предѣлахъ сосѣднихъ христіанскихъ государствъ (особенно въ Хорватіи и Угріи), то тѣмъ болѣе стало для него невыносимо турецкое господство тогда, когда, наряду со стѣсненіями политическими, усилился гнѣтъ административный, притѣсненія фискальныя и фанатизмъ религіозный. Тогда только, въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, совершились тѣ громадныя выселенія сербовъ съ ихъ деспотами и патріархами въ Австрію, которыя обезлюдили Старую Сербію и оставили ее открытою для сосѣднихъ албанцевъ, охотно обжѣившихъ свои скалы на эти плоскогорья. Это обстоятельство очень затруднило и отодвинуло соединеніе, слѣдовательно и освобожденіе славянъ балканскихъ. Но, съ другой стороны, это выселеніе было полезнымъ и даже необходимымъ для подрѣзненія славянской народности на Савѣ и среднемъ Дунаѣ. Австрійское правительство вѣроломнымъ нарушеніемъ обѣщаній, данныхъ патріархамъ Черноовичамъ и возмутительнымъ фактомъ пожизненнаго заключенія въ Вѣнѣ, а потомъ Хебѣ, въ Чехіи, послѣднаго сербскаго деспота Георгія Бранковича, доказало сербамъ, что и за Савой у славянъ есть враги, даже болѣе опасные и непримиримые, чѣмъ сами турки. Этотъ несчастный Бранковичъ заслужилъ себѣ благодарную память въ исторіи не только сербскаго народа, но и сербской литературы: во печальномъ двадцатидухлѣтнемъ заключеніи онъ составилъ подробную исторію сербскаго народа, которая осталась въ рукописи, но которую въ многомъ воспользовался впоследствии знаменитый Ранчъ.

Въ то время, какъ духовная дѣятельность, послѣ двухвѣкового напряженія, опять надолго ослабла на сербскомъ востокѣ, она неожиданно и быстро развилась до размѣровъ очень значительныхъ на далматскомъ и хорватскомъ западѣ. Благопріятное положеніе нѣкоторыхъ приморскихъ городовъ (Задръ, Сплитъ, Шибеникъ, Трогиръ, особенно же Дубровникъ) и развитіе ихъ торговой и промышленной дѣятельности содѣйствовало ихъ матеріальному обогащенію и умственному разви-

тiю. Правда, это благосостояніе и эта торговая дѣятельность скоро навлекли на нихъ алчность королей угорскихъ и ревнивое соперничество республики Венеціанской, добивавшейся безраздѣльнаго господства на Адриатикѣ. Но нѣкоторые изъ поименованныхъ городовъ, особенно же Дубровникъ, удачно умѣли лавировать между Утріей и Венеціей, а потомъ Венеціей и Турціей, опираясь отчасти на поддержку своихъ восточныхъ соплеменниковъ, откуда не переставали спускаться въ Далмацію и Хорватію то бѣдные усюки, то богатые влители и князья, искавшіе здѣсь убѣжища во время домашнихъ смуть и политическихъ переворотовъ. Эта непрерывная почти эмиграція изъ Герцеговины, Босны, Сербіи и Черногоріи въ адриатическое побережье и на острова поддерживала здѣсь славянскую стихію, что было необходимо и спасительно въ виду сильной италянизации, обхватывавшей особенно верхніе слои населенія — племичей и горожанъ. Лучше сохранялся славянской бытъ и языкъ въ сельскихъ общинахъ: это видно даже изъ сравненія, напримѣръ, законниковъ городскихъ со статутами сельскихъ общинъ. Въ первыхъ сильно отражается вліяніе юридическихъ понятій и учреждений Италіи и Германіи, а вторые представляютъ сборники опредѣленій обычнаго народнаго славянскаго права, въ родѣ «Русской Правды» или «Законника» Стефана Душана. Статуты далматинскихъ городовъ и общинъ сохранились либо на латинскомъ, либо на италянскомъ, либо на славянскомъ языкѣ: послѣдніе замѣчательны для исторіи не только славянскаго права, но и славянскаго языка, представляя древнѣйшіе образцы сербскаго нарѣчія въ его чистомъ видѣ, безъ тѣхъ примѣсей церковно-славянщины, отъ которыхъ не свободны даже юридическіе акты, грамоты и «Законникъ», вышедшіе изъ канцеляріи государей сербскихъ. Рядомъ съ этими статуатами необходимо упомянуть еще о хорватской хроникѣ, составляющей, въ одной по-крайней-мѣрѣ части, довольно поздній переводъ древней латинской хроники Безыменнаго, пресвитера Дуклянскаго или Діоклейца (около 1161). Эта хроника имѣетъ, впрочемъ, значеніе болѣе литературное, чѣмъ историческое, такъ-какъ она представляетъ по видимому книжную компіляцію изъ народныхъ преданій и разсказовъ, быть-можетъ еще разукрашенныхъ цвѣтами фантазій самаго составителя.

Около половины XV вѣка является въ Далма-

ціи первый центръ дѣятельности литературной въ собственномъ смыслѣ этого слова. Это былъ городъ Дубровникъ (Ragusa), называвшійся нѣкогда югославянскими Аеинами и бывшій достойнымъ соперникомъ Венеціи на Адриатическомъ морѣ. Его возвышеніе совпадаетъ со временемъ самаго значительнаго государственнаго развитія душановой Сербіи, съ которой онъ всегда находился въ самыхъ тѣсныхъ и непосредственныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Многочисленныя грамоты разныхъ сербскихъ государей и владѣтелей показываютъ, что дубровчане держали въ своихъ рукахъ мононолію всей внутренней и внѣшней торговли континентальной Сербіи, которую они связывали съ рынками венеціанскимъ и константинопольскимъ. Завоеваніе Сербіи Турціей не имѣло вреднаго вліянія на торговлю и промышленность Дубровника. Напротивъ, сюда стеклось тогда много новыхъ силъ матеріальныхъ и умственныхъ, такъ-какъ онъ сталъ убѣжищемъ для многихъ сербскихъ и греческихъ эмигрантовъ, принесшихъ сюда свои богатства и знанія. Съ другой стороны, паденіе Константинополя, изобрѣтеніе книгопечатанія и возрожденіе наукъ въ западной Европѣ, а прежде всего въ Италіи, не могли не дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на умственное настроеніе населенія Далмаціи, по-крайней-мѣрѣ тѣхъ его мѣстностей и классовъ, которые издавна находились въ тѣсныхъ духовныхъ связяхъ съ Италіей. Все эти обстоятельства содѣйствовали возникновенію въ Дубровникѣ и нѣкоторыхъ другихъ далматинскихъ городахъ чрезвычайно богатой и блестящей литературы, которая въ славянской исторіи является замѣчательнымъ, но совершенно отрывочнымъ эпизодомъ, внѣ всякой связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ въ исторіи сербской и общеславянской. Дубровницкая литература, по своему содержанию и направленію, во многомъ представляетъ лишь звонкое эхо современной италянской: въ сочиненіяхъ Данте и Петрарки, Тасса и Аріоста, Гварини и Види можно найти образцы и даже сюжеты многихъ поэтическихъ произведеній Минчетича и Лучича, Ветранича и Златарича, Гундулича и Пальмотича. Двѣсти лѣтъ текли параллельно два потока: они вышли изъ того же источника и изсыхали въ одно и то же время и отъ тѣхъ же почти причинъ. Этимъ источникомъ былъ воскресшій геній древней Греціи и Рима; причиной же паденія было распространеніе и господство въ западной Европѣ французскаго псевдоклассицизма. Въ са-

момъ дѣлѣ, если мы посмотримъ на сюжеты дубровницкой поэзіи, то увидимъ, что также какъ и въ тогдашней итальянской они заимствовались большею частію изъ Омира, Софокла, Еврипида, Анакреона, Мосха, Филемона, Виргилія, Овидія, Горация, Катюла, Тибулла, Проперція, Марціала и другихъ классическихъ писателей. Впрочемъ, несправедливо было бы думать, что дубровницкая поэзія во всемъ есть не болѣе, какъ блѣдная копія съ итальянской. Во многихъ случаяхъ дубровницкіе снимки оказываются едва ли не выше своихъ итальянскихъ оригиналовъ; во всякомъ же случаѣ, подражаніе здѣсь было свободное, а не рабское; оно заключалось болѣе въ общей манерѣ, въ тонѣ изложенія, въ общихъ иногда сюжетахъ, но не въ подробностяхъ развитія основной мысли, не въ выборѣ и группировкѣ частныхъ. Такъ, напримѣръ, Гундуличъ, при написаніи своей знаменитой поэмы «Османъ» имѣлъ, быть-можетъ, въ виду «Освобожденный Иерусалимъ» Тасса, а Пальмотичъ, писавши «Христіаду», заимствовалъ для нея сюжетъ изъ подобной поэмы Види. Это не помѣшало однако ни тому, ни другому представить созданія въ высокой степени художественныя, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ далеко превосходящія названные итальянскіе образцы (особенно послѣдній изъ нихъ).

Съ другой стороны въ дубровницкой поэзіи встрѣчается много указаній и намековъ, много красокъ и картинъ, взятыхъ изъ мѣстной жизни, описаніе городовъ и острововъ, сельскихъ занятій, событій жизни общественной и фактовъ изъ славянской исторіи: достаточно назвать «Цыганку» Чубрановича, «Рѣбную ловлю» Гевторевича, особенно же великогѣпную эпопею Гундулича «Османъ», сюжетъ которой заимствованъ изъ исторіи борьбы славянъ съ мусульманами (1621) т. е. того самаго эпического цикла, который составляетъ исключительное почти содержаніе сербскихъ юнацкихъ пѣсенъ. Впрочемъ, если бы можно было даже доказать, что въ содержаніи многочисленныхъ дубровницкихъ одъ, посланій, элегій, идиллій, поэмъ и драмъ нѣтъ ничего народнаго, славянскаго, то и тогда онѣ не потеряли бы своего важнаго значенія въ исторіи славянской литературы уже по тому одному, что здѣсь мы находимъ столь высокую художественную прелесть сербскаго языка, что онъ надолго еще останется образцовымъ и неподражаемымъ. Это особенно должно сказать о трехъ послѣднихъ корифеяхъ

дубровницкой поэзіи: Гундуличъ, Пальмотичъ и Джорджичъ. Это мастерство дубровницкихъ поэтовъ въ употребленіи сербскаго языка тѣмъ для насъ удивительнѣе, что получая воспитаніе большею частію въ Италіи, или отъ итальянскихъ учителей, они должны были употреблять въ школѣ, въ наукѣ и управленіи языкъ латинскій и итальянскій; а нѣкоторые, какъ Раньина, Златаричъ и Джорджичъ писали и стихи на этихъ языкахъ съ меньшей свободой, какъ и на своемъ родномъ сербскомъ. Гдѣ же находили они образцы поэтическаго употребленія послѣдняго? Не въ другомъ чемъ, какъ въ произведеніяхъ сербской народной словесности, образчики которой даже уцѣлѣли въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ далматинскихъ поэтовъ. Мы можемъ назвать наконецъ одного далматинскаго поэта, хотя болѣе уже поздняго времени, именно первой половины XVIII вѣка, который соединилъ художественную форму старыхъ поэтовъ дубровницкихъ съ народнымъ содержаніемъ поэтовъ новосербскихъ. Это Андрей Качичъ Миоичъ, оставившій въ своемъ сочиненіи «Разговоръ угодни народа словинскаго» поэтическое описаніе важнѣйшихъ эпизодовъ сербской исторіи. Это сочиненіе до сихъ-поръ остается самою любимую и популярною книгою во всѣхъ мѣстностяхъ и слояхъ сербскаго народа. Этотъ характеръ и цѣль книги, кругъ читателей, къ которымъ она обращена и на которыхъ разсчитана, знаменуютъ эпоху уже новыхъ литературныхъ взглядовъ и задачъ.

Вообще же дубровницкую поэзію, по ея происхожденію и цѣлямъ, должно назвать скорѣе словною, чѣмъ народною. Въ городахъ Далмаціи, по образцу Италіи, составлялись общества или клубы, членами которыхъ были по большей части люди аристократическихъ фамилій; устраивались литературные вечера, домашніе спектакли и т. п., для которыхъ и писалась большая часть произведеній далматинской литературы разсматриваемаго періода. Предназначаемыя для тѣснаго кружка друзей произведенія распространялись большею частію въ немногочисленныхъ рукописныхъ копіяхъ, почему отъ нихъ уцѣлѣла и обнародована часть лишь очень незначительная въ сравненіи съ утраченнымъ или неизданнымъ. Народъ же не принималъ почти никакого участія въ этой блестящей литературной дѣятельности своихъ племячей, а также не многихъ патеровъ и горожанъ. О развитіи литературнаго вкуса и распространенія положительныхъ знаній въ на-

родъ не было еще рѣчи. Къ литературѣ, какъ могучему средству пропаганды въ народъ извѣстныхъ идей, прибѣгли впервые дѣятели реформаціи, а послѣ нихъ и католическіе проповѣдники должны были волей-неволей взяться за то же орудіе для сохраненія своей власти надъ просыпающимися умами народовъ. Впрочемъ, реформаціонное движеніе изъ своихъ германскихъ центровъ могло распространиться на славянскомъ югѣ лишь въ ближайшихъ къ Германіи мѣстностяхъ, именно въ землѣ словенцевъ и въ собственной провинціальной Хорватіи. Первыми вносителями въ эти страны протестантскихъ идей были даже отчасти одни и тѣ же лица, какъ напримѣръ словенцы Унгандъ и Далматинъ, хорваты Юридичъ, сербъ Поповичъ и боснякъ Малешевичъ. Въ народъ тогда пущено было множество хорватскихъ букварей, катихизисовъ и молитвенниковъ, которые печатались для этой цѣли въ Виттембергѣ, Тюбингенѣ, Регенсбургѣ и Нюренбергѣ, а потомъ и въ самой Хорватіи, въ типографіи одного изъ графовъ Принскихъ, ставшаго ревностнымъ прозелитомъ протестантизма. Впрочемъ, католической реакціи въ XVII вѣкѣ удалось подавить въ Хорватіи протестантизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и начатки народнаго образованія. Еще два вѣка продолжалась здѣсь полусонная дремота народа, убаюкиваемого іезуитскими молитвенниками и катихизисами и не пробуждаемого ни сухими словарями и грамматиками Габделичей и Бѣлостѣнцевъ, ни однообразнымъ воспѣваніемъ подвиговъ ситетскаго героя, Петра Принскаго, и другихъ поучительныхъ матерій.

Подобный же характеръ носить на себѣ литературная дѣятельность боснійскихъ францискацевъ (въ XVII и XVIII вѣкахъ) и духовныхъ книжниковъ въ Славоніи (съ начала XVIII вѣка). Нѣкоторое пробужденіе и духъ жизни виденъ лишь въ сатирическихъ опытахъ Рельковича и народныхъ идилліяхъ знаменитаго учонаго Катанчича.

Прежде чѣмъ перейти отъ этихъ чуть еще мерцающихъ проблесковъ пробуждающейся на славянскомъ югѣ духовной дѣятельности къ болѣе яркимъ фактамъ литературнаго и политическаго возрожденія сербо-хорватскаго народа, мы остановимся здѣсь на нѣкоторыхъ обнаруженіяхъ вліянія Россіи на сербо-хорватскую письменность этого средняго ея періода. Между духовною дѣятельностію православныхъ славянъ разныхъ странъ всегда поддерживалась тѣсная связь и

взаимодѣйствіе. Литературная собственность болгаръ была съ тѣмъ вмѣстѣ полнымъ достояніемъ Руси и Сербіи и на оборотъ. Такъ было по-крайней-мѣрѣ съ ихъ церковной письменностію. По счастливому стеченію случайностей, или по дѣйствию болѣе строгихъ историческихъ законовъ ослабленіе духовной дѣятельности въ одной изъ этихъ народностей сопровождалось соотвѣтственнымъ ея усиленіемъ въ другой, такъ-что, при взаимной поддержкѣ духовная жажда каждой народности находила себѣ удовлетвореніе болѣе или менѣе равномерное и непрерывное. Въ первый періодъ Болгарія дѣлилась избыткомъ своихъ книжныхъ произведеній съ Русью и Сербією. Въ XI вѣкѣ Болгарія падаетъ, но за-то укрѣпляется и развивается новопросвѣщенная Русь. Когда же она въ XIII вѣкѣ подверглась монгольскому игу, то духовное представительство православнаго славянства перешло къ Сербіи. Въ концѣ XIV вѣка сербское пораженіе на равнинѣ Косовской отчасти вознаграждено было современной и соразмѣрной русской побѣдой на полѣ Куликовомъ: съ XV вѣка Россія должна была въ другой разъ спасать дѣло славянства и православія—и она его вынесла на своихъ плечахъ. Хотя сербская церковь не раздѣлила судьбы сербскаго государства и пережила его паденіе, однако и она истощилась бы наконецъ въ своихъ духовныхъ силахъ и средствахъ, если бъ не получала нравственной и матеріальной поддержки отъ далекой Москвы, снабжавшей Сербію церковными книгами, утварью и т. д. На западѣ распространилось даже убѣжденіе, что русская редакція славянскихъ богослужебныхъ текстовъ и есть нормальная древне-славянская. Этотъ предразсудокъ былъ раздѣляемъ между прочимъ и римской куріей. Когда въ началѣ XVII вѣка папа для противодѣйствія протестантизму долженъ былъ прибѣгнуть къ снабженію своей славянской паствы богослужебными книгами, то въ самомъ Римѣ стали печататься глаголическіе служебники, евангелія и т. д. исправленныя Леваковичемъ (по совѣту Терлецкаго) по русскимъ изводамъ. Точно также въ XVIII вѣкѣ издавалъ глаголическія книги извѣстный Караманъ. Этими положено начало искусственному образованію такъ называемаго славяно-сербскаго языка, который господствовалъ въ сербской литературѣ еще въ началѣ нашего вѣка. Быть-можетъ въ нѣкоторой связи съ этими ранними попытками литературнаго объединенія русскихъ и сербовъ стоитъ омытъ об-

разованія искусственнаго хорвато-русскаго языка, предложенный въ половинѣ XVI вѣка знаменитымъ хорватомъ Юріемъ Крижаничемъ (авторомъ очень замѣчательной русскаго грамматикѣ, сочиненія о русскомъ государствѣ и др.). Обаяніе русскаго имени и вліяніе русскаго языка на славянскомъ югѣ усилились въ началѣ XVIII вѣка, подъ впечатлѣніемъ славныхъ подвиговъ Петра Великаго. Въ сербскія провинціи южной Австріи выписано было тогда изъ Кіева много учителей, которые принесли съ собою Смотрицкаго, Могилу и другія русскія учебныя книги. Какъ утвердилось тогда въ умахъ сербскаго образованнаго общества, особенно же духовенства, убѣжденіе въ полной пригодности для сербской науки и литературы этого подъ русскимъ вліяніемъ сложившагося тяжелого и неуклюжаго славяно-сербскаго языка, видно изъ той жаркой оппозиціи, какую встрѣтили первыя попытки ввести въ сербскую литературу народный разговорный языкъ, сдѣланныя знаменитымъ въ сербской словесности Доснеемъ Обрадовичемъ (1739—1811). Онъ дѣйствительно является вѣстникомъ уже новаго времени и новыхъ идей; но главная его заслуга заключается не въ томъ, что онъ заговорилъ на письмѣ народнымъ языкомъ—мы видѣли это и въ Дубровникѣ—а въ томъ, къ кому и о чемъ онъ завелъ свою рѣчь. Подобно своему единственному предшественнику на этомъ пути, Качичу, онъ обратилъ свою рѣчь къ народнымъ массамъ, говоря языкомъ для нихъ доступнымъ и о предметахъ для всякаго интересныхъ и полезныхъ. Въ «Совѣтахъ здраваго смысла», п въ своей «Жизни и приключеніяхъ» онъ имѣлъ цѣлю передать народу тѣ свѣдѣнія и ту практическую мудрость, которую нашлъ собственнымъ тяжелымъ опытомъ, своей скитальческой жизни, полною тревогъ и приключеній. Доснеемъ былъ также небезучастнымъ свидѣтелемъ завязавшейся въ началѣ нашего вѣка борьбы за освобожденіе и былъ первымъ устроителемъ школьнаго дѣла въ возрожденной Сербіи. Не безслѣдною для народнаго развитія осталась также учено-литературная дѣятельность протоіерея Ранча, перваго историографа сербскаго народа. Но по своему взгляду на литературный языкъ и способу изложенія онъ принадлежитъ еще XVIII вѣку, переходному въ сербской исторіи. Истиннымъ же представителемъ и главнымъ двигателемъ литературнаго возрожденія сербскаго народа долженъ быть названъ Вукъ Стефановичъ Карад-

жичъ. Его пятидесяти-лѣтняя литературная дѣятельность (1814—1864) произвела глубокой и благотворительный переворотъ не только въ народномъ самосознаніи сербовъ, но и во взглядахъ науки на ихъ языкъ, исторію, этнографію. Въ произведеніяхъ народнаго творчества сербовъ, онъ открылъ для изученія цѣлый міръ новыхъ образовъ и звуковъ, понятій и идеаловъ, вѣрованій и преданій, неизсякаемый источникъ открытій для этнографа и вдохновеній для художника. Сербская народная словесность, по ясности, широтѣ и самобытности выражающагося въ ней міросозерцанія, несравненно выше всего, что создало до-сихъ-поръ личное творчество сербскихъ художниковъ, и потому долго еще сравнительное достоинство послѣднихъ будетъ измѣряться по мѣрѣ ихъ приближенія либо отдаленія отъ этой неподвижной и возвышенной нормы. Этотъ взглядъ опредѣляетъ направленіе, господствующее въ новой школѣ сербскихъ поэтовъ и писателей. Вотъ почему изданіе произведеній сербскаго народнаго творчества Вукомъ составило эпоху въ исторіи сербской словесности. Но этимъ не ограничиваются его заслуги: онъ первый собралъ и разсмотрѣлъ въ достаточной полнотѣ составъ и строй сербскаго народнаго языка, въ разныхъ его развѣтвленіяхъ; своей теоріей, примѣромъ и вліяніемъ онъ болѣе всѣхъ другихъ содѣйствовалъ установленію опредѣленной нормы сербскаго литературнаго языка. Въ этомъ случаѣ онъ оказалъ справедливое предпочтеніе звуковымъ и грамматическимъ особенностямъ такъ называемаго штокавскаго говора, господствующаго въ южныхъ, наиболѣе чистыхъ этнографически и пѣсенныхъ мѣстностяхъ сербской площади и бывшаго уже разъ литературнымъ органомъ дубровницкой поэзіи. Вотъ почему эта реформа безъ значительнаго сопротивленія была принята не только адриатическими чакавцами, но и загребскими кайкавцами. Болѣе споровъ и возраженій вызвало другое нововведеніе Вука, хотя касающееся предмета болѣе второстепеннаго, именно—правописанія. До Вука у православныхъ сербовъ, какъ и у русскихъ, господствовало унаслѣдованное отъ древности историческое или этимологическое правописаніе; Вукъ считъ полезнымъ замѣнить его фонетическимъ или звуковымъ, издавна господствующимъ въ большей или меньшей мѣрѣ у всѣхъ славянъ неправославныхъ (даже у босняковъ). Но при этомъ онъ вдался бытъ-можетъ въ крайность,

совершенно пренебрегли въ правописаніи не только исторію, но и этимологию языка. Подобный методъ пригоденъ конечно для фонетической транскрипціи народныхъ пѣсень и сказокъ, имѣющихъ значеніе не только для литературы, но и для діалектологіи; но онъ едва ли удовлетворителенъ въ приложеніи къ языку литературному, который долженъ привести къ нѣкоторому, хоги и отвлеченному, единству неуловимое и безконечное разнообразіе мѣстныхъ говоровъ и поднарѣчій. Вотъ почему, быть-можетъ, не совсѣмъ безпричинною была сильная и продолжительная оппозиція, съ которою встрѣтился на этомъ пути Вукъ. Воздемъ ея былъ довольно извѣстный въ 30-хъ и 40-хъ годахъ сербскій публицистъ, поэтъ и политикъ Иванъ Хаджичъ (Свѣтичъ). Вукъ одержалъ однако побѣду, благодаря особенно-беззастѣнливому образу дѣйствій оппозиціи, которая уронила свое дѣло, поставивши его подъ эгиду самаго непопулярнаго въ Сербіи правительства Александра Карагеоргиевича. Молодое поколѣніе стало за преслѣдуемую вуковицу и она окончательно утвердилась въ сербской литературѣ, когда въ 1859 году и въ княжествѣ снято было съ нея запрещеніе, наложенное въ 1849 году.

Въ періодъ, отмѣченный именемъ Вука, сербская литература получила очень далекое развитіе, хотя болѣе въ ширину, чѣмъ въ глубину, то-есть болѣе по количеству, чѣмъ по качеству появившихся произведеній. Ея площадь постепенно расширялась и дѣятельность сосредоточивалась; появились литературные центры въ Новомъ-Садѣ, Вѣлградѣ, Загребѣ, Задрѣ. Уровень народнаго образованія возвышался, благодаря особенно плодотворной дѣятельности матицъ (новосадской, илирской, далматинской), или обществъ для изданія народныхъ книгъ, учебниковъ, газетъ и т. д. При каждой матицѣ сталъ издаваться журналъ («Сербскій Лѣтописецъ», «Книжничъ», «Далматинская Заря»). Если же многое, какъ въ этихъ, такъ и другихъ публицистическихъ изданіяхъ этого времени, представляется очень еще слабыми школьными опытами, переводы, заимствованія и подражанія, то и это въ свое время было полезно и даже необходимо, если оно удовлетворяло вкусу читателей и расширяло ихъ кругъ. Въ программу нашего легкаго очерка исторіи сербо-хорватской литературы не можетъ входить подробный критическій разборъ и оцѣнка литературныхъ произведеній новѣйшаго времени. Мы отсылаемъ читателей къ

самому сборнику, гдѣ они найдутъ довольно подробныя выдержки, изъ которыхъ можно составить довольно опредѣленное понятіе о характерѣ, направленіи и достоинствахъ новосербской литературной школы. Съ другой стороны едва ли приспѣло время для исторической оцѣнки писателей и ихъ произведеній, не подвергшихся еще пробѣ времени, не отошедшихъ на такое отъ насъ разстояніе, съ котораго онѣ могли бы быть видны въ цѣлости и естественномъ своемъ освѣщеніи. Мы должны поэтому ограничиться здѣсь самыми общими замѣчаніями о писателяхъ и ихъ произведеніяхъ, предоставляя эстетическому вкусу читателя произнести приговоръ надъ дарованіемъ того или другого автора и достоинствомъ его произведеній.

Такъ-какъ журналы сдѣлались первыми центрами новозародившейся литературы, то мы должны упомянуть имена лицъ, потрудившихся на этомъ пути. Первымъ сербскимъ журналистомъ или публицистомъ долженъ быть названъ Дмитрій Давидовичъ, много помогшій Вуку въ проведеніи его литературныхъ реформъ и въ обновленіи сербскаго литературнаго языка. По слѣдамъ Давидовича пошли затѣмъ: Иванъ Хаджичъ (Свѣтичъ), извѣстный составитель сербскаго «Закононика», основатель Новосадской Матицы и противникъ Вука въ вопросѣ о сербскомъ правописаніи; Милошъ Поповичъ, 20 лѣтъ стоявшій во главѣ сербской журналистики; Феодоръ Павловичъ, врагъ илирской теоріи, апостоломъ которой былъ знаменитый въ свое время хорватскій публицистъ Людевитъ Гай, благодаря почину котораго хорваты приняли сербскую штогавшину, какъ общій литературный органъ всѣхъ хорватовъ и сербовъ.

Въ сербской поэзіи этого періода преобладаетъ лирика и эпосъ; въ области драмы сдѣланы были нѣкоторые опыты болѣе или менѣе удачныя, причѣмъ произведенія Матвѣя Бана, Суботича, Боговича, Деметера и, въ особенности, Ивана Поповича и Лазаря Лазаревича приобрѣли извѣстность; но все это не могло создать сербскаго народнаго театра, а тѣмъ болѣе идти въ сравненіе съ тѣмъ, что произвели новосербскіе писатели въ области лирической и эпической. Правда, что въ этомъ случаѣ они имѣли предъ собою неподражаемые образцы народнаго творчества; но, во всякомъ случаѣ, заслуга этихъ писателей велика уже потому, что они серьезно занялись разработкой этого народнагоклада, моти-

вовъ народной поэзіи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣли возвести сюжеты и мотивы безыскусственного народнаго творчества въ перлъ искусства.

Уже епископъ Лукіанъ Мушицкій пробовалъ свои силы въ лиригѣ; но его оды писаны на языкѣ нѣсколько искусственномъ и ненародномъ, а содержаніе — отвлеченно и тенденціозно, хотя нельзя ему отказать ни въ даровитости, ни въ обиліи мыслей и образовъ. Гораздо выше поднялся въ своемъ лирическомъ одушевленіи и эпической образности Сима Милутиновичъ, котораго упрекаютъ лишь въ недостатокъ полной отдѣлки стиха и языка, нѣсколько смутнаго и хаотическаго. По его слѣдамъ пошолъ его ученикъ, знаменитый черногорскій владыко Петръ Петровичъ Нѣгошъ, великій какъ государь, человекъ и поэтъ. Его «Горскій вѣнецъ», сборникъ аллегорическихъ пѣсней въ драматической формѣ, стоитъ на высотѣ сербскаго народнаго творчества и принадлежитъ къ числу популярнѣйшихъ произведеній сербской литературы.

Не мало произведеній въ лирическомъ и эпическомъ родѣ оставили также Суботичъ, Матвій Банъ, Катянскій, Медо-Пучичъ, Антонъ Казали, Утѣшеновичъ, Тернскій, Прерадовичъ, Боговичъ, Вукотиновичъ, Деметеръ, Ненадовичъ, Якшичъ и нѣкоторые другіе. Поэтическія же произведенія, блеснувшего яркимъ, но летучимъ метеоромъ, Радичевича, затѣмъ знаменитаго учонаго и политика Кукулевича-Савцинскаго, славнаго автора «Ченгичъ-аги» Мажуранича, образованнаго и благороднаго словенца Станка Врза, черногорскаго публициста и поэта Сундечича — ихъ поэтическія произведенія могли бы занять почетное мѣсто и въ литературѣ болѣе богатой и развитой, чѣмъ сербо-хорватская. Художественная форма и высокая прелесть языка старыхъ поэтовъ далматинскихъ здѣсь соединяется съ оригинальностію содержанія и тона произведеній сербскаго народнаго творчества. Соединеніе же этихъ двухъ условий и полная ихъ гармонія могутъ служить ручательствомъ, что

въ этихъ опытахъ сербская литература имѣетъ наконецъ сокровище, которое много грядущихъ поколѣній будетъ не только изучать, но и любить.

Въ числѣ названныхъ корнеевъ новосербской литературы одни принадлежатъ сербамъ, а другіе — хорватамъ. Мы поставили ихъ рядомъ потому, что съ сороковыхъ годовъ, благодаря усиліямъ Людевита Галя и его загребскихъ сотрудниковъ, хорваты применили къ литературному единству съ сербами и на всемъ пространствѣ отъ Новаго Сада до Цетинья и отъ Нѣготина до Рѣи употребляется теперь одинъ литературный языкъ, созданный, какъ мы видѣли, Вукомъ. Разница осталась лишь въ азбукѣ: католики пишутъ латинскимъ алфавитомъ, а православные кириллицей. И это обстоятельство со временемъ должно быть устранено, такъ какъ оно вредитъ распространенію книгъ, напечатанныхъ въ Загребѣ въ Сербію и на оборотъ, слѣдовательно уменьшаетъ сбытъ или дѣлаетъ необходимымъ перепечатываніе того же текста въ двухъ видахъ.

Рядомъ съ развитіемъ литературы, и наука сдѣлала уже значительные успѣхи въ Сербіи и Хорватіи, особенно въ послѣдней. Имена Даничича, Кукулевича и Рачкаго сдѣлали бы честь и всякой другой литературѣ. Изданія Бѣлградскаго Учонаго Общества, а еще болѣе Загребской Югославянской Академіи заключаютъ въ себѣ много важнаго матеріала для мѣстной исторіи и этнографіи.

Можно надѣяться, что это развитіе сербской литературы и науки пойдетъ еще свободнѣе и успѣшнѣе, когда падетъ послѣдняя преграда вольному ея теченію, состоящая въ ненормальномъ политическомъ положеніи сербо-хорватскихъ земель, и когда совершится болѣе тѣсное — хотъ литературное, если не политическое — сближеніе славянъ южныхъ съ западными и восточными.

А. Будиловичъ.

СЕРБО-ХОРВАТСКІЕ ПОЭТЫ.

III. МИНЧЕТИЧЪ.

Шиньо Минчетичъ родился въ 1475 году въ Дубровникѣ. Онъ начинаетъ собою рядъ собственно дубровницкихъ поэтовъ, создавшихъ свою собственную, особую литературу, занявшую весьма почетное мѣсто среди подавлявшихъ ее со-сѣднихъ литературъ, итальянской и латинской. Изъ біографіи Минчетича видно, что онъ началъ свое воспитаніе изученіемъ латинскихъ классиковъ и философіи Платона, а кончилъ собираніемъ родныхъ пѣсенъ и подражаніемъ имъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Далѣе въ біографіи его играетъ большую роль любовь, навѣявшая его «Рјезни ljubezne», которыя такъ нравились современникамъ, что его ставили на равнѣ съ Петrarкой. Но любовь Минчетича была чисто итальянско-романтическая и тонъ его пѣсенъ прямо напоминаетъ эротическихъ поэтовъ Италіи, какъ это легко можетъ увидѣть каждый, прочитавъ, помѣщенную вслѣдъ за этимъ, одну изъ лучшихъ его пѣсенъ въ близкомъ переводѣ. Минчетичъ умеръ въ 1524 году.

ПѢСНЯ.

Будь мнѣ господиномъ, свѣтлое ты солнце,
Чтобы не тужилъ я, сидя у окна!
Будь мнѣ господиномъ, будь моимъ владыкой —
Ясными лучами горе мнѣ размыкай:
Стану ими свѣтель, тѣми я лучами,
Что на небѣ мѣсяцъ промежду звѣздами,
Словно царь гуляетъ посреди царства...

Для любви другого нѣту мнѣ лекарства;
Безъ того рѣкою будутъ литься слезы,
Жизнь не въ жизнь мнѣ будетъ, бури лишь дагрозы.
Лучше бъ не родиться, бѣдъ не вѣдать болѣ:
Не было бы сердце въ такой неволѣ!

Н. Бергъ.

Г. ЛУЧИЧЪ.

Ганибалъ Лучичъ родился въ 1480 году на островѣ Гваръ. Онъ много путешествовалъ по морю, любилъ науки и литературу. Кромѣ «Любовныхъ Пѣсенъ», сочинять которыя былъ обязанъ каждый поэтъ его времени, Лучичъ написалъ драму «Robinja», содержаніе которой взято изъ временъ борьбы хорватовъ съ турками, множество *похвальныхъ* и *надиробныхъ* стихотвореній и перевелъ пятнадцать главъ изъ Овидіевыхъ «Превращеній». Сочиненія Лучича были изданы въ 1556 году сыномъ его Антоніемъ; въ другой разъ, безъ любовныхъ пѣсенъ — въ 1638, и въ третій разъ — Гайемъ, въ 1847 году, съ предисловіемъ доктора А. Мажурапча. Изъ числа мелкихъ стихотвореній Лучича, любопытна его пѣсня въ похвалу Дубровнику, въ которой высказывается и глубокое уваженіе его къ свободной общинѣ, и любовь къ славянству, погибающему подъ турецкимъ гнетомъ, и сожалѣніе о томъ, что славяне оставляютъ другъ друга безъ поддержки, и мольбы къ Богу о помощи противъ невѣрныхъ. Лучичъ умеръ въ 1525 году.

ИДЕАЛЬНАЯ КРАСАВИЦА.

Вила хвастать красотю
 Да не смѣть ни одна!
 Чтѣ красы всѣхъ вилъ предъ тою,
 Кѣмъ мнѣ жизнь отравлена?
 Предъ красавицей такою*
 Что на диво создана,
 Да не смѣть ни одна
 Вила хвастать красотю!

Надъ челоу ея прекраснѣмъ
 Діадѣму изъ волосъ
 Созерцаю окомъ страстнѣмъ;
 Въ данъ я сердце ей принѣсъ —
 И стою я ей подмастнѣмъ,
 Зря, какъ золото виделось
 Въ діадѣму изъ волосъ
 Надъ челоу ея прекраснѣмъ.

Зрю надъ чернѣми очами
 Брови чернѣя дугой;
 Очи жгутъ весь мѣръ лучами
 И творятъ его слугой
 Ей покорнѣмъ; мѣръ съ ключами
 Отъ сердцеъ поникъ главоу,
 Брови чернѣя дугой
 Зря надъ чернѣми очами.

Рдѣютъ розовѣя губки,
 Слово царственнѣмъ кораллѣ;
 Слово жѣмчугъ, блещутъ зубки;
 Слово скажетъ — даръ низалъ
 Маны съ неба — въ райскомъ кубкѣ
 Некторъ поданъ — пиръ насталъ.
 Слово царственнѣмъ кораллѣ,
 Рдѣютъ розовѣя губки.

О, блаженъ, кто шейку эту,
 Эти перси обойметъ;
 Въ торжествѣ, на зависть свѣту,
 Всѣхъ владычъ онъ превзойдетъ;
 Равнодушнѣмъ къ солнца свѣту,
 Скажетъ: «пусть оно уйдетъ!»
 О, блаженъ, кто обойметъ
 Эти перси, шейку эту!

Между женщинъ стройнѣмъ станомъ
 Такъ возносится она,
 Что, сдается, выснѣмъ саномъ
 Въ ихъ кругу облечена...

Мелкѣмъ лѣсъ закрыть туманомъ:
 Только пальма въ немъ видна;
 Такъ возносится она
 Между женщинъ стройнѣмъ станомъ.

Цвѣтъ, что всѣхъ цвѣтовъ дороже,
 Да не блекнетъ долги дни!
 Золъ зубъ времени, но — Боже —
 Ты ее оборони!
 Смерть всѣхъ коситъ: отъ неѣ же
 И ее ты отжени!
 Да не блекнетъ долги дни
 Цвѣтъ, что всѣхъ цвѣтовъ дороже!

В. Бенедиктовъ.

И. ГУНДУЛИЧЪ.

Иванъ Гундуличъ, знаменитѣйшій изъ старинныхъ дубровницкихъ поэтовъ, родился 27 декабря 1587 (8 января 1588) года въ Дубровникѣ. Жизнь и дѣятельность Гундулича совпадаетъ съ тѣмъ временемъ процвѣтанія дубровницкой республики, когда она достигла высочайшей степени своего развитія и славы. Школьнымъ его образованіемъ руководили іезуиты Сильвестръ Музи и Р. Ривазоли: затѣмъ онъ изучалъ философію и право. Онъ началъ свое литературное поприще на 22-мъ году. Изученіе итальянскихъ поэтовъ отразилось въ его трехъ большихъ переводахъ, изъ которыхъ особенно замѣчательнъ переводъ «Освобожденнаго Іерусалима» Тасса, а также и въ его первыхъ оригинальныхъ произведеніяхъ, именно — въ «Галатеѣ», «Церерѣ», «Клеопатрѣ», «Адонисѣ» и другихъ. Переносъ итальянскія растенія на славянскую почву, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, старался перенести въ далматинскую литературу и итальянское благозвучіе стиха, и въ этомъ отношеніи достигъ такого совершенства, какое было не извѣстно ни его предшественникамъ, ни послѣдователямъ. Онъ присоединился потомъ къ обществу молодыхъ поэтовъ, посвятившихъ свою дѣятельность развитію драмы, и написалъ или перевелъ нѣсколько драматическихъ пьесъ, которыя разигрывалъ на сценѣ вмѣстѣ съ своими товарищами. Вотъ названія этихъ пьесъ: «Ариадна», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, «Дубровничанка», идиллическая драма въ трехъ дѣйствіяхъ, «Похищенная Прозерпина», драма въ трехъ дѣйствіяхъ, «Диана и Эндиміонъ», «Армида и Ринальдо» и

другія. Затѣмъ, перевелъ шесть псалмовъ (6, 31, 37, 50, 101 и 141-й) и издалъ ихъ отдѣльной книжкой въ 1621 году, подъ заглавіемъ «Псалмы царя Давида», написалъ элегическую поэму въ трехъ пѣсняхъ «Слезы блуднаго сына» и нѣкоторыя другія менѣе значительныя пѣсы, наконецъ знаменитаго въ далматинской литературѣ «Османа», эпическую поэму въ двадцати пѣсняхъ, которой современники пророчили безсмертную славу, и которая до-сихъ-поръ пользуется огромною извѣстностью въ южно-славянской литературѣ. Желая выбрать такой сюжетъ, который бы имѣлъ высокой поэтической интересъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ бы поводъ къ прославленію всего славянства, особенно его любимаго Дубровника, онъ взялъ предметомъ для своей эпопеи войну, происходившую въ 1621 году между поляками и турецкимъ султаномъ Османомъ и, въ особенности, событія послѣдовавшія за пораженіемъ турокъ подъ Хотиномъ и гибелью султана Османа. Поэма представляетъ много истинно-прекрасныхъ мѣстъ. Патриотизмъ поэта выражается въ поэтическихъ обращеніяхъ къ любимому Дубровнику, къ сербскому народу, причѣмъ бросаетъ поэтически взглядъ на ея исторію и славу ея героевъ. Въ 1-й пѣснѣ поэтъ изображаетъ Османа, который томится, припоминая пораженіе недавно нанесенное ему поляками; онъ хочетъ наказать янычаръ, виновниковъ этого несчастія. Во 2-й пѣснѣ описанъ совѣтъ султанскихъ пашей: султанъ рѣшается послать къ польскому королю просить мира. Въ 3-й и 4-й пѣсняхъ изображено путешествіе султанскаго посла. Въ 5-й и 6-й рассказывается, какъ дорогою онъ встрѣчается съ Крунославою, которая ѣдетъ въ Турцію съ королевичемъ Владиславомъ, чтобы выкупить своего нареченнаго жениха, Кореваго, и сталкивается на пути съ Соколницею, любовницею султана Османа. Далѣе, въ пѣсняхъ 7-й и 8-й, изображены подвиги этой Соколлицы, которая, предводительствуя дружиною, опустошаетъ Польшу. Въ 10-й и 11-й пѣсняхъ описывается пребываніе султанскаго посла въ Варшавѣ и заключеніе мира. Въ пѣсняхъ 12-й, 13-й, 14-й и 15-й Крунослава, переодѣтая, посѣщаетъ въ темницѣ Кореваго, но еѣ предають и толпа турокъ врывается въ темницу и убиваетъ ихъ обонхъ. Это служитъ поводомъ къ разрыву, такъ-какъ освобожденіе Кореваго было однимъ изъ условій мира. Османъ беретъ себѣ въ жены Соколлицу и еще

двухъ дѣвъ и готовится къ войнѣ. Пѣснь 16-я войско возмущается въ слѣдствіе приказа готовиться къ походу. Пѣсни 17-я, 18-я и 19-я: Османъ старается усмирить бунтъ, но его дядя, Даудъ-бей, становится во главѣ бунтовщиковъ, убиваетъ визиря и прочихъ приближенныхъ султана, освобождаетъ родственника султана Мустафу изъ темницы и провозглашаетъ его султаномъ. Пѣснь 20-я: Османа уводятъ въ семибашенный замокъ и тамъ удушаютъ его. Изъ двадцати пѣсень «Османа» двѣ были затеряны, и впослѣдствіи ихъ дополнилъ его внукъ, Петръ Саркочевичъ, а въ новѣйшее время извѣстный хорватскій поэтъ Иванъ Мажураничъ. Гундуличъ былъ женатъ на дочери магната Саркочевича, Николицѣ, отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: Матвѣя, Иеронима и Сигизмунда. Онъ умеръ въ 1638 году.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ОСМАНЪ».

Ростомъ, видомъ Крунослава
Словно ёлка на горѣ;
Конь подъ ней что вихоръ бурный,
Задитъ въ златѣ и сребрѣ.

На землѣ коня такого
Не видали никогда:
Голова и перси въ латахъ,
На челѣ горитъ звѣзда.

А Соколлица — какъ соколъ:
Быстрый взоръ и ясный ликъ,
Горделивая осанка,
Станъ и строевъ и великъ.

Конь подъ нею то жъ какъ соколъ,
Соколиныя крылѣ;
Изъ очей онъ мечетъ искры;
Хвостъ и грива — на землѣ.

На щитѣ изображене
Звѣря съ мѣсяцемъ въ борьбѣ
И начертана надъ ними
Надпись: *тронь самъ себѣ.*

За возлюбленной своею
Молодой султанъ слѣдитъ,
Чтобъ она жива осталась —
Замираетъ и дрожитъ.

Королевичъ юный занять
Весь наѣздницей другой:
Страстно мѣряетъ движенья
Подунавки дорогой;

Молить небо, чтобъ вдохнуло
Доблесть, мужество въ неѣ,
Чтобъ ее въ бою щадили
Вражья сабля и копьѣ.

Та и та на бой готовы,
Силу, храбрость показать.
Справа — польскія дружины,
Слѣва — вражеская рать.

Поле ровно и широко
Посрединѣ разлеглось,
А вверху, свидѣтель битвы,
Око солнышка зажглось.

Вотъ помчались — словно буря
Противъ бури понеслась —
Сшиблись страшно: у обѣихъ
Сталь на коньяхъ подалась.

Разомъ сабли обнажаютъ,
Лютой злобою кипятъ;
За ударами удары
Шумно сыпятся, какъ градъ;

Искры прыгаютъ по латамъ,
Искры скачутъ по щитамъ.
Кони носятъ храбрыхъ всадницъ
По долинѣ здѣсь и тамъ;

Налетаютъ буйнымъ вихремъ
Съ той и съ этой стороны:
Ни одна не побѣждаетъ,
Обѣ силами равны.

И щиты, и латы цѣлы,
Ими грудь охранена;
Ни единого на сабляхъ
Нѣтъ кроваваго пятна.

Полны гнѣва и досады,
Начинаютъ новый бой —
Словно вѣтеръ разыгрался
Въ чащѣ зимнею порой.

Разгорѣлись въ битвѣ обѣ,
Поднялись на стременихъ —
Ихъ шеломи золотые
Съ звономъ падаютъ во прахъ:

Словно солнце просіяло
Двухъ воительницъ чело,
Межъ волнами косъ ихъ пышныхъ,
Лучезарно и свѣтло —

И какъ солнце изъ-за тучи
Сыплетъ яркіе лучи,
Такъ блестяи, такъ играли
Ихъ булатные мечи.

Кто смотрѣлъ на нихъ спокойно
И въ очахъ не меркнулъ свѣтъ
У него — въ томъ сердце камень,
Либо вовсе сердца нѣтъ.

Отъ могучихъ вздохомъ ратей
Колыхнулись облака;
Рать на рать пошла; нагрянулъ
Тутъ сѣдокъ на сѣдока.

Блещутъ сабли, свищутъ стрѣлы,
Кони ржутъ, трубитъ труба;
Всюду ратное движенье,
Кровь, удары и борьба.

Гулъ пронесся по равнинѣ,
Скрылся день, явилась ночь,
И жестокой бой утихнулъ:
Биться воинамъ нѣ въ мочь!

Между нихъ краскою дивной
И блистая, и горя,
Двѣ наѣздницы видѣлись,
Точно ясная заря...

Н. Бергъ.

Ю. ПАЛЬМОТИЧЪ.

Юній Пальмотичъ, потомокъ древней дубров-
ницкой фамилии, родился въ Дубровникѣ въ 1606
году. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ обнаружилъ
большую любовь къ наукамъ и склонность къ
занятіямъ литературнымъ. Прощедши латынь и
ретику, подъ руководствомъ двухъ іезуитовъ, а

философію при содѣйствіи Михаѣла Градича, Пальмотичъ приобрѣлъ сначала извѣстность какъ латинскій поэтъ, но потомъ, подъ вліяніемъ своего двоюроднаго брата, знаменитаго автора «Османа» Гундулича, обратился къ національной поэзіи и сталъ ревностно изучать народный языкъ, а такъ-какъ въ Дубровникѣ языкъ этотъ принялъ много итальянскихъ элементовъ, то онъ обратился къ Босніи, гдѣ и сталъ искать коренной сербской народности. Драма была любимымъ родомъ сочиненій Пальмотича. Сочинялъ онъ очень легко: обдумавъ планъ новаго своего драматическаго произведенія и распредѣливъ роли своимъ молодымъ товарищамъ, такимъ же страстнымъ поклонникамъ сцены, какъ и онъ, Пальмотичъ каждому изъ нихъ прямо диктовалъ его роль стихами. Въ выборѣ сюжетовъ онъ былъ, впрочемъ, мало самостоятеленъ: большая часть ихъ заимствована. Такъ, напримѣръ, драму «Эней» взялъ онъ изъ Виргилія, «Ахилла» — изъ Гомера, «Эдина тирана» — изъ Софокла, «Похищеніе Елены» — изъ Овидія, «Ринальда» и «Армиду» — изъ Тасса, «Павлимира» — изъ преданій объ основаніи Дубровника, «Кашиславу» — изъ дуклянскаго лѣтописца, и т. д. Пальмотичъ былъ извѣстенъ также какъ сатирикъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сочинитель духовныхъ гимновъ и переводчикъ псалмовъ. Но самымъ знаменитымъ его произведеніемъ считается поэма «Христіада», отрывокъ изъ которой, въ переводѣ на русскій языкъ, помѣщенъ въ нашемъ изданіи. Это — вольная передѣлка поэмы того же названія Геронима Види. Она пользуется большимъ почетомъ въ далматинской литературѣ, въ которой Пальмотичъ занимаетъ самое высокое мѣсто, на равнѣ съ Гундуличемъ. Далматинская литература имѣла въ немъ и своего представителя итальянской импровизаціи: Пальмотичъ легко импровизировалъ на далматинскомъ благозвучномъ языкѣ; въ особенности замѣчательны были его пѣсни, которыя пѣвались въ веселомъ обществѣ; въ то время, когда пѣлась одна строфа, онъ уже готовилъ другую, еще болѣе веселую. Пальмотичъ умеръ въ 1657 году, имѣя пятьдесятъ лѣтъ отъроду.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ПОЭМУ «ХРИСТІАДА».

Вышній Духъ! услышь и внимли!
Кто все зиждетъ, сохраняетъ;
Небеса, моря и земли
Кто собою наполняетъ!

Вдохнови меня святою
Силою — пѣть царя вселенны,
Кто попрагъ своей пятою
Змія страднаго геенны;

И зачать, и въ свѣтъ родилса
Кто отъ Дѣвы непорочной;
Кто звѣздой небесъ явилса
Мудрецамъ страны восточной;

Кто божественныя руки
Восхотѣлъ къ землѣ простерти,
Чтобъ рабовъ спасти отъ муки,
И отъ рабства и отъ смерти;

Кто въ небесные чертоги
Ввѣкъ-незыблемаго храма
Предвосхитилъ души многи,
Да замолятъ грѣхъ Адама.

Зрѣлъ весь міръ, какъ на мученью
Онъ пошолъ и Богу предалъ
Духъ безсмертный, и ученю
Сонму вѣрныхъ заповѣдалъ.

И въ минуту смерти Спаса
Тьма вселенную покрыла,
И завѣса раздралася,
И померкнули свѣтила.

Сею силою чудесной
Дай мнѣ, Боже, трудъ подвигнуть,
И во прахѣ, въ кельѣ тѣсной,
Недостижное постигнуть!

Дай, съ земного мнѣ порога
Безмятежно и спокойно
Въ небесахъ увидѣвъ Бога,
Восхвалить Его достойно!

Н. Бергъ.

И. ДЖОРДЖИЧЪ.

Игнатій Джорджичъ родился въ 1675 году въ Дубровникѣ. Еще будучи въ школѣ, онъ обнаруживалъ замѣчательную силу духа, необыкновенную память и проникательность. Получивъ первоначальное образованіе у иезуитовъ, онъ продолжалъ его подъ надзоромъ Луки Кордича, ро-

домъ герцеговинца изъ Мостара, которому исключительно обязанъ былъ своими филологическими познаніями. Но поэтическая натура влекла его въ другую сторону—къ чтенію латинскихъ классиковъ и романическихъ произведеній новѣйшей итальянской литературы. На двадцать второмъ году Джорджичъ вступилъ въ орденъ іезуитовъ, изъ котораго впоследствии перешолъ въ орденъ бенедиктинцевъ и игралъ значительную роль въ дубровницкой республикѣ. Онъ отличался большою учовостью, трудолюбіемъ и плодовитостью. Онъ началъ свое литературное поприще латинскими и славянскими стихотвореніями и оставилъ множество сочиненій на латинскомъ, итальянскомъ и славянскомъ языкахъ. Не станемъ перечислять иноязычныхъ сочиненій Джорджича; что же касается произведеній его славянской музы, то она преимущественно отличается почетельнымъ и религіознымъ характеромъ, что можно видѣть изъ самыхъ названій его поэмъ: «Вздохи кающейся Магдалины», «Славянской псалтырь» и другіе. Впрочемъ, Джорджичъ оставялъ иногда свои духовные сюжеты и обращался къ сатирѣ и даже написалъ цѣлую шуточную поэму, подъ названіемъ «Марунко и Павлица». Онъ умеръ аббатомъ въ 1737 году.

СВѢТЛЯКЪ.

Ночь спустила покрывало,
Меркнеть синій неба сводъ,
Звѣзды ясны выходятъ,
Начинають хороводъ.

Долго-долго ждалъ я милой,
Чтобы вышла на крыльцо;
Вдругъ изъ малаго окошка
Опустилось письмецо.

Какъ мучительно хотѣлъ я
Знать, что было въ томъ письмѣ,
Но не могъ я, какъ ни бился,
Прочитать его во тьмѣ.

Свѣтъ на помощь не приходитъ,
Мѣсяцъ гдѣ-то за горой,
А небесныя свѣтила
Высоко надъ головой.

Я въ отчаяннѣ ужъ думалъ
Подъ раки товъ кустъ загѣзть

И, сухой зажегши хворостъ,
Строки милыя прочесть.

Вдругъ, смотрю я, загорѣлся
На травѣ свѣтлякъ-жучокъ,
Словно яхонтъ самоцвѣтннй,
Словно малый огонѣкъ.

Драгоценную добычу
Я проворно ухватилъ,
Жизнью дышущее пламя
На письмо я положилъ:

Все узналъ я: мнѣ открылся
Тайный смыслъ немногихъ словъ...
О, хвала тебѣ во вѣки,
Свѣточъ маленькихъ луговъ!

Не простое украшенье
Ты природы и весны,
Нѣтъ, ты лучъ игривый солнца,
Къ намъ упавшій съ вышины!

И за тѣмъ ночной порою
По лугамъ летаешь ты,
Чтобъ шушукали, любились
Межъ собой во тьмѣ цвѣты.

Все завидуетъ, мой свѣточъ,
Неземной твоей красѣ:
Драгоценныя металлы,
Камни радужныя всѣ.

Какъ начать свой танецъ нимфы
На лугу, въ ночную тишь:
Ты на чѣлахъ ихъ звѣздомъ
Лучезарною горншь.

Спящей ты земли зеница,
День, играющій въ ночи!
Вѣчно буду, милый свѣточъ,
Я любить твой лучъ!

Отгорѣлъ мое ты сердце
На живомъ своемъ огнѣ,
Утишилъ и успокоилъ
Бури страстныя во мнѣ...

Н. Бергъ.

А. КАЧИЧЬ-МИОШИЧЬ.

Андрей Качичь-Миошичъ, потомокъ княжеской фамилиі далматинскаго поморя, родился въ 1690 году въ приморской деревнѣ Бристѣ, въ Далмациі. Первоначальное воспитаніе свое получилъ онъ въ Заострогскомъ монастырѣ, подъ руководствомъ учонаго францисканскаго монаха, Луки Томашевича, послѣ чего, по желанію своихъ родителей, постригся въ монахи того же монастыря, имѣя всего шестнадцать лѣтъ. Затѣмъ, для довершенія своего образованія, ѣздилъ два раза въ Буду (Пештъ), гдѣ прошолъ съ полнымъ успѣхомъ курсъ философіи и богословія. Свою философію, которая не шла дальше францисканскихъ образцовъ, онъ изложилъ въ латинскомъ сочиненіи съ длиннымъ заглавіемъ, за что получилъ мѣсто профессора въ Мокарскомъ монастырѣ. Онъ перевелъ потомъ пять книгъ Моисеевыхъ и нѣсколько пророчествъ, изданныхъ въ 1760 году подъ заглавіемъ «Кораблицца»; наконецъ обратился къ изученію славянской народной поэзіи, любовь къ которой свято сохранялась у дубровницкихъ писателей, не смотря на чужое литературное вліяніе. Это чувство къ народно-поэтическому содержанію, не заглушенное книжными вліяніями, сказывалось и у другихъ далматинскихъ поэтовъ, но ни у кого такъ сильно, какъ у Качича. Бывши много лѣтъ папскимъ легатомъ въ Далмациі, Босніи и Герцеговинѣ, онъ воспользовался своими путешествіями по этимъ краямъ, чтобы собирать народныя преданія, древнія рукописи и другіе историческіе памятники. Онъ собралъ все это въ книгу пѣсенъ, подъ названіемъ «Razgovor ugodni naroda slovinakoga», которая пользуется огромною и заслуженною извѣстностью. Книга Качича имѣла до 1851 года двѣнадцать изданій (въ Венеціи, Дубровникѣ, Зарѣ, Вѣнѣ, Загребѣ и другихъ): такого успѣха не имѣло ни одно произведеніе далматинской поэзіи. Национальныя преданія еще никогда не являлись передъ народомъ въ такой привлекательной и поэтической формѣ. Поэтому не удивительно, что пѣсни Качича перешли цѣликомъ въ народную массу. Качичъ скончался въ 1760 году въ Заострогскомъ монастырѣ, гдѣ провелъ послѣдніе годы своей дѣятельной и полезной жизни, семидесяти лѣтъ отъ роду. Въ 1860 году южные славяне всюду отпраздновали его столѣтнюю память.

МИЛОШЪ ОБИЛИЧЬ И ВУКЪ БРАНКОВИЧЬ.

Чудо-розы расцвѣтають
Въ бѣлыхъ Лазаря чертогахъ;
Но которая румянѣй
И свѣжѣй — ни кто не знаетъ.

Нѣтъ, не розы тѣ алѣютъ —
Это дочери-невѣсты,
Гордость Лазаря-героя,
Славной Сербіи владыки.

Выдаетъ царь Лазарь за-мужъ
Дочерей своихъ пригожихъ:
Вукасаву — за героя,
За Обилича Милоша,

Ненаглядную Милицу
За султана Баззета,
А за Бранковича Вука
Выдаетъ онъ прелесть-Мару,

А Елену выдаетъ онъ
За боярина-сосѣда,
Черноевича Георга,
Что былъ въ Зетѣ воеводой.

Мало времени минуло —
Три сестры сошлись снова;
Не пришла одна Милица:
Не пустилъ ее властитель.

Сестры встрѣтились привѣтно,
Но поссорились скоро,
Потому-что захотѣлось
Каждой мужемъ похвалиться.

Говоритъ краса-супруга
Черноевича Георга:
«Нѣту равнаго на свѣтѣ
Черноевичу Георгу!»

Ей въ отвѣтъ на это Мара:
«Мать такого не рожала
Полководца и героя,
Какъ мой Бранковичъ могучій!»

Засмѣялась Вукасава,
Свѣтъ-душа жена Милоша,
Засмѣялась и сказала:
«Вы не ссортесь попустому!

«Не хвалите, сёстры, Вука —
Не герой онъ; не хвалите
Черноевича Георга —
Не герой онъ отъ героя;

«Но Милоша выхваляйте,
Славу Новаго Базара;
Онъ герой и отъ героя,
Мать его — Герцеговина!»

Разобидилася Мара
И ударила такъ сильно
Молодую Вукасаву,
Что та кровью облилася.

Побѣжала Вукасава,
Плача, въ бѣлыя палаты,
Плачемъ мужа приманила —
И такъ мужу говорила:

«Если бъ зналъ ты, какъ позорить
Честь твою супруга Вука:
Не героемъ отъ героя —
Подлымъ трусомъ обзывается.

«Говорить, что не посмѣешь
Ты сойтись съ ея супругомъ
Въ честной битвѣ, въ поединкѣ,
Потому-что не герой ты.»

Не понравились Милошу
Эти рѣчи: онъ проворно
Вышелъ, сѣлъ на вороного
И поѣхалъ прямо къ Вуку:

«Другъ мой Бранковичъ! сегодня
Ты со мной сразиться долженъ,
Что бы могъ увидѣть каждый
Въ комъ изъ насъ геройства больше.»

Вуку только оставалось
Выйти, сѣсть на вороного
И сразиться въ чистомъ полѣ
Съ своекомъ своимъ Милошемъ.

Сшиблись копыями стальными —
Копья въ щепы разлетѣлись;
Сабли острыя сверкнули,
Но и сабли изломались;

Загремѣли шестоперы —
И они не устояли,
Но Милошу удалось
Сбросить Вука съ вороного.

И сказалъ Милошъ Обиличъ:
«Вукъ, теперь иди хвалиться
Предъ своею супругой вѣрной,
Что Милошъ тебя боится.

«Я бы въ черныя одежды
Могъ одѣть твою супругу,
Но я зла въ душѣ не крою;
Только помни — не хвались!»

Мало времени минуло —
Поднялись злодѣи-турки;
Самъ Муратъ предъ ними ѣдетъ;
Города и села грабятъ.

Лазаръ войско собираетъ,
Собираетъ для отпора;
Шлетъ гонцовъ за храбрымъ Вукомъ,
За Обиличемъ Милошемъ.

Пышный пиръ устроилъ Лазаръ,
Пригласилъ князей и бановъ,
И сказалъ имъ, чуть замѣтилъ,
Что вино заговорило:

«Знайте, выборные баны,
И князья и воеводы,
Что Милошъ Обиличъ завтра
Поведесть васъ противъ турокъ.

«О, его равно боится
И невѣрные и наши!
Да начальствуетъ онъ войскомъ,
А подъ нимъ нашъ Вукъ могучій!»

Разгорѣлось сердце Вука,
Ненавистника Милоша:
Онъ на дворъ царя выводитъ
И ему на ухо шепчетъ:

«Государь, напрасно войско
Ты такое собираешь:
Вѣдь Милошъ сторонникъ турокъ;
Онъ измѣну замышляетъ.»

Не сказалъ ни слова Лазарь,
Но заужиномъ высоко
Поднялъ чашу золотую,
Зарыдалъ и тихо молвилъ:

«Пью не въ честь царей могучихъ,
Пью здоровіе Милоша,
Что предать меня задумалъ,
Какъ Спасителя Иуда!»

Князь Милошъ клянется Богомъ,
Вседержителемъ вселенной,
Что не думалъ, что не мыслилъ
Никогда онъ объ измѣнѣ.

И упомъ онъ изъ чертоговъ
Въ свой шатеръ золотоверхій,
Гдѣ лилъ слѣзы до полночи,
До зари молился Богу.

Но едва заря блеснула
И денница показала
Ликъ свой свѣтлый изъ-за лѣсу —
Онъ ужъ мчался въ станъ турецкій.

Молилъ турокъ онъ: «пустите
Вы меня въ шатеръ къ султану:
Войско Лазаря предать вамъ
Вмѣстѣ съ Лазаремъ хочу я!»

Тѣ повѣрили Милошу
И въ шатеръ его впустили.
Палъ Милошъ передъ султаномъ,
Обхватилъ его колѣни,

Добылъ ножъ изъ подъ одежды
И ударилъ имъ Мурата
Прямо въ сердцѣ, вынулъ саблю —
И давай крошить поганыхъ.

Но и турки не смуглились —
И Обилчъ былъ изрубленъ.
Что ты сдѣлалъ, Вуеъ-предатель!
Что ты сдѣлалъ, нечестивый!

Н. Гьрвель.

Л. МУШИЦКІЙ.

Лукіанъ Мушицкій, архимандритъ Шпшатовецкій, потомъ епископъ Карловицкій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстный сербскій поэтъ, родился въ 1777 году въ Темеринѣ, въ Бачкѣ. Мушицкій есть одно изъ самыхъ знаменитыхъ именъ сербской литературы. При жизни онъ издалъ только немногія изъ своихъ стихотвореній, но и они уже доставили ему громкую извѣстность въ средѣ сербскаго народа. Онъ имѣлъ также значительное вліяніе на развитіе литературной предпримчивости. Въ 1819 году онъ издалъ «Гласъ шпшатовадкой арфы», въ 1821—«Гласъ народолюбца», отрывокъ изъ котораго помѣщенъ въ предлагаемомъ изданіи въ русскомъ переводѣ. Что же касается его одъ, то они были собраны уже по его смерти и напечатаны въ Новомъ-Садѣ, въ 1838—1848 годахъ. «Мушицкій», говоритъ г. Пыпинъ, «произвелъ сильное впечатлѣніе и имѣлъ множество, впрочемъ неудачныхъ, подражателей: въ его талантъ впервые увидѣли истинно поэтическую силу, направленную на сюжеты чисто національные. Мушицкій создалъ въ сербской литературѣ національную оду, прославлявшую языкъ, вѣру и героевъ Сербіи. Въ языкѣ его одъ сначала слышалось вліяніе славянской манеры, но потомъ онъ стремился дать ему болѣе народный колоритъ. Но вліяніе Мушицкаго совершалось въ ограниченныхъ предѣлахъ: съ одной стороны его поэзія слишкомъ была привязана къ случайнымъ обстоятельствамъ дня, съ другой она облекалась въ классическія формы, которыя хотя и удавались автору, но во всякомъ случаѣ не были лучшей формой для сербской поэзіи.» Мушицкій скончался въ 1837 году въ санѣ епископа. Для заключенія считаемъ не лишнимъ прибавить, что языкъ поэтическихъ произведеній Мушицкаго отличался необыкновенной чистотою и постоянно чуждался всякой посторонней примѣси, чѣмъ грѣшатъ многіе изъ современныхъ сербскихъ поэтовъ. По этому языкъ Мушицкаго гораздо менѣе отличается отъ русскаго языка, чѣмъ произведенія послѣдующихъ поэтовъ. Для нагляднаго доказательства справедливости нашихъ словъ, помѣщаемъ здѣсь — *texte en regard* — стихотвореніе Мушицкаго («Къ моеѣ лирѣ») въ подлинникѣ и подстрочный переводъ его на русскій языкъ.

Дней радостныхъ, печальныхъ
Сопутница моя,
Днесъ, лира, даръ *вышнихъ*,
Декарта ай твоа!
Течеть день майскій ясно
Надъ Новымъ-Садомъ *днесъ*,
Надъ Карловцами *равно*:
Людъ радостенъ имъ весь.
Надъ Шпатовцемъ *облакъ*,
Сгустился, чернъ грозить
Лозамъ, страшать *слабъ* кла-
сакъ,

Громъ древо *близъ* разить.
Не *азъ* страшусь съ тобою
Содруженце моя;
Держа тебе рукою,
Не беспокоенъ я.
Терпѣнія желѣзна
Облекъ во броню,
Легко сношу вся *тужна*,
И съ цѣль мою смотрю.
Въ какую цѣль? Не *съ* тайну!
Внѣ рода не летитъ
Мой духъ. *Избравъ* полезну
Всѣмъ, къ ней летѣтъ горитъ:
Хранитъ языкъ и вѣру,
Пѣть *сербско* имя, *духъ*,
Обычай, *храбрость* стару,
Любовь взаимну *всѣхъ*;
Творитъ добра *только*
Стародимомъ моимъ,
Минерва, Февъ *слико*
Мнѣ даша. Больше чѣмъ?
Громъ *еще* мнѣ на тема
Падеть—вѣнецъ сплетутъ
На *тоже* музы, има
До неба вознесутъ.

Дней радостныхъ, печальныхъ
Сопутница моя,
О, лира, даръ *высокій*,
Пусть летится *тѣснѣ* твоа!
Течеть день майскій ясно
Надъ Новымъ-Садомъ *здесь*,
Надъ Карловцами *тоже*:
Людъ радостенъ имъ весь.
Надъ Шпатовцемъ *туча*
Сгустилась—и грозить
Лозамъ, пугаетъ колосъ,

Громъ древо разить.
Я не страшусь съ тобою,
Сопутница моя;
Держа тебя рукою,
Не беспокоюсь я.
Желѣзнаго терпѣнія
Облеклись во броню,
Легко сношу вся *бѣды*,
На цѣль мою смотрю.
Какую цѣль?—не тайна!
Къ чужимъ не полетитъ
Мой духъ. Летѣтъ *онъ* *къ* *всѣмъ*
Желаниемъ горитъ:
Хранитъ языкъ и вѣру,
Пѣть *пролитую* кровъ,
Обычай *народа*,
Взаимную любовь;
Творитъ добра *настолько*
Соотичамъ и *всѣмъ*,
На сколько Февъ, Минерва
Мнѣ дали. Больше чѣмъ?
Когда мнѣ громъ на тема
Падеть—вѣнецъ сплетутъ
Мнѣ *сестры* музы, има
На небо вознесутъ.

Геній зла ужъ гасить мысль о томъ заране.
О, вожди народа! доблестные судьи!
Бдите—будетъ меньше зла на бѣломъ свѣтѣ.
Вы — орудье трона свѣтлаго Олимпа!
Разгоните тучи — мракъ и преступленья!
Мечъ свой правосудный, мечъ господня гнѣва
Мощно тамъ сдружите, гдѣ царюетъ злоба.
Если жъ будутъ благи и законъ, и люди,
То откуда взятъ мракъ и порокамъ?

Н. ГЕРВЕЛЬ.

И. ХАДЖИЧЪ (СВѢТИЧЪ).

Иванъ Хаджичъ, болѣе извѣстный подъ своимъ литературнымъ псевдонимомъ *Милоша Стѣтича*, родился въ 1799 году въ Сомборѣ; учился въ Карловцахъ, Пештѣ и Вѣнѣ; въ послѣднихъ двухъ мѣстахъ изучалъ право. Въ Пештѣ, сойдясь съ молодыми своими земляками, Хаджичъ сталъ изучать сербскую народную поэзію и скорѣе сдѣлался однимъ изъ самыхъ горячихъ ея поклонниковъ, а въ 1825 году, вмѣстѣ съ Мушицкимъ, Магарашевичемъ, Шафарикомъ и Петровичемъ, положилъ основаніе Сербской Матицы въ Пештѣ, которая существуетъ до-сихъ-поръ. Въ 1826 году Хаджичъ получилъ степень доктора правъ, черезъ четыре года назначенъ былъ директоромъ Ново-Садской гимназіи, а въ 1831 году сдѣланъ сенаторомъ въ Новомъ-Садѣ. Въ 1837 году онъ былъ приглашонъ княземъ Милошемъ Обреновичемъ въ Бѣлградъ, для составленія судебного кодекса и преобразования сербскихъ судовъ. По возвращеніи въ Новый Садъ, Хаджичъ былъ посланъ, въ 1842 году, на народный конгрессъ въ Карловцы, а въ 1847 — на венгерскій сеймъ въ Пресбургъ. Въ 1848 году венгерское министерство предлагало ему мѣсто члена совѣта министерства юстиціи, но онъ его не принялъ. Въ настоящее время Хаджичъ живетъ въ Новомъ-Садѣ на покой, трудясь на пользу отечественной литературы.

Первымъ поэтическимъ произведеніемъ Хаджича былъ «Отвѣтъ молодого серба на голосъ шпатовацкой арфы», написанный имъ на двадцать второмъ году; въ 1827 году онъ перевелъ дидактическую поэму Горация «De arte poetica» и написалъ нѣсколько оригинальныхъ стихотвореній; въ 1830—принялъ, по смерти Магарашевича, редакцію «Сербской Лѣтописи», издаваемой Сербской Матицей, основанію которой онъ

ГОЛОСЪ ПАТРИОТА.

Масса принимаетъ свѣтъ образованья
Также, какъ и всякій человекъ отдѣльно.
Отдадимъ народу трудъ нашъ, наши силы:
Міръ съ него не сводитъ глазъ своихъ пытливыхъ.
Нѣту болѣшей славы, какъ служить народу —
Воздвигать живые памятники въ краѣ!
Время сокрушаетъ мраморъ обелисковъ,
Но не честь, не имя — гордость человекъ.
Почести, богатство на землѣ не крѣпки,
Доброе же имя вѣчно, какъ природа.
Доброта, правдивость, мужество и чувство
Насъ влекутъ сильнѣе, чѣмъ слова сухія,
Въ міръ невозмутимый свѣтлыхъ идеаловъ,
Гдѣ все такъ высоко, чисто и прекрасно.
Для потомства имя славное въ исторіи —
Крѣпкій столбъ въ несчастьи, свѣтлый лучъ во мракѣ,
Вѣрная опора въ битвѣ со страстями:
Тѣ, что слабы духомъ, требуютъ поддержки.
Мы тому примѣры видимъ предъ собою,
А въ скрижаляхъ міра нѣту имъ и счѣта.
Стадо лишь замысливъ отвратить невзгоду,

много содѣйствовало. Съ 1839 по 1844 годъ редактировалъ альманахъ «Голубица», выходявшій въ Бѣлградѣ, въ которомъ, между-прочимъ, былъ помѣщенъ, въ 1842 году, его прекрасный стихотворный переводъ «Слова о полку Игоревѣ»; въ 1854 — перевелъ съ греческаго «Плачевное паденіе Цареграда», а въ 1858 — издалъ свое послѣднее и едва ли не лучшее сочиненіе «Духъ сербскаго народа», куда вошло подробное описаніе происхожденія сербовъ и хорватовъ, ихъ вѣры, языка, письменности и нравовъ. Полное собраніе сочиненій Хаджича («Дѣла Іована Хаджича») было издано въ 1858 году.

СТРАДАНІЯ СЕРБІИ.

Чу! отъ Босны громомъ ратнымъ
Турки загремѣли;
За дружиной въ слѣдъ дружина;
Сабли, ружья — въ дѣлѣ.
Дрина слезно, горько плачетъ,
Мачва тяжко дышетъ,
Ядарь, Пѣцерь, Шабаци — всѣхъ ихъ
Духъ войны колышетъ.

Глянъ въ оконце:
Гдѣ ты, солнце
Сербіи?

Съ Делиграда, Нѣготина
И Кладова — стоны,
И Морава злыхъ ударовъ
Ждетъ безъ обороны;
Къ Пѣткамъ буря подступила;
Вражьи силы люты;
Наступаютъ для Бѣлграда
Страшныя минуты.

Въ громы, въ грѣзы
Вносятъ слезы
Сербіи.

Сербы къ небу обратились:
Нѣтъ иной защиты!
Къ Богу громкія воззванья
Въ гулъ всеобщій слиты;
Вѣковѣчный камень лопнулъ;
Горе Русь зашибло:
Нѣтъ Москвы! Москва пропала —
Въ пламени погнбла.
Кто, коль сможетъ,
Встать поможетъ
Сербіи?

Боленъ въ Тѣполѣ Георгій:
Онъ лежитъ въ постели,
Опустилъ свою десницу —
Турки одолѣли.
Нѣту доблестнаго Вѣлька —
Праваго крыла нѣтъ!
Буря выперла плотину
И все въ бездну тянетъ.
Бичъ несется,
Цѣпь куется
Сербіи!

Вида хвораго героя
Зѣльями врачуешь:
Тщетно! Сербія склонилась
И опасность чувствуетъ.
Вождь-Георгій, что, бывало,
Насъ водилъ на-славу —
Тамъ — за Савой! старцы, дѣти —
Все ушло за Саву!
Головы нѣтъ:
Сердце гинетъ
Сербіи!

Мать безъ сына остается;
Слезы льетъ родная,
Къ царскимъ сербамъ, что за Савой,
Горестно взывая:
«Вы примите мое чадо
Милое! примите!
Вы винцомъ его напоите!
Хлѣбцемъ накормите!
Мать хоть тужить —
Сынъ пусть служитъ
Сербіи!»

Ахъ, когда то вновь на серба
Око Божье взглянетъ
И съ румяною зарею
Свѣтлый день настанетъ,
Честный крестъ намъ возсіяетъ
И благосердечный
Сербъ-юнакъ, пройдя сквозь муки,
Взыдетъ къ славѣ вѣчной!
Крестъ — ограда
Ваша, чада
Сербіи.

В. БЕНЕДИКТОВЪ.

И. ПОПОВИЧЪ.

Иванъ Поповичъ родился въ 1806 году въ Вершицѣ, въ Банатѣ. Онъ началъ свою литературную дѣятельность еще семнадцатилѣтнимъ юношей и такимъ образомъ написалъ еще въ молодости множество драмъ, которыя дали матеріалъ для сербской сцены. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ былъ приглашонъ тогдашнимъ правителемъ Сербіи, Милошемъ Обреновичемъ, вмѣстѣ съ другими учеными и литераторами, переселиться въ Бѣлградъ, съ цѣлью — поднять нравственный уровень сербскаго княжества, только что освободившагося изъ-подъ турецкаго владычества. Поповичъ изъявилъ свое согласіе и, ни мало не медля, переѣхалъ въ Бѣлградъ. Здѣсь онъ выказалъ дѣятельность поистинѣ изумительную: онъ снабжалъ театр драмами и комедіями, устраивалъ учоныя и литературныя общества, говорилъ рѣчи, издавалъ популярныя книги, писалъ стихи на разные торжественныя случаи и т. д. Лучшими изъ драматическихъ его произведеній можно назвать: драмы «Святославъ и Милева» и «Гайдукъ», трагедіи — «Милошъ Обличъ» и «Несчастный бракъ» и комедіи — «Женитьба и выдаванье», «Скряга» и «Злая жена». Драмъ Поповича давались въ Бѣлградѣ, Крагуевцѣ и Шабацѣ, и нравились своей публикѣ, въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ-какъ сюжеты ихъ почти всегда брались изъ сербской исторіи и сербской жизни: онѣ дѣйствовали на національное чувство и развивали его, тѣмъ болѣе, что Поповичъ умѣлъ придавать имъ сценическій эффектъ.

Стараніями Поповича основано было, въ 1841 году, въ Бѣлградѣ, Дружество Сербске Словесности и музей. Учрежденіе Дружества, въ которомъ соединялись всѣ извѣстные писатели сербскаго княжества, имѣло цѣлью обработку языка и распространеніе знаній въ народѣ. Въ 1847 году оно начало издавать журналъ «Гласникъ», въ которомъ заключается не мало матеріаловъ по сербской исторіи и старой литературѣ; въ 1850 году оно раздѣлилось на пять специальныхъ отдѣленій; наконецъ оно стало издавать и книги для народа. Поповичъ умеръ въ 1856 году.

ПѢСНЯ НА КОСОВОМЪ ПОЛѢ.

Призрень гдѣ нашъ? славный градъ?
Царскія палаты?

Улетѣлъ Душановъ вѣкъ,
Будто сонъ крылатый!
Здѣсь пришолъ всему конецъ,
Миновала слава;
Гдѣ стояли города,
Выросла дубрава.

О Косово черно поле, лютый недругъ сербскій!
Для кого, скажи Косово, весело ты, ясно?
Ты весною каждой, правда, поле оживаешь,
Но и тутъ для взоровъ серба мрачно ты и диво;
Влагу рѣкъ твоихъ порою выпиваетъ солнце,
А когда и кто осушить нашихъ слѣзъ потоки?

Но и тамъ, и здѣсь гремятъ
Грозныя перуны;
И Богъ-вѣсть катится какъ
Колесо фортуны.
Смертный! о градушемъ ты
Ничего не знаешь:
Что сегодня приобрѣлъ,
Завтра потеряешь!
Сербскихъ доблестныхъ царей
Гдѣ теперь побѣды?
Непробуднымъ, вѣчнымъ сномъ
Спятъ отцы и дѣды.
Въ пѣсняхъ только ихъ дѣла
Громко прозвучали,
Чтобъ еще прибавить намъ
Горя и печали!

О студеная Ситница! укутала ты куда-то
Ясны волны, что смотрѣли, какъ Немањъ съ вра-
гами бился.

О Ситница! помutilись, побагрѣвли тѣ волны,
Какъ легли тутъ на Косовѣ наши витязи и рати.
Но свой ликъ окровавленный ты весною омываешь,
Кто же намъ омоетъ язвы тяжко-раненаго сердца?

Что рѣка среди луговъ
Мчится на просторѣ
И, притоками полна,
Тонетъ въ бурномъ морѣ:
Такъ бѣжитъ и наша жизнь,
Тоже въ ней волненье,
Если счастье и мелькнетъ —
То лишь на мгновенье!

Н. Бергъ.

С. ВРАЗЪ.

Станко Вразъ, одинъ изъ лучшихъ хорватскихъ поэтовъ періода иллирскаго движенія, родился въ 1810 году въ Штирии. Онъ первый изъ западныхъ краинцевъ вступилъ въ Иллирское Общество. Начиная съ 1835 года, на страницахъ «Денницы» стали появляться его лирическія стихотворенія, съ самаго начала обратившія на себя общее вниманіе тою задушевностью и страстностью, которыя такъ нравятся восторженной молодежи. Но причина успѣха Вразы заключалась не въ одной страстности его произведеній, а также и въ томъ, что онъ былъ основательно знакомъ съ законами эстетики и вводилъ въ хорватскую литературу всѣ лучшія формы новѣйшей поэзіи, что давало ему огромное преимущество передъ всѣми другими хорватскими писателями: онъ далъ хорватской словесности превосходные образцы балладъ, сонетовъ и пѣсень. Въ 1840 году онъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній, исполненныхъ самаго горячаго сочувствія къ славянскому дѣлу; затѣмъ, въ 1841 году, вышло другое собраніе его стихотвореній подъ заглавіемъ «Голоса изъ жеровинской дубровы», а въ 1845 году — третіе и послѣднее — «Гусли и Тамбура». Кромѣ того, онъ издалъ прекрасный сборникъ словенскихъ народныхъ пѣсень и оставилъ послѣ себя въ рукописи нѣсколько переводовъ изъ Байрона, которые, пройдя черезъ много рукъ, достались наконецъ Иллирской Матицѣ, которая ихъ хочетъ издать. Вразъ умеръ въ 1851 году.

МОЙ ВѢНОКЪ.

Лишь мой духъ съ себя оковы сбросить,
Утомясь безплодною борьбой —
Обо мнѣ холодный свѣтъ не спросить,
Ни вѣнка на новый гробъ не бросить,
Не почтить ружейною пальбой.

Жизнь! дары твои — обманъ трескучій:
Горевъ плодъ и безуханень цвѣтъ;
Лавръ вѣнка такой же тернъ колючій;
Свѣтъ наукъ — огонь палащій, жгучій...
Для живыхъ покоя въ жизни нѣтъ.

Только тамъ ныне дни настануть!
Смогнеть шумъ житейской суеты,
Другъ и врагъ глумиться перестануть,

И меня коварно не обмануть
Сны мои любимые, мечты.

Цѣпь глухихъ страданій перервется;
Только тамъ тревогамъ всѣмъ конецъ...
И на крестъ живой вѣнокъ взвѣтается —
Не вѣнокъ, что кровью достается,
А любви, святой любви вѣнецъ.

Ты, любовь, одна отрада наша!
Ты одна намъ къ раю важешь путь.
Мнѣ съ тобой казалась юность краше;
Лишь съ тобой вся жизнь свѣтлѣетъ наша...
Ты и тамъ страдальца не забудь!

Здѣсь въ тиши вечерней безмятежной
Насъ съ тобой скрывалъ зеленый боръ,
Сторожилъ нашъ шопотъ страстный, вѣжливый,
Поцалуи беззвучный, неизбѣжный —
Двухъ сердецъ безмолвный договоръ.

Ужь пора! прости, моя подруга!
Сонъ любви и гробъ мой посѣтитъ.
Ты не плачь о ранней смерти друга:
Тѣнь его изъ ангельскаго круга
Въ міръ живыхъ, къ тебѣ, мой другъ, слетитъ.

Вамъ, друзья народной нашей славы,
Мой привѣтъ послѣдній будетъ — вамъ!
Стойте лишь по прежнему за правыхъ
Не страшась гонителей лукавыхъ —
И вѣнды васъ ожидаютъ тамъ!

Часъ насталъ!... чу! падаютъ оковы;
Я усну въ могилѣ наконецъ;
И въ тиши могилы той суровой
Не смутитъ меня вѣнокъ лавровый:
Для меня любовь моя — вѣнецъ.

М. Петровскій.

Д. ДЕТЕТЕРЪ.

Димитрій Деметеръ родился въ 1811 году въ Загребѣ, отъ греческихъ родителей, переселившихся въ Хорватію изъ Македоніи. Окончивъ гимназическій курсъ въ Загребѣ и прослушавъ послѣ того курсъ философіи въ Градцѣ, молодой Деметеръ сталъ изучать медицину, сначала въ

Вѣнѣ, а потомъ въ Падуѣ, гдѣ въ 1836 году и получилъ докторскій дипломъ. Въ хорватской литературѣ имя Деметера пользуется большою извѣстностью; особенно цѣнятся его драматическія произведенія, вышедшія въ свѣтъ въ 1838 и 1844 годахъ, подъ названіемъ «Драматическіе Опыты», и заключающія въ себѣ двѣ драмы, «Любовь и долгъ» и «Кровавая месть», и историческую трагедію «Теута». Съ 1839 года Деметеръ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, былъ редакторомъ журнала «Денница», въ которомъ помѣстилъ многія изъ своихъ сочиненій. Въ журналѣ «Коло» помѣщена его большая лирико-эпическая поэма въ тринадцати пѣсняхъ «Гробницкое поле». Кромѣ того, онъ перевелъ на хорватскій языкъ нѣсколько пьесъ для народнаго театра, а въ альманахѣ «Искра» помѣстилъ нѣсколько народныхъ греческихъ пѣсней, переведенныхъ имъ на хорватскій языкъ и слѣдующія четыре оригинальныя повѣсти: «Юва и Неда», «Возстаніе», «Отецъ и сынъ» и «Одна ночь». Въ 1849 году онъ состоялъ членомъ комиссіи для составленія славянской юридической и политической терминологіи и переводчикомъ въ банскомъ правленіи, а въ 1856 году назначенъ редакторомъ официальныхъ загребскихъ «Народныхъ Новинъ». Изданный имъ въ 1861 году хорватскій переводъ сочиненій бана Елашича — есть послѣдній трудъ Деметера на пользу родной литературы.

I.

ЦАРЬ МАТІАСЬ.

Въ подземельи царь-владыка
Матіась, надежда наша,
За столомъ сидитъ гранитнымъ;
Передъ нимъ пустая чаша.

Вкругъ него сидитъ дружина —
Дубы выдринской дубровы;
Но ихъ лица страшно блѣдны,
Страшно блѣдны и суровы.

Въ полночь — только встрепенутся
Эти каменные люди
И начнутъ точить оружье
О закованныя груди —

Царь встаетъ, гремя броней,
Грозный мечъ свой обнажаетъ,

Льетъ вино въ заветный кубокъ
И тотъ кубокъ осушаетъ.

Но едва промчится полночь —
Въ подземельи тихо снова:
Царь и войны сѣдые
Смотрятъ въ землю — и ни слова.

Такъ — пока вокругъ гранита
Борода царя сѣдова
Девять разъ не обовѣется —
Въ полночь пить онъ будетъ снова.

Матіась послѣдней ночи
Терпѣливо ожидаетъ,
Чтобы въ бой идти, гдѣ Слава
Кровь святую проливаетъ.

Только липа будетъ видѣть
Эту битву роковую,
Гдѣ бойцы сражаться будутъ
За отчизну дорогую.

О, тогда пришелецъ дерзкій
Попирать ее не будетъ,
И славянская отчизна
Всѣ несчастья позабудетъ!

Если въ полночь подъ землею
Вамъ послышится движеніе —
Знайте — это царь-владыка
Собирается въ сраженіе.

Н. Гервель.

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ГРОБНИЦКОЕ ПОЛЕ».

Птица вольно рѣшетъ въ полѣ,
Вольно бродитъ звѣрь въ лѣсу...
Только я одинъ въ неволѣ,
Иго чуждое несу!
Кто за волю пасть не хочетъ,
Въ томъ не наша кровь влопочеть!

Предки правили вселенной,
Смѣло ихъ звучала рѣчь —
И дерзну ль я, рабъ презрѣнный,
Той святыней пренебречь?

Нѣтъ, кто пасть за рѣчь не хочетъ,
Въ томъ не наша кровь клокочетъ!

Не поддамся чуждой силѣ,
Самъ убью дѣтей, жену:
Лучше видѣть ихъ въ могилѣ,
Чѣмъ въ оковахъ и въ плѣну.
Кто свершить того не хочетъ,
Въ томъ не наша кровь клокочетъ!

Сгибну самъ, но кровь родимый,
Кровь отцовскій подожду,
Чтобы въ хижинѣ любимой
Не хозяйничать врагу!
Кто свершить того не хочетъ,
Въ томъ не наша кровь клокочетъ!

М. Петровскій.

ПЕТРЪ II ПЕТРОВИЧЪ НЕГОШЪ.

Петръ II Петровичъ Негошъ родился 1-го ноября 1813 года въ селѣ Гераковичахъ въ Черногоріи. Имя данное ему при крещеніи было — Радивой; имя же Петра онъ получилъ при вступленіи въ монашество. По смерти черногорскаго владыки Петра I, въ 1830 году, Петръ Петровичъ былъ избранъ на его мѣсто, подъ именемъ Петра II, а въ 1833 году былъ посвященъ въ Петербургъ въ санъ епископа. Получивъ свое образованіе подъ руководствомъ сербскаго поэта Симона Милутиновича въ Цетиньѣ, Петръ Петровичъ не вступалъ потомъ ни въ какое высшее училищѣ, что не помѣшало ему изучить основательно языки русскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій и занять едвали не самое видное мѣсто въ сербской литературѣ. Ему обязана Черногорія первыми начатками распространенія образованія въ народѣ: онъ основалъ нѣсколько школъ и завелъ типографію въ Цетиньѣ, въ которой напечатаны первыя его поэтическія произведенія, а также сочиненія тамошнихъ сербскихъ дѣятелей: Милутиновича, Малаковича и Караджича. Эти первыя произведенія Петра II были слѣдующія: «Цетинскій Пустынный», «Лекарство отъ турецкой злобы» и «Молитва черногорца къ Богу». Что же касается его большихъ поэмъ «Лучъ микрокосма», «Сербское Зеркало», «Горскій вѣнецъ», «Вашня Дюршича», «Вышка Алексича» и «Самозванецъ Степанъ Малый», то они были

напечатаны въ Бѣлградѣ, Вѣнѣ и Триестѣ, такъ какъ въ это время вспыхнула война съ турками и весь шрифтъ цетинской типографіи былъ перелить въ пули. Последнимъ его поэтическимъ произведеніемъ была поэма «Слободіада», напечатанная въ 1857 году, уже послѣ смерти владыки, его любимцемъ, поэтомъ Любомиромъ Ненадовичемъ въ Землинѣ. Петръ Петровичъ много путешествовалъ по Италиі и жилъ въ Неаполѣ, Римѣ и Венеціи; въ этомъ последнемъ городѣ онъ собиралъ въ тамошнемъ архивѣ историческіе матеріалы для своихъ сочиненій, именно для исторіи самозванца Степана Малаго. Владыко умеръ 18 декабря 1851 года.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ГОРСКІЙ ВѢНЕЦЪ».

1.

ЧЕРНОГОРСКІЙ ХОРОВОДЪ.

Богъ ополчился на сербское племя!
Много грѣховъ накопилось на царствѣ!
Наши цари отвратились отъ правды,
Стали враждебно глядѣть другъ на друга,
Стали другъ друга преслѣдовать злобно;
Худо владѣли и правили царствомъ;
Разумъ отбросили, глупость призвали;
Вѣрные слуги имъ стали не вѣрны —
Царскою кровью себя занятали.
Знатные — будь они прокляты Богомъ! —
Сербское царство разъяли на части,
Сербскую силу пустили на вѣтеръ;
Знатные — самый ихъ слѣдъ да исчезнетъ! —
Въ царствѣ посѣяли сѣмя раздора
И отравили имъ сербское племя;
Знатные — подлыя, злыя кукушки! —
Продали насъ, пэмѣнили народу.
Вечеръ косовскій, будь проклятъ на-вѣки!
Бранковичъ — подлое, гнусное имя —
Такъ развѣ служатъ отчизнѣ, народу?
Такъ развѣ дѣнится честь и свобода?
Милошъ! кто можетъ тебѣ не дивиться?
Доблести вѣдннской славная жертва!
Богъ ополчился на сербское племя:
Въ царство вползла семиглавая гидра —
Сербскую Землю начасты разъяла.
Но на развалинахъ славнаго царства
Вспыхнула ярко милошева правда
И увѣнчались вѣчною славой
Два побратима героя Милоша,

Дивное племя могучаго Юга.
 Сербское имя погнбло, пропало;
 Много потурчилось — вѣру забыло;
 Пусть молоко, ихъ вскормившее въ дѣтствѣ,
 Проклято будетъ отъ нынѣ до вѣка!
 Чтѣ не погнбло подѣ саблей турецкой,
 Чтѣ дорожило отцовскою вѣрой,
 Чтѣ не хотѣло позорной неволи,
 Тѣ убѣжало въ завѣтныя горы,
 Чтѣбъ защищать православную вѣру,
 Чтѣбъ охранять дорогую свободу.
 Эти бойцы — были лучшіе люди!
 Добрые мѣлодцы, словно тѣ звѣзды,
 Чтѣ надѣ горами надѣ нашими блещуть,
 Въ битвахъ кровавыхъ всѣ пали со славой,
 Пали за честь, за свободу, за имя.
 Память о нихъ сохранили намѣ гусли —
 Звонѣмъ своимъ утираютъ намѣ слѣзы.
 Если завѣтныя наши твердыни
 Стали гробницею силы турецкой,
 То отъ чего же теперь наши горы
 Не оглашаются громѣмъ оружья,
 Громѣмъ оружья, воинственнѣмъ кликомѣ?
 Или земля безъ главы сиротѣетъ?
 Нѣтъ, примирились овцы съ волками,
 Крѣпко сдружились съ турками сербы;
 Въ сердцѣ отчизны, на полѣ Цетинскомѣ,
 Слышится голосъ муллы-муэдзина;
 Левъ благородный задохся отъ смрада;
 Вѣтеръ разнесъ черногорскую славу
 И позабыли сыны Черногорья
 Крестъ православный, трехперстный, господень!

2.

ЧЕВСКОЕ ПОЛЕ.

Чевское поле — гнѣздо исполиновъ,
 Мѣсто кровавыхъ, геройскихъ побоищъ —
 Сколько ты помнишь сраженій жестокихъ!
 Сколько супругъ, матерей неутѣшенныхъ
 Ввергло ты въ вѣчное, лютое горе!
 Сплошь ты покрыто людскими костями,
 Облито сплошь человѣческой кровью!
 Съ Видова дня непрестанно ты кормишь
 Сѣрыхъ волковъ человѣческимъ мясомъ,
 Конскими трупами вѣроновъ черныхъ.
 Страшно когда-то, о Чевское поле,
 Было глядѣть на тебя человѣку!
 Дымъ покрывалъ тебя черный; сто тысячъ
 Турокъ тебя покрывали, какъ тучей;

Пушки съ зари до зари грохотали;
 Тысячи витязей — славныхъ героевъ —
 Кликомъ побѣднѣмъ тебя оглашали;
 Тысячи вѣроновъ каркали жадно,
 Глядя съ высотъ на равнину. Когда же
 Вечеръ спустился и мѣсяцъ двурогій
 Всплылъ, озаря кровавое поле,
 Стали ворочать мы вражіе трупы —
 И не могли сосчитать всѣхъ убитыхъ.

3.

ПЕРЕДЪ ЦЕРКОВЬЮ.

Владыко Данило *стоитъ передъ пылаю-*
щими костромъ. Входитъ Вукъ Мандушичъ.
Взглядѣ его неприязнливъ; длинныя усы пада-
ютъ на изрубленные и пробитыя пулями ла-
ты; въ рукахъ у него перебитое пулей ружье.
Не сказавъ ни кому ни слова, онъ садится воз-
лѣ костра. Владыко глядитъ на него съ уди-
вленіемъ.

ВЛАДЫКО ДАНИЛО.

Вукъ, что съ тобою? глаза твои блещуть!
 Вижу, что ты возвращаешься съ битвы,
 Гдѣ надѣ тобою витала опасность.
 Богъ одинъ знаетъ, да ты — возвратится ль
 Кто-нибудь въ горы изъ этого боа!
 Вѣдь безъ насилія ружья и латы
 Не сокрушаются, крытыя сталью!

ВУКЪ МАНДУШИЧЪ.

Въ день наканунѣ святого Стефана
 Въ домъ прибѣжала ко мнѣ молодая —
 Та вѣтъ, которую выдали лѣтомъ
 Замужъ въ Штитары — пришла и сказала:
 «Сборщики-турки забрались въ Штитары:
 Подать хотятъ собирать басурмане.»
 Взялъ я съ собой пятьдесятъ черногорцевъ
 И поспѣшилъ съ удалцами въ Штитары,
 Чтѣбъ перебить этихъ нехристей жадныхъ.
 Слышутся выстрѣлы: турки должно-быть —
 Думаю я — пробираются въ горы,
 Турки должно-быть напали на нашихъ.
 Прямо на выстрѣлы мы побѣжали —
 И набѣжали на лютое горе:
 Двѣсти неистовыхъ сборщиковъ-турокъ
 (Все ренегаты, все псы арнауцы)

Силится взлѣзть на высокую башню,
 Башню Радуна, въ которой хозяинъ
 Самъ защищаетъ съ вѣрной женою,
 Соколомъ яснымъ, прекрасной Любицей.
 Ружья она заряжаетъ для мужа;
 Мужъ изъ окна своей башни стрѣляетъ
 И ужь сразилъ семерыхъ арнаутовъ.
 Но и надъ нимъ ужь погибель витаетъ:
 Турки приносятъ соломѣ и хворостъ,
 Кучей владутъ ихъ вдругъ башни высокой
 И зажигаютъ тотъ хворостъ съ соломой.
 Пламя поднялось до самаго неба,
 Пышетъ и близится къ башнѣ Радуна;
 Но онъ оттуда стрѣлять продолжаетъ;
 Громко при этомъ поетъ онъ о Баѣ,
 Вукотѣ, Драшкѣ, героѣ Новакѣ,
 Вувахъ двоихъ, изъ села Терминахи,
 И призываетъ живыхъ и умершихъ,
 И, усмѣхаяся, смотритъ безстрашно
 Въ грозныя очи погибельной смерти.
 Чуть мы завидѣли башню Радуна,
 Черное горе сердца намъ стѣснило.
 Бросились мы на поганыхъ на турокъ,
 Путь проложили межъ труповъ, и только
 Вывести успѣли Радуна изъ башни —
 Башня шатнулась и рухнула съ трескомъ.
 Скоро и Джеко пришелъ къ намъ на помощь;
 Выбѣстъ ударили мы на невѣрныхъ,
 Выбили ихъ изъ деревни — и гнали
 Вплоть до Катаро, до Лешкова поля.
 Много невѣрныхъ легло въ этой битвѣ;
 Мнѣ же горячая пуля пробила
 Крѣпкія латы мой, а послѣдній
 Выстрѣлъ турецкій пробилъ мнѣ винтовку,
 Что я держалъ предъ собой — и куда же? —
 Въ самое дуло ударила пуля!
 Лучше бъ мнѣ отняли правую руку!
 Жаль мнѣ ее, какъ родимаго брата,
 Жаль, какъ родного, любимаго сына!
 Это была золотая винтовка:
 Вѣрная смерть вылетала изъ дула.
 Вѣкъ я не чистилъ ее, а сіяла
 Зеркаломъ яснымъ она постоянно.
 Я бы мою дорогую винтовку
 Сразу узналъ середъ тысячи ружей.
 Храбрый владыко! пришелъ къ тебѣ съ просьбой:
 За моремъ всякихъ искусниковъ много:
 Пусть починили бы тамъ мнѣ винтовку.

ВЛАДЫКО ДАНИЛО.

Вукъ, подними-ка усы свои лучше —

Дай разглядѣть мнѣ твой панцирь желѣзный,
 Дай сосчитать мнѣ рубцы боевые,
 Вражія пули, засѣвшія въ бляхахъ.
 Какъ мертвеца не поднять изъ могилы,
 Такъ не исправить пробитой винтовки.
 Слава Творцу, что ты живъ и не раненъ!
 Что жъ до винтовки — получишь другую.
 Въ мощныхъ рукахъ сѣдоусаго Вува
 Всякая сталь хороша и смертельна.

(Даетъ Вуку Манѣушичу новое ружье.)

Н. ГЕРВЕЛЬ.

А. НѢМЧИЧЪ.

Антонъ Нѣмчицъ, юго-славянскій писатель, родился въ 1813 году въ Сегештѣ, въ Венгріи. Это былъ одинъ изъ самыхъ пылкихъ послѣдователей Гая въ дѣлѣ иллирійскаго движенія. Онъ писалъ много, и помѣщалъ свои стихотворенія и прозаическія статьи въ разныхъ хорватскихъ журналахъ. Въ 1845 году онъ издалъ свое путешествіе по Итали; въ 1848 — напечаталъ стихотворенія своего умершаго пріятели Т. Блажа, подъ заглавіемъ: «Политическія пѣсни Т. Б.»; въ 1854 — появились въ журналѣ «Neven» описаніе его путешествія по Сербіи, отрывокъ изъ романа «Людскія несчастья» и комедія «Пиръ безъ хлѣба». Послѣ Нѣмчица осталось много рукописей. Боговичъ издалъ собраніе его сочиненій, съ биографіей автора. Нѣмчицъ умеръ въ 1859 году.

РОДИНА.

Небеса надъ головою,
 Сине-море подо мною,
 Я же, грустный, между ними,
 Между ними, голубыми,
 Думы сердца посвящаю
 Моему родному краю.

Чолнъ мой углый, одинокій
 Мчится смѣло въ край далекій;
 Тамъ все чуждо — не родное,
 Люди, нравы — все чужое,
 Все гнетѣтъ — не то что дома,
 Гдѣ все мило, все знакомо.

Кто страны своей не любить,
Мысль о кровныхъ не голубить,
Въ томъ погасъ священный пламень —
Вмѣсто сердца вложенъ камень...
Солнце свѣтитъ, пламенѣеть,
Но мнѣ сердца не согрѣеть.

Буря! чу! твой гимнъ побѣдный!
Пошади челнокъ мой бѣдный!
Если жь чолнъ мой разобьѣтся
И съ нимъ жизнь моя порвѣтся,
Ты, волна, снеси отчизнѣ
Поцалуй мой, вмѣсто жизни!

Н. Гервель.

И. МАЖУРАНИЧЪ.

Иванъ Мажураничъ, извѣстный хорватскій поэтъ и одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ иллирійской идеи на югѣ, родился въ 1813 году въ мѣстечкѣ Новомъ. Окончивъ гимназическій курсъ и пройдя курсъ философій, Мажураничъ выступилъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, на литературное поприще съ нѣсколькими стихотвореніями, написанными еще во время студенчества и напечатанными въ «Денницѣ». Затѣмъ, въ 1841 году онъ издалъ, при содѣйствіи своего друга Узаревича, «Нѣмецко-иллирійскій Словарь»; въ 1844 — «Османа» Гундулича, при чемъ присочинилъ къ нему 14-ю и 15-ю пѣсни, которыя были затеряны еще въ XVII столѣтіи. Этими двумя пѣснями Мажураничъ положилъ основаніе своей будущей славы. Въ 1846 году была напечатана въ загребскомъ альманахѣ «Искра» знаменитая его поэма «Смерть Измаила-аги Ченгича», гдѣ она была напечатана по *иллирски*, т. е. латинскими буквами. Иванъ Суботичъ перепечаталъ ее, въ 1853 году, въ Бѣлградѣ, въ своемъ «Цвѣтникѣ Сербской Словесности», по *сербски* — кирилловскими буквами; наконецъ, Ткачацъ издалъ ее еще разъ въ 1859 году, въ Загребѣ, кирилловскими же буквами. Указываемъ на это, какъ на образчикъ сближенія враждебныхъ литературъ, сербской и иллирійской, стремленіе къ которому начинается теперь проявляться съ обѣихъ сторонъ. Появленіе поэмы въ печати было встрѣчено самими восторженными похвалами всего южно-славянскаго литературнаго міра. Вскрѣ молва о «Ченгичъ-Агѣ» достигла и дру-

гихъ славянскихъ земель и всюду возбудила понятное любопытство. Поэма переведена на языкъ русскій (М. П. Петровскимъ и В. Г. Бенедиктовымъ), польскій (Кондратовичемъ-Сырокомлемъ) и чешскій (І. Коларомъ). Первый изъ этихъ переводовъ помѣщенъ въ нашемъ изданіи. Съ наступленіемъ бурнаго 1848 года, Мажураничъ издалъ въ Карловцѣ замѣчательную брошюру на хорватскомъ и мадыарскомъ языкахъ, подъ заглавіемъ: «Хорватамъ-Мадыарамъ». Затѣмъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи и отправленіи адреса на имя императора Франца-Иосифа, а въ слѣдующемъ году, по усмиреніи мадыарскаго возстанія, находился въ числѣ депутатовъ отъ Хорватіи и Славоніи, ѣздившихъ въ Вѣну. Въ 1850 году онъ былъ сдѣланъ генеральнымъ прокураторомъ Хорватіи и Славоніи, а въ 1861 — канцлеромъ хорватско-славонско-дамматскимъ. Эту важную должность Мажураничъ занимаетъ и въ настоящее время.

СМЕРТЬ ИЗМАИЛА-АГИ ЧЕНГИЧА.

ПОЭМА.

1.

Сманлъ-ага *) слугъ сзываетъ
Въ укрѣпленіи сильномъ, въ Стольцѣ,
Въ глубинѣ Герцеговины:
«Гей! скорѣ выводите
Бѣрдянь, мною полоненныхъ
На студеной на Морачѣ. **)
Пусть придетъ сюда и Дѣракъ,
Что совѣтовалъ мнѣ, шельма,
Всѣхъ ихъ выпустить изъ плѣна.
Влахи ***) люты, говорилъ онъ,
И отмстятъ мнѣ, будто, смертью
За погибель этихъ плѣнныхъ:
Будто хищный волкъ бонится
Исхудалой горной мыши!»

*) Предлагаемый разсказъ имѣетъ историческую основу: Измаиль-ага Ченгичъ былъ убитъ дружиной дробняковъ и черногорцевъ въ 1840 году. Потомки его и теперь живутъ въ Сараевѣ.

***) Бѣрдянами называютъ жителей *брды* — горы въ сѣверо-восточной части Черногорія, которая и называется Брда. — Рѣка Морача, отличающаяся низкою температурой воды, впадаетъ въ Скадрское озеро.

***) Влахомъ турокъ называется каждаго христіанина въ Боснѣ, Герцеговинѣ и Черногоріи.

Побѣжали тотчасъ слуги
И плѣнныхъ притащили.
На ногахъ у нихъ оковы,
На рукахъ большія цѣпи.
Увидавъ ихъ, грозный ага
Подаль знакъ воламъ тяжелымъ —
И воламъ и хищнымъ рысамъ —
Палачамъ — и всѣхъ плѣнныхъ
По-турецки награждаетъ:
Острый колъ даритъ юнакамъ,
Или колъ, или веревку,
Или саблю назначаетъ.
«Вы дары мои по-братски
Раздѣлите межъ собою!

Ихъ про васъ я, турокъ, приготовилъ,
И про васъ, и про свободныхъ бердянь:
Что для васъ, то и для цѣлой Берды.»

Ага подаль знакъ... но трудно ль
Для бойца за христіанство
Умирать за крестъ, за вѣру?
Скрипнулъ колъ, вонзаясь въ мясо,
Свистнулъ ножъ, палашъ турецкій,
Задрожалъ и зашатался
Перемѣтъ между столбами,

А не слышно воплей черногорцевъ:
Хоть бы пискъ! хоть зубъ заскрежеталъ бы!
По полянѣ кровь уже бѣжала —
Хоть бы пискъ! хоть зубъ заскрежеталъ бы!
Ужъ все поле трупами покрылось —
Хоть бы пискъ! хоть зубъ заскрежеталъ бы!
Лишь иной изъ нихъ воскликнетъ: «Боже!»
А другой прошепчетъ: «Иисусе!»
Такъ легко на-вѣкъ прощались съ свѣтомъ
Умирать привыкшіе герои.
Кровь бѣжитъ рѣкою по полянѣ.
Молодежь турецкая глазѣтъ
Съ любопытствомъ, съ тихимъ наслажденьемъ
На мученія христіанъ поганыхъ;
Старники же смотрятъ молча,
Потому-что, ожидаютъ
И себѣ такой же мести
Отъ руки проклятыхъ вlahовъ.

Мрачно смотритъ лютый ага:
Удивляется невольню
Левъ могучій горной мыши.

Отомстить юнаку невозможно,
Если онъ не поддается страху.
Погубилъ юнаковъ столькожъ ага;

Гибла плоть, но духъ былъ бодръ—не падалъ:
Всѣ они предъ нимъ безъ страха пали.
Берегись того, кто можетъ
Безъ тревоги свѣтъ оставить.

Видитъ ага эту силу
И въ груди ужъ чуетъ холодъ;
Словно жало ледяное
Ледянымъ концомъ вонзилось
Въ душу аги-господаря.
Не отъ жалости ль къ юнакамъ,
Такъ напрасно умерщвленнымъ?
Турокъ жалости не знаетъ
Къ христіанамъ. Не отъ страха ль?
Не за голову ль боится?
То въ душѣ его таится.

Иль не видишь, какъ желаетъ
Храбрый воинъ пересилить
Холодъ, отъ малѣйшей раны
Пробѣгающій по тѣлу?
Посмотри, какъ гордо къ небу
Голова его поднята,
И чело свѣтло, и око
Такъ и искрится; взгляни лишь
Хоть на эту крѣпость тѣла:
Зная силу за собою,
Какъ оно спокойно страждетъ —
И тогда сважи, ну есть ли
Въ немъ хоть легкой признакъ страха?
А теперь послушай рѣчи
Аги къ цѣлому собранью,
Какъ онъ трусовъ укоряетъ:
«Дуракъ, ты старикъ безмозглый,
Что теперь? куда ты хочешь?
Нѣтъ мышей вѣдь горныхъ больше.
Въ горы? тамъ вѣдь много бердянь;
Въ поле? спустятся и въ поле.

Не уйдти тебѣ отъ нихъ живому!
Лучше бъ было къ облакамъ подняться:
Мышь грызетъ, но на землѣ вертится;
Лишь орелъ подъ небеса стремится...
И его на висѣлицу эту:
Пусть узнаетъ онъ за трусовость плату.
Если гдѣ еще найдется турокъ,
Что боится этихъ жалкихъ вlahовъ,
Такъ и онъ поднимется туда же,
На добычу вороньямъ голоднымъ.»

Молча рабская прислуга
Исполняетъ приказанье
И свою добычу тащить.

«Аманъ, аманъ!» *) просить старецъ,
И Новица, сынъ Дурака,
Тоже молить о пощадѣ:
«Аманъ, аманъ!» восклицаетъ.
Ага смотритъ лютымъ звѣремъ
И стоитъ какъ столпъ, какъ камень.
Лишь рукою знакъ онъ подакъ —
Старика какъ не бывало.
Лишь «медеть!» старикъ промолвилъ,
Ужъ палачъ накинулъ петлю:
Дуракъ вскрикнулъ — все замолкло.

2.

Солнце скрылось, мѣсяцъ показался.
Но кто тамъ въ ущелье изъ ущелья
Крадется на западъ — къ Черногорью?
Въ ночь бредетъ и днемъ лишь отдыхаетъ.
Онъ юнакомъ бравымъ былъ когда-то,
А теперь ужъ не юнакъ онъ больше,
А тростникъ отъ вѣтерка дрожащій.
Бросится ль змѣя съ его дороги,
Или заяцъ изъ травы высокой —
Онъ, когда-то бывший злѣе змѣя,
Струситъ чуть ли не побольше зайца —
И, бѣдняжка, думаетъ, что волка
Повстрѣчалъ, иль — что еще опаснѣй —
Что набрѣлъ на бердскаго гайдука.
Онъ боится, что какъ разъ погибнетъ,
Прежде чѣмъ до дѣли онъ достигнетъ.

То гайдукъ, или шпионъ турецкій,
Что слѣдитъ за стадомъ мягкорунныхъ,
Иль воловъ тяжелыхъ, виторогихъ?
Не гайдукъ онъ, не шпионъ турецкій,
Онъ кавасъ надежный Ченгичъ-аги,
Злой Новица, ворогъ Черногорья,
Старому и малому извѣстный.
И его не пронесли бы Вилы,
А тѣмъ меньше собственныя ноги,
Въ Черногорье при сияньи солнца.
На плечъ его виситъ винтовка,
Ятаганъ за поясомъ засунуть,
Съ ятаганомъ пара пистолетовъ.
Этихъ гадовъ принакрылъ онъ струкой. **)
На ногахъ его одни опанки, ***)

*) Аманъ — помилюй, турецкое слово. Медеть — то же что и аманъ.

**) Струка — пледъ изъ грубой шерстяной матеріи.

***) Опанки — обувь черногорцевъ изъ дѣльнаго лоскута бѣлой кожи, вѣсто въ родѣ башмаковъ.

На юнацкой головѣ лишь феска;
О чалмѣ нѣтъ даже и помину —
Безъ чалмы плетется бѣдный турокъ.
Онъ должно-быть умереть боится:
Знать, есть дѣль, къ которой онъ стремится.

Онъ оставилъ Цуды за собою,
Пробрался черезъ храбрые Бѣлицы
И подходитъ ужъ къ Чекличамъ горнымъ —
Къ нимъ подходитъ, а самъ Бога молить,
Чтобъ помогъ Онъ миновать и этихъ
Тайно, тихо, никому не зримо.
Умереть, какъ видно, онъ боится:
Знать, есть дѣль, къ которой онъ стремится.

Лишь вторые пѣтухи пропѣли
На Цетинскомъ полѣ — ужъ Новица
Красовался на полѣ Цетинскомъ;
А пропѣли третьи на Цетинѣ,
Ужъ стоитъ Новица у Цетинья,
И съ привѣтомъ къ стражѣ приступаетъ:
«Богъ на помочь, стража!» говоритъ онъ,
А цетинскій стражникъ отвѣчаетъ:
«Здравствуй, добрый молодецъ! зачѣмъ ты?
Ты откуда, изъ какого края?
Что за нужда къ намъ тебя загнала?
Что пришло такъ рано ты въ Цетинью?»
Хитрый турокъ — хоть ему неловко —
Хитрый турокъ ловко отвѣчаетъ:
«Я тебѣ скажу всю правду, стражникъ!
Знай: юнакъ съ студеной я Морачи,
Изъ Тисины, небольшой деревни
У подошвы Дормитора — знаешь?
У меня есть на-сердцѣ три горя:
Первое, что гложетъ это сердце,
То, что Ченгичъ погубилъ морачанъ,
А другое, что мнѣ гложетъ сердце,
То, что Ченгичъ погубилъ злодѣйски
Моего родителя, а третье,
Что такъ больно сердце это гложетъ,
Горе всѣхъ другихъ страшнѣе, глубже —
То, что лютый врагъ мой еще дышетъ.
Ну, такъ ради Бога, умоляю,
Допусти меня ты къ господарю
Твоему и моему съ тѣмъ вмѣстѣ:
Можетъ-быть, онъ въ горѣ мнѣ поможетъ.
Стражъ ему на это отвѣчаетъ:
«Скинь сперва, юнакъ, свое оружье,
И ступай куда тебѣ угодно.»
Входитъ онъ во дворъ черезъ ворота —

И звѣзда, помершая послѣдней
Въ небесахъ — была звѣзда Ченгича.

3.

Поднялась чета-дружина
На Цетиньѣ въ Черногорьи,
Не велика, но отважна:
Въ ней всего-то сто юнаковъ,
И юнаковъ не отборныхъ
По наружности, по виду,
Но по храбрости геройской.
Каждый радъ изъ нихъ ударить
На двоихъ, за-то навѣрно,
А не на десять, чтобъ послѣ
Отступить, бѣжать съ позоромъ.
Всѣ они погибнуть рады
За священный крестъ, которымъ
Знаменать себя привыкли,
И за крестъ, и за свободу.
Удивительное дѣло!
Та чета не собиралась,
Какъ собираются другія,
И не слышалось, какъ прежде:
«Кто юнакъ, впередъ, въ ущелье!»
Кто юнакъ, впередъ, въ ущелье!
Эхо горъ не повторяло.
Словно гласъ духовъ неясный,
Словно говоръ безтѣлесныхъ
Разносился Черногорьемъ
Отъ скалы къ скалѣ, и — диво —
Въ мракѣ чудилось, что дышетъ
Жизнью даже мертвый камень,
Что дрожить, ползеть и къ верху
Даже голову вздымаетъ,
Изъ скалы недвижной кажетъ
Онъ могучую десницу,
Ногу вѣшную; сказалъ бы,
Что въ его холодныхъ жилахъ
Кровь кипитъ и бѣтъ потокомъ.

Видишь длинную винтовку
Вверхъ направленную дуломъ;
Что же въ поясѣ хранится,
То отъ всѣхъ скрываетъ струка,
И того чужія очи
Не увидятъ. Тьма густая
Закрываетъ тайны ночи;
Голосъ водить всѣхъ — не очи.

Часть глухой и темной ночи...

Свѣтлыхъ звѣздъ не видно въ тучахъ,
Ни блестящаго оружья
Въ тьмѣ ночной подъ грубой стружкой.
Такъ идетъ чета ночная;
Передъ ней юнакъ безстрашный:
Въ тихомъ шопотѣ другъ другу
Каждый звалъ юнака Миркомъ.

Такъ идетъ чета! Куда же?
Тщетно ты ее спросилъ бы.
Тщетно спрашивалъ бы молнии,
Тщетно спрашивалъ бы грома,
Далеко ль они несутся?
Всѣ на это отзовутся:
«Знаетъ то лишь Громовержецъ,
Тотъ, Кому міры подвластны.»

Такъ идетъ чета! Куда же?
Знаетъ только Онъ, Всевышній.
Вѣрно, тотъ великій грѣшникъ,
На кого Онъ насылаетъ
Эту силу съ звѣздной выси,
Судъ своей предвѣчной правды.

Тихо, глухо всѣ ступаютъ
Въ этой тьмѣ глухой и тихой.
Говоръ, шопотъ, смѣхъ и пѣсня
Тамъ не слышались; изъ сотни
Голосовъ не слышенъ голосъ.
Словно туча градовая,
Страшный бичъ въ себѣ скрывая,
Приближается неслышно,
Угрожая горемъ краю,
Надъ которымъ вдругъ нависнетъ:
Такъ и храбрая дружина,
Подъ покровомъ темной ночи,
Походила на десницу Божью;
Тихо шла, чтобъ преступленья знало,
Что оно еще не безопасно,
Если громъ не вдругъ ударитъ съ неба;
Чѣмъ позднѣе, тѣмъ онъ бѣтъ сильнѣе.

Не звучитъ нигдѣ оружье,
Не звенитъ и стволъ ружейный,
Не звучатъ литые токи *)
При походеѣ тихой, легкой;
Словно зная кто ступаетъ,
Подъ опанками юнаковъ

*) Токи — тѣсные ряды серебряныхъ или мѣдныхъ пуго-
вицъ, нашитые впереди на куртки, надѣваемой сверху.

Шумно вылетѣла стремнина,
 Опускается пригорокъ.
 Всѣ другъ съ другомъ ровно идутъ,
 Неразлучно, вѣрно, твердо,
 Словно близнецы свѣтила
 По закатѣ тихомъ солнца.
 Вотъ ужъ Комяне, Загорачъ,
 Бѣлонавличы — всѣ были
 Далеко за ними, къ Ровцамъ
 Каменистымъ ужъ подходятъ;
 А за Ровцами къ разсвѣту
 Прибыла чета къ Морачѣ,
 Къ той Морачѣ, отъ которой
 Цѣлый край названье принялъ.
 Храбрая чета на днѣву
 Избрала Морачскій берегъ.
 Кто, склонившись къ росистымъ
 Травамъ, сношь желаетъ силы
 Подкрѣпить, другой же смотритъ
 На замокъ ружейный, или
 Счетъ ведетъ своимъ зарядамъ,
 Или ножъ булатный точитъ;
 Кто, добывъ огнивой искру
 И подъ сушь огонь засунувъ,
 Богатырскимъ дуновеньемъ
 Быстро пламя раздуваетъ;
 А иной, взявъ часть барана,
 Даръ незлобиваго стада,
 Жаритъ весело на прутѣ
 Изъ орѣшника; другой же
 Изъ своей походной сумки
 Доставалъ кусочекъ сыру.
 Пить захочетъ? вотъ Морача возлѣ.
 Чашу нужно? есть на это руки.

Вотъ и день ужъ наступаетъ,
 И ужъ слышится въ сосѣдствѣ
 Голосъ пастыря, который
 Гонитъ стадо; колокольчикъ
 На вождѣ-баранѣ громко
 Вторитъ пастырской свирѣли.

Рядомъ съ нимъ другой смиренный пастырь
 Шолъ навстрѣчу собственному стаду.
 Не украшенъ онъ серебромъ и золотомъ,
 Онъ украшенъ доблестью во взорѣ,
 И въ простую мантию одѣянъ;
 Нѣтъ за нимъ проводниковъ блестящихъ,
 Нѣтъ ни свѣчъ, ни фавеловъ зажженныхъ,
 И не слышно звона съ колокольни;
 Свѣтитъ только на закатѣ солнце,

Да звенитъ бубенчикъ на баранѣ.
 Храмъ его — безоблачное небо,
 А алтарь — утесы и долины,
 Ониміамъ — луговъ благоуханье,
 Что горѣ возносится на небо
 Отъ цвѣтовъ, растущихъ безъ призора,
 Отъ цвѣтовъ и крови христіанской,
 Пролитой за честный Крестъ, за Вѣру.
 Подойдя къ четѣ, служитель вѣрный
 Своего небеснаго Владыки
 Говоритъ юнакамъ: «Богъ на помощь!»
 И на камень старецъ становится,
 И ведетъ такую рѣчь къ собранью:
 «Чада, чада вѣрныхъ отчизны!
 Вотъ земля, въ которой вы родились;
 Хоть она скалиста, но безцѣнна.
 Дѣды ваши родились здѣсь же,
 И отцы у васъ родились здѣсь же,
 Да и сами вы родились здѣсь же:
 Нѣтъ земли для васъ на свѣтѣ лучше.
 За нее кровь лили ваши дѣды,
 И отцы кровь лили за нее же,
 За нее вы лѣте кровь и сами:
 Нѣтъ земли для васъ дороже въ свѣтѣ.
 И орды вьютъ гнѣзда на вершинѣ:
 Не найти свободы на равнинѣ!

«Вы, которые привыкли
 Жить умѣренно и трезво,
 Не заботитесь, даютъ ли
 Виноградный сокъ утесы,
 Не заботитесь, даютъ ли
 Вдоволь хлѣба ваши скалы,
 Не заботитесь, даютъ ли
 Ваши горы шолъ, покуда
 Есть вода въ ручьяхъ холодныхъ
 И мычать воды въ долинахъ,
 Да блеять въ ущельяхъ овцы!

«Порохъ есть, да и свинцу довольно,
 И сильна десница у юнака,
 И сокольѣ око подѣ рѣсницей;
 А въ груди кипитъ-стучится сердце,
 И тверда, непоколебима вѣра;
 Побратимъ за побратимомъ смотритъ,
 Вѣрный мужъ любимъ супругой вѣрной...
 Нѣтъ оружья? — турокъ вамъ приносить:
 Вотъ и все, что сердце ваше просить.

«Но всего прекраснѣй въ этихъ скалахъ —
 Это крестъ, воздвигнутый надъ ними.

Онъ одинъ васъ въ горѣ укрѣпляетъ,
 Онъ одинъ вамъ открываетъ небо.
 Еслибъ всѣ народы остальные
 Изъ своихъ равнинъ необозримыхъ
 Этотъ крестъ всеильный увидали,
 Крестъ никѣмъ еще не побѣжденный,
 Что стоитъ на Ловченѣ высокомъ,
 Возносясь къ сіяющему небу;
 Еслибъ всѣ народы эти знали,
 Какъ его хотѣлъ нечистый турокъ
 Поглотить своею алчной пастью,
 Тщетно зубъ ломаю здѣсь о скалы:
 О! они, сложивъ спокойно руки,
 Не смотрѣли бъ такъ на ваши муки;
 И за-то, что вы же умирали,
 Сторожа ихъ мирный сонъ — едва ли
 Васъ они за дикихъ бы считали!

«Вы за крестъ тотъ умерѣть готовы,
 Свято гнѣвъ небесный исполняя.
 Кто жъ идетъ служить всѣмъ сердцемъ Богу,
 Тотъ Ему служить всѣмъ сердцемъ долженъ;
 Чьей души ничто ужъ не тревожитъ —
 Судъ небесъ лишь тотъ исполнить можетъ.

«Кто изъ васъ обидѣлъ словомъ брата;
 Кто убилъ слабѣйшаго на схваткѣ,
 Освернивъ поступкомъ этимъ душу;
 Затворилъ передъ прохожимъ двери;
 Не сдержалъ лукаво обѣщанье;
 Отказалъ голодному въ трапезѣ;
 Не призрѣлъ израненаго брата:
 Вотъ дѣла грѣха и осужденья!
 Лишь въ одномъ раскаяннѣ прощенье.

«Кайтесь, пока еще есть время!
 Кайтесь — еще не поздно, дѣти!
 Кайтесь, куда ваши души
 Не стоятъ передъ престоломъ божьимъ!
 Кайтесь: теченье этой жизни
 Незамѣтно движется къ завету.
 Кайтесь, кайтесь: можетъ-быть денница
 Многихъ васъ уже не встрѣтитъ завтра.

Кайтесь же!» Но въ горлѣ старца
 Рѣчь уже остановилась,
 И на бороду упала
 Горяча-слеза, блистая
 Словно жемчугъ въ блескѣ солнца.
 Можетъ-быть, онъ вспомнилъ время
 Юныхъ лѣтъ, не безъ укора
 Проведенныхъ имъ, и, язви

Въ юномъ стадѣ исцѣляя,
 Боль почувая въ старыхъ ранахъ.
 Добрый настыр! — правъ онъ въ словѣ смѣломъ:
 У него не спорить слово съ дѣломъ.

И растроганные доброй
 Рѣчью праведнаго старца,
 Всѣ въ безмолвіи стояли;
 Агнцы кроткіе вдругъ стали
 Изъ могучихъ львовъ тѣхъ! Чудо!
 Такъ всеильно Божье слово всюду.

Но кто онъ, представшій грозно
 Предъ четой, теперь смиренной,
 И заставившій схватиться
 Сотню рукъ за ятаганы?
 Непонятное явленье!
 Сто сердець въ одно мгновенье
 Отвратилъ онъ вновь отъ неба,
 И къ чему стремилась сотня
 Самыхъ пламенныхъ желаній —
 Онъ разрушилъ, уничтожилъ!
 То заклятый врагъ, Новица,
 То Новица — весь свобода —
 Подойдя къ святому мѣсту,
 Пристываетъ ближе къ старцу
 И свой голосъ возвышаетъ:

«Ради Бога, братья черногорцы,
 Не хватайтесь за свое оружье!
 Я Новица, но уже не прежній —
 Не на васъ иду, иду я съ вами,
 Чтобъ въ крови турецкой вымыть руки.
 Все что прежде я имѣлъ у турокъ,
 У меня все отнял лютый турокъ;
 У меня осталась лишь десница,
 Да и та принадлежитъ огнямъ
 Ужъ не мнѣ, а братьямъ черногорцамъ.
 Любъ юнакъ крещеный христіанамъ —
 Такъ скорѣй меня крестите, братья!
 Часъ насталъ: не въ силахъ больше ждать я!»

Сто десницъ при этомъ словѣ
 Мигомъ бросили оружье,
 И сто глазъ сквозь слѣзы видятъ
 Только радугу — не солнце.
 Старецъ подавъ знакъ — и мигомъ
 Ужъ несутъ съ водою чашу.
 «Вѣруй, чадо, въ Трисвятого Бога,
 Вседержителя, Отца и Сына
 И Святого Духа! вѣруй, сынъ мой.

Вѣруй, вѣруй, и спасеть ты вѣра!
 И сказавъ то, старецъ вылилъ воду
 На главу невѣрнаго... Лишь горы,
 Да внизу ихъ дѣти, черногорцы,
 Были тамъ свидѣтелями тайны.
 И потомъ, подъявши къ небу очи,
 Кроткія, незлобивыя очи,
 И сухія руки, старецъ пастырь
 Отпустилъ юнакамъ согрѣшенья
 И смиренно приобщилъ ихъ Богу:
 Каждому юнаку далъ частицу
 Тайной пици, неземного хлѣба;
 Каждому юнаку далъ по кашлѣ
 Тайнаго небеснаго напитка.
 Смотрить солнце на такое диво:
 Слабый старецъ подкрѣпляетъ слабыхъ
 Для того, чтобы земная сила
 Божьей волѣ правдой послужила.

И когда имъ старецъ подалъ силы —
 Всѣ поцаловались до одина.
 И стоитъ, исполнена Всевышнимъ,
 Та чета, ужь не какъ ножъ кровавый,
 Наносящій смерть своимъ ударомъ —
 Какъ перо святое, золотое:
 Имъ же небо пишетъ для потомства
 Подвиги отцовъ и дѣдовъ. Солнце
 За горой далекой потухало.
 Тихо въ церковь шолъ старикъ убогой,
 И дружина шла своей дорогой.

4.

Поле Гацкое *) родное,
 Какъ бы ты привольно было,
 Еслибъ съ голодомъ не зналось,
 Еслибъ съ голодомъ не зналось,
 Съ злой неволей не встрѣчалось!
 На тебѣ сегодня пиръ кровавый,
 Палачи повсюду, да оружье,
 Боевыя кони, да палатки,
 Тяжкія оковы, да фелеки. **)
 Чтò же тамъ за палачи такіе?
 Для чего тамъ свѣтлое оружье?
 Чтò за кони? и зачѣмъ шатры тамъ,
 Тяжкія оковы и фелеки?

*) Гацкое поле находится въ Герцеговинѣ, на сѣверо-западъ отъ Черногорья.

**) Фелеки — орудіе, которымъ сдерживаются ноги при извѣстномъ наказаніи по пятамъ.

Смангъ-ага тамъ собираетъ подать
 И на Гацкомъ полѣ и за Гацкомъ.
 Среди поля онъ шатры раскинулъ,
 Разослалъ онъ сборщиковъ удалыхъ,
 Сборщиковъ — заѣли бы ихъ волы!
 Хочетъ онъ съ души взять по дукагу,
 Со двора по жирному барану
 И добыть себѣ красотеку на ночь.

Ѣдутъ турки-сборщики съ востока,
 За собой ведутъ нагую раю;
 Показались сборщики съ заката,
 За собой ведутъ нагую раю;
 Ѣдутъ, змѣи, съ сѣвера и юга,
 За собой ведутъ нагую раю.
 По слѣдамъ коней ступаетъ рая;
 Связаны у рай бѣдной руки,
 За спиною связаны веревкой.
 Боже, въ чемъ же рая провинилась?
 Въ томъ ли, что нужда подѣла турокъ?
 Въ томъ ли, что ихъ нечисть одолѣла?
 Провинилась — въ чемъ же? Въ томъ, что дышетъ,
 А не можетъ, по желанью турка,
 Дань давать ни золотомъ, ни хлѣбомъ.

Предъ шатрами Ченгичъ-ага
 На конѣ лихомъ кружится
 И копые далеко мечетъ,
 Угрожая зоркій глазъ свой
 И могучую десницу.

То обгонитъ всадника на скакѣхъ,
 То метнетъ копые свое всѣхъ дальше.
 Да, онъ могъ бы добрымъ быть юнакомъ,
 Еслибъ былъ онъ добрымъ человѣкомъ!

Но увидѣвши добычу,
 Ту, чтò сборщики тащили,
 Онъ стрѣлою къ нимъ помчался
 На конѣ и замахнулся
 На бѣгу копьемъ-джилитомъ.
 Вотъ, копые подыавши кверху,
 Онъ прицѣлился во влаха;
 Но, видать, и у юнава
 Измѣнить десница можетъ.
 Такъ и здѣсь случилось съ агой.
 Легкій конь его спотенулся,
 И копые хотъ засвиствѣло,
 Но въ своемъ кривомъ полетѣ

Вмѣсто агнца поразило волка,
 И Саферу, чтò привелъ тѣхъ влаховъ,
 Прямо въ глазъ оно вонзилось. Выпалъ
 Глазъ съ копьемъ на мураву, а турокъ

Облился своею черной кровью.
 Зашипѣлъ онъ ядовитымъ змѣемъ.
 Вспыхнулъ Ченгичъ-ага, словно пламень.
 Просто срамъ подобному юнаку
 Дань собирать и не собрать той дани,
 Въ цѣль копые свое метать и цѣли
 Не достигнуть: вмѣсто бѣдной раи,
 Выбить глазъ у преданнаго турка,
 Словно на смѣхъ злобнымъ христіанамъ!
 Вспыхнулъ Ченгичъ-ага, словно пламень:
 Боже, что жъ отнынѣ будетъ съ влахомъ,
 Если влахъ и прежде не былъ правымъ!
 «Гей, Гассанъ, Омеръ, Яшаръ, скорѣе,
 На коней скорѣе, вы, собаки!
 Пронеситесь вы широкимъ полемъ:
 Поглядимъ, какъ бѣгаютъ тѣ влахи!»
 Заревѣлъ онъ какъ сердитый буйволъ.
 Выли слуги грозному приказу,
 Понеслись лихіе кони полемъ,
 Крики слугъ съ коней лихихъ несутся,
 Топотъ конскій слышенъ подъ слугами,
 Вопли раи слышны за конями.
 Въ первую минуту, какъ помотришь,
 Рая носится быстрѣй, чѣмъ кони;
 Во вторую разобрать ужъ трудно:
 Кони ль, рая ль бѣгаетъ быстрѣе;
 Въ третью — кони напередъ несутся,
 Отстаютъ измученная рая —
 Мигъ — и рая падаетъ на землю,
 И волочатъ кони рая
 По грязи, въ пыли, по камнямъ,
 Словно Гектора подъ Тройей,
 Лишь забыли боги Тройю.
 Турки смотреть на ристанье
 И тѣмъ зрѣлищемъ ужаснымъ
 Услаждаютъ чувство зрѣнья,
 Насыщаютъ жажду крови —
 Влашской крови, мукой влаховъ.
 Иногда, развеселившись,
 Дружный хохотъ подымали,
 Увидавъ, какъ эта рая,
 Эти псы вдругъ падали на землю.
 Такъ могли лишь демоны смѣяться,
 Видя муки грѣшниковъ въ гееннѣ.
 Не устали злые турки;
 Утомились только кони,
 Той живою бороною
 Заборанивая поле,
 Утомились — спотыкались.

«Гей, вы слуги! вскрикнулъ лютый ага:

Полно ѣздить — умираетъ рая;
 Такъ скорѣй мнѣ раю воскресите,
 Чтобъ моя добыча уцѣлѣла!»
 Злые слуги злѣйшаго владыки
 Соскочили всѣ съ коней на землю
 И, держа въ рукахъ бичи тройные,
 Бросились на чуть живую раю,
 Чтобъ пришли въ себя собаки-влахи.
 Свищетъ бичъ въ рукѣ проворной,
 Разсѣвая мертвый воздухъ:
 Плоть грызетъ тройное жало,
 Источая токи крови.
 Если жъ бичъ порою оплошаетъ,
 То на тѣлѣ страшную картину
 Черно-синихъ лютыхъ змѣй напишетъ,
 А подъ ними жертва еле дышетъ.

«Ну, вставай скорѣе, рая!
 Эй, вы на ноги, собаки!»
 Раздаются крики турокъ.
 Рая въ страхѣ собираетъ
 Угасающія силы:
 Кто сильнѣе, потихоньку
 Привстаетъ и становится
 На израненныя ноги.
 Кто слабѣе, тотъ какъ-будто
 Сквозь свой сонъ тяжелый, вѣчный,
 Слыша страшныя проклятья,
 Чужая боль отъ злого жала,
 Удержатъ въ себѣ желаетъ
 Отлетающую душу —
 И ползетъ на четверенькахъ.
 Не одинъ, какъ видно, голосъ трубный
 Пробудитъ отъ сна усонихъ можетъ
 Въ день суда послѣдняго, но даже
 Бичъ тройной способенъ вызвать къ жизни.

Лишь съ шатрами поравнялась
 Рая, кровью облитая —
 Ага страшный, словно призракъ,
 Зарычалъ предъ бѣдной раей:
 «Подавай мнѣ подать, рая!
 Подать, или худо будетъ!»

Вседержитель птицамъ отдалъ воздухъ,
 Дула далъ, спокойныя далъ гнѣзда;
 Рыбамъ воду, глубины морскія,
 Свѣтлые, кристаллыя чертоги;
 Звѣрю далъ лѣса, крутыя горы,
 Тѣнь пещеръ и шолкъ луговъ зеленыхъ;
 Бѣдной раѣ не далъ корки хлѣба,

Чтобъ ее слезами оросила.
Нѣтъ! и ей онъ далъ удѣлъ отраднѣй,
Да все отнялъ туроу кровожаднѣй!

«Подать, подать!» Гдѣ взять раѣ подать?
Гдѣ взять злата, если нѣтъ и крова,
Подъ которымъ голову склонила бѣ?
Гдѣ взять злата, если нѣтъ и поля,
Лишь чужое потомъ орошаешь?
Гдѣ взять злата, если нѣтъ и стада,
На скалахъ же лишь пасешь чужое?
Гдѣ взять злата, если нѣтъ одежды?
Гдѣ взять злата, если нѣтъ и хлѣба?

— «Голодь, холодъ, господарю!
Подожди пять-шесть денѣчковъ —
Соберемъ мы Христа-ради!»
— «Подать, подать подавайте!»
— «Хлѣба, хлѣба, господарю!
Мы давно уже безъ хлѣба!»
— «Погодите, псы, лишь только
Ночь съ небесъ сойдетъ на землю,
Будетъ мясо вмѣсто хлѣба!

Гей, ребята! эти влахи босы,
Такъ подкуйте ихъ, чтобъ имъ издохнуть!»

Отвѣчалъ онъ и вошелъ въ шатеръ свой.
Тотчасъ слуги бросились къ раѣ,
И при этомъ одноглазый Саферъ
Веселѣе всѣхъ засуетился:
Къ общей пушей радости онъ хочетъ
Выжѣстить на раѣ глазъ пропавшій.

То раздастся скрипъ фелековъ,
То рыканіе Сафера:
«Подать, подать подавайте!»
То отвѣтъ несчастной раи:
— «Хлѣба, хлѣба, господарю!
Мы давно уже безъ хлѣба!»
— «Погодите, псы, лишь только
Ночь съ небесъ сойдетъ на землю,
Будетъ мясо вмѣсто хлѣба!»

Повторялъ злодѣй слова злодѣя.

Но опишетъ ли кто вѣрно
Эти тяжкія страданья?
Да и кто же равнодушно
Могъ бы слушать эту повѣсть?

Минулъ день, сошелъ на землю сумракъ,
А за нимъ и ночь сошла на землю.
Небеса усыпались звѣздами,

Только западъ былъ еще во мракѣ;
Полумѣсяцъ шелъ по полунбѣ,
Освѣщая грустную картину.

Средь пустого поля липа
Вѣковѣчная стояла,
Окруженная шатрами.
Между ними наилучшій,
Наилучшій, наибольшій,
Возвышавшійся надъ всѣми,
Былъ шатеръ Ченгича-аги,
Словно бѣлый стройный лебедь
Въ голубиной бѣлой стаѣ.
Въ тихомъ, кроткомъ лунномъ свѣтѣ
Ставки бѣлые бѣлѣлись,
Какъ могилы въ грудахъ снѣга,
Надъ которыми въ полночь
Грозно вьются злые духи
И прохожаго ночного
Привидѣньями пугаютъ,
Или ухо оглушаютъ

Лаемъ псовъ, рыканьемъ львовъ нагорныхъ,
Воплемъ душъ страдающихъ за гробомъ.

Мнилось, здѣсь лежитъ кладбище
Славныхъ праотцевъ славянскихъ,
Тѣхъ славянъ, которыхъ слава
Разносилася далеко,
И вокругъ которыхъ туроу
Извивался днемъ и ночью,
Долго голову ломая,
Чѣмъ и какъ задать бы страху,
Чтобъ несчастные потомки
Славныхъ предковъ въ злой неволѣ
Молча ждали лучшей доли!

Слышно лишь, какъ львомъ рыкаетъ туроу,
Или псомъ голоднымъ завываетъ.
Слышны лишь стenanія страдальцевъ,
Крики ихъ, мучительные вздохи,
Страшный звукъ оковъ, цѣпей тяжелыхъ,
И за нимъ мольбы, призывъ на помощь...
Слушай, братъ, ужели вопли — призракъ?
Слушай, братъ... да нѣтъ, не призракъ это...
Вижу я, какъ тяжело ты дышешь...
Плачешь ты? о, нѣтъ, не призракъ это:
Вѣдь бы ты предъ призракомъ не плакалъ.

Разведенъ огонь передъ шатрами,
И вокругъ его мелькаютъ турки.
Тотъ въ огонь подкладываетъ хворостъ;

Тотъ, надувшись точно мѣхъ кузнечный,
 Понемногу раздуваетъ пламя;
 Тотъ сидитъ, поджавши ноги, возлѣ,
 Надъ огнемъ вертя баранье мясо;
 На угляхъ шипитъ баранье мясо —
 И огонь его какъ-будто лижетъ,
 Освѣщая потъ, который градомъ
 По лицу изъ-подъ чалмы струится.
 И когда баранъ ужъ былъ изжаренъ,
 Онъ былъ тотчасъ снятъ съ тяжелой жерди,
 Цѣпкомъ на длинный столъ наваленъ
 И вожомъ огромнымъ весь разсѣченъ.
 Тутъ орда турецкая къ трапезѣ
 Подошла, какъ-будто волчья стая,
 И руками стала рвать добычу.
 Первымъ былъ межъ ними Ченгичъ-ага,
 А за нимъ Баукъ и остальные:
 Звѣри такъ выдаются на падалъ.
 Захвативъ и ракин, и хлѣба,
 Стала ѣсть орда та мясо съ хлѣбомъ
 И притомъ не забывала жажду
 Заливать палящей, жгучей водкой.
 Утоливъ свой голодъ и удвоивъ
 Злость свою палящей, жгучей водкой,
 Какъ огонь вдругъ вспыхнулъ Ченгичъ-ага:
 Просто срамъ подобному юнаку
 Дань собирать и не собрать той дани,
 Въ цѣль коней свое метать и цѣли
 Не достигъ, а вмѣсто жалкой раи,
 Выбить глазъ у преданнаго турка,
 Словно на смѣхъ злобнымъ христіанамъ.
 Какъ огонь вдругъ вспыхнулъ Ченгичъ-ага,
 И сказалъ слугамъ: «Довольно мяса!
 Кости въ голодной раѣ бросьте,
 Кости лишь, а мясо приберите:
 Какъ скажу, такъ чтобъ готово было.»
 Проревѣлъ онъ и уполъ въ палатку.
 Тотчасъ слуги бросили свой ужинъ
 И пошли готовить все къ веселью:
 Крѣпкія веревки и солому,
 Чтобы раю обкурить порядкомъ,
 Привязавъ ее къ кудрявой липѣ,
 Головою внизъ, ногами кверху;
 Обкурить, чтобъ тотчасъ выжать злато
 Изъ несчастной, неодѣтой раи,
 У которой не было и хлѣба.
 Чтѣ же рая?... чтѣ же раѣ дѣлать?
 Мать земля жестка, далеко небо;
 Плачетъ сердцемъ, видя чтѣ съ ней будетъ,
 Плачетъ сердцемъ, хоть не плачутъ очи.
 И когда все было ужъ готово,

Ждали, не могли дождаться слуги,
 Всѣхъ же больше одноглазый Саферъ,
 Скоро ли имъ крикнетъ Ченгичъ-ага:
 «Ну, теперь и съ липовымъ народомъ *)
 Намъ пора, ребята, разсчитаться,
 Ужъ пора его на лицу вздернуть!»

Между-тѣмъ ага сидѣлъ въ палаткѣ;
 Съ нимъ — Баукъ лукавый, воевода,
 Мустафа, его совѣтникъ вѣрный,
 И другіе старшіе изъ турокъ.

На полу ковры повсюду
 Разноцвѣтные лежали,
 И на нихъ вездѣ подушки
 Предлагали тѣлу нѣгу,
 Нѣгу сладкую и отдыхъ.

А въ углу на огонькѣ трещала
 Только-что отсѣченная вѣтка,
 И трещала, словно пѣсню пѣла,
 Пѣла съ плачемъ, плакала съ пригѣвомъ.
 А въ срединѣ, на высокой жерди,
 Около которой разстилалась
 Гордая палатка Ченгичъ-аги,
 Пишное оружіе блестяло:
 Ружья и холодное оружіе.
 Тамъ клинки дамасскіе сіяли
 Сотни разъ точившіе изъ влаховъ,
 Изъ собакъ нечистыхъ, кровь ручьями;
 Возлѣ нихъ видѣлись ятаганы
 И ножи бузатные безъ счета;
 Много тамъ и длинныхъ ружей было,
 Съ золотой изящною насѣчкой
 И безъ счета цѣнныхъ пистолетовъ.
 Но чтѣ тамъ склонилось къ шестоперу?
 Никогда невиданное диво!
 Возлѣ волка агнецъ непорочный,
 Рядомъ съ змѣемъ — призрачная вила!
 То склонились гусли къ шестоперу!
 Видишь ихъ, мой братъ? но не пугайся:
 Шестоперъ тѣ гусли не расщепитъ,
 Струны ихъ не превратитъ въ вериги,
 А смычокъ невинный въ лукъ ужасный
 И въ коня удалаго кобылку.
 Знай, славянки-вилы не боятся
 Шума битвъ и грохота оружья:
 Гдѣ молчитъ винтовка боевая,
 Тамъ молчитъ и пѣсня удалая!

*) Липовый человекъ, липовый христіанинъ — слабый, недѣятельный славянинъ на языкѣ турка.

Небо, чистое въ то время,
 Все одѣлось черной мглюю.
 И когда бы кто съвозъ тучи
 Могъ смотрѣть, то увидалъ бы
 Какъ дрожали тамъ пшады,
 Эти маленькія звѣзды,
 Надъ палаткой Ченгичъ-аги,
 И какъ мѣсяцъ виторогій
 Выступалъ передъ звѣздами,
 Какъ баранъ-вожакъ предъ стадомъ.
 Ночь глухая наступила,
 Не слышать нигдѣ ни звука,
 Лишь роса спускалась тихо
 На цвѣты, какъ слѣзы неба.

Страшный мракъ, сгущавшійся все больше,
 Такъ одѣлъ и горы и долины,
 Что руки нельзя увидѣть было,
 А куда ужъ разглядѣть тропинку!
 Горе тѣмъ, кого въ дорогѣ
 Ночь такая заставала,
 Если нѣтъ вблизи привала.

Расходился, разыгрался вѣтеръ,
 Засверкала молнія, бичуя
 Воздухъ, землю пламенемъ небеснымъ.
 То предъ взоромъ свѣтъ невыносимый,
 То опять одѣнется все тьмою —
 Тьмою большей чѣмъ казалось прежде.
 Вотъ и громъ послышался внезапный,
 Громъ глухой, гремѣвшій въ отдаленны.
 Вотъ все ближе, громче и страшнѣе
 Отдается грохотъ по ущельямъ.
 Гулъ глухой идетъ горѣ и долу;
 По доламъ, ущельямъ слышно эхо:
 Быть бѣдѣ, не обойдтисъ безъ бури!
 Горе тѣмъ, кого въ дорогѣ
 Ночь такая заставала,
 Если нѣтъ вблизи привала!

Еслибъ ты спиною къ вѣтру
 Сталъ въ тотъ мигъ, какъ молнія блеснула,
 И внимательно взглянулъ бы
 Прямо по вѣтру въ равнину —
 Увидалъ бы тамъ толпу народа:
 вмѣстѣ всѣ, лишь мракъ ихъ раздѣляетъ.
 То гроза покажетъ имъ дорогу,
 То вдругъ тьма опять ее отниметъ;
 Но они походкой легкой
 Ближе все подходить къ стану.
 Ночь черна! хотять чрезъ тьму продраться,
 Чтобъ скорѣй къ ночлегу лишь добраться.

Но вотъ снова молнія блеснула,
 И людей вблизи ужъ освѣтила —
 И теперь нетрудно было видѣть,
 Кто ихъ вождь и кто идетъ съ нимъ рядомъ.
 Знать, одинъ изъ нихъ глава дружины,
 А другой надежный ихъ вожатый;
 Знаетъ онъ всѣ доли и всѣ горы
 И во тѣмъ ведетъ свою дружину.
 Посмотри, какъ онъ легко ступаетъ,
 Словно вѣтеръ мчитъ его въ пространствѣ.
 Что жъ его влечетъ? чего послушно
 По его слѣдамъ еще проходятъ
 Двѣсти ногъ? Быть-можетъ, темной ночи
 Онъ боится, любить сонъ и нѣгу
 И теперь торопится къ ночлегу?

Блескъ грозы, мелькнувшій въ ту минуту,
 Указалъ дружину за шатрами,
 Какъ она въ три ряда становилась,
 На три части храбрая дѣлилась.
 И стоитъ чета ночная,
 Словно туча громовая,
 Или лава, что несется
 Съ горъ высокихъ и ключемъ кипящимъ
 Лѣтисъ съ ревомъ на головы спящимъ.

Вотъ чета прислушиваться стала:
 Разузнать ей хочется гдѣ ага.
 Долезаютъ до нея ужъ крики:
 То Саферъ съ достойною дружиной
 Напередъ безстыдно издѣвался
 Надъ страданьемъ горемичной раи.
 А въ палаткѣ ага возсѣдаетъ,
 Курить онъ и тянетъ черный кофе.
 Ясное чело Ченгича
 Было въ этотъ мигъ въ морщинахъ,
 Быстрый взоръ его какъ-будто
 Былъ подернутъ мрачной тучей.
 Онъ хранить глубокое молчанье;
 Въ головѣ его кружатся мысли
 О красѣ дѣвичьей, объ оружьѣ,
 О своей охотѣ соколиной,
 О войнѣ, о золотыхъ дукатахъ,
 О кровавыхъ казняхъ, черногорцахъ,
 О метаньи въ цѣль копьемъ-джиантомъ.
 Снова вспыхнулъ ага, словно пламень:
 Просто срамъ подобному юнаку
 Данъ собирать и не собрать той дани,
 Въ цѣль копые свое метать и цѣли
 Не достичь, а вмѣсто жалкой раи,
 Выбить глазъ у преданнаго турка,

Словно на смѣхъ злобнымъ христіанамъ.
 Какъ огонь вдругъ вспыхнулъ Ченгичь-ага;
 Но когда ага замѣтилъ гусли,
 На столбѣ висѣвшія съ оружіемъ,
 Бѣшенство въ крови его утихло,
 Усладилась горечь черной крови,
 Словно онъ гармоніей небесной
 Тронуть былъ; и жажда крови въ агѣ
 Превратилась въ жажду пѣсни —
 Такъ могуча сладость звуковъ!

Говорить Бауку Ченгичь-ага:
 «Гей, Баукъ, почтенный воевода!
 Удалство твое, я слышалъ, хвалить;
 Ну, а что, когда бѣ на насъ напали
 Эти мыши горныя неожиданно,
 Сколько бѣ ихъ одинъ ты искалчилъ?»
 — «Да съ шестерку, господарь, побилъ бы.»
 — «Просто дрянъ ты, баба! а я думалъ,
 Что и вправду ты юнакъ удалый!
 Пусть ударятъ два десятка бердянь,
 Да помогутъ мнѣ святая вѣра,
 Я одинъ бы всѣхъ ихъ обезглавилъ.
 Знаешь, я чуть-чуть не впалъ въ сомнѣнье:
 Я куриль, а самъ все время думалъ,
 Что гроза забавѣ помѣшаетъ,
 Прокочтитъ намъ не позволить влаховъ.
 Знаю я, что ты пѣвецъ искусный,
 Я жь охочь до пѣсенокъ подъ гусли —
 Такъ запой, потѣшь меня, пріятель!»

Всталъ Баукъ, снялъ съ полки гусли
 И, поджавши снова ноги,
 Сѣлъ на прежнее онъ мѣсто;
 И на мягкую подушку
 Положилъ живыя гусли.

Вправо, влѣво онъ смычкомъ проводить;
 Поправляетъ тонкую кобылку —
 И вотъ звуки гуслей раздалися,
 Зазвучалъ затѣмъ могучій голосъ,
 И пѣвецъ искусный и лукавый
 Затянулъ подъ звуки гуслей пѣсню:

«Правый Боже, что за чудный воинъ
 Былъ Ризванъ-ага, владыко сильный!
 Какъ искусно онъ владѣлъ оружіемъ,
 Острой саблей и копьемъ булатнымъ,
 И ружьемъ, и лютымъ атаганомъ,
 И конемъ своимъ лихимъ, удалимъ!
 Ага сходитъ на Косово поле,
 Собираетъ онъ цареву податъ,

Хочетъ онъ съ души взять по дукату,
 Со двора по жирному барану,
 На-ночь онъ добыть красотку хочетъ.
 Собираетъ онъ цареву податъ,
 Злая рая платитъ и не платитъ.
 Гдѣ съ души онъ хочетъ по дукату,
 Тамъ не видитъ часто мѣдной пары,
 Хочетъ съ дома жирнаго барана,
 А возьметъ — на перечетъ всѣ ребра,
 А гдѣ на ночь онъ красотку ищетъ,
 Не находитъ и сморчка-старухи.
 Забираетъ ага злую раю,
 А потомъ ее выводитъ въ поле,
 Въ полѣ ставить онъ ее рядами,
 На конѣ черезъ нее онъ скачетъ:
 Первый рядъ перескочилъ удачно,
 И другой перескочилъ удачно,
 А когда хотѣлъ скакнуть чрезъ третій,
 Дикій конь его встряхнулся диво,
 Лишь скакнулъ онъ, лопнула подпруга,
 Сильный ага на траву свалился.
 И немного времени минуло,
 А изъ усть въ уста уже несется
 Смѣлый шопоть по Косову полю.
 Чѣмъ онъ дальше, тѣмъ сильнѣе шопоть;
 Послѣ смѣхъ, потомъ насмѣшки раи,
 А потомъ сложилась пѣснь подъ гусли —
 И поютъ слѣпые на Косовѣ:
 «Просто дрянъ былъ Ризванъ-ага сильный!»

Эта пѣснь еще звучала,
 А ужъ вадный могъ бы видѣть,
 Кто смотрѣлъ на Ченгичь-агу,
 Что въ лицѣ его видѣлись
 Боль, досада, злоба, ярость
 И другія злыя страсти,
 И кровавыми когтями
 Раздирали сердце аги
 При язвительныхъ намекахъ.

И кровавый пламень грозно вспыхнулъ
 Въ гнѣвномъ сердцѣ противъ злобной раи,
 Противъ влаховъ, христіанъ поганыхъ,
 Противъ тѣхъ собакъ нечистыхъ, скверныхъ,
 Что живутъ въ сосѣдствѣ правовѣрныхъ.

Цѣпи, адъ, веревка, сабля,
 Ножъ, котелъ съ кипящимъ масломъ,
 Коль, огонь и сотни пытокъ
 Вдругъ припомнились агѣ,
 Чтобъ взглянуть слѣдъ насмѣшекъ

И сберечь нетронутую славу,
Имя въ пѣсни подь брацанье гуслей.
Брови аги сдвинулись, какъ тучи,
Загорѣлись очи, словно пламя;
По лицу огонь зловѣщій бѣгалъ
И отъ гнѣва расширялись ноздри;
На устахъ, ужь вспѣнныхъ отъ злости,
Выраженіе ада показалось.
И легко въ немъ каждый прочиталъ бы:
«Такъ скорѣй погибнетъ эта рая,
Чѣмъ меня погубитъ пѣсня злая!»

Не успѣлъ Баукъ окончить пѣсни,
Какъ у аги мысль уже мелькнула,
Что и тутъ свидѣтелемъ позора
Не одна лишь злая рая будетъ,
И что очи и уста не только
Раѣ злой даны природой щедрой:
Рая зла, а турки всё лукавы:
Всѣхъ души — и не уронишь славы!

Эти злые помыслы злой ага
Хочетъ скрыть въ душѣ своей лукавой —
И черты лица онъ укрощаетъ;
Но на немъ все ярче и виднѣе
Выступаетъ пламя дикой злобы.
Хочетъ онъ казаться всѣмъ спокойнымъ,
А межъ-тѣмъ дрожить онъ какъ осина.
Наконецъ, бессильный скрыть ту злобу,
Поднялся онъ въ ярости и вскрикнулъ:
«Ужъ пора покончить съ этой раей!
Палаша, ножи, огонь и колья!
Распуститъ сейчасъ всѣ силы ада!
Я юнакъ, отъ пѣсни жду я славы;
Для того задамъ имъ ширь кровавый.»

Не успѣлъ домоловить ага,
Какъ раздался мѣткій выстрѣлъ
И затымилъ другое око
У Сафера, что всѣхъ прежде
Подскочилъ на голосъ аги;
Что отъ древка началось,
То окончилось отъ пули.
«Влахи!» всюду слышны крики.
Въ ту минуту часть дружины
Залпъ дала по всѣмъ палаткамъ.
«Влахи! влахи!» слышны крики.
«Гей, коня мнѣ!» голосъ аги.
Тутъ другая часть дружины
Залпъ дала. «Повсюду влахи!

Ружья, ружья, ятаганы!
Гей, коня, Гассанъ, коня мнѣ!»
Вотъ и третій залпъ раздался.
Ужъ Гассанъ коня выводитъ;
На коня садится ага;
Но свергнула словно молнья —
И винтовочная пуля
Агу вновь свела на землю.

Ночь мрачна; не знаешь, чья та пуля,
Но вблизи стрѣлялъ въ то время Мирко,
И во тьмѣ порхнула безъ одежды
Та душа, безъ мира и надежды...

Ага палъ; еще дерутся турки;
Но отъ всѣхъ сокрыто было мракомъ,
Что въ борьбѣ геройство совершало.
Ничего не разберешь во мракѣ.
Лишь когда сверкнетъ огонь небесный,
Или вдругъ мелькнетъ огонь ружейный —
Предъ собой вдругъ видитъ турокъ влаха
Въ двухъ шагахъ, межъ-тѣмъ какъ прежде думалъ,
Что стоитъ онъ отъ врага на выстрѣлъ.
И летать въ желѣзныя объятія,
И звучать желѣзныя лобзанья,
И летать сѣпнвшисъ на земь оба:
Такова кипитъ въ душѣ ихъ злоба.

Подъ покровомъ черной ночи
Ходитъ смерть, бросая слѣдъ кровавый;
Очи смерти свѣтятся какъ молнии,
И сквозь кости вѣтъ вѣтръ холодный;
Словно громъ гремитъ она: то «горе!»
То «медеть!» то «помоги намъ, Боже!»
И вздыхаетъ, и хрипитъ, и стонетъ,
И беретъ то сербина, то турка,
Очи ихъ смежая безпробудно.

Тутъ погибъ совѣтникъ аги, Муя,
Яшаръ злой, Гассанъ, Омеръ и тридцать
Мусульманъ изъ свиты Ченгичъ-аги;
Мракъ ночной отъ смерти спасъ Баука
И другихъ, бѣжавшихъ съ поля битвы.

Но кто тамъ лежитъ на трупѣ аги?
Самъ мертвецъ, на трупѣ онъ скалитъ зубы.
Тотъ мертвецъ — Новица. Онъ Гассаномъ
Былъ убитъ въ тотъ мигъ какъ въ жаждѣ мести
Подскочилъ къ поверженному звѣрю,
Чтобъ его добить и обезглавить.
Стихъ свинцовый градъ: пошолъ небесный —

И дружина скрылась под шатрами.
Ночь страшна, облита черной кровью,
Ночь темна... дружина же довольна:
На ночлегъ новомъ ей привольно.

М Петровскій.

Л. ВУКАТИНОВИЧЪ.

Людевитъ Вукатиновичъ, современный хорватскій поэтъ и одинъ изъ ревностѣйшихъ проповѣдниковъ иллирскаго союза, родился въ 1813 году въ Загребѣ. Вукатиновичъ выступилъ на литературное поприще въ 1832 году съ своей драмой «Golub». Появленіе его въ литературномъ кружкѣ Загреба совпало съ началомъ иллирскаго движенія, въ главѣ котораго стоялъ Людевитъ Гай, ревностный проповѣдникъ панславистскихъ тенденцій. Вукатиновичъ примкнулъ къ этому движенію и, вмѣстѣ съ Вразомъ, Мажураничемъ, Кукулевичемъ, Боговичемъ и другими, взялся за литературную пропаганду иллиризма со всею искренностью энтузіаста національнаго возрожденія. Вукатиновичъ взялся за перо и написалъ множество стихотвореній, исполненныхъ самой горячей любви къ родинѣ, изъ которыхъ половина поётся до-сихъ-поръ народомъ. Онъ призывалъ въ своихъ пѣсняхъ хорватскій народъ «сбросить суровое иго, которое пятнаетъ ихъ имя и подкапываетъ ихъ племя.» Не указывая еще прямо на настоящаго врага, онъ уже съ самаго начала говоритъ хорватамъ: «Все на этой землѣ, и старецъ и дитя, стремится къ золотой свободѣ и съ отточеннымъ оружіемъ выходитъ противъ ея нарушителя. Пора уже намъ отточить наши мечи противъ враговъ нашего имени, и въ потокахъ вражеской крови затопить вражескую несправедливость: пусть это будетъ нашей первой заповѣдью!» Затѣмъ, онъ призываетъ ихъ явиться со всеми силами на священную войну и общается имъ вѣрную побѣду. Стихотворенія эти, разбросанныя по разнымъ журналамъ и сборникамъ, были собраны имъ и изданы два раза, въ 1838 и 1842 годахъ, подъ названіемъ «Пѣсни и Разказы» и «Розы и Тернія». Затѣмъ, въ 1844 году, Вукатиновичъ издалъ свои «Историческія Повѣсти», въ двухъ томахъ, а съ 1847 — еще одинъ томъ своихъ стихотвореній. Кроме того, онъ помѣстилъ много превосходныхъ стихотвореній въ своемъ альманахѣ «Lertig» (1859—1861), гдѣ напечатаны также

и нѣкоторыя изъ его прозаическихъ произведеній. Съ 1848 года онъ посвятилъ себя практическимъ занятіямъ сельскаго хозяйства, погрузился въ естественныя науки и сталъ изучать минералогію и геологію, помѣщая свои статьи въ «Хозяйственномъ Листкѣ», котораго былъ редакторомъ съ 1856 по 1858 годъ. Будучи въ то же время директоромъ Загребскаго Музея, онъ обогатилъ его прекрасно-составленнымъ геологическимъ собраніемъ.

I.

ВЫДРИНСКАЯ ГОРА.

Когда съ родной горы я взоры устремлю
На цѣпь скалистыхъ горъ, вершины ихъ считаю
И думаю о томъ, что ихъ крутые скаты
Людьми заселены, что верругъ живутъ хорваты,
Тогда моя душа въ пространствѣ утопаетъ
И Господу народъ хорватскій поручаетъ.

Когда съ родной горы, подернутой росой,
Любуюсь утромъ я пурпурною зарёю,
Когда я слышу звонъ, зовущій къ покаянью
Труждающихся всѣхъ, доступныхъ уповаю,
Тогда моя душа въ пространствѣ утопаетъ
И Господу весь міръ славянскій поручаетъ.

Когда моя душа полна волненья злого,
Я прихожу сюда, чтобъ отдохнуть немного —
И нѣтъ на мнѣ цѣпей, свободно это тѣло,
Я снова въ даль гляжу восторженно и смѣло
И вновь моя душа въ пространствѣ утопаетъ
И счастье свое Зиждителя вручаетъ.

Когда свѣтло дня садится за горами
И меркнущая даль звучитъ колоколами,
Я думаю тогда, прощаяся съ горою:
«Кто знаетъ, что насъ ждётъ съ пурпурною зарёю?»
И вновь моя душа въ пространствѣ утопаетъ
И Господу себя съ молитвой поручаетъ.

Н. Гервель.

II.

ПОЦАЛУЙ ЧЕРНООКОЙ.

Черноокая, скажи мнѣ,
Ты скажи, не утай,

Гдѣ взяла ты эти чары,
Чары дивныя свои?

Гдѣ уста взяла такіа,
Что — пройди весь бѣлый свѣтъ —
Не найдешь такихъ ни гдѣ ты:
Ихъ и не было, и нѣтъ!

Мнѣ роскошная ихъ сладость
И дороже, и милѣй,
Чѣмъ для пчѣлки сосъ медвяный
Розъ, фіалокъ и лилей.

Подалуй мнѣ подарила
Ты вечеръ въ ночной тиши:
Имъ похитила на-вѣки
Прежній миръ моей души.

Я отпущу тебѣ за это:
Самъ вопьюсь въ уста твои
Жарко, пламенно — и выпью
Небо цѣлое любви!

Н. Бергъ.

III.

МОЛЬБА КЪ ЧЕРНООКОЙ.

Ты хочешь знать, гдѣ домикъ мой:
Сокрѣтъ въ долину онъ глухой;
Тамъ значный лугъ
Найдешь, мой другъ;
Тамъ тихо, тихо все вокругъ.

Для насъ обоихъ тамъ готовъ
Шатеръ зеленый изъ цвѣтовъ,
Тамъ много розъ
Перешелось
Межъ виноградныхъ лозъ.

Ручей струится тамъ изъ горъ,
Тамъ нѣгой полноя тѣмный боръ,
И соловей
Въ тѣни вѣтвей
Поѣтъ тамъ слаще и живѣй.

За счастье въ тихомъ томъ дому
Всего я свѣта не возьму!

О, жить бы тамъ
Всю вѣчность намъ,
Для невзгоды пополамъ!

Н. Бергъ.

IV.

КЛИЧЪ.

Гдѣ такая въ цѣломъ свѣтѣ
Есть дѣвица на примѣтѣ:

Что лицомъ — заря румяна,
Косы — будто крылья врана;

Зубки — жерлы; очи черны —
Точно вишни, точно тѣрны;

Молодое нѣжно тѣло —
Словно пухъ лебяжій, бѣло;

Станъ стройнѣе горной ели;
Голосъ — пѣніе свирѣли;

Груди — волны въ океанѣ,
А походка гордой лани;

Сердце — что твоя геенна
И въ любви неизмѣнно.

Гдѣ такая въ цѣломъ свѣтѣ
Есть дѣвица на примѣтѣ?

Н. Бергъ.

V.

ЧОРНЫ ОЧИ.

Ахъ вы, очи черны,
Очи ясны!
Полюбилъ васъ крѣпко
Я, несчастный!

Въ каждое мгновенье
Дня и ночи
Вы передо мною,
Чорны очи!

Саду ль ненарокомъ
Подъ оконце,

Гляну ли на небо,
Иль на солнце;

Взоромъ ли ночную
Тьму пронизу:
Всюду, черны очи,
Вась я вижу!

Смилуйся ты, любя,
Надо мною:
Дай хоть мигъ единый
Мнѣ покою!

А нето — такъ будешь
Ты убійца
Земляка и брата,
Иллирійца!

Н. Бергъ.

А. КАЗАЛИ.

Антонъ Казали, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ поэтовъ далматинскихъ, родился въ 1815 году въ Дубровникѣ. Съ 1855 по 1859 годъ онъ редактировалъ «Гласникъ Далматинскій»; въ 1856 году издалъ лучшее свое произведение — поэму «Златка», отрывокъ изъ которой помѣщенъ въ нашемъ изданіи; въ 1857 напечаталъ въ «Зарѣ» «Trista vicaš udovica», а въ слѣдующемъ году — повѣсть «О гробницкомъ полѣ». Кромѣ того, онъ перевелъ на сербскій языкъ первую пѣснь «Илліады», «Донъ-Карлоса» Шиллера и нѣсколько отрывковъ изъ Шекспира, Мильтона (изъ «Потеряннаго Рая») и Байрона. Въ настоящее время Казали служитъ учителемъ гимназій въ Зарѣ.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ЗЛАТКА».

Нѣтъ еще ни слуху и ни духу
О жестокихъ дняхъ войны кровавой,
Какъ, надежды полная и счастья,
Получила вѣсточку о другѣ
Златка, въ домъ изъ бою воротясь.
Дни-денѣчки всѣ она считаетъ
И готовится, чтобъ друга встрѣтить.
Кромѣ всякихъ дорогихъ подарковъ,
Припаса она ему вязанье,

Ткань, на коей битвы и побѣды
Доблестныхъ мужей изобразила.
Разъ пошла она въ свою свѣтлицу,
Чтобы въ тайнѣ начатое кончить;
Только сѣла Златка за работу,
Какъ вошла безъ спросу къ ней служанка,
Говорить: «проѣзжій витязь просить,
Госпожа моя ты дорогая,
Милости твоей и позволенья
Стать передъ твои предъ очи ясны.»
Госпожа въ отвѣтъ ей тихо молвить:
«Ахъ, не въ часъ тотъ витязь къ намъ пріѣхалъ!»
Говорить опять служанка Златкѣ:
«Не хотѣлъ со мной пріѣзжій витязь,
Не хотѣлъ со мной разговориться,
Сколько я его ни умоляла.»
Мигъ одинъ задумалась Златка.
«Пусть войдетъ!» потомъ она сказала.
Тутъ вошелъ высокій, статный витязь,
Но недугомъ тяжкимъ пораженный:
Горькія страданія и муки
На лицѣ пригожемъ отражались.
Какъ на витязя взглянула Златка,
Скорбію наполнилось въ ней сердце.
Вслѣдъ за первымъ госпожѣ привѣтомъ,
Молвить онъ: «Принесъ тебѣ я вѣсти,
Но одна лишь ихъ ты слышать можешь.»
Златка выслала свою служанку
И глазъ-на-глазъ съ витяземъ осталась.
Какъ взглянулъ онъ на ея вязанье,
Какъ взглянулъ онъ — горьки слѣзы пролилъ,
Только слѣзъ онъ тѣхъ не утираетъ
И очей своихъ не закрываетъ.
Златка смотритъ на него печально,
Говорить ему такія рѣчи:
«Чтѣ ты плачешь, витязь незнакомый?
Чтѣ ты плачешь, глядя на вязанье?»
Ей на это витязь отвѣчаетъ:
«Кто хоть день одинъ провелъ съ Вацлавомъ,
Не забудетъ вѣрно и Бохвала:
Я — Бохвалъ!» На это Златка живо:
«А Вацлавъ? И чтѣ отчизна наша?»
— «Сгинула отчизна, пали рати,
А иные витязи достались
Въ тяжкую неволю къ супостату!»
«А Вацлавъ?» — «Онъ не бѣжалъ, онъ плѣнникъ!»
— «Какъ же могъ онъ допустить, что взяли
Въ плѣнъ его?» Бохвалъ на это Златкѣ:
«Нѣтъ, Вацлавъ не допустилъ, чтобъ взяли
Въ плѣнъ его...» — «Убить!» она сказала
И лицо свое закрыла въ скорби,

А сквозъ пальцы слѣзъ пробивались
И глухіе слышались вопли.
Такъ промчалось нѣсколько мгновений.
«Нѣтъ, не умеръ, мой Вацлавъ не умеръ!»
Видя себя проговорила Златка:
«О, скажи ты мнѣ, что онъ не умеръ!»
Тутъ Бохвалъ, очами прямо въ очи
Ей смотрѣвшій, опустил ихъ въ землю
И ни слова Златкѣ не промолвилъ.
«Что жъ, погибъ онъ?» спрашиваетъ Златка:
«О, зачѣмъ Вацлавъ бѣжалъ ты съ поля?»
— «Между смертію и межъ позоромъ
Ты бы что ли вѣдала чтѣ выбрать
Твоему Вацлаву?» — «Такъ зачѣмъ же
Не погибъ и ты съ Вацлавомъ вмѣстѣ?
Онъ сказалъ мнѣ, что ему ты будешь
Вѣчно вѣренъ, что его не бросишь
Ни при жизни ты и ни при смерти:
Онъ погибъ, а ты бѣжишь, несчастный!»
Ничего на то не отвѣчая,
Обнажилъ Бохвалъ широко перси,
Показалъ глубокія ей раны:
«Нынче утромъ ихъ перевязали;
Говорятъ врачи: еще немного
Проживу...» — «Ахъ!» вымолвила Златка,
И, закрывши очи, обомлѣла;
Поддержалъ ее Бохвалъ рукою,
Говорить: «Звѣздой путеводной
Былъ мнѣ духъ погибшаго Вацлава:
Онъ привелъ меня къ твоимъ порогамъ,
Чтобъ письмо его тебѣ я отдалъ
И сказалъ, что мыслию послѣдней,
Что его послѣднимъ самымъ словомъ
Ты была!» Проговоривши это,
Изъ-за-пазухи письмо онъ вынулъ,
Положилъ его онъ на вазанье,
А при немъ и прядь волосъ Вацлава,
Кровию покрытую и прахомъ.
«Вотъ», сказалъ онъ, «все, чтѣ уцѣлѣло
Отъ Вацлава!» И затѣмъ хотѣлъ онъ
Удалиться, но схватила Златка
За руку его: «куда, скажи мнѣ,
Ты идешь, такой больной и слабый?
Отдохнуть бы у меня ты въ домѣ!»
— «Я иду», отвѣтилъ онъ, «на отдыхъ
Въ той землѣ, гдѣ другъ мой почиваетъ!»

Н. Бергъ.

И. КУКУЛЕВИЧЪ-САКЦИНСКІЙ.

Иванъ Кукулевицъ-Сакцинскій, самый знаменитый изъ современныхъ поэтовъ Хорватіи и вмѣстѣ самый дѣятельный приверженецъ иллиризма, родился 17-го (29-го) мая 1816 года въ Вараждинѣ. Онъ прошолъ низшую школу, гимназію и философію въ Загребѣ, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ тамошнемъ дворянскомъ конвиктѣ. Въ 1833 году поступилъ въ военную службу и прослужилъ въ венгерской гвардіи, въ Вѣнѣ, до 1840 года, откуда перешолъ въ одинъ изъ венгерскихъ полковъ, стоявшихъ въ Италіи, а въ 1842 году вышелъ въ отставку. Первые стихотворенія Кукулевица стали появляться въ «Денницѣ» и «Народныхъ Новинахъ», начиная съ 1837 года. Затѣмъ, онъ написалъ героическую драму «Юранъ и Софья», которая была дана на загребскомъ театрѣ новосадской драматической труппой въ 1840 году. По прибытіи въ Загребъ въ 1842 году, Кукулевицъ сталъ издавать свои «Разныя Сочиненія», которыхъ вышло по 1847 годъ четыре части, и въ которыхъ онъ собралъ свои рассказы, драматическія піесы и піесны, и къ послѣднимъ присоединилъ народныя хорватскія піесны, имъ записанныя. Въ 1848 году онъ напечаталъ свои знаменитыя политическія стихотворенія, подъ названіемъ «Славянки», въ которыхъ господствуетъ общій характеръ *иллирской* поэзіи той эпохи, т. е. ненависть къ врагамъ и патріотическія воспоминанія и надежды. Лучшія піесны изъ этого собранія помѣщены въ нашемъ изданіи въ переводѣ Н. В. Берга, нисколько не уступающемъ подлиннику.

Кукулевицъ рано принялъ и практическое участіе въ политическихъ волненіяхъ Хорватіи въ сороковыхъ годахъ. Онъ первый потребовалъ на Хорватскомъ Сеймѣ 1843 года признанія хорватскаго языка официальнымъ языкомъ страны, вмѣсто латинскаго; къ сожалѣнію, требованіе это, принятое съ большимъ сочувствіемъ патріотами юной Иллириі, было отвергнуто мѣстной аристократіей. Рѣчи Кукулевица на земскихъ собраніяхъ, не проходившія въ печать по своей крайней рѣзкости, и слава его какъ политическаго писателя, доставили ему такую популярность, что въ 1848 году, когда настала полная анархія, онъ избранъ былъ, вмѣстѣ съ Гаемъ и Враничаноу, членомъ временнаго правительства Хорватіи. Пользуясь предоставленною ему властью, Кукулевицъ устроилъ то народное собраніе, въ

которомъ баномъ Кроаціи избранъ былъ извѣстный Елачичъ. Онъ же былъ главой хорватской депутаціи, изъ нѣсколькихъ сотъ человекъ, которые представили императору Фердинанду двадцать четыре пункта народныхъ желаній. Затѣмъ, Кукулевичъ былъ первый, сдѣлавшій весною 1848 года въ газетѣ «Славянскій Югъ» предложеніе о славянскомъ съѣздѣ, собравшемся потомъ въ Прагѣ, и исполнялъ затѣмъ дипломатическія порученія въ австрійской Сербіи и въ Княжествѣ. Когда же оказалось, что стремленія хорватовъ не имѣли желаннаго успѣха, и началась реакція, Кукулевичъ оставилъ официальную дѣятельность и возвратился къ своимъ архиварскимъ и антикварскимъ занятіямъ. Въ 1850 году его стараніями основано было Общество Юго-славянской Исторіи и Древностей, которое выбрало его своимъ президентомъ. Независимо отъ своихъ прямыхъ обязанностей, какъ президента, Кукулевичъ завѣдуетъ въ настоящее время и редакціей «Архива», издаваемого этимъ обществомъ и имѣющаго огромное значеніе для юго-славянской исторіи. Онъ составилъ и издалъ историческую хорватскую хрестоматію, подъ заглавіемъ «Старше хорватскіе поэты», собралъ обширную библіотеку рукописей, предпринималъ антикварскія путешествія по славянскимъ землямъ и Италіи, словомъ — онъ никогда не оставался безъ дѣла, употребляя всѣ свои силы и способности на пользу родному краю. Въ настоящее время Кукулевичъ занимается изданіемъ нѣкоторыхъ старинныхъ далматинскихъ поэтовъ.

СЛАВЯНКИ.

1.

Красота полудня,
Далматское море!
Наше ты веселье
И горькое горе!

Тяжело на свѣтѣ
Безъ тебя далмату:
Для тебя пошолъ онъ
Въ слуги къ супостату!

Всѣхъ ты одарило
Серебромъ и златомъ,
Не дало лишь только
Ничего далматамъ.

Сжался ты надъ ними,
Удѣли хоть малость
Изъ того, что прочимъ
Отъ тебя досталось!

2.

Твердая твердыня
Чорная гора ты!
Знають-перезнають
Тебя супостаты!

Голы твои скалы,
Голы твои дѣти,
Да нѣтъ ихъ славнѣе
Ничего на свѣтѣ.

Честь они и гордость
Славянскаго рода:
Живеть между ними
На горахъ свобода.

Доблестныя скалы,
Нуженъ мигъ единый,
Чтобъ для насъ вы стали
Меккой и Мединой!

3.

Балканы, Балканы,
Родина болгарства!
Первое здѣсь было
Славянское царство.

Рать латинъ и персовъ
Здѣсь рога сломна;
Здѣсь и византійской
Гордости могила.

•
Что жъ теперь спокойно
Смотришь, Балванъ старшій,
Какъ насъ греки рѣжутъ,
Турки, скипетары?

Ринь свои хоть воды
Съ сумрачнаго тема,
Затопи ты ими
Вражеское племя!

4.

Тучи — покрывала
Небеснаго свода,
Вздохи вы земные —
Тамъ у васъ свобода!

Соколы съ орлами
Между васъ летаютъ,
Вѣтромъ вашимъ вольнымъ
Грудь свою питаютъ.

А внизу славяне
По бѣлому свѣту
Задумчиво бродятъ:
Имъ свободы нѣту.

Орлія бѣ намъ крылья:
Могучимъ полѣтомъ
Мы бѣ туда махнули,
Къ голубымъ высотамъ.

5.

Славяне, славяне,
Народовъ холопы,
Охранная стража
Цѣлой вы Европы!

Гдѣ хоругви ваши?
Гдѣ поля и нивы?
Пропадаютъ втунѣ
Всѣ ваши порывы.

Всякъ изъ васъ въ дремотѣ
Только время губитъ;
Всѣ вамъ люди чужды,
Васъ никто не любитъ.

Славяне, славяне,
Полно спать, воспряньте
И на супостатовъ
Дружно, разомъ гряньте!

6.

Милія вы горы,
Хорварскія горы!
На вашихъ вершинахъ
Ростутъ темны боры.

Многія родились
На горахъ тѣхъ мысли,
Что потомъ явились
На Савѣ и Вислѣ.

Сколько ихъ селъ и градовъ
Вѣрною вы стражей;
Не легко доступны
Для дерзости вражей.

Да бѣда: забрались
Къ намъ сюда въ ущелья,
Пуще силы вражей,
Лѣность да бездѣлье.

7.

Тяжкихъ бѣдствій память,
Бѣлая Гора ты!
Будь твои вершины
На-вѣки прокляты!

Той порѣ свершилось
Двѣсти лѣтъ ужъ цѣлыхъ,
Какъ ты стала гробомъ
Стольныхъ чеховъ смѣлыхъ.

Съединись съ Бланикомъ
Въ дружбѣ и любви:
Можетъ-быть родятся
Дѣти чешской крови;

Можетъ-быть минуютъ
Дни небесной кары
И воскреснутъ снова
Чехъ и Оттокары.

8.

Москва золотая,
Полсвѣта столица,
Всѣхъ ты градовъ русскихъ
Матушка-царица!

Сколько усмирила,
Мать, ты всякой дичи,
Сохранивши вѣру
И старыя обычай!

На тебя Россія
Цѣлаязираетъ,

Все къ тебѣ славянство
Длани простираеть:

Подымись, царица!

Клиени вличь къ намъ, мати!
Иль, какъ мц, ты любишь
Также подремати?

Н. Бергъ.

М. БОГОВИЧЪ.

Мирко Боговичъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ хорватскихъ писателей, родился въ 1816 году въ Вараждинѣ, въ Кроаціи. По окончаніи гимназическаго курса, онъ вступилъ въ военную службу, которую оставилъ въ 1840 году. Затѣмъ, изучалъ право и въ 1842 году занялъ мѣсто нотаріуса въ Крижевскѣ. Боговичъ началъ свое литературное поприще помѣщеніемъ въ журналѣ «Кроація» нѣсколькихъ славянскихъ стихотвореній въ нѣмецкомъ переводѣ; что же касается его оригинальныхъ стихотвореній, то первыя изъ нихъ были помѣшены въ «Иллирской Денницѣ» того же года. Затѣмъ, въ 1844 году, онъ издалъ первое собраніе своихъ стихотвореній, подъ названіемъ «Ljubice»; въ 1847 году вышли его «Smilje i Kovilje», а въ 1848—политическія стихотворенія «Родные голоса».

Въ 1848 году Боговичъ выступилъ на политическое поприще: писалъ горячія политическія статьи въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, какъ своихъ, такъ и заграничныхъ, принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ противъ венгровъ, по окончаніи которой былъ назначенъ Елашичемъ банскимъ комиссаромъ, должность котораго исправлялъ до 1850 года. Съ наступленіемъ реакціи Боговичъ отказался отъ политики и снова преданъ всей душой литературѣ. Въ 1852 году онъ былъ приглашенъ редактировать журналы «Невень» и «Коло»; въ 1853—присужденъ къ полугодичному заключенію въ тюрьму за оскорбленіе величества; затѣмъ издалъ свои «Историческія Повѣсти», переведенныя Вацликомъ и Боларомъ на чешскій языкъ; въ 1856 году издалъ свою драму «Франкопанъ», въ слѣдующемъ — трагедію «Стефанъ, послѣдній король Боснійскій», а въ 1860 — трагедію «Матвѣй Губецъ». Въ настоящее время Боговичъ живетъ въ своемъ по-

мѣстѣ, близъ Загреба, гдѣ посвящаетъ все свое время отечественной литературѣ.

I.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Кто не слышалъ отъ пастуховъ окрестныхъ,
Что вдругъ озѣръ пасуть свои стада,
Про тѣ, что тамъ, на днѣ озѣръ чудесныхъ,
Стоять и дремлять чудо-города.

Что тамъ они, залитые водою,
Стоять давно, и что изъ безднъ той
До слуха ихъ доносятся порою
И бой часовъ и благовѣсть святой.

Такъ и моя надежда сокрушилась,
Что я хранилъ такъ бережно въ тиши;
Погибъ мой храмъ—скрижалъ его разбилась—
А съ нимъ и рай измученной души.

И вотъ опять встаетъ воспоминанье
Изъ глубины души моей больной,
И подтверждаетъ странное сказанье
О городахъ, погибшихъ подъ водой.

Н. Гервиль.

II.

ОСТОРОЖНЫМЪ.

— «Легче, легче, братцы! тихо
Поведемъ мы нашу рѣчь:
Непріятель можетъ лихо
Нась повсюду подстеречь!»

— «Это все пока прекрасно,
Но обдумаемъ впередъ,
Чтобы знать и видѣть ясно —
Что за этимъ вслѣдъ насъ ждеть.»

— «Пусть же каждый смотритъ въ оба,
Вправо, влѣво, взадъ, впередъ,
Чтобы вражеская злоба
Не надѣлала хлопотъ!»

— «Мы теперь же согласимся:
Каждый будетъ знать — куда
И къ чему мы всѣ стремимся,
Только тише, господа!»

Жалко, если эти рѣчи
Ослѣпять коня и тотъ
Ужъ потомъ при каждой встрѣчѣ
Трусу праздновать начнеть!

Ну ихъ трусовъ! Слово съ дѣломъ
Не дѣли, боясь тревогъ,
А рази неправду смѣло
Словомъ, дѣломъ: въ правдѣ Богъ!

М. ПЕТРОВСКІЙ.

III.

ЛИБЕРАЛЪ.

«Мы — отцы убогаго народа —
Этотъ санъ исторіей намъ данъ —
И давно мы ждемъ, когда свобода
Освѣжитъ упавшій духъ крестьянъ —

«Оживить трудящіяся руки.
Ждетъ всего отъ насъ однихъ народъ;
На него прольемъ мы свѣтъ науки:
И его настала теперь черѣдъ!»

Такъ у насъ гремитъ иной на вѣчѣ.
Всѣхъ въ восторгъ приводитъ эта ложь;
А въ дѣла его, отбросивъ рѣчи,
Загляни... въ дѣлахъ не то найдешь!

Вслѣдъ затѣмъ онъ лѣзетъ съ кулаками
На того, кто любитъ свой народъ,
И кричить: «народность вздоръ! мы сами
Не должны пускать народность въ ходъ.»

А придетъ къ расплатѣ общей время —
У него отвѣтъ на это есть:
«На народъ пусть ляжетъ это бремя!»
Хоть ему ужъ нечего и ѣсть.

Обирать людей, незнавшихъ воли,
И играть роль пана и отца —
Молодецъ!... а бѣдный людъ мозоли
Наживай, питая молодца.

Вотъ онъ, нашъ поборникъ правъ народа,
Либераль и щедрый меценатъ!
Онъ вездѣ кричитъ одно: «свобода!»
И отдать чужую кожу радъ.

Поглядишь: милѣйшій человѣчекъ,
И народъ ему такъ дорогъ, любъ!
Но во рту такихъ простыхъ овечекъ
Ты какъ разъ подмѣтишь волчій зубъ.

М. ПЕТРОВСКІЙ.

IV.

СТАРЦЫ И ЮНОШИ.

— «Все теперь впередъ стремится,
Новизна забралась къ намъ...
Никогда не возвратится
Добримъ старымъ временамъ!»

— «Прежде тишь была, приволье,
Лучше ѣлось и пилося;
Нѣтъ ужъ прежняго раздолья,
Все пошло и вкривь и вкось.»

— «Молодое, видишь, племя
Новой жизнью хочетъ жить,
И идей новѣйшихъ сѣмя
Хочетъ сразу насадить...»

— «И куда, куда ужъ прыткѣи!
Лучше насъ провидать въ даль!
Хоть поймутъ свои ошибки,
Да ужъ поздно будетъ!... жаль!»

— «Лишь *народностью* и дышать,
Рѣчь о ней одной ведутъ,
Лишь о ней одной и пишутъ,
Лучшей *будущности* ждутъ.»

— «Въ этомъ *будущемъ* наивность
Видитъ рай земной въ дали;
Да какую-то *взаимность*
У *славянъ* еще нашли!»

— «Вѣдь и намъ знакома слава:
Мы боролись искони
За нарушенное право,
За народность же — ни, ни!»

— «И съ славянами ни мало
Вѣетъ нашъ не былъ и знакомъ;
Да притомъ къ чему пристало
Хлопотать Богъ вѣсть о комъ?»

— «А теперь любовь въ отчизнѣ
Породила въ насъ раздоръ,
И не кончится при жизни
Нашей этотъ длинный споръ!»

— «Что же, съ Богомъ! безъ изъятія
Всѣ мы лучшаго хотимъ;
Только долго ль въ новомъ платьѣ
Щеголять придется имъ?»

— «Пусть по ихнему творится!
Намъ, къ несчастью, привелось
На своемъ остановиться:
Прежде лучше всѣмъ жилось!»

— «Эта мысль одна осталась
Отъ минувшаго добра...
Неминуемо протчалась
Наша прежняя пора!»

Правы вы: иное время,
Время бурное пришло;
Молодое наше племя
Много новаго внесло!

Но хулить все то, что ново,
Право, вы бы не должны!
Мы расскажем вамъ ab ovo
Въ чемъ сказались новизны:

Развѣ въ формѣ неизмѣнной
Долго жило что-нибудь?
Ужъ таковъ законъ вселенной,
Ужъ таковъ природный путь...

Нашъ онъ!... нынѣ за народность
Стали лучшіе умы:
Что же — вамъ однимъ въ угодность
Ту святиню бросимъ мы?

Мы срываемъ куколь въ погѣ,
Хлѣбъ, плоды разводимъ тамъ,
И возрешему въ неволѣ
Воздвигаемъ счастья храмъ...

Не страдать же вѣкъ народу!
Быть не можетъ, чтобы вамъ
Былъ противенъ, не въ угоду
Лучшей будущности храмъ?

Раскрываемъ мы объятія
Всѣмъ славянамъ, любимъ всѣхъ...
Но славяне — наши братья,
А любовь — едва ли грѣхъ?

Мы хлопочемъ объ отсталыхъ:
Мы хотимъ, чтобы шли впередъ
Всѣ славяне, чтобы догнали ихъ
И оставшій нашъ народъ.

Въ нашемъ внутреннемъ раздорѣ
Пусть повинны мы одни;
Но вѣдь «истина лишь въ спорѣ
Уяснялась» искони.

Вамъ ли, добрые обломки
Вѣка прошлаго, подстать
Новый вѣкъ нашъ, быстрый, громкій,
Вѣкъ движенія, догонять?

Вы за вѣкомъ не поспѣли,
Мы умчались съ нимъ впередъ...
Что намъ спорить въ этомъ дѣлѣ?
Всѣмъ, всему есть свой чередъ:

Вамъ прошедшее по праву
Отмежовано судьбой,
Намъ — грядущее, и съ славой,
И съ трудами, и съ борьбой...

М. Петровскій.

И. СУБОТИЧЪ.

Иванъ Суботичъ родился въ 1817 году въ мѣстечкѣ Добринчи, Сремскаго комитата, въ королевствѣ Славоніи. Образование получилъ онъ въ Пештскомъ университетѣ, откуда вышелъ со степенью доктора правъ и доктора философіи. Суботичъ считается однимъ изъ лучшихъ современныхъ сербскихъ писателей. Онъ началъ свою литературную дѣятельность мелкими лирическими стихотвореніями, которыя издалъ, въ 1837 году, въ Пештѣ, подъ заглавіемъ «Лира». Затѣмъ, едва выйдя изъ университета, онъ сталъ издавать «Сербскую Лѣтопись» и съ 1842 по 1852 годъ выпустилъ въ свѣтъ 32 тома этого изданія. Въ 1846 году Суботичъ издалъ главное свое произведеніе — эпосъ «Стефанъ Дечанскій»,

въ которомъ онъ удачно воспроизвелъ многія черты народной поэзіи. Въ 1858 году появились его «Лирическія Пѣсни», въ которыхъ онъ сдѣлалъ попытку сблизить сербскую лирику съ поэзіей запада. Два тома «Эпическихкихъ Пѣсень», появившихся вслѣдъ за этимъ, написаны совершенно въ томъ же духѣ. Какъ драматургъ, Суботичъ безспорно занимаетъ первое мѣсто между своими сербскими собратьями. Драммы его «Звонимиръ, король хорватскій» и «Бодинъ» и трагедіи «Герцогъ Владиславъ», «Прехвала» и «Мишошъ Обиличъ», взятая изъ сербской исторіи, пользуются большимъ успѣхомъ на сценѣ. Какъ ученый, Суботичъ извѣстенъ сочиненіями: «Наука о сербскомъ стихотворствѣ», «Grundzüge der Serbischen Literatur» и другими, которые всѣ обличаютъ въ немъ человѣка, обладающаго самыми обширными свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ наукъ и весьма вѣрнымъ критическимъ взглядомъ. Его «Дѣла» (собраніе сочиненій) были изданы въ Карловцѣ въ 1858 году. Независимо отъ постоянныхъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ, Суботичъ принималъ участіе и въ общественныхъ событіяхъ своей родины. Въ 1861 году онъ былъ сдѣланъ поджупаномъ Сремскаго комитата, въ слѣдующемъ году назначенъ членомъ высшаго суда въ Триединомъ королевствѣ, а въ 1865 году, избранный въ депутаты на сеймъ Триединого королевства, принялъ предложенный ему членами сейма санъ вице-президента. Въ 1867 году онъ ѣздилъ на московскую этнографическую выставку, причемъ произнесъ нѣсколько рѣчей и прочелъ стихотвореніе «Привѣтъ Москвѣ», помѣщенное въ нашемъ изданіи въ переводѣ на русскій языкъ.

I.

ПРИВѢТЪ МОСКВѢ.

Златоглавый городъ,
Мать-Москва родная!
Слышишь? — это голосъ
Съ береговъ Дуная!

Голосъ дальней Шары
И Косова поля,
Что къ тебѣ несется,
Матушка, оттоля!

Древности далѣкой
Доблестное чадо,

Всѣмъ ты, всѣмъ славянамъ
Радость и отрада!

Городъ вѣчно юный,
Дорогой и милой,
Ты — что сонъ отрадный,
Навѣянный вилою!

Всѣ къ тебѣ мы съ юга
Устремляемъ очи,
Дивная невѣста
Свѣтлой Полуночи!

Шибко бѣется сердце,
Кровь вскипаетъ въ жилахъ,
Чуть тебя вспоминаешь,
Мать намъ братьевъ милыхъ.

Подыми же къ звѣздамъ
Голову высоко:
Орелъ — твой избранникъ,
А смѣль — ясный соколъ!

Славиться, гордиться
Можешь ты по праву,
Искони добывши
Честь себѣ и славу!

Ты въ крови купалась
И въ слезахъ горючихъ —
Истинная гордость
Россіянъ могучихъ!

Такъ услышь же, мати,
Этотъ голосъ съ юга,
Голосъ братьевъ вѣрныхъ,
Кличь во другу друга!

Будешь ты намъ снится
Тамъ и днемъ и ночью,
Вся полна красотою
Дивною и мощью!

Н. Бергъ.

II.

ВИЛА ГОВОРИТЬ СЪ ОБЛАКАМИ.

«Вы откуда и куда такъ быстро,
Облака серебряныя, мчитесь?
Что несете въ нѣдрахъ самоцвѣтныхъ?»

— «Мы летимъ изъ Индіи далекой,
Гдѣ растутъ алмазы на деревьяхъ,
Крупный жемчугъ на поляхъ родится.
И несемъ три дара мы чудесныхъ:
Первый даръ — сердечко золотое,
Даръ другой — жемчужная корона,
Третій даръ — алмазное колечко.
Первый даръ, сердечко золотое,
Отдадимъ красавицѣ-дѣвицѣ,
Даръ другой, жемчужную корону —
Гордой дѣвѣ княжескаго рода,
Третій даръ, алмазное колечко —
Той, кто всѣхъ вѣрнѣй и постояннѣй.»
И сказала имъ на это вила:
«Вы гречанѣ дайте ожерелье:
Славятся гречанки красотой,
Златъ вѣнецъ отдайте франкистанкѣ:
Франкистанки княжескаго рода,
А кольцо славянѣ подарите:
Тверже камня вѣрность ихъ святая!»

Н. ГЕРВІЛЬ.

О. УТЪШЕНОВИЧЪ.

Огнеславъ Утѣшеновичъ-Острожинскій, православный австрійскій сербъ и одинъ изъ самыхъ симпатическихкихъ поэтовъ новой сербской литературы, родился въ 1818 году въ Острожинѣ, на самой хорватской границѣ. Первые его стихотворенія стали появляться въ журналахъ въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ. Затѣмъ, въ 1845 году, онъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній, подъ названіемъ «Острожинская Вила», а въ 1852 напечаталъ въ журналѣ «Невень» свой переводъ «Слова о полку Игоря». Поэма «Недѣлко», написанная имъ лѣтъ десять тому назадъ, съ патриотической вѣрой въ сербское возрожденіе, и обошедшая всѣ сербскія земли, упрочила извѣстность Утѣшеновича какъ поэта. Утѣшеновичъ извѣстенъ также и своими учеными работами, написанными по большей части на нѣмецкомъ языкѣ, напримѣръ: «Nauskommissionen der Südslaven», «Militärgrenze» и другія. Онъ занималъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мѣсто совѣтника хорватскаго канцлерства въ Вѣнѣ, но за приверженность къ Россіи былъ уволенъ отъ должности. Въ настоящее время Утѣшеновичъ живетъ въ Вѣнѣ, гдѣ трудится на пользу родной литературы.

I.

ВЪ ПАМЯТЬ КОЛЛАРУ.

Во время оно истину затымила
Въ славянскомъ мірѣ скорбная судьба —
И духъ славянства сталъ разъединяться,
А чуждый сердцу — дѣлаться роднымъ.

Но духъ свободы въ Татрахъ народился —
И голосомъ, исполненнымъ любви,
Съ вершинъ горъ, пріюта вилъ, воскликнулъ,
Чтобъ воедино братья собрались.

Отъ Адриатики до водъ каспійскихъ,
Отъ Бѣлаго до Чорнаго морей —
Коллара голосъ всюду раздается
И слава слѣзы радостныя льетъ.

Онъ отвергаетъ грудь всему славянству
И предлагаетъ братскій подалуй...
Лишь Гай одинъ, за темными горами,
На тотъ призывъ сердечный не слѣшитъ.

Колларъ! твое святое имя геній
Славянъ умчалъ въ надзвѣздные края,
Чтобъ тамъ оно въ сіяньи вѣчно жило,
Чтобъ вѣчно имъ гордился славянинъ!

Н. ГЕРВІЛЬ.

II.

ПЛѢНЪ.

(къ картинѣ ЯРОСЛАВА ЧЕРНАКА: «ИМЪ ГЕРДТОВИНСКІЙ
въ 1863 году».)

Здѣсь предъ вами тяжелая неволя,
Горькое, великое несчастье
На пространствѣ небольшой картини!
Писана картина та слезами —
И слезами вамъ я провѣщаю,
И она слезами вамъ промовитъ
Про невзгоды нашего народа;
Вы слезами горькими залѣтесь:
Не забыть вамъ образы печальныхъ!

Что тутъ видѣть взоръ мой возмущенный?
На горѣ пустой, на каменистой
Видитъ онъ развалины повсюду,
На развалинахъ цвѣты агѣютъ...

Какъ цвѣсти цвѣтамъ среди развалинъ?
 Не цвѣты то — то вѣнокъ забытый,
 Пламенной любви подарокъ нѣжный;
 Онъ забытъ, межъ камней затерялся,
 И — того-гляди — вѣнокъ засохнетъ!
 Чьи цвѣты и чей подарокъ это?
 Гдѣ росли они, красуясь пышно?
 Чья рука цвѣты тѣ возрастала?
 Чья рука въ вѣнокъ ихъ заплетала?
 Съ чьихъ онъ персей на сыру палъ землю?

Такъ ли, полно, видите вы, очи?
 Съ нашихъ горъ какъ-будто эти розы,
 Сербскія, родимыя то розы,
 На поляхъ на сербскихъ выросали,
 Возлеглияны рукою сербской.

Но тоской мнѣ защемило сердце,
 Злой тоской, предчувствіемъ тяжолымъ:
 Не чужія ль ихъ сорвали руки
 И въ вѣнокъ связали благовонный
 На полѣ кровавомъ лютой битвы?
 Врядъ ли сербы тотъ вѣнокъ свивали?
 Гляньте, очи, ясно поглядите,
 Что такое вдругъ цвѣтовъ тѣхъ вѣтвя?
 Лютая змѣя вокругъ нихъ вѣтвя,
 Въ сторонѣ же притаились волки.
 Гляньте, очи, ясно поглядите
 И горючія пролейте слѣзы:
 Вотъ гдѣ наша горькая недоля!

Не вѣнокъ цвѣтовъ благоуханныхъ,
 Не змѣя вокругъ него вѣтвя,
 А веревки вернутъ красавицъ сербскихъ,
 Что попали въ тяжкую неволю.

Цвѣтъ роскошный сербскаго народа
 Отъ груди отъ матерней отторгнуть,
 Вервие жестоко въ васъ впилося!
 Это турки, а не злые волки!
 Гдѣ твой громъ, о Боже справедливый?
 Плѣнницы мои, мое вы горе!
 Въ чемъ, скажите, грѣшны вы предъ Богомъ?
 «Только въ томъ, что родилися на свѣтъ.»
 Плѣнницы мои, мое вы горе!
 Въ чемъ, скажите, ваша грусть-кручина?
 «Въ томъ, что въ гробъ живыми намъ ложиться!»
 А кого вамъ цаловать охота?
 «Цаловать охота саблю востру!»

Аманъ, турки! коли есть въ васъ вѣра,

Развяжите плѣнницамъ вы руки,
 Не терзайте бѣлаго ихъ тѣла:
 Не на то ихъ въ свѣтъ родила матерь!
 Посмотрите, кровь изъ нихъ струится:
 Не для вервія тѣ бѣлы руки!
 Отпустите дорогихъ намъ плѣнницъ,
 Золотомъ за это вамъ заплатимъ!

«Не видать вамъ дѣвицъ нашихъ красныхъ,
 Не видать, пока еще мы живы:
 Пригодятся дѣвы на базарахъ
 И рождать намъ послѣ будутъ турокъ!»

Аманъ, турки! коли есть въ васъ вѣра,
 Межъ волковъ ягнать вы не гоните,
 Отпустите дорогихъ намъ плѣнницъ —
 На базаръ стада гоните наши;
 Что, аги, за плѣнницъ вы хотите?

«Прочь, негодный! Нѣту здѣсь базара!
 Ну, впередъ, красавицы-дѣвицы!
 Далекъ вѣдь до Едрена-града,
 Гдѣ давно купцы насъ ожидаютъ,
 Чтобъ купить у насъ товаръ безцѣнный.
 Ну, впередъ, красавицы-дѣвицы!»

Плѣнницы мои, мое вы горе!
 Красота всему виною ваша,
 Даръ небесъ и жертва аду вмѣстѣ:
 Отъ нея должны вы всѣ погибнуть!
 Уходите, горькія, въ неволю,
 Съ нами мечь останется на-вѣки,
 Мы отмстимъ за васъ врагу лихому,
 Если Богъ за насъ и наше счастье!

И погнали турки нашихъ плѣнницъ,
 Словно бѣлыхъ на убой ягнатокъ.
 Слышите ли, какъ, бѣдняжки стонуть:
 «Горе намъ, судьбина наша злая!
 Страшное, великое несчастье!
 Не привидано такого срама —
 Быть наложницей лихого турка,
 Плѣнницею горькой на чужбинѣ,
 Подлѣ многихъ братьевъ нашихъ сербовъ!»

Слышите? Сюда на помощь, братья!
 Плѣнницы влекутся на чужбину,
 Что же вы стоите, словно камень,
 И не вырвите у злобныхъ турокъ
 Изъ нечистыхъ руевъ столь чистой жертвы?
 Эй, въ погоню вслѣдъ за суностатомъ!

Стойте, турки! Будетъ вамъ базарить
Нашей кровью, въ срамъ кресту святому!
Нашъ базаръ на полѣ страшной битвы,
Тамъ мы съ вами люто побазаримъ!
На побойще идите съ нами,
Похитители дѣвицъ и женщинъ!
Саблями подѣлимъ нашу землю,
А потомъ подѣлимъ и красавицъ,
Коли Богъ за насъ и наше счастье!

Кто тутъ витязь, кто боецъ удалый?
Опояшъ скорѣе саблю востру:
Часъ насталъ за крестъ свой заступиться,
Воротить свободу золотую!

Н. Бергъ.

II. ПРЕРАДОВИЧЪ.

Петръ Прерадовичъ родился 6 (18) марта 1818 года въ Грабовницѣ, въ австрійской Военной Границѣ. Отецъ его служилъ въ военной службѣ. Рано потерявъ его, молодой Прерадовичъ, какъ сирота, былъ помѣщенъ въ кадетскій корпусъ въ Новомъ Мѣстѣ, откуда былъ выпущенъ въ 1838 году съ чиномъ поручика. Во время своего учения онъ почти забылъ свой родной языкъ и началъ писать стихи по нѣмецки, но квартированное съ полкомъ въ Далмаціи дало ему случай вспомнить родную рѣчь — и онъ сталъ писать по сербски. Въ 1846 году онъ издалъ первое собраніе своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Первенцы» — и книга эта поставила его сразу на ряду съ лучшими сербскими поэтами. Продолжая военную службу, онъ участвовалъ, въ 1848 году, въ итальянской компаніи; затѣмъ, былъ адъютантомъ у извѣстнаго бана Елачича; въ 1852 году произведенъ въ майоры; въ 1859 году сдѣлалъ вторую итальянскую компанію, которую окончилъ въ чинѣ полковника. Прерадовичъ доселѣ продолжаетъ свои литературныя занятія. Въ 1851 году онъ издалъ второе собраніе своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Новыя Пѣсни». Кроме того, онъ написалъ двѣ эпическихкія поэмы: «Первые Люди» и «Славянскіе Диоскуры». Въ послѣднее время онъ трудился надъ эпопеей «Королевичъ Марко». Въ настоящее время имя Прерадовича, какъ поэта, пользуется огромною популярностью между хорватами.

I.

З А Р Я.

Полночь ми́нула — что будить
Въ этотъ часъ мой крѣпкій сонъ?
Гусли дѣдовскія сами
Издаютъ чуть слышный тонъ,
Тихо, тихо говоря:
«Скоро день — уже заря!»

Полночь ми́нула — покойни
Доли, горы и потокъ;
Но ужъ шепчетъ съ синимъ моремъ
Предразсвѣтныи вѣтерокъ —
Шепчетъ, тихо говоря:
«Скоро день — уже заря!»

Полночь ми́нула — окрестность
Сномъ объятая лежитъ,
Но уже съ востока птица
Пробужденная летитъ,
И щебечетъ, говоря:
«Скоро день — уже заря!»

Полночь ми́нула — во мракѣ
И земля и океанъ,
Но алфѣтъ на Востокѣ —
Блещетъ вила всѣхъ славянъ —
Блещетъ, тихо говоря:
«Скоро день — уже заря!»

Скоро день — уже заря!
Обрати жь къ востоку очи,
О страна моя! Заря
Гонить сумракъ долгой ночи:
Пусть дневной откроетъ свѣтъ
Кладь, зарытый столбею лѣтъ!

М. Петровскій.

II.

Пѣла пташечка на вѣткѣ,
Сидя возлѣ синя моря,
Синя моря — океана:
«Черезъ море полечу я;
Три дня, три ночи я буду
Пролетать надъ синимъ моремъ!»
Услыхала пташку дѣва,
Услыхавши, пташкѣ пѣла:

«Брось свои затѣи, пташка!
Нѣтъ ни берега, ни вѣтви
На широкомъ синемъ морѣ;
У тебя вѣдь слабы крылья,
У тебя не станеть мочи
Пролетѣть три дня, три ночи.»
Услыхала пташка дѣву,
Услыхавши, дѣвъ пѣла:
«Неужели ты не видишь,
Дѣва, мѣста голубаго,
Чтò надъ моремъ перегнулся?
Вѣрь: когда ослабнуть крылья
У любви — ее поддержи
Это небо голубое.»

М. Петровскій.

III.

Братъ далеко въ море синее пускался,
И, пускаясь въ море, созывалъ сестеръ онъ,
Трехъ сестеръ любимыхъ отъ одной родимой.
Обратился съ рѣчью братъ къ сестрицѣ старшей:
«Что тебѣ съ собою привезти мнѣ, Геля,
По моемъ возвратѣ изъ дороги дальней?»
— «Привези мнѣ, братецъ, шелковый платочекъ:
Я его надѣну въ святъ день до обѣда.»
Обратился съ рѣчью братъ къ сестрѣ средней:
«Что тебѣ съ собою привезти мнѣ, Мара,
По моемъ возвратѣ изъ дороги дальней?»
— «Привези съ собою, братецъ, золотъ перстень:
Въ хороводъ пойду я — перстенѣкъ надѣну.»
Обратился съ рѣчью братъ къ сестрицѣ младшей:
«Что тебѣ съ собою привезти мнѣ, Сава,
По моемъ возвратѣ изъ дороги дальней?»
Не сказала Сава вслухъ ни полсловечка,
А шепнула брату что-то потихоньку —
Потихоньку шепчетъ, а сама краснѣеть...
Братъ пустился въ море... Черезъ годъ вернулся,
Черезъ годъ вернулся и сестеръ дарилъ онъ:
Старшей подарилъ онъ шелковый платочекъ,
А сестрѣ средней — золотъ перстенѣчекъ,
Младшей же сестрицѣ — побратима-друга.

М. Петровскій.

IV.

Въ море дѣвушка смотрѣла
И, любуясь, говорила:
«Боже мой! какъ я пригожа!

У меня чело открыто,
Какъ безоблачное небо,
Очи свѣтятся, какъ угли,
А лицо — что плодъ румяный;
Руки бѣлыя поспорятъ
Съ чистымъ снѣгомъ бѣлизною.
Только бѣ мнѣ еще корону —
И была бы я царицей
Красоты на бѣломъ свѣтѣ!»
Слѣдомъ молодецъ за нею
Шолъ — услышалъ — подошолъ къ ней
Съ тяжкимъ вздохомъ и набросилъ
Ей на голову вѣночекъ;
Онъ вѣнокъ изъ розъ набросилъ,
Обратясь съ такою рѣчью:
«Вотъ желанная корона
Для тебя, моя царица!»

М. Петровскій.

V.

Въ небѣ солнышко сіяло,
Въ морѣ — жемчугъ драгоценный;
Ниже неба, выше моря
Красотой сіяла дѣва
И, сіяя, говорила:
«Высоко ты свѣтишь, солнце!
Глубоко лежишь ты, жемчугъ!
Будь я ласточкой летучей —
Полетѣла бы я къ солнцу;
Будь я рыбою пловучей —
Я бы къ жемчугу спустилась:
Засіяла бы отъ солнца,
Нарядилась бы я въ жемчугъ —
Приглянулась бы всѣмъ людямъ.»
Къ дѣвѣ ласточка подѣла
И, подѣвши, ей сказала:
«Для чего тебѣ, дѣвица,
Солнце красное? сама ты —
Свѣтъ очей твоей родимой!»
Подплыла къ дѣвицѣ рыбка
И, подплывши, ей сказала:
«Для чего тебѣ нашъ жемчугъ,
Раскрасавица дѣвица? —
Межъ подругами сама ты,
Какъ жемчужина, сіяешь.»

М. Петровскій.

VI.

Мать будила Радована:
 «Ну, вставай, пора, вѣдь день ужь!»
 — «Не могу, родная, встать я:
 Сонъ меня вотъ такъ и клонитъ —
 Страшный сонъ прошедшей ночи:
 Плылъ одинъ я черезъ море,
 По водѣ холодной, мутной —
 О, родная, дорогая —
 По водѣ взмущенной бурей.
 Такъ весь день я плылъ, но моря
 Переплыть никакъ не могъ я.
 Утомившись, уморившись,
 Утонулъ я середь моря.
 О, родная! умерь сынъ твой!
 Тамъ зарой его, гдѣ прошлой
 Ночью милую зарылъ.»

М. Петровскій.

VII.

Вѣтеръ ходитъ синимъ моремъ,
 Развиваетъ бѣлый парусъ;
 Носитъ парусомъ онъ лодку;
 Лодка носить два сердечка,
 Два сердечка — одну душу.
 Говоритъ подругъ милый:
 «Ой, скажи, мое сердечко,
 Гдѣ прибѣтъ насъ этимъ вѣтромъ —
 Ко двору ль твоей родимой,
 Или къ матушкину дому?»
 Другу дѣвица сказала:
 «Не заботься, мое сердце,
 Гдѣ съ ладьей прибѣтъ насъ вѣтромъ:
 Гдѣ не выброситъ — повсюду
 Намъ любовь пріютъ устроить.»

М. Петровскій.

VIII.

Частый дождинчекъ идетъ по полю,
 Плачетъ дѣвица, плачетъ красная
 На груди своей милой матери.
 «О чемъ плачешь ты», мать промолвила:
 «О чемъ плачешь ты на груди моей,
 Чего не было никогда съ тобой?»
 — «Потеряла я, о родимая,
 Изъ колечка твой дорогой алмазъ;

О немъ плачу я на груди твоей.»
 — «Нѣтъ, не дѣло ты мнѣ промолвила:
 Ты скажи мнѣ всю правду истину!»
 — «Потеряла я, родимая,
 Знать, любовь твою потеряла я,
 Если замужъ ты выдаешь меня —
 Выдаешь меня за немилаго.»

М. Петровскій.

IX.

Звѣзды яркія хороводъ ведутъ
 По лазурному небу ясному,
 Хороводъ ведутъ тихо, бережно,
 Чтобы дремящей не будить земли:
 Утомилась земля-матушка
 Отъ блуждающихъ по ней ногъ весь день,
 Отъ гудящихся на ней крѣпкихъ рукъ,
 Отъ сердецъ людскихъ жарко бьющихся.

М. Петровскій.

М. БАНЪ.

Матвѣй Банъ родился въ 1818 году въ Дубровникѣ. Жизнь его исполнена самыхъ разнообразныхъ приключеній. Окончивъ полный курсъ наукъ, онъ рѣшился посвятить себя дѣлу воспитанія. На двадцать первомъ году Банъ оставилъ свою родину и отправился на небольшой греческій островъ Калку, для преподаванія въ тамошнемъ училищѣ; затѣмъ, оставивъ это мѣсто, онъ переселился въ Константинополь, гдѣ вскорѣ поступилъ учителемъ во французскую школу. Женившись на гречанкѣ, онъ, послѣ продолжительнаго путешествія по Малой Азии, поселился въ Брюссѣ, гдѣ купилъ кусокъ земли и тутъ, въ тишинѣ своего скромнаго пріюта, посвятилъ всего себя родной юго-славянской литературѣ. Въ 1844 году Банъ переселился изъ Брюссля въ Бѣлградъ, гдѣ князь Александръ Карра-Георгиевичъ ввѣрилъ ему воспитаніе своихъ дочерей. Послѣ переворота 1848 года, онъ отправился искать счастья въ Черногорію, но, пробывъ тамъ весьма короткое время, возвратился въ Бѣлградъ. Въ 1854 году Банъ получилъ кафедру французскаго языка и литературы въ бѣлградскомъ лицѣ; но и на этомъ новомъ мѣстѣ продержался

не долго: во время самаго разгара крымской войны онъ написалъ торжественную оду въ честь султана и этимъ до того возстановилъ противъ себя общественное мнѣніе въ Сербіи, что долженъ былъ оставить кафедру. Но и этотъ уронъ прошолъ для него безслѣдно. Не далѣе какъ на слѣдующій годъ Банъ написалъ новую торжественную оду въ честь Наполеона III, за что былъ награжденъ золотою медалью. Однимъ словомъ, его политическая репутація незавидна. Свою литературную дѣятельность началъ онъ на итальянскомъ языкѣ еще въ Брюссѣ, гдѣ написалъ драму и нѣсколько трагедій; изъ нихъ напечатана только одна трагедія «Il Moskovita». Въ 1847 году, занимаясь воспитаніемъ дочерей Александра Карра-Георгіевича, онъ издалъ книгу «О женскомъ воспитаніи», а въ слѣдующемъ — небольшое руководство къ военной наукѣ для сербовъ, которые, подъ начальствомъ Кничанина, отправлялись тогда помогать своимъ австрійскимъ единоплеменникамъ противъ венгровъ. Въ 1849 году Банъ возвратился на родину и началъ издавать тамъ на счетъ Илирскаго Матицы журналъ «Дубровникъ», прекратившійся вскорѣ по несогласію его съ Матицей. Собраніе его стихотвореній вышло въ 1855 году. Поэтическая дѣятельность Бана главнымъ образомъ обнаружилась въ драмѣ: его трагедіи «Мейрима», «Урошь V» и «Царь Лазарь» — считаются лучшими драматическими произведеніями сербовъ. Въ настоящее время Банъ живетъ въ своемъ имѣніи, недалеко отъ Бѣлграда.

П И С Ь М О .

Бѣлая голубка
Съ облаковъ спустилась,
Письмецо мнѣ въ руки
Бросила — и скрылась.

Золотой листочекъ
Влететь рѣчью дивной:
Каждое въ немъ слово
Жемчугъ переливный.

Прелесть - ручка въ рѣчи
Зѣрна тѣ синзала —
Въ рѣчи, что ей внятно
Сердце подсказало.

Ахъ, я все бы отдалъ
За письмо за это,
А за прелесть - ручку
Отдалъ бы полсвѣта!

Н. ГЕРБЕЛЬ.

И. ТЕРНСКІЙ.

Иванъ Тернскій, извѣстный современный хорватскій поэтъ и одинъ изъ самыхъ пламенныхъ приверженцевъ илирскаго литературнаго и политическаго движенія, родился въ 1819 году въ Рачи, въ Военной Границѣ. Въ настоящее время онъ служитъ полковникомъ въ одномъ изъ граничарскихъ полковъ, расположенныхъ по турецкой границѣ. Въ 1837 году онъ впервые выступилъ на литературное поприщѣ въ альманахѣ «Денница», какъ подающій надежды писатель и вскорѣ своими послѣдующими трудами подтвердилъ эти надежды. Затѣмъ, онъ перевелъ нѣсколько піесъ изъ Шиллера и помѣстилъ ихъ въ той же «Денницѣ». Въ 1842 году вышелъ въ свѣтъ его «Пісни» (34 оригинальныхъ и 15 переводныхъ піесъ), въ которыхъ онъ прямо говоритъ о своей принадлежности къ илирскому литературному движенію, причемъ даетъ понять, что стремленіе къ соединенію народовъ сербскаго племени въ одно *коло* не должно ограничиваться одною литературою: «Кто поражаетъ моего брата, серба или далмата или кого-нибудь другого — говоритъ онъ — тотъ проливаетъ и мою кровь; поэтому, пусть единство наше низвергнетъ чужеземца — и ты, братъ, отерой глаза!» Патриотическая поэзія Тернскаго обращалась также къ старинѣ и на развалинахъ замковъ и разрушенныхъ городовъ указывала слѣдствія старыхъ несогласій и новое убѣжденіе — соединиться. Въ томъ же году напечаталъ онъ во 2-й части журнала «Коло» повѣсть въ стихахъ «Марія Пливачица», а въ 1849 — весьма удачную сатирическую поэму «Zvekan opet na svet». Въ журналѣ «Невень» 1852 — 1854 годовъ было помѣщено много мелкихъ стихотвореній Тернскаго; наконецъ, въ 1854 году въ Загребѣ вышелъ его прекрасный переводъ «Краледворской Рукописи».

ЗАВѢТЬ ПЕРУ ПОЭТА.

Съ облаковъ перо упало
Изъ крыла орла Перуна;
То перо схватила вѣла
Межъ землей и небесами
И поэту подарила —
Подарила и сказала:
«О, поэтъ, мой братъ избранный!
Вотъ тебѣ перо святое
Изъ крыла орла Перуна:
Распѣвай святыя пѣсни,
Сладкозвучныя какъ арфа.
Знай, перо твое имѣетъ
Удивительную силу,
Силу данную Перуномъ!
Испытай свой умъ и сердце,
И прославь меня, а также
И людей страны избранной —
Этихъ праведниковъ чистыхъ:
Ты скажи о нихъ всю правду
И дѣла ихъ помни вѣчно.
Пой любовь и справедливость,
Возбуждай стремленье къ славѣ,
Прославляя труды народа:
Пусть надъ пѣснями твоими
Хоть одна душа поплачетъ!
Но когда перо святое
Ты захочешь озорить,
Подъ влияньемъ чуждой воли,
И начнешь служить безчестно,
Въ благодарность за неволю,
Чуждой подлости и силѣ —
Пусть тогда оно погибнетъ
Въ неизвестности позорной,
И да будетъ, и да будетъ
Всѣмъ проклято на-вѣки!

Н. Гервель.

МИРКО ПЕТРОВИЧЪ.

Мирко Петровичь Негошъ, отецъ князя Николая I, высшаго властителя Черногоріи, герой Грахова и народный поэтъ, родился въ 1820 году въ Негошѣ, въ Черногоріи. По смерти своего старшаго брата, Данила I, правившаго Черногоріей съ 1852 по 1860 годъ, Мирко Петровичь долженъ былъ наследовать ему въ санѣ черногорскаго князя, но храбрый воевода, чув-

ствуя недостаточность своего образованія для занятія такого поста, заявилъ всенародно, что онъ отказывается отъ своихъ правъ на княжество и уступаетъ ихъ сыну своему Николаю. По прибытіи князя Николая въ Цетинью, Мирко Петровичь былъ возведенъ въ званье великаго воеводы и назначенъ главнокомандующимъ черногорскимъ войскомъ и председателемъ сената. Всѣ эти должности онъ занималъ до своей кончины. Главными чертами характера этого замѣчательнаго человѣка были — несокрушимая твердость характера въ счастья и несчастьи, беззаветная храбрость въ битвахъ, вѣрность данному слову и большой тактъ, изумлявшій не разъ записныхъ дипломатовъ. Всѣ эти достоинства признаются въ великомъ воеводѣ самими его врагами, которыхъ у человѣка въ его положеніи бываетъ достаточно. Что же касается разныхъ обвиненій, возводимыхъ на него, какъ, напримѣръ, его мнимое недоброжелательство къ герцеговинскому герою Вукловичу и воеводѣ Вукотичу, побѣдителю турокъ при Дучѣ, то всѣ эти обвиненія по большей части построены на слухахъ и не имѣютъ за себя никакихъ положительныхъ данныхъ. Въ концѣ 1858 года спорное дѣло между турками и черногорцами о правѣ владѣнія Граховскимъ округомъ окончилось тѣмъ, что Турція рѣшилась отнять его у черногорцевъ силою, и съ этою цѣлью послала 15000 отборнаго войска, подъ начальствомъ Гусейна-паша, губернатора Герцеговины, къ границамъ Черногоріи. Мирко Петровичь, какъ великій воевода, принялъ главное начальство надъ черногорскимъ войскомъ и, заманивъ турокъ въ Граховскій округъ, окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ пятитысячнымъ отрядомъ и отрѣзалъ имъ сообщеніе съ крѣпостью Клобукомъ, откуда турки получали съѣстные припасы. Гусейнъ-паша, вида опасность своего положенія, рѣшился отступить къ Клобуку. Мирко Петровичь напалъ на него во время этого обратнаго движенія и, пользуясь разобщенностью турецкаго корпуса, разбилъ его на голову, причемъ турки потеряли 8,000 человѣкъ убитыми, а черногорцамъ досталось 8 пушекъ, 6,000 ружей, 2,000 лошадей, 2,000 палатокъ, 10,000 окъ провіанту и множество мелкаго оружія. Въ числѣ убитыхъ былъ Кадри-паша. Героємъ этого дня былъ Мирко Петровичь, который лично водилъ своихъ черногорцевъ въ рукопашный бой. Мирко Петровичь извѣстенъ также какъ авторъ чисто-народныхъ пѣсней и по скла-

ду и по содержанию. Такъ-какъ граховскій герой не умѣлъ ни читать, ни писать, то онъ свои пѣсни импровизировалъ подъ звуки гуслей; импровизировалъ же онъ свои пѣсни въ длинныя зимніе вечера, когда собирались около княжескаго очага воеводы и сенаторы съ трубами въ рукахъ. Мирко Петровичъ пропѣлъ такимъ образомъ цѣлый рядъ пѣсенъ о послѣднихъ бояхъ съ турками. Пѣсни эти были записаны архимандритомъ Дучичемъ и отпечатаны, въ 1865 году, въ Цетинѣ, подъ заглавіемъ «Черногорскій Памятникъ». Мирко Петровичъ скончался 20-го іюля 1867 года, на сорокъ седьмомъ году жизни.

ВОЙ ВЪ КАЛАШИНѢ.

Въ пятьдесятъ восьмомъ году Господнемъ
 Два могучихъ сербскихъ воеводы
 Вечерали на Морачѣ Нижней:
 И одинъ былъ Церевичъ Новица,
 А другой Миланъ былъ воевода.
 Семь сидѣло съ ними капитановъ;
 Подавалъ вино имъ старшій ннокъ
 Во златомъ сосудѣ заповѣдномъ.
 Разныя вѣли они бесѣды,
 Богѣ о подвигахъ воинскихъ:
 Кто себя прославилъ въ грозныхъ битвахъ,
 Кто собою жертвовалъ отчизнѣ.
 Говоритъ имъ ннокъ-черноризецъ:
 «Нечѣмъ вамъ хвалиться, воеводи,
 Коли спитъ спокойно градъ Колашинъ
 И про васъ нигдѣ нигдѣ не знаетъ.
 А слыжали ль, что случилось гѣтось
 На Граховцѣ, на полѣ зеленомъ,
 Какъ тамъ бился Мирко воевода
 И его лихіе черногорцы,
 Какъ они Кадри-пашу разбили
 И посѣли турокъ десять тысячъ,
 Отняли у нихъ двѣнадцать пушекъ,
 И казну, и всякіе снаряды.
 Вѣчная да будетъ всѣмъ имъ слава!
 Вы жъ сидите да вино лишь пьете.»
 Какъ услышалъ рѣчи тѣ Новица,
 Всталъ онъ съ мѣста, говоритъ Милану:
 «Подымайся, побратимъ, скорѣе
 И пиши письмо къ братоножичамъ,
 Къ капитану Милошевичъ Буку;
 Двинь затѣмъ ты всѣхъ васоевичей,
 Я же двину ровцевъ и Морачу,
 Съ воеводой Мишиничъ-Милисавомъ,
 И дробняковъ, удалыхъ юнаковъ.

Въ воскресенье, что теперь наступитъ,
 На горахъ окрестныхъ мы сберемся
 И ударимъ на городъ Колашинъ,
 Гдѣ засѣли Мекичъ и Мушовичъ,
 Разобьемъ ихъ, коли Богъ поможетъ,
 И себѣ добудемъ честь и славу!»
 Поднялся Миланъ на легкія ноги,
 Говоритъ Новицѣ побратиму:
 «Побратимъ мой, дорогій Новица!
 На роду написано мнѣ счастье:
 Что мнѣ снилось, грезилось только,
 То въ-очью свершается сегодня:
 Далъ зарокъ предъ Господомъ я Богомъ,
 Да еще предъ сердцемъ молодецкимъ,
 Что воздвигну знамя въ Колашинѣ
 И огнемъ спалю затѣмъ весь городъ,
 Отомщая кровную обиду,
 Что мнѣ злыя причинили турки.
 Лѣтось брата, мои очи ясны,
 Извели Вукѣвича Егорья,
 И теперь дерзаютъ похваляться
 Головой его и саблей вострой
 Въ городѣ высокомъ Колашинѣ.
 Дастъ Господъ, расплатятся со мною!»
 Такъ сказала, коня себѣ сѣдлаетъ,
 Завалъ войскомъ горниа вершини,
 Простоялъ на тѣхъ вершинахъ два дни,
 До прихода Церевича бана
 Съ тысячью бойцовъ его отважныхъ.
 Ночь они проночевали вмѣстѣ:
 Отдохнули храбрѣя ихъ рати.
 Въ понедѣльникъ, чуть блеснуло утро,
 На бѣду для океанныхъ турокъ,
 Воеводы раздѣлили войско:
 Часть съ высотъ ударила съ Миланомъ,
 Гдѣ сидѣлъ Мушовичъ въ башняхъ бѣлыхъ.
 Какъ хвалился, такъ Миланъ и сѣдалъ:
 Черезъ улицы коня онъ гонитъ,
 Турокъ бьетъ направо и налѣво —
 И на крѣпости воздвигнулъ знамя.
 А за нимъ несется и дружина,
 Тысяча вонтелей отважныхъ;
 Много вражескихъ головъ срубилъ
 И полгорода огнемъ спалил.
 Вотъ смотрите: банъ идетъ Церевичъ,
 Съ воеводой Мишиничъ-Милисавомъ
 И съ его могучею дружиной.
 Тысяча всѣхъ ратниковъ въ дружинѣ;
 Въ бой они пошли во молодецки.
 Банъ ударилъ противу Каряша;
 Много башенъ бѣлыхъ онъ разрушилъ,

Много-много сѣвъ головъ турѣцкихъ,
 Подъ-конецъ огнемъ спалилъ весь городъ
 И шестьсотъ взялъ плѣнниковъ въ неволю.
 Исполать вамъ, оба воеводы!
 Съ-этихъ-поръ здѣсь туркамъ не селиться,
 А селиться только черногорцамъ!
 Плѣнниковъ подводятъ къ воеводамъ:
 Стонъ стоитъ между дѣвницъ и женщинъ,
 Плачь дѣтей въ срединѣ раздаётся,
 А нима жоны слѣзы ронять,
 Слезы ронять, воеводамъ молвятъ:
 «Отпустите, воеводы сербовъ,
 Насъ домой, въ турецкую державу,
 Съ малыми дѣтями-спротами!
 Безъ того у васъ довольно славнъ:
 Колашинъ вы разгромили бѣлый
 И гордню вражю словили!»
 Воеводи отпустили плѣнныхъ
 И сочи своихъ убитыхъ братьевъ:
 У Милана семьдесятъ погбло,
 Шестьдесятъ погбло у Новици.
 Радн серби за честной крестъ битися,
 Умирать за вѣру за святую
 И за славу сербскаго оружья.
 Исполать вамъ, соколи вы ясны,
 Что въ бою животь свой положили,
 Что разрушили турецкій городъ
 И волковъ злыхъ разогнали стаю!
 Честь и слава будетъ вамъ во-вѣки,
 Сквозъ пройдетъ чрезъ горы, черезъ доли!
 Все свершилось то на самоѣ дѣлѣ,
 Былъ я самъ на комской на планинѣ
 И своими все глазами видѣлъ.

Н. Бергъ.

ГРАФЪ МЕДО-ПУЧИЧЪ.

Графъ Медо-Пучичъ, потомокъ древней дубровницкой фамилиі, переселившейся въ Дубровникъ изъ Катаро около 800 года, родился въ 1821 году. Онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ полюбилъ народныя пѣсни и сталъ заниматься родной литературой. Первые статьи его о хорутанской поэзи появились въ итальянскихъ журналахъ «La Favilla di Trieste» и «L'avvenire di Ragusa». Тамъ же были помѣщены его итальянскіе переводы изъ «Османа» Гундулича, нѣкоторыхъ стихотво-

реній Мицкевича и одной пѣсни изъ «Брагледворской Рукописи». Въ 1844 году онъ издалъ въ Вѣнѣ антологию, составленную изъ сочиненій древнихъ дубровницкихъ писателей; затѣмъ, сталъ усердно сотрудничать въ «Зарѣ» и «Денницѣ». Въ народной эпопей «Карра-Георгиевичъ» воспѣлъ онъ освобожденіе Сербіи изъ-подъ турецкаго владычества и самаго воскресителя сербской народности, Георгія Петровича. Поэма была напечатана. Во время иллирскаго движенія, Пучичъ написалъ нѣсколько патристическихъ стихотвореній, въ которыхъ призывалъ сербовъ къ единству противъ иноземнаго угнѣсенія. Нѣкоторые изъ нихъ стали достояніемъ сербскаго народа. Въ 1849 году онъ помѣстилъ въ «Дубровникѣ» свой переводъ первой пѣсни гомеровою «Одиссеи» и напечаталъ въ Загребѣ собраніе своихъ стихотвореній, написанныхъ имъ въ Италиі, съ 1846 по 1848 годъ. Въ 1-мъ томѣ «Дубровника» на 1849 годъ Пучичъ помѣстилъ сочиненія дубровничанина Вичичевича, умершаго въ 1658 году, съ его біографіей, а во 2-мъ — свои переводы съ русскаго, польскаго и французскаго («Клеветникамъ Россіи» Пушкина, «Духъ степенъ» Загѣскаго и двѣ пѣсни изъ Беранже). Наконецъ, въ 1856 году, въ Зарѣ вышло послѣднее его сочиненіе «Повѣствованіе о Дубровникѣ», встрѣченное вполне заслуженными похвалами критики и публики. Въ настоящее время Медо-Пучичъ проживаетъ въ Бѣлградѣ, гдѣ занимается воспитаніемъ молодого сербскаго князя Милана.

1.

ЖЕЛАНІЕ.

Какъ юность мнѣ отраднo вспомнать!
 Мнѣ часто снятся очи голубыя,
 Коса какъ смоль, нѣжѣй лилеи грудь,
 Уста — какъ будто розаны живыя.

Подчасъ мелькають образы нныя
 И не даютъ покойно мнѣ заснуть:
 Соотчичи печалью повитѣе
 И къ славѣ тяжкій, безконечный путь.

То видится одно мнѣ, то другое,
 То будущее, то опять бывшее;
 Такъ дохожу до настоящихъ сновъ.

О, Боже, дай мнѣ опочить въ покоѣ,
 Чтобъ не терзалось сердце ретивое,
 Чтобъ цвѣтъ мой не увянулъ безъ плодовъ!

Н. Бергъ.

II

ПАЛЬМА.

На верблюдѣ вдоль пустыни мчится
 Чернолицый всадникъ. Онъ отъ жара
 Еле дышитъ; жаждой онъ томится:
 Жжетъ его песчаная Сахара.
 Солнопѣку средь ѣзды тяжелой
 Онъ отереть, какъ на ладони голой;
 Но привыченъ Измаила сынъ:
 Все впередъ стремится бедуннѣ.

Ѣдетъ, ѣдетъ... Помолиться надо:
 «Могамедъ-Сурула!» онъ взываетъ:
 «Тамъ, въ раю, среди молитвъ, прохлада
 Сладко вѣетъ и, струясь, сверкаетъ
 Тонъ жемчужный; гурии тамъ вѣрныхъ
 Ждутъ для нѣги...» И утѣхъ безмѣрныхъ
 Жажда жжетъ его большую грудь —
 И мечтой онъ облегчаетъ путь.

Вдругъ — то призракъ или милость Божья? —
 Дерево — онъ видитъ — къ высямъ неба
 Тянется, густое, отъ подножья;
 А кругомъ — поля и всходы хлѣба.
 Вотъ — источникъ: нѣга и прохлада
 Лѣтса въ сердцѣ; возлѣ дремлетъ стадо.
 Караванъ присталъ тутъ. Оживленъ,
 Про калянъ и кофе мыслить онъ.

Стройное оазовъ порожденье,
 Пальма! чадъ пустыни ты лелѣешь;
 Жилами корней своихъ скрѣпленье
 Почвѣ ты даешь, прохладой вѣешь;
 Отъ чумы храня струю потока,
 Бережешь былинку отъ припѣка;
 Испокоя вѣковъ даруя плодъ,
 Все еще людской ты любишь родъ.

Пальма, ты и въ сербское поморье
 Заглянувъ, въ немъ робко поселилась
 И — хоть сѣверъ дуетъ въ междугорье —
 На скалахъ средь терній вкоренилась;

Но здѣсь рѣстъ твой невысокъ бываетъ,
 Въ холоду твой плодъ не дозрѣваетъ;
 Внесена для тщетной красоты,
 Никому здѣсь не полезна ты.

Много есть въ саду родного края
 Чуждыхъ зѣлій; корни ихъ широки;
 Изъ тебя они, земля родная,
 Лучшіе вытягиваютъ соки.
 Чтѣ за прокъ, что въ вербуню недѣлю
 Твой алтарь украсятъ и постелю
 Эти зѣлья? Благовонный цвѣтъ
 Кстати ль тамъ, куса гдѣ хлѣба вѣтъ?

Прочь отъ иноземщины! Богъ каждой
 Далъ землѣ чтѣ нужно на потребу,
 Чтобъ туземцы голодомъ и жаждой
 Не томилсь: благодарность небу!
 Каждому простой свой кормъ всегдашній
 По нутру и милъ свой быть домашній.
 Бархатъ, сласти... Тотъ не дорожитъ
 Ими, кто за одоломъ слѣдитъ!

Сербскій край! умою, красую, силой
 И могучей рѣчью ты отъ Бога
 Надѣленъ, чтобъ въ мирѣ славно было
 Племя сербовъ. Отвергая строго
 Что плететь хитро-нѣмецкій разумъ,
 Не тянись къ египетскимъ оазамъ;
 Покажи родной свой міру плодъ:
 Всѣ пусть видятъ твой юнацкій родъ!

Въ слѣпотѣ мутятъ нашъ миръ злочинцы;
 Совѣсти разорваны всѣ узы;
 Крестъ намъ смали греки и латинцы,
 Честь, науку — нѣмцы и французы;
 Вѣра жъ все чиста въ тебѣ святая,
 И душой, какъ золотомъ блистаетъ,
 Ты внимай лишь сердцу въ дни тревогъ —
 И съ тобой пребудетъ вѣчно Богъ!

В. Венедиктовъ.

И. ФИЛИПОВИЧЪ.

Иванъ Филипповичъ родился въ 1823 году, въ мѣстечкѣ Копиницѣ, въ Бродскомъ граничарскомъ полку. Въ настоящее время онъ занимаетъ мѣсто учителя при главной школѣ въ Пожегѣ. На ли-

тературное поприщѣ Филипповичъ выступилъ очень рано, и съ-тѣх-поръ не переставалъ трудиться на пользу своей родной словесности. Большая часть его мелкихъ стихотвореній, а также и рассказы изъ народнаго быта, напечатаны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Кромѣ того, онъ перевелъ для «Сборника Полѣзнаго Чтенія» два романа: «Елизавета, или сибирскіе изгнанники» и «Векфильдскій священникъ», и издалъ нѣсколько книгъ для дѣтей. Съ 1859 года Филипповичъ издаетъ календарь, ною названіемъ «Народная книга», который, благодаря разнообразію и занимательности своего содержания, скорѣе можно назвать альманахомъ.

СТАРИКЪ И СТАРУХА.

Надъ рѣкой, надъ быстрой Савой,
Молить Господа старуха:
«О мой Боже милосердый!
Прикажи — пусть стихнетъ буря
И повѣтъ тихій вѣтеръ,
И поможетъ мнѣ отвѣять
Черный куколь отъ пшеницы;
Прикажи — иначе буря
Разнесетъ сухія зѣрна;
А въ избѣ моей убогой
Плачутъ семеро малютокъ,
Сиротинокъ безпріютныхъ;
Сироты — мои внучата —
Дрогнуть голые у печки:
Нѣтъ на бѣдныхъ рубашонекъ!»

Надъ рѣкой, надъ быстрой Савой,
Слезъ льетъ старикъ убогій:
«О мой Боже милосердый!
Прикажи — пусть стихнетъ буря,
Стихнетъ вѣтеръ — не повѣтъ,
Чтобъ я могъ закинуть уду,
Наловить на ужинъ рыбы.
Буря рѣбу разгоняетъ,
А въ избѣ моей убогой
Плачутъ семеро малютокъ,
Сиротинокъ безпріютныхъ;
Сироты — мои внучата —
Третій день ужъ голодаютъ.»

Но губительная буря
Не стихаетъ, словно хочетъ
Разорвать на части землю:
Вырываетъ дубы съ корнемъ

И высоко подымаетъ,
Громоздя на волны волны,
Воды Савы многоводной,
Такъ-что рыба съ перепугу
Въ темный илъ на дно забилась.
Тщетно бѣдная старуха
Молить Бога, чтобъ повѣялъ
Тихій вѣтеръ, вмѣсто бури;
Тщетно ждетъ старикъ убогій,
Чтобъ утихла злая буря.

И сталъ думать Вседержитель —
Какъ бы имъ помочь обомъ?
«Если вѣтеръ стихнетъ вовсе —
Не отвѣять ей, старухѣ,
Черный куколь отъ пшеницы;
Если жъ вѣтеръ будетъ вѣять —
Старику сегодня рыбы
Наловить ужъ не придется.
Какъ безвѣтріе и вѣтеръ
Никогда сойтись не могутъ,
Такъ ни кто на свѣтѣ людямъ
Угодить не въ состояннн.
Пусть моя творится воля!
Пусть бушуетъ непогода!
Пусть ни кто изъ нихъ не страждетъ:
Они оба мои дѣти!»

И опять старуха молить,
Чтобъ повѣялъ тихій вѣтеръ;
И опять старикъ убогій
Ждетъ, чтобъ стихла непогода.
Но губительная буря
Продолжаетъ бѣсноватся,
Громъ гремитъ — и прогоняетъ
Старика съ его старухой
Въ ихъ убогую лачугу,
Чтобы времени нного —
Всѣмъ удобного для дѣла —
Въ ней спокойно ожидали.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

В. РАДИЧЕВИЧЪ.

Вранко Радичевичъ родился въ 1824 году въ Бродѣ, въ Славоніи. Имя Радичевича есть одно изъ самыхъ любимыхъ и знаменитыхъ именъ новейшей сербской литературы. Стихотворенія его отличаются богатствомъ фантазіи и чувства, лег-

кой и музыкальной формой и прекраснымъ сербскимъ языкомъ (онъ пишетъ на банатско-сремскомъ нарѣчїи); направленіе его вполне народное — и потому его можно смѣло назвать представителемъ новѣйшей школы сербскихъ поэтовъ. Въ 1847 году вышелъ его прекрасный переводъ «Вильгельма Телля» Шиллера; въ томъ же году былъ напечатанъ 1-й томъ его стихотвореній, а второй — въ 1851 году. Радичевичъ скончался въ 1853 году.

ДѢВУШКА У КОЛОДЦА.

Какъ вчера я здѣсь стояла,
Изъ колодца воду брала,
Добрый молодецъ ко мнѣ
Вдругъ подѣхалъ на конѣ,
И сказалъ: «душа-дѣвица,
Одожи испить водицы!»
Эти рѣчи — не таю —
Грудь поранили мою.
Я на парня посмотрѣла
И кувшинъ подать хотѣла,
Но онъ выпалъ изъ руки
И разбился на куски.
Черепки его по нинѣ
Здѣсь валяются въ долину:
Гдѣ же парень молодой?
Если нынче предо мной
Онъ появится — я снова
Свой кувшинъ разбить готова.

Н. Гервель.

И. СУНДЕЧИЧЪ.

Иванъ Сундечичъ, православный священникъ и извѣстный сербскій поэтъ, родился въ 1825 году въ Боснии, откуда выѣхалъ еще будучи ребенкомъ, вмѣстѣ съ своими родителями, въ Далмацію. Затѣмъ, Сундечичъ воспитывался въ православной семинаріи въ Зарѣ, гдѣ окончилъ курсъ блистательно, и, по приглашенію самаго семинарскаго начальства, сзумѣвшаго оцѣнить способности молодого человѣка, занялъ профессорскую катедру въ томъ же заведеніи. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ сдѣлался третьимъ редакторомъ «Далматинскаго Магазина». Въ 1850 году Сундечичъ издалъ въ Зарѣ свои стихотворенія,

подъ названіемъ: «Srce ili razlicne pjesme», а въ 1856 — «Нитку драгоценнаго жемчуга», сборникъ духовныхъ и правоучительныхъ стихотвореній для юношества. Затѣмъ, онъ довольно долго сотрудничалъ въ «Далматинскомъ Вѣстникѣ», и даже одно время былъ его редакторомъ, а въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сталъ издавать въ Зарѣ беллетристическій журналъ «Звѣзда». Въ 1863 году надъ Сундечичемъ страхлась бѣда: послѣ десятилѣтней службы въ зарской православной семинаріи, онъ былъ лишенъ далматинскимъ намѣстничествомъ катедры и долженъ былъ искать новыхъ средствъ къ жизни въ Сербіи или Черногоріи. Единственной причиной воздвигнутаго противъ Сундечича гоненія былъ горячій патриотизмъ, заявленный имъ какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни. Натерпѣвшись всякаго рода невзгодъ въ своей второй родинѣ, Далмаціи, онъ удалился, въ 1864 году, со всѣмъ своимъ семействомъ въ Черногорію, гдѣ встрѣтилъ самый радушный приемъ со стороны князя Николая, предложившаго ему мѣсто своего секретаря, съ жалованьемъ въ 1000 гульденовъ и опредѣлившаго его сыновей на свой счетъ въ дубровницкую школу. Затѣмъ, независимо отъ обязанности, сопряженныхъ съ секретарскою должностію при князѣ, ему было поручено завѣдыванье мѣстной типографіей и изданіе календаря и учебниковъ для черногорскихъ школъ. Сундечичъ ревностно принялся за дѣло — и, спустя самое короткое время, бездѣйствовавшая до того типографія уже была въ ходу. Первой книгой, отпечатанной Сундечичемъ — былъ «Орличъ», черногорскій календарь на 1865 годъ, въ которомъ, кромѣ нѣсенъ князя Николая и статьи Дудича «О граховской битвѣ», помѣщено нѣсколько стихотвореній Сундечича и его же «Статистическія данныя о Черногоріи».

1.

МОСКВА.

Плачетъ мать-Москва святая —
Врагъ на грудь ей наступилъ:
Бородинскій бой кровавый
Къ ней дорогу проложилъ.

Вотъ Москва уже пылаетъ!
Смотрить царь изъ-за Кремля,
Какъ все рушится, все гибнетъ,
Чѣмъ горда его земля.

Нѣтъ Москвы — его столицы,
Но спасенъ его народъ,
Но спасенъ отъ униженья
Всѣхъ славянъ могучій родъ!

И Москва опять воскресла
Въ сто разъ краше, чѣмъ была...
О, когда бъ ты все славянство
Дивнымъ свѣтомъ обликъ!

Н. Гервель.

II.

САВЛЯ СКЕНДЕРБЕГА.

Прочь — и царскій дворъ и нѣга,
Чуть Мехметъ слышалъ вѣсть,
Что у бана Скендербега
Даръ волшебный — сабля есть —

Чудо-сабля: безъ направошь
Ѣздока съ конемъ въ налетъ
Перерубить, да въ добавокъ
Въ землю на локоть войдетъ!

Царь горитъ желанья зноемъ,
Какъ бы саблю приобрѣсть.
Вмигъ прослылъ бы онъ героемъ
Съ этимъ дивомъ: то-то честь!

Вотъ съ привѣтствіемъ отправилъ
Къ бану грамотку султанъ —
Просить, чтобъ ему доставилъ
Эту саблю храбрый банъ.

Скендербегъ препонъ не ставитъ
И къ Мехмету саблю шлетъ:
Пусть-де онъ себя прославитъ —
Саблю грозную возьметъ!

Царь Мехметъ усы разгладилъ
И, оружіемъ звеня,
Руку выправилъ, наладилъ
На ударъ, и — на коня.

Сѣлъ — и челади проворной
Отдалъ царственный приказъ,
Чтобъ былъ рабъ представленъ чорный
На конѣ ему сейчасъ.

Крикнулъ — мигу нѣтъ потери:
Встрепенулась слугъ гурьба —
И ужъ тащутъ эти звѣри
Злополучнаго раба.

И едва предсталъ онъ цѣлью —
Къ конской гривѣ царь приналъ;
Преданъ лютому веселью,
Замахнулся... поскакалъ...

Анъ напрягся такъ, что глазу
Ясно видѣлось, что — вотъ
Не раба, а трехъ онъ сразу
Верховыхъ на сквозъ проймасть.

Но — не диво ли? — султану
Вѣдь и тутъ неудалось:
Грозный всадникъ жертвѣ рану
Только легкую нанёсъ.

Зашипѣлъ онъ, пронять злобой
И — домой. Давай писать.
Разсердженъ постыдной пробой,
Радъ онъ всѣхъ бы искушать.

Вновь летитъ письмо султана
Къ бану; складъ его таковъ:
«Скендербегъ — злодѣй! Обмана
Твоего открылся ковъ.

«Гнили это жъ не обнаружить?
Саблю ты прислалъ не ту;
Шлю назадъ её: пусть служить
Дрянъ тебѣ на срамоту!»

Скендербегъ, посланье это
Получивъ, захохоталъ
И на грамоту Мехмета
Свой отвѣтъ готовить сталъ.

Сѣлъ писать; усы смѣются;
И не пишетъ онъ, а такъ
Строчки сами ливня-льются:
«Не сердись-де царь-юнакъ!

Не вини меня, и сабли
Не хули! Все та жъ она,
Но руки твоей ослабли
Мышцы: въ этомъ вся вина.

«Самъ я съ пояса отправилъ
Эту сталь къ тебѣ — ей-ей!
Но при этомъ не доставилъ
Я тебѣ руки моей.

«Пусть же злость тебя не гложетъ!
Не храбрись впередъ слегка!
Вѣрь мнѣ: сабля не поможетъ
Тамъ, гдѣ немощна рука.

В. Бенедиктовъ.

Л. НЕНАДОВИЧЪ.

Любомиръ Ненадовичъ, извѣстный сербскій поэтъ, родился въ 1826 году въ селеніи Бранковинахъ, въ княжествѣ Сербскомъ. Родители его были люди зажиточные. Ненадовичъ началъ свое воспитаніе въ мѣстной нормальной школѣ, откуда перешолъ въ бѣлградскую гимназію; по окончаніи полного курса въ этомъ послѣднемъ заведеніи, онъ прослушалъ курсъ философіи въ Главной Школѣ въ Бѣлградѣ и затѣмъ отправился въ Прагу, для изученія чешскаго языка. Потомъ изучалъ право въ университетахъ Берлинскомъ, Гейдельбергскомъ и Парижскомъ (Sorbonne и Collège de France). Послѣ революціи 1848 года, онъ возвратился въ отечество, гдѣ получилъ мѣсто профессора въ Главной Школѣ (лицей) и былъ избранъ въ члены Общества Любителей Сербской Словесности, а также въ члены училищной комиссіи. Въ 1850 году онъ оставилъ каеедру и провелъ цѣлый годъ частью въ Парижѣ, частью въ путешествіяхъ по западной Европѣ, во время которыхъ познакомился съ черногорскимъ владыкой, Петромъ Петровичемъ Негошемъ, съ которымъ объѣхалъ всю Италію. Вернувшись въ Сербію, онъ былъ сдѣланъ архивариусомъ и секретаремъ министерства народнаго просвѣщенія, а въ 1858 году — секретаремъ миссіи въ Константинополь; но въ слѣдующемъ году былъ вызванъ обратно въ Бѣлградъ, гдѣ снова занялъ служебное мѣсто по министерству народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Какъ всѣми любимый и уважаемый писатель, Ненадовичъ своими стихотвореніями, разбросанными по разнымъ сербскимъ журналамъ, альманахамъ и сборникамъ, и собранными имъ въ 1860 году («Пѣсни Л. Ненадовича», Землинъ, 1860) въ одну книгу, много способствовалъ даль-

нѣйшему развитію сербской литературы. Изъ поэтическихъ произведеній Ненадовича особенно извѣстностью пользуются слѣдующія: «Войникъ Дойчиновичъ», поэма въ шести пѣсняхъ и «Славянская Вила»; послѣдняя пьеса была переведена на французскій языкъ. Затѣмъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, до самаго отъѣзда своего въ Константинополь, Ненадовичъ былъ редакторомъ учонаго журнала «Шумадинка». Кромѣ того, онъ обогатилъ сербскую литературу прекрасными переводами «Исторіи французской революціи» Минье и «Новеллъ» Тшобе. Для заключенія считаемъ не лишнимъ упомянуть объ издательской дѣятельности Ненадовича. Онъ издалъ извѣстную поэму Петра Петровича Негоша «Свободада» и очень важныя для сербской исторіи «Приписки и Записки» своего отца, Матвѣя Ненадовича, о битвахъ на Дринѣ въ 1811, 1812 и 1813 годахъ, въ которыхъ Матвѣй Ненадовичъ игралъ главную роль. Въ настоящее время Ненадовичъ въ отставкѣ и живетъ въ Бѣлградѣ.

СТАМБУЛУ.

Бѣтса сине-море, вздрагиваютъ горы;
Солнце помрачилось — не плѣняетъ взоры;
Зыблятся знамена, сталь звучитъ сурово:
Двигается на турокъ воцѣство Христово.

О, Стамбулъ надмѣнный! утони въ Босфорѣ!
Этотъ персть подъятый предвѣщаетъ горе.
Ты — укоръ вселенной, ты — позоръ и бремя —
И теперь отвѣтитъ наступило время.

Ничего ты въ мѣрѣ не щадилъ надменный!
Ты злодѣй, какого нѣтъ во всей вселенной!
Сколько царствъ великихъ, къ нимъ горя враждою,
Ты попрагъ своею грязною пятою.

Звѣрь, ты съ человѣкомъ не былъ человѣкомъ!
Веруть тебя струилась кровь, подобно рѣкамъ.
Ты не зналъ на свѣтѣ ничего святого
И былъ полонъ яда лихоимства злого.

Если наша слава пала предъ судьбиной —
Ты, драконъ голодный, ты тому причиной!
Видишь, отовсюду движутся армады?
Нѣтъ, злодѣй презрѣнный, нѣтъ тебѣ пощады!

Н. Гервель.

II.

МОЛОДЕЦКІЙ ОТВѢТЪ.

Солнце блещетъ, солнце свѣтитъ
 На поляны наши;
 На полянѣ князь Данило
 Пьетъ вино изъ чаши.
 Вотъ Омеръ-паша за горкой
 Лагерь разбиваетъ,
 И смириться львовъ нагорныхъ
 Лстыво приглашаетъ.
 Засмѣялся князь Данило,
 Сидя на попонѣ —
 И Омеръ-пашѣ записку
 Пишетъ на патронѣ:
 «Злой отступникъ, ты родился
 Во святомъ законѣ,
 А теперь его ты гонишь...
 Мой отвѣтъ въ патронѣ!»

Н. ГЕРВЕЛЬ.

Д. МИХАЙЛОВИЧЪ.

Димитрій Михайловичъ — современный сербскій поэтъ. Изъ сочиненій его извѣстны: «Вѣнокъ искренней любви», новелла (Новый Садъ, 1840), «Пѣсни милой» (Новый Садъ, 1840), «Смилье» (idem), «Войводянка» (Темешваръ, 1852) и «Цвѣты сербскихъ пѣсенъ», антологія изъ сербскихъ поэтовъ (Карловицъ, 1859). Въ настоящее время Михайловичъ состоитъ при темешварскомъ намѣстникѣ.

ПѢСНЯ.

Что за жизнь безъ вѣрм
 Въ праведнаго Бога?
 Безъ семьи любимой
 Радостей не много!

Нѣтъ отрады въ жизни
 Безъ души родимой!
 Нѣтъ на свѣтѣ счастья
 Безъ любви взаимной!

Н. ГЕРВЕЛЬ.

И. ДРАГАШЕВИЧЪ.

Иванъ Драгашевичъ, профессоръ Военной Академіи въ Бѣлградѣ и современный сербскій поэтъ, родился въ 1829 году въ Бѣлградѣ; воспитывался онъ въ тамошнемъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ офицеромъ. Въ настоящее время онъ имѣетъ чинъ капитана. Имя его, какъ сочинителя нѣсколькихъ патріотическихкихъ стихотвореній, пользуется нѣкоторою извѣстностью между сербами. Въ настоящее время онъ издаетъ журналъ «Воинъ у Београду», имѣющій довольно обширный кругъ читателей между городскими жителями Сербскаго княжества.

ВЪ БОЙ.

Въ бой, братья, въ бой! насъ Самъ Господь зоветъ,
 Зоветъ народъ — ударимъ на тирана!
 Въ бой, сербы, въ бой! пусть иго въ прахъ падетъ!
 Вѣдь рана брата есть и наша рана.
 Въ бой, сербы, въ бой, въ кровавый бой,
 За свой народъ, за край родной!

О, скоро ль сербъ, болгаринъ и хорватъ
 Стряхнуть позоръ, престанутъ быть рабами?
 О, скоро ль нашъ забытый всѣми братъ
 Подниметъ взоръ, разстанется съ цѣльми?
 Возстанемъ всѣ — и врагъ падетъ,
 Не-то онъ сгубитъ нашъ народъ!

Въ бой, сербы, въ бой! друзья, ударилъ часъ —
 И врагъ падетъ подъ нашими мечами!
 Въ бой, братья, въ бой! пусть міръ узнаетъ насъ,
 Узнаетъ врагъ, что стали мы мужами.
 Въ бой, сербъ, болгаринъ и хорватъ!
 Впередъ! ужъ слышится набатъ...

Н. ГЕРВЕЛЬ.

И. ЮВАНОВИЧЪ.

Иванъ Ювановичъ, современный сербскій поэтъ, родился въ 1830 году въ Новомъ-Садѣ, гдѣ и получилъ первоначальное воспитаніе въ мѣстномъ училищѣ. Затѣмъ, продолжалъ свое образованіе въ Вѣнѣ, гдѣ слушалъ медицину. Имя Ювановича, какъ поэта, пользуется извѣстностью между сербами и многія изъ его стихотвореній перешли въ народъ. Онъ перевелъ всего Гафиза, «Демона»

Лермонтова и нѣсколько лучшихъ стихотвореній Некрасова. Въ настоящее время онъ живетъ въ Вѣнѣ.

I.

КРЕСТЬ.

Ночь-полуночь, тьма густая,
 Съ непогодой бурной
 Надъ горой закрыли Чорной
 Сводъ небесъ лазурный.
 Все чернѣй-чернѣе тучи,
 Громъ сильнѣй грохочеть,
 Страшный вихрь качаетъ горы,
 Вскинуть къ небу хочеть!
 Ужь не Богъ ли самъ наславъ ихъ,
 Дивныя тѣ силы,
 Чтобъ къ Нему поближе стали
 Наши горы милы?
 Ночь-полуночь, тьма густая,
 Но сквозь тьму густую
 Часто видно въ блескѣ молній
 Ту скалу святую,
 Гдѣ ручьи струятся крови,
 Словно ленты алы,
 И раскиданы въ обломкахъ
 Сабли да винжалы.
 Ярче молнія блеснула,
 Скалы озарила —
 И на нихъ, средь алой крови,
 Крестъ святой явила.
 И вѣщаль тотъ громъ небесный
 Доблестному роду:
 «Здѣсь легло три сотни храбрыхъ
 За свою свободу!»
 Вмигъ утихла буря злая,
 Вихорь непрерывный,
 Чти великую святиню
 Той могилы дивной.
 Вмигъ рассыпалися тучи,
 Будто не бывали,
 И вдругъ мѣсяца по небу
 Звѣзды засверкали.
 Самъ Господь велѣлъ внезапно
 Тучи тѣ разсѣять,
 Чтобъ могъ свою онъ землю
 Взорами лелѣять,
 Гдѣ потомки павшихъ братій,
 Въ память грозной битвы,
 На могилѣ ихъ собираясь,
 Къ небу шлютъ молитвы,

И клянутся прахомъ дѣдовъ
 Мстить врагамъ-тиранамъ,
 Чорной кровію клянутся,
 Острымъ ятаганомъ,
 И крестомъ святымъ клянутся,
 Тѣмъ, что одиноко
 Воздымаютъ къ яснымъ звѣздамъ
 Тамъ чело высоко.
 Быть готовыми клянутся
 Вѣчно къ оборонѣ
 Скаль своихъ — безцѣнныхъ перловъ
 Въ сербской ихъ коронѣ.
 Свѣтитъ мѣсяцъ, свѣтятъ звѣзды,
 Всюду слышны клики,
 Блещутъ сабли черногорцевъ,
 Силы ихъ велики,
 И несется гулъ далеко
 Съ краю и до края:
 «Самъ Господь съ тобой Всевишній,
 О гора святая!»

Н. Бергъ.

II.

ДѢВА-ВОИНЪ.

Сколько ищетъ, гдѣ бы сѣсть на отдыхъ;
 На высокой ели не садится:
 Сѣлъ въ низу, гдѣ бѣлъ-шатеръ раскинуть.
 Подъ шатромъ сидитъ дѣвица-воинъ,
 Пьетъ вино, да пѣсни распѣваетъ,
 И, звуча, напѣвъ ея удалый
 Будитъ силы въ крыльяхъ соколиныхъ.
 Услыжавъ её, двѣнадцать турокъ
 Подошли, посматриваютъ косо
 И выдаютъ ей крутое слово:
 «Сука-сучка! дѣвка молодая!
 Пьешь вино ты — туркамъ въ оскорбленье;
 Ты поешь — надъ турками смѣешься...
 Гдѣ и пить и пѣть ты научилась?»
 — «А какое до того вамъ дѣло?»
 Имъ дѣвица-воинъ отвѣчаетъ:
 «Больно вы ужъ спеси понабрались!
 Знать хотите — таеъ скажу вамъ правду:
 Двумъ юнакамъ сербскимъ я служила,
 Двумъ юнакамъ — Милошу и Марку;
 Пить вино у Марка научилась,
 Пѣсни пѣть — у Милоша: два дара!
 Два умѣнья — отъ двоихъ умѣньихъ!»

И сверкнула дѣвица очами,
И схватила саблю боевую...
Соболю смотреть: турки врознь — мгновенье
И двѣнадцать ихъ головъ скатились...
«Ужь не сонъ ли?» думаетъ... А дѣва
Пьетъ вино, да пѣсни распѣваетъ.

В. Бенедиктовъ.

СВѢТОЛИКЪ ЛАЗАРЕВИЧЪ.

Стихотворенія, подписанныя этимъ именемъ, пользуются большою популярностью между сербами и хорватами. Къ сожалѣнію, біографію этого талантливаго поэта мы ни гдѣ не могли найти, не смотря на все наше стараніе добыть ее изъ самой Сербіи.

ПРОЩАНІЕ СЪ ПРАГОЙ.

Чешская столица, Прага золотая,
Гордость душъ высокихъ, украшенье края,
Гдѣ я годъ отраднѣй прожилъ какъ мгновенье,
Гдѣ тотъ годъ пронесся, точно сновидѣнье!

Ты плѣняешь взоры чудной стариною,
Роскошью построекъ, вкусомъ, красотою;
Здѣсь все такъ понятно для ума и чувства,
И все шепчетъ сердцу, что здѣсь край искусства.

Тяжело разстаться, Прага, мнѣ съ тобою!
Память о тебѣ я унесу съ собою,
Память о прекрасномъ, говорящемъ чувству,
Безъ чего въ природѣ не цвѣсти искусству.

Рѣчка дорогая, быстрая Волтава,
Праги златоверхой и почетъ и слава!
Ты, шума и пѣнясь, полная отваги,
Омываешь стѣны вѣковѣчной Праги.

Вышгородъ могучій, старая твердыня,
Чешскаго народа гордость и святиня,
Вѣковой свидѣтель силы и отваги —
Ежедневно плѣшь ты подалуи Прагѣ.

Мостъ твой, оковавшій быструю Волтаву,
Говоритъ вселенной про труды и славу
Карла-исполина, про его заботы,
Мудрость, справедливость, силу и щедроты.

Такъ прощай же, Прага, край очарованья!
У меня отнынѣ лишь одно желанье:
Поскорѣй добраться до угла родного,
Чтобъ потомъ съ тобою повицаться снова.

Н. Гервель.

Ю. ЯКШИЧЪ.

Юрій Якшичъ, современный сербскій поэтъ, родился въ княжествѣ Сербіи, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, воспитывался въ Бѣлградской Главной Школѣ (лицей) и скорѣе по окончаніи курса былъ назначенъ профессоромъ въ Пожаревскую прогимназію. Последнее мѣсто занималъ онъ до 1868 года. Якшичъ пользуется довольно большою извѣстностью между сербами, какъ поэтъ. Стихотворенія его печатались и печатаются во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ Сербіи. Якшичъ началъ свое литературное поприще въ сороковыхъ годахъ изданіемъ альманаха «Лицейка». Изъ болѣе значительныхъ произведеній его можно указать на драму изъ древней черногорской исторіи «Княгиня Елизавета Черногорская» (Бѣлградъ, 1869) и на стихотвореніе «На гробѣ князя Михаила» (Бѣлградъ, 1868).

ТОНИТЕ, БРАТЯ!

Тоните, братья, въ рѣкахъ крови!
Влачите сами на костѣрь
Своихъ дѣтей! сжигайте сѣла!
Страхните рабство — свой позоръ!

Герои, братья — погибайте!
Пускай о томъ узнаетъ свѣтъ...
И небо горько будетъ плакать,
Что сербъ погибъ, что серба нѣтъ...

Нѣтъ, мы не братья, мы не сербы!
Стефанъ Неманя намъ чужой!
Когда бы сербами мы были,
Людьми, друзьями — Боже мой —

Ужели бъ мы съ вершинъ Авалы
Глядѣли въ скорбннй этотъ часъ
Такъ безучастно, хладнокровно,
О братья милые, на васъ?

Пренебрегайте всѣмъ, что свято!
Гнушайтесь клятвами друзей!..
Ужель не подло, не преступно
Глядѣть на кровь своихъ дѣтей?..

Гдѣ помощь братняя? гдѣ слѣзы?
Иль: «въ бой за братьевъ за своихъ?»
Въ борьбѣ, въ крови, въ бѣдѣ великой
Господь покинулъ васъ однихъ.

Но снова — скорбный и грѣховный —
Я пѣсню грѣшную пою —
О, сердце скорбное народа
Насквозь пронзенное въ бою!

Могучій сербъ кипитъ отвагой —
Его душа кипитъ и ждетъ;
Но не даетъ ей воли дьяволъ,
Иль Богъ ей воли не даетъ!..

Н. Гервель.

В. КАТЯНСКІЙ.

Владиміръ Катянский, современный сербскій поэтъ, родился въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ Воеводинѣ (австрійской Сербіи). Окончивъ курсъ, Катянский отправился въ княжество Сербію, гдѣ вскорѣ получилъ мѣсто учителя гимназіи въ Крагуевцѣ, которое онъ занимаетъ и въ настоящее время, дѣля свои преподавательскія занятія съ обязанностями главнаго распорядителя мѣстной Читальни. Собраніе стихотвореній Катянскаго вышло въ 1867 году.

Т у ч и.

Ахъ вы, тучи! вы летите
Все къ востоку издалека...
Вы меня съ собой возьмите:
Я вѣдь самъ дитя востока.

Вы несетесь такъ утרוмы
Вдаль полетомъ незамѣтнымъ:
Такъ мои несутся думы
Отъ немилыхъ къ непривѣтнымъ.

Поле высохшее, тучи,
Ваша влага оживляетъ;

Отъ моихъ же слѣзъ горячихъ
Только горе вырастаетъ.

Ваша влага цвѣтъ выводитъ,
Отъ моей — полыннѣ родится;
Гнѣвъ вашъ съ бурей проходитъ,
Скорбь моя все будетъ длиться.

Ахъ, летите жъ быстро, тучи!
Направляйте безъ возврата
На востокъ свой бѣгъ летучій!
Тамъ моя родная хата.

Вашей влагой плодотворной
Нивы родины напоите,
И потоки крови черной
Съ ихъ лица скорбе смойте.

Не грозите имъ громами —
Долго ихъ они громили —
Но повѣйте вѣтерками,
Чтобъ покой они вкусили,
И привѣтъ снесите мой
Вы семьѣ моей родной!

Ө. Миллеръ.

НИКОЛАЙ I, КНЯЗЬ ЧЕРНОГОРСКІЙ.

Николай Петровичъ, нынѣшній повелитель Черногоріи и сынъ черногорскаго героя, Мирко Петровича Негоша, родился 25 сентября 1841 года въ Негошѣ, въ Черногоріи. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Триестѣ и Венеціи, съ воспитательною цѣлью, онъ былъ отправленъ въ 1856 году въ Парижъ, и помѣщенъ, для довершенія своего образованія, въ лицей Людовика XIV, гдѣ окончилъ курсъ наукъ въ 1860 году однимъ изъ первыхъ. По смерти своего предшественника и дяди, князя Данила I, Николай Петровичъ вернулся въ Черногорію и здѣсь, 14-го августа 1860 года, былъ избранъ народнымъ собраніемъ — черногорскимъ княземъ. Независимо отъ своихъ несомнѣнныхъ правъ на престолъ, какъ сынъ Мирко Петровича и родной племянникъ покойнаго князя Данила, Николай Петровичъ былъ выбранъ въ князья еще и потому, что онъ общалъ быть хорошимъ и умнымъ правителемъ; а извѣстная честность его убѣжденій давала народу гарантію, что онъ не ошибся въ своемъ

выборѣ. Дѣйствительно, надежды, возлагаемыя на молодого князя, исполнились вполне и въ правленіе Николая Черногорія отдохнула отъ прежнихъ смуть и неурядиць. Въ семейной жизни князь Николай также счастливъ, какъ и въ политической дѣятельности: женившись на Миленѣ, дочери сенатора Петра Вукотича, онъ сдѣлалъ вполне счастливый выборъ. Любовь къ родной литературѣ обнаружилась въ молодомъ князѣ очень рано. Съ самыхъ отроческихъ лѣтъ сербскія народныя пѣсни были любимымъ его чтеніемъ. На литературное поприщѣ выступилъ онъ въ 1865 году: въ этомъ году въ черногорскомъ календарѣ «Орличъ» были напечатаны первыя его стихотворенія, возбуждшія общее вниманіе въ серво-хорватскомъ краѣ. Стихотворенія Николая Петровича не лишены достоинства, а нѣкоторыя изъ его лирическихъ пѣсенъ, какъ напримѣръ: «На гробѣ Петра II», «Цетинскій колоколь» и «Туда», могутъ быть поставлены на ряду съ лучшими произведеніями сербско-хорватской литературы. Въ 1867 году князь Николай написалъ трагедію «Вувашичъ»; но она еще до-сихъ-поръ не напечатана.

I.

ТУДА! ТУДА!

Туда! туда! за горы голубыя,
Гдѣ моего властителя былъ дворъ!
Тамъ, говорятъ, собирався въ дни былые
Нашъ вѣчевой, юнацкій нашъ соборъ.
Туда! Туда!.. О, Призренье, слава края!
Дай мнѣ взглянуть — побыть въ твоихъ стѣнахъ!
Меня зоветъ страна моя родная —
И я пойду съ оружіемъ въ рукахъ!

Туда!.. Съ развалинь царскаго чертога
Скажу врагу: «отъ крова моего
Прочь ты, чума! Скопилось долгу много:
Пришла пора мнѣ выплатить его!»
Туда! туда! За этими горами
Есть, говорятъ, цвѣтущій, свѣтлый край
Съ дечанскими священными стѣнами:
Молитва тамъ душѣ даруетъ рай.

Туда! туда! за выси тѣ крутыя,
Гдѣ небо въ сводѣ скруглилось голубой!
Туда! туда! — въ долины боевыя —
Въ нашъ сербскій край мы путь направимъ свой!

Туда! туда! За этими горами
Насъ кличетъ Югъ, герой маститый нашъ:
«Сюда! ко мнѣ!» растоптанный конями,
Взываетъ онъ: «мечь — долгъ священный вашъ»

Туда! туда! — и на востяхъ турецкихъ
За кости Юга сабли иззубримъ
И сталью этихъ сабель молодецкихъ
Оковы бѣдной раи сокрушимъ.
Туда! туда!.. За этими горами
Гробъ Милоша-героя мы найдемъ...
Тамъ миръ душевный обрѣтется нами —
И сербъ не будетъ болѣе рабомъ.

В. Бенедиктовъ.

II.

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

Пью во здравь! Многи лѣта!
Вѣкъ нашъ кратокъ; юность — май
Нашей жизни. Пей, вызвай
И стрѣлай изъ пистолета!
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Пей — и здравъ и весель буди!
Пей, землякъ, пока въ гульбѣ
Не покажутся тебѣ,
Словно мошки, мелки люди!
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Будь для насъ примѣромъ, Марко,
Королевичъ нашъ! О, да!
Кровь у сербовъ молода:
Всплхнеть — небу станетъ жарко!
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Пей, но силою хмѣльного
Не туманься: не забудь,
Что злой недругъ давить грудь
Царства славнаго, родного!
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Пусть погибнетъ всякъ живущій —
Все же Призренье мы возьмемъ,

И на тронѣ золотомъ
Въ немъ воссядетъ царь градуцій.
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Беки сербовъ попирали,
Какъ подножныхъ червяковъ;
Но мы живы — и ихъ кровь
Намъ отвѣдать не пора ли?
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Начинателю мы сѣчи
Пьемъ во здравье; а потомъ
Въ кубокъ вновь вина нальемъ,
Какъ до стѣнъ достигнемъ Печи.
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Кто бы изъ сербовъ миръ нашъ дольний
Не покинуть, чтобъ поднять
Наше знамя — благодать —
На дечанской колокольнѣ?
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

Пью во здравье! Многи лѣта!
Падшимъ всѣмъ за отчій край —
Миръ и слава! Пей, взывай
И стрѣляй изъ пистолета!
То — земли родимой плодъ.
Здравствуй, милый мой народъ!

В. Бенедиктовъ.

Д. МЕДИЧЪ.

Данило Медичъ родился въ 1841 году въ Воинной Границѣ, въ Личанскомъ полку, воспитывался въ мѣстномъ кадетскомъ корпусѣ и служилъ короткое время въ австрійской арміи. Литературное свое поприще началъ онъ изданіемъ политической брошюры: «Шмерлингъ — строитель вавилонской башни», за что былъ — не болѣе не менѣе — какъ изгнанъ изъ отечества. Медичъ отправился путешествовать. Обѣхавъ часть Европы, онъ направилъ свой путь въ Россію, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ, сначала въ Киевѣ, а потомъ въ Москвѣ и Петербургѣ, со-

стоя все это время корреспондентомъ сербскихъ журналовъ: «Позоръ» и «Даница». Медичъ по преимуществу лирикъ. Во время своего пребывания въ Россіи онъ также занимался и переводами; именно, онъ перевелъ нѣсколько стихотвореній изъ Пушкина, Лермонтова и Хомякова и переложилъ въ стихи «Слово о полку Игоря», которое было напечатано въ Петербургѣ въ 1870 году. Въ настоящее время онъ живетъ въ Новомъ Садѣ и занимается переводомъ «Полтавы» Пушкина.

НАША НАДЕЖДА.

На Балканахъ раздаются
Звуки сдержанныхъ рыданій
Объ утратѣ царства, славы,
О забвеньѣ всѣхъ преданій.

Десять гибельныхъ столѣтій
Пронеслось, какъ возсіяла
Тамъ святая наша вѣра
И родной намъ слава стала.

Насъ хранить отцы святыя
Православіе учили —
И любви могучій свѣточъ
Мы въ груди не погасили.

Защищая нашу вѣру,
Мы пролили рѣки крови
И подъ Бѣлою горою,
И на полѣ на Косовѣ.

Но напрасно по равнинамъ
Кровь славянъ лилась рѣками,
Если рабство и по нынѣ
Отягчаетъ ихъ цѣпями.

Назови, рѣчная вила,
Другъ славянскаго народа,
Ту страну, гдѣ православье
Не терпѣло бы невзгоды?

На верху горы Солунской,
Тамъ гдѣ все для насъ сіяетъ,
Блещетъ блѣдный полумѣсяцъ,
Мгла полночная витаетъ.

Гдѣ дни славы громоносной?
Гдѣ Солунь? гдѣ воевода

Храбрый Дойчинъ? гдѣ герон —
Слава сербскаго народа?

На вершинѣ горъ Балканскихъ,
Вѣчнымъ сумракомъ объята,
Духъ съ укоромъ повторяетъ:
«Ужъ десятый вѣкъ! десятый!»

Но не всѣ славяне въ рабствѣ,
Есть и вольные межъ нами —
Тамъ, на Сѣверѣ далекомъ,
Гдѣ Москва горитъ крестами;

Тамъ, на Волгѣ, гдѣ привольно
Пѣсня радостная льется;
Тамъ, за Дономъ многоводнымъ,
Гдѣ козакъ въ степи несется;

Тамъ, гдѣ Днѣпръ, гдѣ Киевъ-городъ
Въ воды свѣтлыя глядится .
И своей старинной славой
Величается, гордится.

Долго былъ престольный Киевъ
Царства Русскаго главою,
Но свершилось — и склонился
Онъ предъ царственной Москвою.

Здѣсь орелъ, Кремля владыко,
Свилъ гнѣздо между холмами
И прикрылъ всю Русь святую
Исполнскими крылами.

Но теперь онъ тамъ витаетъ,
Гдѣ дика краса природы,
Гдѣ Нева въ сѣдое морѣ
Катитъ царственные воды.

Тамъ хранится православье,
Тамъ законъ правдиво читается —
Все, чему Кирилъ-Мееодій
Заставляи насъ учиться.

Тамъ почиютъ всѣ надежды:
Тамъ славянская держава,
Что растетъ, на зависть міру,
И грозна и величава.

А въ Кремлѣ Иванъ-Белый
Громко вѣрныхъ призываетъ,
И слова такіа въ храмѣ
Повторять ихъ научаетъ:

«Слава матушкѣ-столицѣ,
Что при заревѣ пожара
Сокрушила гордость злою
Ненавистнаго корсара!

«Слава царству молодому!
Слава свѣта властелину!
Слава мудрому монарху
Славы доблестному сыну!»

О, Москва! къ тебѣ съ надеждой
Братья руки простираютъ:
Съ нею южные славяне
И живутъ и умираютъ.

Ты опора православья;
Безъ тебя торжество гражданскихъ
Намъ бы видѣть не пришлось
Въ честь апостоловъ славянскихъ.

Да, Москва — есть сердце Руси,
Безпредѣльнаго пространства,
А Россія — это сердце
Всей вселенной и славянства.

О, Москва! красуйся вѣчно —
До-тѣхъ-поръ пока волнами
Будетъ Волга, рѣкъ царица,
Лобызаться съ берегами.

Н. Гербиль.

БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Въ началѣ послѣдней четверти XIV столѣтія исторической судьбѣ угодно было положить конецъ существованію на Балканскомъ полуостровѣ обширнаго болгарскаго государства. Съ изчезновеніемъ политической самостоятельности болгарской народности и литература болгаръ, по естественному ходу событій должна была заглухнуть на цѣлыя столѣтія. Турецкое нашествіе уничтожило не одну только политическую независимость болгарскаго народа: оно окончательно подавило и всякую духовную его дѣятельность. При этомъ страшномъ разгромѣ, едва ли испытаннымъ какимъ-либо инымъ народомъ въ Европѣ, уничтоженъ былъ не одинъ только царствовавшій въ Болгаріи родъ, отъ перваго его члена до послѣдняго, но и всѣ лучшіе люди въ государствѣ, изъ которыхъ одни были обезглавлены, а другіе, страха ради, приняли исламизмъ. Роды болгарскихъ бояръ были совершенно уничтожены, и въ настоящее время о существованіи ихъ напоминаетъ лишь одна безмолвная улица города Тернова, называемая *боярскою*. Въ народѣ досихъ-поръ поется пѣсня, въ которой говорится о томъ, какъ одинъ изъ греческихъ константинопольскихъ патріарховъ совѣтовалъ турецкому султану, на случай если послѣдній желаетъ спать спокойно и не быть постоянно тревожимымъ невѣрнымъ и безпокойнымъ болгарскимъ племенемъ, истребить и *потурчить* всѣхъ его ученыхъ и грамотныхъ людей. Султанъ выслушалъ благосклонно мудрый совѣтъ патріарха — и тот-

часъ же, по его приказанію, были отправлены въ разныя мѣстности Болгаріи чиновники съ указомъ о немедленномъ приведеніи въ исполненіе полезныхъ совѣтовъ патріарха. На сколько тутъ правды, мы судить не беремся. Независимо отъ разнаго рода насилій, сопряженныхъ съ завоеваніемъ одного племени другимъ, болгарскому народу суждено было испытать надъ собою еще и другое иго, быть-можетъ болѣе тягостное и пагубное, нежели турецкое — иго, наложенное на него греческимъ высшимъ духовенствомъ. Въ концѣ XIV столѣтія, по причинамъ, которые излагать здѣсь не мѣсто, была уничтожена терновская патріархія, всѣ епархіи коей перешли въ полную власть константинопольскаго патріарха. Болгарскій народъ, сдѣлавшись въ церковномъ отношеніи полнымъ достоиніемъ греческаго патріарха, волей-неволей долженъ былъ мужественно перенести еще и другія испытанія. Константинопольскіе патріархи, движимые корыстолюбивыми цѣлями, съ-тѣхъ-поръ постоянно стали назначать архіереями въ болгарскіе епархіи исключительно грековъ. Этимъ духовнымъ пастырямъ осиротѣвшаго народа, незнавшимъ ни его нравовъ и обычаевъ, а подавно его языка, дикими и варварскими казались звуки славянской рѣчи въ богослуженіи. Такъ-какъ константинопольскій патріархъ успѣлъ выхлопотать себѣ у завоевателя Цареграда привилегію считаться главою и представителемъ всѣхъ христіанскихъ племенъ, покоренныхъ турками, то и архіереи въ епар-

хіяхъ были облечены такою же властію каждый, относительно своей паствы, передъ мѣстными турецкими властями. Безъ приглашенія мѣстнаго архіерея, турокъ не вмѣшивался въ церковныя и училищныя дѣла христіанъ. «Ты будь моимъ послушнѣйшимъ рабомъ, говорилъ турокъ, работай на меня, а что касается твоей вѣры и языка, то мнѣ нѣтъ никакого дѣла до нихъ.» Турокъ неспособенъ былъ думать о томъ, на какомъ языкѣ народъ совершаетъ свое богослуженіе. Но не такъ думали греческіе архіереи. Сначала они долгое время держались политики, которая, повидному, воплѣщала интересы турецкаго правительства, а тайно стремились къ достиженію совершенно иныхъ цѣлей, быть-можетъ чрезвычайно полезныхъ для нынѣшнихъ эллиновъ, но весьма гибельныхъ для болгарскаго народа. Ненавидя племя и языкъ болгаръ, греческіе архіереи стали изгонять мало-по-малу славянскій языкъ изъ церквей и училищъ и замѣнять его вездѣ *божественнымъ* греческимъ языкомъ. Та же участь въ скоромъ времени постигла не только церкви и училища во всѣхъ главныхъ городахъ Македоніи, Тракіи и Болгаріи, но и многіе изъ болгарскихъ монастырей. Мало-по-малу въ разныя болгарскіе монастыри стали назначаться игуменами люди или греческаго происхожденія, или же изъ болгаръ, но такихъ, которые уже успѣли выучиться, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, читать и писать по гречески, и тѣмъ заявить о своей преданности главѣ-архіерею греку-фанариоту. Только въ трехъ или четырехъ болгарскихъ монастыряхъ — въ томъ числѣ въ знаменитомъ монастырѣ св. Іоанна Рыльскаго, да въ нѣсколькихъ весьма отдаленныхъ отъ греческаго взора городахъ — не переставали раздаваться въ церквахъ и училищахъ звуки славянскаго языка. Но и въ этихъ, весьма малочисленныхъ, училищахъ и монастыряхъ образованіе, получавшееся болгарскимъ юношествомъ, заключалось въ томъ, что оныя, ознакомившись съ звуками славянскаго языка по церковно-славянской азбукѣ, переходилъ къ чтенію «Часослова», «Псалтыря» и «Дѣяній св. Апостоловъ», а механическое и неосмысленное чтеніе «Евангелія» заканчивало образованіе и развитіе болгарскаго юноши, и счастливымъ считался тотъ изъ нихъ, которому удавалось у какого-нибудь учителя-самоучки выучиться четыремъ правиламъ ариметики. Пагубныя для болгаръ дѣйствія грековъ-фанариотовъ не ограничивались только изгнаніемъ изъ церквей и училищъ славянскаго

языка: они систематически истребляли славянскія книги и рукописи. Но самымъ тяжолымъ ударомъ для болгаръ было уничтоженіе Охридскаго независимаго архіепiscopства въ началѣ второй половины XVIII столѣтія. Можно положительно сказать, что съ этого времени славянское богослуженіе и обученіе дѣтей грамотѣ по церковно-славянской азбукѣ совершенно исчезли съ лица Болгарской Земли, и ихъ мѣсто занялъ греческій языкъ, какъ господствующій. Но это пагубное распространеніе *грецизма* среди болгаръ Балканскаго полуострова усилилось еще болѣе, когда греческимъ архіереямъ стали энергически содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ нѣкоторые *знаменитыя* греческія фамиліи, изъ которыхъ многіе занимали важныя должности при турецкомъ правительствѣ, какъ напримѣръ фамиліи: Ипсиланти, Суцо, Мурузи и другія. Они задумали *огречить* весь Балканскій полуостровъ. И дѣйствительно вскорѣ вся Болгарская Земля переполнилась, по-крайней-мѣрѣ въ городахъ, греческими училищами, въ которыхъ, казалось, окончательно водворился греческій способъ ученія. Дѣло дошло до того, что фанариоты и выписываемые ими изъ Эпира и Тессаліи, а всего болѣе изъ константинопольскаго Фанара, греческіе учителя уничтожили не только то, что напоминало или могло бы напоминать болгарамъ о прежней ихъ исторической жизни и древней литературѣ, но довели ихъ до такого состоянія, что они позабыли даже свое славянское происхожденіе. Однимъ словомъ, фанариоты и греческіе учителя въ извѣстный періодъ времени уничтожили всѣ остатки древняго болгарскаго достоянія. Славянская азбука сдѣлалась совершенно неизвѣстною бѣльшей части болгарскаго народа, какъ-будто она никогда не существовала въ мірѣ, такъ-что болгарскіе торговцы, по необходимости старавшіеся усвоить себѣ красоту и прелесть новоэллинскаго языка, вели свою переписку по гречески; тѣ же изъ нихъ, которые не могли выучиться греческому языку, писали на болгарскомъ языкѣ, но греческими буквами. Да и въ настоящее время, если мы раскроемъ современную намъ болгарскую газету «Македонія», то найдемъ множество корреспонденцій, преимущественно изъ Македоніи, написанныхъ на болгарскомъ языкѣ, но греческими буквами. Если и въ наше время есть мѣстности, населенныя болгарами, которымъ неизвѣстна славянская азбука, то легко себѣ представить въ какомъ положеніи находились

болгары, относительно ихъ развитія въ славянскомъ смыслѣ, гдѣтъ пятьдесятъ или сто тому назадъ. При этомъ не надо забывать и тяжелаго матеріальнаго турецкаго ига, которое, не менѣе фанариотскаго, разрушало матеріальныя и нравственныя силы народа. Если же въ нѣсколькихъ отдаленныхъ горныхъ монастыряхъ продолжалъ свѣтити, хотя и слабо, свѣтильничекъ славянскаго богослуженія, если гдѣ-нибудь въ какомъ-либо забытомъ фанариотами городѣ, населенномъ исключительно болгарами, продолжали учиться славянской грамотѣ, читать «Псалтырь», «Часословъ» и прочее, то эту заслугу надобно приписать тѣмъ болгарскимъ учителямъ-самоучкамъ, профессія которыхъ переходила изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, которые, умѣя писать весьма искусно полууставомъ, переписывали разныя церковныя книги и потомъ продавали ихъ, за извѣстную цѣну, нуждавшимся церквамъ, училищамъ или частнымъ лицамъ. Но какихъ людей могло дать ученіе, начинавшееся съ букваря и кончавшееся чтеніемъ «Апостола», для борьбы съ громадными средствами, какими обладали греческіе наставники? Эти наставники и квази-покровители болгарскаго народа до того ненавидѣли болгарскій языкъ, что даже тогда, когда ихъ собственный интересъ заставлялъ ихъ входить въ сношенія съ народомъ или старѣйшинами городской общины, то они объяснялись съ послѣдними на турецкомъ языкѣ. Но неужели, спросите вы, при такомъ позорномъ угнетеніи въ теченіе цѣлыхъ столѣтій не раздалось ни одного протеста? Нѣтъ, протесты были, но протесты одиночныя и голосъ ихъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Въ половинѣ XVIII столѣтія жилъ болгарскій іеромонахъ, по имени Павсій. Проникнутый жаждою къ бѣдствіямъ своихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ, онъ оставилъ рукопись, подъ заглавіемъ: «Исторія Славено-Болгарская». Въ этой рукописи, которая вскорѣ должна выйти въ свѣтъ, мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее весьма любопытное мѣсто, бросающее яркій свѣтъ на положеніе болгарскаго народа въ половинѣ XVIII столѣтія: «Патріарси Цароградски съ насиліе освоили Терновская патріаршія подъ своя власть и на пакость и злоба, що имають на болгары еще изъ-перво время, не поставяють отъ болгарскаго языка епископы болгаромъ, но все отъ гречески языкъ, и не радать (не заботятся) отнюдъ за болгарски школи или ученіе,

но обращаютъ все на греческій языкъ, за-то су остаи болгары прости и неучени и не искусни писаніемъ, и много ся отъ нихъ обратили на греческая политика и ученіе, и за свое ученіе и языкъ слабо брежать. Тая вина болгаромъ отъ греческая духовная власть приходитъ и много насиліе неправедно отъ гречески владыки терпять во сія времена; но болгары принимаютъ ихъ благоговѣно и почитаютъ ихъ за архіереи и сугубо влащаютъ имъ должное, за-то по нихна простота и незлобіе воспринмутъ отъ Бога мзду свою, тако и они архіереи, шо съ сила, а не съ архіерейское правило, творятъ болгаромъ велика обида и насиліе, и они по свое дѣло и безсовѣстіе воспринмутъ мзду свою отъ Бога по реченому: яко ты воздаси комуждо по дѣломъ его.» Это не наши слова — это голосъ очевидца, возвысившаго свой слабый голосъ въ защиту поращенного народа.

Понятно, что при такомъ безвыходномъ положеніи, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, въ какомъ находился въ теченіе цѣлыхъ столѣтій болгарскій народъ, при томъ двойномъ игѣ, турецкомъ и фанариотскомъ, при тѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданіяхъ и мученіяхъ, которыя онъ съ мужествомъ вынесъ на своихъ плечахъ, и которымъ едва ли когда-либо подвергался какой-нибудь другой европейскій народъ, имѣвшій историческое прошедшее, и рѣчи не могло быть объ умственной дѣятельности. Но болгарскій народъ сталъ просыпаться всего только съ первой четверти текущаго столѣтія, когда болгары стали переселяться не только отдѣльными лицами, но цѣлыми семействами, въ сосѣдніе имъ страны: въ Румынію, Сербію, Австрію и Россію. Строго говоря, постепенное выселеніе болгаръ въ названныя страны началось еще съ половины прошлаго столѣтія, но зародышъ новоболгарской письменности относится лишь къ первой четверти нынѣшняго столѣтія, когда впервые стали появляться печатныя книги на болгарскомъ языкѣ. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что теперешній письменный болгарскій языкъ относится къ древне-болгарскому (церковно-славянскому), какъ письменный языкъ современныхъ грековъ къ древне-греческому. Первая книга на болгарскомъ языкѣ, неизвѣстно кѣмъ изданная въ 1806 году въ Пештѣ, носитъ заглавіе: «Молитвенный Кринъ». Правда, что гораздо раньше этого въ самой Болгаріи были люди, которые радѣли о книжномъ дѣлѣ и оставили

потомкамъ свои труды. Таковы, на примѣръ, «Исторія Славено-Болгарская» іеромонаха Паясія; «Жизнеописаніе Софронія, архіепископа Врачанскаго», написанное имъ самимъ, въ которомъ онъ описываетъ свои страданія, испытанныя имъ отъ тогдашняго терновскаго митрополита, грека Григорія. Изъ этого еще неизданнаго вполне сочиненія видно, что архіепископъ Софроній, проводя остатокъ своей жизни въ Валахіи, написалъ нѣсколько книгъ. Но такія и тому подобныя письменныя произведенія, важныя для исторіи болгарскаго возрожденія и замѣчательныя не только своимъ содержаніемъ, но и внутреннею силою языка, относятся уже къ памятникамъ ближайшей болгарской старины.

Только черезъ восемнадцать лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ первой болгарской книги, названной выше, появилась вторая болгарская книга. Это былъ «Букварь» доктора Петра Беровича, бывшего тогда окружнымъ инспекторомъ въ Малой Валахіи, составленный и напечатанный имъ въ 1824 году въ Брашовъ, въ Трансильваніи. Эта книга хотя и носитъ названіе букваря, но, по своему обширному и разнообразному содержанію, скорѣе могла бы быть названа книгою для полезнаго чтенія, тѣмъ болѣе, что она въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ приносила несомнѣнную и огромную пользу болгарскому юношеству, только-что начинавшему тогда учиться своему родному языку. Ровно черезъ годъ послѣ выхода книги Беровича, Анастасій Стояновичъ-Кипиловскій, родомъ изъ города Котла, перевелъ съ русскаго «Священное Пвѣтособраніе» и напечаталъ его въ Пештѣ. Въ томъ же 1825 году Василій Неновичъ издалъ въ Будинѣ «Священную Исторію Ветхаго и Новаго Завѣта», а Петръ Сапуновъ напечаталъ въ Букарестѣ свой переводъ «Новаго Завѣта». Были ли еще какія-нибудь болгарскія книги изданы до наступленія тридцатыхъ годовъ — намъ неизвѣстно; но съ наступленіемъ этого времени въ болгарской литературѣ обнаружилась особенная дѣятельность. Это время, по всей справедливости, можно назвать временемъ Юрія Венелина (1802 — 1839) не безызвѣстнаго въ русской литературѣ, который своими сочиненіями о болгаряхъ приобрѣлъ въ ихъ средѣ неувядаемую славу. Имя этого замѣчательнаго слависта такъ популярно въ Болгаріи, что врядъ ли въ наше время найдется сколько-нибудь развитой болгаринъ, которому были бы неизвѣстны какъ имя Юрія Венелина,

такъ и его сочиненія. Въ 1829 году Венелинъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, и вскорѣ послѣ того Россійская Академія отправила его въ Болгарію, гдѣ онъ скоро близко и основательно познакомился съ положеніемъ болгарскаго народа, изучилъ его языкъ, вошелъ въ близкія отношенія со многими изъ болгаръ, особенно въ Букарестѣ, которымъ онъ внушилъ любовь къ родному слову и воскресилъ въ нихъ воспоминанія о славной, давно прошедшей старинѣ. Его сочиненіе «Древніе и нынѣшніе Болгары» произвело сильное впечатлѣніе на болгарскихъ читателей, которые нашли въ его книгѣ то, что до того времени только смутно сознавали и въ чемъ нуждались, какъ въ насущномъ хлѣбѣ. Въ его книгѣ, какъ въ зеркалѣ, увидѣли болгары всю прошедшую историческую жизнь своего народа, всю его старинную славу и отнеслись съ горячимъ сочувствіемъ къ описаннымъ событіямъ. Его научный взглядъ относительно древнихъ болгаръ, основавшихъ первую династію среди славянъ Балканскаго полуострова, до того пришлося по сердцу современнымъ болгарамъ-славянамъ, что даже въ настоящее время, не смотря на то, что прошло уже слишкомъ тридцать лѣтъ, никто не смѣетъ сказать имъ, что теорія Венелина не выдерживаетъ строгой научной критики. Однимъ словомъ, Венелинъ своими сочиненіями, благотворное влияние которыхъ на болгаръ было громадно, создалъ цѣлую школу съ весьма многочисленными послѣдователями, и его научный взглядъ на исторію болгаръ еще долгое время будетъ имѣть среди ихъ перевѣсъ надъ всякою другою ученою теоріею. Проживавшіе въ это время въ Одессѣ, давно переселившіеся въ Россію болгарскіе уроженцы, негоціанты Василій Априловъ и Николай Палаузовъ, благодаря сочиненіямъ Венелина и его перепискѣ съ ними, совершенно переродились и всю свою дѣятельность обратили на пользу отечества, основавши на собственные средства въ Габровѣ, своемъ мѣсторожденіи, первое правильно-организованное училище, которое существуетъ и по настоящее время.

Съ этого времени болгарская письменность начинается мало-по-малу оживляться. До тридцатыхъ годовъ вся болгарская литература состояла изъ весьма ничтожнаго числа печатныхъ книгъ; но съ этого времени они перестаютъ быть рѣдкостью. Самымъ дѣятельнымъ труженикомъ ново-болгарской народной литературы является Неофитъ,

иеромонахъ Рылскаго монастыря. Онъ составилъ и издалъ въ 1835 году, въ Крагуевцѣ, тогдашней столицѣ Сербскаго княжества, «Краткую Болгарскую Грамматику». Затѣмъ, тамъ же и въ томъ же году, издалъ онъ «Таблицы Взаимнаго Обученія», «Краткую Священную Исторію» и «Священный Катихизисъ», а въ Бѣлградѣ— «Краткое изложеніе греческаго языка» и «Службу и житіе преподобнаго отца Іоанна Рылскаго». Помимо этого, Неофитъ долгое время трудился надъ составленіемъ «Греко-болгарскаго Словаря», а въ 1840 году издалъ въ Смирнѣ свой переводъ «Новаго Завѣта». Переводъ этотъ много лучше перевода Сапунова, но уступаетъ переводу знаменитаго епископа Врачанскаго Софронія. Затѣмъ, могутъ быть указаны еще слѣдующіе дѣятели: Константинъ Огняновичъ, переложившій въ болгарскіе стихи «Житіе св. Алексѣя Божія Человѣка» (Будинъ, 1833), Христофоръ Павловичъ Дупничанинъ, составившій и издавшій «Ариметику», «Мѣсяцесловъ», «Разговорникъ Греко-болгарскій», «Писменникъ Общепользень» (Бѣлградъ 1835) и «Болгарскую Грамматику» (Будинъ 1836), другой Неофитъ, архимандритъ Хиляндарскаго монастыря, что на Аеоиѣ, составившій небольшую школьную энциклопедію, подъ заглавіемъ: «Славено-Болгарско Дѣтководство» (Крагуевецъ, 1835), Гавриилъ Крестовичъ, переводчикъ «Мудрости Добраго Риварда» (Вудинъ, 1837) и І. Богоевъ, издавшій небольшой сборникъ народныхъ пѣсенъ.

Вмѣстѣ съ развитіемъ ново-болгарской литературы, имѣвшей преимущественно воспитательный характеръ, многіе изъ молодыхъ болгаръ почувствовали потребность въ болѣе широкомъ умственномъ развитіи и въ болѣе серьезномъ образованіи, въ слѣдствіе чего многіе изъ нихъ отправились въ западную Европу, чтобы поступить въ тамошнія университеты, но болѣе значительное число молодыхъ болгаръ, жаждавшихъ образованія, по извѣстнымъ причинамъ, предпочло Россію и ея среднія и высшія учебныя заведенія, какъ духовныя такъ и свѣтскія. Съ этого времени (1845—1871) число болгарскихъ книгъ съ каждымъ годомъ стало замѣтно увеличиваться, а содержаніе ихъ становится все болѣе и болѣе строгимъ въ научномъ отношеніи. Но, не смотря на то, что въ означенной періодъ между болгарями появился цѣлый рядъ литературныхъ дѣятелей, въ числѣ которыхъ были и есть писатели съ замѣчательными талантами и серьезнымъ обра-

зованіемъ, въ современной болгарской литературѣ все-таки преобладаютъ книги воспитательнаго содержанія, особенно учебники по разнымъ отраслямъ науки, потому-что этого требовало самое положеніе болгарскаго народа. Впрочемъ, стали появляться и самостоятельныя, оригинальныя произведенія, какъ поэтическія такъ и прозаическія. Приступая къ исчисленію трудовъ болгарскихъ писателей, дѣйствовавшихъ въ теченіе ближайшихъ къ намъ двадцати пяти лѣтъ, мы начнемъ съ литературныхъ трудовъ Найдена Герова, который окончилъ курсъ наукъ въ бывшемъ Ришельевскомъ Лицеѣ въ Одессѣ (нынѣ Новороссійскій Университетъ). Еще будучи студентомъ, Геровъ издалъ свою небольшую лирическую поэму «Стоянъ и Рада» (Одесса, 1845), которая теперь сдѣлалась библиографическою рѣдкостію. По окончаніи курса, Геровъ возвратился на свою родину, гдѣ и учительствовалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ городѣ Филипполѣ. Тамъ онъ составилъ, на основаніи разныхъ иностранныхъ и русскихъ сочиненій, весьма полезное для учащагося юношества руководство къ изученію физики, подъ заглавіемъ: «Извлеченія изъ Физики» (Бѣлградъ, 1849), а въ 1852 году издалъ брошюру, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько мыслей о болгарскомъ языкѣ и образованіи». Затѣмъ, онъ въ теченіи многихъ лѣтъ работалъ надъ составленіемъ болгарско-русскаго словаря, часть котораго — именно три первыя буквы — отпечатана была въ 1858 году въ Москвѣ, подъ заглавіемъ «Болгарскій Рѣчникъ».

Одну изъ самыхъ славныхъ страницъ исторіи ново-болгарской письменности составляетъ литературная дѣятельность Петра Славейкова. Этотъ талантливый писатель не получилъ основательнаго школьнаго образованія. Надѣленный отъ природы замѣчательными способностями, онъ, безъ всякой посторонней помощи, образовалъ и обогатилъ себя многосторонними познаніями и, такъ сказать, собственнымъ трудомъ приобрѣлъ все тѣ, что даетъ своимъ слушателямъ хорошая современная школа. Славейковъ совершенно справедливо считается лучшимъ изъ современныхъ болгарскихъ поэтовъ, и пиши онъ въ свободной землѣ — изъ-подъ его поэтическаго пера выходили бы замѣчательныя произведенія. Къ числу дѣятельнѣйшихъ тружениковъ и горячихъ патриотовъ, посвятившихъ всю свою жизнь на пользу отечества, принадлежитъ Георгій Раковскій, умершій въ 1868 году. Лучшее его произведеніе —

«Горскій Путникъ», поэма (Новый Садъ, 1857). Но самую существенную пользу Раковскій оказалъ болгарамъ изданіемъ и редактированіемъ газеты «Дунайскій Лебедь», которая имѣла громадное значеніе въ Болгаріи, не смотря на строгое преслѣдованіе ея со стороны турецкаго правительства. Въ послѣднее время, изъ кружка молодыхъ болгарскихъ писателей приобрѣли большую извѣстность М. Дриновъ и Любенъ Каравеловъ, воспитанники Московскаго университета. Первый изъ нихъ написалъ и напечаталъ двѣ весьма дѣльные и полезныя для болгаръ книги, изъ которыхъ одна носитъ заглавіе: «Взглядъ на происхожденіе болгарскаго народа и начало болгарской исторіи», а другая: «Историческое обзорніе болгарской церкви съ самаго ея начала и до настоящаго времени». Обѣ эти книги имѣли громадный успѣхъ въ Болгаріи. Каравеловъ, имя котораго не безызвѣстно и въ русской литературѣ, извѣстенъ какъ издатель весьма полезной книги, подъ заглавіемъ: «Памятники народнаго быта болгаръ», въ составъ которой вошли болгарскія народныя пословицы и народный дневникъ, съ указаніемъ праздниковъ, обрядовъ, легендъ и повѣрій на каждый день въ году, и, въ особенности, какъ редакторъ издающейся въ Бухарестѣ либеральной газеты «Свобода», ввозъ которой въ Турцію запрещенъ подъ страхомъ строгаго наказанія. Изъ молодыхъ болгарскихъ поэтовъ отличаются несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ двое — Чинтуловъ и В. Поповичъ. Къ сожалѣнію, произведенія обоихъ этихъ поэтовъ встрѣчаются весьма рѣдко въ печати, особенно Чинтулова, прекрасныя поэтическія пѣсни котораго ходятъ въ Болгаріи по рукамъ во множествѣ списковъ.

Мы могли бы привести еще нѣсколько десятковъ именъ болгарскихъ писателей, постоянно имѣлю которыхъ было и есть постепенное развитіе своего народа, но значительное большинство ихъ, чтобы не сказать: исключительно всѣ, трудятся и трудятся надъ составленіемъ всевозможныхъ элементарныхъ учебниковъ, начиная съ букваря и оканчивая переводомъ «Опытной Физики» Гано. Въ современной болгарской письменности преобладаетъ нравственно-воспитательный элементъ, и эта педагогическая литература въ настоящее время насчитываетъ около трехъ сотъ руководствъ различныхъ названій, по части отечественнаго языка, исторіи, математики, географіи, закона Божія, иностранныхъ языковъ и проч.

При этомъ нельзя не замѣтить, что при составленіи учебниковъ берутся преимущественно русскія руководства, которыя или передѣлываются, или переводятся цѣликомъ. Какъ составители и переводчики руководствъ заслуживаютъ быть упомянутыми: Пареевій Зографскій, бывшій архимандритъ, а нынѣ архіепископъ, І. Груевъ, Д. Манчевъ, Д. Войниковъ, И. Момчиловъ, С. Радоловъ, Н. Михайловскій, И. Богоровъ, А. Робовскій и Д. Мутьевъ. Не смотря на то, что почти всѣ наличныя силы болгарской литературы были посвящены педагогической дѣятельности, изъ среды болгарской пишущей братіи, начиная съ сороковыхъ годовъ, стали выдѣляться и переводчики по части беллетристики, причѣмъ не обошлось безъ переводовъ съ русскаго. Около того же времени были сдѣланы попытки создать оригинальную болгарскую беллетристику: было написано нѣсколько повѣстей и рассказовъ, изъ которыхъ можно указать на повѣсти: Р. Блескова «Пропавшая Станко», І. Груева «Сирота Цвѣтана» и, въ особенности, на слѣдующіе рассказы Л. Каравелова: «Бабушка Неда», «Дончо» и «Хаджи Начо». Вообще, Каравеловъ владѣетъ прекрасно перомъ и обладаетъ способностью привлекательно и вѣрно изображать народный бытъ болгаръ. Нѣкоторые изъ его повѣстей и рассказовъ переведены на сербскій языкъ. Наконецъ, въ послѣднее время сдѣлана была попытка къ созданію болгарскаго театра, рожденію котораго предшествовало появленіе въ печати нѣсколькихъ драматическихъ произведеній, для которыхъ сюжетъ былъ заимствованъ изъ болгарской исторіи. Изъ нихъ заслуживаютъ упоминенья слѣдующія три драмы Д. Войникова, который написалъ ихъ для упомянутой цѣли: «Княжна Райна», «Крещеніе Преславскаго Двора» и «Велислава, Болгарская Княгиня». Всѣ эти драматическія произведенія давались на частномъ театрѣ въ Бранловѣ и роли исполнялись исключительно молодыми болгарами и болгарками, а сборъ былъ предоставленъ въ пользу болгарскаго училища.

Теперь перейдемъ къ болгарскимъ журналамъ и газетамъ, съ исключительно литературнымъ и учоннымъ содержаніемъ. Болгарская періодическая печать раздѣляется на двѣ группы. Къ первой относятся газеты, издающіяся въ Константинополѣ, подъ гнѣтомъ турецкихъ законовъ о печати, которые не позволяютъ редакціямъ имѣть свое сужденіе о положеніи дѣлъ въ турецкомъ государствѣ, и въ тоже время требуютъ, чтобы

журналистика съ одной стороны представляла положеніе этого государства въ самомъ лучшемъ видѣ, а съ другой — поносила бы Россію и русскій народъ, рисуя его самыми черными красками. Къ второй группѣ относятся болгарскія газеты, выходящія въ Придунайскихъ Соединенныхъ Княжествахъ, гдѣ пишущіе болгары имѣютъ возможность писать свободно и наруживать всѣ злоупотребленія какъ турецкихъ властей, такъ и турецкаго народа. Но эти газеты недоступны для болгаръ, населяющихъ Европейскую Турцію, вслѣдствіе чего мало достигаютъ своей цѣли и имѣютъ весьма ограниченное число читателей. Вообще, болгарская журналистика отличается своею неживучестью. Если бы всѣ газеты, издававшіяся въ теченіе ближайшаго къ намъ двадцатилѣтія, существовали до-сихъ-поръ, то теперь болгары имѣли бы около двадцати газетъ и журналовъ — цифра весьма почтенная для пятимилліоннаго народа, который сталъ просищаться отъ слишкомъ четырехъ вѣкового сна всего только со второй четверти текущаго столѣтія. Къ сожалѣнію, ни одна болгарская газета, за исключеніемъ «Цареградскаго Вѣстника», не прожила болѣе двухъ лѣтъ, и всѣ они погибли единственно отъ недостатка въ подписчикахъ. Такова въ немногихъ словахъ внѣшняя исторія болгарской періодической печати за послѣднее двадцатилѣтіе. Приступаемъ къ исчисленію болгарскихъ газетъ и журналовъ.

Спустя два мѣсяца по выходѣ въ свѣтъ альманаха «Забавникъ», изданнаго въ 1845 году К. Огняновымъ въ Парижѣ, въ Смирнѣ вышелъ первый номеръ перваго болгарскаго журнала «Любословіе», подъ редакцію К. Фофинова, котораго можно назвать основателемъ болгарской журналистики. Два или три года спустя, въ Вѣнѣ сталъ выходить другой журналъ, подъ заглавіемъ «Мирозрѣніе», подъ редакцію И. Добровича. Но этотъ журналъ существовалъ не долго. Въ 1849 году въ Константинополѣ появилась первая болгарская политическая и литературная газета «Цареградскій Вѣстникъ», редакторомъ-издателемъ которой былъ Алексій Езархъ. Эта газета просуществовала тринадцать лѣтъ и принесла существенную пользу болгарскому народу, сумѣвъ внушить своимъ читателямъ любовь къ чтенію и убѣдить въ его пользѣ. Но особенную пользу принесла эта газета своими статьями противъ западной католической пропаганды, изобличая всѣ ея пагубныя для болгаръ дѣйствія

и интриги, горячо увѣщевая народъ свято блюсти вѣру праотцевъ. Противъ нея, въ 1860 году, выступила газета «Болгарія», основанная на деньги католической пропаганды, подъ редакцію Д. Цанкова, приверженца уни. Во все время существованія этой газеты «Цареградскій Вѣстникъ» не переставалъ съ замѣчательною энергіею ратовать противъ нея, объясняя болгарскимъ читателямъ, что газета «Болгарія» есть органъ католической пропаганды, и потому ее слѣдуетъ всячески остерегаться и не довѣрять ея проповѣдямъ. Впрочемъ, «Болгарія» не нашла между болгарами ни малѣйшаго сочувствія и принуждена была прекратить свое жалкое существованіе. Еще до появленія названной газеты, именно въ 1857 году, образовалось въ Константинополѣ, изъ живущихъ тамъ болгаръ, Общество Болгарской Письменности, избравшее цѣлью своей дѣятельности — снабженіе церквей и училищъ необходимыми книгами по дешевой цѣнѣ и собраніе памятниковъ народнаго языка. Затѣмъ, въ началѣ 1858 года, Общество стало издавать журналъ, подъ названіемъ «Болгарскія Книжницы», который выходилъ по два раза въ мѣсяцъ. Первымъ редакторомъ этого журнала былъ Д. Мутьевъ, котораго въ концѣ года замѣнилъ И. Богоровъ; въ началѣ же 1859 года журналъ окончательно перешолъ подъ редакцію Т. Стоянова-Бурмова, воспитанника Кіевской Духовной Академіи. Въ этомъ полезномъ изданіи, съ весьма разнообразнымъ содержаніемъ, помѣщались очень дѣльныя статьи, какъ переводныя, такъ и оригинальныя.

Въ 1862 году журналъ «Болгарскія Книжницы», истощивъ всѣ свои средства, долженъ былъ прекратить свое существованіе. Тѣмъ не менѣе болгарскія газеты не переставали возникать. Въ 1860 году болгарскіе студенты Московскаго университета предприняли на собственныя средства изданіе небольшого журнала чисто литературнаго содержанія, подъ названіемъ «Братскій Трудъ». Въ этомъ изданіи помѣщались литературныя опыты тогдашнихъ болгарскихъ студентовъ Московскаго университета: В. Поповича, Г. Теохарова, К. Миладинова, Л. Каравелова, К. Жинзифова и другихъ. Затѣмъ, извѣстный болгарскій патріотъ Раковскій основалъ въ Бѣлградѣ газету, подъ названіемъ «Дунайскій Лебедь», которая печаталась на двухъ языкахъ: болгарскомъ и французскомъ. Эта газета принесла огромную пользу болгарамъ, такъ-какъ талантливый редакторъ ея своимъ не-

куснымъ перомъ много способствовалъ успѣху борьбы противъ попытокъ западной католической пропаганды водворить въ Болгаріи унию. Помимо этого, покойный редакторъ названной газеты энергически ратовалъ противъ интригъ польскихъ эмигрантовъ, дѣянія которыхъ онъ изложилъ довольно подробно въ нѣсколькихъ статьяхъ. Но бомбардированіе Бѣлграда турками отвлекло вниманіе Раковскаго отъ литературы: занявшись формированіемъ болгарскаго легіона, онъ скоро нашолся вынужденнымъ прекратить свою газету, которая болѣе не возобновлялась. Въ 1863 году нѣсколько лицъ изъ болгарскихъ купцовъ въ Браиловѣ, въ Валахиі, образовали общество съ цѣлью издавать газету на акціяхъ. И дѣйствительно въ концѣ мая того же года въ Браиловѣ стала выходить новая газета, политическая, литературная и коммерческая, подъ названіемъ «Болгарская Пчела», въ редакторы которой былъ избранъ С. Попеско. Газета, послѣ двухлѣтняго существованія, прекратилась, за неимѣніемъ достаточнаго числа подписчиковъ. Почти одновременно съ «Пчелою», по прекращеніи журнала «Болгарскія Книжницы», появилась въ Константинополѣ другая политическая и литературная газета, подъ названіемъ «Совѣтникъ». Изданіе было предпринято нѣсколькими зажиточными болгарскими негоціантами, безъ означенія фамилии редактора. Газета эта, кромѣ политики, занималась главнымъ образомъ разработкою греко-болгарскаго церковнаго вопроса и полемикою съ греческою журналистикою по поводу онаго. И эта газета тоже не прожила болѣе двухъ лѣтъ; ее замѣнило, въ 1865 году, «Время», редакторомъ-издателемъ котораго былъ Т. Стояновъ-Бурмовъ, человекъ даровитый и серьезно-образованный. Это періодическое изданіе особенно замѣчательно тѣмъ, что редакторъ его умѣлъ весьма искусно проводить въ кружокъ своихъ читателей мысли весьма полезныя для болгаръ, но которыя — будь высказаны въ иномъ видѣ — едва ли бы прошли невредимыми чрезъ чистилище турецкой цензуры. Но главная заслуга редактора заключалась въ умѣнии вести разумную полемику съ греческими газетами по поводу болгарскаго церковнаго вопроса и въ успѣшной борьбѣ противъ западныхъ религиозныхъ пропагандъ. Газета «Турція», предпринятая молодымъ турецкимъ чиновникомъ Н. Геновичемъ, не задолго до появленія въ свѣтъ «Времени», какъ получающая субсидію отъ правительства, продолжаетъ издаваться и въ настоящее

время. «Турція» есть органъ, хотя и не официальный, турецкаго правительства, и ея задача — курить ошмѣямъ ему и турецкимъ сановникамъ, да еще распространять между болгарами разныя негѣности и небылицы о Россіи. Но, не смотря на это, «Турція» не имѣла и не имѣетъ вліянія на своихъ читателей. Къ этому времени относится появленіе въ Константинополѣ крошечнаго журнала «Зарница», издающагося до-сихъ-поръ Американскимъ Обществомъ. Она выходитъ разъ въ мѣсяцъ и помѣщаетъ на своихъ страницахъ только статьи нравственно-религіознаго содержанія.

Въ 1863 году выступилъ на поприще болгарской журналистики извѣстный всему болгарскому читающему міру поэтъ П. Славейковъ. Свою полезную журнальную дѣятельность началъ онъ изданіемъ сатирическаго журнала «Волинка»; но видно сатира плохо дѣйствовала на болгаръ, такъ какъ Славейковъ, послѣ трехлѣтнихъ трудовъ надъ своей «Волинкой», нашолъ болѣе полезнымъ и цѣлесообразнымъ предпринять другое періодическое изданіе, политическаго и литературнаго содержанія. И дѣйствительно Славейковъ, съ 1866 года, сталъ издавать въ Константинополѣ новую газету, подъ названіемъ «Македонія», поставившую своею задачею — содѣйствовать пробужденію македонскихъ болгаръ, всего болѣе пострадавшихъ отъ вліянія грецизма. По этому въ «Македоніи» весьма часто, рядомъ съ статьями на болгарскомъ языкѣ, встрѣчаются статьи на греческомъ и даже на македонскомъ нарѣчій, написанныя греческими буквами. Польза, приносимая упомянутой газетою, на ряду съ другими болгарскими періодическими изданіями, болгарскому народу — несомнѣнна и громаднa, и не смотря на всю строгость турецкаго правительства, на многократныя запрещенія на три и четыре мѣсяца, «Македонія» все продолжаетъ выходить. Наконецъ, въ 1867 году стала издаваться въ Константинополѣ еще одна — также очень полезная — газета «Право», подъ редакцію И. Найденова, старшаго учителя въ константинопольскомъ болгарскомъ училищѣ. Съ другой стороны болгарская періодическая печать стала еще болѣе обогащаться изданіями, выходящими внѣ предѣловъ Турціи, именно въ Придунайскихъ Соединенныхъ Княжествахъ, гдѣ болгарскіе писатели могутъ излагать свои мысли совершенно свободно. Въ 1864 году, сперва въ Браиловѣ, а потомъ въ Болградѣ, сталъ выходить разъ въ мѣсяцъ небольшой журналъ «Ду-

ховныя Книжки», подъ редакцію Р. Блескова, содержаніе котораго было чисто духовное. Онъ прекратился на второмъ году своего существованія, все по той же причинѣ, то-есть за неимѣніемъ средствъ. Затѣмъ, въ Букарестѣ, въ октябрѣ 1867 года, возникла политическая и литературная газета «Народность», редакторами которой были сперва И. Богоровъ, потомъ И. Грудовъ и наконецъ І. Касабовъ, при которомъ газета прекратилась, просуществовавъ не болѣе двухъ лѣтъ. Ее съ 1-го августа 1869 года замѣнила газета «Отечество», издающаяся въ Букарестѣ же на двухъ языкахъ: болгарскомъ и румынскомъ. Она поддерживается нѣкоторыми изъ болгарскихъ купцовъ и есть органъ такъ-называемой *старой* партіи, враждебной партіи молодыхъ болгаръ, которая въ свою очередь въ концѣ того же года основала свою газету, подъ названіемъ «Свобода», редакторомъ которой состоитъ извѣстный отчасти и русской публикѣ Л. Каравеловъ. Направленіе ея антитурецкое въ полномъ смыслѣ слова, а цѣль — доказать болгарамъ, что они должны всѣ свои надежды возложить на самихъ себя и не ждать ничего хорошаго отъ турецкаго правительства. Къ сожалѣнію, ввозъ этой замѣчательной газеты въ Россію, по причинамъ о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто, съ мая мѣсяца 1870 года воспрещенъ, не смотря на то, что она весьма благопріятствуетъ русскимъ. Кроме того, въ Браиловѣ, въ 1868 году, выходили еще двѣ газеты: «Дунайская Заря», редакторомъ которой былъ мѣстный болгарскій учитель Д. Войниковъ и «Путникъ», подъ редакцію Б. Запрянова. Обѣ эти газеты прекратились въ августѣ прошлаго года. Но главное украшеніе болгарской періодической печати составляютъ два недавно появившихся журнала: «Періодическое Сочиненіе» и «Читалище», изъ которыхъ первое выходитъ въ Браиловѣ, а второе въ Константинополѣ. Возникновенію перваго журнала предшествовало основаніе въ Браиловѣ болгарскаго литературнаго общества, цѣль котораго служить дѣлу нравственнаго развитія и преуси́янія болгарскаго народа. Годы три тому назадъ нѣкоторые изъ болѣе зажиточныхъ болгаръ, живущихъ въ Одессѣ, Кишиневѣ, Болградѣ, Букарестѣ, Браиловѣ, Вѣнѣ и Галацѣ, пожертвовали весьма почтенную сумму, слишкомъ

200,000 франковъ, для основанія Болгарскаго Литературнаго Общества. Изъ этой суммы одесскіе болгары, въ числѣ сорока двухъ человѣкъ, пожертвовали около 20,000 руб., изъ которыхъ 18,811 единовременно, а 805 руб. будутъ вносимы ежегодно во все время существованія общества; кишиневскіе болгары, въ числѣ шестнадцати человѣкъ, пожертвовали 1,725 руб., браиловскими болгарами и болгарскими пожертвовано около 25,000 руб.; остальная же сумма собрана между болгарами, живущими въ Букарестѣ, Болградѣ, Вѣнѣ и Галацѣ, такъ-что основной капиталъ общества состоитъ изъ 60,000 руб. Затѣмъ, 26-го сентября 1869 года состоялся въ Браиловѣ съѣздъ представителей общинъ отъ каждаго изъ поименованныхъ выше городовъ, причѣмъ былъ составленъ и одобренъ уставъ общества и избраны предсѣдатель (Н. Цѣновъ) и члены, для завѣдыванія административною частію общества и разрѣшенъ вопросъ объ изданіи журнала, подъ заглавіемъ: «Періодическое Сочиненіе», первая книжка котораго вышла въ сентябрѣ 1870 года. Съ 1-го октября 1870 года, какъ упомянуто выше, сталъ выходить въ Константинополѣ новый журналъ, занявшій мѣсто прекратившихся «Болгарскихъ Книжицъ», подъ названіемъ «Читалище», редакторъ М. Балабановъ. Журналъ этотъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Наконецъ, съ октября 1870 года, въ Браиловѣ сталъ издаваться еще журналъ, подъ названіемъ: «Мірозрѣніе или Болгарскій Инвалидъ», подъ редакцію И. Добровскаго, а въ Букарестѣ Р. Блесковъ предпринялъ изданіе новой газеты, литературнаго содержанія, подъ заглавіемъ «Училище», которая выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Къ числу болгарскихъ журналовъ можно отнести еще одно весьма полезное для болгаръ изданіе, а именно «Лѣтоструй или домашній календарь», издаваемый ежегодно Хр. Дановымъ, первымъ и единственнымъ болгарскимъ книгопродавцемъ, который своею неутомимою дѣятельностію по части изданія иностранныхъ учебниковъ и другихъ полезныхъ книгъ оказалъ весьма важную услугу своему народу. «Лѣтоструй» сталъ выходить съ 1869 года.

К. Жинзифовъ.

БОЛГАРСКІЕ ПОЭТЫ.

Г. РАКОВСКИЙ.

Георгій Раковскій, сынъ зажиточнаго болгарскаго крестьянина и болгарскій поэтъ, родился въ началѣ текущаго столѣтія въ Котелѣ, въ Снеженскомъ округѣ, въ Болгаріи. Первоначальное и притомъ весьма скудное образованіе получилъ онъ въ своемъ отечествѣ, разумѣется на греческомъ языкѣ, такъ-какъ въ то время на всемъ Балканскомъ полуостровѣ господствовалъ одинъ этотъ языкъ, а болгарскій преподавался только въ нѣсколькихъ монастыряхъ, лежавшихъ подалеже отъ городовъ. Намъ ничего не извѣстно о его первой молодости и дальнѣйшемъ его образованіи до пятидесятихъ годовъ, когда имя Раковскаго стало дѣлаться извѣстнымъ въ Болгаріи. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что Раковскій окончилъ свое образованіе и приобрѣлъ необходимыя практическія свѣдѣнія въ Россіи, но въ какихъ годахъ и въ какомъ учебномъ заведеніи — это пока трудно сказать. Раковскій былъ всегда однимъ изъ ревностнѣйшихъ болгарскихъ патриотовъ, искренно любившихъ свое отечество, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей, способствовавшихъ умственному и нравственному развитію болгарскаго народа. Это былъ человекъ прочнаго образованія: онъ зналъ основательно языки древне-греческій, арабскій, древне-славянскій, сербскій и другія славянскія нарѣчія, отлично владѣлъ языками русскимъ, турецкимъ и ново-греческимъ, говорилъ и писалъ по-французски и даже былъ знакомъ съ санскритскимъ языкомъ. Имя его было хорошо извѣстно не только между болгарами, но и среди сербовъ и хорватовъ. Во время восточной войны онъ из-

давалъ въ Новомъ-Садѣ «Болгарскую Денницу» которая вскорѣ была запрещена австрійскимъ правительствомъ, которому не понравилось направленіе этой газеты. Въ 1856 году онъ издалъ въ томъ же Новомъ-Садѣ небольшую брошюру, подъ заглавіемъ: «Предвѣстникъ къ Горскому Путнику», въ которой изложилъ свои мысли о событіяхъ въ Болгаріи съ 1853 по 1856 годъ, а въ приложеніи помѣстилъ нѣсколько своихъ стихотвореній, въ патриотическомъ духѣ, и переводную статью, съ нѣмецкаго: «О просвѣщеніи въ Турціи» съ каррикатурами. Въ слѣдующемъ году явилась въ свѣтъ его патриотическая поэма «Горскій Путникъ», имѣвшая огромный успѣхъ въ Болгаріи. Затѣмъ, онъ сталъ издавать новую политическую газету: «Дунайскій Лебедь», но и она не долго существовала. Въ 1858 году Раковскій отправился въ Одессу, гдѣ получилъ мѣсто наставника молодыхъ болгаръ, воспитывавшихся въ тамошней духовной семинаріи, и въ слѣдующемъ же году издалъ свою чрезвычайно-полезную книгу: «Показалець или руководство для изслѣдованія народнаго быта, языка и проч. Болгаръ», въ которой, кромѣ программы изслѣдованія народнаго быта, языка, обычаевъ и проч., находится и выполненіе этой этнографической задачи: географическія и статистическія свѣдѣнія о народѣ, его занятіяхъ, земледѣліи и промышленности, нравахъ и обычаяхъ, преданіяхъ и народной поэзіи. Затѣмъ, Раковскій оставилъ Одессу и поселился въ Сербіи, въ Бѣлградѣ, гдѣ во второй разъ принялся за изданіе «Дунайскаго Лебеда», единственной болгарской газеты, въ которой помѣщались весьма замѣчательныя статьи по разнымъ вопросамъ, занимавшимъ въ

то время всѣхъ мыслившихъ болгаръ и очень дѣльно обсуждался церковный вопросъ; но газета эта, къ крайнему сожалѣнію болгаръ, просуществовала всего годъ. Въ 1860 году Раковскій напечаталъ въ Бѣлградѣ историческое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ объ Асѣнѣ Первомъ, великомъ царѣ болгарскомъ и его сынѣ Асѣнѣ Второмъ». Авторъ начинаетъ съ того, что бросаетъ бѣглий критическій взглядъ на византійскихъ историковъ и обличаетъ ихъ въ пристрастіи и невѣрности. Затѣмъ, излагаетъ исторію царствованія двухъ болгарскихъ царей на основаніи болгарскихъ памятниковъ, какъ изданныхъ, такъ и рукописныхъ и ихъ дѣятельность во время крестовыхъ походовъ, причемъ доказываетъ сбивчивость и невѣрность всего написаннаго о нихъ въ среднія вѣка. Во время послѣдняго бомбардированія сербской столицы турками, Раковскій былъ въ главѣ болгарскаго отряда, явившагося на защиту Бѣлграда. Затѣмъ, онъ уѣхалъ въ Букарестъ, гдѣ вскорѣ и окончилъ свою трудовую и многострадальную жизнь. Онъ умеръ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1868 года — и тамошніе болгары похоронили его съ подобающею честью.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ГОРНЫЙ ПУТНИКЪ».

Надъ моремъ стоитъ воевода,
Болгарскій воитель стоитъ,
И, крѣпкую думая думу,
Печально на Сѣверъ глядитъ.

Встаютъ передъ нимъ, какъ видѣнья,
Прошедшіе, славные дни:
Онъ мыслить о горномъ возстаньи,
Что манить его искони.

«Ой, любо съ болгарской дружиной
Скитаться въ нагорныхъ лѣсахъ
И въ битвѣ встрѣчать супостатовъ,
Съ булатною саблей въ рукахъ!

«На каждомъ широкое платье —
Старинный, народный уборъ,
У каждого блещетъ оружье,
И всѣ — молодцы на подборъ.

«Въ рукахъ боевая винтовка,
На поясѣ пуговицъ рядъ,
За поясомъ ножъ, пистолеты,
Какъ ясное солнце, горять.

«Иду я въ главѣ ополченья,
За мной знаменосецъ сѣдой:
Подъ злато-зеленой хоругвью
Проходимъ Балканы грозой.

«Гдѣ бѣется болгаринъ съ невѣрнымъ
Въ прохладныхъ нагорныхъ лѣсахъ,
Тамъ змблется знамя свободы,
Тамъ дѣни ложатся во прахъ.

«О, соколъ, могучая птица!
Живешь ты въ гранитныхъ стѣнахъ
Съ подрутой, съ своими птенцами,
Въ сосѣдствѣ съ орлами въ горахъ.

«Туда помоги мнѣ, о Боже,
Пробраться съ дружиной моею,
Чтобъ съ братьями тамъ мнѣ сойтися
Подъ сѣнью нависшихъ вѣтвей!

«Чего они ждутъ такъ упорно?
Чего они крѣпко такъ спятъ?
Кто ихъ бѣдняковъ пожалѣветъ,
Когда они сами молчатъ?»

«Туда! — не теряйте минуты!
Отцизна насъ кличетъ, зоветъ!
Удѣлъ нашъ — лѣса и стремнины:
Тамъ наша свобода живетъ.

«Возстанетъ могучее племя,
Рука упадетъ на курокъ —
И снова воскресную славу
Украситъ побѣдннй вѣнокъ...»

Н. Гервиль.

II. СЛАВЕЙКОВЪ.

Петръ Славейковъ, первый изъ современныхъ болгарскихъ поэтовъ, родился въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія въ большомъ селѣ Эленѣ, недалеко отъ города Тернова, въ небогатой крестьянской семьѣ. Въ то время надъ всею Болгаріею стоялъ густой туманъ невѣжества, и молодой Славейковъ, при всей своей любознательности, могъ только выучиться читать церковно-славянскія книги и писать на разговорномъ народномъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе молодой поэтъ, благодаря талантности своей природы, въ короткое время

и безъ всякой посторонней помощи, достигъ извѣстной степени умственнаго развитія и приобрѣлъ необходимыя свѣдѣнія. Всю свою молодость и возмужалость Славейковъ посвятилъ учительствованію въ разныхъ городахъ Болгаріи. Обладавъ замѣчательнымъ поэтическимъ талантомъ, Славейковъ написалъ цѣлый рядъ прелестныхъ пѣсней, преимущественно любовнаго содержанія, которыя вскорѣ сдѣлались народными. Собраніе его стихотвореній издано было въ Букарестѣ въ 1852 году, подъ заглавіемъ: «Смѣшанный Букетъ». Въ этомъ же году и въ томъ же городѣ напечатанъ былъ его «Басненникъ», то-есть сборникъ басней. Спустя три года, Славейковъ составилъ и издалъ «Сокращенную Турецкую Исторію», книгу не отличающуюся особеннымъ достоинствомъ. Но его болѣе обширная дѣятельность на поприщѣ болгарской письменности началась съ 1857 года, когда онъ переселился въ Константинополь, въ качествѣ народнаго представителя отъ терновской епархіи по греко-болгарскому церковному вопросу. Въ слѣдующемъ году появились въ Константинополѣ его «Разсказы изъ Исторіи»; но гораздо большее впечатлѣніе произвели его «Смѣшныя (сатирическіе) Календари» на 1857 и 1861 года, въ которыхъ авторъ искусно рисуетъ разныя смѣшныя стороны болгарскихъ общинъ. Эти календари съ жадностью читались по болгарскимъ городамъ и селеніямъ, и въ настоящее время едва ли найдется грамотный болгаринъ, которому не были бы извѣстны «Сатирическіе Календари» Славейкова. Но чѣмъ онъ истинно заслужилъ благодарность своихъ согражданъ, то это — своею неутомимою дѣятельностію на поприщѣ журналистики, которая сопровождается въ Турціи разнообразными и тягостными условіями, для продолженія которыхъ нуженъ твердый характеръ и сила воли. Въ 1863 году Славейковъ основалъ въ Константинополѣ сатирическую газету, подъ названіемъ «Волынка», которая издавалась въ теченіи двухъ лѣтъ и въ которой талантливый редакторъ своимъ меткимъ перомъ безпощадно каралъ всѣ смѣшныя стороны болгарскаго общества и обнаруживалъ всѣ его недостатки. Но двухлѣтній опытъ убѣдилъ наконецъ Славейкова, что далеко не всѣ болгары по степени своего развитія могутъ понимать значеніе сатиры — и изданіе должно было прекратиться за недостаткомъ подписчиковъ. Въ концѣ 1866 года Славейковъ основалъ новую газету, политическую и литературную, подъ

заглавіемъ «Македонія». Уже одно названіе газеты показываетъ, что редакторъ предпринялъ это изданіе съ задушевною мыслию содѣйствовать всѣми отъ него зависящими средствами развитію патріотизма и національности у болгаръ, населяющихъ Македонію — и цѣль эта была до извѣстной степени достигнута. Въ названной газетѣ находится множество прекрасныхъ и дѣльныхъ статей по различнымъ вопросамъ, касательно положенія болгарскаго народа въ Турціи. Въ ней иногда печатались статьи не только на болгарскомъ языкѣ, но и въ греческомъ переводѣ. Это дѣлалось отчасти для редакторовъ греческихъ газетъ, а отчасти и для тѣхъ македонскихъ болгаръ-стариковъ, которые не умѣютъ читать по-славянски. Въ теченіе четырехлѣтняго своего существованія, газета «Македонія» нѣсколько разъ подвергалась административной карѣ со стороны турецкаго правительства. Последняя изъ этихъ каръ разразилась надъ нею 19-го октября 1870 года, въ видѣ запрещенія газеты на три мѣсяца, за статью, въ которой, по словамъ турецкаго министра, редакторъ яко бы приглашалъ болгаръ возстать противъ существующихъ турецкихъ порядковъ.

I.

НЕ ПОЕТСЯ МНѢ.

Не поѣтся мнѣ! такъ смутно что-то!
И какая пѣть теперь охота!
О лѣтахъ минувшихъ пѣть начну ли:
Кто услышитъ, коли всѣ заснули?
Стану славить доблести былого:
Имъ отзѣву пѣту никакого!
Я запѣлъ бы, братья, я бы грянулъ
Вамъ на лирѣ, кабы край воспрянулъ;
Да не встать ему: онъ тѣло дремлетъ
И давно пѣвцамъ своимъ не внемлетъ;
Заюешь, а родичи нерады...
Нѣтъ пѣвцу отрады и награды!

Бью по струнамъ лиры — трудъ напрасный:
Мнѣ не вызвать пѣсни сладкогласной!
И къ чему возвышенные тоны,
Коль нужнѣ горькій плачъ и стоны,
Дребезжанье, визгъ разбитой лиры...
Нѣтъ героевъ! бѣдны мы и сиры;
Все, что въ край доблестнаго было,
Улеглося, вѣчнымъ сномъ почило;

Что́ живеть, то — жалко, равнодушно
 Къ прошлой славѣ и яру послушно,
 О свободѣ не скорбять, не поеть —
 И ей-богу пѣть объ нихъ не стоить!

Пѣсню той я края не утѣшу...
 Лучше лиру смольшую повѣшу
 Между горь, среди лѣсовъ дремучихъ,
 На сучкахъ увядшихъ и колючихъ:
 Пусть объ ней Болгарія не слышитъ,
 Пусть лишь вѣтеръ тамъ ее колышетъ —
 До иныхъ, до новыхъ поколѣній,
 Для другихъ, для лучшихъ вдохновеній!

Н. Бергъ.

II.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТЮРЬМЫ.

Пусть теперь услышитъ
 Мать моя родная,
 Что сижу тутъ, горькій,
 Плача и стеная.

Знаетъ Богъ, какъ въ узахъ
 Здѣсь я очутился
 И какой виною
 Туркамъ провинился.

Не измѣнникъ лютый
 Я родному краю:
 За одну лишь правду
 Здѣсь я умираю!

Не съ мечомъ, не кривдой —
 Будь тебѣ извѣстно —
 Шоль я къ этой правдѣ
 Доблестно и честно.

Нѣтъ слѣдовъ кровавыхъ
 На моей десницѣ...
 Выду ли я на свѣтъ,
 Иль сгнию въ темницѣ —

Только ты, родная,
 Не печалься пуще:
 Бодрствуетъ надъ нами
 Въ небѣ Всемогущій!

Н. Бергъ.

III.

НАЙДЕНЪ-ГЕРОВУ.

Милый другъ, юнакъ мой вѣщій,
 Скорбный, горестный поэтъ!
 Я услышалъ здѣсь твой голосъ —
 Другъ мой, вотъ тебѣ отвѣтъ:

Съ-той-пору, какъ мы разстались,
 Вѣренъ ты своей мечтѣ:
 Ты гремишь на страстной лирѣ
 Гимны дѣвѣ-красотѣ.

И она, твоя подруга,
 И она не измѣнитъ:
 Будетъ вѣрною, покуда
 Солнце свѣтитъ, миръ стоитъ.

Милый другъ, юнакъ мой вѣщій!
 Посмотри ты, посмотри,
 Какъ глядитъ она въ окошко
 Отъ зари и до зари.

Ждетъ тебя и поджидаетъ,
 Отойди не хочетъ прочь;
 О тебѣ она горюетъ,
 Плачетъ день она и ночь.

Бьется чистою любовью
 Сердце пламенное въ ней;
 Ты одинъ у ней на свѣтѣ,
 Нѣтъ другихъ у ней друзей.

А повѣтъ, дунетъ вѣтеръ:
 Онъ на легкихъ на крылахъ
 Ей несетъ воспоминанья
 О былыхъ, о лучшихъ дняхъ.

Такъ! вѣрна твоя подруга,
 Вѣкъ тебѣ не измѣнитъ...
 Слышишь, другъ, юнакъ мой вѣщій,
 Слышишь, что она твердитъ:

«Мой возлюбленный — волшебникъ:
 Зачарована я имъ!
 Мнѣ и свѣту не увидѣтъ,
 Коль спознаюсь я съ другимъ!»

Н. Бергъ.

IV.

П Ъ С Н Я.

Незабвенная! донниѣ
 Помню я печальный гласъ;
 Помню я: передъ разлукой
 Живо рѣчь текла у насъ.

Слѣзы горькія бѣжали,
 Воздымалась тяжко грудь;
 Думалъ я: хотя немного
 Погоди пускаться въ путь!

Ты лицо свое закрыла —
 И румянецъ вспыхнулъ въ немъ:
 О, какъ ты была прелестна,
 Вся пылавшая огнемъ!

Помню я твое смятенье...
 Этогъ трепеть... дѣтскій стыдъ...
 Поцалуй твой — онъ донниѣ
 На устахъ моихъ горить!

Н. Бвргъ.

Л. КАРАВЕЛОВЪ.

Любенъ Каравеловъ родился въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія отъ зажиточныхъ родителей-поселянъ, занимавшихся овцеводствомъ въ Копривштицѣ, небольшомъ селеніи, лежащемъ у подошвы горы, составляющей границу между Эракіей и Болгаріей. Такъ-какъ рожденіе Каравелова совпало съ началомъ возрожденія болгарской народности и литературы, то и первоначальное воспитаніе, которое онъ получилъ въ своемъ родномъ селеніи, было въ народномъ духѣ и на болгарскомъ языкѣ. Правда, въ Копривштицѣ, какъ равно и въ сосѣднемъ съ нимъ селѣ Панагерицѣ, обученіе дѣтей славянской грамотѣ не прекращалось никогда, тѣмъ не менѣе обученіе это было крайне скудное, такъ-какъ въ тѣ времена каждый мальчикъ, поступавшій въ болгарское народное училище, начиналъ свое ученіе съ букваря на церковно-славянскомъ языкѣ, въ которомъ за азбукой слѣдовали слоги изъ двухъ, трехъ, четырехъ и т. д. буквъ, односложныя, двусложныя и т. д. слова и, наконецъ, молитвы: *Отче нашъ, Богородице Дѣво, Достойно*

естъ, Царю небесный, Вспрую и проч. Затѣмъ, ученикъ принимался за изученіе «Наустицы» («Часослова»), отъ которой переходилъ къ чтенію «Вѣтхаго Завѣта», «Псалтыря», «Апостола» и заканчивалъ свое образованіе усвоеніемъ первыхъ четырехъ правилъ ариметики. Если же отцу, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, хотѣлось дать своему сыну сравнительно болѣе обширное образованіе, то онъ долженъ былъ отправить его въ какой-нибудь близкій или отдаленный городъ, въ которомъ существовало греческое училище. Въ немъ молодой болгаринъ учился въ теченіе пяти или шести лѣтъ исключительно одному греческому языку, исторіи и литературѣ греческой, такъ-что нашъ славянинъ, по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ, совершенно *отреченъ* и становится сторонникомъ и горячимъ защитникомъ интересовъ малочисленнаго греческаго населенія. Но, какъ мы уже замѣтили выше, въ началѣ тридцатыхъ годовъ заря болгарскаго возрожденія и самосознанія уже занялась на болгарскомъ горизонтѣ, въ слѣдствіе чего греческій языкъ имѣлъ весьма незначительное вліяніе на даровитую натуру Каравелова. Въ концѣ первой половины нынѣшняго столѣтія въ Пловдивѣ учительское мѣсто въ тамошнемъ болгарскомъ училищѣ занялъ Найдень Геровъ, окончившій курсъ наукъ въ Рипельевскомъ Лицеѣ, одинъ изъ первыхъ болгаръ того времени, получившихъ образованіе въ Россіи. Подъ его-то руководствомъ продолжалъ Каравеловъ свое дальнѣйшее образованіе и развитіе до самаго начала восточной войны. Въ 1857 году Каравеловъ, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ молодыхъ болгаръ, переселился въ Москву, съ цѣлью посвятить себя изученію военныхъ наукъ; но вскорѣ по приѣздѣ въ Москву эта мысль покинула его и онъ рѣшился заняться изученіемъ русскаго языка и литературы, для чего поступилъ въ Московскій университетъ, поддерживаемый частною русскою благотворительностью. Въ 1860 году студенты Московскаго университета изъ болгаръ стали издавать на свои скудныя средства журналъ, подъ заглавіемъ «Братскій Трудъ». Здѣсь были помѣщены нѣкоторыя стихотворенія Каравелова и статьи его «Славяне въ Австріи». Въ 1861 году Славянскій Благотворительный Комитетъ въ Москвѣ снабдилъ его денежнымъ пособіемъ для изданія его сочиненія «Памятники народнаго быта Болгаринъ», могущаго служить пособіемъ для занимающихся изслѣдованіемъ народнаго быта славянъ. Затѣмъ, ми

встрѣчаемъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1863 — 66 годовъ имя Каравелова подъ повѣстями и разсказами изъ народнаго быта болгаръ. Мысль, что славянскіе народы Балканскаго полуострова только тогда могутъ освободиться изъ-подъ турецкаго ярма, когда между ними будетъ царствовать полное согласіе, побудило Каравелова покинуть въ 1866 году Москву и переселиться въ Сербію, чтобы поближе познакомиться съ образомъ мыслей сербовъ относительно Болгаріи. Но въ Бѣлградѣ онъ прожилъ не долго, и, вслѣдствіе причинъ, которыя объяснить будущее, принужденъ былъ покинуть столицу полусвободныхъ сербовъ и переселиться къ австрійскимъ сербамъ, въ Новый-Садъ, гдѣ онъ встрѣтилъ братскій приемъ и радушіе. Проживая тамъ, Каравеловъ продолжалъ помѣщать въ сербскихъ журналахъ свои повѣсти и разсказы на сербскомъ языкѣ, которые охотно читались сербами. Когда въ маѣ мѣсяцѣ 1868 года былъ убитъ въ Бѣлградѣ сербскій князь Михаилъ и подозрѣніе въ подстрѣвательствѣ пало на А. Кара-Георгіевича и его сторонниковъ, то въ числѣ послѣднихъ былъ арестованъ и Каравеловъ; но, послѣ шестимѣсячнаго ареста, онъ былъ оправданъ высшимъ венгерскимъ судомъ и выпущенъ изъ крѣпости. Послѣ этого Каравеловъ поселился въ Букарестѣ, гдѣ съ 1869 года сталъ издавать болгарскую газету «Свобода», направленіе которой весьма не нравится турецкому правительству, такъ-какъ она съ замѣчательною настойчивостью проводитъ между болгарами мысль о поголовномъ возстаніи противъ турокъ для освобожденія своей родины изъ-подъ турецкаго ига. Газета эта продолжаетъ издаваться и по настоящее время.

ДУМА.

Вы меня не хороните
Подъ сырой землею —
Лучше въ полѣ завалите
Зеленой травкою.

Въ головахъ пусть зеленѣютъ
Яворъ и рябина,
А въ ногахъ — на память людямъ —
Красная калина.

И придетъ меня провѣдать
Другъ мой, сердцу милый —

И увидитъ онъ калину
Надъ моею могилою —

И вздохнетъ, и съ тихой грустью
Обо мнѣ вспоманетъ —

И слеза съ его рѣсницы
Мнѣ на сердцѣ канетъ...

Н. ГЕРВЕЛЬ.

К. И. ЖИНЗИФОВЪ.

Ксенофонтъ Ивановичъ Жинзифовъ, болѣе извѣстный въ современной болгарской литературѣ подъ псевдонимомъ Райко, сынъ учителя, родился въ 1839 году въ городѣ Велесѣ, въ Македоніи. Время было такое, что по всему Балканскому полуострову, исключая Сербскаго княжества, относительно образованія господствовало греческое вліяніе, которое особенно пустило корни въ Македоніи, какъ въ области ближайшей къ возродившейся тогда Элладѣ, пропаганда которой сильно и ревностно поддерживалась греческими митрополитами и епископами изъ фанариотовъ. Со времени открытія Аѳинскаго университета, эллинская столица ежегодно привлекала къ себѣ по нѣсколькимъ десяткамъ молодыхъ болгаръ. Поддерживаемые эллинскимъ правительствомъ и частною благотворительностію, они посвящали по нѣсколькимъ лѣтъ изученію греческаго языка и, по окончаніи гимназическаго курса, а иногда и съ дипломомъ аѳинскаго университета, возвращались на свою родину уже настоящими греками и ревностными распространителями греческаго языка и эллинской *великой идеи*, что Македонія есть нераздѣльная часть Эллады, зависящая въ политическомъ отношеніи отъ турокъ. И такъ, первоначальное образованіе, полученное Жинзифовымъ въ домѣ родительскомъ, было вполнѣ греческое и на греческомъ языкѣ. Правда, въ Велесѣ существовало болгарское училище, но въ немъ ученіе начиналось съ церковно-славянскаго буквара, за которымъ слѣдовалъ «Часословъ», «Псалтырь» и т. д. и оканчивалось чтеніемъ «Дѣяній Апостоловъ». Дальше этого болгарскіе учителя-самоучки не шли, по той простой причинѣ, что имъ и въ голову никогда не приходило, что существуютъ въ мірѣ какія-либо другія науки, кромѣ хитрой греческой мудрости. Въ началѣ 1856 года домашнія обстоятельства

заставил Жинзифова отказаться до поры до времени отъ мысли о своемъ дальнѣйшемъ образованіи и умственномъ развитіи и принять мѣсто младшаго учителя въ народномъ болгарскомъ училищѣ въ Прилѣбѣ, въ которомъ мѣсто старшаго учителя занималъ въ то время извѣстный своею трагическою смертію болгарской патриотъ Димитрій Миладиновъ, горячій защитникъ славянства, одаренный весьма замѣчательными способностями и умомъ. Затѣмъ, въ концѣ 1857 года, Миладиновъ отправилъ Жинзифова учительствовать въ Кукушѣ, не далеко отъ Солуня. Съ переездомъ его въ этотъ небольшой городъ, населенный исключительно болгарами, въ немъ въ первый разъ былъ введенъ болгарскій языкъ и болгарская грамота: до того времени, какъ въ церкви такъ и въ училищѣ, господствовали исключительно одинъ греческій языкъ, хотя преподаватели были природные болгары. У Жинзифова стали учиться болгарскому языку не только мальчики, но и взрослые юноши, люди женатые и даже священники, такъ-какъ въ церквахъ положено было замѣнить греческое богослуженіе славянскимъ. Такъ продолжалъ онъ свою скромную учительскую дѣятельность до іюля 1858 года, когда представился ему случай отправиться въ Одессу, оставивши въ Кукушѣ своего духовнаго наставника и покровителя Миладинова. Въ Одессѣ Жинзифовъ, вмѣстѣ съ другими молодыми болгарами, былъ принятъ въ число воспитанниковъ Херсонской семинаріи, гдѣ онъ предполагалъ окончить свое образованіе; но находившійся въ это время въ Москвѣ, въ тамошнемъ университетѣ, на историко-филологическомъ факультетѣ, младшій братъ Миладинова, Константинъ, вскорѣ вызвалъ его изъ Одессы въ Москву, гдѣ онъ и былъ зачисленъ воспитанникомъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета. Въ 1860 году Жинзифовъ, по выдержаніи надлежащаго экзамена, поступилъ въ число студентовъ Московскаго университета, а въ 1864 году окончилъ курсъ ученія по историко-филологическому факультету со степенію кандидата. Первымъ литературнымъ произведеніемъ Жинзифова, явившемся въ печати, было небольшое стихотвореніе патриотическаго содержанія, появившееся въ 1867 году въ первомъ выпускѣ «Братскаго Труда», издававшегося болгарскими студентами. Въ третьемъ выпускѣ того же изданія появилась небольшая его повѣсть изъ народнаго быта, подъ названіемъ «Прогулка», дышавшая ненавистію къ

фанариотамъ, а въ четвертомъ выпускѣ нѣсколько стихотвореній, также патриотическаго содержанія. Затѣмъ, въ 1863 году Жинзифовъ издалъ «Ново-болгарскій Сборникъ», въ составъ котораго вошли: «Слово о полку Игоревѣ», «Кралевская Рукопись» и нѣсколько стихотвореній Шевченка въ болгарскомъ переводѣ издателя. Въ 1867 году въ издававшейся тогда въ Константинополѣ болгарской газетѣ «Время» напечатана была его довольно обширная статья, подъ заглавіемъ: «Отношенія византійскихъ императоровъ къ Болгаріи въ царствованіе предпоследняго болгарскаго царя Александра Асѣня». Наконецъ, въ 1870 году, въ Браиловѣ, вышло въ свѣтъ последнее его произведеніе: стихотворный рассказъ «Кровавая Рубашка», въ которомъ мать-крестьянка рассказываетъ своему неизвѣстному слушателю, какъ турки убили ея единственнаго сына-жениха, и закликаетъ его, чтобы онъ рано или поздно отомстилъ кровожаднымъ злодѣямъ. Въ настоящее время Жинзифовъ живетъ въ Москвѣ и занимаетъ мѣсто преподавателя въ Лицеѣ Цесаревича Николая.

I.

НА СМЕРТЬ ЮНОШИ.

О благодатный край, Болгарія святая!
Отчизна милая, отчизна дорогая!
Свершится ли твоя проклятая судьба?
Богъ отвратилъ лицо; сама же ты — раба.

Иль силы нѣтъ въ тебѣ — промчались дни былые?
Уви! сыны твои — побѣги молодче —
Напрасно шлютъ тебѣ съ чужбины свой привѣтъ:
Проклятая судьба ихъ губить въ цвѣтѣ лѣтъ.

И сходятъ въ мракъ могилъ святыхъ души эти,
Едва начавъ свой путь, почти не живъ на свѣтѣ;
Имъ хочется служить странѣ своей родной,
А смерть сражаетъ ихъ, хоронитъ подъ землей.

Онъ тихо угасалъ: ужь смерть надъ нимъ носилась,
Въ больной его груди чуть слышно сердце билось,
А онъ все говорилъ, страдая и скорбя:
«Какъ сильно я люблю, Болгарія, тебя!»

Н. Гирвель.

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ «КРОВАВАЯ РУБАШКА».

«Сынъ, слова мои ты помни,
 Сердцемъ исповѣдай,
 А придѣшь домой — отцу ихъ
 Передай, повѣдай!
 Если онъ богатъ и знатенъ,
 Полонъ силъ — быть-можетъ
 Онъ въ бѣдѣ моей великой
 Бѣдной мнѣ поможетъ;
 Если жъ — нѣтъ, то самъ ты, сынъ мой,
 Какъ почувешь силы,
 Сердце вспыхнетъ и прихлынетъ
 Свѣжей крови въ жилы,
 Можетъ-быть ты самъ отплатишь
 Моему злодѣю...
 Много дней, годовъ — могилы
 Роковой чернѣе,
 Полныхъ мукъ, невзгодъ и горя,
 Я перестрадала,
 Прежде-чѣмъ такою старой
 Я старухой стала.
 Много въ жизни я видала,
 Много испытала
 Я съ-тѣхъ-поръ какъ стала помнить —
 Помнить горе стала.
 Я не знала въ жизни счастья;
 Солнце не свѣтило...
 Но всего я не съумѣю
 Разсказать какъ было;
 Да притомъ еще и слезы
 Сердце разрываютъ,
 Не даютъ всего припомнить,
 Память затымъваютъ...»

Тутъ взяла старуха съ полки
 Сумку шерстяную
 И изъ сумки той... Сказать ли?
 Нѣтъ, не утаю я!...
 Молча вынула... Припомнить
 Не могу безъ страху!...
 Всю испачканную кровью
 Вынула рубаху,
 Что была въ минуту смерти
 На ея на снѣгъ,
 Горячо любимомъ ею
 И тогда и нынѣ.
 И была рубаха съ верху
 Дѣ низу покрыта

Вся запѣкшеюся кровью,
 Кровью вся облита.
 Я взглянулъ — упало сердце,
 Смогло и застыло,
 И уста вдругъ стали нѣмы,
 Нѣмы какъ могила.
 Что за злая, роковая,
 Горькая судьбина!
 Тяжко жить тебѣ на свѣтѣ:
 У тебя нѣтъ сына!
 Я кровавую рубаху
 Пожиралъ очами,
 Осызая ея и гладилъ
 Робкими перстами.

А старуха неутѣшно
 Слезы льетъ — роняетъ
 На кровавую рубаху,
 Стонетъ, причитаетъ:

«Ты одинъ былъ у родимой —
 Вольный вѣтеръ въ полѣ...
 И вотъ нѣтъ тебя, мой милый,
 Нѣтъ на свѣтѣ болѣ!
 Пуля турчина на вылетъ
 Грудь твою пробила,
 Сабля на двѣ половини
 Тѣло разрубила.
 И упалъ ты на порогъ
 Шалаша родного,
 Испустилъ нѣмую душу,
 Не сказавъ ни слова
 Ни родимой, ни невѣстѣ!
 Боже, совершилось!
 Точно кровь овечки кроткой,
 Кровь его пролилась...
 Я ждала тебя, мой милый,
 Три дня и три ночи —
 Не дождалась — не взглянула
 На твои я очи!
 Для того ли, мой желанный,
 Я тебя вскормила?
 Для того ли днемъ и ночью
 Твой покой хранила?
 Для того ль я хлопотала
 О твоей невѣстѣ?
 Ты любилъ ее — видался,
 Съ ней гуляя вмѣстѣ.
 Боже правый, предъ Тобою
 Чѣмъ я провинилась?»

Видно тяжкое проклятье
 Громоу разразилось!
 Знать, она не захотѣла,
 Горькая судьбина,
 Чтобъ ввела я въ домъ хозяйку
 И подругу сына!
 И вотъ маюсъ я на свѣтѣ,
 И степной кукушкой
 Все кукую днемъ и ночью
 Подъ моей избушкой...»

Н. ГЕРВЕЛЬ.

ЧИНТУЛОВЪ.

Имя Чинтулова, молодого современнаго болгарскаго поэта, пользуется значительною популярностью между болгарами. Правда, его патриотическія пѣсни весьма рѣдко появляются въ печати; но это не мѣшаетъ имъ расходиться въ тысячахъ спискахъ по всей Болгаріи.

БОЛГАРСКАЯ ПѢСНЯ.

Возстань, возстань, юнакъ Балвана!
 Скорѣ пробудись отъ сна
 И противъ лютаго Османа
 Веди ты наши племена!

Подъ игомъ рабства терпите муки
 Давно несчастный нашъ народъ,
 Высоко воздѣваетъ руки
 И отъ небесъ спасенья ждѣтъ.

Торжествовала вражья сила,
 Придетъ и наше торжество —
 И будетъ такъ, какъ прежде было,
 Иль сгинемъ всё до одного!

Но для чего намъ гибнуть, братья,
 Боль жизнь врасна и дорога?
 Другъ другу бросимся въ объятія,
 Потомъ ударимъ на врага!

Не гните, братья дорогіе,
 Предъ супостатомъ головы!
 Взгляните, какъ живутъ другіе —
 И съ нихъ примѣръ берите вы!

Лишь двиньтесь вы громадой цѣлой —
 Къ вамъ явятся на помощь вдругъ
 И сербъ, и черногорець смѣлый,
 И встанетъ весь славянскій югъ.

Мы изъ ярма исторгнемъ вью,
 Послушныя свободы зву,
 Воскреснемъ снова мы — и змію
 Сотремъ надменную главу!

Возстаньте же, сыны Балкана!
 Скорѣ сабли на-голо!
 Померяни мѣсяць Оттомана
 И въ тучи скрой свое чело!

Возстаньте! наше дѣло право!
 Да развернется брани стягъ,
 Да будетъ всёмъ славянамъ слава,
 Да сгинетъ нашъ несконный врагъ!

Н. БЕРГЪ.

ХОРУТАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Хорутане или словенцы живутъ на крайнемъ западномъ рубежѣ славянскаго міра, въ точкѣ его соприкосновенія съ романцами и германцами. Хорутанская географическая площадь ограничена рѣками Рабой, Мурой и Дравой — на сѣверѣ, Карнійскими Альпами, Ломбардскою низменностію и Триестскимъ заливомъ — на западѣ, равнинами Истрии и истоками рѣки Купы — на югѣ и Ускоцкими горами — на востокѣ. Географическій и этнографическій центръ этой народности находится въ Крайнѣ. Отдѣльными поселеніями хорутанъ разсѣяны въ Хорватіи, юго-западной Угрии и италянскомъ Фриулѣ. Численность хорутанъ простирается до 1,260,000 (по Фикверу). По языку хорутане составляютъ какъ-будто связующее звѣно между болгарами и сербами, а съ другой стороны нѣкоторые грамматическія примѣты роднятъ ихъ со словаками и мораванами, то есть съ отпрысками нарѣчій сѣверо-западныхъ славянъ. Благодаря тысячелѣтнему почти вослѣдствію этой народности на первобытной ступени развитія, вслѣдствіе неблагоприятныхъ историческихъ обстоятельствъ, хорутане, вмѣстѣ со многими другими чертами самаго древняго быта, сохранили и языкъ въ неизмѣнномъ почти видѣ, на очень древней ступени его грамматическаго и фонетическаго развитія. Но, съ другой стороны, отсутствіе въ странѣ политическаго единства и ея разорванность горами, слѣдовательно обособленная жизнь населеній разныхъ мѣстностей, содѣйствовали раздѣленію нарѣчія на множество отдѣльныхъ говоровъ, которыхъ насчитываютъ до девятнадцати, на миллионъ съ небольшимъ насе-

ченія! На степень нарѣчія литературнаго возвысился говоръ горной Краины, или горенскій, такъ-какъ большая часть хорутанскихъ писателей происходила изъ этой поэтической мѣстности.

Въ былое время область этого племени была гораздо обширнѣе. Если правда, что большинство населенія паннонской державы блатенскаго князя Коцела составляли предки теперешнихъ хорутанъ, то они занимали всю юго-западную Угрію до Дуная, соприкасаясь на востокѣ съ болгарами, а на сѣверо-востокѣ съ Моравскою державою, въ составъ предшественниковъ которой они повидимому даже входили при полумифическомъ славянскомъ князѣ Само. Но изъ этой паннонской долины они были оттѣснены на западъ, въ горы, сначала аварами, а потомъ мадьярами. На сѣверѣ границы хорутанскихъ поселеній забѣгали далеко въ глубь Австріи и даже Баваріи, гдѣ онѣ могли уже соприкасаться съ южными побѣгами великаго племени славянъ полабскихъ. Но какъ полабы, такъ и хорутане не могли долго противустоять напору съ запада германцевъ и должны были податься первые — на востокъ, а вторые — на югъ, причемъ удержали за собою лишь южныя части своихъ обширныхъ земель. На западѣ хорутане забирались глубоко въ Альпы Тирольскія, а на юго-западѣ въ долины, можетъ-быть имъ родственныя въ отдаленную старину, венецкія или венеціанскія. Но обстоятельства были очень неблагоприятны дальнѣйшему развитію и распространенію этого племени. Съ запада, сѣвера и юга шли на него грозныя и несчастія, а востокъ былъ еще слабъ и разор-

ванъ и племя было предоставлено своимъ собственнымъ силамъ. Въ 788 году сюда проникли франки Карла Великаго — и Хорутанія была подчинена восточной маркѣ, а по ея распаденіи она не могла отстоять своей независимости отъ герцоговъ баварскихъ на сѣверѣ и фріульскихъ на западѣ. Въ отношеніи церковномъ она тоже не могла развиваться самостоятельно. Лучъ, такъ неожиданно и ярко блеснувшій на южныхъ славянъ изъ Моравіи и Болгаріи въ IX вѣкѣ, лишь очень слабо отразился въ Хорутаніи и случайнымъ его отблескомъ былъ, повидимому, тотъ загадочный и одинокій памятникъ старославянской письменности, который теперь извѣстенъ подъ именемъ фрейзингенскихъ статей. Есть основаніе думать, что это латинская копія X вѣка съ глаголической рукописи, содержащей двѣ формулы исповѣдной молитвы и одну гомилію. То обстоятельство, что и этотъ памятникъ долженъ былъ переимѣнить здѣсь свою славянскую одежду на латинскую, показываетъ, подъ какимъ влияніемъ находилась уже тогда духовная жизнь народа. Съ двухъ центровъ проникала въ Хорутанію латинская проповѣдь: изъ нѣмецкаго Зальцбурга и италянскіи Аквили. Въ обоихъ случаяхъ она была руководима одинаково несправедливою враждою къ хорутанской народности и преслѣдовала одни и тѣ же цѣли: поглощеніе ея нѣмецкими стихіями на сѣверѣ, и италянскими на западѣ. Отъ православнаго востока Хорутанія была отрѣзана католической Хорватіей; но все-таки отсюда проникали по временамъ памятники церковно-славянской письменности, только въ глаголическомъ облаченіи.

Между-тѣмъ политическія условія оставались все тѣ же: мѣнялись личности, названія, фамиліи, но система не измѣнялась. Феодализмъ утвердился здѣсь казалось бы окончательно и навсегда, но на чуждой и враждебной ему славянской почвѣ онъ не могъ пустить глубокихъ корней и скопылилъ, такъ сказать, надъ поверхностью народной жизни, задѣвая его лишь на столько, на сколько льготное положеніе однихъ слоевъ народа вообще предполагаетъ и требуетъ поработенія другихъ. Какъ бы то ни было, въ продолженіе почти пятивѣкового періода мы не слышимъ здѣсь народнаго голоса и готовы были бы усомниться въ самомъ существованіи здѣсь хорутанскаго народа, если бы онъ не вынырнулъ и не заявилъ себя совершенно неожиданно въ половинѣ XVI вѣка. Протестантизмъ и здѣсь, какъ въ Хорватіи, дол-

женъ былъ пролагать себѣ путь въ народную среду посредствомъ печатнаго и проповѣднаго слова на народномъ языкѣ. Не продолжительна и не блистательна была эта проснувшаяся въ странѣ литературная дѣятельность, не разнообразны были ея произведенія и не рѣшительно влияние на народъ; но все жъ это минутное пробужденіе долго спавшаго языка и народа не было бесплодно: оно возродило въ немъ самое увѣренность, что онъ не умеръ въ многовѣковой летаргіи, что онъ имѣетъ еще жизнь и будущность. Вотъ почему, какъ ни скромно литературное достоинство переводовъ Трубера и Далматина, и грамматическаго труда Богорича, но все жъ ихъ издательская дѣятельность, поощряемая благороднымъ патриотизмомъ Унгнада, имѣетъ важное значеніе въ исторіи народнаго и литературнаго возрожденія хорутанъ. Но ему не скоро еще суждено было совершиться. Миръ западный понялъ грозныя для него послѣдствія отъ возрожденія міра восточнаго и рѣшился во что бы то ни стало потушить опасное пламя славянской письменности и народности. Эту миссію въ области религіозной приняли на себя іезуиты, а въ политической — Габсбурги. Дружными усиліями имъ удалось въ Хорватіи, Угріи и Чехіи возстановить господство папизма и германизма. Почти всѣ остатки литературной дѣятельности періода реформаціи были тщательно собраны и уничтожены. Въ 1600 году іезуиты сожгли въ одномъ стирскомъ Градѣ 10,000 хорутанскихъ еретическихъ книгъ. Въ 1616 году мрачной памяти Фердинандъ II выдалъ въ жертву іезуитамъ всѣ хорутанскія книги, хранившіяся гдѣ бы то ни было въ земскихъ бібліотекахъ.

Если же кой-что и уцѣлѣло послѣ этого вандальскаго опустошенія, то не иначе, какъ съ вырванными заглавіями и введеніями, чтобы истребить всякую память о мѣстахъ и лицахъ, бывшихъ притонами и дѣятелями реформы.

XVII вѣкъ былъ бы совершенно бесплоднымъ для хорутанской науки и литературы, если бы онъ не произвелъ одного замѣчательнаго учонаго, по имени Вальвасора, который положилъ основаніе научной обработкѣ исторіи Краины. Но онъ писалъ на нѣмецкомъ языкѣ. Точно также поступилъ и другой знаменитый хорутанскій учонный, Иванъ Поповичъ, авторъ «Untersuchungen vom Meere». Другіе, какъ напримѣръ Маркъ Полинъ, писали свои филологическія и историческія изслѣдованія большею частью по-латыни и лишь изрѣдка

по-хорутански. То была пора доктринерства, что видно изъ тѣхъ многочисленныхъ опытовъ грамматическихъ и лексикальныхъ изслѣдованій хорутанскаго языка, безъ котораго не обошелся ни одинъ почти хорутанскій писатель. Достаточно назвать Мегизера, Гутсмана, Зеленко, Поповича, Кумердея, Япеля, Дебевца, Водника, Копитара, Ярника, Даинко, Метелко, Мурко, Поточника, Миклошича.

Первые хорутанскіе стихи вышли во второй половинѣ XVIII вѣка изъ-подъ пера Япеля. Эти стихи были большею частію переводные съ нѣмецкаго, итальянскаго и французскаго, и не отличались особенными достоинствами содержанія и формы; но все жъ этою опыту замѣчательнъ, какъ первый на своемъ нарѣчїи. Достоинно замѣчанія, что Япель писалъ свои стихи тоническимъ размѣромъ. Вторымъ по времени хорутанскимъ стихотворцемъ былъ Антонъ Лингартъ, болѣе извѣстный своей «Исторїей австрійскихъ юго-славянъ». Но настоящимъ отцомъ хорутанской поэзіи признается Валентинъ Водникъ, происходившій изъ той горенской части Крайны, которая справедливо считается колыбелью хорутанской поэзіи. Водникъ писалъ въ лирическомъ, эпическомъ, особенно же въ сатирическомъ и эниграмматическомъ родѣ; лишь необработанность хорутанскаго нарѣчїя мѣшала ему развернуть всю силу своего обширнаго и разносторонняго дарованія.

Водникъ вызвалъ на поэтическое поле много охотниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые приобрѣли извѣстность, какъ, напримѣръ, Ярникъ, Даинко, Метелко, Кастеличъ и Жунанъ; а одинъ нашолъ въ поэзіи настоящую свою стихію и заслужилъ себѣ славу замѣчательнѣйшаго лирика и остроумнѣйшаго сатирика. То былъ Францъ Прешернъ. Онъ оставилъ значительное число прекрасныхъ элегій, балладъ, романсовъ, сатиръ, эниграммъ и сонетовъ, изъ которыхъ нѣкоторые справедливо сравниваются съ произведеніями Петрарки и Гейне. Многія его пѣсни увѣковѣчились въ народной памяти. Преобладающій сюжетъ — любовь и мїръ надеждъ, чувствъ и волненій съ ней неразлучныхъ. Оттѣновъ легкой грусти и раздумья роднитъ отчасти думки Прешерна съ нашими украинскими; не чуждъ хорутанскому лирику и малороссійскій юморъ, простодушная, но нерѣдко ѣдкая, иронія и сарказмъ.

Новое литературное движеніе стало распространяться въ Хорутаніи съ 1843 года, когда въ «Но-

видахъ» Блейвейса хорутанскіе писатели нашли общій литературный центръ и органъ развитія народной мысли. Этотъ журналъ поставилъ своею задачею писать къ народу и для народа, примѣнительно къ его потребностямъ и степени развитія; но онъ умѣлъ соединить съ популярностію изложенія оригинальность содержанія.

Къ кругу писателей этого времени и направленія принадлежали: Вертовецъ (популярная хмія и исторія), Малавашичъ (Новеллы и пѣсни), Терстеньякъ (археологія), Гидингеръ (исторія) и другіе. Во главѣ новой поэтической хорутанской школы стоитъ Иванъ Косескій, самый крупный, послѣ Прешерна, поэтической талантъ своего народа. Его поэзія болѣе тенденціозна, чѣмъ Прешерна; она нѣсколько напоминаетъ панславистскія мечты Коллара; она дышетъ любовью къ славянству и вѣрою въ его историческое призваніе. Косескаго, какъ лирика, сравниваютъ съ Клопштокомъ; нѣкоторыя изъ эпическихъ его произведеній стоятъ на высотѣ эпоса Мажураича. Косескому обязана еще хорутанская литература многими прекрасными переводами съ языковъ нѣмецкаго и русскаго. Въ поэтической даровитости Косескій, быть-можетъ, уступаетъ Прешерну; но за-то его вліяніе на народъ гораздо сильнѣе, благодаря самому роду его произведеній и присутствію въ нихъ политической тенденціи.

Изъ плеяды ново-хорутанскихъ поэтовъ и писателей отмѣтимъ: Вильхара, Цегнара, Томана, Прапротника и, въ особенности, Левстикъ, даровитѣйшаго и симпатичнѣйшаго изъ современныхъ хорутанскихъ писателей.

Дѣло народнаго образованія въ Хорутаніи пошло успѣшнѣе особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ основана была Люблянская Матица, ревностно взявшаяся за дѣло изданія и распространенія въ народѣ полезныхъ книгъ и учебниковъ, а также пробужденія въ немъ народнаго сознанія. Успѣшное же пробужденіе народнаго сознанія ручается за-то, что существованіе этого небольшого, но даровитаго племени можетъ считаться обезпеченнымъ. Итальянская и нѣмецкая стихіи сильны еще лишь въ городахъ и высшихъ сословіяхъ; но и здѣсь онѣ быстро таютъ отъ теплаго дыханія народной жизни, и есть надежда, что скоро вся Хорутанія будетъ возвращена славянству.

А. Будиловичъ.

ХОРУТАНСКІЕ ПОЭТЫ.

В. ВОДНИКЪ.

Валентинъ Водникъ, монахъ-поэтъ, родился въ 1758 году, въ мѣстечкѣ Шишки, близъ Люблянъ (Лайбаха). Онъ одинъ изъ первыхъ и притомъ съ наибольшимъ успѣхомъ сталъ вводить въ литературную дѣятельность народный языкъ, и, какъ многіе писатели славянскаго возрожденія, соединялъ трудъ поэтической съ трудомъ изслѣдователя своей народности. Въ 1806 году Водникъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній, изъ которыхъ многія сдѣлались народными. Въ 1809 году онъ писалъ свои воинственныя пѣсни для хорутанскаго ополченія; но когда Иллирія отошла къ Франціи, появилась его «Illirija ozivljena», въ которой высказались его національно-патріотическія надежды народной цѣлости и свободы, и которыя послѣ навлекли на него преслѣдованія австрійскаго правительства. Водникъ есть вообще замѣчательнѣйшая личность хорутанской литературы, которая начинается съ его дѣятельности свой новѣйшій періодъ. Водникъ умеръ въ 1819 году. Друзья поставили ему памятникъ въ Люблянахъ, который въ 1839 году былъ возобновленъ почитателями покойнаго.

ВЛЮБЛЕННАЯ МИЛИЦА.

Слѣзы горячія
Дѣвнца льетъ,
Ждетъ друга милаго
Пѣсню поетъ:

«Долго ль отглядывать
Будутъ они?»

Мчатся стремительно
Ночи и дни.

«Много я плавала,
Въ жаркой мольбѣ
Долго просила я
Мужа себѣ.

«Голосъ таинственный
Мнѣ говорилъ:
«Мало ли доблестныхъ
«Богъ сотворилъ!»

«Если ужъ встрѣтила
«Ты своего,
«Если онъ по сердцу —
«Знай лишь его!»

«Вся я тутъ вспыхнула —
Боже ты мой! —
И побѣжала я
Быстро домой.

«Благословеніе
Мать и отецъ
Дали мнѣ — съ суженымъ
Стать подъ вѣнецъ.

«Вотъ подвѣнечное
Платье несутъ;
Вотъ мнѣ подруженьки
Пѣсни поютъ.

«Убрали голову
Ярко въ цвѣты,

Перстень надѣли мнѣ...
Гдѣ жъ, милый, ты?

«Гдѣ ты, возлюбленный,
Другъ мой Милетъ,
Краше котораго
Не было, нѣтъ?

«Долго ль отеладивать
Будутъ они?
Мчатся стремительно
Ночи и дни.

«Что не собирается
Друга семья?
Или обманута —
Бѣдная — я?

«Если не пустите
Въхать въ нему:
Лучшаго, новаго
Я не возьму.

«Буду я, горькая,
Стадо пасти;
Въ полѣ покнутымъ
Цвѣтомъ рости!»

Такъ она плакала,
Словно рѣка;
Такъ изливалася
Дѣвы тоска...

Н. Бергъ.

У. ЯРНИКЪ.

Урбанъ Ярникъ родился въ 1784 году въ Полюцѣ, въ Крайнѣ. Онъ былъ священникомъ въ Мосбургѣ и соединялъ съ знаніемъ своего родного языка знаніе всѣхъ остальныхъ славянскихъ нарѣчій. Его работы по изслѣдованію хорутанскаго языка свидѣтельствуютъ о его необыкновенной учоности и показываютъ въ немъ опытнаго изслѣдователя. Къ такимъ сочиненіямъ принадлежатъ его «Sammlung altslavischer Wörter, welche im windischen Dialekte fortleben» (1822) и «Versuch eines Etymologikons des Slov. Mundart in Innerösterreich» (1832). Кромѣ того онъ издалъ нѣсколько хорутанскихъ «Сборниковъ для Юноше-

ства» и «Молитвенныхъ Книгъ», а также писалъ хорутанскія и нѣмецкія стихотворенія. Скончался въ 1844 году въ Благотрадѣ.

ИВАНОВЪ ДЕНЬ.

День становится короче
И въ полудню отъ полночи
Обращается земля,
Потрудившаяся тяжело:
Отдохнуть идетъ бѣдняжка,
Злато бросивъ на поля.

Начинается работа;
Съ лицъ струятся капли пота;
Срѣзанъ волосъ золотой —
И даетъ благое небо
Селянину много хлѣба:
Счастливъ, веселъ людъ простой.

Всѣ довольны, всѣ смѣются;
Громко пѣсни раздаются;
Наступилъ блаженный мигъ:
Всюду говоръ, шумъ и толки,
Да вспугнутой перепѣлки
Въ жатвѣ слышенъ рѣзкій крикъ.

Подошли и сѣнокосы:
Ужъ косцы готовятъ косы;
Начался веселый трудъ;
А красавицы-дѣвицы —
Чернобровы, бѣлолицы —
Сзади съ пѣснями идутъ,

Въ кучи сѣно собирають,
И хохочутъ и играютъ.
Вотъ и вечеръ; слышенъ звонъ
Съ отдаленныхъ колоколенъ:
Весь рабочий людъ доволенъ —
И идетъ молиться онъ.

Ночь по небу засвѣтила
Лучезарныя свѣтила —
Льются сверху ихъ лучи;
Но, въ мерцаніи игривомъ,
Что-то дѣется по нивамъ
И огни горятъ въ ноцѣ.

Слышенъ шумъ вдали великій,
Голоса дѣтей и влики;

Сонны юношей и дѣвъ
Тамъ вѣнками потрясають,
Ихъ въ огонь котомъ бросають,
Пѣсни звонкія запѣвъ.

День Ивановъ! день Купала!
Хоть для насъ уже пропала
Слава древняя твоя
И величіе; но все же
Многихъ дней ты намъ дороже,
И славянскія края

Свято чтутъ тебя, какъ прежде,
Пребываячи въ надеждѣ,
Что хотя бы дѣлныи свѣтъ
Постарѣлъ, перемѣнился —
Ты одинъ бы сохранился:
Для тебя кончины нѣтъ!

Н. Бергъ.

М. КАСТЕЛИЦЪ.

Михаилъ Кастелицъ, хорутанскій поэтъ и учо-
ный, родился въ селеніи Горна, въ Нижней
Крайнѣ, въ 1796 году. По смерти Водника, въ
1819 году, хорутанская литература не показыва-
ла ни малѣйшаго признака жизни — и заслу-
га ея возрожденія принадлежитъ Кастелицу. Въ
альманахъ его «Krajska Zbeliza» принимали
участіе всѣ современныя хорутанскіе писатели,
именно: Прешернъ, Поточникъ, Босмачъ, Жу-
ванъ, Ярникъ, Цигларъ, Шнайдеръ и другіе.
Кастелицъ умеръ библиотекаремъ въ Люблянахъ.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Подъ взорами Юга
Зима умираетъ;
Уносится служба,
Снѣгъ меркнетъ и таетъ.

Весна молодая
Приходитъ съ дождями,
Поля одѣваетъ
Травой и цвѣтами.

Въ садахъ соловьиный
Разносится голосъ;

Въ поляхъ, наливаясь,
Сгибается колось.

Пчела золотая
Кружится, летаетъ;
Цвѣты свои лица
На землю роняетъ.

Надъ міромъ царуетъ
Любовь и истома —
И снова всѣмъ счастье
Такъ близко, знакомо!

Н. Гервель.

Ф. ПРЕШЕРНЪ.

Францъ Прешернъ, знаменитѣйшій изъ хору-
танскихъ поэтовъ, родился 21-го ноября (3-го
декабря) 1800 года въ деревнѣ Вербѣ, въ Верх-
ней Крайнѣ. Сынъ поселенника, онъ началъ свое
воспитаніе въ мѣстной нормальной школѣ, про-
должалъ его въ Люблянской гимназій и окончилъ
въ Вѣнскомъ университетѣ, по юридическому
факультету. Жизнь свою онъ провелъ въ борьбѣ
съ бѣдностью и всякаго рода невзгодами. Только
въ 1846 году удалось ему добиться мѣста адво-
ката въ городѣ Крамъ; но и это послѣднее мѣ-
сто занималъ онъ всего три года. Онъ умеръ
въ 1849 году. Какъ поэтъ, Прешернъ пользуется
большою извѣстностью между хорутанами, и,
благодаря мастерской отдѣлкѣ стиха, признается
первымъ изъ хорутанскихъ поэтовъ и отцомъ
хорутанской литературы. Собраніе своихъ сти-
хотвореній онъ издалъ въ 1847 году, всего за два
года до смерти. Онъ писалъ въ разныхъ родахъ,
но любимѣйшимъ его родомъ были — пѣсни, эле-
гии и, въ особенности, сонеты, которые призна-
ются совершенствомъ.

1.

РОЗАМУНДА.

На дворѣ большомъ у замка
Дубъ стоялъ вѣтвистый, старый,
И въ тѣни его сидѣли,
Угощаемые пишно,
Все извѣстныя бароны,
Все искатели п сердца,

И руки баронской дочки
 Розамунды. Розамунда,
 Распустившаяся роза,
 Честь фамиліи, отчизны,
 На искателей влюбленныхъ
 Взоры изрѣдка бросаетъ,
 Взоры — огненные стрѣлы,
 Низпадающія съ неба —
 И вонзались стрѣлы эти
 Глубокѣ въ сердца героевъ.
 Двадцать было тутъ бароновъ:
 Семь бароновъ было владшскихъ,
 Семь нѣмецкихъ, шесть изъ Крайны
 И изъ Штирин; межъ ними
 Былъ и славный Островерхаръ,
 Для котораго турниры —
 Шутка, дѣтская игрушка.
 Вотъ въ него-то и влюбилась
 Недоступная красотка,
 И сказала, что онъ можетъ
 Испросить на бракъ согласье
 У отца. Отецъ не медля
 Согласился, общая
 Розамунду, и прибавилъ,
 Что онъ долженъ три недѣли
 Созывать гостей на свадьбу —
 Проводить невѣсту въ церковь.

Вотъ и гости собралися,
 И пѣвецъ-гуслирь приходитъ
 Пѣсни пѣть, бренчать на струнахъ
 О геройскихъ приключеньяхъ,
 О житьѣ-бытьѣ красавицъ
 И влюбленныхъ въ нихъ красавцевъ.
 И когда онъ пѣлъ красавицъ,
 Кто-то вдругъ ему промолвилъ,
 Изъ желанья похвалиться
 Красотою Розамунды:
 «Ты, гуслирь, бродилъ довольно
 И бывалъ въ краяхъ далекихъ:
 Ты скажи намъ — не видалъ ли
 Гдѣ-нибудь еще дѣвицу
 Краше нынѣшней невѣсты?»

—«Дай ей Богъ здоровья, счастья,
 Дочерей всѣхъ въ мать — красавицъ,
 Сыновою въ отца — героевъ!
 Да! во всей державѣ этой
 Нѣтъ соперницъ Розамундѣ;
 Только въ Боснѣ есть дѣвица...
 То сестра наши... Она-то

Въ многихъ пѣсняхъ у гуслировъ
 Воспѣвается, какъ чудо
 Красоты во всей подлунной;
 И она поспорить можетъ
 Въ красотѣ съ невѣстой вашей.»

Не польстилъ пѣвецъ невѣстѣ:
 Поблѣднѣла Розамунда,
 Жениху взглянула въ очи
 И запальчиво сказала:
 «Говорятъ, что турки въ Босну
 Много дѣвушекъ изъ Крайны
 Увели въ неволю злую.
 Стыдно вамъ, такимъ героямъ,
 Оставлять въ цѣпяхъ бѣдняжекъ!
 Островерхаръ! опояшься
 Ты мечемъ своимъ желѣзнымъ,
 Собери свою дружину
 И добудь скорѣе съ бою
 У наши сестру красотку.
 Турки будутъ очень рады
 За нее вамъ плѣнницъ выдать,
 Если такъ она красива,
 Какъ молва изображаетъ.
 Пусть бездѣтенъ будетъ бракъ мой,
 Безъ подпоры будетъ старость,
 Если я пойду къ налою,
 Если мужа обойму я,
 Прежде-чѣмъ турчанка будетъ
 Здѣсь стоять передо мною.
 Посмотрю — на самомъ дѣлѣ
 Заслужилъ ли эту славу
 Красотой турецкїи ангель?»

Островерхаръ собираетъ
 Всѣхъ рабовъ и посылаетъ
 За ближайшими друзьями;
 Опоясываетъ чресла
 Онъ мечемъ своимъ желѣзнымъ
 И съ дружиной ѣдетъ въ Босну,
 Чтобы выполнить желанье
 Дорогой своей невѣсты.

Въ переправѣ черезъ рѣчку
 Кульпу стража уступила
 Островерхару; онъ мечъ свой
 Обагрываетъ вражьей кровью,
 Разбиваетъ злыхъ босняковъ
 И затѣмъ беретъ тотъ городъ,
 Гдѣ живетъ паша съ сестрою;
 Онъ снимаетъ узы съ плѣнницъ

И сестру нашу беретъ онъ —
Чернооку, бѣлолицу —
И везетъ ихъ всѣхъ съ собою.

Пуще самой Розамунды
Островеρχару турчанка
Приглянулась, полюбилась.
Онъ ее не къ Розамундѣ,
А къ себѣ везетъ, въ свой замокъ.
Раскрасавица-турчанка
Въ Островеρχара влюбилась
И влюбившись согласилась
Бросить вѣру Магомета
И оставить нравы предковъ.
И въ капелгѣ у налоя
Обручилъ ихъ вскорѣ патерьъ.
Розамунда жъ, миръ оставивъ,
Увеличила собою
Хоръ люблянскихъ монастырокъ.

М. ПЕТРОВСКІЙ.

II.

ПОМИНОКЪ ЮНОСТИ.

Прекрасная пора, пора цвѣтушихъ лѣтъ,
О дни моей весны! — увя! вы миновались!
Хотя не вѣдалъ я, что значить жизни цвѣтъ,
Такъ лепестки его мгновенно осыпались,
Хоть рѣдко мнѣ мерцалъ надежды вроткій свѣтъ
Изъ тучъ, что надо-мною широко разстиались,
Но дороги душѣ, о, юность, эти дни!
Ихъ сердцу не забыть! Господь тебя храни!

Отъ горькаго плода познанья я вкусилъ —
И жгучій ядъ его терзалъ мой умъ довольно;
Я видѣлъ: хладный свѣтъ нещадно поносилъ
Все чистое душой — и сердцу было больно;
Я о любви мечталъ, одной любви просилъ —
Съ разсвѣтомъ дня мечты рассѣялись невольно...
Да, честь и знанье рокъ приданнымъ обдѣлилъ
И въ дѣвкахъ ихъ сидѣть на-вѣки осудилъ.

Я видѣлъ, какъ пловецъ напрасно утлый чолнъ
Къ желанной пристани направить торопился:
Враждебная судьба вздымала горы волнъ
Въ преграду путнику... Кто бѣдякомъ родился —
Не выплыветъ, пока карманъ не будетъ полнъ:
Въ почетѣ только тотъ, кто въ жизни самъ платился.

Я видѣлъ, какъ у насъ все цѣнять на обумъ,
И признають лишь то, что ослѣпляетъ умъ.

И какъ тутъ не скорбѣть, какъ сердцемъ не страдать
При этой роковой, уродливой картинѣ?
Но юность быстрая просторъ желала дать
Мечтаньямъ радужнымъ — не о житейской тинѣ:
Ей любо города въ эфирѣ создавать,
Цвѣтушіе сады въ заброшенной пустынѣ!
Неопытность вредна лишь для себя одной:
Ей бури кажутся, порою, тишиной.

Она не думаетъ, что мигъ одинъ мертвитъ
Все то, что иногда вѣками создается;
Боль неудачъ ее не глубоко язвитъ:
Ей будущность сама въ запасъ остается...
И наша жизнь, труды — работой Данандъ
Безплодно лишь въ годахъ преклонныхъ признается.
За-то и дороги, о юность, мнѣ тѣ дни!
Ихъ сердцу не забыть! Господь тебя храни!

М. ПЕТРОВСКІЙ.

Ф. ЦЕГНАРЪ.

Францъ Цегнаръ, современный хорутанскій поэтъ, родился въ 1826 году, въ Старомъ Лоцѣ (Altlaak). Еще будучи гимназистомъ, началъ онъ усердно изучать памятники отечественнаго языка и, въ особенности, сербскія народныя пѣсни, чѣмъ обратилъ на себя особенное вниманіе Цигала, тогдашняго редактора «Славоніи». Въ 1850 году Цегнаръ самъ сдѣлался редакторомъ политико-литературнаго журнала «Славонія», а черезъ годъ — «Люблянскій Газеты». Въ 1853 году Цегнаръ поступилъ на службу въ триестскую почтовую дирекцію, откуда, черезъ годъ, перешолъ въ телеграфное вѣдомство. Въ настоящее время онъ состоитъ главнымъ начальникомъ телеграфнаго бюро въ Триестѣ. Въ 1860 году Цегнаръ собралъ свои, разбросанныя по разнымъ журналамъ, стихотворенія и издалъ ихъ отдѣльной книжкой. Стихотворенія Цегнара носятъ на себѣ печать народности и отличаются необыкновенною звучностью и правильностью стиха. Кромѣ того, онъ извѣстенъ какъ переводчикъ сербскихъ и чешскихъ народныхъ пѣсней, «Маріи Стюартъ» Шиллера, «Деборы» Мозенталя и другихъ. Наконецъ, Цегнаръ принималъ самое дѣятельное участіе въ

составленіи обширнаго «Нѣмецко - хорватскаго Словаря», изданнаго въ 1860 году подъ редакціею Водника, на счетъ покойнаго епископа люблянскаго Вольфа.

ПЕГАМЪ И ЛАМБЕРГАРЪ.

На поляхъ, передъ стѣнами Вѣны,
Злой Пегамъ шатерь раскинулъ дерзко —
И съ письмомъ шлѣтъ кесарю посланца;
Въ немъ Пегамъ надменно заявляетъ:
«Далеко, въ краяхъ своихъ восточныхъ,
Въ тѣхъ краяхъ, гдѣ солнышко восходитъ,
Слышалъ я, что дочь имѣешь Виду
Красоты невиданной на свѣтѣ.
Лишь вчера о Видѣ я услышалъ —
И сегодня ужъ за ней пріѣхалъ.
Присылай ко мнѣ красотку Виду,
А за ней въ приданое три воза
Золотыхъ дукатовъ на разживу.
Если жъ ты мнѣ Виду не уступишь,
То со мной готовься къ поединку:
Я убью тебя, развѣю прахомъ
Твой дворецъ, возьму малютку Виду,
А всѣхъ тѣхъ, кто только попадется
Во дворцѣ — побью безъ милосердья,
Вороньямъ доставлю пиръ на славу!»
Прочиталъ письмо Пегамъ кесарь,
Прочиталъ и началъ горько плакать;
Плакалъ онъ и говорилъ со вздохомъ:
«До чего, о Боже мой, я дожилъ:
Злой Пегамъ отнять грозится Виду
И зоветъ меня на поединокъ!
Страшенъ бой съ исчадьемъ этимъ адскимъ:
У него три головы на плечахъ,
У него огонь изъ глотки пышетъ,
У него въ устахъ языкъ змѣинный,
А въ груди собачье сердце бѣется:
Просто срамъ — отдать Пегаму Виду,
А на бой идти — идти на гибель;
Съ нимъ никто не можетъ состязаться:
На землѣ такого нѣтъ юнака.
Только Богъ одна надежда наша!»
Такъ судилъ и кесарь самъ, и Вѣна,
Такъ и всѣ судили въ государствѣ.
Весь народъ главу посыпалъ пепломъ,
Посѣщалъ босой святныя церкви,
Приносилъ священные обѣты,
Призывалъ Всевышняго на помощь
И себѣ, и кесарю, и Видѣ.
День прошолъ, за нимъ другой промчался,

Въ третій разъ взомло на небо солнце.
Наконецъ вельможа приближенный,
Бойноміръ, приходитъ къ государю,
Говоритъ ему съ поклономъ низкимъ:
«Выслушай меня, нашъ славный кесарь!
Есть еще у насъ одна надежда:
Къ намъ придетъ еще сегодня помощь
Изъ того плѣнительнаго края,
Гдѣ шумитъ излучистая Сава,
Гдѣ живетъ народъ надежный, храбрый.
Вѣрь, пока въ живыхъ еще нашъ витязь
Ламберггаръ, пока въ немъ бѣется сердце —
Не видать Пегаму нашей Виду.
Посылай скорѣе въ Бѣлый Камень,
Напиши юнаку Ламберггару:
«Ламберггаръ, сѣдай коня скорѣе!
«У меня Пегамъ грозится Виду
«Взять съ моей сѣдою головою
«И побить живое все, что встрѣтитъ.
«У меня струхнули всѣ юнаки;
«Какъ овца дрожитъ при видѣ волка,
«Такъ юнакъ трясется предъ Пегамомъ.
«Осѣдай коня, скачи скорѣе,
«Порази ужаснаго Пегаму,
«Чтобы насъ онъ не срамилъ, проклятый,
«Чтобы онъ не хвастался предъ нами!»
Просилъ въ лицѣ печальный кесарь,
Одарилъ онъ щедро Бойноміра
И послалъ письмо въ тотъ край прекрасный,
Гдѣ шумитъ излучистая Сава,
Гдѣ живетъ народъ надежный, храбрый.
Въ томъ письмѣ, отправленномъ на Саву,
Онъ писалъ юнаку Ламберггару:
«Ламберггаръ, сѣдай коня скорѣе!
У меня Пегамъ грозится Виду
Взять съ моей сѣдою головою
И побить живое все, что встрѣтитъ.
У меня струхнули всѣ юнаки;
Какъ овца дрожитъ при видѣ волка,
Такъ юнакъ трясется предъ Пегамомъ.
Осѣдай коня, скачи скорѣе,
Порази ужаснаго Пегаму,
Чтобы насъ онъ не срамилъ, проклятый,
Чтобы онъ не хвастался предъ нами!»
И письмо пришло въ тотъ край прекрасный,
Гдѣ шумитъ излучистая Сава,
Гдѣ живетъ народъ надежный, храбрый.
И пришло письмо то въ Бѣлый Камень;
Ламберггаръ прочелъ письмо — и слезы
На глазахъ юнака показались,
И сказалъ со вздохомъ онъ: «о, Боже!

До чего мы дожили! самъ вesarь
 Мнѣ велить идти на бой ужасный,
 Страшный бой съ чудовищемъ Пегамомъ.
 Но, клянусь, пока цѣла на плечахъ
 Голова, пока вѣпка десница
 И Господь поддерживаетъ духъ мой —
 Не возьметъ Пегамъ прекрасной Виды,
 Хвастовству его конецъ настанетъ!
 Жернова бросаю я рукою,
 Сталь волю своей булатной саблей —
 Отрублю и голову я ею
 Злому, ненасытному Пегаму.»
 Услыхавъ такіа рѣчи сына,
 Подошла старушка мать къ юнаку,
 Начала давать ему совѣты:
 «Ничего не бойся, милый сынъ мой!
 Крестъ сильный, чѣмъ дьявольская сила —
 Онъ предъ ней, какъ солнце передъ тьмою —
 И съ крестомъ осилишь ты Пегаму:
 Вѣдь онъ хочетъ честный крестъ осилить.
 У него три головы на плечахъ,
 Но изъ нихъ двѣ крайнія — чужія,
 Обѣ — безднъ геенскихъ порожденье,
 Лобъ его въ три пяди вышиною,
 Лобъ его въ три пяди шириною.
 Какъ пойдешь ты на борьбу съ Пегамомъ,
 Крестъ повѣсь на грудь свою вкрутую,
 Осѣни себя крестомъ всесильнымъ,
 Какъ тебя я съ малыхъ лѣтъ учила:
 Этотъ крестъ осилитъ вражью силу
 Въ головахъ пегамовыхъ проклятыхъ.
 Не руби, не трони ихъ острой саблей:
 Ты ударь по головамъ середней.
 Милый сынъ, иди на битву съ Богомъ!
 За тебя я помолюсь усердно.»
 Такъ его учила мать старушка
 До поры, какъ ночь сошла на землю
 И глаза усталые сомкнулись.
 Чудный сонъ привидѣлся старушкѣ,
 Чудный сонъ — добро онъ ей пророчилъ:
 Будто въ небѣ ясномъ, въ поднебесьи
 Страшный змѣй летитъ съ восхода солнца,
 Цѣлый міръ пожрать онъ, словно, хочетъ,
 Небеса далекия и землю;
 А за нимъ два ангела несутся
 Въ облакахъ туманныхъ отъ заката,
 Изъ десницъ такіа стрѣлы мечуть,
 Что дрожить земля, трепещетъ небо —
 И былъ змѣй низверженъ въ бездны ада.
 И сказалъ старушкѣ божій ангель:
 «Встань, пора, голубушка старушка!

Перешла далеко ночь за полночь,
 Ужь заря на небѣ показалась,
 Пѣтухи пропѣли пѣсню утра.»
 Рано утромъ вставъ отъ сна, старушка
 Лобъ, уста и грудь перекрестила
 И идетъ будить героя-сына:
 «Ужь пора вставать, мой сынъ любезный!
 Перешла далеко ночь за полночь,
 Ужь заря на небѣ показалась,
 Пѣтухи пропѣли пѣсню утра.
 Дологъ путь въ далекую столицу,
 А прибыть туда ты долженъ нынѣ.
 Чудный сонъ привидѣлся мнѣ, сынъ мой,
 Чудный сонъ — добро онъ намъ пророчить:
 Будто въ небѣ ясномъ, въ поднебесьи
 Страшный змѣй летитъ съ восхода солнца,
 Цѣлый міръ пожрать онъ, словно, хочетъ,
 Небеса далекия и землю;
 А за нимъ два ангела несутся
 Въ облакахъ туманныхъ отъ заката,
 Изъ десницъ такіа стрѣлы мечуть,
 Что дрожить земля, трепещетъ небо —
 И былъ змѣй низверженъ въ бездны ада!»
 Ламбергаръ колѣно преклоняетъ,
 Крестить лобъ, уста свои и перси;
 Вставъ съ одра, прощается съ старушкой,
 Небесамъ старушку поручаетъ,
 У нея цалуется вѣжно руку.
 Онъ беретъ съ собой нарядъ богатый
 И свою, въ сто центовъ вѣсомъ, саблю,
 Крестъ святой на шею надѣваетъ,
 Покрываетъ голову шоломомъ,
 Не простымъ — изъ золота литого,
 На коня любимаго садится,
 Говоритъ коню онъ вороному:
 «Гей, Сѣрко, мой вѣрный конь-товарищъ!
 Гдѣ найдти бойца, какъ твой хозяинъ?
 Гдѣ смыскать коня, какъ ты, мой вѣрный!
 Ты семь лѣтъ стоялъ спокройно въ стойлѣ,
 Ълъ одну румяную пшеницу,
 Пилъ вино серебрянымъ ушатомъ;
 А теперь пора намъ въ путь-дорогу,
 Въ тяжкій бой съ чудовищемъ Пегамомъ.
 Если мы, Богъ дастъ, домой вернемся —
 Я тебѣ подковы золотыя
 И узду шелковую добуду,
 Подарю парчевую пошону,
 Въ серебро велю обдѣлать ясли,
 Припасу ведерко золотое.»
 И заржалъ Сѣрко подъ Ламбергаромъ;
 Сныплютъ искры звонкіа подковы,

Словно сталь на грузной наковальи
 Подъ кузнечнымъ молотомъ тяжелымъ.
 Быстрѣ соколъ въ далекомъ поднебесьи,
 На землѣ Стрѣдъ еще быстрѣе.
 Изъ-за горъ выходитъ ярко солнце.
 Ламберггаръ по улицамъ люблянскимъ
 На конѣ своемъ такъ быстро скачетъ,
 Что земля дрожить подъ копытами
 И звѣнять во всѣхъ окошкахъ стекла.
 Повернулъ онъ къ мосту черезъ Саву,
 Но не хотеть по мосту онъ ѣхать:
 Конь его чрезъ Саву прямо скачетъ.
 Передъ нимъ мелькаютъ справа, слѣва
 И луга, и рѣки, и поляны;
 Пыль столбомъ несется въ поднебесьѣ.
 Какъ блеститъ оружье Ламберггара!
 Какъ перо колышется на шлемѣ!
 Поглядишь — ужъ солнце на закатѣ,
 Ламберггаръ ужъ у воротъ столицы:
 «Отпирай, привратникъ, Ламберггару,
 А не то махнетъ онъ чрезъ ворота
 И бояръ печальныхъ напугаетъ!»
 Поглядѣлъ на витязя привратникъ,
 Увидалъ, что дѣло не на шутку,
 Взялъ ключи, торопится къ воротамъ —
 И, скрипя, ворота отворились.
 Ламберггаръ вступаетъ гордо въ Вѣну,
 А ему на встрѣчу воеводи —
 Горячо цалуютъ Ламберггара
 И его блестящее оружье;
 И несутся радостные клики
 Въ небесахъ и отдаются долу.
 Во дворецъ героя провожаютъ:
 Трижды онъ предъ кесаремъ склоняетъ
 Голову и молвить: «Ничтѣ утромъ
 Всталъ съ одра я на Землѣ Словенской,
 На Землѣ Словенской, въ Бѣломъ Камнѣ,
 А теперь стою передъ тобою,
 Жду твоихъ священныхъ приказаній.
 Я готовъ вступить въ борьбу съ Пегамомъ
 И, клянуса всемогущимъ Богомъ,
 Государь — пока цѣла на плечахъ
 Голова, пока вѣлика десница
 И Господь поддерживаетъ духъ мой —
 Не возьметъ Пегамъ прекрасной Видны,
 Хвостовству его конецъ настанеть.
 Жернова бросаю я рукою,
 Сталь колю своей булатной саблей,
 Отрублю и голову я ею
 Злому, ненасытному Пегаму,
 Прежде-чѣмъ взойдетъ надъ нами солнце,

Прежде-чѣмъ настанеть утро въ Вѣнѣ.»
 Просіялъ при этомъ грустный кесарь,
 И, на тронъ съ собою Ламберггара
 Посадивъ, устроилъ пиръ на славу,
 Утощалъ его до поздней ночи,
 Наливалъ онъ въ честь его здравицы,
 До поры, какъ Ламберггаръ промолвилъ:
 «Государь, корона государствъ!
 Ужъ пора и отдохнуть порядкомъ,
 Подкрѣпить усталость отъ дороги;
 Посмотри — одиннадцать пробило;
 Предъ борьбой отдохновенье нужно!»
 И встаетъ онъ и ко сну отходить;
 Скоро сонъ ему смежаетъ очи,
 И во снѣ привидѣлось юнаку,
 Что въ лѣсу стоитъ онъ на утесѣ,
 А предъ нимъ — на деревѣ высокомъ —
 Змѣй ползетъ между вѣтвей къ вершинѣ,
 Гдѣ сидитъ невинная голубка —
 Поглотить голубку эту хотеть.
 Но слетаетъ ястребъ сизокрылый
 И своимъ желѣзнымъ, острымъ клювомъ
 Раздробляетъ голову ехиднѣ
 И къ ногамъ бросаетъ Ламберггара.
 Ламберггаръ вмигъ ото сна воспрянулъ
 И, присѣвъ на пышномъ, мягкомъ ложѣ,
 Осѣнилъ крестомъ чело и перси,
 И потомъ, вскочивши, такъ промолвилъ:
 «Слава Богу, отдохнулъ я славно,
 И при этомъ видѣлъ сонъ отличный!
 Ужъ зари румяная на небѣ
 Загорѣлась, ужъ блѣднѣютъ звѣзды —
 Ужъ пора мнѣ снаряжаться въ битву.»
 Надѣваетъ онъ нарядъ богатый,
 И беретъ въ сто центовъ вѣсомъ саблю,
 Крестъ святой на шею надѣваетъ,
 Покрываетъ голову шлемомъ,
 Не простимъ — изъ золота лптого,
 Изъ дворца блестящаго выходитъ,
 На коня любимаго садится,
 Говоритъ коню — коню лихому:
 «Гей, Стрѣдъ, мой вѣрный конь-товарищъ!
 Гдѣ найдти бойца, какъ твой хозяинъ?
 Гдѣ сыскать коня, какъ ты, мой вѣрный?
 Ты семь лѣтъ стоялъ спокойно въ стойлѣ,
 Ълъ одну румяную пшеницу,
 Пилъ вино серебрянымъ ушатомъ,
 А теперь пора намъ въ путь-дорогу,
 Въ тяжкій бой съ чудовищемъ Пегамомъ.
 Если мы, Богъ дастъ, домой вернемся —
 Я тебѣ подковы золотыя

И узду шелковую добуду,
 Подарю парчевую попоу,
 Въ серебро велю обдѣлать ясли,
 Припасу ведро золотое.»
 И заржалъ Сѣредъ подъ Ламберггаромъ,
 Онъ заржалъ и такъ понесся быстро,
 Что земля и дома задрожали
 И въ окошкахъ стекла зазвенѣли.
 Сиплютъ искры звонкія подковы,
 Словно сталь на грузной наковальнѣ
 Подъ кузнечнымъ молотомъ тяжелымъ.
 Онъ въ ворота проѣзжать не хочетъ —
 Скачетъ онъ чрезъ стѣну городскую.
 Вскочитъ кесарь на балконъ высокой,
 А народъ — на стѣнѣ городской.
 Ламберггаръ три раза объѣзжаетъ
 Вкругъ шатра пегамова и громко
 Говоритъ провѣтному Пегаму:
 «Выходи на дугъ, Пегамъ несмытый!
 Ламберггаръ зоветъ тебя на битву.
 Слышалъ я на Савѣ, въ Бѣломъ-Камнѣ,
 О твоей и дерзости и злобѣ;
 Кровь твою я прохладить пріѣхалъ.»
 И Пегамъ высказываетъ быстро,
 Словно звѣрь ужасный трехголовый,
 И кричить: «Какъ разъ ты прибылъ въ пору,
 Сумасбродъ, бродяга! славный завтракъ
 Изъ костей твоихъ я приготовлю
 И напьюсь твоей горячей крови!»
 И летитъ Пегамъ на Ламберггара.
 Ламберггаръ махнулъ булатной саблей,
 По рукѣ Пегамы онъ ударилъ —
 И летитъ рука та сажень двадцать;
 Только глядь — опять Пегамъ съ рукою,
 И въ рукѣ сверкаетъ сабля снова.
 И вскричалъ съ досадою храбрый витязь:
 «Хоть рука и выросла, но, вѣрно,
 Голова не вырастетъ другая,
 Какъ ее на саблю я надѣну!»
 Налетѣлъ онъ снова на Пегамы,
 Словно валъ морской на дикій камень,
 И булатной саблей замахнулся —
 Только гулъ пронесся отъ размаха.
 Онъ ударъ направилъ по средней
 Головѣ чудовища и разомъ
 Снесъ ее съ широкихъ плечъ Пегамы
 И воткнулъ на саблю боевую.
 Голова желѣзными зубами
 На мечѣ булатномъ скрежетала,
 А во прахъ поверженное тѣло
 На травѣ и билось и металось...

Вмигъ другихъ головъ его не стало:
 Словно снѣгъ растаяли, исчезли.
 Льется кровь ручьями изъ Пегамы,
 Жжотъ траву росистую, какъ пламя.
 Ламберггаръ идетъ равниной тихо,
 Съ головой Пегамовой на саблѣ,
 Кажеть онъ ее всему народу,
 Что смотрѣлъ на битву съ стѣнъ высокихъ,
 И потомъ въ Дунай ее кидаетъ —
 И вода, какъ кипятковъ, клопочеть,
 Поглощая голову Пегамы.
 Поднялись восторженные влики
 Къ небесамъ и отдаются долу.
 Острый мечъ рѣшилъ тотъ споръ ужасный!
 Изъ-за горъ выходитъ ярко солнце,
 Льетъ лучи горячіе на Вѣну.
 Возвратася въ столицу послѣ боя,
 Ламберггаръ идетъ въ святую церковь,
 Чтобъ тамъ благодаренье Богу
 Принести за славную побѣду.
 И гремятъ колокола повсюду,
 И «Те Деумъ» слышится во храмахъ.
 Кесарь пиръ устраиваетъ въ замкѣ
 И на пиръ зоветъ онъ Ламберггара,
 Приглашаетъ витязей почѣтныхъ,
 И на тронъ, съ собой и съ Видой рядомъ,
 Ламберггара храбраго сажаетъ;
 Утощаетъ вплоть до поздней ночи,
 Наливаетъ въ честь его здравицы,
 Выдаетъ за Ламберггара Виду,
 А за ней въ приданое три воза
 Золотой монеты назначаетъ,
 Да еще на Савѣ девять замковъ.
 И домой съ красавицей женою
 Ламберггаръ пріѣхалъ въ Бѣлый-Камень
 И себѣ, и матери на радость.
 И теперь гусларь, бродя вдоль Савы,
 Часто пѣснь поетъ подъ звуки гуслей,
 Пѣснь поетъ о славномъ Ламберггарѣ.

М. Петровскій.

Л. ТОМАНЪ.

Лавръ Томанъ, хорутанскій писатель, родился въ 1827 году. Собраніе его стихотвореній, изданное подъ названіемъ «Родные Звуки», пользуется большою извѣстностью въ хорутанской литературѣ. Выбранный въ 1861 году депутатомъ

въ палату представителей въ Вѣнѣ, онъ явился въ ней горячимъ защитникомъ интересовъ хорутанскаго народа. Въ 1870 году, недовольный дѣйствіями австрійскаго правительства, онъ оставилъ, вмѣстѣ съ поляками, палату, что и было причиною паденія министерства Гискры-Гербста-Гаснера. Въ настоящее время Томанъ занимается адвокатурой.

С А В А.

Шумить, шумить серебряная Сава,
Реветь межъ горъ, зѣбится по лугамъ:
Она спѣшитъ къ славянскимъ городамъ,
Родная дочь могучаго Триглава.
О, Сава! ты волной своей поишь
Своихъ сыновъ и вѣрныхъ и могучихъ,
И въ ихъ сердцахъ воинственныхъ, кипучихъ
Геройскій духъ питаешь и крѣпишь.
Кто пьетъ твою серебряную воду,
Тотъ жизнь свою всегда отдать готовъ
За край родной, за славу и свободу,
Въ того она вселиетъ духъ отцовъ
И въ немъ любовь къ его отчизнѣ милой
Горитъ огнемъ — и здѣсь и за могилой.

Н. Гервель.

И. КОСЕСКІЙ.

Иванъ Косескій — лучший изъ современныхъ хорутанскихъ поэтовъ послѣ Прешерна — пользуется огромною популярностью между хорутанами. Но если онъ уступаетъ Прешерну въ поэтическомъ дарованіи, то превосходитъ его тенденціозностью своего направленія. Поэзія Косескаго напоминаетъ нѣсколько панславистскія мечты геніальнаго Коллара, автора «Дочери Славы»: она дышетъ любовью къ славянству и вѣрою въ его великое будущее. Нѣкоторыя изъ эпическихъ его произведеній отличаются несомнѣнными достоинствами и ставятся критикою очень высоко, даже наравнѣ съ «Смертью Ченгичь-аги», знаменитою поэмою Мажуранича. Кромѣ того, Косескому обязана хорутанская литература многими прекрасными переводами съ языковъ русскаго и нѣмецкаго.

СЛОВЕНСКІЙ ОРАТАЙ.

Мой сосѣдъ мужикъ богатый:
Много всякаго добра
У него среди двора,
Передъ хатой и за хатой.
Въ полѣ онъ по цѣлымъ днямъ
Съ утра до ночи трудится;
Въ городъ выѣдетъ — и тамъ
У сосѣда все спорится.
Раздается всюду крикъ:
«Кто богатый тотъ мужикъ?»
Не узнали братья брата:
Это онъ, кто отъ пелѣнъ
Не былъ къ нѣгѣ приученъ:
Онъ — словенскій нашъ оратай!

Слышишь ли вамъ и громъ и клики?
Льется кровь, трубятъ труба!
На смерть страшная борьба
Загорѣлась — бой великій!
Словно лѣсъ пошолъ на лѣсъ,
Строй на строй валить безъ страха,
Поднимая до небесъ
Облака густыя праха.
Бто же — весь гроза и гнѣвъ —
Бьется съ недругомъ, какъ левъ?
Не узнали братья брата:
Это онъ, кто отъ пелѣнъ
Къ битвѣ съ жизнью приученъ:
Онъ — словенскій нашъ оратай!

Скрипъ возовъ, пылитъ дорога:
Выѣзжаютъ на базаръ
Продавать купцы товаръ;
Жита всякаго тамъ много;
Съ нимъ сосѣдъ мой за моря
Барку шлетъ и щедро платитъ;
Барышамъ благодаря,
Рудокопни все захватитъ;
Замки, земли подъ конецъ.
Кто жъ богатый тотъ купецъ?
Не узнали братья брата:
Это онъ, кто отъ пелѣнъ
Къ трудолюбью приученъ,
Онъ — словенскій нашъ оратай!

Вотъ собраніе ученыхъ,
Но одинъ блеститъ межъ нихъ:
Свѣтлымъ разумомъ постигъ
Тьму языковъ онъ мудреныхъ.

Если онъ заговорить:
 Какъ поэта вѣщимъ струнамъ,
 Внемлютъ всё ему; гремѣть
 Онъ на каедрѣ перуномъ —
 Рукоплещетъ весь народъ;
 Кто же мужъ великій тотъ?
 Не узнали братья брата:
 Это онъ, кто отъ пелѣнь
 Самой жизнью умудрѣнь,
 Онъ — словенскій нашъ оратай!

Засѣдаетъ передъ нами
 Неумытный судія:
 Знаютъ всё его края,
 Онъ украшенъ орденами,
 Славный гражданинъ-герой;
 Про него и кесарь знаетъ
 И къ себѣ его порой
 На совѣты призываетъ —
 Отрѣшить отъ правды ложь.
 Кто же это, братья, кто жъ?
 Не узнали развѣ брата:
 Это онъ, кто отъ пелѣнь
 Здраво мыслить приучѣнь,
 Онъ — словенскій нашъ оратай!

Суету оставя свѣта,
 Кто возводитъ къ Небу взоръ,
 Воскликая «Sursum cog»,
 Служить Богу въ поздни гѣта?
 Въ Римѣ папа ни къ кому
 Такъ не ласковъ: милымъ братомъ
 Называетъ, шлетъ ему
 Митру, дѣлаетъ прелатомъ.
 Для него покинуть свѣтъ
 Никакого страха нѣтъ:
 Въ Бозѣ тотъ почитѣ свято,
 Кто съ пеленокъ приучѣнь
 Сердцемъ чтить святой законъ,
 Какъ словенскій нашъ оратай.

Богу преданность во взорѣ,
 На устахъ — Ему хвала,
 Хорошо ль идти дѣла,
 Иль въ дому бѣда и горе,
 Будто все ему равно.
 Сердце жизнью суровой
 Точно сталь закалено,
 А въ лицѣ — загаръ здоровый.
 Такъ воскликнемъ же, друзья:
 Да хранить Господь края,

Гдѣ, талантами богатый,
 Жизнь проводитъ нашъ народъ,
 Гдѣ всему одинъ оплотъ:
 Онъ, словенскій нашъ оратай!

Н. Бергъ.

М. ВИЛЬХАРЪ.

Мирославъ Вильхаръ, современный хорутанскій поэтъ, извѣстенъ болѣе какъ музыкантъ и композиторъ. Кромѣ своихъ собственныхъ стихотвореній, онъ издалъ собраніе народныхъ хорутанскихъ пѣсенъ и въ нимъ мелодіи.

БОГОМИЛА.

Такъ молила, говорила
 Молодая Богомила,
 Мать-старуху обнимая:
 « Не нуди меня, родная,
 Выходить за не милого,
 За Боговича сѣдого!
 Правда, онъ живетъ богато,
 Есть и сѣребро и злато,
 Много ранъ честныхъ на тѣлѣ,
 Храбрость выказалъ на дѣлѣ —
 Такъ, ни слова, да обидно
 И досадно мнѣ, и стыдно,
 Что ходилъ онъ въ тѣ сраженья
 Лѣтъ за тридцать до рожденья
 Моего, моя родная!
 Нѣтъ, ты лучше, дорогая,
 Мнѣ позволь идти за Марка,
 Съ кѣмъ росла, кого такъ жарко,
 Такъ безумно полюбила,
 Кому сердце подарила!»
 Мать-старуха отвѣчала:
 « Дочка, знай, коли не знала,
 Что отецъ твой въ страшныхъ ранахъ
 Палъ героемъ на Балканахъ
 За свой домъ, за край родимый,
 За покой семьи любимой,
 И велѣлъ мнѣ, умирая,
 Чтобы выдала тебя я
 За Боговича Вадима,
 Его друга, побратима.»
 За Боговича сѣдого
 Дочка вышла — и ни слова,

Да не долго горевала:
 Въ первый день ее не стало,
 На второй — ее отиѣли,
 А на третій — пожаляли.

Н. Гьрвель.

Ф. ЛЕВСТИКЪ.

Францъ Левстикъ, хорутанскій поэтъ и учонный, родился въ 1833 году въ Лашѣ, въ Крайнѣ. Несмотря на крайнюю бѣдность своихъ родителей, онъ прошолъ гимназію въ Люблянахъ и политехнический институтъ въ Вѣнѣ. Затѣмъ, нищета принудила его принять стипендію въ одной изъ католическихъ семинарій; но изданіе имъ «Пѣсень», въ 1853 году, признанныхъ неблагочестивыми, возбудило противъ него начальство, которое кончило тѣмъ, что исключило его изъ заведенія и подвергло разнымъ пресѣдованіямъ. Наконецъ ему удалось получить мѣсто гувернера въ частномъ домѣ, а въ 1864 году онъ былъ назначенъ секретаремъ Словенской Матицы въ Люблянахъ (Лейбахѣ). Его «Пѣсни» считаются одними изъ лучшихъ въ хорутанской литературѣ; кромѣ того, онъ написалъ много учонныхъ статей, посвященныхъ разработкѣ хорутанскаго языка въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніи.

ДѢВУШКА И ПТИЦА.

Красавица черпала воду ведромъ:
 Ведро жестяное блеститъ серебромъ;
 И глянула въ воду и видитъ свой ликъ —
 Игривымъ румянцемъ зардѣлася вмигъ
 И молвить: «красна я придожа я впрямъ,
 И за три я града красы не отдамъ!»
 Веселая птичка въ сирени густой
 Вдругъ пѣсню запѣла красавицѣ той:
 «Ахъ, если бѣ явился тутъ смѣлый юнакъ,
 Онъ взялъ бы красавицу, взялъ бы и такъ.»
 — «Напрасно ты это поешь — говоришь!
 Поймала бѣ тебя я, но ты улетишь!»
 — «Когда бы ты крылья имѣла какъ я,
 Умчалась бы живо въ иные края —
 И кто бы ни встрѣлся — убогій, босой —

Боль это, красавица, суженный твой —
 Ему бы свою ты красу отдала
 И въ хатѣ простой съ нимъ счастлива была!»
 Прогля то птичка — и порхъ въ небеса.
 Ей вслѣдъ поглядѣла дѣвица-краса
 И молвить: «быть-можетъ случится и такъ,
 Что будетъ мнѣ дорогъ убогій бѣднякъ:
 Летая вездѣ, ты, гѣсной чародѣй,
 Всего насмотрѣлся и знаешь людей.»

Н. Бергъ.

А. ПРАПРОТНИКЪ.

А. Прапротникъ, современный хорутанскій поэтъ, пользуется большою извѣстностью въ своемъ краѣ, какъ авторъ многихъ патриотическихъ стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторыя вошли въ народъ и распѣваются по всей Крайнѣ какъ народныя. Въ настоящее время Прапротникъ занимаетъ скромное мѣсто учителя въ городской школѣ въ Люблянахъ.

РОДИНѢ.

Отчизна! что за звукъ могучій!
 Ты мнѣ мила и безъ вѣнца;
 Ты въ сердцѣ тлѣешь искрой жгучей
 И будешь тлѣть тамъ до конца.

Твой свѣтъ мнѣ въ душу проникаетъ —
 И благодаренъ я судьбѣ;
 Но горе грудь мою терзаетъ,
 Когда я мыслю о тебѣ.

Ты хороша, какъ сердца грѣзы!...
 Струна восторженно звучитъ —
 И капятъ радостныя слѣзы
 Изъ глазъ и сердца на гранитъ.

О, солнце! ясными лучами
 Надъ милой родиной сіяй,
 И — всю покрытую цвѣтами —
 Ее и грѣй и освѣщай!

Н. Гьрвель.

ЧЕШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Если каждая литература отражает въ себѣ положеніе и историческія судьбы народа, то этотъ отпечатокъ внѣшнихъ обстоятельствъ едва ли обнаруживается гдѣ-либо явственнѣе, чѣмъ въ литературѣ чешской. Передовой стражъ славянства на западѣ, народъ чешскій въ продолженіе первыхъ вѣковъ своей исторіи (IX — XIV) видѣлъ, какъ славянскія племена, стоявшія рядомъ съ нимъ и покрывавшія его границы, мало-помалу уступали напору германской народности, какъ они частью истреблялись германскимъ мечѣмъ, прокладываямъ дорогу нѣмецкимъ колонистамъ, частью добровольно перенимали нѣмецкій языкъ и бытъ и превращались въ яростныхъ нѣмцевъ; онъ видѣлъ, какъ кругомъ его земли оснѣпалась, такъ сказать, славянская почва, заливаемая нѣмецкою волною, и онъ, наконецъ, остался одинъ, окруженный и съ запада, и съ сѣвера, и съ юга, и отчасти даже съ востока нѣмцами; онъ видѣлъ, онъ чувствовалъ, какъ нѣмцы стремились и на него, какъ имъ нужно стало покончить и съ нимъ, съ этимъ послѣднимъ славянскимъ клиномъ въ разросшемся тѣлѣ Германіи. Борьба за существованіе сдѣлалась главною историческою задачею чешскаго народа. Если онъ не палъ въ столь неравной борьбѣ, то этимъ онъ обязанъ отчасти выгодамъ своего положенія въ странѣ, которой горы долгое время служили природною защитою, а еще болѣе тому, что начатки просвѣщенія были имъ приняты съ славянскаго востока, а не съ германскаго запада. Но борьба за сохраненіе

своей славянской народности должна была поглотить всѣ помыслы, всѣ живыя силы чеховъ, и подчинить себѣ, какъ орудіе, ихъ литературу, также какъ она подчинила себѣ ихъ общественную и политическую жизнь. Нѣтъ литературы, которая такъ мало соответствовала бы идеалу *искусства для искусства*. «Ich singe wie der Vogel singt» — этотъ девизъ менѣе всѣхъ идетъ въ чешской литературѣ и поэзіи. У чеховъ литература и поэзія есть служебное орудіе — въ настоящее время одно изъ важнѣйшихъ, если не самое важное — орудіе великой народной мысли: удержать за славянствомъ центръ европейскаго материка, не сдаться нѣмцамъ, покуда быть-можетъ другіе славяне не приспѣютъ на помощь и завершится тысячелѣтняя борьба.

Только на самомъ разсвѣтѣ исторіи, когда опасность отъ Германіи не была такъ близка и славянству въ Чехіи жилось привольнѣе, мы находимъ тамъ поэзію, свободную отъ этихъ постороннихъ заботъ. Но и въ ней уже слышится такое живое сознаніе борьбы за народность, какого нельзя замѣтить нигдѣ въ тогдашней Европѣ. «Не хвалю намъ въ нѣмцѣхъ искать правду, у насъ правда по закону святу», говоритъ древнѣйшая поэма чешская, «Любушиинъ Судъ». «Пришолъ чужой насильственно въ вотчину и сталъ приказывать чужими словами, и какъ дѣлается въ чужой землѣ съ утра до вечера, такъ пришлось дѣлать нашимъ дѣткамъ и жонамъ» — этими словами описываетъ Забой нѣмецкое иго,

призывая пѣсню своихъ родичей возстать противъ нѣмецкаго полководца Людека, этого «раба надъ рабами короля». Съ восторгомъ изображалъ чешскій пѣвецъ, какъ, благодаря Бенешу Германнчу, «пришлось нѣмцамъ взвыть и пришлось нѣмцамъ улепетывать и было имъ побитіе!»

«Мужи! да не будетъ отъ васъ скрыто» — говоритъ старшій князь Залабскій, приглашая вѣтзей на турниръ—«да не будетъ отъ васъ скрыто, по какой причинѣ вы собрались. Храбрые мужи, я хочу узнать, которые изъ васъ для меня пригодны. Во время мира мудро ждать войны: вездѣ намъ сосѣди нѣмцы!»

Стихотворенія, въ которыхъ мы встрѣчаемъ столь ясное пониманіе рокового антагонизма съ нѣмцами, принадлежать къ древнѣйшему періоду чешской исторіи. Первыя изъ нихъ, «Любушинъ Судъ» и «Забой», относятся, если не по времени сочиненія, то по содержанію, къ IX вѣку; «Бенешъ Германнчъ» и «Людиша и Люборъ» принадлежать къ XIII вѣку.

«Любушинъ Судъ» писанъ на пергаментной тетрадь, обличающей глубокую древность, такъ что многіе приписываютъ и самую рукопись IX-му или X-му вѣку. Тетрадка эта была найдена въ 1817 году Іосифомъ Коваржемъ, казначеемъ графа Коллоредо, въ архивѣ замка сего послѣдняго на Зеленой горѣ. «Забой», «Бенешъ Германнчъ», «Людиша и Люборъ» (иначе «Турниръ»), вмѣстѣ съ поэмами «Чегмиръ и Влаславъ», «Олдрихъ и Болеславъ», «Збигонъ», «Ярославъ» и нѣкоторыми небольшими стихотвореніями входятъ въ составъ мелко исписанной пергаментной рукописи, отысканной покойнымъ Ганкою въ 1818 году въ колокольнѣ старой церкви въ Краледворѣ, и потому извѣстной подъ названіемъ «Краледворской Рукописи». Это сборникъ стихотвореній, писанный около 1280 года и котораго нумерація показываетъ, что до насъ дошло менѣе $\frac{1}{7}$ его части. Это одно достаточно свидѣтельствуетъ о богатствѣ поэзіи, процвѣтавшей въ Чехіи въ первую пору ея исторической жизни.

Во враждѣ своей къ чешской народности, не всегда разборчивые на средства нѣмцы старались набросить тѣнь подозрѣнія на подлинность и «Любушина Суда» и «Краледворской Рукописи». Сущность ихъ аргументовъ заключалась, собственно, въ одномъ: какъ-могъ могли славяне, народъ грубый и къ цивилизаціи неспособный, имѣть, да еще въ столь древнюю пору, такіа превосходныя поэмы, которыя, пожалуй, лучше

нѣмецкихъ твореній того времени! Но, какъ водится, аргументъ этотъ облескался въ разныя ученые доводы. Труды Шафарика и Палацкаго, Томка и Иречка устранили всѣ эти злонамѣренныя нападки и поставили подлинность «Любушина Суда» и «Краледворской Рукописи» выше всякаго сомнѣнія. Впрочемъ, подобное сомнѣніе было столь же нелѣпо, какъ раздававшіяся нѣкогда и у насъ возраженія противъ подлинности «Слова о полку Игоревѣ». Въ ту пору, когда найдены «Слово», также какъ «Любушинъ Судъ» и «Краледворская Рукопись», свѣдѣнія о древнемъ языкѣ и бытѣ славянъ были таковы, что для поддѣлки подобныхъ произведеній требовался бы не только изумительный геній поэта, но и даръ провидѣнія открытія, сдѣланныхъ наукою лишь въ послѣднія десятилѣтія.

«Любушинъ Судъ» и стихотворенія «Краледворской Рукописи» представляютъ много сходнаго съ народными эпическими пѣснями, которыя и нынѣ еще поются у сербовъ и болгаръ. Но мы едва ли можемъ причислить эти произведенія чешскаго эпоса непосредственно къ области такъ-называемой народной поэзіи. Нѣтъ, они относятся къ тому періоду творчества, когда народная пѣснь и поэзія художественная еще не отдѣлились. Кто рѣшитъ, принадлежать ли рапсодіи Гомера къ народной поэзіи или къ художественной литературѣ? Такъ точно и эти древнія чешскія творенія. Въ тѣ первобытныя эпохи были у всѣхъ почти народовъ особыя пѣвцы по ремеслу (рапсоды, барды, скалды и т. д.). Ихъ потомковъ мы находимъ въ нынѣшнихъ сербскихъ *цуслярахъ*, малороссійскихъ *бандуристахъ*, *скажителяхъ* нашего Сѣвера. Но между тѣми «соловьями стараго времени» и нынѣшними пѣвцами та громадная разница, что эти послѣдніе ограничены тѣснымъ кругомъ сельской жизни и, съ изсякновеніемъ творчества, большею частью только повторяютъ довольно плохо сохраняемыя въ памяти остатки старинныхъ пѣсенъ; а въ первобытныя эпохи — рапсодъ былъ спутникъ, нерѣдко другъ и совѣтникъ князя, представитель высшихъ общественныхъ интересовъ и высшей мудрости въ странѣ. Что княжескія пѣвцы имѣли нѣкогда и у славянъ такое же значеніе, какъ въ первобытныя эпохи Греціи, Германіи, Скандинавіи и т. д., на то есть достовѣрные указанія; и къ произведеніямъ этихъ-то пѣвцовъ мы относимъ, какъ «Слово о Полку Игоревѣ», такъ и «Любушинъ Судъ» и стихотворенія «Краледворской Рукописи». Оттого-

то въ нихъ и совмѣщается характеръ непосредственной народной поэзіи съ несомнѣнными признаками художественной отдѣлки.

«Любушинъ Судъ», «Забой» и «Честмиръ и Влаславъ» переносятъ насъ въ эпоху язычества. Въ первомъ изображается распря, бывшая поводомъ къ призванію на престолъ Премысла, родоначальника первой династіи чешскихъ государей. «Забой» воспѣваетъ побѣду, освободившую Чехію отъ вторженія вѣмецкихъ войскъ при Карлѣ Великомъ или одномъ изъ его преемниковъ. Въ поэмѣ «Честмиръ и Влаславъ» описывается борьба пражскаго князя Неклана съ княземъ племени лучанъ (въ сѣверо-западной части Чехіи) Властиславомъ, борьба кончившаяся смертію Властислава и торжествомъ пражскаго государя надъ племенной усобицей. Эти три поэмы единственные литературные памятники до-христіанскаго времени у славянъ. О поэтическихъ красотахъ ихъ мы не будемъ распространяться; ихъ почувствуетъ всякій, кто прочтетъ эти стихотворенія, помѣщаясь въ настоящей книгѣ цѣлкомъ. Но чего нельзя передать въ переводѣ — это чудная простота и сила древняго поэтическаго языка, въ которомъ каждое слово отчеканено съ выразительностію и отчетливостію, какія можно найти только у величайшихъ художниковъ. Форма въ «Любушиномъ Судѣ» — 10-ти сложный эпическій стихъ, господствующій понынѣ въ сербскомъ народномъ эпосѣ; тотъ же размѣръ преобладаетъ и въ «Забой» и въ «Честмиръ и Влаславъ», но мѣстами переходитъ въ вольный стихъ, уподобляющійся поэтической прозѣ «Слова о Полку Игоревѣ». Любопытно, что въ этихъ поэмахъ замѣтны слѣды такъ-называемой *аллитераціи* (созвучія), составляющей также особенность древнѣйшей германской и скандинавской поэзіи *).

Поэма «Ольдрихъ и Болеславъ», отъ которой уцѣлѣлъ только конецъ, относится къ событію 1004 года: въ ней изображено освобожденіе Праги отъ войска Болеслава Храбраго; «Бенешъ Германчъ» описываетъ побѣду надъ саксонцами,

*) Къ примѣрамъ аллитераціи, которые приводитъ г. Иречекъ, прибавимъ слѣдующіе стихи изъ «Честмира и Власлава»:

*Врадова се Войширъ велеле
Взола съ скалы власетъ въ мѣстъ звучнымъ:
Незьярете се, божи, свему служъ,
Етъ не пали обѣтъ въ двешнѣтъ слунци! и т. д.*

одержанную въ 1203 году, «Ярославъ» — освобожденіе Моравіи отъ нашествія татаръ въ 1241 году. Самая поэма «Ярославъ» сочинена въ концѣ XIII вѣка. Она есть послѣдній плодъ чистаго славянскаго эпоса въ Чехіи. Рука сочинителя-художника здѣсь особенно явственна. Въ «Ярославѣ» мы видимъ уже полное господство христіанской стихіи; но замѣчательно, что поэтъ относится къ христіанскому Богу почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ его предшественники къ богамъ языческимъ. Сравнимъ слѣдующія два мѣста: «Нужна жертва богамъ», говоритъ въ языческой поэмѣ Честмиръ въ отвѣтъ Воймиру, предлагавшему отложить жертвоприношеніе до конца битвы: «нужна жертва богамъ, мы и такъ цынче поспѣемъ на враговъ. Садись сейчасъ на быстрыхъ коней, пролети дѣса оленьимъ своимъ туда, въ дубраву. Тамъ въ сторонѣ отъ дороги скала любезная богамъ. На ея вершинѣ принеси жертву богамъ, богамъ своимъ спасаемъ, за побѣду позади, за побѣду впереди. Пова... подымется солнце надъ верхушками дѣсными, придетъ и войско туда, гдѣ твоя жертва повѣтъ въ столпахъ дыма, и поклонится все войско, пдя мимо... Горѣла жертва; и приближается войско, идутъ одинъ за другимъ, неся оружье. Каждый, идя кругомъ жертвы, возглашалъ богамъ славу...»

А въ «Ярославѣ» описывается, какъ христіане, окруженные татарами и умирая отъ жажды подъ палящимъ зноемъ, думали было о сдачѣ. Но тутъ къ нимъ обращается Вратиславъ: «Постыдитесь, мужи, такихъ рѣчей. Если мы погибнемъ отъ жажды на этомъ холму, такая смерть будетъ Богомъ назначена, а сдадимся мечу нашихъ враговъ — сами совершимъ надъ собой убійство. Мерзость предъ Господомъ — рабство, грѣхъ въ рабство отдать добровольно шею. За мной пойдите, мужи, кто такъ думаетъ, за мной къ престолу Матери Божіей». Идетъ за нимъ множество къ святой часовнѣ: «Встань, о Господи, въ своемъ гнѣвѣ и возвыси насъ надъ врагами. Услышь голоса, что къ тебѣ взываютъ. Окружены мы лютыми врагами; освободи насъ отъ сѣтей свирѣпыхъ татаръ и дай влагу нашимъ утробамъ. Громогласную жертву ми тебѣ воздадимъ. Погуби въ земляхъ нашихъ врага, истреби его во вѣки, во вѣки вѣковъ!»

Въ этихъ словахъ Вратислава, общающаго Богу *громогласную жертву*, намъ слышится отзвукъ той эпохи, когда славянинъ, идя вокругъ языческой жертвы, возглашалъ славу своимъ древ-

нимъ богаты: даже выраженія поетовъ въ обихъ случаяхъ одни и тѣ же.

Поэма объ Ярославѣ представляетъ еще любопытную черту. Ея сочинитель какъ бы не знаетъ различія церковнаго, уже отдѣльнаго западную Европу отъ восточной. Онъ говоритъ о великой побѣдѣ татаръ надъ христіанами, о томъ, какъ послѣ этой побѣды они «наложили на христіанъ дань великую, подчинили себѣ два царства, старый Кіевъ и Новгородъ пространный» *). Читая это съ понятіями нашего вѣка, мы тутъ не находимъ ничего особеннаго. Но надобно вспомнить, что это говорилъ чешскій поэтъ XIII столѣтія, эпохи крестовыхъ походовъ и апогея римскаго владычества. Если бы вторженіе татаръ въ Европу описывалъ въ XIII вѣкѣ поэтъ изъ западныхъ народовъ, то онъ едва ли рѣшился бы назвать русскихъ, наравнѣ съ своими единовѣрцами, просто-на-просто христіанами, ибо для западнаго человѣка того времени послѣдователи восточной церкви были — невѣрныя, немногими лучше язычниковъ.

Съ «Ярославомъ» мы прощаемся съ самобытною славянскою поэзіею въ Чехіи и переходимъ въ періодъ подражанія. Подражательность проявляется и въ формѣ и въ содержаніи. Ритмованныя строчки замѣняютъ народный славянскій стихъ, сюжеты средневѣковой западной литера-

*) Это упоминаніе о Новгородѣ дало поводъ къ довольно странному толкованію. Защищая «Краледворскую Рукопись» отъ нѣмецкихъ придирокъ, въ ней ничего не щадяшихъ, г. Иречекъ зашелъ въ настоящемъ случаѣ слишкомъ далеко въ своемъ стараніи доказать ея историческую достовѣрность. Его смутило то, что Новгородъ не былъ царствомъ и не былъ покоренъ татарами, и потому онъ съ восхищеніемъ указываетъ въ русской лѣтописи извѣстіе о взятіи татарами Новгорода-Волынскаго. «Вотъ, говоритъ онъ, тотъ Новгородъ, о которомъ упомянулъ сочинитель «Ярослава»: нашъ поэтъ вѣрнѣ исторической истинѣ». Тутъ не принято во вниманіе только одно, что эпическая поэма не есть дипломатическій документъ. Очевидно, что поэтъ слышалъ о покореніи Руси татарами; а Русь того времени, какъ ему было извѣстно, состояла изъ двухъ главныхъ частей: Кіевской и Новгородской. Вотъ онъ и говоритъ, что татары подчинили себѣ старый Кіевъ и Новгородъ пространный. Послѣднее выраженіе указываетъ прямо на то, что рѣчь идетъ о *великомъ* Новгородѣ, а не о такомъ ничтожномъ городѣ, какъ Новгородъ-Волынский. Поэтъ слышалъ несомнѣнно этотъ титулъ: *великій* Новгородъ, и не будучи знакомъ съ подробностями отношеній русскихъ городовъ, понялъ его, какъ видно, въ матеріальномъ смыслѣ величій его окружности или его владѣній. Оттого-то онъ и написалъ, съ тою точностью выраженій, какою отличается эпическій языкъ древнихъ чешскихъ поэмъ — Новгородъ *пространный*.

туры, свѣтской и духовной, изгоняютъ родныя темы. Такова чешская литература XIV вѣка. Въ ней мы находимъ и мистеріи, въ родѣ тѣхъ, которыя игрались тогда на западѣ, какъ «Мастичкарь», т. е. продавецъ маселъ, и «Гробъ Божій», не безъ таланта передѣланные на чешскій языкъ рыцарскіе романы въ стихахъ, какъ «Александріада», «Тристрамъ», «Тандаріасъ и Флорибелла» и даже оригинальный романъ въ прозѣ — «Ткадичекъ», легенды въ стихахъ и прозѣ, изъ которыхъ самая замѣчательная, жизнь св. Екаторины, принадлежитъ еще къ XIII столѣтію, басни, множество аллегорическихъ и правоучительныхъ стихотвореній. Вся эта довольно обширная литература представляется намъ теперь безжизненною и не имѣетъ уже интереса. Но не смотря на это подражаніе литературнымъ образцамъ современнаго запада, сознаніе славянской народности не умирало въ Чехіи; напротивъ того, оно заиграло еще сильнѣе подъ гнетомъ иностранныхъ вліяній; отпоръ нѣмецкому элементу сталъ входить въ число прямыхъ задачъ литературной дѣятельности. Въ первый разъ задачу эту поставилъ себѣ сознательно авторъ замѣчательнаго произведенія, которое стоитъ на порогѣ XIII и XIV вѣка. Это — хроника въ стихахъ, по недоразумѣнію получившая названіе Далмиковой. Авторъ ея, настоящее имя котораго неизвѣстно, былъ чешскій рыцарь; онъ писалъ между 1282 и 1314 годовъ. До него лѣтописи писались въ Чехіи монахами на латинскомъ языкѣ; онъ рѣшился передать ихъ содержаніе по-чешски, дабы каждый могъ узнать прошлое своего народа и «прилежалъ своему языку», имѣя передъ глазами «честь своей земли и леть ея неприятелей». Вся книга направлена противъ той пагубной для славянства политики, которая заставляла послѣднихъ чешскихъ королей изъ Премысловой династіи покровительствовать нѣмецкимъ колоніямъ, давать имъ привилегіи, вѣрять должности нѣмцамъ и тѣмъ вселять въ самихъ чехахъ охоту становиться нѣмцами. Нами приведенъ выше извѣстный стихъ «Любушина Суда»: «нехвально въ нѣмцахъ искать правды». Послушаемъ теперь, какъ авторъ хроники парафразируетъ ученіе чешской пророчицы:

«Если вами владѣть будетъ чужеземецъ, то языкъ вашъ не долго продержится. Горько между чужими, а среди своихъ утѣшится и скорбацій. Чешское хотя и шершаво, однако не плѣняется чужеземнымъ, чешская голова. Скорѣе змѣя со-

грѣбется на льду, чѣмъ нѣмецъ пожелаетъ чеху добра. Гдѣ народъ единъ, тамъ онъ и славенъ!» Этотъ взглядъ проводится черезъ всю книгу.

Такъ, между прочимъ, рассказавъ о королѣ Вячеславѣ II, что онъ дозволилъ панамъ творить насиліе и захватывать имѣнія сиротъ, авторъ выставляетъ, что Богъ, въ кару за этотъ грѣхъ, наслалъ на него помраченіе: «онъ сталъ пускать въ свой совѣтъ нѣмцевъ и ихъ во всемъ держаться. То было явное знаменіе великаго Божьяго гнѣва, что умъ его одурѣлъ до такой степени, что онъ взялъ себѣ въ друзья враговъ». Кончаетъ авторъ свою хронику совѣтами чешскимъ панамъ: «Совѣтую вамъ, будьте себѣ на умѣ, не пускайте въ землю иностранцевъ. Если вы не будете въ этомъ разсудительны, то самъ топоръ обтешетъ для себя топоряще. Совѣтую вамъ, если дѣло зайдетъ о выборѣ короля, не ходите сквозь гѣсъ за кривымъ деревомъ. Что я подѣ этимъ разумѣю, самъ пойми: выбирай своего, не бери изъ чужого народа. Помни, чему тебя учила Любуша, которая никогда не обманывалась въ своемъ словѣ.»

Что трудъ чешскаго автора достигалъ своей цѣли въ средѣ тогдашняго общества, тому лучшимъ доказательствомъ служитъ извлеченіе изъ его хроники, сдѣланное прозою въ 1437 году, подѣ заглавіемъ: «Краткая выборка изъ чешскихъ хроникъ, къ предостереженію вѣрныхъ чеховъ». Вотъ первыя слова этой «выборки»: «Чехи должны тщательно стараться и всемирно остерегаться, чтобы не попасть подѣ управленіе чужого народа и особливо нѣмецкаго; ибо, какъ доказываютъ чешскія гѣтописи, этотъ народъ нанзлѣйшій въ нанесеніи ударовъ языку *) чешскому и славянскому. Со всевозможнымъ тщаніемъ онъ постоянно съ этою цѣлію работаетъ и всякими способами и хитростями старается о томъ, какъ бы уничтожить этотъ языкъ, употребляя къ тому всякія средства и возни» и т. д.

Во второй половинѣ XIV вѣка представителемъ чешской поэзіи является Смиль Фляшка изъ Пардубиць, одинъ изъ знатнѣйшихъ членовъ чешскаго дворянства (ум. 1403). Онъ былъ авторомъ разныхъ аллегорическихъ и нравоучительныхъ стихотвореній. Этотъ родъ поэзіи, наименѣ поэтической изъ всѣхъ, кажется особенно соотвѣтствовалъ тогдашнему настроенію умовъ въ Чехіи. Въ то время началъ выдвигать-

ся церковный вопросъ, вскорѣ поглотившій всѣ умственные и общественныя силы чешскаго народа. Предвѣстникомъ этой новой эпохи былъ Фома Шитный, замѣчательнѣйшій чешскій писатель XIV вѣка, оставившій обширныя сочиненія религиознаго и философскаго содержанія (родился около 1330, умеръ около 1400 года). Онъ первый рѣшился писать на народномъ языкѣ о богословскихъ и философскихъ предметахъ, которые до того времени, будучи излагаемы не иначе какъ по латини, оставались достояніемъ учонаго сословія. Подѣ перомъ Шитнаго чешская проза достигла съ перваго разу замѣчательной ясности и точности въ передачѣ отвлеченныхъ понятій, безъ насилія духу языка: въ этомъ отношеніи Шитный можетъ считаться писателемъ образцовымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что его сочиненія, популяризуя вопросы, въ ту пору всего болѣе занимавшіе человечество, способствовали религиозному движенію, которое вслѣдъ затѣмъ охватило Чехію.

Движеніе это извѣстно подѣ именемъ *чусимскаю*. Оно заключало въ себѣ и освобожденіе церкви отъ оковъ Рима и политическую революцію, избавившую чешскую народность отъ преобладанія германизма, постепенно, въ продолженіе XIII-го и XIV-го столѣтій, всасывавшагося въ Чехію при пособіи правительства и аристократіи и грозившаго поглотить тамъ славянскую стихію, какъ это случилось въ сосѣдней Силезіи. Славная борьба, открытая на духовномъ погѣ Гусомъ, ознаменованная безпримѣрными побѣдами Жижки и Прокота надъ ополченіями всей католической Европы и завершонная блестящимъ царствованіемъ народнаго избранника Подѣбрада, потребовала отъ чешскаго народа напряженія силъ, умственныхъ и матеріальныхъ, какое едва ли приходилось испытать другому изъ европейскихъ народовъ. Трудно характеризовать спокойнымъ историческимъ слономъ то настроеніе, которое овладѣло тогда чехами и одно могло дать имъ устоять противъ всего запада. Намъ нужно обратиться къ памятнику того времени. Вотъ подлинныя слова изъ устава, принятаго чехами, которые, подѣ предводительствомъ Жижки, ополчились на защиту своей страны и своей вѣры:

«Милостію и щедротою Отца и Господа Бога всемогущаго увѣровавъ и пріявъ просвѣщеніе истинной и непреложной правды и закона Божія . . . и будучи побуждаемы духомъ благимъ, зная и разумѣя, что всѣ вещи

*) Слово «языкъ» въ старинныхъ чешскихъ памятникахъ, какъ и у насъ, употреблялось въ смыслѣ «народности».

міра сего переходяци и тлѣнны, но истина Господа Іисуса Христа, Бога всемогущаго, остається во вѣки: того ради мы, братъ Іоаннъ Жижка отъ Чаши *) и прочіе гетманы, паны, рыцари, дворяне**), бургомистры, городскіе совѣтники и всѣ общины, панскія, рыцарскія, дворянскія и городскія, мы... намѣреваемся, помощію Божіею и общественною, за всякіе беспорядки карать, бить и наказывать, сѣчь, убивать, рубить, вѣшать, топить, жечь и мстить всякаго рода местию, каковыя кары подобаютъ злымъ по закону Божіему, не изъемя никого, какаго бы сословія ни было, ни мужчины, ни женщины. И если мы будемъ соблюдать вышеписанныя спасительныя правила, то Господь Богъ пособитъ намъ своею святою милостию и помощію. Ибо такъ надлежитъ дѣлать для Божьяго боя и жить добродѣтельно, по христіански, въ любви и страхѣ божіемъ, возлагая упованіе на Бога и ожидая отъ него вѣчной награды. И мы просимъ васъ, любезныя общины во всѣхъ краяхъ, князей, пановъ, рыцарей, дворянъ, мѣщанъ, ремесленниковъ, работниковъ, поселянъ и всякаго званія людей, а въ особенности вѣрныхъ чеховъ, принять нашъ уставъ и помочь намъ его исполнить. А мы за-то хотимъ стоять и мстить за васъ, ради Господа Бога и ради его святаго распятія, для освобожденія истины закона Божьяго и ея возвеличенія, для пособленія вѣрнымъ сынамъ святой церкви, въ особенности изъ народа чешскаго и славянскаго, и всего христіанства, и для уничтоженія еретиковъ, лицемѣровъ и развратниковъ, дабы Господь Богъ всемогущій соизволилъ дать намъ и вамъ свою помощь и одолѣніе надъ врагами своими и нашими и ратовалъ бы за насъ съ вами своею мощію и не лишилъ насъ своей святой милости. Аминь.»

При такомъ настроеніи въ народѣ можетъ ли остаться мѣсто художественному творчеству, поэзій? Поэзія чешская въ гуситскій періодъ ограничивалась церковнымъ гимномъ и военнымъ маршемъ. Иногда излагались стихами богословскія

пренія и историческіе эпизоды. Прозаическая литература получила большіе размѣры; Гусъ установилъ правила чешскаго правописанія и грамматики, но вся литература эта служила исключительно интересамъ дня: проповѣди, масса сочиненій по богословской и юридической части, историческія записки, необходимыя для практическихъ цѣлей книги о военномъ строѣ, о хирургіи и т. д., — вотъ главное ея содержаніе. Она имѣетъ высокое значеніе историческое, но никакого художественнаго. Важнѣйшіе чешскіе писатели этого времени были: Гусъ (особенно замѣчательны его письма), Янъ Прибрамъ, Янъ Рокшпана, Петръ Хелчицкій (писатели богословскіе), Лаврентій Брзова (авторъ обширныхъ историческихъ сочиненій), Циборъ Товачовскій и Викторинъ Корнелій Вшегордъ (писатели юридическіе).

XVI столѣтіе называется обыкновенно «золотымъ вѣкомъ» чешской литературы. Если такое названіе заслуживается хорошимъ слогаемъ и плодотворностью, то дѣйствительно этотъ періодъ можетъ быть названъ золотымъ вѣкомъ. Языкъ чешскій достигъ замѣчательной степени обработки; спокойствіе, наступившее послѣ гуситскихъ бурь, давало досугъ заниматься литературой, а живой интересъ къ вопросамъ религіи и науки, завѣщанный эпохою борьбы, которая велась за свободу вѣры, устремлялъ вниманіе чешскихъ писателей на всѣ отрасли знанія, тому времени доступнаго. Но напряженіе силъ предъидущей поры явно истощило народъ чешскій: не смотря на досугъ, на высокую степень образованности, на ясное сознаніе народности, творчества въ немъ уже не было. Этотъ «золотой вѣкъ» Чехіи не произвелъ ни одного памятника замѣчательнаго. Вся тогдашняя литература можетъ быть характеризована немногими словами: прекрасный языкъ, посредственность и скука.

Поэзія ограничивалась по прежнему переложеніемъ псалмовъ, церковными гимнами и пьесами дидактическаго содержанія. Лучшимъ стихотворцемъ этого времени признается Симеонъ Ломницкій. Изъ прозаическихъ писателей назовемъ главнѣйшихъ: Бартошъ и Сивестъ изъ Оттердорфа, оба авторы мемуаровъ, Вячеславъ Гаекъ, составитель чешской хроники, Іоаннъ Благославъ, авторъ чешской грамматики и исторіи секты чешскихъ братій, Данилъ Велеславинъ, авторъ разныхъ историческихъ сочиненій, Матвѣй Гозиусъ, переведшій на чешскій языкъ «Москов-

*) Въ Чехіи существовалъ обычай принимать дворянскій титулъ съ частицею *zъ*, соответствующею вѣмецкому *von*. Жижка замѣнилъ свой титулъ «*zъ Трочнова*», титуломъ «*zъ Калаху*», такъ-какъ чаша для причащенія была символомъ густства.

**) *Паны* въ Чехіи означали членовъ высшей аристократіи, магнатовъ; мелкіе дворяне назывались: *паноши*; мы переводимъ это названіе словомъ — *дворяне*.

скую Хронику» Гваньина, Христофъ Гарантъ изъ Полчищъ, описавшій свое путешествіе по святымъ мѣстамъ, Адамъ Залужанскій, авторъ сочиненій по естественнымъ наукамъ и медицинѣ.

XVII вѣкъ, при своемъ наступленіи, предвѣщалъ, казалось, чехамъ дальнѣйшее развитіе этой обильной литературной и научной дѣятельностью эпохи. Выдвинулись тогда писатели, какъ Карлъ Жеротинъ и Амось Коменскій, которые, по глубинѣ ума, а послѣдній и по поэтическому таланту, превышали лучшихъ представителей такъ-называемаго «золотого вѣка». Вдругъ все это оборвалось. Слишкомъ истощенный борьбою гуситской эпохи, чешскій народъ не въ силахъ былъ вновь сопротивляться нахлынувшему на него ополченію западной Европы. Одна проигранная битва (1620 г.) рѣшила теперь его судьбу. Онъ отдался побѣдителю, и этотъ побѣдитель — австріецъ — сдѣлался палачемъ. Мало было казни передовыхъ людей Чехіи; мало было религіознаго насилія, заставившаго выселиться за границу цѣлую треть ея населенія; мало было систематическаго опустошенія чешской земли; побѣдитель захотѣлъ лишить ее даже воспоминанія своей прежней жизни, даже возможности возрожденія. Началось неслыханное въ христіанскомъ мірѣ, сознательное и систематическое истребленіе цѣлой письменности. Руководителями дѣла были іезуиты, исполнителями — австрійскіе солдаты и полиція. Вотъ свидѣтельство человѣка, который принадлежалъ самъ къ іезуитскому ордену (Бальбина): «Было время, когда я былъ ребенкомъ, вскорѣ послѣ бѣгогорской побѣды, когда *всѣ и всякаго рода* книги, писанныя на чешскомъ языкѣ, по этому одному признавались за еретическія и сочиненныя еретиками, а потому онѣ безъ всякаго разбора, были ли то книги хорошія или дурныя, полезныя или бесполезныя, отыскивались для преданія пламени. Вытащенные изъ угловъ въ домахъ или вырванныя изъ рукъ, книги эти раздирались и бросались въ костры, въ разныхъ мѣстахъ устроенные (какъ, между прочимъ, я помню, что это было сдѣлано въ Прагѣ на площади). Хвалю усердіе въ религіи; но не безъ мѣры. Между тѣмъ извѣстно, какъ передавали мнѣ самые участники дѣла, что почти всегда книги бросались въ огонь даже безъ того, чтобы въ нихъ заглянули. Такую же заботу прилагали и валлонскіе солдаты, въ особенности тѣ, которые состояли подъ начальствомъ Букоя, чтобы жечь всѣ книги, какія попадались имъ въ Богеміи».

Привода эти слова іезуита, Добровскій (католическій аббатъ) прибавляетъ: «Что бы сказалъ Бальбинъ, если бы онъ видѣлъ тѣ неистовства, которыя творили его товарищи по ордену съ чешскими книгами послѣ его смерти! *Индексы* (списки осужденныхъ на истребленіе книгъ) 1729 и 1749 года, равно какъ пражскій индексъ 1767 года, суть краснорѣчивыя доказательства того, превосходящаго всякое воображеніе, невѣжества инквизиторовъ, въ продолженіе столькихъ лѣтъ старавшихся, хотя безплодно, задушить въ Чехіи здравый человѣческій разумъ».

Это продолжалось даже послѣ уничтоженія ордена іезуитовъ (упраздненнаго въ 1773 году). Еще въ 1780 году жандармы отыскивали по всѣмъ краямъ Богеміи чешскія книги и предавали истребленію.

Въ продолженіе этихъ ужасныхъ 160 лѣтъ никакая умственная дѣятельность на чешскомъ языкѣ не была, разумѣется, возможна. Чешскіе писатели прежняго времени, пережившіе бѣгогорскую битву и успѣвшие спастись за границу, продолжали, болѣе изъ патриотизма, чѣмъ для практической пользы своихъ соотечественниковъ, писать и печатать книги по-чешски, но по неволѣ прибѣгали чаще къ языку латинскому, на которомъ ихъ могла выслушивать Европа. Когда же умеръ послѣдній изъ этихъ писателей-эмигрантовъ, Коменскій (онъ скончался въ 1671 году), то некому было смѣнить это поколѣніе, такъ-какъ въ самой Чехіи умственная жизнь была убита. Убитою казалась и самая народность чешская. Массы нѣмецкихъ колонистовъ заняли опустошенную и покнутую туземцами страну. Конфискованныя у чеховъ-протестантовъ имѣнія были розданы нѣмцамъ и разнымъ иностранцамъ, служившимъ при австрійскомъ дворѣ. Чешскій языкъ палъ на степень мужицкаго просторѣчія. Когда, въ XVIII вѣкѣ, вновь пробудились въ Богеміи умственные интересы, органомъ ихъ сталъ языкъ нѣмецкій; во второй половинѣ прошлаго столѣтія Прага считалась однимъ изъ центровъ *нѣмецкой* интеллигенціи. Въ то же время рядъ законодательныхъ мѣръ, принятыхъ между 1770 и 1780 годами, окончательно изгналъ чешскій языкъ изъ присутственныхъ мѣстъ и училищъ; безъ знанія нѣмецкаго языка нельзя было поступить даже въ ремесленный цехъ. Средства, принятая тогда противъ чешскаго языка, были, по замѣчанію современника Пельцеля, почти тѣ же, какія употреблены были послѣ бѣгогорской

битвы для обращенія чеховъ-протестантовъ въ католицизмъ, и которая дѣйствительно привела къ тому, что въ 50 лѣтъ вся Богемія сдѣлалась католическою. «Изъ сего, прибавляетъ этотъ авторъ (должно замѣтить, что Пельцель былъ чехъ-патріотъ), можно съ вѣроятностью заключить, что современемъ Богемія въ отношеніи къ языку будетъ находиться въ томъ же положеніи, въ какомъ находятся нынѣ Саксонія, Бранденбургія и Силезія, гдѣ въ настоящее время господствуетъ исключительно нѣмецкій языкъ и гдѣ отъ славянскаго языка ничего другого не осталось, какъ названія городовъ, деревень и рѣкъ.»

Пельцель писалъ это въ 1790 году. Трудно опредѣлить причины, по которымъ его пророчество не сбылось. Кажется, чешская народность обязана этимъ предшествовавшему гуситскому движенію и ужасу катастрофы, его завершившей. Все, что прошедшее Чехіи имѣло благороднаго и славнаго, было въ ней связано съ славянскимъ именемъ; имя нѣмецкое въ ея исторіи являлось символомъ обскурантизма и самой страшной тиранинн. Понятно, что все, сколько-нибудь свободомысленное и даровитое, переходило на сторону чешской народности, какъ только она обнаруживала вновь признаки жизни. Этимъ объясняется, какимъ образомъ нѣмецкій элементъ, опираясь на всѣ силы правительства, администраціи и школы и располагая дѣлою массою природнаго германскаго населенія, въ короткое время уступилъ въ Чехіи, передъ горстію литераторовъ и ученыхъ, всѣ позиціи, завоеванныя полуторавъскою политикою Австріи.

Три года послѣ того, какъ австрійскіе жандармы вновь обыскивали села, чтобы жечь чешскія книги, именно въ 1783 году Карлъ-Генрихъ Тамъ напечаталъ «Оборону чешскаго языка» (*Obrana jazuka szeskeho*), и въ томъ же году другой чешскій патріотъ, Алоизій Ганке, издалъ въ Брнѣ (Брюннѣ) въ Моравіи по-нѣмецки книгу, въ которой онъ убѣждалъ держаться роднаго языка (*Empfehlung des böhmischen Sprache*). Это были первые вѣстники возрожденія. Вскорѣ потомъ (1785) составилось въ Прагѣ общество молодыхъ людей, которіе давали театральныя представленія по-чешски. Этимъ чешскій языкъ впервые заявилъ о своихъ правахъ на существованіе въ образованномъ кругу и приобрѣлъ нѣкоторую популарность. Тогда же началась дѣятельность Прохазки, предпринявшаго изданіе лучшихъ произведеній прежней литературы чешской, изслѣ-

дователя чешской старинны Пельцеля, Крамеріуса, который въ 1785 году основалъ чешскую газету и въ теченіе 20 лѣтъ напечаталъ 84 сочиненія на чешскомъ языкѣ, и наконецъ знаменитаго Добровскаго (род. 1753, ум. 1829).

Добровскій былъ по преимуществу ученый. Онъ писалъ свои сочиненія частію по-латыни, частію по-нѣмецки; онъ даже не вѣрилъ въ возможность возрожденія чешскаго языка и народности. Тѣмъ не менѣе, къ нему всего вѣрнѣе относятся слова нашего поэта, когда онъ говоритъ:

«Вотъ, среди сей ночи темной,
Здѣсь, на Пражскихъ высотахъ
Доблій мужъ рукою скромной
Засвѣтилъ маякъ въ потьмахъ.
О, какими вдругъ лучами
Озарилъ всѣ края!
Обличилась передъ нами
Вся славянская земля!»

Значеніе Добровскаго дѣйствительно то, что онъ «засвѣтилъ маякъ въ потьмахъ». Онъ опредѣлилъ законы чешскаго языка, возстановилъ его исторію и первый научнымъ образомъ уяснилъ связь всѣхъ славянскихъ племенъ и нарѣчій. Успѣхъ на дѣлѣ превзошелъ ожиданія Добровскаго. Подъ конецъ своей жизни онъ увѣровалъ въ будущность чешской народности и началъ самъ писать по-чешски.

Въ 1790 году умеръ императоръ Іосифъ II, котораго, съ голоса нѣмцевъ, и мы привыкли прославлять какъ одну изъ свѣтлыхъ историческихъ личностей и который дѣйствительно заслужилъ признательность своихъ подданныхъ нѣкоторыми благодѣтельными мѣрами (облегченіемъ участи крѣпостныхъ крестьянъ и ослабленіемъ деспотизма римско-католической церкви), но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ ярнй врагъ славянства и велъ къ систематическому истребленію всего славянскаго въ Австріи. Какъ только его не стало, чины чешскаго королевства обратились къ его преемнику съ просьбою допустить вновь преподаваніе на чешскомъ языкѣ въ училищахъ Богеміи. Правительство отвѣчало на это разрѣшеніемъ учредить въ Пражскомъ университетѣ одну кафедру чешскаго языка и словесности. Тогда нашлись люди, которіе начали обучать чешскому языку безвозмездно въ гимназіяхъ и семинаріяхъ. Вотъ фактъ, который показываетъ, какая преданность дѣлу уже въ то время одушевляла сторонниковъ славянской народности въ Чехіи.

Вслѣдъ за первыми дѣятелями возрожденія, имена которыхъ мы назвали выше, выступили Шнейдеръ, Пухмайеръ, два брата Неѣдны, Гнѣвковскій, Полакъ и безсмертный своими заслугами Юнгманъ. Они стали отваживаться уже въ область поэзій; Шнейдеръ бросилъ писать нѣмецкіе стихи, доставившіе ему нѣкоторую извѣстность, и началъ писать чешскія стихотворенія; но преобладающій характеръ литературы оставался учонный. Нужно было, такъ сказать, отрыть славянскую народность въ Чехіи изъ-подъ груды развалинъ и возстановить передъ пробуждавшимся въ народѣ сознаниемъ картину его прошлаго. Много способствовало этому дѣлу учрежденіе, въ 1818 году, по иниціативѣ графа Коловрата, Чешскаго Музея, при которомъ возникло учоное общество, началъ издаваться учоно-литературный журналъ, а въ 1830 году учредилась Матица, то-есть общество для изданія полезныхъ чешскихъ книгъ. Обращенное на чешскую старину вниманіе повело къ открытію многихъ замѣчательныхъ памятниковъ, которые въ свою очередь дѣйствовали живительно на общество, почти забывшее языкъ и дѣла своихъ предковъ.

Этотъ періодъ научной по преимуществу работы обнимаетъ время до 1848 года. Умственная жизнь Чехіи сосредоточивалась около учонныхъ, какъ Юнгманъ, который въ громадномъ, образцовомъ словарѣ собралъ всѣ литературныя богатства чешскаго языка, Ганка, открывшій «Краледворскую Рукопись» и издавшій множество памятниковъ, Шафарикъ, творецъ славянскихъ древностей, Палацкій, возсоздавшій исторію чешскаго народа. Къ этимъ именамъ нужно присоединить Челяковскаго, Эрбена, Воцеля, Томка и др. Но недостаточно было возстановить прошлое чешскаго народа; нужно было уяснить ему его связь съ великимъ славянскимъ міромъ: ибо безъ этой связи чтò значила бы горсть чеховъ въ центрѣ западной Европы? Эта идея возникала и въ людяхъ прежняго поколѣнія. Добровскій изучалъ церковно-славянскій языкъ и сравнивалъ славянскія нарѣчія; поэтъ Пухмайеръ сочинилъ русскую грамматику для чеховъ. Съ двадцатыхъ годовъ та же идея проникаетъ во всю литературу чешскую. Ее первый провозгласилъ Колларъ въ восторженной поэмѣ своей «Дочь Славы», и потомъ развилъ въ сочиненіи «О литературной взаимности между племенами и нарѣчіями славянскаго народа» (1837). Та же идея одушевляла общественную дѣятельность и учонныя изданія Ганки; она выразилась

научнообразно въ «Славянскихъ Древностяхъ» и «Славянской Народописи» Шафарика, въ «Сравнительной грамматикѣ славянскихъ нарѣчій» Челяковскаго, въ его «Отголоскахъ славянскихъ нѣсенъ» и т. д.; словомъ, она не была чужда ни одному изъ чешскихъ писателей этого времени.

Другая отличительная черта этой эпохи заключалась въ крайнемъ разнообразіи работъ тогдашнихъ чешскихъ писателей. Людей было мало, цѣль была громадная и всѣмъ общая, и потому никто не посвящалъ себя исключительно тому или другому роду литературы, а переходилъ отъ одного къ другому, для пользы общаго дѣла. Юнгманъ переводилъ «Потерянный Рай» Милтона и составлялъ учонѣйшій словарь; учоные по призванію, какъ Ганка, Шафарикъ, Палацкій, писали лирическіе стихи; поэты въ душѣ, какъ Коларъ и Челяковскій, трудились надъ древностями и филологію, Эрбенъ писалъ баллады и издавалъ юридическіе документы, Воцель сочинялъ эпическія поэмы и разрабатывалъ археологію.

Возрожденіе чешской мысли шло съ такимъ успѣхомъ, что въ 30-тыхъ и 40-выхъ годахъ за этими первостепенными вождями шла уже цѣлая группа литераторовъ. То были поэты: Хмѣленскій, Лангеръ, Кубекъ, Камаритъ, Винарицкій, а изъ младшихъ Маха, Яблонскій, Рубешъ, Небескій, Виллани, Штульцъ, Фурхъ; драматурги: Клищера, Тыль, Миговецъ и др.; авторы романовъ и повѣстей: тотъ же Тыль, Хохолушекъ, Марекъ, Сабина, Божена Нѣмцова и т. д. Ихъ одушевляло одно стремленіе — будить въ чешскомъ народѣ самосознаніе и славянское чувство. Вся эта литература не произвела, правда, ни одного первокласнаго художественнаго творенія; но она принесла огромную практическую пользу. Замѣчательно, что единственный изъ всѣхъ названныхъ нами поэтовъ, котораго произведенія не служили общей патріотической цѣли, а имѣли чисто субъективный характеръ, Маха, вовсе не цѣнился своими современниками, не смотря на то, что художественными достоинствами превyšалъ многихъ популярнѣйшихъ тогда поэтовъ.

1848 годъ обнаружилъ, что усилія труженниковъ науки и литературныхъ дѣятелей были не бесплодны. Чешскій народъ поднялъ голову и потребовалъ возвращенія принадлежащихъ ему правъ; онъ гласно заявилъ свою солидарность съ славянскимъ міромъ. Бомбардированіе Праги

(12 июня 1848) и осадное положение, провозглашенное австрийским правительством, придушили на время этот голос — и наступило десятилетие тяжелого полицейского гнета. Политическая литература, которую создалъ-было Гавличекъ, замолкла съ его ссылкой въ тироольскую вѣрность; его поэтическія произведенія, отличавшіяся необыкновеннымъ остроуміемъ, оставались неизданными; замолкло и слово Ригера, открывшаго чешскому языку поле политическаго краснорѣчія. Но работа продолжалась, принявъ нѣсколько другое направленіе. Въмѣсто созданія учоныхъ работъ, на первый планъ выступила популяризація знанія. Младшее поколѣніе произвело также замѣчательныхъ учоныхъ: Иречка, Гануша, Гатталу, Вертячко и другихъ; но это не такіе крупные двигатели науки, какъ люди прежняго времени, Юнгманъ, Шафариевъ, Палацкій. Даже въ поэзіи и беллетристикѣ мы находимъ менѣе выдающихся именъ; можемъ назвать Пфлегера, Галека, Иосифа Эрбена, Каролину Свѣтлу, переводчика Пушкина Бендла и др. Главное же содержаніе литературы составляетъ масса работъ для передачи чешскому народу результатовъ, достигнутыхъ во всѣхъ отрасляхъ знанія. Продолжая самостоятельную разработку вопросовъ, касающихся непосредственно чешскаго края и отчасти всего славянскаго міра, чешскіе писатели въ послѣднее двадцатилѣтіе поставили себѣ, казалось бы, задачей — освободить чешскій народъ отъ подчиненности нѣмцамъ въ умственномъ отношеніи. И они этого достигли. Въ настоящее время нѣмецкій языкъ пересталъ быть необходимымъ чеху, какъ образовательное средство; онъ ему нуженъ столько же, сколько иностранные языки нужны намъ русскимъ, т. е. для высшаго, такъ-называемаго университетскаго образованія; но чехъ можетъ въ настоящее время, не зная ни слова ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ чешскаго, получить общее образованіе по всѣмъ предметамъ. Онъ имѣетъ по-чешски всеобщую и австрийскую исторію въ книгахъ Томка и Сметаны, всеобщую географію въ изданіяхъ Запа и Палацкаго (сына), логику Марека, зоологію и ботанику Пресля, физику и астрономію

Сметаны, минералогію и геологію Крейчаго, химію Войтѣха Шафарина, механику Майера, политическую экономію въ разныхъ сочиненіяхъ Ригера, дѣйствующіе въ Австріи законы въ изданіи Шемберы и т. д. Онъ имѣетъ спеціальныя чешскіе журналы: «Живу» по части естественныхъ наукъ, основанную знаменитымъ Пуркине, который въ ней популяризовалъ свои изслѣдованія, «Правникъ» журналъ юридическій, журналы: сельско-хозяйственный, педагогическій, медицинскій и др. Чехъ можетъ прочесть на своемъ языкѣ въ прекрасныхъ переводахъ лучшихъ классиковъ древности, Шекспира и не мало другихъ великихъ писателей. Наконецъ у него есть по-чешски превосходный энциклопедическій словарь, издаваемый Ригеромъ и почти уже оконченный. Умственная зависимость чешскаго народа пала; господство нѣмецкаго языка держится теперь только принужденіемъ.

Результаты у насъ передъ глазами. Чешская народность, которую 50 лѣтъ тому назадъ лучшей ея представитель, Добровскій, считалъ умершею, стала политической силою, съ которою начинаютъ считаться, а со временемъ вѣроатно будутъ считаться гораздо болѣе.

Палацкій сказалъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что «славянскій народъ въ Богеміи, не смотря на свою малочисленность, по-крайней-мѣрѣ одинъ разъ въ продолженіе своей исторіи получилъ, подобно голландцамъ и шведамъ, значеніе *всемирное*». Палацкій разумѣетъ эпоху Гуса. Быть-можетъ, когда-нибудь скажутъ, что и литература чешская, при всей тѣснотѣ ея круга, совершила дѣло всемирно-историческаго значенія. Она воскресила цѣлый народъ славянскій въ срединѣ западной Европы. Значеніе этого событія едва ли подлежитъ оцѣнкѣ нашего времени; но, во всякомъ случаѣ, дѣло, совершенное чешскою литературою, причислится къ тѣмъ, противъ всякаго чаянія и вѣроятія одержаннымъ, побѣдамъ духа надъ матеріальною силою, которыя облагораживаютъ человѣческую природу и о которыхъ съ отрадою воспоминаетъ исторія.

А. Гильфердингъ.

ЧЕШСКІЕ ПОЭТЫ.

I. ГУСЬ.

Иоаннъ Гусъ, великій провозвѣстникъ новаго ученія, названнаго его именемъ, родился 24-го іюня (6-го іюля) 1369 года въ мѣстечкѣ Гусницѣ, въ Чехіи. Воспитывался онъ въ Пражскомъ университетѣ, гдѣ въ 1393 году окончилъ курсъ, въ 1396 — получилъ степень магистра, черезъ два года назначенъ профессоромъ богословія и философіи и, наконецъ, въ 1402 году избранъ въ ректоры и проповѣдники при Вилемской часовнѣ. Послѣдняя должность доставила ему вліяніе на народъ, который слушалъ его проповѣди такъ же охотно, какъ и студенты. Когда великій расколъ (schisma) сталъ распространяться по западной Европѣ, Гусъ энергически возсталъ противъ заблужденій папы, особенно противъ индульгенцій, продававшихся въ это время въ Чехіи. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сталъ опровергать многіе обряды католической церкви, называя ихъ несогласными съ духомъ христіанскаго ученія. Папа Александръ V потребовалъ Гуса въ Римъ, но онъ не явился туда. Затѣмъ, соединившись съ Іеронимомъ Пражскимъ, онъ еще краснорѣчивѣе вооружился противъ папской власти, за что былъ преданъ сначала проклятію, а въ 1414 году потребованъ на Констанцскій Соборъ. Заручившись императорской охранной грамотой и общаніемъ папы Іоанна XXIII, Гусъ прибылъ въ Констанць, гдѣ былъ вскорѣ арестованъ и заключенъ въ тюрьму, въ которой просидѣлъ слишкомъ шесть мѣсяцевъ. Наконецъ, въ публичномъ засѣданіи Собора, 6 іюня 1415 года, онъ

былъ осужденъ какъ еретикъ и присужденъ къ смерти на кострѣ.

Въ назначенный день Гусъ былъ выведенъ изъ тюрьмы къ ожидавшей его процессіи, и, вмѣстѣ съ ней, двинулся за городъ. Дошедши до мѣста казни, гдѣ уже былъ воздвигнутъ костеръ, Гусъ палъ ницъ и, поднявъ глаза и руки къ небу, среди торжественной тишины сталъ молиться. Затѣмъ, успокоенный молитвой, сказалъ нѣсколько разъ: «Господи! въ рудѣ Твои предаю духъ мой!» и, обращаясь къ предстоящимъ, просилъ ихъ убѣдительно не считать его еретикомъ, не вѣрить его обличителямъ. Народъ волновался. «Мы не знаемъ, въ чемъ онъ виновенъ», раздавались голоса: «знаемъ только, что онъ молится, что онъ говоритъ какъ истинный праведникъ». Иные предлагали ему исповѣдаться въ надеждѣ, что убѣжденія духовника побудятъ его къ отреченію и спасутъ его отъ мучительной смерти. Гусъ съ радостью согласился на предложеніе народа; но когда призванный священникъ объявилъ ему, что онъ согласенъ исповѣдаться и причастить его только подъ условіемъ его отреченія, то Гусъ сказалъ, что не имѣетъ особенной нужды въ исповѣди, потому что не знаетъ за собой ни одного смертнаго грѣха. Онъ хотѣлъ говорить по этому случаю съ народомъ, но рѣчи эти показались опасными католикамъ — и палачи получили приказаніе приступить къ казни. Они подняли Гуса, все еще стоявшаго на колѣнахъ. «Господи Іисусе Христе!» воскликнулъ онъ, вставая: «я смиренно переношу за Тебя страшную смерть; молюся

Тебѣ: отпусти врагамъ моимъ согрѣшенія ихъ!» Получивъ позволеніе говорить со стражею, онъ благодарилъ ее за ласковое съ нимъ обхожденіе и объявилъ, что надѣется царствовать съ Иисусомъ Христомъ, пострадавъ за Евангеліе. По окончаніи этой рѣчи, палачъ снялъ съ него платье и, скрутивъ руки назадъ, привязалъ мормы веревками къ столбу, глубоко вбитому въ землю. Замѣтивъ, что лицо его обращено на востокъ, служители казни нашли это неприличнымъ для еретика и поворотили его на западъ. Когда зажгли костеръ, Гусъ запѣлъ громкимъ голосомъ: «Христе, Сыне Бога живаго, помилуй мя грѣшнаго!» Когда онъ въ третій разъ началъ ту же молитву, огонь, раздуваемый вѣтромъ, заглушилъ его голосъ; но онъ еще двигался въ облакахъ дыма и пламени столько времени, сколько нужно для троекратнаго чтенія молитвы Господней. Когда тѣло сгорѣло до тла, собрали остатки костра, положили ихъ въ телѣгу, вмѣстѣ съ золой и пепломъ, и бросили въ Рейнъ, чтобъ ученики его не воздали имъ поклоненія. Но вѣрные чехи сгребли священную для нихъ землю, напоенную кровью мученика, и съ благоговѣніемъ отвезли ее въ Прагу, въ Винолежскую церковь.

Такъ погибъ, на 46 году отъ рожденія, великій проповѣдникъ чешскаго народа въ XV вѣкѣ. «Онъ шолъ на смерть, какъ на веселый пиръ», говоритъ о немъ суровый католикъ, Эней Сильвій: «ни одинъ вздохъ не вылетѣлъ изъ груди его; нигдѣ не обнаружилъ онъ ни малѣйшаго признака слабости. Среди пламени, онъ до послѣдняго издыханія возносилъ молитву къ Отцу».

Большая часть чешскихъ сочиненій Гуса стоять въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ его реформѣ, отчасти посвященныя объясненію св. писанія, отчасти политическія по разнымъ вопросамъ реформы, отчасти правоучительныя. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: «Постила, или объясненія на недѣльныя евангелія», «Десять пунктовъ или кусковъ золота», «Зерцало грѣшнаго человѣка», «Ученье о тайной вечери», «Тройная вервь» и другія. Изъ учоныхъ трудовъ Гуса заслуживаетъ вниманія «Чешское правописаніе». Затѣмъ, важнымъ памятникомъ его литературной дѣятельности и пропаганды остались многочисленныя письма, изъ которыхъ особенно извѣстны его посланія къ друзьямъ, писанныя изъ констанцской тюрьмы. Наконецъ,

Гусъ былъ авторомъ «Духовныхъ Пѣсенъ», положившихъ начало гуситской народной поэзіи, которая значительно развилась впоследствии.

Г И М Н Ъ.

Господи Иисусе, Царю милосердый,
Со Отцемъ и съ Духомъ нашъ единый Боже!
Твое милосердые — наше достоянье,
По Твоей щедротѣ.

Жилъ еси Ты въ мірѣ и за насъ, за грѣшныхъ,
Потерпѣлъ гоненья, Иудею преданъ,
Принялъ муки, распятъ за вся христіаны,
По Твоей щедротѣ.

Господа Иисуса доброта и милость
Къ намъ, ко многгрѣшнымъ, велика, чрезмѣрна;
Безконечно, Боже, насъ ты награждаешь,
По Своей щедротѣ!

Далъ еси кровь тѣла на спасенье міра,
Пить ее велѣлъ намъ, чтобы души наши
Отъ геенны адской и отъ мукъ избавить,
По Твоей щедротѣ.

Господи, во всемъ Ты милостивъ къ намъ грѣшнымъ,
Многими дарами насъ Ты осыпаешь,
Насъ къ Себѣ вознесъ Ты въ высоты Сіонскія,
По Своей щедротѣ.

Мы Тобой причастны вѣчному спасенью,
Ибо жизнь за насъ Ты, милосердый, отдалъ,
Смертію Своею нашу смерть поправши,
По Своей щедротѣ.

Воистину, Боже, многою цѣною
Искупилъ насъ, грѣшныхъ, смерть за насъ пріавши;
Отче, Своимъ дѣтямъ послужилъ Ты вѣрно,
По Своей щедротѣ.

Милости Господни къ намъ неистощимы;
Горе, кто забудетъ о Тебѣ, Иисусе,
И въ немъ спасенье обрѣсти помyslимъ,
По Своей слѣдотѣ.

Братья христіане! отъ всякія скверны
Да очистимъ духъ Свой и познаемъ благо,
Данное намъ Богомъ, притечемъ къ Иисусу
И къ Его щедротѣ!

Мучениче Спасе, Господи Исусе!
Ради насъ пріѣвшій смерть, позоръ и муки!
Будь къ намъ, многогрѣшнымъ, милостивъ во-вѣки,
По Своей щедротѣ!

Братъя христіане, да поѣмъ и славимъ
Господа Исуса, смерть за насъ пріѣвша:
Вѣчное спасеніе чрезъ Него получимъ,
По Его щедротѣ.

Всякаго избавитъ насъ Онъ искушенъ,
Надѣлитъ въ избытѣкъ всѣмъ благимъ и добрымъ
И сподобитъ грѣшныхъ въ животоѣ внити вѣчный,
По Своей щедротѣ.

Нмиѣ мы и присно Господа да славимъ,
И Отца, и Сына, и Святаго Духа,
Троицу Святую и единосущну,
По той же щедротѣ!

Какъ была отвѣка, такъ да будетъ присно
Славима и чтима Троица Святая
Нами, безъ болѣзни и безъ всякой скорби,
По той же щедротѣ!

Н. Бергъ.

С. ЛОМНИЦКІЙ.

Симонъ Ломницкій изъ Будча. родился въ 1552 году въ Ломницѣ, въ Чехіи. Окончивъ ученіе въ католическихъ школахъ, онъ въ 1580 году выступилъ на литературное поприщѣ изданіемъ «Евангельскихъ Пѣсень», въ слѣдствіе чего снялъ себѣ покровительство католической аристократіи Чехіи, доставившей ему обезпеченное существованіе. Его сочиненія довольно многочисленны и носятъ на себѣ дидактическій и богословскій характеръ того времени. Между прочимъ, онъ издалъ: «Поученіе молодому хозяину», «Пренія между священникомъ и свѣтскимъ чело-вѣкомъ», «Стрѣла Купидонова» и многія другія сочиненія. Во время возстанія въ Чехіи, которымъ открылась тридцатилѣтняя война, онъ сначала присоединился-было къ народной партіи, но тотчасъ послѣ битвы подъ Бѣлою Горой перешолъ на сторону торжествующаго католицизма и написалъ ругательное сочиненіе противъ казенныхъ австрійцами чешскихъ вождей. Тѣмъ не

менѣе, онъ впалъ въ нищету. Въ 1622 году Ломницкій написалъ «Жалобную пѣснь о гибели и разореніи Земли Чешской» и нѣсколько другихъ произведеній въ томъ же горькомъ тонѣ. Годъ его смерти неизвѣстенъ.

МУДРОСТЬ.

Въ обыкновеніе вошло
Считать, что мудрость — ремесло,
Что всякій, кто лишь ни захочетъ,
Въ того она сейчасъ и вскочитъ.
На самомъ дѣлѣ то не такъ
И научиться ей никакъ
Нельзя въ гимназіи или въ школѣ;
Еще не слыхано повогѣ,
Что люди только тѣ умны,
Что были въ школахъ учены;
Напротивъ, намъ видать случалось,
Что тьма ученыхъ заблуждалась,
Иль просто-на-просто въ просакъ
Умѣла попадать — да какъ!
Какъ неученымъ не случится.
Нѣтъ, мудрости не научиться
Въ гимназіи изъ разныхъ книгъ!
Кто думать иначе привыкъ,
Тотъ ошибается жестоко:
Между людьми, по вогѣ рока,
Еще до школы она жила —
И школы людямъ создала;
Но не онѣ, да и не годы
Ее даютъ: нѣтъ! даръ природы
Она въ семь мірѣ, даръ боговъ,
Дражайшій всѣхъ иныхъ даровъ.
А кто лишь фоліанты роетъ —
Ея во-вѣки не откроетъ,
Коль съ нимъ она не родилась.
Но для чего же учать насъ?
Слизмала книгами обложить?
Затѣмъ, что въ насъ онѣ умножатъ
Дары природы, разовьютъ
Нашъ умъ и блескъ ему дадутъ,
Какъ грань искусная алмазу.
Быть образованными сразу,
Везъ книгъ, безъ всякаго труда,
Нельзя намъ тоже никогда;
Но должно всѣмъ нѣтъ терпѣнъ
Умовъ возвышенныхъ творенъ
Узнать, извѣдать, изучить
И словно нѣкій даръ хранить
Для отдаленныхъ поколѣній.

Что по себѣ оставилъ геній —
 Высокій, имъ свершонный трудъ
 Есть лучшій мудрости сосудъ,
 И кто оттолкѣ черпать любить,
 Природный даръ свой усугубить
 И будетъ, при закатѣ дней,
 И опытнѣе, и умнѣй.

Н. Бургъ.

К. С. ШНЕЙДЕРЪ.

Карлъ Судимиръ Шнейдеръ, сынъ бургомистра города Кралева-Градца (Кёнигсгреца), родился въ 1766 году, учился сперва въ Чехіи, а потомъ въ нѣмецкихъ университетахъ. Его специальность составляли классическіе языки и юридическія науки. Начавъ службу на судебномъ поприщѣ, онъ въ 1803 году перешолъ на должность профессора эстетики и классической филологіи въ Пражскомъ университетѣ. Однако онъ не долго занималъ эту кафедру и снова перешолъ къ дѣятельности адвоката и управлялъ имѣніями знатнѣйшихъ членовъ чешской аристократіи. Въ 1805 году онъ напечаталъ собраніе своихъ стихотвореній на нѣмецкомъ языкѣ, но впослѣдствіи началъ писать по-чешски. Несмотря на то, что онъ самъ сознавалъ, что слишкомъ поздно обратился отъ нѣмецкаго языка къ родному чешскому, онъ все-таки сдѣлался однимъ изъ популярнѣйшихъ чешскихъ поэтовъ. Его произведенія отличаются простотою и юморомъ. Лучшими изъ его произведеній считаются: «Пустыняникъ», «Цыганка» и народная баллада «Янъ за борзую собаку данъ». Собраніе его стихотвореній издано въ 1823 и 1830 годахъ. Последніе годы своей жизни провелъ онъ въ званіи управляющаго. Шнейдеръ умеръ въ 1835 году.

Л Е Б Е Д Ъ.

Тянетъ лебедь отъ Дуная
 Въ сторону Карпатъ;
 Крылья арфою Эола
 У него шумять.

Тянетъ въ озеру, гдѣ буки
 Густо разрослись;
 Съ высоты недостижимой
 Опустился внизъ.

Опустившись, оглянулся
 Три раза вокругъ:
 Невидать въ озѣрномъ плѣсѣ
 Дорогихъ подругъ!

И запѣлъ потомъ онъ пѣсню
 Грустно-таково,
 И умолкнулъ — и не стало
 Лебеда того.

Такъ пѣвецъ порою вѣщій,
 На закатѣ дней,
 Полонь грусти, разстается
 Съ лирою своей;

Вседержительъ вселенной
 Гимнъ поѣтъ святой —
 И на небо улетаетъ
 Чистою душой.

Н. Бургъ.

В. СТАХЪ.

Вячеславъ Стахъ родился въ 1768 году. Вступивъ въ духовное званіе, онъ получилъ мѣсто профессора семинаріи въ Градищѣ (въ Моравіи), находившейся подъ руководствомъ знаменитаго Добровскаго, откуда, по уничтоженіи семинаріи, былъ переимѣненъ преподавателемъ пастырскаго богословія въ Оломуць (Ольмюць); затѣмъ, вышелъ въ отставку и поселился въ Вѣнѣ, въ которой прожилъ до смерти, послѣдовавшей въ 1836 году. Онъ вступилъ очень рано въ рѣдкіе еще въ то время ряды чешскихъ писателей, именно — въ 1785 году, т. е. имѣя всего семнадцать лѣтъ. Большая часть его трудовъ — переводы въ стихахъ и прозѣ; что же касается его оригинальныхъ стихотвореній, то они были изданы имъ въ 1805 году отдѣльной книжкой и имѣли значительный успѣхъ.

1.

М У З Ъ.

Услышь мою, о муза, ты молитву:
 Не дай въ меня страстямъ проникнуть низкимъ,
 Но дай мнѣ мощь спасти языкъ отчизны
 Отъ ренегата!

Я не хочу брататься съ нимъ и знаться,
И быть, какъ онъ, отечества позоромъ,
Измѣнникомъ, презрѣвшимъ славу нашу —
Народа славу!

Отъ племени онъ своего отрекся,
Хулу на рѣчь родную изрыгаетъ,
Чтобы добиться ласковаго слова
И мзды отъ нѣмцевъ.

Карай его ты праведною карой:
Когда начнетъ измѣннически лгать онъ —
Сильшай ему ты мысли, посмѣянемъ
Народу сдѣлай!

Хвастливый шутъ! Пусть тамъ, гдѣ гордо хвасталъ,
Нетошря изболчатъ въ немъ люди,
Иль чучело подъ перьями павлина —
И въ мракъ прогонять.

А ты, пѣвцовъ наставница благая,
Ты просвѣти умы питомцевъ юныхъ,
Да выскнутъ сердцемъ въ сладостные звуки
Родимыхъ пѣсенъ!

Н. Бургъ.

II.

ЧЕСТЬ МОЯ.

О, мой народъ возлюбленный и милый,
Наслѣдникъ славныхъ, благородныхъ предковъ,
Что заняли въ дни они эту землю
И отражали нападеня нѣмцевъ,
На-вѣки тронъ могучій созида
Во станѣ Маркомановъ. Есть тутъ люди,
Что мыслятъ объ однихъ воинскихъ лаврахъ,
Защитники земли своей и братьевъ;
Другіе среди полей трудятся,
Изъ тучныхъ жатвъ богатства извлекая,
А третьи занимаются торговлей:
Товары продаютъ и покупаютъ —
И прибыль украшаетъ ихъ жилища.
Тѣ въ ремеслахъ различныхъ искусились;
Тѣ изучаютъ въ лѣтописяхъ правду;
Тѣ глубоко изслѣдуютъ природу,
А тѣ въ религін спасеня ищутъ.
Страшитесь силъ такихъ соединеня,
Корыстные и алчные тевтоны!
Какъ пламень лютый, грозны мы въ разливѣ:

Отраднѣо мнѣ отъ племени такого
Происходить! Примите эту пѣсню
Съ любовію, возлюбленные братья,
Какъ выраженіе любви отъ брата;
Любовію мы все должны держаться
И счастье не измѣнить намъ во-вѣки!

Н. Бургъ.

А. Я. ПУХМАЙЕРЪ.

Антонинъ Ярославъ Пухмайеръ родился въ 1769 году въ городѣ Тынъ-на-Влтавѣ, въ Чехіи. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ мѣстной школѣ, продолжалъ его въ Будеѣвицкой гимназіи и окончилъ въ Пражскомъ университетѣ. Затѣмъ, онъ вступилъ въ духовное званіе, былъ рукоположенъ въ священники и получилъ приходъ въ одной изъ деревень близъ Будеѣвицъ. Пухмайеръ, какъ и многіе изъ современныхъ ему чешскихъ писателей, выступилъ на литературное поприщѣ со стихами, написанными по-нѣмецки. Но это предпочтеніе чуждаго языка родному продолжалось не долго: ознакомившись съ народною поэзіей страны, онъ полюбилъ свой языкъ и сталъ испытывать свои силы въ сочиненіи чешскихъ стиховъ, причемъ впервые началъ употреблять, вмѣсто syllабическаго, тоническаго разиѣръ, указанный знаменитымъ Добровскимъ, какъ болѣе соответствующій чешскому языку. Поэту Пухмайеръ можетъ быть по всей справедливости названъ отцомъ новой чешской поэзіи. Въ 1795 году онъ издалъ небольшое собраніе своихъ стихотвореній; впоследствии онъ издалъ еще три другихъ собранія, подъ заглавіемъ «Новыя Стихотворенія». Но поэзія не была исключительнымъ занятіемъ благодушнаго поэта: онъ находилъ время и для другихъ занятій, не столь громкихъ, но не менѣе полезныхъ. Онъ издалъ въ 1805 году чешское руководство для изученія русскаго языка, а въ 1820 году подробную русскую грамматику съ нѣмецкимъ текстомъ. Кроме того, онъ занимался естественными науками, издалъ ботанику и наставленіе по сельскому хозяйству. Что же касается его многочисленныхъ проповѣдей, то чешская критика отзывалась о нихъ съ большою похвалою. Пухмайеръ умеръ въ 1820 году.

ЗАВИСТНИКЪ И СКУПОЙ.

Скупой съ завистливымъ пустился въ дорогу,
 Покинувъ жонъ, отчизну и дѣтей.
 При нихъ отправиться угодно было богу
 Перуну самъ-третьей.
 Когда жъ они остановились:
 «Я Богъ», Юпитеръ имъ сказалъ:
 «А чтобъ вы въ этомъ убѣдились:
 Чего бы кто ни пожелалъ,
 Получить неизбѣжно.
 Обдумайте жъ теперь прилежно,
 Чего просить вамъ у меня;
 Замѣчу только:
 Чтѣ первому дамъ я,
 Другому дамъ того жъ два раза столько». —
 Тутъ сталъ скупой завистника толкать
 Желанье первое сказать,
 Завистникъ же толкалъ скупова
 И оба не могли проговорить ни слова.
 Завистникъ наконецъ
 Сказалъ: «о, тварей всѣхъ отецъ!
 Вели, чтобъ я на свѣтъ смотрѣлъ однимъ лишь
 глазомъ!»
 Свершилось разомъ:
 Онъ глазомъ сталъ смотрѣть однимъ.
 Легко понять, чтѣ сталося со скупымъ.

Н. Бергъ.

В. НЕЪДЛЫЙ.

Войтѣхъ Неѣдлый родился въ 1772 году въ Жебракѣ, въ Чехіи. Отецъ его былъ мясникъ. По окончаніи полнаго курса богословскихъ наукъ, Неѣдлый былъ рукоположенъ въ священники, а впоследствии получилъ мѣсто декана (благочиннаго) въ родномъ своемъ городѣ, гдѣ и умеръ въ 1844 году. Неѣдлый принадлежитъ къ числу первыхъ дѣятелей возрожденія чешской литературы. Онъ писалъ много — и въ стихахъ, и въ прозѣ — но въ настоящее время его читаютъ мало, потому-что Неѣдлый находился подъ вліяніемъ французскаго лже-классицизма, господствовавшего въ его время, и притомъ писалъ силлабическимъ размѣромъ. Лучшимъ его произведеніемъ считается дидактическая поэма «Карлъ Четвертый». Кромѣ того, онъ написалъ три большихъ эпическихъ поэмы: «Оттокаръ», «Владиславъ» и «Вячеславъ».

БЛАГОДАРНЫЙ СЫНЪ.

Днемъ и середь ночи
 У Збыслава очь
 Горькихъ слѣзъ полны.
 «Мой отецъ въ неволѣ!
 Не вернется болѣ
 Изъ чужой страны!»
 «Можетъ, въ тяжелой муѣ
 Воздымаетъ руки
 Онъ къ Творцу земли...
 Но его минуты
 Супостаты люты
 Ужъ давно сочли!»
 Съ родиною простился
 Сынъ и въ путь пустился,
 Чтобъ помочь отцу;
 Горы, лѣсъ проходить,
 Наконецъ приходитъ
 Къ свѣтлому крыльцу,
 Гдѣ паша могучій,
 Обруженный тучей
 Бунчуковъ и стрѣлъ,
 На коврѣ богатомъ,
 Весь сіяя златомъ,
 Сумраченъ сидѣлъ.

— «Ежели дотолѣ
 Мой отецъ въ неволѣ —
 Смилуйся къ нему:
 Отпусти изъ плѣну
 И меня въ замѣну
 Заключи въ тюрьму!»

— «Но какой виною
 Ты передо мною,
 Другъ мой, виновать?
 Кто тебя осудить?
 Нѣтъ! ему не будетъ
 Выходу назадъ!»

— «Скуй мои ты руки:
 Вытерплю всѣ муки
 Смѣло до конца;
 Брось меня хотъ въ пламень,
 Иль разбей о камень,
 Лишь пусти отца!»

— «Въ ягѣ, полной сирадомъ,
Въ пишу всякимъ гадамъ
Нынѣ брошенъ онъ:
Другъ мой, неужели
Хочешь въ-самомъ-дѣлѣ
Быть тамъ заключенъ?»

— «Все перенесу я,
Если тѣмъ спасу я
Свѣтъ моихъ очей:
Будетъ смерть отрадна
За отца мнѣ!» — «Ладно!
Вкликнуть палачей!»

Палачи явились;
Страшно задымались
Въ ихъ рукахъ огни:
Каждое мгновенье
Ждутъ лишь повелѣнья
Грознаго они —

Начинать расправу.
Но папа къ Збыславу
Дочь свою ведетъ:
Прячетъ ликъ, стыдится
Дѣвушка... Дивится
Весь кругомъ народъ.

— «Будь мнѣ милымъ сыномъ,
Будь здѣсь властелиномъ,
Храбрый удалецъ!
Чистъ и благороденъ
Подвигъ твой. Свободенъ
Нынѣ твой отецъ!»

Н. Бергъ.

М. ПОЛАКЪ.

Матвѣй Милога Здирадъ Полакъ родился въ 1788 году въ мѣстечкѣ Засмувахъ, въ Чехіи. Получивъ первоначальное образованіе, онъ былъ нѣкоторое время учителемъ; но въ 1808 году бросилъ свои мирныя занятія и поступилъ въ австрійскую армію, съ которой совершилъ всѣ послѣдующіе походы противъ Наполеона. Во время этихъ походовъ были написаны имъ первыя стихотворенія на чешскомъ языкѣ. Въ 1812 году Полакъ былъ произведенъ въ офицеры. Въ 1813 году, квартируя съ полкомъ въ Вѣнѣ, онъ

принималъ дѣятельное участіе въ изданіи «Чешскаго Литературнаго Листка», въ которомъ помѣщалъ свои стихи. Въ 1815 году онъ, въ свѣтѣ фельдмаршалъ-лейтенанта барона Коллера, отправился въ Италію, гдѣ пробылъ три года. Въ 1819 году, возвратившись съ Коллеромъ въ Чехію, онъ издалъ свою большую поэмѣ «Величіе Природы», которая, въ свое время, произвела сильное впечатлѣніе на читающую публику и потому долго считалась лучшимъ произведеніемъ чешской поэзіи. Впослѣдствіи онъ былъ еще разѣ командированъ въ Италію, а въ 1827 году назначенъ преподавателемъ чешскаго языка въ военной академіи въ Вѣнѣ. Въ 1830 году Полакъ оставилъ академію и снова поступилъ въ строевую службу и дослужился до чина генералъ-майора. Затѣмъ, въ 1849 году онъ вышелъ въ отставку и умеръ въ 1856 году. Заслуги его въ дѣлѣ возрожденія чешской литературы — несомнѣнны; что же касается упомянутой нами поэмы «Величіе Природы», то ее можно смѣло назвать первымъ чешскимъ стихотворнымъ произведеніемъ, отличающимся дѣйствительнымъ художественнымъ творчествомъ. Изъ прозаическихъ сочиненій Полака можно указать на «Путешествіе въ Италію». Собраніе его сочиненій напечатано въ Прагѣ, въ 1862 году, въ двухъ томахъ.

СОЛОВЬИНАЯ ПѢСНЬ ПОДЪ ВЕЧЕРЬ.

Утихли въ небесахъ громовыя раскаты —
Долины и лѣса спокойствіемъ объаты;
Какъ на красавицу, на алую зарю
Съ порога моего я весело смотрю
И лирой, никому невѣдомой и скромной,
Ее привѣтствую и славлю вespерѣ томной.
Ряды восковъ идутъ сбирать съ луговъ дары:
Ложатся подъ косою пушистые ковры,
А дѣвы, утонувъ въ тѣхъ запахахъ по колѣно,
Благоуханное сгребаютъ въ конны сѣно.
О, сладкій нѣги часть! Пѣвца живишь ты вновь
И согрѣваешь въ немъ остывшую кровь:
Она кипитъ опять и сердце бьется шибко.
Ты ангелъ кротости: твой взоръ, твоя улыбка
О буряхъ жизненныхъ велятъ мнѣ позабыть
И, словно юношѣ, и чувствовать, и жить...
Межь-тѣмъ багровый шаръ потухшаго свѣтила
Къ завету клонится; долины тьма покрыла,
Лишь гордые верхи остроконечныхъ горъ
Еще озарены, еще плѣняютъ взоръ
Своими розами; несется шаловливый

Оттолѣ вѣтерокъ, колыша спящей нивой;
 Колосья въ темнотѣ, качаяся, шумятъ;
 Послѣднимъ золотомъ одѣтъ еще закатъ,
 Но мигъ — и длинныя кругомъ спустились тѣни:
 Все погрузилось въ мракъ. На горныя ступени
 Восходитъ ночи царь, въ коронѣ золотой:
 Коснувшись ихъ вершинъ сверкающей пятой,
 Потекъ онъ по небу; на землю сыплетъ злато;
 Все озарилось вновь съ востока до заката,
 Внизу и на холмахъ; но тихи тѣ лучи,
 Иную будятъ жизнь: слышнѣй гремятъ ключи
 Межъ скалъ и пропастей, исполнены веселья;
 Вотъ быстрый нетопыръ изъ темнаго ущелья
 Какъ молнья выпорхнулъ; косяки идутъ домой,
 За ними дѣвушки игривою толпой...
 Все тихо. Вдругъ оттолѣ, гдѣ совори и буки
 Съ сиренями сплелись — божественныя звуки
 Рѣкою хлынули, по воздуху текутъ,
 То гдѣсь пронизжутъ весь, то сладостно замрутъ
 (Знать, новыя пѣвцы обдумываютъ трели)
 И вотъ изъ горлышка тончайшаго свирѣли
 Аккорды дивныя разсыпалъ онъ опять,
 Затѣмъ медлительно сталъ снова затихать
 И нѣжно перешолъ въ задумчивыя тоны,
 Въ уныло-страстные, таинственные стоны —
 И замеръ. Эхо лишь средь горъ и средь лѣсовъ
 Раскатамъ пѣсенъ тѣхъ, тѣхъ, трелей, голосовъ
 Далеко вторило. Все будто онѣмло
 И чудной прерывать гармонию не смѣло;
 Зефиръ — и тотъ затихъ и не дерзалъ дохнуть,
 Травую, колосомъ, березкой шевельнуть;
 И даже лиліи, свернувшей злаки пышны,
 Благоуханія почившія не слышны...

Н. Бергъ.

В. ГАНКА.

Вячеславъ Ганка, знаменитый чешскій учоный и литераторъ, родился 29 мая (10 іюня) 1791 года въ селеньи Гориневчѣ, Кенигсгрецкаго округа въ Чехіи. Отецъ его былъ простой крестьянинъ, ремесломъ мясникъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ заставлялъ своего пятнадцатилѣтняго сына пасти стадо и помогать работникамъ въ полѣ. Только зимою Ганка ходилъ въ школу, что не мѣшало ему дѣлать большіе успѣхи. Старый «Пѣсенникъ» матери его первый пробудилъ въ немъ понятія о поэзій; страсть къ филологіи развилась въ немъ отъ за-

писыванія всѣхъ незнакомыхъ словъ, какія ему удавалось слышать отъ квартировавшихъ солдатъ всѣхъ народностей, составляющихъ разношерстную Австрійскую имперію. Боясь, чтобы его сына не завербовали въ солдаты, отецъ Ганки отвезъ его въ Кенигсгрецкую гимназію, потому-что тогда ученики гимназій были свободны отъ военной службы. Такъ-какъ молодой Ганка былъ очень слабъ въ нѣмецкомъ языкѣ, то профессора, по просьбѣ старика отца, позволили ему отвѣчать уроки по-чешски. Изъ гимназій Ганка перешолъ въ Пражскій университетъ. Здѣсь онъ занимался очень прилежно, былъ любимцемъ Добровскаго и окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ. Изъ Праги онъ переѣхалъ въ Вѣну, для изученія правовѣденія и редактированія двухъ газетъ. По возвращеніи въ Прагу, онъ издалъ свои «Пѣсни», которыя были приняты публикою весьма сочувственно. Въ 1817 году, путешествуя по Чехіи, онъ совершенно случайно открылъ въ Краледворѣ знаменитый манускриптъ чешскихъ пѣсень, возбудившій вниманіе всей Европы и получившій названіе «Краледворской Рукописи». Въ 1818 году основанъ былъ Чешскій Музей и Ганка назначенъ его бібліотекаремъ. Съ этого времени Ганка посвятилъ всего себя Музею и сдѣлался живымъ каталогомъ своей бібліотеки и самою вѣрною справкою для каждой находившейся въ ней книги. Въ 1848 году онъ былъ сдѣланъ деканомъ Пражскаго университета и читалъ въ немъ лекціи древне-славянской и русской литературы. Кромѣ множества напечатанныхъ имъ учоныхъ статей въ разныхъ чешскихъ повременныхъ изданіяхъ, онъ издалъ древне-славянскую, русскую, польскую и чешскую грамматики, «Собраніе древне-чешскихъ литературныхъ памятниковъ», примѣчанія къ «Слову о полку Игоревѣ», изслѣдованія къ Остромирову евангелію, «Далимилову чешскую хронику», «Изслѣдованіе о евангеліи, служившемъ при коронованіи французскихъ королей», «Жизнь Карла IV» и любопытную книгу Іоанна Гуса «Путь ко спасенію». Послѣдній его трудъ о древне-чешскихъ монетахъ, къ сожалѣнію, только отчасти напечатанъ.

Ганка былъ истинный патриотъ, но безъ мѣтѣйшаго фанатизма и уважалъ мнѣнія каждаго. Даже когда, въ 1848 году, его выбрали въ депутаты, онъ отклонилъ отъ себя это званіе и принялъ только президентство общества «Славянской Липы», которое и сохранилъ до распу-

щенія этого общества, съ жаромъ поддерживая все, что могло клониться къ развитію отечественнаго элемента. Ганка умеръ 12 января 1861 года и погребенъ въ Вышеградѣ, куда его проводило болѣе 30,000 его почитателей.

I.

КРАЛЕДВОРЪ.

Съ вершины славной той горы,
Отъ лучезарнаго востока,
Гдѣ Доброславъ свои шатры
Кругомъ раскидывалъ широкъ;

Гдѣ, вытекая изъ Карпатъ,
Веселія и жизни полны,
Въ Орлицу, словно водопадъ,
Несутся быстрой Лабы волны —

Оттолкъ примите нашъ привѣтъ
И поздравленія живыя,
Вы, Чехіи краса и цвѣтъ,
Ея бойцы передовые!

Вы какъ святыню сберегли
Отъ навожденія чужого
Сокровища родной земли,
Богатства языка родного,

Когда какимъ-то тяжкимъ сномъ
Отягощались наши вѣжды
И умирали съ каждымъ днемъ
Въ сердцахъ послѣднія надежды.

Какъ часто вешнею порой
Едва поднавшееся жито,
Въ долины пышной, подъ горой,
Лежить, перунами убито:

Такъ, словно пласть, лежали мы,
Родная рѣчь въ устахъ нѣмѣла,
Лежали средь кромѣшной тьмы —
А небо въ молніяхъ гремѣло.

Прошли, умчались безъ слѣдовъ
Тѣ дни для внуковъ Славомила,
Когда велѣніе отцовъ
Единой властью въ край было;

Давноминувшаго краса,
Забыли нынѣ Самоницы,
Что въ нихъ тотъ Само родился,
Отъ чьей карающей десницы

Бѣжалъ строптивый супостатъ,
Тѣлами поле устилая;
Кто Карла смялъ среди Карпатъ
И славу спасъ родного края.

И та пора давно прошла,
Намъ приснопаматныя лѣта,
Когда сосѣдкой намъ была
Премудрая Елизавета.

На память ей донынѣ храмъ
У насъ, съ высокою оградой,
Чело возносить къ небесамъ
И сердце намъ живить отрадой.

Умолкъ и Ткадлечекъ, что былъ
Минувшаго красой и славой;
И вѣщій Неплахъ нашъ почилъ,
Бытописатель величавый.

А было прежде и для насъ
Иное, счастливое время:
Звучалъ здѣсь бардовъ нашихъ гласъ,
Росло воинственное племя;

И, хваловъ развернувши стягъ,
Оно съ тевтонами боролось —
И подъ его мечами врагъ
Ложился, будто зыбкій колось.

Среди равнинъ Высоцкихъ стонъ
Стоялъ и дрогнули равнины,
Когда по нимъ король Оттонъ
Погналъ Зигмунтовы дружины.

Туть Рокнцана впереди
Стремился яростною бурей,
А послѣ избранъ былъ въ вожди
Отъ цѣлаго народа Юрій.

Оттолкъ гербъ его мы чтимъ,
Прославленный во время оно,
И потому теперь надъ нимъ
Сіяетъ чешская корона.

Здѣсь жили Выдра и Бальбинъ,
И не одинъ отсюда воинъ
И честный вышелъ гражданинъ,
Кто присной памяти достоинъ.

Мы даже всё произошло
Изъ поколѣнья Доброслава,
Кто былъ для Чешской всей Земли
Въ минувшии годы честь и слава.

Отсюда и Добровскій тотъ,
Чье имя чтится всёми народомъ
И къ дальнимъ внукамъ перейдетъ —
И онъ, и онъ отсюда родомъ!

Н. Бергъ.

II.

ФИАЛКА.

Нѣжная фіалка,
Цвѣтикъ мой прелестный,
Для чего ты скрыта
Въ гущинѣ древесной?

Ты цвѣтешь въ убранствѣ
Хоть и небогатомъ,
Да за-то полна ты
Дивнымъ ароматомъ.

Чуть теплѣе станетъ,
Чуть пахнётъ весною —
Цѣлый боръ зелёный
Напоенъ тобою.

«Пусть-себѣ я прячусь,
Урываюсь въ чащѣ:
Всякихъ ароматовъ
Ароматъ мой слаще!»

«Въ чашу понемногу
Черезъ холмы и доли
Проторгать дорогу
Мотыльки и пчѣлы.

«Проберись лишь въ рошу,
А ужъ въ самой рощѣ
Отыскать фіалку
Ничего нѣтъ проще.»

Н. Бергъ.

III.

О Ж И Д А Н И Е.

Тихо, тихо все вѣкругъ,
Опустылась ночь;
Приходи, мой милый другъ,
Сонъ откинувъ прочь!

Выплываетъ надъ рѣкой
Ясная луна...
Страстной полночь я тоской,
Въ мысляхъ ты одна.

И терзаюсь, и люблю,
Жду я... все молчить...
Лишь гитары въ честь тебя
Стройный гимнъ звучить.

Тщетно взоръ пронзаешь тьму,
Гдѣ жъ ты? приходи!
Брѣвно я тебя прижму
Къ пламенной груди!

Ты одна — и нѣтъ другой
У меня мечты!
Что же, ангель дорогой,
Что же медлишь ты?

Н. Бергъ.

IV.

С Е Б Ъ .

Породила меня
Моя матушка,
Породила меня
Въ красный вѣшній день —

Въ красный вѣшній день,
Въ зеленѣмъ саду —
Въ зеленѣмъ саду,
Между розами —

Между розами
Полноцвѣтными.
Говорила мнѣ
Моя матушка:

«Кабы знала я,
Мое дитятко,

Что ты выростешь
Чехомъ доблестнымъ:

Обвила бь тебя,
Обернула бь я
Вь розы алма,
Благовонныя!

Кабы знала я,
Мое дитяго,
Что ты выростешь
Злымъ измѣнникомъ:

Обвила бь тебя
Я рогожею —
И вь колючіе
Тѣрны бросила!»

Н. Бергъ.

V.

Ц В Ъ Т Ы.

Видны разныя цвѣтки
Среди поляны:
Розы, маки, васильки,
Ландыши, тюльпаны;

И на темной зелени
Будто снѣгъ бѣлыя,
Укрывается вь тѣни
Бѣлая лилея.

Я весь день бродить готовъ
Посреди луга;
Но милѣй мнѣ всѣхъ цвѣтовъ
Ты, моя подруга!

Ты, лилея всѣхъ лилей,
Ты — живая роза!
Пусть цвѣты среди полей
Сгнбнуть отъ мороза,

Пусть померкнетъ все вокругъ,
Съ солнцемъ и луною,
Лишь бы ты, мой милый другъ,
Ты была со мною —

Восхитительна точь-въ-точь
Какъ теперь, сегодня:

Яснымъ днемъ была бь мнѣ ночь,
Раемъ — прексподня!

Н. Бергъ.

VI.

Л А Б А.

Ты куда, скажи мнѣ, Лаба,
Лаба тихая плывѣшь?
Про кого свои ты пѣсни,
Мой соловушко, поѣшь?

Про кого поѣшь ты пѣсни
Вь темной рощѣ и вь лѣсу?
Распѣвалъ и я, бывало,
Про нее, мою красу!

Да недолго безмятежно
Дни катилися мои,
Что у Лабы серебрястой
Тиховодныя струи:

Разлучили вдругъ со мною
Сердце — милую мою —
Съ-той-поры я, сиротина,
Звонкихъ пѣсенъ не пою.

Ты куда жь, скажи мнѣ, Лаба,
Лаба тихая плывѣшь?
Про кого свои ты пѣсни,
Мой соловушко, поѣшь?

Н. Бергъ.

VII.

О Ч И.

Очи, полныя огня,
Вы — мои мучители!
Для чего вы у меня
Миръ души похитили?

Веселюсь ли я съ толпою,
Вь стѣни ли безлюдныя
Унесусь — и вы за мной,
Пламенныя, чудныя!

Всякій день и всякій часъ,
Днемъ и вь ночь утворюю,

Только знаю, что про васъ
Думушку я думаю!

Очи, полныя огня,
Вы—мой мучители!
Для чего вы у меня
Миръ души похитили?

Н. Бергъ.

И. КОЛЛАРЪ.

Иванъ Колларъ, самый знаменитый изъ чешскихъ поэтовъ и едва ли не самый горячій панславистъ во всемъ славянствѣ, родился въ 1793 году, въ Словацкой Землѣ. Онъ уже въ ранней молодости обнаруживалъ страстное влеченіе ко всему народному: изучалъ народную поэзію, собиралъ словацкія и чешскія пѣсни, записывалъ старинныя преданья и пословицы. Окончивъ съ полнымъ успѣхомъ курсъ философскихъ и богословскихъ наукъ въ Бреславскомъ университетѣ, онъ отправился въ Іену, и въ 1817 году, какъ іенскій студентъ, принялъ участіе въ знаменитомъ вартбургскомъ праздникѣ, гдѣ юная Германія заявила фантастическимъ ауто-да-фѣ свою ненависть къ реакціи и обскурантизму. Надо думать, что это настроеніе, господствовавшее тогда въ нѣмецкой молодежи вообще и въ Іенскомъ университетѣ въ особенности, имѣло сильное вліяніе на складъ патриотическихъ тенденцій Колларъ. Они вызывались въ немъ и другими обстоятельствами. Здѣсь, на берегахъ Салы и Эльбы, обитали когда-то полабскіе славяне — и это историческое воспоминаніе возбудило въ Колларѣ національное чувство, которое вскорѣ соединилось съ нѣжнымъ чувствомъ къ Вильгельминѣ Шмидтъ, дочери нѣмецкаго евангелическаго пастора, происходившаго отъ славянскихъ предковъ. Это двойное чувство дало содержаніе всей поэзіи Колларъ, въ которой онъ изливаетъ свои личныя радости и печали, воспѣваетъ прошедшее и настоящее славянскаго міра и предсказываетъ великую его будущность. Колларъ издалъ свое произведеніе подъ именемъ «Дочери Славы», подъ которой понимались и возлюбленная Мива и великое славянское отечество. «Дочь Славы» написана звучными и часто истинно-поэтическими сонетами, которыхъ насчитывается болѣе шести-сотъ, и вышло въ свѣтъ

шестью выпусками въ 1821, 1824, 1832, 1845, 1852 и 1862 годахъ. Въ содержаніи «Дочери Славы» выразилась вся задушевность панславистскаго направленія: это были или патриотическія элегіи, вызванныя воспоминаніемъ о прежней славѣ славянскаго отечества, или призывы братьевъ къ единодушію, или обличеніе отступниковъ. Поэтическая дѣятельность Колларъ ограничилась одной этой поэмой, такъ-какъ нѣсколько небольшихъ стихотвореній иного содержанія, написанныя имъ въ молодости и не имѣющія литературнаго достоинства, не могутъ идти въ расчотъ.

По возвращеніи изъ Іены въ Пештъ, гдѣ получилъ мѣсто евангелическаго проповѣдника, Колларъ принялся за сочиненіе проповѣдей, а также занимался славянскою старинною и народною поэзіей. Затѣмъ, онъ совершилъ нѣсколько путешествій для изученія остатковъ славянскаго древности въ Германіи, Италіи и Швейцаріи. Результатомъ этихъ поѣздокъ былъ цѣлый рядъ сочиненій по части этнографіи, именно: «Народныя пѣсни словаковъ въ Венгріи» (2 т., 1834—1835), «Исслѣдованіе о происхожденіи, имени и древностяхъ славянъ» (1839), «Путешествіе» (1843), «Славянская Старо-Италія» (1852) и другія. Когда начался венгерскій вопросъ, тяжело упавшій на словаковъ, Колларъ горячо защищалъ своихъ соотечественниковъ, но при началѣ революціи удалился въ Вѣну, гдѣ получилъ славянскую кафедру въ университетѣ.

Чтобы заключить изложеніе литературной дѣятельности Колларъ, мы должны упомянуть еще объ одномъ произведеніи его, которое въ свое время оставило сильное впечатлѣніе въ умахъ славянскаго публички. Мы говоримъ о его нѣмецкой брошюрѣ: «О литературной взаимности между различными племенами и нарѣчійми славянскаго народа». Основная мысль брошюры заключается въ томъ, что славяне, не смотря на свои силы и способности, далеко отстали въ наукѣ, искусствѣ и литературѣ отъ остальныхъ народовъ западной Европы и что причина этого печальнаго факта заключается въ раздробленіи и недостаткѣ единства, и потому для утвержденія своихъ народныхъ стремленій славяне должны соединиться въ литературной взаимности. «Въ наше время — говоритъ онъ — «не достаточно быть хорошимъ русскимъ, горячимъ полякомъ, совершеннымъ сербомъ, учонымъ чехомъ, и только исключительно, хотя бы и хорошо, говорить по русски, по польски, по сербски, по чешски. Уже

прошли односторонние детские годы славянского народа; дух нынешнего славянства налагает на нас другую высшую обязанность, а именно: считать всех славян братьями одной великой семьи и создавать великую всеславянскую литературу». Как на средство для достижения такого результата, Коллар указывает на взаимное изучение славянских наречий: он объясняет, какая опасность грозит славянству от его разделения и как необходимо духовное общение литератур для выполнения исторической задачи славянского племени — вести дальше цивилизацию и просвещение после германских и романских народов, которые должны теперь уступить свое место новому, святому народу. Брошюра имела огромный успех, и о *ее* *важности* заговорили во всем славянском мире.

Коллар скончался в 1852 году. Полное собрание его сочинений в четырех томах вышло в Праге в 1862—63 годах. В них напечатана и любопытная его автобиография, обнимающая, к сожалению, только время его молодости.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ДОЧЬ СЛАВЫ».

1.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Здѣсь предо мною земля знаменитаго нашего рода,
Въ оныя дни колыбель, пниѣ могила его.
Слѣзы роняя, гляжу: что ни шагъ, то священное
мѣсто!

Стой, сынъ Татры! горѣ взоры свои подыми,
Или къ сему преклонись величавому, старому дубу,
Съ конемъ доселѣ свой споръ лютое время ведетъ.
Но лютей и ужаснѣе тотъ, кто подъ скипетръ
железный,

Славія, вью твою, зависти полонъ, согнулъ.
Яростной брани подобенъ, свирѣпой грозѣ и пожару
Тотъ, кто противу своихъ местию и злобой кипитъ.
Гдѣ ты, минувшее время? какъ ночь позади рас-
простерлась!

Слава, какъ дымъ, унеслась; образъ позора
я зрю.

Вплоть отъ измѣнчивой Лавы до пажитей Вислы
коварной,

Съ тихихъ Дуная береговъ къ Балтики шумнымъ
валамъ

Несся когда-то языкъ сладкозвучный, богатый и
дивный,

Слово могучихъ славянъ — нынѣ умолкло оно!

Кто жь совершилъ святотатство, грабежъ, вопи-
ющій на небо?

Кто въ народѣ одномъ сонми людей оскорбилъ?
Скройся, бѣги отъ стыда кровожадное племя те-
тоновъ:

Ты совершило набѣгъ, пролило чистую кровь!
Тотъ, кто свободы достоинъ — и въ чуждыхъ оцѣ-
нить свободу;

Цѣпи куящій рабамъ — самъ есть невольникъ
и рабъ.

Гдѣ вы, любезные роды славянъ, въ семь краяхъ
обитавшихъ?

Мирныхъ сорабовъ семья? вильцевъ могучая
вѣтвь?

Гдѣ оботритовъ потомки? гдѣ внуки воинствен-
ныхъ укровъ?

Тщетно ихъ ищетъ мой взоръ: въ Славіи нѣту
славянъ!

Дубъ, уцѣлѣвшій отъ времени храмъ ихъ, гдѣ
жертвы сжигали

Давнимъ они божествамъ, нынѣ повѣдай ты мнѣ:
Гдѣ эти скрылись народы? Гдѣ грады ихъ, села
и вѣси?

Кто на полуночи здѣсь первую жизнь возбудилъ?
Бѣдной Европѣ одинъ ладъ принесли съ парусами,
Дабы богатства свои за море слава она;
Звонкій металлъ изъ земли добывать научили другіе,
Больше на почете богамъ, нежели алчнымъ
въ користь;

Третьи, измысливши плугъ, взбороздили имъ зем-
лю — и выросъ

Колосъ на ней золотой, житомъ одѣлись поля.
Липы, священное древо славянъ, насаждалися ими

Подлѣ дорогъ и стезей, чтобъ разстилалася тѣнь.
Старцы учили дѣтей созидать города и деревни,

Жоны учились отъ жонъ тонкое твать полотно.
Гдѣ жь ты, учитель-народъ, и какую ты мзду за
науку

Въ этихъ странахъ получилъ? Злобно твой по-
пранъ вѣнецъ!

Точно, какъ хищныя пчелы, въ чужой перебрав-
шися улей,

Матку и дѣтокъ сѣкутъ яростнымъ жаломъ
своимъ,

Такъ и въ предѣлы славянъ чужеземные втор-
глись владыки:

Тяжкія цѣпи на нихъ лютой сосѣдъ наложилъ.
Гдѣ среди рощей зеленыхъ веселая пѣла славянка,

Нынѣ безмолвіе тамъ: пѣсенъ никто не поѣтъ!
Гдѣ возвышались чертоги гремящаго бога-Перуна,

Чуждая сволочь теперь ставитъ клѣва для коровъ

Между разбитыми пышными сводами; тамъ, гдѣ
Аркона

Въ прежніе годы цѣла, Ретры блистало чело,
Бродитъ суровый пришлецъ, попираетъ святые
останки

Дерзкой стопою; гнѣздо всякая гадина вѣтъ.
Славін сына, пришедшаго къ братіямъ въ оныя
страны,

Часто чуждается братъ, радостныхъ рукъ не
простретъ;

Чуждая рѣчь поражаетъ его; онъ глядитъ и не
вѣритъ

Собственнымъ взорамъ: предъ нимъ истый стоитъ
славянинъ,

Только изъ устъ у него неславянская рѣчь вылетаетъ
Ибо особый дала Славія дѣтамъ своимъ

Обликъ: ни мѣсто, ни время его не изгладятъ во-вѣки!
Такъ двѣ рѣчки, съединясь, вмѣстѣ порою бѣгутъ,

Послѣ, разбившись врознь, опять два пути избираютъ,

Каждая къ морю свои пѣнины волны несутъ.

Точно такая жъ борьба истомила и братніе роды:
Бывши когда-то одно, врознь племена разошлись.

Часто отступники-дѣти поносятъ родимую матеръ;
Часто лобзаютъ они мачихи яростный бичъ.

Жизнью, обычаемъ, рѣчью они ни славяне, ни гѣмцы:
Разомъ и птица, и звѣрь, мрака жилище нетопыръ.

Такъ въ благодатныя страны Эллады проникли
османы,

На величавый Олимпъ дерзкій бунчукъ вознеся;
Такъ европеецъ корыстный разрушилъ два міра
индійцевъ,

Земли похитивъ у нихъ, доблесть, свободу и рѣчь.
Тьмъ поколѣній исчезли; низвергнуты храмы и
боги;

Лишь неизмѣнно во-вѣкъ царство природы одной.
Рѣки, лѣса, города сохранили славянское имя:

Только въ нихъ тѣло славянъ, духа жъ славян-
скаго нѣтъ.

Кто же придетъ и могилы отъ вѣщей разбудитъ
дремоты?

Гдѣ онъ, славянскихъ племенъ истый власти-
тель и вождь?

Кто намъ укажетъ священное мѣсто, на коемъ
издревле

Кровь за народъ проливалъ доблестный мужъ
Милндохъ?

Кто въ честь героя воздвигнетъ тамъ памятникъ?
Гдѣ, охранявшій

Прежнихъ временъ простоту, гдѣ онъ, воин-
ственный Крукъ?

Онъ, къ славянскимъ дружинамъ взывавшій въ бою
по славянски?

Гдѣ Боеславъ удалой? Горе! ихъ болѣе нѣтъ!
Можетъ, порой ненарокомъ ломаетъ геройскія
кости

Плугъ селянина; встаютъ тѣни бойцовъ изъ мо-
гилъ,

Грозно взывая къ судьбѣ. О, холодно черствое
сердце

Путника, если онъ тутъ горькой слезы не про-
льетъ,

Словно надъ прахомъ возлюбленной! Смолкни,
однако, и стихни,

Тяжкая скорбь, устремля очи пытливыя въ даль!
Полно печалиться намъ и несчастья оплакивать
наши:

Станемъ бодрѣе глядѣть, силы прибудетъ у насъ!
Слѣзы плода не дадутъ, но десница могучая мо-
жетъ

Все, трудясь, измѣнить: злое направить въ добру.
Если народъ заблудился, такъ мѣръ не собьѣтся
съ дороги;

Часто ошибки однихъ служатъ на помощь дру-
гимъ.

Время цѣлитель всего и, рано ли, поздно ли, правда
Яркимъ свѣтиломъ взойдетъ, насъ и другихъ
озаритъ.

То, что пожрала вѣковъ безпощадныхъ несмытая
бездна,

Можетъ, по волѣ небесъ, мигомъ воскреснуть
и жить!

Н. Бергъ.

2.

ПѢСНЬ I, СОНЕТЫ 1—7.

Тамъ, гдѣ бѣжитъ излучистая Сала
Широкою долиной, межъ цвѣтговъ,
Гдѣ Милндохъ слава увѣпчала —
Тамъ нѣкогда собрался сонмъ боговъ

Держать совѣтъ: зане возопила
Къ нимъ Славія съ цвѣтуцкихъ береговъ
И небеса благія умолила
О помощи противъ своихъ враговъ —

Задумались, толкуя о наградѣ...
Вдругъ Милко тихо молвилъ что-то Ладъ —
И передъ ними въ блескѣ и красѣ

Явилась свѣтозарная дѣвица,
Всѣхъ жонъ земныхъ прекрасная царица —
И даже боги изумились всѣ.

Иной, пожалуй, бросить взглядъ небрежный
На васъ, сонеты милые мои,
Какъ на гетеръ, за-то что, страсти нѣжной
Не внемля, танцовать съ нимъ не пошли.

Коль стихъ въ тебѣ огонь поры мятежной
И поблѣгли волосы твои —
Любовь передъ красотками тая:
Нейдетъ веснѣ уборъ полночи снѣжной!

Но кто безъ предразсудковъ подойдетъ
И просто къ вамъ, о милые сонеты,
И къ пляскѣ васъ славянской позоветъ —

Тому цвѣты, гирлянды и букеты,
Тому рукопожатья и обѣты,
Того зовите сами въ хороводъ!

Съизмала свыкса съ жизнью я простою
И, отъ соблазновъ ускользнуть успѣвъ,
Боролся я съ житейской суетою,
Съ тщеславьемъ, съ честолюбьемъ, какъ левъ;

Сіянье злата праздно мечтою
Считалъ, а игры мой будили гнѣвъ;
Но прелесть блѣкоурыхъ жонъ и дѣвъ,
Блισταющихъ полуночной красою,

Я началъ рано чувствовать вполнѣ
И первыя отсель узналъ тревоги.
Инымъ въ громахъ, въ горящей купинѣ,

Въ пророческихъ видѣніяхъ во свѣ
Являлись силы высшія, а мнѣ
Красою жонъ съ небесъ вѣщали боги.

О скромность! всѣ въ ней доблести слиты!
Она въ семь свѣтѣ высшая есть сила;
А взглядъ, въ которомъ кротость опочила,
Есть выраженье высшей красоты:

Воздвигни ей престолъ лишь, сердце, ты —
Она бы рай вездѣ распространила;
Дай ей уста — о, этими устами
Всѣхъ риторовъ она бы разгромила!

Гдѣ свѣтишь нынѣ, кроткая звѣзда?
И — полно — существуешь ли ты въ мірѣ?
Иль не была ты смертной никогда

И съ неба не сходила къ намъ сюда?
Нѣтъ! здѣсь она! Гремите ей на лирѣ,
Моей обѣтованной навсегда!

Есть липа за широкою долиной,
Богъ-вѣсть какія помнить времена,
Давнымъ-давно стоитъ какъ-есть одна,
Шума своею темною вершиной:

Меня тамъ зрѣла каждая весна;
Туда, туда съ моей тоской-кручиной
И съ радостью — чѣмъ грудь была полна —
Бѣжалъ я утромъ, хотъ на мигъ единой;

И разъ, упавъ въ священныя кусты,
Молился такъ: «о, липа! если бъ ты
Покрыла наши скорби вѣчной тьмою!»

Вдругъ зашептали горніе дѣсты,
Потряса стволъ — и, въ блескѣ красоты,
Дочь Славы появилась предо мною!

Идти ли мнѣ въ широкій этотъ свѣтъ,
Или сидѣть? Кто дастъ на то отвѣтъ?
Кто разрѣшитъ тревожныя сомнѣнья?
Проложить путь, укажетъ вѣрный слѣдъ?

Блеснулъ передо мною дивный свѣтъ —
И я позналъ отрадныя мученья;
Какой-то гость, кому названья нѣтъ,
Ниспосылаетъ сердцу откровенья;

И вотъ — то веселья я, то слезы лью,
То молчаливъ, то предавъ разговорамъ,
Играю безмятежно и пою.

Терпѣнье, други! Вы жъ, съ мертвящимъ взоромъ,
Повремените съ грознымъ приговоромъ,
Оставьте грусть мнѣ сладкую мою!

Торжественно колокола святые
Звучатъ; спѣшить на праздникъ все село;
Красавицы, вѣнками увиты,
Идутъ во храмъ; сіяетъ ихъ чело.

Вотъ и меня туда же повлекло;
Вѣшался я въ толпы людей густыя,
Не вѣдая, что Милко, какъ на зло,
Еще сильнѣе въ цѣни золотыя

Меня скуеть. Едва вступилъ во храмъ —
И вижу я: колѣнопреклоненный,
Въ одеждѣ бѣлой, нѣкій ангелъ тамъ

Молитвенно къ Зиждителю вселенной
Стремится, взоръ поднявши къ небесамъ:
Ахъ! это онъ былъ, образъ незабвенный!...

Н. Бергъ.

3.

ПѢСНЬ II, СОНЕТЫ 137—142.

Краса всего полуночнаго края,
Мать Руси всей, и сердце, и глава,
Стоитъ золотоверхая Москва,
Крестами храмовъ блѣща и играя.

Вдругъ занялася пламенемъ она;
Реветь пожаръ отъ края и до края,
Дома, чертоги, хаты пожирая —
И запылалъ дворець Ростопчина...

Погибли созиданія столѣтій!...
Скажи, зачѣмъ ты свѣточъ сей загла?
«Чтобы яснѣй вселенная прочла

Исторію мою при этомъ свѣтѣ
И знала бь, чѣмъ для Руси я была
И каковы мои родныя дѣти!»

Славяне! Сладкій, благородный звукъ!
Но вмѣстѣ слышно горькое въ немъ горе,
Пучина искушеній, бѣдъ и мукъ,
Горючихъ слезъ клочущее море.

Ураль и Татры! здѣсь палащій Югъ,
Тамъ лютый Сѣверъ въ ледяномъ уборѣ;

Чего тамъ нѣтъ, какихъ богатствъ вокругъ!
Живемъ-себѣ широко на-просторѣ...

Но тяжело дался этотъ намъ просторъ!
Другимъ на розахъ посланы постели,
И соловьи въ кругомъ разсыпаны хоръ;

Намъ, вмѣсто розъ, колючій посланъ тѣръ,
Не соловьи, а вѣчный слышенъ споръ
И бранныя свирѣлствуютъ ятели...

Отъ скалъ Аеона вплоть до поморянъ,
Отъ Песья поля до поля Косова,
Отъ возавовъ къ землямъ дубровничанъ,
Оттоль до града гордаго Петрова,

Отъ Балтики къ полудню до Азова,
Отъ стѣнъ Китая до Полярныхъ странъ —
Раскинулись владѣнія славянъ
И слышно всѣмъ намъ родственное слово.

Ураль, Влетавъ, Волга — всѣ края,
Вся наша необъятная семья,
Обнимемъ, раздоры всѣ отбросимъ,

Ни зависти, ни злобы не тая,
И станемъ жить, какъ братья и друзья:
Мы всѣ одно святое имя носимъ!

Все намъ благія дали небеса,
Чтобъ стали мы со всей Европой рядомъ;
Окиньте только земли наши взглядомъ:
Чего тамъ нѣтъ: обиліе, краса;

Сребро и золото; пышнымъ вертоградомъ
Глядитъ нашъ полдень; всюду чудеса;
А по веселымъ вѣсямъ и по градамъ
Гремятъ поэтовъ вѣщихъ голоса:

Высокіе, божественные звуки!
И какъ у всѣхъ — плечъ у насъ и руки,
И сила есть могучая въ рукахъ;

Лишь дайте намъ согласье да науки —
Взойдетъ другое солнце въ небесахъ
И все предъ нимъ повергнется во прахъ!

Славяне, братья милые славяне!
 Вы любите кровавый споръ да брани —
 Скажите мнѣ: какой въ тѣхъ браняхъ прокъ?
 Возьмемъ отъ кучи угольевъ урокъ:

Въ одну семью соединены заранѣ,
 Онѣ горять и блещутъ на таганѣ
 И къ верху искры мечуть въ потолокъ;
 Но что жь одинъ бы сдѣлалъ уголёкъ?

Соединимся жь всё мы безъ изъятія:
 Сербъ, русскій, чехъ, болгаръ, полякъ,
 Одинъ къ другому вынемся въ объятія —

Одна хоругвь, одинъ да будетъ стягъ;
 Забудемъ все, что было; будемъ братья —
 И дрогнетъ сопротивный врагъ!

—
 Не сѣгуйте, что мы живемъ такъ мало,
 Что племя богатырское дремало
 До-сей-пору: ударить и для насъ
 Спасенія и пробужденья часъ;

Такое же по нашимъ нивамъ рало
 Пройдетъ, что всю вселенную взодрало,
 И прозвучитъ надъ нами тотъ же гласъ,
 Который ихъ, который старшихъ спасъ —

И какъ они, пойдемъ мы на работу;
 Покуда же благія небеса
 Намъ посылають сумракъ и дремоту;

Но вотъ и нашъ востокъ ужь занялся
 Зарѣй, и наша проситъ полоса
 Возвышеннаго бдѣнія и поту...

Н. Бергъ.

4.

ВѢСНЬ III, СОВЕТЫ 5, 7 и 110.

Сдается мнѣ: весь родъ славянъ — большая
 Рѣка, что путь величественный свой
 Хоть медленно, но мощно совершая,
 Стремится плавно къ цѣли вѣковой;

И на пути громады горъ встрѣчая,
 Ихъ та рѣка обходить стороной,

И льется, въ рай пустыни превращая,
 Черезъ города живительной волной.

Другіе жь шумно катятся народы,
 Какъ вздутыя напоромъ вешнимъ воды;
 Но сбылъ приливъ — и свѣтлый, злачный доль

Трясиной сталъ съ упадкомъ волнъ ихъ мутныхъ,
 Развалинами стали кровы сѣль,
 А жители — сбродъ нищихъ безпріютныхъ.

—
 О, еслибъ всё славяне предо мной
 Металлами явились: ихъ собранье
 Я бь сплавилъ, слилъ — и въ статуѣ одной
 Великое бь представилъ изваянье!

И русскій бы узрѣлся головой,
 А туловищемъ — ляхъ при томъ слянѣ;
 Изъ чеховъ вышли бь руки, складъ плечной,
 Изъ сербовъ ноги: вѣрпкое стоянье!

Меньшія же всё отрасли славянъ
 Пошли бы въ одѣянье, въ складен, въ тѣни,
 Въ оружіе: воздвигся бь великанъ —

И вся Европа, преклонивъ колѣни,
 Взирала бы! А онъ — превыше тучъ —
 Міръ попиралъ бы, грозень и могучь!

—
 Черезъ сотню лѣтъ, о братья, что-то будетъ
 Изъ насъ, славянъ? Что будетъ въ свой черѣдъ
 Съ Европою? Въ нашъ токъ воды прибудеть —
 И жизнь славянъ не весь ли міръ залѣтъ?

И нашъ языкъ, что нынѣ живо судить
 Нѣмецкій судъ и рабскимъ вкривъ зоветъ,
 Изъ устъ враговъ слышится, разбудить
 Дворцовъ ихъ эхо — и гудѣтъ пойдетъ!

Славянскимъ русломъ знаніе польѣтся,
 И въ моду быть славянскій весь вопліѣ
 Надъ Сеною и Лабою введѣтся...

О, лучше бы тогда родиться мнѣ
 И вольной жизни плыть по океану!
 Но — я тогда еще изъ гроба встану!

В. Бенедиктовъ.

II. ШАФАРИКЪ.

Павелъ Іосифъ Шафарикъ, знаменитѣйшій изъ чешскихъ ученыхъ, родился 28-го апрѣля (10-го мая) 1795 года въ небольшой горной деревнѣ въ верхней Венгріи, гдѣ отецъ его, родомъ словакъ, былъ евангелическимъ проповѣдникомъ. До одиннадцати лѣтъ молодой Шафарикъ не оставялъ родительскаго дома, упражняясь въ чтеніи и письмѣ и приобретаая первоначальныя знанья подъ руководствомъ отца. Въ 1805 году онъ былъ отданъ въ Разнавскую гимназію, по окончаніи курса въ которой былъ переведенъ въ 1810 году въ одинъ евангелическій лицей въ верхней Венгріи, въ которомъ пробылъ пять лѣтъ. Здѣсь-то совершенно случайно попалась ему въ руки статья Іосифа Юнгмана «О языкѣ чешскомъ», напечатанная въ «Гласникѣ» на 1803 годъ и написанная очень горячо. Статья эта сильно подѣйствовала на Шафарика и, такъ сказать, рѣшила его участь. Онъ ревностно принялся за изученіе славянской народности, и первымъ плодомъ этого изученія была его поэтическая попытка — «*Tatranská Múza s lyrou Slovan-skou*». Вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ названной книжки, напечатанной въ 1814 году, т. е. еще во время пребыванія его въ лицей, стихотворенія Шафарика стали появляться въ журналахъ и многія изъ нихъ были замѣчены публикою. Окончивъ курсъ въ лицей, Шафарикъ отправился, въ 1815 году, въ Іенскій университетъ, гдѣ пробылъ четыре года. Здѣсь, кромѣ обязательныхъ для него лекцій богословскихъ, онъ ревностно посѣщалъ лекціи филологіи, исторіи и философіи. По выслушаніи полного курса, Шафарикъ былъ удостоенъ, въ 1819 году, степени доктора философіи. Но и тутъ, не смотря на всю обширность своихъ занятій, Шафарикъ находилъ время для служенія славянскимъ музамъ. Во время своего пребыванія въ Іенѣ, онъ перевелъ «Облака» Аристофана и «Марію Стюартъ» Шиллера. Но съ выходомъ изъ университета Шафарикъ окончательно распростился съ поэзіей и отдался исключительно ученымъ занятіемъ. Въ 1819 году Шафарикъ былъ приглашонъ въ Новъ-Садъ, для занятія мѣста профессора и директора вновь открытой тамъ гимназіи. Эту должность занималъ онъ до 1833 года. Затѣмъ, онъ переселился въ Прагу, гдѣ съ 1842 года и до смерти оставался при университетской библіотекѣ. Уже въ Новомъ-Садѣ обнаружилъ Шафарикъ

необыкновенную дѣятельность изученія, которое обратилось на славянскій міръ, его прошедшее и настоящее. Въ 1826 году онъ издалъ свою «Славянскую исторію литературы»; затѣмъ, въ 1828 году слѣдуетъ книга «О происхожденіи славянъ», въ 1833 — книга «О сербскомъ языкѣ», бросившая новый свѣтъ на исторію славянскихъ нарѣчій; въ 1837 онъ издалъ свое знаменитѣйшее произведеніе: «Славянскія древности», которое остается до-сихъ-поръ исходной точкой всѣхъ трудовъ по изученію древней славянской исторіи; въ 1840 онъ, вмѣстѣ съ Палацкимъ, сдѣлалъ образцовое изданіе «Древнѣйшихъ памятниковъ чешскаго языка»; въ 1842 издалъ новый панславистскій трудъ — «Этнографія славянскихъ племенъ»; въ 1845 «Грамматику древне-чешскаго языка»; наконецъ въ послѣдніе годы — «Памятники южно-славянской письменности», «Памятники письменности глаголической», и т. д. Все это — произведенія первостепенной важности. Шафарикъ умеръ 14-го (26-го) іюня 1861 года.

СОНЕТЪ.

Плыветъ луна въ лазурномъ океанѣ,
Средь хора лучезарнаго свѣтилъ,
Какъ нѣкій царь въ своемъ военномъ станѣ,
Какъ свѣтлый предводитель горныхъ силъ.

Почіетъ лѣсъ въ серебряномъ туманѣ
И быстрый ключъ свой бѣгъ остановилъ;
Морозами окованный заранѣ,
Онъ не бѣжитъ — дыханье притаилъ.

Какъ тихо все и въ небесахъ и въ полѣ!
Душа моя возносится горѣ —
Готовъ огонь святой на алтарѣ...

Но взоръ поэта някнетъ по-неводѣ:
Кого любилъ — ея ужъ нѣту болѣ:
Какъ звѣздочка погасла на зарѣ...

Н. Бергъ.

Ф. ПАЛАЦКІЙ.

Францъ Палацкій, знаменитый исторіографъ чешскаго королевства и отецъ новѣйшей чешской исторіи, родился 2-го (14-го) іюня 1798 года въ

деревнѣ Годславицахъ, Преровскаго округа на Моравѣ. Окончивъ курсъ ученія въ Пресбургскомъ лицей и въ Вѣнскомъ университетѣ, онъ издалъ «Начатки чешской просодии» — сочиненіе, предсказавшее въ немъ замѣчательнаго ученаго. Поселившись съ 1823 года въ Прагѣ, онъ употребилъ всѣ свои усилія на то, чтобы убѣдить своихъ соотечественниковъ въ возможности воскресить чешскую народность. Усилія его увѣнчались успѣхомъ и Палацкій принялъ редакцію журнала, основаннаго при Чешскомъ Музеѣ, въ которомъ сталъ проводить свои взгляды. Вместе съ тѣмъ онъ усердно изучалъ источники, разбросанные въ чешскихъ архивахъ и европейскихъ библиотекахъ Берлина, Мюнхена, Дрездена, Вѣны, Рима и другихъ. Историческія изслѣдованія и монографіи, которыя онъ сталъ помѣщать въ своемъ журналѣ, доставили ему вскорѣ громкую извѣстность — и онъ былъ облеченъ въ званіе *чешскаго исторіографа*, съ жалованіемъ въ 1000 гульденовъ — званіе, которое остается за нимъ до-сихъ-поръ. Литературная дѣятельность Палацкаго началась очень рано: въ 1828 году онъ издалъ «Старія чешскія лѣтописи», въ 1830—замѣчательное изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: «Оцѣнка древне-чешскихъ историческихъ писателей»; въ 1836 году появилось начало его обширной и знаменитой «Исторіи чешскаго народа» — сначала на нѣмецкомъ, потомъ на чешскомъ языкѣ — которую онъ продолжаетъ до-сихъ-поръ. Кроме того, съ 1840 по 1844 годъ онъ издавалъ «Чешскій Архивъ», куда вошло множество любопытныхъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ чешскихъ и иностранныхъ архивовъ. Въ 1848 году Палацкій выступилъ на политическое поприще, и былъ самымъ вліятельнымъ представителемъ національной партіи, которая настаивала на федерации, направленной противъ нѣмецкихъ стремленій включить Чехію въ германское единство и противъ вѣнской централизаціи. Отказъ участвовать въ засѣданіяхъ франкфуртскаго сейма навлекъ на Палацкаго вражду нѣмецкой партіи, которая озлобилась даже до того, что готовила ему насильственную смерть отъ руки наемнаго убійцы. Не смотря на всеобщее раздраженіе, австрійское правительство два раза предлагало Палацкому мѣсто министра просвѣщенія, но онъ каждый разъ отказывался, расходясь въ воззрѣніяхъ съ остальными членами министерства. Конецъ революціи удалилъ Палацкаго съ политическаго

поприща, на которомъ онъ дѣйствовалъ какъ членъ вѣнскаго и кромѣржницкаго сеймовъ; новая конституція опять дала ему мѣсто въ верхней вѣнской палатѣ. Важнѣйшій литературный трудъ Палацкаго есть его «Исторія чешскаго народа», доведенная теперь, послѣ нѣсколькихъ томовъ, до XVI столѣтія и которую онъ ведетъ параллельно на нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ. Книга Палацкаго написана по всѣмъ требованіямъ исторической критики, на основаніи обширнаго изученія источниковъ, и имѣетъ въ глазахъ чеховъ высокое національное значеніе. Что же касается самого изложенія, то оно обличаетъ въ авторѣ значительный литературный талантъ. Въ 1867 году Палацкій, вмѣстѣ съ другими славянскими гостями, посѣтилъ московскую этнографическую выставку, причемъ встрѣтилъ, какъ въ Петербургѣ такъ и въ Москвѣ, самый радушный приемъ.

ГОРА РАДОСТЬ.

Какъ Славія, владѣющая міромъ,
Высоко вознеслась — и океаны
У вѣчнаго шумять ея престола
И сонмы преклоняются съюзицѣ:

Такъ подымается высоко Радость,
Свою главу сѣдую въ тучахъ края,
А въ глубинѣ земли свои основы,
И царствуетъ достойно надъ горами.

Хвала тебѣ, гора! Карпаты смиренно
Склоняется, стопы твои цалуя;
Склонились также сонмы горъ Судетскихъ...
Цари межъ нихъ со славою и мирно!

Когда чело твое мрачится гнѣвомъ —
Съ высотъ твоихъ текутъ послушно тучи,
Вооружась перунами, и стонетъ
Земля внизу отъ края и до края.

О Радость! подыми свою корону,
Алтарь славянъ и присной славы память
Твой ликъ, смотрящій весело и ясно,
Въ сердцахъ славянъ веселье пробуждаетъ.

Давно уже здѣсь не дымятся жертвы
Племень гостынскихъ и въ священной рощѣ
Не слышатся воззванья къ Радостю:
И храмъ, и жрецъ на-вѣки онѣмѣли.

Лишь старый дуб хранить святу ю тайну
И въ души ослабѣвшія потомковъ
Влагаетъ силы ихъ отцовъ усопшихъ,
Подъ тихій говоръ дремлющаго лѣса.

Привѣтъ тебѣ отъ грѣзъ моей весны,
Достойная почтенія вершина!
Какъ радостно душа къ тебѣ стремится!
Дай мнѣ пріютъ въ тѣни твоей святыни!

Здѣсь изъ живыхъ истоковъ я хочу
Славянскія всечасно черпать силы,
Чтобъ чистый звукъ моей славянской лиры
Въ скалахъ Олимпа гордаго отдался!

Н. Бергъ.

Ф. Л. ЧЕЛЯКОВСКИЙ.

Францъ Ладиславъ Челяковскій, знаменитѣйшій изъ чешскихъ поэтовъ и восторженный панславистъ, родился 23-го февраля (7-го марта) 1799 года въ Страконицахъ. Отецъ его былъ столяръ и смотрѣлъ на сына, какъ на своего преемника по ремеслу, хотя тотъ не чувствовалъ къ нему ни малѣйшаго призванія. По окончаніи гимназическаго курса, Челяковскій слушалъ философію отчасти въ Ливцѣ, отчасти въ Прагѣ, гдѣ сошолся съ Камаритомъ, Хмѣленскимъ и Винарицкимъ, прославившимися впоследствии какъ чешскіе литераторы. Первыми печатными его произведеніями были «Разныя Стихотворенія» и «Славянскія Народныя Пѣсни», изданныя въ 1822 году. Затѣмъ, послѣдовали переводы: «Листки изъ Прошлаго» Гердера, «Сестры» Гёте и «Дѣва Озера» В. Скотта. Въ 1825 году онъ издалъ альманахъ «Денница», а въ 1827 — «Литовскія Народныя Пѣсни». Но настоящая извѣстность Челяковскаго начинается съ 1829 года, когда онъ издалъ свой «Отголосокъ Русскихъ Пѣсенъ», въ которомъ ему удалось весьма мастерски передать характеръ русской народной поэзіи. Успѣхъ книги былъ чрезвычайный, и чешская критика говоритъ до-сихъ-поръ, что «если бы Челяковскій не написалъ ничего больше, то одинъ «Отголосокъ» обезпечилъ бы ему мѣсто между первыми поэтами». Его «Отголосокъ» не есть одно подражаніе русскимъ пѣснямъ, не ограничивается по-

втореніемъ всѣмъ извѣстныхъ народныхъ мотивовъ, но умѣетъ стать на народно-поэтическую точку зрѣнія и приложить ее къ новому содержанию. Такой же трудъ совершилъ онъ и относительно чешской народной поэзіи въ «Отголоскѣ Чешскихъ Пѣсенъ», изданныхъ имъ въ 1840 году. Въ томъ же году вышла и его «Столистая Роза», которая, не смотря на свою космополитическую, отвлеченную и даже нѣсколько скучноватую поэзію, представляетъ эпизоды весьма живые и интересные, гдѣ авторъ обращается къ своей національной дѣятельности.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Челяковскій задумалъ-было отправиться въ Россію, въ надеждѣ получить тамъ каѳедру славянскихъ языка и литературы; но дѣло не устроивалось и онъ, послѣ долгихъ колебаній, остался въ Чехіи, гдѣ ему, около этого времени, предложили мѣсто адъюнкта при Пражскомъ университетѣ, по каѳедрѣ чешскаго языка, которую онъ и принялъ. Въ 1834 году ему была ввѣрена редакція «Пражскихъ Новинъ». Во время польскаго возстанія 1831 года Челяковскій горячо защищалъ сторону русскихъ, но по усмиреніи возстанія его мнѣніе измѣнилось — и онъ сталъ сочувствовать полякамъ. Эти симпатіи перенесъ онъ и въ свою газету. Вмѣшательство русскаго посольства въ Вѣнѣ было причиной, что Челяковскій потерялъ и профессуру, и редакторство. Нѣсколько лѣтъ послѣ того прожилъ онъ въ Прагѣ въ большой нуждѣ. Наконецъ, въ 1842 году, его пригласили занять каѳедру въ Берлинскомъ университетѣ. Здѣсь провелъ онъ около семи лѣтъ; но въ 1849 году, вслѣдствіе измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ, онъ оставилъ Берлинъ и занялъ ту же каѳедру въ Прагѣ. Съ этого времени славянская филологія стала исключительнымъ его занятіемъ. Лучшимъ сочиненіемъ его по этой части считается «Чтеніе о сравнительной славянской грамматикѣ», изданное въ 1852 году, уже по смерти автора. Начиная съ первыхъ мѣсяцевъ 1852 года, всякаго рода несчастья и неприятности стали стрясаться на впечатлительную голову Челяковскаго и сильно поматнули его здоровье, а внезапная смерть младшаго ребенка и, хотя давно-ожидаемая, но тѣмъ не менѣе тяжолая, утрата любимой жены, умершей отъ чахотки, повергли его въ глубокую меланхолію: онъ сталъ гаснуть какъ свѣча — и 5-го августа 1852 года, въ 6 часовъ вечера, Чехія потеряла одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ сыновъ.

I.

ВЕЛИКАЯ ПАНИХИДА.

То не градомъ побиты, не дождикомъ,
 Не пшеница лежитъ со гречихою:
 Полегло подъ Москвою, подъ матушкою,
 Много воинства храбраго русскаго,
 Много воинства тамъ и французскаго,
 Преклоняся головой во сырой землѣ,
 Переколотаго, перебитаго,
 Чтѣ мечами, штыками и копьями,
 Чтѣ картечью, гранатами, пулями.
 Ой, вы дѣти единыя матушки!
 Стороны ли родной вы защитники,
 Мы за вашу любовь и за подвиги
 Панихиду свершили великую,
 Панихиду, какой не привидано,
 О какой никогда и не слыхано.
 Не достало свѣчей воску яраго,
 Не хватило на каждаго ратника,
 Мы одну вамъ свѣчу всѣмъ затеплили,
 Въ храмѣ Божьемъ, подъ синимъ подъ куполомъ:
 Мы зажгли вамъ свѣчу — Москву-матушку,
 Милымъ дѣтускамъ на покой души
 И на диво, на страхъ — врагу лютому!

Н. Бергъ.

II.

УЗНИКЪ.

Какъ въ Азовѣ то было въ славномъ городѣ,
 Чтѣ у моря ли у Азовскаго:
 Тамъ стояла тюрьма, темна тѣмница,
 Въ той тѣмницѣ сидѣлъ добрый молодецъ,
 Доброй молодецъ — донской козацъ,
 Атаманъ лихой войска козацкаго.
 Нѣтъ у молодца друга-товарища,
 Только есть у него злые недруги,
 Злые недруги — раны смертельныя;
 Еще есть у него злой насмѣшничекъ,
 Злой насмѣшничекъ — свѣтѣль мѣсяцъ:
 Черезъ окошко онъ круглое, косящетое
 Все заглядываетъ въ тюрьму, усмѣхается,
 Надъ бѣдою козака издѣвается.
 Какъ возговоритъ донской козацъ,
 Говоритъ козацъ ясну мѣсяцу:
 «Гой ты, гой еси, ясенъ мѣсяцъ!
 Что ты такъ надо мною насмѣхаешься,

Надъ бѣдой моею, невзгодой издѣваешься!
 Кабы плавалъ я по Дону по тихому,
 На байдаркѣ моей бѣлопарусной
 И взмолю бы, показался ты на небѣ,
 Отразился бы въ водяныхъ струяхъ:
 Я досталъ бы тебя удалымъ копьемъ,
 Не копьемъ, такъ стрѣлами калѣнными,
 Я прогналъ бы тебя съ неба синяго,
 Пригвоздилъ бы тебя я ко дву рѣки —
 И лицо бы твое затуманилось,
 Помрачилось бы, какъ мое теперь!
 Ты не сталъ бы впередъ, мѣсяцъ, тѣшиться,
 Надъ невзгодьемъ чужимъ насмѣхаться!»
 То сказавъ, провѣщавши, донской козацъ,
 Атаманъ лихой войска козацкаго,
 Обнажилъ свои раны глубокія:
 Потекла изъ нихъ кровь горячая,
 Преклонился козацъ головой на грудь,
 Изъ груди душу смѣлую выпустилъ,
 Душу смѣлую — козацкую.
 Тутъ померкли на небѣ звѣзды ясныя,
 Скрылся мѣсяцъ за темными тучами,
 А тѣ тучи дождемъ разразилися,
 Окропили слезами мать сыру землю.

Н. Бергъ.

III.

З И М А.

На разсвѣтѣ разъ, въ утро зимнее,
 Не соколъ летѣлъ во чистомъ полѣ —
 На конѣ лихомъ летѣлъ молодецъ.
 Онъ съ крутой горы, какъ стрѣла, летитъ:
 Отъ копытъ коня его вѣрнаго
 Только пылью снѣгъ къ облакамъ летитъ;
 Изъ ноздрей коня не огонь валитъ —
 Изъ ноздрей летятъ блестящія ивня.
 И примчался конь прежде времени
 На знакомый дворъ, имъ оставленный.
 Добрый конь заржалъ громко, весело,
 Громкимъ голосомъ гнѣвуль молодецъ.
 Во свѣтлицѣ же красна дѣвица
 У окна стоитъ у замерзшаго;
 Не признавши вдругъ коня борзатаго,
 Не признавши вдругъ добра молодца,
 Но размысливши женскимъ разумомъ,
 Про себя она такъ промовила:
 «Что за старецъ тамъ, что за дѣдушка
 На дворѣ у насъ? Какъ отъ старости

Посѣдѣлъ его длинный усъ и бровь!
 Какъ бѣлы его кудри длинныя!»
 Снова гикнулъ тутъ добрый молодець,
 За узду коня привязавъ къ кольцу
 И громчеи вскричалъ: «Гей, душа моя!
 Выходи встрѣчать меня, милый другъ!»
 И узнала тутъ она милого,
 И, узнавъ его, къ нему бросилась,
 Обвилась рукой бѣлоснѣжною
 Вокругъ вѣрота добра молодца...
 Глядь — сѣдыхъ кудрей словно не было:
 Такъ тепло она обняла его;
 Посмотрѣлася въ очи милого —
 Почернѣла вдругъ и сѣдая бровь,
 А къ устамъ его лишь прижалася —
 Почернѣлъ-стемнѣлъ богатырскій усъ.

М. Петровскій.

IV.

ВСЯКОМУ СВОЕ.

о н ѣ.

Какъ хороша природа! утромъ вставъ,
 Я пью въ саду благоуханье травъ
 И слушаю, какъ на деревьяхъ птицы
 Поютъ привѣтъ явленію денницы.
 Межъ-тѣмъ волшебнымъ зеркаломъ волны
 Зеленые берега отражены,
 И глѣсъ, и неба утренняго своды...
 Какъ хорошо мнѣ посреди природы!

о н а.

Да! много есть чудесъ: и я, отъ сна
 Кофейникомъ моимъ пробуждена,
 Встаю — и въ нѣгѣ сладкой и пріятной
 Глотаю Мокки нектаръ ароматный;
 А тутъ несетъ портника мнѣ нарядъ,
 И въ зеркало снѣшу я бросить взглядъ,
 Чтобъ видѣть — все ли въ мѣру и по модѣ...
 Да! много есть прекраснаго въ природѣ!

о н ѣ.

Пойдемъ, мой другъ, природы въ пышный храмъ,
 Пойдемъ бродить по бархатнымъ лугамъ,
 Гдѣ розы и лилеи нѣгой дышуть,
 Гдѣ ихъ зефиры сладостно колышутъ,
 И розанами тѣми и плющѣмъ
 Себѣ чело и кудри мы увѣемъ,

Забывъ на мигъ житейскія невзгоды...
 Пойдемъ, мой другъ, скорѣе въ храмъ природы!

о н а.

Нѣтъ! лучше, другъ, пойдемъ мы въ магазинъ:
 Мнѣ тамъ уборъ понравился одинъ;
 На немъ фіалки, розы и лилеи
 Мнѣ настоящихъ краше и милѣе;
 Не суждено имъ вовсе увядать,
 Зефиръ ихъ также будетъ колыхать
 Какъ на бульварѣ отправлюсь я порою...
 Пойдемъ скорѣе въ этотъ храмъ съ тобою!

Н. Бергъ.

V.

ИЛЬЯ ВОЛЖАНИНЪ.

Ужъ покрылась земля ночнымъ сумракомъ,
 Въ небѣ звѣздочки загорѣлися,
 И съ прогулки домой дѣти малыя
 Къ матерямъ своимъ воротилися;
 Лишь одно дитя — молодой Илья,
 Сынъ честной вдовы, Марѣи Андреевны,
 Не пришолъ домой къ своей матери.
 Залегла тоска въ сердце вѣщее
 Молодой вдовы Марѣи Андреевны,
 Знать недоброе сердце почуяло.
 Вотъ зоветъ она въ страхѣ, въ горести
 Вѣрныхъ слугъ своихъ и прислужниковъ,
 И ведетъ имъ такую рѣчь:
 «Ой вы, слуги мои, слуги вѣрные!
 Вы зажгите свѣчи воску яраго
 И подите всѣ въ разны стороны,
 И ищите вездѣ, и спрошайте у всѣхъ,
 Не видалъ ли кто моего Ильи,
 Моего сына ненагляднаго.
 Кто найдетъ его, приведетъ ко мнѣ,
 Тому дамъ въ награду сто рублей,
 Дамъ въ придачу шубу соболонную.
 Получивъ приказъ, слуги вѣрные
 Разошлись поснѣшно по городу;
 Исходили его изъ конца въ конецъ,
 Въ поле чистое путь направили,
 Поперекъ и вдоль его избѣгали,
 Въ темный глѣсъ пошли — никого не нашли,
 Долго кликали — не докликались
 И домой безъ Ильи воротилися.
 Вотъ идетъ сама, закручинившись,
 Молодѣ вдова Марѣя Андреевна

Съ двумя слугами по городу,
Воздыхаючи, будто пташечка,
Будто горлица одинокая;
Вотъ идетъ она горемичная,
Изъ воротъ идетъ въ поле чистое,
Переходить его до большой рѣки,
До широкой рѣки Волги-матушки,
На крутомъ берегу становится,
Сама плачетъ — разливается.

Не цвѣточекъ бѣѣтъ подь кустикомъ:
То сорочка лежитъ полотняная,
Та ль сорочка ея сына милого.
Какъ возговоритъ Марѣя Андреевна,
Горючьми слезами обливаясь:
«Ты дитя мое безталанное,
Мое дитятко ненаглядное!
Не всегда ли я, мое дитятко,
Зарѣкала тебѣ крѣпко на крѣпко:
Не ходи ты, дитя, къ Волгѣ-рѣкѣ,
Не купайся въ ней — унесетъ тебя,
Унесетъ тебя на дно къ себѣ,
Вѣдь завистлива Волга-матушка:
Не родилось у ней молодцовъ-сыновей,
А родились у ней только дочери,
Однѣ дочери — волны быстрыя,
Вотъ и крадетъ она чужихъ сыновей,
Выдаетъ за нихъ своихъ дочерей,
Сердце матери горемъ сокрушаючи!»

Да не слышитъ, не видитъ молодой Илья,
Какъ тоскуетъ мать его родная,
Горемичная вдова Марѣя Андреевна.
Онъ гуляетъ себѣ веселѣхонекъ
Подъ рѣкой внизу, подь зеленой волной,
Въ золотомъ дворцѣ Волги-матушки.
Онъ смотреть кругомъ — не насмотрится
И на всѣ чудеса не надивуется:
Потолки и стѣны тамъ хрустальныя,
Изумрудами и алмазами,
Будто звѣздами, поусыпаны,
А полн-то изъ чистаго золота,
Изукрашены цвѣтами серебряными.
Вотъ выходитъ Илья изъ воротъ дворца,
Онъ выходитъ въ садъ Волги-матушки.
Тамъ не яблоки цвѣтутъ, не смородина,
А деревья какія-то чудесныя,
Да кусты еще того чудеснѣе;
Кто не видѣлъ ихъ — не представитъ себѣ,
Кто увидитъ ихъ — не повѣритъ очамъ:
На деревьяхъ кругомъ, вмѣсто яблоковъ,

Дорогія висятъ все жемчужины;
А кусты-то всѣ корольковыя
Съ изумрудными все листочками,
Съ бирюзовыми все цвѣточками,
И блестятъ они, какъ облитые
Яркой радугой семицвѣтною.

Вотъ и ночь пришла — молодой Илья
На постельку легъ изъ рѣчной травы,
Моху мягкаго, что лебяжій пухъ.
Вдругъ не гусли заплѣли, не гудокъ загудѣлъ,
Заиграла музыка диковинная:
Будто стѣны всѣ кругомъ съ потолкомъ
Въ струны звонкія обратилися,
И всѣ дочки Волги-матушки,
Дочки рѣвныя — струйки быстрыя,
Прибѣжали къ нимъ, заиграли на нихъ
И заплѣли надъ нимъ пѣсню чудную;
И отъ пѣсни той дрѣма сладкая,
Золотыя сны навѣваючи,
Очи молодца подернула.
Какъ проснется онъ, какъ захочетъ онъ
Поѣсть, испить, позабавиться,
Ему пищею — рыбыи вкусныя,
А питьемъ ему — янтарный мѣдъ,
А въ забаву, въ утѣху дѣтскую —
Нанесетъ ему Волга-матушка
Разныхъ дивъ рѣчныхъ, цвѣтныхъ раковинъ
Изъ далекаго моря снѣгаго.

Такъ живетъ себѣ во хрустальномъ дворцѣ,
Подъ рѣчной волной, молодой Илья,
Илья Волжанинъ по прозванію;
И живетъ ужъ онъ — не годъ, не два —
А ровнешенько двѣнадцать лѣтъ;
Возмужалъ, окрѣпъ онъ въ двѣнадцать лѣтъ
И почувалъ свою силу богатырскую;
Но прискучило ему, одинокому,
Безъ товарищей и безъ сверстниковъ,
Захотѣлось ему на людей посмотреть,
На людей посмотреть и себя показать,
И онъ молвилъ такъ Волгѣ-матушкѣ:
«Гой, ты Волга-рѣка, мать названая!
Отпусти ты меня, добра молодца,
Погулять наверхъ, на зеленый лугъ,
Полетать на немъ вольной пташкою:
Подышу я тамъ свѣжимъ воздухомъ,
Полюбуюсь тамъ краснымъ солнышкомъ,
Да порадоюсь на другихъ людей.
Мнѣ прискучило во дворцѣ твоемъ;
Мнѣ давнымъ-давно опостылѣли

Яства сладкія, игры дѣтскія,
 Да и дочки твои бѣлогрудныя.
 Дай коня ты мнѣ черногриваго,
 Дай мнѣ лукъ тугой, да булатный мечъ,
 Дай доспѣхи мнѣ богатырскіе,
 Да колчанъ со стрѣлами вальными
 И, какъ мать сына, снаряди меня
 Въ путь-дороженьку далекую.»

Но ни слова въ отвѣтъ ему Волга-рѣка,
 Будто рѣчи его не слышала:
 Не хотѣлось ей отпустить его.
 И разгнѣвался добрый молодецъ,
 Разгорѣлась въ немъ кровь богатырская,
 И промолвилъ онъ слово грозное:
 «Слушай, Волга-рѣка, не гнѣви меня!
 Не вскормить тебѣ волка сѣраго,
 Не взлелѣять орла сизокрылаго!
 Коль не пустишь меня вольной волею,
 Разобью въ конецъ твой хрустальный дворецъ,
 Поломаю деревья диковинныя,
 Лишь осколки оставлю да щепочки
 И насильно уйду на зеленый лугъ!»
 И, промолвивъ, рукою могучею
 Какъ ударить въ сердцахъ Илья Волжанинъ
 По широкому столу, по хрустальному —
 Въ мелки дребезги разлетѣлся столъ,
 Будто искрами весь рассыпался.
 Испугалась тогда Волга-матушка
 И всѣ дочки ея разбѣжались.
 Снарядила она въ путь-дороженьку
 Своего сына нареченнаго
 И простилась съ нимъ съ горькимъ ропотомъ,
 Волны черныя воздымаючи,
 Корабли въ сердцахъ разбиваючи.

Какъ увидѣлъ себя Илья Волжанинъ
 На зеленомъ лугу, на муравчатомъ,
 Какъдохнулъ онъ впервой свѣжимъ воздухомъ,
 Такъ сердечко въ немъ и запрыгало,
 Такъ по жилкамъ всѣмъ какъ огонь пробѣжалъ.
 Видитъ молодецъ — ходитъ по лугу,
 Травку щиплючи, богатырскій конь:
 Грива черная до земли виситъ,
 Очи ясныя какъ огни горятъ.
 На конѣ сѣдельце черкасское,
 У сѣдельца виситъ броня крѣпкая,
 Дорогая броня, вся серебряная,
 Съ золотою насѣчкой, съ разводами,
 И булатный мечъ, и лукъ тугой,
 И колчанъ со стрѣлами вальными.

Одѣвается Илья Волжанинъ
 Въ тѣ доспѣхи богатырскіе:
 Грудь широкую, молодецкую
 Покрываетъ броней со кольчугою,
 А шелокомъ златымъ — вудри русня,
 Опоясать ставъ булатнымъ мечомъ,
 Заложилъ за плеча лукъ со стрѣлами
 И, садясь на коня черногриваго,
 Поклонился рѣкѣ Волгѣ-матушкѣ
 За подарки ея драгоценныя,
 Струйкамъ — дочкамъ ея — рукою махнулъ
 И стрѣлой полетѣлъ въ поле чистое.
 Вотъ и вспомнилъ тогда Илья Волжанинъ
 Про свою родимую матушку,
 Про богатую вдову Марю Андреевну;
 Захотѣлось ему повидаться съ ней,
 Повидаться съ ней, поклониться ей
 И сказать ей слово привѣтливое.
 И пріѣхалъ онъ къ тому городу,
 Гдѣ жила она одинокая —
 И не можетъ узнать своей родины,
 Измѣнилось все на святой Руси,
 Знать не доброе съ нею подѣялось:
 Тамъ, гдѣ городъ стоялъ, гдѣ домъ матери,
 Груды камней лежатъ почернѣлыя,
 Да столбы торчатъ обгорѣлыя;
 Гдѣ сады красовались тѣнистыя,
 Тамъ разросся бурьянъ со крапивою;
 Гдѣ гуляль-ликоваль православный народъ,
 Тамъ лишь змѣи шипятъ полосатыя.
 Закручинился младъ Илья Волжанинъ.
 И промолвилъ слово печальное:
 «Гой, ты городъ большой, моя родина!
 Ты повѣдай мнѣ, добрый городъ мой,
 Какой недругъ злой разорилъ тебя,
 Сокрушилъ твои стѣны крѣпкія,
 Попалилъ огнемъ храмы Божіи
 И хоромы твои величавыя,
 И родимый домъ моей матушки,
 Той разумной вдовы Мары Андреевны?
 Гдѣ, скажи мнѣ, твой православный народъ
 И гдѣ матушка моя родимая?»
 И въ отвѣтъ ему голосъ невѣдомый
 Изъ развалинъ сказалъ вѣсть недобрую:
 «Охъ! свирѣпый врагъ, супостатъ лихой
 Разорилъ меня, сокрушилъ меня;
 Гордый ханъ Угадай со своей ордой
 Налетѣлъ на меня безопадной грозой
 И мечомъ порубилъ, и огнемъ попалилъ
 Всѣ дома мои, стѣны крѣпкія,
 Храмы Божіи, златоверхіе,

И весь добрый мой православный народъ,
 И родимую твою матушку,
 Ту богатую вдову Марю Андреевну.
 Но послушай еще, что затѣялъ врагъ:
 Онъ затѣялъ, злодѣй, все низовье спалить,
 Онъ затѣялъ еще всю въ конецъ разорить
 Нашу родину — Русь православную!»
 Какъ болѣло тогда, надрывалось
 Сердце мѣлодца отъ вѣсти той!
 Двѣ слезинки изъ глазъ его канули:
 И одна была въ память городу,
 А другая была въ память матери.
 И на полдень, вздохнувъ, обратился онъ,
 И помчался опять въ поле чистое.
 Не орелъ летитъ по поднёбесью,
 Скачетъ мѣлодецъ на лихомъ конѣ;
 Скачетъ онъ черезъ доль, черезъ темный боръ,
 По высокимъ горамъ, по широкимъ рѣбамъ,
 Видитъ села кругомъ разоренныя,
 Городовъ пепелища печальныя,
 Видитъ трупы повсюду гниющіе
 И по нимъ свой путь держитъ на полдень.
 Скачетъ далѣ младъ Илья Волжанинъ,
 Скачетъ день и ночь безъ устали,
 И увидѣлъ онъ на четвертый день
 Поле чистое; на томъ на полѣ,
 Будто озеро пораскинулось,
 И блеститъ оно, и горитъ оно
 При лучахъ золотыхъ зари утренней:
 То двухъ ратей броня вороненая
 И блеститъ, и горитъ на солнышкѣ.
 И одна то изъ нихъ, небольшая рать,
 Наша русская, православная,
 А другая рать несмѣтная —
 То поганая рать татарская.
 И кипятъ межъ ними кровавый бой,
 И густымъ столбомъ вѣется пыль кругомъ,
 И щиты о щиты, и мечи объ мечи
 И звучать, и трещать, ударяясь,
 Стономъ стонетъ земля, колыхается...
 Но слабѣетъ рать православная:
 Будто волны, Орда окаянная
 На нее набѣгаетъ со всѣхъ сторонъ;
 Приручили сердца русскихъ витязей.

Не стрѣла пролетѣла громовая
 Сквозь ряды татаръ супротивные:
 То ударилъ на нихъ Илья Волжанинъ,
 Распался богатырской отвагою;
 Гдѣ стрѣлу метнетъ, гдѣ мечомъ махнетъ,
 Такъ и валятся татары поганые,

Какъ отъ вѣтра порой осенній листъ,
 Какъ трава подъ косой заостренною.
 И побилъ онъ ихъ, потопталъ конемъ
 Да ни мало, ни много — двѣ тысячи.
 Вдругъ на встрѣчу ему богатырь летитъ,
 Молодой Багадуръ, Угадаевъ зять.
 Вотъ столкнулись они, какъ скала со скалой,
 Вотъ вступаютъ они въ одиночный бой:
 Какъ взмахнуть мечами булатными,
 Только искры дождемъ съ брони сыплются,
 Да ни тотъ, ни другой не шелохнется.
 Темный боръ гудитъ отъ ударовъ мечей,
 Пѣна клубомъ валитъ съ богатырскихъ коней
 И земля дрожитъ подъ копытами.
 Красно солнышко въ полуднѣ стоитъ,
 А у витязей бой сильнѣй кипитъ;
 Распалется Илья Волжанинъ,
 Распалется Угадаевъ зять.
 Вотъ собралъ подъ конецъ силу-мощь свою
 Молодой Багадуръ и ударилъ Илью,
 И упалъ подъ нимъ черногривый конь,
 Да и самъ Багадуръ подъ мечомъ Ильи
 На земь палъ съ коня, не шелохнется,
 Какъ утесъ вѣковой, отъ горы родной
 Громомъ Божиимъ отсѣченный.

Да и съ нимъ бѣда приключилася,
 Съ молодымъ Ильею Волжаниномъ:
 Вѣдъ не конь подъ нимъ черногривый палъ,
 А рѣчной песокъ разсыпался;
 Вѣдъ не острый мечъ изъ руки скользнулъ,
 Щука-рыба скользнула проворная,
 Шлемъ и щитъ его, броня крѣпкая
 Обратились всѣ въ черепаха рѣчныхъ;
 Стрѣлы острыя, закалѣнная
 Стали рыбками серебрястыми.
 Такъ рассыпались передъ нимъ во прахъ
 Всѣ подарки рѣки Волги-матушки!
 Такъ остался младъ Илья Волжанинъ
 Одинокъ, безъ коня, безъ оружія,
 Посреди враговъ многочисленныхъ!

Вотъ сбѣжались татары большой толпой
 И, со всѣхъ сторонъ окруживъ его,
 Полонили они добра мѣлодца
 И къ царю привели, къ хану грозному,
 Къ Угадаю тому Угадаевичу.
 И, велѣлъ его ханъ, горемычнаго,
 Запереть въ тюрьму подземную
 И за шею цѣпями желѣзными
 Къ двумъ столбамъ приковать крѣпко на вѣчно,

И велѣлъ потомъ лютой мукою
 Изнурять его тѣло бѣлое,
 За татаръ своихъ, побитыхъ имъ,
 Да за зятя своего любимаго.
 И на первый день его мучили:
 Твердо вынесъ Илья муку страшную;
 На второй день опять его мучили,
 Да не дрогнулъ Илья и отъ муки той;
 Вотъ на третій день самъ ханъ пришло
 И другихъ съ собой палачей привелъ
 И такую рѣчь онъ къ Ильѣ повелъ:
 «Добрый молодецъ, Илья Волжанинъ!
 Коли хочешь ты быть со мной за одно,
 Коли примешь нашу вѣру татарскую,
 Дамъ награду тебѣ я великую,
 Дамъ почетъ тебѣ и высой санъ,
 Своей милостью тебя пожалую
 И отдамъ за тебя дочь любимую,
 Молодую Кончаку Угадаевну.
 Колю отважешься, заупрямишься
 Ты исполнить мою волю царскую,
 Ужь тогда тебѣ, добрый молодецъ,
 Не сносить своей буйной головушки:
 Я отдамъ тебя въ муку лютую,
 Изорву въ куски тѣло бѣлое,
 Разниму его по суставчикамъ
 И голоднымъ псамъ на съѣденіе
 Размечу по полю широкому.»

И смутился душой Илья Волжанинъ,
 И впервой тогда онъ извѣдалъ страхъ.
 Онъ ни слова царю не сказалъ въ отвѣтъ,
 Лишь молитву послалъ ко Всевышнему,
 Съ теплою вѣрой молитву усердную:
 «Ты Создатель мой! Ты Заступникъ мой!
 Ниспошли Ты мнѣ избавленіе
 Изъ татарскихъ рукъ, невѣрныхъ рукъ,
 И спаси отъ конечной гибели
 Мою душу грѣшную, недостойную!»
 И услышалъ Господь то моленіе
 И послалъ Онъ ему избавленіе:
 Вдругъ ударилъ громъ сокрушительный
 Въ ту тюрьму, гдѣ сидѣлъ Илья Волжанинъ,
 И убилъ на повалъ палачей его,
 Оглушилъ самого хана грознаго
 И разбилъ вандалы-цѣпи тяжкія,
 И одинъ невредимъ и свободенъ сталъ
 Чудомъ Божиимъ Илья Волжанинъ.
 И воспринялъ тогда добрый молодецъ,
 Вырвалъ мечъ отъ бедра Угадаева,
 Распласталъ мечомъ врага на-полю,

Быстро вскинулся на коня его
 И назадъ, на сторонку родимую,
 Полетѣлъ стрѣлою пернатою.
 Какъ увидѣлъ онъ Землю Русскую,
 Свою родину православную,
 Соскочилъ съ коня и на землю палъ
 И молитву принесъ благодарную,
 Онъ Заступнику милосердому
 За чудесное свое избавленіе.

Ө. Миллеръ.

І. Б. ХМЪЛЕНСКІЙ.

Іосифъ Красославъ Хмѣленскій родился въ 1800 году. Сынъ учителя, онъ воспитывался въ гимназій, въ Будеѣвицахъ, гдѣ подружился съ знаменитымъ впоследствии Челаковскомъ. Затѣмъ, по окончаніи полнаго курса въ Пражскомъ университетѣ, онъ вступилъ въ государственную службу, которой посвятилъ всѣ свои силы. Хмѣленскій умеръ въ 1839 году, имѣя всего 39 лѣтъ отъ роду. Какъ поэтъ, онъ пользуется значительной популярностью среди чеховъ, благодаря легкости и изящной отдѣлкѣ своего стиха. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ составилъ и издалъ сборникъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Вѣновь Патриотическихъ Пѣсенъ», имѣвшій большой успѣхъ.

ПУСТЫННИКЪ.

Тишь; гроза угомонилась,
 Бури нѣтъ ужъ и слѣда;
 Въ небѣ синемъ появилась
 Свѣтозарная звѣзда;

А за ней п мѣсяцъ ясный
 Загорѣлся надъ рѣкой;
 Дышетъ вечеръ сладострастный
 Тайной нѣгой и тоской.

Лугъ въ росѣ благоухаетъ.
 Какъ отрадно стало мнѣ!
 Сердце сладко отдыхаетъ
 Въ благодатной тишинѣ.

Я извѣдалъ бурь немало
 Въ жизнь мятежную мою,

Буря била и метала
Подо мной мою ладью;

Но не сгнулъ я по счастью
Посреди пучинъ лихихъ,
Наступилъ конецъ ненастью —
И теперь мой вечеръ тихъ.

Н. Бергъ.

К. ВИНАРИЦКІЙ.

Карлъ Винарицкій, писавшій въ началѣ своего литературнаго поприща подъ псевдонимомъ *Сланскій*, родился 12 (24) января 1803 года въ городѣ Сланомъ. Окончивъ тамъ гимназическій курсъ, онъ поступилъ, въ 1818 году, въ Пражскій университетъ, а въ 1820 году — въ Вѣнскій, откуда черезъ годъ снова воротился въ Прагу и поступилъ на богословскій факультетъ. По окончаніи курса въ 1823 году, онъ былъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, учителемъ дѣтей графа Шлика. Въ сентябрѣ 1825 года онъ былъ рукоположенъ въ священники и получилъ мѣсто церемонарія при архіепископѣ пражскомъ, а въ 1829 году былъ сдѣланъ секретаремъ при немъ же. Затѣмъ, онъ получилъ приходъ въ деревнѣ Кованѣ, потомъ — мѣсто декана съ Тынѣ-на-Влетавѣ и, наконецъ, сдѣланъ каноникомъ въ Вышеградѣ, пражскомъ Кремлѣ. Въ 1848 году Винарицкій былъ депутатомъ отъ мило-болеславскаго округа на рейхстагъ въ Вѣнѣ и Кромѣржицѣ. Винарицкій умеръ 12-го февраля 1869 года. Онъ писалъ стихами и прозой, переводилъ съ мертвыхъ и живыхъ языковъ, и составлялъ азбуки и хрестоматіи. Изъ стихотворныхъ произведеній Винарицкаго лучшіе: «Сеймы Звѣрей» (1841), «Букеты, стихотворенія для дѣтей» (1842 и 1845), «Варито и Лира» (1843) «Король Янъ Слѣпой», трагедія (1847) и «Отечество» (1863); изъ переводныхъ: «Переводы изъ Виргилія» (1828), «Переводы избранныхъ сочиненій Богуслава изъ Лобковицъ», съ латинскаго (1836) и «Священныя Перлы Пырвера», съ нѣмецкаго. Сверхъ того Винарицкій написалъ много статей въ «Часописѣ Католическаго Духовенства», начиная съ 1860 года, то есть со времени назначенія его редакторомъ этого журнала.

1.

УМИРАЮЩЕЕ ДИТЯ.

Бѣдной матери не спится:
День и ночь она
Надъ дитѣй своимъ томится,
Горькая, безъ сна;
День она и ночь
Не отходить прочь.

А ребѣнокъ, умирая,
Кличетъ: «мать моя!
Что мнѣ, матушка родная,
Не видать тебя?
Вижу только лѣсъ...
Вотъ и онъ исчезъ...»

«Полно!» мать ему сквозь слѣзы:
«Полно, будь бодрѣй!
Сонъ и тягостныя грѣзы
Прогони скорѣй!
Не лѣса, а мать
Предъ тобой опять!»

Бѣдной матери не спится,
День и ночь она
Надъ дитѣй своимъ томится,
Горькая, безъ сна;
День она и ночь
Не отходить прочь.

Вновь ребѣнокъ къ ней взываетъ:
«Матушка моя!
Кто-то тамъ, вдали, киваетъ
И зоветъ меня...
Крылья позади...
Матушка, гляди!

«Вотъ онъ, вотъ онъ у порога,
Въ ризѣ облаковъ,
И показываетъ много
Райскихъ мнѣ садовъ...
Самъ какъ солнце онъ...
То не сонъ, не сонъ!»

Мать беретъ ребѣнка въ руки,
Слушаетъ, глядитъ...
Но, увы! утихли звуки —
Мальчикъ словно спитъ,

И какъ лучъ погасъ
Блескъ лазурныхъ глазъ...

Н. Бергъ.

II.

МОЛОДОЙ ПРОВОЛОЧНИКЪ.

Мать выходитъ изъ Тренчина,
Съ мальчикомъ-сироткой;
Онъ въ большой, широкой шляпѣ,
Плащъ на немъ короткой.

Поднялись они на гореку,
Стала плакать мать:
Сынъ идетъ отъ ней далеко
Хлѣбъ свой добывать.

Плача, мать его цалуешь,
Говорить съ тоскою:
«Ненаглядное ты солнце!
Свиднися ль съ тобою?»

— «Ахъ, не плачь, моя родная!
Не о чемъ крушиться!
Богъ къ намъ милостивъ: поможетъ
Мнѣ Онъ воротиться!»

«На Моравѣ, на Влтавѣ
Хорошо вѣдь плотять;
Люди добрые: къ работѣ
Парня приохотять.

«Не крушися, моя родная,
Помолися Богу
И потомъ благословенье
Дай мнѣ на дорогу!»

Нѣжно мать онъ цалуешь,
Устремляя взоры
На Тенчинскія ущелья,
На лѣса и горы.

Вотъ ужъ онъ и на Моравѣ,
Вотъ и на Влтавѣ;
Все въ рукахъ его спорится —
Онъ въ чести и славѣ.

Мать сиротку поджидаетъ,
Плачетъ, Бога просить:

Ей весною заработокъ
Добрый сынъ приноситъ.

Н. Бергъ.

Я. Г. ВОЦЕЛЬ.

Янъ Герасимъ Воцель родился 12-го (24-го) августа 1803 года въ Кутной Горѣ, въ Чехіи. Окончивъ курсъ въ мѣстной первоначальной школѣ, онъ поступилъ въ одну изъ гимназій въ Прагѣ; потомъ слушалъ курсъ философскихъ и юридическихъ наукъ въ Вѣнѣ. Съ 1824 по 1842 годъ онъ былъ воспитателемъ дѣтей въ разныхъ аристократическихъ домахъ, какъ-то — у маркиза Палавичини, у графа Штернберга, у князя Сальмъ-Сальма и, наконецъ, у извѣстнаго чешскаго патріота, графа Гарраха, и прожилъ это время въ южной Венгріи, Моравіи, верхней Австріи, Вестфалии и Дрезденѣ, причеиъ сдѣлалъ нѣсколько путешествій по Германіи, Голландіи, Бельгіи и Галиціи. Въ 1842 году Воцель возвратился въ Прагу и посвятилъ себя исключительно литературѣ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ сдѣланъ редакторомъ «Часописи» Чешскаго Народнаго Музея. Затѣиъ, онъ былъ избранъ въ члены Чешскаго Ученоаго Общества въ Прагѣ, а въ 1844 году — въ секретари археологическаго отдѣла въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ.

Въ 1848 году Воцель принималъ участіе въ народномъ движеніи, бывъ избранъ депутатомъ отъ жителей Кутной Горы на чешскій сейиъ, а потомъ отъ округа Поличскаго — въ вѣнскій рейхстахъ. Въ 1850 году онъ былъ приглашонъ занять каведру экстраординарнаго профессора чешской археологін и исторіи искусствъ въ Пражскомъ университетѣ, вслѣдствіе чего долженъ былъ оставить редакторство «Часописи». Въ настоящее время онъ состоитъ ординарнымъ профессоромъ археологін и исторіи искусства въ Пражскомъ университетѣ. Вотъ главнѣйшія изъ сочиненій Воцеля: «Арфа», трагедія (1825); «Премысловцы», поэма (1839); «Мечъ и Чаша», поэма (1843); «Исторія старочешскаго права наследства» (1861); «Первыя времена Чешской Земли» (1867) и другіе. Кроме того, онъ напечаталъ нѣсколько повѣстей и множество статей археологическаго и историческаго содержанія въ разныхъ журналахъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ «МЕЧЪ И ЧАША».

Стоитъ на распутьи двухъ разныхъ дорогъ
Дубъ старій, повсюду извѣстный:
Тамъ зрится подъ сѣнью зеленыхъ вѣтвей
Икона Царицы Небесной.

Вкругъ дуба высокія сосны стоятъ
И боръ покрываетъ дремучій
Долину и горы; для путника онъ
Сдается синѣющей тучей.

Склоняется тамъ предъ иконою святою
И льетъ неутѣшныя слезы
Печальная мать; на колѣняхъ при ней
Двѣ дѣвочки — алыя розы;

А далѣ — служанка сидитъ на скалѣ
И кони въ ущельи глубоко
Пасутся; а стражъ ихъ глядитъ черезъ лѣсъ
Задумчивымъ, горестнымъ окомъ.

То витязь славянскій: такъ можетъ лишь онъ
Глядѣть на славянскія нивы,
Туда, гдѣ широкимъ вѣнцомъ изъ лѣсовъ
Тевтонъ окружилъ ихъ ревнивымъ.

Встревоженъ печалью своею госпожи,
Вдругъ витязь встаетъ — и, послѣдно
Закрывши могучею дланью лицо,
Рыдаетъ, скорбитъ безутѣшно.

А дѣвочки мать обнимаютъ свою
И, въ кругъ соединившись тѣсною,
Тоскуютъ и плачутъ по дѣтски онѣ,
И молятся Дѣвѣ Небесной.

А мать ихъ, къ Спасителю міра воздѣвъ
Глаза и дрожація руки,
Молитву читаетъ; стремятся изъ устъ
За звуками жаркіе звуки...

Но солнце склонилось къ закату; весь міръ
Во тьму погрузился густую —
И витязь изъ роши коня госпожѣ
Ведетъ за узду золотую.

Поднялась она, озираясь дрожить,
Исполнена тяжкой тоскою,
Въ отечество чешское взоры стремить,
А слезы струятся рѣкою.

«Да будетъ, о Господи, воля Твоя!»

Река наконецъ королева:
«Предстательствуй въ Небѣ за чеховъ моихъ,
Пречистая Матерь и Дѣва!»

Поѣхали; скрылись въ горахъ Шумовскихъ;
Не слышно ни стуку, ни звона...
Остался лишь дубъ вѣковѣчный одинъ,
Подъ дубомъ святая икона.

Н. БЕРГЪ.

И. П. КОУБЕКЪ.

Иванъ Православъ Коубекъ родился въ 1805 году въ Блатнѣ, въ Чехіи. Уже во время ученія въ гимназіи и въ Пражскомъ университетѣ сблизился онъ съ главными двигателями возрожденія чешской народности. Онъ готовился къ судебному поприщу, но предпочелъ остаться независимымъ отъ казенной службы, и получилъ мѣсто гувернера у одного знатнаго землевладѣльца въ Галиціи, а затѣмъ — секретаря у извѣстнаго покровителя чешской литературы, графа Каспара Штернберга. Во время пребыванія въ Галиціи, онъ ознакомился съ литературами русскою и польскою и занялся переводами произведеній этихъ литературъ на чешскій языкъ. Въ 1839 году онъ былъ назначенъ профессоромъ чешскаго языка и литературы въ Пражскомъ университетѣ и занималъ это мѣсто до своей смерти, послѣдовавшей въ 1854 году. Въ теченіе своей тридцати-лѣтней литературной дѣятельности Коубекъ написалъ нѣсколько поэмъ и множество мелкихъ стихотвореній и прозаическихъ статей, оригинальныхъ и переводныхъ, разбросанныхъ по всѣмъ чешскимъ журналамъ того времени. Изъ поэтическихъ его произведеній пользуются особенной извѣстностью три слѣдующихъ: поэмы «Гробы славянскихъ поэтовъ» и «Три сестры», и юмористическое стихотвореніе «Странствованіе поэта въ адъ». Собраніе его сочиненій было издано въ 1858 году въ Прагѣ, въ четырехъ томахъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ТРИ СЕСТРЫ».

Славяне, славяне! экая васъ сила!
Плодная васъ мать на свѣтъ породила;
Сверху отъ Балтѣи внизъ къ Адриатикѣ
Живетъ ваше племя и звучать языки;

Отъ Дона и Волги къ Шумавѣ дубравной
Широкѣ раскинуть родъ лихой и славный.
Мирные селяне въ мирѣ и покоѣ,
Въ битвахъ съ супостатомъ — храбрые герои.
Всѣ вы, что ни есть васъ, всѣ вы безъ изъятія
Смѣтрите, славяне, какъ родные братья;
Хоть отцовъ различныхъ — матери единой,
Для чего жъ не схожи вы своей судьбиной?
Для чего стоите другъ отъ друга розно
И подчасъ глядите другъ на друга грозно?
Были бъ вы согласны, братія славяне —
Были бъ вы что стрѣлы въ единомъ колчанѣ,
Хмѣлемъ бы вилися веруѣ одной тычины,
Раздѣляя братски радость и кручины,
Радость и кручины дѣля другъ со другомъ,
Вмѣстѣ въ ратномъ полѣ, вмѣстѣ и за плугомъ,
Смѣясь общимъ смѣхомъ, общею слезою
Плача — были бъ, братья, міру вы грозой!
Да! вы бъ одолѣли, съ дѣльнымъ міромъ спора:
Вспомните: васъ, братья, что песку у моря!
Вспомните: васъ, братья, что на липахъ цвѣту!
А какъ считаешь — такъ и счету нѣту!
Что роевъ на пчельникѣ вапитъ ино-время,
Разроила Слава могучее племя;
Что стоить колосевъ лѣтомъ въ цѣлой Ганѣ,
Что валовъ гудаетъ въ морѣ-океанѣ,
Что свѣтилъ играетъ по небу ночному —
Вотъ васъ, братья, сколько по лицу земному
Разсыпано, бродитъ... кабы вамъ да счастье,
Кабы ссоры бросить да зажить въ согласѣ!...

Н. Бергъ.

І. Я. ЛАНГЕРЪ.

Иосифъ Ярославъ Лангеръ родился въ 1806 году въ Богданчѣ, въ Чехіи. Учился онъ въ Пражскомъ университетѣ и рано обратилъ на себя вниманіе своимъ поэтическимъ дарованіемъ, въ слѣдствіе чего первенствующіе чешскіе литераторы того времени приняли въ немъ участіе и выхлопотали ему небольшое содержаніе отъ графа Кинскаго. Въ 1830 году онъ занимался редакціею беллетристическаго изданія «Чехославъ» и издалъ сборникъ, подъ заглавіемъ «Селянки». Онъ напечаталъ также нѣсколько юмористическихкихъ стихотвореній и, опасаясь преслѣдованія за одно изъ нихъ, удалился на родину, гдѣ вскорѣ и умеръ. Полное собраніе его сочиненій напечатано въ Прагѣ, въ 1863 году, въ двухъ томахъ.

ЧЕШСКІЕ КРАКОВЯКИ.

1.

Очи мои, очи,
Ясныя вы очи!
Что въ одну сторонку
Вы смотрѣть охочи?
Что ты, быстра рѣчка,
По камушкамъ скачешь?
Кто еще не плакалъ:
Полюби — поплачешь!

2.

Ахъ, никто не знаетъ,
Да и знать не можетъ,
Что мнѣ ретивое
Такъ щемить и гложетъ:
Вѣдь не каждый весель,
Кто поѣтъ и скачетъ:
Иногда тихонько
Онъ въ углу поплачетъ!

3.

Давно ль я на свѣтѣ,
А ужъ знаю горе;
Слѣзъ горючихъ пролилъ
Цѣлое я море.
Полетѣла пчелка,
Вѣется надъ черешней:
И меня вѣдь тянетъ,
Гдѣ мой цвѣтникъ вешній!

4.

Очи! гдѣ набрались
Силой вы такою,
Что ни днемъ, ни ночью
Нѣтъ отъ васъ покою!
Много въ роцѣ тѣрну,
Не выгъзтъ оттуда...
Люби меня, любя,
Чтобъ не было худа!

5.

Одна отогнала,
Одна разбранила,
Но за-то ужъ третья
Сама поманила.

Три на свѣтѣ вещи
Лечать сердце: водка,
Мошна золотая,
Дѣвица-красотка!

Н. Бергъ.

К. И. МАХА.

Карль Игнатій Маха родился въ 1810 году въ Прагѣ. Родители его, бѣдные ремесленники, думали передать ему современемъ свое ремесло, но молодой Маха былъ всегда далеко отъ мысли оправдать ихъ надежды на этотъ счетъ, выказывая совершенно противоположные наклонности, и кончилъ тѣмъ, что убѣдилъ своихъ родителей отдать его въ гимназію. Здѣсь врожденныя наклонности мальчика обнаружались весьма скоро: онъ сталъ писать стихи. Первымъ его поэтическимъ произведеніемъ былъ переводъ шиллеровой баллады на чешскій языкъ; за нею послѣдовали переводы другихъ стихотвореній Шиллера и балладъ Вальтеръ-Скотта, а наконецъ и оригинальныя стихотворенія. Лучшимъ произведеніемъ Махи считается лиро-эпическая поэма «Май», отрывокъ изъ которой помѣщенъ въ нашемъ изданіи. Поэзія его отличается восторженною фантазіей и нѣкоторымъ байронизмомъ. Не смотря на то, что Маха умеръ очень рано и литературная его дѣятельность продолжалась всего семь-восемь лѣтъ, онъ вполне заслуживаетъ названіе одного изъ даровитѣйшихъ чешскихъ поэтовъ. Собраніе его сочиненій издано въ 1836 году — въ годъ его смерти. Онъ умеръ на 27-мъ году.

М А Й.

Быль поздній вечеръ — первый май;
Кругомъ смотрѣло все какъ рай:
Въ сирени голубь ворковалъ,
Къ любви голубку призывалъ
И о любви дремучій боръ
Вель съ рошей тайный разговоръ;
Шепталъ любовно сѣрымъ мохъ;
То шелестъ слышался, то вздохъ
Въ лѣсу; то тише, то живѣй...
И розу славилъ содовой,
И несъ ему роскошный цвѣтъ
Благоуханіемъ отвѣтъ.

Съ любовію равнина водъ
Небесный отражала сводъ,
Съ его звѣздами и луной:
Казалось, будто міръ иной
Тамъ, въ безднахъ, искрился, игралъ
И снизу на небо взиралъ,
И тѣхъ подземныхъ звѣздъ лучи,
Яркіи и также горячи,
На небо, ввысь стремились вновь,
Куда манила ихъ любовь...
Туманно-блѣдный ликъ луны,
Увидя въ зеркалѣ волны
Неясный, зыбкій образъ свой,
Занылъ, казался, тоской...
Вдали тянулся длинный рядъ
Веселыхъ домиковъ и хатъ:
Одинъ ласкаясь къ одному,
Они все болѣе во тьму
Тонули, крылися — потомъ,
Какъ бы обнявшись, съ домоу домоу,
Пропали въ сумракѣ густомъ.
Дубъ къ дубу и сосна къ соснѣ
Склоняться стали въ тишинѣ,
И ластилась волна къ волнѣ...

Н. Бергъ.

К. Я. ЭРБЕНЪ.

Карль Яроміръ Эрбенъ родился 26 октября (7-го ноября) 1811 года въ Милетинѣ, въ Чехіи. Первоначальное свое воспитаніе получилъ онъ на мѣстѣ своего рожденія; затѣмъ, въ 1825 году, поступилъ въ Крагеградскую гимназію, по окончаніи курса въ которой, переѣхавъ въ 1831 году въ Прагу, гдѣ сталъ слушать философію. Здѣсь онъ познакомился съ нѣкоторыми молодыми чешскими писателями, въ томъ числѣ и съ Гавличкомъ, которые приняли его радушно въ свой кругъ. Около 1836 года Эрбенъ началъ собирать чешскія народныя пѣсни, причѣмъ записывалъ ихъ напѣвы. Въ 1837 году, по окончаніи курса, онъ поступилъ на службу при уголовномъ судѣ въ Прагѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, началъ заниматься, подъ руководствомъ Палацкаго, разборомъ земскаго архива чешскаго, а въ 1851 году былъ назначенъ архивариусомъ города Праги. Мѣсто это онъ занималъ до своей кончины, послѣдовавшей 28-го октября (9-го ноября) 1870 года. Эрбенъ занялъ рано одно изъ первыхъ мѣстъ въ чеш-

ской литературѣ. Онъ соединялъ въ себѣ качества добросовѣстнаго учонаго, археолога и изслѣдователя народнаго быта, съ талантомъ поэта. Въ 1842 году Эрбенъ издалъ свое собраніе чешскихъ народныхъ пѣсенъ, которыя онъ началъ собирать еще будучи ученикомъ гимназіи. Мотивы народныхъ пѣсенъ вдохновили его — и въ 1853 году онъ издалъ свой «Вѣнокъ изъ Народныхъ Сказаній» — лучшее изъ оригинальныхъ своихъ произведеній. Эрбену принадлежитъ нѣсколько изслѣдованій по части славянской мѣологии и нѣсколько учонихъ изданій, изъ которыхъ важнѣйшія: «Жизнь св. Еватеринны», по рукописи XIII вѣка, «Чешская историческая Хрестоматія», «Сборникъ древнихъ актовъ, касающихся Чехіи и Моравіи» и многія другія. Въ послѣдніе годы своей жизни Эрбенъ издалъ «Славянскую Читанку», то-есть сборникъ лучшихъ народныхъ сказокъ на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Какъ археологъ, Эрбенъ пользовался большою извѣстностью не только между чехами, но и между всѣми славянскими учоними этой специальности. Въ 1867 году Эрбенъ посѣтилъ московскую этнографическую выставку, которая произвела на него сильное впечатлѣніе. Съ русскаго онъ перевелъ «Лѣтопись Нестора», «Слово о Полку Игоревѣ» и «Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ».

ВОДЯНОЙ.

1.

Вечеръ. Озеро спокойно;
Стройный тополь мирно спитъ;
Водяного пѣснь нестройно
Изъ-подъ тополя звучитъ:
«Мѣсяцъ будетъ мнѣ свѣтить,
Нитка живо станетъ шить.

«Я про сушу и про воды
Шью сапожки-свороходы:
Мѣсяцъ будетъ мнѣ свѣтить,
Нитка живо станетъ шить.

«Скоро пятница начнѣтся
И кафтанчикъ мой дошьѣтся:
Мѣсяцъ будетъ мнѣ свѣтить,
Нитка живо станетъ шить.

«Завтра, вырядясь красиво,
Сватѣбу справлю я на диво:

Мѣсяцъ будетъ мнѣ свѣтить,
Нитка живо станетъ шить.»

2.

Съ разсвѣтомъ дочь тихонько встала,
И въ узелокъ бѣлье связала.
— «Куда идешь?» спросила мать.
— «Да вотъ бѣлье иду стирать.»

— «О, не ходи, моя родная!
Здѣсь безъ тебя умру одна я...
Дурной мнѣ снился нынѣ сонъ:
Несчастье намъ пророчитъ онъ!

«Сперва я жемчугъ выбирала,
Потомъ ты платѣ примѣрала,
Бѣлье пѣны водяной.
Останься, милая, со мной!

«Всегда все *бѣлое* — печали,
А *жемчугъ* — слѣзы предвѣщали...
Къ тому же пятница у насъ.
Нѣтъ, ты напрасно собралась.»

Бѣдняжку-дочь томить истома:
Ей не сидится больше дома,
Ей дома мѣста нѣтъ нигдѣ —
Все тянетъ бѣдную къ водѣ.

Ушла... Едва къ водѣ нагнулась,
Какъ вдругъ доска подъ ней свернула —
И нѣтъ ея... и лишь на днѣ
Валы вскипѣли въ глубинѣ —

И, кверху вырвавшись клубами,
Расплылись темными кругами.
А водяной, у склона скалъ,
Въ тѣни вѣтвей рукоплещетъ.

3.

Печалень, непривѣтливъ
Подводный этотъ міръ:
Въ травѣ однѣмъ лишь рыбкамъ
Раздолье тамъ и пирь.

Не грѣетъ солнце, вѣтеръ
Не вѣетъ тихо въ немъ:
Тамъ тишина и холодъ,
Какъ въ сердцѣ отжиломъ.

Не весело, печально
 Въ томъ царствѣ водяномъ;
 Ни свѣтъ, ни тьма: безслѣдно
 Тамъ день идетъ за днемъ.

Дворецъ у водяного
 Обширенъ и богатъ;
 Войдешь, а ужь оттуда
 Не вырвешься назадъ.

Въ кристаллыя ворота
 Кто вступить разъ на пядь,
 Того на бѣломъ свѣтѣ
 Ужь больше не видать!

Въ воротахъ, важно сидя,
 Хозяинъ сѣтъ чинить,
 Хозяйка молодая
 Съ дитятею сидитъ.

— «Баю, баю, мой милый,
 Мой нежданнй сынокъ!
 Ты весель ... Если бь горе
 Мое понять ты могъ!

«Ты къ матери несчастной
 Такъ нѣжно льнешь, а мать
 Твоя была бы рада
 Въ землѣ сырой лежать.

«Въ землѣ, за той часовой,
 Гдѣ видѣнъ черный крестъ,
 Лишь къ матушкѣ поближе,
 Вблизи родимыхъ мѣстъ.

«Баю, баю, синишка,
 Малютка водяной!
 О, какъ не вспоминать мнѣ
 О матушкѣ родной?

«Голубушка старалась
 Меня пристроить ... Вдругъ
 На долю мнѣ достался
 Подводный мой суиругъ.

«Я вышла замужъ, вышла,
 Да вышла-то вѣдь какъ!
 Сватьями были — шука
 И ракъ, усатый ракъ.

«На сушѣ всюду мокро,
 Гдѣ явится мой мужъ;
 Въ водѣ же, подъ горшками,
 Тиранить сотни душъ.

«Мой водяной малютка,
 Баю, баю, баю!
 Не по любви пошла я
 Въ безвѣстную семью:

«Въ разставленныя сѣти
 Запуталася я ...
 Лишь ты, малютка, радость
 Единая моя.»

— «Что тамъ, жена, поѣшь ты?
 Не любь мнѣ твой напѣвъ;
 Во мнѣ онъ возбуждаетъ
 Досаду лишь, да гнѣвъ.

«Вся жолчь во мнѣ вскипаетъ!
 Не пой — я такъ хочу!
 Не то тебя, какъ прочихъ,
 Я въ рыбу превращу.»

— «И безъ того такъ грустно
 Идутъ за днями дни;
 Зброшенную розу
 Напрасно не клани!

«Не самъ ли ты подрѣзалъ
 Цвѣтокъ моей весны,
 Разрушивши на-вѣки
 Мои надежды, сны?

«Вѣдь я тебя молила
 О милости одной:
 Чтобъ ты, хоть на часочекъ,
 Пустилъ меня къ родной.

«Ужь сколько слѣзъ, съ мольбами,
 Напрасно я лила,
 Чтобъ разъ лишь, на послѣдкѣ,
 Проститься съ ней могла!

«Молила, на колѣни
 Склоняясь предъ тобой;
 Но не смягчилось сердце
 Твое моею мольбой.

«Не гнѣвайся напрасно,
Супругъ мой водяной;
Не то — пусть лучше будетъ,
Что ты сказалъ, со мной!

«Ты хочешь, чтобъ, какъ рыба,
Была я вѣкъ нѣма:
Я лучше буду камнемъ
Безъ сердца, безъ ума!

«Такъ преврати же въ камень
Меня, чтобъ въ этой мглѣ
Не вспоминать мнѣ вѣчно
О солнцѣ, о землѣ!»

— «Охотно бы я вѣрилъ,
Жена, твоимъ словамъ;
Но рыба въ море: кто же
Ее отыщетъ тамъ?

«И къ матери давно бы
Сходила ты, жена,
Да все боюсь — не будешь
Словамъ своимъ вѣрна.

«Пожалуй, я позволю
Тебѣ взглянуть на свѣтъ;
Но обѣщайся вѣрно
Исполнить мой завѣтъ:

«Не заключай въ объятія
И матери родной,
Чтобы подземной страсти
Не пасть передъ земной!

«Такъ помни жъ — безъ объятій!
Смотри, не позабудь!
А предъ вечернимъ звономъ
Сберись въ обратный путь.

«Съ заутренъ до вечеренъ
Тебѣ даю я срокъ;
А въ вѣрности возврата —
Ребенокъ мнѣ залогъ.»

4.

Не бывать веснѣ безъ солнца,
Ни цвѣточкамъ безъ тепла!
Лишь нерадостная встрѣча
Безъ объятій бы прошла!

И покажется ли странно,
Если, встрѣтившись неожиданно,
Дочь торопится обнять
Обожаемую мать?

Незамѣтно день промчался
Въ тихихъ, радостныхъ слезахъ.
— «Время намъ разстаться: вечеръ
На меня наводитъ страхъ!»

— «Полно, полно, успокойся
И нечистаго не бойся:
Не хочу, чтобъ надъ тобой
Былъ владыкой водяной.»

Свечерѣло. Весь зелѣнный
Кто-то ходитъ подъ окномъ.
Двери заперты засовомъ;
Мать и дочь сидятъ вдвоемъ.

— «Что же такъ тебя тревожить?
На землѣ вѣдь онъ не можетъ
Повредить тебѣ ни въ чѣмъ:
Онъ не въ озерѣ своемъ!»

Лишь вечерній звонъ раздался,
Стукъ послышался извнѣ:
— «Гей, жена, домой скорѣе!
Приготовь-ка ужинъ мнѣ!»

— «Прочь иди съ своей отравой,
Прочь, нечистый, прочь лукавый!
Приготовишь ужинъ самъ:
Жри, что жралъ ты прежде тамъ!»

Только полночь наступила,
Снова слышенъ стукъ извнѣ:
— «Гей, жена, домой скорѣе:
Постели постелю мнѣ!»

— «Прочь иди съ своей отравой,
Прочь, нечистый, прочь лукавый!
Тотъ, кто прежде стлалъ, опять
Пусть придетъ тебѣ постлать.»

Ужь забрезжилось — и снова
Стукъ раздался за дверьми:
— «Гей, жена, домой! сминишко
Плачетъ: грудью покорми.»

— «Плачетъ?... Я должна собраться:
Сердце хочеть разорваться!
О, родимая, прости!
Бъ сыну, къ сыну отпусти!»

— «Врагъ хитеръ! останься лучше,
Ввѣрься здѣсь своей судьбѣ!
Ты заботишься о снѣ —
Я забочусь о тебѣ.»

«Въ омутъ, въ омутъ, врагъ проклятый!
Дочь не выгнать изъ хаты;
Плачетъ сынъ — такъ можешь самъ
Принести малютку къ намъ.»

Буря озеро волнуеть;
Въ бурѣ слышенъ дѣтскій крикъ:
Дѣтскій вопль, пронзившій душу,
Раздался и вдругъ занемъ.

— «Нѣтъ, я, матушка, не въ силахъ...
Кровь хладѣеть, стынеть въ жилахъ;
Я не знаю, что со мной...
Вѣрно это водяной!»

Вдругъ за дверью отъ паденья
Стуекъ глухой раздался вновь —
И порогъ въ убогой хатѣ
Оросила чья-то кровь.

Мать молитву сотворила,
Тихо двери отворила:
Трупъ малютки здѣсь и тамъ
Быль раскиданъ по частямъ.

М. Петровскій.

Б. Е. ТУШЫ (Б. ЯБЛОНСКІЙ).

Карлъ Евгеній Тушъ, болѣе извѣстный въ чешской литературѣ подъ псевдонимомъ Боле-слава Яблонскаго, родился въ 1813 году. По окончаніи курса въ Пражскомъ университетѣ, по философскому факультету, онъ вступилъ, въ 1834 году, въ монастырь ордена премонстра-новъ, въ 1838—произнесъ монашескій обѣтъ, въ 1841 — былъ рукоположенъ въ священника и, наконецъ, въ 1843 году былъ назначенъ приход-скимъ настоятелемъ въ деревнѣ Радоницахъ.

Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ членомъ конси-сторіи въ Краковѣ, и занимаетъ это мѣсто по нынѣ. Яблонскій рано приобрѣлъ извѣстность въ литературѣ изданіемъ простонародной сказки въ стихахъ, подъ заглавіемъ: «Три золотыхъ волоска». Затѣмъ, въ 1837 году онъ издалъ альманахъ «Весна», а въ 1841—вышло собраніе его стихо-твореній, которые вскорѣ приобрѣли большую извѣстность. Лучшимъ произведеніемъ Яблон-скаго признаются его «Пѣсни Любви», проник-нутыя глубокимъ христіанскимъ чувствомъ.

ТРИ ПОРЫ.

Была пора, когда и имя чеха слыло
Почетнымъ не въ одной родной землѣ своей:
То имя славное и вся Европа чтила,
Какъ прозвище царей, героевъ и вождей.

Была пора, когда гордился смѣло каждый,
Что имя чешское весь родъ его носилъ,
Что онъ, какъ прадѣды, святой снѣдаемъ жаждой,
Полезнымъ былъ землѣ своей по мѣрѣ силъ.

Была пора, когда живая рѣчь родная
Звучала въ высотѣ у троновъ королей,
И отдавалась гармонія святая
Подъ сводами палатъ — и все внимало ей.

Тогда и чехъ горѣлъ сыновнимъ соучастьемъ
Бъ отчизнѣ, защищалъ своей родимой честь;
Тогда землѣ родной не чуждо было счастье...
Оно лишь при любви къ отчизнѣ можетъ цвѣсти!

Прошли тѣ времена! пришла пора иная!
Ужасный, грозный день для Чехіи насталъ:
Духовный обморокъ пронесся въ край изъ края,
И непреклонный чехъ рабомъ по духу сталъ.

И ужъ не любить чехъ святой своей отчизны,
Гордиться пересталъ онъ племенемъ своимъ,
Въ честь прадѣдовъ своихъ ужъ не свершаетъ тризны
И въ подвигахъ добра не подражаетъ имъ.

Съ пенатами отцовъ на-вѣки распрощался,
Забылъ и родину, и нравы, и языкъ;
Отъ кровныхъ братій онъ безбожно отказался
И къ чужеземному гонителю принякъ.

И солнце Чехи померкло и затмилось,
И гений, родины хранитель, отлетѣлъ,
Могучая страна со славою простилась,
И свѣтлый храмъ искусствъ затворенъ — опустѣлъ...

О, какъ же зарыдалъ надъ раннею утратой
Ты, другъ отечества, народа своего —
О тѣхъ великихъ дняхъ, протекшихъ безъ возврата,
Смотри на жалкій гробъ великаго всего!

Но вотъ звучитъ труба посланника Христова:
«Возстаньте изъ гробовъ!» раздался гласъ съ небесъ,
И всюду раздалось живительное слово:
«Христось воскресъ! Христось воскресъ!»

И вотъ съ гнилыхъ гробовъ слетѣли мигомъ ерши,
Все долу падшее стремительно встаетъ,
Все жизнью новою, все славной жизнью дышетъ,
Все гимнъ торжественный Воскресшему поетъ.

Все оживилось какой-то дивной силой;
И вдругъ изъ мертвыхъ всталъ забытый духъ отцовъ.
«Пора, пора вставать!» звучитъ отчизнѣ милой
Изъ смѣлыхъ устъ ея восторженныхъ жрецовъ.

Пора! давно пора! Проснитесь, братья, взгляните!
Востокъ объять огнемъ! денница занялась!
Запѣли соловьи! Что жь медлите вы? встаньте!
Да будетъ стыдъ и срамъ послѣднему изъ васъ.

М. Петровский.

II.

Сынъ мой, самообольщенье
Въ мѣрѣ встрѣтишь за урядъ!
Всѣ кричатъ о просвѣщеньи,
Всѣ невѣжество бранятъ.

Кто невѣжество народа
Лишь поносить, какъ чуму,
Тотъ похожъ на сумасброда,
Что руками гонитъ тьму.

Тьмѣ противно днѣ явленье,
Гонятъ ночь его лучи:
Противъ мрака заблужденья
Вѣчной истинѣ учи.

М. Петровский.

III.

Много, сынъ мой, разныхъ книгъ
Завели себѣ народы;
И въ поминѣ нѣтъ у нихъ
Книги матери-природы.

Въ нихъ стоустая молва
Часто съ перьевъ каплетъ ложью:
Все людскія въ нихъ слова —
Лишь въ природѣ слово Божье.

М. Петровский.

IV.

Звѣзды всходятъ и заходятъ;
Ежедневно, въ блескѣ дивномъ,
Всходятъ солнце: во вселенной
Все въ движеньи непрерывномъ.

Веру́гъ звѣзды звѣзда другая
Путь свершаетъ безконечный;
Все идетъ своей чредою;
Какъ теперь, такъ будетъ вѣчно.

Мѣсяцъ — веру́гъ земли; веру́гъ солнца
Той указана дорога:
Вейся сердцемъ веру́гъ отчизны,
А съ отчизною веру́гъ Бога.

Ф. Миллеръ.

V.

Поздно липа расцвѣтаетъ,
Но душистый цвѣтъ даетъ;
Онъ богатъ цѣлебной силой
И хранитъ янтарный медъ:

Такъ и намъ, по волѣ Неба,
Позднѣй цвѣтъ на долю данъ;
Но за-то онъ общаетъ
Много благъ семьѣ славявъ.

Ф. Миллеръ.

Ф. Я. РУБЕШЪ.

Францъ Яроміръ Рубешъ, сынъ пивовара въ
Чижковѣ, въ Чехи, родился въ 1814 году. Его

готовили къ духовному званію и опредѣлили въ Пражскую семинарію, но онъ вышелъ изъ нея, былъ нѣкоторое время гувернеромъ и кончилъ тѣмъ, что поступилъ въ Пражскій университетъ на юридическій факультетъ, по окончаніи котораго служилъ по судебной части. Литературная его дѣятельность началась въ 1832 году. Рубешъ признается однимъ изъ лучшихъ чешскихъ поэтовъ, а какъ поэтъ юмористическій и простонародный занимаетъ между ними первое мѣсто. Въ 1837 году онъ напечаталъ первый выпускъ своихъ стихотвореній. Нѣкоторыя изъ его произведеній, какъ, на примѣръ, пѣснь: «Я чехъ!» имѣли огромное вліяніе на возбужденіе чувства славянской народности въ Чехіи. Рубешъ и Тылъ быть-можетъ болѣе всѣхъ содѣйствовали возбужденію народнаго духа въ чешскомъ населеніи. Онъ скончался въ 1853 году. Полное собраніе его сочиненій вышло въ 1862 году въ Прагѣ, въ 4-хъ томахъ.

Я ЧЕХЪ.

Я чехъ!

Кои найдется межъ народовъ всѣхъ,
Кто лучше — пусть открыто скажетъ
И ясно это мнѣ докажетъ!
Моя отчизна — Чешская Земля!
Ея дубравы, роши и поля —
Ихъ видѣтъ каждое мгновенье —
Вотъ въ чемъ для чеха наслажденіе!
Не покидать родимый край —
Вотъ истинный для чеха рай!
Чему дивиться! — нѣту болѣ
Межъ горъ красивѣе долины,
Какъ Чехія; надѣлена
Дарами всякими, она,
Какъ бриллиантъ, какъ перлъ безцѣнный,
Сіяетъ на груди вселенной.
Селянъ веселые двory,
Благословенны щедрымъ Небомъ,
Цвѣтуть; покрыты нивы хлѣбомъ;
Луговъ шелковые ковры
Обильны злавами, широкіи;
Большія рѣки тамъ и тутъ
По нимъ излучисто бѣгутъ
И вьются рѣзвые потоки.
И эта чудная земля,
И эти горы и поля —
То наша Чехія родная,
Моя отчизна дорогая!

Мое веселье, торжество,
Гдѣ въ рощахъ всѣ деревья святы,
Подъ вѣткой каждой — божество,
Преданья есть у всякой хаты,
У камня всякого, у cadaго холма;
Свои хранятъ названья доли,
Свои у каждой липы пчѣлы,
Пѣвцовъ у каждой розы тѣма,
И даже гробы и могилы
Всѣ для кого-нибудь да милы:
На нихъ лежатъ вѣнки изъ розъ,
Сіяя перлами изъ слезъ...
Я не завидую ни мало
Тому, что небо нѣмцамъ дало:
Ихъ Рейна не дивлюсь красамъ;
Я не завидую Авзона
Лимоннымъ рощамъ и лѣсамъ,
Ни всѣмъ Элады чудесамъ,
Ни даже злату Альбіона;
Пускай изнѣженный османъ
Межъ гурій дивныхъ, какъ въ эдемѣ,
Въ своемъ блаженствуетъ гаремѣ!
Что мнѣ до всѣхъ подъ солнцемъ странъ,
Когда съ сознаниемъ и твердо,
Смотря на всѣхъ спокойно, гордо,
Мнѣ вымолвить не грѣхъ:
Я чехъ!

И въ чемъ еще моя утѣха,
Что днесъ и въ прошлы времена
Никто ни одного пятна
Не видѣлъ на отчизнѣ чеха.
Мы свято добродѣтель чтимъ,
Мы строги въ правахъ. сердцемъ прямы;
Богамъ лишь кроткимъ и благимъ
Мы древле созидали храмы;
Въ насъ (это скажетъ цѣлый свѣтъ)
Ни лести, ни обмана нѣтъ;
Не терпимъ ухищреній лживыхъ,
Не ходимъ сонмищъ нечестивыхъ
Мы на предательскій совѣтъ;
Всегда свое мы держимъ слово;
Нашъ неотъемлемый девизъ:
«Не трогай ничего чужого,
Но за свое какъ левъ дерись!»
И впрямъ мы за свое стоимъ!
Насъ врагъ боялся и дрожалъ...
А если побѣжденный палъ —
Мы пальму мира подавали,
Внимая воплямъ и мольбамъ,
Но никогда цѣпей рабамъ

Рукой жестокой не ковали;
Изъ-за добычи нашъ солдатъ
Не вѣдалъ тягостныхъ походовъ —
Мы чисты и не тяготятъ
На насъ проклятія народовъ!
И глядя прямо въ очи всѣхъ,
Я смѣло вымолвлю: я чехъ!

У грековъ, римлянъ были боги
Повсюду разные; чертоги
Имъ воздвигались, а чехъ
Чтилъ какъ боговъ нерѣдко тѣхъ,
Чьи героическія души
Спасали родину: Любуши,
Людмили, Круши, Янъ, Люмиръ —
И мало ль ихъ! Ихъ знаетъ мѣръ!
Мы и художниковъ имѣли:
Нашъ Брандель, Шерета, Менкъ, Кадлицъ —
Еще ль не наши Рафаэли?
Всякъ чѣмъ-нибудь изъ нихъ великъ.

И въ музыкѣ — и здѣсь успѣхи
Мы также сдѣлали, и здѣсь
Прославились далеко чехи:
Ихъ знаетъ свѣтъ широкій весь
За музыкантовъ; всѣ привыкли
Намъ тотъ приписывать талантъ,
Что каждый чехъ — есть музыкантъ;
Мотивы чешскіе проникли
Вездѣ и если бъ во сто разъ
Мѣръ былъ пространнѣе и шире —
И въ немъ, и въ этомъ новомъ мѣрѣ,
Разлиться въ звукахъ стало бъ насъ;
Для нашихъ арій, нашихъ пѣсенъ
И онъ бы показался тѣсенъ.
Такъ, въ добрый мы родились часъ!

А наши парни — что за хваты!
Во всякомъ дѣлѣ всякій лихъ;
Подчасъ — ораторы изъ нихъ,
Подчасъ выходятъ и солдаты,
Чтобъ биться доблестно за тѣхъ,
Кого... душевно любить чехъ.

А чешская дѣвица красна —
Другое солнце это ясно!
Смиренья, скромности полна,
Невиннѣй горлицы она,
Стройнѣй карпатской гордой лани;
О, кто бы, кто восторговъ дани,
Ее увидѣвъ, не принесть!

Ея лицо, ея ланиты
Самой природой дивно слиты
Изъ бѣлыхъ и изъ алыхъ розъ;
Глаза — что синіе тюльпаны,
Уста какъ соты пчелъ медвяны:
Вотъ какова она собой!
Ея божественныя руки
Вѣнчаютъ мечъ идущихъ въ бой;
Въ ея устахъ родные звуки
Насъ сводятъ по просту съ ума —
О, это музыка сама!

Что въ мѣрѣ наконецъ прелестнѣй
Роскошныхъ, нѣжныхъ чешскихъ пѣсеней?
Что есть въ нихъ и чего въ нихъ нѣтъ?
Для чеха ими красенъ свѣтъ;
Онѣ — веселье и утѣха,
И слезы горькія для чеха.
Въ нихъ чуткимъ ухомъ слышитъ онъ
Былого отшельника живые,
Порою грубы боевые,
Порою погребальный звонъ;
Порою голоса изъ рая,
Отъ предковъ, слышитъ замирая...
Въ нихъ, въ нихъ сказался нашъ языкъ,
И сладкозвучный, и могучій,
Счастливыхъ слитіе созвучій —
Богатъ, возвышенъ и великъ!

Какъ на страдальческое ложе
Паду подъ бременемъ я гнѣтъ,
Когда въ очахъ померкнетъ свѣтъ,
Скажу я: «милостивый Боже!
Пускай исполнится Твоя
Святая воля: нинѣ я
Иду отсель; мое моленье
Въ сіе послѣднее мгновенье:
Дай, чтобъ изъ звуковъ чешскихъ всѣхъ,
Скрестивши передъ смертью руки,
Я вымолвилъ лишь эти звуки:
«Я жилъ и умеръ такъ какъ чехъ!»»

Н. Бергъ.

В. ШТУЛЬЦЪ.

Вячеславъ Штульцъ, сынъ каменщика, родился 8-го (20-го) декабря 1814 года въ городѣ Кладнѣ, воспитывался въ одной изъ пражскихъ гимназій, гдѣ сблизился съ нѣсколькими молодыми людьми,

которые впоследствии приобрели известность в чешской литературе, и начал заниматься переводами с польского и русского. Штульц отличался всегда особенным сочувствием к полякам, и это направление в нем утвердилось еще более в следствие сближения с князем Юрием Любомірским, с которым связала его самая тесная дружба. По окончании университетского курса в Праге, Штульц вступил в семинарию и в 1839 году был рукоположен в священника. Штульц стоял во главе того направления в чешской литературе, которое старается соединить славянский патриотизм с ревностною, можно даже сказать — фанатическою, преданностию католицизму. Этим духом проникнуты его многочисленныя сочинения. Большая часть их писана прозою и касается предметов духовнаго содержания; но Штульц писалъ и стихи, между которыми встрѣчаются весьма удачныя. Собрание его стихотворений, подъ заглавіемъ «Незабудки на тропинкахъ жизни», напечатано было в 1845 году в Праге. В 1847 году онъ начал издавать духовный журналъ «Благовѣсть»; в слѣдующемъ году назначенъ былъ преподавателемъ закона Божія в одной изъ пражскихъ гимназій, а в 1860 году избранъ в каноники Вышеградскаго собора. Мѣсто это занимаетъ онъ и по настоящее время. Между послѣдними сочинениями Штульца слѣдуетъ назвать: «Сіонскую Арфу» и «Небесные Перлы», два сборника его стихотворений, мотивы которыхъ заимствованы изъ ветхаго и новаго завѣта, и собраніе патриотическихъ его стихотворений, подъ названіемъ «Чешскія Думы».

ИЗЪ «ВОСПОМИНАНІЙ НА ПУТИ ЖИЗНИ».

1.

День угасъ; подъ кровомъ ночи
Міръ уснулъ — кругомъ покой...
Нѣтъ въ душѣ моей печали,
Нѣтъ и радости живой.

Вновь звѣзды моей угасшей
Лучъ отрадный видѣвъ мнѣ —
Будто ангела одежда
Вѣсть въ свѣтлой вышинѣ.

«Не изъ слѣзъ — изъ прилежанья» —
Слышенъ голосъ упованья —

«Снова радость расцвѣтетъ,
Вновь отчизна оживетъ!»

2.

Я на небо и на звѣзды
Съ грустью тайною смотрю,
И нависшей надо мною
Черной тучѣ говорю:

«Ахъ, когда жь оставитъ Канинъ
Брата Авеля враждой?»
И въ отвѣтъ на зовъ печали
Слышу голосъ неземной:

«Близко время искупленья;
Отъ любви придетъ цѣленье —
И любовь та мечъ и щитъ
Въ сериѣ и раю превратитъ.

3.

Пусть мрачится сводъ небесный,
Пусть немолчно громъ гремитъ:
Онъ во мнѣ надежды, вѣры
И любви не сокрушитъ.

Эта вѣра — на твердынѣ,
Какъ звѣзда любовь горитъ,
А надежду — Божья правда
И питаетъ, и живитъ.

Гнѣвъ, вражда и заблужденье —
Все пройдетъ, всему забвенье.
И опять святой народъ
Въ божьей правдѣ оживетъ.

Ө. Миллеръ.

В. ФУРХЪ.

Викентій Фурхъ родился в 1817 году в Красоницахъ, в Моравіи. Отецъ его былъ нѣмецъ, а мать — славянка. Первоначальное образование получилъ онъ в школахъ в Тельчи, гдѣ служилъ его отецъ; затѣмъ, учился в Иглавской гимназій, изучалъ философію в Брнѣ (Брюнн) и право — в Оломуцѣ (Ольмуцъ). Еще будучи ребенкомъ полюбилъ онъ свой родной языкъ, и никакъ не могъ понять, почему языкъ цѣлаго

народа находился въ такомъ пренебреженіи, въ какомъ онъ былъ тогда, особенно въ Моравіи. Хотя въ гимназійи и университетѣ онъ занимался чтеніемъ чешскихъ книгъ, однако только въ Оломудѣ удалось ему слушать лекціи чешскаго языка, потому-что въ то время языкъ этотъ не преподавался ни въ какомъ другомъ заведеніи Моравіи. Въ 1843 и 1844 годахъ Фурхъ издалъ свои стихотворенія въ двухъ томахъ; затѣмъ, въ 1848 году, появились въ печати его «Цвѣта и Звуки», а въ 1850 — «Пѣсни и баллады изъ венгерской войны». Впрочемъ, Фурхъ мало хлопоталъ объ обнародованіи своихъ сочиненій, и только небольшая часть ихъ явилась въ печати. Нѣкоторыя изъ его пѣсенъ положены на музыку. Въ послѣднее время Фурхъ написалъ политическую драму изъ моравской исторіи, подъ заглавіемъ: «Славиборъ Штамбергъ».

Э X O.

Все вокругъ давно почило
Подъ одеждой тѣмной,
Одного лишь только эхо
Слышевъ голосъ томной.

Съ шаловливымъ этимъ эхомъ
Духъ мой въ разговорѣ —
И оно ему приноситъ
Радость, либо горе.

«Или счастію возврата
Нашему не будетъ?»
Изъ-за горь протяжно эхо
Отвѣчаетъ: «будетъ!»

«Обновится ли народъ мой,
Или изнеможетъ?»
Эхо голосомъ невѣрнымъ
Отвѣчаетъ: «можетъ!»

«Кѣмъ и какъ зажжотся искра
Въ племени убогомъ?»
Эхо голосомъ могучимъ
Загремѣло: «*Богомъ!*»

«Буди вѣкъ Творцу вселенной» —
Я воскликнулъ — «слава!»
Эхо громко и свободно
Крикнуло мнѣ: «*слава!*»

Н. Бургъ.

БАРОНЪ ВИЛЛАНИ.

Баронъ Драготинъ Марія Виллани родился 11-го (23-го) января 1818 года въ Сушицѣ, въ южной Чехіи. Онъ воспитывался въ военной академіи въ Новомъ Мѣстѣ, по окончаніи курса въ которой поступилъ, въ 1838 году, на службу въ австрійскую армію, въ 36-й пѣхотный полкъ. Въ 1848 году онъ былъ избранъ въ начальники народной дружины *Соллаіе*, за что былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость. Въ 1867 году Виллани былъ избранъ депутатомъ на чешскій сеймъ въ Прагѣ, и въ томъ же году ѣздилъ, вмѣстѣ съ другими представителями западнаго и южнаго славянства, на этнографическую выставку въ Москвѣ. Стихотворенія барона Виллани были изданы два раза: въ первый разъ — въ 1844 году, подъ заглавіемъ «Лира и Мечъ», а во второй — въ 1846 году, подъ заглавіемъ: «Военныя Пѣсни и Декламаціи». Кромѣ того онъ написалъ комедію «Сочельникъ» и участвовалъ въ журналахъ: «Цвѣты», «Пчела» и «Семейная Хроника», въ которыхъ помѣстилъ, кромѣ множества мелкихъ стихотвореній, нѣсколько прозаическихъ статей. Въ настоящее время баронъ Виллани проживаетъ или въ Прагѣ или въ своихъ имѣніяхъ въ южной Чехіи.

I.

5 МАЯ 1821 ГОДА.

Ширѣо звуки разливая,
Черезъ моря несется стонъ,
Но не труба то боевая,
А похоронный, тихій звонъ.

Того, предъ кѣмъ все трепетало,
Чьимъ громкимъ именемъ полна
Была вселенная — не стало:
Нить дивной жизни порвана!

Гдѣ славныхъ браней громъ побѣдный?
Онъ отгремѣлъ, на-вѣкъ затихъ!
Лежить герой на ложѣ, блѣдный,
Лежить безжизненный и тихъ.

Кругомъ друзья — ихъ лишь туманомъ,
Застыли слѣзы въ ихъ очахъ;
У изголовья англичанинъ
Сидитъ, какъ воронъ на часахъ.

Врачъ молвилъ: «кесарь умираетъ...
Онъ умеръ... плачьте!» — Гудсонъ-Ловъ
Одинъ спокойно повторяетъ:
«Скончался ровно въ шесть часовъ!»

Угасъ! минута роковая!...
Загъмъ-то раздается звонъ,
Черезъ моря перелетая...
Угасъ, угасъ Наполеонъ!

Н. Бергъ.

II.

ЭМИГРАНТЪ.

Озари ты, солнце красно,
Мракъ больной моей души,
Отогрѣй ты холодъ сердца,
Слѣзь потоки осуши!

Не кори меня, родная,
Что бросаю милый край!
Сыну дай благословенье,
Сыномъ вѣкъ меня считай!

Рощи темныя, долины —
Не увижу васъ опять!
Ни друзей здѣсь, ни подруги,
Больше мнѣ не обнимать!

Чешской рѣчи, чешскихъ пѣсенъ
Не услышу! Грусть-тоска
Мнѣ одна лишь остается...
Слѣзы льются какъ рѣка...

Н. Бергъ.

В. НЕБЕСКІЙ.

Вачеславъ Небескій родился въ 1818 году въ селѣ Новый Дворъ, въ Чехіи, воспитывался въ Литомѣрицкой гимназій и Пражскомъ университетѣ, гдѣ любимымъ его занятіемъ было изученіе греческихъ классиковъ и философіи. Онъ готовился одно время къ дѣятельности врача, но вскорѣ, не чувствуя въ себѣ призванія къ медицинской практикѣ, оставилъ медицину и посвятилъ себя наукѣ и литературѣ. Начиная съ 1843 года, онъ написалъ и издалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій о древнѣйшихъ памят-

никахъ чешской письменности, въ томъ числѣ свои прекрасные разборы чешской «Александріады» («Часопись», 1847) и «Краледворской Рукописи» (Прага, 1853). Кромѣ оригинальныхъ стихотвореній, пріобрѣвшихъ ему нѣкоторую извѣстность, онъ перевелъ нѣсколько греческихъ трагедій, переводилъ испанскіе романы, новогреческія народныя пѣсни и т. п. Въ 1851 году Небескій былъ назначенъ секретаремъ Чешскаго Музея и редакторомъ журнала «Часопись», издаваемого этимъ музеемъ.

I.

ВЕЛИКАЯ КНИГА.

Какъ велика, какъ дивно-необъятна
Божественная Библия небесъ,
Какихъ полна невѣдомыхъ чудесъ!
Была ты мнѣ доселѣ непонятна;
Теперь, когда въ недугахъ я лежу
И въ книгу злато-звѣздную гляжу,
Все понялъ я, все вѣдаю и знаю
И ясно строки свѣтлыя читаю.

Н. Бергъ.

II.

ВЕСНА ЛЮБВИ.

Я не знаю, что со мною:
Все, мнѣ кажется, цвѣтеть,
Все играетъ, какъ весною,
Все ликуетъ, все поетъ!
Словно нѣжное дыханье
Свѣтозарныхъ майскихъ дней,
Словно ихъ очарованье
Разлитѣ въ груди моей.

Мысли жаворонкомъ вьются
Въ небо, въ горніе края;
Въ сердцѣ будто раздаются
Пѣсни, трели соловья;
Я готовъ проститься съ міромъ,
Улетѣть невѣсть куда,
Въ небѣ розовымъ эвропомъ
Потеряться безъ слѣда.

То истомой сладострастной
Положь я — и грустно мнѣ;
То опять — что полдень ясный,
И блаженствую вполне;

Яркой радугой по небу
Разлилась тоска моя,
Звѣздамъ, мѣсяцу и Фебу
Посылаю вздохи я.

Н. Бергъ.

III.

СОНАТА.

Знаю я, почему
Иногда соловей
Улетаетъ во тьму,
Подъ навѣсы вѣтвей:
Мнѣ теперь самому
Тяжело межъ людей!

Никого мнѣ не жаль;
Безъ тоски и безъ слезъ
Я умчался бы вдаль,
На гранитный утесъ —
И злодѣйку печаль
Я туда бы унесъ!

Н. Бергъ.

Ф. РИГЕРЪ.

Францъ Владиславъ Ригеръ родился 28-го ноября (10-го декабря) 1818 года въ Семиляхъ, въ Чехи. Получивъ образованіе сперва въ Пражской академической гимназій, потомъ въ Пражскомъ университетѣ, гдѣ шолъ въ одно и то же время по юридическому и по философскому факультетамъ, Ригеръ принималъ дѣятельное участіе въ литературномъ развитіи родного языка. Въ то же время, горячо любя все родное, онъ оскорблялся до глубины души равнодушіемъ своихъ соотечественниковъ къ чешскому языку. Одни изъ нихъ употребляли нѣмецкій языкъ, какъ языкъ высшаго общества, другіе, особенно чиновники, просто боялись говорить публично по-чешски, зная очень хорошо, что австрійское правительство такъ или иначе, а отплатитъ тѣмъ, которые не хотѣли признавать главенства навязываемаго имъ нѣмецкаго языка. Противъ этого Ригеръ возсталъ всѣми силами — и усилія его увѣнчались успѣхомъ. Онъ основалъ общество, по примѣру котораго стали возникать и другія, подобныя, въ которыхъ члены принимались подъ усло-

віемъ употреблять только чешскій языкъ. Учрежденіе этихъ обществъ вызвало цѣлую бурю на голову Ригера; но борьба съ правительствомъ только закаляла его силы, и онъ поставилъ на своемъ: общества не были уничтожены, чего добивалось правительство. Потерпѣвъ пораженіе по дѣлу обществъ, австрійское министерство обвинило Ригера въ сношеніяхъ съ эмигрантами и изгнанными государственными преступниками — и арестовало его. Однако онъ былъ оправданъ по суду и еще съ большею энергіей продолжалъ свою пропаганду. Онъ заботился объ устройствѣ народныхъ читаленъ, библиотекъ и народныхъ театровъ, а во время извѣстнаго мартовскаго движенія въ Чехи, въ 1848 году, былъ однимъ изъ депутатовъ, ходатайствовавшихъ у министерства Питерсдорфа объ автономическихъ учрежденіяхъ для Чехи. На созванномъ въ это время славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ, Ригеръ былъ дѣятельнѣйшимъ защитникомъ чешскихъ интересовъ. Когда окончились чешскія волненія, Ригеръ не могъ оставаться спокойнымъ: новый врагъ вооружился противъ него. Мадыарская партія, недовольная увеличеніемъ политическаго значенія чеховъ и видившая въ Ригерѣ причину этого, всячески старалась противоудѣйствовать его стремленіямъ. Ригеръ однако не уступалъ ни шагу, а, напротивъ, удвоилъ энергію и уничтожилъ всѣ попытки мадыарской партіи тѣмъ, что вынудилъ чешское правительство послать бану Елашачу помощь войскомъ и деньгами для успѣшнаго дѣйствія противъ мадыарскихъ инсургентовъ. Избраніе въ 1860 году Ригера членомъ чешскаго сейма и вѣнскаго рейхсрата расширило его дѣятельность. Какъ писатель, Ригеръ пользуется заслуженною извѣстностью. Изъ историческихъ его сочиненій замѣчательно изслѣдованіе «Объ историческомъ правѣ Чехи» (1848), а изъ политико-экономическихъ — «О значеніи нематеріальнаго труда въ народномъ хозяйствѣ» (1850) и «Отношенія промышленности къ благосостоянію рабочаго класса» (1860). Поэтическія произведенія Ригера принадлежатъ его молодости. Въ 1867 году Ригеръ посѣтилъ московскую этнографическую выставку, во время которой произнесъ нѣсколько прекрасныхъ рѣчей и, въ томъ числѣ, самую замѣчательную (на общѣхъ, данномъ городскимъ обществомъ), въ которой былъ неосторожно тронуть вопросъ объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ, на которую такъ блистательно отвѣтилъ князь В. А. Черкасскій.

ПѢСНЬ КУЗНЕЦОВЪ.

Нѣтъ ловчѣе молодца
Чеха — чеха-кузнеца!
Хоть гляднѣ простосердечно,
Но что сдѣлаеть, то — вѣчно:
Длань его крѣпка, вѣрна
И могучи рамена.

Бей съ размаху —
Разъ-два-три!
Да смотри:
Не дай маху!
Бей съ размаху —
Разъ-два-три!

Нашъ кузнецъ — огонь и жаръ;
Что ни слово, то — ударъ:
Такъ подчасъ имъ ошеломитъ...
Что не гнѣтся — мигомъ сломитъ.
И во всемъ хорощемъ такъ;
На дурное жъ — не мастакъ.

Бей съ размаху —
Разъ-два-три!
Да смотри:
Не дай маху!
Бей съ размаху —
Разъ-два-три!

Онъ не любить пустяковъ:
Дѣла другъ — не праздныхъ словъ;
Лицемѣрье незнакомо
Для него: въ людяхъ и дома
Онъ куеть одно и то жъ:
Рѣжетъ правду, а не ложь.

Бей съ размаху —
Разъ-два-три!
Да смотри:
Не дай маху!
Бей съ размаху —
Разъ-два-три!

Что за смѣтливый народъ!
Всякъ изъ нихъ съ расчетомъ бѣтъ.
Чтобы палъ ударъ незрящій
На металлъ, огнемъ горящій,
Въ дѣло онъ пускаеть мѣхъ —
Настоящій, добрый чехъ!

Бей съ размаху —
Разъ-два-три!
Да смотри:
Не дай маху!
Бей съ размаху —
Разъ-два-три!

Много, Чешская Земля,
У тебя руды, угля —
Вотъ оно, гдѣ наше знамя:
Наша сталь и наше пламя!
Жаръ сердцецъ, огонь ума
Верхъ одержитъ, а не тьма!

Братцы, живо
Смынь углѣй,
Не жалѣй!
Бей ретиво,
Бей на диво,
Веселѣй!

Чехъ, скажу вамъ наконецъ,
Былъ всегда лихой кузнецъ:
Мечъ ли выковать, или рало —
Онъ задумывался мало:
Молодецъ на то и сѣ!
Вотъ и спѣлъ я! Вотъ и все!

Братцы, живо
Смынь углѣй,
Не жалѣй!
Бей ретиво,
Бей на диво,
Веселѣй!

Н. Бергъ.

К. ГАВЛИЧЕКЪ.

Карлъ Гавличекъ (Karel Borovský), известный чешскій поэтъ и журналистъ, родился 19-го (31-го) октября 1821 года въ Боровѣ, близъ Нѣмецкаго Брода. Сынъ тамошняго купца, Гавличекъ получилъ первоначальное образование подъ надзоромъ мѣстнаго декана Брузска; затѣмъ, на десятомъ году, былъ посланъ отцомъ въ Иглаву — учиться нѣмецкому языку. Гимназическій курсъ прошолъ онъ въ Нѣмецкомъ Бродѣ, послѣ чего, въ 1838 году, отправился въ Прагу, гдѣ около двухъ лѣтъ слушалъ философію въ та-

мошнемъ университетѣ. Въ 1840 году, по желанію отца, вступилъ въ Пражскую архіепископскую семинарію, но вскорѣ своими остроумными выходками и сатирическими стихами заявилъ себя такимъ плохимъ теологомъ, что долженъ былъ оставить семинарію, къ удовольствію своему и своихъ наставниковъ. Впослѣдствіи онъ отправился въ Москву, гдѣ прожилъ два года въ качествѣ гувернера при дѣтяхъ профессора Шевырева. Здѣсь онъ попалъ въ кругъ русскихъ славянофиловъ и вскорѣ сошелся съ главнѣйшими изъ нихъ: Хомяковымъ, Погодинымъ, Бодянскимъ и другими. Пребываніе въ Россіи было для Гавличка во многихъ отношеніяхъ весьма полезно, давъ ему возможность познакомиться короче съ русскою жизнью, какъ въ высшемъ обществѣ, такъ и въ народѣ. Говорятъ, жизнь въ Москвѣ оставила свой слѣдъ на его развитіи: критическій и оппозиціонный характеръ его ума опредѣлился здѣсь еще болѣе; онъ лучше привыкъ понимать между-славянскія отношенія и сильнѣе ненавидѣть насиліе и произволъ. Въ 1845 году онъ вернулся въ Прагу. Свою литературную дѣятельность онъ началъ статьями и письмами о Россіи, которыя въ первый разъ знакомили чешскихъ читателей съ настоящимъ положеніемъ русской дѣйствительности. Въ 1846 году онъ сталъ редакторомъ «Пражскихъ Новинъ» и «Пчелы», выходившей вмѣстѣ съ ними. Благодаря его таланту, популярность его съ этого времени стала увеличиваться все болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало возрастать и его вліяніе на публику. Австрійское правительство собиралось уже запретить его журналъ, когда мартовская революція совершенно развязала ему руки. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ чешскихъ событіяхъ 1848 и 1849 годовъ. Едва вѣсть о событіяхъ въ Вѣнѣ достигла Праги, какъ Гавличекъ уже хлопоталъ объ изданіи новаго журнала — и вскорѣ «Народныя Новины» появились за его подписью. Журналъ этотъ, имѣвшій огромное вліяніе на чешское общество, смѣло можно назвать лучшимъ изъ славянскихъ политическихъ изданій, когда-либо выходившихъ въ Австріи. Въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ Гавличекъ держался первой конституціи и программы Палацкаго, но въ этихъ предѣлахъ онъ былъ упорнымъ защитникомъ народнаго права отъ всякихъ враждебныхъ покушеній. Октоброванная конституція 4-го мая 1849 года, заключавшая въ себѣ сѣмяна послѣдовавшей затѣмъ реакціи, встрѣтила

въ Гавличкѣ самого горячаго противника. Правительство потребовало его къ суду, но присяжные оправдали его. Затѣмъ, начались преслѣдованія, завершившіяся въ 1850 году запрещеніемъ журнала. Гавличекъ переѣхалъ въ Кутную-Гору, такъ-какъ въ Прагѣ изданіе журнала было невозможно по ея осадному положенію, и сталъ издавать тамъ «Славянина»; но борьба была уже невозможна. Въ мартѣ 1851 года Гавличку былъ запрещенъ вѣздъ въ Прагу, потомъ запретили «Славянина» и успокоились только тогда, когда Гавличекъ былъ сосланъ въ крѣпость Брисенъ, въ Тироли. Тамъ-то написалъ онъ свои знаменитыя «Тирольскія Элегіи». Это прекрасное стихотвореніе, исполненное поэзіи и юмора, имѣетъ три перевода на русскій языкъ (Гильфердинга, Минаева и Берга), изъ которыхъ послѣдній сдѣланъ для нашего изданія и помѣщается здѣсь въ первый разъ. Въ смыслѣ постигла его тяжелая болѣзнь; ему позволили ѣхать на чешскія минеральныя воды, но въ Прагу онъ вернулся только наканунѣ смерти, послѣдовавшей 17-го (29-го) іюля 1855 года. Послѣднимъ трудомъ Гавличка, напечатаннымъ при его жизни, были «Повѣсти», переведенныя изъ Вольтера. Кромѣ того, осталась ненапечатанною его юмористическая *легенда изъ русской исторіи* «Крестъ св. Владимира». «Гавличекъ — говоритъ Пыпинъ — былъ несомнѣнно большой талантъ, и въ короткій періодъ своей дѣятельности онъ сдѣлалъ очень много для воспитанія общества въ томъ направленіи, къ которому оно было приготовлено всего меньше въ своихъ національныхъ заботахъ — въ направленіи политическомъ. Его ясный умъ, простота пониманія и изложенія, остроуміе и юморъ давали ему большое вліяніе на массу, и дѣятельность Гавличка тѣмъ замѣчательнѣе историческая, что въ его пониманіи было очень много здраваго практическаго смысла, который удалялъ его отъ мечтательнаго фантазерства».

ТИРОЛЬСКІЯ ЭЛЕГІИ.

1.

Тускло въ небѣ свѣтитъ мѣсяцъ
Сквозь туманъ и мракъ.
Какъ тебѣ сдается Брисенъ?
Что боишься такъ?

Не сходи повамѣсть съ неба,
Не ложися спать:

Дай съ тобой мнѣ, другъ мой мѣсяцъ,
Слова два сказать.

Я не здѣшній: чай по рѣчи
Могъ ты въ пять минутъ
Угадать! ни *treu*, ни *bieder* —
Я... въ ученьи тутъ!

2.

Я изъ края музыкантовъ:
Флейтщикомъ я былъ,
Да игрой моею вѣнцамъ
Я не угодилъ.

Чтобъ поспать порядкомъ послѣ
Должностной возни,
Разъ отправили жандарма
Къ флейтщику они...

Слышу, кто-то у постели
Шпорами трень-брень,
Въ два или три часа поутру,
Молвить: «добрый день!»

А за нимъ народу куча —
Баски, кивера,
Пышно шитые мундиры,
Сабли у бедра.

«Встаньте, господинъ редакторъ,
Будеть почивать!
Но не бойтесь: мы хоть ночью,
Но — не воровать!»

«Мы — комиссія. Вся Вѣна
Кланяется вамъ.
Все ли въ добромъ вы здоровы?
Рады ли гостямъ?»

«Бахъ въ особенности низко
Кланяется вѣдѣль;
Можетъ, самъ бы къ вамъ прѣхать:
Очень-много дѣлъ!»

Я учтивъ при всякой встрѣчи —
Говорю: «сейчасъ!»
Я готовъ, коли угодно,
Выслушать приказъ;

«Но позволить, *meine Herren*,
Прежде вы должны

Мнѣ надѣть по-крайней-мѣрѣ
Галстукъ и штаны!»

Тутъ я началъ одѣваться...
Только мой бульдогъ
Полицейской этой сцени
Вынести не могъ:

Завозившись подъ кроватью,
Страшный поднялъ рыкъ:
Къ «*Congrus habeas*» съ-измала
Въ Англии привыкъ.

Что съ проклятымъ было дѣлать?
Взялъ я «*Gesetzbuch*»,
Томъ увѣснстый, огромный —
И въ бульдога — бухъ.

3.

Тутъ я сталъ читать бумагу:
Добрый докторъ Бахъ
Пишетъ нѣжное посланье
Мнѣ въ такихъ словахъ.

На, вотъ самъ прочти, коль въ слогѣ
Въ этомъ ты силѣнъ,
Что мнѣ докторъ милый пишетъ —
Вотъ что пишетъ онъ:

Пишетъ, будто воздухъ въ Прагѣ
Не совсѣмъ здоровъ
И совѣтуетъ отвѣдать
Мнѣ иныхъ крабъ;

Что за этимъ и карету
Онъ нарочно шлѣтъ,
Дабы могъ я прокатиться
На казенный счетъ.

А чтобъ выѣхать изъ Праги
Я того же дня —
Полицейскимъ поручаетъ
Убѣдить меня.

4.

Можетъ-статься это глупо,
Но ужъ я привыкъ
Слушать, если мнѣ покажутъ
Саблю или штыкъ.

Торопилъ меня Дедѣра,
Стоя у дверей,
Чтобы съ нимъ я собирався
Бѣжать поскорѣй.

Тутъ въ напутствіе совѣты
Разные даны,
Конимъ Баха пациенты
Слѣдовать должны:

«Что инкогнито-де ѣдемъ;
Чтобы съ собой отнюдь
Ни ружья, ни пистолета
Я бы не бралъ въ путь.»

И такъ далѣ, и такъ далѣ —
Какъ Сирена пѣлъ.
Я жъ межъ-тѣмъ сюрругуъ и шубу
На себя надѣлъ.

У крыльца стояли кони —
Я взглянулъ на нихъ:
«О, когда бъ еще немного!
Хоть единый мигъ...»

5.

Мѣсяць, мѣсяць, ты вѣдь знаешь
Женщину вполнѣ!
Что подчасъ намъ за обуза,
Что за крестъ оный!

Столько лѣтъ на эту землю
Глядя съ высоты,
Не одной разлуки тяжелой
Былъ свидѣтель ты!

Лучше моднаго поэта
Могъ бы рассказать...
Такъ и тутъ: вокругъ столпились
Дочь, жена и мать —

Дочка Зденочка. Я, правда,
Тертый ужъ калачъ,
Но запалъ мнѣ крѣпко въ душу
Этотъ вопль и плачь.

Я надвинулъ падибраду —
Шапку на глаза,
Чтобы мнѣ неизмѣнила
Ни одна слеза;

Чтобъ жандармы не узнали
Про мою печаль...
Сѣлъ — карета покатилась
Вдаль... куда-то вдаль.

6

Рогъ трубить, жандармы скачутъ
Сзади, по бокамъ,
Чтобы чего не обронилось...
Вонъ въ сторонкѣ храмъ!

Это Боровская церковь,
Какъ звѣзда, горитъ,
Словно мнѣ сквозь лѣсъ киваетъ,
Словно говоритъ:

«Ты ли это мой голубчикъ,
Дитяго мое?
Первыхъ дней твоихъ я помню
Здѣсь житье-бытье!»

«Помню, какъ тебя крестили:
Вся твоя родня
Тутъ собралась... Добрый мальчикъ
Былъ ты у меня.

«Какъ прилежно ты учился,
Какъ побрелъ ты въ свѣтъ —
Помню все... тому ужъ будетъ
Вѣрныхъ тридцать лѣтъ.

«Какъ съ тобой мы распрощались...
Но скажи, мой другъ,
Для чего теперь съ тобою
Бѣдетъ столько слугъ?»

7.

Подъѣзжая подъ Иглаву,
Снился Шпильбергъ мнѣ;
А подъ Линцемъ, помню, видѣлъ
Я Куфштейнъ во снѣ.

За Куфштейномъ лишь пропали
Сны такіе всѣ;
Альпы видѣлись, какъ Альпы —
Въ царственной красѣ.

Только глупо, братъ, какъ ѣдешь
Ты не вѣсть куда;

Тутъ чертовски утомляетъ
Самая ѣзда —

Полны горькою насмѣшкой
Почтарей рожки...
Просто, кажется разбилъ бы
Голову съ тоски!

Только видишь, другъ мой мѣсяцъ,
Быль бы я не правъ,
Еслибъ мы съ тобой забыли
Горный телеграфъ:

Быль онъ очень акуратень,
Не любилъ дремать —
И полиція усердно,
Какъ родная мать,

Печи намъ вездѣ топила,
Зная напередъ,
Сколько гдѣ съ дорогомъ тяжкой
Путникъ отдохнѣтъ.

Въ Будеѣвицахъ Дедѣра
Странно поступилъ:
Мнѣ совсѣмъ не по-жандармски
Онъ вина купилъ —

Да мельницбаго, родного!
То ль попуталъ грѣхъ,
То ли кровь заговорила
Въ немъ (Дедѣра — чехъ!)

Ужь не знаю! Или думалъ:
Все, что я люблю,
Въ этой Летѣ виноградной
Мигомъ утоплю.

Но мельницкое я выпилъ
И до мѣстныхъ винъ
Добрался — до итальянскихъ:
Хмѣль, какъ-есть, одинъ!

8.

Тонъ элегій оставимъ
Мы теперь съ тобой,
Ясный мѣсяцъ! На минуту
Перейдемъ въ другой!

Мерзкій путь отъ Рейхенгалла
До Вайдринга ты
Знаешь, чай: овраги, скалы,
Чортовы мосты;

Камни страшные — страшнѣе
Глупости людской;
Бездны больше, чѣмъ издержки
Арміи иной!

Сущимъ тартаромъ зяюють,
Путнику грозя:
Октопровать указомъ
Ихъ никакъ нельзя!

Ночь темна, какъ наша церковь,
Иль еще темнѣй.
Всякій мигъ кричитъ Дедѣра:
«Сдерживай коней!»

Да кому кричать? на возлахъ
Нѣту ни души:
Съ жандармеріей одни мы
Среди скалъ, въ глуши.

Почтальонъ отсталъ далеко
И въ потьмахъ исчезъ:
По-добру онъ по здорову
Съ козель раньше слѣзъ.

Мы летимъ при свистѣ вѣтра,
Рѣжутъ вихри слухъ;
Сердце бьется поневолѣ,
Замираетъ духъ.

Кручь — что лѣстница на башнѣ;
Но люблю я страхъ
Передрагу полицейскихъ
И жандармовъ страхъ.

Я шепнулъ имъ: «между нами
Видно грѣшникъ есть:
Бросимъ жребій, кто отсюда
Долженъ мигомъ слѣзть

Очистительною жертвой,
Какъ Іона». Глядь:
Полицейскіе проворно
Начали скакать;

Другъ за дружкой изъ кареты
Выскакали вонъ.
Боже! точно ль это было?
Или это сонъ?

Стража, въ шарфахъ, вверхъ ногами,
Словно трупъ, лежить,
А преступникъ одиноко
Подъ гору летить.

Хочешь, Австрія, вести ты
Всѣхъ насъ по шнурку,
А не справилась съ четверкой
Кѡней на скаку!

Скалъ и пропастей альпійскихъ
Полный господинъ,
Безъ возницы, въ тьмѣ крошечной,
Мчался я одинъ,

И на станціи исправно
Закусилъ; потомъ
Спалъ какъ праведникъ; а стража
Все плелась шагкомъ;

Еле-еле дотащилась
Въ поздніе часы
И всю ночь себѣ чинила
Ребра и носы;

Задъ себѣ арникой терла,
А виномъ крестецъ...
Тутъ, мой другъ, я ставлю точку:
Странствіямъ конецъ!

Я ни капли не прибавилъ:
Можетъ — какъ ни глупъ —
Быть свидѣтелемъ почтмейстеръ
Въ Вайдрингѣ Дальрупу.

9.

Рано утромъ былъ доставленъ
Въ Брисенъ музыкантъ
И квитанцію Дедѣръ
Выдалъ комендантъ.

Клокъ бумаги комендантской
Въ Чехію пошолъ,
А меня здѣсь держитъ крѣпко
Габсбургскій орѣлъ.

Коменданта и жандармовъ
Въ этой западѣ,
Вѣсто ангеловъ небесныхъ,
Дали стражей мнѣ...

Н. Бергъ.

Г. ПФЛЕГЕРЪ (МОРАВСКІЙ).

Густавъ Пфлегеръ (Моравскій), одинъ изъ лучшихъ современныхъ чешскихъ поэтовъ, родился въ 1833 году въ деревнѣ Карасейно, въ Маравіи. Болѣзнь помѣшала ему поступить въ университетъ, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ ограничить свое образованіе гимназическимъ курсомъ; затѣмъ, недостатокъ средствъ въ жизни принудилъ его поступить на службу въ чешскую сберегательную кассу въ Прагѣ. Пфлегеръ началъ писать стихи съ пятнадцати-лѣтняго возраста. Первые его стихотворенія были написаны по-нѣмецки, но, впослѣдствіи, онъ одумался, уничтожилъ все, написанное имъ на чуждомъ языкѣ и сталъ писать по-чешски. Въ 1858 и 1859 годахъ онъ написалъ и издалъ лучшее свое произведеніе — романъ въ стихахъ, подъ заглавіемъ «Панъ Вышинскій», отзывающійся вліяніемъ «Евгенія Онѣгина». Затѣмъ, онъ написалъ комедію «Она меня любитъ» и трагедію «Святополь», имѣвшая также значительный успѣхъ. Остальные его произведенія — нѣсколько романовъ и драматическихъ пьесъ — хотя и слабѣе исчисленныхъ выше сочиненій, но и они читаются съ удовольствіемъ.

ПѢСНЯ.

Одинъ я одиноко
Подъ липою сижу
И въ бездну — въ глубь потока
Задумчиво гляжу.
Огромный камень старый
Въ потокѣ тамъ лежалъ:
Потокъ сердитый, ярый
На камень набѣжалъ —
И камень въ бездну ринулъ...
И я, усталый, жду,
Чтобъ и ко мнѣ прихлынулъ
Потокъ — и въ бездну вынулъ
Меня въ свою чреду...

Н. Бергъ.

СЛОВАЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Словаки причисляются обыкновенно къ чехо-моравской вѣтви западно-славянскаго племени. Они занимаютъ почти сплошной массой Тренчинскій, Турчанскій, Оравскій, Липтавскій и Зволненскій комитаты или стѣлицы сѣверовосточной Угрии; затѣмъ, населяютъ большую часть округовъ Нитранскаго, Спшскаго, Шарышскаго, Тековскаго, Землинскаго, Гемерскаго и Гонтскаго и меньшую часть округовъ Пресбургскаго, Новоградскаго и Абуиварскаго. Но отдѣльныя поселенія и колоніи словаковъ выбѣгаютъ далеко за предѣлы территоріи, обнимаемой исчисленными пятнадцатью комитатами: онѣ встрѣчаются въ двадцати другихъ стѣлицахъ Угорщины, вплоть до самой Савы, гдѣ онѣ уже соприкасаются съ этнографической территоріей сербовъ и хорватовъ. Такъ-какъ условія жизни въ горной податранской родинѣ словаковъ не вполне достаточны для пропитанія быстро возрастающаго населенія, то непрерывный почти потокъ словацкой колонизаціи, по теченію ихъ рѣкъ Вага, Грона и Нитры, неудержимо стремится къ Дунаю, а по Бодрогу и Гернаду въ долину Тисы, въ то роскошное угорское дольоземье, которое нѣкогда принадлежало, хотя не исключительно, прапрадѣдамъ словаковъ и, быть-можетъ, еще станетъ со временемъ наследіемъ, хотя тоже не исключительно, ихъ правнуковъ.

Численность словацкой народности не можетъ быть точно опредѣлена по причинамъ какъ социальнымъ, такъ и политическимъ. Въ средѣ словаковъ существуетъ съ одной стороны непримиримая рознь между дворянствомъ и народомъ: первое стыдится даже своего происхожденія и причисляетъ себя къ мадярамъ, подобно тому,

какъ западнорусское дворянство причисляетъ себя къ полякамъ. Съ другой стороны мадярская администрація, озабоченная возвышеніемъ мадярской народности надъ другими угорскими, особенно словацкою, въ смѣшанныхъ округахъ игнорируетъ показанія языка и причисляетъ словаковъ къ мадярскому племени, что отражается и на статистическихъ данныхъ. Какъ бы то ни было, мы безопасно можемъ опредѣлить минимумъ словацкаго населенія въ 3 милліона душъ. Но, какъ уже сказано, это населеніе быстро возрастаетъ, несмотря на гнѣтъ австрійскаго, особенно мадярскаго правительства. Словацкая народность обладаетъ значительною претворяющею силою: она расширяется особенно на счетъ мадярь. Но и нѣмцы въ средѣ словаковъ не могутъ долго сохранять своей народности: такъ значительныя ихъ поселенія въ Спшской и Гемерской стѣлицахъ совершенно ословачились.

Есть еще одно обстоятельство, которое увеличиваетъ значеніе этого свѣжаго, даровитаго и симпатичнаго племени. На территоріи словаковъ приходится этнографическая грань нѣсколькихъ вѣтвей славянскаго племени: за рѣкою Моравою и городомъ Суловою начинаются поселенія чехо-моравскія; за Дунайцемъ и Бескидами живутъ поляки; за Бодрогомъ начинается Русь. На югѣ, какъ сказано, отпрыски словаковъ соприкасаются съ крайними побѣгами селеній юго-славянскихъ. Такимъ образомъ словаки представляютъ какъ бы этнографическій центръ славянства, что отражается и на ихъ языкѣ. Онъ является какъ бы связующимъ звѣномъ между юговосточною и сѣверозападною вѣтвями язычнаго дерева славянъ. Незамѣтными переходами словацкое нарѣчіе сливается

на сѣверо-западѣ съ чешскимъ (говоръ нитранскій), на сѣверо-востокѣ съ польскимъ (говоръ оравскій, шарышскій и т. д.), а на юго-востокѣ съ русскимъ (говоръ гемерскій, сотадскій). Собственно же срединное словацкое нарѣчіе (говори турчанскій, тренчинскій, литавскій, зволенскій и т. д.) представляетъ въ своемъ составѣ и строѣ типъ чрезвычайно замѣчательный по богатству словъ и формъ, по звуковой полнотѣ и цѣлности, а во многихъ случаяхъ—по чертамъ старинной самой отдаленной, праславянской. Это объясняется консерватизмомъ жизни народа замкнутаго въ мѣстностяхъ горныхъ, глухихъ, недоступныхъ для внѣшнихъ вліяній, и притомъ народа почти не имѣвшего еще самобытной исторической жизни, сохранившаго въ своемъ бытѣ и правахъ много младенческаго, первобытнаго. Съ другой стороны края подтатранскіе могутъ быть названы колыбелью славянства въ Европѣ. Въ продолженіе можетъ-быть двухъ уже тысячелѣтій живутъ здѣсь славяне, въ недоступныхъ убѣжищахъ народной свободы, въ этомъ центрѣ праславянской географической области, откуда вытекаютъ множество рѣкъ и притоковъ Вислы, Одры, Днѣстра, Тисы и Дуная, слѣдовательно у водораздѣла морей Чернаго и Балтійскаго. Вотъ почему есть основаніе думать, что словацкая территория и народность, языкъ и нравы должны представлять неисчерпаемый источникъ важныхъ открытій для славянскаго археолога, этнографа и филолога. Но для историка, особенно историка литературы, здѣсь жатва очень скромная, потому-что эта народность, какъ сказано, находится еще на ступени развитія довольно младенческой и потому можетъ представлять болѣе надеждъ въ будущемъ, чѣмъ воспоминаній въ прошедшемъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, словаки представляютъ аналогію со словенцами. Нѣкогда они имѣли даже общую исторію, когда Паннонская долина была занята тремя родственными и дружественными державами: великоморавскою Ростислава и Святополка, блатенскою Коцела и болгарскою Симеона. Но ударъ мадырскаго нашествія, сокрушившій первую и вторую, оттолкнулъ за Дунай третью. Съ-тѣхъ-поръ словаки, составлявшие зерно великоморавскаго царства и принявшіе изъ рукъ солунскихъ братьевъ сѣмена славянскаго просвѣщенія, оторваны отъ связей съ православнымъ югомъ, отодвинуты въ свои сумрачныя, но родныя татранскія голи и поляны; съ-тѣхъ-

поръ они должны были дѣлить судьбу угорскаго государства, основаннаго мадырами въ Паннонской долинѣ, на развалинахъ государствъ славянскихъ. Нельзя однако сказать, чтобы словаки были совершенно пассивными зрителями событій, разыгрывавшихся затѣмъ въ угорскомъ государствѣ. Можно даже доказать, что самое основаніе этого государства, его организациія Стефаномъ Святымъ, совершена была по тѣмъ культурнымъ началамъ, которыя выработаны были въ непродолжительное, но блестящее существованіе славянскихъ придунайскихъ государствъ, особенно же великоморавскаго, т. е. словацкаго. Мадыры не принесли съ собою никакихъ новыхъ культурныхъ началъ и потому должны были усвоить себѣ тѣ, какія они встрѣтили въ странѣ новыхъ своихъ поселеній. Въ первый арпадовскій періодъ угорской исторіи славянскія народности давали политическое направленіе государству; то же продолжалось и въ послѣдующіе періоды, съ тѣмъ лишь различіемъ, что Угры все болѣе втягивались въ кругъ интересовъ и понятій европейскаго запада, постепенно отрываясь отъ началъ, унаслѣдованныхъ было отъ славянскаго востока. Въ этомъ отношеніи исторія Угрии представляетъ замѣчательную параллель съ исторіей Польши. Но главныя основы староугорской конституціи: административная децентрализациія, мѣстное (жупное или комитатское) самоуправленіе, равноправность народностей и свобода вѣроисповѣданія, упорно были поддерживаемы и въ позднѣйшіе періоды угорской исторіи. Итакъ несомнѣнно, что и словаки принимали дѣятельное участіе въ событіяхъ угорской исторіи; но, по разнымъ причинамъ, они не успѣли подчинить мадырѣ вліянію своей народности въ такой степени, какъ это случилось напримѣръ съ ордою болгарскою въ странахъ балканскихъ. Единственнымъ политическимъ представителемъ словаковъ, какъ народности, былъ знаменитый Матушъ Тренчанскій (въ началѣ XIV вѣка); но его усилія привлечь Угрію въ союзъ съ чехами не удалось. На погѣ наукъ и искусствъ словаки произвели не мало замѣчательныхъ дѣятелей, но ихъ сочиненія появились на томъ же латинскомъ языкѣ, который съ XI до начала XIX вѣка былъ административнымъ и дипломатическимъ языкомъ угорскаго государства. Но за-то словаки два раза давали у себя приютъ письменности своихъ чешскихъ соплеменниковъ. Разъ это было въ половинѣ XV вѣка, когда гуситы изъ опустошенной Чехіи цѣлыми

массами переселялись въ гостепрѣимную и либеральную Словачину (особенно въ Нитравскій, Новоградскій и Зволенскій комитаты). Другойъ разъ это случилось въ XVII вѣкѣ, послѣ бѣлгородской битвы: на этотъ разъ словаки приютили у себя и знаменитаго основателя научной педагогики Амоса Коменскаго. Въѣѣтъ съ гуситствомъ словаки приняли тогда отъ чеховъ ихъ литературныя произведенія и чешскій литературный языкъ. Можно даже сказать, что единственно благодаря чешскимъ писателямъ изъ словаковъ (какъ Трановскій, Кърманъ, Грушковичъ и другіе) поддержаны были литературныя преданія такъ называемаго золотого періода чешской письменности, въ полутораѣвковую умственную лѣтартію убаюканныхъ іезуитами чеховъ. Это не мало облегчило литературное ихъ возрожденіе въ началѣ нашего вѣка.

Первыя опыты литературной обработки словацкаго нарѣчія начинаются не ранѣе XVIII вѣка, слѣдовательно въ этомъ отношеніи собственно словацкая литература новѣе всякой другой славянской, не исключая и словенской или хорутанской, имѣющей одинъ памятникъ X вѣка и нѣсколько XVI-го. Первое же крупное явленіе словацкой письменности составляютъ грамматическіе и лексикальные труды Бернолака († 1813 г.) и поэтическія произведенія Голага († 1849 г.). Ихъ значеніе въ словацкой литературѣ можетъ быть нѣсколько уподоблено значенію въ литературѣ сербской филологическихъ трудовъ Вука и поэтическихъ опытовъ Милутиновича. Разница лишь въ томъ, что Вукъ обнялъ сербскій языкъ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ и изъ ихъ сравненія извлекъ норму сербскаго литературнаго языка; между-тѣмъ, какъ Бернолакъ ограничился одной западной вѣтвью словацкаго племени, вслѣдствіе чего его опытъ вышелъ болѣе одностороннимъ и недостаточнымъ. Голый проявилъ въ своихъ эпическихъ произведеніяхъ большой талантъ и одушевленіе; но онъ не свободенъ былъ отъ пристрастія къ псевдо-классической напыщенности, нѣкоторой ходульности и холодности, во вкусѣ нашего Хераскова или сербскаго Мушицкаго. Какъ бы то ни было, Голый далъ первый толчокъ словацкой литературѣ, справедливо считающей его отцомъ и основателемъ. Можно предполагать, что и Колларъ, знаменитый авторъ «Дочери Славы» и первый пророкъ панславизма, не вполне былъ свободенъ отъ вліянія автора «Святополка», «Кирилло-Ме-

еодіады» и «Слава». Впрочемъ, имя Ивана Колларя лишь отчасти принадлежитъ словацкой литературѣ: главныя его произведенія написаны на чешскомъ нарѣчій, равно какъ и произведенія другого знаменитаго словака, Павла Іосифа Шафарика, автора «Славянскихъ Древностей». Но содержаніе и направленіе произведеній какъ того, такъ и другого болѣе имѣеть родства и — вѣроятнo — связи съ настроеніемъ и духомъ народа словацкаго, чѣмъ чешскаго. Какъ бы то ни было, не должно представляться случайностью то, что первыми проповѣдниками идеи славянской взаимности и панславизма являются сыновья словацкаго племени, уже самою своею природою и географическимъ положеніемъ какъ бы призваннаго примирять противоположности разныхъ славянскихъ народностей и соединять ихъ въ сознаніи племеннаго единства и общности историческихъ задачъ.

Съ 40-хъ годовъ въ Словачинѣ закипаетъ болѣе оживленная литературная дѣятельность, являются новыя дѣятели, новая литературная школа. Основателемъ ея былъ знаменитый словакъ Людевитъ Штуръ, политикъ, поэтъ, учоный и публицистъ. Первыя его заботы обращены были на установленіе нормы словацкаго литературнаго языка. Онъ осудилъ мысль Бернолака, поддержанную Голымъ, о возведеніи на степень литературнаго органа одного изъ многочисленныхъ окраинныхъ словацкихъ говоровъ. Литературный языкъ долженъ, по мнѣнію Штура, пользоваться всѣмъ разнообразіемъ народныхъ говоровъ, чтобы черпать лучшее изъ каждаго, особенно въ отношеніи лексикальномъ. Что же касается стороны формальной, то предпочтеніе должно быть оказываемо тѣмъ звукосочетаніямъ и формамъ, которыя находятъ себѣ наибольшее оправданіе въ этимологій и исторіи славянскихъ языковъ и слѣдовательно наиболѣе приближаются къ среднему или нормальному типу словацкаго нарѣчія. А такъ-какъ наиболѣе чистый и цѣльный звуковой и грамматическій типъ представляютъ говоры центральные, нагорные, то они и приняты Штуромъ за основу формъ нарѣчія литературнаго. Эта мысль была очень сочувственно принята словаками, особенно въ молодомъ поколѣніи, на которое Штуръ имѣлъ самое сильное и благотѣльное вліяніе. Авторитетъ его былъ поддержанъ въ этомъ случаѣ согласіемъ двухъ другихъ знаменитыхъ и вліятельныхъ членовъ словацкаго общества: Гурбана и Годжи. Ихъ

соединенными усилиями дѣло установленія нормы словацкаго литературнаго языка было поведено очень успѣшно. Реакція старочешской партіи въ средѣ словацкаго народа была сломана и литературный расколъ словаковъ совершился, повидимому, окончательно и безвозвратно. Словакъ Гаттала довершилъ это дѣло составленіемъ прекрасной грамматики новаго словацкаго литературнаго языка. Въ средѣ словаковъ нашлись значительные таланты поэтическіе, представившіе прекрасные образцы высокохудожественныхъ произведеній на словацкомъ языкѣ. На ряду съ названными тремя литературными корифеями шутовской школы (Штуромъ, Гурбаномъ и Годжей), мы должны назвать особенно два имени: Слаковича и Халуку. Ихъ значеніе въ литературѣ словацкой можетъ быть отчасти сравнено со значеніемъ въ литературѣ чешской Челяковскаго и Эрбена, а въ сербской — Мажураича и Нѣгоша.

Около этихъ корифеевъ словацкой литературы группируется цѣлая плеяда другихъ болѣе или менѣе значительныхъ талантовъ. Назовемъ Заборскаго, Грайхмана, Желло, Полярника, Викторина, Йозефовича, Зоха, Кузмани и Павлини-Тота. Большая часть сюжетовъ словацкой поэзіи заимствуется изъ народной жизни современной и прошлой, словацкой или общеславянской. Идея панславизма продолжаетъ быть вдохновляющей музой словацкой литературы. Это не замѣнилось даже послѣ горькихъ разочарованій 48 и 49 годовъ, когда заря народнаго освобожденія, казалась, начинавшая уже брезжить, снова скрылась подъ тучами сначала баховскаго, а потомъ андрашіевскаго деспотизма и преслѣдованій. Исчезло одно поколѣніе народныхъ дѣятелей (Штуръ, Гурбанъ, Годжа); но ихъ мѣсто не осталось празднымъ: Францисци, Кузмани, Павлини-Тотъ, епископъ Мойзесъ и другіе снова взяли за дѣло народнаго пробужденія и возрожденія. Самымъ важнымъ событіемъ послѣднихъ десятилѣтій было учрежденіе въ 1863 году словацкой матицы, образовавшей центръ, вокругъ котораго собралась всѣ лучшія силы страны и изъ котораго стала направляться просвѣтительная дѣятельность патріотовъ на образованіе народныхъ массъ. И дѣло подвигается, народъ просвѣщается, развивается, хотя не съ такой быстротой, какъ бы можно желать, но съ большей,

чѣмъ бы можно ожидать, имѣя въ виду многочисленность и значительность противодѣйствующихъ условій и влияній. Народъ бѣденъ и одинокъ; онъ не имѣетъ нигдѣ поддержки, а напротивъ всюду встрѣчаетъ ненависть и презрѣніе: дома отъ своихъ дворянъ-ренегатовъ, въ странѣ отъ мадыарскаго управленія, въ государствѣ отъ габсбургскаго правительства. Чехи довольно равнодушны къ словакамъ за ихъ литературный расколъ, произведенный во имя словацкой народности съ одной стороны и идеи панславизма (въ формѣ литературнаго единенія славянъ) съ другой. Польскіе политики не благоволятъ къ словакамъ за ихъ демократизмъ, за ихъ панславизмъ, за ихъ дружбу къ Россіи. Но, несмотря на все это, словаки не унываютъ и не отчаиваются въ своей будущности. Они веселы и довольны, потому что добродушны и непритязательны; они пѣвучи и смѣлы, потому-что молоды и предприимчивы. Словаки вдвое намъ сочувственны — какъ славяне и какъ друзья. Не только въ географическомъ, но и въ этнографическомъ смыслѣ это самый близкій къ русскимъ изъ западныхъ народовъ, подобно тому какъ болгаре изъ южныхъ. Наука и литература словацкая, конечно, еще бѣдна и едва только зарождается; но если можно о будущемъ судить по настоящему и прошедшему, то мы имѣемъ право возлагать самыя блестящія надежды на словацкихъ писателей и ученыхъ: такъ живо во всѣхъ ихъ произведеніяхъ отражаются черты могучаго таланта, широкой кисти, самобытнаго творчества и философскихъ порывовъ, нѣсколько роднящихъ мыслителей словацкихъ — напримѣръ Штура — съ русскими славянофильскаго направленія.

Въ заключеніе нашего бѣглаго обзора литературной исторіи словаковъ позволяемъ себѣ выразить убѣжденіе, что ближайшее ознакомленіе и тѣснѣйшее общеніе русскаго народа съ словацкимъ не осталось бы безъ важныхъ для нихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что словакамъ предстоитъ, повидимому, играть не маловажную роль въ событіяхъ, которыя въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ должны разыграться на склонахъ Карпатовъ и въ долинахъ средняго Дуная.

А. Будиловичъ.

СЛОВАЦКІЕ ПОЭТЫ.

И. ГОЛЫЙ.

Иванъ Голый, католическій священникъ и словацкій поэтъ, родился 12-го (24-го) марта 1785 года, учился въ Скалицѣ, Пресбургѣ и Тернавѣ, а въ 1808 году получилъ мѣсто капелана въ Побѣдимѣ. Еще будучи клеркомъ въ Тернавѣ, онъ перевелъ на словацкій языкъ «Энеиду» и «Эклоги» Виргилія, «Сатиры» Горация, «Батрахомиомахію», отрывки изъ Теоокрита, Гомера, Овидія, Тиртея и другихъ греческихъ и римскихъ класиковъ. Что же касается его оригинальныхъ поэтическихъ произведеній — лучшаго литературнаго результата бернолаковой школы, принявшей, по примѣру извѣстнаго словацкаго учонаго Бернолака, питранское нарѣчіе, получившее, вслѣдствіе этого, названіе *берналачини* — то они складывались у него въ томъ же классическомъ вкусѣ; это были идилліи, элегіи и оды. Кромѣ того, онъ написалъ три эпическія поэмы: «Святополь», «Кирилло-Мееодіада» и «Славъ», которыя главнымъ образомъ составили его извѣстность, незаходившую впрочемъ дальше границъ словацкаго языка, тѣмъ больше, что ихъ псевдоклассическая форма и обусловленная ею поэтическая манера, вынесенная Голымъ изъ его воспитанія, уже мало соответствовали новымъ поэтическимъ вкусамъ и потребностямъ. Голый заключилъ свое литературное поприще составленіемъ стихотворнаго сборника католическихъ церковныхъ пѣсенъ. 3-го мая 1843 года Голый едва не погибъ во время пожара, бывшаго въ томъ мѣстечкѣ повагской долины, гдѣ онъ былъ священникомъ, и, только благодаря энергіи нѣсколькихъ удалцовъ, онъ былъ вынесенъ изъ

горѣвшаго дома. Этотъ случай окончательно разстроилъ его и безъ того слабое здоровье и побудилъ просить увольненія отъ должности. Оставивъ приходъ и пристрадавъ около шести лѣтъ, Голый скончался 2-го (14-го) апрѣля 1849 года. Полное собраніе его сочиненій вышло въ 1841—42 годахъ, изданное обществомъ любителей словацкаго языка и литературы.

I.

ГОЛОСЪ ТАТРЫ.

Куда ты, Вагъ, стремишься?
Куда бѣжишь такъ быстро?
Обрызганна кровью
Надбрежія крутыя
И скалъ сѣдыхъ обломки
Передъ собою гонишь.
Иль нѣ-любо катиться
Тебѣ русломъ завѣтнымъ
Среди отчизны милой
И подавать свой голосъ
Вершинамъ поднебеснымъ,
Въ твоемъ зеркальномъ лонѣ
Свой обликъ отразившимъ,
Не-то лѣсамъ кудрявымъ?
Иль нѣ-любо весною
Прислушиваться къ трелямъ,
Къ раскатамъ соловьинымъ
И къ пѣснямъ вилъ игривыхъ,
Летающимъ черезъ рощи?
Или порой вечерней
Смотрѣть на ихъ забавы,
На игры ихъ и пляски?

Зачѣмъ ты быстры воды
Свергаешь съ горъ въ долины?
Ты здѣсь — и чистъ, и ясенъ —
Сребристые потоки
Въ свое приѣмлешь лоно;
Тамъ — отъ притоковъ мутныхъ
И самъ ты весь мутишься.
Здѣсь царствуешь ты гордо
Надъ многими рѣками;
Тамъ — скипетръ оброняши —
Въ волнахъ Дуная гибнешь.
О родичи, о братья!
Какъ Вагъ, и вы бѣжите
Съ высокихъ горъ въ долины
Отъ матери любезной —
И гибнете безслѣдно
Въ волнахъ иноплеменныхъ...

Н. Бергъ.

II.

ПЛОХОМУ СТИХОТВОРЦУ.

Полно тебѣ какъ ворона въ часы непогодные кар-
кать,
Полно по лютнѣ глухой пальцами бить и сту-
чать!
Кто съ удовольствіемъ слушаетъ скрипъ непод-
мазаной оси,
Свистъ и визжанье пилы, либо лягушекъ кон-
цертъ?
Развѣ не хочешь постигнуть, что духу тебѣ не
хватаетъ
Ноты высокія брать: голосъ твой рвѣтся, дро-
жить;
Струны не слушаютъ пальцевъ неловкихъ — и
дикіе тоны
Слухъ намъ жестоко дерутъ, дыбомъ подьем-
ютъ власы.
Малыя дѣти, заслыша далѣко визгливый твой го-
лосъ,
Къ нянькамъ бѣгутъ подъ крыло: бука ты сущій
для нихъ!
Даже и птицы боятся тебя и скрываются въ
гнѣзды,
Если ты въ глѣсъ забредѣшь и начинаешь тамъ
выть.
Полно же баркать, а лучше разбей непокорную
лютню,
Сдѣлай тенета изъ струнъ, рябчиковъ жир-
ныхъ лови,

Либо лѣсу смастери и, много хитроумныхъ на-
удивь,
Лютню зажги и надъ ней вкусную рыбу из-
жарь.

Въ этомъ занятіи все-таки, другъ мой, поболѣ
толку:

Будешь ты новый Немродъ, сладко и смачно
поѣшь!

Если жь послушать не хочешь, дери свое горло
пожалуй,

Въ струны безъ устали бей, пальцы объ нихъ
обломай!

Будешь ползень хотъ тѣмъ, что подчасъ распуга-
ешь на пивахъ

Галокъ, не-то воробьевъ, или — съ винограда
скворцовъ.

Н. Бергъ.

С. ХАЛУПКА.

Самко Халупка, евангелическій священникъ и знаменитѣйшій изъ словацкихъ современныхъ поэтовъ, родился въ 1812 году въ Горныхъ Леготахъ, въ Венгріи, въ томъ самомъ мѣстечкѣ, гдѣ въ настоящее время проповѣдуетъ слово Божее своимъ землякамъ. Первоначальное образование получилъ онъ въ домѣ родительскомъ; потомъ учился въ Рознавѣ, Кезмаркѣ и Пресбургѣ. По окончаніи полнаго курса богословія въ Пресбургскомъ университетѣ, Халупка получилъ мѣсто священника въ Ельзавскомъ Теплицѣ, откуда, по смерти отца и по желанію прихожанъ, былъ переведенъ въ свои родныя Горныя Леготы, гдѣ проживаетъ по настоящее время. Въ 1843 году онъ выступилъ противъ сильно-распространенной въ словацкомъ народѣ извы — пьянства. Для этой цѣли онъ переработалъ извѣстное сочиненіе Тлоке «Brantvein pest» (Водочная чума), имѣя въ виду примѣниться къ нравамъ и обычаямъ своихъ земляковъ, и издалъ его въ Быстрицѣ, подъ заглавіемъ: «Водка — отравка», и тѣмъ много способствовалъ учрежденію обществъ трезвости между словаками. Имя Халупки пользуется огромною извѣстностью среди словацкаго народа. Почти каждый словацкій журналъ, альманахъ, календаръ и сборникъ украшенъ его стихотвореніями. Независимо отъ поэзіи, Халупка занимается также изученіемъ славянской старины и историческими изысканіями.

ВЕЙ ЕГО.

Говить волны быстръ Дунай,
 Разлился широко;
 Надъ Дунаемъ свѣтлый градъ
 На горѣ высокой.
 Становился римскій царь
 Стапомъ передъ градомъ:
 Забѣзѣлися шатры,
 Рядъ стоитъ за рядомъ.
 На престолѣ царь сидитъ
 Подъ златой порфирой;
 Вкругъ престола — словно лѣсъ —
 Конья и сѣкеры.
 И съ престола римскій царь
 Говоритъ съ послами:
 Незнакомый людъ стоитъ
 Предъ его очами.

Молодецъ все къ молодцу:
 Кудри золотыя
 Густо вьются по плечамъ;
 Очи — голубыя;
 Словно всѣ въ одно лицо,
 Та жъ краса и сила,
 Словно всѣхъ-то ихъ одна
 Матерь породила.
 Породила жъ ихъ одна
 Мать-земля родная,
 Что отъ Татры подошла
 Вплоть до волнъ Дуная,
 И за Татрою идетъ
 На другое море,
 На полночь и на востокъ,
 Гдѣ въ святомъ просторѣ
 Уготовила поля,
 Доли и дубравы —
 Какъ святую колыбель
 Для великой славы!
 Ихъ послалъ славянскій родъ,
 Положивъ совѣтомъ
 Встрѣтить римскаго царя
 Дружбой и привѣтомъ.
 Не лежать они челомъ
 Передъ нимъ во прахѣ,
 Не цалуютъ ногъ его
 Въ раболѣпномъ страхѣ;
 Но подносятъ божій даръ —
 Хлѣбъ и соль родную,
 И къ великому царю
 Держать рѣчь такую:

«Весь народъ нашъ, старшины
 И князья послали
 Насъ, чтобъ мы тебѣ, о царь,
 Добрый день сказали.
 Ты нашъ гость, лишь доступилъ
 Нашего порога.
 Мы — славяне. Край сей данъ
 Намъ въ удѣлъ отъ Бога.
 Щедро Имъ онъ надѣленъ
 Благодатью съ неба:
 Не полѣннися — тагъ всѣмъ
 Свой кусокъ есть хлѣба.
 Много ль, мало ль, съ насъ того
 Будеть, чтó имѣемъ —
 Благо, сѣемъ на своемъ,
 Жнемъ, чтó сами сѣемъ.
 И придетъ ли странникъ къ намъ —
 Кто? зачѣмъ? не спросимъ:
 Съ Богомъ, дверь отворена!
 Милости, можь, просимъ!
 Будь онъ свой или чужой —
 Человѣкъ прохожій —
 Про него всегда у насъ
 На столѣ даръ божій.
 Вольно всѣмъ здѣсь жить! зарокъ
 Богомъ данъ славянамъ:
 Грѣхъ великій — быть рабомъ,
 Вяще жъ грѣхъ — быть паномъ!
 И грѣховъ тѣхъ нѣтъ у насъ,
 Нѣтъ во всемъ народѣ:
 Всѣмъ у насъ широкій путь
 Къ славѣ и свободѣ!

«Правда, какъ весной снѣга
 Съ горъ крушатся на доль,
 Лютый врагъ на край нашъ вдругъ
 Словно съ неба падалъ;
 Здѣсь засѣвъ, ужъ думалъ вѣкъ
 Насъ держать въ неволѣ,
 Нами сѣять и пахать
 И на нашемъ полѣ
 Кобылицъ своихъ пасти...
 Только — блажь пустая!
 Поднималась вся земля
 Съ края и до края —
 И спроси ты: гдѣ же тѣ,
 Чтó намъ цѣпь ковали?
 Гдѣ? спроси ихъ. Мы стоимъ,
 А они — пропали!
 Положонъ ужъ такъ зарокъ
 Вѣки неизмѣнный:

Кто бь, откуда бь не пришолъ
 Врагъ иноплеменный,
 Завладѣй хоть міромъ — здѣсь
 Бѣгъ свой остановишь,
 Здѣсь, въ землѣ славянской, гробъ
 Самъ себѣ сготовишь!

«Ты теперь, о царь, стоишь
 Здѣсь у нашей грани;
 Что жь несешь съ собою къ намъ:
 Мечъ иль миръ во длани?
 Если мечъ — то вѣдь мечи
 И у насъ есть тоже;
 А востры ль они — узнать
 И не дай ти Боже!
 Если жь къ намъ идешь какъ гость,
 Съ миромъ, съ доброй вѣстью —
 Ужъ на славу угостимъ
 И проводимъ съ честью.
 Вотъ тебѣ отъ насъ хлѣбъ-соль —
 И принять ихъ просимъ
 Также честно, какъ тебѣ,
 Царь, мы ихъ приносимъ.»

Хлѣба-соли нѣ взялъ царь,
 Ликомъ омрачился;
 Ярый гнѣвъ въ его очахъ
 Гордо засвѣтился,
 И къ посламъ славянскимъ онъ
 Съ трона золотого
 Сбратилъ, поднявъ главу,
 Такое слово:

«Солнце шествуетъ въ пути,
 И — къ нему всѣ очи:
 Отъ него — вся жизнь и свѣтъ,
 Безъ него — мракъ ночи.
 Съ нимъ у твари спора нѣтъ,
 Ни переговоровъ.
 Для народовъ солнце — я,
 И со мной — нѣтъ споровъ!
 Какъ судьба, для всѣхъ моя
 Власть неотразима:
 Повелитель міра — Римъ,
 Я жь — владыко Рима!
 Межь народовъ хоть одинъ
 Есть ли во вселенной,
 Кто бь противиться ему
 Возмечтавъ — мгновенно
 До послѣдняго бь раба
 Не исчезъ со свѣта?»

Всѣ склоняются предъ нимъ,
 И живутъ — чрезъ это.
 Преклонитесь же и вы!
 Я вашъ край устрою,
 Поселю здѣсь римлянъ; васъ
 Выведу съ собою:
 Въ Римъ — старшинъ, а молодежь —
 Прямо въ легионы.
 Покоритесь — будетъ вамъ
 Миръ, почетъ, законы;
 Нѣтъ — васъ съ семьями къ себѣ
 Погоню гуртами;
 Въ плуги запрягу — пахать
 Землю буду вами;
 На цѣпи, какъ псовъ, сидѣть
 У воротъ заставляю;
 Буду тысячами васъ
 Львамъ кидать на травлю.
 Горе будетъ, говорю,
 Дѣтямъ вашимъ, жонамъ!
 Бойтесь, если кликну я:
 «Горе побѣжденнымъ!»
 Бойтесь! этотъ римскій крикъ
 Пуще Божья грома...
 Я сказалъ. Вотъ мой отвѣтъ.
 Передайте дома!»

Рѣчь окончилъ римскій царь;
 Все кругомъ молчало.
 Какъ нежданный громъ, она
 На славянъ упала.
 На царя стремятъ они
 Взглядъ оторопѣлый...
 Вдругъ какъ-будто съ ихъ очей
 Заблестали стрѣлы,
 И по лицамъ словно вдругъ
 Молнии мелькнули —
 Разомъ, взвизгнувши, мечи
 Изъ нождъ свергнули
 И у всѣхъ единый кликъ
 Вырвался изъ груди:
 «Бей его!» Вокругъ царя
 Всполошились люди
 И поднять щиты едва
 Вкругъ него успѣли...
 Самъ онъ мигомъ съ трона прочь...
 Трубы загремѣли,
 Разомъ лагерь поднялся:
 Скачутъ нумидійцы,
 Взводъ безсмертныхъ, взводъ пареянъ,
 Галлы, пберійцы

И — конь на перевѣсъ —

Римская пѣхота:

Окружили молодцовъ

И пошла работа.

Что медвѣдь лѣсной въ кругу

Псовъ остервенѣлыхъ,

Бьётся горсть богатырей

Противъ полчищъ цѣлыхъ.

Съ шумомъ руются вокругъ ихъ

Всадники и кони;

Копья ломаются; звенятъ

Шишаки и брони...

Бьётся горсть богатырей,

Но сама рѣдѣетъ...

Вотъ лишь трое ихъ: кругомъ

Смерть надъ ними рѣшетъ

Въ блескъ копій и мечей...

Вотъ всего лишь двое,

Вотъ одинъ... и этотъ палъ...

И вокругъ падшихъ въ боѣ

Побѣдители стоятъ

Въ изумленьѣ сами.

Въ легионахъ недочетъ:

Цѣлыми рядами

Мертвыхъ, раненныхъ владутъ.

Самъ, съ разноплеменной

Святой, кесарь подсказалъ:

Мрачный и смущенный,

Разглядѣть желаетъ онъ

Варваровъ, которымъ

Показалась рѣчь его

Вдругъ такимъ позоромъ...

А той рѣчи — внемлетъ мѣрь,

Всѣ цари земные!

«Что жъ за люди это тамъ» —

Мыслить — «кто жъ такіе?»

И задумчиво къ горамъ

Обратилъ онъ взоры:

Грозно смотреть изъ подъ тучъ

Сумрачныя горы;

Стая темная орловъ

Изъ за нихъ несется;

Словно гуль какой оттоль

Смутно раздается...

Смотрить царь — и вдругъ велитъ

Станъ снимать свой ратный

И полки переправлять

За Дунай обратно.

А. Майковъ.

Л. ШТУРЬ.

Людевитъ Штуръ родился 16-го (28-го) октября 1815 года въ Венгріи, въ Трекчанскомъ округѣ, въ Зай-Угочѣ, гдѣ отецъ его управлялъ школою, въ которой обучались мальчики евангелическаго исповѣданія. Здѣсь началъ учиться и Людевитъ Штуръ. Затѣмъ онъ былъ перемѣщенъ въ Раабскую гимназію. Тамошній преподаватель, Леопольдъ Пецъ, не разъ указывалъ своимъ ученикамъ на яркія свѣтила славянскаго литературнаго міра, и тѣмъ заронилъ въ сердце юноши первые искры любви къ своему народу, а насмѣшки товарищей надъ его славянскимъ происхожденіемъ воспламенили эту любовь. Пробывъ въ Раабѣ два года, онъ перешолъ въ Пресбургскій евангелическій лицей, гдѣ вскорѣ вступилъ членомъ въ Словацкое Литературное Общество, имѣвшее огромное значеніе для всей Словацкой Земли. По окончаніи полнаго курса богословскихъ наукъ въ помянутомъ лицейѣ, Штуръ, изъ любви къ молодымъ своимъ соотечественникамъ, остался въ Пресбургѣ и взялся исправлять должность престарѣлаго профессора словацкаго языка и литературы Георгія Палковича. Въ 1839 году онъ отправился въ Галле. Здѣсь онъ пробылъ два года, занимаясь преимущественно историко-политическими науками, послѣ чего воротился въ Пресбургъ, куда его привлекало Словацкое Литературное Общество, достигшее около того времени высшаго своего процвѣтанія. Въ 1844 году онъ издалъ два первыхъ свои сочиненія: «Жалобы и сѣтованія словаковъ на притязанія мадьяровъ» и «Девятнадцатый вѣкъ и мадьярство». Въ 1845 году, послѣ долгихъ хлопотъ и затрудненій, Штуръ добился позволенія издавать политическую газету: «Народныя Словацкія Новины», имѣвшую огромное вліяніе на политическое возрожденіе словацкаго народа. Съ 1847 года начинается политическая дѣятельность Штура: онъ является на венгерскомъ сеймѣ, какъ депутатъ отъ города Зволена, и принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ значительныхъ преніяхъ, что крайне не нравится мадьярамъ. Въ началѣ мая 1848 года Штуръ, вмѣстѣ съ другими представителями славянъ, населяющихъ Австрію, отправился въ Вѣну для исходайствованія новыхъ правъ для словаковъ. Здѣсь онъ сошелся съ извѣстнымъ баномъ Елашичемъ. Онъ представилъ ему несчастное положеніе своего народа, чѣмъ возбу-

диль въ немъ сочувствіе къ словакамъ и сложилъ могущественнаго въ то время бана подать ему руку помощи. Затѣмъ Штуръ возвратился на родину, но вскорѣ долженъ былъ бѣжать отсюда въ Прагу и потомъ въ Вѣну, спасая свою жизнь отъ разсвирѣпѣвшихъ мадяровъ, не могшихъ простить ему его патріотическихъ стремленій къ независимости. Въ Вѣнѣ онъ сформировалъ отрядъ словацкихъ волонтеровъ въ 500 человекъ и въ главѣ ихъ выступилъ 17-го сентября изъ столицы и отиравился на войну съ мадярами во имя словацкой народности. Послѣ смуть 1848 и 1849 годовъ Штуръ удалился отъ дѣлъ и поселился въ Модрѣ, гдѣ посвятилъ себя воспитанію сиротъ, оставшихся послѣ старшаго брата. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ и свои литературныя занятія, какъ о томъ свидѣлствуютъ двѣ изданныя имъ въ 1853 году книги: «Запѣвы и Пѣсни» и «О народныхъ пѣсняхъ и былинахъ славянскихъ племенъ» и третье сочиненіе, оставшееся послѣ него неизданнымъ и явившееся въ первый разъ въ печати въ 1867 году въ русскомъ переводѣ В. И. Ламанскаго подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Славянство и міръ будущаго. Посланіе славянамъ съ береговъ Дуная, Людевита Штура. Переводъ неизданной нѣмецкой рукописи, съ примѣчаніями В. Ламанскаго. Москва. 1867». Будучи идеалистомъ, Штуръ страстно любилъ природу. Не проходило дня, чтобы онъ не уходилъ погулять за городъ, въ сосѣдній лѣсъ, гдѣ иногда охотился. Послѣднее развлеченіе стоило ему жизни. 12-го декабря 1855 года, желая перепрыгнуть ровъ, онъ неосторожно оперся на ружьё, которое выстрѣлило и ранило его въ животъ. Рана оказалась смертельною — и 12-го января 1856 года Штура не стало.

I.

ПѢСНЬ СВЯТОВОЯ.

Вы, буйные вѣтры, осенніе!
Пролетайте горами высокими,
Поднимайтесь вы ко поднебесью,
Ко престолу великому Божьему,
Тамъ сложите мои воздыханія,
Тамъ сложите мои слѣзы горькія:
Погибаеъ народъ, Богу преданный,
Подъ ярмомъ нечестивыхъ язычниковъ;
Опозорены храмы, поруганы:
Гдѣ внимали мы слову Господнему,

Снова жертвы курятся поганья;
Въ злой неволѣ народы свободные;
Паль ихъ царь, съ нимъ воителей тысячи.
Кто жъ виновенъ въ толикихъ несчастіяхъ?
Это мой грѣхъ, моя вина тяжкая,
Преступленіе брата Моймірова,
Сыла горькаго славной Моравіи.
Не свѣтите вы, звѣзды небесныя,
На лицо окаяннаго грѣшника!
Ваши очи, чтѣ очи судейскія,
Провидають насевозъ душу бѣдную.
Отвернитесь вы и погасните,
А не-то въ облака вы сокройтесь,
Пусть вкругомъ станетъ тѣмпо и сумрачно,
Пусть лица своего не увижу я!..

Н. Бергъ.

II.

ПѢСНЬ ОВЧАРА.

Чуть-лишь зорька брезжить
На востокѣ стала,
Выгоняеъ пастыръ
Въ горы свое стадо;
А какъ станетъ солнце
Въ небѣ на срединѣ,
Съ горъ стада сбѣгають,
Чтобъ пастись въ долині.
Горы мон, горы,
Зеленія нивы!
Счастіе, богатство,
Свѣтики мон вы!
Вотъ ужъ онъ и полдень!
Доли тпшь объемлетъ;
У потока стадо
Прикурнувши дремлетъ;
Самъ пастухъ подъ вишней,
А не-то подъ грушей...
Вечеромъ играетъ
Снова рогъ пастушій.
Овцы мон, овцы,
Подымайтесь дружно!
Дома, подъ застрѣхой,
На ночь быть вамъ нужно.

Н. Бергъ.

I. М. ГУРБАНЪ.

Иосифъ Милославъ Гурбанъ, словацкій поэтъ и патриотъ, родился 7-го (19-го) марта 1817 года въ Бецковѣ, въ Сѣверной Венгрии, гдѣ отецъ его былъ въ теченіи четверти столѣтія евангелическимъ священникомъ. Онъ началъ свое учение въ Тенчинѣ, затѣмъ пробылъ десять лѣтъ въ Пресбургѣ, гдѣ прошолъ гимназическій, философскій и богословскій курсы и былъ съ 1836 по 1840 годъ однимъ изъ главныхъ столповъ словацкой народности. По окончаніи курса учения въ 1840 году съ званіемъ кандидата, онъ былъ назначенъ пасторомъ въ Брезово, гдѣ началъ свою дѣятельность открытіемъ воскресной школы. Гурбанъ началъ свою литературную дѣятельность въ 1838 году чешскими сочиненіями, потомъ сталъ сотрудникомъ Штура въ его словацкомъ журналѣ. Въ 1839 году онъ сдѣлалъ путешествіе по Чехіи и Моравіи съ литературными и патриотическими цѣлями, и описалъ это путешествіе въ книгѣ, изданной въ 1841 году въ Пештѣ, подъ заглавіемъ: «Поѣздка словака къ славянскимъ братьямъ на Моравѣ и въ Чехіи». Съ 1842 по 1846 годъ онъ занимался изданіемъ своего альманаха «Нитра», котораго вышло пять частей, а съ 1848 года сталъ принимать самое дѣятельное участіе въ «Словацкихъ Новинахъ» Штура. Гурбанъ, вмѣстѣ съ литературными взглядами Штура, раздѣлялъ и политическіе его взгляды, а въ событіяхъ 1848—49 годовъ игралъ не менѣ замѣчательную роль народнаго оратора и предводителя. Когда Колларъ и его друзья, утомленные притѣсненіями венгерскаго правительства, покинули народное дѣло словаковъ, Гурбанъ вмѣстѣ въ Штуромъ и Годжей стали въ главѣ народа, на который приобрѣли сильное вліяніе энергической защитой его интересовъ. Политическая программа Гурбана и его друзей заключалась въ томъ, что они, въ предвидѣніи враждебнаго столкновенія венгровъ съ царствующей династіей, вошли въ сношенія съ чешскими и южно-славянскими патриотами и организовали словацкое возстаніе въ смыслѣ поддержанія габсбургскаго дома, въ надеждѣ приобрѣсти тѣмъ своему народу обезпеченіе его правъ и національной независимости, въ чемъ, какъ извѣстно, жестоко ошиблись, такъ какъ династія, вмѣсто того чтобы поддержать національныя стремленія словаковъ и другихъ союзныхъ съ ними славянскихъ племенъ, преда-

ла ихъ въ-концѣ-концовъ въ прежнее рабство мадьярамъ. Гурбанъ приобрѣлъ себѣ чрезвычайную и вполнѣ заслуженную популярность между своими соотечественниками: это былъ дѣйствительно человѣкъ убѣжденія и настоящій народный дѣятель, для котораго національный вопросъ былъ не отвлеченнымъ умствованіемъ, а живымъ практическимъ дѣломъ. По минованіи революціонныхъ тревоженій 1848 и 1849 годовъ, Гурбанъ снова вернулся въ свой приходъ, и съ 1851 года сталъ продолжать свое небольшое изданіе: «Словацкое Обзорѣніе», начатое еще въ 1846 году и потомъ прерванное революціей. Изъ чисто-литературныхъ произведеній Гурбана болѣе другихъ замѣчательны: «Святополковцы», напечатанные въ «Цвѣтахъ» на 1844 годъ, «Готшалкъ», историческая повѣсть XI столѣтія, помѣщенная въ «Словацкой Бесѣдѣ» 1861 года, и собраніе его собственныхъ стихотвореній, вышедшихъ въ Вѣнѣ въ 1861 году, подъ заглавіемъ: «Современныя Пѣсни».

I.

НИТРА.

Нитра, Нитра наша! чтѣ съ тобою сталось?
Гдѣ твое величье прѣжнее дѣвалось?
Пышный градъ когда-то — нынѣ весью сирой
Смотришь ты, чтѣ липа, сѣщченна сѣкирой!
Испытали много рухнувшія стѣны
Всякихъ бѣдъ и горя—бури, перемѣны.
Безъ тебя и дѣтямъ стало не-подъ-силу:
Скоро всѣ мы ляжемъ въ чорную могилу!

«Полно вамъ крушиться, дорогія дѣти!
Поживемъ еще мы съ вами въ этомъ свѣтѣ!
У меня вы, дѣти, всѣ лихіе хваты:
Встаньте только дружно — дрогнуть супостаты!
Встаньте только дружно — Славія не сгинетъ,
Слѣзы наши, горе—все пройдетъ и минетъ;
Возвратится снова золотое время,
Оживетъ, воскреснетъ доблестное племя!»

Н. Бергъ.

II.

ПОВАЖЬЕ.

Только брошу взоры
По теченью Вага:

Чувствуется въ жилахъ
Сила и отвага!

Ретивое сердце
И стучить, и бѣтса;
А кругомъ, далеко,
Все тебѣ смѣтса;

Все тебѣ смѣтса,
И зоветь, и манить...
Хоть велико горе,
Все жь тутъ легче станеть!

А какъ взглянешь кверху,
Къ Срѣчнѣ отъ Житины:
Ты услышишь голось
Вѣковой кручины:

Это наши Татры
Стонуть тамъ и плачуть,
Да и волны Вага
Тамъ сердитѣй скачуть:

Тяжко имъ подѣ игомъ
Чуждаго народа;
Снится имъ былая
Слава и свобода —

То, что дни ныне
Чтить намъ завѣщали:
На скалахъ остались
Дивныя скрижали!

Ахъ, Поважье наше!
Кто хоть разъ тутъ будеть,
Никогда про это
Онъ не позабудеть!

Н. Бергъ.

А. БРАКСАТОРИСЪ (СЛАДКОВИЧЪ).

Андрей Браксаторисъ, знаменитый словацкій поэтъ, извѣстный болѣе подѣ своимъ псевдонимомъ *Сладковичъ*, родился 6-го (18-го) ноября 1820 года въ Крупинѣ. Первоначальное образование получилъ онъ въ Ставницахъ; затѣмъ слушалъ философію въ Пресбургѣ и богословіе въ Галлѣ, послѣ чего (въ 1847 году) получилъ мѣсто проповѣдника въ Грохотѣ, откуда въ 1855 году былъ

переведенъ въ Радвань. Сладковичъ, какъ поэтъ, пользуется большою извѣстностью и горячею любовью между своими соотечественниками, особенно въ средѣ словацкой молодежи. Стихотворенія его, разбѣянные по всѣмъ словацкимъ журналамъ и сборникамъ, и только недавно собранныя въ одну книгу, извѣстны каждому словаку. Въ настоящее время Сладковичъ трудится преимущественно на поприщѣ духовной литературы.

I.

ТѢНИ ПУШКИНА.

Пѣвецъ Полуночи! ты братъ души моей,
О гений, намъ родной и милый!
Зачѣмъ безвременно покинулъ кругъ друзей?
Зачѣмъ такъ рано взять могилкой?

Пѣвецъ Полуночи! люблю твой вѣщій гласъ,
Гарема игры и забавы,
Люблю пылающей войною твой *Кавказъ*,
Люблю я громъ твоей *Полтавы*;

Люблю *черкешенку* прелестную твою;
Мнѣ милъ и сумрачный *Евгеній*,
И грустный *Ленскій* твой: надъ нимъ я слѣзы лью;
Во всемъ, во всемъ ты — дивный гений!

Угасъ — и сколько слѣзъ повсюду пролилось,
Печальное настало время...
Судьба! зачѣмъ, скажи, ты насъ разбила врозь,
Наславъ на чеховъ вражье племя?...

Н. Бергъ.

II.

ЭХО.

Славянскій братъ! родную мать
Съ тобою я объемяю:
Люби ее, славянскій братъ,
Люби святую землю!

Люби безцѣнный этотъ перлъ
И съ нею горе мыкай!
Пусть тяжело намъ; но Богъ не дастъ
Пропастъ семьѣ великой!

Не помнитъ мѣръ, отколь она
Взяла свое начало,

Но помнить, какъ судьба на насъ
Арпадовцевъ наслала:

Не позабудутъ вѣкъ они
Великаго разгрома,
Какой ихъ рати понесли
У башенъ Остригома.

Широко по свѣту неслись
Славянской славы звуки,
Но доля горькая и намъ,
И намъ свовала руки.

Кто хочетъ жить въ семьѣ славянъ,
Подай другъ другу длани!
Кто хочетъ жить — возстань и будь
Готовъ къ великой брани!

За столько тяжкихъ, скорбныхъ лѣтъ,
За столько мукъ и го́ря
Мы супостату отомстимъ:
Прольѣтся крови море.

Живъ Богъ, одинъ для всѣхъ людей:
Онъ ихъ равно расудить!
Живъ Богъ: не вѣкъ торжествовать
Неправда вражья будетъ!

Живъ Богъ: Онъ нашимъ племенамъ
Исчезнуть не дозволить,
Когда сто миллионъ здѣсь
Его объ этомъ молятъ.

Но если жили у славянъ
Порвутся — мѣръ застонеть —
Все человѣчество въ крови
Славянъ тогда потонеть.

Кому оплакать, схоронить
Тогда такую силу?
Кто, братья, выкопаетъ намъ
Великую могилу?

Горѣ, къ Зиждителю міровъ
Я влажный взоръ подъямлю:

Благослови, славянской братъ,
Свою святую землю!

Она — бездѣнный міра перлъ!
Утѣшься — горе минеть:
Богъ испытанья намъ послалъ,
Но Онъ насъ не покинетъ!

Н. Бергъ.

Л. ЖЕЛЛО.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ПАДЕНІЕ МИЛИДУХА».

Зачѣмъ намъ Богъ тевтоновъ далъ въ сосѣдство?
Зачѣмъ сюда дружины ихъ занёсъ?
Зачѣмъ славянамъ присудилъ въ наслѣдство
Невзгоды, брань, потоки горькихъ слёзъ?
И славянинъ — то съ супостатомъ
Враждуетъ, ссорится, а то
Тягается съ роднымъ братомъ —
И море крови пролилъ.
Какъ-будто нѣкій злобный гений,
Враждебное славянамъ божество,
Противу всѣхъ ихъ поколѣній
Ведеть войну — зачѣмъ и для чего —
Богъ вѣдаетъ! Взлясъ за умъ сорабы,
Увидѣвши, что славный нашъ народъ,
Что всѣ мы — несогласьемъ слабы,
Что единенье лишь къ спасеню приведетъ —
И кличутъ кличъ: стеклися леги,
Стеклись сорабовъ добліи князья,
Стеклись отъ Одры, Лабы чехи
И лутичей воинственныхъ семья,
Чтобы рѣшить, согласно общей воли,
Кому на сербскомъ быть престолѣ,
Стать повелителемъ обширныхъ земли,
Но долго произнестъ рѣшенья не могли,
За помощью взываютъ къ Богу,
Чтобъ Онъ рѣшилъ, кто будетъ царь:
Курится жертвенный алтарь
И жрецъ къ его склоняется порогу...
Вдругъ слышать — замираетъ духъ:
«Царемъ да будетъ Милидухъ!»

Н. Бергъ.

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Польское племя занимает равнинную область по течению рѣки Вислы, отъ Бескидовъ до Балтійскаго поморья и отъ Сяна и Буга до Варты и Одры, соприкасаясь на сѣверѣ съ литовцами, на западѣ съ нѣмцами, на югѣ съ мораванами и словаками, на востокѣ съ русскими. Эта область обнимаетъ: привислянскій край Россіи (кромя восточной части губерній Августовской, Сѣдлецкой и Люблинской), часть провинцій Пруссіи и Поморья (Помераніи), Познань и Силезію, область Краковскую и сѣверозападную часть Галиціи. Отдѣльныя польскія колоніи раскинуты впрочемъ далеко за предѣлами очерченной нами этнографической площади, особенно же на востокъ отъ нея, въ Литвѣ, Бѣлой, Малой и Червонной Русяхъ, въ предѣлахъ бывшаго польскаго королевства. По численности польская народность превосходитъ всѣ другія славянскія, кромя русской. Точную цифру численности поляковъ указать очень трудно, такъ-какъ въ большей части статистикъ ее либо преувеличиваютъ на счетъ русскихъ, либо уменьшаютъ на счетъ нѣмцевъ. Мы не будемъ однако далеки отъ истины, если скажемъ, что поляковъ находится: въ Россіи 4 милліона съ небольшимъ, въ Пруссіи $2\frac{1}{2}$ милліона, въ Австріи $2\frac{1}{4}$ милліона, и того около—девяти милліоновъ. Чтобы видѣть сословный составъ этого девяти-милліоннаго населенія, имѣющій такое важное значеніе не только въ польской исторіи, но и литературѣ, мы укажемъ процентное отношеніе разныхъ слоевъ населенія русской Польши (по Молеру): кромя значительнаго числа евреевъ (12% всего населенія)

и нѣмцевъ (5%), въ ней считается 75% сельскихъ вметовъ, $7\frac{1}{2}$ % сельской и городской шляхты и $\frac{1}{2}$ % крупной поземельной аристократіи. Если подобный масштаб приложить къ сословнымъ отношеніямъ всей польской народности, то мы увидимъ, что въ 9-ти милліонной средѣ польскаго племени находится свыше 8-ми милліоновъ хлопковъ, до 800.000 шляхтичей и около 50.000 пановъ.

По языку поляки составляютъ самую крайнюю вѣтвь сѣверозападной отрасли славянскихъ нарѣчій. Наиболѣе близокъ польскій языкъ къ вымершему нарѣчію прибалтійскихъ славянъ и живущему—лужичанъ, чеховъ и словаковъ. Говоры польскаго языка: малопольскій (современный литературный), великопольскій, мазовецкій и кашубскій. Послѣдній наиболѣе уклонился отъ общаго типа польскаго языка и составляетъ, кажется, переходную ступень къ нарѣчію ободритовъ, лютичей, полабовъ и другихъ прибалтійскихъ славянъ.

Образованіе польскаго государства совершилось одновременно почти съ великоморавскимъ, чешскимъ и русскимъ, и первоначальная ихъ исторія представляетъ много точекъ соприкосновенія и аналогій. Южныя подкарпатскія польскія земли входили даже въ составъ великоморавской державы, откуда распространилась и на Польшу, какъ и на Чехію, славянская проповѣдь св. Меодія, слѣды которой долгое время удерживались въ малопольской особенно области. Ударъ, нанесенный сначала славянской церкви, а потомъ и государству въ Моравіи, отразился ро-

ковыми послѣдствіями на судьбахъ какъ Чехіи, такъ и Польши. Угры откололи славянскій западъ отъ южныхъ центровъ православія. Русь еще была темна и не могла служить опорой для него въ Чехіи и Польшѣ.

Прежде пала Чехія, а потомъ изъ рукъ ея и Польша вкусила отъ древа латино-германскаго просвѣщенія и много свѣта для нихъ помрачилось. Принятіе латинской вѣры отразилось неизмѣримыми послѣдствіями на всей политической, соціальной и литературной жизни польскаго народа. Унія религіозная съ европейскимъ западомъ была предтечей и виновникомъ дальнѣйшаго ему подчиненія во всѣхъ культурныхъ отношеніяхъ. Польша забываетъ узы крови, связывающія ее со славянами балтійскаго поморья и новопросвѣщенный католицизмомъ Мечиславъ I становится первымъ пособникомъ пѣмцевъ въ порабощеніи ими польскихъ единоплеменниковъ. Изъ всѣхъ польскихъ государей одинъ Болеславъ Храбрый понималъ задачи польской, т. е. славянской политики на балтійскомъ поморьѣ, въ смыслѣ протиподвѣстія распространенію тамъ германизма, но это направленіе не усвоено было его преемниками. Они раболѣпствовали предъ германскимъ императоромъ, расточали свои силы въ братоубійственныхъ усобицахъ, равнодушно смотрѣли на гибель своихъ братьевъ на Лабѣ, а потомъ на Одрѣ и Вартѣ и даже легкомысленно открывали свой домъ чужеплеменнику и врагу въ Поморьѣ и Пруссіи. Во все продолженіе своей политической жизни поляки равнодушно уступали свое кровное достояніе на западѣ и сѣверѣ, въ непрерывной погонѣ за расширеніемъ своихъ границъ на востокѣ и югѣ. Эта роковая ошибка польской политики предала все балтійское побережье, отъ Лабы до Западной Двины, Германіи и быть-можетъ уготовала польскому народу гробъ въ ея нѣдрахъ.

Въ жизни соціальной постепенное распространеніе строя и порядковъ феодальной Европы отразилось постепеннымъ подавленіемъ славянской общины или гмины и выдѣленіемъ изъ ея среды цѣлаго привилегированнаго сословія, до такой степени обособленнаго, сосредоточеннаго въ себѣ и непріязненнаго подавленнымъ вѣстамъ, что современные польскіе историки не могли иначе объяснить себѣ этого соціального переворота, какъ предположеніемъ, что шляхта была пришлый изъ Скандинавіи (Шайноха), или Саксоніи (Мацѣвскій) чужеземный завоеватель-

ный народъ! По этой гипотезѣ Польша основана завоеваніемъ, т. е. по образцу всѣхъ государствъ германскихъ.

Что касается дѣятельности литературной, то, подобно всѣмъ другимъ западно-европейскимъ народамъ, поляки долго не имѣли даже письменности на народномъ языкѣ. Какъ въ богослуженіи, такъ и въ школѣ долгое время господствовалъ латинскій языкъ, что не могло не содѣйствовать еще большому отдѣленію классовъ образованныхъ или даже просто грамотныхъ отъ народа. Духовныя лица содержали школы почти исключительно для собственнаго, такъ-сказать, обихода, для удовлетворенія нуждъ церкви. Свѣтскія лица проходили ту же латинскую школу, но долгое время они не принимали никакого участія въ скудной литературной дѣятельности, поддерживаемой членами благаго и чорнаго духовенства. Неудивительно потому, что всѣ произведенія польской историографіи до конца XV вѣка писаны духовными лицами и по латынѣ: хроники Галла, Матвѣя Холѣвы, Кадлубка, Богуфала, Башко, Дзѣржвы, Янеа изъ Чарикова и другихъ. Онѣ имѣютъ потому такое же почти отношеніе къ польской литературѣ, какъ и хроники вѣнца Дитмара, чеха Козьмы Пражскаго и русскаго Нестора, въ которыхъ тоже заключается не мало данныхъ для польской исторіи, но ничего для литературы.

Кромѣ историографіи, польскіе монахи и каноники стряпали также религіозныя пѣсни, изъ коихъ нѣкоторыя составлены были на польскомъ языкѣ. Древнѣйшая изъ нихъ, «Пѣснь къ Богородицѣ», приписывается латинскому миссіонеру Чехіи и Польши св. Войтѣху. Съ нея обыкновенно начинаютъ даже польскую литературу; но это едва ли основательно, такъ-какъ пѣснь не имѣетъ никакихъ поэтическихъ достоинствъ, да къ тому и сохранилась не въ древнемъ видѣ, а въ редакціяхъ XV вѣка.

Для исторіи польскаго языка важны польскіе переводы нѣкоторыхъ богослужбныхъ книгъ, напримѣръ — псалтири, сохранившіеся отчасти въ довольно древнихъ спискахъ (XIV вѣка); но для исторіи литературы это представляетъ матеріалъ очень скудный.

Болѣе характеризовали бы народный бытъ, взгляды и степень развитія разныя юридическія акты и статуты, но и они были чужды польскому народу либо по содержанію (каноническое право и опредѣленія синодовъ), либо по языку (даже

знаменитый вислоцкий статутъ 1347 года писанъ по латини).

Вотъ содержаніе трехсотлѣтней дѣятельности польскаго государства, общества и церкви въ періодъ предшествовавшей ей политическому сближенію съ государствомъ литовскимъ. Чѣмъ же жилъ, мыслилъ и дѣйствовалъ народъ? Онъ съ сожалѣніемъ и печалью разставался со старымъ, тихимъ, но вольнымъ своимъ бытомъ и нѣсколькими отчаянными взрывами (1036 и 1077 г.) заявилъ свой протестъ противъ навязываемой ему религіи и панства. Но соединенныя усилія князей, духовенства и лясской аристократіи разбили неорганизованное сопротивленіе массъ и постепенно накрыли ихъ толстой корой, сквозь которую едва просвѣчивалъ на темный народъ лучь солнца. Быть-можетъ теплое дыханіе народныхъ массъ расплавило бы надъ собой эту ледяную кору, еслибъ не особенныя обстоятельства XIII вѣка. Народу удалось уже было ослабить самый ранній на польской почвѣ орденъ бенедиктинцевъ. Въ XI—XII-мъ вѣкахъ мы находимъ еще имена епископовъ, и даже одного архіепископа, вышедшихъ изъ кметской среды. Но когда къ опустошеніямъ войнъ внутреннихъ, удѣльныхъ князей, прибавился истребительный навалъ монголовъ и опустѣлые города и земли предоставлены были многочисленнымъ колонистамъ нѣмецкимъ и еврейскимъ; когда къ притѣсненіямъ пана и ксендза прибавилась еще эксплуатация кмета жидами и мѣщанами, одаренными разными льготами, то съ-тѣхъ-поръ польскій народъ окончательно былъ придавленъ, забить и въ продолженіе вѣковъ онъ является лишь пассивнымъ дѣятелемъ исторіи. Онъ забылъ даже память о прошлой своей славянской свободѣ, силѣ и славѣ.

Неудивительно, что въ польскомъ народѣ не сохранилось не только устнаго эпоса, какой уцѣлѣлъ въ Россіи, Сербіи, Болгаріи, но и старописнаго, въ родѣ нашего «Слова о Полку Игоревѣ» или чешскихъ пѣсней «Краледворской Рукописи». У польскихъ лѣтописцевъ мы находимъ слѣды народныхъ преданій, можетъ-быть историческихъ пѣсней, но блѣдныя и разбитыя.

Въ XIV вѣкѣ въ польской исторіи происходитъ важный и знаменательный переломъ. Польша удѣльная объединяется. Въ малопольскомъ Краковѣ она находитъ свой политическій и умственный центръ, вмѣсто стараго великопольскаго Гнѣзна, слишкомъ уже угрожаемаго сосед-

ними нѣмцами. Польша анархическая устроится, выработываетъ себѣ, изъ соединенія правъ мѣстныхъ, общепольскій статутъ, ставшій основой дальнѣйшаго юридическаго развитія страны — и боярская, панская Польша превращается въ Польшу шляхетскую, въ Рѣчь-Посполитую. Подъ смѣшаннымъ вліяніемъ понятій западнаго феодализма, античныхъ и новонитальянскихъ республикъ, а можетъ-быть и преданій старославянской общины, въ XIV и XV вѣкахъ слагается въ Польшѣ могущественное сословіе, смываетъ и переплавляетъ въ себя все, что было надъ нимъ и воплощаетъ въ своей средѣ понятіе государства. Можно обвинять польское шляхетство въ исключительности и кастовой обособленности отъ народа, въ эгоизмѣ и подавленіи массъ, въ религіозной нетерпимости и политическомъ легкомысліи; но нельзя отказать въ энергіи и силѣ, въ лихорадочной и безудавной дѣятельности этой великой собирательной личности, аналогію которой дѣйствительно всего легче найти въ гражданской общинѣ старой римской республики. Съ другой стороны слабость и злоупотребленія шляхетскаго правительства и общества стали обнаруживаться и развиваться уже позже, когда шляхта охьянѣла отъ излительства своихъ правъ и приобрѣтеній, когда она подверглась растлѣвающему вліянію на характеръ неограниченнаго господства и іезуитскаго воспитанія.

Во всякомъ случаѣ, относится ли къ этому факту перерожденія Польши монархически-боярской въ шляхетскую съ одобреніемъ или порицаніемъ, нельзя его не признать, такъ-какъ имъ была опредѣлена вся послѣдующая дѣятельность Польши. Сила и немощь этого оригинальнаго политическаго института лучше всего обнаружилась при соприкосновеніи Польши съ Литвою и Русью. Соціальныя отношенія странъ, соединившихся съ Польшею въ 1386 году, были устроены на совершенно другихъ началахъ. Почему же при возникшемъ взаимодѣйствіи Литва и Русь постепенно усвоили себѣ польскіе шляхетскіе порядки, а не на оборотъ? Видно, что политическая дѣятельность Польши была сильнѣе, многостороннѣе, напряженнѣе, чѣмъ въ болѣе монархической и боярской Литвѣ.

Этимъ объясняются также успѣхи польскаго языка и вѣры въ новоприсоединенныхъ земляхъ. Это вѣрный показатель силы и энергіи носителей польской культуры. Но если слѣдить за ея судьбами въ названныхъ странахъ въ послѣдующіе вѣка,

то мы видимъ, что эта польская заносная культура не могла проникнуть въ глубь народныхъ массъ, что она легла на поверхности общества и потому должна была растаять при первомъ пробужденіи и подъѣмѣ этихъ самыхъ пренебреженныхъ и забытыхъ просвѣтителями народныхъ массъ.

Какъ бы то ни было, соединеніе Польши съ Литвой подѣ Ягеллонами на первое время было очень для нея спасительно и благотвительно. Это обнаружилось въ 1410 году на поляхъ грюнвальдскихъ, гдѣ соединенными силами двухъ государствъ нанесенъ былъ тяжелый ударъ тевтонскому ордену, о призваніи котораго въ Пруссію такъ жестоко сожалѣли теперь поляки. Къ сожалѣнію этотъ ударъ не былъ смертельнымъ и орденъ скоро воспрянулъ въ новой силѣ и алчности.

Но представилась Польшѣ еще другая возможность ея усиленія для борьбы съ Германіей. Вѣроятно судьба балтійскаго поморья была бы совершенно другая, еслибъ поляки не отвергли тогда дружественной руки гуситскихъ чеховъ, предлагавшихъ королю польско-литовскому чешскую корону. Усиліямъ Збигнѣва Олесницкаго съ его ультрамонтанской братіей удалось предотвратить на долгое время это политическое объединеніе сѣверозападныхъ славянъ, которое могло совершиться на почвѣ гуситства. Католицизмъ глубоко укоренился въ Польшѣ, и ни Длугошъ, ни даже Григорій изъ Санока не рѣшились принять предлагаемой имъ чехами архіепископской кафедрѣ въ гуситской Прагѣ.

Однако давнія связи поляковъ съ чехами, посѣщеніе Прагскаго университета, путешествія по Польшѣ и Литвѣ Иеронима Прагскаго, участіе въ польскихъ войнахъ чешскихъ ротъ, особенно же сильная распространенность въ Малой Польшѣ секты чешскихъ и моравскихъ братьевъ не могли не дѣйствовать возбуждающимъ и соблазняющимъ образомъ на религиозное сознание поляковъ, между которыми въ XV вѣкѣ оказалось множество приверженцевъ гуситскаго ученія. Удѣляли даже стихи въ честь Виклефа подобнаго польскаго гусита Андрея Галки изъ Добчина. Быть-можетъ не безъ связи съ этими ранними попытками религиознаго обновленія стоятъ позднѣйшія теоріи—напримѣръ Остророга, а еще позже Модревскаго и другіе, о чемъ скажемъ ниже.

Кромѣ умственныхъ возбужденій изъ Чехіи, на литературное развитіе польскаго общества могла еще оказывать полезное вліяніе Краковская ака-

демія, основанная еще Казиміромъ Великимъ въ 1367 году (почти одновременно съ Прагскимъ университетомъ), но открытая папою лишь 30 лѣтъ спустя по ходатайству дорогой для католической церкви просвѣтительницы Литвы, Ядвиги. Дѣятельность Краковской академіи въ первый вѣкъ ея существованія была очень плодотворна. Быть-можетъ она обязана въ этомъ отчасти и тому просвѣтительному вліянію, которымъ повѣяло въ XV вѣкѣ изъ возродившейся Италіи.

Уже давно поляки, подобно далматинцамъ, привыкли искать высшаго образованія въ итальянскихъ университетахъ. Одинъ изъ нихъ, Ціолэкъ, еще въ XIII вѣкѣ приобрѣлъ себѣ даже европейское имя, какъ основатель оптики. Кромѣ Италіи и Чехіи поляки посѣщали также Парижскій университетъ, по образцу котораго основанъ и Краковскій. Подъѣмъ наукъ въ Польшѣ XV вѣка лучше всего виденъ въ появленіи такого историка, какъ Длугошъ, такого филолога, какъ Паркошъ, такихъ философовъ, какъ Григорій изъ Санока и Иванъ Глоговчикъ, такого политика, какъ Остророгъ и, наконецъ, такого мірового генія въ области астрономіи, какъ Коперникъ. Длугошъ не только считается отцомъ польской исторіографіи, но и самъ представляетъ крупную историческую личность, которую можно упрекнуть развѣ за излишнее усердіе къ интересамъ Рима, въ чемъ онъ былъ отчасти предшественникомъ Скарги. Паркошъ замѣчательнъ не только, какъ первый законодатель польской орографіи, но и какъ первый физиологъ звуковъ славянскаго языка, во многомъ предупредившій наше время. Григорій изъ Санока представляетъ типическій образъ челоуѣка и философа съ трезвымъ и сильнымъ умомъ, положительнымъ и независимымъ взглядомъ, обширный опытностью и ничѣмъ незапятнаннымъ характеромъ. По философскому направленію онъ нѣсколько сродни чехамъ Штитному и Хельчицкому, и англичанину Бекону. Глоговчикъ считается предшественникомъ Лафатера, какъ основателя науки фізіономики. Остророгъ былъ первый изъ политическихъ писателей Польши, который замѣтилъ аномалію развивающихся въ ней социальныхъ отношеній и возсталъ противъ двухъ хроническихъ ея недуговъ, угрожавшихъ принять размѣры столь обширные и губительные—противъ служенія Риму и отождествленія шляхты съ народомъ. Но въ тотъ вѣкъ никто не хотѣлъ слушать или не могъ понять

мудреца. Коперникъ былъ человекъ, котораго, подобно Гусу, даже нѣмцы не отказывались называть сыномъ Германіи, ибо онъ былъ однимъ изъ величайшихъ геніевъ человѣчества, попытаннымъ землю и остановившимъ солнце въ его мнимомъ теченіи. Правда, такіе люди не считались десятками въ Польшѣ XV и начала XVI вѣка; но и во всемірной исторіи подобныя умы являются не дюжинами. Присутствіе въ странѣ генія дѣйствуетъ возвышающимъ образомъ на цѣлый народъ, даетъ внутреннюю силу и внѣшнее обаяніе его умственной дѣятельности.

Вотъ чѣмъ объясняются и политическіе успѣхи Польши того времени. Она не завоевала ни одной страны, но присоединила къ себѣ многія. Короны венгерская и чешская нѣсколько разъ покрывали голову Ягеллоновъ. Прусскій орденъ, Литва, Русь, Молдавія, обширныя страны отъ Балтійскаго до Чорнаго морей, находились подъ господствомъ, управленіемъ или вліяніемъ поляковъ. Сила Рѣчи-Посполитой была столь внушительна, что могла соперничать съ имперіей Габсбурговъ и Османовъ. Но ядовитая струя уже свободно разливалась по жиламъ государственнаго организма и проникательные люди уже прозрѣвали неустойчивость политическаго зданія, сооруженнаго на плечахъ одного сословія, затоптавшаго подъ собой народъ. Король уже былъ политической куклой; весь починъ въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики исходилъ отъ шляхетской посольской палаты. Замыслы, дѣйствительные или мнимые, короля Ольбрахта на политическія льготы шляхты, въ возбужденіи которыхъ подозрѣвался знаменитый итальянецъ Каллимахъ (Буонарокси), еще болѣе усилили ревнивую заботливость о себѣ шляхты и на рубежѣ XV и XVI вѣковъ совершилось окончательное закрѣпощеніе крестьянъ или хлоповъ, какое имя стало съ-тѣхъ-поръ презрительнымъ и укоризненнымъ.

Въ первой половинѣ XVI вѣка произошли въ Польшѣ событія, угрожавшія, казалось, ниспроверженіемъ многовѣкового владычества надъ страной Рима и его слугъ, въ чемъ, какъ мы видѣли, не успѣло гуситство.

Вся почти Европа возстала тогда на свою духовную власть, которую въ продолженіе вѣковъ сносила съ такой рабской покорностію. Это реформаціонное движеніе не могло не отразиться на польскомъ обществѣ, находившемся въ давнихъ и очень тѣсныхъ сношеніяхъ съ Германіей, Франціей, Италіей и другими западными страна-

ми. Замѣчательно, однако, что наименѣе удовлетворительной религіозной формой представлялось полякамъ лютеранство. Этотъ отвлеченный мистицизмъ могъ привѣтствоваться лишь въ болѣе отъдаленныхъ приморскихъ краяхъ Польши. Болѣе прозелитовъ нашолъ себѣ французскій кальвинизмъ, особенно въ Великой Польшѣ и Литвѣ. Но наибольшей распространенностію пользовалась церковь чешскихъ или моравскихъ братьевъ, быть-можетъ напомнившихъ народу старое гуситство и еще болѣе старое православіе, народную славянскую церковь. Главные центры братьевскихъ общинъ были въ Малой Польшѣ. Съ теченіемъ времени, когда широкая вѣротерпимость Сигизмунда I и особенно II-го открыла Польшу настежь всѣмъ гонимымъ западно-европейскимъ еретикамъ, здѣсь появляется множество мелкихъ сектъ, болѣе или менѣе радикальныхъ. Самая крайняя и распространенная изъ нихъ была рационалистическая секта социніанъ или аріанъ, иначе антитринитаріевъ и польскихъ братьевъ. Если припомнимъ еще многочисленное православное населеніе восточныхъ земель польскаго королевства, то предъ нами откроется поразительная картина религіознаго раздѣленія общества въ странѣ, извѣстной прежде и послѣ XVI вѣка своимъ архикаатолицизмомъ. Но такъ-какъ это движеніе ограничивалось лишь верхними слоями общества и не спускалось ниже мѣщанскаго населенія городовъ, то оно не могло быть ни глубокимъ, ни продолжительнымъ.

Но было бы несправедливо называть это диссидентское движеніе бесплоднымъ и безслѣднымъ. Первымъ главнымъ его результатомъ было низверженіе съ народной мысли тяжелыхъ узъ латинскаго языка, безъ чего ея развитіе не могло быть свободнымъ и оригинальнымъ, особенно въ области поэзіи. Правда и въ XVI вѣкѣ мы находимъ въ Польшѣ много напрасныхъ усилій воскресить для народной поэзіи мертвый языкъ классической Итали. Въ этомъ повинны не только школьные педанты въ родѣ Павла изъ Кросна, Дантышка, Яницкаго, но и такіе первостепенные таланты, какъ Кохановскій, Шимоничъ, Кленовичъ. Польша произвела даже (хотя уже позже) одного поэта, удивившаго всю Европу чуднымъ латинскимъ стихомъ, отъ котораго не отказался бы самъ Гораций: это былъ знаменитый Сарбевскій, латинскія стиходѣлія котораго до-сихъ-поръ изучаются въ англійскихъ университетахъ, какъ образецъ классическаго стиля. Но подобныя затѣи

могут имѣть значеніе лишь курьоза, бесполезнаго для народной науки и литературы.

Еще дольше и больше употреблялся латинскій языкъ въ польской исторіографіи. Вспомнимъ Меховита, Кромера, Коляловича, Старовольскаго и другихъ. Но все это не мѣшаетъ утверждать, что распространеніе протестантизма вызвало въ Польшѣ, какъ и въ другихъ странахъ, употребленіе народнаго языка въ богослуженіи, школахъ, наукахъ и литературѣ.

Первымъ и главнымъ дѣломъ каждой секты въ Польшѣ было изготовленіе польскаго перевода библіи въ духѣ своего ученія. Самыми знаменитыми изъ нихъ были: брестское изданіе польской библіи кальвинистовъ (Радзивиллъ) и несвижское соцініантъ. Католики, вызванные на полемику съ протестантами, должны были обратиться къ тому же мощному орудію народнаго слова, и издали свой переводъ библіи (Вуекъ). Тоже стремленіе вызвало русскій переводъ библіи Скорнины и знаменитое острожское изданіе ея славянскаго текста.

Вслѣдъ за библіями появились безчисленныя полемическія сочиненія разныхъ сектъ, составляющія главный литературный балластъ того времени. Представленія были въ большинствѣ очень смутны, доказательства и опроверженія не тверды и сомнительны; но увлеченія и страсти, пылъ и усердіе непомерны и неуправляемы. Во всей массѣ брошюръ и книгъ серьезнаго вниманія заслуживаютъ сочиненія двухъ особенно писателей: Орѣховскаго и Модревскаго. Для характеристики времени важны не только ихъ сочиненія, но и самыя личности. Какъ тотъ, такъ и другой принадлежали къ числу даровитѣйшихъ, ученѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ польскихъ писателей половины XVI вѣка. Литературная извѣстность того и другого простиралась далеко за предѣлы Польши, въ Германію и Италію. Но здѣсь и оканчивается ихъ сходство и начинается глубокое и полное различіе. Модревскій можетъ служить идеаломъ умнаго, честнаго, гуманнаго поляка, въ родѣ Остроорога или Григорія изъ Санока. Онъ усомнился въ чистотѣ католицизма и стремится къ его обновленію въ отношеніи догматическомъ и дисциплинарномъ. Подобно Гусу въ Чехіи, онъ желаетъ для Польши независимой народной церкви, съ патриархомъ, польскимъ богослуженіемъ, чашей и бракомъ духовенства. Орѣховскій тоже окупился въ струю протестантизма, но онъ вынесъ изъ него единственно разрѣшеніе для своей совѣсти отъ обѣта безбрачія. Во второмъ періодѣ

своей писательской дѣятельности, онъ съ такимъ же легкомысліемъ бросилъ вызовъ свободѣ совѣсти, съ какою прежде онъ относился къ авторитету церкви.

Это былъ умъ сильный, но исковерканный, характеръ дѣятельный, но надломанный, каковыя съ теченіемъ времени, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе начала рождать и воспитывать шляхетская Рѣчь-Посполитая.

Либерализмъ и вольнодумство распространились и на другія области литературной дѣятельности сигизмундовской Польши. Въ невѣртіи упрекали историка Мартина Бѣльскаго, педагога Марыцага, поэтовъ Рея, Кленовича и другихъ. Удивительно ли это, когда самъ король Сигизмундъ Августъ не скрывалъ своего равнодушія къ Риму и симпатій къ идеямъ Модревскаго о національной польской церкви! Но въ средѣ польскаго общества явился тогда новый дѣятель, который быстро возстановилъ пошатнувшееся зданіе католицизма и вырылъ гробъ сначала врагамъ Рима, а потомъ и самой Рѣчи-Посполитой: въ 1564 году кардиналъ Гозій пригласилъ въ Польшу іезуитовъ... Но возвратимся назадъ къ столь прославляемому золотому сигизмундовскому періоду польской литературы.

Было бы ошибочно думать, что религиозная дѣятельность составляла исключительное содержаніе польской исторической жизни: другая и можетъ-быть большая половина наличныхъ общественныхъ силъ была посвящена дѣятельности политической. На всемъ пространствѣ Рѣчи-Посполитой вишили уѣздныя, воеводскія, провинціальныя и земскія сеймики и сеймы, изрѣдка перемѣжаясь конфедераціями или рокошами, въ видѣ политическихъ демонстрацій. Послѣдній заговорный шляхтичъ считалъ своимъ правомъ и обязанностію управлять государствомъ, и дѣйствительно имѣлъ свою долю вліянія на направленіе дѣлъ чрезъ посредство земскихъ пословъ или депутатовъ, каждые два года избираемыхъ на сеймъ. Политическія убѣжденія и понятія шляхты были довольно опредѣленны и положительны: наблюдать интересъ своего сословія какъ въ коронѣ, такъ и въ Литвѣ; усилить первую на счетъ второй; не давать поблажки хлопамъ и силамъ королямъ. Чрезъ меридіанъ своей политической силы и славы прошло польское государство, кажется, въ 1569 году — въ памятный годъ люблинской уніи Польши, Пруссіи, Литвы и Руси.

Съ-тѣхъ-поръ начинается быстрый закатъ этого яркаго, но холоднаго солнца.

Религія и политика такъ всецѣло поглощали умъ и чувство представителей польскаго общества, что даже наука и поэзія должны были подчиниться какой-нибудь религіозной или политической тенденціи. Литература не имѣла въ Польшѣ самостоятельнаго значенія; она была прислужницей церкви или государства. Вотъ почему изъ всѣхъ отраслей науки прочно привилась въ Польшѣ лишь историографія; а въ области поэтической преобладаетъ лишь лирика и сатира, т. е. поэзія самодовольствія или общественной критики.

Самый крупный историческій трудъ польской литературы XVI вѣка есть хроника Стрыйковскаго, автора замѣчательнаго, впрочемъ, болѣе кропотливостію, трудолюбіемъ и неутомимостію, чѣмъ образованіемъ и талантомъ. Замѣчательно, что мазовецкій авторъ провелъ въ этомъ трудѣ тенденцію радикально противоположную цѣлямъ люблинской униі, являясь литовскимъ сепаратистомъ.

Болѣе впрочемъ удовлетворяли вкусу современниковъ геральдическія изслѣдованія Папроцкаго, имѣвшія не археологическій, а животрепещущій интересъ въ странѣ, гдѣ всѣ были помѣшаны на гербахъ, родовитости и чистотѣ шляхетской крови.

Одуряющую силу шляхетскаго воспитанія и степень господства надъ обществомъ этихъ сословныхъ предразсудковъ можно видѣть изъ того, что такіе значительные таланты, какъ Рей и Кромеръ, казалось, вполне раздѣляли мысль старика Аристотеля объ естественномъ и прирожденномъ различіи гражданъ и рабовъ, шляхтичей и хлопцовъ. Знаменитый Кромеръ никогда не могъ примириться съ той смертной обидой природы, какою онъ считалъ свое мѣщанское происхожденіе. Рей же, отецъ польской поэзіи, человѣкъ замѣчательныхъ дарованій, прошедшій уже диссидентскую школу и эманципировавшійся отъ многихъ наивныхъ вѣрованій, въ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ, полныхъ безконечнаго юмора и практической мудрости, серьезно доказываетъ, что шляхтичъ есть совершеннѣйшее изъ созданій міра, что политическое устройство и социальныя отношенія Польши суть идеальныя и безукоризненныя. Даже шляхетское высокомеріе къ серьезному научному труду онъ хвалить, видя въ послѣднемъ удѣлъ высшихъ классовъ и расъ, напримѣръ нѣмцевъ. У Кохановскаго, другого ко-

рочея польской поэзіи XVI вѣка, нельзя найти подобныхъ указаній лишь потому, что онъ изображалъ мысли, чувства и образы болѣе изъ міра античнаго, классическаго, или бралъ сюжеты и краски чуждые всякому времени и мѣсту, болѣе общечеловѣческіе, чѣмъ мѣстные и современные ему польскіе.

Третій знаменитый писатель того же времени Горницкій, въ своемъ «Польскомъ дворянинѣ», отнесся, правда, съ легкой критикой къ шляхетству старой Польши, имѣя въ виду, быть-можетъ, идеалъ венеціанской олигархической республики; но и здѣсь критика облечена въ такую мягкую и невинную форму, образъ же польскаго дворянства представленъ въ такомъ лестномъ свѣтѣ, что могъ возбуждать скорѣе самодовольствіе, чѣмъ самоосужденіе въ шляхетномъ читателѣ.

Болѣе рѣзкій и сильный голосъ за права человѣка, за превосходство ума и знаній надъ родовитостію и гербами, возвысилъ Кленовичъ. Мѣщанинъ по происхожденію, но человѣкъ образованный и даже учонный, онъ могъ безпристрастно отнестись къ тѣмъ общественнымъ аномаліямъ, которыхъ другіе не видѣли по самообольщенію или невѣжеству. Онъ былъ свидѣтелемъ борьбы монархизма со шляхетствомъ и желалъ успѣха первому, олицетворяя послѣднее въ лицѣ безпокойныхъ и насильственныхъ титановъ. Наряду съ Кленовичемъ, сочувственно отнесся къ забитому, но честному и добродушному сельскому люду извѣстный идиалликъ Шимоновичъ (Simonides). Тѣ же убѣжденія раздѣлялъ и Модревскій, о которомъ мы уже сказали выше. Но эти одинокіе голоса вопіяли въ пустынѣ: хлопъ былъ закрѣпощенъ, лишонъ права на землевладѣніе, отданъ въ полную волю пана, почти изъять изъ покровительства законовъ (1573), въ чемъ польское право никогда не отказывало не только нѣмцамъ, но даже жидамъ и татарамъ!

Послѣ тенденцій политическихъ, существенную струну польской поэзіи, особенно лирики, составляетъ элементъ религіозный. Видное мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ переводъ псалмовъ Кохановскаго, его же «Слезы надъ гробомъ дочери» и нѣкоторыя другія. Но еще большей высоты и силы въ этомъ направленіи достигли Семъ Шаржинскій и Мясковскій, изъ коихъ послѣдній былъ уже пѣвцомъ Сигизмунда III, то есть XVII вѣка.

Общее значеніе поэтической школы Рея и Кохановскаго можетъ быть сравнено со значеніемъ

въ сербской литературѣ школы поэтовъ дубровницкихъ. Тутъ мало оригинальнаго народнаго творчества. Поэтическая мысль и ея выраженіе были скованы чудными образами и звуками поэзіи староклассической, на которой развивались тогда всѣ западно-европейскія литературы. Наибольше независимымъ отъ этихъ образцовъ былъ Рей, чѣмъ онъ былъ обязанъ малому своему знакомству съ классической литературой. Наибольше же хлебнулъ отъ этого кастальскаго ручья Кохановскій; но за-то онъ перенесъ въ польскую литературу хрустальную прозрачность и классическую законченность внѣшней стихотворной формы, которою съ такимъ мастерствомъ воспользовался потомъ Мицкевичъ. Если сравнить Рея въ первой половинѣ XVI вѣка съ Гроховскимъ во второй, то изъ стилистическаго изящества послѣдняго въ сравненіи съ первымъ можно видѣть замѣчательный успѣхъ польскаго литературнаго языка въ нѣсколько десятилѣтій поэтической дѣятельности Кохановскаго и плеяды его сопровождавшей.

Чтобы оцѣнить все значеніе и размѣры литературной дѣятельности этого періода въ сравненіи не только съ предыдущею, но и послѣдующею, мы приведемъ нѣсколько данныхъ о числѣ и состояніи типографій и школъ того времени. Книгопечатаніе привилось въ Польшѣ скорѣе многихъ другихъ, даже западно-европейскихъ, странъ. Оно начинается здѣсь съ 1465 года. Но полный расцвѣтъ печатной дѣятельности относится къ половинѣ XVI вѣка, то-есть ко времени полнаго разгара борьбы диссидентовъ съ католицизмомъ. Не только въ главныхъ, но и во второстепенныхъ городахъ и мѣстечкахъ Польши основывались типографіи, иногда кочевыя. Можно назвать въ Польшѣ до 100 мѣстностей, гдѣ выходили тогда польскія книги и въ которыхъ переселивалось до 150 типографій.

Тогда же и отъ тѣхъ же причинъ чрезвычайно размножилось число школъ. Это было лучшее средство распространять новыя религіозныя понятія въ духѣ того или другаго исповѣданія. Оттого каждая секта заводила извѣстное число школъ, которое бывало очень значительно напримѣръ у кальвинистовъ и чешскихъ братьевъ. Начальникомъ въ одной изъ польскихъ школъ послѣдней секты былъ знаменитый чехъ Амосъ Коменскій. Заправленіе католическими школами зависѣло тогда отъ Краковской академіи, которая, впрочемъ, бросивъ вызовъ духу реформъ и

замкнувшись въ косный ортодоксализмъ, утратила въ XVI вѣкѣ свою прежнюю жизнь и силу, и погрузилась въ летаргическій сонъ, изъ котораго она воспрянула-было лишь для того, чтобы заявить протестъ противъ посягательства на школьное дѣло іезуитовъ и опять погрузиться въ дремоту. Въ концѣ XVI вѣка основаны двѣ новыя академіи: знаменитый гетманъ Янъ Замоискій основалъ академію въ Замостьѣ, а не менѣе славный іезуитъ Петръ Скарга—въ Вильнѣ. Остановившись на этихъ именахъ, связывающихъ Польшу XVI и XVII вѣковъ. Трудно сказать, которое изъ нихъ дороже, незабвеннѣе для поляковъ. Первый представляется лучшимъ типомъ польскаго государственнаго челоѣка, а второй—вдохновеннаго миссіонера. Оба не неповинны въ позднѣйшихъ удачахъ и несчастіяхъ Польши. Замоискій далъ послѣдній толчокъ политикѣ польскаго государства, а Скарга—польской церкви; и это направленіе обусловило судьбы Польши въ послѣдніе два вѣка ея политическаго существованія. Замоискій думалъ утвердить въ Польшѣ законы и понятія римской республики и придавъ каждому шляхетскому послу священное значеніе римскаго трибуна, забывая, что трибунъ былъ покровителемъ подавленныхъ противъ льготныхъ и что трибуновъ было 2, а не 200, какъ въ Польшѣ. Скарга былъ проникнутъ такимъ же благоговѣніемъ къ непогрѣшному авторитету римской церкви. Изъ законоположеній Замоискаго выросло *liberum veto* (съ 1652 года); изъ религіозной нетерпимости Скарги вышли законы, лишающіе диссидентовъ всякаго политическаго значенія и почти покровительства законовъ. Результаты того и другаго были равно смертоубійственны для политическаго существованія Польши. Но едва ли можно винить въ этомъ Замоискаго или Скаргу. Оба дѣйствовали по убѣжденію и патриотизму, и повинны развѣ въ томъ, что не считали послѣдствій радикальныхъ мѣръ, предложенныхъ ими для вящей славы церкви и государства.

Въ отношеніи къ Россіи Скарга памятенъ какъ виновникъ и главный дѣятель брестской уніи, долженствовавшей скрѣпить религіозными узами тѣ политическія связи, которыя, казалось, навсегда соединили Литву съ Польшей на люблинской уніи.

: Кромѣ своей церковно-политической дѣятельности по утверженію въ Польшѣ и развитію вліянія іезуитовъ, Скарга имѣетъ значеніе и какъ

писатель, историкъ, богословъ и особенно проповѣдникъ. Правда, его стиль не свободенъ отъ латинскихъ оборотовъ, его исторія отъ басень, его богословіе отъ схоластики и его проповѣди отъ риторики; но при всемъ томъ онъ считался однимъ изъ лучшихъ польскихъ прозаиковъ и вдохновеннѣйшихъ ораторовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобное дарованіе и подобный характеръ оказалъ бы странѣ гораздо лучшую услугу, еслибъ его мысль и воля не были порабощены служенію чужимъ цѣлямъ и интересамъ, съ той энергіей, которая отличаетъ фантастовъ и неопитовъ; и съ той неразборчивостію на средства, на которую могъ рѣшиться лишь ученикъ іезуитовъ.

Переходимъ къ исторіи паденія Польши. Что его предуготовило и ускорило? То, что, строя свое государственное зданіе, поляки проглядели мелочь: не позаботились о фундаментѣ. Оно и обрушилось не отъ ветхости, не отъ внутренней даже гнили, а оттого, что почва вдругъ раздалась и поглотила въ себѣ массивныя стѣны и колонны, а вѣтеръ размѣталъ по свѣту осколки шляхетскаго зданія. Чуткій слухъ давно уже слышалъ по временамъ глухой подземный гулъ, предтечу землетрясенія. Его слышалъ Остророгъ, Модревскій, Кленовичъ, даже вѣщій Скарга; но самодовольное общество веселилось и не тревожилось за будущее или не думало объ немъ, пока земля не задрожала подъ ногами.

Конецъ XVI и первая четверть или даже половина XVII вѣка еще не представляли никакихъ замѣтныхъ признаковъ государственнаго и литературнаго ослабленія Польши. Гетманы побѣждали шведовъ, турокъ, москалей, и въ смутное время русской исторіи предъ Сигизмундомъ III открылись такіе политическіе виды, о какихъ не смѣлъ и мечтать Сигизмундъ I или II. Москва была у ногъ его и грозная Русь исходила кровію. Церковь тоже воевала и побѣждала; проповѣдники въ родѣ Бирковскаго, Млодяновскаго, Верещинскаго гремѣли съ такимъ же врасноорѣчіемъ и энтузіазмомъ, какъ прежде Скарга. Мясковскій, Гроховскій, Вацлавъ Потоцкій писали оды, сатиры, эпопеи съ изяществомъ и дарованіемъ лучшихъ писателей сигизмундовскаго круга. Сарбевскій удивлялъ міръ латинскимъ стихомъ; Пясецкій, Коховскій, Коляловичъ, Старовольскій составляли исторіи и хроники, ничѣмъ не уступающія Кромеру и Орѣховскому. Въ Замостской академіи процвѣтало право, въ

Виленской — богословіе и даже Краковская на время какъ-будто проснулась и оживилась. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ странѣ стало душно и тѣсно. Габсбургско-испанское вліяніе все болѣе и болѣе связывало внѣшнюю политику страны.

Религиозная реакція становилась все насильственнѣе; воспитаніе въ рукахъ іезуитовъ все одностороннѣе. Одна за другой закрывались типографіи и диссидентскія школы; въ литературѣ воцарилась схоластика и мертвенная латынь.

Духовенство налагаетъ свою руку не только на воспитаніе, но и на политику, на управление. Правовѣрная мазовецкая Варшава становится новымъ правительственнымъ центромъ этой новой іезуитской политики.

Шляхетское общество раздѣляется на двѣ политическія партіи: олигархическую и демократическую (въ условномъ шляхетскомъ смыслѣ). Завязывается борьба ихъ между собою и съ королями, который ищетъ самъ поддержки то въ магнатахъ, то въ шляхтѣ. Въ странѣ воцаряется замѣшательство и анархія. А народъ одѣненъ поштучно, какъ вещь, и диссиденты потеряли всѣ политическія права! Въ эту-то пору возсталъ Хмѣльницкій и отпаденіе Украины было первымъ подземнымъ ударомъ, отколовшимъ часть Рѣчи-Посполитой. Несчастія посыпались на нее одно за другимъ, но онѣ ничему не научили правителей. Люди становились все болѣе равнодушными къ интересамъ общественнымъ и потеряли всякій политическій смыслъ. Сеймы собирались по прежнему, но, со времени введенія обычая ихъ срывать, они рѣдко приходили къ какимъ-нибудь заключеніямъ. Оттого суетни было много, колеса государственной машины быстро вращались, но дѣла не выходило и возъ пятился назадъ. Короли быстро смѣняются: Владиславъ, Янъ, Казиміръ, Вишневецкій, Собѣскій, Сакси, Лещинскій, Понятовскій; но они или безсильны, или равнодушны, или легкомысленны — и разложеніе быстро распространяется по всему государственному организму.

Литературная дѣятельность второй половины XVII и первой XVIII вѣка ограничивается почти одними мемуарами разныхъ общественныхъ и частныхъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ на примѣръ Паска, Отвпновскаго, представляютъ самый животрепещущій интересъ, живо рисуя намъ изнанку того общества, котораго лицевая сторона слишкомъ подурянена официальными историками и публицистами того времени.

Съ конца XVII и особенно въ XVIII вѣкѣ казалось, повѣяло новымъ духомъ на Польшу изъ Франціи. Первымъ проводникомъ этого вліянія французскаго псевдоклассицизма на польскую литературу была семья Морштыновъ. Еще болѣе усилились сношенія польскаго общества съ французскимъ при Лещинскомъ. Польскому эксъ-королю принадлежитъ даже планъ переустройства Рѣчи-Посполитой посредствомъ либеральныхъ реформъ, съ сохраненіемъ, впрочемъ, старопольской свободы, но съ устраненіемъ ея аvarхіи.

Болѣе крупнымъ и важнымъ проводникомъ въ польское общество либеральныхъ идей французской философіи, педагогики и политики былъ знаменитый іаръ Конарскій. Онъ первый внесъ новый духъ въ общественное воспитаніе Польши, которое съ-тѣхъ-поръ все болѣе и болѣе ускользаетъ изъ рукъ іезуитовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Конарскій завѣсь руку и на шляхетскія привиллегіи, но менѣе въ этомъ успѣлъ. Въ изданныхъ имъ съ Залускимъ «*Volumina legum*» польская шляхта нашла болѣе юридическія основанія для своихъ притязаній, чѣмъ матеріалъ и мотивы для общественной реорганизаціи страны. Напрасно Желѣзнякъ и Гонта съ гайдамаками жгли и рѣзали своихъ шляхетныхъ угнетателей: оказалось, что лишь могла можетъ выпрямить горбатаго — и въ 1772 году начались раздѣлы Польши. Еще 23 года продолжалась ея политическая агонія, окончившаяся въ 1795 году.

Въ послѣдніе годы своего существованія польское общество обнаружало лихорадочную дѣятельность. Съ паденіемъ іезуитскаго ордена (1773 г.) общественное воспитаніе перешло въ другія руки и новое поколѣніе могло освободиться отъ старой схоластики и рутинны. Народное прошлое, основаніе и разгадка его настоящаго и будущаго, обратило на себя серьезное вниманіе — и тутъ появляется въ Польшѣ въ первый еще разъ историческая критика въ трудахъ Лойко, Нарушевича и Чацкаго. Вмѣстѣ съ подъемомъ уровня историческаго образованія возвышается достоинство политическихъ произведеній послѣднихъ государственныхъ людей Польши, каковы: Коллонтай, Сташицъ, Нѣмцевичъ и другіе. Послѣ долгаго перерыва Польша производитъ даже замѣчательныхъ натуралистовъ, напримѣръ: астронома Почобута и химика Андрея Снядецкаго.

Изъ той же станицлавовской польской школы вышли и знаменитые слависты: Пвалъ Потоцкій

и Суровецкій, во многомъ предупредившіе Шафарика.

Уставы польской эдукаціонной комиссіи послужили образцомъ и для русскаго министерства народнаго просвѣщенія. Варшавское общество любителей наукъ и Виленскій университетъ связываютъ уже XVIII вѣкъ съ XIX. По паденіи польскаго государства всѣ общественныя силы направились на развитіе школъ. Наука и литература остались единственной областію свободнаго дѣйствія и залогомъ народной жизни, почему онѣ и возраждаются съ наибольшей силой уже послѣ паденія Рѣчи-Посполитой.

Мы должны воснуться еще поэзіи станицлавскаго времени, связывающей старую сигизмундовскую съ новой школой Мицкевича. Въ вѣкѣ политическаго и общественнаго разложенія, когда изжиты положительные идеалы старые и не образовались еще новые, когда любовь къ прошедшему и вѣра въ будущее пошатнулись, единственный возможный родъ поэзіи — сатира или беззаботная анакреонтическая лирика. Это мы и видимъ въ Польшѣ времени ея политическаго паденія. Нарушевичъ оплакиваетъ, а Красицкій, Трембецкій, Венгерскій осмѣиваютъ общественныя язвы, народную вѣру и невѣріе. Жолчный сарказмъ Нарушевича здѣсь перемежается съ веселой и острой шуткой Красицкаго, беззащитничивой колкостью Трембецкаго и цинической выходкой Венгерскаго. А впрочемъ и строгій историкъ, и вольнодумный епископъ, и развязный придворный, и безалаберный игрокъ не свободны отъ усвоенныхъ изъ Франціи ходулей классическаго стиля, степенная важность котораго часто находится въ странномъ противорѣчій съ игривой легкостью и пустотой самаго обыденнаго содержанія.

Видно однако, что польское общество не съ отчаяніемъ провожало въ гробъ свое королевство. Оно какъ-будто не вѣрило его смерти. Одинъ Нарушевичъ разбилъ свою лиру надъ гробомъ отечества и отказался даже отъ растрavляющихъ воспомнаній славы старой ягеллоновской Польши. Другіе были хладнокровнѣе или легкомысленнѣе: Красицкій, Карпинскій, Богуславскій, Нѣмцевичъ продолжали свою веселую пѣсню. Два послѣдніе и знаменитый поэтъ-ораторъ Вороничъ пашли даже, можетъ-быть нечаянно и неожиданно, новый родникъ поэтическихъ образовъ и звуковъ, новыхъ мыслей и чувствъ, неизвѣстныхъ Польшѣ старой шляхет-

свой и предвѣстниковъ Польши новой, народной: это былъ родникъ народной поэзіи, глубокой и прозрачный, отъ живой воды котораго такую чудную и вдохновенную силу почерпнулъ затѣмъ Мицкевичъ.

Величайшее изъ золъ политическаго паденія Польши было ея раздѣленіе между тремя государствами или, другими словами, предоставленіе польскихъ земель германскому племени. Россія не была опасна этнографическому существованію Польши; она не была враждебна даже политической ея независимости, что доказываетъ возстановленіе Александромъ I такъ-называемой конгрессовой Польши. Отсюда, изъ Варшавы, изъ Литвы, изъ Украины началось и вторичное возрожденіе польской литературы и науки, болѣе блестящей и оригинальной, чѣмъ въ XVI и XVIII вѣкахъ. Въ Вильнѣ появились въ началѣ двадцатыхъ годовъ два человѣка, изъ коихъ одинъ по справедливости считается высшимъ корифеемъ польской поэзіи и основателемъ новой поэтической школы, а второй имѣеть такое же значеніе въ польской историографіи.

Мы говоримъ о Мицкевичѣ и Лелевелѣ. Они не были безъ предшественниковъ на полѣ своей литературной дѣятельности. Кохановскій отчеканилъ польскій стихъ; Красицкій далъ ему удивительную гибкость и легкость, а Нарушевичъ — силу и изобразительность. Бродзинскій разрушилъ оковы французскаго псевдоклассицизма и открылъ въ польскую поэзію доступъ съ одной стороны корифеямъ новогерманскаго романтизма, а съ другой — мотивамъ и сюжетамъ славянской народной поэзіи. Мицкевичу предстояло собрать разсѣянные лучи и преломить ихъ въ призмѣ своего гения, чтобы затѣмъ звѣздой первой величины заблестѣть на горизонтѣ польской литературы.

Точно также не мало знаній, труда и талантовъ положено было предшественниками Лелевели на сооруженіе зданія отечественной исторіи; но онъ первый обнялъ всѣ проявленія государственной, общественной и народной жизни въ тысячелѣтній періодъ существованія Польши, указавъ методы и способы обработки громаднаго историческаго матеріала, однимъ словомъ основалъ историческую школу.

Эти два лица первенствуютъ не только по времени, но и по силѣ таланта и по размѣрамъ дѣятельности въ новопольской литературѣ и наукѣ. Надобно, впрочемъ, сказать, что, подобно лите-

ратурѣ и наукѣ сигизмундовскаго времени, ново-польская не вполне свободна отъ тенденцій политическихъ или религіозныхъ, и въ этомъ, быть-можетъ, не повинны ея основатели.

Мицкевичъ былъ великій поэтъ не только въ польской, но и въ общеевропейской литературѣ. Кромѣ чудной прелести, гармоніи и силы рѣчи, чрезвычайно яркаго и блестящаго колорита образовъ, полныхъ нѣги, страсти и огня, его произведенія въ высокой степени оригинальны по содержанию и направленію. Можно упрекать его за чрезмѣрное увлеченіе шляхетской стариной, за идеализацію старопольскаго быта, за очень опасную и двусмысленную политическую тенденцію и мораль имъ проповѣдываемую; но нельзя отказать ему въ неотразимой силѣ выраженія, широкомъ размахѣ мастерской вѣсти и чрезвычайномъ разнообразіи, богатствѣ и типичности образовъ и картинъ, характеровъ и положеній. Въ Пушкинѣ больше художественной мѣры и классической простоты и законченности; Мицкевичъ болѣе образенъ, страстенъ, размашистъ, но эксцентриченъ, парадоксаленъ и, такъ-сказать, стихіенъ.

Замѣчательный поэтический талантъ обнаружили еще два поляка, которые, составляя школу Мицкевича, нерѣдко подымались до одинаковой съ нимъ высоты: то были Красинскій и Словацкій. Ихъ дарованія были не столь разнообразны и дѣятельность не столь широка и вліятельна; они только до крайности развили то самое направленіе, которымъ шолъ Мицкевичъ; но при этомъ безконечно разошлись между собою. Красинскій взялъ положительную сторону Мицкевича, его религіозное міросозерпаніе; Словацкій же — отрицательную, протестъ противъ существующаго, но во имя не польскаго прошлаго, какъ Мицкевичъ, а во имя правъ человѣческаго разума. Красинскій писалъ свои гимны, своего «Иридіона» въ Римѣ и о Римѣ, но не безъ отношенія къ польскому прошлому, которое представлялось ему, какъ и Мицкевичу, въ радужныхъ краскахъ утраченнаго счастья. Словацкій тоже поэтъ эмиграціи; онъ только болѣе другихъ эманципировался отъ предрасудковъ и преданій польскаго прошлаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ потерялъ всякую вѣру въ рай и въ адъ, въ добро и зло, болѣе же всего въ идеаль и мечтанія, надъ которыми онъ издѣвается съ сарказмомъ и жолчью Байрова и Гейне. Замѣчательна судьба этихъ трехъ корифеевъ польской литературы. Оторван-

ные от народной почвы, перенесенные в среду хотя привычную их мысли, но чуждую славянскому духу, измученные внутренней борьбой, они постепенно задыхаются в этой иноземной атмосфере и впадают в какой-то фантастический и мрачный мистицизм, галлюцинации и полупомешательство. Подобный конец постигал и многих других польских певцов изгнания, поэтов эмиграции. Самыми знаменитыми из них были Гарчинский и Гоцинский. Первый ярким метеором промелькнул на горизонте польской поэзии, оставив по себе одну блестящую поэму «Вацлав» и возбудив много небывших надежд в самом Мицкевиче. Больше замечательных созданий осталось от Гоцинского, поэта украинского кружка, воспевшего старого козака и грозную его борьбу со шляхетчиной. Видно, что он был воспитан на украинских думах, откуда заимствовала много сильных красок и острых звуков.

К этому же кругу украинских поэтов принадлежат Мальчевский и Залский. Они стоят уже дальше от Мицкевича и, подобно Гоцинскому, черпают свои вдохновения из народной песни, хотя в их шляхетском сознании эта хлопская русская песня отражается довольно своеобразно — совершенно иначе, чем, например, в «Гайдамаках» Шевченка.

Здесь можно бы было упомянуть еще о нескольких польских поэтах галицкого кружка, из которых Блевский, Семенский и Ленартович относятся тоже к числу писателей народного направления; но по своему таланту они менее значительны и оригинальны. Почти тоже должно сказать о литвине Кондратовиче (Сыромлю).

Вообще, с конца 40-х годов поэтическая струя польской литературы постепенно сакнет и почти окончательно прекратилась в наше время. В замѣн того развивается роман и повесть — историческая и бытоописательная. В этой области создали себе литературное имя Бернатович, Корженевский, Качковский и, в особенности, Крашевский, польский Дюма, написавший более 200 томов повестей, романов, эгюдов литературных и даже ученых сочинений. При чрезвычайной производительности, он не мог давать надлежащей отдачи своим изданиям, представляющим, впрочем, важный материал для характеристики разных слоев современного польского общества, которое Крашевский изучил

такъ подробно и изобразил во многих случаях такъ мастерски.

Переходя от литературы к науке мы замѣтимъ, что сила толчка, данного послѣдней Лелевелемъ, была столь значительна, что она увлекла все почти ученые силы страны на поприще историографии, в самом обширном ее значении, обнимающем историю литературы, права, церкви, государства и т. д. Вне этого круга и довольно самостоятельно развился и действовал только знаменитый польский критик Мохнацкий, преемник Бродзинского, имевший в польской литературе почти такое значение, как у нас Бѣлинский. С легкой руки Лелевеля в Польше появилась как бы магия в историческим изысканиям. Главными их центрами стали Львовъ, Бракъ, Бреславль и Варшава, а отчасти Вильна и Петербургъ.

Критицизм и серьезное отношеніе къ историческому материалу развивались, а съ нимъ и безпристрастіе въ оцѣнкѣ своего прошлаго. Главныя силы обращены были на изданіе исторических источниковъ и памятниковъ. Если сравнить правленныя изданія Рачинского съ добросовѣстными Дзялынського и Блевського и учеными Гельцеля, то можно замѣтить значительный успѣхъ въ этомъ отношеніи. Если нѣкоторые изслѣдователи и увлекаются еще предвзятыми теоріями и предразсудками политическими или религиозными, какъ, напримеръ, Духинский или Дзѣдушницкий, то зато другіе вполне от нихъ свободны, какъ Иосифъ Лукашевичъ, Зубрицкий, Ярошевичъ и многіе другіе.

Въ лицѣ Шайнохи польская историография нашла наконецъ человѣка съ сильнымъ описательнымъ талантомъ, и хотя онъ нечуждъ нѣкоторой парадоксальности и поэзии въ наукѣ, но зато ее пріобрѣтенія и результаты становятся этимъ способомъ достоинствомъ всего читающаго общества, народа. Являлись опыты и цѣльнаго философскаго обзора фактовъ отечественной исторіи, напримеръ Морачевского, но, повидимому, для подобныхъ трудовъ не приспѣло еще время, такъ какъ критическая разработка частныхъ всегда должна предшествовать философскому ихъ сѣпленію и обобщенію.

Въ лицѣ, наконецъ, Мацѣевского и Малиновскаго современная польская наука имѣетъ людей, которые вышли за предѣлы польской литературы, изучая польское право и языкъ сравнительно со всеми другими славянскими, подобно Суро-

вещному и Линде, что знаменует уже новую эпоху, когда литература польская сольется с общеславянской.

Подведем итоги нашего обзора почти тысячелетней духовно-литературной деятельности поляков. Несомненно, что по своим размерам и внутреннему достоинству, польская наука и литература самая значительная между славянскими, за исключением разве русской, которая может с ней поспорить. Несомненно и то, что эта литература, органически развиваясь из известных начал, в определенном направлении, дошла до последних своих результатов, завершила полный круг генетического развития и представляет собою законченное целое. Но в природе физической и духовной нет исчезновения, а лишь преобразование, и в непрерывной цепи органического развития людей и народов конец одного звена перекрещивается с началом другого: завершила свой круг и преставилась литература старая, католическо-шляхетская, но зарождается и начинает фазу нового развития литература народная, польско-славянская литература будущего. Нет сомнения, что она будет настолько оригинальнее по содержанию, свободнее по выражению, богаче и разнообразнее старой, настолько народ сильнее, живучее, даровитее и, наконец, справедливее социальности или касты. Что теряла польская образованность, замыкаясь в среде одного сословия,

видно из тех немногих, но блестящих выскочек некультурных сословий, которые по временам пролагали себе путь в среду шляхетскую силою своего дарования и знаний. Из мещан происходили Григорий из Санока, Мухомитъ, Кромеръ, Дантышекъ, Яницкій, Марыцкій, Шимоновичъ, Кленовичъ, Морштыны, Несецкій, Сташиць.

Если базой дальнейшего развития польской литературы и государства будет вся девятимиллионная народная масса, вместо восьми сот тысяч ее самозванных представителей, то очень понятно, что эта культура будет десять раз устойчивее, продолжительнее, богаче. Народ, привыкший к труду, не будет с таким высокомерием относиться к чернорабочей ученой деятельности, к усидчивому и настойчивому умственному труду, который шляхетские блоручки предпочитали предоставлять низшим расам, как-то немцам.

Новая польская культура, имѣющая развиваться на почве народной, славянской, не может быть в противоречии с другими славянскими и первенствующею в их среде русскою. Итак обновление польского народа в отношеніях литературномъ, социальномъ и политическомъ может произойти единственно и исключительно на почве народности и панславизма.

А. Будилевичъ.

ПОЛЬСКІЕ ПОЭТЫ.

Я. КОХАНОВСКІЙ.

Янъ Кохановскій, пращуръ польской пѣсни и отецъ литературнаго польскаго языка, родился въ 1530 году въ Сичинѣ, въ Сандомирскомъ воеводствѣ. Весь родъ Кохановскихъ отличался поэтическимъ дарованіемъ: родной братъ его переводилъ «Энеиду» Виргилія, двоюродный писалъ мелкія стихотворенія, а племянникъ перевелъ «Освобожденный Иерусалимъ» Тасса и «Неистоваго Орланда» Аріоста. Двадцати лѣтъ отъ-роду, Кохановскій отправился за-границу, гдѣ прожилъ семь лѣтъ, преимущественно въ Италіи и Франціи, учился въ Падуѣ, посѣтилъ Венецію, Римъ, долго жилъ въ Парижѣ, гдѣ подружился съ извѣстнымъ французскимъ поэтомъ Ронсаромъ, и въ 1557 году возвратился въ Польшу. Король Сигизмундъ-Августъ пожаловалъ ему почетное званіе дворянина и почетный титулъ королевскаго секретаря, а другъ его, вице-канцлеръ Мышковскій, выхлопоталъ ему нѣсколько церковныхъ бенефіцій и прелатуру въ капитулѣ познанскомъ, сопряженныя съ хорошимъ доходомъ; но, не смотря на всѣ старанія Мышковскаго, Кохановскій не вступилъ въ духовное званіе, не чувствуя къ тому никакого призванія, и предпочелъ блестящей карьерѣ скромную, тихую жизнь частнаго человѣка. Онъ покинулъ дворъ, отказался отъ бенефіцій, женился и поселился въ родной вотчинѣ своей Чернолѣсѣ. Когда, при Баторіѣ, товарищъ Кохановскаго по Падуанскому университету Замойскій предложилъ Кохановскому одно изъ сенаторскихъ мѣстъ — васселявію полинецкую — Кохановскій отклонилъ это предложеніе, сказавъ, что не желаетъ впускать

въ свой домъ надмѣннаго кастеляна, который растратитъ все тѣ, что онъ, бѣдный шляхтичъ, собралъ своими трудами.

Любовь современниковъ къ Кохановскому была безпредѣльна; онъ слылъ княземъ поэтовъ, и каждый полякъ былъ твердо увѣренъ въ томъ, что Польша не имѣла никогда и не будетъ имѣть равнаго ему поэта. Онъ писалъ много и во всѣхъ родахъ. Изъ эпическихъ произведеній Кохановскаго лучшіе: «Шахматы», подражаніе итальянскому поэту Виду, «Сусанна», повѣсть взятая изъ Библии, «Знамя» и «Походъ на Москву»; также весьма замѣчательна его драма «Отпускъ пословъ греческихъ», написанная имъ для Замойскаго, по случаю его свадьбы съ племянницею Баторія, и разыгранная въ 1578 году передъ королею Баторіею въ Уяздовѣ, близъ Варшавы. Но тотъ родъ поэзіи, которымъ Кохановскій оказалъ огромное вліяніе на современниковъ и въ которомъ онъ достигъ совершенства и сдѣлался на два съ половиною столѣтія образцомъ для послѣдующихъ поэтовъ, была — лирика. Онъ сдѣлалъ полный переводъ псалмовъ Давида (1578), лучшій ихъ всѣхъ, существующихъ досихъ поръ, а также перевелъ пѣсни Анакреона, Сафо и оды Горация. Къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ Кохановскаго принадлежитъ собраніе его «Бездѣлокъ», изданное въ годъ его смерти. Конецъ жизни Кохановскаго омраченъ былъ раннею смертью любимой дочери поэта Урсуды, которую онъ называлъ *славянскою Сафою* и которой онъ надѣялся передать свою лиру въ наслѣдство. Кохановскій скончался въ 1584 году и погребенъ въ фамильномъ склепѣ, въ Зволенѣ.

I.

НЕ ТЕРЯЙ НАДЕЖДЫ!

Въ мірѣ что ни дѣйся —
Смертный все надѣйся!
Солнце не однажды сызнава взойдѣтъ;
Послѣ непогоды ярче день блеснѣтъ.

Глянѣ: лѣса раздѣты
До-нага; скелеты
Отъ деревъ остались; не цвѣтутъ поля;
Холодно; снѣгами кроется земля.

Тѣмъ еще утѣшнѣй
Будетъ праздниѣкъ вешній;
Вновь міръ будетъ скоро солнышкомъ согрѣтъ,
Радужно раскрашенъ, зеленью одѣтъ.

Грусть и утѣшенъе
На землѣ — въ смѣшенѣѣ;
Если жъ скорбѣ или радость черезчуръ сильна —
Знай, что тѣмъ скорѣе перейдетъ она.

Человѣкъ предъ всѣми
Гордъ въ благое время,
А какъ дастъ фортуна по носу щелчокъ —
Голову понурилъ онъ и изнемогъ.

Нѣтъ! при всякомъ часѣ
Духъ имѣй въ запасѣ
И всегда будь ровенъ! Жребій въ свой чередъ
Пусть даетъ что хочетъ и назадъ берѣтъ!

Не вмѣняй въ утрату
Что еще возврату
Можетъ быть доступно! Въ часъ и въ мигъ одинъ
Возвратить все можетъ горній Властелинъ.

В. Бенедиктовъ.

II.

ИЗЪ «БЕЗДѢЛОКЪ».

I.

ЭПИТАФІЯ СОБѢХУ.

Здѣсь спитъ златой телецъ, почтенный мужъ
Собѣхъ,
Тугой своей кисой любовь снискавшій всѣхъ.

За-что, подумаешь, былъ славенъ въ самомъ дѣлѣ!
Не онъ вѣдь деньгами, а деньги имъ владѣли.

2.

НОСАТОМУ ПРИЯТЕЛЮ.

О ты, чей длинный носъ — король между носами!
Будь солнечными намъ пожалуста часами:
Разинь на солнцѣ ротъ — узнаемъ мы сейчасъ
По тѣни на зубахъ твоихъ который часъ.

3.

НА ГРОБѢ ХИМЪЛЕВСКАГО.

Борей и океанъ, свою натужа грудь,
Со свѣта бѣлаго меня рѣшили съду —
И точно сдунули: повравъ въ ключки вѣтрило
И мачту сокрушивъ, волна меня прибила
Къ утесу голому на утлой лишь доскѣ;
Кругомъ — ни былія! Зарылся я въ пескѣ
И сплю себѣ... а ты, отважно въ океанѣ
Носящійся пловецъ, меня въ примѣръ заранѣ
Возьми и впередъ себя ты приучи
Вдали распознавать волненъя и смерчи.

4.

ЭПИТАФІЯ ПЕТРУ.

Намѣсто надписи картину здѣсь охоты
Велѣлъ я вырѣзать: взглянувъ, всякъ знаетъ,
кто ты,
Почившій вѣчнымъ сномъ подъ камнемъ хлад-
нымъ симъ.
Но какъ, скажи мнѣ, Петръ, тебя мы воскресимъ,
Коли придетъ сюда часаться звѣрь безъ страха,
Иль сядетъ на тебя невѣсть какая птица?

5.

НА МОИ «БЕЗДѢЛКИ».

Найдешь «бездѣлки» здѣсь, мой другъ, ты всякой
масти,
Что кладка въ крѣпостяхъ: гранитъ въ передней
части,
Которая слыветъ у техниковъ *редутъ*;
А далѣе кирпичъ съ булыжникомъ кладутъ;
Въ серѣдкѣ жъ, по валамъ — тамъ мало ль что
кладется:
Песчаникъ, известнякъ и мусоръ — что придется...

6.

О ДОКТОРЪ ИСПАНЦЪ.

Спать уходитъ докторъ, говорить, что ужинъ
Вреденъ для желудка и ему ненуженъ.
Ладно, пусть уходитъ: мы вѣдь и въ постели
Доктора отыщемъ — и достигнемъ цѣли.
Только столъ оконченъ — всею мы гурьбою
Къ доктору-испанцу, взявъ вина съ собою,
Высадили двери: «здравствуй, докторъ милый!
Пей по доброй волѣ, иль заставимъ силой!»
Докторъ раскраснѣлся, что твоя невѣста,
Говорить: «пожалуй, рюмкѣ будетъ мѣсто!»
Знаемъ мы натуру доктора тугую:
Наливаемъ рюмку, налили другую,
Налили и третью, налили четверту,
А потомъ всѣ въ голось: «братъ-я, счоти къ чорту!»
Говорить намъ докторъ: что за случай странный:
Лѣгъ совсѣмъ я трезвый, всталъ же точно пьяный!»

Н. Бергъ.

С. ШИМОНИЧЪ.

Симонъ Шимоновичъ, сынъ городского ратмана изъ Брезинъ, родился въ 1557 году. Онъ получилъ воспитаніе въ Краковской академіи, потомъ ѣздилъ въ Италію и во Францію, гдѣ подружился съ знаменитымъ гуманистомъ Иосифомъ Скалигеромъ, котораго совѣты имѣли рѣшительное вліяніе на его будущую литературную дѣятельность. По возвращеніи изъ-заграницы, Шимоновичъ поступилъ въ секретари къ канцелеру Яну Замойскому и много содѣйствовалъ ему въ учрежденіи академіи въ Замостьѣ, за что тотъ исходатайствовалъ Шимоновичу шляхетство и почетный титулъ королевскаго поэта. Шимоновичъ умеръ въ глубокой старости въ 1629 году. Его произведенія распадаются на два отдѣла: латинскія оды и польскія идилліи. Оставимъ всторонѣ оды и обратимся къ идилліямъ. Изучивъ основательно идилліи греческихъ и латинскихъ поэтовъ и весь проникнувшись ими, онъ началъ съ простыхъ переводовъ изъ Теоокрита, Вергилія и Овидія и съ таковыхъ передѣлокъ и подражаній, въ которыхъ все содержаніе оставалось антично и только пастухамъ и пастушкамъ давались славянскія имена. Но Шимоновичъ

скоро замѣтилъ эту несообразность и сталъ брать темой для своихъ идиллій нравы дѣйствительныя, а не воображаемыя, идеализируя ихъ по возможности, то-есть — писать картины изъ сельскаго быта. Не смотря на важныя недостатки идиллій Шимоновича, въ главѣ которыхъ стоитъ отсутствіе наивности и простоты, нѣкоторыя сцены поражаютъ своимъ реализмомъ, воспроизведеніемъ въ художественной формѣ народныхъ представленій и понятій, какъ напримѣръ, въ идилліяхъ «Чары» и «Каравай», а жалобы, влагаемыя имъ въ уста простого народа на его горькую судьбу, какъ въ идилліяхъ «Пастухи», «Жницы» и другія, обнаруживаютъ въ авторѣ не только художника, но и человѣка съ направленіемъ, мужественнаго гражданина.

Ж Н И Ц Ы.

о л е с я.

Ужь поодень — мы все жнѣмъ съ разсвѣта, какъ
очнулись!

Иль хочеть староста, чтобъ здѣсь мы растянулись?
Голоднаго никакъ, знать, ситый не поймѣтъ!
Ишь, съ плетью ходитъ онъ то взадъ, а то впередъ
По нашимъ бороздамъ, не вѣдая, что значить
Въ зной жать согнувшись; вѣдь и ворона скачетъ
За плугомъ и плугарь тащится, а кому
Тяжеле всѣхъ изъ нихъ? — коню лишь одному!
Такъ тяжести въ серпѣ поболѣе чѣмъ въ плети.

п е т р у х н а.

Оставить бы тебѣ, сестра, ученья эти:
Не-то услышитъ онъ и съ плетью тутъ-какъ-тутъ.
Другія не ворча спокойно жнутъ да жнутъ
И цѣлня домой за-то уносятъ спины.
Что проку, посуди, быть битой безъ причины!
Вотъ я — такъ съ нимъ въ ладу: всегда его хвалю,
А все изъ-за чего? — быть битой не люблю.
Дай лучше запоёмъ! хоть пѣсня въ горлѣ стрянетъ,
Да дѣлать нечего: авось добрый онъ станетъ.
«Ахъ, солнце-солнышко! Златое око дня!
Умный ты старосты лихова у меня:
Ты знаешь, солнышко, когда въ тебѣ потреба:
Уходишь ночью спать, а днемъ намъ свѣтишь съ
неба;
Ему же мало дня: онъ хочеть, чтобъ и въ ночь
Свѣтило ты какъ днѣмъ, не уходило прочь.
И такъ весь день-деньской мы жнѣмъ ему да па-
шемъ.

Не будешь, староста, ты краснымъ солнцемъ нашимъ!

Обиды отъ тебя мы все-таки свесѣмъ
И красную тебѣ дѣвцу припасѣмъ:
Пусть будетъ ужь одна, чѣмъ такъ тебѣ слоняться
И разомъ за пятью красотками гоняться!»

СТАРОСТА.

Эй! жать тамъ, не зѣвать! Проворнѣй и спорнѣй!
За-то погудновать пушу васъ поскорнѣй.
Вы все болтаете, Петрухна и Олеся!
Пой лучше, нежели ворчать тамъ, носъ повѣся!

ПЕТРУХНА.

«Ахъ, солнце-солнышко! Златое око дня!
Умнѣй ты старосты лихова у меня:
День за день, круглый годъ свое ведѣшь ты дѣло —
Онъ хочетъ, чтобы все въ единый мигъ поспѣло;
Ты, солнце, то печѣшь, то вѣтру дашь дохнуть
И чола освѣжить намъ жаркія и грудь —
А онъ не дастъ присѣсть: весь день серпами ма-
шемъ...

Не будешь, староста, ты краснымъ солнцемъ нашимъ!

Мы знаемъ, староста, что у тебя болитъ,
Но боли той никто изъ насъ не утолитъ
Тебѣ, хотя бъ съумѣлъ; да не гляди такъ кисло!
Ахъ, еслибъ у тебя кой-что какъ плеть повисло!»

СТАРОСТА.

Эй, жать тамъ, не зѣвать! Работать не ворча!
И ты съ охотой бы другого курбача
Отвѣдала, я чай, Петрухна? Знаю, знаю...
Работай! Нешутя тебѣ напоминаю!

ПЕТРУХНА.

«Ахъ, солнце-солнышко! Златое око дня!
Умнѣй ты старосты лихова у меня:
То въ тучу кроешься, то снова свѣтнись ярко —
А намъ отъ старосты весь день какъ въ банѣ
жарко:

Весь день какъ туча онъ, съ зари и до зари,
И въ очи страшныя ему не посмотри.
Ты, солнце ясное, служа небесъ красною,
Даешь твоей землѣ упиться въ ночь росю;
Поутру вновь росой намъ брызжешь съ небеси —
А мы у старосты воды не принеси
Себѣ въ полдневный зной, ни каравая хлѣба.
Не будешь, староста, ты солнцемъ середь неба!
И замужъ за тебя молодка не пойдѣтъ:
Ославимъ мы тебя лихимъ на весь народъ

И въ жоны старую дадимъ тебѣ мы бабу,
Совсѣмъ беззубую, противную какъ жабу;
Вотъ будетъ посмотрѣть, какъ ляжете вы спать
И вздумаетъ тебя та баба цаловать!»

О Л Е С Я.

Счастливъ, сестра, твой Богъ, что староста далѣко
И на другихъ теперь наводитъ злое око.
Такія пѣсни пѣть ему ты не могли,
Не-то на красные достанешь сапоги,
Иль пестряди такой задасть тебѣ онъ въ спину...
Смотри, какъ подчуешь онъ бѣдную Марину,
Хотя чуть-чуть жива: цѣлешенькую ночь
Въ постелѣ провела; работать ей не въ мочь,
Да силой выгнали, не староста — хозяйка.
И вотъ опять пошла гулять по ней нагайка,
А все за что, спроси: за длинный за языкъ:
Марина любить всѣмъ отрѣзать напрямикъ
И зачастую въ споръ вступаетъ съ господами;
А лучше бъ языкѣкъ держала за зубами.
Плохія шутки тутъ, хоть нѣтъ вины ни въ чѣмъ!
Ты слово старостѣ, а онъ тебя бичѣмъ —
И будешь къ вечеру съ лихимъ магарычѣмъ!

ПЕТРУХНА.

Ты правду говоришь, Олеся: нынче шутить,
А завтра онъ тебя опять согнѣтъ и скрутитъ:
Часъ часу неровѣнъ! Но онъ бы ничего,
Да вотъ хозяйшкѣ — Богъ съ нею — у него:
Вертнись имъ такъ-и-сякъ и просто за носъ водить;
На что ни поглядишь, все по ея выходитъ;
Сердита ль на кого — и онъ безъ дальнихъ словъ
Давай того пушить: со свѣту сжить готовъ.

О Л Е С Я.

Да, подлинно! На дняхъ у нихъ мы лѣтъ чесали;
Двѣ огородницы со старостой болтали
О чѣмъ-то въ сторовѣ: она подслушай ихъ,
Да вдругъ какъ налетитъ изъ сѣнцевъ изъ своихъ
И ну обѣихъ бить. Онъ — прочь: ему нѣтъ дѣла.
Ужъ такъ-то имъ она, бѣднягой, овладѣла!
Побивъ порядкомъ тѣхъ, накинудась на насъ
И что твоя змѣя шипѣла цѣлый часъ.

ПЕТРУХНА.

Откодь, подумаешь, взялось все это, Боже!
Диви бы человекъ: какъ мы, холопка тоже!
Вдругъ стала что за фря! Старѣе всѣхъ старухъ,
А выйдетъ на село, разрядится вся въ пухъ:
И левты алыя, и фартукъ съ фалборами...
Изъ всѣхъ хлопочетъ слязъ туда жъ за господами

Съ ужимкой говорить — и хрючетъ какъ свинья.
 А паренѣшница какая, мать моя:
 Всѣхъ парней поѣдомъ, казалось бы, поѣла!
 Влюбилась въ одного недавно, ошала!
 Совсѣмъ, хотъ умирать: знахарку позвала;
 Та съ угля ей воды нашопанной дала
 Напиться, а не-то — подѣ образа въ ту жь пору.
 Чтѣ было на селѣ объ этомъ разговорѣ!
 А староста? На все глядитъ сквозѣ пальцы онѣ:
 То жь бабой этою какъ лѣшимъ обойдѣнь...
 Гадаючи встаетъ она и спать ложится —
 Не вѣришь? я тебѣ готова побожиться...

О ЛЕСЯ.

Чего! Я видѣла однажды и сама
 Ее совсѣмъ нагой, хотъ то была зима:
 На зорькѣ выгѣзла она ползкомъ изъ хаты —
 Откогѣ ни возъмьсь, самъ дьяволъ тутъ рогатый...
 А гдѣ ввязался онѣ, ужь тамъ добру не быть!
 Съ однимъ лишь Господомъ спокойно можно жить;
 Защитникъ намъ одинъ — Всевышній! А безъ Бога,
 Присловье говорить, не смѣй и до порога!

ПЕТРУХНА.

А дьяволъ на одни наводитъ лишь грѣхи:
 Вотъ лѣтось падалъ скотъ, а нынче пѣтухи
 Да куры дохнуть все, хотъ крупъ имъ сынъ перловыхъ;
 Цыплятъ ни одного не выклюнулось новыхъ —
 Все это отъ чего? Все дьяволъ, все-то онѣ!
 Въ хлѣвахъ и во дворѣ бѣда со всѣхъ сторонѣ!

О ЛЕСЯ.

Что онѣ всему виновъ, я съ этимъ не согласна:
 По мнѣ такъ на него ссылаться тамъ напрасно,
 Гдѣ просто недосмотръ и лѣбность. Совершай
 Все съ Богомъ, а сама однако жь не плошай!
 Что лѣтось падалъ скотъ, что не вкдюють цыпляты,
 Повѣрь: не дьяволъ тутъ, а бабы виноваты.
 Коль вѣтромъ у иной набита голова —
 Какъ изъ пустыхъ хоромъ, оттуда лишь сова
 Наружу вылетитъ. Плохое это дѣло,
 Когда бы на печи иная все сидѣла,
 А въ печку заглянуть, корову подомитъ
 Самой, иль огурцовъ подѣ осень насолить —
 Куда! За-то въ корчму бѣжимъ мы чтѣ есть духу
 И въ танцахъ съ парнями летаемъ легче пуху:
 Привскочимъ — потолка чуть не достанемъ лбомъ;
 Распустимъ фолбары — по хатѣ пылъ столбомъ.

ПЕТРУХНА.

Я тоже думаю: хозяекъ добрыхъ мало;

Счастлива, муженька которая поймала:
 Все въ руку будетъ ей, и не о чемъ тужить;
 А безъ дружка куда на свѣтѣ плохо жить!
 При мужѣ — цѣлый домъ, хозяйство все въ по-
 рядкѣ,
 И жито съ полосы, и овощъ убранный съ грядки,
 И челядь во дворѣ, и курочка сыта,
 И гостю широкѣ открыты ворота.
 Все у хозяйшени заботливой спорится,
 Затѣмъ-что Господа всякъ-часть она боится;
 Кто жь Господа забылъ, тотъ строить домъ на льду
 И быть ему потомъ у дьявола въ аду!

О ЛЕСЯ.

Эге! Да мудрая какая вдругъ ты стала!
 Подобныхъ отъ тебя рѣчей я не слыхала:
 Чтѣ книга говоришь! Признайся: неужель
 Зазнобы и грѣха не знала ты досель?

ПЕТРУХНА.

Иное дѣло я, ино — хозяйка дому!
 Мой грѣхъ одной лишь мнѣ надѣлаетъ погрому,
 А если тамъ подчасъ заврадется бѣда...
 Но видишь: староста опять идетъ сюда.
 Какъ воронъ смотритъ онѣ, нагайку грозно свѣса,
 И слушаетъ. Давай споємъ ему, Олеся!
 «Ахъ, солнце-солнышко! Разсыпь съ небесъ лучи
 И старосту своимъ порядкамъ научи!
 Средь бѣлага ты дня на мѣрѣ сіяешь красной,
 Въ ночь тѣмную лунѣ гулять даешь ты ясной;
 Богъ въ жоны далъ тебѣ красавицу-луну;
 Такую жь староста пускай найдѣтъ жену:
 Какъ ясная луна, красавицу съ достаткомъ.
 Ахъ, солнце, научи его своимъ порядкамъ!
 Какъ ты появишься, то звѣздъ намъ не видать;
 Затеплится луна — горять онѣ опять.
 Такъ все хозяина въ дому покорно волѣ,
 А челядь слушаетъ свою хозяйку болѣ.
 Ахъ, солнце-солнышко! рассыпь съ небесъ лучи
 И старосту своимъ порядкамъ научи!
 Ходя надъ нивами, долами и горами,
 Ты осыпаешь ихъ обильными дарами;
 Ты день приносишь намъ, когда жь уходишь
 прочь —
 На небѣ и землѣ тогда и мракъ, и ночь:
 Такія жь старостѣ пошли о насъ заботы:
 Пусть въ время почить даѣтъ намъ отъ работы!»

СТАРОСТА.

Ну, мастерица ты, Петрухна, пѣсни пѣть!
 Хотя къ тебѣ моя и подбиралась плеть,

Но вышла изъ воды, проказница, ты сухо.
Идите полдничать! ступай и ты, воструха!

Н. Бергъ.

С. ТРЕМБЕЦКІЙ.

Станиславъ Трембецкій родился въ 1730 году въ селенѣ Ястребники, не далеко отъ Кракова. Въ 1752 году онъ вступилъ въ число студентовъ Краковской академіи, гдѣ профессоръ и поэтъ Томецкій имѣлъ большое вліяніе на развитіе его поэтическаго таланта. По окончаніи курса, Трембецкій объѣхалъ Европу и засѣлъ въ Парижѣ, гдѣ вскорѣ перезнакомился съ извѣстнѣйшими тогдашними учеными и писателями французскими, не исключая и знаменитыхъ въ то время энциклопедистовъ, и кончилъ тѣмъ, что нашолъ доступъ къ двору Людовика XV. Продолжительное пребываніе въ Парижѣ обошлось Трембецкому не дешево, что, наконецъ, и побудило его возвратиться домой.

Трембецкій писалъ бойко, имѣлъ тонкій вкусъ и былъ хорошо знакомъ съ латинскими классиками и даже съ мало-читаемыми въ то время старинными польскими поэтами періода Сигизмундовъ. Ему принадлежитъ слава перваго въ свое время стилиста; услуги оказанныя имъ языку — огромны. Самъ Мицкевичъ считалъ его первокласснымъ мастеромъ по отдѣлкѣ стиха, и научился у него многому. Лучшимъ произведеніемъ Трембецкаго считается его описательная поэма «Софіевка», воспѣвающая красоты сада графа Феликса Потоцкаго, устроеннаго этимъ магнатомъ близъ Умани, уѣзднаго города Кіевской губерніи, и стоившаго ему милліоны. Обожатель Станислава Августа, онъ сопровождалъ этого злополучнаго короля по-всюду и даже въ Петербургъ, куда, по смерти Еватерины, король былъ вызванъ императоромъ Павломъ. Здѣсь Трембецкій прожилъ до смерти короля, послѣдовавшей въ 1798 году, послѣ чего воротился домой. Последніе годы своей жизни обѣднѣвшій Трембецкій проживалъ то у Чарторыжскаго въ Грановѣ, то у Щенснаго Потоцкаго въ Софіевѣ, то у Яна Потоцкаго въ Тульчинѣ. Трембецкій умеръ 12-го декабря 1812 года и погребенъ въ тульчинскомъ монастырѣ.

ВОЗДУШНЫЙ ШАРЪ.

Гдѣ только орёлъ быстрымъ лѣтомъ своимъ
Птицъ робкихъ внезапно пугаетъ,
И гнѣвный Юпитеръ огнемъ громовымъ
Воздушную область пронзаетъ —
Глядь — двое изъ смертныхъ летать! Побѣдять
Задумавъ искусствомъ природу,
И опытъ Икара рѣшась повторить,
Взнеслись они къ горнему своду.
Вздымаемый шаромъ раздутымъ, челнокъ
Несетъ ихъ; пловцы не робѣютъ.
Рулемъ управляетъ невѣдомый рокъ,
А вѣтеръ командуетъ. Рѣютъ.
Ужъ дольня зданья чуть видимы. Взглядъ
Иныя встрѣчаетъ картинны
И образы: вмѣсто тѣхъ стройныхъ громадъ
Въ туманѣ мелькаютъ руины.
Король и сенаторъ и пахарь простой
У смѣлыхъ пловцовъ подъ ногами
Смѣшались покрытые пылью густой,
Всѣ ползаютъ тамъ червяками.
Какъ мокраго дѣтскаго пальца слѣдовъ
Порой, на столѣ проведенный,
Таеъ Вислы могучій, шумливый потокъ
Является имъ, измѣненный.
Сбѣгается къ рѣдкой потѣхѣ народъ —
И сколько тутъ кликовъ, вопросовъ!
Летающихъ чаруетъ успѣшный полѣтъ:
По свѣду мыслить философъ.
Природа тройной хотъ стѣной оградись —
Стремящейся въ даль понемногу
И въ глубь человѣческой разумъ и въ высъ
Пробьѣтъ себѣ всюду дорогу.
Онъ дикую силу стихій превозмогъ,
И — съ ихъ ломовымъ произволомъ
Въ бореньи — отъ суши онъ воду отвлѣкъ,
Горамъ повелѣлъ онъ быть доломъ;
Морямъ онъ свои поручилъ корабли;
Средь волнъ, побѣждающій бури,
Сохровица вырылъ изъ нѣдръ онъ земли
И плавать сталъ въ горней лазури.
Плыви, вознесись благороднѣйшій чоланъ!
Силь вражскихъ не бойся удара,
Твой подвигъ славнѣе средь жизненныхъ волнъ,
Чѣмъ подвигъ отважный Бланшара!

В. Бенедиктовъ.

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ «СОФІЕВКА».

Край утѣшный взору! Всѣ плоды земные!
 Молока да мѣду — рѣки разливыя!
 Для коней летучихъ пастбище открыто:
 Прадають со ржаньемъ. А волю, волю-то!
 Сколько ихъ тутъ бродить! что за великаны!
 Здѣсь свой хвостъ тяжелый тучные бараны
 Возять на колѣсахъ. Почва плодотворна
 Такъ, что ей посѣвомъ ввѣренныя зѣрна
 Быстро съ вавилонскимъ размноженьемъ спѣвуть.
 На распашку взглянешь: нивы сплошь чернѣвуть.
 Здѣсь людскою кровью туя земли умножень
 И кусками труповъ щедро переложень:
 Онъ досѣль, сохою взрытъ для жатвы-новой,
 Въ знакъ персидскихъ шествій кажетъ клякъ сло-
 новый.

Азія встрѣчалась тутъ съ мечемъ Европы,
 Съ шляхтой многократно рѣзались холопы,
 Нивы золотыя въ степи обращались,
 Безъ покосу травы дикія сгущались,
 Кроя родъ пнеоновъ — гадинъ ядовитыхъ;
 А потомъ, хоть браней не было открытыхъ,
 Мучили Украину — дщерь любви и нѣги —
 То вторженья Сѣчи, то татаръ набѣги.
 Длинъ миръ немирный; тамъ — торчали пики,
 Тамъ — свистѣли стрѣлы. Безпощадно-дики
 Были силы вражды. Злая эти силы,
 Да разбой, хищенье и сосѣдъ немилый
 Жить въ глуши по-дале часто вынуждали
 Тѣхъ, кто побогаче; въ люди попадали
 И тучнѣли въ благахъ дерзкіе пришельцы,
 Челядь да жолнерство, а землевладѣльцы
 Отъ своихъ доходовъ малыя лишь части
 Еле получали. Нынѣ жь всюду власти
 Прочно утвердились, каждому открыты
 Право и законность, всякъ — не безъ защиты,
 Варварство исчезло, жизнь пошла иная,
 И въ довольствѣ стала сторона родная
 Тѣмъ, чѣмъ быть ей надо. Множество помчалось
 Кораблями всесвѣтныхъ по морю, что звалось
Неостерпимнымъ, чтобъ для всѣхъ потребнымъ
 Запасись зерномъ тутъ сытнымъ, бѣлохлѣбнымъ.
 Сдернута, упала смертная завѣса,
 И, оставъ изъ гроба, принялась Одесса
 Плодъ тотъ, землепашцевъ потомъ окроплѣнный,
 Замѣнять блестящей выручкой червонной.
 Вызваны порядкомъ мудрымъ изъ забвенья —
 Глядь — преобразились бѣдныя селенья,

И пустынный уголь населился — занять
 И все пуще новыхъ поселенцевъ манить...

В. Бенедиктовъ.

А. НАРУШЕВИЧЪ.

Адамъ Нарушевичъ, епископъ Луцкій, поэтъ и историкъ польскій, родился въ 1733 году въ Пинскѣ. Потомокъ древней, но обѣдѣвшей литовской фамиліи, Нарушевичъ съ раннихъ лѣтъ вступилъ въ орденъ іезуитовъ; затѣмъ, посланный за границу, объѣхалъ Италію, Францію и Германію, послѣ чего получилъ каедрю пѣттики, сначала въ Виленской академіи, а потомъ въ дворянской коллегіи въ Варшавѣ. По уничтоженіи ордена іезуитовъ, вслѣдствіе чего Нарушевичъ остался безъ крова и хлѣба, онъ обратился къ королю съ ренованымъ прошеніемъ, въ которомъ, перечисляя свои заслуги, выражалъ надежду, что не будетъ оставленъ монаршею милостью. Король дѣйствительно не оставилъ просьбы Нарушевича безъ вниманія и назначилъ его коадьюторомъ епископа смоленскаго, затѣмъ — епископомъ смоленскимъ и, наконецъ, съ 1790 году, епископомъ луцкимъ. Нарушевичъ знаменитъ и какъ поэтъ и какъ историкъ. Іезуитское воспитаніе пустило глубокіе корни, отъ которыхъ Нарушевичъ никогда не могъ освободиться. Отъ іезуитовъ перенялъ онъ напыщенный и шумно-торжественный слогъ своихъ высокопарныхъ одъ и другихъ лирическихъ стихотвореній, которыя только по языку стоятъ выше панегириковъ XVII вѣка, но по содержанию могутъ смѣло съ ними состязаться. Нарушевичъ плачетъ надъ гробомъ Августа III, и радуется восшествію на польскій престолъ Станислава Понятовскаго; славитъ своихъ благодѣтелей, князей Чарторыжскихъ, ихъ помѣстья, даже сани жены Адама Чарторыжскаго, и пишетъ оды и гимны на бракосочетанія разныхъ магнатовъ, по случаю полученія часовъ или ордена отъ короля, или при поднесеніи ему чернилницы. И не смотря на все это, въ напыщенномъ панегиристѣ жила душа великаго и доблестнаго гражданина, что доказываютъ многія его сатиры, въ которыхъ онъ, какъ проповѣдникъ и наставникъ народа, говоритъ правду просто, безъ прикрасъ и во-все-услышанье. Лучшими сатирами Нарушевича считаются: «Reduty», «Szlachetnos», «Полякамъ стараго времени» и,

въ особенности, «Голосъ Мертвецовъ», въ которомъ онъ предрекаетъ смерть обществу.

Сильный талантъ, выказанный Нарушевичемъ въ сатирахъ, выдается еще рельефнѣе въ его «Исторіи Польскаго Народа», сочиненія весьма замѣчательномъ какъ по плану, такъ и по исполненію. Исполняя желаніе своего царственнаго друга, короля Станислава Августа, предложившаго ему быть королевскимъ исторіографомъ Польши, Нарушевичъ покинулъ въ 1774 году Варшаву и цѣлыя шесть лѣтъ прожилъ въ глуши, среди польскихъ болотъ, за кѣпами ветхихъ бумагъ. Наконецъ, въ концѣ 1779 года Нарушевичъ возвратился въ Варшаву съ готовыми первыми томами своей исторіи. Король помѣстилъ его во дворцѣ и лично слѣдилъ за печатаніемъ этихъ томовъ. Всѣ семь томовъ «Исторіи Польскаго Народа», съ древнѣйшихъ временъ до вступленія на престолъ дома Ягеллоновъ, были изданы въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ, начиная съ 1780 года. Главное достоинство этого капитальнаго труда Нарушевича заключается въ томъ, что онъ рассмотрѣлъ критически прошедшее Польши, отбросилъ сказочную сторону преданій и провѣрилъ источники. Правдивый, полный содержанія рассказъ Нарушевича имѣлъ для Польши точно такое значеніе, какое для русской исторіи повѣствованіе Карамзина. Печатаая свой седьмой томъ, авторъ не подозрѣвалъ, что этотъ томъ будетъ послѣднимъ. Началась политическая сумятица, наступилъ четырехлѣтній сеймъ, въ которомъ долженъ былъ засѣдать и Нарушевичъ, какъ епископъ лудскій: гдѣ тутъ было заниматься сочиненіемъ исторіи! Въ послѣдній разъ Нарушевичъ имѣлъ свиданіе съ королемъ въ Семятичахъ, въ декабрѣ 1793 года, когда король возвращался съ Гродненскаго сейма: король совѣтовалъ ему продолжать начатый историческій трудъ; Нарушевичъ съ негодованіемъ замѣтилъ, что ему не для кого писать, и потому онъ не возьметъ пера въ руки. Правственныя страданія окончательно разстроили здоровье Нарушевича и ускорили его кончину, которая послѣдовала въ 1796 году.

I.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ГОЛОСЪ МЕРТВЕЦОВЪ».

Расторгнувъ связь любви и мира, какъ дитя —
Тѣхъ благъ, что подъ щитомъ верховной власти
слиты —

Вы разбѣжались врознь, какъ стадо безъ вождя,
Лишонные всего — и крова и защиты.
Не бьются въ васъ сердца для общаго добра:
Настала клеветы и подлости пора.

Не знаемъ мы утѣхъ ни мира, ни войны
Съ-тѣхъ-поръ какъ отъ главъ всѣ члены отдѣлились;
Ѧемида острый мечъ свой спрятала въ ножны,
Торговля умерла, работы прекратились,
Солдаты забыли войну, король — свой долгъ и санъ,
Панъ на крестьянъ валѣгъ, священникъ на карманъ.

Сокровища страны и прежнихъ королей
Растрчены въ тиши изъ подлога тщеславья;
Въ дворцѣ снуютъ толпы разряженныхъ вралей,
Влачащихъ жалкій вѣкъ подъ бременемъ безславья;
Коронное добро разсѣялось, какъ дымъ,
И вѣтеръ лишь свиститъ по замкамъ нежилымъ.

Подъ сѣплетромъ однимъ ведомые полки
Несмѣтностью своей народы изумляли.
Для нихъ свои дары сплавляли двѣ рѣки
И земли двухъ морей предъ ними трепетали.
Теперь нѣтъ ни бойцовъ, ни славы боевой;
За-то вождей въ чинахъ конецъ непочтой.

Когда на рой птенцовъ разящую стрѣлой
Спускается орѣлъ съ разверстыми когтями,
Весь этотъ шумный рой у матери одной
Скрывается, шума, подъ теплыми крылами —
И эти перья вы рѣшили оборвать;
Но чѣмъ же васъ теперь прикроетъ эта мать?

Правленія нигдѣ во-вѣкъ не увидать
Такого, какъ у насъ, съ такими чудесами.
Зачѣмъ монаршему величію сіять,
Когда подъ маской той безсилъе передъ нами?
Зачѣмъ искать владыкъ цѣною дорогой,
Когда всѣ короли пылаютъ къ намъ враждой?

Когда король — отецъ, чего жъ его корятъ?
Когда король — монархъ, то гдѣ же подчинѣнность?
Когда — верховный вождь, чего жъ онъ безъ солдатъ?
Когда король — судья, гдѣ жъ правда и законность?
Безумна та страна, что тамъ ни говори,
Гдѣ вѣнценосцы лишь по имени цари.

Блуждающій табуны гербовыхъ голышей!
Склоняясь во прахъ предъ хитрыми вождями,
Не знаешь ты, какъ зло надъ простотой твоей
Сибьются хитрецы, и сеймики годами

Срывають и клеять — и въ выгодѣ одни.
Свободы ищешь ты: свободны жь лишь они.

Ты за стаканъ вина, за вѣжливый поклонъ
Спокойно продаешь отцовскую свободу;
Охрипнувъ отъ рѣчей, направленныхъ на тронъ,
Ты выбираешь въ сеймъ пословъ, вождемъ въ угоду.
Не для тебя они удатъ твоей удой;
Теперь ты пашешь самъ: начнутъ пахать тобой.

Н. Гвргвль.

II.

СОВѢТЪ ЗВѢРЕЙ.

Слышно, что гдѣ-то въ краю отдаленномъ, пустыньномъ,

Въ Африкѣ, въ царствѣ звѣриноиъ,
Между когтистыхъ звѣрей и обутыхъ въ копыта
Сладилась Рѣчь-Посполита.

Всѣ у *ихъ мосцей* при самомъ правленья началѣ
Шло въ надлежащемъ порядкѣ;

Жили всѣ мирно; дѣла всѣ рѣшались правдиво—
Такъ-что и людямъ на диво.

Волкъ на добычу не шолъ, пробираясь сквозь лозы:
Цѣлы и овцы и козы!

Грнзться сперва человекъ съ человекѣмъ пустился:
Звѣрь у него научился.

Но недостатокъ въ казнь оказался однажды:
«Вносомъ поможетъ пусть каждый!»

Общество требуетъ. Тамъ, гдѣ всѣ шло полюбовно,
Подать платили всѣ ровно;

Слабыхъ, убогихъ стѣснять воспрещали законы:
Тотъ, кто имѣлъ миллионы,

Вровень платилъ съ бѣднякомъ и свой голосъ
Каждый имѣлъ, и боролось

Мнѣніе съ мнѣніемъ на сеймѣ. Въ собраньѣ
Слонъ теферъ началъ воззванье:

— «Граждане! къ вамъ моя рѣчь здѣсь въ публичной бесѣдѣ,

Къ вамъ, о козы и медвѣди,

Свиньи, волы и ослы! Именитые звѣри
Въ полной величія мѣрѣ!

Всѣмъ чтобъ равно помогать намъ пришлось безъ
уклонокъ,

Всякъ, будь-то левъ или ягненокъ,

Въ случаѣ кривды малѣйшей, закону противной,
Скарбу пусть жертвуетъ гривной!

Деньги большія въ казну черезъ это внесутся,
Страсти жь дурныя — уймутся.»

— «Это прекрасно!» сказала лисица сѣдая,
Рыжий свой хвостъ выправляя.

«Но, мнѣ сдается, что больше окажется сбору,
Ежели всякъ безъ разбору,

Послѣ различныхъ достоинствъ своихъ перечѣту
Съ каждаго дастъ хоть по злоту:

Всѣ вѣдь охотно свои выставляютъ заслуги,

А на повинную — туги.»

В. Бенедиктовъ.

И. КРАСИЦКІЙ.

Игнатій Красицкій, епископъ вармійскій и славный польскій писатель, родился въ 1735 году въ мѣстечкѣ Дубецкѣ, въ Галиціи. Будучи старшимъ сыномъ и любимцемъ набожной матери, онъ предназначался къ духовному званію, и потому еще ребѣнкомъ былъ отданъ на воспитаніе іезуитамъ въ Львовѣ. По смерти отца, онъ былъ отправленъ своимъ опекуномъ въ Римъ для дальнѣйшаго образованія. Вернувшись на родину подъ конецъ царствованія Августа III, Красицкій сталъ быстро подниматься по ступенямъ церковной іерархіи. Въ Варшавѣ Красицкій подружился съ молодымъ столяникомъ литовскимъ, Станиславомъ Понятовскимъ, которому дяди его Чарторижскіе прочили польскій престолъ. Сдѣлавшись королѣмъ, Понятовскій назначилъ Красицкаго президентомъ малопольскаго суда. Съ 1766 года Красицкій началъ испытывать свои силы и на литературномъ поприщѣ, помѣщая статьи въ журналѣ «Мониторъ». Но всего болѣе онъ отличался на литературныхъ вечерахъ, у себя въ домѣ, куда собиралась вся знать и гдѣ бывалъ самъ король.

По смерти епископа вармійскаго, тридцатилѣтній Красицкій получилъ это богатое епископство, съ прибавленіемъ княжескаго титула. Молодой князь-епископъ поселился въ Варшавѣ и предался со страстью любимому своему занятію — литературѣ, хотя время не вполне благоприятствовало литературнымъ трудамъ — время барской конфедерации. Смуты улеглись съ первымъ раздѣломъ Польши, при которомъ Вармія отошла къ Пруссіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ окончилась и политическая дѣятельность Красицкаго, и онъ тѣмъ съ большимъ рвеніемъ посвятилъ всего себя литературѣ. Его басни, сатиры, посланія и по-

вѣсти расходились по рукамъ и читались публикою съ величайшею жадностью. Обыкновенно онъ жилъ въ Гейльсбергѣ, откуда наѣзжалъ иногда въ Берлинъ и Санъ-Суси, куда приглашалъ его Фридрихъ Великій, который любилъ собирать вокругъ себя литераторовъ и ученыхъ, причѣмъ отводилъ ему комнаты Вольтера, говоря, что воспоминаніе о послѣднемъ должно возбудить въ немъ поэтическое воодушевленіе: и дѣйствительно Красицкій написалъ здѣсь свою знаменитую поэму «Монахоманія, или война монаховъ», сочиненіе весьма остроумное и колкое, вызвавшее, съ одной стороны, ненависть монаховъ, съ другой — реформу монастырей. Поэма эта была отпечатана и выпущена въ свѣтъ въ 1775 году. Въ томъ же году издалъ онъ другую сатирическую поэму «Мышеиъ», основанную на преданіи о сказочномъ царѣ польскомъ Попелѣ, съѣденномъ мышами. Въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Красицкій, тяготясь ритмомъ, избралъ болѣе свободную форму романа съ тенденціей. Таковы его «Исторія», «Приключенія Николая Досвятчинскаго» и «Панъ Подстолий». Его «Исторія» есть злая насмѣшка надъ исторіографами, родъ мемуаровъ, написанныхъ неумиравшимъ челоуѣкомъ. «Приключенія Досвятчинскаго» осмѣиваютъ модное воспитаніе, страсть къ граничнымъ путешествіямъ, расточительность, крѣпостничество адвокатовъ, продажность судей и политическія партіи. Въ романѣ «Панъ Подстолий» Красицкій изобразилъ идеальный типъ польскаго гражданина, какимъ онъ долженъ быть по его мнѣнію.

Подъ конецъ жизни Красицкій уже не писалъ болѣе. Получивъ отъ новаго прусскаго короля санъ архіепископа гнѣзненскаго, онъ съ грустью покинулъ Гейльсбергъ и въ 1801 году, отправляясь по дѣламъ митрополіи въ Берлинъ, умеръ тамъ 14-го марта того же года, на 66-мъ году отъ рожденія. Полное собраніе сочиненій Красицкаго было издано въ Варшавѣ, въ 10 томахъ.

КЪ ГРИГОРІЮ.

Всюду, на-суши и въ морѣ,
Другъ-Григорій, горе, горе!
Вешній пиръ — золотая младость:
Тутъ любовь, веселье, радость;
Но въ цвѣтахъ шиповъ есть много;
Радъ сваять, да смотреть строго.

Мужемъ сталъ — насъ въ годы эти
Бременять семейство, дѣти;
Сколько тутъ заботъ домашнихъ!
Думай о лѣсахъ, о пашняхъ;
Нѣтъ покоя: тамъ — медвѣди,
Тамъ — недобрые сосѣди.

Дальше — старость, время хлада:
Быть другимъ въ примѣръ тутъ надо;
Жребій намъ и худшій вѣдомъ
Наконецъ, какъ станешь дѣдомъ.
Всюду, на-сушѣ и въ морѣ,
Другъ-Григорій, горе, горе!

В. Бенедиктовъ.

К. ВЕНГЕРСКІЙ.

Каэтанъ Венгерскій родился въ 1755 году. Сынъ незнатныхъ родителей, одаренный блестящимъ поэтическимъ талантомъ, онъ служилъ нѣкоторое время при дворѣ Станислава-Августа, въ званіи камергера, но вскорѣ нажилъ безчисленное множество враговъ, благодаря злomu и оstromy языку, который не спускалъ даже самому королю, какъ это видно изъ слѣдующей остроумной эпиграммы, сказанной имъ по случаю соруженія этимъ послѣднимъ памятника Яну Собѣскому:

Милонъ на монументъ! Я бѣ этотъ кушъ помпожилъ,
Чтобъ Стась окаменѣлъ, а Явъ Собѣскій ожилъ.

Наконецъ, въ 1779 году, вслѣдствіе пасквиля на нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ дамъ, Венгерскій долженъ былъ оставить дворъ. Онъ отправился за границу, вѣлъ жизнь очень веселую, къ чему давала ему средства счастливая карточная игра, посѣтилъ Италію, Францію, Англію, Америку, и, наконецъ, истощивъ свои силы всевозможными излишествами, умеръ въ 1787 году отъ чахотки въ Марсели, будучи всего тридцати трехъ лѣтъ отъ роду.

«Венгерскій — говоритъ Спасовичъ — смотрѣлъ на жизнь какъ на шумную оргію, какъ на непрерывающійся маскарадъ; онъ былъ эпикуреецъ и воспѣвалъ одну только философію наслажденія. Мастеръ острить, въ остротахъ онъ всего болѣе подходилъ къ Вольтеру. Венгерскій осмѣиваетъ священнѣйшіе предметы, муза его любитъ не-

скромные, сладострастные рассказы, наконецъ онъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ цинизма во множествѣ грязныхъ стихотвореній, которые ходили въ рукописи по рукамъ, остались неизданными и могутъ соперничать съ знаменитѣйшими французскими произведеніями подобнаго свойства изъ послѣдней четверти восемнадцатаго вѣка.»

ФИЛОСОФЪ.

Есть ли деньги, нѣту ль денегъ —
И здоровъ и веселъ я.
Мнѣ — когда я не мошенникъ —
Нагота не въ стыдъ моя.

Если какъ-нибудь живѣтся,
То фортунѣ и поклонъ!
Часомъ тонко — такъ-что рвѣтся:
Я и тѣмъ не возмущенъ.

Мнѣ и въ ходѣ самое тѣсное
Межъ препятствій — не бѣда:
До того, чтобъ стать безчестнымъ,
Я не скорчусь никогда.

Велика ль моя потреба?
Обхожусь въ голодный часъ
И безъ блага я хлѣба
И безъ сочныхъ, цѣнныхъ мясъ.

Для значенія передъ свѣтомъ,
Чтобъ снискать его поклонъ,
Я не жажду быть одѣтымъ
Въ золото, бархатъ и виссонъ.

Гдѣ нужна для дружбы трата
Денегъ — прочь я отъ связей:
Не хочу цѣною злата
Покупать себѣ друзей.

Если дружба еле длится
И до чорнаго лишь дня
Угощеніями крѣпится —
Дружба та не для меня!

Такъ, несклонный къ дальнимъ тратамъ,
Самъ-большой въ своѣмъ дому,
Я кажусь себѣ богатымъ,
Коль не долженъ никому.

В. Бенедиктовъ.

Ю. У. НѢМЦЕВИЧЪ.

Юліанъ Устинъ Нѣмцевичъ родился 4-го (16-го) февраля 1758 года, въ мѣстечкѣ Скокахъ, на самой границѣ Польши и Литвы. До двѣнадцати лѣтъ онъ воспитывался дома, подъ надзоромъ отца и богобоязненной матери. Въ 1776 году его опредѣлили въ Варшавскій кадетскій корпусъ. По окончаніи курса въ этомъ заведеніи, Чарторжскій взялъ его къ себѣ въ адъютанты. 1783 — 1787 года онъ провѣлъ за границею, причомъ побывалъ въ Римѣ, Парижѣ и Лондонѣ, познакомился съ многими знаменитыми людьми и въ 1788 году воротился въ Польшу. Затѣмъ, во время возстанія 1794 года, онъ былъ адъютантомъ у Костюшки, вмѣстѣ съ нимъ попался въ плѣнъ подъ Маціевцами и вмѣстѣ съ нимъ былъ выпущенъ, по повелѣнію императора Павла, изъ плѣна на честное слово. Получивъ свободу, Нѣмцевичъ уѣхалъ въ Америку и прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ. Возвратившись оттуда, онъ былъ при Александрѣ I секретаремъ сената въ Варшавѣ и председателемъ Общества Любителей Наукъ. Въ 1830 году онъ принималъ дѣятельное участие въ польскомъ возстаніи, по усмиреніи котораго долженъ былъ бѣжать за границу. Долго странствовалъ онъ по разнымъ европейскимъ государствамъ, наконецъ поселился въ Парижѣ, гдѣ и умеръ 21-го мая 1843 года, на 83 году жизни. Нѣмцевичъ началъ писать очень рано и пробовалъ свои силы во всѣхъ родахъ: онъ писалъ басни, сатиры, баллады, драмы, романы и повѣсти, но ни въ одномъ изъ своихъ произведеній не сумѣлъ возвыситься надъ уровнемъ посредственности. Тѣмъ не менѣе онъ былъ человекомъ живой, затрогивалъ всѣ животрепещущіе современные вопросы и постоянно ударялъ въ чувствительную струну патріотизма. Не смотря на всю слабость его «Историческихъ Пѣсень», послужившихъ образцомъ для «Думъ» Рылѣева, въ которыхъ Нѣмцевичъ хотѣлъ изобразить польскую исторію въ картинахъ, пѣсни эти въ свое время заучивались публикою наизусть.

I.

ЛЕШЕКЪ ВЪЛЫЙ.

Покинута всѣми, одѣта небрежно,
Елена жмѣтъ къ сердцу печальному нѣжно
Любезнаго сына, крушится о немъ:
То Лешекъ, что *Вьлкимъ* былъ прозванъ потомъ.

«Ты весель», промовила, «птенчикъ невинный;
Своей ты не вѣдаешь горькой судьбины:
Я стала вдовицей, ты сталъ сиротой;
Вельможные паны, зло-козенно глядя
На насъ, какъ настроилъ ихъ хитрый твой дядя,
Готовятъ погнѣбель тебѣ, мой родной.»

«Рождѣнный на свѣтъ для короны и царства,
Ты, бѣдный, ставъ жертвой людского коварства,
Всѣ въ мірѣ утратилъ! Въ своёмъ же краю,
Лишь матери скорбною къ родимому лону,
Свиталець, ты голову клонишь свою:
Гдѣ сыщешь иную еще оборону?»

«Сдержи, королева, слезъ горькихъ потокъ!»
Еленѣ сказалъ престарѣлый Говорокъ:
«Отцу я служилъ до конца, сколько могъ —
И сынъ его будетъ до гроба мнѣ дорогъ:
Доколь еще въ силахъ владѣть я мечемъ —
Не будетъ терпѣть онъ обиды ни въ чѣмъ.»

Шли годы. Росъ Лешекъ, по прозвищу *Блмий*,
Подъ старца надзоромъ, и доблести въ нёмъ
Росли, развивались. Правдивый и смѣлый,
Онъ шествовалъ Пястовъ достойнымъ путёмъ,
Искусенъ былъ въ рыцарскихъ ратныхъ забавахъ
И счастливо дѣйствовалъ въ битвахъ кровавыхъ.

Говорокъ сердечной своей прямою
Развилъ къ себѣ ненависть въ сферѣ придворныхъ.
Завистники къ Лешку приходятъ толпой
И просятъ отъ имени гражданъ покорныхъ,
Чтобъ Лешекъ Говорѣа изгналъ отъ двора:
«Тогда надѣвай и корону! ура!»

Смиренная въ комнатѣ скромной сидѣла
Тогда королева въ нарядѣ простомъ,
Гдѣ золота даже она не имѣла
Ни блѣстки единой — и Лешекъ притомъ
Былъ тутъ же, сидѣлъ погруженъ въ размышленье:
Его удивило пословъ предложенье.

Молчаніе длилось. Говорокъ возсталъ:
«Прими, онъ смущенному Лешку сказалъ,
«И властвуй! Народъ тебѣ тронъ предлагаетъ:
И такъ — я дождался желаннаго дня!
Пусть край нашъ родной отъ того не страдаетъ,
Что зависть преслѣдуетъ злобно меня!»

«Я старецъ: земной непрельщаемый властью,
Уиду въ уголокъ родовой я земли

И буду доволенъ изгнанника частью;
Ты жъ смуты смири, мятежи удали
И всякое зло отъ родимаго края,
Правдиво и доблестно имъ управляя!»

«Когда жъ я услышу, дастъ Богъ, что того,
Кого я усердно воспитывалъ смлада,
Возлюбить народъ, какъ отца своего,
Пошлѣтся и мнѣ еще въ мірѣ отрада:
Изъ ссылки на тронъ твой я взоръ возведу
И, сладко утѣшенъ, въ могилу сойду.»

Въ слезахъ королева внимала, слезами
И всѣ заливались; а тронутый князь
На рѣчь ту отвѣтилъ такими словами:
«Нѣтъ, Лешекъ по самый послѣдній свой часъ
Не сможетъ забыть (долгъ тутъ сердцемъ указанъ)
Чѣмъ краю, себѣ и Говорѣу обязанъ.»

«Нѣтъ, я не хочу, чтобы тотъ человекъ,
Кто призрѣлъ меня, безпокровнаго, въ мірѣ,
Безвѣстнымъ изгнанникомъ кончилъ свой вѣкъ,
И сколько бы ни было блеска въ порфирѣ,
Въ коронѣ и скипетрѣ — для моего
Для сердца другъ вѣрный дороже всего.»

И чувствъ благородныхъ младой возвѣститель
Наградою взмыскалъ отъ Господа былъ:
Князь Польши, могучій въ бояхъ побѣдитель,
Самъ вскорѣ корону себѣ возвратилъ,
И старый Говорокъ при жизненномъ склонѣ
Въ душевной отрадѣ зрѣлъ Лешка въ коронѣ.

В. Бенедиктовъ.

II.

ДУМА О СТЕФАНѢ ПОТОЦКОМЪ.

Слухъ къ моей пѣснѣ склони, молодѣжь!
Пѣсня моя — не къ забавѣ:
Нѣтъ, моя пѣсня — къ тому, да найдѣшь
Въ ней ты призваніе къ славл! —
Слушай, какъ славы блестящій вѣнецъ
Передъ воинственнымъ строемъ
Въ битвѣ стяжалъ себѣ юный боецъ,
Павъ за отчизну героемъ.

Взрты Подоліа злачной поля
Грозной Хмѣльницкаго ратью;

Полнится стономъ и воемъ земля;
 Нивы своей благодатью
 Пахарь не тѣшится: бросилъ свой плугъ;
 Плѣнницъ несчастную долю
 Пастыри дѣлятъ; съ подругою другъ
 Вмѣстѣ сдаётся въ неволю.

Счастіемъ, славой и старостью ситъ,
 Вождь-Николай горе чувствуетъ
 И о напасти всеобщей скорбитъ:
 Чѣмъ онъ теперь уврачуешь
 Боли отечества? Старецъ вздохнулъ —
 Взмолки слезами морщины:
 Славное прошлое онъ вспомянулъ,
 Поля безъисходной кручины.

Дѣйствовать радъ бы, да хилъ ужъ — сѣдой,
 Мечъ выпадаетъ изъ длани;
 Есть у него только сынъ молодой,
 Годный на подвиги брани.
 Юный Потоцкій Стефанъ соединялъ
 Съ ликомъ плѣнительнымъ силу
 И при разсказахъ о битвахъ дрожалъ,
 Преданъ воинскому пылу.

«Сынъ!» старый гетманъ сказалъ ему: «глянь!
 Нуженъ отечеству воинъ,
 Воинъ могучій: за родину стань!
 Будь своихъ предковъ достоинъ!
 Благо отчизны имѣй лишь въ виду!
 Ты ей въ ограду поставленъ;
 Я же счастливецемъ въ могилу сойду,
 Если ты будешь прославленъ.

«Съ Богомъ!» И рыцарь отцомъ-старикомъ
 Обнять. Родительскій голосъ
 Сладокъ ему. Увѣнчалъ шишакомъ
 Онъ черно-кудрный свой волосъ.
 Съ милой разстаться готовъ онъ: съ рѣсницъ
 Брызжетъ слеза при поклонѣ,
 Только её между дамъ и дѣвицъ
 Онъ усмотрѣлъ на балконѣ.

Елизавета прекрасна, чиста,
 Всѣмъ обожаема свѣтомъ;
 Розы — ланиты, коралы — уста;
 Вѣрность священнымъ обѣтамъ
 Въ сердцѣ она своимъ юномъ хранитъ:
 Ею владѣть будетъ вправѣ
 Тотъ лишь, кто явно себя отличитъ
 Вѣрностью чувству и славѣ.

Рыцарь отважный, готовый къ борьбѣ,
 Въ панцирѣ, въ шлемѣ — предъ нею:
 «Всѣмъ», говоритъ, «я обязанъ тебѣ
 Въ жизни сладчайшимъ, и всею
 Этою жизнью я — твой. Призывать
 Буду я въ битвѣ кровавой
 Имя твоё и враговъ поражать...
 Если жъ паду, то — со славой!»

Рѣчь у него на устахъ замерла;
 Елизавета жъ, рыдая,
 Бѣлую ленту съ себя сорвала
 И, на него надѣвая,
 Молвила: «бейся! Да всё возвратимъ
 То, что утрачено нами!
 Столько жъ будь счастливъ ты, сколько любимъ,
 И торжествуй надъ врагами!»

Трубъ раздаётся воинственный громъ;
 Рыцари въ сборѣ тѣснятся;
 Панцири, шлемы сверкаютъ кругомъ;
 Пыльные вихри крутятся.
 Людъ любопытный и съ крышъ и съ воротъ
 Смотритъ: всё вдругъ встрепенулось;
 Мостъ передъ замкомъ опущенъ — и вотъ
 Войско на бой потанулось.

Цѣлую ночь оно шло впопыхахъ:
 Вотъ ужъ и Жолтыя-Воды!
 Солнце въ кровавыхъ взшло облакахъ,
 Предзнаменуя невзгоды.
 Вѣйска ряды за рядами Богданъ
 Въ полѣ широко раскинулъ;
 Неустрашась числомъ ихъ, Стефанъ
 Горсть своихъ ратниковъ двинулъ.

Бой заварился мгновенно. Огни,
 Смерть разносящія, рышутъ;
 Падаютъ шлемы, куда ни взгляни;
 Стрѣлы пернатя свистутъ.
 Вдругъ, гдѣ опаснѣе, жарче былъ бой,
 Вождь съ юнымъ пыломъ сердечнымъ,
 Въ грудь пораженный враждебной стрѣлой,
 Никнетъ, объятый сномъ вѣчнымъ.

Смертью младаго вождя потрясѣнъ,
 Духъ его рати — въ упадѣ;
 Кликъ боевой обращается въ стонъ;
 Къ праху его въ безпорядкѣ
 Скорбные воины стѣшно идутъ,
 Кровь его ранъ отираютъ

И на щитахъ своихъ тѣло несутъ:
«Стибла надежда!» взываютъ...

И скоронивши вождя своего,
Близко къ его изголовью
Шлемъ привязали пернатый его
Лентой, забрызганной кровью.
Тамъ злополучная плачетъ одна
Въ темно-зеленой дубравѣ,
Плачетъ и стонетъ — до гроба вѣрна
Вѣрному милой и славѣ.

Спи, юный рыцарь, подъ сѣнью древесъ!
Пусть надъ могилой твоею
Мѣсяцъ призненно свѣтитъ съ небесъ!
Прочіе жь войны, ею
Пусть вдохновляясь къ отважной борьбѣ,
Мчатся въ пылъ битвы кровавой
И со врагами, подобно тебѣ,
Бьются и гибнуть со славой!

В. Бенедиктовъ.

К. БРОДЗИНСКІЙ.

Казиміръ Бродзинскій родился 24-го февраля (8-го марта) 1791 года въ Кролевецѣ, близъ Бокни, въ Галиціи. Сынъ бѣднаго шляхтича, онъ вдоволь натерпѣлся въ молодости отъ злой матери, которая его ненавидѣла, и отъ сельскаго учителя, который его больше билъ, чѣмъ училъ. Запуганный и впечатлительный мальчикъ бѣгалъ изъ дому къ крестьянамъ, которые не разъ его отогрѣвали и кормили, и съ бытомъ которыхъ онъ сроднился съ малолѣтства. Окончивъ курсъ въ тарновскомъ нѣмецкомъ училищѣ, осьмнадцатилѣтній Бродзинскій вступилъ, въ 1809 году, въ ряды польскаго войска; затѣмъ, въ 1812 году, въ чинѣ поручика, участвовалъ въ походѣ Наполеона въ Москву, испыталъ всѣ ужасы бѣгства великой арміи изъ Россіи, а въ 1813 году, въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, былъ взятъ въ плѣнъ пруссаками, которые отпустили его на честное слово. Этимъ и окончилась его военная дѣятельность. Въ 1814 году онъ поселился въ Краковѣ, въ 1818 — переехалъ въ Варшаву, а въ 1822 — получилъ каведру польской литературы въ Александровскомъ Варшавскомъ университетѣ и издалъ два томика своихъ стихотвореній. Спусти

годъ, Бродзинскій написалъ лучшее свое произведение: «Всеславъ, краковская идиллія», сюжетъ которой взятъ имъ изъ воспоминаній молодости и представляетъ картину деревенской свадьбы по обычаю краковскихъ крестьянъ. Въ 1826 году Бродзинскій ѣздилъ, для поправленія разстроеннаго здоровья, за границу, причемъ побывалъ въ Италіи, Швейцаріи и Парижѣ. По закрытіи, въ 1832 году, Варшавскаго университета, онъ, съ растерзаннымъ сердцемъ и удручѣнный богѣнею, снова отправился за границу, на чешскія минеральныя воды; затѣмъ поселился въ Дрезденѣ, гдѣ и умеръ 10-го октября 1835 года. Его соотечественники поставили скромный мраморный памятникъ на его могилѣ, на Фридрихштадскомъ кладбищѣ. «Полное собраніе сочиненій К. Бродзинскаго» издано въ 1842—44 годахъ въ Вильнѣ, въ 10 томахъ. Кромѣ оригинальныхъ его сочиненій, здѣсь помѣщены и его переводы «Крадворской Рукописи», «Дѣвы Орлеанской» Шиллера, «Вертера» Гёте и другіе.

ЗАСЛАВЪ.

Птичка нѣсню лишь запѣла —
Грануль выстрѣлъ: омертвѣла
И упала; пышный кусть
Безъ нея сталъ нѣмъ и пустъ;
Тщетны всѣ ея уснѣя:
На-всегда поникли крылья.

Молода и такъ мила —
Вдругъ дѣвица умерла:
Въ міръ нездѣшній, съ красотою,
Съ чудной сердца добротою,
Въ день одинъ, въ единый часъ
Лѣгкой тѣнью вознеслась.

Не смягчишь судьбъ устава:
Жребій бѣднаго Заслава —
Вѣчно слѣзы проливать,
Безотрадно изнывать.
Въ ночь надъ тихою могилой
Слышенъ стоишь его унылый:

«Не видать ужъ миѣ тебя!
Безъ тебя, несчастный, я
Не наплачусь въ лютомъ горѣ,
Тѣнь возлюбленная! Вскорѣ
Ключъ изсякнетъ слѣзъ моихъ:
Оскудѣлъ источникъ ихъ.

«Здѣсь, лилась на-вѣки милой,
Взятой хладною могилой,
Я скитаюсь ночь и день —
И живая ходитъ тѣнь
За мою мѣртвой тѣнью,
Присужденною къ томленью.

«Съ недоступной высоты
На меня взраешь ты
Изъ селеній свѣтлыхъ рая,
Изъ безоблачнаго края:
Въ мѣръ твой, смертью ставъ летучь,
Я прорвусь сквозъ область тучъ.

«Смерть! иди же — прямо, смѣло!
Преврати ты это тѣло
Въ прахъ презрѣнный! дай конецъ!
Попечительный отецъ,
Мнѣ отрывъ земли утробу,
Да ведётъ меня ко гробу!

«И при пѣньи гробовомъ
Вольный духъ, взмахнувъ крыломъ,
Да взнесѣтся къ горнямъ безднамъ
И утонетъ въ морѣ звѣздномъ,
Гдѣ съ возлюбленною онъ
Будетъ вѣчно соединѣнъ!»

Глядь! вверху, въ зѣврѣ чистомъ,
Блещетъ поясомъ лучистымъ,
Вышей прелести полна,
Ненаглядная — она,
И слетаетъ въ дѣсь, свѣтлѣя,
А въ рукѣ у ней лилея.

Стеблемъ бѣлаго цвѣтка
Къ груди милого слегка
Прикоснулась: «все земное
Брось!» — сказала — «и за мною
На блаженство улетай
Въ тотъ высокій, свѣтлый край!»

И мгновенно прахомъ стало
Это тѣло, гдѣ витало
Столько свѣтлаго въ тѣни,
И, какъ ангелы, она,
Пыль страхнувъ съ себя земную,
Полетѣли въ высь родную.

В. Бенедиктовъ.

А. МАЛЬЧЕВСКІЙ.

Антонъ Мальчевскій, сынъ польскаго генерала и польскій поэтъ, родился въ 1792 году въ городѣ Дубнѣ, на Волыни, гдѣ получилъ блистательное аристократическое воспитаніе во французскомъ духѣ въ домѣ родителей. Побывавъ нѣкоторое время въ Кременецкомъ лицейѣ, онъ вступилъ въ 1811 году въ польскую службу охотникомъ, въ которой прослужилъ до 1815 года; потомъ пять лѣтъ странствовалъ за границею, прожилъ все свое состояніе, наслаждался всѣми благами свѣтской и роскошной жизни, причѣмъ познакомился съ лучшими представителями западно-европейскаго общества, съ литераторами, учеными и артистами. Нервный и раздражительный, онъ болѣзненно страдалъ отъ всякой неудачи, отъ каждаго неудовлетвореннаго желанія. Близкое знакомство съ Байрономъ, съ которымъ онъ сошелся въ Венеціи, только усилили въ немъ эту склонность къ постояннымъ сѣтованіямъ на судьбу. Говорятъ, что рассказъ Мальчевскаго о Мазепѣ вдохновилъ Байрона и послужилъ ему темою для поэмы. Съ другой стороны Мальчевскій поддавался вліянію неуязвимой природы пѣвца «Чайльдъ-Гарольда» — и сдѣлался его подражателемъ въ поэзіи. Если у Байрона разочарованіе жизнью выражалось ненавистью и презрѣніемъ къ людямъ и осмѣяніемъ всего святаго для человѣка, то у Мальчевскаго то же пресыщеніе жизнью выражалось въ снѣдающей его тоскѣ. «Я много ѣлъ горькихъ, отравленныхъ яствъ», говоритъ польскій поэтъ: «на моемъ увядшемъ лицѣ зажилась блѣдность, потому-что изъ моей одичалой души искоренена радость».

Мальчевскій принадлежитъ къ небольшому кружку польско-украинскихъ поэтовъ, которые, почти въ одно время и безъ всякаго между собою соглашенія, стали восхвалять необозримую ширь южно-русскихъ степей, подвиги ихъ обитателей — украинскихъ козаковъ, ихъ борьбу съ польскимъ шляхетствомъ, и вдохновляться чудными мотивами пѣсеней малорусскаго народа, его повѣрьями и обычаями. Мальчевскій, какъ поэтъ, былъ вовсе не извѣстенъ при жизни, и единственное его произведеніе, небольшая поэма «Марія», напечатанная въ 1825 году въ Варшавѣ, не имѣла ни малѣйшаго успѣха и даже не окупила издержекъ изданія, и только много лѣтъ спустя, когда авторъ давно лежалъ въ могилѣ, сдѣлалась самымъ популярнымъ поэтическимъ

произведеніемъ въ Польшѣ. Мальчевскій умеръ въ 1826 году.

ИЗЪ ПОЭМЫ «МАРІА».

Скажи мнѣ, куда ты, козакъ черноокой,
Куда ты несёшься по степи широкой?
Томимый тоскою, объятый природой,
Быть-можетъ, ты хочешь унитъся свободой?
Иль, степи родимой всё вѣдая тайны,
Ты хочешь помѣриться съ вѣтромъ Украины?
Иль милая ждѣтъ среди желтѣющей нивы —
И къ ней ты стремишься весѣлый, счастливый?
Ты взглядомъ орлинымъ окрестность окинулъ —
И бросилъ поводья, и шапку надвинулъ...
Какъ облако, пылъ за собой подымая,
Поѣшь ты про славу родимаго края...
Твой конь черногривый хозяина знаетъ:
Онъ вѣтеръ могучій въ степи обгоняетъ...
Бѣги, черноморець, съ телѣгой скрипучей —
Сынъ степи нагрянетъ громовою тучей
И соль твою вихремъ размѣчетъ по полю:
Онъ полонъ отваги и любить лишь волю.
О, ласточка! быстро ты въ небѣ летаешь,
Ты многое видѣла, многое знаешь!
Быть-можетъ, ты хочешь, кружась и летая,
Ему что повѣдать? Слѣши, дорогая,
Съ нимъ тайной завѣтной своей подѣлиться:
Ты круга не кончишь — козакъ ужъ промчитъ.

П. Козловъ.

И. ХОДЗЬКО.

Игнатій Ходзько родился въ 1795 году. Первоначальное воспитаніе получалъ онъ у базилианъ, откуда поступилъ, въ 1811 году, въ Виленскій университетъ на философскій факультетъ. Здѣсь дружба съ нѣкоторыми польскими литераторами и покровительство родного дяди, Яна Ходзько, побудили его вступить на литературное поприще. Онъ былъ судьей въ Виленскомъ уѣздѣ, а потомъ инспекторомъ тамошнихъ училищъ.

Ходзько извѣстенъ въ польской литературѣ какъ хорошій поэтъ, а еще болѣе, какъ авторъ прелестныхъ «Литовскихъ Картинъ» — цѣлаго ряда рассказовъ и повѣстей, взятыхъ изъ свѣжихъ преданій и изъ собственныхъ воспоминаній рассказчика. Лучшіе изъ этихъ рассказовъ: «До-

мнѣ моего дѣда», «Берега Вилин», «Юбилей», «Авторъ сватомъ», «Домъ на Антокогѣ» и «Два рассказа изъ прошлаго». Рассказы эти, раздѣленные на двѣ части и пять серій, были отпечатаны въ Вильнѣ въ 1852—1857 годахъ. Ходзько умеръ въ Вильнѣ въ 1861 году.

I.

МОЛОДЕЦЪ.

Съ конца въ конецъ мой конь гонецъ
Обрыскалъ свѣтъ:
Гдѣ я леталъ, мой врагъ пропалъ —
И слѣду нѣтъ...

Въ Литвѣ, въ Руси людей спроси,
Кто вѣдалъ бой:
Чей рогъ звучитъ, чей конь бѣжитъ
Вотъ такъ, какъ мой?

Монхъ коровъ среди луговъ
Взошла трава;
На нивѣ рожъ волнитъя сплошь;
Хмѣль — деревъ.

Да и въ дому найдѣмъ кому
Припрятать сотъ:
Мои красна — что день ясна —
Красотка твѣтъ.

Взялъ на лету я птишку ту
Съ чужихъ полей:
«Вотъ клѣтка — пой; прости съ родной,
Да слѣзь не лей!

«Прости съ отцомъ: за молодцомъ
Въ лѣса — дубнякъ!
Литвина знай — не знай — ласкай:
У насъ вѣдь такъ!»

Л. Мвй.

II.

ПѢСНЯ.

Если хочешь видѣть лѣто,
На себя взгляни, мой ангелъ:
Взоръ твой блещетъ ярче солнца,
Вѣетъ розою дыханье,
Очи свѣтятся лазурью.

Если жь хочешь видѣть осень,
Загляни ко мнѣ на сердце:
Въ нёмъ порывы — вихри бури,
Степь заглошшая — надежды,
Мысли — тучи дождевыя.

О, пусть только бѣ взглядъ твой нѣжный
Мнѣ блеснулъ лучомъ надежды —
Бурный вихрь повѣетъ розой,
Степь покроется цвѣтами,
Мысль заблещетъ ярнымъ солнцемъ.

Если жь я напрасно буду
На призывъ искать отвѣта —
Мракъ падѣтъ ко мнѣ на очи,
Въ сердцѣ холодъ разольѣтся,
Улетитъ душа во вздохахъ...

С. Дуровъ.

А. МИЦКЕВИЧЪ.

Адамъ Мицкевичъ, величайшій изъ польскихъ поэтовъ, родился наканунѣ Рождества 1798 года, въ старинной столицѣ Миндовга Новогрудѣ, Минской губерніи. Родители его принадлежали къ числу небогатыхъ мелкихъ помѣщиковъ и жили въ стѣсненномъ положеніи, обремененные довольно значительнымъ семействомъ. Отецъ его былъ адвокатъ. Первоначальное воспитаніе Мицкевичъ получилъ въ доминиканскомъ училищѣ въ Новогрудѣ, откуда перешолъ въ Минскую гимназію и, наконецъ, въ 1815 году, въ Виленскій университетъ, гдѣ слушалъ Лелевеля, познакомился съ нѣмецкою критикою въ примѣненіи къ классической филологіи, много читалъ и даже по-рывался писать, находя горячее сочувствіе и поддержку въ кружкѣ своихъ университетскихъ товарищей. Первые опыты молодого поэта не обѣщали ничего особеннаго. По окончаніи университетскаго курса, Мицкевичъ сначала хотѣлъ было посвятить себя изученію химіи, но потомъ увлекся литературой и опредѣленъ учителемъ латинскаго и польскаго языковъ въ уѣздное училище въ Ковнѣ. Первое время въ Ковнѣ онъ жилъ уединенно, мрачнымъ нелюдимомъ, но потомъ снова принялся за перо и написалъ двѣ первыя большія свои поэмы: «Поминки» и «Гражину», которыя издалъ въ свѣтъ, вмѣстѣ съ мелкими своими стихотвореніями, въ 1822 и 1823

годахъ, въ двухъ небольшихъ томахъ. Эти два томика упрочили славу Мицкевича и поставили его въ мнѣніи общества на ряду съ первыми польскими поэтами. Правда, въ его стихахъ было замѣтно вліяніе романтизма Гёте и Байрона, но и сквозь этотъ чужеземный туманъ ярко проглядывала оригинальность славянскаго поэта. Въ 1823 году онъ оставилъ Ковно и окончательно поселился въ Вильнѣ. Здѣсь, окруженный любовью и довѣріемъ своихъ старыхъ товарищей и всѣхъ знавшихъ его, поэтъ охотно импровизировалъ на шумныхъ сборищахъ, при звукѣ музыки, за бокаломъ шампаневого. Это была самая счастливая пора его жизни. Ее прервало событіе, которое сильно потрясло его, дало новый строй его чувствамъ, и его мыслямъ новое направленіе, которому онъ остался вѣренъ до конца жизни. За участіе въ одномъ изъ виленскихъ тайныхъ обществъ, онъ былъ арестованъ въ ноябрѣ 1823 года и высланъ въ Петербургъ, гдѣ прожилъ одиннадцать мѣсяцевъ. Затѣмъ, Мицкевичъ былъ отправленъ, по собственному желанію, въ Одессу, для опредѣленія профессоромъ въ Ришельевскій лицей, но этотъ прозектъ не осуществился, по нѣмнѣнью вакантныхъ каедръ. Онъ пробылъ безъ всякихъ занятій девять мѣсяцевъ въ Одессѣ, побывавъ въ Крыму, оттуда вывезъ впечатлѣнія для своихъ «Крымскихъ Сонетовъ» и «Фариса». Изъ Одессы онъ былъ переведенъ въ концѣ 1825 года въ Москву, гдѣ и зачисленъ на службу въ канцелярію военнаго генералъ-губернатора. Въ 1828 году Мицкевичъ перѣехалъ въ Петербургъ, гдѣ подружился съ Пушкинымъ и нашолъ самый радужный приемъ въ аристократическихъ салонахъ и у поляковъ, осѣдлыхъ въ столицѣ. Здѣсь онъ познакомился съ семействомъ знаменитой пианистки Маріи Шимановской, на дочери которой, Сэлинѣ, въ то время малюткѣ, онъ и женился пятнадцать лѣтъ спустя. Здѣсь же напечаталъ онъ свою знаменитую поэму «Конрадъ Валленродъ», написанную имъ во время странствованій по Россіи. Основная мысль поэмы не могла остаться тайною для многихъ и потому дальнѣйшее пребываніе въ Петербургѣ сдѣлалось для поэта не совсѣмъ удобнымъ и даже не ловкимъ. Онъ добылъ себѣ, при помощи друзей, заграничный паспортъ и 25-го іюня 1829 года отплылъ изъ Кронштадта, чтобы никогда уже не возвратиться въ Россію.

Въ Германіи онъ посѣтилъ Гёте, потомъ, черезъ Швейцарію и Альпы, побрался въ Италию—

въ Римъ, гдѣ вдохновляясь и восторгаясь памятниками прошедшаго, прислушивался чуткимъ ухомъ въ польскому движенію 1831 года. Передъ самымъ концомъ польскаго возстанія, Мицкевичъ внезапно оставилъ Римъ и отправился въ Польшу; но, не доѣзжая границы, узнавъ, что борьба окончилась, удалился въ Дрезденъ, гдѣ написалъ третью часть «Поминокъ», отличающуюся энергіею, мистицизмомъ и странными идеями, отвергаемыми разсудкомъ. Онъ описываетъ сцены своего заключенія въ Петропавловской крѣпости, потомъ—ни съ того, ни съ сего—помѣщаетъ какія-то странныя заклинанія и волхвованія, не представляющія даже ничего поэтическаго. Жоржъ Зандъ почему-то ставитъ названную поэму выше «Фауста» и «Манфреда», тогда какъ она не только не можетъ идти въ сравненіе съ этими образцовыми произведеніями двухъ величайшихъ поэтовъ Германіи и Англіи, но даже гораздо ниже «Конрада Валленрода». Въ третьей части «Поминокъ» Мицкевичъ даже перестаетъ быть католикомъ: передъ нимъ носится образъ библейскаго личнаго Бога, окруженнаго міриадами безплотныхъ духовъ, и протестъ его противъ сущаго во имя чувства, оскорбляемаго слезами и кровью, несправедливостью и страданіями миллионовъ людей, доходитъ до богохульства. Въ 1832 году Мицкевичъ написалъ и издалъ въ Авиньонѣ «Книгу польскаго пилигримства», родъ эмигрантскаго евангелія. Въ этомъ крайне-слабомъ произведеніи онъ даже отказывается отъ самой поэзіи и начинаетъ проповѣдывать своимъ соотечественникамъ библейскую и народную прозою о назначеніи Польши въ будущемъ. Друзья Мицкевича стали безпокоиться, видя его мистическое настроеніе; даже сами католики не одобряли его «Пилигримовъ».

Еще во время своего пребыванія въ Римѣ, въ 1831 году, Мицкевичъ сошолся съ извѣстнымъ польскимъ писателемъ, графомъ Генрихомъ Ржевуцкимъ, который по своимъ фамильнымъ связямъ и по своей обширной памяти служилъ, такъ сказать, живою лѣтописью лицъ и событій старой Польши, которыя онъ описывалъ и рассказывалъ съ поразительнымъ талантомъ. Сближеніе обоихъ этихъ писателей подѣйствовало плодотворно на каждого изъ нихъ. Ржевуцкій, по совѣту Мицкевича, взялся за перо и написалъ свои «Записки Солицы», въ которыхъ прошедшее представилось Мицкевичу съ новой стороны: онъ убѣдился, что для исторической поэмы не-зачѣмъ

рыться въ старо-литовскихъ хроникахъ, что достаточно посмотреть сквозь кризму лѣтъ издавекъ на свои собственные юношескія воспоминанія, взять за основу шляхетское прошлое, слишкомъ презираемое и оклеветанное за-то именно, за что бы его слѣдовало хвалить, а не порицать—однимъ словомъ, снять съ этого прошедшаго заслоняющую его кору буржуазныхъ воззрѣній, наслоившихся въ восемнадцатомъ столѣтіи. Подъ вліяніемъ этой мысли, Мицкевичъ написалъ лучшее свое поэтическое произведеніе, свой знаменитый эпосъ въ двѣнадцать книгъ «Павъ Тадеушъ», изображающій жизнь и бытъ литовскихъ губерній до войны 1812 года. Мицкевичъ началъ свою поэму въ Познани, которую онъ посѣтилъ осенью 1831 года, а окончилъ въ 1834 въ Парижѣ, гдѣ онъ поселился за годъ передъ тѣмъ.

Удаленіе изъ отечества оказало свое обычное дурное вліяніе на творчество поэта, лишивъ его освѣжающей наблюдательности за перемѣнами, происходящими въ средѣ общества на родной почвѣ. Къ тоскѣ по родинѣ присоединились еще семейныя хлопоты. Слыша похвалы дѣвицѣ Сэлинѣ Шимановской, которую онъ оставилъ ребенкомъ въ Петербургѣ, Мицкевичъ проговорился передъ друзьями, что онъ охотно бы на ней женился. Друзья устроили дѣло: вызвали Сэлину въ Парижъ и въ августѣ 1835 года отпраздновали свадьбу; за свадьбою пошли дѣти, заботы о насущномъ хлѣбѣ. Въ 1839 году Лозанская академія предложила Мицкевичу каедрю латинской словесности. Курсъ его имѣлъ большой успѣхъ. Въ это время министръ народнаго просвѣщенія во Франціи, Кузень, задумалъ учредить въ Collège de France каедрю славянскихъ литературъ и предложилъ ее Мицкевичу. Поэтъ принялъ предложеніе министра — и курсъ открылся въ 1840 году. Исторія этого курса есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія умственного паденія Мицкевича. Здѣсь-то развились и созрѣли въ немъ тѣ зачатки мистицизма, которые существовали въ немъ всегда и коренились въ особенностяхъ его психической организаціи. Къ довершенію несчастія, около этого времени появился въ Парижѣ нѣкто Товянский, странная личность: полушарлатанъ, мистикъ съ религіознымъ ученіемъ, которое во многомъ отклонялось отъ преданій католической церкви. Славянскіе курсы приняли странное направленіе. Сдѣлавшись ревностнымъ послѣдователемъ ученія Товянскаго, Мицкевичъ изъ про-

фессора превратился въ проповѣдника и прорицателя, изъ каедръ сдѣлалъ орудіе религіозной пропаганды, сталъ предсказывать скорое пришествіе Мессіи, предтечею котораго, по его мнѣнію, былъ Наполеонъ I. Французское правительство нашлось вынужденнымъ закрыть курсы славянскихъ литературъ, естественнымъ слѣдствіемъ чего была потеря Мицкевичемъ каедръ въ Collège de France. Въ 1848 году Мицкевичъ отправился въ Италію, гдѣ Пій IX принялъ его очень ласково; затѣмъ, онъ вернулся въ Парижъ и получилъ мѣсто помощника бібліотекаря въ арсеналѣ. Съ востшествіемъ Наполеона III на французскій престолъ, въ Мицкевичѣ ожили всѣ давнишнія надежды, которыя онъ возлагалъ на Францію, печальнымъ доказательствомъ чего служить жалкая ода поэта въ честь этого государя, и поѣздка его въ Константинополь съ порученіемъ отъ французскаго правительства содѣйствовать образованію польскихъ легионовъ въ Турціи. Труды переѣзда и всякаго рода лишенія разстроили здоровье Мицкевича, и онъ умеръ вскорѣ по прибытіи въ Константинополь, 28-го ноября 1855 года, на пятьдесятъ седьмомъ году. Тѣло его было перевезено обратно во Францію и похоронено въ Монморанси, близъ Парижа.

I.

ВОЕВОДА.

Поздно ночью изъ похода
Воротился воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ —
Дернулъ пологъ: въ самомъ дѣлѣ —
Никого: пуста кровать.

И — мрачнѣе черной ночи —
Онъ потушилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усъ;
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ:
«Гей, ты, кликнулъ, чортовъ кусъ!»

«А зачѣмъ нѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я васъ, хамы!.. Дай ружьё;
Приготовь мѣшокъ, верёвку,
Да сними съ гвоздя винтовку.
Ну, за мною!.. Я жъ её!»

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ и — сквозь вѣтвей —
На скамейкѣ у фонтана
Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна —
И мужчина передъ ней.

Говоритъ онъ: «всё пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Бѣлой груди въздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье —
Воевода всё купилъ.

«Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась.
Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
Серебромъ лишь побряцалъ онъ —
И ему ты отдалась.

«Я скакалъ во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать,
Пожелать дѣя новоселья
Много лѣтъ ей и веселья
И потомъ на-вѣкъ бѣжать.»

Панна плачетъ и тоскуетъ;
Онъ колѣна ей цалуетъ;
А сѣвось вѣтви тѣ глядятъ —
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
«Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно»,
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
«Вѣтеръ что ли, плачутъ очи,
Дрожь берётъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ.»

«Тихе ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Синь на полку... Наводи...
Цѣль ей въ лобъ, глѣвѣ... выше.
Съ паномъ справлюсь самъ. Потихе —
Прежде я; ты погоди.»

Выстрѣлъ по саду раздался.
Хлопецъ пана не дождался;

Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся...
Хлопецъ видно промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

А. Пушкинъ.

II.

БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три литвина.
Онъ пришолъ толковать съ молодцами.
«Дѣти, сѣдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердышами.

«Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
Три замышлены въ Вильнѣ похода:
Пазъ идѣтъ на поляковъ, а Ольгердъ на прусаковъ,
А на русскихъ — Кестуть-воевода.

«Люди вы молодые, силачи удалые —
(Да хранить васъ литовскіе боги!)
Нынче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду:
Трое васъ — вотъ и три вамъ дороги.

«Будетъ всѣмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
Поживится отъ русскихъ добычей.
Жоны ихъ, какъ въ овладахъ, въ драгоценныхъ
нарядахъ;
Домы полны; богатъ ихъ обычай.

«А другой отъ прусаковъ, отъ проклятыхъ еры-
жаковъ,
Можетъ много достать дорогого:
Денегъ съ цѣлаго свѣта, суковъ яркаго цвѣта,
Янтарию — что песку тамъ морского.

«Третій съ Пазомъ на ляха пусть ударить безъ
страха:
Въ Польшѣ мало богатства и блеску;
Сабель взять тамъ не худо; но ужъ вѣрно оттуда
Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.

«Нѣтъ на свѣтѣ царицы краше польской дѣвицы:
Весела — что котенокъ у печки,
И какъ роза румяна, а бѣла — что сметана;
Очи свѣтятся будто двѣ свѣчки.

«Былья, дѣти, моложе, въ Польшу създалъ я тоже,
И оттуда привезъ себѣ жонку;

Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
Про неѣ, какъ гляжу въ ту сторонку.»

Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились.
Ждетъ-пождетъ ихъ старикъ домовитый —
Дни за днями проводить: ни одинъ не приходитъ.
Будрысъ думалъ: «ужъ видно убиты!»

Снѣгъ на землю валится, снѣгъ дорогою мчится,
И подъ буркою ноша большая.
«Чѣмъ тебя надѣлили? что тамъ? Ге — не рубли
ли?»
— «Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.»

Снѣгъ пушистый валится, всадникъ съ ношею
мчится,
Черной буркой еѣ покрывая.
«Что подъ буркой такое? Не сукно ли цвѣтное?»
— «Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.»

Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
Черной буркой еѣ прикрываетъ.
Старый Будрысъ хлопочетъ, и спросить ужъ не
хочетъ,
А гостей на три свадьбы сзываетъ.

А. Пушкинъ.

III.

СВИТЕЗЯНКА.

Кто этотъ молодецъ статный, красивый?
Что за дѣвица съ нимъ, краснымъ?
Вдоль по побережью Свитези бурливой
Идутъ при мѣсяцѣ ясномъ.

Оба малины набрали въ кошницы,
Вьютъ по вѣнку себѣ оба:
Знать, онъ — желанный красотеи-дѣвицы,
Знать, она парня зазноба.

Каждую полночь въ тѣни осокори
Онъ ее здѣсь поджидаетъ:
Молодецъ — ловчій въ сосѣдственномъ борѣ,
Дѣвица... кто ее знаетъ!

Богъ вѣсть — когда и откуда приходитъ,
Богъ вѣсть — куда исчезаетъ!
Мокрой былинкой надъ озеромъ всходитъ,
Искрой ночной пропадаетъ.

— «Полно таиться со мной, дорогая!
Вымолви слово, для Бога:
Гдѣ твоя хата и семья родная,
Какъ въ тебѣ путь и дорога?»

«Минуло лѣто, листочки валѣтся;
Холодно въ полѣ просторномъ...
Али всегда мнѣ тебя дожидаться
Здѣсь на побережьѣ озѣрномъ?»

«Али всегда ты, какъ тѣнь гробовая,
Бродишь полночной порою?
Лучше ко мнѣ приходи, дорогая,
Лучше останься со мною!»

«Вотъ и избѣнка моя не далеко,
Видишь — гдѣ въ чапѣ лощина...
Будетъ у насъ съ тобой лавка и печка,
Будетъ и хлѣбъ, и дичина.»

— «Парнямъ не вѣрю я, чтобы ни пѣли,
Знаю я всѣ ихъ уловки:
Въ голосѣ ихъ — соловьиныя трели,
Въ сердцѣ ихъ — лисьи снарочки.»

«Ты насмѣешься потомъ надо мною,
Кинешь меня и загубишь.
Я тебѣ тайну, пожалуй, открою,
Только... ты вправду ли любишь?»

Молодецъ влялся у ногъ своей милой,
Землю сырую бралъ въ руку;
Бралъ, заклинаясь тѣмною силой,
На душу вѣчную муку.

— «Будь же ты вѣренъ въ священномъ обѣтѣ:
Если кто влятву забудетъ —
Горе ему и на нынѣшнемъ свѣтѣ,
Горе и тамъ ему будетъ!»

Молвила строгое слово дѣвица,
Молвивъ, вѣнокъ надѣваетъ,
Парю махнула рукой — и, какъ птица,
Въ тѣмныхъ вустахъ исчезаетъ.

Слѣдомъ за ней, по кустамъ и по кочкамъ,
Гонится ловчій — задаромъ!
Сгибла, умчалась изъ глазъ вѣтерочкомъ,
Тонкимъ разсѣялась паромъ.

Вотъ онъ остался одинъ надъ водою...
Нѣтъ ни слѣда, ни тропинки;
Тихо кругомъ него, лишь подъ ногою
Кой-гдѣ хрустятъ хворостинки.

Онъ надъ стремниной идѣтъ торопливо,
Робко поводитъ очами...
Вихорь пронѣсса дубравой сонливой;
Озеро вздулось волнами —

Вздулось, вскипѣло до дна котловины...
Въявь, или грѣза почная?
Тамъ, надъ Свитѣзью, изъ тѣмной пучины
Всплѣла краса молодая.

Личико чище лилея прибрежной,
Вспрыснутой свѣжей росой;
Лѣгкою тванію станъ бѣлоснѣжный
Обвить, какъ лѣгкою мглой.

— «Парень пригожій мой, парень красивый!»
Молвила дѣвица страстно:
«Кто ты? зачѣмъ надъ Свитѣзью бурливой
Бродишь порою ненастной?»

«Полно жалѣть тебѣ пташки отлѣтной,
Глупой и вѣтренной дѣвки:
Ты по ней сохнешь, а ей, перемѣтной,
Только смѣшки да издѣвки.»

«Полно вздыхать тебѣ, полно томиться,
Няньчиться съ думой печальной:
Бросься къ намъ въ волны, и будемъ кружиться
Вмѣстѣ по зыби хрустальной.»

«Хочешь, мой милый — и ласточкой шибкой
Будешь надъ озеромъ мчаться,
Али здоровой, веселою рыбкой
Цѣлый день въ струйкахъ плескаться.»

«На ночь, на ложе волны серебристой
Ландышей мы набросаемъ,
Сладко задремлемъ подъ сѣнью струистой,
Дивныя грѣзы узнаемъ.»

Смокнула. Вѣтеръ покровъ ей колышетъ,
Млечную грудь открывая...
Парень, хотъ смотреть не смотреть, а слышать —
Близко краса молодая:

То надъ водою въ кругахъ прихотливыхъ
Мчится, воды не касаясь,
То заиграетъ въ волнахъ говорливыхъ,
Жемчугомъ брызгъ осыпаясь.

Ловчій смутился душой, подбѣгаетъ
Къ самому краю стремнины,
Хочетъ спрыгнуть — и назадъ отступаетъ:
Милы, но страшны пучины.

Вдругъ къ нему въ ноги волна подкатилась,
Плещеть, ласкается, манить...
Сердце въ нёмъ замерло, кровь расходилась —
Память и мысли туманить.

И позабылъ онъ про прежнюю любовь,
Клятвою прѣзрѣлъ святою:
Кинулся въ волны на вѣрную сгубу
Слѣдомъ за новой красою.

Вотъ надъ волнами несѣтся онъ смѣло,
Смѣло очами поводитъ...
Берегъ изъ глазъ у него то и дѣло
Дальше и дальше уходитъ.

Ловчій къ дѣвицѣ плывётъ что есть мочи,
Доплылъ и обвилъ руками,
Смотрится ей въ ненаглядныя очи,
Льнётъ къ ея губкамъ-устами.

Въ этотъ мигъ мѣсяцъ надъ тучею черной
Вспыхнулъ съвозъ темень ночную:
Ловчій взглянулъ и въ красотѣ озерной
Призналъ подругу зѣсную.

— «Такъ-то ты вѣренъ въ священномъ обѣтѣ?
Если кто клятву забудетъ —
Горе ему и на нынѣшнемъ свѣтѣ,
Горе и тамъ ему будетъ!»

«Нѣтъ, не тебѣ надъ холодной струёю
Рыбкой весёлой плескаться:
Тѣло твоё распадется землёю,
Очи пескомъ засорятся.

«А за измѣну душа проклятая
Вѣчно при той осокори
Будетъ томиться, въ тоскѣ изнывая...
Горе измѣннику, горе!»

Слушаетъ ловчій, плывётъ торопливо,
Робко поводитъ очами...
Вихорь пронёсся дубравой сонливой;
Озеро вздулось волнами —

Вздулось, вскипѣло до дна котловины,
Пѣнятся, плещеть и стонетъ...
Вотъ разступились сѣдыя пучины:
Дѣвица съ молодцомъ тонетъ.

Волны доселѣ вздымаются въ пѣнѣ;
Ночью, при мѣсяцѣ ясномъ,
Бродятъ доселѣ двѣ блѣдныя тѣни —
Дѣвица съ молодцомъ краснымъ.

Молодецъ стонетъ въ тѣни осокори,
Дѣвица въ плѣсѣ играетъ...
Молодецъ ловчимъ когда-то былъ въ борѣ,
Дѣвица... кто ее знаетъ!

Л. Мей.

IV.

РЕНЕГАТЪ.

О томъ, что недавно случилось въ Иранѣ,
Повѣдаю я передъ всѣми:
Сидѣлъ на цвѣтномъ кашемирскомъ диванѣ
Паша трехбунчужный въ гаремѣ.

Гречанки, лезгинки поютъ и играютъ,
Подъ пѣсни ихъ пляшутъ киргизки:
Здѣсь небо, тамъ тѣни Эвлиса мелькаютъ
Въ обѣтныхъ глазахъ одалиски.

Паша ихъ не видитъ, паша ихъ не слышитъ;
Надвинувъ чалму, недвижимо
И молча онъ куритъ — и вѣтеръ колышетъ
Вокругъ его облако дыма.

Вдругъ шумъ до порога блаженства доходитъ —
Рабы разступились толпою:
Князляр-ага новую плѣнницу вводитъ
И молвить, склоняся предъ пашою:

«Эффенди! твои свѣтозарныя очи
Горятъ межъ звѣздами дивана,
Какъ въ яркихъ алмазахъ, на ризахъ полночи,
Самъ пламенный Альдеборана.

«Блесни же мнѣ свыше, свѣтло дивана!
Слуга твой, въ усердѣ горячемъ,
Принѣсь тебѣ вѣсти, что вѣтръ Ляхистана
Дарить тебя новымъ *харачемъ*.

«Въ Стамбулѣ сады падишаха едва ли
Такою красуются розой...
Она — уроженка холодной той дали,
Куда ты уносишься грѣзой.»

Тутъ съ плѣнницы снялъ онъ покровъ горделиво —
И ахнулъ весь дворъ и смутился...
Паша на красавицу глянулъ лѣнливо —
И медленно на бою склонился.

Чубуекъ и чалма у него упадаютъ;
Дремотой смежилися вѣки,
Уста посинѣли... Къ нему подбѣгаютъ:
Уснулъ *ренегатъ*... и на-вѣки.

Л. Мвй.

V.

КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ.

1.

АКЕРМАНСКІЯ СТЕПИ.

Въ просторъ зелѣнаго вливаю океана;
Телега, какъ ладя въ разливѣ свѣтлыхъ водъ,
Въ волнахъ шумящихъ травъ, среди цвѣтовъ плывётъ,
Минуя острова колючаго бурьяна.

Темнѣетъ; впереди — ни знака, ни кургана.
Ввѣряясь лишь звѣздамъ, я двигаюсь впередъ...
Но что тамъ? облако ль? денницы ли восходъ?
Тамъ Днѣстръ; блеснулъ маякъ, лампада Акермана.

Стой!... Боже, журавлей на небѣ слышенъ лѣтъ,
А ихъ — и сокола бъ не уловило око!
Былину мотылѣкъ колеблетъ; вотъ ползётъ

Украдкой скользкій ужъ, шурша въ травѣ высокой.
Такая тишина, что зовъ съ Литвы бъ далѣкой
Былъ слышенъ... Только нѣтъ, ни кто не позоветъ!

А. Майковъ.

2.

МОРСКАЯ ТИШЬ.

По флагамъ вѣтерокъ, скользя едва, играетъ;
Какъ перси нѣжныя, вздымается волна:
Такъ обрученна, счастливыхъ грѣзъ полна,
Проснѣтся, чуть вздохнѣтъ и снова засыпаетъ.

Подобно знаменамъ, гдѣ брани шумъ затихъ,
Повисли паруса на мачтѣ обнаженной;
Колышется корабль, какъ цѣпью пригвожденный;
Матросъ вздохнулъ легко: настала веселья мигъ!

О, море! есть среди живыхъ твоихъ созданий
Чудовище, что спитъ подъ стона буръ на днѣ
И грозно рамена подьметъ въ тишинѣ.

О, мысль! въ тебѣ живётъ змѣя воспоминаній,
Что спитъ въ дни грозныхъ бѣдъ, тревожныхъ
ожиданій,
А въ дни покоя въ грудь вонзаетъ когти мнѣ.

Н. С — въ.

3.

ПЛАВАНІЕ.

Ужасный шумъ! Кишатъ страшилища морей,
Матросъ взбѣжалъ наверхъ: пора, готовьтесь, дѣти!
Взбѣжалъ, раскинулся, повисъ въ воздушной сѣти,
Какъ у силка паукъ, надъ петлею своей.

По вѣтру сорвался корабль съ узды насилья,
Въ сугробахъ пѣнистыхъ вознёсъ хребетъ, исчезъ,
Возникъ, стопталъ волну, несѣтся въ даль небесъ
И рѣжетъ облака, вбирая вѣтеръ въ крылья.

И вырывается у насъ невольный крикъ...
Какъ мачта, носится мой духъ среди пучины;
Взвилась фантазія, какъ космы парусовъ.

И руки я простёръ, и къ кораблю приникъ,
Какъ-будто придаю полётъ ему орлиный:
Мнѣ любо и легко быть птицей облаковъ.

Н. С — въ.

4.

Б У Р Я.

Ужь свёрнуть парусъ; вой, гроза, трещить кормило;
Шумъ громкій голосовъ и помпъ зловѣщій стукъ;
Канаты у людей ужъ вырвались изъ рукъ;
Надежды нѣтъ: зашло кровавое свѣтло.

Побѣдно вихрь завылъ — и на хребетъ волны,
Съ ступени на ступень, средь общаго смятенья,
Изъ безднъ подьмется къ намъ геній разрушенья,
Какъ воинъ, лѣзущій на штурмъ въ проломъ стѣны.

Кто за-мертво лежитъ, кто руки воздѣваетъ,
Кто падаетъ, крестясь, въ объятія друзей,
Кто молится, чтобъ смерть сокрылась отъ очей.

Въ молчаньи, всѣмъ чужой, одинъ лишь помышляетъ:
Счастливъ, кто чувства всѣ утратилъ для скорбей,
Кто съ вѣрою знакомъ, кто друга обнимаетъ.

Н. С — зъ.

5.

ВИДЪ ГОРЪ ИЗЪ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА.

Пилигримъ.

Аллахъ ли тамъ, среди пустыни
Застывшихъ волнъ, воздвигъ твердыни,
Притоны ангеламъ своимъ?
Иль дивы, словомъ роковымъ,
Стѣной умѣли такъ высоко
Громады скалъ нагромоздить,
Чтобъ путь на сѣверъ заградить
Звѣздамъ, кочующимъ съ востока?
Вотъ свѣтъ всё небо озарилъ:
То не пожаръ ли Цареграда?
Иль Богъ ко сводамъ пригвоздилъ
Тебя, полночная лампада,
Маякъ спасительный, отрада
Плывущихъ по морю свѣтилъ?

Мирза.

Тамъ былъ я: тамъ со дня созданья
Бушуетъ вѣчная мятель;
Потоковъ видѣлъ колыбель,
Дохнулъ — и мёрзнулъ паръ дыханья.
Я проложилъ мой смѣлый слѣдъ,
Гдѣ для орловъ дороги нѣтъ

И дремлетъ громъ надъ глубиною,
И тамъ, гдѣ надъ моею чалмою
Одна сверкала лишь звѣзда —
То Чатырдагъ былъ!...

Пилигримъ.

А!...

М. Лермонтовъ.

6.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

Дворецъ Гирея пусть; средь залъ его старинныхъ,
По окнамъ, по софамъ, въ преддверіяхъ пустынь,
Гдѣ нѣкогда наши сметали пыль челомъ,

Тантся саранча и вѣется змѣй кольцомъ.

Въ окно пробрался плющъ, затекалъ собою своды
И гроздыми повисъ: онъ — именемъ природы —
Приемлетъ грудь людской и пишетъ на стѣнахъ,
Какъ въ валтасаровъ часъ: «развалина и прахъ!»

Въ углу одной изъ залъ видѣется сосудъ:
Фонтанъ играетъ въ нѣмъ; струи его бѣгутъ,
Роняя перлы слѣзъ, и шепчутъ средь пустыни:

Что случилось съ вами — власть, и слава и любовь?
Вы мнили вѣчно жить; ключъ билъ и падалъ вновь...
Увы! не стало васъ; а ключъ журчитъ по-нынѣ.

Н. Гервель.

7.

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ.

Темнѣетъ. Изъ джами расходятся суниты;
Умомъ изана звуетъ и гулъ людскихъ рѣчей;
Зардѣлись у зари рубинами ланиты;
Спѣшитъ къ любовницѣ сребристый царь ночей.

Гаремы на небѣ огнями звѣздъ залиты,
И тучка чистая плывѣтъ межъ тѣхъ огней,
Какъ лебедь, дремлющій на озерѣ: у ней
Обводы золотомъ, грудь жемчугомъ увиты.

Здѣсь тѣнь отбросили вершины кипариса,
Вдали чернѣются громады скалъ толпой,
Какъ стая дьяволовъ въ диванѣ у Эвлиса,

Уходить съ мыслию нагрнать въ тотъ же часъ;
Но море синее спокойно — чайки рѣютъ,
Гуляютъ лебеди и корабли бѣлѣютъ.

А. Майковъ.

12.

АЛУШТА НОЧЬЮ.

Тяжелый лѣтній зной остужень вѣтерками;
Упалъ на Чатырдагъ свѣтильникъ всѣхъ міровъ,
Змѣнится пурпуромъ надъ склонами хребтовъ
И гаснетъ. Ночь царить въ горахъ и за горами.

Сталь робчепѣшеходъ. Чу! слышенъ звонъ ручьевъ;
На ложѣ сладкихъ грѣзъ, увитомъ васильками,
Струится ароматъ, какъ музыка цвѣтовъ,
И сердцу говорить беззвучными рѣчами.

Смыкаетъ сонъ мои усталые глаза...
Вдругъ метеоръ сверкнулъ: въ одно мгновенье ова
Онъ обликъ золотомъ и доль, и небеса...

О ночь восточная! Какъ гурія востока,
Едва навѣшь сонъ ты нѣгою своей,
Какъ будишь къ нѣгѣ вновь сверканіемъ очей.

Н. Луговской.

13.

ЧАТЫРДАГЪ.

Мирза.

Дрожа, твою стопу цалуешь сынъ пророва;
Какъ мачты корабля, великій Чатырдагъ,
Ушолъ ты по скаламъ въ туманный міръ далѣкій.
О, минареть земли! о, горный падишахъ!

Какъ грозный Гавріилъ, стрегущій двери рай,
Сидишь ты одиноко у вратъ небесъ святыхъ.
Твой плащъ — дремучій лѣсъ; чалма жъ, изъ тучъ
свитая,

Струями затканà потоковъ огневыхъ.

Томить ли знойднейной, спадеть ли мракъ глубокій,
На жатвѣ ль саранча, глурь идеть войной —
Всегда недвижимъ, глухъ ты, Чатырдагъ высокій!

И, словно драгоманъ межъ небомъ и землей,
Подъ ноги подославъ и грѣмы и народы,
Ты внемлешь лишь словамъ Творца среди природы.

Н. Луговской.

14.

ПЕЛІГРИМЪ.

Роскошныя поля кругомъ меня лежатъ;
Играетъ надо мной лучъ радостной денницы;
Любовью дышутъ здѣсь плѣнительныя лица;
Но думы далеко къ минувшему летать.

Напѣвомъ милымъ мнѣ дубравы тамъ шумять...
Байдари соловей, салгирскія дѣвицы,
Огнистый ананасъ и яхонтъ шелковицы —
Твоихъ зеленыхъ тундръ, Литва, не замѣнять!

Въ краю роскошномъ я брожу съ душой унылой:
Хоть всё меня манитъ, въ тоскѣ стремлюся къ той,
Которую любилъ порою молодой.

Онъ отнять у меня, мой отчий край; но милой
О другъ всё твердитъ въ родимой сторонѣ —
Тамъ живъ мой слѣдъ: скажи, ты помнишь обо мнѣ?

Н. Козловъ.

15.

ДОРОГА НАДЪ ПРОПАСТЬЮ ВЪ ЧУФУТЬ-КАЛЕ.

Мирза.

Молитву! стой! не шевели браздами,
Ногамъ коня вѣвря разумъ свой:
Онъ самъ пойдеть, глубь мѣря очами
И скользкій путь пытаючи ногой.

И вотъ повисъ! Внизу зияетъ бездна:
На дно ея ты взора не бросай,
Не указуй рукою бесполезно
И мыслию пронизнуть не дерзай!

Твой взоръ до dna той бездны не достанетъ,
Крыла рукъ безсильной не дано,
А мысль твоя, какъ якорь, вдругъ утянетъ
Твой утлый чолнъ на илестое дно.

ПИЛИГРИМЪ.

А я взглянуть! Испуганному глазу
Почудилось... По смерти расскажу:
Иной языкъ мнѣ нуженъ для рассказа;
Здѣсь, на землѣ, я словъ не нахожу.

Н. Бергъ.

16.

ГОРА БИКНИНЕСЪ.

Мирза.

Взгляни на небеса, лежація внизу —
То море! А надъ нимъ, какъ завѣса тумана,
Какъ черное крыло у птицы-великана:
То мчатся облака, несущія грозу.

Подобно островамъ, плывутъ они надъ нами,
Увлаживая долъ серебряной росой;
Вдали невѣрный блескъ играетъ временами
И рѣжетъ небеса огнистой полосой —

То молнія! Смотри: я кинусь черезъ бездну;
За ней, на той скалѣ, ищи меня съ конѣмъ;
Но если предъ тобой внезапно я исчезну,
То знай, что никому не ѣздить тѣмъ путѣмъ.

Н. Бергъ.

17.

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА ВЪ БАЛАКЛАВѢ.

Твердыня, бывшая на мѣстѣ этихъ грудъ
Неблагодарный Крымъ, была твоя ограда;
Теперь же въ черепахъ гигантскихъ здѣсь живутъ
Лишь гады подлѣе и людъ — подлѣе гада.

Взойдемъ на башню, вверхъ. Ищу слѣда гербовъ:
Вотъ въ этой надписѣ, въ забвеньи — думать надо —
Покоится герой, гроза и страхъ полковъ,
Какъ червь, окутанный въ листочекъ винограда.

Здѣсь грекъ ваялъ вѣстѣнахъ зарнизъ афинскій свой,
Авзонейцъ укрощалъ отсель татаръ цѣпями
И набожный хаджи пѣвалъ намазъ святой.

Теперь лишь коршуны летаютъ надъ гробами,
Какъ въ мѣстѣ, гдѣ чума всё обратила въ прахъ:
На-вѣки водружонъ на башняхъ черный флагъ.

Н. Луговской.

18.

АЮДАГЪ.

Люблю, облокотясь на скалы Аюдага,
Глядѣть, какъ борется волна съ сѣдой волной,
Какъ, пѣнясь и дробясь, бунтующая влага
Горитъ алмазами и радугой живой.

Вотъ, словно рать китовъ, ихъ буйная ватага
Бросается — берётъ оплотъ береговой
И, возвращаясь вспять, роняетъ, вмѣсто стята,
Коралы яркіе и жемчугъ дорогой.

Такъ и на грудь твою горячую, пѣвецъ,
Невзгоды тайныя и бури набѣгаютъ;
Но арфу ты берешь — и горестямъ конѣцъ.

Онѣ, тревожныя, мгновенно исчезаютъ
И пѣсни дивныя въ побѣгѣ оставляютъ:
Изъ пѣсенъ тѣхъ вѣка плетутъ тебѣ вѣнецъ.

С. Дуровъ.

VI.

РАЗГОВОРЪ.

Мой другъ, для насъ что могутъ разговоры значить?
Что я такъ чувствую — къ чему мнѣ говорить?
Когда нельзя всю душу въ душу передить —
Къ чему въ словахъ еѣ дробить и тратить?
Еще до слуха и до сердца не касаясь,
Слова уже остынуть, съ устъ моихъ сдыхаясь.

Люблю, люблю тебя! сто разъ я повторяю;
Ты сердился и хочешь ты бранить
Меня, что я любви моей совѣмъ не знаю
Ни высказать, ни выразить, ни въ пѣснь излить,
И, будто въ летаргю, не имѣю силу
Иной дать признакъ жизни, какъ сойти въ могилу.

Мой другъ, уста скучаютъ тщетнымъ изліяньемъ,
А я хочу мои уста съ твоими слить,
Хочу съ тобой биеньемъ сердца говорить,
Да вздохомъ только, да лобзаньемъ;
И такъ проговорю часы и дни, и лѣта,
И до скончанія и по скончаньи свѣта.

Н. Огаревъ.

VII.

С О Н Ъ.

Когда меня ты будешь покидать,
Не говори «прощай» мнѣ на прощаньѣ:
Я не хочу въ послѣдній мигъ страдать
И разставаясь знать о разставаньѣ.

Въ послѣдній часъ — и веселье, и счастливье —
У ногъ твоихъ, волшебница, я сяду
И, вѣчное «люблю» проговоривъ,
Изъ рукъ твоихъ приму я каплю аду —

И головой склонившись моей
Къ тебѣ на грудь, подруга молодая,
Засну, глядясь въ лазурь твоихъ очей
И сладкія уста твои лобзая.

И такъ просплю до страшнаго суда...
Ты въ онъ часъ о другѣ не забудешь:
Съ небесъ сойдѣшь ты ангеломъ сюда
И легкою рукой меня разбудишь:

Вновь на груди владычицы моей
Проснусь тогда, роскошно мечтая,
Что я дремала, глядясь въ лазурь очей
И сладкія уста твои лобзая!

Н. Бергъ.

VIII.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Два розныхъ жребія намъ вынуты судьбою;
Какъ въ морѣ двѣ ладьи, мы встрѣтились съ тобою:
Твоя, блестя кормой, подъ всѣми парусами
Увѣренно плывѣтъ, гонимая волнами;
Моя жъ — избитая, по волѣ злыхъ вѣтровъ,
Безъ вѣселя и руля, кружить среди валовъ,
И я — когда судьба пророчитъ ей невзгоду
И червь ей точитъ грудь — компасъ выдаю въ воду.
Разстаться мы должны! Увидимся ль опять?
Искать не станешь ты, я не могу искать!

Н. Гервель.

IX.

МОЯ БАЛОВНИЦА.

Когда въ часъ веселый откроешь ты губки
И мнѣ ты воркуешь нѣжнѣе голубки —

Я съ трепетомъ внемлю, я весь внѣ себя,
Боюсь проронить хоть единое слово,
Молчу, не желаю блаженства иного —
Все слушалъ бы, слушалъ, все слушалъ тебя.

Но глазки свергнули живѣе кристаловъ,
Жемчужные зубки блестятъ среди кораловъ,
Румянецъ въ ланитахъ ужъ началъ играть —
Теперь я смѣлѣе смотрю тебѣ въ очи,
Уста приближаю и слушать нѣтъ мочи:
Хочу цаловать, цаловать, цаловать!

Князь М. Голицынъ.

X.

СОНЕТЫ.

1.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Лаура милая! проносится ль порою
Предъ памятью твоею блаженство прошлыхъ дней,
Когда наединѣ, въ бесѣдѣ межъ собою,
Мы забивали миръ и чуждыхъ намъ людей?

Въ бесѣдѣ изъ цвѣтовъ, подъ зеленью живою,
Гдѣ вѣется по лугу, журча легко, ручей,
Не разъ ночь крыла насъ любовной пеленою
Въ часы таинственныхъ желаній и рѣчей.

А мѣсяцъ озарялъ сквозь облако украдкой
Грудь снѣжную твою и золото кудрей,
Придавъ красу небесъ красѣ земной твоей...

Тогда сердца у насъ смолкали въ нѣгѣ сладкой,
Встрѣчались уста, во взорѣ взоръ тонулъ,
Лилась слеза къ слезѣ и вздохъ ко вздоху льнулъ.

Н. Луговской.

2.

КЪ ЛАУРѢ.

На жизненномъ пути задумчивый прохожій,
Лишь встрѣтилъ я тебя — смятеніе и страхъ
Я въ сердцѣ ощутилъ и слезы на глазахъ...
Нельзя мигѣе быть, и чище, и пригожѣй!

Безмолвно я стоялъ, ница въ твоихъ чертахъ
Забитый идеаль, тотъ образъ, дивно схожій...
Заговорила ты — и словно ангель Божій
По имени меня окликнулъ въ небесахъ.

Съ-тѣхъ-поря ожилъ вдругъ и вѣрю въ избавленье;
Пріятнѣе стало мнѣ и легче съ-этихъ-поря;
Пускай мірскихъ судебъ суровый приговоръ

Готовить для тебя съ другимъ соединенье —
Я помню краткій мигъ, я помню ясный взоръ
И встрѣчу нашихъ душъ хотя и на мгновенье.

Н. Бергъ.

3.

Какъ ты проста во всёмъ, любви моей безумной
Упрямая мечта, мой ангель, нѣжный другъ,
И радость, и печаль, предметъ блаженства, мука,
Предметъ заботъ моихъ, вѣчины многодумной!

Вчера толпа твоихъ ровесницъ и подругъ
Надъ чьей-то шуткою смѣялись остроумной,
Но тихо ты вошла — и всё умолкли вдругъ...
Такъ разъ на вечеру, въ часы бесѣды шумной,

Когда разскащика-поэта гласъ гремѣлъ,
Кружокъ собравшихся внезапно онѣмѣлъ,
Не вѣдая, зачѣмъ всё разомъ замолчали;

Но тайну дивную поэтъ уразумѣлъ —
Бесѣдѣ говорить: здѣсь ангель пролетѣлъ;
Почтили всё его, не всё его узнали.

Н. Бергъ.

4.

СВИДАНІЕ ВЪ ЛѢСУ.

—Ты ль это? такъ поздно? — «Я сбился въ по-
тѣмкахъ съ дороги.

При мѣсяцѣ тускломъ тропы обманула лѣсная.
Грустила? меня вспоминала?» — Скажи мнѣ,
могла я

О чѣмъ постороннемъ подумать, любимецъ мой
строгий?

«О, дай же мнѣ руку! Позволь цаловать эти ноги.
Дрожишь; что съ тобою?» — Не знаю; въ лѣсу я,
гуляя,

Пугаюсь, чуть листъ зашумитъ, или птица ночная.
Ахъ! знать мы преступны, коль сердце такъ полно
тревоги!

«Взгляни-ко мнѣ въ очи, въ лицо. Никогда не
бывала

Вина такъ смѣла и тревога съ улыбкой такою.
Уже ль ты преступна, что быть мнѣ съ тобой
позволила?

«Сижу я далѣко; люблюсь съ отрадой нѣмою...
И такъ я, мой ангель земной, наслаждаюсь тобою,
Какъ-будто ты духомъ, какъ будто ты ангеломъ
стала.»

А. Фетъ.

5.

О, милая моя! нигдѣ подъ небесами
Невозмутимаго блаженства не сыскать;
На всёмъ невѣрнаго сомнѣнія печать;
Смотрю я на тебя открытыми очами,

А ты смущаешься; бѣгу я прочь опять;
При встрѣчахъ всякій разъ не вѣдаемъ мы сами,
Что мыслить, говорить, что дѣлается съ нами
И какъ намъ чувства тѣ по имени назвать.

Скажи, когда твои лобзая страстно руки,
Ловлю я нѣжныхъ устъ трепещущіе звуки.
И замираю самъ — ужели это муки?

Когда жъ и день и ночь тобою одной живу,
Томить любви тоска во снѣ и на яву —
Ужели счастиемъ я это назову?

Н. Бергъ.

6.

УТРО И ВЕЧЕРЬ.

Въ вѣнцѣ багряномъ Фебъ всплываетъ надъ землѣй :
Печальный ликъ луны блѣднѣетъ, погасаетъ.
Фіалка клопится взоръ подъ утренней росой
И роза лепестки къ свѣтлу простираетъ.

Лаура у окна. Смѣясь, она ласкаетъ
Густыя пряди косъ трепещущей рукой:
«О чемъ такъ рано вы грустите?»—воскликаетъ—
«Фіалка и луна, и ты, о милый мой?»

Промчался знойный день; вновь полная луна
Плывёт среди небесъ, румяна и ясна;
Фіалка вновь цвѣтётъ, исполнена надежды;

Опять моя любовь явилась у окна,
Съ сіяющимъ лицомъ, въ сіяющей одеждѣ:
А я... я всё томлюсь, печальный какъ и прежде.

Н. ГЕРБЕЛЬ.

7.

НѢМАНЬ.

О, Нѣмань, ты моя родимая рѣка!
Какъ памятна ты мнѣ! Раздольная, не ты ли
Вкругъ дѣтскаго играла челнока,
Когда мы по тебѣ однажды съ милой плыли?

Сильнѣй кипѣла кровь, сильнѣе мы любили,
И глядя, какъ въ волнахъ качались облака,
То весело смѣялись, то слегка
Слѣзами счастья струи твои мутили.

О, Нѣмань! гдѣ же тѣ счастливыя струи,
Надежды прежнія, восторги, ожиданья?
Гдѣ годы юные и свѣжіе мои?

Гдѣ милая моя? гдѣ съ ней мой свиданья?
Всѣ, всѣ давно прошло! Стою какъ въ забытн...
Когда жь пройдете-вы, души моей страданья?

Н. БЕРГЪ.

8.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ.

Благословенъ годъ, мѣсяцъ и седмица,
Благословенъ и день и самый часъ,
И даже мигъ, когда моя царица
Передо мной явилась въ первый разъ!

И будь ея благословенно око;
И ты стрѣла благословенна будь,
Что навсегда вонзилася глубоко
Пѣвцу въ страдальческую грудь!

Благословляю первое свиданье
Моей души, святую пѣсню ту,
Гдѣ высказалъ я первое страданье,
Гдѣ я воспѣлъ Лауры красоту.

Благославляю перья, что въ чужбинѣ
Писали мнѣ про милую мою;
Благославляю сердце, гдѣ донныѣ
Всѣхъ чувствъ моихъ владычицу таю.

Н. БЕРГЪ.

9.

ПРОЩАНЬЕ.

Ни взора нѣжнаго, ни ласковаго слова
Въ отвѣтъ на всю любовь безумную мою!
За что? или бѣденъ я и злата не даю;
Но ты и безъ него любить была готова.

Не златомъ я купилъ привязанность твою,
А нѣвъсь горькихъ слѣзъ... и нынѣ слѣзы лью...
Сокровище души тебѣ я отдалъ снова;
Но ты, не внемля мнѣ, зовешь къ себѣ другога.

Ужели мало жертвъ? о, нѣтъ, я угадалъ:
Ты хочешь звонкихъ рюмъ, ничтожный дымъ по-
хвалъ!

Для пѣсни соловья играешь ты душою —

И тѣшишься моимъ страданьемъ и тоскою;
Но знай, что гордыхъ музъ никто не покупалъ!
Для женской прихоти я лиры не настрою.

Н. БЕРГЪ.

XI.

ИЗЪ ПОЭМЫ «КОНРАДЪ ВАЛЛЕНРОДЪ».

1.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Сто лѣтъ минуло какъ тевтонъ
Въ крови невѣрныхъ окупался;
Страной полночной правилъ онъ.
Уже прусака въ оковы вдался,
Или сокрылся — и въ Литву
Понёсъ изгнанную главу.
Между враждебными брегами
Струился Нѣмань: на одномъ
Еще надъ древними стѣнами
Сіяли башни и кругомъ
Шумѣли роцци нѣвовья,
Духовъ пристанища святыхъ.

Символъ германца на другомъ,
Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свои объятія грозящи,
Казалось, свыше захватитъ
Хотѣлъ всю область Палемона
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлечь.

Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Въ косматой рысей шапкѣ, съ пукомъ
Калѣныхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
Литовцы юные, въ толпахъ,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шишакомъ,
Въ бронѣ закованный, верхомъ,
На стражѣ нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдя глазами,
Пищаль съ молитвой заряжалъ.
Всякъ переправу охранялъ:
Тоеъ Нѣмана гостеприимной,
Свидѣтель ихъ вражды взаимной,
Сталъ прагомъ вѣчности для нихъ;
Сношеній дружныхъ гласъ утихъ,
И всякъ, переступившій воды,
Лишонъ былъ жизни иль свободы.
Лишь хмѣль литовскихъ береговъ,
Нѣмецкой тополью плѣненный,
Черезъ рѣку, межъ тростниковъ,
Переправлялся дерзновенный,
Бреговъ противныхъ достигалъ
И друга нѣжно обнималъ.
Лишь соловьи дубравъ и горъ
По старинѣ вражды не знали,
И въ островъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ гости прилетали.

А. Пушкинъ.

2.

ВИЛІА.

У нашей Виліи, потововъ царицы,
Дно чисто, а волны румяной денницы;
У юной литвинки, царицы изъ паней,
Еще чище сердце, ланиты румяной.

Вилія по ковенскимъ милымъ полянамъ
Струится въ нарцисахъ, бѣжитъ по тульпанамъ;
Въ ногахъ у литвинки весь цвѣтъ молодѣжи,
Красивѣй тульпановъ, нарцисовъ пригоже.

Виліи не любви цвѣточки долины:
Не ихъ — она Нѣмана ищетъ родного;
Литвинкѣ не любви и скучны литвины:
Не ихъ — она молодца любить чужого.

Поднявши Вилію къ себѣ на рамена,
Несѣтся въ даль Нѣманъ на дикомъ просторѣ,
И держитъ подругу у влажнаго лопы,
И гибнетъ съ ней вмѣстѣ въ невѣдомомъ морѣ.

Какъ Нѣманъ Вилію, тебя, о литвинка,
Похитилъ приплещъ изъ родного селеня —
И ты, моя бѣдная, ты, спротивка,
Погибнешь тоскливо въ пучинѣ забвеня.

Ни рѣчки, ни сердца никто не догонитъ —
Вилія струится, а дѣвица любитъ:
Вилія въ возлюбленномъ Нѣманѣ тонетъ,
А дѣвица въ кельѣ дни юные губитъ...

Л. Мей.

3.

ПѢСНЬ ВАЙДЕЛОТА.

«Идѣтъ зараза на Литву,
Лія тлетворное дыханье.
Внимай народную молву —
Услышишь чудное сказанье:
Среди холмовъ, среди полей
Стоитъ дѣвица моровая;
Кровавый платъ въ рукахъ у ней;
Кровавымъ платомъ повѣвая,
Она живое всё мертвитъ —
И страшенъ всѣмъ заразы видъ.
Разящій взоръ въ пустыняхъ блещетъ;
Чуму завидя въ далебъ,
На башнѣ зѣмка стражъ трепещетъ,
Конь дрожитъ въ его руцѣ;
Привратный пѣсъ протяжно воетъ,
И, чуя смерть, онъ землю роетъ.
Зараза блѣдная идѣтъ —
И нѣтъ спасеня и пощады:
Гдѣ только платъ ея мелькнѣтъ —
Пустѣютъ сѣла, замки, грады.
И вотъ ужъ цѣлая страна
Вокругъ чумой поражена...
Однако всё страшились болѣ,
Когда, мечѣмъ грозя Литвѣ,
Являлся латвикъ въ дальнемъ полѣ,
Съ высокимъ шлемомъ на главѣ.

«Подобный страшному видѣнью,
Гдѣ онъ прошолъ грозящей тѣнью,
Пылала брань, струилась кровь.
Пойдѣмъ, о юноша, со мною,
Кто сохранилъ еще любовь
Къ своей отчизнѣ, кто душою
Донинѣ истинный литвинъ!
Пойдѣмъ — среди пустыхъ долинъ,
Надъ скорбною Литвы судьбою —
Пойдѣмъ, поплачемъ мы съ тобою!
Кручину въ сердцѣ затаимъ,
А духъ истерзанный и хилый
Живою пѣснью напоимъ,
Преданьями отчизны милой.

«О, пѣсня! ты святой ковчегъ,
Куда народъ во дни печали
Кладѣтъ свой рыцарскій доспѣхъ,
И мечъ, и славныхъ дней скрижали.
Ты гласомъ вѣщимъ говоришь,
Изъ вѣка въ вѣкъ переходящимъ,
И чудодѣйственно миришь
Былое наше съ настоящимъ.
Сгараютъ, тлѣютъ письма, на
Могучихъ геніевъ творенья,
Лишь ты уходишь отъ забвенья,
Кавчѣмъ-то чудомъ спасена!
Всегда жива, одна и та же,
О, пѣсня, ты стоишь на стражѣ
Съ мечѣмъ архангела у вратъ
Намъ дорогихъ воспоминаній!
О, пѣсня, ты священный кладъ,
Ты цвѣтъ народныхъ достояній!
Когда же суетный народъ,
Тебя услышавъ, не поймѣтъ —
Бѣжишь ты, пѣсня, и хоронишь
Свою завѣтную красу
Въ ущельяхъ мрачныхъ и въ лѣсу,
Или среди развалинъ стонешь...
Такъ съ крышп, дѣвятой огнѣмъ,
Слетаетъ птичка по-невогѣ,
Повннувъ гнѣздышко и домъ,
Надъ нимъ повѣется и потомъ
Она летитъ въ лѣса и въ поле —
И тамъ пріютъ себѣ найдѣтъ
И пѣсни прежнія поѣтъ.

«Я пѣсни слушивалъ, бывало,
Когда столѣтній земледѣль,
Съ полей родныхъ влекущій рало,
О дняхъ былыхъ мнѣ грустно пѣлъ

И вспоминалъ минувши бои
И васъ, могучіе бойцы,
Давнозабытые герои,
Отцы... бездѣтные отцы!
Неудержимые бѣжали
Потоки слѣзъ изъ глазъ моихъ,
А пѣсни тѣ, въ поляхъ родныхъ,
Еще сильнѣе поражали:
Одинъ-однимъ я слушалъ ихъ!
Какъ въ оный часъ трубою судной
Господь воздвигнетъ мертвецовъ,
Такъ мнѣ, при звукахъ пѣсни чудной,
Являлись призраки отцовъ,
Вставали арки и колонны
И пробуждались воды сонны,
Шума подъ вѣслами гребцовъ...
Рѣчамъ былого внемля жадно,
Бывалъ я духомъ возмущонъ;
Мечталъ и грезилъ такъ отрадно —
И такъ жестоко пробуждѣнъ!

«Исчезли вы, лѣса и сѣлы,
Въ очахъ моихъ густая мгла;
Замолкли вѣщіе глаголы
И лютя грустно замерла.
Брожу одинъ въ вѣмой пустынѣ,
Но искры стараго огня
Не тухнуть въ сердцѣ у меня,
И неожиданно по-нынѣ,
Порой, съвозъ сумракъ тѣмныхъ тучъ,
Незаметный вспыхиваетъ лучъ
И въ сердцѣ мнѣ лиетъ отраду...
Такъ въ драгоценную лампаду,
Страхнувъ съ нея сѣдую пыль,
Становятъ инокъ фитиль —
И свѣточъ сей, плѣняя взоры
Рѣзью и гранью дорогой,
Раскинетъ по стѣнѣмъ нагой
Великолѣпные узоры...

«О, еслибъ въ васъ пролить я могъ
Огонь, чтѣ насъ палилъ и жогъ,
Тогда бы, можетъ, ваши силы
Воскресли снова изъ могилы,
И, славы громъ издавѣка
Почуя духомъ, всякій ожилъ
И хотъ одну бѣ минуто прожилъ,
Какъ дѣды прожили вѣка.»

Н. Бергъ.

4.

АЛЬПУХАРЫ.

Свершилось — въ развалинахъ веси и грады,
Народъ мавританскій въ цѣпяхъ...

Еще защищаются стѣны Гренады,
Но злая зараза въ стѣнахъ.

Еще Альманзоръ защищаетъ съ вождями
Вершины родныхъ Альпухаръ.
Испанецъ свой стягъ водрузилъ подъ стѣнами:
Заутра — послѣдній ударъ.

И вотъ загремѣли орудья съ разсвѣтомъ:
Обрушились стѣны и валъ,
Блеснули кресты надъ большимъ минаретомъ —
И замокъ разрушенный палъ.

Одинъ Альманзоръ, когда всё въ оборонѣ
Погибло, легло головой,
Давъ смѣлый отпоръ настигавшей погонѣ,
Прорвался съвозъ вражескій строй.

Ватага испанцевъ, побѣдой надмѣнныхъ,
Межъ труповъ въ чертогѣ пустомъ
Пируетъ и дѣлитъ добычу и плѣнныхъ,
Купаясь въ винѣ дорогомъ.

Вошедшій привратникъ собранью доносить,
Что рыцарь далѣкихъ сторонъ
Вождей о свиданьи немедленномъ просить,
Что съ важною тайною онъ.

То былъ Альманзоръ, властелинъ мавританцевъ:
Покинувъ пріютъ боевой,
Онъ самъ предавалъ себя въ руки испанцевъ,
Моля ихъ о жизни одной.

«Испанцы!» сказалъ онъ: «во прахъ у порога
Челомъ я склониться пришлоу;
Пришлоу я увѣровать въ вашего Бога,
Услышать священный глаголю.

«Весь міръ да узнаеть, что честнымъ булатомъ
Низложенный царь и герой
Своихъ побѣдителей хотеть быть братомъ,
Вассаломъ короны чужой!»

Испанцы геройство всегда уважали:

Едва онъ былъ унанъ вождѣмъ,
Какъ тотъ его обнялъ — и всё обнимали,
Его лобызали потомъ.

Властитель, на ласки вождей отвѣчая,
Всѣхъ пламеннѣй главнаго сжалъ
Въ объятыхъ своихъ и, за шею хватая,
Къ устамъ его крѣпко припалъ.

Затѣмъ ослабѣлъ, на колѣни склонился;
Но всё еще, слабой рукой
Держась за одежду, за нимъ онъ влачился,
Обматывалъ ноги чалмой.

Взглянулъ, приподнялся — и всё изумился:
Такъ блѣденъ и страшенъ онъ былъ,
Такъ страшно глаза его кровью налились
И смѣхъ его ротъ искривилъ.

«Смотрите — я блѣденъ, презрѣнные гады!
Узнайте же — кто я такой!
Я васъ обманулъ: возвратясь изъ Гренады,
Заразу принёсъ я съ собой!

«Я влилъ въ васъ заразу своимъ лобызаньемъ —
И ласки тѣ яда полны!
Смотрите на корчи, внимайте стенамъ:
Такъ всё умереть вы должны!»

Онъ мечется, рвѣтся — какъ-будто бы хотеть,
Тоскою предсмертной томимъ,
Обнять всѣхъ испанцевъ — и страшно хохочеть,
Хохочеть онъ смѣхомъ глухимъ...

И умеръ. Еще не сомкнулися вѣки
И холодъ не тронулъ лица,
А демонскій смѣхъ уже замеръ на-вѣки
На блѣдныхъ устахъ мертвеца.

Напрасно испанцы уйдти торопились —
Зараза не знаетъ преградъ:
Еще съ Альпухаръ ихъ войскѣ не спустились,
Какъ палъ ихъ послѣдній отрядъ.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

XII.

ПАНЪ ТАДЕУШЪ.

ПОЭМА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Какіе тутъ сберёшь поэзіи цвѣты?
 О чёмъ тутъ будешь пѣть, средь вѣчной суеты
 Парижскихъ мостовыхъ, жи, грязи и проклятій,
 Неистощимыхъ слёзъ и воплей меньшихъ братій?
 О горе, горе намъ, что изъ родной земли
 Мы головы свои въ чужбину занесли,
 На-вѣкъ повинили родимые пороги!
 Что въ чужѣ мы нашли? Такія же тревоги!
 И здѣсь намъ не везётъ, и здѣсь вѣдь, что ни шагъ,
 Какъ и на родинѣ, шпионъ, измѣнникъ, врагъ,
 И здѣсь мы всякому своей бѣдою чужды,
 И здѣсь до нашихъ слёзъ Европѣ мало нужды.

Изъ Польши между-тѣмъ, да и со всѣхъ сторонъ,
 Летитъ за вѣстью вѣсть, какъ погребальный звонъ,
 А добрые друзья еще сильнѣй трезвонятъ
 И утѣшаются, что скоро всѣхъ схоронятъ,
 Что всѣмъ не долго жить; какъ враны на часахъ,
 Сидятъ; надежды нѣтъ нигдѣ и... въ небесахъ.
 Не диво жъ, если мы средь мукъ и стоновъ вѣчныхъ,
 Обмановъ, низостей, сердецъ безчеловѣчныхъ,
 Озлобилсь на всѣхъ, ссымаемъ рать на рать —
 И стали, наконецъ, другъ друга пожирать...
 Я, пташка малая, размахомъ слабыхъ крылій
 Я не стремлюся въ міръ страдальческихъ усилій,
 Борьбы, тревогъ, крамоль и бурныхъ непогодъ:
 Въ иной, счастливый край мечта меня зоветъ,
 Гдѣ духъ мой свилъ гнѣздо, гдѣ мысль моя живётъ.

Лѣта младенчества! Блаженъ изъ насъ, кто можетъ
 Забыть хотя на мигъ, что дразнить и тревожить
 Неугомонныя надежды поляка —
 Съ избранною семьей присѣсть у камелька
 И незатѣйливо, въ пріятельской бесѣдѣ,
 Рѣчь тихую повесть... хотя бъ о старомъ дѣдѣ,
 Иль попросту о тѣхъ, о лучшихъ временахъ —
 И сердцемъ утонуть въ блаженныхъ этихъ снахъ.
 Но о слезахъ твоихъ, бессмысленно пролитыхъ,
 И о страданіяхъ, напрасно пережитыхъ,
 О славѣ прошлаго, той славѣ, коей гулъ
 Доселѣ слышится, доселѣ не уснулъ —
 О, Польша милая! — вайду ль слова и звукъ?...
 Нѣтъ, опускаются нѣмѣющія руки!

Ты, Польша, такъ еще свѣжо погребена,
 Что пѣть тебя нѣтъ силъ, и не моя вина,
 Коли молчу теперь, какъ-будто онѣмѣлый;
 И Богъ-вѣсть кто изъ насъ, чей геній слишкомъ
 смѣлый

Разбудитъ мрачное молчаніе могилъ:
 Нѣтъ, видно часъ еще великій не пробилъ,
 Не заиграло намъ сіяніе денницы
 И польскіе орлы у Храбраго границы
 Побѣдной стаею еще не собрались
 И кровію враговъ еще не напились;
 Но вѣрю: станетъ! Святая битва грянетъ —
 И наша родина торжественно воспрянетъ
 Для новыхъ лучшихъ дней. Тогда кто будетъ живъ,
 Тѣ витязи, мечи побѣдные сложивъ,
 На славныхъ рубежахъ пространныхъ нашихъ
 граей,
 Вѣнчанны лаврами, послушаютъ сказаній
 Пѣвца счастливаго, поплачутъ: та слеза
 Лица не исказитъ, не выжжетъ намъ глаза!
 А нынѣ, горькіе, на собственномъ погостѣ,
 Что будемъ пѣть, нигдѣ непрошенные гости?
 И край, гдѣ легче мнѣ забыть свою тоску,
 Гдѣ есть хоть малая отрада поляку —
 То край невинныхъ дѣтъ! Воображеніе наше
 Не знаетъ ничего плѣнительнѣй и крашѣ,
 И будетъ намъ всегда казаться чистымъ онъ,
 Какъ первая любовь, какъ юной дѣвы сонъ.

Тотъ край, гдѣ весело игралось мнѣ бывало,
 Гдѣ рѣдко я грустилъ и плакалъ очень мало —
 Какъ дѣвственъ предо мной и свѣтелъ онъ лежитъ:
 По бархату луговъ тропа въ нему бѣжитъ,
 Пестро покрытая одними лишь цвѣтами.
 Мнѣ любо въ этотъ край перелетать мечтами:
 Всѣ тамъ кругомъ — моё, что ни завидитъ глазъ,
 Отъ липы, что въ саду широко разрослась,
 До ближняго ручья; а дальнія границы —
 Гдѣ начинаются сосѣднія свѣтлицы.

И только тѣхъ друзей, что жили въ томъ краю,
 Я неизмѣнными друзьями признаю:
 Они одни въ душѣ группируются тѣсно;
 Смотрю я, какъ теперь, на всѣхъ на нихъ...
 Извѣстно,
 Кто были тѣ друзья: сосѣди, братья, мать.
 Какъ приходилоя кого-нибудь терять,
 Какъ сѣтовали мы, какъ долго говорилось
 О нёмъ: какъ будто бы Богъ знаетъ, что случилось.

И добрые друзья поэту помогли,

Какъ тѣ, извѣстныя по сказкѣ, журавли,
 Что разъ надъ молодцомъ заляглымъ пролетали
 И перышковъ ему, бѣднягѣ, накидали:
 Онь крыльями взмахнулъ — и живо улетѣлъ
 Къ себѣ на родину, въ отеческій предѣлъ.
 О, боги! доживу-ль до тѣхъ времёнъ счастливыхъ,
 Когда собраніе сихъ строфъ непрехотливыхъ
 Достигнетъ до Литвы, до нашихъ сельскихъ дѣвъ,
 И дѣвы юныя, за прялку, пропѣвъ
 О той красавицѣ, что такъ играть любила,
 Что всѣхъ своихъ гуськовъ, играя, погубила;
 О сиротинкѣ той, стыдливой какъ заря,
 Что съ краемъ ушла за синія моря —
 Дойдутъ и до моихъ простыхъ и бѣдныхъ пѣсень
 И будетъ мой разсказъ имъ также интересенъ.

Такъ, помню, на травѣ, подъ липою, не разъ
 Мы, дѣти, слушали заманчивыя разсказы
 О злой волшебницѣ и нѣкомъ Веславѣ,
 По книгѣ, что была у насъ въ великой славѣ.
 Вокругъ читавшаго собирался цѣлый домъ;
 Подсаживался къ намъ порой и эконокъ
 И важнымъ голосомъ, внушительно и внятно,
 Ребятамъ объяснялъ, что было непонятно.

И какъ завидовалъ я славѣ тѣхъ пѣвцовъ,
 Хотя невѣдомыхъ, хотя и безъ вѣнцовъ,
 Которые даётъ надменный Капитолій,
 Но, безъ сомнѣнія, своей довольныхъ долей;
 Для нихъ, увѣренъ я, желаній всѣхъ конецъ,
 Былъ поднесенный въ даръ подругою вѣнецъ,
 Рукою дѣвственной и чистой заплетённый
 Изъ синихъ васильковъ, да изъ руты зелёной...

ПѢСНЬ I.

Отчизна милая! подобна ты здоровью:
 Тотъ истинной къ тебѣ исполнится любовью,
 Кто потерялъ себя... Въ страданьяхъ и борьбѣ,
 Отчизна милая, я плачу по тебѣ!
 Мать Богородица, что бодрствуешь надъ Вильной
 Своей опекою, щедротами обильной!
 Мать Ченстоховская, на Ясной что Горѣ:
 Какъ умирающій лежалъ я на одрѣ,
 Устами жаркими хвалу тебѣ читая —
 И ты спасла меня, заступница святая:
 Такъ благодетелью божественныхъ щедротъ
 Спасешь когда-нибудь отверженный народъ.
 Теперь носи мой духъ скорбящій и унылый
 Къ далѣбнымъ небесамъ моей отчизны милой,
 Къ ея задумчивымъ пустынямъ и лугамъ,

Къ зелёнымъ Нѣмана и Вилин брегамъ,
 Съ ихъ Бѣловѣжскою непроходимой луцей,
 Благоуханною, роскошною, цвѣтущей,
 Къ полямъ, исполненнымъ невѣдомыхъ красотъ,
 Гдѣ жито всякое въ обилии растѣтъ,
 Пшеница-золото, серебряная греча,
 Медвяный запахъ свой несущая далеча;
 А тамъ — густой ячмень, и просо, и овёсъ;
 И гдѣ, на рубежахъ, межъ ветель и берёзъ,
 Увидишь тихую, задумчивую грушу...
 Туда носи мою тоскующую душу!

Среди таинныхъ луговъ, въ затишьѣ, надъ прудомъ,
 Во дни минувшіе, стоялъ шляхетскій домъ,
 Весь чисто выбѣленъ; свѣтились ярко доски;
 Вокругъ него росли вудрявыя берёзки,
 А къ пруду низомъ шла аллея тополей,
 Повѣди — борозды распаханыхъ полей,
 Густая залежи и паръ изъ чернозѣму,
 Съ гумномъ, которое подходитъ близко къ дому,
 Гдѣ жолтыя свирды, поставленныя въ рядъ,
 Шатрамъ подобныя, безмолвно говорятъ,
 Что царствуетъ въ дому порядокъ и довольство,
 И ждѣтъ пріѣзжаго привѣтъ и хлѣбосолюство:
 Приземистая дверь ему не заперта
 И настезъ широко раскрыты ворота.

Вотъ къ домику тому подъѣхалъ кто-то въ бричкѣ;
 Лошадки бодрья, хотя и невелички,
 Вбѣжали въ ворота исправною рысцою;
 Изъ брички выпрыгнулъ проворно молодой
 Панничъ, не кличетъ слугъ, а прямо — въ двери дома,
 Какъ-будто всё ему давнымъ-давно знакомо;
 Не затрудняяся, по комнатамъ бѣжитъ.
 Всё то же веругъ него, всё тотъ же самый видъ:
 Не измѣнились ни мебель, ни обонъ,
 Лишь только сдѣлались поменьше покои,
 Чѣмъ были въ старину, для отроческихъ лѣтъ.
 Въ гостиной, на стѣнѣ, висѣлъ еще портретъ,
 Изображающій Тадеуша Костюшку,
 Въ чамарѣ и плащѣ; ногою ставъ на пушку
 И очи вверхъ поднимая, клянётся небесамъ
 Спасти отечество, или пасть геройски самъ.
 А далѣе — Корсакъ и съ нимъ Ясинскій рядомъ
 Дружины польскія окидываютъ взглядомъ;
 Кипитъ горячій бой, валятся москаля,
 А Прага занялась ужъ пламенемъ вдали...
 А вотъ, въ одномъ углу, на-лѣво, за Костюшкой,
 Куранты старыя, какъ водится, съ кукушкой;
 Шкалъ длинный подпиралъ подъ самый потолокъ.
 Пріѣзжій увидалъ протанутый шнурокъ —

Давай его тащить — и, сѣвши на печурку,
Прослушалъ старую Домбровскаго мазурку.

Гость бросился потомъ осматривать покой,
Гдѣ, восемь лѣтъ назадъ, онъ жилъ еще дитѣй.
Всѣ измѣнилось тамъ: стояли фортепяны,
Кухетки, канале, широкіе диваны;
Въ углу, на столикѣ, лежали кучи ноть
И книжки. Кто же здѣсь, подумалъ онъ, живѣтъ?
Мой дядя... развѣ онъ обзавелся женою?
А тѣтка въ Петербургъ уѣхала весною...
На мебель и на всё еще взглянулъ онъ разъ,
Въ соображенія и въ думы погрузясь...
Приблизился къ окну: садъ маленький въ порядкѣ:
Цвѣтами пѣстрыми покрыты были грядки
И видно, кто-то ихъ лелѣетъ всякій день.
Кругомъ окинуть былъ заботливо плетень
И рядомъ съ нимъ висалъ красивая аллея...
Но гдѣ жъ садовница, таинственная фея,
Невѣдомо отколь спорхнувшая сюда?
Напрасно юноша искалъ ея слѣда:
Не видно никого, лишь только за калиткой
Дрожали лопухи, задѣты ножкой прыткой.

Пріѣзжій, опершись плечѣмъ о вереву,
Стоялъ и воздуха прохладную струю,
Съ благоуханьемъ травъ, впивалъ широкой грудью,
Дивясь такому сну фольварка и безлюдью.
Никто къ нему нейдетъ. Пріѣзжій вновь къ окну
И садикъ маленький въ длину и ширину
Еще-разъ обѣжалъ пытливыми глазами,
Потомъ взглянулъ въ кусты — и что же? за кустами
Увидѣлъ дѣвушку, всю ясную какъ день:
Вѣрна обычаю литовскихъ деревень,
Подъ-вѣчеръ, въ чѣмъ была, въ свой садъ она сбѣжала,
Вскочила на плетень, не думая нимало,
Что сзади кто-нибудь её примѣтитъ могъ;
Забывъ на плечѣ набросить хоть платокъ;
Верхушки шейки бѣлая сорочка отдувалась
И грудь высокая оттуда выбивалась,
А кудри, отданы вѣтрамъ на произволь,
Свѣтлѣлись по краямъ, какъ нѣкій ореолъ —
Но не видать лица. Она смѣтрѣла въ поле,
Какъ-будто бы кого ждала къ себѣ отголѣ,
Узрѣла — и стрѣлой съ плетня спустилась внизъ,
Какъ серна легкая прыгнула черезъ цвѣтникъ
И, словно позабывъ, что сбоку есть дорожка,
Порхъ на завалинку, съ завалинки — въ окошко.
Всѣ это видѣлъ гость; стоитъ ни мѣртвъ, ни живъ,
Дыханье бурное невольно пританвъ,
Не смѣя тронуться, мигнуть не смѣя глазомъ —

Вдругъ «ахъ!» и вспыхнули какъ пламень оба разомъ.
Такъ облачный туманъ зардѣется порой,
Лишь повстрѣчается съ румяною зарѣй.
Смущенный страшно гость словъ ищетъ извиниться,
Едва, едва счумѣлъ неловко поклониться,
Приподнялъ голову, глядитъ: ея ужъ нѣтъ!
Какъ-видно, скрылася въ сосѣдній кабинетъ
И тамъ задвижкой проворно затворилась.
Онъ всё стоялъ, смѣтрѣлъ, а сердце билось, билось.

Въ то время разнеслася ужъ по фольварку вѣсть,
Межъ дворни и людей, что въ домѣ кто-то есть:
Вмигъ кони панскіе привязаны къ колодѣ
И заданъ имъ овѣсь. Хозяинъ новой модѣ
Не слѣдовалъ: коней чужихъ не отсылалъ
Кормится у жидовъ, а дома кормъ держалъ.
Хотя и не спѣшать заботливые слуги
Усердно предложить пріѣзжему услуги —
Не думай, что они балованный народъ;
Нѣтъ, такъ заведено: покамѣстъ не придѣтъ
Панъ-войскій *) изъ своей особенной свѣтлицы —
Далѣкій родственникъ хозяина, Соплицы,
И другъ, который всѣмъ завѣдывалъ въ дому —
Дотоль не начинать занятій никому.
Панъ-войскій шолъ уже тихонько на фольварокъ,
Отчасти — заглянуть на стряпаще кухарокъ,
А главное — смѣнить свой тѣацкій пудерманъ,
Надѣтъ проворнѣе кунтушь, пли жупанъ —
Встрѣчать пріѣзжаго получше нужно платье —
Вдругъ гостя увидалъ — и бросился въ объятія.

«Тадеушь!» И затѣмъ посыпались слова,
Хотя и громкія, но внятные едва.
Неуловимыя, отрывочныя фразы,
Вопросы быстрые и бѣглые рассказы,
А послѣ — новыя объятія опять.
«Тадеушь!» (Такъ отецъ велѣлъ его назвать,
Затѣмъ, что родился во времена Костюшки,
Когда гремѣвшіи литвиновъ нашихъ пушки
Напоминали всѣмъ народнаго вождя)
«Тадеушь! мы съ тобой немного погодя»,
Такъ войскій продолжалъ, «пойдемъ судѣвъ на
встрѣчу:

Онъ вышелъ поглядѣлъ, какъ убираютъ гречу,
И гости вмѣстѣ съ нимъ. Народу много тутъ.
Нагрянули толпой. Наряженъ, видишь, судъ:
На мѣстѣ разобрать, какъ слѣдуетъ, границы:

*) Войскій — во время всеобщаго возстанія опекунъ шляхетскихъ жонъ и дѣтей.

Есть стародавній споръ у графа и Солицы
 Объ замкѣ. Этотъ споръ поросъ уже травой,
 Какъ замокъ. Здѣсь теперь ассессоръ *), становой
 И подкоморій **) самъ, съ женой и дочерьми;
 Паненки въ лѣсъ пошли на ужинъ за грибами;
 А панство-молодежь охотится съ ружьёмъ.
 Пойдемъ же.» И они отправились вдвоёмъ.
 Дорогой не могли они наговориться.
 А солнце къ западу ужъ начало клониться,
 Горя, какъ пахаря румяное лицо,
 Когда, придя съ работъ, онъ ступитъ на крыльцо,
 Садится ужинать — и послѣ спать до свѣту;
 А тамъ вставай опять — и утомону нѣту.
 Сверкавшій зеленью на горизонтѣ боръ,
 Покуда падали лучи ему въ упоръ,
 Сталъ видимо темнѣть, подобясь синей тучѣ;
 Вокругъ, съ болотъ и рѣкъ, поднялся паръ летучій;
 Ужъ солнце скрылося; лишь только сквозь вершинъ
 Порой прорѣжется горящій лучъ одинъ,
 Какъ пламя отъ свѣчи сквозь оконныя щели.
 Погасло. Въ полѣ мракъ. Телеги заскрипѣли:
 Везутъ хозяйну въ амбаръ и на гумно
 Овсяные снопы, гречиху и пшено.

Летятъ пернатая на гнѣзда, подъ повѣти...
 Идѣтъ домой судья; съ кормилицею дѣти
 Бѣгутъ напередъ; потомъ хозяйнъ самъ
 Съ подкоморинюю и, обокъ прочихъ дамъ,
 Солидно шествуетъ вельможный подкоморій.
 Позади — молодежь. Кто въ шляпѣ несъ цыкорій,
 Кто — бѣлые грибы; что въ полѣ ни нашли,
 На ужинъ годнаго, въ рукахъ съ собой несли,
 Заботясь старшему отдать почѣтъ дорогой:
 Судья во всемъ любилъ обычай дѣдовъ строгой,
 Увѣренъ, что пока обычай этотъ живъ —
 И дома держатся и весь народъ счастливъ;
 А если старина уступитъ новымъ модамъ —
 Прощай тогда Литва со всемъ своимъ народомъ.

Свиданье первое Тадеуша съ судьей
 Недолго длилося: судья отѣръ полою
 Горячую слезу, овинулъ гостя взглядомъ,
 Потомъ подаловалъ — и путь держали рядомъ.
 Какъ гостю, былъ ему особенный почотъ:
 Что вмѣстѣ съ дамами дошолъ онъ до воротъ.

*) Ассессоръ — начальникъ земской полиціи, родъ нашего исправника.

**) Подкоморій — старшій чинъ въ повѣтѣ, родъ нашего предводителя дворянства. Одно время подкоморіямъ было предоставлено разбирать тяжбы помѣщиковъ о границахъ.

Вслѣдъ за хозяиномъ всё рушилося съ поля —
 Во всемъ хозяйская проглядывала воля:
 Взиваясь, щелкаетъ пастушій звонкій кнутъ
 И овцы, пыль поднявъ, гурьбой въ село бѣгутъ;
 За ними тучныя тирольскія коровы,
 Звонками брякая, влекутся изъ дубровы;
 Тамъ кони, ржа, летятъ со скошенныхъ луговъ;
 Блельніе овецъ, весѣлый звонъ роговъ
 И топотъ лошадей слилися въ гулъ единый.
 Тадеушъ сельскою, забытой имъ, картиной
 Не налюбуется и смотреть, какъ стада
 Слѣшать, гдѣ изъ бадн студеноя вода
 Въ колоды длинныя блестящимъ токомъ льется
 И машетъ колесо большое у колодца.

Судья, хоть и усталъ, а всё-таки соблюлъ
 Обычай: въ закрома къ скотницѣмъ заглянулъ.
 А войскій между-тѣмъ въ сѣняхъ съ Брехальскимъ
 Вознимъ

Соображеніямъ предалися серьезнымъ:
 Въ отсутствіи судьи Брехальскій, подъ шумокъ,
 Всю мебель изъ дому, какую только могъ,
 Велѣлъ перенести прислугѣ въ замокъ древній,
 Который ветхою руиной подъ деревней
 Стоялъ насупившись. «Къ чему переносить?»
 Хотѣлъ-было судья у войскаго спросить,
 Но войскій ускользалъ и не давалъ отвѣта
 Определеннаго, зачѣмъ тревогу эту
 Онъ поднялъ. Наконецъ, собравшись пошли
 Гурьбой къ развалинамъ, чернѣющимъ вдали,
 Чтобъ тамъ отъуживать. Лишь тутъ хозяйнъ строгой
 Дознался кое-какъ отъ войскаго дорогой,
 Что въ домѣ мѣста нѣтъ: такая тѣспота —
 Не поворотиться; развалина же та
 Глядитъ развалиной лишь издали, снаружи,
 А близко никакихъ хоромъ она не хуже,
 Хотя и треснула внутри одна стѣна.
 За-то уже просторъ, раздолье, ширина;
 Къ тому жъ и погреба, наследственныя вины...
 Но были, сверхъ того, особая причины.

Шаговъ на тысячу отъ дома, на холмѣ,
 Какъ привидѣніе возникшее во тьмѣ,
 Торчало зданіе — жестокая насмѣшка
 Надъ славой прошлыхъ лѣтъ. Хозяинъ, графъ
 Горешка,

Погибъ въ часы лихихъ усобицъ и войны;
 Имѣнія его тотчасъ же роздали
 Наслѣдникамъ, не-то въ севестрѣ казною взяты,
 Лишь замка никому ненужныя палаты
 Одни остались пока еще ничьи,

Сидя на рубежахъ Горешки и судьи,
И древней суетой своею не смущали
Покаместъ никого: наследники смѣкали,
Что реставрація поглотитъ много суммъ,
Которыя, подчасъ, важнѣй, чѣмъ славы шумъ.

Вдругъ приближъ родственникъ Горешки отдаленный,
Графъ, странникъ и поэтъ. Обѣхавъ полвселенной,
Онъ думалъ у себя въ помѣстьяхъ отдохнуть,
На счоты своего прикащика взглянуть,
Немного освѣжить свой духъ въ глуши пустынной
И, сразу пораженъ развалиной старинной,
На замокъ предъявилъ права свои — тогда жъ
Припала и судѣ такая точна блажь:
Затѣяли процессъ въ судѣ, потомъ въ палатѣ,
Потомъ опять въ судѣ и, наконецъ, въ сенатѣ.
Три года дѣло то разсматривалъ сенатъ,
Покуда, послѣ ссоръ и всякихъ новыхъ тратъ,
Процессъ не повернулъ дорогою обычной
На разбирательство управы пограничной.
Всѣ это вѣдая, знатокъ статей и правъ,
Брехальскій находилъ, что замокъ тотъ занявъ,
Они практически и дѣльно поступили:
Залъ былъ какъ рефектарій; въ боку покои были
Для канцеляріи. У оконъ и дверей
Кудрявые рога и головы звѣрей
Напоминали всѣмъ про дѣдовскій обычай
Чертоги украшать охотничьей добычей;
И даже надписи видѣлись вездѣ,
Гласившія о томъ, когда, и вѣмъ, и гдѣ
Убить такой-то звѣрь; и явственно дотождѣ
Сіаль Горешки гербъ: коза въ зелѣномъ полѣ.

При фавелахъ вошли и стали по мѣстамъ;
Для подкоморія — по званью и лѣтамъ —
Вверху почётный стулъ; хозяинъ посредникъ.
Ксѣндзь-квестаръ прочиталъ молитву по-латыни.
Тутъ, воды выпивши, усѣлись наконецъ,
И живо стали ѣсть литовскій холодецъ.
Тадеушъ хотъ и былъ лѣтами всѣхъ моложе,
Однако помѣщенъ въ углу почётномъ тоже,
Какъ вновь прибывшій гость. Межъ дядей и межъ
нимъ

Остался лишь одинъ приборъ незанятымъ
И ждалъ, казалось, прибытія кого-то.
Судья поглядывалъ съ тревогой и заботой
То на дверь, то на стулъ; и гость смотрѣлъ туда
И, хотъ была его сосѣдка молода,
Дочь подкоморія, и хороша собою,
Но непонятною какою-то судьбою
Ни слова съ нею онъ не выронилъ изъ устъ

И всё посматривалъ туда, гдѣ стулъ былъ пустъ.
Черты прелестныя въ умѣ его сповали
И видимо ему покоя не давали.
Такъ на болотѣ въ дождь играютъ пузыри,
Колебля лопухи, тростники и купыри,
Вдругъ линія озёръ ихъ сѣти пробиваетъ
И наверхъ царственно и пышно выплываетъ.
Ужъ третье кушанье на столъ принесено.
Тутъ къ старшей дочери придвинувши вино,
А младшей огурцы подавши и циборій,
Замѣтилъ съ тайною досадою подкоморій:
«Впервые довелось мнѣ нынче, старику,
Для дамъ прислуживать; ни разу на вѣку
Я не видалъ еще... но времена не схожи;
Что дѣлать, ежели никто изъ молодёжи
Не догадается!» Тогда рванулись вдругъ
Со всѣхъ концовъ стола десятки дюжихъ рукъ.
Судья — Тадеуша, сидѣвшаго съ нимъ рядомъ,
Сердитымъ съ головы до ногъ окинувъ взглядомъ —
Сказалъ: «Мы, старики, заботимся о томъ,
Чтобъ воспитать ребятъ и ихъ въ столицу плѣмъ;
Не спорю: молодёжь учонѣе отсюда
Къ намъ возвращается, но только вотъ что худо:
Науку — знать людей, приличья, формы, свѣтъ —
На это каедры теперь, какъ видно, нѣтъ.
Въ дни наши молодёжь незнатная, бывало,
Въ домахъ зажиточныхъ магнатовъ проживала;
Я самъ вотъ у его у милости въ дому,
У подкоморія воспитанъ» — тутъ къ нему
Припалъ почтительно и обнялъ за колѣни —
«И не преставу вѣкъ ко Господу моленій
За всё его добро и ласки возносить,
Хотя бы могъ еще и болѣе просить:
Иной, черезъ него, по службѣ удостоенъ...
Но я не жалуясь; доволенъ и покоенъ,
Что дѣдовскіе всѣ порядки соблюдать
Съизмала наученъ. Да, не мѣшаетъ знать:
Учтивость истинно великая наука
И не сейчасъ даётся намъ. Не штука
Расшаренутся ногой, пристукнуть каблучкомъ,
Проворно въ воздухъ вертнуть своимъ носкомъ,
Не-то заговорить съ пріятелемъ развязно;
Нѣтъ! штука поступать со всякимъ сообразно
Его значенію, сословію, лѣтамъ.
На-что отецъ съ дѣтьми, съ женою мужъ — и тамъ
Свои отгѣнки ѣсть, особый сортъ приличій.
Таковъ, по крайности, прадѣдовскій обычай.
А разговоръ о чѣмъ? Дѣянья прошлыхъ лѣтъ;
Но задѣваютъ тутъ нерѣдко и повѣтъ,
Чтобъ показать инымъ, что знаютъ повсемѣстно
Проказы ихъ; что всё про нихъ давно извѣстно.

Такъ искони у насъ въ обычаѣ велось
И бытъ тѣмъ крѣпокъ былъ; теперь всё глѣзеть врозь;
Случается, что наняъ приходять въ гости къ пану,
Какъ деньги къ древнему въ карманъ Веспасіану,
Который не любилъ распросовъ, говорить,
Откуда, что и какъ, а былъ даяню радъ.»

Сказавши то судья и крякнувъ напоследокъ,
Обвѣлъ глазами всѣхъ сосѣдей и сосѣдокъ,
Затѣмъ, что хотъ всегда искусно рѣчь держалъ,
Но, тѣмъ не менѣе, по опыту онъ зналъ,
Что нынче молодѣжь куда нетерпѣлива
И какъ бы кто ни вѣлъ своей бесѣды живо,
Чуть призатянется — ужъ и начнутъ зѣвать —
И надобно её не кончивъ перервать.
Теперь всѣ слушали въ молчаніи глубокомъ.
На подкоморія ораторъ вскинулъ окомъ:
Тотъ одобрительно отвѣтилъ головой.
Тогда, наполнивши бокалъ его и свой,
Ораторъ продолжалъ: «Да, подлинно, учтивость
Наука важная, и та въ ней особливость,
Что тѣмъ кто болѣ ту науку познаётъ,
Вникаетъ въ правила, которыя народъ
Отъ дѣдовъ сохранилъ и чтить еще догогъ —
Тотъ вѣсу въ обществѣ пріобрѣтаетъ болѣ.
Такъ, если собственный узнать ты хочешь вѣсь,
Вели, чтобъ кто-нибудь въ другую чашу влѣзь.
За этимъ уважать я вамъ рекомендую
Учтивость. Если жъ кто сосѣдку молодую
За трапезой своимъ вниманьемъ обойдетъ
И не услужитъ ей, я думаю, что тотъ...»
Присѣмъ племянника онъ смѣрилъ грознымъ окомъ,
Готовясь выступить съ крутымъ ему урокомъ.
Тадеушъ поблѣднѣлъ, но подкоморій вдругъ,
Всю залу взорами овинувши вокругъ,
Легонько пальцами ударилъ въ табакерку
И молвилъ: «Такъ-то-такъ, но если на повѣрку
Начнемъ всё взвѣшивать и всё соображать:
Нельзя намъ молодѣжь свою не уважать.
На памяти моей гораздо хуже было,
Когда заморскаго народу навалило
Сюда, хотъ прудъ пруди: намъ изъ чужой земли
Обычаевъ они и моды навезли,
А наши юноши сейчасъ, по ихъ примѣру,
Забывъ отечество, родной языкъ и вѣру,
Въ наставникахъ своихъ не чая и души,
Надолго бросили чамарки, кунтуши,
Давай по ихнему кафтаны шить кургузы —
И стали всѣ на видъ какъ истые французы,
Ну такъ, что иногда нельзя и разобрать.
Коли кого Господь захочетъ покарать,

Разсудокъ онъ затѣмнитъ у тѣхъ: объ эту пору
Не думали давать и старшіе отпору
Той басурманщинѣ; повсюду былъ разладъ,
Повсюду — будто бы на сырной маскарадъ,
Покуда не пришла совсѣмъ иная доля:
Во слѣдъ за сырною, великій постъ — неволя!»

«Лѣтъ пятьдесятъ тому, въ повѣтъ Опшанскій къ
намъ,
Я помню, заѣзжать любилъ по временамъ
Подчашичъ, первый, кто у насъ кафтанъ француз-
скій
Надѣлъ; гонялись всѣ за этой трясогузкой,
И даже лицамъ тѣмъ завидовалъ весь свѣтъ,
У чьихъ воротъ стоялъ его кабриолетъ.
А кучеръ у него въ чулкахъ ходилъ; ботинки
Носилъ онъ съ пряжками, а ноги какъ тычинки.
Навозлахъ, рядомъ съ нимъ, сидѣлъ косматый пѣсъ,
Котораго съ собой изъ-за моря привѣзъ
Подчашичъ. А народъ, увидя ту карету,
Твердилъ, что ѣздилъ въ ней нѣмецкій чортъ по свѣту,
И всякій осѣнить снѣшилъ себя крестомъ.
Какъ одѣвался самъ Подчашичъ, я о томъ,
Во всѣхъ подробностяхъ описывать не стану,
Скажу лишь, что похожъ онъ былъ на обезьяну.
Отъ подражанія ему предостережъ
Могли бы старшіе, но сдерживали рѣчь,
Чтобъ шуму не поднять, чтобъ судьи наши строги
Не вздумали кричать, что не даемъ дороги
Мы просвѣщенію. Подчашичъ говоритъ,
Что за моремъ народъ вопросовъ тьму рѣшилъ,
Что всѣ между собой равны тамъ люди стали;
Хотъ мы о томъ давно въ писаніи читали
И проповѣдуютъ въ костѣлахъ всякій день
Ксендзы; но ежели французскій бюллетень
Не подтвердилъ: законъ не можетъ быть закономъ!
Подчашичъ приѣзжалъ въ то время къ намъ барономъ,
Затѣмъ-что за моремъ былъ въ модѣ титулъ тотъ.
Когда же титулы во Франціи народъ
И привилегіи магнатовъ уничтожилъ —
Сталъ демократомъ онъ; а еслибъ дольше пожилъ,
Богъ знаетъ прозвище какое бъ изобрѣлъ.
Вѣкъ этихъ обезьянствъ, по счастью, прополъ
И нынче попрекнуть нельзя намъ молодѣжи,
Что ѣздить за море она — мѣнять одѣжи,
Иль, Господи прости, коверкать свой языкъ.
Призваніе своё французъ теперь постигъ:
Ихъ кесарь, Бонапартъ, толкуетъ не о модахъ,
А объ оружіи, о царствахъ, о народахъ;
По манію его, собираются полки —
И славны по свѣту вновь стали поляки.

Но... время тянется, гостей мы ждём напрасно
И ко Всевышнему взываемъ ежечасно:
Москва, по прежнему, бѣльмо намъ на глазу.
А что», вполголоса сосѣду онъ всендзу
Сказать, «не слышно ли тамъ, отче, о французѣ
Чего-нибудь у васъ? о нашемъ съ нимъ союзѣ?
И можно ль ждать конца желаннаго тому?»
— «Не слышно ничего», на это всендзъ ему:
«Да и зачѣмъ теперь такіе разговоры?»
Сказать и опустилъ свои въ тарелку взоры,
Потомъ приподнялъ ихъ и быстро поглядѣлъ
Въ ту сторону стола, гдѣ межъ гостей сидѣтъ
Армейскій капитанъ, Иванъ Никитичъ Рыковъ,
Неотличавшійся познаніемъ языковъ,
Хоть онъ Богъ знаетъ гдѣ съ полкомъ перебивалъ:
По польски всё жъ таки кой-какъ мароквалъ
И, услышавши вдругъ намѣкъ о Бонапартѣ,
Сказалъ: «Эй, вы, панн! Что вы въ такомъ азартѣ?
Ксендзъ-пробощъ бернардинъ, вельможный панъ
судья

И подкоморій панъ! По польски знаю я!
Вамъ о французяхъ всё! Депешы изъ Варшавы!
Отчина! Знаю я: вамъ хочется расправы
Съ Москвой! Я не шпионъ, а знаю всё какъ есть.
Покажѣсть можемъ мы по братски пить и ѣсть.
Бывало чуть у насъ съ французомъ мировая:
Всѣ обнимаются другъ съ другомъ, попивая
Шампанское... трубятъ: опять ура въ штыви!
У насъ пословицу сложили старики:
Коль любишь, такъ и бѣйшь. Но будетъ драка снова,
Ей Богу! Вотъ вчера я былъ у Жигунова,
Майора: говорить, объявленъ вишь походъ;
Но безъ Суворова пожалуй насъ побѣтъ
Проклятый Бонапартъ. Нашъ батюшка Суворовъ
Былъ оборотень: разъ, безъ дальнихъ разговоровъ,
Оборотился онъ въ борзого кобеля
И за французомъ ну чесать черезъ поля,
А Бонапартъ (и онъ былъ оборотень тоже)
Прикинулся лисой — и... что тутъ было, Боже!»

Въ ту пору скрипнула приземистая дверь:
Особа новая глазамъ гостей теперь
Предстала; рядышкомъ съ Тадеушемъ на стулѣ
Садится; на ней всѣ гости вразъ взглянули:
Была она собой пригожа, молода;
Цвѣтистымъ вѣеромъ махалась иногда,
Хоть вовсе не было въ покояхъ зѣмца жарко.
Всѣ, сверху до низу, на ней смотрѣло ярко;
Весьма короткіе у платья рукава;
Повсюду ленточки, фестоны, кружева,
Хитро сплетенныя гирлянды и букеты

И, наконецъ, брильянты въ хвостѣ косы-кометы
Сіялъ звѣздой. Была какъ-будто убрана
На багъ. Когда жъ за столъ садилася она,
Легонько на плечо сосѣда оперлася,
Учтиво передъ нимъ однако извиняся,
Но ровно ничего не ѣла; вѣеръ свой
Крутила; брильянты подчасъ надъ головой
Рукою пухлою и бѣлою поправляла,
Да взорами въ мужчинъ убійственно стрѣляла.
Такъ на минуту былъ перерванъ разговоръ.
Межъ-тѣмъ, въ другомъ концѣ завязывался споръ,
Сперва умѣренный, чѣмъ долѣ тѣмъ задорнѣй,
О томъ, чей борзый пѣсъ былъ лучше и проворнѣй.
Шли въ очередь Тузы, Сагтаны, Соколы.
Ассессоръ выставилъ достоинство Стрѣлы,
Пса рѣдкой прыткости, и красоты, и жара;
А становой стоялъ за славу Янгчара,
Дотолъ будто бы невиданнаго пса —
И толковалъ о немъ навѣрно полчаса.

Не принимая въ томъ участія въ разговорѣ,
Въ другомъ концѣ стола судья и подкоморій
О политическихъ дѣлахъ трактатъ вели
И вмѣстѣ — о судьбахъ родной своей земли.

Тадеушъ между-тѣмъ въ раздумѣ былъ глубокомъ,
На гостью новую поглядывая бокомъ,
А сердце билося сильнѣе и сильнѣй...
И такъ, онъ угадалъ: тотъ стулъ — онъ былъ для ней!
Для той, кого въ саду онъ видѣлъ на разсвѣтѣ,
Но та какъ бы въ иномъ ему мелькнула свѣтѣ
И ростомъ, кажется, поменѣ была;
А можетъ, видъ иной одежда ей дала;
Одежда многое въ глазахъ у насъ мѣняетъ:
Чего недостаетъ — одежда пополняетъ.
Какъ-будто бы другой у этой цвѣтъ волосъ...
Лица и глазъ у той ему не довелось
Увидѣть по утру, но горя въ этомъ мало:
Воображеніе ему нарисовало
Мгновенно: ясный взоръ, румяныя уста,
Ланиты свѣжія, всё, словомъ, до чиста,
Что нужно юности, чтобъ сномъ любви забыться,
Чтобъ сердце начало живѣй и шибче биться,
А тамъ — брюнетка ли, блондинка ли она,
Дитя ль воздушное, иль нѣсколько полна —
Влюбленный въ метрику заглядывать не будетъ
И сердцемъ обо всѣмъ по своему разсудить.

Хотя Тадеушу ужъ было двадцать лѣтъ
И въ Вильнѣ видѣлъ онъ немного жизнь и свѣтъ,
Но — отдавъ строгому ксендзу на воспитанье —

Умѣлъ хранить отцовъ онъ строгія преданья:
 Вдали отъ всякихъ бурь, какъ свѣжій тополь, взросъ
 И душу чистую на родину привёзъ
 Въ могучемъ тѣлѣ онъ, теперь лишь замысливъ
 Отвѣдать кой чего среди родного края,
 Вкусить досель еще невѣдомыхъ плодовъ.
 Онъ былъ собой пригожъ, и крѣпокъ и здоровъ,
 Имѣлъ въ родню, въ Соплицъ, военныя хватки,
 Еще дитѣй игралъ съ ребятами въ лопатки,
 А въ школѣ по ружью и саблѣ тосковалъ
 И надъ грамматикой отчаянно зѣвалъ.
 Науки не далась ему: онъ зналъ заранѣ,
 Что быть ему въ боахъ, служить въ военномъ станѣ,
 Учись, или не учись — одинъ тебѣ конецъ!
 Что такъ ужъ завѣщалъ покойный папъ-отецъ.
 Вдругъ получаетъ онъ отъ дяди разрѣшенье
 Оставить домъ всенда, отправиться въ имѣнье,
 Начать хозяйничать, забывъ пока войну,
 И потихохоньку высматривать жену;
 А что до всякихъ благъ: не будетъ онъ въ накладѣ,
 Лишь жилъ бы въ простотѣ и не перечилъ дядѣ.

Сосѣдка это всё съумѣла вмѣстѣ смѣннуть;
 Взглянула на плеча Тадеуша, на грудь,
 Во всемъ замѣтила и силу, и здоровье:
 Чтѣ—кровь былъ съ молокомъ, какъ говорить при-
 словье.

Первоначальное смущеніе прошло;
 Свободное отъ думъ, высокое чело
 Однимъ младенческимъ спокойствіемъ сіяло:
 Сосѣдку созерцалъ ужъ не боясь нимало,
 О томъ же, что она, вопросъ давно рѣша —
 И счастьемъ была полна его душа.

Сосѣдка первая нарушила молчанье:
 Желая выказать учоность и познанья,
 Спросила, много ли онъ книгъ съ собой привёзъ?
 И за вопросомъ тутъ послѣдовалъ вопросъ,
 Какъ волны за волной, когда взграетъ море;
 Всего коснулась въ кипучемъ разговорѣ:
 Новѣйшихъ авторовъ, архитектуры, модъ,
 И рисованія, и музыки, и нотъ:
 Чтѣ книга сыпала словами, чтѣ газета.
 Тадеушъ онѣмѣлъ, всё выслушавши это,
 Какъ предъ инспекторомъ сробѣвшій гимназистъ,
 Къ тому жъ и вообще онъ былъ не такъ рѣчистъ.

Примѣтя то, она предметъ переимѣнила:
 О деревенскомъ съ нимъ житѣй заговорила,
 Чѣмъ надо завестись, хозяиномъ чтобъ стать,
 Какъ время на селѣ удобнѣй коротать —

И шла часть отъ часу бесѣда ихъ живѣе;
 Тадеушъ дѣлался часть отъ часу смѣлѣе,
 Ужъ началъ возражать... Передъ концомъ стола
 Она три шарика сосѣду подала,
 На выборъ: указавъ онъ тотъ, который съ краю
 Лежалъ, шепнувши ей: «я этотъ выбираю!»
 На то надулася сосѣдка ихъ одна,
 Дочь подкоморія. Другая сторона
 Вела между собой иные разговоры:
 Въ ходъ были пущены охота, псы да своры;
 Ассессоръ съ партией своею спасовалъ
 И становой теперь надъ нимъ торжествовалъ.
 Повинувши мѣста и всей гурьбою стоа,
 Два билось лагеря, какъ два лихихъ героя;
 Немного впереди задній становой
 (Онъ былъ звонкоголосъ и человѣкъ живой:
 Когда рассказывалъ, особия движенья
 Рукамъ для пуцаго давалъ онъ выраженья)
 Всѣ краснорѣчіе теперь на свѣтъ явилъ,
 Два пальца выдвинувъ, а оба локтя втылъ
 Откинувъ и прижавъ, чтобъ вѣрнѣй двѣ своры
 Представить тѣмъ. «Ату! пошли черезъ косогоры
 Два пущенные пса, примѣтя русака,
 Точь въ точь какъ двѣ стрѣлы изъ одного лука,
 Не-то два выстрѣла вдругъ изъ одной дустволки.
 Ату его, ату!... Между псарями толки
 Тихонько начался: чья въ ту пору возьмѣтъ?
 Русакъ, не дурень будь, къ опушкѣ, на ухоть,
 И сразу отсадили сажени на четыре —
 И ну давать круги размашистѣй и шире.
 Мой Янычаръ къ нему! ату его, ату!
 Вотъ, кажется, насѣлъ, повиснулъ на хвосту,
 Того гляди возьмѣтъ! да нѣтъ, не тутъ то было:
 Изъ-подъ носу у псовъ добыча уходила;
 Они за нимъ — ату! Онъ вправо далъ козла;
 Тутъ налегла къ нему ассессора Стрѣла —
 Онъ влѣво, влѣво псы — и долго рядомъ пара
 Держалась: ни Стрѣла впередъ отъ Янычара,
 Ни онъ отъ ней! Неслись какъ бы одинъ, но вдругъ
 Мой выдался и цапъ!» Какъ выстрѣлъ этотъ звукъ
 По залѣ раздался — дрогнули своды залы.
 Тадеушъ рѣчь прервалъ; въ лицѣ румянецъ алый
 Зардѣлся у него: онъ что-то говорилъ
 Сосѣдкѣ передъ тѣмъ, смѣялся и шутилъ,
 Ища подъ скатертью рукою шаловливой
 Сосѣдкиной руки. Такъ вѣтерокъ игривый
 Порою пташекъ двухъ печально вслуговѣтъ,
 Или, вѣтку отъ ствола откинувъ, колыхнѣтъ
 И долго въ воздухѣ дрожить, качаясь, вѣтка:
 Такъ нѣсколько минутъ Тадеушъ и сосѣдка
 Сидѣли, смущены тѣмъ звукомъ; но потомъ

Тадеушъ ободрясь сказалъ: «все дѣло въ томъ,
Чей пѣсь опередилъ; не можетъ быть тутъ спору,
Особенно, когда псаря спустили свору
Единовременно, въ одинъ и тотъ же мигъ.»

Ассессоръ, слыша то, наморщилъ гнѣвный лизъ
И на Тадеушѣ остановился взглядомъ,
Которой полонъ былъ и горечью, и ядомъ.
Ассессоръ менѣ въ движеніяхъ былъ живъ,
Чѣмъ лютый врагъ его, и менѣ крикливъ;
За-то на раутѣ, на сеймѣ, середь бала
Боялись всѣ его: языкъ его, какъ жало,
Являлъ и колкости умѣлъ пускать острѣй,
Чѣмъ добавленія иныхъ календарей.
Когда-то человекъ съ значеньемъ и богатый,
Провѣлъ онъ молодость азартно, мотовато,
На съѣздахъ, въ сеймикахъ, по ярмаркамъ кутилъ
И все отповское имѣніе спустилъ.
Теперь же поступилъ на службу изъ расчоту,
Чтобъ вѣсь какой-нибудь имѣть; любилъ охоту
Для развлеченія, а частью потому,
Что громкій звукъ роговъ напоминалъ ему
Потѣхи прежнихъ лѣтъ, охотничьи забавы
Съ огромной псарнею, весѣлыя облавы
И пиршества среди наследственныхъ лѣсовъ.
Отъ псарни той едва осталась пара псовъ,
На утѣшеніе ему — и смѣть теперь позорить
Главнѣйшаго изъ нихъ! смѣяться, дерзко спорить!
И кто жъ! молокососъ! столичный неучъ, гость!...
Съ трудомъ скрывая гнѣвъ, волненіе и злость,
Ассессоръ выступилъ и, бабенбарды глядя,
Сказалъ Тадеушу: «Когда бы панскій дядя,
Или хоть тѣтушка вмѣшались въ этотъ споръ:
Они, живя въ селѣ, видали больше своръ
И замѣчаны ихъ, пожалуй, были бы сильны;
Но панъ, всего лишь день вернувшійся изъ Вильны,
Едва ли можетъ быть судьбою избранъ здѣсь!»
Тадеушъ, услыхавъ тѣ рѣчи, вспыхнулъ весь,
Привсталъ изъ-за стола — ассессору бы горе!
Но въ табакерку вдругъ ударилъ подкожорій,
Понюхалъ и чихнулъ — всѣ крикнули вивать!
А онъ имъ послѣ такъ: «лѣтъ подь сорокъ назадъ,
Въ дни наши, братія, панове добродѣи,
Всѣ эти разныя охотничьи затѣи,
Всѣ споры шумные кончались межъ дубравъ;
Поэтому нашъ гость едва ли будетъ правъ,
Теперь, за ужиномъ, вопросъ такой рѣшая.
Но учреждается охота здѣсь большая
На завтра: завтра мы всѣ споры разрѣшимъ;
А нынѣ, съ вечера, панове, поспѣшимъ
Приготовленьями какъ слѣдуетъ заняться;

И графъ съ охотою своею, можетъ-статься,
Пожалуетъ; и васъ мы просимъ, панъ-судья,
И дамъ, и паненъ всѣхъ; на старость лѣтъ и я
Попробую: гурьбой всѣ двинемся мы вмѣстѣ;
Я, чай, и войскій нашъ не усидитъ на мѣстѣ!»

А войскій на другомъ сидѣлъ концѣ стола
И словно не слыхалъ, что объ охотѣ шла
Бесѣда ярая. Всѣ споры проклиная
И въ пальцахъ табаку щепоть переминая,
Онъ, наконецъ, его отчаянно нюхнулъ
И громко посреди компаніи чихнулъ;
Чиханье войскаго откликнулося эхомъ
Подъ сводами; а онъ такъ началъ съ горькимъ смѣ-
хомъ:

«Дивить меня, ей-ей, вашъ споръ о парѣ псовъ,
Съ такою яростью и въ столько голосовъ!
Что если бы въ гробахъ онъ мѣртвахъ растревожилъ,
Когда бы нашъ Рейтанъ опять межъ нами ожилъ
И споръ услышалъ тотъ: онъ вынести бъ не могъ,
Вернулся бъ на погостъ и вновь въ могилу лѣгъ!
Иль Неселовскій нашъ, охотникъ первый въ свѣтѣ,
Какихъ ужъ болѣ нѣтъ и первый панъ въ повѣтѣ,
Въ имѣніи своемъ до сихъ живущій поръ,
И держущій псарей по пански цѣлый дворъ
И сто возовъ сѣтей медвѣжьихъ. Онъ ужъ нынѣ
Не ѣздитъ полевать; отшельникомъ въ пустынѣ
Сидитъ среди своихъ отеческихъ дубравъ,
Билопетровичу и то разъ отказавъ!
И пусть сидятъ себѣ ужъ лучше бирюками,
Чѣмъ ѣздитъ этакимъ панамъ — за русаками!
Въ дни наши: туръ, медвѣдь, кабанъ, олень и лось —
Вотъ настоящими звѣрами что звалось,
Что любить чашу, глушь, да камыши, да топи;
А звѣря безъ ногтей травили лишь холопи;
Паны же нехотя вели о томъ и рѣчи.
Ружьѣ, въ которое набита не картечь,
А дробь, считалось на-вѣки оскверненнымъ,
И пану взять его — поступкомъ незаконнымъ
И непростительнымъ. А, впрочемъ, и борзыхъ
Держали для того: когда съ охотъ лѣсныхъ
Случалось по полямъ, по степи возвращаться,
Чтобъ было чѣмъ подчасъ ребятамъ забавляться
И протравить шута много русака;
А старшіе, смотря на нихъ издалека,
Смѣялись. Потому и мнѣ прошу дозволить
Остаться и меня на этотъ разъ уволить
Отъ полеванія въ степяхъ на русаковъ;
Что дѣлать: у меня обычай ужъ таковъ!
Гречеха я зовусь: еще отъ круля Леха
На зайцевъ ни одинъ не полевалъ Гречеха!»

Всѣ въ смѣхъ ударились и, вставъ изъ-за стола,
Изъ замка медленно компанія пошла.
Сначала выступилъ переважно подкоморій:
Замѣтно по лицу, что въ добромъ былъ юморѣ;
Идя, привѣтливо онъ кланялся гостямъ;
Съ подкомориною хозяйнѣ пользъ, а тамъ
Попарно прочіе. Ассессоръ шолъ съ Крайчанкой,
А становой, въ концѣ, съ Варварой Гречешанкой.

Тадеушъ забрался дремать на сѣновалѣ.
Въ воображеніи у юноши сновалъ
Тотъ вечеръ. Богѣ всего звонило въ ухо
Ему, какъ бы пчела проклятая, или муха,
Названье «тѣтушка». Хотѣлъ потолковать
Объ этомъ съ вознымъ онъ — не могъ его поймать.
Запропастился тожь куда-то съ нимъ и войскій.
Тадеушъ помечталъ — и быстро сонъ геройскій,
Сонъ крѣпкой юности спустился на него:
Заснулъ какъ богатырь, не видя ничего.

Черезъ полчаса вездѣ такая тишь настала,
Какъ бы въ монастырѣ: всѣ сномъ невинныхъ спало,
Какъ въ сѣлахъ водится; лишь сторожъ въ доску
былъ,

Да въ комнатѣ судьи огонь еще свѣтилъ:
Хозяинъ былъ за всѣхъ въ тревогѣ и заботѣ
И съ вознымъ говорилъ о завтрашней охотѣ:
Хотѣлось всё ему какъ-надо снарядить
И соответственный порядокъ учредить.
За этимъ, времени не тратя по пустому,
Приказы отдавалъ онъ войтамъ, эконому,
Лѣсничимъ; наконецъ сказалъ, что хочетъ спать
И возный долженъ былъ его разоблачать:
Сначала поясъ снялъ онъ слудкій, златолитый,
Въ узорн пѣстрые шелками весь расшитый,
Съ кистями по концамъ, двуличневый: одна
Была у пояса цвѣтная сторона,
Другая черная; носили то узорной
Наружу стороной, то траурною, черной,
Во дни печальныя; и такъ, какъ надо быть,
Брехальскій поясъ тотъ умѣлъ всегда сложить.

Окончивши во всѣмъ порядкѣ раздѣванье,
Онъ отпустилъ судью такое замѣчанье:
«А что дурного тутъ, что ужинъ въ замкѣ данъ:
Убытку никому, за-то вельможный панъ
Изволить выиграть, пожалуй, этакъ дѣло.
Другая сторона немного проглядѣла
И ей, какъ кажется, совсѣмъ и не въ домѣхъ,
Что тотъ, кто пригласитъ гостей на ужинъ могъ
Въ домъ, въ замокъ, или куда, имѣть значить право,

По силѣ тысячи второй статьи устава,
На огня мѣста; лишь стоитъ намъ присѣсть
И написать о томъ; свидѣтели же есть...»

Хотѣлъ было еще прибавить два онъ слова
На заключеніе, но проку никакого
Не вышло бѣ изъ того: судья уже храпѣлъ!
Тутъ возный выбрался, въ сѣняхъ къ огню присѣлъ
И вынулъ книжечку: *Вокандой Трибунальскою*
Звалась она; её носилъ съ собой Брехальскій
Какъ бы молитвенникъ, *Олтарикъ Золотой*;
Всѣ было для него въ немудрой книжкѣ той
И съ нею никогда онъ ввѣтъ не разставался,
Съ ней спалъ, и ѣлъ, и пилъ, и въ дальній путь пу-
скался.

Всѣ тяжбы, иски всѣ туда занесены,
Что были нѣбогда въ повѣтѣ ведены,
О коихъ позывы носилъ онъ лицамъ разнымъ.
Иному книжка та казалась только празднымъ
Перечисленіемъ фамилій, а ему
Являла кучи дѣлъ и приключеній тьму.
И такъ, присѣвъ, читалъ: Огинскій съ Высогирдомъ,
Квилицкій съ Рымшею, князь Радзивилъ съ Выж-
гирдомъ,

Гедройць съ Мицкевичемъ, съ Почобутами Занъ,
Вялопетровичи противъ доминиканъ,
Юрага съ Купсцами; затѣмъ другія лица,
А въ заключеніе: Горешка и Соплица.
Читая строки тѣ, онъ живо вспоминалъ
Процессы, партіи, высокой трибуналъ,
И самого себя предъ этимъ трибуналомъ,
Въ жупанѣ, а не-то подчасъ въ кунтушѣ аломъ,
При саблѣ — словомъ, какъ ходили въ тѣ года;
Онъ громко восклицалъ: «вниманье, господа!...»
Такъ рассуждаючи, заснулъ мало по малу
Последній на Литвѣ глашатай трибуналу.

Такія-то велись забавы и дѣла
Среди спокойнаго литовскаго села,
Межь-тѣмъ, какъ громъ побѣдъ гремѣлъ въ Европѣ
цѣлою

И дивный оный вождь, богъ брани, геній смѣлый,
Звѣздой на челѣ безчисленныхъ полковъ
Сіялъ, съ златыми въ рядъ серебряныхъ орловъ
Въ побѣдоносную запрягши колесницу —
И заносилъ уже грозящую десницу
Надъ сѣверомъ. Его хоругви, знамена
Вѣнчанны славою носили имена:
Маренго, Абукирь, равнины Аустерлица,
Ульмъ, Таборъ... Съ ужасомъ полночная столица
Слѣдила всѣ его движенья и шаги:

Единый мигъ еще — и встрѣтятся враги!
 Въ Литвѣ ужъ начали кружить порою вѣсти
 О близости войны. Вернувшись съ поля чести,
 Толкался по селу подчасъ легіонеръ
 Каѣкой въ рубищѣ, и если офицеръ
 Московской арміи оттуда былъ далѣко —
 Распространялся онъ соотчичамъ широко
 О разныхъ чудесахъ. Какъ жалисъ всѣ къ нему!
 И что спасителю внимали своему,
 Нерѣдко жаркими слезами обливаясь!
 Онъ братьямъ говорилъ, что, по свѣту скитаясь,
 Слыхалъ онъ, будто бы Домбровский генералъ
 Дружины воиновъ несчетныя собиралъ
 Въ Ломбардіи, затѣмъ, чтобъ устремиться къ
 Польшѣ;

Что полчища его растутъ всё больше, больше
 И что Князевичъ шлѣтъ оттуда жь имъ поклонъ;
 Что побѣдителемъ вошелъ недавно онъ
 Въ столицу кесарей, къ ногамъ Наполеона
 Окровавленныя повергнувши знамена —
 Сто семьдесятъ знаменъ! Что, наконецъ, лихой
 Яблонскій къ тропикамъ штандартъ забросилъ свой,
 Въ горячіе пески: знать, тамъ привольнѣй сердцу,
 Гдѣ сахаръ топится на солнцѣ, роши перцу
 Растутъ, и надо всѣмъ — какъ яхонтъ небеса!
 По своему народъ всѣ эти чудеса
 Тихонько объяснялъ; рассказъ изъ хаты въ хату
 Бѣжалъ; всѣ вѣрили разсказчику-солдату.
 А молодѣжь, порой, услыша про войну,
 Бросала подъ шумокъ родимую страну,
 Вооружаяся древолоемъ, косами,
 И пробиралась вдаль дремучими лѣсами,
 Туда, гдѣ строились на Нѣманѣ полки
 И ждали братію-литвиновъ поляки.
 Скрипѣла по ночамъ литовская телега;
 Когда жь являлся братъ: «да здравствуетъ колега!»
 Бричали всѣ ему; привѣтствія неслись...
 Такъ въ Польшу изъ Литвы за Нѣманъ пробрались:
 Горещій, Гедеминъ, Петровский, Обуховичъ,
 Рожицкій, Паць, Гедройць, Брховскій, Бернато-
 вичъ,

И мало ль ихъ еще, чьи вѣчно имена,
 Какъ бы священныя, чтить будетъ вся страна.

Порой прибывшаго къ литвинамъ издалече
 Видали квестаря: онъ вѣлъ тихонько рѣчи
 О томъ, что про войну и про французовъ знаетъ;
 Нерѣдко подъ полой показывалъ журналъ,
 Гдѣ были всѣ полки росписаны, какъ надо,
 Всѣ имена вождей, названіе отряда,
 Въ которомъ состоялъ иной легіонеръ;

Гдѣ отличился кто, солдатъ или офицеръ,
 Гдѣ палъ; когда о томъ въ семействѣ узнавали
 Покойнаго — сейчасъ же трауръ надѣвали,
 Бояся говорить — по комъ онъ, отчего.
 Такъ тихая печаль въ семьѣ, или торжество
 На лицахъ, можетъ-быть, подчасъ съ иной при-
 мѣтой,

Краснорѣчиво служили всѣмъ газетой.
 Подобнымъ квестаремъ былъ Робакъ бернардинъ.
 Нерѣдко по ночамъ онъ сиживалъ одинъ
 Съ судьей, бесѣдуя о чѣмъ-то втихомолку;
 Порой до пѣтуховъ другъ съ другомъ безъ умолку
 Секретный разговоръ запальчиво вели —
 И послѣ всякій разъ въ повѣтъ толки шли
 Межъ шляхты и пановъ: какая-либо новость
 Кружила по дворамъ. Всегдашняя суровость
 Ксендза и самый видъ фигуры и лица,
 Гдѣ рѣзко значились широкихъ два рубца,
 Какъ будто сабли слѣдъ, или, можетъ, рана пикой,
 Служили для иныхъ таинственной уликой,
 Что не всегда сидѣлъ загадочный монахъ
 Въ тиши монастыря, въ глухихъ своихъ стѣнахъ,
 Смирненно бормоча обычныя молитвы,
 Напротивъ: видѣлъ свѣтъ а, можетъ, зналъ и битвы.

Случалось, когда народъ его словамъ
 Внималъ почтительно и онъ вѣщалъ: *миръ вамъ!*
 И послѣ шликсендзы и причетъ другъ за другомъ —
 Онъ дѣлалъ поворотъ какъ бы налѣво кругомъ,
 По приказанію вождя, середь дружинъ.
 Не-то, на паперти моляся, бернардинъ
 Провозглашалъ *аминь* такимъ суровымъ тономъ,
 Какъ бы командовалъ въ то время эскадрономъ.
 Въ политикѣ же былъ гораздо онъ сильнѣй,
 Чѣмъ въ знаньи *тропарей, каноновъ и Миней*.
 Когда же объѣзжалъ за квестою деревни,
 Подчасъ заглядывалъ въ убогія харчевни,
 Гдѣ письма отъ жидовъ секретно отбиралъ,
 Но при людяхъ чужихъ тѣхъ писемъ не читалъ;
 Имѣлъ таинственныхъ агентовъ по приходамъ,
 Бесѣдовалъ въ корчмахъ со шляхтой и съ народомъ;
 Твердилъ, что кто-то къ нимъ придѣтъ бѣдѣ помочь.
 Теперь же бернардинъ къ судѣ явился въ ночь,
 Имѣя важна, повидимому, вѣсти —
 А тотъ уже крапѣлъ со всей деревней вмѣстѣ.

ПѢСНЬ II.

Кто глѣтъ не помнитъ тѣхъ, когда въ счастливой
 долѣ
 Онъ юношею былъ; ходилъ отважно въ полѣ,

Закинув меткую винтовку на плечо,
 А бѣшеная кровь кипѣла горячо?
 Какъ птица волею былъ, среди дубравъ широкихъ
 Бродилъ по всѣмъ путямъ и въ небесахъ далѣкихъ
 Заранѣ, какъ пророкъ, онъ бури узнавалъ;
 Порой, какъ чародѣй, къ землѣ онъ принадлежалъ:
 Она, безмолвная для прочихъ, какъ могла,
 Тайственную рѣчь съ нимъ тихо заводила.
 Вотъ, утренній вѣщунъ, задергалъ карастель,
 Вспорхнулъ—и вновь упалъ въ зеленую постель:
 Его не сыщешь тамъ; вонъ жаворонокъ вѣтса,
 Звенить — и пѣснь его далѣко раздаѣтся.
 Порой, въ выси небесъ, покажется орѣлъ,
 Очами зоркими обидывая долъ;
 Иль ястребъ, просвистѣвъ крыломъ подъ облаками,
 Повиснетъ въ воздухъ надъ тѣмными лѣсами,
 И вдругъ на голубя, спорхнувшего съ гнѣзда,
 Онъ падаетъ съ высотъ небесныхъ, какъ звѣзда.

О, милый сердцу край! Когда жъ дозволить боги
 Узрѣть мнѣ отчихъ хатъ знакомые пороги?
 Удастся ли опять въ Литвѣ моей пожить
 И въ конницѣ исарей по прежнему служить,
 Не зная битвъ иныхъ, окромѣ лишь охоты,
 И вмѣсто всякихъ внигъ слѣда бурмистра счоты?

Ты вновь приснился мнѣ, полей моихъ просторъ:
 Вотъ солнце медленно выходитъ изъ-за горъ,
 И въ рошу, сквозя вѣтвей, бѣгутъ лучи денницы,
 Какъ ленты изъ косы души моей дѣвицы;
 Заглядываютъ въ садъ, на желтое гумно
 И будятъ сонную красавицу давно:
 На тѣмной муравѣ лежитъ она; заниты
 Пылаютъ розами; уста полуоткрыты
 И грудь высокая вздымается слегка,
 И бѣлошнѣжная откинута рука...
 Проснись! уже пора: чу, хлопнувши крылами,
 Ужъ лебедь началъ лѣтъ надъ сонными водами
 Свой гимнъ торжественный, привѣтствие зарѣ,
 И гусь заготалъ съ гусиной на дворѣ;
 Какъ эхо, на прудѣ имъ утки отвѣчали;
 По кровлямъ воробьи, скача, защебетали;
 На пастбища бѣгутъ весѣлы стада
 И звонкій рогъ трубитъ въ долинахъ иногда.

Охотники давно проснулись въ Соплицовѣ;
 Движенье, суета; все въ сборѣ, наготовѣ
 Въ отъѣздное легѣтъ. Визжать и скачутъ псы,
 Полны особенной и жизни, и красоты,
 Быть-можетъ, одному охотнику понятной;
 На сворку проснутся: то знакъ благопріятный.

Выходитъ панъ-судья, компанію прося —
 И шумно двинулась за нимъ охота вся.
 Вотъ поле сѣрое предъ ловчими открыто,
 Гдѣ только-что вечеръ жнецы убрали жито;
 Кочварь и борозды бѣгутъ, пестрѣя, въ даль,
 Туда, гдѣ синяя небесъ видна эмаль,
 Слегка дрожащая отъ утренняго пара.
 Высокія межи, подобіе бульвара,
 Повсюду поросли косматою травой:
 Пахучимъ донникомъ, репьями, лебедой,
 И всё, и весь ландшафтъ широкій, необъятный,
 Всё вѣетъ свѣжестью, охотнику пріятной —
 И бодро конь его, и пѣсь его бѣжить...
 Вдругъ тихо раздалось протяжное: «лежить!»
 Которое съ сѣдла выводитъ доѣзжающій,
 Поднявъ арапникъ вверхъ: все стихло — визгъ
 собачій

И всей охотничьей аравы топотня.
 Тадеушъ удержалъ ретиваго коня,
 Привсталъ на стременахъ и ждѣтъ, что заяцъ вско-
 чить,

Глядитъ впередъ себя; но тщетно онъ хлопочетъ:
 Не видитъ ничего охотникъ молодой,
 Лишь только борозда бѣжить за бороздой
 И въ безконечности теряется далѣко.
 Чтобъ видѣть русака, привычнѣй нужно око;
 Тадеушъ отъ полей давно уже отвыкъ,
 А заяцъ, съѣжившись, за кочкою приникъ
 Какъ-разъ противъ него, прижался и таится,
 Почуявъ борзыхъ псовъ и выскочить бонтся.
 Но вотъ ужъ у него арапникъ на хвосту;
 Русакъ вскочилъ, пошолъ — «ату его, ату!»
 Задорные ловцы всѣ разомъ закричали
 И мигомъ, пылъ поднявъ, въ клубахъ ея пропали.

Въ то время подѣзжалъ къ охотѣ сбоку графъ
 Рысцою, какъ водится, на травлю опоздавъ.
 Ни разу отроду онъ не вставалъ до свѣту.
 Шотландскій мѣкинтошъ гороховаго цвѣту
 Полами длинными съ зефирами игралъ,
 Межь-тѣмъ какъ всадникъ нашъ охоту озиралъ.
 За нимъ — одѣтые по англійскн лакеи,
 Которые звались въ дому его «жобенъ».
 Вдругъ замокъ передъ нимъ изъ рощи возстаѣтъ.
 Графъ смотритъ и никакъ его не узнаѣтъ,
 Затѣмъ-что поутру попалъ туда впервые.
 Исчезли старыхъ стѣнъ морщины вѣковья,
 И нанесѣнная столѣтіями мгла,
 При утреннихъ лучахъ, съ гранитнаго чела
 Скатилась; улетѣлъ куда-то мракъ всегдашній —
 И замокъ весь сіялъ, съ его красивой башней.

Далёкой травли гуль, крикъ столькихъ голосовъ,
По вѣтру донеслись къ нему изъ-за лѣсовъ;
Ихъ шумъ дремавшія развалины встревожилъ:
Казалось, замокъ вновь, народомъ полонъ, ожилъ.

Картиной пораженъ, графъ лошадей осадилъ,
Затѣмъ, что всякую нечаянность любилъ,
Оригинальныя, массивныя строенія,
Съ печатью старины, преданій и забвенія,
Напоминавшія далёкіе года.
Графъ былъ большой чудакъ: видали иногда,
Какъ онъ, заѣхавши охотиться въ дубраву,
Внезапно повидаль охотничью араву
И молча гдѣ-нибудь садился надъ ручьёмъ.
Порою безъ толку бродилъ одинъ съ ружьёмъ:
Дичь видить, а не бѣтъ: богъ-вѣсть о чемъ забота.
Твердили, что ему не достаётъ чего-то;
Что не совсѣмъ его въ порядкѣ голова;
Но всякъ его любилъ и знала вся Литва,
Что тихо онъ живётъ, не судить и не радить
О ближнемъ; что его и прадѣдъ, и прапрадѣдъ
Такими жъ графами окончили свой вѣкъ;
Что, напоследокъ, онъ хорошій человѣкъ:
Хотя обременёнъ огромными долгами,
Но къ бѣднымъ милостивъ и ласковъ со слугами;
Что гостю всякому во всякій часъ онъ радъ
И даже для жидовъ не гордъ и тароватъ.

Тавъ точно и теперь съ охотой онъ простился,
Поѣхалъ въ сторону, предъ замкомъ очутился,
На стѣны посмотрѣлъ, подумалъ — и тогда жъ
Досталъ изъ-подъ сѣдла портфель и карандашъ
И ну чертить ландшафтъ. Вдругъ видить: кто-то
сбоку

Подерался и стоитъ оттолъ неподалѣку,
Весь въ созерцаніи, спокоенъ, недвижимъ,
Казалось, тѣмъ же былъ недугомъ одержимъ:
Въ разрушенныхъ стѣнахъ разглядывалъ камень,
Какъ-будто въ нихъ искалъ предметъ для вдохно-
венія.

Замѣтивъ пришлеца и свой портфель убравъ,
Тихонько на конѣ къ нему подѣхалъ графъ,
Вглядѣлся пристально, окликнувши три раза —
И только тутъ узналъ онъ ключника Герваза.
То старшій шляхтичъ былъ, давно какъ лунъ сѣдой,
Съ огромной лысиной, съ небритой бородой,
Съ физиономіей угрюмой и суровой,
Остатокъ жалостный отъ челяди дворовой
Горешки; въ оны дни отчаянный буянъ,
Гуляка, балагуръ; когда жъ вельможный панъ
Горешка въ битвѣ палъ — Гервазъ перемѣнился:

Ходилъ насупившись, не спорилъ, не бранился,
Утихъ и присмирѣлъ — и вотъ ужъ много лѣтъ
На сватьбахъ, на пирахъ простылъ его и слѣдъ;
Ни шутки отъ него не слышно, ни усмѣшки
Не видно на устахъ. Последняго Горешки
Носилъ ливрею онъ изъ синяго сукна,
Гдѣ были на бортахъ остатки галуна
И шитый графскій гербъ — коза въ зелёномъ погѣ:
Отъ этого козой зовутъ его дотогъ,
Мопанкомъ иногда зовутъ и, наконецъ,
Что лысина въ рубцахъ, зовутъ его Рубецъ.
На счетъ его гербовъ... Но видно онъ гербами
Своими пренебрѣгъ: весь вѣкъ ходилъ съ ключами
И ключникомъ себя смиренно называлъ,
Хоть замокъ съ давнихъ поръ въ развалинахъ
стоялъ,

Безъ оконъ и дверей — въ томъ же было потери —
Но ключникъ отыскалъ какія-то двѣ двери
И въ замѣвшихъ воздвигъ насобственный свой счетъ.
Съ-тѣхъ-поръ въ одной изъ залъ спокойно онъ жи-
вётъ,

По комнатамъ пустымъ одинъ-себѣ гуляетъ
И двери всякій день переважно отпираетъ —
И этимъ сытъ. Чудакъ у графа жить бы могъ,
Нашолся бъ для него и хлѣба тамъ кусокъ,
Но ключникъ, безъ своихъ горешковскихъ разва-
линь,

Безъ замка своего, былъ боленъ и печаленъ.

Лишь-только вдалькѣ онъ графа увидалъ,
Горешку кроваваго — проворно шапку снялъ
И, низменный поклонъ отвѣсивши глубоко,
Вдругъ лысину открылъ, свѣтившую далѣко,
Браздами взрытую и вдоль и поперѣгъ,
Потомъ приблизился, опять до панскихъ ногъ
Припалъ, какъ слѣдуетъ, и поклонился низко,
И робко началъ такъ: «Мопанку мой, паниско!
Прости такую рѣчь слугѣ ты своему!
«Мопанку» говорилъ — да будетъ миръ ему! —
Последній стольникъ нашъ, Горешка. Ясный пане,
Мопанку! правду ли болтаютъ поселяне,
Что бросилъ ты процессъ и старшій замокъ свой
Сошлицамъ отдаёшь? Скажи: то слухъ пустой,
Мопанку, или всё, что лагутъ — справедливо?»
А самъ поглядывалъ на замокъ боязливо.

— «По мнѣ тутъ ничего особеннаго нѣтъ»,
Сказалъ небрежно графъ: «процессу много лѣтъ!
Напрасно тратится! и дорого, и скучно!
Пора покончить споръ, простить великодушно
Другъ друга и задать на примиренья пиръ!»

— «Покончить?» крикнулъ тотъ: «простить? съ
Соплицей миръ?»

И это говоря, онъ страшно искривился
И собственнымъ словамъ не вѣрилъ и дивился.
«О, нѣтъ! ты шутишь, панъ! покончить, уступить!
Не вѣрю ни за что! Во-вѣкъ тому не быть!
Пустыя выдумки, напраслина, насмѣшки!
Мопанку! замокъ нашъ, наслѣдіе Горешки,
Соплицамъ уступить? Съ Соплицей миръ? Ни-ни!
Пожалуй, слѣзь съ коня, будь милостивъ, взгляни
На замокъ: ну, а тамъ пусть судитъ Богъ и время!»
И ключникъ придержалъ ему рукою стремя.

Вошли. «Вотъ здѣсь, въ сѣняхъ, старинные паны»,
Такъ началъ ключникъ рѣчь: «дворомъ окружены,
Сидѣли на скамьяхъ, по трапезѣ вечерней.
Панъ стольникъ разрѣшалъ отсюда споры черни,
Повѣтскихъ поселянъ; когда же въ духѣ былъ,
Гостямъ исторій рассказывать любилъ,
Иль самъ выслушивалъ ихъ шутки и бесѣды.
Порой на молодѣжь посматривали дѣды —
На игры въ бары, въ мячъ; кто крѣпче и сильнѣй,
Тотъ панскихъ объѣзжалъ здѣсь по двору коней.»

Прошли еще покой. «А какъ о томъ разсудить
Мой панъ», сказалъ Гервазъ: «я камней тутъ не
будеть,

Что виновныхъ бочекъ здѣсь разбито въ оны дни:
Рядами по стѣнамъ тутъ ставились они,
На крѣпкихъ поясахъ изъ погреба добыты
Честною шляхтою, на праздникъ знаменитый,
Не-то на сельскій сеймъ собравшейся сюда.
На хорахъ музыка играла иногда;
Органы до утра весь замокъ оглашали;
Когда жъ задравные виваты возглашали —
Трубили трубы здѣсь, какъ-будто въ судный день,
И пѣли пѣвчіе окрестныхъ деревень.
Виваты рядомъ шли: сначала шли гости
Здоровье короля, его крулевской мости,
Потомъ за здравіе примаса, а потомъ
Шогу тостъ уже за весь за королевскій домъ;
А тамъ за здравіе всей шляхты именитой,
А тамъ ужъ, наконецъ, всей Рѣчи-Посполитой,
Потомъ «Kochaјmy się!» — тутъ свѣжихъ бочки три.
Послѣдній тостъ гремѣлъ до утренней зари;
Межъ-тѣмъ, по строгому наказу воеводы,
Гостямъ готовились и цуги и подводм.»

Прошли въ молчаніи еще покоя два.
По сводамъ, кое-гдѣ, висалъ уже трава.
Гервазъ не говорилъ, но, будто сномъ объятый,

Оглядывалъ кругомъ знакомыя палаты,
Насунивъ безъ того утрюмое чело,
Казалось, выражалъ молчаньемъ: «все прошло!»
Здѣсь жалостно кивалъ, а тамъ махалъ рукою.
Потомъ они пришли къ обширному покою,
Который прежде весь былъ убранъ въ зеркалахъ,
А нынѣ рамы лишь видѣлись на стѣнахъ,
Безъ стѣколъ; выбиты глядѣли всѣ окошки;
Насупротивъ въ травѣ протоптанной дорожки
Нависло ветхое, убогое крыльцо.
Ступивши на него, старикъ закрылъ лицо
И долго простоялъ; когда же отнялъ руки —
Въ очахъ, на всемъ челѣ такъ много было муки,
Что графъ, хотъ и не зналъ покуда ничего,
Глядѣлъ съ сочувствіемъ и грустью на него.
Молчанье перервавъ, Гервазъ поднялъ десницу:
«Нѣтъ», молвилъ, «никогда Горешковъ и Соплицу
Нельзя соединить! Мопанку, и въ тебѣ
Течетъ Горешки кровь: не уступай въ борьбѣ!
Ты стольнику родня по матери Ловчинѣ;
Узнай же про него исторію ты нынѣ;
Внимательно слѣди рассказъ мой до конца:
Всѣ это было здѣсь, у этого крыльца!»

«Покойный стольникъ мой былъ первый панъ въ
повѣтѣ,
Богачъ; имѣлъ онъ дочь всего одну на свѣтѣ,
Красавицу, тогда шестнадцати годовъ.
Отбою не было у насъ отъ жениховъ.
Межъ шляхты былъ одинъ, не изъ большого рода,
Соплица, прозванный для шутки *воевода*:
Весь округъ у себя держалъ на сторонѣ,
Про всё, что захотѣлъ, приказывалъ роднѣ,
И сотней ихъ шаровъ командовалъ заранѣ,
Какъ-будто у него лежатъ они въ кармаи;
Хотъ самъ имѣлъ земли съ четыре полосы,
Да саблю у боку, да длинные усы —
И только. Стольникъ-панъ до этого народу
Былъ ласковъ, принималъ почаству воеводу
И въ замѣ угощалъ. Соплица мой (туда жъ
Загѣзеть въ голову такая дрянъ и блажь!)
Мопанку, выдумалъ, какъ-будто бы на ровнѣ,
Посватать-попытать на нашей стольниковнѣ!
Непрошенный сюда въ Горешкамъ зачастилъ,
Какъ дома у себя, у насъ и ѣлъ, и пилъ:
Токаю одного пошло не вѣсть что дюжинъ...
Но вдругъ ему гарбузъ мы подали на ужинъ.
А панна видно то жъ, немного, знать, того...
Однако никому объ этомъ ничего.

«Довольно лѣтъ тому: дѣла времени Костюшки!

Панъ шляхту собиралъ; сходились другъ ко дружкѣ,
 Конфедерацію почувши вдали;
 Вдругъ, въ ночь, нагрянули на замокъ москали;
 Изъ пушки выпалить едва осталось время,
 Всѣ двери запереть и хворосту беремя
 Позади навалить; а въ замѣтъ — я, да панъ,
 Да двое поварять; кухмистеръ, хотъ и пьянъ,
 А тоже взялъ ружьё; стволы во всѣ окошки...
 Глядимъ, а москали, карабкаясь, какъ кошки,
 Ужъ лѣзутъ на заборъ; мы залпъ имъ прямо въ лобъ:
 Кто на плетнѣ повисъ, кто сверху на земь хлопъ —
 Разсѣялись — и тутъ пошолъ огонь батальный,
 Гремя безъ устали, какъ въ битвѣ генеральной.
 Пятнадцать на полу лежало ружей тутъ:
 Пали изъ одного, другое подаютъ;
 Ксёндзь-пробошъ заряжалъ и стольничиха-пани:
 Всѣ было мастерски облужано заранъ.
 Градъ пуль изъ-за плетня пустили москали
 И, нѣчего сказать, порядкомъ насъ дошли;
 Провлѣтый супостатъ былъ вчетверо сильнѣе,
 Но, видно, сверху мы удачливъ и вѣрнѣе
 Наваливать могли: врагъ трижды напиралъ,
 Но кто-нибудь всегда вверху ноги задиралъ
 И по луку кашкетъ его катился черный.
 До самаго утра книгѣлъ здѣсь бой упорный.
 Всего-то пять стрѣлковъ, а задали мы жаръ!
 Подъ утро москали бѣжали за амбаръ
 И тамъ столпились всѣ: пришло имъ больно худо.
 Панъ вышелъ на крыльцо и ну палить оттуда:
 Чуть голову какой высовывалъ холопъ —
 Панъ-стольникъ за ружьё: бабахъ! и прямо въ лобъ.
 Мы также рядомъ съ нимъ огонь открыли метливъ,
 И подлинно, отъ насъ украдывался рѣдкй
 Пѣхура за амбаръ. Тутъ битвѣ бѣ и шабашъ:
 На штурмъ хотѣли мы; панъ выхватилъ палашъ:
 «За мной, Гервазъ, за мной!» Вдругъ выстрѣлъ
 съ боку грянулъ —
 Панъ-стольникъ поблѣднѣлъ, шатнулся и отиранулъ
 Назадъ; я посмотрѣлъ: попала пуля въ грудь.
 Хотѣлъ онъ говорить, лишь могъ рукой махнуть,
 И пальцемъ показалъ на крайнюю свѣтлицу —
 Узналъ я, угадалъ разбойника Соплицу
 По росту и усамъ — и сердце мнѣ моё
 Сказало. Онъ стоялъ, держа въ рукахъ ружьё,
 Насупротивъ, и дымъ еще струился бѣлый.
 Я вмигъ прицѣлился — онъ сталъ какъ помертвѣлый;
 Я дважды выстрѣлилъ и дважды промахъ далъ,
 Съ досады, съ горя ли. Тутъ крикъ я услышалъ:
 Сбѣжались изъ дому ксёндзь-пробошъ, панна, пани,
 Потомъ и москали... Но это какъ въ туманѣ
 Я помню... Такъ погибъ, такой имѣлъ конецъ

Нашъ стольникъ, шляхты братъ, селянамъ панъ-
 отецъ!

Носилъ онъ булаву, а не оставилъ сына,
 Кто могъ бы отомстить. Но слуги господина
 Живутъ еще: снискалъ онъ лаской ихъ любовь;
 И ключникъ живъ еще! Въ струящуюся кровь
 Тогда же омочилъ я праждовскй, длинный,
 Завѣтный мой палашъ, мой ножикъ-перочинный,
 Какъ всѣ его зовутъ. Чай, панъ слышалъ о нёмъ?
 На сеймахъ и вездѣ, по ярмаркамъ кругомъ,
 Давно извѣстенъ онъ. Я далъ себѣ присягу
 Всѣмъ вѣкъ Соплицамъ мстить, пока въ могилу лягу.
 И вотъ ужъ сколько лѣтъ преслѣдую я ихъ:
 Въ Варшавѣ посадилъ на ножикъ мой тронхъ,
 Четвертаго поймалъ въ Кореличахъ на рынкѣ,
 Двоихъ подъ Краковомъ убилъ на поединкѣ,
 Во Львовѣ одного; обшарилъ цѣлый свѣтъ;
 А что ушей посѣкъ — о, имъ и счету нѣтъ!
 Остался лишь одинъ и живъ, и цѣлъ на свѣтѣ —
 Тому Соплицѣ братъ, уважаемый въ повѣтѣ,
 Богачъ, тебѣ сосѣдъ, Соплица панъ-судья...
 И замокъ нашъ ему? Нѣтъ, графъ, не вѣрю я,
 Не вѣрю, чтобы смѣлъ сюда занести онъ ногу,
 Кровь стольника стереть съ высокаго порогу
 Нечистымъ сапогомъ! Нѣтъ, этому не быть!
 Покажѣсть я могу хотъ пальцемъ шевелить
 И двигать своей палашъ, свой ножикъ-перочинный —
 Не будетъ паномъ здѣсь Соплица ни единый!»

— «Да, подлинно», сказалъ, прослушавъ повѣсть,
 графъ:

«Преданье хотъ куда! Ты въ-самомъ-дѣлѣ правъ:
 Мы замокъ отстоимъ; я чтить его не даромъ,
 Любилъ руины тѣ», онъ такъ добавилъ съ жаромъ:
 «Хотъ и не зналъ, что здѣсь, межъ самыхъ этихъ
 стѣнъ,

Случилось столько битвъ и драматичныхъ сценъ.
 Гервазъ! когда права на замокъ мы докажемъ,
 Ты будешь мой мурграфъ, ты будешь замка стра-
 жемъ.

Досадно, не пришли сюда мы въ часъ иной,
 Когда на стѣнѣ тѣ ложится мракъ ночной:
 Окутанный плащомъ, я сѣлъ бы на руинахъ,
 А ты бы мнѣ вѣщалъ о прежнихъ властелинахъ,
 О панахъ этихъ мѣстъ, дѣяньяхъ прошлыхъ лѣтъ.
 Во всей Германіи такого замка нѣтъ,
 Съ которымъ хотъ одно не связано преданье:
 Кривавый договоръ — любовниковъ свиданье —
 Коварство недруга — любовь — измѣна — мечь...
 Но я не зналъ досель, что въ Польшѣ тоже есть
 Такие случаи. Я кровь Горешковъ слышу

И буду защищать мою родную крышу
 Съ оружіемъ въ рукахъ! Такъ, будетъ сабелъ звонъ!
 Сказалъ — и, медленно шагая, вышелъ вонъ.
 За нимъ послѣдовалъ Гервасъ печальный сада.
 Графъ прыгнулъ на коня, при послѣднемъ взглядѣ
 На замокъ, проворчалъ тихонько: «право жаль,
 Что нѣтъ наслѣдницы: пошло бы это вдаль,
 Соплица началъ бы упорствовать упрямо,
 Я тоже — и какъ-разъ могла бы выйти драма:
 Здѣсь — давняя вражда, вендетта, кровь за кровь,
 А тутъ — поэзія, восторгъ и любовь!»

Такъ, шепча про-себя, коню даётъ онъ шпоры
 И скачетъ по полямъ. Вдали завидѣвъ своры,
 Охотниковъ, коней, собакъ со всѣхъ сторонъ —
 Несётся прямо къ нимъ: любилъ охоту онъ;
 Но вою давъ затѣмъ блуждающему взгляду,
 Цвѣтущій огородъ увидѣлъ сквозь ограду.

На правильныхъ грядахъ, какъ въ рамѣ, за травой,
 Капуста лысою качала головой,
 Широкий сморщивъ листь, какъ бы насуя брови,
 Казалось, о судьбахъ задумалась моркови.
 За ней, вдали, горохъ, бобовнику родня,
 Рядами круглыхъ глазъ мигалъ промежъ плетня
 И живописною гирляндой черезъ сучья
 Развѣшивалъ свои темнозелены стручья;
 Здѣсь яркій попушой вытягивалъ свой станъ
 И въ воздухѣ ходилъ златой его султанъ,
 А далѣ, наконецъ, изъ зелени кудрявой
 Выкатывалъ арбузъ свой корпусъ величавый
 И дылъ на ухо намоптывалъ порой...
 Тамъ тѣмныхъ конопей видѣлся ровный строй:
 Качались на грядахъ они, какъ гѣсъ дремучій,
 Пугая гусеницъ изъ зелени пахучей;
 За ними маковъ шла цвѣтущая гряда:
 Какъ-будто мотыльковъ игривыя стада
 Усѣлись, трепеща, на стебляхъ чуть замѣтныхъ
 И блѣща искрами каменьевъ самоцвѣтныхъ.

Межъ тѣхъ пушистыхъ грядъ дѣвица шла, не шла,
 А, точно по волнамъ, по зелени пыла;
 Косынка на плечахъ; простое платье было;
 Рукой отъ солнышка тихонько заслонила
 Она свое лицо; глаза спустила внизъ;
 Двѣ ленты алма за едсами висѣли.
 Вотъ наклонилась, какъ-будто что-то ловить
 Рукою на грядахъ; вдругъ взоры остановитъ
 И быстро побѣжитъ. Всё это видѣлъ графъ;
 Дыханье затаивъ, на стремяна привставъ,
 Боя остановилъ и чудное видѣнье

Безмолвно созерцалъ; вдругъ слышитъ онъ движенье
 И шелестъ позади: то былъ отецъ-плебанъ,
 Кзѣндзъ Рѣбакъ. «Огурцовъ», спросилъ онъ, «хочешь
 панъ?»

Иль такъ, о чѣмъ другомъ мечтаешь на свободѣ?
 Нѣтъ овощу про васъ на этомъ огородѣ!»
 И, пальцемъ погрозивъ, пошолъ-себѣ опять.

Слегка смущонный графъ сталъ снова наблюдать,
 Со смѣхомъ и въ сердцахъ; но были пусты гряды,
 Лишь пара алыхъ лентъ мелькнула у ограды,
 Да чуть еще вдали сверкнуло чрезъ окно
 Какъ свѣтъ блестящее сорочки полотно,
 Да по лугу еще, гдѣ пробѣжали ножки,
 Едва замѣтныя видѣлись двѣ дорожки,
 Тихонько подлѣ нихъ качались кусты
 И что-то межъ собой шептали ихъ листь;
 Да позабытая корзина тамъ осталась
 И тихо на травѣ зеленой колыхалась.

ПѢСНЬ III.

Звонокъ: часъ ужина. Толпа шумитъ какъ море.
 Всѣхъ выше, впереди, садится подкоморій,
 Какъ слѣдуетъ ему по званью и лѣтамъ;
 Садясь, онъ кланялся привѣтливо гостямъ.
 Тадеушъ на концѣ; судья посерединѣ.
 Кзѣндзъ Рѣбакъ прочиталъ молитву по-латынѣ.
 Прислуга съ водкою подходит наконецъ
 И ставитъ на столѣ литовскій холодецъ;
 За нимъ являются цыплята, раки, зразы.
 Ъдятъ. Межъ блюдами кипятъ у нихъ рассказы.
 Ъдятъ. Бесѣдуютъ. Вдругъ ужинъ прервался,
 Утихъ тарелокъ звонъ и смолкли голоса,
 Предъ тѣмъ хвалившіе паштеть изъ мелкой дичи.
 Ввалился въ комнату измученный гѣсничій,
 Забывъ, что ужинъ шолъ — хотя ужъ и къ концу.
 Всѣ смотрятъ на него и видятъ по лицу,
 Что нѣчто важное изъ устъ его готово
 Потокомъ побѣжать, но... вышло только слово:
 «Медвѣдъ, отцы мои!» — «Какъ? Что? Какой мед-
 вѣдъ?»

Всѣ повставали съ мѣсть — куда тутъ усидѣть!
 Ну, точно подыгалъ ихъ волшебствомъ нѣкій демонъ.
 Вмигъ поняли, что звѣрь изъ дальнихъ пущъ за
 Нѣманъ

Прорвался, приманѣнъ на пасѣки въ луга;
 Что надо всей гурьбой ударить на врага,
 Облаву снарядить, готовиться заранѣй.
 Поспалася тьма различныхъ приказаній,
 Вопросовъ, мелкихъ фразъ, полупонятныхъ словъ —

И всякій хоть сейчасъ на звѣря былъ готовъ.
— «Эй, сотника сюда! Пошлите на деревню!»
Кричалъ слугамъ судья. «Нѣтъ дома, такъ въ харчевню:

Навѣрно тамъ сидятъ. Скажите отъ меня:
Кто явится съ ружьёмъ, изъ барщины три дня
Я вычту у того!»—«Эй, Томашъ! Эй, Григорій!»
Приказывалъ своей прислугѣ подкоморій:
«Мордашекъ мнѣ сюда. Да, слышишь, не забудь
Ошейники на нихъ другіе пристягнуть!
А что за мордаши! мы ихъ, для смѣху, вличемъ
Квартальнымъ одного, другого Городничимъ —
И вличка подлинно имъ по шерсти дана.
Не правда ль, господа, лихія имена?»

— «Эй, Ванька!» становойскомандовалъ по-русски:
«Готовъ оружіе, снаряды и закуски!
А паче у меня, смотри, не позабудь
Кинжалъ персидскій мой на брусѣ потянуть;
А также осмотришь мою сагаласовку:
Ту, знаешь, на крюкѣ, особую винтовку:
Не видно ль ржавчины въ стволѣ и у краёвъ?
Да живо нарубить картечи, жеребѣвъ,
Да оглядѣть кремёнь въ сѣдельномъ пистолетѣ!»
— «Да сбѣгать по ксендза! сказать, чтобъ на разсвѣтѣ

Была бы у него» — добавилъ панъ судья —
«Въ часовнѣ Губерта святая литія!»
Утихли наконецъ и шумъ, и восклицанья;
Всѣ думаютъ, среди глубокаго молчанья:
Кому они вручатъ охоты булаву?
И разомъ очи ихъ упали на главу,
Всю убѣлённую годами и заботой:
Пусть войскій — рѣшено — командуетъ охотой!
Старикъ желаніе компаніи смѣкнулъ:
Серебряный шнурокъ тихонько потянулъ
И вытащилъ часы: «въ четвёртомъ, въ половинѣ
Всѣмъ, братья, въ сборѣ быть на Щуровой долини!»
Потомъ лѣсническому далъ знакъ глазами онъ —
И оба толковать о чёмъ-то вышли вонъ.

Такъ хитрые вожди, приготавлиаясь къ бою,
Заранѣ ведутъ бесѣду межъ-собою,
Въ тиши, подъ сѣнію широкаго шатра,
А ратникъ спитъ-себѣ спокойно до утра,
Безпеченъ и пока ни для кого не нуженъ;
Не-то на вертелѣ готовить скудный ужинъ.

Ровесники князей воинственной Литвы,
Дремучіе лѣса! всё тѣ же ль нынче вы?
Всѣ также ль дѣвственны, благоуханно-свѣжи

Вы, рощи Свитези и пущи Бѣловѣжъ?
Среди чужихъ полей, я вспомнилъ нынче васъ,
Чья царственная тѣнь ложилася не разъ
На думную главу великаго Миндовы;
Гдѣ часто Гедиминъ, среди своей дубровы,
Удачно совершивъ благопріятный ловъ,
Перуну приносилъ барановъ и воловъ,
И, лёжа у костра, внималъ, подъ шумъ Вилейки,
Заманчивымъ рѣчамъ маститаго Лиздейки,
Любя его живыхъ рассказовъ благодать;
Дремалъ и въ вѣщихъ снахъ онъ думалъ градъ
создать,

И, жертвуя потомъ Перуну изобильно,
Среди завѣтныхъ пущъ, построилъ городъ Вильно,
Столицу всей Литвы — и грозно встали тутъ,
Въ защиту родины и Ольгердъ, и Кейстуть,
Равно счастливы и славны въ ловитвѣ
За дикими звѣрьми и съ недругами въ битвѣ.
Въ тѣ рощи наѣзжалъ съ облавою иногда
Лихой монархъ-ловець, въ преклонные года,
Любимый нашъ король, наслѣдникъ Ягеллону,
Послѣдній, кто носилъ витольдову корону.

Лѣса родимые! случится ли опять,
Хотя подъ старость лѣтъ, мнѣ взоромъ васъ обнять?
Придѣтся ль встрѣтиться съ родимой стороною,
Гдѣ свѣтъ увидѣлъ я, гдѣ ползалъ я дитѣю
По мягкой муравѣ, среди косматыхъ пней,
Гдѣ пѣлъ и гдѣ любилъ на утрѣ лучшихъ дней?
Стоитъ ли нынѣ тамъ, надъ Росью серебрянстой,
Могучій Баублисъ, широкій и вѣтвистый,
Въ сѣни котораго, какъ-будто подъ шатромъ,
Двѣнадцать человекъ садилось за столомъ?
И липа старая, предъ домомъ Головинскихъ,
Свидѣтель мирныхъ битвъ и подвиговъ воинскихъ,
Гдѣ прежніе вожди сходились искони
О замыслахъ своихъ бесѣдовать въ тѣни,
И гдѣ, не такъ давно, при Августѣ, бывало,
Сто бравыхъ молодцовъ мазурку танцовало.

Давно знакомые душѣ моей лѣса!
Я вижу васъ опять: утрюмая краса
И сумракъ чудный вашъ вновь живы предо мною:
Изъ края чуждаго я къ вамъ несусь мечтою,
Лѣса родимые, лѣса моей Литвы!
Всѣ также ли, какъ встарь, величественны вы,
Невозмутимые? Всѣ также ль горделиво
Ростѣте въ облака и, смертному на диво,
Стоите, крѣпкіе, съ небесною грозой
И съ бурями земли выдерживая бой?
Всѣ таже ль тишина подъ вашими вѣтвями?

Любимы ль также вы пернатыми пѣвцами?
 Поютъ ли тамъ они, какъ въ прежніе года?
 Иль безпощадная прокралася нужда
 Въ обитель тихую торжественнаго мира —
 И тамъ звенить теперь тяжолая сѣкира
 По вѣтвямъ вѣковымъ, гоня пернатыхъ вонъ?

Былое предо мной мелькаетъ будто сонъ!
 Лѣса родимые, отеческія сѣни!
 О, сколько чудныхъ думъ и сладкихъ сновидѣній
 Вы мнѣ навѣяли! какъ часто отъ друзей
 Я въ вашу глушь бѣжалъ; подъ сумракомъ вѣтвей
 Задумывался я и было мнѣ отрадно,
 Какъ чуткимъ ухомъ я прислушивался жадно
 Къ невнятнымъ голосамъ лепечущихъ листовъ.
 Здѣсь повѣсть чудную, преданія вѣковъ,
 Мнѣ дубъ рассказывалъ, челомъ разрѣзавъ тучи
 И три столѣтія на рамена могучи
 Поднявъ. Тамъ, издали замѣтная едва,
 Берѣза плакала, какъ скорбная вдова,
 Иль мать нѣжная, утратившая сына.
 Вакханка юная, румяная рябина,
 Стояла близъ нея, съ пылающимъ лицомъ.
 А далѣе росла раскидистымъ кустомъ,
 Вся въ перлы убрана, красавица лѣсная,
 Орѣшина, своей вершиною кивая
 Черешнѣ молодой, которую внизу
 Ужь обвилъ буйный хмѣль и гибкую лозу
 Забросилъ далѣе, какъ юноша отважный.

Порою пробѣгалъ надъ нами гулъ протяжный
 И вихоръ тѣмныхъ вершины колебалъ:
 Казалось, тамъ прошолъ бурливый моря валъ —
 И всё стихало вновь. Лишь изрѣдка, высоко,
 Въ дубъ дятель клѣвомъ билъ и улеталъ далѣе;
 Иль вѣкша хитрая качалась на вѣтвяхъ,
 Поднявъ пушистый хвостъ, орѣхъ держа въ зубахъ;
 Вдругъ, гостя чуждаго замѣтивъ зоркимъ окомъ,
 Стрѣляла въ глушь лѣсовъ и въ сумракѣ глубокомъ
 Терялась. Тихо всё. Вотъ вѣтви затряслись,
 Чуть-слышныя шаги по роцѣ раздались —
 И, словно солнца лучъ, иль яркая денница,
 Мелькнула вдалекѣ, подъ липами, дѣвица,
 Стыдливая дубравъ родимыхъ красота,
 Ида за ягодой, румяной какъ уста.
 Вонъ юноша близъ ней: предъ дѣвой оробѣлой
 Онъ вѣтви вѣрпкія рукой сгибаетъ смѣлой.
 Чу! рогъ вдали трубить и слышенъ топъ коней;
 Собаки залились, почувяши звѣрей.
 Вмигъ дѣва съ юношей, исполнены тревоги,
 Исчезли въ глубинѣ, какъ роцей тѣмныхъ боги.

На псарнѣ у судьи чѣмъ-свѣтъ бреханье псовъ,
 Тревога, суета, смѣшенье голосовъ.
 Вотъ позывъ въ рогъ даётъ охотѣ дожджачій.
 Однако же ни рогъ, ни звонкій лай собачій
 Встревожить не могли Тадеуша никакъ:
 Залѣзъ на сѣноваль, храпитъ онъ какъ байбакъ,
 Забытый братьею. Съ утра охотой занятъ,
 Всякъ думалъ, что панничъ и такъ захочетъ-вста-
 нетъ.

Вотъ сѣли на коней; а онъ себѣ лежитъ.
 Денницы ясныя лучъ будить его бѣжитъ —
 И, въ щель прорѣзавшись, сверкнула сѣвозъ окошко
 По сѣну тѣмному огнистая дорожка,
 Скользнула по глазамъ, добралась до чела
 И кудри свѣтлыя какъ пламенемъ зажгла;
 А онъ по прежнему хранить во снѣ глубокомъ,
 Отъ яркаго луча отворотившись бокомъ.
 Вдругъ кто-то въ ставень стукъ: проснулся! какъ
 легко!

Какъ весело, свѣжо! и сонъ ужъ далеко.
 Тадеушъ вспомнулъ вчерашнія проказы
 И глазки Зосины, что свѣтлыя алмазы;
 Какъ онъ подсматривалъ изъ тѣмнаго куста...
 Улыбка просится счастливцу на уста
 И вспыхнулъ на щекахъ румянецъ пурпуровый.
 Взглянулъ на ставень онъ: что это? призракъ новый:
 Два глаза ясныя притрезились ему,
 Съ тревогой, торопо глядящія во тьму,
 Сквозъ ставень, въ мѣстѣ томъ, гдѣ вырѣзано
 сердце;
 И ручка нѣжная, повиснувши на дверца,
 Просунулась къ нему, лишь пальчики порой
 Горѣли по краямъ рубиновой зарѣй.

Тадеушъ трѣть глаза, вскочилъ; но призракъ ясный
 Исчезъ — куда? богъ-вѣсть. Къ окошку: трудъ
 напрасный!

Тадеушъ внизъ бѣжитъ, заглядываетъ въ садъ:
 Лишь былки лебеды, качаяся, дрожатъ —
 Кто знаетъ — тронуты ль ногою шаловливой,
 Иль, можетъ, пробѣжалъ по нимъ зефиръ игривый.

Тадеушъ, опершись рукою о плетень,
 Стоялъ, едва дыша. На небѣ яркій день
 И по двору давно расхаживаютъ куры;
 Гремя, тяжолыя куда-то ѣдутъ фуры:
 Я чай, съ провизіей для псовъ и егерей.
 Тадеушъ бросился изъ сада поскорѣй,
 Схватилъ ружьё, кинжалъ; спишь съ ногъ въ сѣ-
 няхъ старуху;

Берётъ себѣ коня и мчится, что есть духу,
 Къ корчмамъ, которыя видѣлись вдали.
 Одна изъ нихъ, едва поднявшись отъ земли,
 Стояла, прислонясь къ горешковской границѣ;
 Другая, новая, была корчмой Соплицы.
 Несхожія ни въ чёмъ — затѣмъ и тамъ, и тутъ
 Неодинаковый кутить сходился людъ:
 Въ одной господствовалъ Горешки ключникъ гроз-
 ный;
 Въ другой витѣйствовалъ всегда Брехальскій-воз-
 ный.

Послѣдняя была какъ всѣ корчмы на видъ;
 Другая жъ, старая, прохожого дивить
 Необычайною своей архитектурой,
 Нигдѣ невиданной, печальной и понурой.
 Ея отечество, какъ слышно, древній Тиръ,
 Откопѣ образцы жиды на цѣлый міръ
 Когда-то разнесли, всё далѣе и далѣе,
 А тамъ уже и мы её въ наслѣдство взяли.

Какъ Ноя праотца вмѣстительный ковчегъ,
 Корчма напередѣ; тамъ видишь тварей всѣхъ:
 Собаки, лошади, коровы, гуси, куры;
 Но сади образецъ иной архитектуры:
 Особенный чертогъ, что соломоновъ храмъ;
 Колонны хрупкія бѣлѣютъ по угламъ,
 Немного на боку, точь-въ-точь какъ башни въ Пизѣ;
 Рѣзная капитель на окнахъ и карнизѣ,
 Простая, грубая, но дѣло тутъ не въ томъ:
 Рѣзцомъ ли рѣзана, долблена ль долотомъ,
 Была бы лишь рѣзба. Повѣтъ весьма плохая,
 Въ дырахъ, подобіе живое малахая
 Жидовскаго; на ней двѣ тонкія трубы,
 Какъ шеи анстовъ. Внизу, кругомъ, столбы:
 Идѣтъ зигзагами, съ навѣсомъ, галлерей;
 А вмѣстѣ вся корчма походить на еврея,
 Когда онъ молится, кивая бородой
 И на лобъ надѣпивъ кудравый цыцесъ свой.

Внутри являются двѣ разныхъ половинны:
 Въ одной всё женщины, въ другой—одни мужчины.
 Мужской компаніи въ корчмѣ отведена
 Пошире комната и вся запружена
 Столами, стульями, старинными скамьями,
 Что втиснулись туда обильными семьями;
 Въ срединѣ комнаты особый, круглый столъ
 Стоялъ, какъ панъ-отецъ и будто рѣчи вѣлъ.

Довольно въ этотъ день натискалось народу
 Въ корчму, различнаго и званія, и роду.

Отслушавъ поутру въ часовнѣ литію,
 Селяне порцію обычную свою
 Пришли потребовать — и вотъ свернула чарка,
 И вдругъ забѣгала проворная шинкарка.
 Въ срединѣ—арендарь, жидъ Янкель, въ сюртужѣ
 Почти до самыхъ пятъ, въ ермолкѣ и шляпѣ;
 Рука за поясомъ, межъ-тѣмъ какъ онъ другою
 Водилъ по бородѣ, кивая головою
 Входящимъ шляхтичамъ; то ласы имъ точилъ,
 Но не прислуживалъ, а такъ-себѣ ходилъ
 И только раздавалъ прислугѣ приказанья,
 Стараясь упредить гостей своихъ желанья.
 Со всѣми Янкель жилъ въ пріязни и въ ладу,
 Всѣ знали Янкеля; всѣ къ Янкелю-жиду
 Ходили бражничать, хотя не очень пышно;
 Но жалобъ никогда на Янкеля не слышно:
 Онъ самъ окрестное шляхетство уважалъ,
 Вино исправное, безъ примѣси, держалъ,
 Въ разсчетахъ честенъ былъ и не терпѣлъ обмана;
 Гостей угашивалъ не слишкомъ, а въ-полпьяна;
 Забавы разныя и музыку любилъ,
 Поэтому народъ къ нему валма-валилъ,
 Съ утра до вечера, всѣмъ міромъ, всѣмъ селеньемъ;
 Особенно жъ ходилъ въ корчму по воскресеньямъ,
 Когда у Янкеля гремѣла всякій разъ
 Базетля и гудокъ и шоль жестокой плясъ.

Жидъ самъ когда-то былъ извѣстнымъ музыкантомъ
 И слылъ по всей Литвѣ искуствомъ и талантомъ,
 Бродя съ цымбалами, послушать ихъ прося —
 И скоро про него узнала Польша вся.
 Жидъ Янкель былъ поэтъ и чувствовалъ онъ живо
 Очарованіе народнаго мотива;
 Въ Литву варшавскія мазурки приносилъ
 И первый къ намъ занёсъ, какъ слухъ о томъ ходилъ,
 Ту пѣсню славную, что послѣ для Авзоновъ
 Съиграли польскіе тропеты легионовъ.
 Даръ музыки въ Литвѣ какъ-разъ обогатить:
 Такъ, скоро капиталъ себѣ составилъ жидъ
 И въ шляхтѣ пересталъ заглядывать на балы;
 Повѣсилъ на стѣнѣ умолкшіе цымбалы
 И болѣе не игралъ на нихъ ужъ никому,
 Самъ даже для себя; завѣлъ себѣ корчму,
 Забился подъ неё, какъ птахъ какой подъ кровлю,
 И вѣлъ-себѣ тишкомъ корчемную торговлю.

Всѣ чтили Янкеля; нерѣдко ярый споръ
 Мирилъ онъ въ двухъ корчмахъ, вмѣшавшись въ
 разговоръ
 То межъ сторонниковъ Горешки, то Соплицы;
 И даже главныя предъ нимъ смирились лица:

Язвъ свой унималъ Брехальскій Бальтазаръ,
И въ ключникѣ стихалъ упрямый гнѣвъ и жаръ.

Въ ту пору не было Герваза: на охоту
Слѣшилъ за графомъ онъ. Объ нёмъ свою заботу
И попеченія онъ вѣчно прилагалъ
И въ битву одного никакъ не отпускалъ.
На мѣстѣ ключника, противу двери, прямо,
Въ покутьѣ попросту, забившись въ уголъ самой,
Сидѣлъ отецъ-плебанъ; самъ Янкель посадилъ
Ксендза на мѣстѣ томъ, и часто подходилъ
Къ нему, лишь замѣчалъ его пустую чарку,
Усердно кланялся и подзывалъ шинкарку,
Чтобъ лицу принесла. Ходилъ рассказъ о томъ,
Что Янкель съ квестаремъ давно уже знакомъ,
Еще съ чужихъ краёвъ, что съ нимъ онъ дружбу
водитъ,

Что квестарь къ Янкелю, зачѣмъ богъ-знаетъ, хо-
дитъ;

Что часто до свѣту о чѣмъ-то споръ ведутъ —
И розно толковалъ объ этомъ сельскій людъ.

Едва ксендзъ Робакъ сѣлъ — къ нему склонились
взоры

Всей шляхты; но не вдругъ повѣлъ онъ разговоры,
Порою табакомъ компанію прося —
И точно изъ мортiry чихала шляхта вся.

— «Reverendissime!» сказала, чихнувъ, Сколуба:
«Вотъ подлинно табакъ! Хватило ажъ до чуба!
Съ-гѣхъ-поръ, какъ двигаю по бѣлу свѣту носъ,
Такого табаку нюхнутъ не довелось
Ни разу!» Тутъ чихнулъ. «И чай, изъ Ковна родомъ,
Что славится давно и табакомъ, и мѣдомъ?»

— «Во здравье братія и всѣхъ честныхъ людей!»
Ксендзъ молвилъ. «Мой табакъ, Сколуба добродѣй,
Пріѣхалъ къ намъ сюда изъ мѣста Ченстохова,
И можно утверждать, что нѣтъ нигдѣ такова!»

— «Изъ Ченстохова онъ?» замѣтилъ Вильбиень тутъ;
Нюхнулъ, потомъ чихалъ не меньше трѣхъ минутъ:
«Былъ въ Ченстоховѣ я. А правда ли, что въ мартѣ
Туда пожелуетъ великій Бонапарте —
И всѣ костѣлы прочь? Объ этомъ, видишь, есть
Въ «Курьерѣ Виленскомъ?» — «Вольно «Курьеру»
плестъ!»

Ксендзъ Робакъ возразилъ. «Не всякому курьеру,
Панъ Вильбиень добродѣй, давай ты нынче вѣру:
Курьеры часто лгутъ. А панъ Наполеонъ
Батоликъ, какъ и мы: у насъ одинъ законъ.

Что брали серебро и мѣдь изъ Ченстохова
На войско — это такъ, объ этомъ я ни слова!
Господня воля тутъ. Святая Дѣва мать
Не разъ, во дни войны, кормила нашу рать:
Такъ нынѣ, чрезъ неѣ жъ народныя дружины
Ростутъ на Нѣманѣ, поляки да литвины:
Кому же, какъ не вамъ послать имъ вдовій грошъ?
Подушныя въ казну небось вѣдь отдаешь?»

— «Да!» Вильбиень проворчалъ. «Не дашь, возь-
мутъ и силой!»

— «Э! что вамъ! не бѣда! вотъ намъ, пріятель мой!»
Вступился за себя какой то хлопецъ тутъ:
«Вотъ съ насъ такъ подлинно три шкуры въ годъ
дерутъ!

Достались, говорить пословица, на лыка!»

— «Э! племя хамово! вы штука не велика!»
Сколуба вставилъ рѣчь. «Васъ, сидоровыхъ козъ,
Вѣкъ драли, какъ теперь; а намъ за что пришлось,
Вельможнымъ господамъ, намъ, шляхтѣ благород-
ной,

Терпѣть? Вишь, выдали законъ какой-то модный
Бумагу изводить, доказывать права!

Да, стану я тебѣ копаться, чорта съ два!
Бумажный дворянинъ!» — «Вамъ что!» сказаѣъ
Юрага:

«Вашъ дѣдъ холопомъ былъ, какой-то побродяга,
А я вотъ изъ князей: Ягелло нашъ родня!
И спрашивать теперь патенты у меня!»

— «Ты князь, а обо мнѣ», сказалъ опять Сколуба:
«Пусть въ лѣсъ идѣтъ москаль и спросить тамъ у
дуба,

Бто далъ ему патентъ ветлу перерости,
Матѣрнымъ дубомъ бытъ, вездѣ въ такой чести?»

— «А мы ведѣмъ свой родъ», сказала Бирбашъ-
Канарскій:

«Нашъ пра-пра-прадѣдъ былъ какой-то графъ та-
тарскій,

Въ гербѣ — корабль и крестъ!» — «У насъ ко-
рабль и щитъ!»

Мицкевичъ возразилъ: «Стрыйковскій говорить:
Корабль — гербъ княжескій!» Поднялся шумъ и
споры.

Чтобъ къ дѣлу обратить пустые разговоры,
Ксендзъ Робакъ табаку бесѣдъ всей поднёсъ —
Носы понюхали и громко каждый носъ
чихнулъ. Молчаніе. — «Извѣстно панству буди,
Большіе съ табаку того чихали люди.»

Такъ началъ ксендзъ опять: «Домбровскій генераль,

Когда у пруссаковъ онъ Данцигъ отбиралъ,
Нюхнулъ, повѣрите ль, заразы разѣ четыре!»

— «Домбровский», крикнули, «о, это первый въ мірѣ
Великій богатырь!» — «Боясь, чтобъ какъ-нибудь»,
Ксѣндзъ Рѣбакъ продолжалъ, «предъ битвой не за-
снуть —

Спросилъ онъ табаку, сказавши: слушай, Рѣбакъ,
Ксѣнжина бернардинъ! Я вижу, ты не робокъ!
Быть-можетъ, черезъ годъ я буду на Литвѣ:
Такого табаку дадимъ нюхнуть Москвѣ —
Не прочихаются, хоть сколько бъ ни чихали!
Скажи моимъ поклонъ, чтобъ помнили и ждали!»

Тутъ шумъ по всей корчмѣ и гвалтъ пошолъ кругомъ:
«Поклонъ Домбровскаго! Рубиться со врагомъ!
«Ура, Домбровский нашъ! табакъ изъ Ченстохова!»
Давай въ объятіяхъ душишь одинъ другаго:
Забывши разницу и силу давнихъ правъ,
Ягелло съ кораблѣмъ, съ крестомъ татарскій графъ,
Всѣ перепуталось, всѣ стало вдругъ Литвою —
И всякій былъ готовъ хоть въ омутъ головою.
Потомъ заплѣли всѣ. Ксѣндзъ слушалъ въ уголку —
И вдругъ въ мелодію подсыпалъ табаку:
Носы понюхали и снова зачихали;
А ксѣндзъ тѣмъ временемъ повѣлъ бесѣду даѣ;
Всѣ молча на него оставили глаза,
Слегка разинувъ ротъ — и слушали ксѣндза.

— «Табакъ хвалили мой, панове добродѣи!»
Онъ молвилъ: «А теперь, смотрите поскорѣе.»
Тутъ къ нимъ онъ повернулъ отъ табакерки дно:
«Здѣсь нарисовано сраженіе одно:
Вотъ это — армія; солдаты, кони — съ муху;
А этотъ, словно жукъ, несется что есть духу:
Смотрите — руку онъ къ лицу себѣ поднесъ,
Какъ-будто табаку набить желаетъ въ носъ —
Узнайте, это кто?» Всѣ вглядываться стали,
Суда, какъ всякій зналъ, о крошкѣ-генералѣ.
«То кесарь-кесарей, то самъ Наполеонъ»,
Ксѣндзъ Рѣбакъ объяснилъ: «да, братья, это онъ!»
— «То кесарь! на, поди! А посмотрите, братья»,
Подгайскій возразилъ: «совсѣмъ простое платье,
Сюртукъ! У москалей, такъ что ни генералъ —
Весь свѣтится въ звѣздахъ, все небо обобралъ!»

— «Великіе вожди не схожи другъ на дружку»,
Вступился Рымша тутъ: «я съ молодю Костюшку
Видалъ: великій вождь носилъ кафтанъ простой,
Чамарку сѣрую!» — «Чамарку? ты постой —
Чамарка», молвилъ Занъ, «иначе тарататка?»

— «Нѣтъ, та съ нашивками, а это просто гладко!»
Мицкевичъ объяснилъ. Тутъ споры безъ конца
На счетъ различнаго чамарокъ образца.

Замѣтивъ это, ксѣндзъ за табакерку снова —
Чиханье — и внимать компанія готова:
— «Когда Наполеонъ въ сраженіи нюхнѣтъ,
То значить — хорошо сраженіе идѣтъ.
Французы эдакъ вотъ подъ Іеною стояли,
А нѣмцы противъ нихъ отсюда напирали.
Онъ всё на бой глядѣлъ. Французы какъ махнутъ —
Такъ улицей предъ нимъ враговъ и покладутъ.
Онъ всё глядитъ себѣ, не смитивая глазомъ;
Вдругъ лихо табаку понюхалъ разъ за разомъ;
Потомъ еще на бой глазкомъ однимъ взглянулъ —
Чихъ-чихъ! захохоталъ и пальцы отряхнулъ.
Глядятъ: а нѣмчура по хѣлмамъ и долинамъ
Улизывать пошла маршъ-маршемъ журавлинымъ!
Такъ вотъ, кому изъ васъ у кесаря служить
Придѣтся — мой рассказъ тотъ вспомнить можетъ-
быть!»

— «Эхъ, отче! молвилъ Занъ: «не таеъ ли насъ
тревожатъ?
Что праздниковъ въ году, французовъ намъ во-
рожатъ!
А ближе поглядишь — всё басни, всё то вздоръ!
А насъ москаль какъ билъ, такъ бьѣтъ до этихъ поръ;
На всё тебѣ запретъ: пить, ѣсть, и въѣздъ, и выѣздъ!
Пока взойдетъ заря, роса намъ очи выѣстъ!»

— «Не слѣдъ вамъ, шляхтичамъ, по бабьему роп-
тать»,
Замѣтилъ ксѣндзъ на то», «я по-жидовски ждатель,
Да руки, какъ жида, закладывать за поясъ,
Глазѣя у окна и мало беспокоясь,
Придѣтъ ли гость, или нѣтъ. Теперь Наполеонъ
Пруссакамъ носъ утеръ и швабамъ задалъ звонъ;
Вотъ скоро и Москву придѣтъ — отъ сна разбудить.
Что жъ? вы тутъ на коней, какъ битися не съ кѣмъ
будеть?»

«Эхъ, скажетъ, молодцы! покончили я безъ васъ!
А выступайте спать: вотъ весь вамъ, братцы, сказъ!»
Когда жъ, какъ слѣдуетъ, принять кого хотите,
Вы комнату свою заранѣ подметите,
За двери всякій соръ! Потомъ во всѣ углы
Разставьте поживѣй приборы и столы,
И, гостя чествуя, усердно угощайте!»
Затѣмъ, взянувъ въ окно, сказалъ: «пока прощайте!
Нѣтъ времени теперь, а послѣ я приду
И съ вами разговоръ обширнѣй поведу!»

— «Когда по близости случитесь Негримѡва,
 Прошу не обойти: для гостя для такова
 Въ услугахъ гѣлнй домъ, лишь сдѣлали бы честь!»
 Хорунжій приглашалъ. «Къ тому жь присловье есть:
 Счастливый человѣкъ, какъ квестаръ въ Негри-
 мовѣ!»

— «И къ намъ прошу, отецъ, какъ будете въ Зуб-
 ковѣ»,

Зубковскій говорилъ: «веселье — сторона!
 Найдѣтся для всендза полштука полотна,
 Коровка и баранъ. Попомни только слово:
 Счастливый человѣкъ, кто трафилъ до Зубкова!»
 — «И къ намъ!» Сколуба то жь. «И къ намъ!»
 добавилъ Зань. —

Такъ всѣ наперерывъ, такъ всѣми былъ онъ званъ,
 И каждый обѣщалъ подарокъ небогатый,
 По мѣрѣ силъ своихъ; но всендзъ ужь былъ за хатой.

Еще сидя въ корчмѣ, увидѣлъ онъ вдали
 Тадеуша, верхомъ летящаго въ пыли,
 Безъ шапки, въ попыхахъ, туда, гдѣ гѣсъ дремучій,
 И хмурясь, и грозя, нависнулъ черной тучей,
 Всегда заманчивый для смѣлыхъ егерей:
 Туда направился всендзъ Рѡбакъ поскорѣй.

ПѢСНЬ IV.

Кто свѣдалъ глубину литовскихъ тѣмныхъ пущей?
 Проникнулъ въ сердце ихъ, дотвари тамъ живущей?
 Рыбакъ, въ своей ладѣ, спуетъ у береговъ,
 Не смѣя средь морей затѣять дерзкій ловъ;
 Охотникъ по гѣсамъ съ опушки только кружить
 И тайнъ глубокихъ ихъ во-вѣкъ не обнаружитъ.
 Лишь басня тѣмная бѣжить подъ-часъ въ народъ,
 Что есть въ срединѣ пущъ таинственный оплотъ
 Изъ вала старыхъ пней, изъ кражей и каменьевъ,
 Изъ груди мховъ сѣдыхъ, разросшихся кореньевъ;
 А далѣе идутъ трясины и ручьи,
 Гдѣ искони, въ дуплахъ, кишатъ шмелей рои,
 По зыбкимъ тростникамъ шипятъ и вьются гады.
 Когда жь настойчиво пробьешь снй преграды
 И взглянешь издали во глубь гѣсныхъ пучинъ:
 Тамъ, въ чащѣ, чтѣ ни шагъ, наярта тьма сурчинъ
 И волчьихъ и другихъ; какъ мракъ чернѣютъ норы,
 А около идутъ болоты и озѣры,
 Заросшія травой окошки, бочаги,
 Чтобъ далѣе не шли упряме враги.
 Потокъ зловонія, вокругъ болотъ смердящій,
 Мерзвилье и губить гѣсъ, вблизи отъ нихъ стоящій:
 Деревья, сторбившись, присѣли до земли

И вѣтви тѣмными сѣтями заплели
 Непроницаемо и, жкомъ колтуноваты,
 Въ грибахъ и въ бѣлонахъ, согнулись, сномъ обѣаты,
 Какъ вѣдьмы старыя, когда, усѣвшись въ рядъ,
 Онѣ себѣ въ котлѣ на ужинъ трупъ варятъ.

За эти бочаги не смѣй взглянуть и окомъ:
 Глухая пуща спитъ въ молчаніи глубокомъ
 И неподвижная, синѣющая мгла
 На-вѣки вѣчные тамъ тяжело залегла.
 За нею, наконецъ, какъ по преданью слышно,
 Равнина значная раскинулася пышно,
 Благоуханная, цвѣтущая страна,
 Гдѣ скрыты всѣхъ деревъ и земей сѣмяна;
 И тамъ живутъ звѣрей сѣдне патриархи,
 Самодержавные гѣсовъ своихъ монархи:
 Тутъ древній, дикій зубръ и царственный медвѣдь.
 Крутомъ, на деревьяхъ, приказано сидѣтъ
 То рыси дерзостной, то алчной росомахѣ
 И шляхту мелкую держать въ обычномъ страхѣ.
 А далѣе живутъ, разгуливая врозь,
 Вассалы вѣрные: кабанъ, олень и лось.
 Вверху, въ сѣни вѣтвей, устава очи быстры,
 Орлы и соколы, какъ бодрые министры,
 Оглядываютъ далъ и озираютъ верусть,
 Всегда готовые монархамъ для услугъ.
 Такъ, въ чащѣ скрытые, невидимые свѣтомъ,
 Владыки царствуютъ зимой, весной и гѣтомъ,
 Изъ пущъ не выходя, не жертвуя собой,
 И только молодѣжь къ опушкѣ шлютъ на бой,
 Далѣе отъ своихъ заповѣдныхъ жилищей,
 Границы наблюдать и пробавляться пищей.
 Монарховъ не разить ни пуля, ни стрѣла;
 Когда жь почувствуютъ, что смерть уже пришла
 Неотразимая: заматерѣвши, сами
 Идутъ почить въ глуши, укрытые гѣсами.
 Медвѣдь—какъ зубы съѣсть, рога собьѣтъ олень
 И, ноги чуть влача, шатается какъ тѣнь;
 Когда у кречета внезапно кровь окрѣпнетъ;
 Какъ воронъ станетъ сѣдъ, и соколъ вдругъ ослѣп-
 нетъ:

Идутъ на кладбище, гдѣ боръ еще густѣй —
 И оттого-то мы не видимъ ихъ костей.
 И даже малый звѣрь, почувавъ пламень раны,
 Бѣжить почить домой, въ отеческія страны.
 Ни что не возмутитъ завѣтныхъ пущъ красу:
 Правленье тихое и мирное въ гѣсу;
 Исполненъ простоты наслѣдственный обычай:
 Какъ дѣды не гнались за чуждою добычей,
 Не зарились въ раю на роскошь братнихъ блюдъ,
 Такъ нынѣ внуки ихъ въ согласіи живутъ;

И даже человекъ, проннеши бозоружный
Въ средину тварей тѣхъ, привѣтъ наполю бы друж-
ный:

Глядѣли бѣ, выразивъ тревогу и испугъ,
Какъ въ оннй день шестой, когда узрѣли вдругъ
Ихъ прародители созданныа Адама.
Но рѣдко и ловець, настойчиво-упрямо
Владѣющій собой, достигнеть этихъ мѣстъ.
Лишь только иногда, охотяся окрестъ,
Бросаетъ гончихъ онъ въ труппу мгли дремучей,
Но пси назадъ бѣгутъ, къ нему ласкаясь кучей,
Поднявъ протяжный стонъ и жалкій вой и гамъ,
Слѣшать, дрожа какъ листъ, прилечь къ его ногамъ.
Тѣ заповѣдныя, таинственныя пущи,
Гдѣ лѣсъ всегда растѣтъ непроходимый, гуще,
Гдѣ звѣри старше безвыходно живутъ,
Крепами въ языкѣ охотниковъ слывуть.

Медвѣдь! сидѣлъ бы ты въ крепяхъ своихъ глубочкихъ,
Никто бы на тебя изъ ловчихъ быстроокихъ
Во-вѣки не напасть, не зналъ твой слѣдъ
И жилъ бы ты себѣ безъ горя и бѣды!
Но, зная, медвянаго благоуханье сота,
Иль въ стаду буйволовъ, обычная охота
Взманила вонь тебя, на край, гдѣ рѣже лѣсъ —
И тутъ-то на тебя панъ войскій и налѣзъ!
Теперь тебя слѣдятъ; пронивнули въ дубраву
И хитрую вокругъ раскинули облаву.

Тадеушъ, прискакавъ, узналъ, что ужъ давно
Охоту начинать ловцами рѣшено.
Всѣ тихо. Напряглось внимательное ухо
Охотника: стоять и слушаютъ — все глухо!
Лишь музыка лѣсовъ играетъ иногда.
Вотъ гончихъ брошена завязаная орда:
Пошли себѣ нырять и шмыгать безъ умолку;
А бодрые стрѣлки, устава въ лѣсъ двустолку,
Глядятъ на войскаго: склонился до земли
И гончихъ слушаетъ: вотъ къ звѣрю натекли!
Хотя еще молчатъ, но для него ужъ ясно.
Другіе слушаютъ, припали — все напрасно:
Не слышутъ ничего! Вдругъ отозвался пѣсъ,
Другой, тамъ два еще, тамъ пять отозвалосьъ,
Вотъ довалялись всѣ, вотъ звѣря узираютъ —
И громко заились, какъ музыка играютъ,
Перекиваются; вотъ стихли всѣ на мигъ;
Потомъ отрывистый ударилъ въ уши крикъ:
Насѣли! Рывнулъ звѣрь, обороняться началъ
И когти острые на гончихъ обозначилъ.

Стрѣлки безмолвные недвижимо стоятъ,

Подавшись напередъ и въ лѣсъ впередъ взгляды;
Не выдержали вдругъ — и бросились въ дубраву,
Чтобъ раньше выстрѣломъ стяжать и честь и славу;
Хоть Войскій передъ тѣмъ ихъ всѣхъ остерегалъ,
Молилъ, упрашивалъ, а послѣ общалъ
Тому, кто двинется, смичокъ надѣтъ на шею,
Ясновельможному, равно какъ и лакею.
Напрасны всѣ мольбы, угрозы и смички:
Широкое по лѣсу рассыпались стрѣлки,
Три выстрѣла гремятъ, потомъ — огонь батальный,
Затѣмъ медвѣдя рыкъ и чей-то визгъ печальный.
Слѣшить на выстрѣлы охотниковъ гурьба.
Лай псовъ, медвѣдя рѣвъ, трескучая труба —
Всѣ перепуталось; всѣ думали: ловитѣ
Конецъ, и ужъ успѣхъ предсказывали битвѣ,
Лишь войскій говорилъ, что сбился... И вотъ
Звѣрь точно повалилъ отъ ловчихъ на-уходъ,
Взялъ въ сторону, собакъ отбросивши по-свойски,
По лѣзъ, гдѣ графъ стоялъ съ Тадеушемъ и войскій.

Тутъ лѣсъ порѣже былъ; изъ чащи и кустовъ,
Рыча, нагрянулъ звѣрь, какъ громъ изъ облаковъ,
Всталъ на ноги, валить; а сзади, слѣдомъ, стая
То прочь откинется, то, разомъ налетая,
Хватаетъ и дерѣтъ; звѣрь ломить черезъ пни
Въ ту сторону, гдѣ графъ съ Тадеушемъ одинъ,
Отбившись ото всѣхъ, стоять и выжидаютъ.
И вотъ предъ ними оны! Глаза какъ жаръ блистаютъ,
Разинуть страшный зѣвъ, уставились клыки,
Ревѣтъ: не дрогнули отважные стрѣлки,
Нацѣлились въ него, прищурясь лѣвымъ глазомъ,
Еще единый мигъ — и выстрѣлили разомъ;
Но промахъ. Звѣрь валить; предъ ними тутъ какъ
туть;

Прочь ружья! молодцы рогатину берутъ,
Заспорили... А онъ не ждѣтъ и прямо ломить
На нихъ; того и жди, что лапой ошелѣмитъ,
Иль черепъ, что колпакъ, подниметь съ головы.
Бѣгутъ... А ноги ихъ межъ кочевъ и травъ
Скользятъ, сгибаются... Медвѣдь ужъ недалёко...
Вотъ, кажется, насѣлъ... Еще мгновенье ока —
И когти страшныя на части разорвутъ
Сробѣшнаго стрѣлка... все кончено... Но тутъ,
Откуда ни возьмись, всѣмъ съ ключникомъ Гер-
вазомъ,

Ассессоръ, становой — всѣ выстрѣлили разомъ:
Медвѣдь откинулся, вертнулся колесомъ,
Протяжно заревѣлъ и въ землю ткнулся лбомъ.
Тогда вцѣпились пси, припомнивъ свой обычай:
Квартальный въ лѣвый бокъ, а въ правый — Го-
родничій.

Тутъ войскій ухватилъ широкою рукою
Свой буйволовый рогъ, изогнутый змѣей,
Прижалъ его къ устамъ, надулся, подь лобъ очи
Немного закатилъ, сталъ дуть, что было мочи —
И гранулъ звонкій рогъ раскатомъ къ небесамъ
И музыка пошла по рощамъ и лѣсамъ.
Уткнули всѣ кругомъ, заслыша гулъ призывный
И наслаждаяся гармонією дивною.

Старикъ давно въ лѣсахъ своимъ искусствомъ слылъ,
Теперь, въ послѣдній разъ, имъ ловчихъ оживилъ,
Наполнилъ звуками-широкою дубраву,
Какъ-будто бы въ неѣ пустилъ борзыхъ араву,
За гончими во слѣдъ — и травлю началъ вдругъ.
Имѣлъ особое значеніе каждый звукъ:
Сначала позывъ въ рогъ, потомъ слышнѣе тонн:
Завылъ голосовъ собачьихъ миллионы,
Ведутъ по красному; вотъ стихли, а потомъ
Звукъ рѣзкій — выстрѣла раздавагося громъ.

Умолкъ, но всё трубить — охотникамъ казалось,
А это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
Опять задулъ артистъ. Казалось, будто рогъ
Мѣняетъ образъ: то длиненъ и широкъ,
Ревѣтъ медвѣдемъ онъ, то вдругъ завоетъ волкомъ,
То пробрается въ дубравѣ тихомолкомъ,
Какъ хитрая лиса; вдругъ взвылъ какъ ураганъ
И равкнулъ вдалекѣ, какъ раненый кабанъ.

Умолкъ, но всё трубить — охотникамъ казалось,
А это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
За звукомъ улеталъ, переливаясь, звукъ,
Дубъ дубу повторялъ, клѣнъ клѣнамъ, буку букъ.
Вдругъ войскій къ небесамъ уставилъ рогъ могучій
И гимнъ торжественный триумфомъ грянулъ въ тучи,
Воинственный финалъ, громоподобный гласъ —
И музыка въ лѣса далѣко понеслась.

Умолкъ, но всё трубить — охотникамъ казалась,
А это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
Что лѣсу, то роговъ, играютъ и поютъ,
И пѣсню дивную другимъ передаютъ;
И долго шла игра отъ края и до края,
Переливаясь, слабѣя, замирая,
Покуда гдѣ-то тамъ погасла въ небесахъ.

Настала тишина въ дубравахъ и лѣсахъ.
Художникъ, бросивъ рогъ и опустивши руки,
Ловилъ послѣдніе, стихающіе звуки
И, вдохновенія вкушая торжество,
Стоялъ, пылая весь. Межъ-тѣмъ вокругъ него
Сошлись охотники въ восторгѣ удивленія,

И долго слышался ихъ крикъ и поздравленія.
Лишь смоле послѣдній звукъ послѣдняго «ура»,
Всѣ глянули назадъ, гдѣ точно какъ гора
Лежалъ косматый звѣрь, когтами землю роя,
А злые мордаши терзали грудь героя.
Но войскій оттащить велѣлъ свирѣпыхъ псовъ —
И снова загремѣлъ «вивать» среди лѣсовъ.

«А!» крикнулъ становой, «вотъ это значить ловко:
Что, братцы, какова моя сагаласовка!
Ассессоръ говоритъ, что вверхъ она берѣтъ;
Нѣтъ, я теперь сошлюсь на весь честной народъ,
На всѣхъ охотниковъ: чего еще хотите?
Какова выстрѣла? Подите, посмотрите,
Что за сокровище!... Бѣгу съвозъ лѣсъ густой,
А войскій сзади мнѣ: «куда? постой! постой!»
Чего ужъ тутъ стоять, какъ звѣрь уходитъ въ поле!
Бѣгу... едва дышу... усталъ... нѣтъ силъ болѣ...
Смотрю, а онъ ужъ тутъ! я взялъ, навѣлъ и хлопъ!
Покончилъ разомъ всё: должно-быть, прямо въ
лобъ.»

—«Да, точно!» возразилъ ассессоръ, «только сбоку
Я прежде выстрѣлилъ: я тутъ неподалѣку
Стоялъ за деревомъ и не замѣтилъ васъ.
Звѣрь вышелъ на меня—я въ лобъ ему какъ разъ.»
«Нѣтъ!» крикнулъ становой, вертя своей винтовкой:
«Нѣтъ, тутъ вѣдь не процессъ! ишь вздумалъ, па-
рень ловкой!»

Шумъ, крикъ! Межъ-тѣмъ Гервазъ медвѣдю пасть
разжалъ

И, всунувъ глубоко широкій свой кинжалъ,
Разсѣкъ звѣринный зѣвъ, картечь оттуда вынулъ
И живо по стволамъ охотниковъ прикинулъ.

«Эхъ», молвилъ, «господа, сыграли вы въ ничью:
Картечь по моему приходится ружью.

Смотрите: въ самый разъ, и нѣту здѣсь обмана;
Но выстрѣлъ былъ не мой, а квестаря-плебана;

Мнѣ было въ этотъ часъ совѣтъ не до того:
Страхъ вспомнить! звѣрь насѣлъ на пана моего,

На пана моего, послѣдняго Горешку —

Хоть съ женской стороны! Я сталъ на тужестежку;
«Владычица моя! Господь Ісусъ Христосъ!»

Взмолился я: и что жъ? Богъ милостивъ, принёсъ
На выручку ксендза, лихова бернардина;

Онъ всѣхъ насъ пристыдилъ—и точно: хватъ ксен-
жина!

Когда я трясся весь, собачки не наполю,
Онъ хватъ моѣ ружьѣ, прицѣлился, навѣлъ —

И бацъ! какъ пить поднёсъ! въ башку промежъ
зубами!

Монанку, сто шаговъ! и между головами
Двоихъ охотниковъ! Который годъ живу;
Какихъ видахъ стрѣлковъ; обрисуалъ всю Литву,
А только одного охотника такова
Я встрѣтилъ; истинно: да вотъ—ксендза друтова.
Тотъ, Яцекъ именемъ, а по просту Усачъ;
На всѣ затѣи былъ отъявленный лихачъ;
Не мало каблуконъ у женскихъ сбилъ ботинковъ,
Не мало на-вѣку настроилъ поединковъ...
Теперь, я чай, въ аду по самыя усы
Сидитъ на угольяхъ— и точно злые псы
Хлопочуть вокругъ него и Вельзевулъ, и черти...
Спасибо, право, ксендзъ! Двоихъ ты спасъ отъ
смерти,

А можетъ и троихъ: я хватать не хочу,
Но если бы медвѣдь снялъ черепъ паннчу,
Последнему въ роду— и я бы къ звѣрю въ глотку
Погъзъ! Пойдемъ же, ксендзъ, изъ торбы вынемъ
воду

Лихую, гданскую, присядемъ и вдвоёмъ
Здоровье графское и ваше разошьемъ!»

Но не было ксендза: напрасно проискали
Охотники его; лишь только разузнали,
Что, послѣ выстрѣла, окинулъ взоромъ онъ
Окрестность, видитъ: графъ съ Тадеушемъ спасёнъ,
Взглянулъ на небеса, тихонько помолился,
Надвинулъ свой каптуръ и въ чащѣ тёмной скрылся.

ПѢСНЬ V.

На ужинъ въ замокъ всѣхъ Сопица пригласилъ.
Готово— и народъ толпою повалилъ,
Шума, какъ вѣтрами волнуемое море.
Всѣхъ выше, впереди, садится подкоморій,
Какъ слѣдуетъ ему по званью и лѣтамъ;
Садясь, онъ кланялся привѣтливо гостямъ.
На мѣсто квестаря хозяинъ сѣлъ въ срединѣ,
Прочтя короткую молитву по-латынѣ;
Потомъ благословилъ трапезующій столъ—
И ужинъ чередой, какъ водится, пошолъ.
Сначала холодецъ, тамъ раки и шпараги,
Между бутылками токая и малаги.

Но тихо всѣ жуютъ. Молчаніе кругомъ;
Лишь вилки брякаютъ. Навѣрно въ замкѣ томъ,
Ботораго въ огняхъ слявшія палаты
Слыхали нѣкогда столь громкіе виваты
И рѣчи бурныя, кипѣвшія рѣкой,
Ни разу не было компаніи такой:
Какъ-будто нѣкій духъ заворожилъ всю братью

И всѣ уста сковалъ безмолвія печатью.
Причина, почему затихла молодёжь,
Скрывалась въ выстрѣлѣ; всякъ думалъ: «каково жь!
Не дался никому медвѣдь изъ братьи нашей,
И вдругъ какой-то ксендзъ, какой-то шляхъ мо-
нашій,

Побѣду выхватилъ изъ-подъ носу у всѣхъ!
Не срамъ ли, господа? вѣдь это курамъ смѣхъ!
Позоръ отъявленный! ложился въ гробъ заранѣ!
Вотъ будетъ похвалы и въ Лидѣ, и въ Опшянѣ,
Панове братія! и неужели имъ
Мы пальму первенства въ охотѣ отдадимъ?»

Но пуще войскому молчанье то маркотно:
Провѣлъ онъ молодость бурливо, беззаботно,
На сеймахъ, гульбищахъ, у шляхты на пирахъ,
Въ охотничьемъ кругу, на шумныхъ вечерахъ,
Гдѣ старопольскіе побрякивали кубки;
Затѣмъ онъ былъ врагомъ молчанія и— трубки,
Боторую, вишь, чортъ отъ нѣмцевъ къ намъ занёсъ,
Чтобъ Польшѣ всей молчать, курия табакъ въ засосъ:
Такъ войскій объяснялъ. Онъ спалъ, или думалъ
думу,

Когда вокругъ него довольно было шуму,
А если замолчать— проснётся и бѣда!
Такъ мельникъ тихо спитъ, урчи кругомъ вода;
Пусть ходитъ шестерня и мельница пусть мелетъ:
Она ему постель знакомымъ шумомъ стелетъ;
Но стали жернова— проснулся вдругъ и онъ,
Глядитъ, оторопѣвъ... и гдѣ ты, сладкій сонъ?
Такъ войскій, пробуждѣнъ грапёзой молчаливой,
Всталъ, подкоморію откланялся учтиво,
Потомъ къ хозяйскому коснулся кунтушу;
Кивнули головой, что значило: «прошу»—
И войскій началъ такъ: «Панове! нѣтъ причины
Намъ молча ужинать; вѣдь мы не капуцины!
Молчать, припрятывать за трапезою рѣчь,
Всё то же, что зарядъ въ ружьѣ своемъ беречь:
Зарядъ заржавѣетъ и послѣ не годится.
Не слѣдъ охотнику, какъ дѣвицѣ, стыдиться!
За-то болтливую люблю я старину,
Охочую всегда къ бесѣдѣ и къ вину.
Въ дни наши, кончивъ ловъ, компанія, бывало,
Безъ умолку всю ночь пила и толковала,
Что въ голову придѣтъ, какой бы ни былъ ловъ;
Огонь— не разговоръ; шумящій ливень словъ—
Волна, охотничье ласкающая ухо...
Теперь— безмолвіе: услышишь, если муха
По замку пролетитъ. Э, вижу я сейчасъ,
Откуда буря вся на небѣ собралась:
Изъ-подъ монашьяго нависнула каптура!

И вотъ съ чего теперь глядите всё понуро:
Стыдитесь промаховъ. Да кто жь ихъ не давалъ!
Я много на-вѣку охотниковъ знавалъ,
Какихъ! не вамъ чета — а тоже пуделяли;
И самъ я пуделялъ, да не было печали.
Покойникъ панъ Рейтанъ, на что ужь былъ стрѣ-
локъ,

И тотъ безъ промаховъ охотиться не могъ.
Пословица живётъ: на всякую старуху
Хотя единый разъ пошлётъ Господь проруху.
А то, что съ поля графъ ударился бѣжать
Съ Тадеушемъ — никто не станеть осуждать.
Когда бь безъ выстрѣла пустились вы отъ звѣря,
То, значить, струсили, сробѣли, а теперь
Вы оба дали залпъ и бой лицомъ къ лицу
Безъ страха приняли, какъ слѣдуетъ бойцу —
И вамъ почотная осталась ретирада:
Вы вправѣ отступить; но вотъ что помнить надо:
Всѣхъ одинаково хочу я остеречь —
Зарядъ не выпускать изъ дула, а беречь
До самаго конца, куда звѣрь нагрянетъ;
А издали зарядъ не бѣтъ, а только ранить.
Да вотъ еще о чѣмъ хочу предупредить:
Другъ-друга не сбивать, впередъ не заходить,
И разомъ по одной не тѣшиться дичинѣ!»

Ассессоръ проворчалъ вполголоса: «дѣвчинѣ!»
Всѣ въ хохотъ: утодилъ ассессоръ, звать, на всѣхъ,
И долго за столомъ не унимался смѣхъ.
«Да!» войскій продолжалъ, «оказіи нерѣдки:
Бываетъ, что въ такой кашпавъ влетите, дѣтки...»
— «Къ кокетѣ!» проворчалъ ассессоръ подъ шумокъ
И грозно выстрѣлилъ глазами въ потолокъ.

Вновь на смѣхъ подняли ассессорскую шутку,
А войскій новую готовилъ прибаутку;
Венгерскимъ до краевъ наполнилъ свой бокаль,
Отпилъ, прокашлялся и снова продолжалъ:

«Неспорно, ксендзъ-плебанъ стрѣляетъ очень
мѣтко:

Такіе лихачи-стрѣлки биваютъ рѣдко,
И ключникъ говорить, что зналъ лишь одного,
Кто могъ такъ выстрѣлить, и больше никого.
Я жь на своемъ вѣку знавалъ еще другого
Подобнаго стрѣлка, хорунжаго простого:
Онъ также выстрѣломъ двоихъ отъ смерти спасъ.
Объ этомъ случаѣ пойдеть теперь рассказъ.

«Разъ въ Налибоцкія ударились мы роши —
И тутъ-то къ намъ кабанъ какъ куръ попался въ щи.

Тадеушъ панъ Рейтанъ — и ужасъ, и гроза
Окрестной дичи всей...» — «За здравіе ксендза!»
Воскликнулъ панъ судья: «теперь чередъ за вами,
Панъ войскій!» И наливъ тутъ въ уровень съ
краями

Бокаль венгерскаго, сосѣду подаётъ.
Бокалы чокнулись; панъ войскій залпомъ пьётъ.
— «А жаль, сказалъ судья: подарка никакова
Не приметъ ксендзъ-плебанъ; за-то, честное слово,
За порохъ, за труды, на кляшторъ я внесу
Стипендію: такъ звѣрь, застрѣленный въ лѣсу
Сегодня, черезъ годъ свою оплатитъ шкуру;
Но шкуры не отдамъ; готовъ, пожалуй, фуру
Доставить соболей, а шкуру — погоди!
О шкурѣ, братія, рѣчь будетъ впереди.
Честь выстрѣла — ксендзу. Теперь, по уговорѣ,
Награду первую яснѣйшій подкоморій
Присудитъ пусть тому, кто болѣ заслужилъ!»

Пошолъ межъ шляхтой споръ, и всякій выводилъ
Свои отличія, ихъ взвѣсивъ и размѣра:
Одинъ, что на собакъ поставилъ первый звѣря;
Тотъ — въ рукопашную свалился первый съ нимъ;
Ассессоръ въ ярнй споръ вступилъ со становымъ:
Одинъ о цѣнности толкуя сангушковки,
Другой о добротѣ своей сагаласовки;
И нескончаемо трактатъ объ этомъ шолъ...

Но подкоморій рѣчь къ собранію повёлъ —
И всѣ утихнули: «Сосѣди и собратья!
Заслужи всѣхъ равны, и всѣ вы безъ изыятія
Достойны высшую награду получить;
Но, братія, судьбѣ угодно отличить
Особнымъ знаменемъ двоихъ изъ васъ сегодня:
Тадеушъ и панъ графъ — на нихъ рука Господня.
Тадеушъ, поручусь, откажется отъ правъ;
Такъ, зрѣла орша получить нынѣ графъ;
Пусть шкуру по стѣнѣ развѣситъ кабинета —
По ней воспоминать онъ будетъ прежни лѣта,
Горѣть воинственнымъ охотника огнѣмъ,
И пылкій духъ отцовъ не ослабѣетъ въ нѣмъ!»

Умолкъ и думалъ: графъ доволенъ будетъ рѣчью;
Но графъ былъ холоденъ къ такому краснорѣчью,
И, взоръ на потолокъ нечаянно поднявъ,
Увидѣлъ тамъ слѣды охотничьихъ забавъ,
Наслѣдіе вѣковъ, добычу поколѣній:
Кудравне рога сохатыхъ и оленей,
Слетаясь межъ-собой, нависли точно лѣсъ;
А далѣ, подъ шатромъ истлѣвшихъ занавѣсъ,
Портреты крадѣдовъ, ихъ облики угрюмы...

Всё въ графѣ старца расшевелило думы,
 Давно умоляшю и ненависть, и злость...
 Владѣлецъ этихъ стѣнъ межъ ними точно гости!
 Горешки столъника единственный наследникъ —
 На пирѣ у враговъ и другъ, и собесѣдникъ!
 Волненіе и гнѣвъ съ трудомъ въ себѣ сдержавъ,
 Съ усмѣшкой горькою судья отвѣтилъ графъ:
 «Благодарю я васъ за даръ и за обычай;
 Но тѣсный уголъ мой столъ пышною добычей
 Повуда украшать я вовсе не хочу,
 А лучше съ замкомъ тѣмъ всё вмѣстѣ получу!»

Смекнувъ, куда пошло, чтобъ избѣжать исторій,
 Скорѣе поспѣшили вступиться подкоморій:
 «Достойнъ похвалы, сосѣдъ мой молодой:
 За выгоды свои стоишь и за ѣдой;
 Не такъ, какъ молодѣжь въ теперешніе годы
 Живётъ, не думая шадить свои доходы,
 Отъ всякихъ лишнихъ тратъ себя предостеречь.
 На счетъ недвижимыхъ теперь итѣнній рѣчь:
 Меня давно уже вопросъ сей занимаетъ;
 Привнаться, эта часть у насъ еще хромаетъ,
 Но мѣры приняты...» Тутъ началъ выводить
 Порядкомъ цѣлый планъ, пошолъ судить, радить,
 Администраціи высказывая тайны,
 Занѣсся высоко; вдругъ шумъ необычайный
 Послышался въ углу; всѣ головы туда
 Оборотилися. Такъ вѣтеръ иногда
 Колосыя тонкіе нагнѣтъ по произволу,
 И зблуются они, склоняясь тихо долу.

Въ углу, гдѣ столъника покойнаго портретъ
 Висѣлъ, подъ копотью и прахомъ многихъ лѣтъ,
 Открылась, скрипнувъ, дверь, и въ то же мгновенье
 Фигура длинная, какъ нѣкое видѣнье,
 Явилась въ комнату: то ключникъ былъ Гервазъ;
 Узнали всѣ его по блеску гнѣвныхъ глазъ,
 По росту и усамъ, еще того скорѣе
 По форменной его горешковской ливрѣ.
 Онъ шолъ, не шевелясь, какъ точно не живой,
 Не думая кивнуть собранью головой,
 И даже не смотря и шапки не домая.
 Въ рукахъ его ключи; одинъ изъ нихъ, блестя,
 Предлинный, спереди воиственно торчалъ,
 И будто ятаганъ, иль мечъ обозначалъ.

Фигура движется и стала противъ шкафа,
 Гдѣ старыя часы, съ гербомъ Горешки графа,
 Мигали за стекломъ, давно ужъ, на бѣду,
 Со всей природою и съ солнцемъ не въ ладу.
 Гервазъ не поправлялъ — и чтó ему за дѣло! —

Лишь только бѣ шли часы да музыка гудѣла,
 Курантовъ лондонскихъ трескучая игра.
 Въ то время заводитъ какъ-разъ пришла пора.
 Рѣчь подкоморія плавнѣе всё и шире
 Потовами лилась — тутъ ключникъ дѣрнулъ гири
 И зубья ржавые скрипнули въ колесѣ:
 Разскащикъ замолчалъ, и оглянулись всѣ.
 «Эхъ, братъ, оставь пока! и какъ тебѣ не тошно!»
 Замѣтилъ панъ судья; но ключникъ, какъ нарочно,
 Дѣргъ шнуръ еще сильнѣй: кукушка на верху,
 Припрыгнувъ, понесла такую чепуху,
 Пищала, каркала, чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже
 И, кончивъ арію, бралась за пѣсню ту же.
 Всѣ гости хохотать, но подкоморій вдругъ:
 «Эй, ключникъ, берегись: я врагъ подобныхъ штукъ!
 Кто самъ хорошъ со мной, того я не затрону,
 Но выпугну какъ-разъ докучную ворону!»

Ни мало не смущонъ, стоитъ себѣ Гервазъ,
 Рукою на часы свои облокотаясь,
 И такъ отвѣтствуетъ: «Слыхалъ я эти шутки!
 Нѣтъ, выпугнуть меня, шалишь, мопанку, дудки!
 Какоеъ ни есть теперь на свѣтѣ воробей,
 А дома у себя не трусь и не робѣй:
 Найдѣтся про него и корму, и соломы!
 А какъ ворона вотъ да не въ свои хоромы
 Затешется, тогда изъ этихъ изъ хоромъ
 Какъ-разъ её метлой попросить не-добромъ!»

—«Вонъ! за двери его! Эй, Тóмашъ! Эй, Григорій!»
 Затопавъ, закричалъ сердито подкоморій.
 «Вотъ видите, панъ графъ, куда уже пошло!»
 Озвался ключникъ тутъ: «Имъ мало, что на зло
 Залѣзли въ замокъ нашъ, въ домъ столъника Го-
 решки;
 Имъ мало, что теперь мы терпимъ ихъ насмѣшки,
 Что панъ пожаловалъ на ужинъ ко врагу,
 Давай еще кричать на панскаго слугу,
 Смѣяться мнѣ въ глаза, чиновнику Гервазу,
 И даже выгонять изъ дому, какъ заразу!»
 Тутъ возный возгласилъ: «Вниманье, господа!
 Всѣ, кто приглашены въ собраніе сюда!
 Я, возный, Бальтазаръ, фамилія Брехальскій,
 Иначе генералъ когда-то трибунальскій:
 По силѣ данныхъ мнѣ потенціи и правъ,
 Обязанъ нахожусь, свидѣтелей собрать,
 Дознаніе чинить по поводу Солицы:
 Сирѣчь инкурсія, набѣгъ на границы;
 А то, что панъ-судья владѣтель оныхъ мѣстъ,
 Тому свидѣтельство, что онъ въ себѣ замѣтъ —
 ѣсть!»

— «Вотъ я тебѣ, брехачъ, заткну твоё брехало!»
И, взявъ свои ключи, не думая ни мало,
Гервазъ пускаетъ ихъ въ него какъ изъ пращи.
Всѣ повскакали съ мѣстъ: «держи его! тащи!»
И шляхта ринулась шумящею волною,
Межъ лавкой, стульями, столами и стѣною;
Но графъ, имъ креслами дорогу заградивъ
И слабый шанецъ свой въ томъ мѣстѣ утвердивъ:
«Стоять здѣсь безчинствовать», сказалъ, «я не позволю!»

Напрасно, панъ судья, даёшь ты хлопцамъ волю,
И гдѣ жъ? въ чужомъ дому! чужихъ поворишь слугъ
И цѣлую ведёшь араву противъ двухъ!
Какъ это доблестно! какъ это благородно!
Хозяинъ на лицо, и тотъ, кому угодно,
Мнѣ можетъ высказать претензію свою;
А трогать слугъ моихъ я въ замѣкъ не даю!»

— «Безъ вашей милости рѣшимъ мы это вскорѣ»,
Сказалъ, изъ-подъ бровей взглянувши, подкоморій:
«Раненько здѣсь себя хозяиномъ зовёшь!
Когда меня, всѣхъ насъ не ставишь ни во грошъ,
Когда тебѣ ничто ни сѣдина, ни лѣта,
Уважь хоть первое ты званіе повѣта,
Послушайся меня безпрекословно, садь!»

— «Ни лѣтъ, ни званія нельзя мнѣ уважать,
Когда отъ нихъ терплю себѣ я оскорбленья»,
Отвѣтилъ графъ ему. «Здѣсь домъ мой и владѣнья,
Наслѣдіе отцовъ. Довольно и того,
Что съ вами, среди помѣстья моего,
Пришолъ я бражничать, терплю всё это пьянство,
Кутѣжъ, и наконецъ позоръ и грубійство.
Ужо, какъ выпитесь, отчётъ спрошу у васъ.
Такъ — до свиданія! За мною, мой Гервазъ!»

Никакъ не ожидавъ подобнаго отвѣта
Старикъ, отецъ семьи и первый чинъ повѣта.
Въ то время наполнялъ венгерскимъ кубокъ онъ,
Вдругъ рѣчью грубою, какъ громомъ, поражонъ,
Совсѣмъ остолбенѣлъ, въ нёмъ нравъ проснулся
плыкой:
Старикъ, какъ былъ тогда съ поднятой вверхъ
бутылкой,
Такъ замеръ, гронные глаза остановивъ
На графѣ и уста широко отворивъ,
И налитой бокалъ сжимая, чтд есть мочи,
Показавъ лопнулъ онъ—вино плеснуло въ очи,
На скатерть черепки посыпались звени;
Казалось, брызгами подбавило огня
Лицу и головѣ: зардѣлся лобъ широкой

И яркой молніей заискрилося око.
Хотѣлъ онъ говорить, но долго всё жевалъ,
Вдругъ приснули слова: «Ахъ, неучъ! Ахъ, нахалъ!»
Эй, Томашъ, саблю мнѣ! Вотъ я тебя, графѣнокъ,
Иначе вышколю; невѣжа, поросёнокъ!
Ни въ грошъ ему чины! не можетъ слышать, слабъ!
Какая нѣженка! заморскихъ гѣстунъ бабъ!
Откуда выскочилъ? Эй, Томашъ! вписци дьябли!
Дай саблю, говорю, и примемъ ихъ мы въ сабли!»

Тутъ къ подкоморію придвинулись друзья,
Готовы защищать; но за руку судья
Сосѣда ухватилъ: «Ясновелиможный пане!
Оставьте это намъ! Здѣсь дѣло всё въ буянѣ,
Въ мальчишеѣ: пусть же съ нимъ и кончитъ мо-
лодёжь!»

Тадеушъ, рѣчи ты съ нахаломъ поведёшь!
За оскорбленіе и гвалтъ противъ сосѣдей
По-свѣдому плясать заставишь ты медвѣдей!»
Тадеушъ выступилъ: «а, вашецъ панъ буянъ!
Посмотримъ завтра мы, кто пьянъ и кто не пьянъ!
Ты вздумалъ оскорбить здѣсь первый чинъ въ по-
вѣтѣ:

Ужо поговоримъ объ этомъ на разсвѣтѣ!
Теперь же уходи, покажётся живъ и цѣлъ!»

То былъ совѣтъ благой: едва сказать успѣлъ
Тадеушъ рѣчь свою, какъ приснули бутылки
Въ Герваза-ключника, потому ножи и вилки.
Графъ началъ отступать; оторопѣлъ Гервазъ...
Колеблется... Толпа нахлынула, ярься,
И наступленіе отвсюду началось.
По счастью, въ этотъ мигъ въ дверяхъ явилась Зося
И, ручки нѣжныя и очи вверхъ поднявъ,
Молила ими всѣхъ: тогда Гервазъ и графъ,
Межъ-тѣмъ какъ сдержанъ былъ напоръ толпы
бурливой,
Направились къ сѣнямъ, лоя моментъ счастливый.
Глядь: ключникъ вдругъ исчезъ, юркнувъ подъ
длинный столъ,
Какою-то скамью за нимъ, въ углу, наполь
И, вверхъ её поднявъ могучею десницей,
Какъ мельница вридомъ махнулъ — и вереницей
Назадъ отхлынула шумящая толпа;
Иные сыпались на землю какъ крупа,
Вставали и опять кидались, грозился,
Но осаждённые, скамейкой заслонясь,
Ужъ были далеко; вотъ стали на порогъ,
Минута — и Гервазъ уйти бы съ графомъ могъ,
Но ключникъ всё еще на мигъ остановился,
Держа скамью въ рукахъ; присѣлъ, изноровился:

Нельзя ли счастья въ сраженіи попытать,
Ударить на враговъ, ломить и наступать?
Уже занёсъ скамью, чтобы пробить дорогу,
Но, войскаго узрѣвъ, почувствовать тревогу.

А войскій, между-тѣмъ, спокойно въ сторонѣ
Сидѣлъ, безъ всякаго участія въ войнѣ.
Сначала трапезы, въ тотъ мигъ, какъ были въ спорѣ,
Солица панъ-судья, Гервазъ и подьоморій,
Панъ войскій вслушался, казалось, въ этотъ споръ,
Понюхалъ табуку, очки свои протѣръ,
Затѣмъ опять утихъ, не внемля крикамъ, шуму,
И погружался, повидимому, въ думу.
Солица былъ родня неблизкая ему;
Но такъ-какъ войскій жилъ давно въ его дому,
То вѣчно о судьѣ заботился немало.
Увидѣвъ, что толпа на графа напирала
И съ нею былъ судья: старикъ себѣ опять
Сталъ молча, подъ шумокъ, за битвой наблюдать
И, ножикъ положивъ тихонько на ладони,
Онъ приготовился, какъ должно, къ оборонѣ.

Искусство страшное метанія ножей
Въ то время вывелось въ Велико-Польшѣ всей
И даже на Литвѣ; лишь кое-кто изъ старыхъ
Его употреблялъ подчасъ при битвахъ ярыхъ.
Зналъ ключникъ хорошо, чѣмъ пахнетъ этотъ ножъ.
Движенья войскаго, быть-можетъ, молодѣжъ
И не примѣтила, но ключникъ всё примѣтилъ
И видѣлъ онъ, въ кого старикъ ножомъ намѣтилъ:
Скамьей послѣдняго Горешку заслонивъ,
Гервазъ нырнулъ за дверь, и графъ остался живъ.

Такъ волею, когда его собаке настигнетъ стая,
Вдругъ оцетинится, присядетъ и, блистая
Клыками страшными, приеѣметъ ярый бой —
И стая отъ него посыплется гурьбой.
Но, чу! звенитъ курою — и волею, поднявши ухо,
Со страхомъ слушаетъ знакомый щелею, и, глухо
Ворча и хвостъ поджавъ, уходитъ въ добрый часъ,
А стая, вновь за нимъ съ триумфомъ наваясь,
Хватаетъ за бока и космы въ воздухъ мечетъ;
На мигъ присядетъ волею, пса хваткой искалечитъ
И снова на утѣкъ: такъ точно и Гервазъ
Искусно отступалъ, скамьей заслонясь,
Гроза движеньями, поглядывая въ оба —
И въ тѣмный коридоръ укрывшись съ графомъ оба.

«Держи!» но ключникъ былъ на хорахъ, наверху,
Ломалъ уже органъ — и быть бы тутъ грѣху,
Когда бы мѣдныя посыпалися трубы

И затрещали вдругъ пановъ и шляхты чубы.
По счастью, толпа слѣшила изъ дверей,
А хлопцы, захвативъ посуду поскорѣй —
Огромные котлы изъ серебра и мѣди —
Бѣжали также вонъ, оставя только слѣды.

Послѣдній отступилъ Брехальскій Бальтазаръ:
Не могли укротить въ себѣ вознесенскій жаръ,
До самаго конца чинилъ свое дознанье,
Достаточно явивъ различныхъ пунетовъ знанье,
Крючковыхъ, параграфовъ, указовъ и статей;
Окончилъ — и пошелъ вслѣдъ шляхты и гостей.

По счастью, не было увѣчныхъ и потери,
Но стульевъ и скамей попадало у двери
Довольно: самый столъ, подшибенъ наконецъ,
Паль на полъ, улитый венгерскимъ, какъ боецъ,
На обгарѣнные доспѣхи супостата.
Врутъ мѣртвыя тѣла: индѣйки, поросята,
Съ ножами, вилами, натыканными въ бока...

И вотъ опять заснулъ разбуженный чертогъ,
И мракъ надъ нимъ повисъ, какъ тѣмная завѣса;
Лишь мѣсяцъ, выравнившись тихонько изъ-за лѣса,
Скользилъ по комнатамъ обмалчивимъ лучомъ,
Какъ-будто нѣкій тать въ затишѣ гробовомъ,
Иль грѣшная душа, летящая на Дядю.
Вотъ крысы заскребли — полакомиться рады...
Вдругъ хлопнула бутылъ, духамъ заздравный тостъ,
И крысы прачутся, поджавъ проворно хвостъ.

На хорахъ, въ залѣ той, что прозвана зеркальной —
Хотя и безъ зеркалъ — разгуливалъ печальный
Наслѣдникъ стольника, отъ жару снявъ скюртуею,
Однакоже его не выпускалъ изъ рукъ
И, имъ воинственно и ловко драпируясь,
Какъ рыцарскимъ плащомъ, и такъ-себѣ рисуясь,
Онъ вышелъ на балконъ, на ветхое крыльцо,
Чтобъ вѣтръ ему пахнулъ въ горячее лицо;
А тамъ ужъ былъ Гервазъ — и начали бесѣду.
«Всѣхъ, всѣхъ зовина бой! Ступай-зотпуи къ дѣду!»
Графъ молвилъ. «Всѣхъ сюда, всѣхъ до одной души!
Живѣ снаряжай рапиры, палаши!...»
— «Да, точно!» тотъ свазалъ. «Коль хочешь быть
покоенъ,

Всѣ грабъ и всѣ бери, и будь вѣкъ цѣлнй воинъ.
Какой тамъ шутъ процессъ! Все ясно тутъ какъ день:
Горешки — панами всѣхъ этихъ деревень
Лѣтъ были тысячу; межъ-тѣмъ, какъ панъ Солица
Ни гроша не имѣлъ; вдругъ эта Тарговица

Нагрянула на насъ, какъ на голову снѣгъ —
И вотъ мой панъ лишонъ своихъ владѣній всѣхъ,
За что и почему — кто знаетъ, неизвѣстно!
Тутъ гдѣ процессомъ взятъ и дожидаться честно:
Набѣшь оскомину, не стерпишь, надоѣсть.
Давно я говорю: махнемъ на нихъ въ наѣздъ!
Какъ было въ старину въ Литвѣ, въ Велико-Польшѣ:
Тотъ правъ себѣ и панъ, кто могъ награть больше;
Кто въ полѣ взялъ, возьмётъ навѣрно и въ суду!
А если я въ Добжинѣ за помощью пойду,
Къ Матвѣю проторю знакомую дорожку,
Такъ, вѣрь мнѣ, изъ Соплицъ мы сдѣлаемъ окрошку!»

— «Брависимо! идетъ!» воскликнулъ громко графъ:
«Давай, Гервазъ, искать своихъ сарматскихъ правъ!
Такой подыметь шумъ, какой и въ прежни лѣты
На рѣдкость былъ въ Литвѣ. Журналы и газеты
Вездѣ начнутъ трубить объ насъ наперерывъ.
Гервазъ! ты подлинно на выдумки счастливъ!
Ура! намъ предстоитъ прекрасная забава:
Оружья грянетъ звонъ, а тамъ — вѣнецъ и слава!
Два года кисну здѣсь, какъ звѣрь какой сажу;
Всѣ развлеченіе — поспоришь за между
Съ холопомъ; а ужъ тутъ не этимъ вовсе пахнетъ.»
— «Да, ежели Гервазъ рапной тарарахнетъ...»
Вступился-было тотъ; но графъ остановилъ:
— «Я, знаешь ли, Гервазъ, однажды удивилъ
Сицилію, свершивъ удачно нападеніе
На шайку цѣлую разбойниковъ. Сраженіе
Поутру началось и кончилось въ ночь.
Я лично трехъ убилъ, и княжескую дочь,
Красою ангела, освободилъ изъ плѣна.
Въ объятія мои прекрасная Елена
Упала, плакала — поймешь ли это? ты?
Вѣвзаю въ городъ — ну, какъ водится, цвѣты;
Коврами пышными увѣшаны балконы,
Валить тѣма тмущая народу, миллионы,
Вивать ет саетега... Потому одинъ поэтъ
Удачно сочинилъ стихи на сей предметъ,
Назвавши: *Польскій графъ, иначе приключенья
Въ скалахъ Бирбанте-Рока*. Съ-гѣхъ-поръ во
мнѣ влеченіе
Къ сраженіямъ, огонь воинственный въ крови...
Ступай, Гервазъ! ступай, кличь кликай и зови,
Вассаловъ собирай, вооружай жокеевъ!»
— «Какъ? Боже сохрани вооружать лакеевъ!»
Гервазъ отозвался. «Съ лакеями наѣздъ!
Мопанку нѣ жилъ здѣсь, не знаетъ нашихъ мѣстъ,
Обычаевъ; наѣздъ собирается въ застѣнкахъ:
Въ Добжинѣ, въ Тетичахъ, въ Стулновицѣ, въ Ру-
банкахъ,

Гдѣ шляхта истая, народъ — головорѣзъ,
Ребята важные, въ Литвѣ имѣють вѣсь,
Горешкамъ преданы и недруги Соплицамъ.
Мопанку, вотъ куда, вотъ къэтнимъ самимъ птицамъ,
Мнѣ нужно залетѣть, покаместъ не блеснулъ
Разсвѣтъ на небесахъ. А панъ бы легъ — уснулъ;
Ужъ поздно: пѣтухи вдругорядъ прокричали!»
Затѣмъ Гервазъ утихъ, и оба замолчали.

Съ балкона видитъ графъ горящіе огни
Въ хоромахъ у судьи. «Не спать еще они!»
Сказалъ онъ про себя. «Что жъ, дѣло! тѣштесь
этимъ,

Пока мы фейверокъ иной вамъ не засвѣтимъ!»
А ключникъ на земь сѣлъ, прижавшись въ углу.
Лучъ мѣсяца скользилъ по лысому челу
И рѣзче отдѣлялъ глубокія морщины.
Гервазу начали мерещиться картины
Наѣздовъ и рѣзни, военная гроза...
А сонъ, межъ-тѣмъ, смежалъ усталые глаза.
Гервазъ хотѣлъ прочесть вечернія молитвы
И ими разогнать видѣнія и битвы,
Но между «Вѣрую» и между «Отче нашъ»
Вдругъ какъ-то зазвенитъ то вѣстрѣлъ, то палашь,
И грѣзы странныя являются въ туманѣ.
Вотъ, грозно опершись на тяжкомъ буздыганѣ,
Стоитъ сѣдой литвинъ, покручивая усъ;
Другой остритъ кинжалъ иззубренный о брусъ...
Чу! музыка гремитъ, чертогъ свернулъ огнями —
И, между разными знакомыми тѣнями,
Вдругъ образъ столыника покойнаго мелькнулъ,
Кровь брызнула... Гервазъ очнулся и вздрогнулъ,
Крестится... Но дрема опять его объемлетъ...
Наѣздъ! Военный кличъ и трубы. Ключникъ внем-
летъ,

Глядитъ: Кореличи и Рышша на челѣ!
Сверкаетъ молніей оружіе во мглѣ...
Затѣмъ смѣшалось все: Литва и гайдамаки...
Вотъ самъ Гервазъ летитъ на дикомъ аргамакѣ,
Вылѣты кунтуша на вѣтеръ распустилъ,
Лицо его горитъ и шапка сблѣсъ въ тылъ;
Вотъ, вотъ она: узрѣлъ знакомую свѣтлицу —
Туда! — и онъ поджогъ разбойника Соплицу;
Огонь бѣжитъ рѣкой; ударили въ набать;
Объята пламенемъ, селенія горятъ
И сыплются кругомъ, сверкая, головешки...
И такъ заснулъ слуга послѣдняго Горешки.

ПѢСНЬ VI.

Тихонько, крадучись, на небо выходилъ
Застѣнчивый разсвѣтъ и дремлющихъ будилъ,

Но былъ онъ нѣ веселъ: съ лица его румянн
Спахнула сѣрой мглой и, глядя на полянн,
Не могъ онъ, какъ всегда, зарѣю заалѣть.
Вругомъ висѣлъ туманъ, какъ старая повѣть
Надъ бѣдной хижиной убогаго литвина.

Стада воловъ и козъ, съ природой заедино,
Проснулись и пошли на пастбище позднѣй,
Пугая русаковъ изъ мягкихъ зеленей.
Догадливый звѣровь имѣлъ обычай ранѣ
Въ дубраву уходить; теперь дремалъ въ туманѣ,
Таясь за кочками, на воздухъ сгромъ,
Подъ каплями росы, блиставшей серебромъ.

И въ рощахъ тишина: еще пѣвецъ крылатый,
Забившись въ листы и подъ мохъ бородатый,
Дремалъ, повѣся носъ, и ждалъ зари восходъ.
Лягушки квакали среди своихъ болотъ,
Да бучней слышались отрывочныя стоны,
Да каркали порой злобѣщія вороны,
Ненастье и дожди селянамъ ворожа.

Чу! пѣсня раздалась, и звукъ ея, дрожа
Ушло, а подчасъ и вовсе замирая,
Пронѣся по полямъ отъ края и до края:
То вышли изъ села на ниву жниць толпы;
Свернули острые на пажитяхъ серпы;
Работая, поютъ молодки русокосы.
Вотъ къ нимъ идутъ косцы, наплечи всенинувъ косы,
И начали косить отаву; скосать рядъ,
Всѣ останутся и косы поострятъ
Брусомъ; потомъ опять движенье на полянѣ:
Валить косцовъ толпа, чуть видная въ туманѣ,
Лишь изрѣдка свиститъ и храскаетъ коса,
Да вѣтеръ пѣвуновъ приноситъ голоса.
Въ срединѣ, между жниць, оглядывая жито,
И временемъ ворча и хмуряся сердито,
Гуляетъ пасмурный и мрачный эконокъ
И дремлетъ на ходу, еще объятый сномъ.
Межь-тѣмъ, большія всѣ и малыя дороги
Наполнены людьми: несутся брички, дроги,
Кибитки польскія, гонцы туды, сюды;
Нерѣдко шмыгаютъ проворныя жиды;
Порою взапуски промчатся верховые,
Какъ-будто развоза извѣстія живыя.
Волненье, топотня, колѣсъ трескучій громъ.
Очнулся и глядитъ утрюмый эконокъ,
Кричитъ, зовѣтъ: куда! лихія брички мимо
Летятъ, проносятся, какъ вихрь, неудержимо.
Порой послышится бряпанье палаша:
Солдаты! Замерла отъ радости душа —

И старый эконокъ, о слѣ и о пшеницѣ
Забывъ, бѣжить бѣгомъ къ хозяину Соплицѣ,
Всѣ въ точности ему повѣдать, рассказать...
Въ то время начали ужъ вѣсти прилетать
Въ Литву на счетъ войны; въ сердцахъ была тре-
вога —

И всякій ждалъ гостей-французовъ, точно Бога.

Судья сидѣлъ съ утра, замкнувшись въ избѣ,
Сердитый, сумрачный, и всѣ писалъ-себѣ;
А возный, между-тѣмъ, у пана за порогомъ,
Стоялъ на вытяжку и ждалъ въ молчаньѣ строгомъ,
Чтѣ будетъ. Наконецъ написанъ былъ позывъ,
Гдѣ, жалобу свою на графа изложилъ
За оскорбленіе его судейской чести,
За дерзкія слова, за гвалтъ и грубость вмѣстѣ,
Соплица требовалъ съ отвѣтника взыскать
Убытки, протори: ни юты пропускать
Онъ въ просьбахъ не любилъ, писалъ замысловато;
А возный долженъ былъ сегодня жъ, до заката,
Тотъ позывъ огласить у графа на дому,
Допрежь не говоря ни слова никому.
Едва лишь онъ узрѣлъ знакомую бумагу,
Почувствовалъ въ себѣ и бодрость, и отвагу,
Припрыгнулъ, на двадцать годовъ помолодѣвъ —
И гордо на судью и весело глядѣлъ.
Такъ, въ битвахъ проведя всю жизнь, маститый
воинъ

Лежитъ въ госпиталѣ, задумчивъ и спокоенъ;
Вдругъ слышитъ барабанъ и, духъ свой веселя,
Припрыгнетъ и кричитъ: «рубите москаля!»
И долго тѣшится, и улыбаясь плачетъ,
И, бросивъ свой костыль, какъ мальчишкѣ малый ска-
четъ.

Брехальскій, позывъ взявъ, собратъ въ путь спѣ-
шить:

На это у него кафтанъ особый шить —
Не кунтушь, не жуланъ: они идутъ въ парадѣ;
На позывъ возные совсѣмъ въ иномъ нарядѣ
Пускаются: подъ низъ широкіе штаты;
У куртки два угла слегка подобраны,
Но можно отстегнуть, откинувъ только пряжки;
Съ ушами малахай, а уши тѣ на стяжѣ:
Коль дождикъ, возный ихъ спустить пожалуй могъ,
А ведро — подтянуть повыше на шнурокъ.
Одѣвшись и потомъ взявъ въ руки посохъ длинной,
Брехальскій выступилъ торжественно и чинно,
Пѣшкомъ, не на ковшѣ. Когда идѣтъ процессъ,
То возный, точно волкъ, гляди почаще въ лѣсъ.

Брехальскій, опытный и расторопный малый,

Повсюду знаемый, во всѣхъ краяхъ бывалый,
 На пѣзвахъ зубъ съѣлъ. Какъ осторожный лисъ,
 Боясь, чтобы за нимъ вдругъ пси не погнались,
 Въ курятникъ не сѣша и не задорясь входить,
 А прежде издали внимательно обводить
 Глазами острыми гumno, и садъ, и дворъ:
 Такъ возный, въ лопухахъ прокравшись подъ заборъ,
 Всѣ въ щели высмотрѣлъ, на случай ретирады;
 Не видитъ никого, выходитъ изъ засады,
 Поближе; по стѣнѣ вскочилъ на сѣновалъ —
 И въ тѣмныхъ конопляхъ таинственно пропалъ.

Въ ихъ зелени густой, высокой и нахучей,
 И звѣрь, и человекъ отъ смерти неминуей
 Скрываются подчасъ. Туда бѣжить русакъ,
 Въ вапустахъ поднятый, надѣясь, что никакъ
 Его по коноплямъ ищейка не разыщетъ.
 Напрасно выжельцы и мечется, и рыщетъ:
 Лодыги крѣпкіе въ глаза и въ морду бьютъ
 И выслѣдить ему добычу не даютъ.
 Туда же прячется иной холопъ дворовый
 Отъ грозныхъ батоговъ, покуда панъ суровый
 Утихнетъ. То жъ, когда рекрутчина придетъ,
 Вездѣ по коноплямъ скрывается народъ.
 Затѣмъ, во дни войны, наѣздовъ и возстаній,
 Стараются вожди тактически, зарагій,
 Занять дремучій боръ господскихъ конопей,
 Который, защитясь оградой отъ полей,
 Всегда соединѣнъ съ другою рощей — хмѣлемъ,
 Ихъ стратегическимъ служить способенъ цѣлямъ,
 Отъ вражескихъ атакъ оберегая тылъ.

Брехальскій, хоть не трусь и въ передѣлкахъ былъ,
 Однакоже сробѣлъ: знакомый зелья запахъ
 Напомнилъ вмигъ ему о разныхъ жесткихъ лапахъ,
 О приключеніяхъ съ панами прежнихъ лѣтъ:
 Такъ, разъ, одинъ усачъ, уперши пистолетъ,
 Загнавъ его подъ столъ, кругомъ народъ поставилъ
 Съ дубѣмъ и съ саблями, и вознаго заставилъ
 Вдругъ по собачьему свой отзвѣвъ отбрекать —
 Пришлось въ конопли оттуда утекать.
 Потомъ, еще другою, съ задорными руками,
 Вѣкъ-вѣчный оруженъ своими гайдуками,
 Который ни во что не ставилъ трибуналъ,
 Увидѣвъ позвѣвъ въ судъ, въ клочки его порвалъ,
 И возному, грозя надъ нимъ подъятой пнагой,
 Велѣлъ позавтракать искрошенной бумагой.
 Чтò дѣлать, началъ ѣсть, глядя на гайдуковъ,
 А послѣ въ конопли, въ окно — и былъ таковъ.

Всѣ это вспоминая, Брехальскій коноплями

Тихонько крадется, разводитъ ихъ руками,
 Какъ-будто рыболовъ ныряющей плывѣтъ.
 Вотъ поднялъ голову, глядитъ назадъ, впередъ:
 Все тихо. По двору протоптана дорожка —
 Онъ вышелъ на неѣ, украдкой подь окошко
 Подползъ: безмолвіе! онъ голову въ окно —
 Въ покояхъ та же тишь и всѣ растворенѣ,
 Всѣ двери; онъ смѣлѣй; поднялся на ступени
 Крыльца господскаго, но не безъ страха въ сѣни
 Вошелъ и, позывъ свой изъ пазухи доставъ,
 Ставъ громко возглашать. Все тихо. Видно графъ
 Отбылъ куда-нибудь со всей своею дворней,
 Предъ тѣмъ вооружась исправній и проворній.
 Кругомъ накидано воинскаго добра:
 Рапиры старыя, фузен, штуцера,
 Отбитые курки и безъ курковъ пищали:
 Изъ хламу этого, какъ видно, выбирали
 Оружье; но куда направили свой путь?
 Брехальскій распросить хотѣлъ кого-нибудь —
 Напрасны поиски; покои пусты, глухи;
 Ужъ послѣ на дворѣ попались двѣ старухи,
 Сказавъ, что, кажется, вельможный господинъ
 Со всею дворнею отправился въ Добжинъ.

ПѢСНЬ VII.

Ширѣе по Литвѣ Добжинскій слылъ застанокъ
 Отвагой шляхтичей и красотой шляхтянокъ,
 Въ дни оныя могучъ. Когда Собесскій Янъ
 Готовился грозой идти на мусульманъ
 И кликнулъ кличъ въ народъ, изъ одного Добжина
 Пришла къ нему тогда несметная дружина.
 Иной головорѣзъ, бывало, во дворѣ
 У пана знатнаго пѣтъ, ѣсть на серебрѣ,
 Не-то, такъ въ лагерѣ живѣтъ-себѣ при войскѣ:
 Чуть кликнуть—онъ готовъ и рубится геройски.
 Теперь уже не-то: застанокъ обѣднилъ,
 Остепенились всѣ и всякъ работать сталъ;
 Но всѣ еще народъ и гордъ, и полнъ отваги;
 Межъ бѣдныхъ шляхтичей не встрѣтишь ты сермяги,
 А всякій шить журавль иль кунтушь норвонитъ.
 Шляхтянка, самая убогая на видъ,
 Глядишь: то въ миткалѣ, а то и въ коленкорѣ,
 А въ праздникъ каждая въ корсетѣ и въ уборѣ.

И правомъ разлились добжинцы ото всѣхъ:
 То были — присягнуть во истинну не грѣхъ —
 Всѣ родовитые и чистые литвины,
 Всѣ безпардонныя, воинственныя мины:
 Окатистые лбы, орлиные носы,
 Прямой и смѣлый взглядъ, аршинные усы,

Жуаны бѣлые, не-то кунтуши смуры,
 А говорили всё какъ истые мазуры,
 Отъ нихъ обычаи и нравы захвата:
 Такъ, ежели Матвѣй крестилъ свое дитя,
 То вѣчно называлъ его Вареоломеемъ;
 Вареоломеевъ сынъ навѣрно былъ Матвѣемъ;
 А женщины Кахнами да Марьями велось
 Въ Добжинѣ называть; но, дабы сей хаосъ
 Не спуталъ всѣхъ и всё, условились заранѣй
 Давать, при именахъ, тьму-тьмущую прозваній,
 По праву, случаю какому, по страстямъ.
 Сосѣди стали тожь, добжинскихъ по слѣдамъ,
 Изъ неразумнаго, пустого подражанья,
 Безъ цѣли и нужды выдумывать прозванья.
 Такъ, скоро въ именахъ литовскій цѣлый край
 Смѣшался — и теперь какъ хочешь разбирай,
 И рѣдко знаетъ кто, отколы взялся обычаи
 Давать такую тьму прозваній и отличій.
 Въ Добжинѣ проживалъ Матвѣй, что кроликъ бѣлъ,
 Отсюда Кролика прозвание имѣлъ,
 А послѣ *Фмогеромъ* прослылъ онъ на *Костѣль*.
 Когда же, наконецъ, явился въ ратиномъ полѣ —
 То было въ восемьсотъ-шестомъ еще году —
 Любилъ за лѣвый бокъ хвататься на ходу,
 Лишь только москала подстерегалъ далѣко:
 Отсюда получилъ прозвание *Забока*.
 Какъ самъ стоялъ у всѣхъ добжинскихъ на челѣ,
 Такъ точно домъ его слылъ первый на селѣ,
 Промежь корчмы жиды и божія костѣла.
 Но было всё кругомъ залущено и голо:
 Ограда безъ воротъ; обломанный плетень;
 Берѣзки жидеую на дворъ кидали тѣнь.
 Позади — огорода; однакожь грады пусты,
 Лишь только кое-гдѣ глядитъ вилкожь капуста,
 А всё жъ фольварокъ тотъ казнитѣй всѣхъ на видъ,
 Хотъ богъ-вѣсть сколько лѣтъ построень и стоитъ.
 Въ боку, какъ водится, конюшня и амбары,
 Сушильня и овинъ: немного тоже стары,
 Однако держатся, пригнувшись до земли.
 Всѣ крыши, будто лугъ, травомъ поросли
 И мохомъ, отъ трубы до самого до краю;
 Крапива, лебеда, лодыги молочаю,
 Девяныи золотой волнистые хвосты,
 Въ разбивку между нихъ цыкорія цвѣты
 Желтѣють въ муравѣ, какъ огненные звѣзды.
 Въ повѣти и въ кустахъ — повсюду птичьи гнѣзды;
 Надъ кровлею чета домашнихъ голубей;
 Въ сѣняхъ чирикаетъ веселый воробей,
 И любитъ ласточка порхать туда нерѣдко.
 Ну, словомъ, дворъ смотрѣлъ какъ-будто птичья
 клѣтка.

А прежде замкомъ былъ: досель вездѣ слѣды
 Давнишнихъ бурь и битвъ; какъ видно, что сюды
 Тевтонъ, или москаль заглядывалъ когда-то;
 На память той поры лежитъ въ травѣ граната,
 Давно забытая; а глянь поди въ кусты:
 Увидишь рядъ могилъ и ветхіе кресты —
 Подъ ними тихимъ сномъ почіють непробудно,
 Зарыты наскоро, а кто? добиться трудно!
 Въ дому, въ иномъ бревнѣ, засѣвшее ядро
 Увидишь, а стѣна усѣяна пестро
 Какъ-будто роємъ пчѣлъ; взглядишься: это пули
 Богъ-знаетъ сколько лѣтъ въ тѣ брусья затонули.

Войдѣшь ли внутрь хоромъ: задвижки и крюки
 Имѣють на себѣ надрѣзы и значки;
 У многихъ вѣчисто посѣчены головки:
 Знать, проба тесака, иль сабли зигмунтовки.
 Надъ самими дверьми старинные гербы
 Добжинскихъ; но — увы! тамъ сушатся грибы,
 А въ пыльных завиткахъ воинской арматуры
 Оставили слѣды индѣйки, либо куры.
 Въ сараѣ арсеналъ: въ одномъ углу стоитъ
 Фузея ржавая, въ другомъ — пробитый щитъ,
 А далѣ: дротики, мечи, рушницы, кубки,
 Кольчуги, шишаки — въ иномъ гнѣздо голубки;
 Изъ шлема древняго хозяинъ кормить козъ,
 А въ панцирь задеетъ конямъ своимъ овѣсъ;
 А старыхъ бунчуковъ на древки бородаты
 Кухарѣ отдаетъ насаживать ухваты.
 Такъ, вмѣсто марсова утромаго чела
 Цереры свѣтлая улыбка распцѣла,
 И, житомъ полныя, заколосились гумна
 Подъ мирнымъ сепертомъ Помоны и Вертумна;
 Но Марсъ идѣтъ опять, гоня Цецеру прочь.

Въ Добжинѣ, невѣсть-откуда, гонецъ пріѣхалъ вѣночь.
 Едва услышали — собрались шляхта-братья,
 Бѣжить и старъ и малъ, всѣ кучей безъ изьятыя;
 Шумить и движется по улицѣ толпа,
 Глядятъ — зажглись огни въ плебаніи попа
 И тьма народу тамъ; толкують безъ умолку,
 А всё не ладится и не выходитъ толку.
 Тутъ хоромъ всѣ идти рѣшили наконецъ
 Къ Матвѣю-кролику; за ними и гонецъ.

Матвѣй, доступный всѣмъ, жилъ скромно, тихо,
 просто
 И въ тѣ поры считалъ себѣ ужъ девяносто.
 Хотъ ростомъ не великъ, но крѣпокъ былъ и дюжъ,
 И первымъ слылъ вездѣ рубакомъ къ тому жъ;
 А саблю вострую, которой честь и славу

Далеко чтили всё, онъ *розгой* звалъ, въ забаву.
 Сначала въ Варѣ онъ конфедератомъ былъ,
 Потомъ за короля враговъ его рубилъ;
 Когда жъ желанный миръ былъ конченъ Тарговицей,
 Матвѣй опять ушолъ и скрылся за границей.
 Отселъ «Флюгеромъ» осливили его.
 Зачѣмъ переходилъ, и какъ и отчего —
 Кто знаетъ? можетъ, духъ имѣлъ онъ безпокойный,
 И тѣшили его сраженія да войны,
 Безъ дѣла быть не могъ, и только лишь одна
 Стигала партія, свергнувши знаменъ,
 Къ другой онъ приставалъ и тамъ опять рубился,
 Иль, родину любя, всегда за правду бился
 И чуялъ далеко, кто правъ, кто виноватъ —
 Богъ вѣсть! но только всё согласно говорятъ,
 Что былъ душой онъ прямъ, и что, награды ради,
 За деньги, почести, во-вѣкъ не сдѣлалъ пади,
 Что нѣмца не терпѣлъ, равно и москаля,
 Что блага всё его — родимая земля.
 Въ послѣдній разъ пошолъ съ Огинскимъ онъ подѣ

Вильно

И лико бился тамъ. Тѣснили нашихъ сильно.
 Полковникъ панъ Поцей одинъ вскочилъ въ редутъ;
 Откуда ни возьмись, Добжинскій тутъ-какъ-тутъ —
 За нимъ, на выручку Поцея легче пуху!
 И долго не было ни слуху и ни духу
 О нихъ; воротятся, иль нѣтъ — не зналъ никто;
 Пришли, исколоты какъ-будто рѣшето!
 Поцей, богатня владѣнія имѣя,
 Хотѣлъ вознаградить убогаго Матвѣя:
 Фольварокъ предлагалъ на свой постронть счетъ
 И злотыхъ тысячу въ пожизненный доходъ.
 Матвѣй же отвѣчалъ: «Ясновельможный пане!
 Хоть у Добжинскаго куда легко въ карманѣ,
 Но не Поцей ему пусть въ памяти людей,
 А онъ останется Поцею добродѣй!»
 И такъ отдѣлался отъ злотыхъ и фольварку,
 Оставшись тѣмъ, чѣмъ былъ; быковъ гонялъ на
 барку,

Долбилъ угли для печѣлъ, лекарства продавалъ,
 Да за дичиною по рощамъ полевалъ
 И жилъ сполнаго, тихохонько. Въ Добжинѣ
 Людъ разный былъ: иной умѣлъ и по-латынѣ;
 Въ Палестрѣ хваталъ другой всего изъ книгъ,
 На память святцы зналъ; но больше всѣхъ изъ нихъ
 Уваженъ былъ Матвѣй, не какъ рубака грозный,
 А какъ дѣлецъ и мужъ бывалый и серьёзный,
 Который, опытомъ столѣтнимъ научонъ,
 Въ дѣлахъ житейскихъ былъ и свѣдущъ и мудрѣнъ:
 Хозяйство разумѣлъ и всякіе предметы,
 Составы, снадобья, охотничьи секреты —

На всё равно мастаѣ; а въ небо посмотра,
 Погоду могъ узнать вѣрнѣй календаря.
 Не диво же теперь, что и зимой и лѣтомъ
 Ходили многіе къ Матвѣю за совѣтомъ:
 Посѣвъ ли, пахоту ль, уборку ль начинать,
 Съ горохомъ барки ли по Нѣману сплавлять —
 Сейчасъ бѣгутъ къ нему. Короче и прямѣе:
 Ничто не дѣлалось въ Добжинѣ безъ Матвѣя.
 Однакожъ самъ Матвѣй всемирно избѣгалъ
 Извѣстности; ни въ комъ ни разу не искалъ,
 И часто, отказавъ совѣтъ подать иному,
 Онъ выпроваживалъ толчкомъ его изъ дому;
 Во-вѣки о себѣ не думалъ высоко,
 А если говорилъ — два слова, коротко,
 Но знаменательно и съ толкомъ. Такъ и нынѣ,
 Лишь только сходбище случилось въ Добжинѣ,
 Рѣшили всё идти къ Матвѣю на совѣтъ,
 Спросить, потолковать; къ тому же былъ предметъ
 Знакомый омолоду ему: судите сами,
 Матвѣю ли не знать, какъ биться съ москалями!

Матвѣй ходилъ въ саду, всё на небо смотря,
 И пѣсню «Занялась румяная заря»
 Насвистывалъ-себѣ и весело, и бодро.
 Смѣннувъ примѣты всё, онъ зналъ, что будетъ вѣдро.
 И точно: солнышко вставало хоть во мглѣ,
 Но мгла не къ верху шла, а стлалась по землѣ,
 Чтò скатерть бѣлая; межъ-тѣмъ зефиръ игривый
 Струями текалъ по ней рисунокъ прихотливый
 И, съ помощью въ утокъ проникшаго луча,
 Творилась дивная, богатая парча,
 Золототканная отъ края и до края,
 Огнѣмъ, брилльантами и звѣздами играя.
 Такъ алатолиты текутъ въ Слупцѣ пояса:
 Два мастера свуютъ, а дѣвица-краса,
 Какъ солнце ясное, утокъ ведѣтъ изъ шолку
 И гонитъ подѣ него блестящую иголку;
 Тѣмъ часомъ подаѣтъ стоящій подлѣ ткачъ
 Ей сверху золото, стеклярусь и кумачъ...
 Такъ вѣтеръ разостлалъ основу мглы волнистой,
 А солнце вприснуло въ неѣ утокъ огнистый.

Матвѣй, невинная и чистая душа,
 Молитву Господу святую соверша,
 Вздымались въ травы, присѣлъ и громко свистнулъ:
 Рой кроликовъ къ нему невѣсть откуда прыснулъ;
 Сверкнули уши ихъ, блестящій и бѣлѣй
 Разбросанныхъ въ травѣ нарцисовъ и лилей;
 Глаза, какъ яхонты, когда они напхиты
 На зелень бархата, иль тѣмны аксамиты.
 Бѣгутъ, ласкаются, играя и скача

Къ кормильцу своему въ колѣни, на плеча
И на спину подчасъ. Любилъ старикъ дебѣлый
Игривыхъ прыгуновъ и самъ, какъ кроликъ бѣлый,
Усѣвшись на лугу, ихъ гладилъ и ласкалъ
Морщинистой рукой и за уши таскалъ,
И заставлялъ служить, и нѣжно бралъ за лапки;
Межь-тѣмъ другою рукой бросалъ ячмень изъ шапки:
Чиркая къ нему слетались воробьи —
И былъ онъ какъ отецъ среди своей семьи.
Вдругъ птицы приснули проворно подъ застрѣху,
А кролики — въ траву: такую имъ помѣху
Пришельцы новыя съ собою принесли,
Что быстро по двору къ фольфарку прямо шли,
Подковками стуча и саблями блистая:
— «Да славится Иисусъ и Дѣва пресвятая!»
— «На-вѣки вѣчные, аминь!» сказалъ Матвѣй,
И тутъ же распросилъ внимательно гостей:
Зачѣмъ къ нему и какъ и, услышавъ о дѣлѣ,
Просилъ въ хоромы ихъ. Вошли, по лавкамъ сѣли
И рѣчи повели. А тутъ ужъ и народъ —
Едва не весь Добжинъ — столпился у воротъ
(Отчасти были тамъ и прочіе застряки),
Гремятъ со всѣхъ сторонъ ливейки, натчанки;
Къ берѣзамъ конюхи спѣшаютъ вязать коней,
Валитъ толпа къ избѣ, всё гуще и плотнѣй.
«Здорово, панъ-отецъ!» — «Иисусъ-Марія съ вами!»
И густо втиснулись въ окошки головами.

ПѢСНЬ VIII.

Сначала рѣчь повѣлъ сѣдой Вареолеомей,
По прозвищу пруссакъ, затѣмъ, что для вѣстей
Крулевецъ посѣщалъ, заглядывалъ къ пруссакамъ
И слухи тайныя носилъ оттоль полякамъ.
Довольно кой-чего видалъ онъ на вѣву.
Всѣ уваженіе имѣли къ старику,
Охотно слушая подъ-часъ его рассказы
Про битвы давнія, про всякія проказы.
Теперь къ собранію бесѣдовалъ онъ такъ:

«Нѣтъ, панъ-отецъ Матвѣй, та помощь не пустякъ!
Когда бы видѣлъ ты ихъ армию да пушки!
По истинѣ сказать: со времени Костюшки
Такого генія не видало нигдѣ,
Каковъ Наполеонъ. Я, знаешь, былъ вездѣ,
А въ восемьсотъ-шестомъ подъ Данцигомъ у дяди
На мнѣ проживалъ. Родня — другъ другу ради!
Охотой онъ меня почасть утешалъ.
Въ то время нашъ фольваркъ нерѣдко навѣщалъ
Извѣстный человекъ, помѣщикъ панъ Грабовскій,
Что нынѣ генералъ въ милиціи литовской;

А былъ въ ту пору миръ. Разъ, вдругъ Грабовскій
къ намъ:

«Ура!» кричитъ, «ликуй! Французы пруссакамъ
Трезвону задали — разбили въ пухъ подъ Іеной!
Ура, Наполеонъ!» Я, ставши на колѣно,
Молитву Господу поспѣшно сотворилъ
И — живо на коня! гоню, что было силъ!
Подѣхалъ къ Данцигу, гляжу: бѣгутъ гофраты,
Ландраты прусскіе и всякіе псу-браты,
И — въ поясъ мнѣ. А я, какъ-будто ничего,
И началъ стороною распрашивать, того,
О разныхъ пустякахъ: не слышно ль перемѣнъ?
Какія вѣсти, молъ, пришли къ вамъ изъ-подъ Іены?
Гляжу: а рожки ихъ коробить и ведётъ,
Кричатъ по свѣду: «О веймиръ! о мейнъ Готъ!»
Повѣсили носы, да и давай Богъ ноги.
Вотъ было посмотрѣть! Всѣ нѣмцами дороги
Запружены! Кипятъ вездѣ какъ муравьи!
Забывъ взять съ собою кофейники свои,
Кисеты съ табакомъ: всё это растеряли;
Ужъ, знать, не до того; и такъ-то удирали!
А мы, не будь дураки, скорѣе на коня,
Да въ шею ихъ долбить... Была-таки возня!
Гофратовъ за чубы, а герцовъ-офицеровъ
За бубли, за тупей... и мало ль тамъ манеровъ!
Такъ внутрь нѣмечины втурили мы ихъ всѣхъ,
Всю сволочъ, всю какъ есть. Нѣтъ нѣмца, какъ
на смѣхъ,

Хоть только поглядѣть, обшарь все государство!
Въ аптекѣ бъ не нашолъ ты нѣмца на лекарство!
Такъ, еслибъ и теперь намъ феферу задать!
Что скажешь, панъ Матвѣй?» — «А что тебѣ ска-
зать?»

Такъ началъ Кроликъ рѣчь, по краткому молчанью:
Всѣ ждуть.» Но измѣнилъ онъ братьевъ ожиданью
И снова замолчалъ, всѣмъ тѣломъ трепеща
И за бока ухватясь, какъ-будто бы ища
Отъ сабли рукоять: извѣстно, что Забокомъ
Отсюда онъ прослылъ; въ молчаніи глубокомъ
Обвѣлъ глазами всѣхъ и повторилъ опять
Тѣ жъ самыя слова: «А что тебѣ сказать?
Французы! Гдѣ жъ они? въ какомъ забилися мѣстѣ?
И сколько ихъ идѣтъ? И кто принѣсъ тѣ вѣсти?
Кто скажетъ: миръ теперь? война ли начата?»

Молчать крутомъ толпа. Замкнулись всѣ уста.
— «Жаль, нѣтъ плебана здѣсь», пруссакъ заводитъ
снова,

«Плебана Рѣбака: сказалъ бы намъ онъ слово:
Все знаетъ... А пока шпионовъ разослать
По всей Галиціи, подслушать, разузнать,

Межь-тѣмъ готовится, собирать, свозить снаряды,
Чтобъ не было потомъ, какъ грянемъ, ретирады!»

— «Годить, судить, радить, руками разводить!»
Сказалъ другой Матвѣй: «по мѣму, кропить,
Тремъ-бремъ!» И тутъ махнулъ во кругъ надъ головою
Огромной палицей, саженой булавою,
Которую всегда по имени честили
Кропиломъ и отсель кропителемъ прослыли:
«Я въ Пруссакъ не бывалъ; вѣдь разумъ круле-
вецкій,

Хорошъ для пруссаковъ, у насъ же умъ шляхетскій.
На что тутъ мнѣ плебанъ? Крестить, или хоронить?
Бого? А если бой, такъ надобно кропить!
Шашъ-махъ! Къ чему еще какіе-то шпионы,
Развѣ дички? Тремъ-бремъ! Ужъ больному мудренъ!
Судить, радить, годить, а тутъ—вдругъ москали...
И значить: лежни вы! и значить: кисели!
Годить и проводить! Затѣмъ и бьютъ васъ часто!
А вотъ, по-мѣму: кропиломъ плюскъ—и баста!»

Взялъ сторону его другой Вареломей,
Звалъ Бритвою; затѣмъ еще одинъ Матвѣй,
Прозваніемъ Горшокъ, что бралъ всегда фузею
Широкую на бой и часто въ битвѣ ею,
Какъ-будто изъ горшка, картечей лилъ потокъ.
«Ура, Кропитель нашъ! да здравствуетъ Горшокъ!»
Пруссакъ хотѣлъ опять—кричать: «Э, въ чорту
прусы!

Ступай въ Нѣмечину, точи себѣ турусы!»

Тутъ Кроликъ началъ вновь и шумъ сейчасъ затихъ.
«Плебанъ, сказали вы: ой, смиренъ онъ и тихъ;
Но я сейчасъ узналъ ту птицу по полѣту,
Откуда она! Ему бы лучше роту
Себѣ въ команду взять противъ нѣмецкихъ силъ.
О, этотъ червячокъ орѣшекъ раскусилъ
Побольше вашего! Взглянулъ однимъ я глазомъ—
И всё сообразилъ, въ минуту понялъ разомъ.
Онъ дальше отъ меня, боясь, чтобъ я, того,
Къ себѣ не потянулъ на исповѣдь его.
Напрасно ждать его: не будетъ бернардина!
Коль вѣсть та отъ него—о, это бѣсъ-есенжина!
Кто знаетъ, какъ и что, какаѣ мысль и дѣль?
Тревога вздорная! Что жъ, только? Неужель
Нѣтъ болѣ ничего?» — «А болѣ? вотъ что болѣ»,
Всѣ разомъ крикнули: «идти и биться въ полѣ!»
«Зачѣмъ? противъ кого?» спросилъ у нихъ Матвѣй.
— «За родину! Тремъ-бремъ, противу москалей!»
Кропитель отвѣчалъ. Тутъ снова голосъ тонкій
Раздался Пруссака, пронзительный и звонкій:

«И я хочу свою рапиру подтянуть;
Но, Господи Христе, какой тутъ будетъ путь?
Какая, съ кѣмъ война? Скажите, паны-браты,
Куда, зачѣмъ идти? и гдѣ у насъ солдаты?
А биться безъ солдатъ, безъ войска, безъ гроша...
Не заготовлено у насъ вѣдь ни шиша,
Ни сина пороха! А развѣ этакъ въ Польшѣ
Бывало въ старину? Да вотъ, чего же больше:
Давно ли пруссаковъ побилъ Наполеонъ
Подъ Іеной? Что же ми? Сошлись со всѣхъ сто-
ровъ —

Совѣтъ! Готовы всѣ, набрали гайдамаковъ
Тавихъ, что только ну! и—гай же на пруссаковъ!»

— «Позвольте рѣчь держать!» вмѣшался чередой
Панъ Бухманъ, человекъ довольно-молодой,
Въ нѣмецкомъ сюртукѣ, пристойный и опрятный.
Смотрѣлъ онъ вообще какъ нѣмецъ аккуратный,
Однакожъ былъ полякъ. Откуда родомъ онъ,
О томъ не зналъ никто, но, такъ-какъ былъ учонъ,
Какой-то панъ держать его за эконома;
Съ-тѣхъ-поръ онъ проживалъ у пана точно дома;
Хозяйствомъ у него въ имѣннѣ заправлялъ,
Съ нимъ о политикѣ порою трактовалъ,
И взялъ его дѣтей къ себѣ на попеченье
Чему-то тамъ учить. Умѣлъ онъ, въ заключенье,
Бесѣду поддержать, красно поговорить,
И даже иногда, въ веселый часъ, съострить.
«Позвольте, господа!» промолвилъ онъ учтиво,
Откашлялся и такъ повѣлъ велерѣчиво:

«Товарищи мои, тѣ, кои предо мной
Сейчасъ держали рѣчь, коснулись стороной
Существенно всего, всѣхъ главныхъ основаній.
За силой данныхъ тѣхъ, указанныхъ заранѣй,
Къ единой дѣли всё осталось привести:
Итакъ, собратія, пойдемъ по ихъ пути!
Сперва, сообразивъ внимательнѣе дѣло,
Мы видимъ двѣ статьи, два главные отдѣла,
Одинъ: къ чему сіе повстанье поведѣтъ?
Какая мысль его? намѣренье? И вотъ
Объ этомъ мы должны бесѣдовать сначала.
Другой отдѣлъ таковъ: положимъ, Польша встала—
Откуда жъ взять теперь финансы и войска?
Оружіе? За симъ коснемся мы слегка
Исторіи о томъ, какъ первые народы
И общества сошлись. То были просто сброды,
Организаціи ненавшіе; весь вѣкъ
По рощамъ и лѣсамъ скитался человекъ,
Какъ звѣрь. Но вдругъ война! Не-то, что мы въ
сраженъе

Вступаемъ съ тактикой: то было нападеніе
 Безъ правилъ; такъ орда валила на орду.
 Вотъ, видя, чувствуя погибель и бѣду,
 Народъ держать совѣтъ: вотъ первое вамъ вѣче,
 Первоначальный сеймъ!» — «Эге, да какъ далече
 Занёсса ты, Бухманъ!» сказалъ ему Матвѣй:
 «Не видно и конца! А ты рѣшай живѣй!
 Тутъ дѣло не о томъ, что не было печали —
 Присловье говорить — да черти накачали.
 Нѣтъ, ты вотъ объясни, какъ горю пособить?»
 — «Какъ горю пособить? по моему — кропить!
 Плюскъ-плюскъ, и кончено!» Кропитель отозвался:
 «Кого бы я махнулъ, ужъ тотъ бы не поднялся
 На сеймъ и нигуда; кого я свисну въ лобъ,
 Хоть цѣлый годъ молилъ объ нёмъ соборный попъ —
 Шалишь, не воскресить! Задамъ такого перцу...
 Такъ, пане Бухманъ, кропить! мнѣ ваша рѣчь
 по сердцу,

Сказали хорошо на поученіе всѣмъ.
 Кропить! вотъ сила гдѣ, макугою тремъ-бремъ!»

— «Такъ, подлинно, что такъ!» замѣтилъ тихо
 Бритва

Пискливымъ голоскомъ: «начнися только битва —
 И я сейчасъ какъ тутъ, на вашей сторонѣ,
 Стою за родину; мигните только мнѣ —
 Иду, сейчасъ готовъ къ Матвѣю подъ начальство!»

«Начальство», перервалъ Кропитель, «генеральство,
 Капральство и тому подобное канальство!
 Всѣ это хорошо въ парадѣ, на плацу,
 Для разныхъ фокусовъ, а намъ, братъ, не къ лицу!
 У насъ, какъ я служилъ, для всякаго солдата
 Команда коротка была да узловата:
 Катай-валяй-стрѣлай по ребрамъ, по усамъ,
 Шахъ-махъ, коли-рубѣ, не поддавайся самъ!»
 — «Вотъ лихо, вотъ люблю! не уступай ни шагу!»
 Вновь Бритва рѣчь ввернула. «Зачѣмъ марать
 бумагу,

Чернила изводить, писать большой статутъ:
 Рубѣ, коли, стрѣлай — и вся наука тутъ!
 Я сладно говорить, панове, не умѣю,
 Но прямо отдаюся Матвѣевъ всѣхъ Матвѣю!»
 «Да здравствуетъ Матвѣй! Ура, Вареломей!
 Вивать, Кропитель нашъ! ура компаньѣ всей!...»

Поднялся гамъ и крикъ, всё замужью въ хатѣ;
 На партіи пошло. «Позвольте, пане брате!»
 Пруссакъ заговорилъ: «Я партій не хочу!»
 — «И мнѣ», сказалъ Горшокъ, «онѣ не по плечу!»
 «Позвольте мнѣ сказать!» вмѣшался голосъ грубый

Новоприбывшаго оратора Сколуба:
 «Что? какъ? о чѣмъ идѣтъ? Что жь мнѣ исключены?
 Зачѣмъ, спрошу, одной держаться стороны?
 Къ чему жь насъ рушили изъ нашего застанку?
 А рушили ключникъ насъ, Румбайло, званъ Мо-
 панку:

Сказалъ, что обсудить преважный есть предметъ.
 Тутъ не въ Добжинѣ толетъ, а цѣлый тутъ повѣтъ!
 Вся шляхта-братія не всё же изъ Добжина...
 И тоже бернардинъ брехалъ Робакъ всенжина,
 Да выражался онъ, по своему, темно...
 Теперь конецъ-концовъ: сказали, рѣшено,
 Чтoby съѣхаться сюда; мы съѣхались — и что же?
 Насъ по боку; долой; чуть-чуть не бьютъ по рожѣ.
 Нѣтъ этакъ не пойдѣтъ! Добжинцы не одни —
 Насъ цѣлый здѣсь повѣтъ! Коли хотять они
 Маршалка выбирать: у всѣхъ на то есть баллы,
 У каждаго свой шаръ! Чѣмъ мы грѣшны и малы?
 Пусть будетъ равенство!» — «Такъ! равенство! ви-
 вать!»

Два Тераевича хватили какъ въ набать:
 — «Долой маршалковъ всѣхъ! Concordia! согласье!
 Рѣчь-Посполитая и общее участье!
 Вивать Сколуба нашъ! вивать сто тысячъ разъ!»
 — «Э», завернулъ Горшокъ, «пробьѣмся и безъ васъ
 И дѣло порѣшить по свѣду сжуемъ.
 Ура, Кропитель нашъ! вивать Матвѣй Матвѣямъ!
 А кто не за него — вотъ Богъ, а вотъ порогъ!»
 — «Какъ? шляхту выгонять? въ умѣ ль ты, скомо-
 рохъ?»

Сколуба замужълъ: «мы сами васъ уволимъ!»
 «Стой! кто-то закричалъ: «стой! veto! не позволимъ!»
 Тѣ: veto! тѣ шумять, о голосѣ прося —
 И на двѣ партіи разбилася шляхта вся.

Матвѣй сидѣлъ въ углу, угрюмъ и неподвиженъ,
 Какъ-будто спорами и кривомъ былъ обиженъ.
 Кропитель близъ него, насупротивъ какъ разъ,
 Стоялъ, на палицу свою облокотаясь,
 На шумъ не обращалъ вниманія нисколько,
 Кропило шевелилъ и тихо подъ носъ только
 Ворчалъ себѣ: «Куда? ни шагу уступить!
 Сворѣ наступить, топить, дупить, кропить!»
 А Бритва подвижной, средь шума и средь давки,
 Сновалъ, какъ въ станѣ чолнѣ, отъ лавки и до лавки.
 Горшокъ, то съ этими, то съ тѣми говоря,
 Ходилъ, двѣ партіи между собой мира.

Вдругъ въ двери всунулся палашъ пятиаршинный
 И молніей блеснулъ, такой предлинный-длинный,
 Остро-отточенный на оба лезвѣа.

Всѣ смолгли и глядятъ: «Панове, это я!
Совѣты о войнѣ? вотъ подлинно приманка!»
Сказаль — узнали всѣ тутъ ключника Мопанка,
И хоромъ крикнули: «Да здравствуетъ Рубецъ!
Мопанку! Сцызорникъ! Румбайло молодець!»
Гервазъ! (быль это онъ) протискался къ Матвѣю
И въ воздухъ мигнувъ рапиромъ своею,
Вдругъ передъ Кроликомъ ея остановилъ,
Какъ бы салютуя, и этимъ заявилъ
Ему почтеніе. «Добжинцы, панн-братья!»
Такъ началъ ключникъ рѣчь: «вся шляхта безъ
изъятя!»

Васъ, братья, не учить пришлозъ сюда Гервазъ,
А только вамъ сказать, зачѣмъ онъ собралъ васъ.
Объ этомъ толковать мы будемъ нынче съ вами;
Но, думаю, давно вы знаете и сами,
Что затѣвается теперь такой курьезъ...
Чай, знаете вы всѣ?» — «Всѣ знаемъ!» раздалось.
— «Всѣ знаемъ!» тѣ и тѣ, какъ эхо, отвѣчали.
— «Ну, ладно! поведѣмъ мы, значить, дѣло дагѣ.
Приятно трактовать съ разумными людьми.
Но мы трактуемъ тутъ — а тамъ ужь, чортъ возьми,
Французы! Кесарь ихъ, великій Бонапарте,
Сидить, по-своему выводитъ на ландкартѣ —
Что русскимъ, что ему. И такъ теперь война!
Французъ на москаля, на сторону страна!
Царь съ императоромъ, князьки себѣ съ князьками!
Какъ изстари велось всегда межъ королями.
А мы? Что жъ намъ сидѣть и ждать, устава лбы?
Когда большой съ большимъ, мы малыхъ за чубы,
Кто подъ руку попалъ: всё дагѣ да больше —
И выметемъ, какъ соръ, шельмовство всё изъ
Польши!

Не такъ ли?» — «Подлинно! какъ книга говорить!»
Кропитель отвѣчалъ: «кропиломъ плюскъ — и
квить!»

«А я», сказалъ Горшокъ, «набью бобовъ въ фузею —
Друмъ-брумъ!» — «А я зарѣзъ какъ бритвою об-
рѣю!»

Вступился Бритва тутъ. — «Позвольте, господа»,
Заговорилъ Бухманъ: «когда же и куда
Мы двинемся? Гдѣ цѣль и провіантъ готовый?
Я вижу, вы предметъ берѣте съ точки новой!»

— «Погудеа новая на старый только ладъ!»
Панъ ключникъ отвѣчалъ. «Тамъ кесарь, тамъ
сенать!»

Король и сеймъ пускай толкуютъ о расправѣ
Съ Москвою и царѣмъ не здѣсь, а тамъ, въ Вар-
шавѣ:

На тѣ Варшава есть! а мы въ своей избѣ...

Конфедерациі не пишутъ на трубѣ
Лучиной, а на тѣ чернила есть, атраментъ
И не бумага тутъ простая, а пергаментъ;
И много всякихъ есть коронныхъ писарей,
Подъячихъ на Литвѣ, кривцовъ, секретарей,
Какъ было въ старину; а наше, братья, дѣло:
Рапиромъ махъ-и-трахъ, кого бы ни задѣла!»
— «А я», сказалъ Горшокъ, «сизъ моего горшка!»
— «Я шиломъ суну въ бокъ врага изподтипка!»
Сказаль Вареломей, что былъ прованьемъ Шило.
«Аякропиломъ плюскъ!» сказалъ Матвѣй Кропило.

— «Теперь въ свидѣтели беру я, братья, васъ»,
Вновь ключникъ продолжалъ: «Плебанъ твердилъ
не разъ:

Пока отворимъ дверь Наполеону-хвату —
Зарапѣ убрать и вмѣстѣ надо хату.
А? повнимае, что значить «вмѣстѣ» тутъ?
Какой-такой тутъ соръ? кому задать капутъ?
Кто главный душегубъ? Кто первый притѣснитель?
Соплица, братія!» — «Тремъ-бремъ» сказалъ
Кропитель:

«Разбойникъ! висѣльникъ! мошенникъ! суцій воръ!
Кропить его, лунить — и весь тутъ разговоръ!»

Вдругъ голосъ Пруссака раздался средь свѣтлицы,
И, видимо, берѣтъ онъ сторону Соплицы:

«Панове! можно ли? Сошлюсь на васъ на всѣхъ:
Намъ, братья, на судью пожаловаться грѣхъ!
Чѣмъ онъ, его семья предъ нами виновата?
Не тѣмъ ли, что имѣлъ такого бестю брата?
Такъ за него карать? Да есть ли съ вами Богъ?
Что слышимъ про судью? Тамъ шляхтичу помогъ,
Тамъ выручилъ! Судья разбойникъ, притѣснитель —
Въ умѣ ли вы: скорѣй отецъ нашъ, покровитель!
Онъ первый запретилъ, чтобъ кланялись ему
Холопы до земли; обиды — никому
Не слышно отъ него; по праздникамъ простую
Съ собой сажаетъ чернь и вноситъ зачастую
Подушныя въ казну за бѣдныхъ поселанъ.
Чай, въ Клѣцкѣ, тамъ не такъ у васъ, камратъ
Бухманъ?

Судья Соплица воръ? Я зналъ его съизмала,
Вотъ зналъ еще какимъ; съ-тѣхъ-поръ судья нимало,
Ничуть не погордѣлъ: какъ былъ, таковъ и есть,
И надобно отдать ему за это честь.
Что общааетъ — вѣрь: на-рѣдкость крѣпокъ въ
словѣ;

Къ тому же — говоря по правдѣ — въ Соплицовѣ
Старопольщизны центръ: какъ попадѣшь туда —
Вся чужеземщина что съ гуся, братъ, вода!

Какъ-будто оживѣшь; рукою точно сниметь!
Судья жь привѣтливъ такъ! Какъ обласкаетъ, при-
метъ!

Я вамъ, добжинцы, братъ, а нашего судью,
Ужь какъ хотите тамъ, въ обиду не даю.
Не такъ, собратія, въ Велико-Польшѣ было:
Не всякое могло въ совѣтъ соваться рыло
И въ дѣло пустяки и всякій вздоръ мѣшать!»
— «Совсѣмъ не пустяки съ ворами порѣшать!»
Вмѣшался ключникъ въ рѣчь. Опять поднялись
споры,

Волнение, кутерьма, задоръ и разговоры.
«Позвольте!» Янкель-жидъ о голосѣ просилъ,
На лавку взгромоздись, крича, что было силъ,
И лисънмъ колпакомъ надъ шляхтою махая,
Ажъ вѣтеръ по избѣ пополь отъ малахая
Жидовскаго. Толпа утихла наконецъ.
«Добжинцы-господа! Хозяинъ панъ-отецъ!»
Жидъ началъ, кашлянувъ и кланяся низко:
«Добжинцы-господа! Я такъ-себѣ, жидиско;
Соплица мнѣ ни свать, ни братъ, а панъ-судья;
Соплицу почитать привыкъ съизмала я,
Равно добжинскихъ всѣхъ, Матвѣевъ, Бартоломеевъ,
Честную шляхту всю, всѣхъ пановъ-добродѣевъ;
Но, думаю себѣ, коли пошло на тѣ,
Чтобъ сдѣлать гвалтъ судѣ, ни за что, ни про что,
Вы только на себя накличете невзгоду;
Чай знаете, что тамъ всегда содомъ народу:
Ассессоръ, становой, солдаты-москали;
Чуть свистнетъ панъ-судья — заразъ какъ изъ земли
Повырутуть, заразъ къ нему примаршируютъ
(Они жь по близости, въ деревнѣ, квартируютъ),
Придутъ съ багнетами, при шабляхъ, тесакахъ!
У-у! А кто хоть разъ бывалъ у нихъ въ рукахъ,
До новыхъ вѣнниковъ, панове, не забудеть!
Зачѣмъ же гвалтъ теперь? Ей-ей, добра не будетъ!
А что твердятъ теперь? что къ намъ идеть французъ;
Что съ ними заключенъ какой-то тамъ союзъ...
А я, хотя и жидъ, скажу: долги тѣ пѣсни!
Чекайте, господа! быть-можетъ, развѣ къ веснѣ...
Всю осень надо ждать; потомъ еще зима...
А домъ Солицы вамъ, панове, не корчма,
Не будка крамаря, что разберешь да примешь,
Не коробъ у жида: рукою не подымешь!
А какъ стоялъ себѣ, такъ будетъ до весны
Стоять. А вы теперь, пановные паны,
Ступайте по домамъ. Какіе гвалты! свара!
А вотъ, коль милость есть, моя старуха Сара
Янкельека малаго сегодня повила:
Сойдутся кое-кто изъ мѣста, изъ села,
Цымбалы, музыка, базетля, будутъ танцы —

Прошу не отказать! Какіе тамъ повстанцы!
Какой Наполеонъ! Богъ съ ними! Панъ Матвѣй,
Вы лицецъ любите: велю достать живѣй;
Старинный лицецъ есть, и новые кадрили
Съ мазурками мои хлопята смастерили.»
Рѣчь Янкеля равно всю шляхту забрала:
Любили Янкеля. Толпа было-пошла
О пирѣ толковать, о музыкѣ; шумѣла
За дверью, на дворѣ. Чтобы поправить дѣло,
Гервазъ рашироку наѣблизился въ жида —
Жидъ съ лавки шмыгъ въ толпу, вылять туда-сюда,
И былъ таковъ, ушоль. «Счастливъ твой богъ,
жидина!»

Гервазъ проговорилъ: «здѣсь видно, всё едино
Что жидъ, что шляхтичъ-панъ, всѣхъ слушаютъ
равно!

А ты, Пруссакъ, никакъ съ Солицей заодно?
Что барками его на Нѣманѣ торгуешь,
Такъ вотъ и горло драть, сейчасъ ужъ и ратуешь!
Барчонки двѣ или три! Мопанку, позабылъ,
Какъ вашъ родной отецъ до самыхъ Пруссъ ходилъ
На баркахъ стольника? На память тяжеленекъ!
А мало ль вы тогда нацапали тамъ денегъ?
Не ты одинъ, а всё, что тутъ честныхъ людей —
Зачѣмъ, что стольникъ былъ вашъ панъ и добродѣй,
Поистинѣ сказать, отецъ всего Добжина.

Онъ всякаго любилъ, какъ бы родного сына:
Послать куда зачѣмъ — добжинскаго! кому
Повѣрить на кредитъ — добжинскому! Въ дому
Кто чаще всѣхъ въ гостяхъ? добжинские всѣхъ чаще,
Какъ-будто бы ему пилось и ѣлось слаще
Съ добжинскими. За чьи процессы по судамъ
Прилачивался онъ и зачастую самъ

Персоною своей въ варшавскомъ трибуналѣ
Усердно хлопоталъ? Чьихъ хлопцовъ помѣщали
Въ ученье на его одеждѣ и кошту?
Всѣ знаютъ, цѣлый свѣтъ такую доброту
Отца Горешки къ вамъ. А всё отколь вышлося?
Что былъ онъ вамъ сосѣдъ — отсюда началось.

Теперь сидитъ судья на пажиткахъ его!
Что сдѣлалъ онъ для васъ, панове?» — «Ничего!»
Сказалъ Матвѣй Горшокъ: «однажды на крестини
Его я пригласилъ, не-то на именины:
Фу, Боже, носъ дерётъ! Мы подчивалъ судью:
«Нѣтъ, хлопцы, говоритъ: ужъ я давно не пью;
Вамъ, шляхтѣ, ни почѣмъ, мнѣ вредно!» Стой,

другъ милый,
Шалишь! подумалъ я, да и вкатили силой
Въ него почти ушатъ. Мнѣ вредно, вишь! не пью!
Дай срокъ, еще не такъ я въ брюхо те волю!»
— «Разбойникъ! вотъ ужъ и я его огрѣю!»

Кропитель подхватилъ: «Господь послалъ на шею
Сынка мнѣ, такъ-себѣ; теперъ совсѣмъ дуракъ,
И прозывается у насъ за это Сакъ:

Сталъ словно какъ шальной; а дѣло было такъ:
Когда ни погляжу, мой паренъ въ Соплицово
Всѣ шмыгъ да шмыгъ. Эге! тутъ вижу, нездорово.
Какой тамъ бѣсъ ему мерещится въ глаза?

Разъ какъ-то я поймалъ и далъ ему туза
Кропиломъ; говорю: впередъ не попадайся —
На мѣстѣ пришибу! А онъ и догадайся:

Не улицею шмыгъ, а въ садъ, по коноплиамъ.
Еще поймалъ — опять кропиломъ по усамъ.

«Хоть до смерти убей», кричить. «Да чтѣ те тамъ?»
«Жениться», говорить, «умру... паненка Зося!»
Такъ вотъ откуда всё шельмовство завелось!

Чтѣ дѣлать? маршъ къ судьѣ! толкую: такъ-и-такъ,
Помилуй, говорю: мой сынъ, такой простакъ,
Влюбился; у тебя, вишь, есть въ дому дѣвица,
Какъ слышно, сирота... Чтѣ жъ, думаешь, Соплица?

Бацъ сразу мнѣ отказъ, безъ всякаго стыда!
Тремъ-бремъ! Что Зося, вишь, покамѣстъ молода,
А тамъ поговоримъ... Но у него въ примѣтъ

Давно ужъ есть женихъ, какой-то панъ въ повѣтъ,
Князь, графъ, чортъ-знаетъ кто... Все это чепуха!
Вотъ доберуся я уже до жениха —

«Да плюеть!» — «И этотъ воръ великимъ будетъ
паномъ»,

Румбайло продолжалъ: «и будетъ по карманамъ
къ намъ лазить, въ замокъ нашъ забравшись безъ
стыда?

Гдѣ жъ судьи правые и гдѣ искать суда?
Куда единственный наследникъ головою
Приклонится, нашъ графъ Горешко? Вы съ Москвою
Хотите воевать, а страшно вамъ судьи!

Война? Тутъ не война — у васъ права свои!
Я васъ въ наѣздъ зову, къ честному шляхты бою,
Совсѣмъ не къ грабежу, иль подлому разбою:
Мы не разбойники такіе жъ какъ судья!

Графъ выигралъ процессъ, всё кончено — и я
Хочу ввести его въ законное владѣнье.

Что жъ дѣлать, если тутъ нельзя безъ нападенья?
Вы сами знаете, панове, какъ Добжинъ
Отсюда посылалъ тьму тьмушую дружинъ
Для исполненія рѣшеній трибунала —

И вотъ съ которыхъ поръ Литва его узнала!
Подъ Мыскимъ, помните, подъ Бродами наѣздъ?
А чьи войска? отколь? Всѣ шляхта здѣшнихъ мѣстъ!

Припомните, когда нагрянулъ Войниловичъ
И другъ его, полякъ, панъ Волкъ изъ Логомовичъ:
Какого задали мы феферу тутъ имъ!
Скорѣ въ запуски къ границамъ ко своимъ!

А Волкъ попался въ плѣнъ; капутъ хотѣли Волку
Задать: на матицѣ повѣсить втихомолку —
Да хлопцы глуше возьми и пожагѣй!

А былъ для нихъ тиранъ и руку москалей
Тянулъ — и не было бѣ, ей-ей, грѣха повѣсить!

А помните еще другихъ наѣздовъ съ десять,
Съ вознагражденіемъ законнымъ за труды,
Со славою... По мнѣ тутъ вовсе нѣтъ бѣды:

Графъ выигралъ процессъ — и въ исполненіе смѣло
Декретъ тотъ привести мы можемъ: вотъ въ чѣмъ дѣло!

Ужель, добжинцы, вы теперъ уже не тѣ,
И въ помощи своей сосѣду-сиротѣ

Откажете? Ужель изъ всего застанку
Защитникъ у него одинъ Рубецъ-Мопанку,
Да этотъ спизорикъ?» — «Кропило позабылъ!»

Кропитель вставилъ рѣчь. «Ты вѣчно есть и былъ
Мой закадичный другъ и вѣрный мой пріятель,
Панъ ключникъ, Спизорикъ, Румбайло! такъ ужъ

кстати ль

Теперъ идти намъ врозь? Я буду шахъ и махъ,
А ты ралипроу своею тарарахъ!»

— «И Бритвѣ дайте ходъ, мопанку добродѣю:
Чтѣ вы намылите, я мигомъ чисто сбрыю!»

— «И я», сказалъ Горшокъ, «на что-нибудь авось
Пригоденъ. Выбрать намъ Матвѣя не далось,

Найдутся, можетъ-быть, другіе генералы,
Другіе и шары, и выборные балы!»

Тутъ вынулъ пуль мѣшокъ и, ими позвения,
Сказалъ: «А вотъ они, вотъ балы у меня!»

— «Тамъ, гдѣ трещать пановъ взѣрошенные чубы,
Не обходилоя ни разу безъ Сколубы!»

Сколуба проворчалъ. — «А гдѣ Сколуба нашъ»,
Подковичъ возгласилъ, поднявши свой палашъ,

«Туда идѣмъ и мы!» И шумъ на всю свѣтлицу
Раздался изъ угловъ: «Ну, гай же на Соплицу!»

Такъ шляхту всю Гервазъ къ себѣ поворотилъ.
У каждаго своё, и каждый находилъ,

За что карать судью, какъ водится въ сосѣдствѣ:
Тотъ, яко-бы, за-то, что ложно о наследствѣ

Процессъ его рѣшилъ; тотъ за лѣсной порубъ,
А третій говорилъ: «Соплица гордъ и грубъ!»

Одни по низкому и мелкому злорадству,
Другіе, попросту, изъ зависти къ богатству —

Шумять, волнуются, въ одинъ сливаясь хоръ.

Сидѣвшій въ сторонѣ, въ углу, до-этихъ-поръ,
Матвѣй приподнялся, на середину входить,

Подпѣрши руки въ бокъ, глазами всѣхъ обводитъ,
И, слово каждое въ разбивъ произнося,

Такъ началъ говорить — внимала шляхта вся:
«Ахъ, черти! ахъ осли! Собрали васъ на раду

О Польшѣ траговать: ни складу тутъ, ни ладу!
 Когда постановить пришлось вамъ приговоръ
 О благи родины — у васъ раздоръ да споръ!
 Ни толку нѣтъ, ослы, ни смыслу, ни порядку!
 Вдругъ дьявольскій наѣздъ: тутъ нѣтъ ужъ недо-
 статку

Въ согласьи — каждый чортъ на это грамотѣй!
 Прочь, прочь отсюда всѣ! сто тысячъ вамъ чертей!»
 Умолкъ и всѣ молчатъ, поражены какъ громомъ.
 Вдругъ страшный гвалтъ и шумъ послышался за
 домомъ:

Во дворъ торжественно вѣзжалъ со свитой графъ,
 Поводья у коня лихого подобралъ.
 Былъ въ чорномъ весь, въ плащѣ не польскаго
 покрою,

И въ шляпѣ съ перьями. Салютуя рукою
 Всю шляхту и народъ, привѣтливо взглянулъ —
 И, вынувъ свой палашь, имъ въ воздухъ махнулъ.

«Ура! да здравствуетъ!» всё разомъ загудѣло.
 Вся шляхта изъ избы въ окошки поглядѣла —
 И ну къ дверямъ ломить за ключникомъ живѣй.
 Всѣ къ графу хлынули. Оставшійся Матвѣй
 Послѣднихъ вытолкалъ, засовомъ заперъ двери,
 И крикнулъ вслѣдъ: «Ослы! безмозглые тетери!»
 Гервазъ, какъ водится, сейчасъ къ жиду въ корчму;
 Застянокъ весь за нимъ, а онъ кричитъ ему:
 «Команда! пояса! тащи три бочки мѣду,
 Двѣ пива и вина — на пиръ всему народу!»
 И вотъ шибнула въ носъ размычиво-остро
 Струя какъ золото, струя, какъ серебро,
 А третья — алая, и, пѣнисто играя,
 Сто кубковъ жестяныхъ наполнила до края.
 Жидъ Янкель наутѣбъ; Пруссакъ тихонько тожъ,
 Но кто-то увидалъ и крикнулъ: «Не уйдѣшь!
 Лови его, держи! въ погоню! стой! измѣна!»
 Мицкевичъ въ конопля — въ него летитъ полѣно;
 Войницкѣй получилъ уже съ десятокъ ранъ;
 На выручку бѣгутъ два Чечета и Занъ.
 Волнуется толпа, собираясь верусть Герваза
 И графа — ждуть отъ нихъ рѣшенья и приказа;
 Берутъ оружіе, садятся на коней;
 Тревога, споры, шумъ всё громче и сильнѣй —
 И вотъ, въ огромную собравшись вереницу,
 Всѣ двинулись, крича: «Ну, гай же на Соплицу!»

ПѢСНЬ IX.

Предъ бурю всегда бываетъ тишина —
 Всѣ смолзнутъ и замрѣтъ... Но туча ужъ видна:
 Нависнетъ и грозить, пустивъ на вѣтеръ гриву,

Хоть вихрей яростныхъ могучему порыву
 Свободы не даѣтъ; лишь изрѣдка порою
 Послышится раскатъ неясный за горой,
 Да по небу мелькнётъ невѣрный лучъ зарницы.
 Такая тишина была въ дому Соплицы.

Пужинавъ, судья и гости всѣ идутъ
 Прохладой подышать на нѣсколько минутъ
 И по развалинамъ, обросшимъ муравою,
 Разсѣлись, весело толкуя межъ собою
 И глядя въ небеса, которыя вдали,
 Какъ будто опустаясь въ объятія земли,
 Чуть слышнымъ говоромъ и шопотомъ неяснымъ
 Во мракѣ предались бесѣдамъ сладострастнымъ —
 И музыка у нихъ вечерняя пошла.

Сначала, на концѣ уснувшего села,
 Пустушка крикнула, усѣвшись на крышѣ;
 Вслѣдъ за ней сова отеликнулась потише,
 Протяжно огласивъ любимый свой пустырь;
 Вотъ крыльями шепнуть проворный нетопыръ;
 Ночныя бабочки изъ сада налетѣли,
 Віясь, гдѣ Зосины глаза во тьмѣ блестяи,
 Какъ ясны огни; а въ воздухъ надъ ней
 Запѣли комары, всё громче и сильнѣй;
 Но въ тонкихъ голосахъ угадывало ухо,
 Когда, забывшись къ нимъ, жужжала басомъ муха.
 На нивахъ заигралъ отрывисто дергачъ;
 Тамъ бученъ подхватилъ, полуночи трубачъ,
 Потомъ взвился бекасъ, чуть видимая пташка,
 И въ воздухъ звенитъ бляеиёмъ барашка.

Межь-тѣмъ, съ той музыкой сливаясь иногда,
 За рошей своей концертъ заводятъ два пруда,
 Какъ тѣ заклятыя кавказскія озѣры,
 Чтѣ ночью межъ собой вступаютъ въ разговоры.
 Одинъ, широкій прудъ, серебряной трубой
 Свободно загремѣлъ изъ перси голубой;
 Другой, болотными задавленный травами,
 На вызовъ отвѣчалъ чуть слышными словами;
 Одинъ изъ глубины невозмутимыхъ водъ
 Трубитъ фортиссимо, тотъ жалобно поѣтъ;
 Въ обоихъ слышны жабъ безчисленныя орды,
 Два хора, слитые въ согласные аккорды.

Такъ тѣмные пруды, играя чередой,
 Таинственно вели бесѣду межъ собой,
 Среди дремотою охваченнаго дола,
 Какъ арфы стройныя и звучныя Эола.
 А мракъ въ поляхъ густѣлъ; лишь около рѣки
 Мелькали кое-гдѣ рыбачьи огоньки,

Играя и дробясь въ струяхъ лазури чистой.
Вотъ мѣсяць, наконецъ, надъ рощею тѣнистой
Затешилъ свой фонарь и матовымъ лучомъ
Всѣ небо озарилъ и землю всю кругомъ,
Дремавшія давно въ объятіяхъ другъ друга.

Вотъ подлѣ луннаго златого полукруга
Сверкнула звѣздочка, что искорка одна;
А вонъ, за ней, еще; а тамъ еще видна;
А вонъ и Близнецы, безсмынные доселѣ:
У нашихъ праотцовъ въ Леле и Полеле
Въ дни оны звались, а нынче въ Польшѣ въ
Слывѣте звѣздами Короны и Литвы.
А далѣе, на югъ, повѣшены двѣ Чаши,
И слышно, что Господь, создавъ планеты наши,
Повѣсилъ ихъ на тѣ воздушные Вѣсы,
Покуда не пришли урочные часы
И міру каждому Зиждителемъ вселенной
Начертанъ не былъ путь, въ пространствѣ неиз-
мѣнный.

А тамъ, къ полуночи, горитъ на небѣ Крестъ
И около него плеяда яркихъ звѣздъ,
Что попросту зовуть селяне наши: Сито,
Твердя, что сквозь него намъ Богъ просыпалъ жито.
Такъ люди старые толкуютъ о звѣздахъ.
Но болѣе всего разсѣвала страхъ
Тогда на западѣ сившая комета:
Багровою полосой разлившись на полсвѣта,
Вся въ блескѣ и въ лучахъ, но холодно-свѣтла,
Она къ полуночи стремительно текла
И, звѣзды по пути захватывая въ кучу,
Пророчила Литвѣ погнбелъ неминучу.

Съ невыразимою тревогою народъ
Глядитъ на небеса и всё чего-то ждѣтъ,
Пугаясь хвоста зловѣщаго кометы.
И кромѣ разныя видѣнья и примѣты
Мutilи поселянъ и въ нихъ вселяли страхъ:
Сбирались воронья на нивахъ и поляхъ
И глухо каркали, какъ будто предъ добычей.
А тамъ, какъ бы въ отвѣтъ на стонъ и говоръ птичій,
Порой по деревьямъ протяжно выли псы.
Лѣсные сторожа, въ полночные часы,
Видали, говорятъ, какъ *Дня Морова*,
Вся въ бѣломъ, лишь платкомъ кровавымъ повѣвая,
Мелькала межъ деревъ. Различныя о томъ
Вѣль разглагольствія съ судьбою экономя,
Ему свои счеты представля на повѣрку.

Но подкоморій вдругъ ударилъ въ табакерку —
Знакъ, что къ собранію онъ хотѣтъ говорить —

Нюхнулъ и началъ такъ: «Изволишь ты судить
О небѣ и звѣздахъ, держась методы модной,
Тадеушъ милнй мой, а я такъ гласъ народный
Люблю подслушивать, хотъ тоже въ школѣ былъ
И въ Вильнѣ разныя науки проходилъ,
Гдѣ на покупке книгъ, машинъ и телескоповъ
Князь Мірскій подарилъ деревню въ двѣсти хло-
повъ;

А ксѣндзъ Почобутъ намъ разсказывалъ тогда,
Что значить каждая планета и звѣзда...
Учонный чловѣкъ! А ректоръ нашъ Снядецкій
Былъ тоже чловѣкъ учонный, хотъ и свѣтскій.
Съ ксѣндзомъ Почобутомъ я близко былъ знакомъ.
Теперь насчотъ кометъ: толкуеть астрономъ,
Глядя на небеса, про всякую комету,
Точъ-въ-точъ какъ мѣщанинъ, увидѣвши карету:
Замѣтили, куда проѣхала она,
А кто въ каретѣ былъ и чѣмъ нагружена —
Тутъ пасъ они! Когда въ своей каретѣ въ Яссъ
Браницкій выѣхалъ и двинулися массы
Занимъ торговичанъ: народъ, какъ ни былъ простъ,
А тотчасъ угадалъ, что значить этотъ хвостъ,
И прозвалъ онъ его, какъ говорятъ, *метлою*,
Затѣмъ, что миллионъ, чай, вымелъ за собою.»
На это войскій такъ: «Ясновельможный панъ
Позволить кое-что изъ дѣдовскихъ времянь
Напомнить: было мнѣ тогда годовъ не болѣ
Десятка; прибылъ къ намъ, не помню, какъ,
отколѣ,

Поручилъ панцерный, ясновельможный князь
Сапега, что потомъ, на службѣ отличась,
Въ маршалки къ королю попалъ при Понятовскомъ
И послѣ канцлеромъ онъ въ Княжествѣ Литовскомъ
Скончался, будучи ста-двадцати-трехъ лѣтъ.
Съ Сапегой самымъ тѣмъ служилъ еще мой дѣдъ,
При Янѣ королѣ, въ хоругви у гетмана
Яблонскаго. Такъ онъ разсказывалъ про Яна:
Въ тотъ мигъ, какъ на воя король садиться сталъ
И папскій нунціусъ его благословлялъ,
Австрійскій же посолъ придерживалъ за стремя
И ногу цаловалъ, король сказалъ въ то время:
«Смотрите, на небѣ какія чудеса!»
Взглянули — красная надъ ними полоса:
Въ той самой сторонѣ зловѣщая комета,
Откуда полчища тянулись Магомета!
Объ этомъ, помнитса, и сочиненье есть
«Янина» титуломъ: тамъ можете прочесть.
И Верещага ксѣндзъ писалъ на эту тему,
«Orientis Fulmina» назвавъ свою поэму,
Гдѣ ясно, въ точности изложеноъ весь походъ;
Внизу стоитъ шестьсотъ-восьмидесятый годъ

И нарисованы хоругви Магомета,
А сверху — по небу идущая комета!»

— «Аминь!» сказала судья: «пусть такъ тому и
быть!»

Устами вашими, панъ войскій, мѣдъ намъ пить:
Комета къ намъ пришла, придѣтъ Янъ Третій
тоже!»

А подкоморій имъ на это: «Дай-то Боже!»
А войскій имъ опять: «Всѣ это, панство, такъ;
Однакожь всячески толкуютъ этотъ знакъ:
Междоусобія и морь подчасъ ворожить
Комета! А меня особенно тревожить,
Что гостыя та, Богъ съ ней, явилась тутъ у насъ,
Надъ самой головой, въ недобрый, можетъ, часъ.
Ассессоръ вызывалъ поутру становова;
Вчера чуть не война вскипѣтъ была готова
За ужиномъ у насъ. Я панству говорилъ,
Что споръ тотъ примирю, и вѣрно бѣ примирилъ,
Когда бѣ хозяева на-то мнѣ дали волю.
Однажды я игралъ такую жѣ точно ролю,
Первѣйшихъ примиривъ между собой стрѣлковъ,
Извѣстныхъ всей Литвѣ. Тотъ случай былъ таковъ:
Ясновельможный графъ Потоцкій изъ Волыни
Въ Варшаву проѣзжалъ. Такихъ магнатовъ нынѣ,
Каковъ былъ этотъ графъ, ужъ мало. На пути,
Чтобъ болѣе любви себѣ приобрѣсти,
А можетъ, частію, и развлеченья ради,
Онъ шляхту посѣщалъ; конечно, были ради:
Сейчасъ, какъ водится, охотой угощать
На жубровъ, медвѣдѣй. Изволилъ заѣзжать
Такимъ же побытомъ въ то время графъ и къ пану
Блаженной памяти покойному Рейтану,
У коего въ дому я съ малолѣтства взросъ.
По случаю того приѣзда собралось
Къ Рейтану нашему гостей тогда немало;
Былъ даже и театръ, и музыка играла.
Веселье длилось три ночи напролѣтъ:
Панъ Кашичъ, что теперь въ Стулбѣвицахъ живѣтъ,
Богатый фейверокъ задалъ; а Тизенгаузъ,
Что послѣ былъ посломъ въ Новгѣродѣ, и Штраусъ,
Изъ Гродно комиссаръ, прислали пѣвчихъ хоръ.
Ну, словомъ, пиръ таковой, что и до-этихъ-поръ
Всѣ помнятъ. Панъ же графъ, хотя они отъ Пяста
Ведутъ свой славный родъ, заглядывалъ не часто
Въ дубравы и лѣса, а болѣе любилъ
Театръ и музыку: доволенъ пиромъ былъ
Какъ болѣе нельзя. Свой вкусъ у чужеземцевъ
Воспитывалъ. Былъ съ нимъ въ то время князь
изъ нѣмцевъ
Де-Нассау; обѣ нѣмъ составила молва,

Что гдѣ-то въ Сиріи онъ тигра или льва
Сразилъ, одинъ какъ есть, обороняясь пикой.
Изъ тигра этого былъ шумъ у насъ великой;
Наслы кое-какъ свели мы двухъ пановъ.
Охотились тогда въ лѣсахъ на кабановъ:
Рейтанъ изъ штуцера подрѣзалъ матеруху
Съ большой опасностью. У нѣмца стало духу
Сказать, что хитрость тутъ еще невелика:
При помощи другихъ, свалить издалека;
Что славы болѣе въ оружіи холодномъ,
Глазъ-на-глазъ, и въ бою открытомъ, благородномъ;
И началъ толковать о Сиріи своей,
О полеваніи за львами среди степей,
И тутъ же о себѣ рассказъ привелъ некстати.
Тогда, по сабельной ударивъ рукояти,
Рейтанъ скакалъ ему: «по мнѣ такъ, мосьци панъ,
Что въ Сиріи твой тигръ, то здѣсь у насъ кабанъ;
А если ты плетѣшь такую небылицу...»
Вдругъ, слышуть, раздалось: «ну, гайжена Соплицу!»
Шумъ, топотъ на мосту, звонъ сабель, шляхты крикъ:
Несутся на ура! Дворъ штурмомъ взяли вмѣгъ;
Потомъ, нища враговъ, хотять ломить въ хорому;
Но, къ счастью, графъ успѣлъ поставить стражу
къ дому,
Жовеевъ, болѣе послушныя войска...
Толпа отражена! Бѣда невелика:
Разсыпались вездѣ, по цѣлому фольварку,
На кухню, гдѣ нашли за печкой лишь кухарку.
Но аппетитный видъ и запахъ свѣжихъ блюдъ
Обезоружили мгновенно ратный людъ,
Смирили бранный пылъ, на милость гнѣвъ смѣнили
И, можетъ, многимъ лбы отъ сабель охранили.
Притомъ же армія на сеймѣ провела
Весь день и закусить весьма не прочь была.
«Ѣсть, Ѣсть!» раздался крикъ; «пить, пить!» ква-
тила втора —
И вмѣгъ составились воинскіе два хора:
Одни кричали «пить», тѣ требовали «Ѣсть».
Всѣмъ храбрымъ сонмищемъ забыта брань и месть,
И вдругъ изъ рядовыхъ всѣ стали фуражиры.
Лишь ключникъ не влагалъ въ ножны своей рапиры
И, также отъ дому слугами отраженъ,
Наѣзда главный пунктъ спѣшить исполнить онъ,
Какъ надо ожидать отъ воина-юриста:
Хотѣлъ онъ завершить дѣла порядкомъ, чисто,
И не простой набѣгъ безъ смысла произвестъ,
Но графа, вмѣстѣ съ тѣмъ, и во владѣнье ввестъ
Имѣньемъ: потому съ мечемъ гонялся грознымъ
По саду и гумну за Бальтазаромъ вознымъ
И гдѣ-то наконецъ поймалъ за воротникъ:
Нацѣпивши въ него свой страшный сцизорнигъ,

Сказалъ: «Панъ возный, графъ просить васпана
сѣбѣ»

Предъ шляхтой огласить, что нынѣ графъ имѣетъ
Вступитъ во всё свои владѣнія вполнѣ,

Включая: замокъ, дворъ, хлѣбъ въ полѣ, хлѣбъ
въ гумнѣ,

Cum boris, melnicis, prudis, graniciebus,
Kmetonibus, scultetis et omnibus rebus,
Et quibusdam aliis... какъ знаешь, такъ и дай!
Но только ничего, смотри, не прозѣвай!

При вводахъ я бывалъ и знаю эти штуки!»

А возный, заложивъ свои за поясъ руки,

Спокойно отвѣчалъ на ключникову рѣчь:

«Панъ ключникъ, я готовъ, но долженъ остеречь:
Аеть, вынужденный въ ночь, есть форма безъ
значеня.»

— «Какъ вынужденъ? ничуть тутъ нѣту при-
нужденя!»

А если тѣмъ намъ, такъ, васпанъ, извини:

Такіе засвѣчу во лбу твоимъ огни,

Какихъ и въ десяти костѣлахъ не бываетъ!»

«Э, полно, панъ, Гервась!» Брехальскій отвѣчаетъ:

«Къ чему весь этотъ шумъ? Самъ знаешь ты законъ:
Не возный пишетъ аеть — то дѣло двухъ сторонъ.

По силѣ восьмьсотъ-седьмой статьи устава,

Всякъ возный есть посоль и не имѣетъ права

Отказывать ни той, ни этой сторонѣ,

А потому, прошу, привязывайте мя:

Я тотчасъ на письмѣ изображу тѣ рѣчи,

Но только безъ огня не видно — нужны свѣчи;

Не то велите дать фонаричь хоть сюда.

Затѣмъ — уймитесь! Вниманье, господа!»

Чтобъ лучше возмашать, нахворость онъ взобрался:

Какъ видно, къ коноплимъ поближе подбирался;

Вдругъ — бухъ черезъ плетень: ну точно вихрь
смахнулъ!

Потомъ ужъ далеко, въ крыжовникѣ, мелькнулъ,

Какъ голубь, бѣлою свергнувъ конфедераткой;

Горшокъ по нѣмъ далъ запылъ, но тотъ прилѣгъ
за грядкой,

Затѣмъ въ капусту шмыгъ, а послѣ — въ лебеду

И въ частый батарникъ, который росъ въ саду,

По краю, близъ плетня — и канулъ въ тьму густую,

Три раза прокричавъ: «панове, протестую!»

За протестаціей, что громко раздалась —

Какъ-будто съ вѣрности трубы побѣдный гласъ,

Лишь вскочить рать на валъ съ кровавыми шты-
ками —

Пошла рѣзня телятъ, испанскій бой съ быками:

Бропитель-матадоръ троекъ ужъ закрошилъ,

А Бритва саблю имъ во чревѣ утопилъ,
И Шило дѣйствовалъ проворно и въ порядкѣ,

Свиней и поросать шпигу подъ лопатки;

А тамъ и до гусей чреда своя дошла:

Напрасно птица та, что древній Римъ спасла,

Вопить о помощи: не Манія-Торевата

Узрѣла предъ собой, но, ужасомъ объята,

Взраетъ на Горшка; шипитъ иной гусаекъ,

А воинъ хватъ его — и тотчасъ за кушакъ.

Утыканъ птицами и весь покрытый пухомъ,

Онъ Хохликомъ глядѣлъ, ночнымъ нечистымъ духомъ.

Хоть крику менѣе, но болѣе рѣзни

Въ курятникѣ было среди куръ и ихъ родни:

Туда Добжинскій Саекъ, кропителево чадо,

Забрался и крошилъ испуганное стадо

Шурпатыхъ, рѣдкихъ куръ, красивѣйшихъ собой,

Что были вскормлены перловою крупой.

Откуда, Саекъ, въ тебѣ такое зло взялося?

Во-вѣки не простить тебя за это Зося!

А ключникъ, вспомнивши былыя времена,

Добылъ на поясахъ изъ погреба вина

И старки дѣдовской; добрался и до пива —

И шляхта бочки три опорожнила живо,

Да въ замокъ двѣ снесла, и въ нѣмъ, какъ въ оны дни,

Сверкаютъ яркіе, весѣлые огни,

И гнутса и трещать столы отъ тучныхъ брашенъ.

Но вотъ и аппетитъ и жажды пылъ угашенъ;

Пошли позѣвывать; за глазомъ меркнетъ глазъ;

Киваютъ головы. Всѣхъ долѣе Гервась

Держался, но и онъ надъ пѣнистою чарой

Склонился, лысиной своей сия старой.

И вотъ поднялся храпъ, какъ будто полкъ трубилъ:

То побѣдителей, братъ смерти, сонъ сразилъ.

ПѢСНЬ X.

О, годъ двѣнадцатый! Тебя воображаю

На родинѣ моей: ты годомъ урожаю

Слывѣшь у насъ досель и чтить тебя народъ,

И пѣсни про тебя слагаетъ и поетъ.

Забитый гдѣ-нибудь, досель старый воинъ,

Услышавъ про тебя, не можетъ быть покоенъ,

Неволью тесака хватаетъ рукоять —

И кровь его кипитъ, и молодъ онъ опять.

Благословенный годъ самими небесами!

Ты былъ особыми означенъ чудесами,

Являя въ знаменьяхъ, въ обилии, въ красѣ —

И сердцемъ мы тебя предчувствовали въ,

И что-то дивное съ литвинами творилось:

Какъ-будто небо имъ въ то время растворилось!
 Едва луга травой подёрнула весна,
 Скотина, хотъ была тоща и голодна,
 Однакоже въ поля проворно не бѣжала,
 Но долго по дворахъ и выгонамъ лежала,
 Жуя свой зимній кормъ и головы склона,
 И медленно потомъ пошла на зелена.

Равно и жители, распахивая грады,
 Какъ-будто не были возврату солнца рады:
 Лѣниво и соху, и борону влекутъ,
 И пѣсенъ про весну обычныхъ не поютъ;
 Смиряютъ, чтѣ ни шагъ, быковъ своихъ дорѣгой
 И къ западу глядятъ съ волненьемъ и тревогой,
 Какъ-будто ждутъ оттоль невѣдомыхъ чудесъ,
 И раннихъ птицъ слѣдятъ, гурьбой летящихъ въ
 лѣсъ.

Уже кричить аистъ, ища знакомыхъ сѣней,
 Раскинувъ крылія — штандартъ поры весенней;
 И быстрыхъ ласточекъ игривые полки
 Стадятся и снуютъ проворно вдоль рѣки;
 А вечеромъ слухъ надъ пажитями тянетъ
 И хриплымъ голосомъ къ любви подругу манить;
 Гогочетъ дикій гусь и нитями вдали
 Плывутъ по небесамъ выскок журавли.
 Безвременныхъ гостей прѣвѣтствуя какъ чудо,
 Встревоженъ селянинъ, не вѣдая, откуда
 Между пернатыми такая суета,
 И чтѣ притнало ихъ такъ рано въ тѣ мѣста.

А вотъ, за ними вслѣдъ, пернатые иные —
 Летать полки уланъ, знакомые, родные;
 А тамъ пѣхоты строй, хоругвей пышныхъ рядъ;
 Родимые орлы какъ солнышко горятъ,
 Маня къ себѣ сердца и радостные взоры —
 Покрыли всё собой: равнины, доли, горы;
 Куда ни поглядишь, вездѣ полки, полки,
 И льются, какъ рѣка, блестящія штаны;
 Гремятъ, колышутся, во время дня и ночи,
 И грозно тянутся рядами къ полуночи.

Ура! Война, война! И не было угла
 Въ Литвѣ, куда бъ громовъ она не занесла;
 Лѣсные сторожа, въ своёмъ убогомъ домѣ
 Во-вѣки о земномъ неслышавшіе громѣ,
 Лишь молнии изрѣдка сверкали имъ въ глаза:
 Теперь на небесахъ всю ночь для нихъ гроза,
 Пылаетъ зарево и слышится изъ хаты
 Совѣмъ иныхъ громовъ тяжелые раскаты —
 Побѣдоносный гулъ отъ утра до утра.
 Порой, въ лѣсной глуши, раздастся свистъ ядра,

Не то гранаты взрывъ, иль бомбы ревъ и скрежетъ,
 Которая подчасъ деревъ вершины рѣжетъ
 И, щелкая по пнямъ, летитъ въ глухую дѣбрь.
 Уходитъ съ логова, поднявъ щетины, вепрь;
 Встаётъ косматый зубръ, иль, ужасомъ объятый,
 Изъ пуши выскочитъ встревоженный сохатый,
 Глазами водить веругъ, всѣмъ тѣломъ трепеща,
 И мчитъ далѣе, пріютъ себѣ ища.
 Годъ приснопамятный, великій и единый!
 Останешься въ Литвѣ священной ты годиной!
 Ты, урожайная красавица-весна,
 Вѣкъ будешь сниться намъ, обильна и красна
 Густыми злаками и воинствъ одеждой,
 Громами славныхъ битвъ и ясною надеждой!
 Досель, переносясь въ минувшіе года,
 Тебя, какъ сладкій сонъ, я вижу иногда,
 И, скорбью повить, лью слѣзы и тоскою...
 Увы, я въ жизни зналъ одну весну такую!

Отъ Нѣмана идѣтъ къ Литвѣ Иеронимъ,
 Король Вестфалии, и нашъ Иосифъ *) съ нимъ;
 А далѣе вожди: Князевичъ и Грабовскій,
 Зайончикъ, Яшвелъ, Паць, Гедройць и Малаховскій.
 Идутъ со штабами, явились средъ села;
 Сѣнь сопицовой радушно приняла
 Дружны братнія, къ услугамъ ихъ готова:
 По счастью, на пути лежало Сопицovo.
 Пришли ужъ подъ-вечеръ. Начальники спѣшатъ
 Разставить по избамъ измученныхъ солдатъ.
 Усталыя войскъ тотчасъ глаза сомкнули.
 Всѣ спитъ; лишь движутся, какъ призраки, патрули,
 Да слышится порой протяжное «слушай!»
 Но войскій спать нейдѣтъ — ему ты не мѣшай:
 Задумалъ думу онъ для праздника такова
 На-вѣки вѣчные прославить Сопицovo;
 Задать своимъ гостямъ неслыханный обѣдъ,
 Какого никогда и нѣ было и нѣтъ,
 Пиръ, соотвѣтственный великой той минутѣ,
 Чтобъ было чѣмъ её и послѣ помянути.

Сначала поваровъ сосѣднихъ онъ зовѣтъ:
 Собралось цѣлыхъ шесть, самъ войскій — коноводъ,
 Словоохотливый, бурливый и рѣчистый;
 Колпакъ на головѣ, на брюхѣ фартукъ чистый;
 Вездѣ готовъ, поспѣлъ; вездѣ одинъ за двухъ;
 Припасы пробуетъ, отмахиваетъ мухъ,
 Смиряетъ поварятъ неугомонный говоръ
 И книгу достаетъ, название — *Модный Поваръ*:
 По ней въ Итали обѣдъ Тычинскимъ данъ,

*) Иосифъ Домбровскій.

Который похвалилъ и папа самъ Урбанъ;
По ней Ржевудцій графъ извѣстенъ сталъ въ Па-
рижѣ,

По ней же, наконецъ, въ дому своемъ въ Несвижѣ,
Намѣстникъ виленскій, Коханку-Радзивилъ
Обѣдомъ всю Литву и Польшу удивилъ,
Какъ пиръ для короля давалъ онъ Станислава,
Тотъ пиръ, котораго жива понынѣ слава,
Котораго красу, и блескъ, и роскошь блюлъ
Донинѣ пѣснями литовскій славить людъ.

Работа началась. Лишь только войскій глянеть—
Полсотни у него ножей забарабанить.

Кухмистры, засучивъ по локоть рукава:
Тотъ дуетъ на огонь, тотъ въ печь кладѣтъ дрова,
А третій, хлопоча, чтобъ пламя не угасло,
Плескаеть на него растопленное масло,
Котораго всегда достаточно въ дому;
Иные въ кошоти, и въ сажѣ, и въ дыму,
Ворочають рожны съ дичиною различной:
Оленей, кабановъ, съ приправою обычной;
Деруть надѣеъ, куръ — и пуху облака,
За лёгкимъ паромъ вслѣдъ, летать до потолка.
Но куръ не достаётъ; съ-тѣхъ-поръ, какъ Саекъ
Добжинскій,

Мстя Зосѣ, расточилъ на нихъ свой пылъ воинскій,
Онѣ попрержнему еще не развелись;
За-то тетерева въ обилии нашлись,
Сивки, баранчики — и много всякой дичи
Набилъ для войскаго догадливый лѣсничій.

Лучами ясными и тихими горя,
На небѣ занялась стыдливая заря —
И сумракъ утренній прощается съ землёю;
Лишь облако одно, съ золоченной каймою,
И бѣлое, какъ снѣгъ, плыло-себѣ вдали,
Подобно ангелу-хранителю земли,
Что нашей утренней молитвой умиленный,
Еще не отлетѣлъ къ Зиждителю вселенной.

Вотъ скрылось и оно безъ знака и слѣда;
Померкнула въ выси послѣдняя звѣзда.
Не видно ничего на всей небесъ равнинѣ,
Которая слегка блѣднѣетъ въ серединѣ;
А темносньюю полночную эмаль,
Какъ свитокъ, къ западу укатываетъ вдали;
Межъ-тѣмъ огнистое, пылающее око
Намъ открывається привѣтливо-широко;
Вотъ на окраниѣ блеснуль струями свѣтъ
И брызнули лучи, какъ тысячи раветъ;
Но, жмурясь и дрожа, сияетъ глазъ денницы,

Какъ-будто хочетъ сонъ стряхнуть съ своей рѣс-
ницы,

И всё свои цвѣта соединяеть вдругъ:
Сапфиръ, потомъ рубинъ, тутъ матовый жемчугъ—
И брилліантами чистѣйшаго кристала
Свѣтило наконецъ по небу заблестало.

Хотя въ каплицѣ мша еще не началась,
Однакожь тѣма уже народу собралась;
Никто не усидѣлъ въ тотъ день великій дома:
Отчасти праздникомъ толпа была влекома,
Но болѣе манилъ тогда простыхъ людей
Величественный видъ героевъ и вождей,
Военачальниковъ народныхъ легионовъ,
Которыхъ чтили всё какъ бы своихъ патроновъ,
Которыхъ бѣдствія, въ теченіи столькихъ лѣтъ,
Побѣды, славою наполнившія свѣтъ,
Скитальческая жизнь съ изгнаніемъ суровымъ—
Служили поляку евангеліемъ новымъ.

Иные войны къ часовнѣ подошли.

Вы ль это, ратники отеческой земли?

Глядите на нихъ народъ, глазами робко мѣрять—
И собственнымъ глазамъ отъ радости не вѣрять:
Такъ точно—нашъ мундиръ, что всѣмъ сердцамъ
знакомъ,

И польскимъ говорятъ жолнѣры языкомъ!

Волнуется толпа; плачють дѣвы-розы

И роняють на траву серебряныя слѣзы.

Раздался колоколъ. Обѣдня началась.

Звучитъ священника миротворящій гласъ,

И съ умиленіемъ ему крестьянинъ внемлетъ.

Каплица малая не всёхъ въ стѣнахъ объемлетъ;

Иные на лугу — едва не всё село —

Склонились, обнаживъ предъ Господомъ чело,

Смирненно молятся. Литвиновъ русый волосъ

На солнышкѣ блеститъ, какъ жита зрѣлый колосъ;

Мѣстами дѣвицы-красавицы платокъ

Горитъ, что куколя румянаго цвѣтокъ;

Порой, послушныя священному глаголу,

Всѣ чѣла клоняются какъ бы колосья долу.

Селяне въ этотъ разъ въ каплицу нанесли

Цвѣтовъ — весенній даръ отеческой земли —

И ихъ разсыпали обильно у подножья

Святого алтаря, надъ коимъ Матерь Божья

Сила вротвая, въ каменьяхъ и лучахъ,

Съ невыразимую любовію въ очахъ;

Потомъ и паперть всю, и самыя ступени,

Гдѣ становилися міряне на колѣни,

Вѣнками пышными усѣдали кругомъ.

Такъ, изукрашенный цвѣтами, Божій дождь
Во облаченіи сіялъ своёмъ богатомъ,
Благоухая весь небеснымъ ароматомъ.

Обѣдня наконецъ въ каплицѣ отошла.
Ксёндзь проповѣдь сказалъ. Но шляхта всё не шла
Изъ церкви; всё еще селяне были въ сборѣ:
На паперть вышелъ къ нимъ маршалокъ-подкоморій
(Конфедерациі маршалкомъ онъ ужъ былъ);
Жупанъ его серебромъ и золотомъ свѣтилъ,
А сверху дорогой кунтушъ изъ аксамита,
Съ алмазной пряжкой и поясъ златолитый;
У сабли въ камняхъ весь и въ золотѣ ремень,
И шапка бѣлая, надѣта на бекрень;
На ней блеститъ султанъ, украшенный богато,
Гдѣ каждое перо цѣнилось въ три дуката.
Такъ пышно убранный, къ народу ко всему
Маршалокъ выступилъ — всѣ двинулись къ нему;
Онъ началъ: «Братія! вамъ сказано съ амвона,
Что вольною землѣй объявлена Корона,
А нынѣ кесарь нашъ далъ вольность и Литвѣ,
Затѣмъ, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ мы тронулись къ
Москвѣ,

Какъ вѣрные его сподвижники-вассалы.
Уже на вальный сеймъ зовутъ универсалы;
А я хочу теперь, собратія мои,
Сказать вамъ слова два касательно семьи
Извѣстныхъ всей Литвѣ владѣльцевъ Соплицова.
Что Яцекъ натворилъ, вамъ это ужъ не ново;
Но, если чьи грѣхи поставимъ мы на видъ,
По правдѣ помянуть и доблесть надлежитъ,
Всѣ добрыя дѣла, отличія, заслуги
И принесённые отечеству услуги:
Такъ отдадимъ ему заслуженную честь!
Тотъ Яцекъ жилъ еще, когда бродила вѣсть,
Что онъ, монашество пріявъ, скончался въ Римѣ;
Онъ только измѣнилъ одежду, санъ и имя,
И всё, чѣмъ Богу былъ и людямъ виноватъ,
Примѣрной жизнью загладилъ во сто кратъ.
Подъ Гогенлинденомъ, въ той битвѣ знаменитой,
Гдѣ началъ отступать уже Ришпанъ разбитый,
Не зная, что у врага Князевичъ былъ въ тылу...
Объ этомъ Яцекъ нашъ, сраженія въ пылу,
Ришпану вѣсть принёсъ: тотъ принявъ бой кровавый —

И наши витязи вѣнчались громкой славой.
Потомъ, въ Испаніи, какъ брали Алькантаръ,
Онъ съ гренадерами на приступъ, въ самый жаръ,
Пошолъ — и раненъ былъ три раза при Камовскомъ.
Съ-тѣхъ-поръ, скитаяся то въ Княжествѣ Литовскомъ,

То за границу, онъ вѣсти разносилъ,
Предвидя общее возстанье нашихъ силъ,
И въ мигъ, когда уже всё было на готовѣ,
Смертельно раненный скончался въ Соплицовѣ.
Едва лишь вѣсть о нёмъ, про славныя дѣла,
До милости его, до кесаря дошла:
Въ награду подвиговъ, рукой Наполеона
Ему назначенъ крестъ почётный легіона.

«Да будетъ же для всѣхъ и каждого равно
Отнынѣ вѣдомо, что Яцекъ смылъ пятно,
Лежавшее досель на имени Соплицы;
И всё теперь въ Литвѣ сословія и лица,
Кто братомъ вздумаетъ Соплицу попрекнуть,
Иль недостойное объ нёмъ упомянуть,
Тотъ graves тасулас несётъ по уложенью.
Примите жъ, братія, сіе къ соображенью!
А что касается до славнаго креста —
Хотя не въ время пришла награда та,
И Яцекъ не былъ ей въ послѣдній мигъ утѣшенъ —
Пусть будетъ этотъ крестъ на гробъ его повѣшенъ
И три дни провиситъ! Затѣмъ въ каплицѣ той,
Какъ votum, сложится для Дѣвы пресвятой!»

Сказалъ и вынулъ крестъ почётный легіона:
Сіяла въ золотѣ огнистая корона
И лента алая съ кокардою надъ ней.
Звѣздоподобный крестъ и ярче, и виднѣй
Сверкнулъ на сумрачномъ возглавіи гробницы —
Послѣдній славы лучъ надъ пменемъ Соплицы.
Народъ же повторялъ, склоняясь надъ доской:
«Со духи праведны Господь его покой!»

Въ то время у избы друзья сидѣли наши,
Брехальскій и Гервазъ. Побрякивали чаши,
Межь-тѣмъ какъ старики поглядывали въ садъ,
Гдѣ вонгъ молодой и дѣвица стоятъ:
Онъ — какъ подсолнечникъ; шишакъ на нёмъ
злачѣнный;

Она, одѣтая въ корсажъ темнозелённый,
Смотрѣла весело, какъ ясная рута;
Глаза — что васильки, что розаны — уста.
Ихъ рѣчи, полныя любовью и мольбою,
Текли, какъ два ручья, сливаясь межъ собою.
А старцы, въ разговоръ пріятельскій вступивъ,
Другъ друга подчуютъ медкомъ наперерывъ;
Брехальскій говоритъ: «Вотъ такъ-то, Гервазеньку!»
Гервазъ ему на то: «Вотъ такъ-то, Протазеньку!»
«Вотъ такъ-то! такъ-то вотъ!» сказали оба въ разъ,
И тутъ, какъ надо быть, бесѣда началась.

— «И такъ — прощай, процессъ!» сказалъ Гервазу
возный:

«Тьму помню я такихъ; особенно жь курьезный
У Чарторыжскаго съ Будревичемъ процессъ;
Потомъ у Лѣпаса съ Почдбутомъ за лѣсъ;
У Паца съ Купецями, съ Квицецкими у Турна,
У Лейки съ Занами. Начнѣтся вѣчно дурно,
Тамъ, глядь: явилась дочь, тутъ сынъ, а здѣсь вдова —
И кончено! Вотъ такъ Корона и Литва
Тягались сколько лѣтъ; взялась за умъ Ядвига —
И разомъ безъ судовъ окончена интрига!
Да, хорошо, какъ есть у тяжущихся дочь,
Иль сынъ: не трудно тутъ бѣдѣ лихой помочь!
А вотъ, когда процессъ пойдетъ между всендзами —
Бѣда! хоть прочь бѣги съ закрытыми глазами!
Еще коль близкое увидится родство...
Вотъ ляхи съ руссами тягались отчего?
Что были Руссы и Ляхъ два брата. Это дѣло
Танулось двѣсти лѣтъ — да выигралъ Ягелло.
Такъ съ Обуховичемъ судился Одынецъ;
Съ всендзами Дымшамы у Римши наконецъ
Pendebat долго споръ... но выиграла Дымши,
И вышло, что панъ Богъ сильнѣе пана Римши.
А мѣдъ по моему сильнѣй, чѣмъ спызорие!»

Тутъ чокнулись. «Такъ! такъ!» сказалъ другой ста-
рикъ,

Той рѣчью тронутый: «такъ, дивною судьбою
Корона и Литва сближались межъ-собой,
Какъ нѣкая чета: самъ Богъ связалъ еѣ!
Да видно, Богъ своё, а дьяволы своё!
Ахъ, брате! точно ли глаза-то видятъ наши,
Что къ намъ опять сюда пришли коронаши!
Эхъ! чтобы столынику дожить до-этнихъ-поръ!»
Тутъ ключникъ подъ-шумою полой слезу отѣръ
И тихо покачалъ сѣдою головою:
«Но, полно плакаться! Корона вновь съ Литвою!»

— «Да!» возный рѣчь повѣлъ, «теперь объ Зосѣ вотъ!»
«О паннѣ Софіи», его поправилъ тотъ:

«Она ужъ не дитя, невѣста: вотъ въ чѣмъ штука,
Притомъ, вельможная: Горешкѣ будетъ внува!»
— «Ну, панна Софія! пожалуй хоть и такъ!»

Вновь возный продолжалъ: «былъ, видишь, съ
неба знакъ,

Какъ бы явленіе, назадъ тому съ полгода.
Разъ въ праздникъ набралось довольно тутъ народа:
Кухмистры, кое-кто изъ челяди, да я;
Вдругъ изъ-подъ крыши пырь два старыхъ воробья
И въ драку: ажно пыль клубами вверхъ пустили.
Мы смотримъ: чья возьмѣтъ? и тутъ же порѣшили:

Пусть чорный будетъ графъ, а тотъ, что посѣрѣй,
Соплица. Сѣрый сбитъ: «поправься, братъ, скорѣй!»
Кричимъ; а сѣрый взялъ: «да здравствуютъ Соплицы!»
Тутъ Зося сжалась, прыгнула изъ свѣтлицы
И нѣжной ручкою бойцовъ накрыла вдругъ;
Но билась и въ рукѣ. Тогда между старухъ
Пополь объ этомъ толкъ, что видно панна Зося
Два дома примирить — и вотъ оно сбылося!
Въ очю свершается! Знать, божья воля тутъ!
Однако же тогда о графѣ думалъ людъ,
Не о Тадеушѣ.» На это ключникъ старый
Сказалъ: «Да, подлинно, глядятъ такою нарой,
Что любо-дорого! Тряхнувши стариной,
И я тебѣ скажу, что было и со мною
Необъяснимое. Ты знаешь, милый друже,
Что нѣкогда Соплицъ я утопилъ бы въ лужѣ,
А хлопца этого, не знаю почему,
Я съ разу полюбилъ. Бывало, радъ ему,
Какъ въ замокъ прибѣжитъ; сейчасъ рапиру въ руки:
Рубись! Да и гораздъ онъ былъ на эти штуки!
Бѣда! Съ ребятами ль возьмутся за чубы —
Не можетъ ни одинъ: трещать лишь только лбы,
Когда пойдѣтъ косить. Взобратъся на одонье,
Омѣлу съ дуба снять, стащить гнѣздо воронье —
Какъ есть на всё гораздъ, на всяки чудеса!
«Ну, видно, ты, паннчъ, въ сорочкѣ родился»,
Замѣтилъ я себѣ: «жалъ только, что Соплица!»
И вотъ... подумаешь, какая небылица!
Кто вѣдалъ, кто гадалъ, на чтѣ ему таланъ
Данъ всякій Господомъ? Теперь онъ здѣшній панъ,
Мужъ панны Софіи, вельможной пани нашей!»
Умолкли тотъ и тотъ, задумавшись надъ чашей;
Лишь послѣ нѣсколько послышалось разъ:
«Такъ, пане возный, такъ!» — «Да, такъ-то, панъ
Гервазъ!»

А кухня возлѣ нихъ стояла. Облакъ пара
Изъ оконъ вылеталъ, какъ дымъ въ часы пожара.
Кухмистеръ наибольшій, съ кастрюлькою въ рукѣ,
Подвязанъ фартукомъ и въ бѣломъ волпакѣ,
Душой и мыслию весь преданный обѣду,
Успѣлъ однакоже подслушать ихъ бесѣду,
И только лишь они устали говорить,
Бисквитовъ подалъ имъ, чтобъ лицець закусить.
«А я вамъ разскажу исторію про пана,
Блаженной памяти покойнаго Рейтана.
Разъ въ налібоцкіе пустились мы лѣса...»
Вдругъ сзади раздался кухмистеровъ голоса —
И вознаго разсказъ на томъ оборвался...

А старцы головы межъ тѣмъ поворотили

Туда, гдѣ молодецъ и дѣва говорили;
 Но не было ужъ ихъ: давно покинувъ садъ,
 Ушли они въ покой, гдѣ восемь лѣтъ назадъ
 Тадеушъ-отрокъ жилъ. Теперь же, въ этомъ мѣстѣ,
 Счастливецъ становой услуживалъ невѣстѣ
 И въ разные углы со всѣхъ видался ногъ:
 То шпильки подавалъ, то вѣрвь, то платокъ,
 Разнообразные флакончики, помаду —
 Ну, словомъ, хлопоталъ и бился до упаду;
 Хоть бѣдный лобъ его порядочно взопрѣлъ,
 Однако становой торжественно смотрѣлъ
 На свѣтлое чело имъ избранной подруги
 И ровно ни во что считалъ свои услуги.
 Подруга же его, окончивъ туалетъ,
 Держала съ зеркаломъ таинственный совѣтъ —
 Задумалась... Межь-тѣмъ служанки боевыя,
 Дѣвицы вострыя, проворныя, живыя,
 Съ горячимъ утюгомъ припавши на полу,
 Спѣшили распрямить у платья фалбалу.

Тогда-какъ становой былъ дѣломъ этимъ занятъ,
 Глядитъ: его въ окно рукою кто-то манить:
 Кухмистеръ русака въ капустѣ подстерѣгъ.
 Изъ лѣсу выпугнуть, русакъ въ саду залѣгъ,
 Скрываясь тамъ весь день отъ ловчихъ и отъ жара.
 Ассессоръ вѣлъ уже на своркѣ Янычара,
 А вотъ и становой Стрѣлу свою зовѣтъ;
 Поставили рядомъ. Панъ войскій въ садъ идѣтъ,
 Свиститъ и хлопаетъ, поглядывая въ гряды;
 Межь-тѣмъ охотники, въ него уставя взгляды,
 Тихонько пальцами показываютъ псамъ,
 Гдѣ заяцъ — а ужъ онъ летѣлъ къ своимъ лѣсамъ.
 «Ату его, ату!» пошла лихая пара!
 Тотъ смотритъ на Стрѣлу, другой на Янычара:
 Псы ближе — ближе — вотъ на шагъ отъ русака —
 И оба вдругъ его схватили подъ бока;
 Минута — онъ лежитъ недвижнмъ, кверху брюхомъ,
 Зелѣную траву покрывши бѣлымъ пухомъ.
 Глядятъ охотники — на лицахъ торжество!
 А войскій, зайца взявъ, отпозончилъ его
 И молвилъ: «Конченъ споръ, соперники мирятся!
 Палаца стѣитъ Пацъ! Достоянъ палаца Паца!
 Я, вами избранный въ сѣмъ дѣлѣ за судью,
 Заклады цѣнные обратно отдаю:
 Другъ другу вы равны и выиграли оба;
 Отнынѣ заключить союзъ должны до гроба!»
 Охотники сошлись, весѣлые — и выигъ
 Ихъ руки соединилъ ликующій старикъ.

Тутъ молвилъ становой: «Собратья, передъ споромъ,
 Вы помните: коня поставилъ я съ приборомъ

И перстень обѣщалъ въ Salarium сложить
 Тому, кто давній споръ поможетъ намъ рѣшить —
 Обратнo возвращать заклады — незаконно!
 И я надѣюсь: панъ войскій благосклонно
 На память перстень тотъ потрудится принять —
 Онъ можетъ вырѣзать на немъ свою печать,
 Что вѣчно при часахъ висѣла у него бы,
 А золото на ней одиннадцатой пробы.
 Улавамъ отдалъ я ретиваго коня,
 Но весь его приборъ остался у меня,
 Чтобъ долге служить набѣгамъ молодецкимъ.
 Арчакъ — смѣшеніе козацкаго съ турецкимъ;
 Въ камняхъ передняя и задняя лука;
 Шелками вышита подушка чапрака,
 А сядешь на неѣ — качаетъ точно зыбка;
 А тронъ коня въ галопъ, не очень только шибко,
 А исподволь, груся...» При этомъ становой,
 Любившій миникой рассказъ украсить свой,
 Вдругъ выступилъ впередъ и ноги врозь разставилъ,
 Потомъ, какъ скачетъ конь, охотникамъ предста-
 вилъ...

«А тронъ коня въ галопъ, то кажется, что конь
 Весь залитъ въ золото, въ бриллы и въ огонь:
 Сіяніе и блескъ струями все, струями...
 Тотъ рѣдкостный приборъ, съ уздечкой, съ мунд-
 штуками,

Ну, словомъ, осѣдлатъ какъ надобно коня,
 Прошу ассессора на память отъ меня
 Принять и позабыть, что было въ прежни лѣта!»
 Ассессоръ, поклонясь, отвѣтствовалъ на это:
 «Я ставилъ подъ закладъ ошейники для псовъ,
 Когда-то бывшіе красою всѣхъ лѣсовъ,
 Ошейники, что мнѣ пожертвовалъ Сангушка
 И сворку изъ шелковъ (не сворка, а игрушка —
 Вся шита золотомъ, вся въ рѣдкостныхъ камняхъ,
 На солнышкѣ горитъ и блещетъ какъ въ огняхъ)
 И смычъ изъ ящера, котораго плетенье
 Приводитъ знатока въ восторгъ и удивленье:
 Все это пану въ даръ я нынче приношу
 И давній споръ забыть, какъ милости, прошу,
 Споръ, нынѣ конченный со славою по счастью,
 И сердце обратитъ къ пріязни и согласью!»
 Такъ бойко завершивъ орацію свою,
 Охотники пошли обрадовать судью.

Ходили черезъ годъ по Соплицову слухи
 (Проговорилися какія-то старухи),
 Что войскій, загода вскормивши русака
 На кухнѣ, въ садъ его пустилъ изподтишка
 И старую вражду чрезъ то повончилъ разомъ.
 Однакоже никто не вѣрилъ тѣмъ рассказамъ:

Молва пріятелей поссорить не могла —
И дружба между нихъ незыблемо цвѣла.

Уже вокругъ стола собравшіеся гости
Весѣдуютъ и ждутъ прихода его мѣсти
Хозяина. Идѣтъ, Тадеуша держа
Съ невѣстой за руку. Румяна и свѣжа,
Какъ утро майское, глядя на всѣхъ не смѣло,
Она собранію почтительно присѣла.
На ней — вѣнокъ живыхъ колосьевъ золотой,
Съ серебрянымъ серпомъ: была въ одеждѣ той,
Въ которой поутру молилася Пречистой.
Тѣ жь ленты алыя въ струяхъ косы волнистой,
Такіе же цвѣты на дѣвственной груди:
Дарила ихъ вождямъ, и старыя вожди
Изъ ручекъ у нея букеты принимали
И ручки нѣжныя въ восторгѣ цаловали;
Невѣста кланялась, зарѣю заалѣвъ.
Князевичъ, на челѣ ея напечатлѣвъ
Отцовскій поцалуй, еще краснѣтъ заставилъ,
Потомъ, поднявши вверхъ, на столъ еѣ поставилъ —
И всѣ, въ единый гласъ, воскликнули «вивать!»
Невѣсты красота, простой ея нарядъ,
Точь-въ-точь какъ у селянъ — литвинки образъ чи-
стый,

И дѣвственный вѣнокъ, и этотъ серпъ лучистый,
Припомнили вождямъ совсѣмъ другіе сны
И невозвратную зарю иной весны,
Потомъ изгнаніе, съ борьбою и грозами...
И вотъ, приблизившись, смотрѣли со слезами
На дѣву юную, тѣснились вокругъ стола,
Прося, чтобъ очи вверхъ она приподняла,
Чтобъ обернулась къ нимъ и глянула бы смѣло:
Невѣста, какъ заря, какъ маковъ цвѣтъ, агѣла.

Затѣмъ вождямъ еще представилась чета.
Всѣ заняли свои обычныя мѣста:
Вчера слуга царя, теперь — Наполеона,
Ассессоръ, командиръ жандармовъ легіона,
Въ мундирѣ выступалъ, подковками звеня,
Съ нимъ рядомъ, голову стыдливо наклони,
Шла вѣрная его подруга и коханка,
Дочь пана войскаго, Варвара Гречешанка.

Но третья парочка собирается не вдругъ;
Судья не вытерпѣлъ, послалъ за нею слугъ:
Узнали, что чета въ тревогѣ и въ заботѣ:
Неловкій становой, на утренней охотѣ,
Погнавши русака, свой перстень потерялъ
И по дугу его съ людьми теперь искалъ;
А наречѣнная невѣста становова

Еще не собралась — немного неготова:
Какой-то бантъ у ней на платьѣ не нашить,
Еще чего-то нѣтъ... однакоже спѣшить,
И, безъ сомнѣнія, часа въ четыре будетъ,
Надѣясь, что судья сестрицу не осудить.

ПѢСНЬ XI.

Дверь съ шумомъ наконецъ открылася — и вотъ
Маршалокъ пиршества, панъ войскій предстаѣтъ,
Въ беретѣ съ перьями. Маршалковскою тростью
Учтиво каждаго, какъ гостя, такъ и гостью,
Разводитъ по мѣстамъ. Всѣхъ выше, впереди,
Панъ подкоморій сѣлъ, а ѵ бокъ съ нимъ вожди,
По разнымъ сторонамъ: по правую Домбровскій,
По лѣвую Гедройць, Князевичъ, Малаховскій
И дамы; далѣе — шляхетство; каждый гость
Садится, гдѣ ему велитъ маршалка трость.

Хозяинъ на дворѣ, гдѣ столъ длиною въ два стая
Раскинуть для селянъ. Сошлась толпа густая,
На пиръ приглашена. Садятся: панъ-отецъ,
Хозяинъ — на концѣ, а на другой конецъ
Садится всѣндзъ-плебанъ. Тадеушъ и невѣста
Ходили вокругъ стола, оставшіся безъ мѣста:
Обычай сѣлъ таковъ, что новыя паны,
Созвавъ къ себѣ селянъ, служить для нихъ должны.
А шляхта и вожди, собравшіеся въ залѣ,
На рѣдкостный сервизъ вниманье обращали,
Что всѣхъ работою и цѣнностью дивилъ.
Преданье говоритъ, что будто Развивилъ
Богатый тотъ сервизъ привѣзъ изъ-за границы;
Потомъ, въ часы войны, попалъ онъ въ домъ
Соляницъ,

Богъ-вѣсть какимъ путѣмъ. Теперь, столовъ краса,
Онъ, на подобіе большого колеса,
Разлегся и сіялъ. Въ его златныя стѣнки
Влиты изъ сахару серебряныя пѣнки,
Блестѣвшія какъ снѣгъ, сѣдой зимы уборъ;
Въ срединѣ, изъ конфетъ, черилъ дремучій боръ,
Виднѣлись инеемъ подернутыя хаты,
Искусства дивнаго плоды замысловаты,
Повсюду въ глыбахъ снѣгъ и въ искрахъ синій лѣдъ.
А съ краю, подлѣ хатъ, разгуливалъ народъ,
Великолѣпныя фигурки изъ фарфору,
Что только не вели съ гостями разговору,
А то, какъ есть во всѣмъ, живыя до-чиста,
И били по глазамъ нарядовъ ихъ цвѣта.

Что значили онѣ? Панъ войскій разрѣшенье
Готовить, испросивъ у панства позволенье:

«Персоны, коими украшенъ тотъ сервизъ —
Коль сонзвоите — на сеймиѣ собрались.
Вотъ эта, въ сторонѣ стоящая, особо,
Какъ надо полагать, высокая особа —
Заранѣ къ себѣ шляхетство созвала;
Извольте посмотрѣть: стоятъ вокругъ стола
Большими группами и въ каждой посрединѣ —
Ораторъ. По его движеньямъ и по минѣ,
По разсуждающимъ, поднятымъ вверхъ рукамъ —
Замѣтно: жаркую онъ держитъ рѣчь къ гостямъ,
А шляхта слушаетъ, почтеніемъ объята —
И каждый своего готовить кандидата.

«А этотъ, важный панъ, такъ весело глядѣть,
Рука за поясомъ, другою усъ крутить:
Знать, балы подобралъ, со шляхтой кончилъ дѣло
И на избраніе расчитываетъ смѣло.

«А здѣсь не ладятся, какъ видно, голоса:
Ораторъ нарочитъ поймать за пояса
Не такъ сговорчивыхъ, но рвутся и уходятъ,
Бесѣды межъ собой сварливыя заводятъ,
И врозь по сторонамъ разбился весь народъ.
Вотъ этотъ началъ рѣчь — ему зажали ротъ;
А тотъ кричитъ «вивать», раскрывъ уста широко,
А тутъ ужъ, кажется, до сабель недалѣко.

«Одинъ межъ группами задумавшись стоитъ;
Куда дѣвать свой шаръ, никакъ не разрѣшить,
Гадаетъ пальцами: попалъ — аффирмативу,
А если не попалъ — положить негативу.

«А здѣсь монастыря представленъ рефектаръ,
Гдѣ выборы у насъ производились встарь.
Стекается толпа. Вотъ шляхтичъ любопытный
Въ середку заглянулъ, гдѣ маршалъ неумитный
Считаетъ голоса и вознымъ отдаѣтъ
О тѣхъ, кто избраны, провозгласитъ въ народъ.

«Но вотъ, на сторонѣ, какой-то несогласный
Съ избраніемъ, готовъ затѣять споръ опасный:
Раскрылъ широко ротъ, задумываетъ месть
И цѣлый рефектаръ какъ будто хочетъ съѣсть.
Не трудно угадать, что онъ ужъ гаркнулъ: veto!
Вся шляхта на него накинута за это;
Еще единый мигъ — сойдутся межъ собой,
Скрестивъ оружіе, и вспыхнетъ ярый бой!

«Но къ нимъ святой пріоръ Sanctissimum выносить,
А послушникъ, звона, ихъ разступиться проситъ:
Тутъ, дѣлать нечего, вложивъ мечи въ ножны,

Всѣ пали, молятся — и кончить споръ должны.
И такъ на выборахъ случалось зачастую...»
По въ табакерку тутъ щелкнувши золотую,
Замѣтилъ войскому панъ подкоморій вдругъ:
«Хоть сеймиѣ твой хорошъ, однако кликни слугъ
Да ѣсть вели давать! Ты вѣрно не откажешь —
И послѣ памъ свою исторію доскажешь!»
А войскій, до земли свою склоня трость:
«Всемигостивый панъ, ясновельможный гость!
Разсказъ кончается. Вотъ, выигравши балы,
Маршалокъ избранный выносится изъ залы
Всей шляхтой на рукахъ; раскрыли рты — вивать!
Выходить весело и шапки вверхъ летать,
Другіе на бокъ ихъ заламываютъ лихо...

«А здѣсь, наоборотъ, выходитъ скромно, тихо
Сабалтированный; крутитъ въ раздумьи усъ,
Сердце на брови надвинувъ свой картузь.
Идѣтъ онъ... а его супруга и не чаѣтъ
Вѣды себѣ такой: съ улыбкою встрѣчаетъ;
Вдругъ — ах! и на рукахъ служанки замерла...
Ясновельможною она бы вѣдь была!
А нынче — Господи, да развѣ это можно! —
Она попрежнему осталась лишь — вельможна!»

Тутъ войскій замолчалъ — и пиръ-себѣ пошолъ.
Сначала холодецъ литовскій и разсолъ,
Тамъ королевскій борщъ, а то, что было далѣ
Тѣхъ яствій и во снѣ мы съ вами не видали!
Блемасы, помухли, душовныя мяса,
Ингредиенци, былыхъ пировъ краса;
А рыбъ: стерляди, севрюга, осетрина,
Карпъ-шляхтичъ, карпъ-холопъ, морская лососина
И блюдо хитрое — затѣя не проста —
Бѣлуга цѣликомъ — затѣярена съ хвоста,
Въ середкѣ варенá, а спереди пуста
И смачнымъ соусомъ искусно полита.

Но жаль: не распросилъ о блюдѣ знаменитомъ
Никто, а ѣли всѣ съ солдатскимъ аппетитомъ,
И кубки, полные венгерскаго вина,
Вмигъ осушались воинственно до дна.

Межъ-тѣмъ, за полчаса снѣгами убѣлѣнный,
Сервизъ одѣлся вдругъ травой темнозеленой:
Весь иней сахарный растаялъ самъ собой.
Пахнуло на гостей весеннею порою
И жито разное на пажитяхъ явилось:
Пустилъ усы ячмень и рожь заколосилась,
Благоуханіе черѣмха разлила
И шоколадная гречиха зацвѣла.

Вожди спѣшать весной воспользоваться красной;
 Но гдѣ близится — и осенью ненастной
 Повѣяло. Сервизъ еще отъ теплоты
 Растаялъ: желтыми становятся листы
 И падаютъ; на нихъ какъ-будто вѣтеръ вѣетъ;
 Всѣ измѣняется, природа вся мертвѣетъ;
 За мигъ цвѣтущія, древа обнажены,
 Остался только лавръ, подобіе сосны,
 Усыпанъ зѣрнами коричневыми тмину,
 Какъ-будто шишками. Дивуясь на картинку,
 Пирующій народъ деревья сталь срывать
 И усладительнымъ токаемъ запивать,
 Другъ передъ дружкой усердствуя отважно.
 А войскій вокругъ стола прохаживался важно.

Тогда сказалъ ему Домбровскій генералъ:
 «Откуда панъ своё искусство перенялъ?
 Иль дивной магін учился у Пинети?
 Давно ли на Литвѣ у васъ волшебства эти?
 Вездѣ ль по деревнямъ въ родимой сторонѣ
 Такъ чествуютъ гостей? Прошу, повѣдай мнѣ!
 Стольдолго врозь живя съ родимымъ нашимъ краемъ,
 Не мудрость, коль его обычаевъ не знаемъ!»

А войскій такъ ему: «Ясновельможный панъ!
 По старой старинѣ обѣдъ вамъ этотъ данъ;
 Какъ было у отцовъ у нашихъ и у дѣдовъ,
 Во дни счастливыя. Теперь такихъ обѣдовъ
 Не водится: они на рѣдкость и въ Литвѣ.
 Мы стали подражать французамъ, да Москвѣ,
 Забыли про токаю и пѣемъ чужія вина
 Заморскихъ погребовъ, гдѣ русскихъ половина;
 Иной богатый панъ живѣтъ какъ сущій жидъ,
 Скупится на пиры, венгерскимъ дорожить —
 И тутъ же, погляднись, съ безумнаго азарту,
 Вдругъ полъ имѣнія становится онъ на карту,
 Несметный капиталъ, которымъ десять лѣтъ
 Могъ прокормиться бы застанокъ иль повѣтъ,
 И было бъ выпито токаю чуть не море.
 Да вотъ не далеко... Яснѣйшій подкоморій,
 Прошу не гнѣваться на искренность мою:
 Что на сердцѣ ни есть, всё тайны выдаю...
 Когда готовялъ сервизъ я для пирушки,
 Нашли, что она похожа на дѣтскія игрушки,
 Машина старая; что нужно попросить,
 Что только насмѣшить вельможныхъ онъ гостей.
 А вотъ не насмѣшилъ! И я теперь покоенъ,
 Увида, что сервизъ вниманьемъ удостоенъ
 Такихъ высочихъ лицъ. Увы, уже Богъ-вѣсть,
 Достанется ль ему еще такая честь;
 Подчасъ и у меня, признаться, замирала

Душа... теперь прошу я пана-генерала
 Ту книжечку принять на память отъ меня:
 Панъ вѣрно доживѣтъ до радостнаго дня,
 Когда свободные литвины и Корона
 Для найяснѣйшаго отца-Наполеона
 Дадутъ по-истинѣ на удивленье пиръ,
 Какъ будутъ праздновать Европы цѣлой миръ:
 Въ то время призови на помощь книгу эту,
 Секреты дивныя, невѣдомыя свѣту;
 Я жъ панству разскажу подробно и исполнѣ,
 Откуда, гдѣ и какъ она досталась мнѣ.
 То книжка рѣдкая, какихъ не пишутъ болѣ...»

Вдругъ крикнули: «вивать нашъ Флюгеръ на Ко-
 стѣлѣ!»

И цѣлая толпа ввалилась, а предъ ней
 Судья, а вслѣдъ за нимъ — Матвѣямъ всѣмъ
 Матвѣй!

Хозяинъ усадилъ его между вождями,
 Сказавъ: «Эхъ, панъ Матвѣй! знать пану скучно
 съ вами:

Такъ поздно жалуешь, а близкій вѣдъ сосѣдъ!»
 — «Тѣмъ лучше!» молвилъ тотъ: «я здѣсь не про
 обѣдъ,

А видѣтъ армию пріѣхалъ въ Соплицово,
 Хоть, правду говоря, она ни то, ни ово.
 Меня замѣтили вотъ эти господа,
 Схватили подъ руки и ну тащить сюда.
 А я было-хотѣлъ взглянуть лишь только въ щелку!»
 Сказалъ и къ верху дномъ перевернулъ тарелку.
 — «Такъ вотъ онъ, панъ Матвѣй!» сказалъ Дом-
 бровскій тутъ:

«Матвѣй, что Кроликомъ и Розгою зовутъ,
 Костюшки нашего сподвижникъ разудалый!
 Какой еще крѣпшшъ, васанъ! скажи пожалуй!
 А вотъ меня совсѣмъ скрутила, братъ, война;
 Да и Князевица прошибла сѣдина:
 Всѣ сбрендили; а ты, по милосердыю божью,
 Еще потянешься долгонько съ молодѣжью!
 И Розга, чай, цвѣтѣтъ, какъ въ оны времена!
 Недавно москалей пощупала она,
 Я слышалъ. Хвать, братъ, хвать! А гдѣ жъ твои
 собратья?»

Желалъ бы отъ души и прочіихъ повидать я,
 Всѣхъ этихъ молодцовъ; ты всѣхъ мнѣ покажи,
 Пусть Перочинные и всякіе Ножи
 На сцену явятся, Кропители и Бритвы,
 И стародавнія собой напоминаютъ битвы!»

— «Всѣ эти лихачи», замѣтилъ панъ-судья,
 «Разбивши москалей, въ различные края

Попрятались, боясь подвергнуться отвѣту;
 Богъ-знаетъ, гдѣ теперь скитаются по свѣту;
 Быть-можетъ, гдѣ въ полкахъ!» — «У насъ вотъ,

напримѣръ,

Въ полку», вмѣшался въ рѣчь какой-то офицеръ,
 «Есть совершенное страшное лице съ усами,
 Котораго подчасъ пугаемся мы сами:

Кронитель; мы его прозвали Медвѣдѣмъ;
 Когда прикажете, въ минуту приведемъ!»

— «Есть разные еще!» вступился голосъ новый:

«Я знаю одного: на видъ такой суровый;
 Зовутъ его Горшкомъ; поставленъ въ первый рангъ.

Когда случается послать его во флангъ,
 Онъ вѣчно выѣдетъ съ какой-то мѣдной пушкой
 И мечетъ артикулъ онъ ею какъ игрушкой.»

На это генералъ: «Хотѣлъ бы я скорѣй
 Увидѣть старшаго изъ тѣхъ богатырей,

Что заповѣдалъ намъ, какъ чудо, вѣкъ старинный:
 Гдѣ этотъ великанъ, вашъ Ножикъ Перочинный,
 О коемъ я слышалъ такіа чудеса?»

— «Онъ также уходилъ въ дремучіе лѣса»,
 Хозяинъ отвѣчалъ. «Боялся: въ судъ потянуть
 За тотъ проклятый бой, допытываться стануть,

А послѣ и въ острогъ, пожалуй, упекутъ.
 Всю зиму странствовалъ; теперь онъ снова тутъ.
 Да вотъ онъ налицо является предъ вами!»

Взглянули — а въ сѣняхъ, надъ всѣми головами,
 Какъ мѣсяцъ, лысна огромная въ рубцахъ
 Сіяла; сунулся, опять застрѣлъ въ дверяхъ
 И съ шумомъ, наконецъ, какъ пушка или фура,
 По залѣ двинулась массивная фигура.

«Ясновельможный вождь! коронный гетманъ, панъ!

А можетъ генералъ. Но какъ бы ни названъ»,
 Такъ началъ ключникъ рѣчь, «едино всё для міра!

На вызовъ моего отца и командира
 Являюсь нынѣ съ тѣмъ моимъ сцызорикомъ,
 Который, ежели панамъ уже знакомъ,
 Какую ни-на-есть себѣ добывши славу,
 То не за надписи и то не за оправу,
 А то за подвиги: пришлось по ружѣ.

Наслышана Литва о томъ сцызорикѣ
 Давно изъ края въ край; по милости господней,
 Мы были съ нимъ вездѣ, чуть-чуть не въ пре-

исподней!

Онъ стѣдитъ, чтобъ его я нянчилъ какъ дитю:
 Такъ писарю перо не срѣзать на ногтю,
 Какъ сѣкъ онъ головы, гуляючи по свѣту;
 А что носовъ, ушей... о, нимъ и счету нѣту!

Но всё жъ позорныхъ дѣлъ не зналъ онъ за собой:
 Всегда ходили мы въ одинъ открытый бой,

Разъ только москала безъ бою порѣшдно,
 И то — pro publica utilitate bona!»

— «А, ну-ка покажи!» сказала Сцызорикъ
 Домбровский. «Важный мечъ! да это хоть быку
 Отрѣжетъ голову, хоть жубру: нѣтъ сомнѣнья!
 Да! нечего сказать, достоинъ удивленья!»

И сталъ онъ сцызорикѣ осматривать кругомъ,
 Вертѣлъ, приподнималъ, смѣялся; а потомъ
 Собрались вѣругъ вождя иные офицеры
 И страшный этотъ мечъ, необычайной мѣры,
 Тоже силились поднять, но мало въ этотъ мигъ
 Нашлося, кто бы могъ какъ надо сцызорикѣ
 Взнести надъ головой. Одинъ майоръ Дверницкій,
 Да эскадрона шефъ, штабъ-ротмистръ Голубицкій,
 Приподняли его. Тутъ, выступя впередъ,
 Князевичъ сильною десницею берѣтъ
 Мечъ неподатливый — и во мгновенье ока,
 Какъ шпагу легкую, взмахнулъ его высоко,
 Провѣлъ по воздуху легонько два раза,
 Вдругъ молніей блеснулъ пирующимъ въ глаза
 И, фехтовальные припомнивши секреты,
 Какими щеголялъ еще въ былыя лѣты,
 Свободно выводитъ онъ сталъ надъ головой:
Крестовку, мельницу, ударъ прямой, кривой.

Гервазъ внимательно слѣдилъ за нимъ глазами —
 И вдругъ не выдержалъ... и залился слезами.
 «Такъ! такъ, родной отецъ! великій генералъ!»
 Воскликнулъ, весь въ слезахъ, и на когѣни палъ:
 «Брависсимо! знать, панъ служилъ конфедератомъ,
 Ходилъ на москалей со шляхтой, съ нашими братьями!
 Панъ дѣльно рубится, какъ истинный жолнѣръ!
 Вотъ Радултовскихъ взмахъ! вотъ Савича манерь!
 Ударъ Пулавскаго! А такъ, отставя ногу,
 Рубился Высогирдъ! А это, панъ, ей-богу,
 Я выдумалъ! ей-ей, то выдумка моя!
 И гдѣ ты это взялъ, Господь тебѣ судья?
 Извѣстенъ тотъ манерь лишь нашему застанку
 И называется по мнѣ — *ударъ-мопанку!*»

Всталъ и, Князевича въ объятія схвативъ,
 Сказалъ: «Теперь умру спокоенъ и счастливъ:
 Нашолся, кто рубить по-мдему умѣетъ,
 Кто дѣтище моѣ родимое пригрѣетъ!

Давно и день и ночь болѣю сердцемъ я,
 Чтобъ не заржавѣла рапира та моя,
 Когда состарѣюсь, когда въ могилу лягу...
 Теперь же есть кому носить такую шпагу.
 Эхъ, панъ, прости меня; покиньте вы рожны
 Нѣмецкіе! къ-чему годны они, нужны?

Всталъ и, Князевича въ объятія схвативъ,
 Сказалъ: «Теперь умру спокоенъ и счастливъ:
 Нашолся, кто рубить по-мдему умѣетъ,
 Кто дѣтище моѣ родимое пригрѣетъ!

Давно и день и ночь болѣю сердцемъ я,
 Чтобъ не заржавѣла рапира та моя,
 Когда состарѣюсь, когда въ могилу лягу...
 Теперь же есть кому носить такую шпагу.
 Эхъ, панъ, прости меня; покиньте вы рожны
 Нѣмецкіе! къ-чему годны они, нужны?

Всталъ и, Князевича въ объятія схвативъ,
 Сказалъ: «Теперь умру спокоенъ и счастливъ:
 Нашолся, кто рубить по-мдему умѣетъ,
 Кто дѣтище моѣ родимое пригрѣетъ!

Давно и день и ночь болѣю сердцемъ я,
 Чтобъ не заржавѣла рапира та моя,
 Когда состарѣюсь, когда въ могилу лягу...
 Теперь же есть кому носить такую шпагу.
 Эхъ, панъ, прости меня; покиньте вы рожны
 Нѣмецкіе! къ-чему годны они, нужны?

Всталъ и, Князевича въ объятія схвативъ,
 Сказалъ: «Теперь умру спокоенъ и счастливъ:
 Нашолся, кто рубить по-мдему умѣетъ,
 Кто дѣтище моѣ родимое пригрѣетъ!

Давно и день и ночь болѣю сердцемъ я,
 Чтобъ не заржавѣла рапира та моя,
 Когда состарѣюсь, когда въ могилу лягу...
 Теперь же есть кому носить такую шпагу.
 Эхъ, панъ, прости меня; покиньте вы рожны
 Нѣмецкіе! къ-чему годны они, нужны?

Всталъ и, Князевича въ объятія схвативъ,
 Сказалъ: «Теперь умру спокоенъ и счастливъ:
 Нашолся, кто рубить по-мдему умѣетъ,
 Кто дѣтище моѣ родимое пригрѣетъ!

Давно и день и ночь болѣю сердцемъ я,
 Чтобъ не заржавѣла рапира та моя,
 Когда состарѣюсь, когда въ могилу лягу...
 Теперь же есть кому носить такую шпагу.
 Эхъ, панъ, прости меня; покиньте вы рожны
 Нѣмецкіе! къ-чему годны они, нужны?

Всталъ и, Князевича въ объятія схвативъ,
 Сказалъ: «Теперь умру спокоенъ и счастливъ:
 Нашолся, кто рубить по-мдему умѣетъ,
 Кто дѣтище моѣ родимое пригрѣетъ!

Давно и день и ночь болѣю сердцемъ я,
 Чтобъ не заржавѣла рапира та моя,
 Когда состарѣюсь, когда въ могилу лягу...
 Теперь же есть кому носить такую шпагу.
 Эхъ, панъ, прости меня; покиньте вы рожны
 Нѣмецкіе! къ-чему годны они, нужны?

Всталъ и, Князевича въ объятія схвативъ,
 Сказалъ: «Теперь умру спокоенъ и счастливъ:
 Нашолся, кто рубить по-мдему умѣетъ,
 Кто дѣтище моѣ родимое пригрѣетъ!

Давно и день и ночь болѣю сердцемъ я,
 Чтобъ не заржавѣла рапира та моя,
 Когда состарѣюсь, когда въ могилу лягу...
 Теперь же есть кому носить такую шпагу.
 Эхъ, панъ, прости меня; покиньте вы рожны
 Нѣмецкіе! къ-чему годны они, нужны?

Всталъ и, Князевича въ объятія схвативъ,
 Сказалъ: «Теперь умру спокоенъ и счастливъ:
 Нашолся, кто рубить по-мдему умѣетъ,
 Кто дѣтище моѣ родимое пригрѣетъ!

Для насъ, для шляхтича десницы благородной,
Есть сабля польская, пристоевъ мечъ народный!
Мой милый сцюзорикъ владу у панскихъ ногъ:
Прими его! вотъ всё, что въ жизни я сберёгъ,
Что блюгъ я и хранилъ, что мнѣ всего дороже,
Что пѣстовалъ весь день и отходя на ложе;
Не разлучались мы: всю жизнь онъ былъ со мной;
Жены я не имѣлъ — онъ былъ моей женой
И дѣтищемъ! Но вотъ и мнѣ онъ не подъ силу;
Сбирался вмѣстѣ съ нимъ я лечь уже въ могилу,
Почить, и что же? вдругъ, благодаря судьбѣ,
Нашолъ наслѣдника — пусть служитъ онъ тебѣ!»

Князевичъ, тронутый такою простотою,
Сказалъ: «Но какъ же ты, коллега, сиротую
Останешься, отдавъ столь вѣрнаго слугу,
Жену и дѣтище? Скажи мнѣ, чѣмъ могу
Тебя вознаградить за даръ такой безцѣнный?»
— «Эхъ, панъ!» Гервазъ на то замѣтилъ, удив-
ленный:

«Да нѣшто я могу продать такой палашъ?
Цыбульскій проигралъ жену свою въ марьяжъ,
А я, коль отдаю — не иначе, какъ даромъ!
Довольно мнѣ того», прибавилъ ключникъ съ жаромъ,

«Довольно, что нашлась достойная рука...
Но помни: отпуская побольше темляка
И наискось маши отъ лѣваго отъ уха:
Такъ можно развалить отъ головы до брюха!»

Князевичъ взялъ палашъ, но, зная, не въ мѣру онъ
Пришолся и затѣмъ положенъ былъ въ фургонъ.
Что случилось съ нимъ потомъ и биться довелось ли
Попрежнему — никто не могъ узнать оносѣ.

Матвѣю Кролику Домбровскій тутъ сказалъ:
«А ты, коллега, что? Совсѣмъ, братъ, оплошалъ!
Костюшкинъ славный маршъ играютъ наши трубы,
А ты нахмурился, молчишь, развѣся губы!
Неужли гордый видъ залѣтнихъ тѣхъ орловъ
Не въ силахъ пробудить въ тебѣ весѣлыхъ сновъ?
Я думалъ, панъ Матвѣй, что выпьешь ты побольше
За здравье кесаря и за надежды Польши,
А ты... передъ тобой бокалъ, я вижу, пусть,
И ты не замочилъ своихъ ни разу устъ!»

— «Такъ, панъ», сказалъ Матвѣй, «да вы-то что въ
тревогѣ?

Два звѣра не живутъ никакъ въ одной берлогѣ,
А милость кесаря подбита вѣтеркомъ.
Что кесарь человекъ великій, что намъ въ томъ!

Какой намъ будетъ толкъ отъ этого союза?
Для Польши поляка давай, а не француза!
Дружины польскія! Нѣтъ, это, братцы, вздоръ:
Что слышу? гренадеръ, каноніеръ, сапѣръ...
Поляки? — просто сбродъ, ни на что непохожий,
Поль-пса и поль-козы, народъ ни къ чорту гожий!
Родная армія, Литва!... а главный штабъ,
Самъ видѣлъ я не разъ, по сѣламъ ловить бабъ.
Идете на Москву? Счастливая дорога!
Но, если кесарь вашъ безъ вѣры и безъ Бога
Затѣялъ тѣ дѣла, не будетъ проку въ нихъ!»
И тутъ, нахмурившись, Матвѣй опять затихъ.
Не по сердцу пришлись хозяину тѣ рѣчи.
По-счастью, публика готовилась ко встрѣчѣ
Еще одной четы: былъ это становой;
Но что случилось съ нимъ? гдѣ видъ его живой,
Неугомонныя движенія и жесты?
По приказанію блажной своей невѣсты,
Отрекшись кунтуша, надѣлъ французскій фракъ
И мѣрно выступалъ, краснѣя точно ракъ.
Когда бы вѣдали, какія нѣсъ онъ муки!
Совался и не зналъ, куда запрятать руки:
То вверхъ ихъ поднималъ, то книзу опускалъ,
То, позабывшись, онъ пояса искалъ;
Не зная самъ чему, преглуно улыбался...
Вдругъ Мацька увидалъ — и вовсе растерялся.

Матвѣй со становымъ давно ужъ былъ знакомъ
И даже дружбу вѣлъ, какъ съ добрымъ полякомъ;
Но, озадаченный теперь его нарядомъ,
Измѣрилъ онъ его такимъ сердитымъ взглядомъ,
Какъ варомъ обварилъ, и вымолвилъ: «дуракъ!»
Матвѣя до того взбѣсилъ французскій фракъ,
Что онъ, не поклонясь и не сказавъ ни слова,
Увѣхалъ. Между-тѣмъ невѣста становова
Спѣшила поразить всё воинство Литвы:
Уборъ изящнѣйшій отъ ногъ до головы!
Цвѣтовъ, брильянтовъ, блондъ — развѣянообильно;
А платье... Но, увы! перо мое не сильно
Всего изобразить, а развѣ кисть одна —
И та, я думаю, была бы не сильна.

ПѢСНЬ XII.

Весѣлый сельскій людъ о музыкѣ хлопочеть,
Окончили трапезу и въ плясъ пуститься хочеть;
Зовуть Тадеуша — но онъ, на сторонѣ,
О чѣмъ-то будущей нашоупывалъ женѣ:
«Я долженъ, Софія, по важному предмету
Бесѣдовать съ тобой и твоего совѣту
Спросить по совѣсти. Значительная часть

Имѣній на тебя должна по праву пасть;
 Твоими хлопны тѣ становятся рабами —
 И я располагать не смѣю ихъ судьбами.
 Теперь, когда у нихъ своя отчизна есть,
 Ужель еще должны ярмо неволи несть?
 Чтѣ нынче, чтѣ вчера — не всё ль для нихъ едино?
 Лишь только новаго получать господина.
 Нѣтъ спору, что у насъ народъ не угнетѣнъ,
 Но въ смерти, въ животѣ — ты знаешь, Богъ волѣнъ;
 Я — воинъ... послѣ насъ кто ими будетъ править?
 И вотъ, поэтому, имъ волю предоставитъ
 Хотѣлъ бы нынѣ я: отрѣзать имъ земли
 Участокъ, гдѣ они родились и росли —
 Земли, увлажненной слезами ихъ и пѣтомъ...
 Не это ль истиннымъ быть значить патриотомъ?
 Свободенъ — и другимъ свободу возврати!
 Цвѣтѣшь — и низшему тебя позволь цвѣсти!
 Могучъ, коли могу вдругъ цѣлому народу
 Судьбу переимѣнить! А ежели доходу
 Убавится у насъ — что жъ? я не прихотникъ
 И въ малому углу съ младенчества привыкъ.
 Но ты, мой милый другъ, но ты, мой ангелъ Зося,
 Скажи по правдѣ мнѣ, когда бы намъ пришлось
 Закабалить себя въ деревню на всегда,
 Ты не соскучишься? Ты, юные года
 Съ родными знатными прожившая въ столицѣ,
 Не будешь попрекать Тадеушу Соплицѣ?»

А Зося такъ ему отвѣтила на-то:
 «Я женщина — входить въ мужское ни во что
 Не смѣю; дать совѣтъ — мнѣ также очень рано;
 Готова всей душой исполнить волю пана.
 Чего желаетъ онъ, на всё согласна я;
 Гдѣ воля есть его, тамъ воля и моя.
 А чтѣ касается до знати, до столицы:
 Я помню только то, что я въ дому Соплицы
 Росла, воспитана и замужъ отдана.
 Вѣрь: Соплицово мнѣ родная сторона!
 Скучать мнѣ трудно тутъ: всё эти куры, утки
 Милѣ были мнѣ, чѣмъ тѣтушкины шутки
 И рѣзказни ея про Питеръ и Москву.
 Люблю хозяйничать и столько здѣсь живу,
 Что кое въ чѣмъ уже набрала-таки руку
 И скоро ключника возьму къ себѣ въ науку!»

А ключникъ на поминъ легѣкъ, какъ тутъ и былъ,
 Немного сумрачный: «Судья намъ говорилъ
 Объ этой вольности, да только я не чаю,
 Что много проку тутъ и счастья для краю.
 Чтобы на русскій то, или на нѣмецкій ладъ
 Не вышло! а тогда на кой имъ вольность ладъ?»

Конечно, сказано, что всё мы отъ Адама,
 Что хлопны, видишь ли, произошли отъ Хама;
 Жидамъ начало далъ сынъ Ноя, Іафетъ;
 Отъ Симы шляхта вся, а выше оной — нѣтъ.
 Затѣмъ мы прочими командуемъ и правимъ,
 А случай выпадетъ — пожалуй, и придавимъ!
 Хотя ксендзъ не то твердить, какъ выйдетъ на
 амвонъ —

Толкуеть, видите: то ветхій былъ законъ;
 Когда жъ Иисусъ Христосъ, хоть царскаго былъ роду,
 А въ ясляхъ родился, средь чорнаго народу,
 То этимъ всёхъ людей сравнилъ между собой.
 Быть такъ, когда ужъ такъ назначено судьбой
 И пани хотеть такъ моя ясновельможна —
 Аминь! Но буде мнѣ позволено и можно
 Пановъ предостеречь: скажу вамъ, что боюсь,
 Не стала бъ снова тутъ распоризаться Русь,
 Хозяиничать опять — и вольные селяне
 Вдругъ не попали бы въ казенные крестьяне.
 А сдѣлать шляхтой ихъ, дать волю, и притомъ
 Сказать, что вмѣстѣ съ тѣмъ и гербъ мы имъ даемъ:
 Пусть пани удѣлитъ козу въ зелѣномъ полѣ,
 А панъ свою луну съ подковой: этой волѣ
 Народъ поклонится до самой до земли —
 И тутъ ужъ не возьмутъ ни чорта москаля!
 А что до вашего, паны мои, дохода —
 Богъ милостивъ, авось! Не изъ такова рода
 Ясновельможная сенаторша моя,
 Чтобъ ручки допустилъ ея мозолить я.
 А вотъ, прошу мою усердно господиню
 Принять завѣтную горешковскую скриню
 Съ краями полную наследственнымъ добромъ,
 Камнями разными, и златомъ, и серебромъ,
 Сокровищъ стольника безчисленные склады:
 Златне поставцы, оружіе, оклады,
 Убранства древнія, что я берѣгу, какъ глазъ,
 Отъ алчныхъ москалей, а частью и отъ васъ —
 Прошу не гнѣваться — панове Соплицове!
 Да есть еще у насъ въ запасѣ на готовѣ
 Кубышка собственныхъ старинныхъ талерѣвъ,
 Отъ панскихъ милостей, щедроты и дарѣвъ.
 Я думалъ: доживу до лучшей переимѣны —
 И деньги тѣ сложу въ горешковскія стѣны,
 Чтобъ замокъ старій нашъ какъ прежде заблесталъ.
 Теперь, Соплица панъ, твоимъ слугою я сталъ:
 Позволь мнѣ у тебя на милостивомъ хлѣбѣ
 Остаться навсегда, въ какой ни есть потребѣ!
 Какъ нянюку старую къ дѣтямъ твоимъ возьми!
 Мнѣ жъ не учиться стать, какъ нянчиться съ дѣтьми:
 Авось вынянчимъ Горешковъ третье племя!
 Богъ дастъ тебѣ сына; теперь такое время —

Война, а говорятъ, что будто въ часъ войны
 Всегда не дочери рождаются, а сыны.
 Такъ вѣрно будетъ сынъ, боецъ на диво міру!
 Ты мнѣ ужь предоставь вправлять его въ рапиру!»

Едва окончилъ онъ — ужь возный направлялъ
 Къ нимъ важно шествіе — раскланялся, досталъ
 Какой-то страшный листъ изъ своего кармана:
 То вирши нѣжныя для пани и для пана
 Пшита, арміи фельдфебель, сочинилъ.
 Съ полсотни тѣхъ стиховъ, ужь возный возгласилъ,
 Порядкомъ надоѣвъ; когда жь дошолъ до мѣста:
О ты, звезда любви! изъ всѣхъ невестъ невеста!
Чьи взоры ясныя и дивный блескъ лица
Впервые мяткилъ стрѣль разять людей сердца:
Отъ взгляда твоего и мановенья длани
 Смолкаютъ тьма вѣ и утихаютъ брани —
 Тадеушъ поспѣшилъ скорѣй рукоплескать,
 Затѣмъ-чтобъ далѣе тѣхъ виршей не слышать;
 А ксѣндзь, взойдя на столъ и, обратясь къ народу,
 Панамъ данную провозгласилъ свободу.

Едва въ толпу крестьянъ проникла эта вѣсть,
 Привѣтъ свой госпожѣ спѣшать они принесть,
 Упасть къ ея ногамъ, ея коснуться платья:
 «Да здравствуютъ паны!» — «Да здравствуютъ
 собратья!»

Тадеушъ имъ въ отвѣтъ: «у насъ одни права:
 Да будутъ вольными Корона и Литва!»
 И въ войско понеслись тѣ сладкія слова.

Одинъ лишь панъ Бухманъ хотѣлъ переименовать
 Проектъ, комиссію особую назначить;
 Но такъ-какъ времени на это не нашлось,
 То нѣмецъ отошолъ, повѣся молча носъ.
 А тутъ ужь, на лугу, давно стояли парн:
 Съ народомъ пополамъ, уланы и гусары;
 Съ жупанами крестьянъ жѣшался эполетъ.
 Всѣ ждали трубачей; судья же, подошедъ
 Къ Домбровскому, шепнулъ: «Сегодня обрученъе
 Племянниковъ моихъ, и оттого стеченье
 Народу, со всего повѣта поселянъ;
 Покажѣсть свой оркестръ, ясновельможный панъ,
 Вели остановить. Стыдливыя дѣвицы
 И парни сельскіе привыкли подъ скрипичи
 Свой танецъ начинать: такъ будетъ имъ ловчѣй;
 А послѣ позовѣмъ и вашихъ трубачей.»

Далъ знакъ — весѣлая впередъ выходитъ скрипка,
 Смычковъ выплывавъ она пускаетъ шибко,
 Разорванный рукавъ по локоть засучивъ,

Прижавши бородой подставку, стиснувъ грифъ,
 Казалось, кобзаря звала на поединокъ,
 А онъ ужь тутъ-какъ-тутъ и парасъ нимъ волнонокъ:
 Какъ началъ онъ трубить, а тѣ за нимъ дудѣть,
 Сказалъ бы, что хотять на воздухъ улетѣть,
 Борся стараго пузатымъ мальчуганамъ
 Подобны. Стихли вдругъ. Цымбаловъ поселянамъ
 Хотѣлось; но никто не смѣлъ играть на нихъ
 При Янкелѣ, а онъ укрылся и притихъ,
 Какъ-будто нѣтъ его. Нашли; усердно просятъ
 И даже инструментъ художнику выносить;
 Но кланяется жидъ и самъ уходитъ прочь,
 Сказавъ, что нынче онъ до нихъ ужь не охочъ,
 Что огрубѣвшія, окрѣпнувшія руки
 Послушно вызывать утраченные звуки
 Не могутъ болѣе. Тутъ, съ ясностью чела,
 Невѣста къ Янкелю проворно подошла
 И, ручкой нѣжною артисту подавая
 Цымбаловъ молотки, свѣжа, какъ утро мая,
 Она промолвила: «Пожалуста сыграй!
 Ты знаешь нынче что: собрался цѣлый край
 Повѣтскихъ поселянъ ко мнѣ на обрученъе;
 Къ тому же этотъ день особое значенье
 Имѣеть: здѣсь у насъ народныя вожди,
 А ты упрямышся; ну, самъ ты посуди
 И вспомни, что давно играть мнѣ обѣщался
 На свадьбѣ!» Янкель-жидъ на это засмѣялся
 И въ знакъ согласія красавицѣ кивнулъ
 Сѣдою бородой, сѣлъ, пейсами тряхнулъ
 И съ гордостью вокругъ весѣлыми глазами
 Повѣлъ, какъ ветеранъ, покрытый сѣдинами,
 Когда зовутъ его опять на поле сѣчь
 И внуки подаютъ ему тяжелый мечъ:
 Сжѣтса дѣдъ сѣдой, поднявъ его рукою
 И чуя, что рука не измѣнитъ герою.

Молчанье. Инструментъ недвижимо лежитъ
 Передъ художникомъ. Поднявши руки, жидъ
 На мигъ оцѣпенѣлъ, слегка глаза прищура,
 Спустилъ — и грянула могучихъ звуковъ буря,
 Какъ-будто шумный дождь по струнамъ пролился
 И вихрей острые промчались голоса.
 Далися диву всѣ, но то была лишь проба —
 И снова молотки онъ сверху поднималъ оба.

Затѣмъ опять спустилъ. Едва звенить струна;
 Небесно-тихая гармонія слышна;
 Цымбалы замерли, поютъ и стонутъ глухо,
 Какъ-будто по струнамъ крыломъ звонила муха.
 Взглянувъ на небеса, художникъ вдругъ утихъ
 И вдохновенія просилъ себѣ у нихъ.

Затѣмъ, свой инструментъ измѣривъ мѣтеямъ
глазомъ,
Приподнялъ молотки и грануль ими разоумъ.

Слетѣлъ съ весѣлыхъ струнъ живой и рѣзкій звукъ,
Казалось, оркестръ военный грануль вдругъ,
Со всѣми ложками, тарелками, звонками —
И славный польскій тотъ, столь чтимый поляками,
Что мая третьяго въ Варшавѣ раздался,
Торжественно гремитъ; рокочутъ голоса
И сердце шевелятъ, и слухъ ласкаютъ вмѣстѣ.
Смѣётся молодёжь, едва стоя на мѣстѣ,
А думы стариковъ въ минувшее летать,
Въ тѣ дни, какъ въ ратушѣ собравшійся сенатъ,
Назначивъ короля, угоднаго народу,
Полякамъ возвѣщаль равенство и свободу.
Художникъ налегать на струны сталь свои,
Усилилъ голоса — и вдругъ, какъ свистъ змѣи,
Какъ дребезжаніе стекла, аккордъ фальшивый
Морозомъ пронялъ всѣхъ, и ропотъ боязливый
Прошолъ по всей толпѣ: всѣ думали, что онъ
Испортилъ инструментъ, иль взялъ невѣрный тонъ.
Не ошибался жидъ! Разрушилъ онъ нарочно
Гармонію, дотолъ звучавшую роскошно,
И долго по одной и той же билъ струнѣ
Пронзительно, пока стоявшій въ сторонѣ
Гервазъ не понялъ всё: закрывъ лицо десницей,
«Ахъ!» молвилъ, «знаю: то миръ подъ Тарговицей!»
И, жалобно запѣвъ, вдругъ лопнула струна.
Всѣ замерли кругомъ. Толпа поражена.
А музыка гремитъ тревожнѣй часъ отъ часу,
Съ басовъ на дисканты и вновь съ дискантовъ
къ басу.

Всѣ громче и сильнѣй по струнамъ бѣётъ артистъ.
Чу! маршъ, атака, штурмъ, громъ пушекъ, адеръ
свистъ,
Крикъ женщинъ, плачъ дѣтей такъ выразились живо,
Что дѣвы юныя дрожали боязливо,
А вмѣстѣ и народъ припомнилъ старину
И пѣсни грустныя про битвы и войну,
Про ихъ соотчицей безплодную отвагу,
Въ слезахъ и пламени потошленную Прагу —
И рады, что артистъ внезапно укротилъ
Тѣ звуки страшныя, какъ-будто въ землю вбилъ.

Едва пришли въ себя — ужъ музыка звучала
Опять; спокойная и тихая сначала,
Какъ-будто врвавшись изъ сѣтки пауза,
Мухъ нѣсколько поѣтъ. Но вотъ уже слегка
Густѣетъ каждый звукъ, слышнѣй и рѣзче тоны,

Соединяются аккордовъ легіоны,
Всѣ прибываетъ ихъ, всѣ болѣ всякій часъ —
И пѣсня старая мгновенно раздалась,
Знакома каждому мелодіею пышной:
«Удалый богатырь, скиталецъ горемышный,
Кому родимаго пріюта нѣтъ нигдѣ
И вѣки-вѣчныя онъ въ горѣ и въ бѣдѣ,
Свалился наконецъ и молвить черезъ-силу:
Копай, мой вѣрный конь, копытомъ мнѣ могилу!»
Узнали пѣсню ту, бывше вспомявъ дни,
Когда, похоронивъ отечество, они
Пошли Богъ-вѣсть куда, на край далёкій свѣта,
И тѣшила солдатъ въ чужбинѣ пѣсня эта;
Всякъ вспомнилъ, гдѣ онъ былъ, что свѣдалъ
перенёсъ,
Какъ много о землѣ родимой пролилъ слезъ —
И такъ стояли всѣ, чело свое понура...

Вдругъ подняли его: встаётъ аккордовъ буря:
Походъ! Согласно въ тактъ колышутся мечи
И въ трубы мѣдныя играютъ трубачи;
Послышался раскатъ, какъ-будто выстрѣлъ даль-
ный,
И вдругъ ударилъ маршъ завѣтный, триумфальный:
«Несгинетъ Польша ввѣкъ, покуда мы живѣмъ!»
То маршъ Домбровскаго, раздавшійся какъ громъ
И всѣхъ исполнившій невѣдомою силой:
Войска подъ этотъ маршъ пришли въ отчизнѣ милой!

Художникъ вдругъ умолетъ, дивясь будто самъ
Тѣмъ оживляющимъ, могучимъ голосамъ;
Упали молотки, свалился плечъ на плечи,
Уста невнятные нащоптывали рѣчи,
Ланиты вспыхнули румянцемъ и огнёмъ:
Всѣ вдохновенно преобразилось въ нёмъ;
Когда жъ, спустивъ глаза, увидѣлъ генерала
Домбровскаго, сильнѣй въ нёмъ сердце заиграло,
Не выдержалъ старикъ и громко зарыдалъ:
«Великій генералъ!» воскликнулъ: «долго ждалъ
Тебя литовскій край, какъ мы жиды мессію!
Живи, нашъ славный вождь, иди, гори Россію,
Взыграй мечёмъ своимъ, творящимъ чудеса!
Отець!» И жидъ опять слезами залился:
Онъ родину любилъ. Душой его высокой
Домбровскій тронуть былъ: десницей широкой
Взялъ за руку жидъ — тотъ на когѣни сталъ
И руку у вождя рыдая цаловалъ...

Часъ польскій начинать! Народъ шумитъ какъ море.
Вотъ къ Зосѣ подошолъ учтиво подкоморій,
Крутя свой сивый усъ, ей руку подаётъ,

Прося на полонезъ; вотъ выступилъ впередъ;
Тромбоновъ рѣзкіе послышались удары —
И живописныя группируются пары.

Пошли, раскинувшись въ обширныя круги.
На солнцѣ алые сверкають сапоги;
Бьётъ съ сабель яркій блескъ; играетъ поясъ литый;
А онъ какъ нехота вступаетъ въ бой открытый,
Но выразителенъ танцора каждый шагъ,
Движеніе всякое имѣетъ смыслъ и знакъ:
Вотъ сталь и пылкіе бросаетъ дамѣ взоры;
Вотъ, голову склонивъ, заводитъ разговоры;
Но та не слушаетъ привѣтовъ и рѣчей.
Конфедератку снявъ, онъ кланяется ей,
Вниманія прося учтиво и покорно.
Взглянула на него, но всё молчитъ упрочно.

Онъ шагъ укоротилъ, сердитый бросилъ взглядъ —
И засмѣялся вдругъ, ея отвѣту радъ.
Вотъ двинулся быстрой, размашисто, отважно —
И на соперниковъ посматриваетъ важно;
Вылѣты кунтуша закидываетъ въ тылъ,
А шапку на бекрень — и усъ свой закрутилъ:
Идетъ; но сзади рой соперниковъ упрямой —
Онъ далѣе отъ нихъ хотѣлъ бы скрыться съ дамой,
Остановился вдругъ и просить, чтобы шли;
Толпа пронесится, а онъ одинъ вдали;
Задумалъ обмануть соперниковъ: напрасно!
Они преслѣдуютъ восторженно и страстно,
Бѣгутъ — за саблю онъ хватается тогда,
Какъ-будто говоря: завистникамъ бѣда!
И самъ идѣтъ въ толпу настойчиво и смѣло;
Толпа раздвинулась — противиться не смѣла.
Группируются вновь, опять за нимъ летать.
Тогда межъ зрителей послышался «вивать»;
Тихонько про себя шептался строй передній:
«Пусть посмотритъ молодѣжь: быть-можетъ, то по-

слѣдній,

Который полонезъ умѣетъ такъ водить!»

И долго по лугу нестрѣющая нить
Живыхъ, весѣлыхъ паръ кружилась и ходила
И тысячи фигуръ затѣйныхъ выводила,
Віаясь по муравъ какъ исполнскій змѣй.
Сверкали войны одеждою своею,
Бряцавъ шпорами и звякая мечами —
А солнце, заходя, метало въ нихъ лучами.

Одинъ лишь не пошолъ, капралъ Добжинскій Саякъ:
Стоялъ и всё глядѣлъ, припомнивши, бѣднякъ,
Какъ сонъ мелькнувшіе, ребяческіе годы,
Густыя конопли, плетни и огороды,

И Зося милую; какъ прятался въ кусты;
Какъ подъ вечеръ носилъ ей изъ поля цвѣты;
Порой подсматривалъ, какъ куръ она кормила.
А сколько за нею досталось отъ Кропила!
Неблагодарная, забыла дочиста!
И съ горя рѣзаться пошолъ онъ въ три-листа,
Намѣреваясь потомъ пуститься въ пьянство:
Такъ было велико капрала постоянство!
А Зося весело танцуетъ посреди
Обширнаго двора; хотя и впереди,
Неуловимая, однакоже, для взгляда
Отъ яркаго, рутѣ подобнаго наряда,
Въ роскошныя цвѣты и въ ленты убрана,
Послушною толпою танцующихъ она
Предводитъ на лугу своимъ темнозелѣномъ,
Какъ ангель звѣздъ ночныхъ блестящимъ легиономъ
На темноголубомъ раздоліи небесъ.
Безсмѣнно вокругъ нея толпа густа, какъ лѣсъ.
Всѣ мѣсто подлѣ ней ревниво охраняють
И подкоморія отъ танцевъ оттѣсняютъ.
Домбровскій подошолъ — и онъ недолго былъ
Близъ Зоси: вмигъ ея другому уступилъ,
Тотъ третьему... но вотъ она уже устала;
Увидѣвъ жениха, въ минуту перестала
Плясать; пошла къ гостямъ, за нею и женихъ.

А вечеръ догоралъ невозмутимо-тихъ,
Подобенъ янностью воскреснувшему краю
Короны и Литвы. Лишь бѣлый облакъ съ краю,
Пророка свѣтлый день, румянцомъ пламенѣлъ
И таялъ медленно. Востокъ уже темнѣлъ
И тучки мелкія, чуть видныя для взгляда,
Какъ по лугу овецъ разсыпанное стадо,
Мелькали въ томъ углу, порой смыкаясь въ рядъ.
Вотъ пламенемъ сплошнымъ объялся весь закатъ;
Прощаясь, солнышко еще лучомъ блеснуло,
Склонило голову и за лѣсъ потонуло.

Но шляхта и въ ночи неутомно пѣтъ
За здравье кесаря, за шляхту, за народъ,
Потомъ за жениха съ невѣстою, а дагъ
За всѣхъ, кого добромъ въ Литвѣ припоминали.

И я на томъ пиру пилъ пиво и вино;
Что слышалъ, видѣлъ тамъ — предъ вами, вотъ оно!

Н. Бергъ.

I. МАССАЛЬСКІЙ.

Иосифъ Массальскій родился въ первыхъ годахъ нашего столѣтія въ Игуменскомъ уѣздѣ, Минской губерніи. По окончаніи курса въ мѣстной гимназіи, онъ поступилъ въ Виленскій университетъ, въ которомъ занимался преимущественно литературой. Пѣсни и басни — были всегда любимѣйшею формою, въ которую онъ облакалъ свои поэтическія произведенія. Еще до окончанія курса въ университетѣ, онъ былъ внезапно арестованъ и увезенъ въ Варшаву, гдѣ былъ опредѣленъ въ одинъ изъ квартировавшихъ тамъ полковъ рядовымъ. Носились слухи, что причиной его арестованія было какое-то письмо, написанное имъ на имя великаго князя Константина Павловича. Впослѣдствіи, уволенный изъ военной службы, Массальскій поселился въ Волынской губерніи и тамъ женился. Стихотворенія его были изданы въ двухъ томахъ въ Вильнѣ, еще во время его студенчества. Писалъ ли онъ послѣ — неизвѣстно. Массальскій умеръ на Волыни нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

ПРАВО МАМЕНЬКЪ СКАЖУ.

Что такое это значить:
Какъ одна я съ нимъ сижу,
Всѣ тоскуетъ онъ и плачетъ?
Право, маменькѣ скажу!

Я ему одна забота,
Но въ душѣ моей, вишь, лёдъ,
И глаза мои за что-то
Онъ бинжалами зовѣтъ.

Вишь, рѣзва я, непослушна,
Ни на мигъ не посижу...
Право мнѣ ужъ это скушно,
Право, маменькѣ скажу!

Подъ окномъ моимъ всё бродить,
Самъ съ собою говоритъ;
Какъ одна — онъ глазъ не сводить,
А при людяхъ — не глядитъ.

Но порой, какъ съ нимъ бываю,
И сама я вся дрожу,
И смущаюсь, и плачу...
Право, маменькѣ скажу!

Пусть она о томъ разсудитъ;
Вотъ уже я погляжу,
Что-то съ нимъ, съ бѣдняжкой будетъ?
Нѣтъ, ужъ лучше не скажу!

Н. Бергъ.

Б. ЗАЛѢСКІЙ.

Богданъ Залѣскій родился 2-го (14-го) февраля 1802 года въ деревнѣ Богатыркѣ, Кіевской губерніи. Воспитывался онъ въ городѣ Умань съ 1815 по 1819 годъ, послѣ чего отправился, вмѣстѣ съ своимъ землякомъ и ровесникомъ Гоцинскимъ, въ Варшаву. Затѣмъ Залѣскій былъ воспитателемъ дѣтей въ нѣсколькихъ польскихъ помѣщичьихъ домахъ, между прочимъ въ домѣ генерала Шембеа. Какъ поэтъ, Залѣскій пользуется большою извѣстностью между поляками. Въ поэтической отдѣлкѣ стиха онъ не имѣетъ соперниковъ въ польской лирикѣ XIX столѣтія. Предметъ его стихотвореній — Украина; матеріалъ — козацкая дума, малорусская пѣсня. «Нѣтъ ни одного польскаго писателя», говоритъ г. Снаровичъ, «который бы въ такой степени приближался къ идеалу объективной поэзіи, какъ Залѣскій, который бы такъ мало вносилъ въ эту поэзію своего собственнаго, личнаго: можно сказать, что онъ не господствуетъ надъ матеріаломъ, но находится въ такомъ подчиненіи этому матеріалу, какъ зеркало или эолова арфа, изъ которой каждое дуновеніе вѣтра извлекаетъ чудные звуки.» Къ сожалѣнію, недостатокъ широкаго философскаго образованія, лишалъ его всякой возможности выйдти изъ этого заколдованнаго круга чисто украинскіхъ представленій, въ слѣдствіе чего онъ не создалъ ни одного великаго и дѣльнаго произведенія. Въ своей поэмѣ «Духъ Степей» Залѣскій видимо силится создать нѣчто болѣе грандіозное, хотѣлъ представить всю исторію челоѣчества и даже закончилъ свое повѣствованіе предсказаніемъ будущаго, тѣмъ не менѣе поэма вышла не удачна по бѣдности содержания, не смотря на превосходные подробности. Первое изданіе стихотвореній Залѣскаго было напечатано въ 1841 году въ Парижѣ; въ слѣдующемъ году вышли его «Думы и Думки» въ Познани, а въ 1845 году — въ Львовѣ; въ 1847 году Брокгаузъ издалъ въ Лейпцигѣ его поэму «Духъ Степей», а въ 1851 году вышло въ Петер-

бургѣ полное собраніе его стихотвореній въ 4-хъ томахъ. Последнее изданіе стихотвореній Загбскаго, подъ заглавіемъ «Вѣщій ораторіумъ въ Думахъ и Думкахъ», вышелъ въ 1866 году въ Познани.

I.

ЛЕДАЩАЯ.

Ахъ, крикунъ мой пѣтухъ, чтобъ взяло тебя лихо!
Не сидится тебѣ на насѣсточкѣ тихо.
Аль не знаешь, что бѣдной мнѣ ночь коротка,
Что мнѣ хочется спать, а постеля жестка?

Такъ-вотъ вдругъ, на зарѣ, я горошкомъ и встала!
Не за-то ль, что вчера цѣлый день работала?
Будто впрямь работать велика мнѣ нужда —
Какъ не такъ! Я сама пригожѣ, молода.

А вчера меня мать спозаранокъ гоняетъ:
«Шла бы жито полоть: вышь—оно поспѣваетъ!»
Не полола я жита — совсѣмъ не могла:
Хоть ушла изъ избы, да въ бороздку легла.

Тамъ мнѣ въ руки давалися сами цвѣточки,
И свивалися сами въ такіе вѣночки,
Что хотѣлося только взглянуть и надѣтъ,
Да подумала: долго ли такъ загорѣтъ?

Я вернулась. Мать всё хлопочетъ, хлопочетъ
По избѣ: накормить дочку мнлую хочетъ
За работу, за-то, что вернулась домой
Ужъ такая усталая — Боже Ты мой —

Что лица нѣтъ на ней. Улеглась я на лавку
И kota поманила къ себѣ на забавку;
Жмурюсь, жмурюсь и вижу, что въ пряткѣ ужъ мать
Три кудели несѣтъ — и опять работать!

Только солнышко къ низу—какъ гляну я бодро,
Какъ вскочу, какъ схвачу коромысло и вѣдра,
Какъ порхну изъ избы удалѣй воробья,
Потому — ужъ куда черноброва-то я!

И ужъ тѣ на душѣ моей горя-заботы,
Да охочей чужой и повольной работы,
Что не ставлю въ укоръ парнямъ я молодымъ,
Коли вѣдра снесутъ мнѣ къ воротамъ самимъ.

И бранить меня мать съ тѣмной ночки до свѣта,
За мои молодья и глупья лѣта;

И не знаю, за что всѣ сосѣди корятъ,
И «ледащая» прямо въ глаза говорятъ.

Пусть бранятся, на сколько имъ станетъ охоты,
А ужъ встать не могу я съ вечерней работы:
Вѣдь не знаютъ, какъ бѣдной мнѣ ночь коротка,
И какъ хочется спать, а постеля жестка.

Л. Мей.

II.

ДВѢ СМЕРТИ.

Годъ они любилсь — на-вѣкъ разлучились,
И сердца обоихъ въ дребезги разбились.

Дѣвица томится во свѣтлицѣ новой,
А козаекъ уложенъ мать-сырой-дубровой.

Дѣвица понизла къ пуху-изголовью,
А козаекъ къ жувану, облитому кровью.

Дѣвичьи лѣбарства — мѣды-вареницы,
А козаекъ... хоть каплю бѣ подали водицы!

Дѣвицу вся сѣмья съ плачемъ обнимаетъ,
А козаекъ... ужъ воронъ каренуль и слетаетъ...

Оба отстрадали; грудь сожгло обонимъ —
И заснулъ оба вѣчнымъ сномъ-покоемъ.

Дѣвицу со звономъ, съ литіей зарюють,
А козаекъ... надъ бѣднымъ только волки воють...

Дѣвичью могилку холятъ и лелѣють,
А козачьи кости по-вѣтру бѣлѣють.

Л. Мей.

III.

С Т Е П Ъ.

Травы, травы и бурьянъ
Зеленѣютъ, шума полны:
Это — степь. Въ дали курганъ;
За курганомъ словно волны:
Это — взрытый, многомолвный
Твой, Украина, океанъ,
Гдѣ козаекъ ныряетъ, таится,
Плавалъ въ зелени и бился.

Здравствуй, славный рядъ гробовъ!
Сердце шлётъ тебѣ привѣтъ!
Здѣсь лилась родная кровь;
Гуль стоялъ на всѣ повѣты...
Табунамъ твоимъ — лѣтъ смѣты,
Не сочтѣшь твоихъ воловъ;
Воль же каждый, тукомъ пронять,
Въ благовономъ морѣ тонеть.

Надъ тобой — лазурный сводъ;
Рѣть въ нёмъ весь міръ крылатый:
Вотъ — орёлъ-знамѣнщикъ! вотъ
И соколъ, боецъ пернатый!
Тутъ и силой небогатый
Но пѣвучій родъ ведётъ
Свой напѣвъ тысяче-клирный,
Что звучитъ молитвой мирной.

Степи, степи! — мы срослись!
Мать одна у насъ вдовица —
Мы вѣдь кровные. Всмотрись:
Сходно-думны наши лица,
Да и дума — намъ сестрица:
Тѣ же ей черты дались,
Что съ таинственностью грустной
Дышуть рѣчью неизустной.

Слухъ за музыкой слѣдить:
Гуслебая, разсыпная —
Не поймѣшь, отколь гудить;
Томность, дикость въ ней степная;
Эта музыка родная
Замогильно говоритъ.
Эти ноты въ гуль, въ шумѣ —
Не подь ладъ ли нашей думѣ?

Дума, дума! — ты жива!
Здѣсь такъ вольно, такъ раздольно,
Что въ разлётъ летять слова;
Головъ же что-то больно...
Натерпѣлись мы довольно:
Освѣжится ль голова?
Дума! пусть бы намъ съ тобою
Степь дана была судьбою!

В. БЕНЕДИКТОВЪ.

IV.

КЪ ЦѢВНИЦѢ.

Товарищъ лѣтъ первоначальныхъ,
Живой повѣренный души,

Дрожащимъ звукомъ струнъ печальныхъ
Ты вздохъ и стонъ мой заглуши!

Пусть ропотъ твой съ моимъ сліанный,
Какъ сонъ, недугъ мой уснитъ;
Пусть отголосокъ твой желанный
Мнѣ сердце бѣдное смягчитъ.

Разлейся въ слѣзы, звукъ летучій,
Чаруя сердце, пѣжа слухъ,
Въ одной душѣ ищи отзвучій —
Пусть цѣлый міръ пребудеть глухъ!

Приманка счастья не касалась,
Порой надеждъ, къ моей веснѣ;
Душа страдала, волновалась
И не надѣялась вполнѣ.

Такъ за минутой шла минута...
Такъ вынуть лѣтніе цвѣты!
Когда жь послѣднаго приюта
Дождѣшься, праздный странникъ, ты?

Ахъ, вѣчность встрѣтить не опасно
Тому, кто жизнью запоздалъ:
Тамъ ясныхъ дней не ждуть напрасно,
Кавихъ я въ мірѣ ожидалъ!

Товарищъ лѣтъ первоначальныхъ,
Живой повѣренный души,
Дрожащимъ звукомъ струнъ печальныхъ
Ты вздохъ и стонъ мой заглуши!

Е. ШАХОВА.

V.

ЛЮБОРЪ.

Войско на отдыхѣ. Люборъ отважный,
Вожь сѣдовласый дружинъ,
Ночью глухой, на конѣ черногривомъ
Подъ гѣсу ѣдетъ одинъ.
Вѣтеръ хоругви вдали развиваетъ —
Гнутся онѣ и трещать;
Дичь разгоняя въ урочищахъ тѣмныхъ,
Въ лагерѣ пѣсни звучать.
Ѣдетъ онъ, юность свою вспоминая;
Удалъ сверкаетъ въ глазахъ;
Гордо побѣды свои считаетъ,
Мыслить о новыхъ бояхъ.

Ёдетъ онъ — вдругъ подлѣ стараго дуба
 Конь какъ бы вкопанный стагъ:
 Люборъ русалкою, при лунномъ сіяньи,
 Въ чащѣ густой увидалъ.
 Вьются онѣ передъ нимъ и кружатся;
 Въ очи имъ свѣтитъ луна;
 И обращается съ рѣчью такою
 Къ старцу-герою одна:
 «Люборъ воинственный, долго ли будешь
 Въ сѣчи стремиться душой?
 Старецъ, пора и о смерти подумать!
 Старецъ, пора на покой!
 Многие рыцари пали до срока,
 Въ юныхъ погибли годахъ:
 Матери стонуть и чахнуть невѣсты,
 Вѣкъ доживая въ слезахъ.
 Ты же поль-вѣка въ бояхъ отличался;
 Крови потѣки текли...
 Или въ кольчугу нетлѣнную боги
 Любора грудь облекли?
 Скоро умрѣшь ты — и свѣтлыя очи
 Вѣчнымъ закроются сномъ!»
 Смокла — и съ хохотомъ громкимъ русалки
 Скрылись во мракѣ ночью.

Снова въ лѣсу воцарилось молчанье.
 Вождь сѣдовласый дружинъ,
 Люборъ отважный, по тѣмному лѣсу
 Ёдетъ въ раздумьи одинъ;
 Ёдетъ и слышать — потѣкъ недалѣко
 Бурной волною шумить.
 Люборъ къ нему: непонятная жажда
 Грудь его жжотъ и томить.
 Вотъ и потѣкъ; онъ клокочетъ и злится,
 Плачетъ и стонетъ вода...
 Люборъ напился и лёгъ утомлѣнный,
 Лёгъ — и уснулъ навсегда.
 Конь богатырскій всё понялъ — стрѣлою
 Въ лагерь назадъ поскакалъ,
 Ржаньемъ унылымъ о смерти героя
 Вѣрнымъ войскамъ разсказалъ.
 Рыцари въ лѣсъ понеслися толпою.
 Небо блеснуло зарѣй.
 Рыцари ищутъ вождя дорогого,
 Ищутъ съ глубокой тоской.
 Долго искали они, но среди лѣса
 Тѣла его не нашли;
 Грустную пѣсню запѣли и скрылись,
 Скрылись въ туманной дали.
 Точно изваянь изъ мраморной глыбы,
 Люборъ недвижно лежитъ;

Подлѣ него заростають травою
 Шлемъ богатырскій и щитъ.
 Но лишь послышится шумъ непогоды
 Въ полночь, среди чащи лѣсной,
 Люборъ отважный встаётъ; у потѣка
 Ждѣтъ его конь вороной.
 Онъ на коня вороного садится,
 Вождь сѣдовласый дружинъ,
 И межъ деревьевъ, по тѣмному лѣсу
 Ёдетъ въ раздумьи одинъ.

П. Козловъ.

9. ОДЫНЕЦЪ.

Эдуардъ Антоній Одынецъ родился въ 1804 году въ деревнѣ Гейсгунахъ, Виленской губерніи, воспитывался въ мѣстной гимназій (1814—20) и потомъ въ Виленскомъ университетѣ (1820—23), гдѣ сошолся и подружился съ знаменитымъ Мицкевичемъ. По окончаніи курса, Одынецъ жилъ въ Варшавѣ, затѣмъ, въ 1827 году, уѣхалъ за границу, гдѣ путешествовалъ, вмѣстѣ съ Мицкевичемъ, по Германіи, Итали и Швейцаріи, а позднѣе — по Франціи и Англии. Въ 1837 году онъ возвратился въ Вильну и принялъ на себя редакцію «Всеобщей Энциклопедіи» (1838—39) и «Виленскаго Курьера». Стихотворенія Одынца были напечатаны въ двухъ частяхъ (Вильно, 1825—26). Въ 1829 году вышла въ свѣтъ его драма «Изора». Затѣмъ онъ издалъ цѣлый рядъ пространныхъ поэмъ изъ эпохи романтизма, въ польскомъ переводѣ, именно: «Пѣсни послѣдняго минестреля» — В. Скотта, «Невѣсту Абидосскую», «Корсара» и «Мазепу» — лорда Байрона, «Огнепоклонниковъ» и «Пери и рай» — Томаса Мура, трагедію Шиллера «Дѣва Орлеанская» и романъ В. Скотта «Дѣва Озера». Онъ также пытался создать историческую драму; но написанныя имъ драматическія произведенія — «Felicysta», «Barbara Radziwillowna», «Jerzy Lubomirski» и другія — не имѣли ни малѣйшаго успѣха.

1.

ДѢВУШКА И ГОЛУБЬ.

Ахъ ты, милый-миленькій,
 Ахъ ты, мой дружочекъ!
 Ахъ ты, непризнательный
 Бѣлый голубочекъ!

Еслибъ съ кѣмъ мнѣ вздумалось
Такъ распаловаться,
Развѣ бь онъ изъ рукъ моихъ
Сталъ тревожно рваться?

Али бѣднымъ дѣвицамъ
Ждать-пождать напрасно,
Чтобъ любили молодцы
Беззавѣтно-страстно?

Богъ вѣсть! — только на сердцѣ,
Что ни день, больнѣе...
Чѣмъ онъ горделивѣе,
Тѣмъ мнѣ и милѣе.

Богъ съ нимъ! Пусть голубчикъ мой
Голубицу мучить!
Пусть ему и теплое
Гнѣздышко наскучить!

О, теперь по ниточкѣ
Доберусь къ клубочку,
И за-то «спасибо» я
Молвию голубочку.

Кто ко мнѣ привѣтливѣй,
Съ тѣмъ я буду строже:
Пусть меня полюбятъ онъ
Беззавѣтно тоже.

Только пусть не вѣдаетъ
Тотъ, кому прискучить,
Что дѣвицу строгости
Голубочекъ учить.

Л. Мей.

II.

ПАРЕНЬ И ДѢВИЦА.

Дѣвка въ чистомъ полѣ
Ягоды собираетъ,
Вдругъ невѣсть отколѣ
Парень подъѣзжаетъ.

И пригожь и молодъ,
Будто макъ цвѣтникъ:
«Гдѣ тутъ ѣздить въ городъ,
Покажи, мой свѣтникъ?»

«Насъ въ сторону эту
Завесла охота;
Глядь: проѣзда нѣту —
Топи да болота.»

Запылала дѣва,
Будто розанъ алый:
— «Вотъ сюда намѣво
Поѣзжай пожалуй.»

«Нѣтъ дороги проще:
Видишь дѣсь кудравой —
Прямо къ этой рошѣ,
А оттуда вправо.»

«Гдѣ плетснъ, заборъ-ать,
Мельница и рѣчка,
Ужь оттолъ и городъ
Будеть недалечка.»

Свистнулъ онъ, дрогнула
Степь съ конца до краю...
Дѣвица вздохнула,
Отчего — не знаю.

Тѣмная дуброва —
Дѣвка тамъ гулеть;
Къ ней всё тотъ же снова
Парень подъѣзжаетъ:

— «Вашему народу
Чуть поддайся спросту —
Не найдешь ни броду,
Никакова мосту.»

«Вотъ повѣрь рассказамъ!
Этакъ я съ тобою
Угодилъ бы разомъ
Въ омутъ головою.»

— «Ну, ступай, коль хочешь,
Вонъ гдѣ, видишь, нива:
Ножи не замочишь
И доѣдешь живо.»

— «Ладно, попытаю!»
Молодца не видно...
Знаю-перезнаю,
Что ей стало стыдно.

Дѣвица по нивамъ
Цвѣтики собираетъ,
На конѣ ретивомъ
Парень подъѣзжаетъ —

И кричитъ далѣко:
— «Дѣвка, ну-те къ Богу!
Тамъ оврагъ глубокой:
Вотъ нашла дорогу!

«Я усталъ до смерти!
Этими путями
Ѣздить развѣ черти
Ночью за дровами.

«Эдакъ не годится —
Пропадешь пожалуй!»
Вспыхнула дѣвица,
Будто розанъ алыи.

Запылялъ онъ взглядомъ,
Прыгъ съ копя... подходить,
Съ ней садится рядомъ,
Разговоръ заводитъ.

Такъ шептались мило
За полночь далече...
Жаль: за вѣтромъ было
Не слышать ихъ рѣчи.

Какъ-то понемногу
Разобралъ я только,
Что ужъ про дорогу
Не было и толку.

Н. Бергъ.

III.

СЛЕЗЫ.

Если вежнѣемъ судьбы или долга
Бьѣтъ намъ разлуки минута,
Если бросаемъ, быть-можетъ, надолго,
Уголь родного пріюта —
Жаркія слѣзы въ часы разставанья
Жгутъ, словно пламень, ланиты:
Только послѣднее наше свиданье,
Милый мой другъ, вспомани ты!

И для меня на далѣбой чужбинѣ
Солнце родное затмилось.

Наше грядущее въ этой пустынѣ
Мглою непроглядной закрылось;
А на бывшее смотрю я сквозь слѣзы:
Сладостны слѣзы съ мольбою!
Всѣ мои чувства, всѣ мысли, всѣ грѣзы
Полны теперь лишь тобою.

Если же Богъ наградитъ ожиданья
Любящихъ, вѣрныхъ до гроба —
О, какъ при этомъ желанномъ свиданьи
Сладко заплачутся оба!
Что, что сравнится съ такими слезами,
Съ этимъ живительнымъ плачемъ!
Скоро ли, другъ ненаглядный, мы сами
Таеъ при свиданьи заплачемъ?

М. Петровскій.

В. ПОЛЬ.

Викентій Польша, одинъ изъ самыхъ извѣстнѣйшихъ современныхъ польскихъ поэтовъ, родился 20-го апрѣля 1807 года, близъ города Люблина. Первые года своего дѣтства провелъ онъ въ Люблинѣ, гдѣ отецъ его служилъ и владелъ домомъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ Виленскій университетъ; въ 1830 году окончилъ курсъ и вслѣдъ затѣмъ отправился за границу, познакомился въ Дрезденѣ съ Мицкевичемъ, прожил нѣкоторое время на берегахъ Рейна, гдѣ ознакомился съ музою Беранже, полюбилъ его простыя, задушевныя пѣсни и рѣшился сдѣлаться для поляковъ тѣмъ, чѣмъ былъ Беранже для французовъ. Вернувшись на родину, Польша поселился въ Галицію, и первымъ плодомъ его воображенія, возбужденнаго родными картинами, была «Пѣснь о нашей землѣ», исполненная поэзіи, блестящая по языку. Затѣмъ онъ издалъ свои «Картины изъ жизни и путешествій» и написалъ рыцарскую поэму «Могортъ», которую можно признать за предисловіе къ «Пану Тадеушу» Мицкевича. За «Могортъ» послѣдовалъ цѣлый рядъ поэмъ и стихотворныхъ рассказовъ изъ шляхетскаго быта, матеріалъ для которыхъ у него былъ подъ рукою, такъ-какъ Галиція менѣе всѣхъ остальныхъ частей прежней Польши подвергалась измѣненіямъ со времени паденія Рѣчи Посполитой, вслѣдствіе чего нравы ея сохранили еще множество чрезвычайно характерныхъ особенностей. Лучшіе изъ этихъ рассказовъ: «Приключенія пана Бенедикта Влищц-

каго», «Сенаторское согласіе», «Вить Створжь», «Тѣтушка» и «Гетманскій хлопецъ». Въ 1848 году Польша получилъ мѣсто профессора въ Краковскомъ университетѣ, которое занимаетъ до-сихъ-поръ. Затѣмъ ему было поручено Галиціемъ сеймомъ изслѣдованіе Галиціи въ географическомъ и естественно-историческомъ отношеніи. Изданный имъ въ 1864 году сборникъ стихотвореній, подъ названіемъ «Пѣсни Януша», имѣли большой успѣхъ. Во время послѣдняго польскаго возстанія, Польша читалъ въ Львовѣ публичныя лекціи о польской литературѣ. Курсъ этотъ былъ напечатанъ въ 1865 году. Кромѣ вышеупомянутыхъ сочиненій, Польша написалъ нѣсколько прекрасныхъ балладъ, легендъ и тому подобныхъ стихотвореній, пользующихся большою извѣстностью въ современной польской литературѣ. Полное собраніе его сочиненій было издано въ Вѣнѣ въ четырехъ томахъ.

У К Р А Й Н А .

Какъ волынскій край оставишь,
 Да къ востоку путь направишь —
 Развернѣтся предъ тобой
 Ширь Украины золотой.
 Степь — весь міръ какъ на ладони...
 Чтѣ за псы тамъ! чтѣ за кони!
 И кругомъ — просторъ, просторъ:
 Всюду волю рыщетъ взоръ.
 Вотъ — распутиѣ Стой телега!
 Вѣтеръ съ моря: то-то нѣга!
 Кровь играетъ; весь — огонь,
 Чутко ухомъ водить коня.
 Путь свой, въ бездну эту прянувь,
 Измѣрай числомъ кургановъ!
 Сталь козацкаго коня
 Искрой бѣетъ, какъ лучъ сквозъ тучи.
 Пыломъ юности винучей,
 Степь, влопочеть жизнь твою!
 Къ Понту, къ морю-великану,
 Къ тихо-шумному Лиману
 Днѣпръ торопится, бѣжитъ;
 На вершинѣ величавой
 Лавра блещетъ Божьей славой:
 Всѣ тутъ сердцу говорить!
 Водный путь здѣсь полнъ тревоги:
 Здѣсь — Днѣпровскіе пороги;
 Отъ пороговъ черезъ доль
 Мчатся по вѣтру орѣлы;
 Въ камышахъ, во мракѣ ночи,
 Ярко блещутъ волчьи очи...

Чуть нагрянетъ ураганъ —
 Серна мигомъ притаится,
 И лукавая лисица
 Робко прячется въ бурьянъ...

В. Бенедиктовъ.

И. ГОЛОВИНСКІЙ.

Игнатій Головинскій, извѣстный польскій литераторъ и переводчикъ Шекспира, родился въ 1807 году, прошолъ курсъ теологіи, былъ профессоромъ университета св. Владимира, въ Киевѣ, ректоромъ духовной римско-католической академіи въ Петербургѣ, архіепископомъ моголѣвскимъ и, наконецъ, митрополитомъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи. Во время своего пребыванія въ Киевѣ, Головинскій былъ душою шляхетскаго и ультра-католическаго литературнаго кружка, собиравшагося вокругъ извѣстнаго польскаго писателя Михаила Грабовскаго. Съ перѣздомъ Головинскаго въ Петербургъ и пріѣздомъ туда талантливаго польскаго романиста графа Ржевусцаго, вокругъ Головинскаго составилъ въ сороковыхъ годахъ цѣлый кружокъ польскихъ писателей, имѣвшій своимъ органомъ «Tygodnik-Petersburski». Головинскій извѣстенъ въ польской литературѣ какъ авторъ мелкихъ стихотвореній, правоучительнаго содержанія, нѣсколькихъ богословскихъ сочиненій, изъ которыхъ лучшія — «Пилигримка» и «Проповѣди», но всего болѣе, какъ переводчикъ драмъ Шекспира: «Гамлетъ», «Ромео и Джульетта», «Сонъ въ Иванову ночь», «Макбетъ», «Король Лиръ» и «Буря», изданныхъ въ двухъ томахъ въ Вильнѣ, въ 1840 году. Головинскій умеръ 19-го октября 1855 года въ Петербургѣ.

Л Е Г Е Н Д А .

Нѣкто неправдою кладъ захватилъ,
 Высыпалъ въ горшокъ и подъ печкой
 Спряталъ сокровище, пепломъ закрылъ
 И ни кому — ни словечка.

Хищникъ, при смерти внезапной своей,
 Знать и женѣ о томъ не дасть.
 Тайны хищенья ни кто изъ людей
 Даже и близкихъ не вѣдалъ.

Странникъ однажды вошелъ въ этотъ домъ,
Бѣдный, усталый, несмытый,
Проситъ даданья — склонился челомъ,
Рубищемъ жалкимъ прикрытый.

Тамъ всѣхъ родныхъ усадивши въ кружокъ,
Пиръ задавала хозяйка,
Для бѣдняка жъ изъ-подъ печки горшокъ
Вынула: «на, попросайка!»

Ничій съ молитвою взялъ и побрѣлъ:
Всяко даданіе — благо!
И за смиренье во мзду приобрѣлъ
Золота груды бѣдняга.

Такъ вѣковая легенда гласитъ:
Пусть де злой разумъ надменныхъ
Бѣдой насмѣшкой другихъ не азвтитъ!
Богъ награждаетъ смиренныхъ.

В. БЕНЕДИКТОВЪ.

Ю. СЛОВАЦКІЙ.

Юлій Словацкій, сынъ Евгенія Словацкаго, профессора словесности въ Виленскомъ университетѣ, родился 11-го (23-го) августа 1809 года въ г. Кременцѣ, Волынской губерніи. Онъ съ самой ранней молодости сталъ обнаруживать необыкновенныя способности, а восьми лѣтъ уже читалъ латинскихъ и греческихъ классиковъ въ подлинникѣ. Въ 1824 году Словацкій поступилъ въ Виленскій университетъ, окончилъ въ немъ полный курсъ и въ 1829 году вступилъ въ государственную службу по министерству финансовъ. Около этого времени онъ написалъ свои двѣ первыя трагедіи, «Марія Стюартъ» и «Миндовъ», и повѣсть изъ времёнъ тевтонскихъ войнъ «Гуго». Всѣ это было напечатано уже послѣ польской революціи 1831 года, въ Парижѣ; но ни трагедія, ни повѣсть не имѣли успѣха, такъ-какъ первая сильно напоминала Шиллера, а «Миндовъ» и «Гуго» были ни что иное, какъ рабское подражаніе «Гражинѣ» и «Конраду Валенроду» Мицкевича. Затѣмъ, Словацкій принималъ дѣятельное участіе въ польской революціи 1831 года, по окончаніи которой поселился въ Парижѣ и посвятилъ всего себя литературѣ. Послѣдовалъ цѣлый рядъ поэмъ, написанныхъ имъ отчасти во

время революціи, отчасти уже въ Парижѣ. Это были: эпическая поэма «Янъ Бѣлецкій», отрывокъ изъ которой, въ переводѣ Козлова, помѣщенъ въ нашемъ изданіи, стихотворная повѣсть «Змѣя», «Ламбро», рассказъ въ стихахъ, взятый изъ жизни греческихъ корсаровъ, и, наконецъ, повѣсти «Арабъ» и «Монахъ», отрывокъ изъ которой, въ русскомъ переводѣ, также помѣщенъ въ нашемъ изданіи. Въ 1836 году онъ переѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ написалъ свою драматическую поэму «Кордіанъ», имѣвшую большой успѣхъ. Затѣмъ, Словацкій посѣтилъ Италію, Египетъ и Іерусалимъ, а въ 1838 году вернулся въ Парижъ, гдѣ прожилъ цѣлыхъ три года безвыѣздно. Эти годы можно назвать самыми плодотворными въ его жизни. Не исчисляя всего имъ написаннаго въ это время, довольно будетъ сказать, что онъ въ эти три года создалъ три знаменитѣйшія свои произведенія, упрочившія его славу: трагедіи «Мазепа» и «Балладина» и неоконченный эпосъ «Беньовскій», въ родѣ Байроновскаго «Донъ-Жуана». Вообще, Словацкій имѣетъ почти такое же значеніе въ литературѣ польской, какое Гейне въ нѣмецкой и Байронъ въ европейской. Онъ былъ одаренъ огненнымъ и въ высшей степени подвижнымъ воображеніемъ, способнымъ создать идеалы, и бѣднымъ остроуміемъ, никого и ничего не щадившимъ, съ которымъ онъ осмѣивалъ всѣ идеалы и кумиры, всѣ произведенія собственной фантазіи, а наконецъ и самого себя. Въ 1842 году онъ вступилъ въ политико-религіозную секту полусумасшедшаго мистика Товянскаго, къ которой уже принадлежалъ Мицкевичъ, Гошинскій и многіе другіе извѣстные люди. Идеи, усвоенныя Словацкимъ въ этомъ мистическомъ кружкѣ поврежденныхъ людей, выразились въ изданной имъ въ слѣдующемъ году драмѣ «Князь Марекъ». Въ 1848 году онъ написалъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній «Автору трехъ псалмовъ», направленное противъ Красинскаго. Затѣмъ, пользуясь революціоннымъ движеніемъ въ Берлинѣ, онъ отправился въ Вратиславъ, къ своей матери, съ которой не видался слышкомъ двѣнадцать лѣтъ. Въ началѣ 1849 года онъ возвратился въ Парижъ, гдѣ и умеръ 3-го апрѣля того же года. Словацкій похороненъ на Монмартрскомъ кладбищѣ, гдѣ мать поставила надъ нимъ прекрасный памятникъ. Полное собраніе сочиненій Словацкаго было издано въ Парижѣ, въ 16 томахъ, а потомъ въ Лейпцигѣ, въ издаваемой Брокгаузомъ «Библіотекѣ Польскихъ Писателей» (1862, 4 т.).

ИЗЪ ПОЭМЫ «ЯНЪ ВЪЛЕЦКІЙ».

1.

Въ Брежанахъ шумный длится балъ;
 Всё тѣшитъ слухъ, плѣняетъ око...
 Иль Сигизмундъ изъ гроба всталъ?
 Или Венеціи далёкой
 Шумитъ весёлый карнавалъ?
 Забыты праздники и балы
 Съ-тѣхъ-поръ какъ царствуетъ Стефанъ,
 Тогда-какъ ярко блещутъ залы
 Дворца роскошнаго Брежанъ.
 По волѣ грознаго магната
 Воскресъ забытый маскарадъ;
 Парчѣй и золотомъ богато
 Чертоги пышные горятъ;
 Вокругъ струятся волны свѣта.
 Въ костюмы пышные одѣта,
 Веселье общее дѣла,
 Проходить свита короля.
 Но гдѣ же Бона молодая?
 Иль ядъ, угрюма и блѣдна,
 Варварѣ бѣдной льѣтъ она?
 По заламъ движется густая
 Толпа народа; всѣхъ времѣнъ
 И странъ виднѣются костюмы:
 Здѣсь ходить, въ думы погружонъ,
 Испанецъ гордый и угрюмый.
 Святимъ крестомъ украшенъ онъ;
 На нёмъ одежда дорогая;
 Тяжелый мечъ его блеститъ;
 Въ рукахъ испанца, замирая,
 Гитара томная звучитъ.
 Тамъ дѣва юная проходитъ,
 Вуалью скрытая густой.
 Съ ней обожатель молодой;
 Онъ черныхъ глазъ съ нею не сводитъ.
 На дѣвѣ розовый вѣнокъ:
 Она — Неаполя цвѣтокъ;
 Его жъ ласкали, нѣги полны,
 Адриатическія волны.
 Онъ съ грустью имъ «прости» сказалъ —
 И съ милой родиною растался:
 Какъ дожъ, онъ съ моремъ обвинчался,
 Какъ Тассъ — и плакалъ и страдалъ.
 Но вдругъ пришло въ волнение балъ:
 Дія волшебное сіянье,
 Явилась маска — царства фей
 Святое, чистое созданье:

И мракъ и свѣтъ сливались въ ней.
 Всѣ любоваться ею стали:
 Къ ней всё влечётъ. Ея нарядъ
 Изъ драгоценной сдѣланъ шали;
 Алмазы крупные горятъ,
 Ея одежду осыпая,
 И нити жемчуга, сіяя,
 Въ волнахъ кудрей ея дрожатъ.

2.

Звучитъ набатъ; со всѣхъ сторонъ
 Стремятся дикіе татары;
 Ложаются трупы, слышенъ стонъ;
 Алѣетъ зарево пожара.
 Но кто ихъ грозный атаманъ?
 Кто ихъ паша, ихъ предводитель?
 И какъ онъ могъ изъ дальнихъ странъ
 Попасть въ далёкую обитель?
 И на грабѣжъ и въ грозный бой
 Ихъ неустанно направляетъ
 Какой-то витязъ молодой
 Въ чалмѣ съ серебряной луной.
 Вокругъ всё рушится, пылаетъ,
 Кровь льѣтся — всюду смерть и адъ,
 А мечъ вождя — литой булатъ —
 Своихъ ножонъ не покидаетъ;
 Лишь взоръ искрится, какъ вилжалъ,
 И проситъ крови. Въ свѣтлый залъ
 Ворвался вѣтеръ: гаснуть свѣчи,
 Лишь въ лампахъ тусклый свѣтъ дрожитъ.
 Съ брежаскимъ паномъ ищетъ встрѣчи
 Татарскій вождь — и вотъ стоитъ
 Онъ передъ нимъ, мечѣмъ сверкая.
 О, небо! этотъ мечъ не разъ
 Сверкалъ въ тяжелой битвы часъ,
 Поля родныя защищая.
 На нёмъ, въ насѣчкѣ золотой,
 Пречистой Дѣвы ликъ святой
 И гербъ виднѣется богатый,
 Наслѣдство славной старинны:
 Звѣзда и свѣтлый рогъ луны,
 А надъ луною шлемъ пернатый.
 Блеснула сталь — и панъ упалъ
 Въ крови. Татаринъ засмѣялся:
 Тоской и злобою звучалъ
 Ужасный смѣхъ и повторялся
 Протяжнымъ эхомъ ряда залъ.
 И незнакомка услышала
 Тотъ смѣхъ пронзительный, какъ жало:
 Раздался стонъ, тяжелый стонъ —

Тоски и мукъ былъ погонъ онъ —
И на полъ бѣдная упала,
Какъ бы сражонная грозой;
Въ ней жизнь, казалось, перестала
Играть. Татаринъ молодой
Упалъ предъ нею на колѣна.
Онъ хочетъ жизнь въ неѣ вдохнуть
Дыханьемъ пламеннымъ: изъ плѣна
Освободилъ младую грудь,
Целуетъ страстно очи милой,
Зовѣтъ еѣ, но зовъ унылый
Не слышенъ ей: предъ нимъ она
Лежить, какъ статуя, блѣдна;
Коса распущена густая,
Разорванъ розовый вѣнокъ;
Чело волнами покрывая,
Душистыхъ локоновъ потокъ
Скользитъ по ней; закрыты очи...
Но что за шумъ? Кругомъ горить...
И онъ поднять еѣ спѣшитъ —
И исчезаетъ въ мракѣ ночи...

3.

Она очнулась. Боже, гдѣ она?
Предъ ней встаетъ прошедшаго видѣнье...
Вокругъ нея и мракъ и тишина;
Она на всё глядитъ въ недоумѣнья.
Въ часовнѣ замка блѣдная луна
Бросаетъ свѣтъ печальный и унылый.
Темно и страшно. «Ты ли это, милый,
По-прежнему стоишь передо мной?
Твой лобъ закрыть турецкою чалмой:
Сними еѣ, и дай мнѣ въ упоенья
Взглянуть хоть разъ на милыя черты!»
Онъ снялъ чалму. Тяжелое мгновенье!
«О, милый мой! какъ страшенъ, блѣденъ ты!»
Онъ засмѣялся; грудь рвалась отъ муки;
Тяжелый смѣхъ молчанье пробудилъ —
И простоналъ онъ: «да, я измѣнилъ:
Я ренегатъ!» И трижды эти звуки,
Отчаянья и ужаса полны,
Съ насмѣшкой злой были повторены
Дрожащимъ эхомъ, другомъ разрушенья.
«Когда сіяло счастье надо мной»,
Онъ продолжалъ, исполненный волненья:
«Я былъ инымъ — и сердцемъ и душой;
А нынѣ мнѣ всё шепчетъ объ измѣнѣ
И отверженья страшнаго печать
Лежить на мнѣ. Ужели мнѣ сіять,
Когда встанутъ страдальческія тѣни,

Когда, поправъ сновную любовь
Къ землѣ родной, я лью святую кровь
И слышу лишь проклятія и стоны?
Взгляни вокругъ: старинныя иконы
Пугаютъ взоръ; луной освѣщены,
Они теперь и блѣдны и темны,
Но только день, сіяя надъ полями,
Ихъ освѣтитъ весѣлыми лучами,
Они опять зажгутся, заблестятъ.
Такъ и лицо прожитый нами рядъ
Счастливыхъ дней блаженствомъ озаряетъ;
Но чуть по нѣмъ страданья лучъ скользнѣтъ,
Оно блѣднѣтъ и гаснуть начинается,
Тоска какъ флѣръ спускается — и вотъ
Могильный склепъ собой напоминаетъ.
Безцѣнный другъ! покинь родимый край!
Не покидай, мой другъ, не покидай
Несчастнаго! взгляни, какъ онъ страдаетъ!
Согрѣй его хладѣющую грудь,
Дай бѣдняку забыться и заснуть:
Въ его душѣ безмолвное мученье;
Склони въ нему сіяющій твой взоръ,
Чтобъ онъ забылъ, хотя бы на мгновенье,
Отчаянье, несчастье и позоръ;
Открой ему горячія объятія,
Страданья свѣи съ печальнаго лица...»
— «А мой отецъ?» — «Повинь, забудь отца!
Пускай онъ шлѣтъ тебѣ свои проклятія!
Пускай клянутъ отечество и братья!
Чего дрожать? Проклятье — звукъ пустой.
Есть чудный край: бѣги туда со мной!
Тамъ ты найдешь роскошныя палаты,
Въ садахъ тѣнистыхъ волны ароматовъ...
Друзей найдешь... тамъ ярче солнца свѣтъ...
Тамъ всё, тамъ всё — одной отчизны нѣтъ!»

П. Козловъ.

II.

ИЗЪ ПОЭМЫ «МОНАХЪ».

1.

ИСПОВѢДЬ.

«Подъ расой черной, въ кельѣ душной,
Кончаю я тяжелый путь
И покидаю свѣтъ бездушный.
Слабѣетъ духъ, мятется грудь...
Подъ головой моею камень —
На нѣмъ усну. Вокругъ меня

Темнѣть — гаснетъ жизни пламень;
 Какъ пальма степи вяну я.
 Съ душою полною гордыни,
 Когда-то, грозенъ и могучъ,
 Я былъ вождёмъ синовъ пустыни;
 Меня дѣлѣялъ счастья лучъ.
 Внимая голосу свободы,
 Глядя на неба звѣздный рой,
 Я забывалъ тоску невзгоды,
 Мирился съ горькой нищетою...

«Разъ, погруженный въ размышленіе,
 Я ѣхалъ — возлѣ ни кого —
 Какъ вдругъ плѣнительное пѣнье
 Коснулось слуха моего.
 Тревожа сонъ степи безлюдной,
 Тотъ гимнъ божественный въ горахъ
 Звучалъ торжественно и чудно
 И на землѣ и въ небесахъ.
 Къ нему восторженно я мчался —
 И вотъ всё ближе, громче онъ:
 То тихій колокола звонъ
 Во мракѣ ночи раздавался.

«Молились иноки... Во храмъ
 Вошелъ я въ страхъ и смятеньи...
 Горѣли свѣчи; дѣлось пѣнье;
 Кругомъ носился омиамъ.
 На стѣнахъ звѣзды золотыя
 Горѣли въ отблескахъ зори;
 Волнами свѣта облитые,
 Блестѣли ярко алтари;
 Какъ пальмы горъ, колонны храма
 Видѣлись, золотомъ горя...
 Вдругъ въ свѣтлыхъ волнахъ омиама
 Небесный ликъ увидѣлъ я.
 То ангелъ былъ! Одѣтъ лучами,
 По храму тихо онъ летѣлъ
 И лучезарными глазами
 Мнѣ въ душу тѣмную глядѣлъ.
 Творя горячія моления,
 Суля надежду, онъ парилъ...
 Я палъ во прахъ... Съ того мгновенья
 Я вѣрѣ предковъ измѣнилъ!...»

2.

ТѢНЬ ЗАРЯ.

«Ты услыхалъ мой стонъ унылый!
 Златые сны минувшихъ дней

Въ тебѣ воскресли съ новой силой —
 И образъ свѣтлый, образъ милый
 Душѣ представился твоей!

«Ты позабылъ стихи корана,
 Пророка гнѣва не боюсь...
 Не измѣняй сынамаъ Ирана;
 Храни святыню талисмана,
 Воини пророку въ смертный часъ!

Припомни: пламенныхъ явленій
 Пустыня свѣтлая полна;
 Надъ ней несѣтся рядъ видѣній:
 Я въ нихъ живу, какъ эти тѣни,
 Неуловима и блѣдна.

«Я на лучѣ дрожащемъ свѣта
 Къ тебѣ примчалась въ часъ ночной;
 Любовью грудь моя согрѣта;
 Лицо, съ улыбкою привѣта,
 Сіяетъ прежней красотой.

«Холоднымъ призракомъ могилы
 Я не пришла тебя пугать...
 Свѣтла, какъ ангелъ легкокрылый,
 Хочу по прежнему, мой милый,
 Тебя дѣлѣять и ласкать.

«Желаньемъ правиться объята,
 Я очи вспрыснула росой,
 Лицо горитъ лучомъ заката
 И кудри полны аромата,
 Какъ розы раннія весной.

«Ужъ близокъ часъ послѣдней муки,
 А близъ тебя монахъ сидитъ
 И крестъ твой сжимаетъ руки:
 Онъ намъ сулитъ тоску разлуки,
 Разлукой вѣчною грозить.

«Забудь его — падѣтъ преграда
 И ты со мной сойдѣшься вновь
 Въ странѣ, гдѣ нѣга и прохлада,
 Гдѣ мирно царствуетъ отрада,
 Гдѣ счастье вѣчно, какъ любовь.

«Тамъ зеленѣютъ кущи рая,
 Иного солнца грѣетъ лучъ,
 Сіяетъ тамъ луна иная,
 Цвѣты цвѣтутъ не увядая,
 Потокъ прозраченъ и пѣвучъ.

«Презрѣвъ людское самовластье,
Мы улетимъ въ страну тѣней,
И тамъ, вкушая сладострастье,
Узнаемъ истинное счастье,
Вдали отъ свѣта и людей!

«Твой часъ насталъ... слабѣютъ силы...
Мой милый, смерть тебя зовѣтъ,
А ты молчишь... Прости, мой милый!
И на землѣ и за могилой
Разлука вѣчная насъ ждѣтъ!...

П. Козловъ.

ГРАФЪ С. КРАСИНСКІЙ.

Графъ Сигизмундъ Красинскій родился въ 1812 году въ Парижѣ, откуда, на третьемъ году, былъ привезенъ матерью въ Варшаву. Въ 1829 году онъ снова выѣхалъ за-границу, гдѣ пробылъ около трехъ лѣтъ, путешествуя по Германіи, Италіи, Швейцаріи. Въ Италіи онъ встрѣтился съ Мицкевичемъ и подружился съ нимъ. Въ 1832 году онъ вернулся, по желанію отца, въ Варшаву, побывавъ въ Петербургѣ и снова уѣхавъ за-границу. 1833 и 34 года онъ провѣлъ въ Вѣнѣ, потомъ жилъ въ Италіи и въ Римѣ, гдѣ написалъ своего «Иридіона». Познакомившись съ сьумасшедшимъ мистикомъ Товянскимъ, онъ было увлекся его ученіемъ, но скоро одумался и прекратилъ съ нимъ всѣ сношенія. Затѣмъ, до самой своей смерти, онъ безпрестанно переѣзжалъ изъ одного города въ другой, изъ одного государства въ другое, и скончался въ 1859 году въ Парижѣ въ то самое время, когда, получивъ телеграмму изъ Варшавы о смерти своего отца, собирался ѣхать въ Польшу. Аристократъ и римскій католикъ, онъ былъ всѣмъ сердцемъ привязанъ къ политическимъ и религіознымъ идеаламъ прошедшаго, но умомъ понималъ, что эти идеалы разбиты и что вырабатывающійся новый міръ никогда къ нимъ не возвратится. «Поэтъ развалинъ», говоритъ г. Спасовичъ, «онъ выразилъ свою трагическую скорбь о прошедшемъ и изобразилъ борьбу непривлекательнаго новаго съ великимъ, но омертвѣвшимъ прошлымъ въ цѣломъ рядѣ философско-символическихъ драмъ на манеръ Каульбаховой живописи, изъ которыхъ самыя замѣчательныя двѣ: «Иридіонъ» и «Небожественная комедія». Въ драмѣ «Иридіонъ», взятой изъ рим-

ской жизни, времѣнь Геліогобала, основная мысль та же, что и въ «Конрадѣ Валленродѣ» Мицкевича, но задача разрѣшается иначе. Иридіонъ, сынъ мести, погибаетъ самъ, не будучи въ силахъ разрушить ненавистный ему Римъ, и на развалинахъ Рима торжествуетъ не онъ, а христіанство. Въ «Небожественной Комедіи» описывается кровавая побѣда черни, совершающей социальную революцію во имя насущнаго хлѣба и устрояющей государство по своему, безъ дворцовъ и церквей, безъ заботъ о другихъ потребностяхъ человѣка, кромѣ матеріальныхъ. Страдая въ ожиданіи социальной революціи, Красинскій находилъ успокоеніе въ мистической вѣрѣ въ великое будущее назначеніе его народа. Той же мистической вѣрой одушевлены и другія его лирическія поэмы, какъ, напримѣръ: «Разсвѣтъ», «Псалмы будущаго» и другія. Два главныя произведенія Красинскаго, «Иридіонъ» и «Небожественная Комедія», написаны прозой и потому переводы изъ нихъ не могли войти въ предлагаемое изданіе, посвященное исключительно образцамъ славянской поэзіи, тогда-какъ слава Красинскаго преимущественно зиждится на этихъ двухъ произведеніяхъ. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать нашимъ читателямъ хотя нѣкоторое понятіе объ оригинальномъ стилѣ Красинскаго, мы помѣщаемъ здѣсь нѣсколько начальныхъ страницъ «Небожественной Комедіи» въ переводѣ Н. В. Берга:

1.

Звѣзды вокругъ главы твоей; подъ твоими ногами волны моря; на волнахъ моря радуга гонить предъ тобою и разсѣваетъ туманы. Чтò ни узришь — всё твоё: берега, грады и люди тебѣ принадлежать; небо тоже твоё — и мнится: ничто не превыситъ Славы твоей! Ты сыплешь чуждымъ ушамъ непонятныя, дивныя звуки; сплетаешь сердца и расплетаешь ихъ, какъ вѣнокъ, игралице перстовъ твоихъ; исторгаешь слѣзы, сушишь ихъ улыбкой и снова сдуваешь съ устъ улыбку на одно мгновеніе — на нѣсколько мгновеній — порою на-вѣки. Но чтò чувствуешь самъ? но чтò творишь самъ? чтò мыслишь? Отъ тебя бѣжитъ потокъ прекраснаго, но ты не прекрасенъ. Горе тебѣ, горе — дитя, плачущее на груди няньки! Полевой цвѣтокъ, не вѣдающій о своемъ благоуханіи, больше чѣмъ ты заслужилъ предъ Господомъ. Откуда жь возникъ ты, ничтож-

ний призрѣкъ, который даёшь чувствовать свѣтъ, но свѣту не имѣешь—не видалъ, не увидишь? Кто тебя создалъ во гнѣвѣ или въ припадкѣ ироніи? Кто далъ тебѣ жалкую жизнь, столь предательскую, что тебѣ удаётся на мигъ прикинуться ангеломъ, прежде чѣмъ застрянешь въ грязи, прежде чѣмъ, какъ червь, станешь пресмыкаться и задыхнешься въ тинѣ? Тебѣ и женщинѣ одно начало! Но и ты страдаешь, хотя твои муки ничего не создадутъ, ни къ чему не приведутъ. Стоя въ послѣднюю бѣднѣю станешь между звуками арфы небесныхъ. Твое отчаяніе и вздохи падаютъ внизъ; сатана ихъ собираетъ, весело подмигиваетъ ко своей жи и обманамъ—и Господь нѣкогда отречётся отъ нихъ, какъ они отреклись отъ Господа. Не на тебя, однако, я рошщу, Поэзія, мать Красоты и Спасенія! Несчастливъ только тотъ, кто въ мірахъ, начавшихъ существованіе и въ мірахъ, долженствующихъ скоро исчезнуть, грезить о тебѣ, чувствуетъ тебя—ибо ты губишь только тѣхъ, кто посвятилъ себя тебѣ, кто сталъ живымъ глаголомъ твоей славы. Благословенъ тотъ, въ комъ ты живёшь, какъ Богъ живётъ въ свѣтѣ, невидимый, неслышимый, проявляющійся въ каждой части его, великій Господь, передъ которымъ падаютъ ницъ творенія и восклицаютъ: «Онъ здѣсь!» Избранникъ сей будетъ носить тебя какъ звѣзду на челѣ своёмъ и не отдѣлится отъ любви твоей бездною слова. Онъ будетъ любить людей и выступитъ мужемъ посреди братьевъ своихъ. А кто тебя не сохранитъ, кто преждевременно измѣнитъ тебѣ и броситъ въ потѣху людямъ, тому уронишь ты нѣсколько цвѣтовъ на чело и отворишься, а онъ станеть тѣшиться увядшими цвѣтами и плести изъ нихъ вѣнокъ въ теченіе всей жизни. Ему и женщинѣ одно начало.

2.

Ангель хранитель. Миръ добрымъ! Благословенъ среди твореній, кто имѣетъ сердце! Онъ еще можетъ быть спасёнъ—явился для него жена добрая и цѣломудренная, и пусть родится дитя въ дому его. *(Пролетаетъ.)*

Хоръ злыхъ духовъ. Скорѣе, скорѣе, привидѣнія, неситесь къ нему! и ты впереди всѣхъ, тѣнь наложницы, вчера умершей! Освѣжонная мглой и убранная цвѣтами, дѣвица, возлюбленная поэта, вперѣдъ! И ты лети туда же, Слава, старое чучело орла, набитое въ аду, снятое съ кол-

ка, на которомъ повѣсилъ тебя осенью стрѣлокъ! лети, раскинь крылья надъ головою поэта, огромныя, бѣлыя отъ солнца... Выйди изъ-подъ нашихъ склеповъ, тѣнный образъ Эдема, созданіе Вельзевула! Залепимъ дыры и покроемъ ихъ лакомъ—и потомъ чародѣйское полотно свернись въ тучу и лети къ поэту, раскинься около него, окружи его скалами и водами, представь ему и ночь и день! Мать природа, обойми поэта!

3.

Дерева. Церковь.

Ангель хранитель *(паря надъ церковью)*. Если не измѣнишь влѣтѣ во-вѣки, будешь братомъ моимъ передъ лицомъ Отца небеснаго! *(Исчезаетъ.)*

4.

Внутренность церкви. Свидѣтели. Свѣча на altarѣ.

Священникъ *(вѣнчаетъ)*. Помните о томъ...

(Мужъ жмётъ руку жены и отдаётъ её родственнику. Всѣ, кромѣ мужа, выходятъ.)

Мужъ Я принялъ земной обѣтъ, ибо нашолъ ту, о которой мечтаю. Проклятіе главѣ мой, если я перестану её любить!

5.

Комната полная народомъ. Балъ; музыка; свѣчи; цвѣты.

Молодая *(вальсируетъ и послѣ нѣсколькихъ туровъ останавливается, печально встрѣчаетъ мужа въ толпѣ и опускаетъ голову на его плечо)*.

Молодой. Какъ ты прекрасна для меня въ своёмъ утомленіи! Цвѣты и жемчугъ пришли въ беспорядокъ на волосахъ твоихъ; ты пылаешь отъ стыда и утомленья. О, вѣчно, вѣчно будешь ты моею пѣснію!

Молодая. Буду вѣрною тебѣ женою, какъ твердила мнѣ мать, какъ твердитъ сердце. Но здѣсь столько народу... такъ жарко и шумно...

Молодой. Поди потанцуй еще, а я буду здѣсь стоять и смотрѣть на тебя, какъ иногда въ мечтахъ моихъ смотрѣлъ на рѣющихъ ангеловъ.

Молодая. Пойду, пожалуй, если хочешь; но я такъ устала...

Молодой. Прощу тебя, душа моя... (*Танца и музыка.*)

6.

Мрачная ночь; на небѣ тучи.

Злой духъ (*пролетая въ образъ дѣвицы*). Еще недавно бѣгала я по землѣ въ такую точно пору. Теперь дьяволы мною недовольны и велѣть мнѣ разыгрывать святую. (*Пролетая надъ садомъ.*) Цвѣты, срывайтесь и летите въ мои волосы! (*Летитъ надъ кладбищемъ.*) Свѣжестъ и прелестъ умершихъ дѣвъ, разлитыя въ воздухѣ, носящіяся надъ могилами, летите къ ланитамъ моимъ! Здѣсь разлагается черноволосая: мракъ ея кудрей повисни надъ моимъ челомъ! Подъ этимъ камнемъ два угасшихъ лазурныхъ ова: ко мнѣ, ко мнѣ огонь, который въ нихъ искрися! За этой рѣшоткой пылаетъ сто свѣчей — сегодня похоронили вняжну: атласная одежда, бѣлая какъ молоко, сорвись съ нея! Сквозь рѣшотку летитъ ко мнѣ одежда, шумя какъ птица крыльями. Дальше, дальше!

7.

Опочивальный покой.

Ночная лампа стоитъ на столѣ и слабо освѣщаетъ Мужа, спящаго подлѣ Жены.

Мужъ (*сквозь сонъ*). Откуда ты, давно-невидаемая, неслыханная? Какъ плыветъ потокъ, такъ движутся твои ноги, двѣ бѣлыя волны; священная тишина царствуетъ на челѣ твоѣмъ. Всѣ, о чѣмъ я грезилъ и что любилъ, слилось въ тебѣ! (*Пробуждается.*) Гдѣ я? А, подлѣ жены! Это моя жена! (*Всматривается въ жену.*) Я думалъ, что это ты мнѣ грезилась; но грѣза моя, послѣ долгаго перерыва, воротилась — и на тебя не похожа. Ты добрая и милая, а та... Боже, что я вижу — на яву!

Дѣвица. Ты измѣнилъ мнѣ! (*Исчезаетъ.*)

Мужъ. Да будетъ проклята часъ, когда я женился и бросилъ возлюбленную прежнихъ лѣтъ, мысль мыслей моихъ, душу души моею!

Жена (*пробуждаясь*). Что это — или ужь день — подана карета? — вѣдь намъ нужно сегодня ѣхать по дѣламъ...

Мужъ. Глухая ночь: спи, спи вѣриво!

Жена. Ужь не занемогъ ли ты, мой милый? Постой, я встану и дамъ тебѣ эяиру.

Мужъ. Засни.

Жена. Скажи, милый, что съ тобой? Ты говоришь не своимъ голосомъ, въ лицѣ жарь...

Мужъ (*порывисто*). Мнѣ нуженъ свѣжій воздухъ... Остаься — ради Бога не ходи за мною! не вставай, повторяю тебѣ еще разъ. (*Уходитъ.*)

8.

Садъ при свѣтѣ мѣсяца. За стѣною церковь.

Мужъ. Со дня женитьбы я спалъ сномъ оцпенѣлыхъ, сномъ плотоядныхъ, сномъ фабриканта-нѣмца подлѣ жены нѣмки... Весь свѣтъ какъ-будто заснулъ вокругъ меня, подражая мнѣ... Я ѣздилъ по роднымъ, по докторамъ, по магазинамъ и думалъ о кормилцѣ, потому-что у меня должно родиться дитя... (*Бьетъ два часа на колокольнѣ церкви.*) Ко мнѣ, прежній миръ, царство полное жизни и движенія, откливающееся мыслямъ моимъ, послушное моему вдохновенію! Звонъ ночного колокола былъ нѣкогда вашимъ знакомъ. (*Ходитъ и заламываетъ руки.*) Боже, Ты ли освятилъ союзъ двухъ существъ, Ты ли изрекъ, что никакая сила не разорветъ ихъ, хотя бы души пошли врознь, каждая въ свою сторону, а тѣла остались другъ подлѣ друга, точно трупы? (*Входитъ дѣвица.*) Снова ты здѣсь... О, ты, моя, моя! Возьми меня къ себѣ! Если ты ничто иное, какъ обманъ, если я тебя выдумалъ, если ты возникла изъ меня и теперь являешься мнѣ, пусть и я стану призракомъ, мечтою, дымомъ, только бы соединиться съ тобой. Во всякое мгновение я твой.

Дѣвица. Помни! Но пойдешь ли ты за мною, если я прилечу когда-нибудь за тобой?

Мужъ. Остаься — не разсѣвайся какъ сонъ. Если ты чудо изъ чудесъ красоты, если ты мысль надо всѣми мыслями, отчего ты не существуешь долге чѣмъ одно желаніе, одна мысль? (*Въ блуждающемъ домѣ отворяется окно.*)

Голосъ женщины. Другъ мой, холодъ ночи падетъ тебѣ на грудь; воротись, мое сокровище: мнѣ скучно одной въ этомъ черномъ, огромномъ покоѣ.

Мужъ. Хорошо... сейчасъ... Духъ исчезъ, но обѣщаль воротиться... Тогда прощай и садись, и доминокъ, и ты, созданная для садника и для домика, но не для меня!

Голосъ. Сжался — къ утру становится все холоднѣе и холоднѣе...

Мужъ. О, дитя мое!.. Господи! (*Уходитъ.*)

9.

Зала; двѣ свѣчи на фортепяно; въ углу колыбель съ спящимъ ребенкомъ.

Мужъ сидитъ въ креслахъ, съ лицомъ закрытымъ руками; Жьпа за фортепяно.

Жьна. Я была у отца Веніамина: обѣщала послѣ завтра...

Мужъ. Спасибо.

Жьна. Посылала также къ кондитеру, чтобъ приготовилъ нѣсколько тортовъ — ты вѣрно навзвалъ много гостей на крестины — знаешь, шоколадные, съ вензелемъ Юрія Станислава.

Мужъ. Спасибо.

Жьна. Дастъ Богъ, исполнится какъ слѣдуетъ обрядъ — и нашъ Юра станетъ настоящимъ христианиномъ. Хотя онъ и крещонъ уже водою, но всё мнѣ кажется, чего-то не достаётъ. (*Подходить къ колыбели.*) Спи, мое дитя! или тебѣ что приснилось, что ты сбросилъ одѣяльце? Вотъ такъ — теперь лежи спокойно! Юрѣ сегодня что-то не спится. О, мой крошка, мой ангелъ, спи!

Мужъ (*въ сторону*). Душно — парить: будетъ буря. Тамъ скоро грянетъ громъ, а здѣсь разорвется моё сердце...

(*Жьна возвращается, садится за фортепяно, играетъ, перестаётъ играть; снова начинаетъ и снова перестаётъ.*)

Жьна. Сегодня, вчера — о, Боже мой! — цѣлую недѣлю — даже три недѣли, мѣсяцъ — ты не скажешь со мною слова — и всё, кого не увижу, говорятъ, что я дурно гляжу...

Мужъ (*въ сторону*). Настала минута — ничто ея не отвратитъ! (*Громко.*) Напротивъ, мнѣ кажется, ты хорошо смотришь.

Жьна. Тебѣ всё равно, потому-что не глядишь на меня, отворачиваешься, когда я вхожу, и закрываешь глаза, когда я сажу близко. Вчера я была у исповѣди и припоминала себѣ всё грѣхи; но не нашла ничего такого, чѣмъ бы могла тебя оскорбить.

Мужъ. Ты ни чѣмъ не оскорбила меня.

Жьна. Боже мой! Боже мой!

Мужъ. Я чувствую вполнѣ, что обязанъ тебя любить.

Жьна. Ужь это мнѣ: «обязанъ, обязанъ!» Лучше скажи: «я не люблю тебя»; по-крайней-мѣрѣ я буду знать всё, всё. (*Вскакиваетъ и хватается дитя на руки.*) Его только не оставляй, а уж я всё снесу! дитя моё любя — дитя моё, Генрихъ! (*Становится на колѣни.*)

Мужъ (*вставая*). Не обращай вниманія на то, что я сказалъ: на меня находятъ часто такіа минуты — такая тоска...

Жьна. Объ одномъ тебя прошу — дай слово, что всегда будешь его любить.

Мужъ. И тебя, и его — вѣрь мнѣ. (*Цалуетъ её въ лобъ — а она обнимаетъ его руками. Въ эту минуту раздаётся ударъ грома, потомъ музыка, аккордъ за аккордомъ, всё диче и диче.*)

Жьна. Что это значить? (*Прижимаетъ дитя къ груди. Музыка утихаетъ.*)

Дѣвица (*входя*). О, мой милый! я приношу тебѣ благословеніе и восторги — ступай за мной! О, мой милый, сбрось земныя цѣпи, которыя тебя связываютъ! Я со свѣта иного, безъ конца, безъ ночи... Я твоя!

Жьна. Заступница святая, защити меня! Это привидѣніе блѣдно, какъ мертвецъ, очи угасли, голосъ точно скрипъ телеги, на которой везутъ трупъ...

Мужъ. Чело твое ясно, волосы усыяны цвѣтами, о, милая!

Жьна. Изорванный саванъ виситъ доскутьями у нея по плечамъ...

Мужъ. Свѣтъ разливается вокругъ тебя. Проговори слово — и я погибъ...

Дѣвица. Та, которая тебя удерживаетъ — ничто иное, какъ обманъ: жизнь ея мгновенна; ея любовь — древесный листъ, умирающій среди тысячи другихъ засохшихъ листьевъ; мнѣ же нѣтъ конца...

Жьна. Генрихъ, Генрихъ, закрой меня, зашлони: я слышу сѣру и запахъ могилы.

Мужъ. Женщина изъ глины и грязи, не ревнуй, не говори такихъ словъ, не богохульствуй! Взгляни — это первая мысль Бога о тебѣ; но ты послушалась змія и стала тѣмъ, чѣмъ есть...

Жьна. Я не пушу тебя.

Мужъ. О, милая! я побеждаю домъ и иду за тобою. (*Уходитъ.*)

Жьна. Генрихъ! Генрихъ! (*Падаетъ безъ чувствъ съ ребенкомъ на рукахъ. Второй ударъ грома.*)

I.

ПРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

Другъ мой, въ прошлое взгляни ты:
Помнишь южные берега,
Величавые граниты,
Вѣковѣчные снѣга?

Такъ далѣко, такъ высоко,
 Что едва достигнетъ око!
 А въ долину, а внизу,
 Съ горъ ручей бѣжитъ чуть-слышннй
 И раскидываетъ пышный
 Виноградъ свою лозу;
 И, въ обилии богатомъ,
 Скаты возносятся за скатомъ,
 Выше, ниже, тамъ и здѣсь,
 Скаты за скатомъ, предъ закатомъ
 Блещатъ серебромъ и златомъ —
 И наполненъ ароматомъ
 Розъ и лилій воздухъ весь.
 Всё, къ чему не обращаю
 Взоръ мой — съ краю и до краю
 Всё цвѣтѣтъ, подобно раю,
 Всё — Знждителя чертогъ:
 Эти доли и стремнины,
 Эти гордыя вершины,
 Эти льдины: тамъ единый
 Надо всёму и всюду — Богъ!

Скалы сумрачныя и диче;
 Вдаль уносится ладья:
 Въ ней со мною — Беатриче
 Ненаглядная моя.
 Изъ-за Альпъ луна восходитъ
 И волшебный свѣтъ наводитъ
 На утѣсы и на доль;
 И, въ волнѣ дробяся чистой,
 Вкругъ нея она лучистый
 Распустила ореолъ —
 И стоитъ Любовь поэта,
 Какъ святая, передъ нимъ,
 Въ море свѣта, въ блескъ одѣта,
 Ангелъ Божій — херувимъ.

Залита огнёмъ дорога...
 Прочь заботы! прочь тревога!
 Какъ легко, отрадно мнѣ!
 Мы летимъ на лодкѣ шибкой,
 Отражаясь въ влагѣ зыбкой,
 Въ чистой, зѣреальной волнѣ.
 Мы одни теперь съ тобою
 Надъ пучиной голубою,
 Въ этой райской тишинѣ!

Залита огнёмъ дорога...
 Вотъ ладья вошла въ заливъ...
 Прочь заботы! прочь тревога!
 Какъ божественно, какъ много,

Какъ глубоко я счастливъ!
 Всѣ печали, горе, смуты
 Въ эти сладкія минуты
 Я забылъ; душа полна
 Дивныхъ образовъ: ей снится,
 Ей, въ блаженствѣ этомъ, мнится,
 Будто тамъ встаетъ она,
 Наша *милая, святая*,
 Яркая, искристо блистая,
 Той же славой повитая,
 Какъ въ былыя времена...

Ясный мѣсяцъ не заходитъ
 И не хочетъ скрыть лица:
 Всѣ намъ свѣтитъ, всё уводитъ
 Вдаль насъ, вдаль насъ — безъ конца!

Берегъ, скалы, рощи — мимо!
 Вдаль летитъ неутомимо
 Наша лодка всё быстрой...
 Миръ исполненъ сна и лѣни...
 Ты склонилась на колѣни...
 Вотъ съ альпійскихъ къ намъ ступеней
 Сходятъ тѣни — миръ видѣній:
 Дай мнѣ, дай его скорѣй!

Н. Бургъ.

II.

Отъ слѣзъ и крови мутны и черны,
 Клубятся волны жизни, вѣчнымъ стономъ
 И скрежетомъ зубовъ оглашены.
 Въ туманѣ похоронномъ
 Бесплодный берегъ пропало исчезъ;
 А впереди далѣкій край небесъ
 Кровавымъ заревомъ пылаеть.
 Вокругъ плывущихъ мракъ сырой,
 Знобить ихъ стужа — и съ тоской
 И воплемъ каждый повторяетъ,
 Плыва во тьмѣ: «проклятыя надо мной!»

М. Михайловъ.

I. КРАШЕВСКІЙ.

Иосифъ Игнатій Крашевскій, одинъ изъ плодотвѣтнѣйшихъ и любимѣйшихъ современныхъ поль-

ских писателей, родился 14-го (26-го) июня 1812 года въ Варшавѣ, въ богатой дворянской семьѣ и провёл первые дни дѣтства въ домѣ своего дѣда. Первоначальное образование получилъ онъ въ школѣ ректора Прейса, въ Бялѣ, въ Люблинскомъ училищѣ и гимназіи въ Свпслочѣ, послѣ чего поступилъ въ Виленскій университетъ. По окончаніи полного курса въ этомъ послѣднемъ заведеніи, Крашевскій изъявилъ желаніе занять кафедру польскаго языка и литературы при университетѣ св. Владимира, въ Кіевѣ. По испытаніи, мѣсто это было назначено ему, но, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, онъ не могъ принять его — и удалился въ тишину частной жизни, чтобы предаться любимымъ своимъ занятіямъ: литературѣ, музыкѣ и живописи. Въ 1838 году онъ женился, и поселился съ своимъ семействомъ на югѣ Россіи, въ городѣ Житомирѣ, гдѣ прожилъ до начала шестидесятихъ годовъ. Въ настоящее время онъ живётъ въ Варшавѣ. Крашевскій можетъ назваться однимъ изъ плодovitѣйшихъ писателей нашего времени. Кромѣ шестидесяти томовъ журнала «Атенеи», издававшегося двадцать лѣтъ подъ его редакціею, издано имъ до ста томовъ своихъ собственныхъ сочиненій; изъ нихъ нѣкоторыя дожили до третьяго изданія. Не говоря о множествѣ повѣстей его, назовёмъ «Исторію Литвы», въ трёхъ томахъ, «Исторію Вильны», въ четырёхъ частяхъ, «Путешествіе по Волини и въ Одессѣ», «Памятники исторіи Польши», три большія поэмы изъ старолитовскихъ языческихъ преданій: «Витольдонда», «Миндовъ» и «Битвы Витольда». Всѣ сочиненія Крашевскаго носятъ на себѣ печать замѣчательнаго дарованія. Они отличаются вѣрнымъ изображеніемъ предметовъ, естественнымъ и вмѣстѣ эффектнмъ изложеніемъ и блестящимъ слогомъ. Въ основѣ каждаго его произведенія лежитъ какой-нибудь современный вопросъ, но проводится этотъ вопросъ болѣе сердцемъ, нежели головою. Онъ разсматриваетъ всякое общественное положеніе, чтобы объяснить его и присвѣтить разрѣшеніе на всѣ вопросы, волнующіе общество. Его обширныя свѣдѣнія дѣлаютъ ему доступнымъ каждый предметъ — и это даётъ ему почетное мѣсто не только между писателями своего отечества, но даже и между европейскими знаменитостями. Его сочиненія переведены не только на русскій и чешскій языки, но и на нѣмецкій и французскій.

I.

СЛАВЯНСКІЙ ПОЭТЪ РУССКОМУ.

Пой, молодой пѣвецъ! Твой не напрасенъ трудъ:
Твои слова миллионы братій ловятъ!
Твои соотчичи давно поэтовъ ждуть
И имъ вѣнки лавровые готовить.

У насъ — у насъ вездѣ и тѣсно и темно:
Намъ не сорвать съ прошедшаго печати!
Удѣлъ униженныхъ — отчаянье одно!
Какая пѣснь покажется имъ кстати?

Пой, молодой пѣвецъ! вся будущность — твоя!
Пой намъ о всѣмъ, что на сердцѣ вскипаетъ.
Пусть старцы, юноши — всѣ слушаютъ тебя,
Пускай вся Русь словамъ твоимъ внимаешь.

И если обо мнѣ ты вспомнишь — о чужомъ,
О злой судьбѣ твоихъ забытыхъ братій,
Прошу тебя, молю я только объ одномъ:
Не насмлай на насъ своихъ проклятій...

Довольно жаркой бой кипѣлъ въ странѣ родной,
Довольно ихъ легко — поверженныхъ безъ славы!
Пусть пѣснь согласія звучитъ надъ той страной,
Которую мочилъ такъ долго дождь кровавый.

Такъ пой — и пусть тебя признательный народъ
Рукоплесканьями, участіемъ встрѣчаетъ!
А насъ — насъ за труды иная доля ждётъ:
Насъ только смерть безславная вѣнчаетъ...

М. Петровскій.

II.

НЕУСТРАШИМЫЙ.

Солнце взошло и мерцаетъ кровавой слезой;
Небо свинцовое близко дышетъ грозой;
Съ шумомъ отъ сѣвера вѣтра спѣшитъ колесница,
Туча на ней выѣзжаетъ, и облако въ слѣдъ
Мчится за облакомъ: этихъ гонцовъ вереница
Падаетъ пологомъ тѣмнымъ на утренній свѣтъ.
Съ горныхъ вершинъ, вознесённыхъ въ селеніямъ
звѣзднымъ,
Выше всѣхъ ужасовъ жалкой юдоли земной,
Греблей воздушной плывутъ, лавируя по безднамъ,
Снѣжные вихри, какъ пыль по дорогѣ степной.

Грянули громы. Разгнѣваннымъ окомъ воззрѣло
 На землю небо, объятае смертнымъ огнѣмъ:
 Гордый червась-человѣкъ задрожалъ—и кругомъ
 Взорами грозное небо обводитъ песнѣю.
 Горе! Лишь кто-то одинъ, равнодушно на тьму
 И всекрушене взглянувъ, на высокую гору
 Твёрдо взошёлъ — и оттуда разгуль своему
 Далъ онъ далѣко простѣртому взору.

Гордый—надъ бурей, надъ громомъ и молніей онъ
 Молча стоялъ, весь въ раздумье своё погружонъ,
 Молча внималъ, не моргнувъ ни единожды окомъ,
 Страшнымъ раскатамъ грозы, раздиравшей всю
 твёрдь,
 Грозно сверкавшей въ пространствѣ бездонно-глу-
 бокомъ.

Зрѣнье зѣницъ, выразавшихъ уже полу-смерть,
 Въ божіе небо спокойно и смѣло вперяя,
 Мнилось, стремился онъ къ тѣмъ неземнымъ высо-
 тамъ
 Съ тайною думой предсмертной, какъ-будто желая,
 Высмотрѣть мѣсто себѣ еще за-живо тамъ.

Буря шумѣла и ливень всё лилъ,
 Шумно сбѣгая съ горы исполинской.
 Онъ былъ недвижимъ, лишь смѣхъ сатанинской
 Синія губы его шевелилъ.
 Съ грохотомъ небо кругомъ разрывалось,
 Пламенемъ адскимъ земля загоралась —
 Онъ же стоялъ, равнодушнѣ и глухъ ко всему:
 Гнѣвъ былъ небесный не страшнѣ ему.

Буря утихла. Ужъ быстро-летучи
 Прочь уносилися хмурия тучи;
 Снова, какъ утромъ, въ вѣнцѣ золотистомъ,
 Солнце заискрылось на небѣ чистомъ.

Вновь обозрѣлъ онъ вокругъ всё мѣста,
 Брови наморщилъ и стиснулъ уста:
 Мнилось, пыталъ онъ, чело свое хмурия,
 Точно ли смогла затихшая буря,
 Всё ли покончено? Думно тряхнувъ головой,
 Долъ оглянулъ онъ, рядъ домиковъ, хижинъ,
 Зеленъ и скѣлы въ одеждѣ ихъ мшисто-сырой,
 Всё оглянулъ онъ — и вновь неподвиженъ.
 Ниже взглянулъ: видитъ — пропасть зияетъ подъ
 нимъ,

Алчныя челюсти грозно разинувъ;
 Выше—потокъ низвергается съ ревомъ глухимъ,
 Волны свои съ высоты опрокинувъ
 Въ бездну, что ловить ихъ зѣвомъ своимъ.

Долго стоялъ онъ, и взоръ его дикій вперялся
 То въ эту землю, то въ сферу небесъ;
 Но лишь въ себя заглянулъ онъ: себя испугался,
 Вздрыгнувъ, шатнулся и въ безднѣ исчезъ.

В. Беньедиктовъ.

III.

ПѢСНИ МАРУСИ.

1.

Отъ чего такъ грустно мнѣ
 На родимой сторонѣ?
 Грудь моя съ печали вянетъ;
 Всё меня надежда манитъ
 Въ дальніе края...
 Полетѣла бь я!

Тамъ далѣко, за рѣкою,
 Есть красавецъ молодой:
 Скоро онъ ко мнѣ прискачетъ
 И съ собой возьмѣтъ; заплачетъ
 Мать моя тогда —
 Мнѣ опять бѣда!

Сердце рвѣтся и дрожитъ,
 Изъ очей слеза бѣжитъ;
 На порогъ родимый ногу
 Ставлю я, потомъ съ порогу
 Отступаю вновь...
 Помогн, любовь!

2.

Скоро въ путь я соберуся
 И покинну отчій домъ.
 Мама спроситъ: «гдѣ Маруся?»
 Скажутъ ей: «въ краю чужомъ!»

О, цвѣты мои! весной
 Кто васъ будетъ сберегать?
 Кто заботливой рукою
 Въ зной васъ станетъ поливать?

Кто пойдѣтъ съ бѣльемъ на рѣчку,
 Кто подниметъ тѣмъ-свѣтъ?
 Кто затопитъ рано печку
 И сострапаетъ обѣдъ?

Кто за вами, гуси, гуси,
 Станетъ такъ какъ я ходить?

Кто-то будетъ безъ Маруся
Васъ и холить и кормить?

И отворить утромъ кто-то
Хлѣвъ бурѣнушкѣ моей?
Въ часъ вечерній за ворота
Кто на встрѣчу выйдетъ къ ней?

Н. Бергъ.

Э. ЖЕЛИГОВСКИЙ.

Эдуардъ Желиговскій, въ польской литературѣ болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Антонія Совъ, родился въ 1820 году, въ Гродненской губерніи. Окончивъ курсъ въ университетѣ св. Владиміра въ Киевѣ, онъ уѣхалъ въ свою гродненскую деревню и занялся хозяйствомъ. Первымъ его стихотворнымъ произведеніемъ, имѣвшимъ въ свое время нѣкоторый успѣхъ и надѣлавшимъ много шума, была драматическая фантазія «Иорданъ», напечатанная въ Вильнѣ, въ 1846 году и перепечатанная въ слѣдующемъ году тамъ же. Фантазія эта подавала большія надежды, которыя, однако, не оправдались впоследствии. Затѣмъ Желиговскій былъ высланъ на житье въ Петрозаводскъ, а оттуда, въ 1853 году, въ Оренбургъ и потомъ въ Уфу. По возвращеніи своемъ въ 1857 году изъ ссылки, онъ прожилъ около двухъ лѣтъ въ Петербургѣ, гдѣ встрѣтилъ радушный пріемъ въ литературныхъ кружкахъ и былъ нѣкоторое время редакторомъ польскаго журнала «Слово». Здѣсь онъ написалъ едва ли не лучшее свое стихотвореніе «Друзьямъ-славянамъ», переводъ котораго помѣщенъ въ предлагаемомъ изданіи. Въ 1858 году Желиговскій напечаталъ въ Петербургѣ собраніе своихъ стихотвореній, подъ названіемъ: «Poezye Antoniego Sowy» и «Сегодня и Вчера». Затѣмъ, въ 1861 году, уѣхалъ за-границу и умеръ въ Жоневѣ 17-го (29-го) декабря 1864 года.

ДРУЗЬЯМЪ-СЛАВЯНАМЪ.

О, братья! хотъ у насъ отъ самаго рожденья
И вѣра, и языкъ — отдѣльные, свои,
Мы составляемъ всѣ единой цѣпи звѣнья,
Всѣ — дѣти мы одной разрозненной семьи.

Зачѣмъ же, за кого жь на крестное страданье
Его къ намъ вызвала небесная любовь,
Когда народный вопль, тревожное роптанье
И дѣло Каина творится въ мірѣ вновь?

Да! раздраженный братъ шолъ въ гнѣвъ противъ
брата,
Свершая на пути кровавыя дѣла;
И не за истину подъ остріемъ булата
Лилась родная кровь, свершалось столько зла.

Иудинъ сребренникъ, Каифы осужденье
Надъ кровію людской имѣють перевѣсъ.
Въ борьбѣ съ насліемъ, въ борьбѣ съ предубѣж-
деньемъ
Какъ счастья искать? Иль ждать во всемъ чудесъ?

А племя наше такъ раскинулось, созрѣло!
Лишь хартии его дѣяній перечестъ —
Повсюду встрѣтимъ въ нихъ величье слова, дѣла,
Вездѣ гражданскую возвышенную честь.

Не изрѣчѣмъ суда и мрачнымъ въ нихъ страницамъ;
Припомнимъ, что грѣшитъ порою весь народъ,
Народы цѣлыя, подобно частнымъ лицамъ:
То вспышка, произволь, преданій старыхъ гнѣтъ!

Humanum est! Простимъ! Но то для сердца больно,
Что помрачатся дѣянія людей.
Какой-то злобный духъ надъ нимъ своевольно
Распространяетъ мракъ темнѣе и темнѣй.

Такъ, знамя грубой лжи считается народнымъ,
И вызываетъ въ насъ безмысленный восторгъ,
Святое все слыветъ отверженнымъ, бесплоднымъ,
И честь дешовая выносятся на торгъ.

И дерзко демоны въ добро радиться стали,
Во знаменъи креста предвидя свой успѣхъ;
Но святотатство ихъ мы поняли, сознали,
И кровью и слезой мы свой омыли грѣхъ.

Теперь сознали мы къ какой стремимся гребъ:
Теперь не надо намъ чужихъ земель, знаменъ;
Мы всѣ нуждаемся въ одномъ насущномъ хлѣбѣ,
И тотъ насущный хлѣбъ — есть счастье племенъ!

Насущный хлѣбъ для насъ въ той истинѣ священной,
Что мы должны пролить за правду потъ и кровь;
Что, по ученію Спасителя вселенной,
Нашъ лозунгъ — братская къ собратіямъ любовь.

Вы, пережившіе чистилище страданій,
 Чья грудь огнёмъ любви и истины горить,
 Увѣруйте — пройдѣтъ эпоха испытаній:
 Согласіе средь насъ то чудо довершить.

И благо братій — намъ завѣтная награда
 За трудный подвигъ нашъ: оно нашъ кличъ къ сво-
 имъ.

Долой сомнѣнія — и вырвемъ мы у ада
 Божественную мысль, украденную имъ!

И демоны тогда глумиться перестанутъ
 Надъ вѣчной правдою, устроившею міръ;
 И братья, братьями поверженные, встанутъ
 И дружно потекутъ на всеславянскій пиръ.

М. Петровский.

Т. ЛЕНАРТОВИЧЪ.

Теофилъ Ленартовичъ родился 15-го (27-го) февраля 1822 года, въ Варшавѣ. Сынъ небогатыхъ родителей, онъ не получилъ хорошаго воспитанія въ дѣтствѣ: онъ даже не былъ въ гимназій, такъ-какъ, по окончаніи курса въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, стѣсненныя обстоятельства заставили его, въ 1835 году, поступить писцомъ въ канцелярію одного адвоката; затѣмъ, въ 1837 году, онъ опредѣленъ былъ аликвантомъ въ бывшій тогда судъ высшей инстанціи, а черезъ четыре года сдѣланъ штатнымъ канцеляристомъ. Въ 1848 году ему предложено было мѣсто помощника дѣлопроизводителя въ Коммиссіи Юстиціи, но онъ не принялъ его и уѣхалъ за-границу, гдѣ довершилъ свое скудное образованіе. Сначала Ленартовичъ поселился въ Фонтенбло и прожилъ въ этомъ городѣ до 1854 года, то-есть до своей поѣздки въ Италію, гдѣ онъ задумалъ поселиться окончательно. Въ Римѣ онъ сильно заболѣлъ, что заставило его перебраться во Флоренцію. По выздоровленіи, онъ вступилъ въ бракъ съ Софьею Шимановской, двоюродной сестрой жены Мицкевича и весьма талантливой художницей, написавшей нѣсколько замѣчательныхъ картинъ, приобрѣвшихъ извѣстность за-границей. Первые поэтическіе опыты Ленартовича стали появляться въ «Надвислянинѣ» и «Варшавской Библиотекѣ» — и были замѣчены публикою. По выѣздѣ своемъ за-границу, онъ напечаталъ, въ 1848 году, въ Краковѣ: «Четыре Образа» и 1-ю

часть «Картинъ Польской Земли» (2-я часть была издана въ 1850 году, въ Познанѣ). Съ переѣздомъ въ Италію, направленіе его музы измѣнилось — и онъ написалъ цѣлый рядъ сладенькихъ религиозно-сельскихъ произведеній, исполненныхъ манерности и отзывающихся упадкомъ искусства. Вотъ ихъ заглавія: «Восторгъ и Благословенная», «Лиренка» (Познань, 1855), «Святая Софья» (Познань, 1857) и «Новая Лиренка» (Варшава, 1859). Какъ на болѣе выдающееся изъ его многочисленныхъ стихотвореній можно указать на рассказъ «Савинскій», въ которомъ поэтъ описываетъ штурмъ Воли, взятіе костѣла и смерть генерала Совинскаго въ 1831 году. Эти стихи напоминаютъ «Редуть Ордона» Мицкевича. Въ настоящее время Ленартовичъ живѣтъ во Флоренціи и трудится надъ переводомъ «Божественной Комедіи» Данта. Полное собраніе стихотвореній Ленартовича издано въ 2-хъ томахъ, въ Познани, въ 1863 году.

I.

П Ъ С Н Я.

Мѣсяць ясный, въ поднебесьи
 Много видѣлъ ты чудесъ:
 Видѣлъ море голубое,
 Видѣлъ горы, степь и лѣсъ;
 И любовниковъ счастливыхъ
 Ты лучами освѣщаль,
 Но, по небу протекая,
 Милой сердцу не видалъ.

Если бъ милую увидѣлъ
 Съ чуднымъ пламенемъ въ очахъ —
 Закипѣлъ бы жгучей страстью,
 Задрожалъ бы въ небесахъ;
 Даже спрятавшись за тучу,
 Всѣ бы думалъ ты о ней
 И соткалъ бы ей корону
 Изъ серебряныхъ лучей.

П. Козловъ.

II.

ЛАСТОЧКА.

Вотъ идѣтъ краса-дѣвица,
 Тяжело вздыхаетъ,

А надъ немъ сиротою
Ласточка порхаётъ —

И порхаётъ, и щебечеть,
И кружить, и вѣтса:
Только-только что крылами
О косу не бѣтса.

— «Что ты вѣтса? что ты бѣтса?
Что съ тобою, пташка?
Не томи — и безъ того мнѣ
Жить на свѣтѣ тяжко!»

— «Не покину, не оставлю,
Друга не забуду:
Вмѣсто брата, надъ тобою
Щебетать я буду.

«Что ни зорька — братъ твой голосъ
Шлѣтъ мнѣ изъ темницы:
«Побывай, малютка-пташка,
«У моей сестрицы?»

«Всѣ ль еще она о братѣ
«Помнить, вспоминаетъ?
«Всѣ ль еще о безталанномъ
«Слѣзы проливаетъ?»

Н. ГЕРВЕЛЬ.

Л. КОНДРАТОВИЧЪ (СЫРОКОМЛЯ).

Людвигъ Владиславъ Кондратовичъ, извѣстный болѣе подъ своимъ псевдонимомъ *Владислава Сырокомли*, родился въ 1824 году, въ деревнѣ, арендуемой его отцомъ и лежащей недалеко отъ Минска. Сынъ бѣднаго шляхтича, Кондратовичъ прошолъ всѣ пять классовъ гимназій и на семнадцатомъ году уже поступилъ на службу въ канцелярію администраціи радзивиловскихъ имѣній. Страсть въ стихотворству развилась въ немъ очень рано: будучи пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже пользовался извѣстностью между своими товарищами, какъ поэтъ. И дѣйствительно, даже въ тогдашнихъ стихотвореніяхъ Кондратовича проглядывала его талантливая натура, которая впоследствии высказалась такъ блистательно въ цѣломъ рядѣ произведеній, исполненныхъ неподдѣльнаго чувства, добродушнаго юмора и истинной поэзіи.

Первымъ серьезнымъ трудомъ Кондратовича, явившимся въ печати, и обратившимъ на себя общее вниманіе, были переводы старыхъ польскихъ поэтовъ, писавшихъ по-латыни. Переводы отличались точностью, мастерствомъ отдѣлки и часто далѣко оставляли за собою подлинникъ. Вслѣдъ за тѣмъ дѣятельность Кондратовича приняла широкіе размѣры и сдѣлалась весьма разнообразною. Изъ-подъ Минска переѣхалъ онъ въ маленькое имѣніе, взятое на аренду его отцомъ, и лежащее въ верстахъ пятнадцати отъ Вильно. Вліяніе бывшей литовской столицы, центра умственной и общественной жизни всей Литвы, было плодотворно для развитія богато-одаренной личности Кондратовича. Здѣсь-то началъ онъ издавать рядъ своихъ поэмъ и легкихъ стихотвореній, поставившихъ его имя на ряду съ первыми поэтами Польши и обратившихъ на него общее вниманіе всѣхъ истинныхъ цѣнителей поэзіи. Лучшими изъ поэмъ Кондратовича, написанныхъ имъ въ это время, можно назвать: «Маргера», «Яна Демборога», «Каноника Перемышльскаго» и «Уласа», а изъ драматическихъ произведеній: «Избу въ гѣсу», «Деревенскаго политика» и «Каспара Карлинскаго». Несмотря на огромный успѣхъ его большихъ поэмъ и нѣкоторыхъ драматическихъ произведеній — всё это блѣднѣетъ передъ его мелкими рассказами, основанными болѣе частью на старыхъ литовскихъ преданіяхъ, или взятыми изъ быта бѣдной шляхты и простого народа, и поражающія читателя не глубиной идей, а благородствомъ направленія, сердечностью, простотою и изяществомъ формы. Въ этихъ рассказахъ Кондратовичъ достигъ высокаго совершенства. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что онъ обладалъ необыкновенно-звучнымъ стихомъ, и всѣ согласны въ томъ, что по красотѣ стиха Кондратовичъ, за исключеніемъ Мицкевича, не имѣлъ соперника въ польской литературѣ. Въ произведеніяхъ Кондратовича выдаются всего болѣе двѣ характеристическія черты, отличающія его своеобразное творчество; это — полная искренность выражаемыхъ имъ чувствъ, производящая обязательное впечатлѣніе, и тонкая, добродушная сатира, которою проникнуты многія изъ его мелкихъ стихотвореній. Во всѣхъ его сочиненіяхъ видно живое пониманіе прошлаго, основанное на глубокомъ, серьезномъ изученіи старины, что владѣтъ на его произведенія печать своеобразности. Изъ мелкихъ стихотвореній Кондратовича многія сдѣлались народными. Большая часть изъ

нихъ положена на музыку извѣстнымъ польскимъ композиторомъ Монюшко.

Не смотря на недостаточность своего школьнаго образованія, Кондратовичъ обладалъ обширною начитанностью, зналъ прекрасно латинскій языкъ, а также языки русскій, французскій и нѣмецкій, съ которыхъ много переводилъ. Работалъ онъ чрезвычайно быстро, такъ-что иногда цѣлую поэму оканчивалъ въ два, три дня. Въ эти дни онъ бывалъ всегда болѣзненно разстроены. Послѣ труда нервное раздраженіе, которымъ онъ постоянно страдалъ, доходило въ немъ до крайней степени. Можно сказать положительно, что каждому новому поэтическому произведенію онъ отдавалъ часть самого себя, въ буквальный значеніи этого слова. Въ образѣ своей жизни онъ отличался чисто-поэтической безпечностью, вслѣдствіе чего постоянно нуждался, не смотря на высокій гонорарій, платимый ему издателями. Немѣренный въ наслажденіяхъ, онъ рано растратилъ свои жизненные силы и безвременно сошелъ въ могилу, едва переживъ свой сороковой годъ.

I.

КУКЛА.

Не плачь, моя кукла, не будь своенравной:
Уменьшко сиди, не мотай головой!
Послушай — о чѣмъ говорили недавно
Папа и мамаша со мной.

Мнѣ въ празднику платье сошьютъ — заглядѣнье!
Я къ этому времени буду ужъ знать
Молитвы французскія: мы въ воскресенье
Поѣдемъ къ обѣднѣ опять.

А наши крестьяне — вотъ будутъ дивиться
И, слыша молитву, качать головой!
А мнѣ не прилично по-польски молиться,
Какъ-будто мужичкѣ простой.

Но тихо — по-польски просить буду Бога,
Чтобъ мнѣ хорошеѣтъ и рости поскорѣй,
Чтобъ далъ онъ папашѣ такъ много, такъ много
И бѣлыхъ, и желтыхъ грошей.

Ужъ какъ же папаша мой любить монеты!
И служить молебны, и въ церковь дарить:
«Господь — говоритъ онъ — заплатитъ за это,
И больше въ сто разъ возвратитъ.»

Такъ вотъ онъ и молитъ усердно у Бога —
И Богъ ему больше и больше даѣтъ;
И скоро накопится денегъ такъ много,
Что мы потеряемъ и счетъ.

Ахъ, кукла! какая ты, право, смѣшная!
Ты думаешь: Богъ къ намъ появится Самъ,
Иль спустится съ деньгами ангелъ изъ рая
И деньги отдастъ эти намъ?

Нѣтъ! явится жидъ въ длиннополомъ кафтанѣ,
И будетъ онъ деньги папашѣ носить;
За деньги мы купимъ крестьянъ, а крестьяне
Намъ будутъ и жать, и косить.

Ты знаешь ли кто мы? Мы — паны, я — панна,
А это — холопы, рабочій народъ;
Самъ Богъ имъ велѣлъ, чтобъ они постоянно
Трудились для насъ, для господъ.

Фи, какъ они грубы, нечисты и пьяны,
Въ дырявыхъ сермягахъ, всегда безъ сапогъ...
Да кто жъ виноватъ въ томъ! Не слушаютъ пана:
За-то и караетъ ихъ Богъ.

Папа любить лошадей, мамаша — собачку,
Холоповъ же всякій ругаетъ и бьѣтъ.
Хоть жалъ, а нельзя же давать имъ потачку:
Такой ужъ упрямый народъ.

Вчера вотъ: папа отдыхалъ въ кабинетѣ,
Они же — ну, право, ихъ мало бранятъ —
Вошли, натоптали слѣдовъ на паркетѣ:
«Встъ нѣчего, баринъ!» кричатъ.

За-то были выгнаны вонъ и прибиты...
Ну, право, когда я начну управлять —
Пока эти люди не будутъ всё сыты,
До-тѣхъ-поръ не лягу я спать!

Уснешь ли спокойно, когда тутъ толпится
Голодный народъ у окна, у воротъ!
Пожалуй, какой-нибудь нищій приснится
И въ сумкѣ съ собой унесѣтъ.

А пуще боюсь — не узналъ бы на небѣ
Господь; а Онъ добръ, говорятъ, къ бѣднякамъ...
Помолимся жъ, кукла, о деньгахъ, о хлѣбѣ —
Чтобъ далъ ихъ крестьянамъ и намъ!

A. C.

II.

ПРЕЖДЕ БЫЛО ЛУЧШЕ.

Нѣтъ! село у насъ стояло
 Краше въ старину!
 Да не быть порѣ бывагой:
 Что ни дѣвка — цвѣтикъ алый,
 Что ни паренъ — ну!

Васъ привѣлъ Богъ умудриться,
 А посмотришь — не спорится
 Ничего-то вамъ:
 На лугу цвѣты — крапива;
 И чахоточная нива,
 И пародь-то — срамъ!

Намъ, бывало, не помѣха —
 Снѣгъ и градъ съ дождѣмъ:
 Коль работаемъ — угѣха,
 А гуляемъ — такъ застрѣха
 Ходить ходенѣмъ.

Нынче люди не такіе:
 За работой — что больные,
 Съ чарки — подъ столомъ;
 А могучихъ дѣдовъ кости
 Почиваютъ на погостѣ
 Вѣковѣчнымъ сномъ!

Въ нимъ бреду въ морозъ и слякоть —
 Выпить жбанъ меда:
 По покойникамъ поплакать
 И съ могилкой поваляать
 Любо старику!

Л. Мѣй.

III.

Д У М А.

Здѣсь дни мои текутъ спокойно;
 Здѣсь хлѣба вдоволь и цвѣтовъ;
 И вечеркомъ пріятель добрый
 Потолковать со мной готовъ.

Средь яблонь, грушъ и дубовъ старыхъ,
 Отраднo въ этой мнѣ тиши.
 Еще одно бы только благо —
 Одно: спокойствіе души.

О, люди, братья! помолитесь
 За брата бѣднаго порой,
 Чтобы остылъ тревожной мысли
 Жаръ въ головѣ моей больной.

Чтобы мечтамъ моимъ крылатымъ
 Разсудокъ воли не давалъ,
 Чтобы о всеобщемъ, вѣчномъ счастьи
 Безумный я не помышлялъ!

А. Плещевъ.

IV.

КАПРАЛЪ ТЕРЕФЕРА И КАПИТАНЪ
ШЕРПЕТЫНА.

Хлѣбъ солдатскій — не ишеница,
 А припомнишь — сердце стиснетъ:
 Горько... что твоя горчица —
 И слеза въ глазахъ повиснетъ.
 Панъ подумаетъ: такая
 Наша молодость бывала,
 Какъ теперь у васъ, шальная,
 Что съ пеленъ старухой стала?
 Нѣтъ! похоже, да не то же:
 Гдѣ въ васъ сила? гдѣ въ васъ вѣра?
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Теререфера!

Вотъ теперь-то мы въ невзгодѣ
 Старики совсѣмъ ослабли,
 А въ двѣнадцатомъ-то годѣ,
 Какъ пришла пора до сабли...
 Эхъ! Вотъ видишь, панъ, петличку
 Съ алой лентою? А нутка,
 Какъ я эту взялъ отличку —
 Поспроси, такъ скажешь — жутко!
 Да! бывало намъ негоже:
 Голодъ, холодъ, лѣсъ — квартера...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Теререфера!

Ну, Смоленская дорожка!
 Что ни шагъ, то перестрѣлки...
 Въ ранцахъ хлѣба хоть бы крошка;
 А ужъ гдѣ тутъ до горѣлки!
 Подъ усадбкой одною
 Дали родныхъ. Чуть свѣтаеть;
 А козакъ за спиною,
 А морозъ такъ и кусаетъ.

Крестъ заглян съ могилы: что же?
 Не могилы святы — вѣра!
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Всѣ къ огню: хоть у лучины,
 Да согрѣть бы только пальцы,
 Всѣ — гасконцы и жмудины,
 И кракусы, и вестфальцы.
 Вспыхнулъ крестъ; огонь раздули,
 Хворостинокъ подожгли,
 Не добромъ морозъ ругнули,
 Съ пѣсней трубки закурили;
 А иной лёгъ спать — да тоже
 Вѣдь и сну бываетъ мѣра...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Лёгъ на снѣжной-то постелѣ,
 Да вотъ встать — не всталъ по-нынѣ;
 Развѣ встанетъ, въ-самомъ-дѣлѣ,
 Въ Есофатовой долинѣ.
 Ну, бывало, палашами
 Мы и выросемъ могилу,
 И съ молитвой, со слезами
 Сложимъ въ снѣгъ былую силу.
 Про другихъ болтать не гоже,
 А нашъ полкъ крѣпила вѣра...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Да, нашъ полкъ былъ въ капитана:
 Что по битвѣ, что до битвы,
 Каждый день онъ, раннимъ-рано,
 Намъ велитъ читать молитвы;
 Если жъ постъ когда настанетъ —
 Nolens, volens, а постися.
 Офицеръ его поманетъ,
 А солдаты имъ клялися.
 Человѣкъ былъ въ лѣтахъ тоже;
 Рѣчь — по маслу; взгляду мѣра...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Хоть была похмура мина,
 Да живѣемъ его изжарте —
 Камень... Звали Шерпетына,
 Потому — рубился арте.
 Для солдатъ весь на распахку;
 Есть нужда, такъ всѣ къ нему же:
 Дастъ послѣднюю рубашку;

Передъ фронтомъ — чорта хуже!
 Голосъ — нешто трѹбы строже:
 Оглушить и офицера.
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Со Смоленска — примѣчаю —
 Старый сѣлъ на обѣ ноги:
 Можетъ, раненъ по случаю,
 Можетъ, такъ усталъ съ дороги?
 Богъ же вѣдаетъ! Примѣрно
 Такъ былъ крѣпко вѣренъ роли,
 Что умри онъ съ боли — вѣрно
 Не узнали бы, что съ боли.
 По колъна снѣгъ, а все же
 Прѣтъ въ нѣмъ лучше гренадера.
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Чуть мы были на готовѣ,
 «Стройся!» крикнулъ онъ порядно:
 «На плечо!» Я вижу — брови
 Такъ и сходятся. Не ладно!
 По шеренгамъ всѣхъ оправилъ.
 «Прямо, маршъ!» Такой-то бравый;
 Только посмотримъ, анъ оставилъ
 На снѣгу онъ слѣдъ кровавый...
 И шатается онъ, тоже
 Словно веселъ, для примѣра...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Вотъ присѣлъ онъ на дорогу,
 Обвязалъ платочкомъ рану;
 Я и вышелъ на подмогу,
 Чѣмъ прійдется, капитану.
 А старикъ какъ крикнетъ: «Что ты!
 На чужую кровь глазѣешь,
 Терефера? Маршъ до роты!»
 Тереферой, разумѣешь,
 По полку прозвали тоже
 Хоть меня бы, для примѣра...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Эко зелье было злое!
 Экой поровъ непреклонный!
 Всталъ съ земли бодрѣ вдвое,
 Зашагалъ передъ колонной.
 Ладно! думаемъ мы: сказки!
 Невтерпѣжъ ему, бохвалить...

Кровь сочится севозъ повязки;
Усталъ съ ногъ сѣдого валить,
А шагаетъ... И вѣдь что же?
Оху нѣтъ!... Не та манера...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Ну, сломила мука хвата:
Застоналъ — и брякъ, что плаха.
Подскочили тутъ ребята —
Кто съ усердья, кто со страха,
Цѣлый взводъ поднять собрался:
Самъ не можетъ встать отъ боли;
А обозъ-то нашъ остался
Позади, въ Смоленсѣ, что ли.
Съ плечъ долой плащи мы: всё же
Хоть на нихъ снести командера...
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Отрызнулся жь онъ тогда-то
Такъ, что развѣ волку въ пору:
«Это что? изъ-за меня-то
Опоздать полку къ отпору!
Прочь! я съ вами не попутчивъ;
Я ужь въ спискахъ стѣртый нумеръ.
Заготовьте, пань-поручикъ,
Рапортничку, что я умеръ.
Гробъ не нуженъ мнѣ... да тоже
Не трубить! Одна химера!»
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Пань-поручикъ — что жь? по чину
Долженъ былъ его повинуть...
«Нѣтъ же!» думаю: «хоть сгину,
А ему не дамъ загинуть!»
Подхожу къ нему — не трушу,
Говорю: «по вольной волѣ,
Пань сгубить задумалъ душу;
Али любви снѣгъ, да поле?»
— «Коль идти не въ мочь, такъ что же?»
— «Мы доставимъ командера...»
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

— «Отойди ты прочь съ совѣтомъ,
Не болтай мнѣ ничего ты!
Мнѣ привезъ: проститься съ свѣтомъ,
А тебѣ свои заботы.
У тебя вонъ послабли

Рекрута, да и балуютъ:
Ружья держать, словно грабли,
И, гляди, какъ маршируютъ —
Ни на что вѣдь не похоже!
Гдѣ ровненье, ловкость, мѣра?»
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Говорить онъ: «крѣпко раненъ...
Изошолъ въ конецъ я кровью...
Какъ вернешься ты сохраненъ
Къ намъ на родину, къ домовью,
(Вѣдь село тебѣ извѣстно,
Гдѣ живѣтъ моя родная)
Ты скажи ей: «умеръ честно,
Съ шеи крестъ снялъ, умирая:
Да хранить тебя, а тоже
Хату съ парой ульевъ, вѣра!»
Ахъ ты, Господи мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

«Вся казна моя хранится
Здѣсь въ лядункѣ: ты за душу
За мою, гдѣ прилучится,
На поминъ церковный, въ кружку
Опусти всё деньги... Надо
И ребятамъ помолиться
За меня... Прощай! Отряда
Не видать ужь... А отбиться
Отъ отряда непригоже:
Домъ и честь солдату — вѣра!»
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

— «Ладно, ладно, молю! проходить
Всѣмъ людемъ одна дорога;
А куда она приводитъ?
Ну, да это въ руцѣхъ Бога!
Я вотъ такъ смежаю: взять бы
Капитана мнѣ на плечи,
Да вдвоёмъ и дошагать бы
До больницы: недалече...
А въ снѣгу-то для чего же
Почевать? что за квартера?»
Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

Обозлился лютымъ бѣсомъ;
Искры сыплются отъ взгляда.
— «Дурень! полкъ подъ самымъ лѣсомъ:
Ты отстанешь отъ отряда...

Догоняй живѣе! знаешь:
 За побѣгъ — арестъ и пули!»
 — «Ну», мерекую: «пугаешь,
 А не хочешь чорта въ стулѣ?»
 Взялъ его на плечи — что же?
 Какъ эхидна, для примѣра...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Рвѣтся, бѣется и бранится...
 — «Пусть же», думаю: «знать, нужно!»
 Только по снѣгу тащиться
 Было съ нимъ, ей-ей, притужно.
 Отдохнешь себѣ немножко —
 И впередъ, ажъ лобъ потѣветъ.
 Мили съ три я той дорожкой
 Промололъ... Старикъ слабѣетъ,
 Жмѣтъ мнѣ шею... Да чего же?
 Вѣдь на всё про всё есть мѣра...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Вслѣдъ за войскомъ кой-гдѣ тлѣютъ
 Огоньки; кой-гдѣ потушли;
 Трупы грудой воченѣютъ,
 Посинѣли и опухли;
 Кой-гдѣ виднѣн слѣдъ обоза...
 У меня сухарь остался:
 Подѣлились мы — съ мороза
 Мой старикъ проголодался;
 Пропустилъ горѣлки тоже;
 Молодцомъ сталъ, для примѣра...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Глядь, подъ вечеръ: насъ густая
 Туча войска накрываетъ;
 Знать, что конница кака...
 Шерпетына укоряетъ:
 «Видишь, дурень, самъ на дѣлѣ,
 Какъ не слушаться приказу?
 То козаки налетѣли —
 Пропадешь задаромъ съ-разу,
 Своевольникъ! Для чего же
 Не послушалъ командера?»
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

«Жаль тебя! Такія ль дѣта
 Чтобъ пропасть со всей семьей?
 Да, постой, не наши ль это?

Я жь расправлюся съ тобою!»
 Вижу — валяютъ къ намъ рядами,
 Словно по сгепи бураны;
 Одадь — пушки; передами
 Мамелюки и уланы...
 Снѣгъ — что вихорь; воздухъ тоже
 Стономъ стонетъ, для примѣра...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Глядь, какой-то всадникъ близко
 На конѣ на бѣломъ скачетъ:
 Въ сертучишнѣ; шляпу низко,
 До бровей, надвинулъ, значить.
 Тутъ я крѣпко струсилъ что-то,
 Словно жизнь была на картѣ.
 «На-крауль!» мнѣ крикнулъ мой-то:
 «Это кесарь Бонапарте!»
 Самъ долой мнѣ съ плечь, вотъ тоже,
 Что змѣя, али випера...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Подскавалъ къ намъ кесарь, грозно
 Насъ обвѣлъ орлинымъ взглядомъ:
 «Кто такіе? что такъ поздно?
 Отчего вы не съ отрядомъ?»
 Я подумалъ: «будь что будетъ,
 Правду молвить хватить духу!»
 Я тогда — панъ не забудетъ —
 По-французски зналъ по слуху.
 Собрался я съ силой тоже,
 Начинаю, для примѣра...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Разказалъ ему съ почина,
 Что случилось въ дорогѣ,
 Какъ упалъ нашъ Шерпетына,
 Какъ отбился отъ подмоги,
 Какъ команду я нарушилъ:
 Разказалъ всё дѣло — право.
 Онъ всё молча слушалъ, слушалъ:
 «Ну, вапралъ», промолвилъ, «браво!»
 А глаза зажглись тоже,
 Что горячая вотъ сѣра...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Разспросилъ у Шерпетыны,
 Кто я, какъ служилъ, бывало?

Тотъ ему — свои причины:
 Про мои заслуги, стало...
 Вижу я: теперь мнѣ льгота,
 Нѣтъ въ нёмъ злости сатанинской...
 А вѣдь всё бормочить что-то
 Объ ослушности воинской;
 Да ужь, знать, что словомъ тоже
 Не хотѣлъ срамить мундера...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Обнялъ самъ меня, скорѣе
 Далъ мнѣ крестъ своей рукою...
 Это — лента; крестъ на шеѣ;
 А умру я — въ гробъ со мною
 Положить отлички обѣ:
 Не пропасть же имъ задаромъ:
 Пусть красуются во гробѣ
 На моёмъ мундерѣ старомъ...
 Вѣдь, достались отъ кого же,
 Отъ какого командера!...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Ну! тряхнулъ я головою,
 Крикнулъ, словно затрубили:
 «Vivat, кесарь!» а за мною
 Всѣ гвардейцы подхватили.
 Насъ — въ фургоны, и въ дорогу;
 Довезли въ больницу рано
 На зарѣ; тамъ, слава Богу,
 Излечили капитана.

Онъ теперь живётъ здѣсь тоже...
 Мыза... знатная квартира...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Но мнѣ было не до шутокъ:
 Только съ койки — для примѣру,
 Подъ арестъ на трое сутокъ,
 За ослушность, Тереферу...
 «Кесарь далъ тебѣ награду»,
 Говорить: «и дѣло свято!
 Только я-то вамъ поваду
 Ужъ не дамъ: шалишь, ребята!
 Ты и спасъ мнѣ жизнь, а всё же
 Надо слушать командера.»
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Да и правда! Недоуки
 Тѣ, кому любя безчинность:
 Далъ Господь команду въ руки,
 Такъ справляй свою повинность!
 Такъ гуторилъ Терефера
 На порогѣ низкой хаты;
 Вытеръ слѣзы, для примѣра,
 И на посохъ суковатый
 Оперся — и стала строже
 Бровь сѣдая кавалера...
 Ахъ Ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

Л. Мвѣ.

ЛУЖИЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Лужичане представляют самую малочисленную вѣтвь славянскаго племени. Въ числѣ не доходящемъ и до 200,000 душъ, они населяютъ часть Саксоніи и Бранденбурга, со всѣхъ почти сторонъ окруженные нѣмцами и съ каждымъ днѣмъ всё болѣе и болѣе теряющіе свою народность отъ разлагающаго на неё дѣйствія германскихъ стихій. Нужно еще удивляться, какъ уцѣлѣлъ до нашихъ дней этотъ послѣдній осколокъ великаго нѣкогда племени славянъ прибалтійскихъ, и какъ могла въ нёмъ сохраниться или возродиться вѣра въ силу своей народности и надежда на лучшую будущность.

А между-тѣмъ эта вѣра и надежда живутъ въ сознаниіи лучшихъ людей народа; онѣ и оправдываются отчасти тѣми неожиданными, но несомнѣнными успѣхами, которые сдѣлала славянская идея и на этой безнадежной, повидимому, почвѣ, въ короткій промежутокъ нѣсколькихъ десятилѣтій. Вѣдное племя, расколотое на части въ отношеніяхъ, какъ политическомъ (въ Пруссіи и Саксоніи), такъ и въ религиозномъ (протестанты и католики) и діалектическомъ (верхне и ниже-лужицкое нарѣчія), лишенное одушевляющихъ преданій прошлаго и самыхъ необходимыхъ условій развитія народнаго сознанія — просыпается, встаётъ на ноги, подымаетъ знамя народности, владѣетъ основаніе литературнаго языка, создаётъ письменность, поэзію, науку, и всё это въ размѣрахъ хотя очень скромныхъ въ смыслѣ абсолютномъ, но довольно значительныхъ

въ сравненіи съ количествомъ наличныхъ силъ народности.

Не забудемъ, что Лужицы — не болѣе любого уѣзда русской губерніи. Какова была бы теперь наша литература, еслибъ каждый уѣздъ далъ ей хоть по одному Бранцелю, Любенскому, Зейгеру, Смоляру и Пфулю!

Первый толчокъ въ литературному пробужденію лужицкой народности дала реформація. Въ этомъ отношеніи здѣсь повторилось то-же, что было въ XVI вѣкѣ въ Крайнѣ, Хорватіи, Словачинѣ и другихъ славянскихъ земляхъ. Но эта письменность вращалась исключительно въ предѣлахъ религіи: переводы священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ, церковныя пѣсни и гимны, проповѣди, духовныя размышленія — вотъ содержаніе этой старой письменности, обнимающей вѣка XVI—XVIII. Главнымъ представителемъ письменности свѣтской этого періода былъ знаменитый Авраамъ Бранцель (Френцель), который для обработки исторіи своего народа сдѣлалъ то, что для словенцевъ — Вальвзоръ. Но большая часть произведеній Бранцеля осталась въ рукописяхъ. Впрочемъ, учоныя труды Бранцеля писаны на латинскомъ языкѣ; послѣдующіе же учоныя этого народа пользовались въ своихъ сочиненіяхъ, кромѣ латинскаго, и нѣмецкимъ языкомъ (Фабрицій, Клаутенъ, Горчанскій, Антонъ и другіе). Не подлежитъ сомнѣнію, что самъ основатель новонѣмецкой литературной школы — Лессингъ (Лѣснигъ) происходилъ изъ племени

полабскихъ славянъ, равно какъ и великій полигисторъ Лейбницъ.

Возрожденіе лужицкой народности совершилось въ первой половинѣ нашего вѣка, одновременно съ литературнымъ возрожденіемъ чеховъ и словаковъ и, можетъ-быть, не безъ нѣкотораго вліянія со стороны послѣднихъ. Роль Голага и Коллара игралъ при этомъ въ Лужицахъ пасторъ Андрей Любенскій. Онъ былъ средоточіемъ перваго патріотическаго лужицкаго кружка. Изъ него вышли потомъ Зейлеръ, Смоляръ, Йорданъ и другіе представители младшаго поколѣнія, при которомъ патріотическія мечты Любенскаго и Клина начали приводиться въ исполненіе. Одно за другимъ возникали общества, появлялись изданія, выдвигались новые дѣятели. Движеніе распространялось изъ городовъ въ сѣла, изъ школъ въ народныя массы. Духовенство и учителя были главными дѣятелями и вождями этого движенія. Оно, какъ и всюду, получило строго-демократическій характеръ, вслѣдствіе чего подробное изученіе народа, его быта и понятій, языка и пѣсенъ сдѣлалось главнымъ основаніемъ воздвигаемаго зданія народной литературы. Плодами этого этнографическаго изученія являются прекрасное изданіе народныхъ лужицкихъ пѣсенъ (Гаупта и Смоляра) и сербо-лужицкаго словаря (Пфула). Явилось нѣсколько даровитыхъ поэтовъ. Въ ихъ ряду первенствуютъ Зейлеръ и Мужикъ-Класопольскій. Роль же словацкаго Штура — поэта, публициста и главнаго посредника между обществомъ и народомъ — игралъ въ Лужицахъ Смоляръ, собиратель народныхъ пѣсенъ и издатель многихъ книгъ и журналовъ на лужицкомъ нарѣчій.

Съ 1848 года центромъ умственной дѣятельности народа является Лужицкая Матица, основанная въ городѣ Будишинѣ стараніями Смоляра,

Клина и другихъ патріотовъ. Ея изданія, особенно «Часопись», служатъ вѣрнымъ показателемъ дальнѣйшихъ успѣховъ лужицкаго народа на поприщѣ науки и литературы. Особенную цѣнность имѣютъ помѣщонныя въ изданіяхъ Матицы сборники и ислѣдованія по предметамъ этнографіи и филологіи. Эти труды принадлежатъ, кромѣ названныхъ уже нами Зейлера, Смоляра, Йордана, Клина, Гаупта и Пфула, еще слѣдующимъ лицамъ: Цыжу, Йенчу, Буку, Дучману, Киліану, Фидлеру, Якубу, Шнейдеру, Вежѣ, Имишу, Крушвицѣ, Крюгару, Стангѣ, Кульману, Бартку, Рихтару, Муцинку, Ванаку, Гашеѣ, Стемплю, Горнику, Ростоку и нѣкоторымъ другимъ. Кромѣ Будишина, лужицкія книги издаваемы были въ послѣднее время еще въ Воерецахъ, Любин, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Бреславлѣ и Прагѣ.

Успѣхамъ народнаго возрожденія этого племени вредитъ не мало отчужденіе нижнихъ или прусскихъ лужичанъ отъ литературнаго единенія съ верхними или саксонскими. Но въ послѣднее время это отчужденіе значительно ослабѣло и можно питать болѣе или менѣе основательную надежду, что въ литературномъ единствѣ этотъ маленькій народъ почерпнѣтъ хоть часть той силы, которая столь необходима ему для дальнѣйшаго сохраненія своей народности, отовсюду подмываемой прибоемъ нѣмецкаго моря — въ смыслѣ этнографическомъ и политическомъ. Но не трудно видѣть, что борьба здѣсь идѣтъ очень неравная, и что ея конечный исходъ будетъ печаленъ для славянства, если оно не найдетъ въ себѣ воли и силы послать своевременное подкрѣпленіе на этотъ постъ, самый опасный и угрожаемый во всей славянской территоріи.

А. Будимовичъ.

ЛУЖИЦКІЕ ПОЭТЫ.

А. ЗЕЙЛЕРЪ.

Андрей Зейлеръ, евангелической пасторъ и знаменитѣйшій изъ лужицкихъ поэтовъ, родился въ 1804 году. Любовь къ народной литературѣ и патриотическія стремленія къ поддержанію самостоятельности маленькаго племени лужицкихъ славянъ, въ саксонской и прусской Лузаци, рано проснулись въ восторженной душѣ поэта. Будучи еще студентомъ въ Лейпцигѣ, Зейлеръ возстановилъ, подъ именемъ «Сорабинъ», проповѣдническое общество при университетѣ, основанное въ 1716 году лужицкими студентами изъкрывавшееся послѣ того два раза, во время семилѣтней войны и по окончаніи войны за независимость, причѣмъ въ первый разъ оно было возстановлено Андреемъ Любенскимъ, предшественникомъ Зейлера въ дѣлѣ возрожденія лужицкой народности. Затѣмъ онъ сталъ издавать рукописную лужицкую газету, въ которой помѣщались труды устроеннаго имъ общества и его собственныя поэтическія попытки. Газета имѣла большой успѣхъ и ея переписанные экземпляры ходили по всему лужицкому краю. Въ 1826 году Зейлеръ познакомился въ Лейпцигѣ съ Палацкимъ и сербскимъ поэтомъ Милутиновичемъ — и ихъ вліяніе еще больше развило его собственныя стремленія. Онъ сталъ горячо проповѣдывать о служеніи своей народности — и слова его падали не на неплодную почву. Лужицкій народъ, не достигающій въ настоящее время и 200,000 населенія и едва сохранявшій свою народность подъ гнетомъ тысячелѣтнаго рабства, начиная съ тридцатыхъ годовъ, посвятилъ такіа ревностныя заботы къ дальнѣйшему возрожденію, что, повидному, обезпечилъ совершенно

свою тѣсную связь съ другими болѣе многочисленными славянскими племенами. Какъ поэтъ, Зейлеръ до-сихъ-поръ остаѣтся въ главѣ серболужицкой литературы. Многія изъ его пѣсень, прославившихъ его имя, давно сдѣлались народными.

1.

МАЙСКОЕ ВОСКРЕСНОЕ УТРО.

Тихими шагами утро молодое
Изъ воротъ выходитъ, свѣтомъ залитое;
Вѣтеръ спитъ — забылся безмятежнымъ сномъ;
Только гдѣ-то рѣчка, каменнымъ русломъ
Пробираясь съ ревомъ, точитъ скалы подножья:
Нынче день воскресный, въ церквѣ служба Божья!

«Да святится имя Божіе во-вѣкъ!»
Умиленный сердцемъ, шепчетъ человекъ,
Поднимая очи, полныя привѣта,
Къ голубому небу. Лучъ горячій свѣта —
Жизни безконечной пламенный родникъ —
Въ алчущую душу странника проникъ.

Люди, гдѣсь и поле — въ праздничномъ уборѣ —
Мирно отдыхаютъ; радость въ каждомъ взорѣ.
Не тревожить слуха рѣзкій стукъ колѣсъ —
По дорогѣ пыльной не скрипитъ обозъ;
Только птичка рѣветъ надъ цвѣтущей рожью:
Нынче день воскресный — правятъ службу Божью!

Благовѣсть слыша, всѣ на зовъ спѣшатъ
Въ храмъ святой; на каждомъ праздничномъ нарядѣ:
Злачный лугъ цвѣтами путь имъ устилаетъ,
Пѣнье птицъ небесныхъ ихъ сопровождаетъ,

Услажда сердце, духъ готова ихъ
Бъ воспріятю пѣсенъ лучшихъ — неземныхъ.

Не ласкаетъ ухо скрипъ знакомый плуга;
Оселокъ о косу не стучитъ средь луга;
Смокла въ чащѣ лѣса звонкая пила;
Дремлетъ наковальня — точно замерла;
Вѣтеръ звонъ разноситъ, въ церквѣ слышно пѣньи:
Въ церквѣ служба Божья — ниче воскресеньи!

Червь, забывъ про солнце, роется въ землѣ,
Звѣрь по ней блуждаетъ, словно въ черной мглѣ:
Только то, что вѣчно, что своё начало
Отъ небесъ, по волѣ Божьей, воспріямло,
Къ небу шлѣтъ моленье тёплое своё:
«Да придетъ, Боже, царствіе твоё!»

Н. Гервель.

II.

МОЯ РОДИНА.

Ты знаешь ли мою прекрасную отчизну?
Что золота въ ней нѣтъ — не ставь ей въ укоризну!
Могучій випарисъ и персикъ золотой
Не украшаютъ горь страны моей родной...
Нѣтъ, это мирный край — цвѣтушій, тихій садъ,
Обитель тишины, Господень вертоградъ.

Ты знаешь ли мой край съ горами голубыми?
Онъ не дивитъ очей границами своими;
Нѣтъ гордыхъ въ нёмъ князей; мечтаю о войнѣ,
Онъ мечъ кровавый свой не точитъ въ тишинѣ:
Нѣтъ, онъ не величавъ, онъ славой не богатъ,
Родной мой уголокъ, мой домъ, мой тихій садъ.

Ты знаешь ли мою отчизну дорогую?
Нѣмецкій край мнѣ чуждъ: люблю страну иную!
Отечество моё — очагъ мой, сербскій домъ —
Есть маленькая вѣтвь на древѣ вѣковомъ
Славянства; съ вѣтви той листы не опадуть...
Счастливыи этотъ край Лужицами зовутъ.

Она, она — мой рай, страна моя родная,
Земля моихъ отцовъ, желанная, святая!
Кто въ ней расцвѣлъ и жилъ, кому она близка —
Для счастья тѣхъ она довольно велика...
Сій же и цвѣтъ, о край родимый мой,
Всё ярче, всё свѣтлѣй и честью и красой!

Н. Гервель.

И. БЕЛА.

I.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ДОМОЙ.

Воротился домой молодецъ на конѣ:
Съ господиномъ онъ былъ на войнѣ.
А въ ту пору у матери бѣдной его
Не осталось въ дому ничего:
Торжниковъ беспощадный и дерзкій народъ
Отъ ея не отходитъ воротъ.
Добрый сынъ вороного къ плетню привязалъ
И, къ тѣмъ людямъ приближаясь, сказалъ:
«Стойте, стойте, злодѣи! А ты, моя мать,
Перестань, перестань горевать!
Золотую, добытую честно кису
Я тебѣ изъ чужбины несу.
Нѣтъ позора, нѣтъ горькой слезинки на нихъ,
На червонцахъ моихъ золотыхъ:
Даръ они моего господина — въ тотъ часъ,
Какъ его я отъ гибели спасъ.»
То промолвя, онъ брякнулъ кисою о столъ,
Ажно гулъ по свѣтлицѣ пошолъ.
«Будетъ этого намъ, будетъ этого, мать,
Чтобъ не плакать и горя не знать!»

Н. Бергъ.

II.

ПОЛУДНИЦА.

Солнце на полдень взопло:
Стадо съ пастбища пошло
И работники толпою,
Утомлённые отъ зною,
Воротились по домамъ —
Отдохнуть немного тамъ.
Линь нейдѣтъ хозяинъ поля:
Онъ, жнецовъ своихъ неволя,
Хочетъ кончить полосу.
Зашумѣло вдругъ въ лѣсу —
И Полудница оттуда
Выстукаетъ. «Будетъ худо» —
Говоритъ она — «тому,
Кто велѣнью моему
Непослушенъ: въ полдень знойный
Отдыхъ людямъ дать покойный
Воспротивится!» Идѣтъ —
И земля подъ ней гудѣтъ;

Всѣ трепещуть... Поддень минуль,
Селянинъ опять покинулъ
Хату: въ поле всѣ пошли
И умершаго нашли.
Если вѣрвать въ рассказы:
То Полудницы проказы.

Н. Бергъ.

III.

ЪЗДОКЪ.

Онъ на лошади буланой
Подъѣзжаетъ къ кузнѣ рано;
Мечъ у пояса торчитъ;
Кузнецу ѣздовъ кричитъ:
«Слышь! коня подкуй мнѣ живо,
Чтобъ леталъ со мной на диво,
Чтобы сталъ мой вѣрный конь —
Бурный вѣтеръ и огонь!»
Побѣжалъ кузнецъ; готова
У него какъ-разъ подкова.
«Ладно!» вымолвилъ ѣздовъ —
И увѣсистый мѣшокъ
Изъ-за пазухи онъ вынулъ
И его на землю бинулъ:
«Вотъ тебѣ, кузнецъ, пова
Отъ лихого ѣздова!
А потомъ — еще награда:
Кой-кого догнать мнѣ надо,
Впередѣ, въ густомъ лѣсу,
И побольше взять кису!»

Н. Бергъ.

IV.

НЕЗНАКОМЕЦЪ У МОГИЛЫ.

Вотъ идѣтъ незнакомецъ унылый,
На колѣни онъ палъ предъ могилой,
Про неѣ у людей спросилъ
И слезами еѣ оросилъ;
Ветхій крестъ обнимаетъ рукою
И вздыхаетъ, исполненъ тоскою —
Такъ всю ночь. Лишь зардѣлся востокъ,
Горсть земли завязалъ онъ въ платокъ:
«Мать моя!» говоритъ онъ, стелая:
«Мать моя, дорогая, родная!

Спи спокойно до суднаго дня,
Поджидая, бѣднягу, меня!»
Тутъ съ могилой онъ молча простился
И куда неизвѣстно пустился.

Н. Бергъ.

Я. БУКЪ.

Яковъ Букъ родился въ 1825 году, въ Зенцахъ, въ саксонскихъ горныхъ Лужицахъ. Онъ воспитывался въ духовной гимназiи въ Прагѣ, по окончанiи курса въ которой былъ, въ 1850 году, посвященъ въ священники и опредѣленъ учителемъ въ только-что основанную католическую семинарiю въ Будишинѣ; затѣмъ, въ 1851 году, онъ былъ сдѣланъ библиотекаремъ Сербской Матицы. Эту послѣднюю должность онъ занималъ до 1854 года, когда былъ назначенъ преподавателемъ дрезденской прогимназiи и капеланомъ придворной католической церкви въ Дрезденѣ. По переѣздѣ въ Дрезденъ, Букъ принялъ на себя редакцiю журнала «Сербская Матица», а въ 1860 году получилъ мѣсто директора дрезденской прогимназiи. Оригинальныя его стихотворенiя очень хороши и пользуются большимъ почѣтомъ у лужичанъ. Также хороши его переводы на лужицкiй языкъ «Краледворской Рукописи» и нѣкоторыхъ пiесъ Челяковского. Кромѣ того онъ издалъ «Собранiе Сербскихъ Пословицъ» и перевелъ съ нѣмецкаго повѣсть Смида «Какъ Богуславъ изъ Дубовина увѣрвалъ въ Бога».

СЕРБСКАЯ ЛИПА.

Какъ радостно видѣть вудрявую липу,
Мать-Слава, на сербской могилѣ —
Ту липу, что, полныя братской любви,
Сыны ея тамъ посадили!

Она съ нетерпѣньемъ ждѣтъ равняго цвѣта
На благо родному народу:
Она уповаеть, что духъ въ немъ воскреснетъ
И сербамъ воротитъ свободу.

Такъ будемъ же пестковать сербскую липу —
Да будетъ зеницею она!
Пусть только цвѣтѣтъ она пышно, обильно,
Раскинувши вѣтви широко.

Друзья, постоянъ до послѣдняго крѣпко
 За нашу народность и счастье;
 Господь не оставитъ народъ безъ охраны —
 И смѣнится вѣдромъ ненастье!

Н. Гервель.

В. ПФУЛЬ.

Барль Пфуль, современный лужицкій писатель, пользуется въ своёмъ отечествѣ славою хорошаго поэта и прозаика, благодаря нѣсколькимъ написаннымъ имъ пѣснямъ, исполненнымъ горячаго патріотизма, и многимъ прозаическимъ статьямъ этнографическаго и литературнаго содержанія, отличающимся живымъ интересомъ. Кромѣ того, онъ еще извѣстенъ какъ составитель и издатель перваго лужицко-нѣмецкаго словаря.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

Я знаю васъ, о горы голубыя!
 Я снова здѣсь, поля мои родныя,
 Лужицкій край, отечество моё!
 Одной тебя, о Сербія святая,
 Мой отчій домъ, страна моя родная,
 Поляны мои и мысль и бытіе!

Ужь до меня доходятъ изъ-далече
 Привычный слухъ ласкающія рѣчи,
 Родной земли сребристыя слова.
 Ужь я давно верну въ васъ душой витаю,
 Сегодня жъ васъ, о сербы, обнимаю —
 Рука дрожить и нивнеть голова.

Всѣ веруъ меня цвѣтѣтъ и оживаетъ,
 И счастье мнѣ улыбку посылаетъ,
 Какъ вешній день въ шеломѣ золотомъ...
 Трепещетъ грудь, стѣсняется дыханье...
 Какъ глубоко, какъ радостно сознанье —
 Я снова здѣсь, въ краю моёмъ родномъ!

Н. Гервель.

М. ГОРНИКЪ.

Михаиль Горникъ родился 20-го іюля (1-го августа) 1833 года въ деревнѣ Ворклецахъ, въ Верхнихъ Лужицахъ. Учился онъ въ Будишеской гимназіи, а потомъ въ Пражскомъ университетѣ. Въ 1856 году онъ былъ посвященъ въ католическіе священники. На литературное поприщѣ выступилъ онъ очень рано, именно въ 1853 году, еще во время своего студенчества, какъ редакторъ рукописнаго лужицкаго журнала, издаваемаго студентами изъ лужичанъ, учившимися въ Прагѣ. Съ 1860 года Горникъ сталъ издавать беллетристическій журналъ «Лужичанинъ», а спустя нѣсколько лѣтъ — духовный журналъ, для лужичанъ-католиковъ, подъ названіемъ «Католическій Вѣстникъ». Въ настоящее время Горникъ, вмѣстѣ съ Смоляромъ, стоитъ во главѣ лужицкой литературы. Статьи его, преимущественно филологическаго содержанія, весьма многочисленны. Онъ также извѣстенъ какъ поэтъ.

СЕРБАМЪ.

Чуть вѣтеръ прошумитъ съ наставшею весною —
 Ужь — волей божества — въ природѣ всё цвѣтѣтъ:
 Роскошные сады блистаютъ красотою
 И каждый лепестокъ васъ амброй обдаѣтъ.

Чтобъ лучше расцвѣло прелестное творенье,
 Садовникъ день и ночь заботится о нёмъ:
 Онъ забываетъ всё — и трудъ и утомленье,
 Чтобъ только дать цвѣтку развиться съ торжествомъ.

Такъ точно и у насъ, надъ сербами родными,
 Проносится весна, проглядываетъ день:
 Красуются сады цвѣтами молодыми —
 Прелестными дѣтьми лужицкихъ деревень.

Такъ станемъ же ходить за этими цвѣтами!
 Смиренныя сердца въ любви соединимъ,
 И подъ покровъ Того, Кто правитъ небесами,
 Съ надеждою себя покорно отдадимъ.

Н. Гервель.

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе V

ОТДѢЛЪ I.

СЪ ДРЕВНЕ-РУССКАГО.

Слово о полку Игоря. — Н. Гербеля 1

ОТДѢЛЪ II.

СЛАВЯНСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

О славянскихъ народныхъ пѣсняхъ. — О. Миллера 17

ЮЖНО-РУССКІЯ ПѢСНИ.

I. МАЛОРУССКІЯ.

Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова. — Н. Гербеля	33
Походъ на поляковъ. — Н. Гербеля	34
Сагайдачный. — Г. Данилевскаго	35
Морозенко. — Н. Гербеля	—
Свирговскій. — Н. Гербеля	36
Куда ѣдешь. — Н. Берга	—
<i>Вспахана чорная пашня</i> ... — А. Максимовича	—
На полѣ снѣжокъ. — Н. Берга	37
Доля. — Н. Берга	—
Яворъ. — Н. Берга	—
Бѣда. — Н. Берга	38
Пѣсня. — Н. Берга	—
Доля. — Е. Гревенки	39
Повѣй вѣтеръ. — Н. Берга	—
Сама хожу по камушкамъ. — Н. Берга	—
Нѣтъ милаго. — Н. Берга	—
Бездолье. — Л. Мея	40
Проклятіе. — Н. Берга	—
Былъ у матери сынъ соколъ. — Н. Берга	—
Суженый. — Л. Мея	41
Три сестры. — Л. Мея	—

II. ЧЕРВОННОРУССКІЯ.

<i>У сосѣдки сынъ молодчикъ</i> ... — Л. Мея	42
Нана. — Л. Мея	—
Помолодѣвшій старикъ. — О. Миллера	43
Примиреніе. — О. Миллера	—
Одиночество. — О. Миллера	—
Добрыя паны. — Н. Гербеля	44
Вдова. — Н. Берга	—

III. БѢЛОРУССКІЯ.

<i>На Руси былъ чорный Богъ</i> ... — А. Майкова	45
Петрусь. — А. Майкова	—
<i>Ой, сынки мои, соколы мои</i> ... — А. Майкова	46
<i>Не ходи, конь, да въ зеленый садъ</i> ... — Н. Гербеля	—
<i>Ой, коли бѣ, коли</i> ... — А. Майкова	47
<i>Ой катилася заря</i> ... — А. Майкова	—
<i>При дорогѣ при широкой</i> ... — А. Майкова	—
<i>Не стжи ты, батюшка</i> ... — А. Майкова	—
<i>Вѣтри осенніе</i> ... — Н. Гербеля	48
<i>На селѣ два брата</i> ... — Н. Гербеля	—
<i>Бузина съ малиною</i> ... — Н. Гербеля	—
<i>Въ чистомъ полѣ снѣгъ валится</i> ... — Н. Гербеля	—

ПѢСНИ ЮГО-СЛАВЯНСКІЯ.

I. СЕРБСКІЯ.

Царь Стефанъ празднуетъ день своего святого. — Н. Берга	49
Построеніе Скадра. — Н. Берга	50
Бановичъ Страхиња. — Н. Берга	52
Сербская церковь. — А. Майкова	60
Погибель сербскаго царства. — П. Кирѣевскаго	62
Царь Лазарь и царица Милица. — Н. Берга	63
Разговоръ Милоша съ Иваномъ. — Н. Берга	65
Косовская дѣвушка. — Н. Берга	66
Юришичъ-Янко. — Н. Берга	67

Судь Марка-Королевича. — О. Миллера	69
Марко-Королевичъ и соколъ. — Н. Берга	71
Марко-Королевичъ и бегъ-Костадинъ. — Н. Берга	72
Марко-Королевичъ уничтожаетъ свадебный откупъ. — Н. Берга	—
Сабля царя Вукашина. — А. Майкова	75
Марко пьетъ въ Рамазанъ вино. — Н. Берга	77
Марко-Королевичъ пашеть. — О. Миллера	78
Марко-Королевичъ и Мина изъ Костура. — Н. Берга	—
Смерть Марка-Королевича. — Н. Берга	82
Какъ отдарилъ турецкій султанъ московскаго царя. — А. Майкова	84
Симеонъ-Найденышъ. — Н. Берга	86
Сестра и братья. — А. Пушкина	88
Йово и Мара. — Н. Щербины	89
Ваня Голая-Котомка. — Н. Берга	92
Пѣсня изъ войны сербско-мадарской. — Н. Берга	95
Соловей. — А. Пушкина	96
Конь. — А. Майкова	—
Соловей. — Н. Берга	97
Молодецъ въ хороводѣ. — Н. Берга	—
Мать и дочь. — Н. Берга	98
Юноша и дѣва. — Н. Берга	—
Не бери подруги. — Н. Берга	—
Братъ, сестра и милая. — Н. Берга	99
Морлахъ въ Венеци. — Н. Берга	—
Соколиныя очи. — Н. Берга	100
Женитьба воробья. — Н. Берга	—
Дѣвушка и рыбка. — М. Михайлова	—
<i>Будь у меня Лазо</i> ... — М. Михайлова	—

II. БОЛГАРСКІЯ.

Женитьба короля Шипмана. — М. Петровскаго	101
Воевода Дойчинъ. — М. Петровскаго	103
Марковица — М. Петровскаго	105
Исповѣдъ Марка-Краевича. — М. Петровскаго	107
Марко-Краевичъ и мадаринъ Филиппъ. — Н. Берга	108
Марко-Краевичъ и Филиппъ Соколъ. — Н. Берга	109
Марко-Краевичъ отыскиваетъ своего брата. — Н. Берга	110
Обитель Врачарница. — М. Петровскаго	111

III. ХОРУТАНСКІЯ.

Женитьба короля Матіаса. — М. Петровскаго	114
Ансельмъ. — М. Петровскаго	116
Преступникъ. — М. Петровскаго	117
Сирота Ерица. — М. Петровскаго	118
Молодая Бреда. — В. В.	—

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

I. ЧЕШСКІЯ.

Любушинъ судъ. — Н. Берга	СТР. 121
Сеймъ. — Н. Берга	122
Пѣсня подъ Вышеградомъ. — Н. Берга	—
Краледворская рукопись. — Н. Берга:	
1. Ольдрихъ и Бозеславъ	123
2. Бенешъ Германычъ	124
3. Ярославъ.	125
4. Честмиръ и Влаславъ	128
5. Людиша и Люборъ	130
6. Забой и Славой	132
7. Збигонь	135
8. Олень	136
9. Вѣнокъ	—
10. Ягоды	137
11. Роза	—
12. Кукушка	138
13. Сирота	—
14. Жаворонокъ	—
Янышъ-Королевичъ. — А. Пушкина	—
Гуситская пѣсня. — А. Майкова	139
Гей славяне. — Н. Берга	140
Садовникъ. — Н. Берга	—
Даръ на прощанье. — Н. Берга	—
Ловкій отвѣтъ. — Н. Берга	141
Бѣдность и любовь. — Н. Берга	—
Разсвѣтъ. — Н. Берга	—
Разлука. — М. Петровскаго	—
Любовь. — М. Петровскаго	142
Несчастный милый. — Н. Берга	—
На пути къ милой. — Н. Берга	—
Чародѣйка. — Н. Берга	143
Подъ окошкомъ. — О. Глинки	—
Радость и горе. — Н. Берга	—
Очи. — М. Петровскаго	144

II. МОРАВСКІЯ.

Старый мужъ. — Л. Мея	144
Сестра отравительница. — Н. Берга	145
Лучше. — Л. Мея	146
Смерть матери. — Л. Мея	—
Печаль. — Н. Берга	—

III. СЛОВАЦКІЯ.

Изгнаніе. — Н. Берга	147
Собесскій и турки. — Н. Берга	—
Бѣяградъ. — Н. Берга	—
Нитра. — Н. Берга	148
Грусть по миломъ. — М. Петровскаго	—
Милый въ полѣ. — Н. Берга	—

IV. ПОЛЬСКІЯ.

Ожиданіе. — Н. Берга	149
Краковъ. — Н. Берга	—

Выпьемъ. — Н. Берга	149
Измѣнникъ. — Н. Берга	150
Смерть милого. — Н. Берга	—
Поцалуй. — Н. Берга	—

V. ЛУЖИЦІЯ.

Вѣрность до гроба. — Н. Берга	151
Измѣна милого. — Н. Берга	152
Покорная дочь. — Н. Берга	153
Легенда. — Н. Берга	—

ОТДѢЛЪ III.

СЛАВЯНСКІЕ ПОЭТЫ.

I. МАЛОРОССІЯ.

Малорусская литература. — Н. Костомарова.	157
---	-----

И. П. КОТЛЯРЕВСКИЙ.

Вѣютъ вѣтры. — Н. Берга	165
Пѣсня. — Н. Гервеля	—
Возный. — Н. Гервеля	166
Изъ «Энеиды». — О. Лепко	—

П. П. АРТЕМОВСКИЙ-ГУЛАКЪ.

Панъ и собака. — О. Лепко	169
-------------------------------------	-----

Е. П. ГРЕБЕНКА.

Украинская мелодія. — Н. Гервеля	171
Солнце и тучи. — О. Лепко	—
Конопля и репейникъ. — О. Лепко	—
Челнокъ. — О. Лепко	172

Н. И. КОСТОМАРОВЪ.

Мѣсяць. — Н. Гервеля	173
--------------------------------	-----

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

Тополь. — Н. Гервеля	175
Дума. — А. Плещеева	177
Дума. — Н. Гервеля	178
Дума. — Н. Гервеля	—
Къ Основьяненкѣ. — Н. Гервеля	—
Иванъ Подкова. — М. Михайлова	179
<i>He вернулся изъ походу.</i> — А. Плещеева	180
Пѣсня. — А. Плещеева	—
Завѣщанье. — Н. Гервеля	181
Канунъ Рождества. — Н. Гервеля	—
Изъ повѣсти «Катерина». — Н. Гервеля	—
Изъ повѣсти «Работница». — А. Плещеева	185
Изъ поэмы «Гайдамаки»:	
1. Прологъ. — Н. Гервеля	187
2. Свиданіе. — Н. Гервеля	188
3. Пиръ въ Лисянкѣ. — Л. Мея	189
4. Гонимъ въ Умани. — Л. Мея	190
5. Эпизодъ. — Н. Гервеля	192

А. Л. МЕТЛИНСКИЙ.	СТР.
Яворъ. — Н. Гервеля	193

А. С. АНАСТАСЬЕВЪ-ЧУЖБИНСКИЙ.

Е. П. Гребѣнкѣ. — Н. Гервеля	194
--	-----

П. А. КУЛИШЪ.

Землячкѣ. — Н. Гервеля	195
----------------------------------	-----

Л. И. ГЛѢБОВЪ.

Пѣсня. — Н. Гервеля	196
-------------------------------	-----

ЩОГОЛЕВЪ.

Пѣсня. — Л. Мея	—
---------------------------	---

II. ГАЛИЦКАЯ РУСЬ.

Червононорусская литература. — Я. Головацкаго.	197
--	-----

М. ШАШКЕВИЧЪ.

Тоска по милой. — Н. Гервеля	205
--	-----

Н. УСТИАНОВИЧЪ.

Дума. — Н. Гервеля	206
Осень. — Н. Гервеля	—

А. МОГИЛЬНИЦКИЙ.

Дума. — Н. Гервеля	207
------------------------------	-----

Я. О. ГОЛОВАЦКИЙ.

Тоска по родинѣ. — Н. Гервеля	209
Рѣчка. — Н. Гервеля	—

И. О. ГОЛОВАЦКИЙ.

Тайная любовь. — О. Лепко	210
-------------------------------------	-----

И. Н. ГУШАЛЕВИЧЪ.

Михаилъ Черниговскій. — О. Лепко	211
Заря. — Н. Гервеля	212

И. НАУМОВИЧЪ.

Возвращеніе на родину. — Н. Гервеля	—
---	---

Б. ДЪДИЦКИЙ.

Русскому пѣвцу. — Н. Гервеля	213
Утро. — Н. Гервеля	—
На стражѣ. — Н. Гервеля	214

Н. О. ЛЬСЪКЕВИЧЪ.

Пѣсня. — Н. Гервеля	—
-------------------------------	---

І. ФЕДЬКОВИЧЪ.

Украина — Н. Гервеля	215
--------------------------------	-----

СЛАВИЧЪ.

Мы рускіе. — О. Лепко	216
<i>Братъ, пѣснь моя разлита.</i> — Н. Гервеля	217

МАРІЯ СЮНСКАЯ.

Прологъ къ поэжѣ «Пророкъ Народа». — Н. Гервеля	—
---	---

III. УГОРСКАЯ РУСЬ.		СТР.
А. ДУХНОВИЧЪ.		
Пѣснь земледѣльца. — Н. Гербеля	219	
Послѣдняя пѣснь. — О. Левко.	220	
А. ПАВЛОВИЧЪ.		
Дума на могилѣ подѣ Бардіовымъ. — Н. Гербеля.	221	
IV. СЕРБИЯ.		
Сербо-хорватская литература. — А. Будило- вича. 223		
МИНЧЕТИЧЪ.		
Пѣсня. — Н. Берга	238	
ЛУЧИЧЪ.		
Идеальная красавица. — В. Бенедиктова.	234	
ГУНДУЛИЧЪ.		
Изъ поэмы «Османъ». — Н. Берга.	235	
ПАЛЬМОТИЧЪ.		
Введеніе въ поэму «Христиада». — Н. Берга	237	
ДЖОРДЖИЧЪ.		
Свѣтлякъ. — Н. Берга	238	
КАЧИЧЪ-МЮШИЧЪ.		
Милошъ Обиличъ и Вукъ Бранковичъ. — Н. Гербеля.	239	
МУШИЦКІЙ.		
Голосъ патриота. — Н. Гербеля	242	
ХАДЖИЧЪ (СВѢТИЧЪ).		
Страданія Сербіи. — В. Бенедиктова	243	
ПОПОВИЧЪ.		
Пѣсня на Косовомъ полѣ. — Н. Берга.	244	
ВРАЗЪ.		
Мой вѣнокъ. — М. Петровскаго	245	
ДЕМЕТЕРЪ.		
Царь Матіасъ. — Н. Гербеля.	246	
Изъ поэмы «Гробницкое Поле». — М. Петров- скаго.	—	
ПЕТРЪ И НЕГОШЪ.		
Изъ поэмы «Горскій Вѣнецъ». — Н. Гербеля.	247	
НѢМЧИЧЪ.		
Родина. — Н. Гербеля.	249	
МАЖУРАНИЧЪ.		
Смерть Измаила-Аги Ченгича. — М. Петров- скаго.	250	
ВУКАТИНОВИЧЪ.		
Выдринская гора. — Н. Гербеля	263	
Поцалуи черноокой. — Н. Берга	—	
Мольба къ черноокой. — Н. Берга	264	
Кличъ. — Н. Берга.	—	
Черны очи. — Н. Берга.	—	
КАЗАЛИ.		
Изъ поэмы «Златка». — Н. Берга	265	
КУКУЛЕВИЧЪ-САКЦИНСКІЙ.		
Славянки. — Н. Берга	267	
БОГОВИЧЪ.		
Воспоминаніе. — Н. Гербеля	269	
Осторожнымъ. — М. Петровскаго.	—	
Либераль. — М. Петровскаго.	270	
Старцы и юноши. — М. Петровскаго.	—	
СУБОТИЧЪ.		
Привѣтъ Москвѣ. — Н. Берга.	272	
Вида говоритъ съ облаками. — Н. Гербеля.	—	
УТЪШЕНОВИЧЪ.		
Въ память Коллару. — Н. Гербеля.	273	
Плѣнь. — Н. Берга	—	
ПРЕРАДОВИЧЪ.		
Заря. — М. Петровскаго.	275	
<i>Пьяна пташечка на вѣткѣ.</i> . . . . — М. Петров- скаго.	—	
<i>Братъ далеко въ морѣ.</i> . . . . — М. Петровскаго	276	
<i>Въ морѣ дѣвушка смотрѣла.</i> . . . . — М. Петров- скаго.	—	
<i>Въ небѣ солнышко сіяло.</i> . . . . — М. Петровскаго.	—	
<i>Мать будила Радована.</i> . . . . — М. Петровскаго	277	
<i>Въперть ходитъ синимъ моремъ.</i> . . . . — М. Пет- ровскаго.	—	
<i>Частый дождичекъ идетъ по полю.</i> . . . . — М. Пет- ровскаго.	—	
<i>Звѣзды яркія хороводъ ведутъ.</i> . . . . — М. Петров- скаго.	—	
БАНЪ.		
Письмо. — Н. Гербеля.	278	
ТЕРНСКІЙ.		
Завѣтъ перу поэта. — Н. Гербеля	279	
МИРКО ПЕТРОВИЧЪ.		
Бой въ Калашинѣ. — Н. Берга.	280	
ГРАФЪ МЕДО-ПУЧИЧЪ.		
Желаніе. — Н. Берга.	281	
Пальма. — В. Бенедиктова.	282	
ФИЛИППОВИЧЪ.		
Старикъ и старуха. — Н. Гербеля.	283	
РАДИЧЕВИЧЪ.		
Дѣвушка у колодца. — Н. Гербеля	284	

	СТР.
СУНДЕЧИЧЪ.	
Москва. — Н. ГЕРВЕЛЯ	284
Сабля Скендербега. — В. БЕНЕДИКТОВА	285
ВЕНАДОВИЧЪ.	
Стамбулу. — Н. ГЕРВЕЛЯ	286
Молодецкій отвѣтъ. — Н. ГЕРВЕЛЯ	287
МИХАЙЛОВИЧЪ.	
Пѣсня. — Н. ГЕРВЕЛЯ	—
ДРАГАСHEВИЧЪ.	
Въ бой. — Н. ГЕРВЕЛЯ	—
ІОВАНОВИЧЪ.	
Крестъ. — Н. БЕРГА	288
Дѣва-воинъ. — В. БЕНЕДИКТОВА	—
ЛАЗАРЕВИЧЪ.	
Прощаніе съ Прагой. — Н. ГЕРВЕЛЯ	289
ЯКШИЧЪ.	
<i>Точите, братья, съ рѣкакъ крови</i> . . . — Н. ГЕРВЕЛЯ	—
КАТЯНСКІЙ.	
Тучи. — О. МИЛЛЕРА	290
НИКОЛАЙ I, КНЯЗЬ ЧЕРНОГОРСКІЙ.	
Туда. — В. БЕНЕДИКТОВА	291
Заздравный кубокъ. — В. БЕНЕДИКТОВА	—
МЕДИЧЪ.	
Наша надежда. — Н. ГЕРВЕЛЯ	292
V. БОЛГАРІЯ.	
Болгарская литература. — К. ЖИНЗИФОВА	294
РАКОВСКІЙ.	
Изъ поэмы «Горный Путникъ». — Н. ГЕРВЕЛЯ	304
СЛАВЕЙКОВЪ.	
<i>Не поѣтъ мнѣ</i> . . . — Н. БЕРГА	305
Голосъ изъ тюрьмы — Н. БЕРГА	306
Найдень-Герову. — Н. БЕРГА	—
Пѣсня. — Н. БЕРГА	307
КАРАВЕЛОВЪ.	
Дума. — Н. ГЕРВЕЛЯ	308
ЖИНЗИФОВЪ.	
На смерть юноши. — Н. ГЕРВЕЛЯ	309
Изъ поэмы «Красная Рубашка». — Н. ГЕРВЕЛЯ	310
ЧИНТУЛОВЪ.	
Болгарская пѣсня. — Н. БЕРГА	311

VI. СЛАВОНІЯ.

	СТР.
Хорутанская литература. — А. БУДИЛОВИЧА	312
ВОДНИКЪ.	
Влюбленная Милица. — Н. БЕРГА	315
ЯРНИКЪ.	
Ивановъ день. — Н. БЕРГА	316
КАСТЕЛИЦЪ.	
Возрожденіе. — Н. ГЕРВЕЛЯ	317
ПРЕШЕРНЪ.	
Розамунда. — М. ПЕТРОВСКАГО	—
Помянки юности. — М. ПЕТРОВСКАГО	319
ЦЕГНАРЪ.	
Пегамъ и Ламберггаръ. — М. ПЕТРОВСКАГО	320
ТОМАНЪ.	
Сава. — Н. ГЕРВЕЛЯ	324
КОСЕСКІЙ.	
Словенскій оратай. — Н. БЕРГА	—
ВИЛЬХАРЪ.	
Богомила. — Н. ГЕРВЕЛЯ	325
ЛЕВСТИКЪ.	
Дѣвушка и птица. — Н. БЕРГА	326
ПРАПРОТНИКЪ.	
Родинѣ. — Н. ГЕРВЕЛЯ	—
VII. ЧЕХІЯ.	
Чешская литература. — А. ГИЛЬФЕРДИНГА	327
ГУСЪ.	
Гимнъ. — Н. БЕРГА	338
ЛОМНИЦКІЙ.	
Мудрость. — Н. БЕРГА	339
ШНЕЙДЕРЪ.	
Лебедь. — Н. БЕРГА	340
СТАХЪ.	
Музъ. — Н. БЕРГА	341
Честь моя. — Н. БЕРГА	—
ПУХМАЙЕРЪ.	
Завистникъ и скупой. — Н. БЕРГА	342
НЕЪДЛЫЙ.	
Благодарный сынъ. — Н. БЕРГА	—
ПОЛАКЪ.	
Соловьиная пѣснь подъ вечеръ. — Н. БЕРГА	343

	СТР.		СТР.
ГАНКА.			
Краледворь. — Н. Берга	345	<i>Звѣзды восходятъ и заходятъ</i> . . . — Ө. Миллера	372
Фіалка. — Н. Берга	346	<i>Поздно лиа расцветаетъ</i> . . . — Ө. Миллера . .	—
Ожиданіе. — Н. Берга	—	РУБЕШЬ.	
Себѣ. — Н. Берга	—	Я чехъ. — Н. Берга	373
Цвѣты. — Н. Берга	347	ШТУЛЬЦЪ.	
Лаба. — Н. Берга	—	Изъ «Воспоминаній на пути жизни». — Ө. Мил-	
Очи. — Н. Берга	—	лера	375
КОЛЛАРЪ.			
Изъ поэмы «Дочь Славы»:		ФУРХЪ.	
1. Вступленіе. — Н. Берга	349	Эхо. — Н. Берга	376
2. Пѣснь I, сонеты 1—7. — Н. Берга . . .	350	БАРОНЪ ВИЛАНИ.	
3. Пѣснь II, сонеты 137—142. — Н. Берга	352	5-го мая 1821 года. — Н. Берга	—
4. Пѣснь III, сонеты 5, 7 и 110. — В. Бе-		эмигрантъ. — Н. Берга	377
недиктова	353	НЕБЕСКІЙ.	
ШАФАРИКЪ.			
Сонетъ. — Н. Берга	354	Великая книга. — Н. Берга	—
ПАЛАЦКІЙ.			
Гора Радость. — Н. Берга	355	Весна любви. — Н. Берга	—
ЧЕЛЯКОВСКІЙ.			
Великая панихида. — Н. Берга	357	Соната. — Н. Берга	378
Узникъ. — Н. Берга	—	РИГЕРЪ.	
Зима. — М. Петровскаго	—	Пѣснь кузнецовъ. — Н. Берга	379
Всему свое. — Н. Берга	358	ГАВЛИЧЕКЪ.	
Илья Волжанинъ. — Ө. Миллера	—	Тирольскія элегіи. — Н. Берга	380
ХМЪЛЕНСКІЙ.			
Пустынникъ. — Н. Берга	362	ПФЛЕГЕРЪ (МОРАВСКІЙ).	
ВИНАРИЦКІЙ.			
Умирающее дитя. — Н. Берга	363	Пѣсня. — Н. Берга	384
Молодой проводочникъ. — Н. Берга	364	VIII. СЛОВАЦКАЯ ЗЕМЛЯ.	
ВОЦЕЛЬ.			
Изъ поэмы «Мечъ и Чаша». — Н. Берга . . .	365	ГОЛЫЙ.	
КОУБЕКЪ.			
Изъ поэмы «Три Сестры». — Н. Берга	—	Голосъ Татры. — Н. Берга	389
ЛАНГЕРЪ.			
Чешскіе краковяки. — Н. Берга	366	Плохому стихотворцу. — Н. Берга	390
МАХА.			
Май. — Н. Берга	367	ХАЛУПКА.	
ЭРБЕНЪ.			
Водяной. — М. Петровскаго	368	Бей его. — А. Майкова	391
ТУПЫ (ЯБЛОНСКІЙ).			
Три поры. — М. Петровскаго	371	ШТУРЪ.	
<i>Сынъ мой, самообольщенъ</i> . . . — Н. Петровскаго	372	Пѣснь Святобая. — Н. Берга	394
<i>Много, сынъ мой, разныхъ книгъ</i> . . . — М. Петров-		Пѣснь овчара. — Н. Берга	—
скаго	—	ГУРБАНЪ.	
		Нитра. — Н. Берга	395
		Поважье. — Н. Берга	—
		БРАКСАТОРИСЪ (СЛАДКОВИЧЪ).	
		Тѣни Пушкина. — Н. Берга	396
		Эхо. — Н. Берга	—
		ЖЕЛЛО.	
		Изъ поэмы «Паденіе Миллидуха». — Н. Берга	397

IX. ПОЛЬША.		СТР.
Польская литература. — А. Будиловича.	398	
КОХАНОВСКИЙ.		
Не теряй надежды. — В. Бенедиктова	412	
Изъ «Бездѣлокъ». — Н. Берга	—	
ШИМОНОВИЧЪ.		
Жницы. — Н. Берга	413	
ТРЕМБЕЦКИЙ.		
Воздушный шаръ. — В. Бенедиктова.	416	
Изъ поэмы «Софевка». — В. Бенедиктова.	417	
НАРУШЕВИЧЪ.		
Изъ поэмы «Голось Мертвецовъ». — Н. Гервеля	418	
Совѣтъ звѣрей. — В. Бенедиктова	419	
КРАСИЦКИЙ.		
Къ Григорию. — В. Бенедиктова.	420	
ВЕНГЕРСКИЙ.		
Философъ. — В. Бенедиктова	421	
НѢМЦЕВИЧЪ.		
Лешекъ Бѣлый. — В. Бенедиктова	—	
Дума о Стефанѣ Потоцкомъ. — В. Бенедиктова	422	
БРОДЗИНСКИЙ.		
Заславъ. — В. Бенедиктова	424	
МАЛЬЧЕВСКИЙ.		
Изъ поэмы «Марія». — П. Козлова.	426	
ХОДЗЬКО.		
Молодецъ. — Л. Мея	—	
Пѣсня. — С. Дурова.	—	
МИЦКЕВИЧЪ.		
Воевода. — А. Пушкина.	429	
Будрысъ и его сыновья. — А. Пушкина	430	
Свитезянка. — Л. Мея	—	
Ренегатъ. — Л. Мея	432	
Крымскіе совѣты:		
1. Аккерманскія степи. — А. Майкова	433	
2. Морская тишь. — Н. С—ва	—	
3. Плаваніе. — Н. С—ва	—	
4. Буря. — Н. С—ва	434	
5. Видъ горъ изъ степей Козлова. — М. Лермонтова.	—	
6. Бахчисарайскій дворець. — Н. Гервеля.	—	
7. Бахчисарай ночью. — Н. Луговскаго.	—	
8. Могила Потоцкой. — Н. Берга.	435	
9. Могилы гарема. — Н. С—ва.	—	
10. Байдарская долина. — А. Майкова	—	
11. Алушта днемъ. — А. Майкова	—	
12. Алушта ночью. — Н. Луговскаго.	436	
13. Чатырдагъ. — Н. Луговскаго	—	
14. Пилигримъ. — И. Козлова	436	
15. Дорога надъ пропастью въ Чуэутъ-Кале. — Н. Берга	—	
16. Гора Кикинейскъ. — Н. Берга	437	
17. Развалины замка въ Балаклавѣ. — Н. Луговскаго.	—	
18. Аюдагъ. — С. Дурова.	—	
Разговоръ. — Н. Огарева.	—	
Сонъ. — Н. Берга.	438	
Въ альбомъ. — Н. Гервеля.	—	
Моя баловница. — Князя М. Голицына.	—	
Сонеты:		
1. Воспоминаніе. — Н. Луговскаго.	—	
2. Къ Лаурѣ. — Н. Берга.	—	
3. Какъ ты проста во всемъ... — Н. Берга.	439	
4. Свиданіе въ лѣсу. — А. Фета	—	
5. О милая моя... — Н. Берга	—	
6. Утро и вечеръ. — Н. Гервеля.	—	
7. Нѣманъ. — Н. Берга	440	
8. Благословеніе. — Н. Берга	—	
9. Прощанье. — Н. Берга	—	
Изъ поэмы «Конрадъ Валленродъ»:		
1. Вступленіе. — А. Пушкина	—	
2. Вилія. — Л. Мея	441	
3. Пѣснь Вайделота. — Н. Берга	—	
4. Альцухары. — Н. Гервеля	442	
Панъ Тадеушъ. — Н. Берга	444	
МАССАЛЬСКИЙ.		
Право, маленькъ скажу... — Н. Берга.	502	
ЗАЛЪСКИЙ.		
Ледяная. — Л. Мея.	—	
Двѣ смерти. — Л. Мея.	—	
Степь. — В. Бенедиктова	—	
Къ пѣвницѣ. — Е. Шаховой	504	
Люборъ. — П. Козлова.	—	
ОДЫНЕЦЪ.		
Дѣвушка и голубь. — Л. Мея.	505	
Парень и дѣвица. — Н. Берга.	506	
Слѣзы. — М. Петровскаго.	507	
ПОЛЬ.		
Украйна. — В. Бенедиктова.	508	
-ГОЛОВИНСКИЙ.		
Легенда. — В. Бенедиктова.	—	
СЛОВАЦКИЙ.		
Изъ поэмы «Янъ Бѣлецкій». — П. Козлова.	510	
Изъ поэмы «Монахъ». — П. Козлова:		
1. Исповѣдь	511	
2. Тѣнь Зары	512	
ГРАФЪ КРАСИНСКИЙ.		
Предъ разсвѣтомъ. — Н. Берга	516	
Отъ слѣзъ и крови мутны и черны	—	
хайлова.	517	

КРАШЕВСКИЙ.		СТР.	X. ЛУЖИЦЫ.		СТР.
Славянский поэтъ русскому. — М. Петровскаго	518	—	Лужицкая литература. — А. Будиловича . . .	529	—
Неустршимый. — В. Бенедиктова	—	—	ЗЕЙЛЕРЪ.	—	—
Пѣсни Маруси. — Н. Берга	519	—	Майское воскресное утро. — Н. Гербея . . .	531	—
ЖЕЛИГОВСКИЙ.	—	—	Моя родина. — Н. Гербея	532	—
Друзьямъ-славянамъ. — М. Петровскаго . . .	520	—	ВЕЛА	—	—
ЛЕНАРТОВИЧЪ.	—	—	Возвращеніе домой. — Н. Берга	—	—
Пѣсня. — П. Козлова	521	—	Полудница. — Н. Берга	—	—
Ласточка. — Н. Гербея	—	—	Ѣздокъ. — Н. Берга	533	—
КОНДРАТОВИЧЪ (СЫРОКОМЛЯ).	—	—	Незнакомецъ у могилы. — Н. Берга	—	—
Кукла. — А. С.	523	—	БУКЪ.	—	—
Прежде было лучше. — Л. Мья	524	—	Сербская липа. — Н. Гербея	—	—
Дума. — А. Плещеева	—	—	ПФУЛЬ.	—	—
Капрагъ Терезера и капитанъ Шерпетына. — Л. Мья	—	—	Возвращеніе на родину. — Н. Гербея	534	—
—	—	—	ГОРНИКЪ.	—	—
—	—	—	Сербамъ. — Н. Гербея	—	—

520

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 06831 1326

